
РУССКАЯ
РАСОВАЯ ТЕОРИЯ
ДО 1917 ГОДА

РУССКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ ДО 1917 ГОДА

в 2-х томах

Сборник оригинальных работ русских классиков

под редакцией В. Б. АВДЕЕВА

ТОМ I

( )

Владимир Борисович Авдеев

Выход фундаментального сборника «Русская расовая теория до 1917 г.» является выдающимся событием издательской и интеллектуальной жизни России начала XXI столетия.

В сборник вошли работы основателей отечественной антропологии, психофизиологии и неврологии — труды А. П. Богданова, В. А. Мошкова, И. А. Сикорского, И. И. Мечникова, С. С. Корсакова и др.

Издание затрагивает проблемы естественных различий между народами, которые в значительной мере предопределяют также и многие социально-политические процессы в современном мире. Сборник снабжен предисловием известного отечественного расолога Владимира Борисовича Авдеева.

Мало кто знает, что расовая теория в России была отнюдь не маргинальным явлением, она пропагандировалась с кафедр наиболее престижных учебных заведений. Научная деятельность в данной области патронировалась монаршей династией и лучшей частью государственно мыслящего дворянства, а также неоднократно благословлялась иерархами Русской Православной Церкви.

Современные исследователи монархии упорно обходят молчанием эту, одну из самых интересных и значительных сторон русской официальной духовной жизни дореволюционного периода. Данное фундаментальное издание и призвано восполнить этот пробел.

Том иллюстрирован многочисленными портретами русских ученых, фотографиями и уникальными гравюрами.

В некоторых статьях сборника частично сохранены особенности авторского правописания и формулировки отдельных терминов.

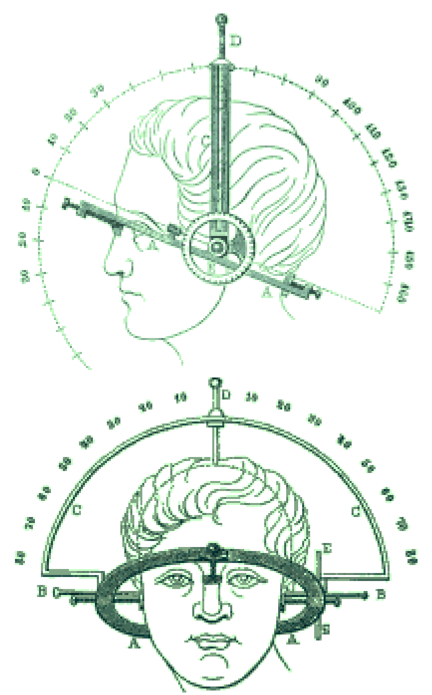
Проект издания вышеозначенной книги носит поистине уникальный характер, не имеющий аналогов в современной научной в публицистической литературе, так или иначе затрагивающей проблемы естественных различий между народами, которые в значительной мере предопределяют также и многие социально-политические процессы в современном мире.

Владимир Борисович Авдеев

Предисловие

«Щагайте через нас! Вперед! Прибавьте шагу!
Дай Бог вам добрый путь! Спешите! Дорог час.
Отчизны, милой нам, ко счастию, ко благу,
Щагайте через нас!»

В. Г. Бенедиктов «К новому поколению»

«Русская расовая теория» — уже в одном названии, кажется, заключен парадокс, граничащий с научной фантастикой. Не только в массовом общественном сознании, но даже в среде профессиональных философов, историков, биологов и психологов само понятие расовой теории стойко ассоциируется с европейской и американской культурами XIX–XX веков, и никак не проецируется на историю русской интеллектуальной жизни, ошибочно отождествляемую с бесплотными материями и абстрактными идеалами. Поколения

«красных профессоров» сотворили свое черное дело, создав сегодня в воображении даже весьма образованных людей представление о добольшевистской России как о некоем заповеднике благодушия, мечтательности и лени. Чеховская «чайка» да блоковская «незнакомка» в виде неких сверхчувственных мутантов призваны до сих пор парить в воображаемом мире под общим названием «Россия, которую мы потеряли».

Но логика безошибочно подсказывает, что если бы люди, сумевшие создать самую большую в мировой истории империю, действительно руководствовались в своих действиях интеллигентскими принципами и идеалами, почерпнутыми из модной салонной литературы, то они не сумели бы подчинить своей воле даже пядь земли. Сталкиваясь с десятками племен различных рас и самых экзотических вероисповеданий, находящихся не только на разных ступенях социально-политической, но и биологической эволюции, русские творцы империи неминуемо должны были иметь стройное и хорошо аргументированное учение, позволившее им собрать полиэтнический конгломерат в единое устойчивое целое, имя которому — Российская Империя. Усмиряя строптивых, пестуя усердных, воодушевляя безропотных русский завоеватель, купец и чиновник являли собой образцы дипломатичности, договариваясь одновременно с католиками, иудеями, буддистами, мусульманами и самоедами-язычниками, неся всюду славу и волю Великого Русского Царя. Одних только хитрости или предприимчивости было явно недостаточно, так же как и одних благих помыслов, ибо нужно было разбираться в антропологии и психологии новых подданных Его Императорского Величества, знать сильные и слабые стороны их национальных характеров. Играя, как на диковинном музыкальном инструменте, на душевных струнах туземцев, о существовании которых еще вчера и не слыхивал, русский «государев человек» умел добиться нужной гармонии в единой симфонии планомерного движения белой расы на юг и восток. Для такого небывалого в мировой истории явления недостаточно было одних только гениальных интуиций, нужна была собственная расовая теория, четко и доказательно определяющая место русских как расово-биологической общности среди подчиненных народов.

О расовой теории в дореволюционной России Вы не найдете сегодня никаких упоминаний, никаких серьезных работ, никаких ссылок на первоисточники. Всюду царит заговор академического молчания. Русская история, и особенно аспект сильных и позитивных

сторон духовной жизни нашего народа сегодня, как и во времена засилья коммунистической профессуры, является как бы «частной собственностью», право на пользование которой присвоено группой ангажированных лиц.

Во имя высших интересов русского народа в данной работе мы попытаемся сорвать завесу молчания и показать, что русская расовая теория — это не вымысел, но забытый гигантский пласт мудрости и опыта нашего народа, запечатленный в академических трудах гениальных русских ученых.

Под расовой теорией сегодня принято понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке гуманитарных и естественных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих. Все обилие фактов, накопленных антропологией, биологией, генетикой, психологией и смежными дисциплинами о врожденных расовых различиях народов, проецируется на сферу их духовной жизни. В основе каждого исторического явления расовая теория стремится выделить биологическую первопричину, его вызвавшую, то есть наследственные различия представителей различных рас. В свою очередь различия биологического строения ведут к различиям в поведении, а также к различиям в оценке явлений. Таким образом, расовая теория — это наука, изучающая биологические факторы мировой истории.

В основе расовой теории лежит понятие расы, которое было привнесено в европейскую науку в 1984 году французским этнографом и путешественником Франсуа Бернье. На протяжении двух столетий не было четкого и однозначного определения этого термина, ибо ученые смешивали сугубо биологические параметры с лингвистическими и этнографическими, из-за чего постоянно возникала путаница, а народы, имеющие одинаковый внешний облик и психические характеристики, записывались в различные расы на основе данных эмималогии или выводов сравнительной лингвистики. Нередко народы, не имеющие между собой ничего общего в плане физического строения, бывали отнесены к одной расе только на основе языковой общности. Эти противоречия и неточности в систематизации дорого обошлись адептам расовой теории, ибо скомпрометировали всю науку в целом. В результате отождествления понятий «народа» и «расы» возникли совершенно абсурдные понятия,

такие как «тевтонская раса», «германская раса», «славянская раса».

Иосиф Егорович Деникер
(1852–1918)

Первым исправил положение русский расолог французского происхождения, родившийся в Астрахани, Иосиф Егорович Деникер (1852–1918), когда в 1900 году издал книгу «Человеческие расы» на французском и русском языках. В ней он писал: «что касается классификации рас, то для нее принимаются в расчет одни только физические признаки. Путем антропологического анализа каждый из этнических групп мы попытаемся определить расы, входящие в ее состав. Затем, сравнивая расы друг с другом, будем соединять расы, обладающие наибольшим числом сходных признаков, и отделять их от рас, обнаруживающих наибольшие с ними различия».

Под расой Деникер четко понимал «соматологическую единицу», таким образом со всякой двусмысленностью в антропологии было покончено. Вся книга по сути посвящена разделению понятий этнографии и антропологии, которые автором определяются как дисциплины различного происхождения: первая — социологического, и вторая — биологического. Он писал: «Несколько лет тому назад я предложил классификацию человеческих рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвета кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

По сути Деникер первым встал на позиции жесткого и

последовательного биологического детерминизма в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он утверждал: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь его отношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

С тех пор все расовые классификации строятся по принципу классификации строятся по принципу классификации И. Е. Деникера. Кроме того, ему принадлежит и другой значительный вклад в развитие науки. Пионеры естествознания той эпохи были в меньшей степени политически ангажированными, чем сегодня, и они не боялись высказывать свои мнения о культурной ценности того или иного индивида, народа, расы. Историки, лингвисты и археологи, проанализировав культурное наследие различных цивилизаций, первыми обратили внимание на то, что всегда и везде представители светлопигментированных расовых типов являлись культуросозидающими. У истоков создания почти всех мировых культур стояли преимущественно голубоглазые блондины с длинной формой черепа или близкие к ним расовые типы. Также и в плане социальной организации общества высшие классы всегда и везде отличались более высоким процентом людей данного физического типа по сравнению с низшими классами. Эта расово-биологическая суть без труда обнаруживается при изучении фольклора, обычаев, законодательной практики и изобразительного искусства различных народов. Светлые расовые типы во всех древнейших обществах рассматривались как более благородные и, как следствие, более ценные по сравнению с темными. Именно представители гуманитарных наук в XIX веке первыми принялись в свете новых открытий обсуждать так называемую «арийскую проблему». Однако именно расологи внесли окончательную ясность. Обобщая весь накопленный опыт предыдущих исследователей, Деникер поставил точку в споре об арийцах, введя новый термин, принципиально не имеющий ничего общего с романтическими концепциями лингвистов: «Длинноголовую, очень рослую светловолосую расу можно назвать нордической, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76–79); кожа розовато-белая; лицо удлиненное, нос

выдающийся прямой».

Таким образом терминологическая путаница в расовой теории закончилась, термин «арийцы» плавно отошел в сферу культурологии, лингвистики и религиоведения: «Не может быть и речи об арийской расе, а позволительно говорить только о семье арийских языков и, пожалуй, о первобытной арийской цивилизации».

Данный термин, обозначающий конкретный расовый тип, прочно закрепился как в научных классификациях, так и в политической пропаганде. Идеал красивого героя с пронзительным волевым взглядом, канонизированный в Третьем Рейхе, был впервые научно обоснован русским расологом французского происхождения, родившимся в Астрахани. Причем даже ведущие специалисты Германии в этой области добросовестно упоминают «русского расолога Деникера», который первым ввел в употребление термин «нордический».

Расовая теория поначалу возникла благодаря усилиями лингвистов, историков, этнографов и философов задолго до фундаментальных открытий в области антропологии, биологии и психологии. Это действительно была «теория», еще весьма слабо подтвержденная данными естественных наук, но общее направление рассуждений расологов было, безусловно, верным.

Не абстрактные социально-экономические законы развития общества являются движущей силой истории, не эволюция, и тем более не культура. История создается в процессе борьбы за существование различных расовых типов, формирующих узнаваемые психологические портреты народов. С биологической точки зрения каждый народ — это соединение нескольких рас, и та раса которая в нем доминирует, создает физический и духовный портрет этого народа. Мало того, именно она устанавливает свойственный ей тип государственности и экономический уклад, вырабатывает религиозные, эстетические и этические каноны общества. Едва расовый баланс под воздействием внешних или внутренних причин изменяется в сторону другой расы, как это тотчас находит свое отражение во всех областях общественно-политической жизни народа. История — это отражение процесса борьбы различных расовых биотипов.

Именно так впервые изобразили историю основоположники расовой теории француз Жозеф Артюр де Гобино (1816–1882) и немец Густав Фридрих Клемм (1802–1867). Первый обессмертил свое имя в науке фундаментальным сочинением с характерным названием «Опыт

о неравенстве человеческих рас» (1853–1855), второй — в многотомном труде «Общая культурная история человечества» (1842–1852), где развил учение об «активных» и «пассивных» расах. Их имена сегодня известны, причем не только в среде специалистов. А вот имя создателя русской расовой теории, о котором пойдет речь ниже, забыто, что к сожалению, не является редкостью в истории науки.

Степан Васильевич Ешевский (1829–1865), родом из семьи помещиков Костромской губернии, обучался в Казанском и Московском Университетах. Отличаясь прилежанием в науках, обладая широким кругозором, он увлекся изучением истории, этнографии, археологии и в студенческие годы примкнул к кружку так называемых «западников», возглавляемых профессором Петром Николаевичем Кудрявцевым (1816–1858), что и предопределило систему оценок и приоритетов в его собственной научной деятельности. Будучи сугубо европейским человеком по образованию и менталитету, Ешевский, столкнувшись в Казани с азиатскими формами быта, очень рано начал задумываться о коренных различиях в психической организации тех или иных расовых типов, и решил обосновать биологические предпосылки возникновения культуры.

С блеском закончив Московский Университет в 1850 году, устроился преподавателем истории. Первые лекции и публикации срезу же сделали его популярным, а наглядность, доказательность и оригинальность изложения снискали ему массу поклонников. В 1859 году он направился в Европу для ознакомления с передовыми открытиями в интересовавших его областях науки. Объехав большую часть Германии, Италию, Швейцарию и Францию, он обрел прочные контакты с мировыми знаменитостями, среди которых был историк и лингвист Густав Фридрих Клемм.

Объединение научных взглядов русского и немецкого ученых на основе новейших по тем временам открытий в области археологии, этнографии и лингвистики оказалось весьма продуктивным, ибо по возвращении из заграницы С. В. Ешевский писал в одном из своих эссе: «Клемм говорит, что много обязан Русским в разъяснении многих, не совсем ясных для него вопросов германской древности, которые разрешились только путем сравнения». Немецкое влияние также не прошло для русского ученого бесследно, ибо по возвращении в Россию он начал готовить большой курс по всемирной истории на расовой основе в Московском Государственном Университете, где был избран на должность профессора.

Вводная часть курса была оформлена в виде отдельной работы под названием «О значении рас в истории», которая с точки зрения современной науки может считаться первым отечественным классическим произведением по расовой теории. В изящной философской преамбуле русский ученый рассматривает необходимость системного анализа истории, ибо каждый правящий режим в ту или иную эпоху в отдельно взятых странах стремился, по мысли Ешевского, переписать историю заново, чтобы через «приватизацию» прошлого скорректировать направление вектора своих идеологических притязаний на будущее. Таким образом настраивая читателя на постижение истории он подчеркивает: «Это вопрос естественноисторический, антропологический; но прежде и важнее всего вопрос исторический — вопрос о человеческих породах, о расах».

По существу Ешевский первым обосновал, ставшее впоследствии базовым, положение философии истории на расовой основе; подобное постигается подобным. Объективная история конкретного народа может быть оценена только человеком со сходной расово-биологической конституцией. В жилах исследуемого народа должна течь та же или близкая к ней кровь, что и в жилах историка об этом народе пишущего. Данное умозаключение — не вульгарно-биологический подход, а своего рода метафизика естествознания, ибо Ешевский указывал даже на возможность «связи между историей болезней и историей политического и нравственного развития народов».

Исследуя школу расологов-полигенистов, отрицавших в отличие от моногенистов видовое единство человеческого рода, к числу которых принадлежали Мортон, Нотт, Глиддон, Агассис он одобрительно пишет: «В Северной Америке во имя науки возможна необходимость делить род человеческий на породы, способные и неспособные к высшему развитию и цивилизации, на породы, призванные к жизни, и породы, обреченные на медленное, естественное вымирание; но была еще возможность существу высшей породы, царю если не всей природы, но по крайней мере животного царства, представителю белой расы, способной к бесконечному совершенствованию, с полным спокойствием совести употреблять, как машину, как рабочую силу, негра, в котором, по счастию, еще сохранилось посредствующее звено между собственно человеком и высшею породой обезьян. Там была возможность, уничтожая глубокий рубеж между человеком и животным, провести зато еще

резче границу человеком высшей расы и человеком низшей организации — существом еще переходным от мира собственно животного к миру несомненно человеческому в высшем его значении».

Вдумайтесь, уважаемый читатель, ведь эти речи звучали в полный голос с кафедры истории Московского государственного Университета из уст профессора еще в середине XIX века. И студенты, как завороженные слушавшие его, указывали, что устами Ешевского вещала сама истина, так силен был психологический эффект от его новаторских речей. Далее, по мере изложения, ученый углубляется в вопросы сравнительного языкознания, историю права, мифологию, исследует орудия первобытной материальной культуры, привлекая, как обычно, огромное количество авторитетнейших свидетельств зарубежных авторов, и делает следующий многозначительный вывод: «Разнообразные и разносторонние исследования показали, что человечество распадается на отдельные группы, отличающиеся одна от другой не одними внешними признаками, которые, разумеется, прежде всего и даже издавна бросались в глаза каждому, но и некоторыми особенностями в своей нравственной, духовной природе, особенностями характера, склада ума».

Далее он подробно излагает современные ему расовые классификации по группам различных признаков Блюменбаха, Причарда, Вирея, отмечая при этом, как образованный историк: «… мы не только замечаем более или менее резкое, бросающееся в глаза отличие физического типа у различных племен. Что племенной тип и племенной характер, каким бы путем они ни сложились, ни образовались, хранятся с замечательной упорностью — в этом нет ни малейшего сомнения, и история дает на это точно такой же утвердительный ответ, как и естествознание. Не говоря уже о таких резких противоположностях, какие представляют между собой негр и европеец, житель Китая и краснокожий туземец Северной Америки, финн и малаец, различие племенных типов довольно резко бросается в глаза даже между племенами, принадлежащими к одной группе, близкими одно к другому и по своей натуре и по местности».

Следуя этой логике и используя доказательную базу крупнейших расологов-полигенистов Агассиса и Мортона, Ешевский приходит к бескомпромиссному выводу, что расовые типы тождественны неизменным биологическим видам, возникшим в различных очагах расообразования: «Чем ближе знакомится исследователь с

различными племенами и чем более увеличивается количество этнологического материала, тем дробнее становится деление, и он доходит в своих выводах до предположения самостоятельного возникновения каждого племени, до предположения о сотворении рода человеческого по племенам».

Различные человеческие расы — это различные биологические виды людей, возникшие независимо друг от друга в разных частях света, в разное время и прошедшие самостоятельные пути эволюции. Следовательно некое «Единое» человечество — миф, вымысел, политическая абстракция.

Исходя из этого постулата, ставшего позднее классическим в расовой теории, Ешевский отмечает: «С особенной настойчивостью указывают полгенисты на неизменяемость племенного типа от влияния внешней природы. Изменение одних условий среды не переработает негра в человека белой расы и, наоборот, не сделает из европейца негра. Нужно ли указывать на еврейское племя, которое везде и всегда является со своими отличительными особенностями, не измененными тысячелетним его пребыванием среди чуждых ему народов, среди чуждого климата и под влиянием самых разнообразных условий внешней природы, под гнетом самых жестоких и неумолимых преследований. В евреях, встречающихся на лондонских улицах, с первого взгляда можно признать прямых потомков тех людей, изображение которых Вы только что рассматривали на гробнице египетского фараона, находящегося в Британском музее».

Далее Ешевский на основе богатого этнографического материала приходит к выводу о меньшей культурной, а следовательно и расово-биологической ценности метисов: «Соединения лиц, принадлежащих к различным породам, отличаются сравнительно меньшей плодовитостью, чем браки между лицами одного племени. Так и решают полгенисты, признавая каждую человеческую породу за местный продукт, за неизменный, постоянный вид, и отказывая помесям в живучести. К этому, следовательно, сводится весь вопрос».

Вывод в работе столь же однозначен и позволяет усомниться в принципиальности позиции автора Ешевский смотрит на историю единственно сквозь призму расовой теории: «Перед глазами историка выяснилось разнообразие племенных типов с их характеристическими особенностями, с их устойчивостью и стремлением сохранить в главных чертах свою основную физиономию. Многое в событиях человеческой истории объяснилось и объясняется особенностями

народного типа, делающими тот или другой народ способным или неспособным в известное время осуществить известную задачу. Бесчисленное разнообразие племенных особенностей не должно скрывать от сознания высших представителей человечества внутреннего единства, царящего над этим разнообразием, придающего ему смысл и значение, и дело народов высшей цивилизации — быть руководителями племен, находящихся еще на низшей степени развития, к той общей всем им цели, к которой идет человечество в его всемирно-историческом развитии».

Таким образом мы видим, что в данной работе С. В. Ешевским в ясной и конкретной форме впервые обозначены все базовые постулаты, характерные для классической расовой теории.

Анатолий Петрович Богданов
(1834–1896)

Следующим крупнейшим отечественным ученым, внесшим свой вклад в создание русской расовой теории, является Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Именно с его именем связывают возникновение в России академической антропологической школы. Его биография хорошо описана во множестве исследований по истории русского естествознания.

Мы же в свою очередь подчеркнем, что цель одного из главных сочинений А. П. Богданова «Антропологическая физиогномика» (М.,

1878) как раз и состояла в том, чтобы дать теоретическое научное обоснование понятию «характерные русские черты лица».

В начале автор очерчивает круг своих приоритетов: «Для современного антрополога-натуралиста изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в своей форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного древа, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин. Для своих целей антропологическая физиогномика ставит иногда на значительное место при своих заключениях такие признаки, кои не важны для физиономиста вообще, как например, цвет волос и глаз». Таким образом, по мнению основателя русской антропологической школы, антрополог известного уровня квалификации прежде всего являлся расологом, все остальное — дело подмастерьев из числа «физиологов и философов».

Столь же категоричен Богданов и в вопросах выбора методологии: «Изучая мопса или пуделя, для зоолога интересны не случайные разновидности его, происшедшие от тех или других внешних условий, а то более постоянное сочетание, которое одно дает ему возможность составить себе представление о мопсе или пуделе, как представителях естественных групп или рас. Он знает, что в генетических теориях признаки, не считаются, а взвешиваются по их значению; они классифицируются не по своей численности, но по своей ясности проявлений, по проявленности его. В данном случае зоологу в каждой особи важно то, что дает указание на влияние расы. То же мы имеем и в смешанных племенах человека; те же затруднения, те же цели встречаем мы при изучении их антропологических свойств».

Вторая часть монографии посвящена уже непосредственно антропологической физиогномике русского народа. А. П. Богданов утверждает: «Мы сплошь и рядом употребляем выражения: это чисто русская красота, это вылитый русак, типично русское лицо. Может быть, при приложении к частным случаям этих выражений и встретятся разногласия между наблюдателями, но, подмечая ряд подобных определений русской физиогномии, можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении русская физиогномия, русская красота. Это всего яснее выражается при отрицательных определениях, при встрече физиогномий тех из

родственных племен, кои исторически сложились иначе, например, инородцы, и при сравнении их с русскими. В таких случаях, нет, это не русская физиогномия звучит решительнее, говорится с большим убеждением и большей убежденностью. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного» существует довольно определенное понятие о русском типе, о русской физиогномии».

Как видите, классик русской антропологии за сто лет до возникновения антропоэстетики обосновал все ее основные положения. Уместно будет также процитировать в этой связи слова русского этнографа и историка Н. И. Надежина, сказанные им еще в 1837 году: «Физиогномия Российского народа, в основании Славянская, запечатлена естественным оттенком северной природы. Волосы русые, отчего в старину производили самое имя Руси».

Далее методами исторической этнографии Богданов доказывает, что колонизация Сибири в принципе не могла оказать на русский народ пагубного влияния. Расовое смешение не могло иметь места прежде всего по причине разницы пропорций этносов, приходивших в соприкосновение, а также из-за кардинального различия в их биологической стратегии выживания. С началом колонизации огромные массы расово-однородного русского населения хлынули на территории, заселенные разноплеменными аборигенами, не имевшими ни расовой, ни политической консолидации. Численный перевес, скоординированность действий, агрессивность отличали действия русских. Вырезая местное мужское население и овладевая туземными женщинами, русские колонизаторы, прокатываясь волна за волной по бескрайним просторам Евразии, неизбежно увеличивали процент нордической крови в местном населении от поколения к поколению, в точном соответствии с законами Менделя. Административная и судебная системы во вновь колонизируемых областях, сам характер хозяйственной деятельности, а также русская православная церковь многократно усиливали процесс русификации коренного населения, причем не столько в культурном отношении, сколько именно в антропологическом. Миф о «мирном освоении Сибири» — позднее изобретение коммунистической пропаганды. Перечень племен, исчезнувших с лица земли всего за двести-триста лет русской экспансии, весьма внушителен. Ни одно либерально-демократическое измышление не в силах изменить принципы борьбы за существование. Русские летописи, путевые заметки купцов, офицеров и просто «лихих людей» хранят свидетельства того, что отдельные племена добровольно отдавали молодых женщин

плодородного возраста, едва завидев белых завоевателей.

Влияя на чужую кровь, русские колонизаторы при этом берегли свою, так как их женщины и дети оставались в метрополии. Несколько веков такого «интернационального миролюбия» смыли почти все остатки расово-этнической самобытности автохтонов с гигантских территорий. «Государев человек», купец и православный священник великолепно дополняли друга друга, координируя действия военных отрядов, экономических факторий и церкви, что позволяло держать под контролем местное разрозненное население. Кстати, завоз водки и табака к монголоидным племенам Сибири, для коих они губительны, был санкционирован именно православным духовенством. Использование коренного населения, более слабого телосложения, на рудниках, копях и во время навигации на северных реках также подрывало его расовые силы в противостоянии с русскими. Кроме того, исконная русская мораль была цементирующим фактором, делавшим стремительную ассимиляцию населения Сибири необратимой. А. П. Богданов продолжает:

> *«Может быть, многие и женились на туземках и делались оседлыми, но большинство первобытных колонизаторов было не таково. Это был народ торговый, воинственный, промышленный, заботившийся зашибить копейку и затем устроить себя по своему, сообразно созданному себе, собственному идеалу благополучия. А этот идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какою-либо «поганью», как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ним вести дела, будет с ним ласков и дружелюбен, войдет с ним в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки, хотя романы часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камеями, но не наоборот».*

Наконец, Богданов делает и следующие весьма важные выводы относительно полоролевого участия в расовом смешении: «Женщина, сравнительно более высокого развития, более высокой расы, редко снизойдет до представителя расы, считаемой ею за ниже стоящую.

Помеси европеек с неграми крайне редки и принадлежат к случайным, можно сказать эксцентричным явлениям, но негритянки и мулатки падки до европейцев».

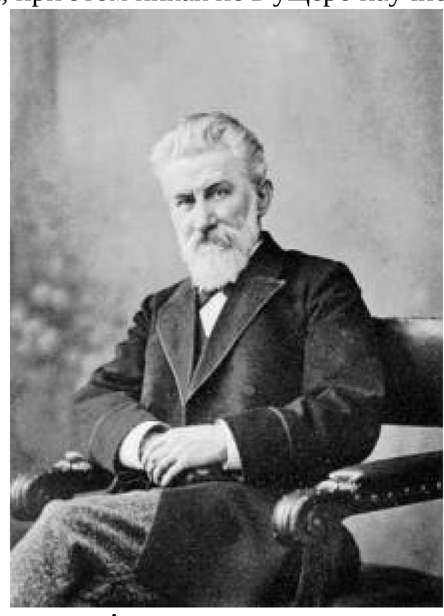
Чем «ниже» раса, тем распущеннее ее женщины, что подтверждается и современными данными эволюционной теории пола и биологии поведения. Они просто воруют таким образом у «высших» рас гены высшего качества. Чувство собственного достоинства в сфере секса — это индикатор биологической самоценности. Русский этнограф граф А. С. Уваров в этой связи, основываясь на личных впечатлениях, например, крайне негативно высказывался о слабости нравов мордовских женщин.

Выдающаяся заслуга А. П. Богданова состоит также и в том, что он первым еще в 1867 году составил «Антропологический альбом русского народа», демонстрировавшийся на международных выставках. Таким образом, за много лет до современного бурного развития антропоэстетики русский ученый обосновал не только ее теоретическую часть, но и приступил к систематизации практического материала, именно с целью выявления «типично русских лиц», в связи с чем лингвистическому анализу на антропологической основе им были подвергнуты и русские народные песни. Русский расовый идеал красоты, как и следовало ожидать, не заставил себя долго искать. «Молодая, разумная, без белил лицо, белое, без румян щеки алые», — поется о русской девушке или: «Тонка, высока, тонешенька, белешенька». О русском молодце: «Приглядывали красны девицы за румяным молодцем. Русы кудри по плечам лежат, брови черные, что у соболя».

Подобным художественным описаниям из русского фольклора нет числа, что лишний раз говорит в пользу объективности выводимых понятий «русской красоты». Следует отметить, что англичанин Фрэнсис Гальтон — основоположник евгеники, предложил создавать обобщенные карты красоты по географическим местностям только в 1883 году, а немецкая антропоэстетическая программа возникла только в 1926 году.

Еще раз подчеркнем, что ясность постановки задачи и доступность изложения в работах русской дореволюционной антропологии сочеталась с высокой гражданской позицией, чего мы почти не наблюдаем в современной науке, стыдливо прикрывающейся лозунгами усредненного гуманизма, конвертируемого произвольно. Дореволюционная русская антропологическая школа, так же как и иные европейские, была глубоко патриотичной и расово-

ориентированной, при этом никак не в ущерб научной объективности.

Дмитрий Николаевич Анучин
(1843–1923)

Следующей крупнейшей величиной, перед которой русская наука находится в неоплатном долгу, является по общему признанию Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923).

Уроженец Вятской губернии, из простой крестьянской семьи, он добился высот международной известности благодаря природному таланту и работоспособности. Его научный дебют состоялся в 1874 году, когда в трех номерах сборника «Природа» была опубликована большая теоретическая работа «Антропоморфные обезьяны и низшие человеческие расы». В ней, основываясь на обширном археологическом и антропологическом материале, он доказывал, что представители, так называемых, «низших» рас в своем строении и психической организации имеют больше сходных черт с обезьянами, чем представители «высших» рас. Д. Н. Анучин выдвинул предположение, что легенды многих народов земли, выводящих свои родословные от различных животных, являются не вымыслом, а имеют под собой реальную почву — факт древнейшего скотоложеского соития представителей этих племен с животными. В этой связи Д. Н. Анучин писал: «…можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным

распространением как среди полудиких народов, так и среди культурных, с тою лишь разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам, или же отдельным фамилиям». Данная антропологическая трактовка этнографических преданий быстро нашла своих последователей из академической среды не только в России, но и за ее пределами. В 1876 году Д. Н. Анучин публикует сразу несколько фундаментальных работ: «Этнографические очерки Балканского полуострова», «Этнографические очерки Сибири. Русско-сибирская народность», «Как люди себя украшают и уродуют». К этому же раннему периоду его творчества принадлежат исследования о так называемых «дивьих людях», предвосхищающие современные изыскания о снежном человеке.

Молодая русская антропология была на подъеме, что вызвало желание крупного российского фабриканта и владельца железных дорог К. Ф. фон Мекка вложить 25000 рублей на учреждение первой в России кафедры антропологии. 8 октября 1876 года Министерство народного просвещения разрешило учредить эту кафедру при физико-математическом факультете Московского Университета. Впоследствие она длительное время содержалась на проценты от капитала мецената фон Мекка. В 1878 году Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии получило приглашение принять участие в антропологической секции Парижской всемирной выставки. Вскоре А. П. Богданов объявил, что русская антропологическая коллекция полностью соответствует требованиям, предъявляемым дирекцией выставки. В Париже Д. Н. Анучин подал заявку председателю антропологического отдела выставки академику Арману де Катрфажу (1810–1892) о необходимости выделения России для демонстрации ее коллекции отдельного павильона площадью не менее чем в 280 квадратных метров, что вызвало сенсацию во всем научном мире. Ни одна другая делегация не имела подобных запросов. Несмотря на это, А. де Катрфаж заверил Д. Н. Анучина, что экспозиции России будет предоставлено на выставке столько места, сколько пожелают ее представители, причем даже в ущерб другим странам.

Русская антропологическая секция, представленная на Парижской всемирной выставке в 1878 году, состояла из следующих разделов, предусмотренных программой: общая антропология и краниология (бюсты, маски, портреты племен, образцы волос, скелеты, черепа, слепки мозгов); доисторическая археология (модели доисторических

монументов, жилищ, могил, каменные, костяные и бронзовые орудия); этнография Европы (этнографические карты, статуэтки, фотографии и рисунки расовых типов населения в национальных костюмах, бытовые сцены); медицинская география (расовые и этнические вариации болезней, миграция эпидемий); преподавание антропологии (приборы для расовых измерений, наглядные пособия, план организации антропологических музеев, лабораторий, курсов, программы и научные сочинения по всем разделам антропологии, включая и расовую проблему).

Огромным успехом на выставке пользовалась экспозиция из бюстов, манекенов и масок всех расовых типов народов, населяющих Российскую Империю. Ничего подобного по широте охвата и достоверности не было представлено ни одной другой страной. Глава французской антропологической школы профессор Поль Брока (1824–1880) официально заявил, что «русский и французский методы расовых измерений вполне удобосравниваемы и могут взаимно дополнять друг друга». Французское правительство присудило Д. Н. Анучину почетный знак Академии наук и степень oficer d'Academie.

Во время проведения выставки в Париже состоялся Антропологический конгресс, который проходил в залах дворца Тронадеро. А. П. Богданов был избран вице-президентом конгресса, а Д. Н. Анучин вошел в состав совета. Результат, полученный от участия представителей молодой русской антропологической школы на выставке и конгрессе превзошел все ожидания. Д. Н. Анучин сразу же по окончании конгресса был приглашен на юг Франции для участия в раскопках курганов, гротов и дольменов, а следующий Антропологический конгресс 1879 года было решено провести в Москве.

В 1880 году Дмитрий Николаевич Анучин защитил докторскую диссертацию на тему «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам». В 1885 году в Московском Университете он начал читать курс лекций по антропогеографии, исследуя «распределение человеческих рас по земному шару», а в 1889 основал журнал «Этнографическое обозрение» с целью, как он сам указывал, «сведения воедино разбросанных сведений о различных инородцах и частях русского населения». В 1898 году под редакцией Дмитрия Николаевича вышло в свет руководство по доисторической археологии профессора чешского университета в Праге Любора Нидерле «Человечество в

доисторические времена». В предисловии Д. Н. Анучин подчеркнул, что «все более становится очевидной культурная связь Запада с Востоком и многообразное влияние последнего на рост и развитие культурных элементов Западной Европы». В 1899 году он прочел специальный доклад под названием «Африканский элемент в природе Пушкина», а в 1900 принял деятельное участие в создании «Русского антропологического журнала», который сыграл важную роль в становлении науки о расах не только в России, но и во всем мире.

Будучи по природе своей страстным пропагандистом и неустанным организатором науки, в 1902 году выступил на VIII съезде Общества русских врачей с докладом «О задачах и методах антропологии». Уже на склоне лет, в 1922, он опубликовал большую работу по эволюционной теории «О происхождении человека».

Научное наследие Дмитрия Николаевича Анучина огромно, он внес заметный вклад в развитие не только антропологии, но и географии, климатологии, ботаники, зоологии. Его творческий путь широко отражен в ряде посвященных ему монографий. Нас же, в контексте становления самобытной русской расовой теории, больше всего будет интересовать его докторская диссертация «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» (М., 1880).

Эта работа по праву до сих пор считается шедевром краниологии — науки, изучающей расовые различия в строении черепа людей. Основываясь на богатейшем международном опыте, а также на результатах собственных практических наблюдений, он создал интереснейшее научное исследование с глубочайшими, далеко идущими обобщениями, правоту которых мы без особого труда можем наблюдать и по сей день.

Изложение своей концепции Д. Н. Анучин начинает с птериона — небольшого участка поверхности черепа, на каждой из боковых сторон которого, в височной ямке, сходятся четыре кости: лобная, теменная, височная и основная. Следует оговориться, что мы не будем вдаваться в детали краниологического анализа, всецело доверяя авторитету маститого ученого, и поэтому считаем вполне уместным ограничиться выводами, сделанными в этом обстоятельном сочинении. Участок птериона является хорошим расово-диагностическим маркером, ибо различные виды его аномалий в частотном отношении у больших человеческих рас имеют 4–8 кратную разницу. Столь существенные различия наглядно показывают, что представители основных человеческих рас крайне

несходны по темпам динамического роста соответствующих участков черепа, а также и самого головного мозга, ибо еще классической школой антропологии Иоганна Фридриха Блюменбаха (1752–1840) было выявлено, что именно развитие мозга задает формирование черепа человека, но никак не наоборот. Один из ее представителей Сэмюэль Томас Зоммеринг (1755–1830) писал: «Надо полагать, что природа формирует черепные кости так, чтобы они могли приспособиться к мозгу, но не наоборот».

В частности, лобная и височная кости покрывают именно те участки мозга, что ответственны за высшие психические функции и абстрактное мышление. Но именно у представителей так называемых «низших» рас их развитие завершается быстрее, чем у представителей «высших» рас, что находит соответствующее отражение в преждевременном срастании этих костей. Частота тех или иных аномалий птериона, по Анучину, находится в прямом соответствии с интеллигентностью расы как таковой. Ускоренная программа развития этих фрагментов мозга у «низших» рас позволяет соответствующим костям черепа быстрее зарасти, что и находит отражение в их культурной отсталости.

Из всех остальных аномалий черепа, каковых насчитывается значительное количество, наиболее показательным в плане социальной антропологии является метопизм. Под метопизмом понимают шов, образовавшийся на месте соединения дух половин лобной кости. Этот лобный шов зарастает у большинства новорожденных младенцев, но у некоторых индивидов сохраняется на всю жизнь. Вот именно эта-то аномалия черепа и является прекрасным расово-диагностическим и, как следствие, социокультурным маркером. Именно лобные доли мозга, отвечающие за высшие проявления человеческой психики и интеллекта, у некоторых индивидов в процессе начальной фазы роста оказывают повышенное давление на соответствующие отделы лобной кости, раздвигая их, что, в свою очередь, и вызывает появление лобного шва под названием метопизм. Многие современные либерально настроенные антропологи тщетно пытаются затемнить ситуацию в этом достаточно ясном вопросе, ибо развитие фрагментов черепа протекает в соответствии с законами такой точной инженерной дисциплины, как сопротивление материалов. И никакие гуманистические спекуляции не смогут стереть физическую границу, разделяющую «низшие» и «высшие» расы. По наблюдениям Анучина, метопические, то есть с лобным швом, черепа имеют вместимость на

3–5 % большую, по сравнению с обыкновенными. Далее, анализируя частоту возникновения метопизма у разных рас и народов, он делает такой вывод: «Таблица результатов наблюдений показывает, что у европейцев лобный шов встречается много чаще, чем у других рас. В то время, как для различных серий европейских черепов процент метопизма найден варьирующим от 16 до 5, серии черепов низших рас в большинстве случаев имеют только 3,5–0,6 процентов. Известное соотношение существует, по-видимому, между наклонностью к метопизму и интеллигентностью расы. Мы видим, например, что во многих расах более интеллигентные племена представляют больший процент метопических швов. У высших представителей монгольской и белой рас он выражается цифрой, по крайней мере в 8–9 раз большею, чем у австралийцев и негров».

Эти заявления одного из мэтров русской антропологии никак не могут быть отнесены к категории расистских, ибо Институт Антропологии Академии наук Российской Федерации сегодня гордо носит имя Дмитрия Николаевича Анучина, а вышецитированная работа является его докторской диссертацией.

Таким образом в антропологии возникла целая самостоятельная теория эксцентрического давления мозга, призванная объяснить сам факт неравномерности распределения метопического шва у различных рас, на основе их неодинаковой природной интеллектуальной одаренности. Сторонники этой концепции считают, что причиной метопизма является усиленное давление мозговых полушарий на стенки черепа, в особенности на лобную кость, что и создает в результате препятствие для своевременного зарастания лобного шва. На основе статистических данных было сделано обобщение, согласно которому индивиды с сохранившимся лобным швом обладают большей массой мозга, причем это увеличение является не только абсолютным, но и относительным, то есть не связанным с увеличением размеров тела. Сохранение лобного шва, в свою очередь, проявлялось в более высоком уровне психических и интеллектуальных способностей данных индивидов. Давление растущего мозга, генетическая программа которого рассчитана на длительный рост, приводит к образованию лобного шва, называемого метопизмом. Мозг, развивающийся по укороченной программе, дает гораздо меньшую вероятность его возникновения. Именно по этому признаку расы и можно подразделить на «высшие» и «низшие».

Один из классиков немецкой антропологии Рудольф Вирхов (1821–1902) высоко оценил открытие, сделанное Анучиным, и

широко его пропагандировал. По его инициативе Немецкое антропологическое общество проделало огромную работу по изучению территориального распределения аномалий швов черепа у европейского населения, в результате чего и была создана знаменитая «Карта распространения метопизма в Европе». Шведский антрополог, профессор Стокгольмского университета Вильгельм Лехе (1850–1927), определил наличие высокого процента метопического шва у «высших» рас как «критерий умственного превосходства». Позднее, когда уже в Третьем Рейхе была создана антропометрическая система дифференциации «высших» и «низших» рас, то в основе ее были заложены выводы из докторской диссертации Дмитрия Николаевича Анучина.

Александр Людвигович Рава

Митрофан Алексеевич Попов

Владимир Алексеевич Бец

Проблемой скорости направления зарастания черепных швов в контексте расовой диагностики активно занимались такие крупные отечественные антропологи как Владимир Алексеевич Бец, Митрофан Алексеевич Попов, Александр Людвигович Рава.

Основоположник русской антропологии Анатолий Петрович Богданов еще в 1865 году отмечал: «Известно, например, что у негров окостенение и спайка швов черепа происходит гораздо раньше, чем у белых; что у последних спайка всего чаще начинается швами задней доли черепа, тогда как у негров обыкновенно она проявляется прежде всего на передних швах и потом уже переходит на задние. Важность этих признаков, имеющих следствием более раннюю или позднюю остановку роста той или другой частой мозга, очевидна для каждого, в особенности если принять в соображение, что человек составляет единственный пример в ряду существ, у которых мозг продолжает расти и после юности. Если время и порядок последовательности окостенения швов черепа изменяются по расам, то становится весьма вероятным, что изучение окостенения реберных или грудных хрящей, хрящей гортани, позвоночника и даже таза, даст этнические различия».

Профессор Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919)

Профессор Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919) в своей монографии «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904) аналогично утверждал: «Черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах. Вместимость черепа и вес мозга черных меньше, чем в других расах, и соответственно тому духовные способности развиты меньше. Негры никогда не оставляли большого государства и не играли руководящей или выдающейся роли в истории, хотя были в отдаленные времена гораздо больше распространены численно и территориально, чем впоследствии. Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить слабое сокращение верхней орбитальной мышцы, и даже эта мышца у негров анатомически развита значительно слабее, чем у белых, между тем она является истинным отличием человека от животных, составляя специальную человеческую мышцу».

Русский исследователь В. А. Мошков, работавший в области расологии, в книге «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907) писал: «По своим душевным способностям негритенок не уступает белому ребенку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. Но как только

наступает роковой период возмужалости, то вместе со сращением черепных швов и выступанием вперед челюстей у них наблюдается тот же процесс, как у обезьян: индивидуум становится неспособен к развитию. Критический период, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого, именно за это говорит более ранее срастание швов черепа у негра».

В общественной жизни мы наблюдаем подтверждение следующего правила: чем «ниже» с эволюционной точки зрения социальная или расовая группа, тем быстрее происходит сращение швов на черепе у ее представителей и тем быстрее прекращается у них запрограммированное развитие мозга, что является одной из основных причин их антисоциального поведения при попадании в лоно распространения другой, более «высокой» расы.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ВОПРОСУ

О ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ И ПОРЯДКѢ ЗАКРЫТІЯ

ЧЕРЕПНЫХЪ ШВОВЪ

У ИНОРОДЦЕВЪ РОССІИ.

Д-ра мед. **А. М. ФОРТУНАТОВА.**

(Съ 10-ю графическими таблицами.)

Читано въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 18-го Октября 1888 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ LX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМПЕР. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1889.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.**, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 90 коп.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

1900 г., № 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. [illegible]
1900.

Пронаблюдав, как проявляются антропологические данные в области социологии можно обнаружить, как различия в физическом строении рас сказываются и на судьбе государств. Книга русского ученого А. М. Фортунатова «Материалы к вопросу о последовательности и порядке закрытия черепных швов у инородцев России» (С.-Петербург, 1889) служит тому прекрасным свидетельством. В ней автор пишет: «Вес мозга у высших рас увеличивается за 40 лет, за тем остается почти без изменений до 50 лет и потом начинает уменьшаться. Чем сильнее функционирует мозг, тем позже наступает зарастание швов на черепе. У различных рас эти черепные швы зарастают неодновременно. Эту неодновременность следует ставить в связь со способностью к развитию мозга и

сложностью швов. В низших расах, наименее способных к совершенствованию, швы менее сложны и очень рано сглаживаются; иногда они исчезают более или менее вполне от 30 до 40 лет. У рас более совершенных они сохраняются далее и сглаживаются гораздо позднее». По наблюдениям автора, у великорусов зарастание швов черепа начинается в 40 лет и более. Помимо времени зарастания швов важнейшим показателем общего развития расы является и порядок закрытия черепных швов, что и явствует из самого заглавия книги Фортунатова, в которой он писал: «У белого племени швы начинают зарастать с заднего отдела, тогда как у негра они закрываются сначала в передней части, то же самое наблюдается у идиотов, принадлежащих к белой расе. На черепах инородцев России закрытие швов идет и в том, и в другом направлении: и спереди назад (в 2/3 случаев) и сзади наперед (в 1/3 случаев)».

На основе всего вышеизложенного совсем не трудно сделать вывод, почему «многонациональная», как нам об этом ежедневно вещают демократические обществоведы, Россия все же основана именно русскими, а не каким-либо другим племенем. Российская Империя, так же как до этого Великая Русь, основана великорусским племенем, у которого в силу его наследственно обусловленных расовых признаков сам процесс и очередность зарастания черепных швов происходит по модели свойственной «высшей» расе, в то время как у «инородцев России» преобладает модель, позволяющая отнести их преимущественно к «низшим» расам.

Этот антропологический принцип мы без труда можем обнаружить в истории любой великой империи и любой великой цивилизации. «Высшие» расы создают — «низшие» уничтожают. Судьба народов, принадлежащих к данным базовым расовым типам, обусловлена самим наследственным принципом развития их мозга и не поддается никакому культурно-просветительскому вмешательству извне. Мировая история является по сути химической реторной, осуществляющей возгонку «высших» элементов и осаждение «низших».

Со времен распада Советского Союза было выдвинуто множество самых разнообразных версий этого эпохального исторического события. Мы вовсе не намерены ни с кем полемизировать. С точки зрения вышеизложенных фактов все выглядит достаточно тривиально. Государственно-политическое образование СССР — преемник Российской империи — распалось именно тогда, когда численность государствообразующего народа — русских — упала до половины

общей численности народонаселения. В ближайшее время подобная участь ожидает США, где белое государствообразующее большинство скоро также окажется в меньшинстве. Принадлежность к государствообразующей нации — понятие не социокультурное и не мистическое, а расово-биологическое, измеряемое по множеству параметров, но более всего проявляемое в весе, сложности устройства и эволюционной ценности мозга ее представителей.

Государь Император Александр II

Великий Князь Константин Николаевич

Митрополит Московский и Коломенский Макарий

Сила и оригинальность молодой русской расовой науки были признаны всем мировым академическим сообществом, а нестандартность применяемых отечественными учеными методик, в совокупности с обилием доказательного этнографического материала

со всех концов необъятной Российской империи, произвели буквально гипнотическое воздействие на коллег из-за рубежа. Эффект от участия русской антропологической делегации на Международной выставке в Париже в 1878 году был грандиозным: возникла мода на русскую расовую теорию, имена русских ученых были у всех на слуху. Образовалось и оформилось движение за проведение крупного международного форума антропологов в Москве. Многие научные и общественные организации, поддержанные также правительством, в лице самого Государя Императора Александра II, и Русской Православной Церковью предприняли усилия, направленные на достойное проведение этого форума.

Все антропологические общества Европы заранее получили официальные приглашения к участию в Антропологической выставке в Москве, которая была проведена с 3-го апреля по 31 августа 1879 года в помещении огромного Манежного комплекса у Красной площади.

Фасад павильона антропологической выставки в Манежном комплексе в Москве. 1879 г.

Председателем выставки был избран А. П. Богданов. Ее почетным председателем был Его Императорское Высочество Великий князь Константин Николаевич. В организации выставки принимал участие его сын — Великий князь Константин Константинович, московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков и президент Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии Г. Е. Щуровский. На выставке, помимо общей экспозиции были представлены экспонаты из частных коллекций, в том числе и из собрания цесаревича Александра — будущего Императора Александра III. Выставку посетили и благословили Его Высокопреосвященство Макарий, Митрополит Московский и

Коломенский, а также Высокопреосвященный Анфим, Митрополит Болгарский. Митрополит Макарий внимательно изучил многочисленные стенды с расовоизмерительными приборами и черепами, после чего официально заявил, что расовые измерения инородцев, населяющих Российскую империю, являются богоугодным делом.

Размах и наглядность экспозиции сразу же поражали посетителей выставки. Все гигантское помещение Манежного комплекса было превращено в своего рода расово-антропологический театр. Диковинные растения, минералы, гроты, фрагменты скал, старинные погребения со скелетами и утварью, будто декорации, должны были создать у зрителей иллюзию проникновения в глубь времен человеческой истории. А на фоне гигантских чучел мамонтов и динозавров, возле пещер мирно разгуливали многочисленные «инородцы» в национальной одежде и разыгрывали сцены из бытовой жизни. Были представлены лопари, вогулы, самоеды, московские цыгане, татары, афганцы, австралийцы и различные метисы, а также волосатые люди, татуированные человек и готтентотская венера. Ошарашенные всем этим натуралистическим разнообразием посетители могли перевести дух и обменяться впечатлениями в ресторане под звуки оркестра, расположившегося на фоне старинного дольмена. Центральную часть экспозиции составляли библиотека, зарубежные этнографические коллекции и отдел расово-антропологической фотографии со специальным стендом «История русского типа».

Самоеды и другие Сибирские инородцы

Австралийцы

Лопари

Задолго до проведения выставки всем светилам мировой антропологии рассылались предложения с просьбой назвать инородцев, каких бы они хотели увидеть живьем и собственноручно обмерить. Неутомимый Рудольф Вирхов изъявил желание лицезреть вогулов, каковые и были выписаны целым семействам из под Архангельска благодаря усилиям тамошнего губернатора. По прибытии в Москву, как и иных инородцев, их разместили для проживания в столичном зоосаде.

Все эти факты вовсе не нужно истолковывать, как своего род глумление над малоразвитыми племенами и попрание прав личности. Напротив на выставке царила атмосфера либерализма И общедоступности всех видов антропологической информации, в том числе и на ее устроителей и многочисленных гостей. Так в ходе выставки можно было приобрести издания, содержащие сведения о научных заслугах маститых антропологов, а также данные об их расовом типе. Например, в конце биографии Габриэля де Мортилье

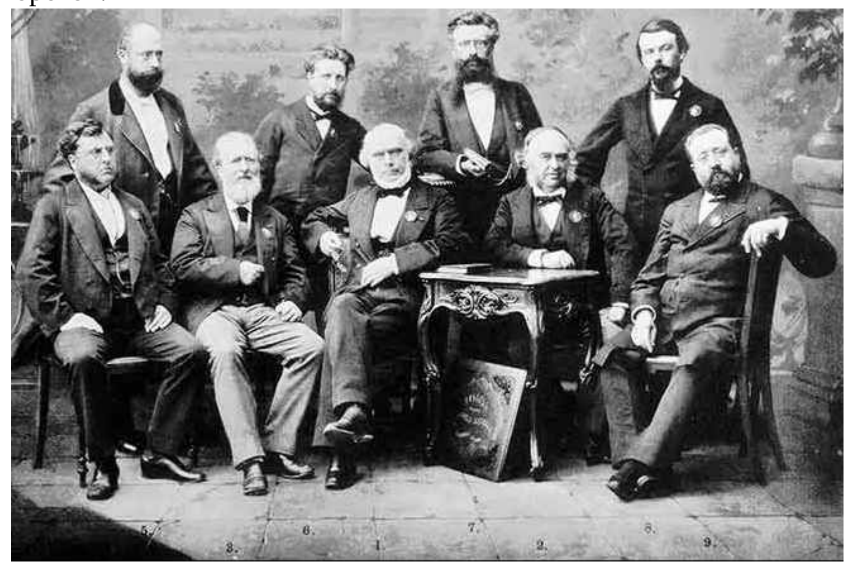
значилось: «Брахицефал, его головной указатель — 82,9; продольный диаметр 194 мм.; широтный — 161 мм.». Расовый диагноз на Поля Топинара вообще заканчивался такой красноречивой сентенцией: «С антропологической точки зрения Топинар брахицефал, волоса и глаза коричневые, рост 1 м. 65 см., нос выдающийся, тип смешанный, может быть, итальяно-лигурийский».

Так что, как видите, многочисленные инородцы, позировавшие на стендах выставки в качестве живых наглядных пособий, доказывающих самим своим существованием те или иные постулаты расовой теории, были уравнены в правах с авторами этих концепций. А стороннему наблюдателю было предоставлено право спокойно и обстоятельно во всем разобраться самому.

Всего выставку за пять месяцев ее работы посетили свыше 80.000 человек. С 27-го июля по 2-ое августа в рамках выставки состоялся Международный Антропологический конгресс, в работе которого приняли участие ведущие ученые из Франции, Германии, Австрии, Швеции, Италии, Англии, Дании, Голландии, Испании. Наиболее представительной оказалась французская делегация в лице таких именитых ученых, как Арман де Катрфаж, Поль Брока, Поль Топинар, Гюстав Лебон, Габриэль де Мортилье, Карл Евгений Уйфальви.

Многие торжественные заседания проходили в знаменитом московском ресторане «Славянский базар». Во время открытия конгресса глава французской делегации профессор Арман де Катрфаж, избранный его президентом, провозгласил следующий тост: «Дамы и господа» На всех собраниях, подобных нашему, везде существует правило, одинаково уважаемое как монархистами, так и республиканцами, чтобы первый тост был провозглашаем Президентом собрания за Главу государства. В качестве президента сегодняшнего заседания я имею честь предложить Вам тост за его Величество Императора Александра Второго. Наш съезд много обязан Ему, и Он имеет право на нашу глубокую благодарность. Общество Любителей Естествознания встретило много затруднений при организации выставки, не имевшей себе ничего подобного прежде в России. Оно действовало как частное учреждение и имело дело с рядом фактов и идей, которых опасаются еще многие. Если эти затруднения были устранены, если Общество получило возможность устроить свою выставку, иметь и помещение, и средства, то оно прежде всего обязано этим Высокому Покровительству Государя Императора. Господа! Государь, покровительствующий частной инициативе, сочувственно отзывающийся на такие предприятия,

перед которыми отступают еще даже некоторые передовые умы, имеет несомненное право на глубокую благодарность от всех людей науки и прогресса. За здравие Его Величества Императора Александра Второго».

Гости Московской международной антропологической выставки.

1 — де Катрфаж, 2 — Брока, 3 — де Мортилье, 4 — Топинар, 5 — Уйфальви, 6 — Щантр, 7 — Лебон, 8 — Гами, 9 — Мажито

Профессор Поль Брока провозгласил второй тост за Почетного Председателя выставки Его Императорское Высочество Великого князя Константина Николаевича. Профессор Габриэль де Мортилье провозгласил третий тост за господина Министра Народного Просвещения графа Д. А. Толстого.

В ходе Конгресса было прочитано множество докладов, многие из которых представляют непреходящий научный интерес, ввиду ясности анализа фактического материала. Также было установлено тождество целей русской и европейских национальных расово-антропологических школ, поэтому в своем заключительном выступлении профессор Поль Топинар еще раз много поблагодарил августейших особ за поддержку науки и заявил: «К счастью, дамы и господа, Франция и Россия идут одним путем в краниологии, и здесь я вижу перед собой только людей, сочувствующих моему предложению: несогласные отсутствуют на нашем съезде». Его поддержал и Габриэль де Мортилье: «Благодаря ученым силам Москвы Россия отлично представлена на нашем конгрессе и оказала

существенную услугу нашей науке».

По окончании Конгресса 5 августа 1879 года, в воскресенье, с предварительного разрешения и благословения Его Высокопреосвященства Митрополита Макария русские и иностранные ученые посетили Троице-Сергиеву Лавру. На торжественном обеде, устроенном по случаю приезда делегатов Антропологического конгресса, хор монахов пел «Многолетие Государю Императору», а Арман де Катрфаж провозгласил следующий тост: «Народ, который живет патриотизмом и религией, может творить чудеса. Предлагаю тост за русское духовенство, которое упрочивает эти высокие чувства в русском народе».

Обо всем этом сегодня вы не сумеете почерпнуть информацию ни в официальных публикациях по истории русской антропологии, ни в многочисленных современных панегирических книгах о русском самодержавии, ни в новейших толкованиях православия дореволюционного периода. Это эпохальное событие, полное расово-идеологического смысла, оказалось умышленно выведенным за рамки не только русской, но и мировой истории.

Но сегодня, опираясь на обнаруженные нами в библиотеке в свободном доступе материалы — более чем триста томов «Известий Императорского общества любителей естествознания и антропологии и этнографии» мы берем на себя смелость утверждать следующее. Именно Россия стала первой страной, в которой был достигнут синтез передовых научных расовых изысканий, патриотизма монаршей власти и благословения христианской церкви. Все это единение ипостасей сегодня белой расы получило официальное признание и публичное освещение. Ни в Европе, ни в Америке тогда подобной ситуации не существовало. Ни в этом ли кроется разгадка мотивов покушения на царя Александра Второго? Достаточно поверхностного изучения истории тюрьмы и каторги Российской империи, чтобы понять, что тогда действительно наказывали только биологически неполноценных людей. Человек чистой породы, наделенный здоровыми инстинктами и испытывающий религиозное благоговение перед ликом своих предков, получал свободу трудиться на благо Отечества, царя и народа. Именно в этом, а не в абстрактных утопиях равенства, своеволия и безответственности, пропагандируемых творцами «общечеловеческих ценностей» и заключена основная мораль расовой теории. Все эти нечаевы и каракозовы, народовольцы и социал-революционеры — всего лишь маргинальные элементы с отягощенной наследственностью, своевременно не удаленные из

русской жизни по излишнему аристократическому великодушию Русского Царя. Магистраль жизни расы — это нескончаемый и вечной обновляющийся водопад поколений, где потомок — всегда плоть от плоти и кровь от крови предков. И к чести русских монархов, равно как и иерархов русской церкви, нужно признать, что они первыми оценили реальное значение и своевременность возникновения антропологической науки, способной показать это наглядно. Именно это чистое и непреклонное понимание истины со стороны русской национальной элиты и вызвало столь сильную ненависть недочеловеков, устроивших впоследствии кровавый шабаш большевизма.

Данная точка зрения на ключевые явления русской истории рубежа XIX и XX веков является оригинальной концепцией автора, и пока еще не разработана в официальной науке.

В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести любопытнейший рассказ Поля Брока, который прозвучал кулуарно в ходе конгресса, а позднее нашел свое описание в вышеупомянутых нами источниках. Он поведал о тех препонах и трудностях, которые сопровождали его все время, пока он занимался организацией первого в Европе Антропологического общества. Министр Народного Просвещения и Префект Парижа несколько лет саботировали эту инициативу, отсылая друг другу прошения Брока с просьбой о регистрации общества. Наконец вмешательство группы профессоров из департамента полиции привело к тому, что господину Брока разрешили собирать у себя дома 18 членов общества под личную ответственность и — под надзором полицейского агента, обязанного докладывать обо всем происходившем начальству. Причем господину Брока было поставлено на вид, что разрешение может быть тотчас аннулировано, как только на собрании затронут темы, касающиеся богословия, политических или социальных вопросов. Лично для председателя это было особенно невыносимо, поскольку он был представителем школы, так называемых полигенистов, отрицавших видовое единство человечества. А это, в свою очередь, могло быть расценено как посягательство на библейский миф о происхождении рода человеческого от одной пары людей.

Обратите внимание, что все это происходило в так называемой республиканской Франции — стране победившей демократии, в то время как в монархической России — «тюрьме народов» — даже члены императорской фамилии почитали за честь поддерживать научные инициативы русских антропологов. Теперь становится

совершенно ясно, почему так истово и рьяно французские антропологи провозглашали тосты за русского царя, ибо они первыми осознали, что демократия не имеет никакого отношения к свободе мысли.

Однако, вновь вернемся к научной стороне темы.

При всей молодости антропологии рубежа XIX-XX веков, ученые того времени установили, что форма черепа ребенка напрямую связана с особенностями строения таза его матери — они должны соответствовать друг другу в целях отсутствия патологии при родах. Смешение рас неизбежно приводит к тому, что строение таза матери одной расы не соответствует форме черепа смешанного младенца, несущего черты отца другой расы, что ведет к осложнениям при родах и сказывается на жизнеспособности потомков обеих исходных рас. Природа здесь действует в строгом соответствии с обыкновенной механикой. Форма черепа младенца по расовым показателям должна подходить к расовым показателям таза матери, как болт к гайке. Любое несоответствие ослабляет так называемую «механическую прочность» расы и ее «износоустойчивость» виток за витком, от поколения к поколению. Поэтому чистота расы — первое и главное условие ее воспроизводства, смешение же рас неизбежно ведет к вырождению.

Из русских классических работ на эту тему лучше всего вспомнить сочинение М. И. Лутохина «Исторический обзор литературы о расовых различиях таза» (М., 1899). В начале автор приводит мнение известных антропологов Поля Брока, Поля Топинара и Сэмюэля Томаса Заммеринга, сравнивавших таз «низших» рас с тазам обезьян. Франц Прюнер-Бей, в силу наглядности и точности признака, вообще предложил отказаться от классификации рас по строению черепа и перейти на классификацию рас по форме таза. Раздел антропологии, занимающийся изучением расовых различий по тазу, называется пельвиметрией. В заключении Лутохин пишет: «В этом очерке я упоминал о взглядах авторов на причину очень резкой разницы в строении женского таза разных рас, как на результат принаравления до некоторой степени тазового кольца к головке новорожденного. Много есть данных в пользу того, что при метисации роды текут гораздо труднее, иногда становятся невозможными».

Подобные выводы подтверждал и другой русский расолог Владимир Александрович Мошков в своей монографии «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907): «Акт рождения, вполне естественный для каждого животного чистой

породы, должен бы быть таким же и у человека, то есть безболезненным, как и все другие физиологические отправления. Женщины низших рас переносят роды очень легко, иногда даже без всякой боли и только в весьма редких случаях умирают от родов. Но нельзя сказать того же о женщинах низших рас, рождающих от белых отцов. Так например, об индианках сообщают, что они часто умирают при разрешении от бремени ребенком смешанной крови от белого отца, между тем как чистокровные дети у них же легко рождаются. Многие индианки очень хорошо осознали опасность беременности от белолицего и потому, во избежании ее, предпочитают своевременно устранять последствия скрещивания плодоизгоняющими средствами».

Классическая русская расология той эпохи, равно как и иные европейские научные школы придерживалась твердого правила: все данные, в том числе и косвенные, найденные при исследовании черепа, могут иметь существенное значение лишь постольку, поскольку они находятся в определенной зависимости от тех или иных особенностей строения мозга.

Исследовать строение мозга с точки зрения его расовой принадлежности первым начал известный русский антрополог Дмитрий Николаевич Зернов (1843–1917). Его работа с характерным названием «Извилины мозга, как племенной признак» была опубликована в 1873 году, а в 1877 она уже выпустил фундаментальную монографию «Индивидуальные типы мозговых извилин у человека». В 1887 появилась его книга «По вопросу об анатомических особенностях мозга интеллигентных людей». Во всех его сочинениях есть четкое морфологическое описание строения мозга «высших» и «низших» типов, причем не только на уровне отдельных индивидов, но и больших расово-этнических общностей.

Фундаментальная работа Н. В. Гильченко «Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию» (М., 1899) также подчинена решению этой глобальной проблемы. Ясность и доказательность изложения, обилие статистического материала делают это сочинение во многом актуальным и сегодня. Уже из названия видно, что автор мыслил в духе расовой теории, ибо на основе экспериментальных данных было доказано, что у представителей различных рас соответствующие части мозга имеют различные темпы роста, и как следствие — не одинаковый вес, а это в свою очередь и подтверждается вариациями в частоте возникновения аномальных швов на черепе. Наука того времени была предельно логичной и последовательной: «Влияние народности (племени) на вес

мозга также несомненно существует, помимо всех прочих уже рассмотренных влияний роста, возраста и пр. Расовые и племенные признаки не изменяются от предков к потомкам. Различия в весе головного мозга, замечаемые в отдельных областях нашего обширного отечества, не могут быть объяснены ни влиянием роста, ни влиянием возраста, а исключительно влиянием народности (племени)».

Крупнейший отечественный специалист той эпохи Р. Л. Вейнберг в работе «О строении мозга у эстов, латышей и поляков. Сравнительно-анатомический очерк» (М., 1899) на базе статистической информации делал вывод: «Мы видим таким образом, что хотя человеческий мозг устроен относительно своей наружной формы, несомненно, по одному плану, общему для большинства человеческих типов, тем не менее, он представляет целый ряд таких признаков, которые заметно разнятся по своей частоте у различных племен человечества или даже свойственны только одним племенам, отсутствуя совершенно у других».

В следующей своей работе «К учению о форме мозга человека» (Русский антропологический журнал, № 4, 1902) Р. Л. Вейнберг в духе программных заявлений ученых той эпохи подчеркивал, что и теоретическая медицина, а равно и антропология, должны подвергнуть всестороннему изучению расовые различия в строении мозга. Исходя из обычного для тех времен чувства гражданского долга и научной объективности, а также племенной солидарности, автор считал необходимым подчеркнуть: «После целого ряда работ, вышедших за последние три десятилетия по самотологии евреев, едва ли может оставаться какое-либо сомнение в существовании среди них особого физического типа, выражающегося не только в своеобразных чертах, так называемой еврейской «физиономии», но в устройстве скелета, в пропорциях черепа и туловища, в особенностях внешних покровов. Резче физических особенностей выступают психологические черты еврейской расы. Те и другие, преимущественно же последние, отражаются, как известно, на развитии центральной нервной системы, или, точнее говоря, являются внешним выражением особого устройства центрального органа психической и физической жизни у данного племени».

Далее были выявлены особенности в организации борозд и извилин у евреев. К числу расово-диагностических особенностей относятся прежде всего направление так называемых Роландовых и Сильвиевых борозд, специфику разделения между лобными и

теменными долями, а также многочисленные перерывы и мостики между соседними извилинами, составляющие племенную особенность строения мозга евреев, что и выражается в их повышенной социальной приспособляемости и особом ситуативном чутье, обычно отсутствующем у русских. Великий русский путешественник и этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай указывал на эту же совокупность морфологических различий как на характерные расовые признаки, когда ставил опыты на папуасах.

Описывая специфику строения мозга евреев, Р. Л. Вейнберг аналогично подчеркивал: «Таким образом, и в этом случае мы встречаемся с рядом таких особенностей рисунка мозговой поверхности, которые, по нашим и других авторов наблюдениям, несомненно принадлежат к разряду редко наблюдаемых вариантов мозговых извилин и поэтому не должны быть обойдены молчанием при сравнительно-расовом исследовании человеческого мозга». Именно у евреев чаще всего наблюдается аномалия срастания Роландовых и Сильвиевых борозд. К числу специфических черт следует отнести также и форму обонятельной борозды у евреев. С древнейших времен известно, что все расы и племена имеют свой специфический запах, ведущий свое происхождение еще с этапа дочеловеческой истории развития. Не случайно поэтому отделы мозга, ответственные за обоняние, имеют самое древнее происхождение с эволюционной точки зрения и их развитие предшествовало всем формам психической деятельности. Вряд ли нужно пояснять, сколь велико значение запахов в животном мире. Поразительным образом оказывается, что и в мире людей их значение велико, хотя и не всегда осознается в полной мере. Парфюмы, притирания, благовония, духи разных народов также имеют расовые различия, поскольку призваны скрашивать природный запах своих хозяев. Терпкие духи южан, вызывающие справедливое отвращение у представителей нордической расы, в этом плане являются отличной иллюстрацией биологии культурно-исторического генезиса народов.

Еще более откровенен и последователен был другой расовый антрополог А. С. Аркин в своей статье «О расовых особенностях в строении мозговых полушарий человека» (Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, книга 3–4, 1909). Помимо вышеуказанных расовых признаков, он выводил новые: «Средняя лобная борозда представляет собою борозду, которая в большей степени, чем другие борозды головного мозга, подвержена изменениям и у представителей различных рас имеет различные

очертания». Кроме того, основываясь на огромном зарубежном материале, А. С. Аркин на протяжении всей статьи говорит о «мозгах, богатых извилинами, которые как известно, считаются более совершенно устроенными».

Принципиальным же открытием А. С. Аркина в данной статье может считаться заключение о том, что «наиболее характерные расовые отличия отмечены в области ассоциативных центров». Эти центры имеют сравнительно более позднее развитие по сравнению с другими участками мозга. В них также легко читаются внешние морфологические различия строения мозга у представителей «высших» и «низших» рас. Постижение чужой, и в равной мере созидание своей собственной, культуры тесно сопряжено с развитием этих ассоциативных центров. Язык конкретной культуры, ее стиль, известная утонченность или, напротив, варварская грубость, глубина и чистота переживаний, свойственных ей, имеют таким образом ясные физические очертания. Большинство суждений о культуре, высказываемых сегодня идеалистически и абстрактно мыслящими культурологами, не стоят и одного приговора анатома средней руки, способного после короткой операции наглядно показать, что от данных конкретных мозгов и ожидать было нельзя высокой культуры. Вывод в работе А. С. Аркина прост и убедителен: «Расовые различия в строении головного мозга имеют излюбленные борозды и извилины, где они проявляются более часто и рельефно».

Два ведущих вышеупомянутых отечественных специалиста по вопросам строения мозговых извилин — Р. Л. Вейнберг и А. С. Аркин были евреями по национальности, что автоматически снимает с нас все возможные обвинения в пропаганде расизма и антисемитизма, ибо их работы наравне с другими составляют золотой фонд русской академической антропологии, в адрес которой никто никогда не выдвигал подобных обвинений.

В силу того, что расовая теория представляет собой проекцию естественных наук и наук гуманитарных, то имеет смысл показать, как именно лучшие представители последних использовали достижения антропологов в объяснении причин и факторов исторического развития общества.

Одним из первых на службу расовой теории поставил открытия, свидетельствующие о неравенстве строения нервной системы у представителей различных рас замечательный русский историк Николай Иванович Кареев (1850–1931). По сути он подхватил и развил идеи так рано ушедшего из жизни Степана Васильевича

Ешевского. Его работа «Расы и национальности с психологической точки зрения», вышедшая еще в 1876 году, является весьма показательной в этом плане. Обладая огромным запасом эрудиции, автор, объединяя, систематизирует данные мифологии и сравнительной лингвистики, чтобы показать принципиальные различия в организации арийцев и семитов.

Н. И. Кареев выводит изначальный политеизм арийцев и семитов из особенностей физиологии их строения, подчеркивая первостепенную важность фактора наследственности. Среда весьма незначительно, по его убеждению, влияет на стиль эмоциональных переживаний расы, ее философские, религиозные взгляды, а также на специфику художественного творчества и тип хозяйственных отношений. «Пустыня всегда монотеистична», — повторяет он утверждение известного французского религиоведа Эрнеста Ренана, из чего и делает закономерный вывод о природной нетерпимости семитов ко всем иным формам религиозного миросозерцания. Поэзия, драматургия, музыка, метафизическая философия — следствия деятельности природного политеистического ума, и именно поэтому они так слабо развиты у семитов. Неразвитость изобразительных искусств семитов, также является следствием бедности пустынной природы из которой они вышли.

Н. И. Кареев в своей многотомной монографии «Основные вопросы философии истории» (М., 1887) целый том посвятил всестороннему рассмотрению принципов социологии на биологической основе, где писал: «Природа скачков не делает: между высшими животными и высшими расами человечества мы видим расы низшие, которые ведут очень однообразную жизнь (первобытная культура) и в пространстве и во времени».

Особое значение этой работе Кареева придает то, что в ней он одним из первых разграничил понятия расы и нации, чем и устранил путаницу в исторической науке: «Национальность не следует смешивать с расой, а тем более с породой. Вследствие дискретности общества между породами, расами, культурными группами, не достигшими самосознания, нациями и политическими организациями могут существовать самые разнообразные отношения: совпадение национальности с государством, национальность, разделенная на многие государства, государство, состоящее из разных национальностей; только первый случай представляет из себя равновесие, во втором случае мы видим стремление к объединению, в третьем — стремление к сепаратизму. Таковы могут быть и

отношения между национальностью и расой: то мы имеем совпадение национальности с расой, то группа людей, говорящих одним языком, разделяется на две враждебные национальности, то мы видим национальность, состоящую из двух и трех рас». Впоследствие окончательную ясность в спор между историками и лингвистами, с одной стороны, и антропологами и биологами с другой, внес как мы указывали ранее, Иосиф Егорович Деникер.

Кроме того, в данной книге Н. И. Кареев четко и ясно сформулировал основные принципы расовой теории: «Рассматривая теорию расы, мы собственно говоря, имеем дело с четырьмя основными положениями, на которых зиждется вся теория. Коротко они могут быть сформулированы так: 1) раса состоит из однородных особей, одаренных специфическими качествами; 2) эти качества очень постоянны и 3) поддерживаются только органической наследственностью, а 4) поэтому признаки расы постоянно действующий исторический фактор, делающий возможными такие характеристики рас, которые объясняли бы в общем всю их историю».

Работа Н. И. Кареева имеет и еще одну весьма примечательную особенность. Русский историк активно и добросовестно цитировал в своей многотомной монографии, увидевшей свет в 1887 году целые фрагменты из основного сочинения француза Жозефа Артюра де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», которая была впервые опубликована в 1855 году. Следует подчеркнуть, что этот философ, признанный позднее основоположником расовой теории, скончался на родине в 1882 году в нищете и безвестности, а его «переоткрытие» уже в Германии произошло только в 90-х года XIX века. Данный факт лишний раз говорит о широте кругозора и основательной подготовленности отечественных ученых, создававших расовую теорию в России. И это далеко не единственный пример, когда русский исследователь оказывался лучше осведомлен о состоянии европейской науки, чем его зарубежные коллеги.

Вся работа Н. И. Кареева в целом посвящена анализу борьбы за существование между расами, народами и отдельными индивидами. Данная концепция затем оформилась в самостоятельную науку под названием социал-дарвинизм. Это научное направление, помимо книг Н. И. Кареева, было хорошо представлено в России трудами таких известных ученых, как И. И. Мечников, П. Л. Лавров, Я. А. Новиков и многих других.

Мы полагаем, что в контексте нашего повествования нет никакой необходимости останавливаться на биографии крупнейшего

отечественного ученого Ильи Ильича Мечникова, многократно основательно описанной. Подчеркнем лишь, что он активно выступал со своими многочисленными философскими и публицистическими статьями на страницах популярных журналов, кроме того, собственноручно перевел с французского языка классическую монографию Поля Топинара «Антропология», большая часть которой посвящена описанию морфологических и психических различий между «высшими» и «низшими» расами.

Подлинным шедевром русского социал-дарвинизма следует признать фундаментальную работу И. И. Мечникова «Борьба за существование в обширном смысле» (1878). Отметим сразу же, что в Европе данное направление еще только начало оформляться, а русский классик естествознания уже расставил все акценты, провозгласив: «Естественное неравенство между отдельными особями, племенами и расами есть общий принцип в организованном мире». Именно унаследованные расовые различия, по Мечникову, являются двигателем социального прогресса в среде живых организмов: «Чем больше цивилизация заботится о предоставлении всем без различия индивидуумам, включая сюда и умственно неспособных, калек, хронически больных и проч., одинаковых прав к пользованию жизнью и ее благами, тем сильнее влияет она на фиксирование природных, передаваемых путем наследственности, различий». И. И. Мечников приветствовал естественный ход биологической эволюции, полагая, что только искусственные социокультурные ухищрения способны поддерживать жизнь в «низших» биологически неценных организмах. «Искусственное охранение нынешних дикарей может совершиться на иначе как за счет живущих или будущих европейцев. Цивилизация влияет также и на усиление культурного неравенства, идущего часто в разрез с природным, влияет путем предоставления различных прав и привилегий, дающих возможность лицам, от природы слабейшим, одерживать победу над более одаренными».

Эти смелые, новаторские идеи И. И. Мечникова поддержал и развил замечательный русский историк и социолог Петр Лаврович Лавров (1823–1900). В книге «Цивилизация и дикие племена» (СПб., 1904) он утверждал: «Раса составляет, по-видимому, главную причину более продолжительной остановки народа на низшей ступени общественного строя, или его более быстрого социального развития(…). Предполагать в природе сожаление, разумность и целесообразность вне чувствующих и желающих особей, значило бы

вносить в науку оккультные причины, которые слишком уже долго задерживали науку; если они недоступны опыту по самой своей сущности, то об них можно сказать, что они не существуют. Природа подписала смертный приговор слишком многим группам существ, чтобы позволительно было усомниться в ее готовности столь же безжалостно исполнить подобный приговор и над сколькими угодно расами людей. Будут ли призваны низшие расы к увенчанию здания человечества? Многочисленные факты уже отвечают отрицательно. Не забудем естественного отбора. Борьба за существование устанавливается, и природа делает выбор, выражает предпочтение все тем же грубым способом: гибелью слабейшего(…). Благодаря гуманным идеям, господствующим в Европе, некоторые народности будут иметь возможность вступить на путь прогресса и выдержать победоносно великое испытание, которому они подвергаются или подвергнутся. Но большое число их несомненно погибнет при этом».

В другой книге «Национальности в истории» (СПб., 1906), также изданной после смерти автора, Петр Лаврович Лавров развил социалдарвинистские идеи со всей ясностью: «Едва только национальность обособилась как исторический продукт нарождения и культуры, как для нее начинается как для всего живого, борьба за существование, и ее последовательные поколения передают одно другому весьма простое стремление: защищай свое существование, сколько можешь; распространяй свое влияние и подчиняй себе все окружающее, сколько можешь; поедай другие национальности физически, политически или умственно, сколько можешь. Чем энергичнее национальность, тем лучше она проводит первое требование. Чем она человечнее, тем более теряет значение для нее последнее. Историческая же роль ее определяется способностью влиять на другие национальности при сохранении собственных и чужих особенностей».

Творческое наследие самобытного русского философа П. Л. Лаврова сегодня почти совершенно забыто, точно так же как забыты на родине и книги Якова Александровича Новикова (1850–1912), социолога и публициста.

Удачливый купец Я. А. Новиков предпочел снискать популярность в Европе, для чего и начал писать исключительно по-французски. Его собрание сочинение составляет около двадцати томов. Будучи по природе своей, как и многие русские купцы того времени, всесторонне развитым человеком, наделенным безошибочной интуицией в отношении новейших веяний в науке, технике и

искусстве, Яков Александрович оставил заметный след в истории французской социологии. Он был одним из основателей и первым вице-председателем Парижского Международного Института Социологии, постоянным докладчиком и блестящим оратором на всех конгрессах, созывавшихся Институтом. Новиков был также одним из наиболее влиятельных членов Парижского Социологического Общества; сверх того, одно время он читал лекции в Брюссельском Новом Университете и в Русской Высшей школе Общественных Наук в Париже. Множество своих ярких работ Я. А. Новиков посвятил вопросам социал-дарвинизма: «Общественное сознание и общественная воля» (1898), «Органическая теория обществ» (1899), «Будущее белой расы» (1902), «Борьба между человеческими обществами и ее последовательные этапы» (1904), «Справедливость и распространение жизни» (1905), «Мораль и интерес» (1912).

Огромное значение в свете заявленной нами темы представляет его книга «Борьба Европы с Китаем» (1900), в которой на целое столетие он предвосхитил реальную опасность надвигающейся «желтой угрозы». Мало того, указал реальные практические пути ее предотвращения. Залог спасения Европы от инорасовых напастей он видел в единстве всех белых народов континента.

Александр Васильевич Елисеев
(1858–1895)

С момента зарождения классическая русская антропология ясно и

конкретно поставила перед собой одну из важнейших задач: определение основного расового культурсозидающего биотипа. Как и зарубежные коллеги, русские ученые со всей определенностью вывели физические параметры исходного человеческого типа, движущего мировую историю. Анатолий Петрович Богданов первым в отечественной науке еще в 60-ые годы XIX века по материалам многочисленных археологических экспедиций сделал следующий вывод: «Не случайно и не произвольно разбросан по России длинноголовый тип; чем больше добывается черепов из курганов разных местностей и эпох, тем яснее выступает для нас факт особенного значения этого типа в наиболее древнюю эпоху заселения России. Все раскопки указывают, что чем древнее кладбище, тем процент длинноголовых больше, и чем новее, тем больше примеси короткоголовых. По некоторым раскопкам даже можно сказать, что есть местности, где население было так однородно — длинноголовым, как этого только может желать антрополог».

Другой крупный русский антрополог Александр Васильевич Елисеев (1858–1895) в своей работе «Антропологические заметки о финнах» (М., 1880) писал: «Первичный народ Европы и Скандинавии, это доказано; на севере Европы обитал длинноголовый человек, которого сменил брахицефал. Длинноголовое первичное племя послужило средою, в которой распустились и на счет которой развились народности вторичных генераций».

Определив расовый тип первоначального населения Европы, русские антропологи восстановили расовую динамику исторических процессов всего континента Евразии. Александр Иванович Вилькинс в работе «Антропологические темы в средней Азии» (М., 1884) указывал: «Нам известно, что главная масса населения Средней Азии сложилась из смешения ветвей двух великих племен — Ариев и Монголов; это население есть этнический результат вековой борьбы благородного Ирана с варварским Тураном». Именно в противостоянии длинноголовых европеоидов и короткоголовых монголоидов с метисами видели русские ученые основной биологический контекст мировой истории.

Николай Михайлович Малиев

О расовой чистоте исконного русского населения было написано множество сугубо научных работ. Николай Михайлович Малиев в брошюре «Антропологические изыскания» (Казань, 1881) подчеркивал, что «древнейшие черепа несомненно славянского происхождения, как, например, курганные Смоленской губернии, черепа древних киевлян, также скифские черепа наших южных губерний представляют длинноголовое строение. И на востоке России, на Каме и Волге, жило в древности длинноголовое племя, по своему анатомическому строению сходное и, быть может, генетически связанное, с племенами, населявшими центральную полосу России». А. Г. Рождественский в книге «К вопросу о древнем населении рязанской губернии» (Рязань, 1893) указывал, что большинство русских черепов из могильников, датируемых началом монгольского нашествия, было долихоцефолическим, а кое-где на черепах при раскопках сохранились фрагменты белокурых волос. Созидателем и носителем культуры на всей территории Европы и европейской же части России всегда был один и тот же расовый тип — длинноголовый голубоглазый блондин. Обоснованию этого исходного тезиса расовой теории посвящены следующие монографии русских ученых: Н. Ю. Зограф «Антропометрические исследования мужского Великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний» (М., 1892), А. А. Ивановский «Об антропологическом составе населения России» (М., 1904), Я. Д. Галай «Антропологические данные о Великорусах Старицкого уезда, Тверской губернии» (М., 1905), Е. М. Чепурковский «Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее

славянами» (М., 1913). Все перечисленные работы — фундаментальные исследования, содержащие огромный комплекс статистической информации по всей совокупности расовой антропометрии русского народа.

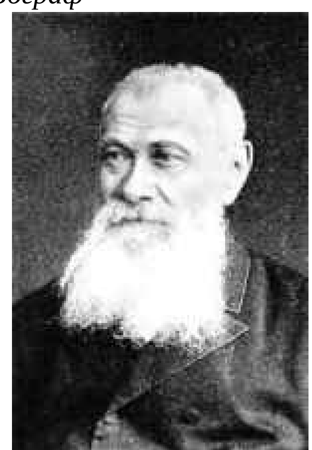
Лазарь Константинович Попов

Михаил Андреевич Тихомиров

Николай Юрьевич Зограф

Василий Николаевич Бензенгр

Александр Иванович Таренецкий

Николай Дмитриевич Никитин

В пространство исторического мировидения русского народа в разные времена вторгались кочевники от «культурфилософии», пытаясь «доказать» нашу расовую неоднородность. Указания на мнимую биологическую вторичность русских и, их смешение с финнами и тюрками исходит от недругов нашего народа с незапамятных времен. Отповедям всем этим «западным» и «восточным» уклонистам посвящены многочисленные историософские труды таких мэтров отечественной науки, как Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и многих других. До сих пор актуальна и показательна в этом плане небольшая по объему, но чрезвычайно яркая и убедительная статья «О велико-русском племени» (1869) самобытного историка Ивана Дмитриевича Беляева, вскрывшего один и тот же порочный алгоритм подтасовок русской истории на расово-биологическом уровне.

Известный русский географ и картограф Александр Федорович Риттих, как и многие его современники, успевал сочетать служение родине с занятиями наукой: будучи генерал-лейтенантом и командуя пехотной дивизией русской армии, он написал несколько серьезных исследований по вопросу ареала распространения славян. В книге «Славянский мир» (СПб., 1885) он приводит обширный список населенных пунктов и урочищ на территории Западной и Центральной Европы, которые прежде имели славянские названия, показывая, таким образом, что большая часть континента обязана своей историей славянскому, в частности, русскому влиянию, запечатленному во множестве географических названий.

Однако нужно отметить, что русские антропологи активно участвовали в восстановлении, не только истории русского народа, но и всего многочисленного разнообразия племен, как входящих в состав Российской Империи, так и граничащих с нею. В результате титанической работы десятков специалистов в этнографических и археологических экспедициях было создано обширное полотно этнической истории евразийского континента, вплоть до подробного описания эволюционных особенностей реликтовых племен, населяющих эти бескрайние пространства.

Работы по этнической антропологии, не утерявшие до сих пор своего значения в виду достоверности изложенных в них фактов, оставили Анатолий Петрович Богданов, Дмитрий Николаевич Анучин, Николай Юрьевич Зограф, Алексей Николаевич Харузин, Михаил Андреевич Тихомиров, Василий Николаевич Бензенгр, Николай Дмитриевич Никитин, Александр Иванович Таренецкий, Лазарь Константинович Попов, Николай Михайлович Малиев.

Уже упоминавшийся нами выше Александр Васильевич Елисеев, будучи сыном армейского офицера, с детства пристрастился к кочевому образу жизни отца и, возмужав, сам выбрал карьеру военного. Проведя большую часть жизни в опасных экспедициях как военный врач, он оставил множество печатных работ по самым различным отраслям естествознания, но более всего прославился тем, что фактически первым начал применять расовую теорию с целью объяснения боевых качеств солдат армий противника. Именно на основе наследственных расовых задатков характера он трактовал специфику психики воинских контингентов неприятеля. Его статья «Турок, как боевой элемент» (1888) до сих пор может считаться образцом конкретности постановки задачи и ее решения.

Также неоднократно упоминавшийся нами Н. Ю. Зограф одним из первых в мире предложил использовать фотографию для объективной оценки расовых различий. Его статья «К вопросу о пользовании фотографическими снимками для антропометрических целей» была издана еще в 1890 году.

Григорий Ефимович Грум-Гржимайло
(1860–1936)

Уникален вклад в русскую и мировую науку этнографа и путешественника Григория Ефимовича Грум-Гржимайло (1860–1936). Исследовав Памир, Забайкалье, Монголию, Приморье и Северо-восточную часть Китая, русский исследователь пришел к однозначному выводу: исходным биологическим типом, создавшим культуру на этих гигантских пространствах был также длинноголовый блондин. Мумии из северных провинций Китая наглядно свидетельствуют об этом. Наконец и сам Конфуций — один из столпов китайской культуры — не может быть отнесен к чистым монголоидам, ибо, как известно, для них характерна незначительная волосяная растительность на лице, в то время как на всех канонических изображениях его до сих пор рисуют с весьма пышной бородой. Это может свидетельствовать, как минимум, о высоком проценте у Конфуция европеоидной крови. Будучи подлинным энциклопедистом, как и абсолютное большинство русских ученых той поры, Г. Е. Грум-Гржимайло проанализировал старинные китайские летописи и пришел к выводу, что исходным расовым субстратом, создавшим культуру северного Китая, бесспорно, был европеоидный. Этот тезис прекрасно доказан в его монографии с характерным названием «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?» (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)» (СПб., 1899).

Алексей Николаевич Харузин

Александр Иванович Вилькинс, исследовав Туркестан пришел к тем же выводам на базе местного материала, а Алексей Иванович Харузин, изучив территорию Персии окончательно подтвердил базовое утверждение расовой теории, что всегда и везде в мировой истории исходным расовым типом — создателем культуры — был человек нордической расы. Именно он и является поэтому наиболее биологически ценным.

Из более чем трех сотен томов издания «Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», вышедших до 1917 года, можно почерпнуть сведения обо всех революционных нововведениях создателей русской расовой теории, ныне упорно замалчиваемые. Помимо упоминавшейся нами выше кафедры антропологии Московского Университета, учрежденной в 1876 году, в 1888 возникло также Русское антропологическое общество при Петербургском Университете. Его членами были А. А. Иностранцев, П. Ф. Лесгафр (1837–1909), Ф. В. Овсянников (1827–1906), Н. П. Вагнер (1829–1907), А. И. Таренецкий (1845–1905), Э. Ю. Петри (1854–1899), Д. А. Коропчевский (1842–1903), А. В. Елисеев (1858–1895), Н. В. Гильченко (1858–1910), Н. М. Малиев, Е. М. Чепурковский (1871–1950), Ф. М. Волков, Д. А. Золотарев, С. И. Руденко.

Н. П. Вагнер
(1829–1907)

Их перу принадлежит множество самобытных работ, посвященных также и вопросам расовой антропологии. Следует особо отметить первое фундаментальное русское учебное пособие «Антропология» (1895–1897) в двух томах, созданное профессором Петербургского Университета Эдуардом Юльевичем Петри. Это великолепное сочинение, написанное доходчивым образным языком, изобилует огромным количеством информации до сих пор не потерявшей своей актуальности. К примеру, в первом томе содержится перечень морфологических признаков, на основании измерения которых составляется так называемый расовый диагноз. Во втором томе дано подробное описание техники расовых измерений, а также приводится описание признаков, по которым с большой долей вероятности выявляются наследственные преступники. Петр Францевич Лесгафт написал сочинения по основам теоретической анатомии, а также существенно развил и стандартизировал методы антропометрии. Наконец, в Санкт-Петербурге начал издаваться «Ежегодник» при антропологическом обществе.

Помимо очевидных успехов в классической антропологии, в России конца XIX века отмечался бурный рост в области психологии и психиатрии, причем также с явным акцентом на расовой проблеме. Весьма показательным в этом плане был Первый съезд отечественных

психиатров, который проходил в Москве с 5 по 11 января 1887 года. В его работе принимали участие лучшие ученые Российской империи как из военных, так и из гражданских учреждений, что лишний раз свидетельствует об очень высоком уровне кооперации в русской науке того времени, а также о наличии сознательной магистральной линии государства в этом вопросе.

Председателем на съезде был избран профессор Военно-медицинской Академии Санкт-Петербурга Иван Павлович Мержеевский (1838–1908). В ходе научного форума было зачитано множество интереснейших докладов, текст которых опубликован в двух томах, по тысяче страниц каждый, под названием «Труды первого съезда отечественных психиатров» (СПб., 1887). По результатам работы было принято постановление «Задачи нервно-психической гигиены и профилактики», зачитанное И. П. Мержеевским. В нем говорилось: «Исследование процесса вырождения является вопросом великой важности в ряду других задач нервно-психической гигиены, и изыскание мер против него должно быть признано самым настоятельным, самым неотложным требованием нашего времени. Отечественным психиатром и будущим съездам их предстоит великий и благородный труд разработки и изучения средств к подъему уровня нервно-психического здоровья в обширном населении дорогого отечества. Можно сказать, что в нашем отечестве для борьбы с вырождением населения мы имеем только одно надежное орудие — это несомненные биологические достоинства славянской расы… Но, быть может, самую серьезную сторону разбираемого явления составляет тот факт, что рядом с понижением психического здоровья населения неизменно понижается великое достояние веков — народный дух с его унаследованными стремлениями и идеалами».

Современная отечественная наука, не обременяющая себя даже видимой имитацией гражданского долга перед Родиной, сторонится политизации, в то время как русские ученые того времени всю свою деятельность стремились подчинить именно насущным потребностям народа и государства. Именно поэтому в практической части съездом были выработаны рекомендации по целому спектру мер психической и нравственной гигиены расы, как то: «регламентация трудовой деятельности», «охранение от душевных волнений», «охранение от наследственных ядов», «охранение женщины» и др.

Основоположником науки под названием расовая гигиена сегодня принято считать крупного немецкого биолога Вильгельма

Шальмайера (1857–1919). Сам данный термин был предложен им в 1894 году. О том, что в России сходный термин был введен в употребление раньше, мало того, был много глубже по смыслу, ибо, помимо физических аспектов бытия расы, охватывал еще и духовно-нравственные, сегодня мало кто знает.

И это, увы, не единственный случай в истории науки, что мы уже неоднократно показывали на примере антропологии и иных близких ей дисциплин, направленных на изучение специфики рас. Игнорирование русского вклада в сокровищницу мировых знаний продолжается и сегодня усилиями «соросов» и иных грантодателей, занятых расфасовкой «общечеловеческих ценностей».

Сергей Сергеевич Корсаков
(1854–1900)

Огромный след в развитии русской расовой теории оставил и основоположник отечественной академической психиатрии Сергей Сергеевич Корсаков (1854–1900). В своей фундаментальной монографии «Курс психиатрии» (М., 1901) он указывал: «Хотя анатомические изменения черепа нельзя считать непосредственно причиною душевных заболеваний, но они в большинстве случаев указывают на направленность физиологических процессов в черепе, обуславливающую молекулярные изменения в нервных клетках коры».

Он поставил в соответствие различным формам психической

патологии те или иные аномалии физического строения. Данный расологический метод нашел свое отражение в специально посвященной этому главе книги «Физические признаки психического вырождения». Кроме того, С. С. Корсаков учил, что различия физического строения рас закономерно сказываются и в организации их психической жизни, в том числе и в области патологии: «Нужно всегда взвешивать влияние расовых особенностей, потому что многое, что считается аномалией для людей одной расы, составляет явление нормальное для людей другой расы».

Конец XIX века в Европе ознаменовался также бурным подъемом криминальной антропологии, основанной крупным итальянским ученым Чезаре Ломброзо (1835–1909). Данное направление, изучающее антропологические признаки прирожденных преступников, и у нас в России нашло своих исследователей и пропагандистов. Юрист К. Белиловский в 1895 году выпустил книгу «Антропологический тип преступника», а полковник медицинской службы Н. А. Козлов в 1894 году опубликовал работу «Применение антропометрии к пенитенциарным щелям», а кроме того, открыл целый криминально-антропологический отдел при Министерстве Внутренних дел. И. Я. Фойницкий в исследовании «Учение о наказании» (1889) и П. П. Пусторослев в «Понятии о преступлении» (1891) всесторонне обосновали проблему наследственной преступности с юридической, этической, этнической и расовой сторон, ибо у людей, принадлежащих к различным племенным группам, существенно различается процент статистических данных в совершении тех или иных преступлений, что автоматически приводит нас к выводу о различной криминальной предрасположенности человеческих рас. Убийство, изнасилование, воровство, мошенничество, проституция, муже- и скотоложество — у всех рас они представлены различными пропорциями, ибо расы по-разному утоляют свои греховные потребности.

Этот факт многократно отражен как в официальной истории, так и в народных сказаниях.

По инициативе выдающегося русского невропатолога Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927) в Санкт-Петербурге в начале XX века начал даже выходить специальный журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма». В первом выпуске за 1906 год доктор медицины Э. В. Эриксон опубликовал статью с характерным названием «Об убийствах и разбоях на Кавказе», в которой предлагал провести комплексную психоантропологическую

экспертизу всех народов, населяющих данный регион, ибо их криминальные наклонности, по его мнению, всецело обусловлены врожденными особенностями характера, а вовсе не экономической отсталостью.

С именем следующего русского гения связано развитие целой фундаментальной отрасли естествознания, под названием антропологическая психология. В современных научных словарях принято считать эту науку достаточно молодой, относя ее зарождение к середине XX века, что ошибочно, так как ее возникновение следует отнести к концу XIX века.

Увы, сегодня даже весьма образованный человек на вопрос:

«Говорит ли Вам что-нибудь фамилия Сикорский?», задумавшись на некоторое время, уверенно ответит: «Ах, да знаю, вертолеты». В данном случае имеется ввиду личность всемирно известного авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского, что безусловно, справедливо. Но вот имя его не менее гениального отца — расового психолога Ивана Алексеевича Сикорского (1842–1919) начисто вымарано из анналов современной науки.

Иван Алексеевич родился в селе Антонове Киевской губернии в многодетной семье священника, в которой было шесть дочерей и шесть сыновей. Он был самым младшим из них. Девяти лет от роду И. А. Сикорский был помещен родителями в духовное училище в Киеве. Окончив его с отличием, он перешел в семинарию, где сразу же выделился среди других учеников вдумчивостью и тягой к чтению серьезной литературы. Увлечение философией, естествознанием и иностранными языками пробудили в нем желание продолжить образование в Киевском Университете Св. Владимира и окончательно выбрать светскую карьеру, что и было в конце концов осуществлено. Пройдя обучение на естественном факультете в течение двух лет, он перевелся на медицинский, который и закончил с отличием в 1869 году. С этого времени начинается его напряженная новаторская научная деятельность, которая быстро снискала ему славу как в России, так и за рубежом. Уже в 1882 году И. А. Сикорский был приглашен на Международный съезд гигиены в Женеве, ибо его работы, переведенные к тому времени на английский, французский и немецкий языки, позволили ему войти в число самых авторитетнейших психиатров. Наконец в 1885 году сбылась его давнишняя мечта: И. А. Сикорский основал и возглавил кафедру душевных и нервных болезней в Университете Св. Владимира в Киеве, которой и руководил бессменно в течение 26 лет.

Но главная заслуга Ивана Алексеевича Сикорского состоит в том, что он первым создал системную картину психологии различных национальностей на основе их наследственных расово-биологических различий. Как и абсолютное большинство его современников, в своей научной деятельности он умело сочетал энциклопедическую эрудицию с гражданским мировоззрением, мало того, обилие фактов из различных областей знания логично объединялись в его понимании в стройное философское осмысление всего исторического процесса. Так, в своей работе «Антропология», изданной его сыном — известным авиаконструктором — уже в эмиграции в 1931 году, он писал: «Арийцы принадлежат к самым талантливым ветвям человечества, отличаются силой и глубиной дарований, широтой и разносторонним развитием способностей, при врожденном идеализме и идеальном направлении жизни. В этом смысле с Арийцами несравнима ни одна из ветвей человеческого рода. Одаренность Арийцев укрепила за ними первую роль и в обладании миром. При тонкости своего ума Арийцы глубоко проникли в существо вещей, способны к наукам и искусствам, верно предусматривают отдаленное будущее и подготовляют за долгие времена соответственные тому меры и действия. Свойственный же им идеализм дает разумение и силу для идейной организации будущего прогресса человечества. Арийцы создали образцовые литературы, музеи, книгохранилища, картинные галереи, школы, всякого рода правительственные учреждения, академии, общества для усовершенствования жизни во всех отношениях. Сообразно этим идейным программам они осуществили на деле правый суд и хорошее законодательство. Арийцы созидают и постоянно совершенствуют всю внешнюю обстановку человеческого общежития сообразно требованию науки, искусства и жизненного опыта. Вся их жизнь во всех своих шагах обращена в искусство жизни, всесторонне управляемое наукой, художествами, гигиеной и техникой, при постоянных заботах об отдаленном будущем. Почти все арийские народные ведут жизнь по национальному типу; такая жизнь имеет шансы удержаться и в будущем в течение многих столетий. Так как Арийские народы имеют своим местом жительства Европу, то Европа и все Европейское стало синонимом Арийского или высшего».

Столь глубокое и вместе с тем предельно ясное мировидение у И. А. Сикорского обуславливалось в первую очередь тем, что он одним из первых поставил в соответствие данные биологии с проявлениями психической организации индивидов, народов и целых

рас. По тем временам это было революционным открытием. Множество современных наук, таких как этология, социобиология и биополитика, исходят именно из этого принципа, толкуя те или иные формы поведения как отдельных людей, так и целых сообществ на основе их наследственной базы. «Биология показывает, что от поколения к поколению передаются как общие свойства организации, так и случайные приобретения, если они сильно выражены в предыдущих живых рядах. Путь наследственной передачи открывается и учитывается вернее через посредство антропологических измерений, которые могут указать на постройку головы, как важнейшего органа нервной системы и других частей тела у родственных семейных групп». Таким образом И. А. Сикорский увязал воедино морфологическую антропологию, наследственную биологию и сравнительную психологию, доказав, что любые внешние расовые различия, в том числе и психические, всегда обусловлены различиями в строении, а они, в свою очередь, передаются из поколения в поколение. Доказательству этого принципа, справедливого для всей органической природы, в том числе и для человеческих рас, он посвятил одну из своих лучших монографий «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904), которая была снабжена внушительным иллюстративным материалом, помогающим наглядно показать, как и какие именно различия в физическом строении рас сказываются на их психической деятельности. На основе этой естественнонаучной структуры он объяснял характер тех или иных народов, как более поздних исторических продуктов, возникших путем смешения в различных пропорциях тех или иных исходных расовых групп. Будучи человеком высоких гражданских принципов, И. А. Сикорский в обоснование своих взглядов написал работы с характерными названиями «Черты из психологии славян» (Киев, 1895) и «Русские и украинцы» (Киев, 1913). Едва началась Русско-японская война, как он тотчас издал злободневную брошюру «Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросами Русско-японской войны» (Киев, 1904). Десять лет спустя, когда началась первая мировая война, И. А. Сикорский, издал брошюру «Современная всесветная война 1914 года (Причины и устранение их)» (Киев, 1914), в которой также объяснял причины возникновения вооруженных конфликтов не преходящими социально-политическими противоречиями, но вечными различиями в психической организации народов и рас.

И. А. Сикорский использовал объяснение принципа

наследственной передачи психических признаков и при написании целой галереи биографий великих деятелей отечественной культуры. Очень характерна в этом отношении работа «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина» (Киев, 1912). По-своему уникально его исследование «Экспертиза по делу об убийстве Андрюши Ющинского» (С.-Петербург, 1913). Дело в том, что Иван Алексеевич был приглашен в качестве главного судебно-медицинского эксперта на расследование знаменитого дела Бейлиса, где в аргументированной убедительной форме доказал, что налицо имел место быть факт ритуального убийства, совершенного на религиозной почве. Перу И. А. Сикорского принадлежит также множество других работ, не утерявших до сих пор свою актуальность, среди них особенно следует выделить исследования по защите психического здоровья русского народа, борьбе с алкоголизмом и табакокурением, о детском воспитании.

Вклад И. А. Сикорского в историю науки огромен. Мало того, вся картина русской научной жизни рубежа XIX и XX веков без него будет не полной. Поколения красных профессоров истории усиленно изображали нам ту эпоху как некое бесформенное декадентское скопище стихийных революционеров и бесхребетных романтиков. Настало время развенчать эту фальсификацию и восстановить в правах плеяду талантливых русских ученых, сочетавших в своих деяниях ясность ума, широту кругозора и чистоту расовой интуиции.

Крупным и закономерным успехом в развитии русской расовой теории было учреждение усилиями А. А. Ивановского и Д. Н. Анучина «Русского антропологического журнала» в 1900 году. Мы не будем здесь пересказывать смысл всех интереснейших статей, выделим лишь несколько самых показательных, чтобы лишний раз подчеркнуть принципиальность позиции русских антропологов той эпохи в расовом вопросе.

В первом же номере журнала было опубликовано фундаментальное исследование В. В. Воробьева «Великорусы (Очерк физического типа)». В данной работе приведен всесторонний анализ расовых признаков государствообразующего этноса. В России, равно как и за рубежом, именно в это время был достигнут значительный прогресс в создании различного рода расовых классификаций с далеко идущими выводами социокультурного характера. Так, в частности, в статье «Зубы в антропологическом отношении» (Русский антропологический журнал, № 2, 1903) Г. И. Вильга писал: «Одним из органов человеческого тела, занимающим видное место в образовании

типа, являются зубы, которые представляют в своем строении значительные, не только расовые, но и индивидуальные колебания». Обобщая богатейшую историческую литературу, автор статьи начинает анализ с подразделения рас по взаимному расположению верхних и нижних резцов на ортогнальные и прогнальные: «Белая раса является ортогнатной, прогнатизм встречается у цветных рас: черной и желтой; в более сильной степени он выражен у бушменов. Большие зубы у цивилизованных рас постепенно уменьшаются в своем объеме, выказывая склонность к исчезновению, у рас же с низкой культурой они очень развиты. Кроме того, величина коренных зубов уменьшается спереди кзади; у низших же рас, как, например, австралийцев и новоколедонцев, и всегда у обезьян, она увеличивается; эта особенность именуется обезьяньим признаком». Далее Г. И. Вильга классифицирует расы на основе так называемого зубного указателя — dental index, которых для европеоидов составляет — 41, для монголоидов — 42, для негроидов — 44, австралоидов — 46, шимпанзе — 48, гориллы — 54 и орангутанга — 55. Как мы видим именно на основе столь важного показателя, как величина зубного индекса, становится совершенно очевидным, что расовые различия тождественны различиям между биологическими видами, из чего можно сделать следующий вывод, что никакой явной границы между человеком и животными нет, а между расами есть. Автор статьи продолжает размышление в том же направлении, отмечая: «Резцы человека тем острее, чем ниже человеческая раса. Относительная ширина коронки больших коренных зубов у низших рас больше, нежели у высших. У цивилизованных народов зубы на правой стороне плотнее и крепче, чем на левой, вследствие того, что у них правая сторона больше участвует в акте жевания. Этой разницы у диких народов не замечается». Вряд ли нужно пояснять, насколько важны особенности строения зубной системы в эволюционном плане, потому-то выводы русского ученого несут на себе печать безапелляционности.

Еще в начале XIX века великий немецкий антрополог Иоганн Блюменбах создал расовую классификацию на основе вариации цветов кожи. Позднейшая антропология в значительной мере развила это направление, осознавая его важность. К примеру, отечественный ученый К. А. Бари посвятил работу «О цвете кожи человека» (Русский антропологический журнал, № 1, 1912) разработке проблем классификации рас. Цвет пигментации кожи человека всегда тесно сопряжен со строением волос. П. А. Минаков в статье «Волосы в

антропологическом отношении» (Русский антропологический журнал, № 1, 1900) по этому поводу отмечал: «Изучение формы поперечного разреза волос заслуживает особенного внимания антропологов. Характерные для каждой расы формы поперечного разреза являются всегда преобладающими». Далее автор проанализировал расовые классификации по структуре строения волос.

Пропорции строения тела, а также особенности скелета занимают не менее важное место в расовых классификациях. К. А. Бари в работе «Вариации в скелете современного человечества и их значение для решения вопроса о происхождении и образовании рас» (Русский антропологический журнал, № 1, 1903) подчеркивал: «Надежда на то, что и на скелете туловища у некоторых рас можно будет отметить низшие признаки, оказалась вполне основательной. Так, увеличение числа ребер соответствует более ранней ступени развития, а уменьшение ребер, а также числа свободных поясничных позвонков — более позднего происхождения». Вывод автора основан на описании скелетов различных племен из числа «низших» рас, количество ребер на скелете которых доходит до 15 (!). Обнаружены были также различия в количестве позвонков, в форме и строении ключиц, лопаток, заметные отклонения в кривизне берцовых костей, а также констатировано увеличение числа резцов на челюсти у некоторых диких племен. «Расовые отличия плеча были известны уже давно. Стоит напомнить хотя бы различное положение головки плеча, которая у австралийцев и негритянских рас обращена больше назад, чем у европейцев. У европейцев ось плеча образует с осью локтевого сочленения открытый наружу острый угол». Велики также различия и в пропорциях между верхними и нижними конечностями; в строении кисти и предплечья». Сюда относится преобладание длины нижней конечности над верхней у европейских рас. С этой точки зрения значительная длина рук у австралийцев, веддов и негритянских рас может быть рассматриваема, как первичная стадия развития. У европейцев эту первичную стадию напоминают только новорожденные», — резюмирует свои соображения К. А. Бари.

Поистине уникально еще одно расово-диагностическое наблюдение сугубо бытового свойства. К. А. Бари указывает: «Относительно нижних конечностей нужно отметить, что еще до сих пор у низших рас можно видеть признаки, указывающие на некоторую слабость этих конечностей, так как необходимая для вертикального положения тела крепость приобреталась только постепенно; и до сих пор в низших расах распространена наклонность

к сидению на корточках».

Мораль, как мы уже отмечали выше, находится в тесной связи с эволюцией, поэтому мы настоятельно рекомендуем всем любителям жарких споров перед началом диспута выяснять положение собеседника на эволюционной лестнице при помощи этого расово-физиологического теста. Если же он испытывает удовольствие от сидения на корточках, то лучше приберегите свои аргументы для прямоходящих. Из передач теленовостей легко можно убедиться, что многие племена Африки, Азии и Кавказа испытывают нескрываемое удовольствие от этой позы, что и должно предопределить наше к ним отношение, ибо мораль имеет жесткое физиологическое основание. Данный признак, помимо расово-этнической диагностики, выполняет еще и функцию маркера криминально-дегенеративных элементов общества; так как сидение на корточках — весьма излюбленное времяпрепровождение заключенных в тюрьмах. Мало того, замечено, что негритянские женщины, как и многие породы животных, рожают в этой позе.

Примечательная работа А. П. Богданова «Физиологические наблюдения» (М., 1865) содержит выводы именно подобного характера: «Некоторые позы, очень тягостные для нас, естественны для некоторых других народов. Таково сидение на корточках, при котором носок, сильно вытянутый, упирается в землю, а ягодицы лежат на пятке. Существуют народы, у которых это положение заменяет наше сидение. Мы обращаем внимание путешественников также на способ диких лазить по деревьям. По-видимому, достоверно то, что у народов более или менее диких и ходящих голыми ногами, в особенности же у лазающих часто по деревьям и скалам, большой палец ноги приобретает замечательную подвижность; он может не только сгибаться и разгибаться, но также направляться внутрь и быть приведенным действием мускулов в направление, параллельное оси ноги. Такая подвижность большого пальца привела к предположению, что у некоторых рас, подобно тому как это замечается у обезьян, тип ноги приближается к типу руки».

И. А. Сикорский в поддержку этого тезиса также указывал: «Не только в строении организма, но и в привычках некоторых низших рас еще продолжают сказываться черты незаконченной или не вполне созревшей привычки к вертикальному положению тела, что выражается в склонности сидеть на корточках — склонности, от которой европейская раса уже вполне освободилась. Сама поза, какую при этом принимают, показывает, что низшими расами еще не вполне

усвоено то постоянно бодрое напряжение мышц всего тела и позвоночника, какое свойственно белым. Как на антитезис этому факту можно указать на привычку русских молиться не иначе, как в стоячем положении, — что в особенности поражает наблюдателя на востоке, где молитва совершается на корточках или лежа».

А. П. Богданов так же призывал внимательнее присматриваться к походке разных народов, чтобы тем вернее составить себе представление о них, ибо по его мнению, «походка столь же изменчива, как и физиономия». Очень много значит способ, которым народы плавают, а также всякого рода экстремальные позы, которые люди принимают при употреблении пищи, занятиях любовью и отправлении естественных потребностей. Для внимательного наблюдателя-аналитика здесь заключена бесценная информация о зоологической предыстории и эволюционной ценности той или иной расы и обо всех тайных, тщательно скрываемых ею изъянах.

В тесной связи с соматическими проявлениями находятся физиология и запахи, А. П. Богданов подчеркивал: «Некоторые народы издают из себя особенный запах, так например, известно, что собаки, употребляемые для охоты за бежавшими невольниками, легко отличают след негра от следа индейца. Каждая известная раса издает свой специальный запах». Весьма важны были указания русского ученого и на последствия расового смешения и метисации: «Народонаселение, состоящее из метисов, представляет большую пропорцию идиотов, сумасшедших, слепорожденных, заик и проч., сравнительно с тем числом таких же случаев, какое замечается в той или иной местности у двух первоначальных рас. Так в Никарагуа и Перу замбосы (метисы негров и индейцев), хотя и представляют класс сравнительно малочисленный, но тем не менее из них составляется четыре пятых населения тюрем».

Различия в физиологическом и антропологическом строении у представителей различных рас имеют кроме того, огромное прикладное значение, именно поэтому П. А. Минаков в работе «Значение антропологии в медицине» (Русский антропологический журнал, № 1, 1902) писал: «Расовые и племенные особенности, передающиеся из поколения в поколение, служат очень часто причиной болезни при содействии таких внешних факторов, которые у субъектов иной организации не вызывают обыкновенно никаких патологических процессов, медицина должна разработать анатомию, физиологию и патологию рас и указать, какие анатомические и физиологические особенности свойственны чистым и смешанным расам и какие типы в смешанных расах наичаще подвержены или, наоборот, иммунны к тем или иным болезням».

Данного рода высказывания вновь и вновь убеждают нас в убеждении, что развитие русской расовой теории носило осознанный,

системный характер, так как управление огромной разноплеменной империей требовало применения антропологических знаний на практике. К числу работ, отвечающих данному требованию, можно отнести и фундаментальную монографию русского ученого В. В. Воробьева «Наружное ухо человека» (М., 1901), в которой он дал подробную классификацию человеческих рас по этому весьма наглядному признаку. Мало того, в строении человеческого уха были выявлены и описаны негативные признаки, указывающие на дегенерацию, криминальную предрасположенность и психические отклонения.

Это обилие фактической информации, накопленной за десятилетия лабораторных и экспедиционных исследований, не могло не оформиться в стройное эволюционное учение, в рамках которого все расы и этнические группы человечества были систематизированы согласно их культурно-биологической ценности. Высшие и низшие типы людей были распределены по ступеням эволюции в соответствии с их морфологическим и психологическим строением, поведением и культурными достижениями.

Автором этой революционной концепции, во многом обогнавшей свое время, является еще один незаслуженно забытый русский гений Владимир Александрович Мошков. Будучи генералом артиллерии царской армии в Великом Княжестве Польском, свои служебные обязанности он умудрился сочетать с профессиональным изучением этнологии, антропологии и психологии. В основе его теории лежало логическое умозаключение, что «человечество — вид гибридный». Различное количество атавистических признаков, доставшихся человеку в наследство от его животных предков, неравномерно распределено между расами и народами, что, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что они произошли от различных исходных, так называемых, предковых форм, а также имели различные темпы эволюции. Данная информация о различиях происхождения больших групп человечества заключена в их мифологии. Наследственные различия сказываются на особенностях культурной и экономической жизни рас и народов, характеризуя их эволюционную ценность. В. А. Мошков не скрывал, что в основе его теории лежала идея Д. Н. Анучина о том, что предки современного человека не исчезли в одночасье, а смешались в различных пропорциях, дав начало целым расам человечества. Именно это животное начало в человеке и дает себя знать в тяжелых психологических конфликтах между цивилизациями, находящимися на разных ступенях эволюции. В

основе войн лежит биологическая несовместимость носителей наших цивилизаций.

Название главного труда В. А. Мошкова «Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики» (Варшава, 1907) говорит само за себя. В этом сочинении автор систематизировал картину эволюционного происхождения различных ветвей человеческого рода, многократно подтвердив шокирующие даже посвященного читателя выводы данными смежных дисциплин. Ничего подобного в мировой истории естествознания до сих пор не было. О том, что предковые переходные формы от недочеловека к человеку не исчезли в процессе эволюции и свободно скрещиваются с современным человеком сегодня упоминают средства массовой информации. Гибриды снежного человека сегодня обнаружены в разных частях земли, что соответствует данным палеоантропологии и молекулярной биологии и подтверждает гипотезу В. А. Мошкова. Еще в 70-е годы XX века советский исследователь Б. Ф. Поршнев создал свою концепцию гибридного происхождения человечества, и эта теория находит все больше последователей. Но справедливости ради сегодня необходимо отметить, что действительным автором был все же В. А. Мошков, тем более, что его доказательная база была намного основательнее, не говоря уже о его большей идеологической раскрепощенности. При всем нашем уважении к Б. Ф. Поршневу следует особо подчеркнуть, что советский ученый говорил о биологической гибридности всего рода людского, в то время как В. А. Мошков задолго до него максимально систематизировал картину, обосновав на фактах гибридизации биологическую неравноценность как целых рас, так и отдельных народов. Причем в строгом соответствии с уже оформившимися к тому времени постулатами расовой теории В. А. Мошков увязал морфологические различия в строении рас с особенностями их психической организации и культурной деятельности. Таким образом он выявил концентрацию той или иной степени «животности» у современных народов. Эту недочеловеческую атавистическую фазу развития В. А. Мошков обнаружил и выявил как в духовной жизни разных народов, так и в специфике их социальных, политических, экономических институтов. В народных танцах, символике, сказках он подметил факт существования той или иной формы предка современного человека, причем сделал это с блеском литературного дарования и научной

эрудиции, которые вряд ли превзойдены до сих пор. Его работа — это идеальный баланс формы и содержания, а все, даже самые поразительные выводы основаны на данных авторитетнейших первоисточников.

В другом своем сочинении «Механика вырождения» (Варшава, 1910) В. А. Мошков опередил известного немецкого философа Освальда Шпенглера, создав картину мировой истории базирующуюся на культурно-биологических циклах, причем не ограничился констатацией смены великих цивилизаций, а развил свои взгляды, предсказав историю России до 2062 года. Его предсказания до сегодняшнего момента сбылись, в то время как концепция Шпенглера развалилась, ибо многие цивилизации, например, Индия, Китай, арабский мир, сегодня начали второй цикл развития, что невозможно согласно логике немецкого философа.

Имя Владимира Александровича Мошкова сегодня несправедливо предано забвению, как и имена многих других русских ученых, создавших монументальное строение русской расовой теории. Многие некогда запретные темы ныне становятся доступными для обсуждения, забытые страницы русской истории находят своих скрупулезных толкователей и популяризаторов. Но картина будет заведомом неполной, если мы, согласно установившейся традиции, будем умильно воспевать лишь поэтов, писателей и художников, обходя молчанием сам факт существования целой плеяды ученых-естествоиспытателей и натурфилософов, создавших оригинальные политические и философские концепции, ценность которых мы лишь начинаем постигать. Именно творцы русской расовой теории создали целостную картину мировидения на основе законов природы. В свое время их многотрудная кропотливая работа была по достоинству оценена как светской, так и духовной властью, востребована в деле построения и укрепления Российской Империи. Поэтому сегодня никакая реставрация Русской государственности не может обойтись без данного научного опыта.

Следовательно и все рассуждения о русском духе должны иметь под собой фундамент расовой биологии. Деяния отцов русской расовой теории должны стать достоянием самых широких слоев общественности и занять подобающие им места неугасимых ориентиров на пути великого движения белой расы и русского народа, в частности.

Данная работа никак не претендует на полное освещение заявленной темы, являясь первым опытом возрождения русской

расовой теории. Будем надеяться, что официальные историки, философы, социологи, культурологи найдут время и возможность, чтобы глубже разработать этот воистину золотоносный пласт русской науки.

Степан Васильевич Ешевский

О значении рас в истории

Приступая к изучению древней истории, не всегда отдают себе полный отчет в неизбежных трудностях этого изучения. Сравнивая этот отдел общей истории человечества с другими, например, с тем, который мы привыкли обозначать названием истории средних веков, легко подумать, что наука в своих исследованиях относительно истории древности дошла до конечных результатов, сказала свое последнее, окончательное слово, и нам остается только познакомиться с этими последними результатами во всей их полноте и ясности, отчетливо воспринять и сохранить в памяти последнее слово науки. Если где-нибудь историк может чувствовать под собою твердую почву, если где-нибудь в праве от него требовать строгой точности выводов, ясной определенности каждого суждения, так это, очевидно, в области древней истории. Предмет представляется вполне разработанным и притом не только в главных своих частях, но в мельчайших подробностях и притом во всей своей широте и разнообразии. И действительно, столько веков деятельность исследователей была почти исключительно обращена на разработку истории древнего мира, изучение которой давало, кроме того,

исследователю много преимуществ перед исследователем средневековья и новой истории. Не говоря уже о том, что древний мир, в лице своих полнейших выразителей, греков и римлян, завещал нам не только богатую литературу, не только огромное количество вещественных памятников, в которых полно и всесторонне выразились внутренняя жизнь и характер, идеи древних народов, — одним словом, не только богатейший материал и блистательнейшие образцы самого исторического искусства, которые навсегда останутся лучшею школою и примером для новейших историков. Не говоря обо всем этом, я укажу на одно, самое драгоценное преимущество, которым пользуется исследователь древности перед своим ученым собратом, посвятившим свои труды изучению средневековой или новой истории. Между древним миром и новым проходит слишком резкая черта. Древнее человечество, по-видимому, вполне завершило свое призвание: оно сошло в могилу, изжив и даже передав все свое внутреннее содержание, выразив вполне свои идеи не только в практической жизни, но и в вековечных памятниках литературы, искусства, законодательства. Нам ясен, по-видимому, не только исторический ход его существования, но и самые результаты, выводы его жизни. Получив богатое его наследие и начав новую жизнь, новые народы, пошедшие иными путями, руководимые иною путеводною звездою, могут произнести справедливый и безнравственный приговор над жизнью своих предшественников, могут относиться к ним свободно и спокойно. Этим огромным преимуществом не пользуется историк даже средних веков, не говоря уже об исследователе новейшей истории.

Как ни далеки от нашей современности так называемые средние века, каким таинственным полумраком ни подернут в наших глазах их блеск, историк еще не всегда может относиться к ним с полною свободой и бесстрастием. В тревожной, шумной жизни современности, по-видимому, совершенно отрешившейся от всего средневекового, на каждом почти шагу еще чувствуется таинственное влияние средних веков и часто совершенно неожиданно, но тем не менее очевидно и неоспоримо является доказательство, что они еще не кончили своих счетов с горделивою, забывчивою современностью, что они еще предъявляют свои права на жизнь и действительность. На наших глазах передовой народ нового человечества, практическая, положительная Англия еще крепко держится за средневековые формы своих учреждений, и притом вовсе не из какого-нибудь антикварного увлечения, а из веры в то, что это не мертвые формы, что в них еще

сохранилось живое содержание, пригодное для настоящего времени. С историей древнего, дохристианского человечества все счеты, кажется, уже кончены. Все, что оказалось в их наследстве пригодного для жизни новых народов, давно уже употреблено в дело, всему составлен отчетливый и полный инвентарь. Современность не чувствует на себе с их стороны того неясного, но тем не менее действительного влияния, от которого она не может еще освободиться относительно средних веков. Наука слишком долго, упорно и настойчиво трудилась над разработкой древней истории; от ее пытливого внимания не ушло ни одно мельчайшее явление жизни древних народов. Труды по египетской истории начались, например, несравненно позже, чем исследование истории Греции и Рима; Египет, по своей исторической важности, далеко не может равняться с Грецией и Римом; однако же простой каталог, брошюр и мемуаров об истории Египта, вышедшей года три тому назад, составляет целую книгу. Кажется, после всего этого наука могла бы подвести окончательно итоги, сказать последнее слово и обратить все свои силы туда, где предстоит еще так много труда, в не совсем еще обследованную область средневековой истории и истории нового времени. Особенно жизнь новых народов идет так быстро, разбрасывается так широко во все стороны, количество исторического материала так громадно, что, даже сосредоточив на его разработке все свои силы, историческая наука, конечно, все еще пожалуется не на излишек рабочих рук, а скорей на их недостаток.

Вспомним еще, что говорить о практичности нашего времени, о преклонении только перед осязательною пользою давно уже сделалось общим местом, что слышатся иногда голоса, горделиво отрицающие не только необходимость изучения древней истории, но и вообще пользу всякого исторического изучения. Эти голоса отрицают крепкую солидарность настоящего с прошедшим и в обращении к прошедшему видят скорей положительный вред, чем какую-нибудь, хотя бы и гадательную, пользу. Казалось, в настоящее время нора бы и удобно было бы раз навсегда покончить с разработкою древности, с этим жадным рытьем в могилах, откуда, кажется, выбрано уже все, и годное и не годное к делу, и где не остается ничего, кроме праха. Если в какую-нибудь эпоху всего менее уместно и законно может показаться археологическое увлечение древностью, то, конечно, в нашу, когда кипучая практическая деятельность увлекла и увлекает в свой водоворот всех и каждого, когда даже стены ученого кабинета плохо защищают от тревожных

запросов современной действительности и не всегда служат надежным убежищем для тихой, сосредоточенной деятельности мысли. Однако же никогда, быть может, как в эту шумную, исключительно практическую эпоху, на изучение древности не тратилось более сил, не являлось столько огромных капитальных трудов по ее истории. В течение последних 50 лет, для истории древнего мира сделано едва-ли не более, чем в предшествовавшие три столетия. И нельзя думать, чтобы деятели последних десятилетий, с таким жаром бросившиеся на изучение древности, были нечто вроде средневековых иноков, отрешившихся от мира с его насущными интересами, с его ежедневными волнениями, позабывших настоящее, чтобы всею мыслию перенестись в далекое прошедшее. Совсем напротив. В той же по преимуществу практической Англии одному из богатейших и деятельнейших банкиров наука обязана историей Греции, на которую пошло около 30 лет предварительных работ. Канцлер казначейства подверг тщательному пересмотру вопрос об эпической поэзии Греции, о происхождении бессмертных поэм, которые связаны с именем Гомера. Наконец, полковнику английской службы, представителю коммерческих интересов Англии на Востоке, обязана историческая наука ключом к разумению клинообразных надписей и полнейшим доказательством достоверности сказаний Геродота, какое мы имеем до сих пор. По другую сторону канала, какой-нибудь месяц тому назад, на Сену, при бесчисленном стечении народа, спущена была римская трирема в полном ее вооружении, построенная под личным наблюдением и по мысли императора французов. Ее вооружение было результатом долгой, мелочной работы целой комиссии специалистов над отрывочными местами древних писателей о постройке военных галер у римлян, над изображением кораблей на древних монетах и барельефах. [1]

Можно бы счесть эту постройку минутным археологическим капризом, если бы давно уже не было известно, что в течение нескольких лет Наполеон III посвящает все минуты своего досуга специальному исследованию о Цезаре, и что со всех сторон собираются всевозможные материалы для его биографии, приводятся в известность и обследываются самые отрывочные известия, относящиеся к его деятельности, снимаются слепки и фотографии с каждого бюста и статуи знаменитого триумвира и диктатора. Все это, конечно, заходит уже далеко за пределы каприза и минутной прихоти. В преимущественно практической натуре императора французов никакой проницательный и упорный наблюдатель, конечно, не найдет

и тени родственного сходства с тем детски доверчивым и простодушным антикварием, который возбуждал такой искренний смех и такую, еще более искреннюю, симпатию в читателях известного романа Вальтера Скотта. Известна ожесточенная борьба, идущая в настоящую минуту по ту сторону Атлантического океана, за которою с тревожным, сосредоточенным вниманием следит Европа, затронутая в своих материальных и духовных интересах. Едва ли какой-нибудь народ в мире отличается таким положительным, далеким от отвлеченности и идеализма характером, как североамериканцы. Вся сила страстного увлечения идет у них не в область отвлеченного мышления, не в область чистой науки, не в идеальный мир искусства, а обращена, кажется, всецело на практическую деятельность. Поэзия североамериканца едва ли не сказывается больше всего в гигантских предприятиях и работах, в увлечении широко задуманными спекуляциями. Однако, в настоящую минуту, когда североамериканское общество взволновано до дна настоящею борьбою, когда затронуты самые близкие его материальные интересы и идет вопрос о жизни и смерти, грозя распадением великого союза; в эту минуту, когда северные штаты объявляют неслыханный заем в 500 миллионов долларов на военные издержки и призывают к оружию 400.000 волонтеров, чтобы решить свой спор с рабовладельческими штатами, я едва ли ошибусь, если буду утверждать, что даже в эту минуту и, может быть, именно поэтому, среди шума оружия, среди тревожных забот о насущных интересах настоящего, в Америке готовится, быть может, не одно специальное научное исследование, находящееся более или менее в непосредственной и близкой связи с историей древнего мира, имеющее главною целью разъяснить одну из сторон ее, один из важных ее вопросов. И это историческое исследование готовится не с одною целью послужить оружием для политической и социальной борьбы, охватившей Северную Америку, хотя исторические исследования часто употреблялись и поминутно употребляются, как орудие для достижения целей, лежащих совершенно вне науки, ей посторонних и чуждых. Я убежден, что эти исследования, если они производятся в эту минуту, ведутся с благородным, страстным желанием дознания истины ради самой истины, помимо всех практических соображений, хотя поводом к ним и была настоящая политическая и социальная борьба севера с югом Американских Штатов. Мы увидим потом, какого рода исследований особенно вправе ждать европейский историк от своих американских собратий, и

на чем я основываю мое убеждение в возможности подобных исследований среди настоящих событий и даже по поводу именно этих событий. Одним словом, куда бы мы ни взглянули, повсюду видим не охлаждение к исследованиям в области древней истории, по-видимому так уже окончательно разработанной, не одно приведение в систему огромного количества предшествовавших трудов по этому предмету, а, напротив того, сильную, еще более оживленную деятельность, направленную туда, где, кажется, все менее представляется ей приложения. Чем объяснить это странное с первого взгляда явление? Неужели только силой привычки, только тем, что, посвящая более трех столетий свои труды классической древности, воспитываясь до сих пор большею частью на изучении древних писателей, ученые всех образованных народов не могут еще уклониться от того направления, которое дано было несколько столетий тому назад? Или, быть может, так велика чарующая сила памятников древней мысли и древнего искусства, что новая Европа, несмотря на практический, утилитарный характер новейшего времени не может еще освободиться от их обаятельного влияния? Привычка, рутина бесспорно играют важную роль в жизни человека; но одна привычка не устояла бы пред сравнительною трудностью изучения истории древнего мира, разумея изучение с целью добыть какие-нибудь новые выводы, получить новые приобретения для науки от этого изучения. На глубоко распаханном поле истории древних народов новые находки достаются с большим трудом, встречаются несравненно реже, чем там, где почва почти еще не тронута, где сырой материал остается еще не только не вполне переработанным, но очень часто еще не собранным, не приведенным в известность, где каждый шаг вперед может быть вознагражден новым, капитальным открытием. Прежде, чем думать о получении нового вывода в области древней истории, нужно вполне усвоить себе результаты предшествовавшего изучения, а это труд далеко не маловажный, принимая в соображение огромную массу ученых работ по истории древнего мира.

Чарующее влияние памятников древнего мира еще не утратило вполне своей силы и над современными нам поколениями; но мы далеки от того восторженного, беззаветного благоговения и преклонения пред классическою древностью, которым столь резко была отмечена так называемая эпоха Возрождения. Нам кажется странно и непонятно, что христианский первосвященник Рима мог клясться не иначе, как языческими божествами Греции, нисколько не

подозревая всей несовместности этого со священным характером главы одной из христианских церквей; нас поражает, когда мы узнаем, что один из ученейших и в то же время верующих итальянских писателей XV века, приступая, правда, к довольно трудному, но в сущности простому делу — переводу языческого писателя неоплатонической школы, не только готовится к нему постом и исповедью, но, верный господствовавшим тогда предрассудкам, не иначе приступает к нему, как уверившись помощью астрологических наблюдений, что созвездия находятся в самом благоприятном соединении для начала такого великого предприятия.

Фанатического обожания всего, что отмечено печатью классической древности, не найдем мы у новых исследователей; однако пророческие слова знаменитого Нибура, сказанные с лишком 30 лет тому назад с кафедры Боннского университета, начинают уже теперь казаться только выражением почти совершившегося факта. «Новое настоящее, — говорил он, — наступит для древнего мира, и через 50 лет появятся такие исследования об истории древних народов, в сравнении с которыми наши теперешние знания будут тем же, чем была химия сто лет тому назад, в сравнении с химиею Берцелиуса». Сравнение покажется поразительно верным, если вспомним, что слова Нибура относятся преимущественно к истории Древнего Востока, в изучении которой новая наука совершила изумительные успехи в самое короткое время; но оно остается верным, если мы приложим его и вообще к истории древнего мира. Стоит сравнить хотя бы один из новейших трудов по истории древнего мира с лучшим сочинением по тому же предмету, написанным в конце прошлого или в начале нынешнего столетия, чтобы убедиться, какое огромное, существенное различие лежит между ними, как изменилось и самое понимание древней истории и самые научные приемы ее разработки. С одной стороны, бесконечно широко раздвинулись ее пределы как науки, увеличилось количество материала, которым до тех пор располагала история, и увеличилось не столько вследствие каких-нибудь новых открытий, а еще более вследствие того, что много данных, которыми до той поры пренебрегал исследователь, как неотносящимися к предмету его занятий, бесполезными для его специальных целей, оказалось теперь материалом, не только бесспорно принадлежащим исторической науке, но, может быть, самым для нее драгоценным. С другой стороны, произошли новые интересы, влекущие к ее изучению. Оба

явления неразрывно связаны между собою, обусловливают одно другое. Расширение пределов, в которых до тех пор держалась история как наука, необходимо должно было привлечь к ее изучению новые силы, возбудить к ней новый интерес. Она перестала быть предметом занятий особого цеха ученых, предметом простой любознательности для прочих, перестала быть также и складочным местом, откуда в случае нужды добывалось оружие для борьбы, далеко не научной. Зато к ней обратились с запросами, которые привели бы в крайнее недоумение записных историков прошлых столетий, и обратились люди, не имевшие, по-видимому, ничего общего с трудолюбивыми исследователями прежнего времени, люди в высшей степени практические, чуткие ко всем стремлениям и интересам современности, но лишенные всякой способности понимания цеховой, самодовольной эрудиции. Я сказал уже, что невозможно объяснить археологическим капризом те настойчивые занятия историей Цезаря и его дома, которым уже давно предается император французов, несмотря на великие события, совершающиеся в жизни современной Европы, в которых ему суждено играть такую важную роль. Точно так же трудно объяснить их одним подражанием знаменитому дяде, который также любил посвящать свободные минуты изучению и объяснению Цезаревых «Комментариев». Исторические труды Наполеона III о Цезаре и его династии еще не обнародованы и трудно судить об их характере по тем отрывочным известиям, по тем слухам, которые проникают в публику; но нет никакого сомнения, что между ними и трудами его знаменитого соименника будет почти то же различие, какое предвидел Нибур между современной исторической наукой и историческими трудами начала нынешнего столетия. Можно смело сказать вперед, что в судьбах Цезаря главное внимание нового исследователя остановится не на его блестящих походах, которые любил подвергать критике Наполеон I, а на его политической, государственной роли, на причинах быстрого возвышения его династии, на условиях, от которых зависело ее существование и падение. В судьбах Цезаря и Августова дома не раз, быть может, с тревожным раздумьем искал или ищет державный комментатор исторического объяснения и оправдания своей собственной деятельности и тех указаний на судьбу своего собственного потомства, за которыми политические деятели прошедших столетий обращались к наблюдениям звездного неба, к вычислению соединения различных созвездий. Относительно исторических вопросов, занимающих американских исследователей,

нет никакого сомнения. Среди довольно разнообразных задач исторических, на которых останавливается внимание американских историков, один вопрос выдается слишком заметно на первый план и, очевидно, господствует над всеми другими. В области науки это тот же самый вопрос, который поставлен последними событиями с такой резкой, неумолимой определенностью в сфере политической, государственной жизни. И наука, и жизнь медленно приходили к сознанию его важности, долго касались его только слегка, с какою-то робостью избегая его решительной постановки, пытаясь обойти его, испытывая всевозможные компромиссы и сделки; для той и другой решение этого вопроса так или иначе становится, наконец, необходимостью. В жизни он близится уже к своему окончательному решению. В науке, где случайность не занимает такого важного места, где менее возмущений логического, естественного развития, его окончательное решение, может быть, не так еще близко; тем не менее обойти его нет возможности и он стоит на очереди. Это вопрос естественно-исторический, антропологический; но прежде и важнее всего вопрос исторический — вопрос о человеческих породах, о расах. Какова бы ни была его важность для политической жизни Североамериканских Штатов, его важность еще существеннее для истории, как науки.

Для истории, как науки, этот вопрос ни более ни менее, как вопрос возможности или невозможности истории человечества — того, что мы привыкли называть всеобщей, всемирной историей.

При изложении событий древней истории очень часто приходится говорить о племенных особенностях, указывать на отличительные черты племенных типов, искать объяснения известных исторических явлений в тех или других постоянных, можно бы сказать, прирожденных свойствах того или другого племени, являющегося на историческую сцену. Еще чаще, быть может, приходится указывать на могущественное влияние внешней природы, физических, климатических, топографических условий страны на ход ее исторического развития, на исторические судьбы ее населения. И особенности народного типа, характера и влияния внешней природы — два слишком сильные участника в историческом ходе событий, чтобы можно было пройти их молчанием, чтобы не остановить на них полного внимания. Многое в истории того или другого народа останется навсегда темным и непонятным, как бы богаты ни были письменные материалы для ее изучения, с какою бы подробностью ни было записано в его летописях каждое, даже незначительное, событие

его жизни, и с каким бы неутомимым вниманием и тщательностью ни изучали мы эти источники, если мы не обратим должного внимания на эти факторы истории. При более глубоком и полном изучении какого-нибудь народа, все ясней и ясней раскрывается тесная, необходимая и неизбежная связь между природою страны, этнографическими особенностями физического и нравственного характера населяющего ее племени с его бытом, экономическим, общественным и частным, с его политическими учреждениями и верованиями. Нельзя думать, впрочем, чтобы эта зависимость исторического развития народов от географических условий занимаемой ими местности, от внешней природы, наконец, от условия своего собственного племенного характера представлялась историку только в древних, еще сравнительно юных народах. Как ни поразительны победы нового человечества над внешней природой, во многих случаях обратившейся из почти полновластной владычицы в послушное орудие человеческой воли и человеческого разума; как ни велики победы, одержанные человеком над самим собой, над физической, животной стороной его собственной природы, над его собственными инстинктами, волей и наклонностями — победы, быть может, еще более блистательные, чем победы на условиями внешней природы — человек еще далеко не освободился из-под ее могущественного влияния. «Природа, — как сказал один из новейших германских историков, — не есть только предшественница истории и театр, на котором совершаются судьбы человечества: она постоянная спутница духа, с которым действует в гармоническом союзе. Человек, как естественное, конечное существо, и человечество, как конечный организм, подчинены с начала веков ее великим, неизменным законам». В истории древнего мира только ярче, только нагляднее представляется глазам историка тесная связь условий внешней природы с ходом исторического развития того или другого народа; но это потому только, что в начале своей исторической жизни человек еще не находил в самом себе достаточно сил и опытности для противодействия внешней природе, для борьбы с нею с помощью ее же собственных сил, должен был подчиняться ей, зависеть вполне от нее в удовлетворении своих первых потребностей и оттого в начале своей исторической жизни преклонялся перед внешней природой, не только как перед силой, еще им непокоренной, но как перед всесильным божеством. Тяжелый опыт тысячелетий изменил отношения человека к внешней природе; она потеряла над ним не только свое прежнее обаятельное влияние, не только утратила в его

глазах свой прежний божественный характер; во многих случаях она стала в служебное отношение к человеку, явилась смиренной и послушной исполнительницей его воли. Была минута, когда человек в упоении своими победами над внешней природой горделиво отверг не только зависимость человеческого духа от условий физической природы, но и всякую связь между человеческим духом и природой; провозгласил не только свою полную независимость, но и свою полную власть над внешней природой. Подобное обольщение продолжалось, впрочем, недолго. Опыты перекроить и перестроить человечество независимо от природных условий, по указаниям свободной фантазии, свободного духа, как-то не удавались и слишком дорого иногда стоили не только тому человеческому материалу, над которым они производились, но и самим производителям этих экспериментов. Изумленным глазам более внимательных наблюдателей неожиданно открывались одно за другим совершенно непредвиденные явления; в их сознание незаметно втеснялись смутные догадки о неполноте и недостаточности прежних, по-видимому, столь точных знаний, о несостоятельности прежних убеждений. Побежденная, приговоренная к рабскому служению свободному, самосознающему и самоопределяющему человеческому духу, природа оказалась далеко не так бессильна, как показалось было это в первом порыве увлечения. Не без некоторого страха заметил человек, что ее влияние не ограничивается миром внешних явлений, что следы этого влияния, и притом довольно могущественного, замечаются там, где человек считал себя всего более свободным — в нем самом, в его физической и даже нравственной природе. Наблюдения над статистикой преступлений обнаружили, что самые, по-видимому, произвольные проявления человеческой воли далеко не так произвольны, как они кажутся, и следуют некоторым постоянным законам, не совсем еще ясно понятным и определенным, но, очевидно, находящимся в прямой связи с законами внешней, физической природы, с особенностями племенного характера. Тот же Нибур, пророческие слова которого о будущем состоянии древней истории привели мы выше, в числе отрывочных мыслей, брошенных там и сям в его «Чтениях об истории древнего мира», указал почти мимоходом на возможность связи между историей болезни и историей политического и нравственного развития народов. Его указание было в виде простого предположения, даже более в виде вопроса, чем в виде положительного утверждения. Притом он ограничился указанием на одни заразительные болезни, появлением и

прекращением которых могут объясняться, по его мнению, целые отделы истории. Он бросил мимоходом заметку по поводу язвы, свирепствовавшей в Афинах во время Пелопонесской войны, что почти все великие эпохи нравственного упадка совпадают с великими заразами. Современное состояние естественных наук, отсутствие точных наблюдений над явлениями, значение которых понято так недавно и которые по самой натуре своей не так легко поддаются определению и, между тем, требуют для возможности каких-нибудь выводов огромного числа данных, и притом за более или менее продолжительный период времени, не позволяют надеяться, чтобы история могла в скором времени воспользоваться вполне помощью естествоведения для своих специальных целей. Но что мысль Нибура не простое предположение, хотя бы и весьма остроумное, что многое в судьбах исторических народов, необъяснимое с помощью одних так называемых исторических материалов, может объясниться только путем наблюдения над естественной историей человека, в этом, кажется, не может уже быть сомнения. Уже теперь являются факты, заставляющие отказаться от сомнений. В нынешнем году, например, вышел в Англии обычный отчет о статистике населения. Один отдел его посвящен медицинской статистике Лондона, где, между прочим, данные, относящиеся к состоянию народного здоровья в Лондоне в настоящее время, сравнены с подобными же данными, относящимися к XVII столетию. Это сравнение крайне любопытно. В этом сравнении всего лучше видно торжество науки, торжество успехов гражданственности и образования над прежде страшными врагами. Общая смертность несомненно уменьшилась в последние 200 лет. Моровые поветрия, прежде периодически опустошавшие страну, теперь совершенно исчезли. Смертность от некоторых болезней уменьшилась в Англии в сильной пропорции. От скорбута и кори, например, 200 лет тому назад, в Лондоне умирало ежегодно 142 человека на 100000 населения; теперь на то же число населения умирают только 2 человека, то есть в 71 раз меньше. Многие болезни, бывшие самыми страшными бичами лондонского населения 200 лет тому назад, теперь как бы обессилили и потеряли свой опасный характер, уступив перед соединенными усилиями науки и материального благосостояния. Но это только лицевая сторона медали… Если одни болезни потеряли свою силу и отошли далеко на второй план, зато на первый план выдвинулись другие, менее заметные и, главное, менее опасные в прежнее время. Если оспа, лихорадка, водянка, скорбут и т. п. болезни не требуют теперь такого

огромного количества жертв, какого требовали они прежде, зато в страшных размерах развились болезни нервов и мозга и болезненная наклонность к самоубийству, и число смертных случаев в 1859 году от этих болезней относится к числу таких же случаев во второй половине XVII века как 151 к 57, следовательно увеличилось почти втрое. Над таким фактом задумается историк, если даже он еще и не в состоянии воспользоваться им для своей науки. Подчиняясь новому, прежде неподозреваемому направлению, стали искать определенных общих законов даже там, где, по-видимому, невозможно искать чего-нибудь, кроме безграничного и самого полного произвола. Как на пример подобных исследований, укажу на сочинение Альфреда Мори о благочестивых легендах средних веков, вышедшее уже довольно давно тому назад, именно еще в 1843 году, но мало известное и в самой Франции, не говоря уже об остальной Европе, что, впрочем, совершенно объясняется исключительным, несколько односторонним направлением этой книги, которое много вредит ей, несмотря на несомненную добросовестность и редкое трудолюбие ее автора.

Приведенных фактов, я думаю, достаточно, чтобы обозначить характер невольного поворота в направлении науки, который совершился в недавнее время. И практический опыт и научные наблюдения — все привело к сомнению в прежнем убеждении, что человек, этот венец и царь творения, свободен от влияния природы и бесспорно господствует над ней, употребляя ее, как орудие или как материал, для осуществления своих целей. Философское построение истории на одних логических и метафизических основаниях едва ли возможно в настоящее время. Следствия изменения в направлении исторических исследований почувствовались тотчас же. Потребовался новый пересмотр прежних наблюдений, новая поверка добытых прежде результатов. Как скоро обнаружилась невозможность доказать полную независимость человеческого духа от внешней природы и господство его над ней, как скоро история перестала казаться свободным созданием того же духа, раздались голоса, которые предлагали низвести человека с высокой степени царя природы на несколько низшую степень совершеннейшего, более тонко развитого из всех членов животного царства. Не удалась попытка представить человека чуть-чуть не безусловным распорядителем и властелином физической природы, вследствие естественной реакции его представили высшим продуктом этой физической природы. Явились теории, по которым человек составляет только высшую, последнюю ступень в постепенном развитии животных организмов, последнее

звено той непрерывной цепи, первые звенья которой теряются в мире инфузорий и животно-растений. Следуя этим теориям, человек явился усовершенствованной обезьяной из пород gorillo, gibbon, chimpanze, обезьяной, путем медленного превращения в течение нескольких десятков тысячелетий потерявшей хвост, но зато выработавшей в себе, под влиянием благоприятных условий, более тонкие мозговые органы и некоторую способность и наклонность к философскому мышлению.

Не будучи совершенно чужды Европе, эти теории с особенной силой и успехом развились в северо-американской почве и там сформировались окончательно в систему. [2] И, действительно, если в какой-либо стране было возможно некоторое вознаграждение за естественное и понятное чувство самоуничижения, которое невольно теснится в душу последователя этой теории, так это в Северной Америке. Как ни тяжело для человека смирить свою гордость, особенно после таких недавних увлечений; как ни грустно сознательно, процессом собственной мысли, вследствие собственных наблюдений, добровольно стереть резкую черту, отделявшую его от мира животных, в Северной Америке возможны были по крайней мере некоторые материальные вознаграждения за это добровольное отречение от горделивых замыслов, за потерю самолюбивых иллюзий; там, кроме возможности и даже кажущейся необходимости во имя науки делить род человеческий на породы способные и неспособные к высшему развитию и цивилизации, на породы, призванные к жизни, и породы, обреченные на медленное, естественное вымирание, была еще возможность существу высшей породы, царю если не всей природы, то по крайней мере животного царства, представителю белой расы, способной к бесконечному совершенствованию, с полным спокойствием совести употреблять, как машину, как рабочую силу, негра, в котором, по счастию, еще сохранилось посредствующее звено между собственно человеком и высшей породой обезьяны. Там была возможность, уничтожая глубокий рубеж между человеком вообще и животным, провести зато еще резче границу между человеком высшей расы и человеком низшей организации — существом еще переходным от мира собственно животного к миру уже несомненно человеческому в высшем его значении. И здесь, как в тысяче подобных случаев, еще раз сказалась необходимая связь между практической жизнью, по-видимому, мало заботящейся об отвлеченных теориях науки, и наукой, не всегда думающей о практическом применении своих выводов, не имеющей

непосредственной целью прямое приложение их к жизни.

В изложении событий истории древнего мира необходимо часто указывать на племенные особенности различных народов, на зависимость многих явлений исторической жизни от условий внешней природы. Вот почему, во избежание возможной неясности и неправильного понимания, я считаю особенно нужным остановиться, приступая к изучению древней истории, на общем значении этнографических и этнологических вопросов, установить заранее ту точку зрения, с которой я буду смотреть на частные вопросы, представляющиеся так часто историку, исследующему древний мир, я считаю это важным не только для устранения возможных недоразумений — чего одного было бы, думаю, вполне достаточно для объяснения и оправдания моего отступления от рутинного, общепринятого приема в историческом изложении — но еще и потому, что вопросы, относящиеся, по-видимому, прямо к области естественной истории, разрешающиеся путем наблюдения над племенами, теперь еще заселяющими землю, еще не сошедшими с исторической сцены, непосредственно и прямо имеют огромное влияние и на понимание событий древней истории. Мало того: значительная часть материала, необходимого для их разрешения, берется из области древней истории, и наша наука, подвергаясь в своей разработке более или менее сильному влиянию со стороны естественно-исторических исследований, в свою очередь призывается ими на помощь, и часто исторические памятники, результат чисто исторических исследований, употребляются естествоиспытателями не реже для их собственных работ в сфере их специальности, как и результаты, добытые натуралистами, идут в помощь историку. Идя совершенно независимыми путями, мало, по-видимому, заботясь о взаимных успехах, все науки невольно вступают в неизбежную связь между собою, и решения многих из своих спорных вопросов история может ожидать только от соединенной, дружной деятельности историков, лингвистов и натуралистов, или же, ограничась одними естественными средствами, она должна навсегда отказаться от всякой надежды на их разрешение.

Вопросы о происхождении племен, отношении и родственных связях одного племени с другим далеко не новы в исторической науке. Они поднимались и разрешались еще в древности. Но значение этих вопросов и приемы для их разрешения имеют свою историю. Приступая к разрешению подобного вопроса, исследователь XIX столетия по Р. Х. имеет в виду совсем не ту цель, не того ищет, чего

искал в этом разрешении исследователь древности или же историк других, ближайших к нам эпох. Точно так же новый исследователь употребляет совсем не те приемы, работает не над тем материалом, ищет указаний не в тех признаках, как исследователь прежнего времени. Для историков древнего мира вопрос о происхождении и родстве племен был или вопросом народного самолюбия, или же делом простой любознательности. Указаниями на происхождение и родство племен были более ни менее темные исторические и мифологические предания, или же сходство имен, или, наконец, некоторые чисто внешние признаки. Выведение своего начала от того или другого известного племени так же тешило народное самолюбие, как и притязание на происхождение от какого-нибудь божества, или полубожественного героя. В эпоху усиления своего политического могущества Рим любил с гордостью указывать на свое происхождение от троян, выведенных в Италию Энеем. То, что за 6 столетий до Р. Х. было не более, как чрезвычайно смутным, отрывочным, мифологическим сказанием, обратилось в эпоху, ближайшую к началу христианской эры, в твердое национальное верование Рима, и усомниться в его истине значило бы глубоко оскорбить народную честь и гордость. Заключая союзный договор с этолянами, римляне торжественно объявляют, что главная причина, почему этот договор возможен, это то обстоятельство, что этоляне не принимали участия в походе против Трои, и, следовательно, в разрушении Троянского царства. Энеида Виргилия окончательно выразила и утвердила убеждение в троянском происхождении Римлян. Как ни драгоценны для историка народные и мифические предания, в которых очень часто только и можно найти древнейшие воспоминания народа об его давно прошедшем, но этот материал, чем он драгоценнее, тем больше осторожности требует для своей разработки, и, можно смело сказать, только в связи с другими данными служит надежным указанием. Взятый сам по себе, отдельно, без проверки и объяснения, в его непосредственности, он скорей может только затемнить настоящее понимание, чем навести на истину, и во всяком случае не даст всего того для науки, что может дать. Историческая же критика находилась еще в младенческом состоянии в древнем мире. Какие несовершенные, чисто внешние приемы употребляли древние исследователи там, где мифические, народные предания не давали им никаких указаний на родственную близость различных племен, можно видеть из того, что один из трудолюбивейших исследователей италийских древностей, не находя под руками других указаний на

этнографические определения одного племени, указывает на форму щитов, как на единственный признак, по которому он может сблизить его с другим, хорошо известным ему племенем. Я не хочу этим сказать, чтобы у древних исследователей недоставало наблюдательности, способности всматриваться глубже в черты народного характера и быта. Уже одни рассказы Геродота, которого недаром называли отцом истории, служат блистательнейшим доказательством противного. До сих пор они служат драгоценнейшим материалом для новых исследователей этнографии древнего мира, и чем дальше идет вперед историческая наука нового времени в своих разысканиях, чем большим материалом может она располагать для своих исследований, тем большую достоверность получают показания греческого историка, которого так часто обвиняли прежде не только в легкомыслии, но и в умышленной лжи. Древним исследователям недоставало не наблюдательности, но строгого метода в исследовании, сознания важности и значения затрагиваемых ими вопросов; а если мы вспомним, как недавно начал вырабатываться этот научный метод и зародилось сознание всей важности этнографических вопросов, конечно, мы не посмеем легкомысленно укорить древних историков, а тем с большею благодарностью примем от них массу исторического материала, который они собрали и передали новой науке, хотя сами не в состоянии были им воспользоваться и даже не сознавали всей важности совершаемого ими дела. В продолжение средних веков мы, разумеется, еще менее можем расчитывать на более правильную постановку вопроса и на более удачные опыты его разрешения. Наука средних веков долгое время была смутным воспоминанием о науке древнего мира. От нее нельзя было не только ожидать выработки новых приемов, но даже и собирания материалов для будущей разработки. Достаточно сравнить сухие, безжизненные, отчаянно краткие монастырские летописи средних веков с историческими трудами классической древности, чтобы убедиться в этом. Самое подражание древности скорей вредило самостоятельному развитию науки, чем помогало ему; но и знакомство с древнею наукой ослабевало постепенно в течение средних веков. Эпоха возрождения наук, эпоха возобновления изучения и знакомства с классической древностью уже лежит за пределами средневековой истории. Этой эпохе предшествовало время почти полного забвения классических преданий. Средние века получили в наследство от древности мысль, что происхождение от троян есть самое аристократическое происхождение для каждого

народа, и каждое племя, каждый город, каждая династия Западной Европы бросились выводить свой род от троянских выходцев. Это стремление новых народов связать свои судьбы с племенами и героями гомерического эпоса началось очень рано и уже Иорнанд, например, говорил о том, что франки во второй раз разрушили Трою. Потом франки явились сами непосредственными потомками Троян, и французский король Лудовик XII, после победы при Равенне, принял своим девизом слова: «мститель предков Трои». Не было города, который не гордился бы тем, что он основан одним из спутников Энея. Северные народы также увлеклись общим направлением, хотя иногда и не заходили так далеко в своих генеалогических притязаниях, довольствуясь родством с римлянами. Даже в России выводили происхождение первых наших князей из рода Августа. Само собой разумеется, подобные фантастические стремления могли только принести существенный вред науке, отвлекая внимание, заслоняя от глаз немногих ученых действительную важность этнографических исследований, действительно исторический материал, одно простое собирание которого могло бы принести величайшую пользу, и устремляя их деятельность туда, где нельзя было ожидать ничего, кроме произвольных, бесплодных сближений, кроме бесполезной траты сил и времени. В этом отношении начало нового времени стоит далеко назади относительно древности. Древние историки также основывались на мифических сказаниях, но они собирали их и притом близки были к самому роднику их происхождения. Для средневековых писателей эти предания были чуждыми, непонятными отголосками чуждого им мира; они заимствовали их не из живой памяти народа, а из немногих книг, им самим известных часто только по слуху; собственные национальные предания они не всегда удостаивали заносить даже в свои летописи и во всяком случае не придавали им такой важности, какую имели для них предания классической древности. Такого внимательного наблюдения над бытом и нравами народов, какое мы видим у Геродота и Тацита, не находим у писателей средневековой Европы. Возобновление ближайшего знакомства с памятниками классической древности, восторженное поклонение перед всем, что носило на себе отпечаток греко-римской цивилизации и настойчивое изучение всех остатков древнего мира, было началом нового развития европейской науки, придало ей небывалое движение и новую жизнь. На первый раз, впрочем, оно не имело особенного влияния на разработку этнографических вопросов, а еще менее могло тотчас же

подействовать на изменение в их постановке и в их понимании.

Новая наука долгое время шла по путям, указанным ей древностью, а мы видели, как понимала древность эти вопросы, и какие приемы употребляла она для их разрешения. Увеличилось только количество употребляемого материала, и возможность для его собирания и обработки; метод остался прежний. Даже развитие филологических знаний на первое время не оказало существенной пользы, хотя в исследованиях о происхождении и родстве племен между собою чаще и чаще стали прибегать к помощи языкознания. Но и тут приемы были чисто внешние. Чтобы решить, от какого корня идет то или другое племя, с какими племенами находится оно в более или менее близкой родственной связи, обращались к языку и в нем старались найти указания — мысль глубоко верная, хотя настоящее ее приложение началось только в последнее время. Почти вплоть до последнего столетия сравнительное изучение языков ограничивалось только сравнением отдельных слов, взятых почти совершенно без всякой связи с языком, из которого они были заимствованы, причем бралось в расчет только их внешнее, фонетическое сходство одного с другим, и на основании этого сходства звуков решался иногда весь вопрос о происхождении того или другого народа. Слова, выхваченные отдельно из языка, к которому они принадлежали, отрешенные от той почвы, на которой они образовались, были мертвым материалом, над которым изощрялось остроумие исследователей; в них не было устойчивости против произвола; они шли послушно под всякую систему, во всякую комбинацию, придуманную досужей фантазией. Этимологические сравнения поэтому мало принесли пользы для исторической этнографии, хотя число исследований о происхождении (de origine) различных народов поражает своей громадностью. Слова, как остроумно замечает один из известнейших историков XVIII века, подымали на этимологическую дыбу, подвергали всевозможным истязаниям и вымучивали из них желаемое показание, заставляя произносить тот звук, которого от них добивались. При помощи таких произвольных этимологических сложений, можно было доказать какое угодно происхождение всякого народа, породнить его с кем угодно. Стоило только подыскать в словарях достаточное количество слов, особенно же местных и личных имен, которые у сравниваемых народов произносились более или менее одинаково и которых значение могло быть сколько-нибудь сближено между собой, и на основании их можно было доказывать родственность их происхождения. Масса написанных в этом

направлении сочинений и разнообразие выводов истинно изумительны. В нашей, сравнительно молодой, исторической литературе можно составить, пожалуй, небольшую библиотеку из сочинений, решавших вопрос о происхождении варягов-руси. И откуда не выводили их? От всех европейских народов, от хазар, персиян, финнов. Их искали, наконец, за пределами Старого Света, в Америке. Не принося особенной пользы, эти фантастические сближения только затемняли вопрос, только загораживали дорогу добросовестному исследователю, принужденному прежде, чем приняться за свою работу, осилить эту массу прежних исследований, из которых каждое, кроме притязаний на непогрешительность выводов, гордилось обыкновенно открытием новых данных, указанием на новые материалы для разрешения вопроса. Немудрено, что увлечение подобными этимологическими сравнениями потом уступило место не только равнодушию к ним, но и недоверию, оправдываемому действительными злоупотреблениями этим способом. Боялись употребить в дело и действительно плодотворные сближения именно потому, что подорвана была вера в законность и пользу вообще всех подобных сближений, в ценность вообще всех выводов, основанных только на них одних.

Несравненно важнее для решения такого существенного исторического вопроса, как вопрос о происхождении и родстве исторических народов, было самостоятельное развитие тех наук, которые, по-видимому, всего менее заботились о том, чтобы доставить истории материалы для его разрешения — самостоятельная разработка права, языкознания, истории верований и естествоведения. Отказываясь от участия в решении собственно исторических вопросов, не подозревая в большей части случаев самой возможности этого участия, преследуя свои специальные цели и задачи, самостоятельная разработка этих наук оказала однако же огромное влияние на самую историографию. Начавши исследованием частных вопросов, входивших непосредственно в область их науки, изучая отдельные явления, идя путем, так сказать, монографическим, и наука права, и языкознание, и естествоведение пришли однако же, почти одновременно, к сознанию необходимости сравнительного изучения, без которого часто невозможно объяснение частных явлений. Изучение законодательств отдельных народов, с целью понять и объяснить каждое из них в самом себе, привело невольно к указанию на сходство и особености законодательств различных народов, и на первый раз исследователей поразили не столько эти особенности в

законодательстве того или другого народа, сколько сходство между некоторыми юридическими понятиями, между некоторыми постановлениями, невольно замеченное в законодательстве различных народов — сходство, бросавшееся в глаза, напрашивавшееся на объяснение. Исследователь юридических памятников одного народа, вовсе не желавший выходить из круга своей специальности, часто вопреки своей воле, принужден был обращаться к изучению права у других народов — до такой степени поразительно это сходство. И здесь, как в этимологических сближениях, первый прием для объяснения был чисто внешний. Где замечалось сходство, там было или заимствование, или же одинаковость происхождения. Проще всего на первый раз, разумеется, было объяснение этого сходства внешним заимствованием; но часто сходство юридических понятий и постановлений наводило на мысль о единстве происхождения. Раз пойдя путем сравнительного изучения, раз поддавшись желанию объяснить аналогию, существовавшую между явлениями, по-видимому, стоявшими вне всякой связи одно с другим, трудно было уже остановиться и снова замкнуться в тесном круге, из которого выведено было исследование часто помимо личной воли исследователя. Невольно рождались новые вопросы, требовавшие разрешения, и, чем глубже уходила наука в исследование частностей, тем яснее раскрывалась связь между ними. Сравнительное изучение законодательства принимало постоянно большие размеры, и в настоящее время заняло особое место в ряду наук юридических точно так же, как сравнительная анатомия сделалась отдельной, самостоятельной областью в ряду наук естественных.

Путем сравнительного изучения законодательства открылись многие заимствования одного народа у другого, влияние одного племени на другое, а также обнаружилось племенное родство между некоторыми племенами, или же это родство, казавшееся только вероятным прежде, получило теперь, через слияние юридических понятий и юридического быта, новое доказательство и подтверждение. Внимательное изучение обычного права, которое у всех народов предшествует письменному законодательству, и в котором всего яснее обнаруживаются характеристические особенности народного духа, привело к открытию таких аналогий, которые трудно было объяснить заимствованием, предполагающем по необходимости какие-нибудь столкновения, какую-нибудь, хотя бы посредственную, связь между племенами, где они замечены, но которых нельзя было также считать и за доказательство единства

происхождения, не подтверждавшегося никакими другими указаниями, напротив, казавшегося невозможным по всем другим соображениям. Так Гизо представил любопытное сближение между обычным правом древних германцев, как оно известно нам по описанию Тацита, и обычаем, сохранившимся до последнего времени у некоторых краснокожих племен Северной Америки. Он показал, что относительно некоторых пунктов и германцы и североамериканские дикари смотрели совершенно одинаково. Пользуясь поданным примером, можно в настоящее время представить любопытную параллель между постановлениями обычного права тех же германцев, но уже перешедшего в письменное законодательство, между постановлениями так называемых leges barbarorum и постановлениями обычного права некоторых из племен нашего Кавказа, еще сохранившимся в наше время. Внешнее заимствование здесь так же трудно предположить, как и между германцами и ирокезами.[3] Невольно является мысль, что развитие и определение юридических понятий у различных народов следует общим законам; что, развиваясь самостоятельно и независимо один от другого, народы, стоящие на одинаковой ступени исторического развития и поставленные под довольно сходные внешние условия, вырабатывают сходные формы быта, приходят к одинаковым понятиям, определяют одинаковым образом свои общественные и гражданские отношения.

При таком убеждении изучение юридического быта одного племени может много помочь изучению того же быта у народа совершенно иного происхождения и не находившегося притом ни в какой непосредственной связи с первым. Может случиться, что в то время, когда один народ еще сохранил в настоящем своем состоянии известные формы юридических и общественных отношений, для другого эти формы пережиты уже в отдаленном прошедшем, давно уже уступили место другим, более высшим ступеням гражданского развития, забылись до того, что о них сохранились только самые темные намеки, по которым одним невозможно составить о них сколько-нибудь ясное понятие. Так, изучение древнейших судеб еврейского народа много содействовало к пониманию так называемого патриархального быта, через который должны были перейти и на котором более или менее долгое время должны были останавливаться все другие исторические народы, затерявшие большею частью самую память об этом древнейшем своем состоянии, или сохранившие о нем только самое смутное воспоминание. Довольно долгое время только книги ветхозаветной истории могли

дать историку некоторое понятие об этом древнейшем периоде человеческого развития. В настоящее время они далеко не служат единственным источником. Изучение быта современных нам племен, стоящих на самых разнообразных ступенях образованности, начиная от самого грубого, дикого состояния до самой высшей цивилизации, какой до сих пор достигало человечество, дало возможность ближайшего знакомства с первоначальными и посредствующими формами быта, дало возможность судить о них не по одним, всегда не совсем удовлетворительным и не всегда достаточно полным, письменным известиям, а на основании непосредственного наблюдения. Совершенно неожиданно увеличивалось количество исторического материала, добывавшегося, правда, не историками, но тем не менее для них необычайно ценного. Открывалась возможность яснейшего понимания тех явлений, смысл которых оставался до тех пор неясен, несмотря на настойчивые усилия исторических исследователей, на их тщательную разработку собственно исторического материала или того, что мы привыкли прежде называть этим именем. Известно, что знакомство с современным ему бытом дитмарсенских крестьян навело Нибура на объяснение аграрных законов древнего мира, и выяснило ему смысл продолжительной и упорной борьбы за владение общественным полем, которая волновала римскую республику. Исследования над древнейшим бытом славян восточных и над остатками его, даже в настоящее время, могут во многом помочь русскому историку в объяснении некоторых явлений той же римской истории; но еще более плодотворно может оказаться приложение их к уяснению первоначальной истории народов германского происхождения.

Столько же, если еще не больше, как юридические науки, оказала или может оказать прямых услуг истории лингвистика, сравнительное языкознание. С одной стороны она перерабатывает для своих специальных целей материал собственно исторический, с другой она проникает своими исследованиями в ту область, куда не может идти самый смелый из исторических исследователей — в темную, таинственную область древнейшей эпохи человечества и отдельных его отраслей, в эпоху, предшествовавшую началу исторической жизни, хотя и имевшую сильное влияние на ход и направление этой жизни, одним словом, в ту эпоху, которую мы обозначаем теперь именем доисторической. Если уже переработка исторического материала филологами и лингвистами имеет такую важность для историка, то в отношении древнейших, доисторических эпох, он

находится в полной зависимости от успехов сравнительного языкознания, и ему остается только пользоваться результатами, добытыми на чужой для него почве, приемами ему неизвестными и недоступными. Успехи сравнительного языкознания раздвигают пределы исторической науки, приобретают для нее новую, огромную область, о завоевании которой историческая наука не смела мечтать несколько десятков лет тому назад.[4] Язык, на какой бы низкой ступени развития он ни стоял, является однако же результатом продолжительного процесса в человеческом сознании, и в то же время драгоценным, достоверным историческим материалом. В языке, какой бы он ни был, открывается целый мир религиозных и общественных понятий; в нем же хранятся указания на то, что пережил, перечувствовал и передумал народ, им говорящий, в ту отдаленную эпоху, когда совершалось обособление племен и, вследствие этого, обособление языков. Каждый народ является в истории уже с более или менее готовым орудием для выражения своих чувств и понятий, и прежде, чем у него явится первый собственно-исторический документ, первое предание о своем происхождении, первая сага или миф, не говоря уже о письменных памятниках, он завершил известный период своей исторической жизни; и единственным историческим памятником этого первоначального периода является язык этого народа. Для истории язык, как материал исследования, и сравнительное языкознание, как наука, являются почти тем же самым, чем для наук естественно-исторических мир остатков растительного и животного царств, хранящий в древнейших геологических формациях, и палеонтология, исключительно занимающаяся исследованием этих древнейших остатков органической жизни, часто не имеющих ничего общего с современной флорой и фауной.

Эта мысль о возможности для лингвистики оказать истории ту же услугу и помощь, какую оказывает палеонтология естественным наукам, уже не раз была высказана. Она выразилась в названии одного из новейших сочинений по сравнительному языкознанию, именно в заглавии труда Адольфа Пикте: «Les origines indo-europeennes ou les Aryas primitifs. Essai de paleontologie linguistique», первая часть которого вышла в 1859 г. В этом начале обширного труда автор, идя от всеми уже признанного единства происхождения народов индоевропейской расы, старается сделать первый опыт того, чтобы по древнейшим памятникам древнейших из исторических народов этого племени определить их первоначальную родину, хронологическую последовательность их обособления и отделения от общего корня,

вскрыть круг первоначально общих им всем понятий и наконец указать на древнейшие отношения к людям иных рас в ту отдаленную эпоху, о которой историческая наука, предоставленная самой себе и ограниченная разработкой собственно-исторического материала не может представит никаких, хотя бы и гадательных соображений. Как на один из любопытных примеров тех выводов, которыми может воспользоваться история, укажу на замечания Пикте о древнейшем значении слова варвар. Этим словом, перешедшим в новые языки из греческого, обозначали древние греки все племена неэллинского происхождения и неэллинской речи (barbare loquentes). Но это слово не составляет исключительной принадлежности языка греческого. В формах barbara, barvara, varbara и varvara оно встречается в санскритских памятниках индийской письменности и притом в памятниках, относящихся к древнейшей эпохе, в законах Ману и Магабгарате. У индусов это слово не только обозначает варвара в древне-греческом смысле, но и человека, отличающегося особенным характером волос, похожих скорее на шерсть, чем на волосы. Первое предположение было, что древнейшими соседями первоначальных ариев, предков индо-европейского племени, были племена негритянские; но исследования Лассена доказали, что негритянское племя не могло быть в древнейшем соседстве с первобытными ариями. Рядом соображений Ад. Пикте старается доказать, что слово varvara в первоначальном значении служило к обозначению племен финно-татарского происхождения, которые граничили с севера, и семитов, граничивших с запада с древнейшей родиной арийского племени. Не менее интересны исследования Пикте о значении имени, которым обозначались греки в иероглифических и клинообразных надписях и которое встречается также в индийских письменных памятниках (Iunan — в егип. пам., Iima — в клинообр. надп… Iavanas — в санскр., Iaove, Icove — у греков-ионийцев, Iavan — у евреев). Чтобы определить первоначальную родину арийцев, место, к которому относятся их древнейшие воспоминания, где они жили еще общей жизнью и где началось первое обособление отдельных племен индо-европейской расы, Пикте употребляет новый, своеобразный прием. Следя в языках индо-европейских за первоначальным значением и изменением общих всем этим языкам слов, обозначающих предметы внешней, физической природы, предметы растительного и животного царства, он думает воссоздать по этим остаткам древнейшее воззрение этого племени на окружающую его природу и, главное, составить возможно полный список тех

предметов растительного и животного царства, о которых в языке сохранилось древнейшее, общее всем народам этого племени, воспоминание. Если бы удалось это, легко бы уже было указать на страну, бывшую древнейшей и общей родиной всех народов индо-европейского племени; это было бы уже делом физической географии, потому что страна, в которой нашлись бы все те физические условия, о которых сохранились в языке всех народов этого племени древнейшие воспоминания, и была бы этой отыскиваемой общей родиной ариев. Разумеется, вскрыть под позднейшими, так сказать, наносными слоями слов и понятий эту древнейшую, общую всем основу — труд слишком громадный, превышающий силы одного человека, и сочинение Пикте остановилось пока еще на первом томе, заключающем общие соображения автора, оправдание его метода и только часть собираемого им материала. Даже о возможности выполнения задачи во всей ее полноте мы можем судить пока еще только гадательно; но мысль высказана и даже теперь уже приобретены некоторые результаты, довольно достоверные и во всяком случае далеко небезполезные для науки. Прием, употребляемый Пикте, сближает лингвистические исследования с исследованиями наук собственно естественных, и окончательное решение вопроса, если бы совершены были все предварительные исследования в области сравнительного языкознания, зависело бы от показаний физической географии, географии растений и животных.

Таково было участие сравнительного изучения права и сравнительного языкознания в возбуждении и решении чисто исторических вопросов. Можно бы долго остановиться на подобном же участии со стороны исследований в области религиозных верований, истории литературы и истории искусства. Даже скромные, мелочные, по-видимому чисто археологические исследования принесли свою долю в общую складчину, если можно так выразиться. Саксонский антикварий и этнограф Клемм, исследуя специально историю древнейшего оружия и орудий, дошел наглядно до убеждения, что и тут, в выборе и употреблении тех или других материалов для приготовления орудий, в придании им той или другой формы, человек следовал известным общим законам, одинаковым и для дикаря лесов Германии и Скандинавии, и для дикаря Америки и Африки. В его богатом этнографическом собрании, находящемся в Дрездене, древнейшие оружия и орудия расположены не по местностям и племенам, которым они принадлежали, а в хронологической последовательности их изобретения и

усовершенствования, начиная от камня, заостренного или округленного самой природой, и употребленного человеком как первый топор или молот, до более совершенных орудий из железа и стали. Боевая секира древнего мексиканца или островитянина Тихого океана лежит рядом с топором, вырытым из тех могил, рассеянных по Германии, которым немецкое простонародие дало загадочное название Hunengraber, Hunensteine, и часто самый привычный глаз не вдруг отличит их одну от другого.

Развиваясь совершенно самостоятельно и независимо одна от другой, преследуя каждая свои частные, специальные цели, все науки, имеющие предметом человека и его деятельность, своими результатами невольно приходят в соприкосновение одна с другой, доходят до выводов, близких между собой, до вопросов, равно интересных для всех их, с одинаковой настойчивостью требующих себе разрешения. Соединенные усилия этих наук, бывшие следствием не заранее задуманного плана, преднамеренной мысли, общей им всем, а естественного хода в развитии каждой из них, выяснили уже многое. Благодаря им открылось, что право, язык, верования, искусство не суть произведения каких-нибудь случайных причин, что в их развитии существуют известные, неизбежные законы, открылось много общего в развитии народов, по-видимому совершенно различных, не входящих никогда на памяти истории в близкие сношения между собой, которыми могло бы объясниться это общее, как заимствование. Аналогия, сходство, иногда доходившие до полного тождества, обнаружились там, где всего менее можно было их подозревать. Но вместе с этим общим выяснилось и частное отличие, племенные и народные особенности. Человечество открылось сознанию не только как безразличная масса, развивающаяся всюду и всегда одинаково: в нем выяснились, напротив, частные, можно сказать, почти индивидуальные особенности, более или менее резко отличающие одно племя от другого. Разнообразные и разносторонние исследования показали, что человечество распадается на отдельные группы, отличающиеся одна от другой не одними внешними признаками, которые, разумеется, прежде всего и уже издавна бросались в глаза каждому, но и некоторыми особенностями в своей нравственной, духовной природе, особенностями характера, склада ума.

При помощи исследований, направленных с разных сторон на изучение человеческой природы, племена, делавшиеся их предметом, оказывались в более или менее близкой связи одно с другим, сами

собой группировались по внутреннему сходству своей природы. Одним словом, в то же время, как замечалось взаимное сходство, аналогия, еще резче, быть может, выступили наружу не только особенности, отличающие одну группу человеческих племен от других, но и характеристические особенности отдельных племен, принадлежащих к одной и той же большой группе. Многих вопросов не могли решить, хотя бы и соединенными, дружными усилиями, названные мною науки. Они обнаружили только, с одной стороны, замечательную устойчивость племенного характера, несмотря на исторические судьбы этого племени, хотя, с другой стороны, они же доказали, что эта устойчивость далека от неподвижности, что изменение внешних условий, столкновения с другими народами, знакомство с чуждыми верованиями и с чуждой цивилизацией имеют сильное влияние на видоизменение племенного характера. Как далеко идет эта изменяемость или как крепка эта устойчивость, другими словами, представляют ли племенные группы особенные постоянные типы, доступные изменению лишь в известных пределах, или самое разнообразие их есть следствие более или менее случайных условий, временное следствие известных обстоятельств и несущественно само по себе; говоря еще яснее, вопрос о том, составляют ли эти разнообразные группы только части единого по природе и призванию человечества, или же каждая из них составляет особое целое, не менее отличное от других групп, как отличны один от другого виды животного царства — эти вопросы, неразрешимые ни для истории, ни для других наук, с нею соприкосновенных, могли быть решены только естествоведением, хотя их разрешение было делом первой важности для истории, хотя самое значение истории, как науки, до некоторой степени зависело от этого.

Действительно, первые попытки научной классификации рода человеческого по группам принадлежат естественной истории. Первый опыт распределения рода человеческого на отдельные группы научным образом принадлежит известному гёттингенскому профессору, Блюменбаху,[5] еще в 1775 году издавшему свою докторскую диссертацию «De generis humani varietate nativa», за которой следовали другие труды, доставившие ему общеевропейскую известность. В основу его деления легло не только различие в лицевом угле, замечаемое уже и прежде между различными породами, но различие всего черепа. Блюменбах предложил известное деление рода человеческого на пять пород (кавказскую, или европейскую — белую; монгольскую — желтую; эфиопскую — черную;

американскую — красную и малайскую). Знаменитый Кювье предложил новое деление. Он не ограничился одними физическими особенностями, но старался, где было можно, брать во внимание и подметить особенности, существующие в духовном и нравственном характере народов, а также сходство или различие в языках. Кювье принял только три главные группы в человеческом роде, именно — группу кавказскую (или белую), монгольскую (или желтую) и эфиопскую (или черную). Две последние породы Блюменбаха были в его глазах только переходными формами между этими тремя главными. Деление французского натуралиста Ласепеда, принимавшего пять главных пород, представляет некоторые отличия от систем Блюменбаха и Кювье, как по распределению племен, так и по некоторым названиям (кавказско-арабо-европейская, гиперборейская, монгольская, эфиопская и американская; малайская группа Блюменбаха и все племена пятой части света отнесены Ласепедом к монгольскому племени); но Ласепед принимает за основу деления те же признаки.

Особенную важность имеют исследования англичанина Причарда, посвятившего много труда и времени работам над этнографией и издавшего большое сочинение под заглавием «Естественная история человека». Причард, основываясь на более резко выдающихся особенностях формы и строения человеческого тела принимает 7 главных групп или, как он называет, 7 главных разновидностей человечества.

1) Индо-атлантическая или иранская, занимающая почти сплошь все пространство от Индии до Атлантического океана. Она отличается от других групп некоторыми особенностями строения тела, в числе которых правильный овал лица без выдающихся скул или челюстных костей, занимает первое место. Совершеннейшим представителем этого типа были древние греки. Что касается до цвета кожи этой группы, то он переходит все оттенки от совершенно белого до самого смуглого, почти черного.

2) Туранская отрасль (монгольское племя Кювье). Отличительный признак — развитие скул, отчего лицо кажется очень широким и угловатым.

3) Американские племена, за исключением эскимосов. Для племен этой отрасли Причард затрудняется найти общий им всем характеристический признак, хотя у большей части из них глубоко впалые глаза и сильно развитые скулы, не придающие, впрочем, лицу той угловатости, которая отличает лицо племен туранской отрасли.

4) Готтентоты, по строению тела более всего близкие к калмыкам, племени туранской отрасли, но отличающиеся от них волосами, похожими на шерсть.

5) Негры, кроме черного цвета кожи и шерстовидности волос, отличающиеся от других отраслей сильным развитием скул, но не вбок, как у туранской отрасли, а вперед, и выдающимися челюстями.

6) Шестая группа заключает племена под именем Negritos или Papua, обитающие на некоторых островах Южного океана и на юго-востоке Азии, чернокожие, с шерстовидными волосами, до сих пор еще мало исследованные;

наконец, 7) также еще не совсем хорошо известные Alfurus, или темнокожие, с гладкими волосами, племена живущие во внутренности Молукских и на других юго-восточных и австралийских островах, а также и другие племена Австралии и островов Южного океана.

Из этих опытов систематической классификации, принадлежавших ученым, слишком известным добросовестностью и тщательностью исследований, имевших в виду чисто научные интересы и цели, помимо посторонних соображений, видно уже до какой степени велики были трудности этой классификации, как трудно было установить научным образом внешние признаки, которые можно было бы принять за основу деления, и как возможны были противоречия и разногласия в этом делении, как велика была доля произвола, независимо от желания исследователей. Заметим, что все названные исследователи приступали к делу без заранее принятой мысли, без заранее предположенной цели, которой они желали бы достигнуть. Все они, кроме того, сходились в основном положении и конечном выводе, именно в признании первоначального единства рода человеческого, а Причард кроме того принадлежит к самым горячим приверженцам теории о единстве происхождения всего человечества. Если было так трудно классифицировать на основании физиологических признаков отрасли, идущие от одного и того же корня, то эти трудности сами собой должны были еще усилиться в случае, если бы исследователь задумал определить те первоначальные группы, из которых развилось современное человечество, предполагая исконную раздельность этих первоначальных групп, возникших независимо одна от другой. Действительно, какую бы физиологическую основу деления ни принимали исследователи, всегда до сих пор оставалось довольно значительное число племен, к которым не совсем прилагалась эта основа, которые представляли классификатору иногда почти неодолимое затруднение в том, отнести

ли их к какой-нибудь определенной группе или же составить из каждого из них особую группу, увеличивая таким образом число первоначальных групп и иногда отнимая от принятой основы деления ее всеобщность, потому что она не всегда оказывалась приложимой к некоторым племенам. Число групп, принимавшихся за первоначальные типы, увеличивалось поэтому при каждом новом пересмотре существовавших прежде делений и увеличивалось довольно произвольно.

Особенно ярко обнаружился этот факт в делениях тех исследователей, которые не признавали первоначального единства человеческого рода. Вирсей [6], первый давший полигенизму (учение о различном происхождении отдельных групп человеческих) научную форму, признавал только 2 первоначальных вида (Species, especes) человеческого рода, делившиеся каждый на 3 породы. Через 24 года Бери Сен-Венсан уже признавал этих видов 15; через год Desmoulins [7] прибавил еще один новый вид. Чтобы не оставлять европейской почвы, на которой первоначально родились и начали формулироваться эти теории, я укажу на новое сочинение бернского профессора Макса Перти (Grundzuge der Ethnographic, 1859), который представляет новый опыт систематической классификации человеческого рода. Он признает три основные первоначальные группы: 1) арийско-океаническую, подразделяющуюся на 10 отраслей, 2) турано-американскую с 3 подразделениями, и 3) африкано-австралийскую, которая распадается на две группы: а) собственно африканскую с 3 еще подразделениями и b) индийско-австралийскую с 2 главными подразделениями.

Еще большая дробность и больший произвол является у американских исследований, у которых всего более встретило сочувствия учение о различном происхождении племен, на которое делится человечество. Один из первых основателей американской школы полигенистов, Мортон, делит человеческие группы на 22 семейства, которые делятся в свою очередь на многие виды. [8] Глиддон принимает уже 150 фамилий. Эти дробления дошли до того, что американские полигенисты пришли, наконец, к мысли, что каждое племя сотворено или родилось отдельно. Даже там, где родство и единство происхождения известных племен считалось делом доказанным полным согласием показаний со стороны истории, лингвистики и самого естествоведения, полигенисты готовы видеть полное различие, отсутствие всякой родственной связи, и Нокс с торжеством сравнивает облик русского крестьянина с физиономией

греческого горца, чтобы убедить, что они не могут происходить от одного корня. Он не останавливается перед смелостью, новизной и неожиданностью выводов, и сам так определяет цель своего сочинения: «Цель этого труда — показать, что так называемые нами европейские породы различаются одна от другой так же резко, как негр отличается от бошмена, кафр от готтентота, краснокожий индиец от эскимоса и эскимос от баска». Каждое из этих племен является ему, как особый вид, возникший совершенно независимо. Дальше этого трудно идти в полигенизме или, идя этим путем можно доказать, на основании таких же внешних признаков с равным успехом, что высший класс лондонского населения, и в особенности аристократический круг, сотворен совершенно отдельно и самостоятельно от низших классов того же лондонского населения, потому что, сравнивая лицо и телесное телосложение с физиономией и телом лондонского пролетария, мы будем поражены их различием, конечно, не менее, чем при сличении портрета русского мужика с портретом греческого горца. Как ни поразительны подобные выводы и убеждения, их явление объясняется самим свойством поднятых вопросов, трудностью их окончательного разрешения при современном состоянии наук и сбивчивостью основных понятий, неопределенностью и неустановленностью некоторых определений, не говоря уже об отсутствии точных наблюдений, о малом еще знакомстве с некоторыми данными. [9]

Отличительным признаком, по которому можно судить о родственном или чуждом друг другу происхождении различных племен, должны служить их физические и физиологические особенности. Действительно, мы не только замечаем более или менее резкое, бросающееся в глаза, отличие физического типа у различных племен, но и замечательную устойчивость в сохранении раз уже сложившихся, выработавшихся племенных типов, несмотря на историческую судьбу этих племен. Не говоря уже о таких резких противоположностях, которые представляют между собою негр и европеец, житель Китая и краснокожий туземец Северной Америки, финн и малаец, различие племенных типов довольно резко бросится в глаза даже между племенами, принадлежащими к одной группе, близкими одно к другому и по своей натуре и по местности. Трудно не отличить с первого взгляда англичанина от француза, немца от итальянца. В одном и том же народе противоположности между населением различных областей бывают иногда резче, чем противоположности между различными народами. Укажу на довольно

резко бросающееся в глаза отличие овернского типа от господствующего в других областях Франции. Но если некоторые типические особенности так наглядны, по-видимому, для самого поверхностного наблюдения, это не значит еще, чтобы они легко могли служить основой для этнографического деления. Напротив, приняв их одни в основу классификации, встретим по необходимости многочисленные затруднения. Цвет кожи, волоса, лицевой угол, объем и форма черепа и другие особенности, принимаемые за основание деления, никогда, однако же, не оказывались совершенно удовлетворительными для достижения предложенной цели; на основании их ни один классификатор не мог еще распределить племена по отдельным, резко отличающимся одна от другой, группам. Всегда оставались некоторые племена, в которых соединялись типические признаки по крайней мере двух главных групп и которые казались как бы переходом от одной к другой, или племена, которые исследователь затруднялся причислить к какой-нибудь из установленных им групп. Физиологические признаки, очень важные для определения родства одного племени с другим, оказывались иногда недостаточными для того, чтобы на них установить различие. Затруднение в классификации встречается даже в тех племенах, которые, по-видимому, более всего отличаются резкими особенностями, но которые не всегда соединяются в одну группу с другими, по-видимому, однородными племенами. Что может быть резче особенностей африканской черной группы? За исключением северной части Африки, она, кажется, распространена сплошной массой по всему африканскому материку, и однако же далеко не все племена чернокожие можно отнести к этой группе. На юге Африки, например, племена кафров и готтентотов уже выделены многими этнографами из негритянской группы.[10] Кафры имеют, правда, шерстовидные волосы и выдающиеся губы — отличительные признаки африканской группы, но цвет их кожи переходит уже из чисто черного в темный и их лоб несравненно выше, чем у собственно негров. Цвет кожи готтентотов еще бледнее, и они более напоминают китайцев или другое монгольское племя, чем негров. Их волосы, правда, похожи на шерсть, как у негров, но они несравненно жестче и притом растут как бы отдельными прядями. Племя Fulah в Сенегамбии резко отличается от негритянских племен сравнительно высшим развитием ума, гордостью и благородством, неизвестными большей части чернокожих племен. Его кожа не может назваться собственно черной, волосы только частью похожи на шерсть, и это

племя, по строению тела и очертанию лица, не имеет ничего общего не только с каким-нибудь племенем Африки, но и вообще ни с одним из известным племен земного шара.

Еще более трудностей представляет этнография Америки. Краснокожих дикарей Северной Америки невозможно считать исключительными представителями туземцев этой обширной страны. Это значило бы принять одну часть за целое. Между туземными племенами Америки замечается не господство одного общего типа, а напротив весьма большое разнообразие, и их, быть может, еще труднее соединить в одну общую группу, чем туземные племена внутренней и южной Африки. [11] Это разнообразие физических типов и степени умственных способностей замечается не только еще теперь в туземных племенах, что могло бы объясниться различными обстоятельствами, различной степенью сближения и смешения с пришельцами европейского материка и т. п., но оно существовало и задолго до открытия Америки европейцами и до поселения последних в странах Нового Света. Краснокожее племя далеко не может служить полным представителем всего туземного населения Америки; оно господствует только в северной его половине. В Южной Америке, напротив, встречаются желтокожие племена, по чертам лица, по выдавшимся угловатым скулам, по разрезу глаз столь близкие к племенам Восточной Азии, что они сами, при первом взгляде на китайцев, признали последних племенем родственным. Первые мореходцы, посетившие Южную Америку, рассказывают о белых людях с белокурыми волосами, которых они встречали; и теперь еще там есть племена, которые, по белизне кожи, если не могут сравниться с англичанами или немцами, то все-таки имеют кожу светлее, чем большинство жителей Испании или Италии. Уже первые путешественники открыли на Дариенском перешейке племена, совершенно сходные с африканскими неграми, а их показаниям можно вполне доверять, потому что испанцы хорошо были знакомы с африканскими неграми задолго до открытия Америки и не могли ошибаться. Это разнообразие племенных типов в туземном населении Америки засвидетельствовано не только рассказами первых европейских завоевателей и путешественников, не только наблюдениями над туземными племенами Америки, еще не исчезнувшими с лица Земли, чтобы уступить свое место переселенцам с западных берегов европейского материка, но и находит себе полнейшее доказательство в сохранившихся памятниках древнего искусства Америки. В весьма близком расстоянии от Гейдельберга,

под самым городом, есть небольшая деревушка Handschuhsheim, где находится богатейшее собрание мексиканских древностей, какое только существует в мире. Составитель его Карл Уде (Uhde), теперь уже умерший, воспользовался своим 25-летним пребыванием в Мексике (тотчас по прекращении ужасов пятнадцатилетней войны) и своим положением дипломатического агента, чтобы собрать эту огромную коллекцию (около 6500 номеров). В числе предметов мексиканской древности находится чрезвычайно много изображений божеств и еще более фигур и голов небольшого размера из глины и камня. Рассматривая эти изображения, нельзя не удивляться разнообразию племенных типов. Почти все существующие теперь племена Америки имеют своих представителей в этом собрании; но многие фигуры и лица поражают своим азиатским характером; есть головы, которые можно счесть совершенно китайскими; но еще более фигур с отличительными особенностями собственно монгольского племени. Не говорю уже о том, что некоторые фигурки несомненно японского происхождения. Знаменитый географ К. Риттер был поражен этим сходством тем более, что трудно, казалось, предположить сношения, а тем более родственную связь, между первобытным туземным населением Америки и материками Старого Света.

Таким образом изучение физиологических признаков, отличающих одно племя от другого, одну племенную группу от другой, приводит невольно к тому, что точное деление рода человеческого на отдельные группы, резко отличающиеся друг от друга, самостоятельные в своем происхождении и определенные в своих характеристических особенностях по крайней мере на столько же, как определенные виды животного царства, становится почти невозможным. Чем ближе знакомится исследователь с различными племенами, и чем более увеличивается этнологического материала, тем дробнее становится деление, и он доходит в своих выводах до предположения самостоятельного возникновения каждого племени, до предположения о сотворении рода человеческого по племенам. Некоторые исследователи, [12] оставаясь верны мысли о различном происхождении рода человеческого и предлагая свои догадки о его первоначальном делении, отказываются однако же от систематической классификации, основываясь на том, что человечество в современном его состоянии есть результат смешения различных видов, уже не существующих более в первоначальной их чистоте, и которых основные типические особенности теперь уже нет

возможности определить и восстановить.

Перехожу к другому вопросу, не менее важному и находящемуся в необходимой тесной связи с первым, именно к вопросу о постоянстве, неизменяемости основных племенных типов. Точно так же, как существование самих племенных типов, отличительных, характеристических особенностей, иногда чрезвычайно резко отделяющих одно племя от другого, не подлежит сомнению и известная устойчивость племенного типа и характера, его живучесть и постоянство. Вопрос состоит только в том, как далеко идет эта устойчивость, переходит ли постоянство, твердость хранения в неподвижность, точно так же, как, относительно существования племенных типов и физиологических особенностей, главное дело состоит в том, можно ли эти особенности принять за основные, существенные, по которым можно было бы разделить род человеческий на отдельные, не имеющие почти ничего общего одна с другой группы, возникшие совершенно независимо друг от друга под влиянием особых условий. Что племенной тип и племенной характер, каким бы путем они ни сложились, ни образовались, хранятся с замечательной упорностью — в этом нет ни малейшего сомнения, и история дает на это точно такой же утвердительный ответ, как и естествоведение. Когда сделалось возможным ближайшее изучение памятников древнего Египта, натуралисты, рассматривая скульптурные изображения египетских гробниц и храмов, нашли на них изображения тех же самых пород животных, которые существуют теперь; то же самое, еще с большей очевидностью, обнаружилось относительно растений. Микроскопические исследования над некоторыми частицами зерновых растений, сохранившихся в гробницах, доказали их тождество с существующими теперь видами этих растений; мало того, семена, каким-то чудом уцелевшие в течение многих тысячелетий, найденные и посаженные, дали росток и произвели растения, сходные с теми, которые растут и теперь. Те же самые выводы получаются внимательным изучением человеческих изображений, в таком громадном количестве покрывающих стены египетских гробниц и храмов. С первого взгляда на некоторые изображения бенигассанских памятников можно признать в них изображение людей семитического племени. Еще с большей очевидностью являются на египетских памятниках отличия собственно египтян от племен, принадлежащих к африканской черной, негрской расе. По древним памятникам не только можно воссоздать в главных чертах древнюю этнографию Египта,

определить, разумеется только в главных их отличительных признаках, племена, населявшие нильскую долину около 3,5 или 4-х тысяч лет назад, или же племена соседние, приходившие в столкновения с египтянами, но и найти в современных нам племенах Азии и Африки прямых потомков тех племен, изображение которых сохранили нам египетские памятники.

Укажу, как на другой пример постоянства и устойчивости племенного типа, на наблюдение натуралиста Мильн-Эдвардса над современными типами и на сравнение черепов в древних могилах Франции и Англии с черепами нынешних обитателей этих стран, блистательно подтвердившие чисто исторические исследования Амедея Тьерри о кельтском племени. Письмо Мильн-Эдвардса, богатое наблюдениями и сближениями, было переведено на русский язык и издано с примечаниями покойным Т. Н. Грановским. Знаменитый натуралист доказал с помощью множества наблюдений, что основные черты кельтского типа не утратились до сих пор в смешанном населении Италии, Швейцарии, Франции и Англии, а существуют еще и теперь в нем, и притом иногда в поразительной чистоте. Мильн-Эдвардс доказал не только существование кельтского типа вообще, но и проследил его в двух главных его видах, указал на границы, отделяющие кельтские племена гальской породы от племен кимерской отрасли. Цвет кожи, глаз и волос Мильн-Эдвардс не считал существенным признаком, допускал его изменяемость под влиянием различных климатических и других условий; он признавал также влияние смешения различных племен, допускал помеси и образование новых типов, и однако главный существенный результат его наблюдений было убеждение в том, что первоначальный тип какого-нибудь племени может сохраняться в главных своих чертах чрезвычайно долго, если не навсегда, несмотря на самые неблагоприятные условия, несмотря даже на смешение совершено различных племен. Живучесть характера, духа кельтского племени давно уже замечена, и теперь трудно уже не признать в характере современных французов родственного, и притом весьма близкого сходства, с древнейшим населением Галлии, от которого они, по-видимому, так разнятся и по языку и по историческим судьбам, не говоря уже о религиозных верованиях. И в последних, впрочем, при более пристальном изучении, найдется, быть может, несколько черт, намекающих на это родственное сходство. Недаром Франция до последнего времени осталась страною существенно католическою, несмотря на реформационные движения, одно время грозившие

овладеть ею, несмотря на распространение и силу философских учений XVIII века, называвшихся французской философией, несмотря на открытые провозглашения религии разума как господствующей религии французской республики. Католицизм пережил все эти тяжелые эпохи, устоял против всех врагов и остался не только господствующей, но и самой крепкой, живой религией Франции. Во Франции и соплеменной ей Бельгии католицизм сохранил не только свою живучесть и внутреннюю крепость, но, можно сказать, что эти две страны составляют главную опору и поддержку для самых крайних увлечений католицизма, здесь всего сильнее партия ультрамонтан, здесь самые горячие защитники светской власти пап и учения о подчинении государства церкви.

Невольно приходит мысль, что недаром эти страны были населены племенем, выработавшем в друидизме такую оригинальную систему вероучения со строгими формами жреческой теократии. Сближение тем сильнее напрашивается само собой исследователю, что в истории христианской церкви во Франции, особенно в первом ее периоде, нельзя не заметить некоторого влияния друидизма, бывшего в одно время и религиозным верованием и философской системой, на возникновение некоторых учений и убеждений в членах уже христианской церкви Франции. Укажу на Пелагия, знаменитого противника Бл. Августина в споре о свободной воле человека и о предопределении. Пелагий, правда, не был уроженцем Франции, но его родина была населена тем же самым племенем и его последователи более всего держались в Галлии и только в ней одной образовалось учение полупеллагиан, старавшихся, после победы мнения Бл. Августина, признанного церковью, согласить противоположные воззрения, или, под видом соглашения, удержать хотя некоторые положения из системы Пелагия.

Не останавливаясь далее на этом сближении, я не могу оставить Францию, не сделав еще одного замечания. Мильн-Эдвардс, основываясь на формах и размерах головы и на сравнении с черепами, находимыми в древнейших кельтских могилах, доказал живучесть физического типа древнейших обитателей современного населения Франции. Еще резче обнаруживается живучесть кельтских характеров, кельтской духовной натуры в тех же французах. На сходство французов с древними галлами любят указывать и враги и приверженцы французской нации и форм французской цивилизации. До последнего времени однако же единогласно соглашались, что, сохранив формы и размеры головы древних кельтов, еще более

удержав черты кельтского характера, французы, однако же, совершенно утратили некоторые важные отличительные признаки кельтского типа. По свидетельству древних писателей кельты были белокуры; у нынешних французов волоса по преимуществу темные и черные. Мильн-Эдвардс не считает цвета волос существенным признаком в племенном типе и для него это изменение не имеет особой важности; но изменение признавалось всеми.

В 1859 г. вышли в свет этнологические отрывки доктора Перье (Fragments ethnologiques l v. in 8. Paris. Victor Masson). Автор задумался над вопросом, почему французы, так полно сохранившие черты кельтской духовной природы, характер, темперамент, хорошие и дурные свойства, могли измениться физиологически, и из белокурого племени, каким представляют древние писатели галлов, сделались черноволосыми. С целью разрешить это странное для него явление, доктор Перье решился подвергнуть тщательному пересмотру известия древних о цвете волос кельтского племени, и результатом этого мелочного исследования было убеждение, что французы не утратили даже и этого второстепенного и несущественного физиологического признака кельтской натуры, что, оставаясь черноволосыми, они все-таки и в этом отношении являются прямыми потомками галлов. Он убедился, что галлы были так же черноволосы, и что показания древних писателей, повторяемые новыми исследователями, были следствием смешения собственно гэльских племен с действительно белокурыми племенами германского происхождения. Разумеется, нечего останавливаться здесь на доказательствах, приводимых автором в защиту черного цвета волос у древних галов, но я не могу не привести одного, очень решительного, именно затем, чтобы показать, как легко было ему опровергнуть укоренившееся мнение и притом без всяких новых открытий, с помощью всем известного места Светония, на которое только никто до сих пор не обратил внимания. Светоний рассказывает, что Калигула, не решившись пуститься в опасный поход в самую Германию, а вместе с тем желая получить триумф за мнимые свои победы над германцами, которых он не видал в глаза, придумал следующее средство, чтобы обмануть римское народонаселение. Он велел набрать в Галлии высокорослых галлов и выкрасить их волосы в рыжеватый цвет, чтобы придать им сходство с германцами и выдать их за германских пленников, необходимых для триумфа в честь его побед над германцами. Если галлы не отличались высоким ростом и если нужно было красить им волосы, значит они были малорослы и

темноволосы, то есть были именно таковы, как большинство теперешних французов.

Другое доказательство еще проще. Римские дамы времен империи смотрели с презрением на свои великолепные черные волосы, составляющие до сих пор красоту итальянок. Верхом красоты для них казались белокурые и особенно рыжие волосы; однако же мы нигде не видим, чтобы промышленники, доставлявшие им за дорогую цену белокурые волосы для париков, закупали их в Галлии; напротив, Овидий и Марциал говорят, что волосы этого цвета добывались из Германии. Я слишком долго остановился на Галлии; но исследования Перье очень важно в том отношении, что показывает, как упорно держатся даже второстепенные физиологические признаки племенного типа, несмотря на все изменения в судьбах этого племени, несмотря на его смешение с другими племенами, несмотря на перемену верований и, наконец, несмотря на утрату языка. Известно, что во французском языке слова кельтского происхождения составляют весьма незначительную часть. Не говоря уже о словах латинского происхождения, которые составляют основы французского языка, даже слова германского корня едва ли далеко не превзойдут своим количеством числа слов, которых кельтское происхождение несомненно.

Нужно ли указывать на еврейское племя, которое везде и всегда является своими отличительными особенностями, неизмененными тысячелетним его пребыванием среди чуждых ему народов, среди чужого климата и под влиянием самых разнообразных условий внешней природы, под гнетом самых жестоких и неумолимых преследований? В евреях, встречавшихся ему на лондонских улицах, Мильн-Эдвардс с первого взгляда признал прямых потомков тех людей, изображение которых он только что рассматривал на гробнице египетского фараона, находившейся в британском музее.

Трудно не признать известной устойчивости, известного постоянства и крепости племенных типов точно так же, как невозможно не признать самого существования и разнообразия этих типов. Опираясь на некоторые положительные данные, легко было, под влиянием увлечения или заранее задуманной цели, в этом постоянстве первоначальных типов искать доказательства против мнения о единстве человеческого рода в пользу мысли о том, что он делится на отдельные группы, возникшие и существующие независимо одна от другой, не имеющие между собой общего, призванные к различным судьбам, имеющие не одно и то же

призвание.

Данными, свидетельствующими о постоянстве первоначального племенного типа, сильно воспользовались полигенисты для защиты своих основных убеждений. Они не ограничивались формами и размерами головы, которыми руководился, например, Мильн-Эдвардс в своих исследованиях; столь же существенным признаком явился у них и цвет кожи и характер волос и т. п. физиологические признаки. Они отвергали или не принимали в расчет влияния внешней природы на образование и изменение физиологических особенностей племенных типов, старались ослабить или же совершенно отрицали значение и важность смешения пород, выставляли на вид племенные особенности и отличия, оставляя в тени или забывая племенное сходство. Между тем, влияние среды на образование и изменение физиологических особенностей и преимущественно вопрос о смешанных породах имеют огромное значение в решении главного вопроса. Можно сказать, что от окончательного решения этих двух вопросов, о влиянии и о значении помесей, зависит прежде всего само решение вопроса о единстве человеческой природы.

Трудно отвергать влияние внешней природы на образование первоначального типа, но зато еще труднее, по-видимому, допустить влияние внешних условий на изменение типов, уже сложившихся окончательно со всеми своими отличительными особенностями. Действительно, негр, переселенный из своей родины в другую страну, в Европу или в Северную Америку, поставленный под совершенно иные климатические условия, остается тем не менее негром, сохранив все особенности своей породы. Англичанин, родившийся и воспитавшийся в Индии, не перерождается однако же в индуса и является таким же полным представителем англо-саксонской расы, как и его соотечественники, никогда не выходившие за пределы Великобритании. Наконец, турки, столько веков живущие под теми же условиями внешней природы, под которыми жили древние греки, едва ли обнаружили в своей натуре изменения, которые бы доставляли возможность надеяться на их перерождение или, по крайней мере, на их приближение к эллинскому типу. [13] С особенной настойчивостью указывают поэтому полигенисты на неизменяемость племенного типа от влияния внешней природы. Если мы будем брать в расчет только влияние внешней природы, то есть только климат, почву и т. п., мы можем признать, что влияние одной внешней природы бессильно совершенно изменить уже крепко сложившийся племенной тип. Изменение одних условий среды не переработает

негра в человека кавказского племени и, наоборот, не сделает из европейца негра; но это потому, что не одна внешняя природа, климатические и другие условия, например пища и т. д., участвуют в образовании племенных типов. В этом образовании участвуют еще другие факторы, и главное место между ними занимает смешение племен, смешение крови, о котором я буду говорить подробнее. В числе их не последнее место занимает также степень образования, успехи гражданского быта, верования, большая или меньшая степень зависимости человека от природных условий и т. д. Условия окружающей среды имеют огромное, но далеко не исключительное влияние на изменение первоначального типа. Переселяясь в Индию, англичанин до некоторой степени переносит с собой условия английской жизни и становится совсем не в те отношения к окружающей его природе, в каких находится полудикий туземец некоторых областей Индии, совершенно подчиненный внешним условиям, не имеющий сил противодействовать им. От одного изменения среды еще нельзя ожидать изменения и племенного типа, хотя она почувствуется непременно в известных пределах, в известной степени.

Я говорил об устойчивости в населении Галлии или нынешней Франции, указал также на крепость хранения первоначального типа в евреях. Чтобы не приводить других примеров я возвращусь опять к ним же, чтобы посмотреть, не оказывают ли влияния среда, условия внешней природы на эти племена, которые, мы видели, упорно сохраняют в течение тысячелетий характеристические особенности своего первоначального типа. Мы видели, что наука признала в населении современной Франции сохранение главных особенностей физического и нравственного типа кельтского племени. Исследования Перье показали, что в населении Франции сохранились даже несущественные, хотя и очень важные особенности кельтского племени, считавшиеся прежде совершенно измененными. Заметим, что если исторически Франция изменилась совершенно в течение двух тысяч лет, отделяющих теперешнее население этой страны от тех кельтов, которые были известны греческим и римским писателям, то условия внешней природы остались те же, за исключением тех необходимых изменений, которые были неизбежным условием успехов гражданственности (например, обработка земли, уничтожение лесов и т. д.). Чтобы определить, какое влияние имеет изменение внешних природных условий на изменение типа, нам нужно обратить внимание на француза, так упорно хранящего

свойства кельтской натуры на своей родине, перенесенного далеко от нее в другую среду, поставленного под другие условия внешней природы. Сохранит ли он и под этими новыми влияниями свои племенные особенности так же полно, как сохраняет он их в своем отечестве? Разумеется, первое требование для возможности каких-нибудь выводов то, чтобы новые природные условия действовали довольно долгое время и чтобы они заметно отличались от природных условий Франции. Одним словом, нужны наблюдения над французами, поселившимися издавна в какой-нибудь стране, совершенно отличающейся по своему характеру от Франции. Влияние внешней природы не может заметно оказать в короткое время своего действия на изменение племенного типа, уже окончательно сложившегося, крепко установившегося под влиянием совершенно иных условий. По счастью, у нас есть под руками подобный предмет для наблюдения. Канада была колонизована преимущественно французами, и, хотя с парижского мира 1763 года принадлежит Англии, ее население, несмотря на приток новых колонистов англо-саксонской расы, еще сохранило чисто французский характер, говорит языком французским и хранит французские нравы и обычаи. Разумеется, зависимость от Англии и смешение с английскими выходцами должно было оказать свое действие, но на этот раз не это действие важно для нас. Главный интерес состоит в следующем вопросе: поставленные под одни и те же условия внешней природы, как и краснокожие туземцы, считающиеся полнейшими представителями собственно американской группы, потомки кельтов сохранили ли свои племенные особенности, сохранили ли по крайней мере все особенности своего французского типа, или же уже видоизменились и приблизились несколько к американскому типу? Самые ревностные полигенисты, например Нокс, считающие каждое племя чисто местным продуктом, прямым произведением известной почвы и известного климата, не отрицают значительных изменений в физическом типе кельтского племени, перенесенного на североамериканскую почву. Вот что говорит один из наблюдателей: «Продолжительное пребывание в Америке заставило канадского креола потерять живой цвет лица. Его кожа приняла оттенок темного цвета; его черные волосы падают гладко на виски, как волосы индийцев. Мы уже не узнаем в нем европейского, а еще менее галльского типа. Могут возразить, что это приближение к туземному американскому типу есть следствие помеси, о которой имеют свое особое понятие полигенисты, как увидим ниже, а не следствие

влияния климатических и других условий внешней природы, не следствие изменения среды». [14]

Мы можем обратиться, в виду этого возражения, к другому племени, которое, конечно, нельзя упрекнуть в легкости, с которой оно вступает в родственные сношения с чуждыми племенами, к евреям. Евреи рассеяны по всему Старому Свету, и это рассеяние началось уже издавна. В Египте, например, евреи поселились с незапамятных времен, но главным образом их колонизация усилилась со времен Птоломеев. В области древней Киренаики до сих пор еще живут потомки евреев, поселившихся там за 4 века до Р.Х. Положительные свидетельства о поселении евреев в Крыму (свидетельства надгробных камней) и вообще на берегах Черного моря восходят к первым векам христианской эры (смотри исследования Авраама Фирковича в «Записках одесского Общества истории и древностей российских»). Столько же, если не более, древне поселение евреев в Индии. [15] Наконец есть известие о древних поселениях евреев в Китае. [16] Везде евреи сохраняли чувство национальной исключительности, [17] заботливо удалялись от кровных связей с другими племенами и только отступничество от религии Моисея уничтожало эту неодолимую преграду, отделявшую евреев от остального человечества; но отступая от мозаизма, принимал чуждую религию, еврей как бы уже отрекался от своей народности и переставал быть евреем. Везде, где сохранили евреи свою религию, можно предположить чистоту крови и отсутствие кровного смешения с другими племенами. Можно бы было допустить эти смешения, если бы евреи старались обращать иноплеменников в свою религию и таким образом допускали бы в себя иноплеменные элементы под условием принятия иудейской религии. Но крайне упорные в хранении своих религиозных верований, евреи были далеки от духа прозелитизма. Обращение иноверцев в иудейство, если и случалось, то было исключением довольно редким и не могло иметь влияния на изменение чистоты породы. Если мы найдем изменения в физическом типе евреев, мы в праве приписать эти изменения влиянию чисто природных условий, а никак не влиянию смешения крови. Мы не можем, разумеется, никак ожидать, чтобы одно изменение среды, как бы оно велико ни было и как бы долго оно ни действовало, могло переработать всю натуру еврея. Крепость племенного типа у евреев прежде всего обусловливается крепостью их религиозных верований, и духовный характер еврейского племени отличается еще большей устойчивостью и постоянством, чем физиологические особенности

племенного типа. Как ни давно поселился еврей в Индии, он не обратился в индуса. Евреи в Индии и Африке, живущие там в течение тысячелетий, почти так же резко отличаются от окружающего их туземного населения, как русский или польский еврей от славянского и литовского племен, среди которых он родился и живет. Но условия внешней природы оказали однако же свое действие, и исследователю относительно некоторых частностей уже трудно восстановить первоначальные признаки еврейского племени, не прибегая к изображениям, сохранившимся на египетских памятниках, или к свидетельствам древних писателей. Цвет кожи различен у евреев и представляет все переходы от белого цвета почти к совершенно черному. В самой Индии евреи разделяются на черных и белых. То же самое должно сказать о цвете глаз и волос. В южных странах евреи сохранили черные волосы семитического племени; в северных они большей частью русые. В Германии и Польше на каждом шагу можно встретить рыжую бороду еврея. В Англии евреи большей частью имеют голубые глаза. Различие типа между евреями-талмудистами и евреями-караимами, [18] теперь часто встречающимися рядом в городах южной России, так резко, что с первого взгляда их можно отнести к совершенно различным племенам, хотя единство происхождения и не подлежит сомнению. То же самое, хотя и в меньшей степени, можно заметить и относительно других, более существенных физиологических признаков, формы головы и т. п.

Можно бы привести множество доказательств влияния среды, [19] условий внешней природы на изменение физиологических особенностей (цвет кожи, способность не подвергаться известным болезням, губительно действующим на нового поселенца, акклиматизация); но сказанного уже достаточно, чтобы признать силу этого влияния, хотя, само собой разумеется, одного влияния среды еще не достаточно, чтобы стереть все отличия, отделяющие одно племя от другого. Раз установившись, племенной тип не может совершенно измениться под влиянием одного только изменения среды, и не было еще примера, чтобы негр, переселенный в Европу, в каком-нибудь из нисходящих поколений изменился в европейца под одним только влиянием перемены физических условий, среди которых он и его прямое потомство были поставлены. Говорю об общем типе, а не о каком-нибудь несущественном признаке, например, цвете кожи; потому что бывали примеры, что вследствие еще неизвестных причин у некоторых лиц черный цвет кожи очень скоро переменялся в белый. Для изменения окончательно

установившегося уже племенного типа необходимо, чтобы произошло другое условие, а изменения среды недостаточно. Это другое условие, необходимое для изменения уже сложившихся племенных типов и для образования новых — смешение крови, смешение одного племени с другим.

Вопрос о смешении пород и о его следствиях едва ли не самый главный в исследованиях о племенах. Полигенисты, так упорно отстаивающие устойчивость и неизменяемость физиологических особенностей племенных типов, еще с большим упорством отвергают следствия смешения различных племен и рас. Они не в состоянии закрыть глаза перед фактом слишком наглядным и очевидным, каково существование помесей, но зато с тем большей настойчивостью доказывают, что эти помеси не имеют перед собой будущности, что они осуждены на более или менее кратковременное существование, что смешанные породы вымирают, не образуя новых племенных типов. Чтобы убедиться в существовании помесей, не нужно обращаться к истории, где на первом плане стоят породы более или менее смешанные: достаточно обратиться к современной действительности. В Америке встретим три резко отличающиеся друг от друга племени: белое, черное и красное. Результатом их столкновений было кровное смешение, различные помеси, для обозначения которых в Мексике образовалось 15 различных технических названий. В Мексике число жителей смешанного происхождения равняется числу жителей чистых пород. В Колумбии число метисов (так называются лица, родившиеся от родителей, принадлежащих к различным породам, от европейца и негритянки, от негра и краснокожей американки и т. п.), превышает число лиц чистой породы, а в Гватемале метисов более чем в два раза больше. Если мы примем в соображение, что смешение белой, черной и красной пород началось с небольшим за три столетия до нашего времени, что в больших размерах оно началось еще позже, нельзя не признать огромного количества лиц смешанной породы, и самые жаркие противники первоначального единства человеческого рода не могут отвергать существования помесей. Но признавая факт, находящийся у всех перед глазами, они дают ему особенное значение. Они указывают на вымирание некоторых пород при столкновении с племенами другой, высшей породы; они отказывают помесям в жизненности. Они говорят, что метисы теряют свою производительную силу, что если брак европейца с негритянкой производит детей, соединяющих в себе физиологические особенности обоих родителей, то браки между

метисами становятся постоянно менее плодородны, и в известном поколении потомство, происшедшее из первоначального соединения лиц двух разных пород, прекращается само собой.

Эти два положения, то есть вымирание чистых низших пород, столкнувшихся с другой породой высшей организации и высшей цивилизации, и бесплодие, отсутствие жизненности, способности размножаться в помесях, приводятся полигенистами не голословно. Они, по-видимому, крепко защищены и положительными фактами, и наблюдениями, и аналогией с подобными же явлениями царств растительного и животного. Скажу несколько слов прежде всего о вымирании чистых пород низшей организации. Множество фактов говорит, по-видимому, в пользу этой теории. На наших глазах совершается постепенное уменьшение и вымирание краснокожих племен Северной Америки, несмотря на самоотверженные попытки миссионеров. Некоторые племена погибли до последнего человека и притом с ужасающей быстротой. Племя манданов принадлежало, например, к числу самых сильных и многочисленных. В 1838 году все племя состояло уже только из 2000 человек. В этом году оспа истребила их всех, за исключением вождя, добровольно наложившего на себя руки, чтобы не пережить одному своего племени. Другие племена, также многочисленные прежде, состоят теперь всего из нескольких семейств. На пример краснокожих особенно любят указывать многие, как на доказательство того, что племена низшей цивилизации не выдерживают столкновения с племенами высшей, что формы чуждого им быта и новой, несродной их натуре, образованности действуют на них разрушительно. Некоторые смело утверждают (Марциус), что семейство чисто американской крови не выживет далее 5-го или 6-го поколения среди белого населения и вымрет само собой, несмотря на все благоприятные условия. Еще поразительнее факты, относящиеся к материку Новой Голландии и к прилежащим к нему островам. Туземное население или совершенно уничтожилось, или же, находясь в самом жалком, почти безнадежном состоянии, близко к своему уничтожению. В Новой Голландии остаются только жалкие представители прежнего ее населения. От своеобразного племени, населявшего Тасманию, остаются только бюсты, снятые с туземцев и хранящиеся в парижском музее естественной истории, да заметки о языке, по счастию еще вовремя собранные одним исследователем. Наконец, не последнее место в ряду доказательств занимает пример туземцев Океании, уже принявших христианство и уменьшающихся довольно заметно год от

года. Не говорю уже о других, более частных примерах, по-видимому, вполне подтверждающих мысль о том, что племена низшей организации не выдерживают столкновения с племенами высшей породы и высшей цивилизации. Уменьшение туземного населения в названных местностях — факт несомненный, и вот пока все, в чем можно согласиться с полигенистами и чего не думали никогда отвергать их противники.

Не так легко согласиться с ними в объяснении значения этого факта, в определении причины, его вызвавшей. Уменьшение туземного населения далеко не во всех местностях зависит от одних и тех же причин, хотя при каждом столкновении племен различных степеней образованности можно заметить некоторые ближайшие следствия, общие всем им. Всюду, и в далеком прошедшем, и в самом близком настоящем племена высшей цивилизации, сталкиваясь с племенами менее образованными, на первое время тяжело давали чувствовать последним свое превосходство. Всюду высшая степень цивилизации передавалась прежде всего своими дурными сторонами, оказывала в некоторой степени деморализирующее влияние. Древний германец при первом соприкосновении с миром греко-римской образованности заимствовал от него только его пороки и, потеряв хорошие свойства своей простой, полудикой натуры, усвоил взамен их только то, чем менее всего могло гордиться римское общество. В германских наемниках III и IV веков напрасно мы будем искать той простоты и чистоты крови, на которые указывал Тацит своим развращенным современникам. Первые сношения европейцев с краснокожими дикарями Америки не отличались гуманной заботливостью об участи последних, а превосходство европейцев над ними было еще несравненно выше того превосходства, которое сознавал в себе римлянин, сталкиваясь впервые с германцем. Одних беспощадных войн, которые вел европеец с туземцами Северной Америки, пользуясь огромным преимуществом, которое давало ему огнестрельное оружие, было достаточно, чтобы намного уменьшить количество туземного населения. Мирные сношения с туземцами были для них не менее губительны. Первые мирные столкновения с людьми высшей цивилизации принесли туземцам не проповедь евангелия, не высшие понятия о лучшем устройстве быта, не новые орудия и изобретения, а знакомство с огненным напитком, — как называли вино краснокожие. — да заразительные болезни без средств для их излечения. На долю краснокожих Северной Америки выпала притом встреча с людьми англо-саксонской расы, самой

неуступчивой, самой суровой из всех народностей Старого Света. Завоевывая с необходимой энергией каждый свой шаг вперед столько же оружием, сколько неустанным трудом, англо-саксонский колонист беспощадно теснил в глубь лесов и в неприступные ущелья краснокожие племена, мало заботясь об их просвещении, смотря на них или как на препятствие, или как на орудие. Зато примеры вымирания туземцев являются только в странах, колонизованных англо-саксонским племенем; а это невольно наводит на мысль, что не одни несвойственные им формы европейской цивилизации были причиной такого грустного явления, как бесследное уничтожение целых племен. Еще более утверждает в этой мысли то, что те же краснокожие племена, встречаясь с европейцами романских племен, не только не уничтожались, но в некоторых областях, например, Южной Америки, увеличились в числе и вступили совсем в иные отношения к европейцам.

Чтобы снять с европейской цивилизации ответственность за гибель туземных племен Нового Света, легко объясняющуюся совсем другими причинами, достаточно указать на то, что делалось в Австралии. В 1803 году первые английские колонии из ссыльных, солдат и добровольных поселенцев явились в Тасмании и в первые же 27 лет весь остров был занят колонистами, причем беспощадно истреблялось туземное население. Этого медленного, несистематического истребления туземцев показалось однако же мало для колонистов. Объявлено было осадное положение острова; на каждые шесть человек белых назначен был один волонтер; из доходов колонии ассигнована была значительная сумма и устроена громадная облава на туземцев по всему острову. Уцелевшие в живых принуждены были сдаться без всяких условий. Зато успех был полный. Всех туземцев, оставшихся в живых, вывезли из Тасмании и поселили на других островах, сначала на Great Island, потом на острове Flinders. В 1835 году их было всего уже только 210 человек; в 1838 году 82 человека. В 1842 это число уменьшилось до 44 и только 14 детей родилось после переселения туземцев с Тасмании. В подобных фактах яснее высказывается главная причина вымирания туземных племен при их столкновении с европейцами, чем в природной неспособности этих туземцев воспринять христианско-европейскую цивилизацию. Если перейдем на материк Новой Голландии, мы увидим там почти то же самое. Та же губительная война с туземными дикарями, хотя без той варварской систематичности, с какой совершена была облава туземцев в

Тасмании. Новоголландские дикари, преследуемые, как дикие звери, новыми поселенцами, удалившись вглубь земли, гибнут от голода. В тех немногих случаях, когда белый сталкивается с туземцами мирно, он знакомит их со спиртными напитками, вносит к ним разврат и неизвестные прежде болезни. Недостаток необходимых средств к существованию, отнятых европейцами, в соединении с другими следствиями сближения с ними, развили между новоголландскими дикарями детоубийство. Существуя и прежде, оно развилось со времени переселения европейцев в страшных размерах. По смерти матери ее малолетнего ребенка кладут с ней в могилу. В случае рождения двойни, один из близнецов тотчас же предается смерти. Голодные матери бросают своих детей. Одного детоубийства достаточно для объяснения уменьшения туземцев, не говоря уже об остальных причинах.

Остается сказать несколько слов об Океании. Сличая восторженные описания новооткрытых островов, оставленные первыми их посетителями, с известиями о тех же самых островах в последнее время, нельзя и здесь не признать вымирания или, по крайней мере, сильного уменьшения туземного населения со времени его знакомства с европейцами. На Отаити в эпоху его открытия считалось до 100000 жителей, теперь едва ли их насчитывают более 7000. То же самое в большей или меньшей пропорции замечается и на других островах. Самый факт уменьшения и здесь не подвержен сомнению, но объяснение его гораздо сложнее. На островах Океании не было такого систематического истребления туземцев, какое мы видим в Новой Голландии и Тасмании. Хотя другие следствия сближения с европейцами — разврат, пьянство, заразительные болезни — и здесь, как в других местах, оказали свое губительное влияние, но оно далеко не было так разрушительно и сношения европейцев с туземцами Океании отличаются другим характером, чем сношения с дикарями Северной Америки или Новой Голландии. Христианство рано было принято на некоторых островах и миссионеры делались иногда полновластными распорядителями образа жизни туземцев. В одном сближении с европейцами, следовательно, трудно еще искать полной разгадки печального явления, совершающегося у нас перед глазами, хотя бесспорно сближение оказало свою значительную долю участия в уменьшении туземного населения. Чтобы вполне объяснить этот факт, нужно искать других причин.

Изучение этнографии, языков, религиозных верований и форм

быта туземцев Океании наводит на мысль, до некоторой степени приложимую также и к краснокожему населению Америки, что полудикое состояние, в котором нашли туземцев первые мореплаватели, не есть первобытная дикость, что в нем скорее можно видеть то состояние, которое следует за эпохой сравнительно высшей цивилизации, а не предшествует ей. В Америке местность, занимаемая теперь дикарями, видела своеобразное и довольно высокое развитие перуанской и мексиканской цивилизации, о которой самая память исчезла у краснокожих, равнодушно проходящих мимо монументальных памятников этой цивилизации. Последние столетия Западной Римской империи могут казаться эпохой варварства сравнительно с блестящими эпохами римской республики и первого века империи. На мысль, что полудикое состояние туземного населения Океании знаменует скорее старчество, чем детство этих племен, наводят многие факты: и раздробленность наречий, некогда, очевидно, бывших одним общим языком, и вырождение верований и мифических преданий, и некоторые особенности быта и учреждений, несовместимые с детством народов, и наконец существование обществ ареои, которые одни должны были оказывать самое разрушительное влияние на естественное приращение населения. Если к этим причинам, действовавшим еще до открытия Океании, присоединим неизбежные следствия знакомства и сближения с европейцами, на первых порах крайне неразборчивыми в своих отношениях к туземцам и руководившимися всевозможными целями, кроме действительно христианских и нравственных, то поймем быстрое уменьшение туземного населения Океании, не прибегая к гипотезе о несовместности форм и условий европейско-христианской образованности с условиями жизни этих племен. [20]

Укажем еще на один факт, по счастью, неподверженный сомнению и прямо говорящий против безотрадной фаталистической теории естественного, неизбежного вымирания низших пород при их столкновении с породами высшей организации. На тех островах, где христианство принято не одной его внешней, формальной стороной, а успело подчинить себе всего человека, уменьшение туземного населения остановилось, и если оно не дает еще несомненных признаков возрождения, не увеличивается с естественной, обыкновенной своей быстротой, как другие, более счастливые племена, то, по крайней мере, оно не представляет и тех печальных симптомов, по которым можно было бы определить приблизительно верно эпоху, когда последние представители известного племени

бесследно сойдут в могилу. Таким образом, трудно признать факт естественного вымирания племен низшей породы только вследствие их столкновения с племенами высшей организации и с формами высшей, несвойственной их природе цивилизации. Я обращу внимание еще на одно явление и на этот раз показания современной действительности приведу в связь с показаниями достоверной истории. Может случится, и действительно случалось не раз, что история застает известное племя в какой-нибудь местности, как население туземное или, по крайней мере, как древнейших обитателей. Проходят века — и на той же самой местности оказывается другое племя, с другим именем, с другим языком, с другими свойствами и притом принадлежащее совершенно к иной расе. Между тем на памяти истории не совершилось ни истребления туземцев систематически новыми поселенцами, каково, например, истребление дикарей Тасмании, ни совершенного выселения первобытных обитателей в другие страны.

Чем объяснить этот факт? Неужели только тем, что туземное племя вымерло само собой, медленно, незаметно, но тем не менее бесследно? Приведу пример, наиболее нам близкий. На памяти истории славянские племена, по направлению к северу и востоку, не шли далее речной области Оки. Все, что было к северу и востоку от вятичей, занято было племенами финскими. Мало того; есть положительные основания думать, что поселение славян на Оке было событием сравнительно новым, что в древнейшую эпоху область финских племен шла далеко к югу, и финские названия местностей встречаются не только вплоть до Днепра, но и на правом берегу Днепра, там, где Нестор помещает главное средоточие племен восточных славян. Обращаемся к современной этнографии европейской России и взглянем, хоть бегло, на этнографическую карту европейской России академика Кеппена. Вся страна к северу от Оки занята сплошной массой великорусского племени. Притом русское население Московской, Ярославской, Владимирской и других губерний считается самым лучшим представителем чисто великорусского типа. Во Владимирской губернии инородцы составляют 1/541 часть всего населения, в Ярославской менее 1/538, в Костромской менее 1/268, в Московской менее 1/146. Но и эта ничтожная примесь иноплеменного населения главным образом состоит из немцев и цыган, которых одинаково можно встретить по всему пространству России, а в Костромской губернии к этому нужно еще присоединить татар, поселенных около Костромы московскими

князьями и сохраняющих до сих пор верования и свои особенности. Из туземного населения сохранилось и то лишь на окраинах означенного пространства, только ничтожное число корел в губернии Ярославской и также небольшой остаток черемисы в Костромской, на границах с Вятской губернией. Нет сомнения, что и эти ничтожные остатки первобытного населения исчезнут в непродолжительном времени. Что же значит это? История не помнит ни выселения туземцев массами в другие страны, ни еще менее систематического их истребления русскими. Мало того, она на помнит также, чтобы славянские поселенцы двигались туда массой, что необходимо для борьбы с финскими туземцами и для их вытеснения или истребления. Факт совершился как-то незаметно. Ни в летописях, ни в народных преданиях нет воспоминаний о кровавой борьбе русских насельников с туземцами, а между тем на чисто финской местности, занимаемой финскими племенами, которые названы по именам Нестором, сплошной и густой массой живет чисто-русское население и притом такое, которое считает себя представителем русской народности, которое говорит самым чистым и самым богатым из русских наречий. Нужно ли предполагать, что первоначальное финское население этой области вытеснено, истреблено или, наконец, вымерло само собой? История ответит отрицательно по крайней мере на два первые предположения. Она застает славянские и финские племена рядом и почти на одной ступени развития. Славянин далеко не пользовался сравнительно с финном не только тем громадным превосходством, какое имел спутник Пизарро или Кортеца, или же англо-саксонский колонист над дикарем Америки, но даже и тем превосходством цивилизации, которое дал перевес римлянину над галлом и германцем. Перевес славянской народности дан был уже потом ее соединением под властью варяжских князей, а еще более принятием христианства; но и тогда, когда то и другое сплотили разрозненные славянские племена в более крепкую народность, ни вытеснение, ни истребление финских туземцев не могло обойтись без упорной борьбы, а этой-то борьбы и не запомнит ни история, ни живая память народа. Остается предположить естественное вымирание финских туземцев и, как необходимое дополнение к этому, необыкновенную плодовитость славянских колонистов именно только на этой, чисто-финской почве. Иначе невозможно объяснить такое быстрое и сильное размножение славянского племени в этой местности, потому что опять ни писанная история, ни живое предание не сохранили воспоминаний о движении славян целыми массами в эти области. Но

стоит оглянуться кругом, чтобы отвергнуть предположение вымирания. На наших глазах совершается процесс претворения различных племенных элементов в русскую народность, чем только и может объясниться исполинский рост русского племени.[21] Не вымирают инородные племена, сталкиваясь с русскими: они претворяются в русских, принимая в себя отличительные особенности европейско-христианской цивилизации и в то же время оказывая свою долю участия в образовании нового племенного типа, придавая великорусской народности некоторые черты, которые отличают ее от других славянских народностей, близких ей и по происхождению, и по характеристическим особенностям. Слияние совершается под условием преобладания славянской или русской народности. Не славянин обращается в финна или монгола, но финн и монгол принимают на себя господствующие черты славянского племени и называют себя не без некоторой гордости русскими.

Можно бы долго остановиться на этом факте и особенно на его значении, потому что нигде, быть может, процесс слития разных племен в одно целое, и вместе с тем участие различных ингредиентов в образовании нового племенного типа, не обнаруживается с такой наглядностью, не представляет так много любопытных данных даже при слабой еще разработке нашей этнографии, при недавнем еще только стремлении собрать самые факты, произвести наблюдения — одним словом, собрать материал, необходимый для выводов. Это завлекло бы нас слишком далеко, хотя и теперь уже фактов набралось довольно много, и можно бы было остановиться на них довольно долго. Примера, думаю, достаточно, чтобы показать важность слития различных племен в одну народность, а это приводит нас к вопросу о помесях, о соединении одной породы с другой, об образовании новых племенных типов уже не под одним влиянием внешней природы.

Для тех, которые признают каждую особую породу людей естественным продуктом известной местности и известного климата, вопрос о смешении пород решается ясно и просто. Не будучи в состоянии отвергать существование помесей, как факт слишком известный и осязательный, они отказывают этим помесям во внутренних условиях жизненности, говорят, что они не имеют в себе производительной силы и сами собой прекращаются в известном поколении. При этом они указывают на аналогию с подобными же явлениями царств растительного и животного, и ею стараются объяснить и доказать свою теорию. Действительно, аналогия существует, и многое объясняется окончательно только ею. Поэтому

несколько слов о помесях царств растительного и животного будут не бесполезны. [22] Помеси существуют и в том, и в другом, и бывают двух родов. Иногда соединение двух пород, принадлежащих к одному и тому же виду, производит помесь; иногда эта помесь есть результат соединения двух пород, принадлежащих к разным видам. Первую принято называть метисами, вторая обозначается обыкновенно названием гибрид. Различие между теми и другими очень велико и существенно; потому должно строго различать одних от других. Смешение различных пород, принадлежащих к одному и тому же виду, встречается беспрестанно и в растительном, и в животном царстве. Помеси этого рода крайне многочисленны и в диком состоянии, и между породами, уже прирученными человеком. Это смешение происходит само собою, и человеку чаще приходится сохранять породу в ее чистоте, предохранять ее от смешения, чем содействовать смешению различных пород. Притом помеси этого рода не только сохраняют свою воспроизводительную силу, но часто отличаются большей плодовитостью, чем те чистые породы, от которых они произошли. Не то видим мы относительно помесей, происшедших от соединения особей, принадлежащих к двум различным видам. Они существуют, но как более или менее редкое исключение. В царстве растительном число известных гибрид не превышает 20. В царстве животных их еще меньше (соединение собаки с волком, зайца с кроликом, лошади с ослом и т. д.). Притом в диком, свободном состоянии помеси этого рода встречаются необыкновенно редко. Для произведения известных гибрид нужно заботливое содействие человека, искусственное сближение двух особей, принадлежащих к различным видам, которые на свободе никак бы не сблизились между собой (так, в одном зверинце удалось сблизить льва с тигрицей и получить от них помесь). Самое существенное различие между метисами и гибридами заключается в их плодовитости. Помесь, происшедшая от соединения особей, принадлежащих к различным видам (гибриды), теряет или совершенно или значительной частью, свою способность к размножению. Так, например, осел довольно часто соединяется с лошадью и производит помесь, известную под именем мула; но бесплодие мулов слишком известно и было замечено еще в глубокой древности, хотя и есть некоторые, чрезвычайно редкие исключения. То же самое и в растениях. В случае соединения помеси с одной из чистых пород, от которых они произошли, производительная сила оживляется, но результатом этого соединения бывает

воспроизведение чистого, первоначального типа. Одним словом, гибриды никогда не могут образовать из себя особой, новой породы: или остаются бесплодны, или же воспроизводят одну из тех пород, от соединения которых они произошли.

Таковы данные, представляемые естественными науками: ботаникой и зоологией. Теперь к какому роду помесей, к метисам или гибридам, следует отнести те помеси, которые рождаются от соединения лиц, принадлежащих к различным племенам, различным породам и группам, на которые делится человечество? Потомство европейца и негритянки можно ли сравнить с метисами растительного и животного царств, или же их следует приравнять к гибридам? В первом случае следует признать за этим потомством смешанного происхождения живучесть, возможность размножения, возможность образования из себя особого типа, одним словом, признать право на жизнь и совершенствование. Во втором нужно отказать им в будущем и, признавая, что брак европейца с негритянкой дает потомство, осудить в теории это потомство на медленное вымирание, или же по крайней мере не признать за ним возможности образовать из себя новый племенной тип, отличный и от европейца и от негра, хотя и соединяющий в себе некоторые признаки того и другого. От решения этого вопроса зависит решение другой не менее важной задачи. Если помеси, образовавшиеся из соединения лиц различных пород, относятся к метисам, тогда разнообразие племенных типов, замечаемое в истории и существующее поныне, нисколько не помешает признать единство происхождения и природы человечества, потому что возникновение существующих племенных типов объяснится смешением пород, принадлежащих к одному и тому же виду (в зоологическом и ботаническом смысле), и нас не удивят как их многочисленность и разнообразие в настоящем и прошедшем, так и возникновение новых племенных типов в будущем. Если же помеси отличаются бесплодием и принадлежат к тому роду, который натуралисты зовут гибридами, то ясно, что человечество распадается на несколько отдельных видов, резко отличающихся один от другого по своей природе, видов неизмененных, постоянных, раз и навсегда определенных, — единство происхождения человечества немыслимо. Мы должны будем тогда признать, что каждый вид, сложившись раз навсегда под влиянием известных условий — климата и почвы — не может существовать, если эти условия среды изменятся, и должен исчезнуть, как исчезли с лица земли некоторые породы животных (urus древней Германии, зубр, сохранившийся только в Беловежской Пуще). Так и решают полигенисты, признавая каждую человеческую породу за местный продукт, за неизменный, постоянный вид, и отказывая помесям в живучести. К этому, следовательно, сводится

весь вопрос.

Должно заметить, что, ссылаясь на аналогию с царством животным и растительным, пользуясь ею для доказательства своего основного положения, полигенисты часто грешат против точности научных терминов и придают этим терминам не всегда одно и то же общепринятое значение. Оттого в их сочинениях много противоречий и неточностей. Главное положение, общее им всем, заключается в следующем. Соединения лиц, принадлежащих к различным породам, отличаются сравнительно меньшей плодовитостью, чем браки между лицами одного племени. Даже в том случае, когда брачное соединение между лицами разных пород производит потомство, дети, происшедшие от этого соединения, уже отличаются сравнительным бесплодием, которое еще более увеличивается в их потомстве. Разумеется, для доказательства они обращаются почти исключительно к помесям образовавшимся из соединения самых противоположных пород, указывают на соединение европейцев с неграми, готтентотами, туземцами Новой Голландии, Северной Америки, и избегают говорить о смешении пород, более близких друг к другу. Вот что говорит Нотт, один из самых резких представителей североамериканской школы полигенистов, о мулатах, то есть детях европейца и негритянки или негра и женщины европейского происхождения: «Из всех человеческих пород мулаты отличаются недолговечностью; особенной деликатностью сложения отличаются мулатки; они дурные воспроизводительницы, дурные кормилицы, подвержены выкидыванию и их дети умирают вообще в младенчестве. Когда мулаты вступают в брак между собой, они менее плодовиты, чем в тех случаях, когда они соединяются с лицом, принадлежащим к одной из чистых пород». То же самое повторяют и другие писатели той же школы. По их мнению, браки между мулатами или совершенно бесплодны, или же дети, происшедшие от этих браков, не доживают до зрелого возраста. Факты слишком сильно говорят против подобных выводов и сами же полигенисты должны в этом сознаться и прибегать к последнему средству для поддержания своей теории, именно доказывать, что увеличение смешанного населения в Южной и Центральной Америке, слишком неопровержимое, объясняется тем, что эти страны колонизованы французами и испанцами, не чистыми представителями европейской расы (смешение с басками), считая чистейшими представителями этой расы только людей германского или англо-саксонского происхождения. Но и тут факты говорят против них: смешанное

население Флориды и Алабамы, отличающееся крепостью и здоровьем, произошло от соединения туземцев с поселенцами англо-саксонской расы. Если некоторые факты говорят, по-видимому, в их пользу, если, например, наблюдения над лицами смешанного происхождения в Ямайке доказывают ослабление в них производительной силы; если можно принять за положительно доказанный факт, что на острове Яве потомство, происшедшее от брака голландца с женщиной малайской крови, не идет дальше третьего поколения, то эти факты объясняются чисто местными условиями, потому что в других местностях те же самые браки производят сильную и крепкую породу, быстро размножающуюся. Указывают на бесплодие соединения европейцев с женщинами туземной расы Австралии; но, во-первых, это бесплодие, если бы и существовало, объясняется развратом, который всегда и везде оказывает одинаковое влияние (как это положительно доказано статистическо-медицинскими исследованиями относительно Европы, где, конечно, бесплодие не может объясняться различием пород), детоубийством — следствием уже указанных отношений между англо-саксонскими колонистами и туземцами Австралии, и другими причинами, нисколько не относящимися к основному различию между породами. Кроме того, самый факт несуществования помесей между европейцами и туземным населением Австралии крайне сомнителен или, лучше сказать, несомненно ложен. В тех округах Новой Голландии, где средства пропитания более обеспечены, где между европейскими колонистами и туземцами завязались более мирные сношения, число метисов — людей смешанного происхождения — довольно значительно, и соединения между лицами этих совершенно различных пород далеко не отличаются бесплодием.

Еще неудачнее ссылка на бесплодие соединений лиц белого племени с готтентотами. Наблюдения показали, что от брака европейца с готтентоткой обыкновенно родится больше детей, чем от брачных соединений между самими готтентотами, или же от брачных соединений между готтентотами и неграми, хотя в последнем случае среднее число детей все-таки выше, чем то же число у гуттентотов. Препятствия к размножению метисов, происшедших от соединений европейцев с готтентотами, отнюдь не естественные, а искусственные. Они заключаются в том презрении, с каким смотрели европейцы на людей смешанного происхождения, и в некоторых даже законодательных мерах, напр., в том, что закон запрещал браки с

туземцами, а церковь отказывала в крещении детям, родившимся от европейца и готтентотки. Несмотря на все это, число лиц смешанного происхождения довольно значительно. Капская колония основана в 1650 году, а в 1783 (по показанию Levaillant`a) число метисов равнялось 1/6 всего готтентотского племени. Часть этих метисов, принявшая имя Griguuas, избегая преследований и притеснений со стороны европейских колонистов и даже самих готтентотов, удалилась в пустыни, вглубь Африки, к северу от поселений европейцев и образовало особый народ, с оседлыми поселениями, с городами и столицей, с особым правительством.

Наконец, в истории открытий и колонизации европейцев в Тихом океане есть один случай, который окончательно разрушает теорию полигенистов о том, что соединения лиц различных пород не могут образовать нового племенного типа, и что потомство, происшедшее от этих соединений, поражено бесплодием и прекращается само собой, не имея в себе условий жизненности и размножения. На этот раз факт до того очевиден и ясен, что его одного вполне достаточно для опровержения подобных теорий. В 1789 году на одном английском корабле (Bounty), возвращавшемся с острова Отаити, взбунтовались матросы, высадили в лодки капитана и матросов, оставшихся ему верными, а сами возвратились в Отаити, который со времени открытия привлекал европейцев. Часть осталась там, а 9 человек европейцев, взявши с собою 6 человек отаитян и 15 женщин с того же острова, сели в лодки и удалились на необитаемый остров Питкаэрн, неизвестный европейским мореходцам, где они надеялись укрыться от преследований английского правительства. В последнем они не обманулись. Только в 1825 году капитан Бичей (Beechey) случайно наткнулся на этот островок и с удивлением нашел на нем очень своеобразное население. Вот что произошло между тем на этом острове в течение времени с 1790 года до 1825, то есть в 35 лет, когда новые поселенцы были отделены от сообщений с остальным миром. Девять европейских колонистов принадлежали к числу самых буйных и развратных людей. Оттого в маленькой колонии были сильные смуты. Отаитяне, доведенные до отчаяния деспотизмом белых, убили, с помощью женщин, пятерых из них и потом перерезались между собой. Подруги белых, из мести за убитых, перерезали убийц. Через три года после поселения, ни одного туземца не осталось в живых и вся колония состояла из 10 отаитянок, нескольких детей и 4-х европейцев. Скоро погиб один из этих европейцев, а другой был убит своим товарищем; остались в живых только двое мужчин на острове,

и то один вскоре умер от болезни. Переживший, Адаме, остался один с женщинами. Все это случилось в первые же 10 лет после переселения. Обстоятельства были самые неблагоприятные для размножения, и однако же, когда в 1825 году Бичей открыл Питкаэрн, он нашел там 66 человек мужчин и женщин, управляемых стариком Адамсом. Это население, образовавшееся естественным путем нарождения из смеси европейцев с туземцами Полинезии, без всякой посторонней примеси, при самых неблагоприятных обстоятельствах отличалось, по описанию Бичея, красотой телосложения, силой мускулов, необычайной ловкостью и здоровьем. Вместо вымирания и бесплодия, оказалось совершенно противоположное явление. В 1856 году население Питкаэрна почти утроилось в 30 лет (с 1825 г.), именно считало уже 189 человек (96 мужчин и 93 женщины), и островок оказался тесен для них, так что они принуждены были выселиться. Лучшее доказательство против учения о неживучести или бесплодии помесей трудно представить, и ясно, что, проводя аналогию с помесями растительного или животного царства, мы должны признать помеси человеческие метисами, а никак не гибридами; при этом все разнообразные породы человечества представятся нам частями одного вида, а не разными видами, в естественно-историческом значении этого термина.

Новые типы могут возникать и действительно возникают под соединенным влиянием условий внешней природы и кровного смешения, и как ни крепок, ни устойчив раз уже сложившийся и окрепший племенной тип, он не осужден на неподвижность, на вечную неизменяемость, из которой один выход — смерть. Тот результат, который добыт наблюдениями над современной действительностью, подтверждается и всей историей. На исторической сцене мы мало видим чистых племен. Главные исторические народы, преемственно являвшиеся представителями цивилизации, не могут похвалиться чистотой происхождения. Правда, все они принадлежали до сих пор к одной большой группе человеческого рода, но зато в пределах этой группы происходит беспрерывное столкновение и смешение племен. Кроме того, группа индо-европейская не ушла от смешения с племенами, принадлежащими к другим группам: в Азии она смешивалась с племенами монгольской, малайской, и даже частью негрской расы; в Египте и областях Северной Африки — с племенами африканскими; в Европе, кроме древнейшего населения иберийского, очевидно, не имеющего с ним ничего общего, индо-европейское поколение на

северо-востоке приходило в беспрерывные соприкосновения с племенами финскими и монгольскими. Египтяне, ассирияне, вавилоняне, греки, римляне, французы, испанцы, англичане, наконец русские не могут считаться совершенно чистыми племенами, свободными от всякой посторонней примеси; напротив, они сложились из довольно разнообразных племенных элементов, хотя в результате и выработали своеобразный и определенный национальный тип, отличающийся характеристически индивидуальными особенностями. Население Азии и Африки, и по показаниям современной этнографии, и по свидетельству истории, значительной частью состоит так же из племен смешанного происхождения. Наконец, в Новом Свете разнообразие племенных особенностей, замеченное европейцами в первое время после открытия, можно объяснить только столкновением и смешением различных пород в эпоху, предшествовавшую этому открытию.

Как ни трудно предположить с первого взгляда сообщение между Старым и Новым Светом до открытия последнего европейцами в XV и следующих столетиях, есть факты, которые заставляют допустить возможность и вероятность этих сношений. Давно уже замечена была некоторая аналогия между памятниками перуанской и мексиканской цивилизации и древнейших цивилизаций Африки и особенно азиатского Востока. Путешествие и переселение смелых норманов в Америку несколькими столетиями опередили открытия Колумба. [23] Есть некоторые, более темные и не столь достоверные, указания на поездки не менее отважных моряков испанских и французских приморских провинций. Еще яснее связь азиатского Востока с Америкой. Красноватый, бронзовый цвет кожи не есть исключительная особенность северо-американских туземцев; он встречается у некоторых племен на восточном берегу азиатского материка, у некоторых племен Африки. Северо-западная оконечность Америки так близко сходится с северовосточной оконечностью Азии, соединена таким мостом островов, что некоторые исследователи невольно задавали себе вопрос, где кончается Азия и начинается Америка. До сих пор чукчи и другие племена совершают ежегодные периодические перемещения из Азии в Америку и обратно, и товары, вымененные ими на торгах в Восточной Сибири, передаются самым отдаленным племенам Северной Америки. Для бродячих племен северо-восточной Азии переход в Америку не мог представлять никогда особых затруднений: [24] но есть также указания на возможность сношений Японии и Китая с Америкой. Первые

испанские мореплаватели нашли на берегах Америки обломки кораблей, украшения на которых были сходны с китайскими и японскими. На этот факт не обратили внимания и скоро совсем о нем забыли за невозможностью объяснить его. [25]

Новейшие исследования над океаническими течениями дают теперь возможность полного и довольно легкого объяснения. Эти исследования доказали существование в Тихом океане течения (gulfstream), которое, касаясь южной части Японии, идет по направлению к Америке. Это течение, названное именем Тесана, легко могло занести к берегам Нового Света сбившиеся с дороги корабли китайцев и японцев. Наконец, великое экваториальное течение Атлантического океана могло занести в Мексиканский залив лодки с неграми западного берега Африки. Как ни велика отдельность материка Америки от материков Старого Света, нет рациональных причин отвергать всякую возможность хотя бы редких, случайных сношений между этими частями света, возможность перехода в Америку жителей Азии, Европы и даже Африки. [26] Еще легче предположить и даже доказать заселение Океании одним племенем и притом перешедшим на эти острова с азиатского материка. Как ни многочисленны и ни разнообразны диалекты, которыми теперь говорят островитяне Тихого океана, эти диалекты представляются обломками одного языка. В племенных типах тех же островитян также заметны видоизменения одного первоначального, общего всем им типа. Нужно ли говорит, что на островах Полинезии еще возможнее для жителей смелые и продолжительные морские странствования или занесение бурею их лодок. [27] Все наблюдения над морем, подводными течениями, направлением ветров доказывают возможность вольных, а еще более невольных сообщений Нового и Старого Света, возможность заселения Нового Света выходцами из приморских стран Старого Света, — и теории полигенистов о местном, отдельном происхождении человеческих пород, [28] о природном различии, существующем между этими породами, о невозможности слияния их между собой и образования новых племенных типов вследствие изменения среды и кровного смешения, получают полное опровержение, как со стороны наук естественных, рассматривающих человека в смысле животного организма, так и со стороны истории.

Гипотеза о нескольких видах, на которые распадается человечество, не выдерживает критики и поверки наблюдениями над современной действительностью и достоверными фактами,

представляемыми историей. И наблюдения и предания говорят о возможности смешения самых различных пород, об образовании новых племенных типов.

Есть, впрочем, одна теория, поддерживаемая одним из знаменитейших современных натуралистов, которая чрезвычайно соблазнительна, потому что, по-видимому, разрешает противоречия и представляет возможность соглашения между самыми противоположными воззрениями. Это теория Агассиза, которой основания высказаны были еще в то время, когда Агассиз был профессором в Швейцарии, но которая вполне развита им уже когда он окончательно переселился в Америку, где он занимает теперь кафедру естественной истории в одном из южных штатов Северной Америки. Первые начала этой теории высказались еще в 1840 и 45 годах. Окончательно формулировалась она уже в 1859. Для Агассиза нет сомнения, что род человеческий, несмотря на все разнообразие племенных типов, составляет один вид в зоологическом смысле. Исследования о помесях для него не имеют особенного значения, равно как и вопрос, следует ли приравнять их к метисам или гибридам растительного и животного царств. Впрочем, признавая человечество как один вид, Агассиз допускает сохранение в помесях производительной силы и жизненность. Главная задача Агассиза не в этом. Он доказывает только, что человек явился не вдруг и не в одном месте, что различные породы образовались или сотворены независимо одна от другой и на разных пунктах земного шара, а не произошли от одного корня. Отвергается таким образом не единство физической природы человечества, а единство происхождения. Поставленный в этой форме и самый вопрос, подобно его решению, становится не новым. Он был возбужден задолго до того времени, когда естественные и исторические науки начали свои исследования над человеческими племенами, возник совершенно на иной почве и притом на такой, где всего менее можно было ожидать его возбуждения, именно на почве богословской экзегезы. Еще в 1655 году один протестантский (гугенотский) богослов, La Peyrere, или, как подписывался по-латыни, Peirerius, издал сочинение Systema theologicum, ex Praeadamitarum hypothesi, сожженное, по приказанию Сорбоны, рукой палача. Основанием для этого оригинального воззрения служили тексты св. писания, между которыми Пейрер заметил разногласие или противоречие, что, по его убеждению, могло быть устранено с помощью его гипотезы о сотворении рода человеческого не в один и тот же день и притом не в лице одного

Адама и его подруги. Главными его основаниями были: 1) место из 5-й главы послания св. апостола Павла к Римлянам, которое будто намекает на существование людей до Адама; 2) язычники отличаются другим происхождением от евреев, идущих от Адама; 3) первая глава книги Бытия говорит о сотворении человека будто не совершенно согласно со 2-ой главой той же книги, и Каин взял себе жену не из племени Адама; 4) древние памятники и в особенности древние астрономические вычисления указывают на время, предшествовавшее Адаму.

Это сочинение вызвало против себя сильную бурю и автор, обратившись к католицизму, принужден был сам от него отречься. С тех пор оно было забыто до нашего времени. Я не думаю, разумеется, проводить параллель между богословской системой французского гугенота и естественно-исторической теорией знаменитого натуралиста. Различие между ними так же велико, как различие между наукой XIX и наукой XVII веков. Самая почва, которая породила эти воззрения, совершенно различна. Одно опирается на толкование и соглашение текстов, подлинность которых заранее не подвергается никакому сомнению; другое опирается на бесчисленные исследования по всем отраслям естествоведения и не имеет ничего, кроме чисто научной цели. Это сходство, без сомнения, случайно, тем не менее замечательно. Теория Анассиза главным образом основывается на географическом распределении животных, на зоологической географии. Произведения флоры и фауны уже сгруппированы в известные области, растения и животные имеют свою родину. Один человек живет во всех климатах земного шара и в этом случае составляет едва ли не единственное исключение. Признавая это исключительное положение человека, Агассиз думал заметить отношения между человеческими породами и известными флорами и фаунами и выяснить их. Считая все породы человечества подразделениями одного вида, он признает, что отличительные особенности каждой расы составляют ее существенный, исконный, первоначальный характер, что каждая создана особенно в своей родине, и что пределы родины каждой расы совпадают с пределами известной зоологической области. Известная порода людей составляет такой же характеристический признак известной зоологической области, как и некоторые породы животных, исключительно принадлежащих той же области. Одним словом, Агассиз принимает несколько центров творения, образовавшихся неодновременно и независимо один от другого.

Этих центров творения или, как он называет их, зоологических царств, Агассиз насчитывает восемь. К своему главному сочинению об этом предмете Агассиз приложил и карту своего распределения земного шара на зоологические царства и области, а также для каждого царства и таблицу, на которой соединены изображения тех форм животных и людей, которыми характеризуется каждое зоологическое царство. Эти царства следующие: 1) арктическое, или полярное, характеризующееся эскимосами, белым медведем, моржом, китом, гагой и т. д.: 2) монгольское, которое, кроме монгольского племени, характеризуется тибетским медведем, сибирской козой, одним видом антилопы и т. д.; 3) европейское царство, которого отличительные животные бурый медведь, олень, каменный козел и пр.; 4) американское (американский медведь, бизон, виргинский олень и т. д.); 5) африканское царство (обезьяна шимпанзе, слон, риноцерос и т. п.); 6) готтентотское (гиена, квагга, особый вид риноцероса и т. д.); 7) малайское (тапир, орангутанг, индийский слон и пр.), и наконец 8) австралийское (кенгуру, опоссум, орниторинг и пр.).

Теория Агассиза имеет далеко не то основание, какое имела богословская система Пейрера: она опирается на чисто-научные исследования, она чужда всех посторонних соображений. Агассиз принимает за основу наблюдений современную действительность, существующую форму человеческих племен; он не хочет знать не только той или другой религиозной системы и не думает подчинить ей заранее свои выводы: он не хочет знать ни истории, ни лингвистики. О последней он отзывается с таким презрением, которого не скоро найдется другой пример в научных исследованиях, к какой бы области знания они не относились. По его мнению, на основании сходства или несходства языков основывать свои выводы о племенном родстве народов так же полезно и справедливо, как доказывать родство камчатского медведя с медведями Тибета, Восточной Индии, Зондских островов, Непала, Сирии, Сибири, Северной Америки, Скалистых гор и Андов, основываясь на сходстве их рычания, вопреки свидетельству зоологии, относящей этих животных к различным видам. Трудно полнее сохранить, даже без особой нужды, независимость одной науки от всех остальных, и выводы Агассиза можно бы принять за последнее слово естествоведения о данном вопросе, если бы возражения шли только со стороны других наук, заинтересованных также его разрешением, но не имеющих собственных средств достигнуть этого разрешения помимо наук естественных. Теория Агассиза кажется тем более

обольстительной, что она, опираясь на такое, по-видимому, твердое основание, как зоологическая география, признает однако же единство природы, если не единство происхождения рода человеческого, допускает живучесть и плодовитость помесей, и, следовательно, уничтожает существенный пункт в споре между приверженцами двух крайних теорий, и дает возможность соглашения. Доказать единство происхождения человеческого рода от одной пары из одной страны наука пока еще не может собственными средствами, и даже приверженцы единства происхождения доказывают только его возможность и полную вероятность, и не могут идти далее. Казалось, соглашение было бы возможно; но дело в том, что самые существенные возражений против теории Агассиза идут не от богословов, даже не от историков или лингвистов — хотя и историк может указать на некоторые факты, допускающие возможность заселения материков и островов Нового Света выходцами из Старого; хотя и лингвист может доказать внутреннее сродство языков Полинезии и Америки с языками Азии и Африки, — а прежде всего и главным образом от самих натуралистов и притом таких, которые высоко ставят ученые заслуги швейцарского естествоиспытателя и нисколько не думают умалить ценность его специальных исследований. Эти возражения притом такого рода, что они подрывают теорию Агассиза в самом ее основании, доказывая, что, не говоря о человеческих породах и вообще о человеке, самое его деление на зоологические царства произвольно и не выдерживает поверки, что его характеристические животные отнюдь не составляют исключительной принадлежности того или другого царства, что деление в том виде, как оно предложено, невозможно и противоречит всем признанным фактам. Я не могу, разумеется, даже и поверхностно обозреть эти возражения и отсылаю читателя к труду известного французского натуралиста Катрфажа.

Этой непрочностью самого основания объясняются и те споры, которые вызвали труды Агассиза, и то ложное положение, которое он невольно занял между полигенистами и их противниками.

Повторю в кратких словах те результаты, которых достигли различные науки путем самостоятельного исследования о человеке и его отношениях к внешней, физической природе.

Человечество не представляется теперь глазам историка безразличной массой. Оно распалось на более или менее ясно определенные, резко разграниченные по своим физическим и нравственным свойствам группы. Перед глазами историка выяснилось

разнообразие племенных типов с их характеристическими особенностями, с их устойчивостью и стремлением сохранить в главных чертах свою основную физиономию. Многое в событиях человеческой истории объяснилось и объясняется особенностями народного типа, его физическими и нравственными свойствами, дающими его деятельности то или другое направление, делающими тот или другой народ способным или неспособным в известное время осуществить известную задачу. Это разнообразие племенных типов не может однако же доходить до существенного, основного и прирожденного различия в самой человеческой природе. Новые племенные типы слагаются при новых условиях внешней природы, вследствие кровного смешения уже прежде существовавших племен. Иные типы, являвшиеся прежде с резко обозначенным характером, теперь уже не существуют более, хотя они и не исчезли бесследно, а вошли, как известный образовательный элемент, в новые племена и народности, занявшие их место. Ни одно племя не может считаться отверженным по своей природе, выделенным из общего призвания человечества к постепенному совершенствованию. Если исчезли или исчезают некоторые низшие племена, они гибнут случайно, а не вследствие естественного закона вымирания, и человек напрасно хочет сложить на ответственность Провидения или судьбы печальные следствия своего собственного эгоизма, своих собственных страстей или непредусмотрительности. В существе самой низкой, полуживотной еще породы мы должны, как бы дорого ни стоило это нашему самолюбию, признать брата не только по природе, но и по призванию, и суд истории совершается, рано или поздно, над теми горделивыми племенами, которые забывают, в своем торжественном шествии, что они идут по костям и трупам подавленных ими младших братии, за которыми они умышленно не хотели признать не только прав на родство и участие, но даже и самого права на жизнь. Бесчисленное разнообразие племенных особенностей не должно скрывать от сознания высших представителей человечества внутреннего единства, царящего над этим разнообразием, придающего ему смысл и значение, и дело народов высшей цивилизации — быть руководителями племен, находящихся еще на низшей степени развития, к той общей всем им цели, к которой идет человечество в его всемирно-историческом развитии.

Отрицая возможность появления человека, как продукта одной внешней, физической природы, признавая ту резкую черту, которая отделяет даже самые низшие племена от царства животного, мы не

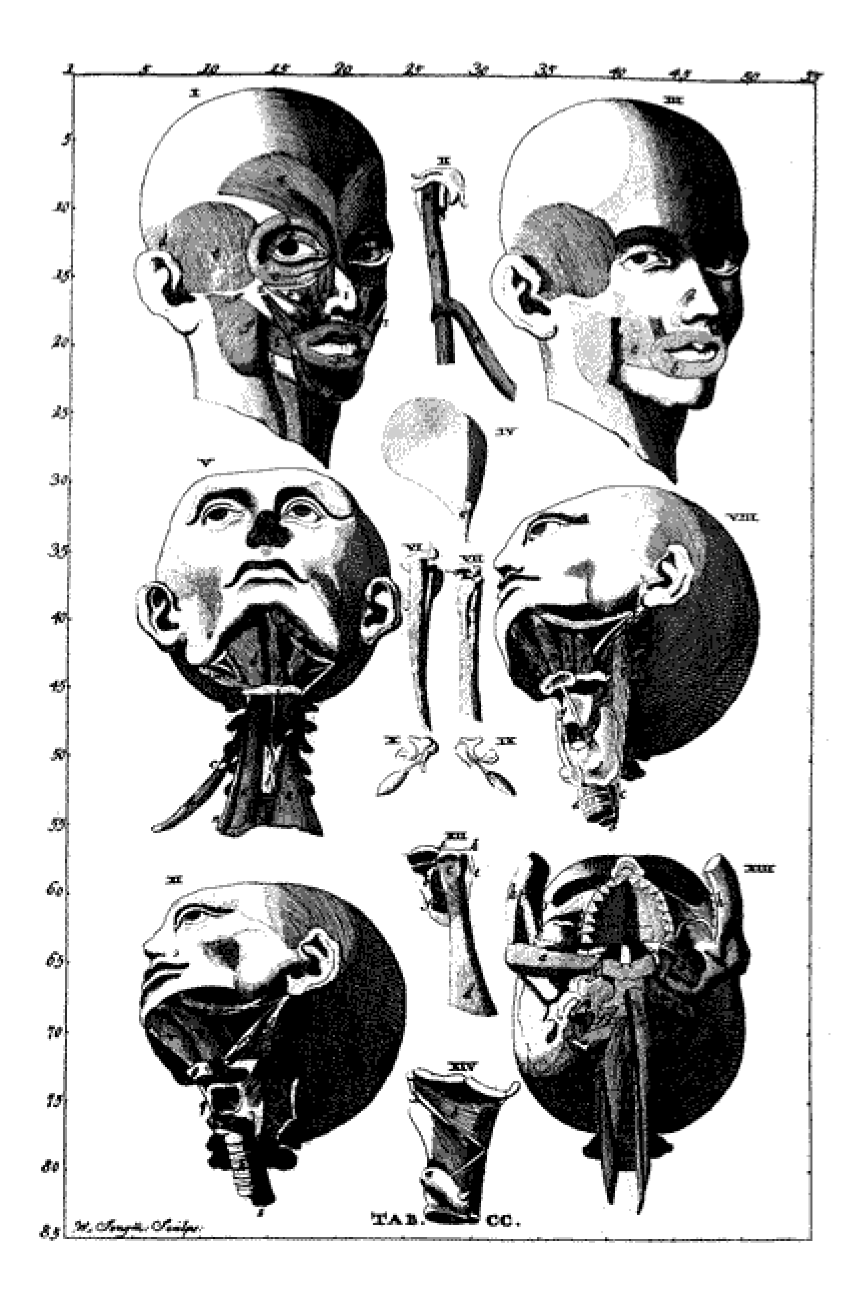
должны отрицать того великого влияния, которое имеет внешняя природа на человека, не только в его младенческом, первобытном состоянии, но и во все продолжение его исторической деятельности, на всех ступенях его исторического развития. Иначе горький опыт может тяжело наказать нас за горделивое самообольщение. Приведу несколько мыслей из сочинения знаменитого Риттера.

> *«Система планетной природы в ее местном устройстве оказывает сильное влияние, как на юношеское развитие каждого отдельного человека, так еще гораздо более на развитие целых племен. Не подлежит никакому сомнению, что это влияние природы, даже не говоря о всех других сопровождающих его действиях, необходимо имело важнейшие последствия для душевного и умственного преобразования человека, равно как и для особенного его проявления во внешности в различных странах земного шара через все столетия человеческой истории. Итак, в этом, кроме племенного происхождения, заключается содействующее условие для развития народной индивидуальности, вследствие влияния окружающей природы, которая в виде непроизвольных жизненных привычек явственно отпечатывается на душе человеческой, и вместе с тем возбуждает в ней постоянно сообразную с местностью умственную деятельность».* [29]

Анатолий Петрович Богданов

Антропологическая физиогномика

Издано на средства, пожертвованные В. Х. Спиридоновым
Москва 1878

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
TAB. CC.

I

Периоды развития физиогномики как науки. Физиогномика у первобытных народов. Практический, морфологический и физиологический периоды изучения физиогномики. Антропологическая физиогномика. Ее отличия, цели и задачи. Методы исследования ее. Причины, мешающие ее развитию. Влияние этнографических условий на осложнение вопросов по антропологической физиогномике. Методы исследования смешанных и варьирующих племен. Способ средних форм и выделение типических представителей. Значение изображений в физиогномических исследованиях. Условия требуемые от изображений племен для научного исследования их с физиогномической точки зрения. Фотографии как способ изучения последовательного изменения в антропологических признаках племен. Художественные портреты как памятники умственных и нравственных изменений племен, отражающихся в выражении лица и в передаче их ощущений. Метод средних как особенно удобный для изучения племен, сохранившихся в большей чистоте. Метод изыскания типических представителей как особенно полезный при исследовании смешанных народонаселении. Что нужно брать за тип в смешанном народонаселении?

Физиогномика, как искусство по чертам лица узнавать свойства и ощущения человеческой души, очень стара. Она началась с проявления первого начала общественного самосознания в человеческом обществе, с того времени, как человек стал складывать в устные предания общие свои наблюдения и выводы. Если смотреть на физиогномику, как на средство подмечать ощущения, то она даже не исключительно свойственна человеку. Всякий знает, что животные, по так называемому инстинкту, умеют отличать относительно друг друга и относительно человека различные оттенки психических состояний, хотя и не идут в этом отношении далее самых явственных и наиболее осязательных из них: гнев, ужас, приятное настроение дружественных чувств умеют и выражать, и передавать многие животные. Человеку одному принадлежит только то, что он свои физиогномические впечатления возвел в систему, выразил в ряде положений, осмыслил обобщением и анализом; но это то и составляет всю коренную разницу человека и животных, так как вывод, обобщение и наука, или не только знание, но и познание,

представляют несомненные права человека на особое царство, резко отделенное сознаваемою мыслью от животного царства. Что физиогномические обобщения существуют у самых примитивных рас, не имеющих настоящего знания или науки, доказывают и дикари, уродующие себе лицо и прически, делающие себе фантастические костюмы, чтобы ими испугать неприятеля, казаться страшнее. Жрецы даже самых первобытных религий изобретают приемы, чтобы действовать на воображение и волю присутствующих, и в этих приемах играет не последнюю роль выражение лица, жестов и движений, которые должны свидетельствовать об их сверхъестественной воле, об их, выходящем из обыкновенного порядка вещей, могуществе. Что искусство практически прилагать физиогномические наблюдения к житейским потребностям одно из самых древних, показывает существование всюду лицемеров и кокеток. Вся задача, как тех, так и других собственно и состоит в том, чтобы, или с помощью умения и силы воли, или с помощью искусственных приемов и искусственных средств, произвести не то впечатление, какое бы представили их лица и движения при данных им от природы условиях и при естественном проявлении их; это стремление уже предполагает само собою сознание, что на других постоянно действуют физиогномические свойства, что они подмечают их, увлекаются ими, составляют по ним то или другое суждение, тот или другой вывод. Желание и необходимость узнать с кем имеешь дело, на что можно рассчитывать и что найдешь в человеке, вызвали издревле искусство физиогномики, как с точки зрения придавания ему той или другой формы, что можно назвать искусством активной орудующей физиогномики, так и составления себе суждения о значении и свойствах известных физиогномических данных, что можно назвать пассивною или наблюдательною физиогномикою. И та, и другая имеют целью произвести, или уловить, известные душевные свойства и движения, известные психические стороны человека, и потому они могут составить особую форму или стадию развития физиогномических знаний, которую можно назвать практическою физиогномикою, самою древнейшею по своему проявлению, коренящуюся не столько в сознательном мышлении, сколько в бессознательных впечатлениях и в инстинктивных ощущениях. Их можно назвать бессознательными в том смысле, что человек прямо берет их из опыта, как известный факт, сопровождающийся теми или другими последствиями, тем или другим приятным или неприятным проявлением, и нисколько не

анализирует своих впечатлений, не систематизирует их, не подводит их в какую-либо доктрину. В этом смысле человек в таком фазисе своих физиогномических данных недалеко ушел еще от животного и действует под влиянием того или другого впечатления более рефлективно, чем сознательно.

Появляется новая ступень развития человеческого общества, начинается период сознания, первые корни научных приемов, и человек начинает систематизировать окружающие его явления. Так как первое, что доступно его непосредственному наблюдению, еще не опирающемуся на целый ряд добытых научных методов, это внешность, это форма, то человек с одной стороны утрирует значение этой формы, а с другой старается уяснить ряд этих форм, группируя их по сродству, по сходству, по известным качествам. Научные сведения не дают еще человеку возможности дойти до ближайших причин явления; он не знает еще анатомии, ему незнакомо еще физиологическое значение факторов, входящих в состав тела человека; для него существует одна внешняя оболочка, которая и является единственным средством найти ответ на ряд, и ряд все более и более многочисленный, возникающих вместе с умственным развитием вопросов. Эта оболочка скрывает от него тайну душевных явлений в организме, но она сама является отражением неизвестного внутреннего начала и механизма; она отражает его ход, его различные проявления. Естественно подмечать видоизменения этих внутренних проявлений на доступной наблюдению внешней оболочке, изучать все особенности внешней формы, постоянно связанные с известными нравственными и умственными проявлениями, привести их в порядок, в систему, сделать удобным для осмотра и получения некоторых практических выводов. Является систематизация физиогномических явлений, морфологическое изучение их; является первая ступень научного изучения физиогномики — морфологическая физиогномика, далее которой не шла эта отрасль изучения человека до первой четверти настоящего столетия. Что такое труды Лафатера, Брюйера и других, как не систематизирование известных физиогномических явлений и классификация их? Отлогий лоб есть выражение тупости или, по крайней мере, недальнего умственного развития; толстая и выдающаяся нижняя губа признак развития чувственности; плоские губы — хитрости; быстро загорающийся под влиянием какого-либо впечатления взгляд — указание на впечатлительность, на непостоянство и т. д. Существенный шаг вперед этой ступени развития физиогномики, сравнительно с предыдущей, состоит в том,

что здесь уже увеличивается значительно число психических моментов, подвергаемых изучению. Уже не одни первоначальные, самые выдающиеся аффекты (гнев, ужас, страх, любовь) подвергаются изучению, но дело идет далее: анализируются градации этих психических проявлений, присоединяются целые ряды уже более научно анализированных душевных свойств. Стараются подметить, чем в физиогномике выражается память, воображение, благородство, честность, религиозность и т. д., то есть те свойства, подмечать которые способен один только человек, и притом человек, стоящий даже на значительной степени умственного развития, знакомый уже с первоначальными научными знаниями. Добыты уже некоторые анатомические данные; костяк, и в особенности череп, уже известны в их частностях и в их видоизменениях. Известно уже значение мозга как центрального органа внутренней духовной жизни, или, по крайней мере, при первых успехах этого периода дознано, что голова, а не желудок, составляет направляющую часть организма. Физиогномика из искусства, исключительно основанного на изучении выражения лица и движений, переходит к наблюдению фактов устройства черепа; она вырабатывает как отдельную отрасль краниоскопию, черепословие, искусство по видоизменениям черепа судить о свойствах человека. Хиромантия, или искусство распознавать по линиям судьбу и жизнь человека, очевидно принадлежит совершенно к иной области приложений морфологических свойств человека, так как она основывается на фаталистическом воззрении какого-то сверхъестественного соотношения между линиями рук и событиями жизни, и с этой стороны очевидно она не имеет ничего общего с физиогномикою, основывающеюся на несомненно существующем соотношении между физическим строением и психическими проявлениями. Но и в ней можно найти некоторые черты, основанные на положительных наблюдениях. Толстые пальцы, мускулистые руки встречаются у сильной, физически развитой организации; удлиненные, тонкие пальцы, нервность руки, как выражались физиогномисты, указывает на преобладание психической жизни, или по крайней мере на предрасположение к ней. Существуют общие свойства организации, проявления темперамента, которые выражаются не в одной только физиогномии, но и в конечностях: недаром маленькие ножки влияют так часто на сердца и головы людей, и в этом случае малость их и грациозность составляют предполагаемое свидетельство изящества натуры всего человека, более высокого развития его.

Морфологическая физиогномика, в большей или меньшей степени, есть достояние каждого развитого человека. Каждый составил себе известный кодекс физиогномических данных, по которым он судит о других. Душа человека сокрыта, а все сокровенное именно и возбуждает особенно любопытство наше. Каждому хочется проникнуть в глубь нравственной жизни другого, знать чего от него можно ждать или надеяться, не говоря уже о практических целях, которые делают практическую физиогномику необходимою в жизни. Кроме инстинктивного стремления по выражению лица судить о том, с кем имеешь дело, существует еще и совершенно платоническое, любознательное стремление подмечать происходящее в другом. В этой любознательности особенным даром верно угадывать и подмечать отличаются женщины и дети, коих натуры более цельны, или лучше сказать более первобытны, понимая это слово в том смысле, что они менее односторонни и не так затемнили свои впечатления системой и теорией, как это обыкновенно бывает с мужчинами. Лучшими практическими физиогномистами являются подчиненные всяких рангов и состояний, зависящие от безусловной воли своего господина или начальника, и потому по необходимости изучающие его физиогномику в совершенстве.

Развивается далее наука и выходит уже из тех пределов, при которых она должна была ограничиваться фактом и внешнею классификацией. Для нее уже становится недостаточным знание того, что известные свойства и особенность формы связываются с определенными проявлениями характера, ума и воли. Ей нужно пойти далее; она чувствует потребность дознать, почему это так, чем эта связь факта и результата обусловливается. Является изучение причин и следствий, а не одного только предыдущего и последующего. В естествознании, и именно в изучении органических тел, за внешнею морфологией, за более или менее внешними классификационными приемами следует более глубокое и более научное анатомическое и физиологическое изучение явлений. Сначала скальпель показывает число, форму и положение тех составных частей, из которых слагается внешность тела, затем наблюдение и опыт над действием этих частей дают ключ к уяснению их относительного значения и взаимного соотношения. Физиогномика как частная отрасль познания органических тел, должна была также вступить в свое время на этот путь, и он открылся ей с того времени, как нож анатома распознал все составные части тела, как физиолог дознал их отправление. Так как само по себе одно анатомическое значение частей без уяснения их

отправления еще не много значит для целей физиогномических, то последующий научный период развития физиогномики можно назвать физиологическим. Для него работали, сознательно или несознательно, все те анатомы и физиологи, коих трудам мы обязаны знанием состава и значения составных частей лица и соотношения различных систем органов человеческого тела. Наилучшим выразителем чисто физиогномических целей периода физиологической физиогномики является Дюшен, французский ученый, приложивший электричество к изучению действий различных мускулов лица, заставлявший под действием тока сокращаться те или другие мышцы лица, изучавший выражения при этих сокращениях, снимавший фотографические изображения этих выражений и старавшийся выяснить, действие каких мышц вызывает то или другое душевное настроение, то или другое выражение ощущений. Этому же физиологическому направлению, с тем же стремлением отыскать анатомические и физиологические причины морфологических изменений в выражении лица и ощущений, следовали в своих работах Грациоле и Дарвин, давшие в своих сочинениях много весьма важных данных для научного построения этой отрасли наших знаний. Сочинение Дарвина важно еще в том отношении, что в нем намечено и много указаний на так называемую антропологическую физиогномику, ближайший предмет нашего рассмотрения.

Искусство, живопись и скульптура не могли также оставаться равнодушными к физиогномическим данным, тем более, что, как мы видели, сама физиогномика стояла долгое время только на степени искусства. Эти физиогномические наблюдения выразились с особенною ясностью в скульптуре древних, в особенности при изображении ими своих богов. Так как древние греческие божества были идеализацией и воплощением известных человеческих свойств, то в каждом из них художники изображали какой-либо физиогномический тип. Так Юпитер должен был выражать могущество воли, спокойное сознание силы. Юнона была олицетворением спокойной добродетели, Венера материальной красоты; Минерва считалась за олицетворение добродетельного ума, если можно так выразиться, т. е. ума направленного к добрым делам, смягченного женским добросердечием. Меркурий был олицетворением практического ума, обладавшего способностью часто повертывать и в худую сторону. Геркулес был образцом рассудительной физической силы, гладиаторы только типом крепкого физического развития. Всем этим идеалам известных свойств

давались и соответственные черты лица и гармонирующее выражение. Фактическою основою для подобных воссозданий служили или наблюдения над живыми людьми, представлявшими в выдающейся степени те или другие умственные или нравственные свойства и характеризовавшимися особенным развитием известных частей тела (по преимуществу головы и лица), или же наблюдения над выражением животных. И до сих пор мы часто делаем подобные же наблюдения и прилагаем их к нашим физиогномическим суждениям: мы говорим о лисьем выражении лица, о кошачьих ухватках, о бараньих глазах, орлином взгляде, львиной поступи. Первобытный человек, находившийся ближе к природе, часто даже боготворивший животных, был еще склоннее нашего подмечать и усваивать физиогномику животных и более способен, по непритупленной восприимчивости, уловлять различные выражения свойств и ощущений у животных. В некоторых отношениях для первобытного человека было легче наблюдение над животными с точки зрения выражения и ощущений, чем у людей, так как они здесь первобытнее, характернее, чем у человека, менее замаскированы различными приобретенными воспитанием и привычкою осложнениями, менее сложны. Первобытная скульптура оставила нам данные и для антропологической физиогномики: на египетских памятниках, например. Мы встречаем уже фигуры, в которых мы можем различить различные племена по их характеристичным чертам, часто переданным несколькими характерными штрихами. До последнего времени в вопросах физиогномических главную цель составлял человек вообще, его свойства, его страсти, проявление его душевных свойств. Если и были попытки указать на факты расовой, племенной физиогномики, то эти попытки были случайны. Они ограничивались самыми резкими, самыми выдающимися признаками, легко бросающимися в глаза всякому наблюдателю, и имели по большей части такое же значение, какое имели в старинных сочинениях изображения хвостатых людей, циклопов, уродов, фантастических животных. Это было записывание и увековечивание действительно существующих или созданных воображением фактов на основании дурно перетолкованных наблюдений. Только последнему времени, даже самому последнему, принадлежит заслуга уяснения начал истинной антропологической физиогномики. Правда, уже у прежних антропологов мы встречаем описания различных племен; путешественники передали нам целый ряд изображений жителей разных стран и местностей, но всему этому еще далеко до настоящей

научной племенной физиогномики. Еще и теперь она в периоде младенчества и ждет окончательного своего установления. Она находится почти в таком же состоянии, в каком описательное естествознание было до времен Линнея. Было много писано и описано до него, много дано изображений естественно-исторических предметов, но беда была в том, что каждый описывал по своему произволу, обращал внимание на то, что его особенно поражало, выражал это терминами, которые находил наиболее удобными, а иногда и наиболее красноречивыми, способными действовать более на воображение, чем на уяснение частностей. Современное естествознание допускает одно красноречие: точное и верное описание фактов. Оно положило границу изобретательности образов и сравнений для естествоиспытателя, дав ему со времен Линнея свод законов, определяющих и значение, и приложение известных определенных терминов. Язык стал менее цветист и ораторскому искусству разгуляться негде в описаниях, ставших от того краткими, сухими, но зато понятными, точными и удобосравниваемыми. Младенчество антропологической физиогномики и выражается главным образом в том, что еще много простора остается и теперь в этом отделе исследований для описательной изобретательности, что физиогномические явления не подведены под рубрики и систему, что еще не дознано в каких случаях и где какие признаки имеют преобладающее значение.

Не много нужно сведений и наблюдательности, чтобы отличить негра от белого, калмыцкую физиогномию от общеевропейского типа, цыгана от великорусса. Но таких резких типов сравнительно немного, а подразделений человеческих групп, называемых племенами, значительное число. Можно ли к отличию их прилагать физиогномические данные; в чем искать отличительных признаков их; какие свойства можно счесть физиогномически характерными в каждом племени; какой предел вариаций наблюдается между этими признаками в среде естественной группы или племени: вот некоторые из тех существенных вопросов, которые связываются с рассмотрением физиогномических данных с антропологической точки зрения или с так называемой антропологической физиогномикой. Очевидно, что эта частная отрасль изучения формы лица и выражения ощущений имеет представить совершенно своеобразные задачи, отличные от тех, которые рассматривает общая физиогномика, будь она практическая, морфологическая или физиологическая. Для физиогномиста-неантрополога важно, как проявляется вообще внутренняя жизнь во

внешних изменениях человека под влиянием тех или других условий, какими органами, находящимися под ее влиянием и каким образом она пользуется в тех или других условиях. Для современного антрополога-натуралиста изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в своей форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного дерева, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин. Антрополог берет уже добытый анатомами и физиологами материал, основывает на нем свои выводы, но прилагает полученные другими отраслями знания выводы к своим специальным целям. Подобно тому, как зоолог опирается на гистологию, эмбриологию, сравнительную анатомию для своих специально зоологических целей, состоящих в изучении законов развития организмов, взятых в совокупности и под влиянием исторических условий этого развития, и подобно тому, как задача в этом случае явственно своеобразна и по целям, и по приемам, если не наблюдения, то группировки фактов, так и антрополог во всей своей науке вообще и в физиогномической ее части в особенности берет и анатомические, и физиологические факты, но группирует их и добавляет сообразно своей специальной цели. Если антропология, в тесном естественно историческом значении этого слова, считается различною и по цели, и по составу, и по методам от ближайших, соприкасающихся с нею отраслей знания, составляющих для нее необходимый фундамент, то и антропологическая физиогномика может быть с таким же правом выделена в особую группу по отношению общей физиогномики, преследующей изучение выражения и ощущений в человеке вообще.

При такой своей задаче антропологическая физиогномика будет иметь и свой своеобразный характер, и свои особенные приемы. Во-первых, для нее физиологическое значение физиогномических данных будет представлять очень незначительный интерес. Способность понимать ощущения и впечатления, выражаемые в физиогномических явлениях, в главнейших своих выражениях одинаково присуща всем племенам, и не только им, но и животным. Никто из людей не ласкается с рычаньем, свирепым выражением лица, взмахивая кулаками и стараясь укусить; никто не станет драться с умиленным и восторженным лицом или выражать свое удовольствие скрежетом

зубовным и трагическим плачем. Бывают правда слезы радости, но кто не отличит их по выражению лица от проявлений горя и боли? Рычат животные, когда ласкаются, но предмет их ласки хорошо понимает всю сентиментальность и умиленность этого рычания. Если бы было иначе, то люди разных стран не понимали бы по физиогномическим данным душевных проявлений в чуждых для них пришельцах. Но дикари, мучающие белых, легко отличают человека храброго от трусливого, сильного волей от малодушного. Что же может найти себе, говоря вообще, антрополог в этих общих выражениях ощущений для своих специальных целей? Конечно очень не много, и потому-то он ставит их на второй план и если интересуется ими, то только тогда, когда или вследствие какой-либо особенности племени, или усвоенного ими свойства, эти выражения становятся племенными, но и в этом случае они по большей части являются только этнографическими подспорными данными, а не антропологическими, т. е. другими словами: они здесь в большинстве случаев являются своеобразными и видоизмененными под влиянием общественных и бытовых условий, результатом предания и переимчивости, а не изменения организации. Поэтому антропологическая физиогномика и берет главнейшую и существеннейшую часть материалов для своих выводов из анатомических или морфологических данных строения лица и тела, как такие, кои укоренились наследственно, передаются естественным образом, составляют прирожденные племенам отличия. Для своих целей антропологическая физиогномика ставит иногда на значительно видное место при своих заключениях такие признаки, кои не важны для физиогномиста вообще, как, например, цвет волос и глаз.

Строго говоря, можно бы назвать эту сторону антропологического изучения не антропологическою физиогномикою, но антропологическою морфологией, отделом, изучающим общую форму и habitus племен, оставляя за физиогномикою те задачи, кои приписываются ей физиологами и психологами, но вряд ли это было бы удобно. Конечно можно придираться к взятому нами термину и высказать против него большее или меньшее число остроумных возражений, но равнялась ли бы польза от них потраченному остроумию и диалектики? Этот термин тем удобен, что он прямо характеризует и цель наблюдения физиогномических данных словом «антропологическая», и специальный предмет исследования — физиогномию или habitus, общий вид племени. Правда, слову физиогномия мы привыкли придавать более специальное и более

узкое значение, ограничивая его в общежитии областью лица. Но это тоже не верно: ни один физиогномист не делает своих заключений по одному только изменению черт лица, ни один физиогномический трактат не ограничивается исключительно анализом лицевых изменений. Часто лицо, под влиянием силы воли, молчит, но душевное настроение выражается едва заметною нервностью руки, быстрым мимолетным движением тела. Все физиогномисты принимают во внимание физиогномику животных, а у них лицевые части играют второстепенную роль в громадном большинстве случаев и характер ощущений выражается более в складе тела, в позе, в приемах. Лицо человека является только более подвижным и тонким отражением происходящего, более доступным зеркалом душевных состояний, и потому оно по праву первенствует, но далеко не исключает остального. Кроме того, если бы мы заменили этот употребленный нами термин выражением «антропологическая морфология», то этим далеко не улучшили бы дела. Всякий, хотя и не всегда вполне, поймет, что значит антропологическая физиогномика, но нельзя того же сказать о термине антропологическая морфология, имеющем неизмеримо более обширное и менее резко очерченное содержание. Чего нельзя только подвести под это слово из строения племен! Все, что представляет характеристическую форму в строении тела и его органов, подойдет сюда и, пожалуй, потребуется для антропологического изучения habitus племен сочинить новый термин. Будем же употреблять принятый нами, так как при малейшем желании понять его, он вполне ясен и определен.

Взятая в указанном нами смысле антропологическая физиогномика изучает всю фигуру человека во внешних ее свойствах и проявлениях, насколько они являются отклоняющимся от других, насколько они характеристичны для того или другого племени. Она берет свои данные из размера роста, из отклонений от нормы всех частей тела. Ее метод — есть метод измерения, метод пропорций для одних частей, метод строгой классификации признаков и их значения с другой. Она распределяет эти цвета по номерам и дает таким образом наблюдателям, находящимся в самых отдаленных друг от друга местностях возможность обозначить совершенно одинаково и сходно одно и то же явление цветности, независимо от субъективных свойств и взглядов лиц производящих исследование. Она заменила общие описательные признаки «большой, малый, средний, короткий и длинный» известными пропорциями частей и дала пределы, указав на которые всякий может составить себе точное понятие об

относительной величине и форме органа.

Как это важно во многих случаях — показывает ежедневно повторяющийся опыт при раскопках. Мало-мальски значительный череп, вынутый из кургана, а в особенности кости конечностей, признаются неспециалистами обыкновенно принадлежащими, если не великанам, то особенно большим особям, тогда как сравнение показывает, что здесь нет ничего, выходящего из обыкновенного уровня. Как неверен глазомер и как подвержены личным различиям взгляды на размеры предметов известно каждому. Если принять в соображение, что наблюдения над племенами в значительном большинстве случаев делаются не медиками и анатомами, а путешественниками, имеющими только общие научные сведения, то введение схем для физиогномических наблюдений, уяснение приемов точного определения значения наблюдений и правильная регистрация их имеют значительную важность. Малые успехи антропологической физиогномики, не по отношению собирания фактов, а по возможности выводов из них, и объясняются тем, что только в самое последнее время было положено начало к выработке однообразных приемов наблюдений и исследований по антропологической физиогномике.

Задачи племенного физиогномического изучения весьма трудны от многих причин, и это также нужно принять в соображение при оценке сделанного до сих пор. Всякий естественно-исторический факт наблюдается и усваивается тем легче, чем он проще, чем менее он сложен и менее видоизменился от различных посторонних причин. Если бы племена сохранили их первоначальную чистоту, их признаки расы остались бы во всей неприкосновенности, то дело было бы сравнительно легко. Но земной шар, именно по отношению человека, представляет нам в этом случае самую запутанную задачу. По мнению большинства антропологов на земном шаре не осталось племен, никогда не подвергавшихся смешению; по мнению других число их крайне мало и ограничено, так как громадное большинство того, что мы называем в настоящее время племенами, есть результат исторических смешений различных племен. Кроме того, самое понятие племя очень эластическое: всякая группа, отделенная религией, наречием и обычаями, считается обыкновенно племенем, но само собою понятно, что все эти фигурирующие в антропологических инвентарях племена далеко не имеют одинакового антропологического значения. Они различны и по отношению степени чистоты крови и расы, и по степени уклонения их признаков от того первоначального корня, из коего они произошли. По объяснимому и

понятному, хотя и странному ходу человеческого развития, именно человеческие племенные естественно-исторические различия всего меньше обращали на себя внимание наблюдателей и скорее являлись, до последнего времени, любопытным придатком к исследованиям путешественников, чем их существенною целью. Кроме того, племена, наиболее удобные для исследования, освоившиеся с наукою и небоящиеся ее, а таковы европейские и наиболее цивилизованных местностей других стран, представляются и наиболее смешанными. Антропологу поэтому почти всегда приходится или удобно наблюдать то, что по сущности, вследствие смешения, представляет значительные затруднения для дознания характеристичных признаков племени, или же, если он имеет возможность наблюдать более или менее чистое племя, то встречать трудности в самом производстве полных и точных опытов, не говоря уже о затруднениях, кои представляются искусственными видоизменениями лица и членов вследствие господствующих в разных местах привычек. Что в цвете лица принадлежит загару, действию перемен температуры и нечистоплотности, и что составляет естественную характеристику, до этого на практике часто добраться весьма трудно. Всякому известно как может изменить выражение оттянутая губа, искусственно сплюснутый нос, штукатурка лица разными красками, а это сплошь и рядом встречается антропологу-физиогномисту. Поэтому-то, если он даст только простое описание виденного, изложение произведенного на него известным племенем впечатления, то такое описание не только неудовлетворительно, но даже может привести к неверным заключениям.

При изучении физиогномических признаков с антропологическими целями нужно выделить все то, что принадлежит чисто бытовым этнографическим чертам. Известный костюм, известный способ прически, местные особенности окружающей обстановки служат весьма сильными средствами для придания известной характеристичности физиогномии. Измените прическу, наденьте обыкновенный костюм, и резкость впечатления во многих случаях исчезнет. Будет казаться нечто особенное в таком переодетом инородце, но он далеко не будет так резко отличаться от других представителей племен, как при своей естественной обстановке. Вот эту-то работу выделения всего того, что может влиять из этнографических условий племени и следует делать антропологу, и всякий поймет насколько подобная задача, такой анализ придаточного, декоративного, труднее непосредственного описания

виденного и насколько он требует подготовительной работы и способности к наблюдениям. У европейских племен является та же задача, но в иной форме: тут костюм не выделяет особенности существующего, а наоборот часто вводит в заблуждение менее внимательного наблюдателя и заставляет его находить различия, или, по крайней мере, не дает ему возможности найти общие черты, там, где они действительно существуют. Актеры и гримировка их уясняют это нам на деле постоянно: одно и тоже лицо с лысым париком и бритым подбородком или с длинными волосами на голове, бороде и бровях, будет производить совершенно различное впечатление и иметь не одинаковый физиогномический характер. Пробор по середине головы, бакенбарды, той или другой формы, бритый подбородок или борода a'la Виктор Эммануил, сделают из русской простодушной физиогномии, если не совсем англичанина или итальянца, то все-таки обратят ее в лубочный портрет их, который издали, или при неопытности и введет в соблазн умозаключение относительно племенной или национальной принадлежности. Если это еще соединено с некоторым лоском, с уменьем схватить и затормозить на своем лице то или другое характеристичное выражение иной национальности, то является нечто весьма похожее на оригинал. Таким образом смешение племен и этнографические особенности их обычаев, влияющих на физиогномику, подкладывают не один камушек на пути, по которому должен идти антрополог, и он должен смотреть в оба, чтобы не споткнуться об него при своих умозаключениях.

Все племена, как говорят описания путешественников, представляют значительные вариации между своими представителями, не исключая даже племен, считаемых за наиболее чистокровные. Что принимать здесь за характерный признак в этих видоизменениях: частость ли его появления, или наиболее типичное выражение его? И то, и другое представляет и свои удобства, и неудобства. Избрание наиболее типичного удобнее в том отношении, что оно дает в одном представителе соединение признаков особенно характерных, но оно субъективно, оно зависит от взгляда, часто от предвзятого мнения, не говоря уже об умышленном избрании типа, что также, к сожалению, представляла антропология, хотя и в редких случаях и под влиянием совершенно ненаучных соображений. Примером этого может служить блаженной памяти теория туранского происхождения русских, выдвинутая как противодействие славянским симпатиям русских. Метод средних чисел более объективен, более

стоит вне произвола, но он, как и всякий вывод, основанный на изучении средних, дает только частость появления признака, большую или меньшую вероятность его наблюдения в данном населении или лучше в данной численности его особей, но грешит тем, что не выдвигает главного характеристичного от придаточного. Кроме того, как показали Бертильон и другие, получение средних чисел отдельных признаков не дает еще возможности составить из них среднецелое, действительно существующее. Известная ширина носа у какого-либо населения может представлять такую же частость и такую же величину, как, например, известная форма скул, но из этого вовсе не следует, чтобы непременно полученная нами средняя форма носа встречалась непременно с полученною среднею формою скул, и может случиться, что если бы по этим средним мы воссоздали физиогномию человека в рисунке, то он произвел бы на нас впечатление совершенно иное, чем мы ожидали; что сказано о двух признаках, еще более приложимо к совокупности их. Еще чуднее выйдет картина физиогномии, если мы из всех средних размеров создадим фигуру; тогда даже может выйти совсем неестественное и даже карикатурное по отношению к изучаемому типу. Поэтому кроме крайних чисел выражения признака, указывают еще и предельные величины, графически изображают ход вариаций каждого существенного признака для племенного различия. Средние числа составляют часто незаменимое средство подойти к решению исследуемого морфологического вопроса, дают незаменимые указания и освещают путь к цели, но не дают прямо этой цели в руки исследователя, каковою в данном случае является установление типической формы физиогномии. Бертильон справедливо заметил, что есть существенное противоречие в смысле слов «среднее» и «тип»: все то, что является средним, промежуточным, бесхарактерным, то не может быть типичным.

Ни слова, ни описания, ни измерения не дадут вполне законченного представления о физиогномическом типе племени, и естествоиспытатель всегда будет прибегать к рисункам для полного уяснения задач антропологической физиогномики. Конечно, всякий удовлетворительный рисунок, изображающий лицо и фигуру, дает более или менее определенное понятие о ней, но для целей антропологической физиогномики требуются особого рода изображения. Антрополог не преследует, как портретист, наиболее удачного выражения, наибольшей эффектности и выразительности фигуры; для него важны ее точность, верная передача пропорций,

размеров, соотношения частей. Эти размеры будут наиболее подходить к действительности, когда фигура обращена к зрителю или в фас, или в профиль. Поэтому-то антрополог и снимает свои портреты в этих положениях, т. е. именно тех, которые избегают художники и все снимающиеся, желающие произвести своей особою наиболее выгодное впечатление. Цель всяких антропологических изысканий есть сравнительное изучение признаков, типов и племен, поэтому первым и основным требованием для всего, имеющего служить материалом для изучения и исследования вопросов этой науки, должно быть то, чтобы оно было удобосравнимаемо, в общем и в частностях, со всеми другими подобными фактами или наблюдениями; естественно, что и портреты, сделанные с антропологическою целью, должны удовлетворять этому требованию, и это строго возможно и удобно только в сказанных двух положениях фаса и профиля. При всех других положениях явится больший или меньший наклон частей, явится не проекция линий и очертаний, а перспективный вид их, который может быть и изящнее по впечатлению, но менее полезен по научному приложению.

Итак, для полного ознакомления с физиогномическими признаками требуется непременно изображение, как дополняющее то, что не могут передать описания и измерения, как подробно ни были бы они сделаны. Человеческое лицо представляет везде одни и те же существенные части; везде у всех племен лицевые ощущения производятся одними и теми же мышцами, сопровождаются одинаковыми изменениями наружных частей; но это верно только относительно общности, а не деталей: относительное развитие и относительная подвижность мускулов варьируют беспредельно. Оттого мы в каждом племени можем найти известные постоянные частные типические выражения и тем подвести все встречающиеся вариации к небольшому числу подразделений, но самые типические группы эти представят бесконечные оттенки. Глаз наш часто улавливает такие различия, которые мы выразить словами не умеем, как не сумеем перевести их на числовой язык антропометрии. Наоборот, мы часто замечаем сходство, и сходство осязательное, у лиц, с первого взгляда и рассматриваемых отдельно, представляющих различия, и тоже не в состоянии определить этого словами. Производимое впечатление то же, характер выражения тот же, хотя частности и различны. Это всего чаще встречается между членами одной и той же семьи, на которую, кроме кровных влияний, влияет еще единство обстановки, привычек, внешних условий,

накладывающих сплошь и рядом свою печать на целый ряд физиогномий. Какого труда потребовалось бы описать словом все эти бесчисленные оттенки, какую массу цифр и отношений нужно было бы воспроизвести, чтобы выразить каждую физиогномию со всеми особенностями ее выпуклостей и углублений, степени кривизны, протяжения линий по антропометрической схеме. Перейдите за границы племени, начните изучать представителей других, и там опять встретите своеобразные ряды сочетаний: пока эти сочетания не выяснены в своем значении, в своих соответствиях и сопричинности, до тех пор скопление подобных описательных деталей было бы не обогащением науки, а ее загромождением, тем более, как могло оказаться со временем, что исходные пункты для измерений брались нами не те; что мы их комбинировали искусственным образом и совершенно не по тому методу, по которому можно прийти к положительным выводам. Игнорировать совершенно то, что мы не понимаем, было бы также вредно в науке, потому что время может выставить его значение и важность, как это показал недавний факт с вопросом о частностях строения одной из планет; одни утверждали, что известная частность должна быть на ней на основании теоретических соображений, другие отвергали ее потому, что она не была наблюдаема. Вопрос решила фотография, этот непредубежденный свидетель, заносящий безразлично и без предвзятой идеи все действительно существующее: на ней нашли действительно то, на что не обратили внимание наблюдатели. По отношению таких-то частностей, которых мы еще не знаем, но которые могут оказаться особенно важными по чему-либо впоследствии, и не заменимы собрания фотографий, и чем в большем числе, тем лучше. Для научного значения их важно только то, чтобы они были произведены в удобосравниваемом виде, т. е. в фас и в профиль, и чтобы были обозначены те данные, на основании коих только и могут делать суждения антрополога, т. е. чтобы указано было племя, возраст, местность и даже время снятия. Элемент времени немного значит в ближайший период к тому, в который были сняты портреты, но он получает все большее и большее значение во многих случаях по мере того, как человечество отдаляется от него. Указание времени снятия портрета может иметь и известное антропологическое, и этнографическое значение, и именно вот почему.

Каждое племя, сохраняя свои типические черты и независимо от смешения, претерпевает с течением времени известные изменения под

влиянием тех внешних факторов развития и той обстановки, в которой оно живет. Наблюдения делают весьма вероятным, по крайней мере относительно европейских народов, что под влиянием умственного развития средняя величина черепа увеличивается, очертания головы, и относительные частности ее развития изменяются. За это говорят не одни только наблюдения над древними французскими черепами, сравненные с современными, так как эти выводы еще могут быть подвержены серьезному сомнению с точки зрения строгих антропологических требований по отношению безупречности выводов: тут, может быть, случай играл важную роль, доставив наибольшую долю малоголовых между древними кладбищенскими черепами; затем можно возразить, что число наблюдений сделано сравнительно мало для важности вывода, что, наконец, мы не знаем, было ли небольшое число кладбищенских исследованных черепов по своему происхождению совершенно одинаково со сравниваемыми ныне живущими по отношению примеси тех первоначальных элементов, из коих сложились современные французы. Но существуют наблюдения, замеченные всеми, в особенности шляпниками, несомненно доказывающие самым верным фактором — численностью сбыта товара, что чем сравнительно развитее класс народонаселения, тем больший размер головы он имеет, тем большие шляпы для него нужны. Это изменение головы не выражается только в простом разбухании ее во все стороны, а в известной моделировке. Каменщики и землекопы имеют не только меньшие головы, чем, например, медики, артисты и художники, но голова их представляет своеобразные особенности: с развитием умственной жизни развивается преимущественно лобная часть, и достаточно просмотреть ряд портретов людей, отличившихся в науке, искусстве, литературе и промышленности, чтобы убедиться в этом. Мы недаром употребляем, желая выразить известное хорошее впечатление от человека, выражение: «он хорошая голова», но, и говорим: у него прекрасный лоб, когда стараемся отметить впечатление, произведенное умным и энергическим человеком; недаром также заклеймили названием «медного лба» известные качества, далеко нам не симпатичные и, во всяком случае, не могущие считаться возвышенными с умственной и нравственной точек зрения. Если очертания лба изменяются, если общий вид и соотношение его с другими частностями формы головы варьируют с течением времени, то и физиогномическое впечатление будет также изменяться от развития в народах умственной жизни между все большею и большею

массою. Это происходит не только от того, что умственному труду подвергается все большее и большее число лиц, передающих по закону наследственности приобретенное улучшение формировки лба и увеличение размеров черепа, но умственный элемент, элемент развития, все более и более входит с течением времени, как необходимый фактор, даже в воспитание тех, кои отправляют ремесла, мешающие развитию размеров мозга и головы. Вероятно не много пройдет времени, когда «tete de macon», составляющая по своей малости предмет незавидного сравнения и синоним глупости, потеряет свое фактическое основание и станет такою же археологическою поговоркою, какими стали многие из них, потеряв с течением времени свою историческую причину. Школа и осмысленность ремесла сделают с течением времени свое дело. Таким образом, исторический ряд фотографий даст со временем антропаюгам точный материал для изучения изменения племен под влиянием культурных условий и дополнит и оживит то, что будущим исследователям придется получать из изучения черепов и из письменных свидетельств.

То, что фотография дает антропологу, то искусство, живопись, дает этнографу и физиогномисту. Фотография передает черты, искусство живописи — выражение. Если просмотреть серию портретов, писаных самыми лучшими художниками в картинных галереях и принадлежащих более или менее отдаленному от нас времени, то нельзя не поразиться своеобразностью выражения, оригинальностью, так сказать, типа людей прежних времен. В них можно найти и физическую силу, и рыцарское благородство, красоту Венеры и Дианы, но нельзя найти той глубины выражения лица, того преобладания умственной жизни, того анализа ощущений, который все чаще и чаще встречается в современных нам портретах. Сравните портрет деятелей Екатерины, с точки зрения выражения лиц их, с современными выдающимися, и вы невольно почувствуете, что лица эти принадлежат двум эпохам, двум стадиям развития культуры. Правда и теперь можно встретить лица, которые сохранили в себе как бы закаменелым выражение прошлых времен, но к числу их прибавилось много совершенно своеобразных. С развитием умственной жизни, в человечестве вообще, и в частности в каком-либо народе, главнейшие моменты человеческой внутренней деятельности остаются те же, но они делаются разностороннее, представляют больше разнообразия и впечатлительности; является более оттенков ощущений, и самые эти оттенки становятся иными.

Эти оттенки материально выражаются в иной степени сокращения мышц, в иной разновидности их сочетаний при выражении душевных ощущений. Таким образом антрополог-физиогномист найдет и в исторических фактах, даваемых живописью и скульптурою, многие полезные указания для себя.

Таким образом художественное воспроизведение физиогномий является необходимым для антропологической физиогномики. Слово никогда не передаст вполне выяснено то, что действует как сочетание форм, цветности, подвижности частей, как нельзя описать запаха и цвета. В физиогномике всегда останется много такого, для чего необходимо прибегать к самому источнику впечатления, т. е. изображению или копии с него. Таким образом одни числовые данные, один метод средних, могут только осветить путь исследования, дать общие указания, но не вполне решить задачу; необходимо еще и изображение. По отношению его в физиогномике останется всегда неизбежным выбор того, что считается характеристичным и является много падающего исключительно на проницательность и непредубежденность наблюдателя, на его способность подмечать характеристичные черты. Нельзя ли найти правила, коими, если бы и не совсем был положен конец личному произволу при выборе антропологических типов, то, по крайней мере, положен был бы ему некоторый предел, дано было бы какое-нибудь прочное путеводное указание?

Мы знаем, что даже самые первобытные племена представляют значительные физиогномические отличия в пределах своей группы; эти пределы отличия становятся еще шире по мере смешения с другими, по мере появления с развитием племени все больших и больших различий в степени развития. Все дикари стоят на одном уровне, влияющем уравнивающим образом и на их физиогномий. С большим ходом развития племени и народа эти условия равенства изменяются, как от большей или меньшей степени умственной восприимчивости отдельных особей и их способностей, так и от неодинаковых внешних причин, дающих средства к этому развитию. Уменьшением умственных условий к развитию народа можно достигнуть того, что бывшее разнообразие выражений, вытекающих от степени развития и восприимчивости, сгладится и получит однообразный оттенок; можно опять свести в поколениях этим путем к заурядному полуживотному выражению лица. История давала нам этому примеры; но нельзя достигнуть обратного. Всегда будут выдающиеся организации, особенно одаренные натуры, которые

будут выдвигаться из массы, и хотя число их будет постепенно увеличиваться, но никогда они не станут исключительно преобладающими. Всегда будут существовать неблагоприятные условия в развитии отдельных особей, которые будут вредно влиять на развитие физической стороны их будут ими передаваться наследственно. Такое же явление по отношению физиогномических данных и лицевых ощущений замечается и у первобытных народов, хотя и в меньшей степени, почему они и кажутся нам более однородными.

При таком различии в физиогномических частностях, что же исследователь должен брать за тип? Какие формы считать основными, какие разновидностями и случайными видоизменениями их? Что нужно принимать в известном племени или народе за типическое выражение его? На это, как уже сказано, существуют два практические приема, считаемые ответом на сказанные вопросы. Одни берут наиболее часто встречающуюся физиогномию, наиболее преобладающую по численности в нем; другие наиболее характерных представителей, соединяющих в себе в наибольшей степени нечто то, совокупность чего придает отличие народу или племени, и по ним составляют антропологический диагноз его. Первый прием можно принять за особенно приложимый к более или менее чистокровным племенам, где средняя форма физиогномий говорит за то, что при нормальных условиях организации и известных постоянных внешних влияниях, устанавливается некоторая норма, выражающаяся в более частом сочетании известных пропорций, размеров, оттенков. Когда мы рассматриваем человека с чисто физической стороны условий его организации, то мы должны считать за несомненное, что явления этой стороны его жизни совершенно аналогичны и даже во многих случаях тождественны с тем, что мы замечаем у животных. Поэтому и вопросы, касающиеся физических свойств племен человека, совершенно аналогичны вопросам о расах животных и должны быть изучаемы тем же методом, теми же приемами, кои дает естествознание и для этих последних. Если это так вообще со сказанной точки зрения, то и по вопросу о выборе представителей для описания племен, с точки зрения их общего вида, мы можем найти указания в приемах зоологов. Зоолог имеет у себя и чистые расы, и смешанные; он давно уже работает над тем, чтобы описать, разграничить, рассортировать их; причем во многих случаях его особенно просвещают практические требования скотоводов и выработанные ими приемы. Строго говоря, в природе нет двух

экземпляров животных сходных друг с другом, и в каждой классификационной группе, будет ли то раса или вид, существует большая или меньшая граница колебаний. Всегда встречаются особи больших и меньших размеров, более сильные и более слабые, более или менее ярко покрашенные и т. д. Когда зоолог подходит к естественной, установившейся группе, чистокровной (по крайней мере, относительно значительного числа поколений), то он берет за типическую форму ту, которая преобладает по численности и описывает ее, конечно притом давая и указания на встречающиеся видоизменения, на пределы этих отклонений. Этот прием обуславливается тем, что зоологу в этом случае необходимы признаки, кои давали бы возможность определить с наименьшею трудностью и с большею уверенностью каждую встречающуюся особь. Если бы он составил свое определение по наиболее выдающимся экземплярам, то он рисковал бы, что его описание затруднило бы всякого другого, изучающего то же, так как существует гораздо большая вероятность, что ему попадется средняя особь, чем уклонение. Описание таких постоянных племен, рас и видов имеет чисто таксономическое, классификационное значение, и здесь решает закон преобладания численности, частость нахождения формы. Изучая мопса или пуделя, для зоолога интересны не случайные разновидности его, происшедшие от тех или других внешних условий, а то более постоянное сочетание, которое одно дает ему возможность составить себе представление о мопсе или пуделе как представителях естественных групп, или рас.

Иное дело, если зоолог перейдет к дворняжкам, ведущим свою родословную самым произвольным образом. Пусть имеет он дело с целою стаей таких дворняжек, перемешавшихся кровным сродством друг с другом в самой различной степени. Может ли его интересовать исключительно средняя форма между ними, так как он знает, что эта средняя форма будет средним арифметическим числом, но не средним зоологическим. Таким средним по отношению к различным признакам может быть зоолог и воспользуется для каких-либо специальных целей, но только не для составления генеалогической таблицы, имеющихся в его распоряжении дворняжек. Он знает, что в генетических теориях признаки не считаются, а взвешиваются по их значению; они классифицируются не по своей численности, но по своей ясности проявления, по определенности его. Это же делает и скотовод для своих специальных целей. В данном случае зоологу в каждой особи важно то, что дает ему указание на влияние расы; для

него особенно поучительны те, хотя бы немногие, особи, кои соединяют в себе характерные признаки той или другой расы и кои дают возможность найти ключ к уяснению влияния смешения на формы, кои он имеет перед глазами. Зоолог будет здесь выбирать характеристические особи, а не добиваться средних наименее выдающихся форм. То же мы имеем и в смешанных племенах человека; те же затруднения, те же вопросы и те же цели встречаем мы при изучении их антропологических свойств. Для антрополога в большинстве случаев не особенно важно дознать, какое смешение признаков явилось в действительности преобладающим в данном частном случае по численности в смешанном племени, а найти указания на то, из каких племен произошло это смешение, какое из них преобладает в каких-либо свойствах; не явилось ли какого-либо нового сочетания признаков, которое вызвало образование чего-либо стойкого, постоянного в естественно-историческом смысле.

Европейские народонаселения, смешанные самым разнообразным образом, всего более подвергались подобному анализу с антропологической точки зрения. Что должны мы разуметь под современными французами, немцами, русскими? Суть ли это термины, исключительно обозначающие известные политические, лингвистические, национальные и территориальные сочетания, или это вместе с тем и известные группы в антропологическом отношении? Что в этих типах обусловлено известными этнографическими и культурными условиями, и что принадлежит в них крови и организации? Эти вопросы не раз занимали и этнографов, и историков, и антропологов, и каждый старался уяснить их со своей специальной точки зрения, тем более, что решение или, по крайней мере, уяснение таких вопросов выходит из круга кабинетных задач и связывается тесно со многими серьезными общими вопросами, затрагивающими интересы многих отраслей знания. Для решения их начинали со средних и статистических данных. Изучали среднюю высоту роста, преобладающую цветность волос, особенно распространенные краниологические признаки, и составляли карты распространения этих признаков в изучаемой стране. Оказалось, например, что северная Франция представляет преимущественно белокурое, высокорослое население со светлыми глазами, а южная дает преобладание низкорослым, черноволосым и черноглазым. То же различие в географическом размещении сказанных признаков показывает и Германия. Затем определены были более частные области в границах государства преобладания того или другого

признака; начался более подробный анализ общих выводов, и числа стали размещаться и изучаться по меньшим отделам территории, по ее подразделениям. До сих пор шли методом классификационным, методом больших чисел: но задачи поставлены, подразделения сделаны, нужно перейти к восстановлению признаков первоначальных типов, их сродства с теми или другими племенами. Если они вымерли, то опять даю идет на сравнение средних форм со средними, но если существуют еще живущие, то между ними для сравнения выбирают тех представителей, кои наиболее типичны; тут уже не считаются признаки, а взвешиваются. Всего чаще при дознании таких первоначальных племен приходится прибегать к историческим сказаниям о племенах, к переданным историками характеристикам исчезнувших племен, а они описывали не среднее и не заурядное, а наиболее поражавшее их, выдающееся, типическое.

Отличили мы, наконец, два-три племени, служившие первоначальным источником образования известного смешанного народа, узнали, например, что галлы и франки главным образом обусловили современное население Франции. Между нынешними французами будем ли мы высматривать эти два типа в самых заурядных личностях, в самых ежедневных представителях их, или будем отыскивать их в тех особях, которые воплощают в себе в большей чистоте и совокупности расплывчато разбросанные признаки в массе однообразных и мало выдающихся лиц? Конечно мы сделаем последнее; мы отыщем и изучим наиболее характерных представителей и высокорослой, и малорослой расы, типические фигуры с галльским и франкским характером, и это в особенности будет нам необходимо, когда мы оспециализируем нашу задачу и сократим ее до размеров антрополого-физиогномической. Мы этим еще не ограничимся. Кроме галлов и франков, мы не упустим и французов, хотя бы их считали и за смешанную расу. История, культура, физические условия страны, путем смешения влияли также на расу и в свою очередь вырабатывали известный тип, могущий считаться не исключительно только этнографическим, но и антропологическим. Мы отличаем «француза из Бордо» от француза с Севера, но все-таки, при взгляде на их физиогаомию, на их темперамент, на способ выражения ощущений, на свойства их способа изложения и уяснения, мы узнаем в них представителей одного общего — французов, и отличим их резко и легко от немца. Способности ума, темперамент, выражение ощущений, все это тесно связано с известными сторонами организации, все это накладывает на

них вообще, и с точки зрения строения, и с точки зрения антропологии.

Когда кто захочет изучить тип физиогномий француза, немца или англичанина, то он, конечно, не возьмет первую парикмахерскую физиогаомию, первого встретившегося колбасника, а выберет тех представителей, которые воплощают в себе все, что представляется особенно замечательным в характере данной нации. Мы составляем себе понятие о народе не только с культурной стороны и с художественной точки зрения, но и со стороны физиогномических особенностей по тем величайшим, наиболее типическим представителям, которые вышли из известного народа. Мы берем физиогаомию Кювье и Клода Бернара для французов, Гете, Шиллера и Гумбольда для немцев, Дарвина, Оуэна и Милля для англичан. И мы правы в этом случае. Мы не судим о каком-либо растении по едва заметной, безразличной почке его, а по вполне распустившемуся цветку, по вполне созрелому плоду. Таких особей мало, как гениальные и наиболее типические представители, но зато каждый из них концентрирует в себе то, что слабо, бесцветно, мельчайшими долями разбросано в народе, не только со стороны его умственных проявлений, но и со стороны физической, в особенности развития и восприимчивости нервной системы и ее физиогномического отражения в складе головы, лица, выражения ощущений. Такое изучение ведет нас к исследованию того нового антропологического типа, который вследствие смешения бытовых и территориальных условий вырабатывается в народе, составляет новый зарождающийся или зародившийся тип, новый вид, могли бы мы сказать, если бы мы в антропологии придерживались того же узкого определения, которое по преимуществу господствует в зоологии, в которой всякий малейший признак, кажущийся нам постоянным, считается нами и видовым.

Таким образом оказывается, что при решении вопросов антропологической физиогномики мы неизбежно, в известных случаях, приходим к выбору типических признаков, типических физиогномий, хотя мы и не ограничиваемся ими и пользуемся от метода средних чисел всем тем, что они могут дать. Мы только не ограничиваемся ими, как в исключительно систематизирующих целях исследования, и идем дальше. В более сложных задачах смешанных народонаселении мы пользуемся не одним, а всеми доступными исследованию методами. В изучении смешанных народонаселении по отношению некоторых частных вопросов, например, о характере

происшедшей от смешения физиогномики, мы даже почти исключительно делаем свои выводы и заключения по единичным, наиболее характерным особям, т. е. прямо ставим метод средних на второй план.

Таковы общие соображения, которые невольно приходится обсудить и исследовать, если мы зададимся задачей изучить какое-либо племя с точки зрения антропологической физиогномики. Но частности приложения уясняются лучше, если мы специально перейдем к изучению какого-либо племени с этой, избранной нами, точки зрения. Какое же племя может быть для нас и поучительнее, и интереснее, как не то, к которому мы принадлежим, а именно русское, тем более что вопрос о нем и его физиогномике затрагивался весьма мало и даже не ставился решительно как научный антропологический вопрос.

II

Физиогномическое изучение великоруссов. Мнение этнографов и краниологов о крайней изменчивости антропологических и физиогномических признаков русских. Образец этнографического описания физиогномической характеристики русских. Действительно ли существует «русский тип» лица? Воззрения ученых на этот предмет и протест против не признания русского типа в обыденной жизни и в общем убеждении. Первая попытка собрать в Москве материал по физиогномике русских в Антропологическом альбоме и мнения вызванные им.

Разнообразие степени смешения русских с инородцами в различных местностях. Выяснение значения численности смешивающихся факторов по отношению взаимного влияния рас. Малочисленность первобытных инородцев, как элемент помогающий влиянию колонизаторов на расу. Слабость инородческих женщин, как одна из причин постепенного обрусения их детей. Обрусение нельзя признать исключительно бытовым, но и кровным актом. Подтверждения этому в народных песнях и характеристике доброго молодца и красной девицы. Сравнительное изучение антропологических типов по песням различных народов. Почему по песням у женщин только русая коса, а у мужчин черные кудри? Какому племени принадлежали эти кудри? В какой степени выражаются наиболее резко признаки смешанного племени? Сказания иностранных писателей и древних путешественников о типе русских. Исторически-антропологическое собрание изображений русских, проектируемое на Антропологической выставке. Неудобства специальных антропологических данных в этих заметках. Значение приложенных изображений. Необходимость помощи в получении портретов русских женских лиц для возможности более обстоятельного изучения антропологической физиогномики русских.

Всякому известно, что «великоруссы» — племя смешанное. История заселения Средней России, являвшаяся в виде обрусения первоначальных инородческих обитателей и колонизации господствующего славянского типа, показывает несомненно, что смешение, и смешение в значительно степени, должно было быть. Это говорит и физиогномика, могущая выставить на вид значительное

число самых разнообразных типов, отличающихся не только вследствие этнографических особенностей, влияющих более или менее на общее впечатление, производимое физиогномией, но также вследствие очевидных различий кровных. Это разнообразие поражало некоторых этнографов и выражалось даже почти в отрицании каких-либо общих физиогномических черт у великоруссов. Один из хороших и основательных этнографов г. Максимов, обозревая великорусскую группу на бывшей в 1867 году Этнографической выставке, вот что говорит о физиогномике великоруссов: «Великорусское племя отличается именно тем, что в нем трудно находить одно лицо, похожее на другое, что сплошь и рядом встречаем мы не только у бродячих северных инородцев и у кочевых степняков, но и у южных горцев, а в особенности у закавказских и русских армян. Даже на самой маленькой ярмарке, на небольшом базаре, всякий желающий без труда может убедить себя в том, что ничего нет труднее, как найти такие черты, которые можно было бы почитать общими, и определить и выяснить для себя такой закон, который удобно было бы применить для распознания племенных отличий великоруссов. Обычные паспортные приемы (до сих пор, впрочем, не имеющие никакого успеха) нигде не кажутся настолько смешными и ненужными, как по применению к лицам и особым приметам великоруссов. Едва ли только не говор один до сих пор может почитаться в числе общих особых примет, пригодных про всякий случай человеку, до сих пор руководимому мертвыми общими местами паспортных отметок».

Профессор Лесгафт, в одной очень поучительной своей статье о черепах великоруссов, сводя все сделанные краниометрические наблюдения над ними, приходит к тому заключению, что произведенные до сих пор исследования над краниологией русских и противоречат друг другу, и не дают твердой опоры для каких-либо выводов. С другой стороны постоянно приводят характеристику великоруссов в статьях, имеющих задачею ознакомить с населением России. Н. И. Надежин в 1837 г., например, так характеризовал великоруссов: «Физиогномия российского народа, в основании славянская, запечатлена естественным оттенком северной природы. Вообще, великороссияне не так высоки ростом, как западные их братья; но зато сложены крепко, здоровы и расположены к тучности. Особенно женщины отличаются дородностью, которая считается одним из условий красоты в низших сословиях. Черты лица у обоих полов правильны, но мало выразительны, лоб вообще узок, глаза и рот

небольшие, нос кругловатый. Волосы русые, отчего в старину производили самое имя «Руси», но по мере приближения к северу, светлеют более и более, так что сбиваются на желтые и рыжие. Впрочем, рыжий цвет в общем пренебрежении. Поэтому существенно нравятся, у молодца черные кудри, у девицы — русая коса, как видно из народных песен; последняя, чем длиннее и гуще, тем сильнее знобит сердце молодецкое. Идеал красавицы: белое круглое лицо, щеки маков цвет, глаза черные с поволокою, бровь соколиная, поступь павлиная. Молодец тоже нравится чернобровый и черноглазый; но его главное достоинство состоит в свежести и здоровье, в том, что называется «кровь с молоком». Суровость климата притупляет вообще органы осязания, вкуса и обоняния; атмосфера большею частью туманная, и беспредельные равнины, две трети года покрытые снегом, не благоприятствуют развитию чувства зрения; зато слух очень тонок. От малороссиян великороссияне отличаются резко тем, что не имеют той живости в чертах, того огня глаз, которые принадлежат югу; с белоруссами сходны больше, только у этих последних шея обыкновенно бывает вытянута и голова слишком живо ходит на плечах, тогда как у великоруссов она кажется вросшей в плечи, на толстой, короткой шее. Впрочем, они не уступят, или даже превзойдут тех и других, гибкостью членов, проворством и расторопностью движений. Русский человек вообще больше крепок, чем силен; он способен переносить самые тяжкие труды, нечувствителен к лишениям, терпелив до бесконечности. Как по крепости сложения, так и по привычке ко всем суровостям воздуха, здоровье его редко подвергается болезням без особенных случаев. Живет долго, когда сам себе не накличет смерти, и до глубокой старости сохраняет бодрость. Женщины скоро теряют свежесть, но в старости редко подвергаются тому отвратительному безобразию, которое так свойственно южным старухам и вероятно было поводом к преданию о киевских «ведьмах». Быстрота понятия и медленность суждения принадлежат ровно всем поколениям русского племени, но скрытность выражения менее свойственна великороссиянам, которые вообще разговорчивее малоруссов и белоруссов. Великороссияне не имеют слишком живых чувств и пылких страстей. Они не способны к чрезмерным порывам, ни в любви, ни в ненависти… В отношении к способностям промышленным, художественным, творческим, великороссияне, как и прочие их братья, не отличаются изобретательностью, но зато чрезвычайно переимчивы и способны к подражанию. Чувство эстетическое мало развито в нем; что пестро и

шумно, то для него и хорошо, и красно, и весело».

Приведенных выше мнений и описаний достаточно, чтобы показать, в каком положении находится вопрос о физиогномике русских, так как одни и до сих пор высказывают, что отыскивать типа русской физиогномии то же, что искать тождества в формах облаков, из коих каждый на свой образец; другие дают такую неопределенную характеристику физиогномии русских, что из нее не составишь себе какого-либо определенного понятия, подобно тому, как из слов Олеария, признавшего особо характеристичными признаками русских «обилие волос и толстое брюхо». Третьи, сравнивая имеющиеся до сих пор попытки уловить на черепе и в измерениях характерные черты морфологии лица и головы русских, становятся в тупик перед бедностью имеющегося материала и противоречием данных. От чего происходит это: от действительной ли невозможности найти что-либо стойкое в той помеси, которая сплотилась историей в группу русских, или же от того, что к вопросу подступали, недостаточно выяснив его элементы, и не выделяя при рассмотрении и поверке их те, которые могут скрадывать и затемнять результат? Существует ли великорусская физиогномия, и чем она отличается? Вот специально интересующий нас вопрос, который стоит в зависимости от другого: составляют ли великоруссы только исторический или этнографический термин, или же он имеет и известное антропологическое значение?

Вопрос этот для нас имеет особый интерес, хотя мы по своему обыкновению не только не особенно занимались им, но склонны были заранее, на основании наших поверхностных наблюдений и предвзятых идей, решить его отрицательно. Жизнь, однако же, решает его в положительном смысле и не дожидаясь специального исследования антропологов. Мы сплошь и рядом употребляем выражения: «это чисто русская красота, это вылитый русак, типичное русское лицо». Может быть, при приложении к частным случаям этих выражений и встретятся разногласия между наблюдателями, но, подмечая ряд подобных определений русской физиогномии, можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении «русская физиогномия, русская красота». Это всего яснее выражается при отрицательных определениях, при встрече физиогномий тех из родственных племен, кои исторически сложились иначе, например: малоруссов и белоруссов, а еще более инородцев, и при сравнении их с русскими. В таких случаях, «нет, это не русская физиогномия», звучит решительнее, говорится с большим

убеждением и с большей определенностью. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного», существует довольно определенное понятие о русском типе, о русской физиогномии; что же это, мираж, устроенный нашим воображением или отражение действительно чего-то существующего, не только исторически и этнографически русского, но и антропологически русского?

К этому вопросу совершенно естественно должен был прийти всякий, кто выбрал себе для собственного получения исследование вопроса о краниологических особенностях народонаселения Средней России, составляющего более удобный материал для изучения русских, чем окраины ее. Уже несколько лет меня занимал этот вопрос, и я, насколько позволяли средства, собирал для него материал. Еще в 1867 году по моей просьбе в Русской фотографии составлен был антропологический альбом русских, фигурировавший на Этнографической выставке и затем в копиях переданный мною Лондонскому Антропологическому Обществу, Парижскому Антропологическому Обществу и Музеуму Естественной Истории в Париже. Цель выставления этого альбома, а равно и передачи его иностранным антропологическим собраниям, была та, чтобы вызвать мнения о физиогномике русских. Портреты я старался собирать без какой-либо предвзятой идеи, отыскивая с одной стороны те лица, кои мне казались наиболее подходящими к обыкновенно признаваемым за более чисто русские, а с другой те, кои наиболее часто встречаются, хотя и носят следы инородческой помеси. Не особенно легко собирать подобные портреты, особенно чисто русских физиогномий, даже мужских. Относительно женских я потерпел вполне неудачу и возбуждение в настоящее время мною вопроса о русских физиогномиях вызвано между прочим надеждою, что уяснение цели портретов облегчит их получение. Если встретится физиогномия, вполне интересная как выражение русского лица, то получить с нее портрет в 99 случаях из ста бывает невозможно, вследствие отказа в позволении снять с себя портрет в фас и профиль. Такой отказ почти постоянно встречался у мужчин, а относительно женщин он был безусловен. Приходилось ограничиваться весьма тесным кругом более знакомых лиц, которые в виде одолжения соглашались удовлетворить странному требованию, от коего они не ожидали ничего путного, но соглашались из желания не противоречить безвредной мании знакомого и близкого человека. Затруднения встречаются, кроме того, и материальные: снятие с каждого лица двух портретов в значительную величину сопряжено со значительными расходами при

большом числе фотографий, а до последнего времени только одна русская фотография Н. М. Аласина, во время управления ее М. А. Зыковым, охотно помогала своим трудом и старанием ученым целям. Только со времени начала деятельности по Антропологической выставке условия изменились более благоприятно, и явилась надежда собрать в Москве и других местах порядочный материал по антропологической физиогномике русских.

По появлении альбома русских я действительно получил несколько замечаний. Некоторые русские и иностранцы, видевшие собранные портреты, упрекнули меня за предвзятый выбор особенно хороших лиц и за тенденциозную прикрасу материала, хотя в альбоме сняты были исключительно крестьяне, и как сказано, в различных видоизменениях физиогномического типа. Правда, я в главе альбома поставил двух умных и очень симпатичных владимирцев, бывших в то время у меня плотниками, но за ними следовал ряд других, безупречных в отношении прикрашения, так как это были представители наиболее часто встречающихся типов, самых обыденных физиогномий. Но иностранцы, да и многие русские, поражаются во всем касающимся русских выдающимися отрицательными сторонами, и не только проглядывают, но даже считают ненормальным все более или менее говорящее в пользу их. Вероятно, я не был бы подвергнут упреку от подобных ценителей, если бы выбрал исключительно представителями физиогномий для своего альбома лиц с узкими лбами, с носом в форме луковицы, с лукавою и глупою физиогномией, словом нечто подобное тому «Савоське», которые в прошедшем году, под пером именитого русского, как его отрекомендовал журнал, явился для читателей одного весьма дельного журнала «Revue scientifique» представителем этнографического быта и нравственного склада русского мужика. Другие высказали то мнение, что великоруссов в антропологическом отношении не существует и что альбом есть сборник фотографий некоторых физиогномий, попадающихся в России, но что он вовсе не антропологический альбом, так как антропологического типа великоруссов в чистоте, вследствие смешения, не существует на деле. Так как эти мнения высказаны были с серьезною, а не тенденциозною целью, то они имеют право на то, чтобы к ним отнестись серьезно, спокойно и научно.

Великоруссы, так же как и вся Россия, представляют такое разнообразное сочетание самых разнородных явлений, что по отношению фактов, касающихся их, можно подобрать материал для

каких угодно выводов, в особенности в такой еще неустановившейся в своих частных методах науке, как антропология. Верных числовых данных, годных для антропологического изучения отдельных местностей России, не существует, а только подробное изучение частных и местных специальных явлений в области антропологии может повести к чему-либо положительному. Недаром Ворсо на одном из международных конгрессов доисторической археологии и антропологии высказал справедливую мысль: успех конгрессов и обеспечение их серьезных результатов он видит в том, что они оставили на втором плане обсуждение общих теорий исследуемых ими наук, и из широкой области общих обозрений перешли к частному изучению антропологических и археологических задач в каждой стране в отдельности, даже в отдельных областях каждой страны. Уже a priori можно дознать, что результат смешения русских и их взаимные антропологические соотношения будут иные на Севере, Юге, Западе и Востоке России. Кому захочется провести теорию урало-алтайского происхождения русских, тот пусть подберет черепа из тех местностей, в коих в русское народонаселение вошли обрусением племена сказанного происхождения. Для ищущего своего благополучия в туранском происхождении русских тоже найдутся подходящие местности и подходящий материал, который на первый взгляд будет даже казаться неподтасованным нарочно. Если это возможно, и действительно представляется, то первым условием антрополога, an und fur sich, т. е. действующего под единственным желанием составить себе по возможности наиболее верное представление о великорусском племени, должно быть обсуждение и оценка значения того материала, которым он желает обусловить свои выводы, выделение всех тех элементов, кои, помимо его желания, могли бы влиять односторонне на его выводы. Но, прежде всего ему, конечно, нужно уяснить себе, берется ли он за разрешимую задачу, старается ли он определить нечто существующее, нечто созданное самою природою, а не одним преданием, одним историческим влиянием языка, религии, нравов. В частном, занимающем нас вопросе, такому предварительному исследованию должно подвергнуться изучение влияния смешения племен в России по тем данным, коими мы можем располагать. Если мы ясно определим значение смешения, степень его в русском народонаселении различных местностей, то мы выясним себе некоторые основания для освещения пути исследования, мы более прочно и точно поставим вопрос, а хорошая постановка его есть уже половина решения.

Если мы какой-либо народ озаглавим просто термином «смешанный», то этим скажем еще очень мало. Смешение народонаселения может быть чисто механическое, может быть и физиологическим. Оно может совершаться в различных степенях напряженности, зависящих, как от относительной численности особей каждой из смешивающихся групп, так и от физиологической устойчивости рас в отношении передавания своих свойств и признаков. Без предварительного уяснения себе этих данных мы вряд ли можем с ясностью судить об отрывочных фактах, получаемых из наших наблюдений. Все говорят, что великоруссы смешанное народонаселение, и, изучая их с антропологической точки зрения следует спросить себя, прежде всего, как происходило это смешение, основываясь, по крайней мере, на письменных памятниках и на происходящем ныне перед нашими глазами.

Все данные говорят нам за то, что с юго-запада и северо-востока России шел приток тех колонизаторов Средней России, которых история называет славянами. Путь их шел преимущественно по водным большим дорогам и по большим торговым и междуплеменным трактам. На первобытные племена, занимавшие центральную Россию, постоянно был наплыв в течение веков пришельцев, представителей высшей культуры и племени. В какой же относительной численности встречались друг с другом эти два различные антропологические элемента, как могли действовать они друг на друга кровным путем? Если в густонаселенную, местность, представляющую более или менее компактную массу, однородную по своему кровному составу, попадает незначительное число переселенцев иной расы или если они выше по культуре, то оставляют несомненные следы своего прихода в языке, в нравах и обычаях, но с кровной токи зрения они совершенно исчезают в первобытном населении. Замечательно, что призвание варягов имело большое бытовое и государственное значение, оставило свой след в истории народа, но не оставило никакого антропологического заметного следа. Иное дело бывает, если в редко разбросанное, малочисленное население попадает сравнительно значительное число новых колонизаторов. Если от прикосновения с ними не исчезнет племя, не уйдет в другие места, не будет перебито или не вымрет от отнятия у него единственно возможных условий для его существования, то оно подчиняется новым колонизаторам земли, и притом не в смысле политическом или бытовом исключительно, а в смысле антропологическом, если только оба племени при соединении могут

давать плодущие поколения. Известно, что кровные связи европейцев с некоторыми дикарями оказываются бесплодными в результате: особи смешанной крови не выживают и удаляются самым естественным путем — неживучестью, ранней смертностью, или просто вследствие отсутствия плода. Известно также, что смешения тех инородцев, коих можно считать за остаток или за представителей племен, первоначально населявших Среднюю Россию, с русскими плодовиты и вовсе не вызывают уменьшения приплода. Если мы возьмем Среднюю Россию еще за очень немного лет тому назад и обратим внимание на то, какое раздолье для расселения существовало еще тогда, посмотрим на обилие лесов, возьмем факты из распространения звериных промыслов и обилия диких зверей, находивших себе приволье и бывших во многих местностях более многочисленными, чем люди; если, наконец, мы соберем сведения об имевшейся в прежние времена густоте населения, насколько они для нас доступны, то, соединяя все эти данные, мы можем смело сказать, что новые пришельцы встретили сравнительно очень редкое народонаселение, по отношению к численности которого и их небольшое число было уже заметным, тем более, что это число увеличивалось постоянно как прибытием новых пришельцев, так и в их кровных сувенирах, оставленных в семьях первобытных жителей. При раскопке курганов в Богородском уезде мне помогал своими советами и влиянием один очень умный, много видевший и хорошо знавший свою местность, священник. Передавая мне сведения об имеющихся в уезде курганах и присутствуя при раскопке одного из наиболее многочисленных курганных кладбищ, он заметил: «А нужно признать, что мало было на свете вашего курганного народа. Если взять все известные мне в уезде курганы, если даже предположить, что они уменьшились в значительной степени с течением времени, то все-таки удивительна их малочисленность. Прежде здесь были лесные местности, и курганы может быть обворовывались, но не уничтожались; распахивать, да раскапывать их и сносить насыпи стали уже на моей памяти. Мы здесь на самом обширном курганном кладбище, так как здесь и теперь за полсотни курганов, да по местности видно, что оно могло быть раза в четыре или в пять больше. Не в десяток лет их здесь насыпали, а в столетия, тем не менее, их куда много меньше того, что я перехоронил на своем веку в одном этом фабричном селе».

Таким образом, весьма вероятно, что условия численности пришлого видоизменяющего племени по отношению к местному,

подвергавшемуся изменению от прилития новой крови, были благоприятны тому, чтобы это пришлое племя могло оставить крепкие антропологические следы. Кроме того, условия этого влияния одного племени на другое были не одинаковы, и с антропологической точки зрения более благоприятны колонизаторам. Может быть, многие и женились на туземках и делались оседлыми, но большинство первобытных колонизаторов было не таково. Это был народ торговый, воинственный, промышленный, заботившийся зашибить копейку и затем устроить себя по-своему, сообразно созданному себе собственному идеалу благополучия. А этот идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какою-либо «поганью», как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ними вести дела, будет с ними ласков и дружелюбен, войдет с ними в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм, выражающийся в отвращении к инородкам. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки, хотя романы и часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камелиями, а не наоборот. Чтобы получить в этом фактическую уверенность стоит просмотреть рассказы этнографов о вольности нравов многих инородцев в женских своих представителях. В настоящее время граф А. С. Уваров случайно сообщил мне сделанное им наблюдение в его имении, в котором русские находятся поблизости с мордвою, а именно что русские никогда не женятся на мордовках, не веря их твердости нравов, искушать кои легко, как они знают по собственному опыту. Если мы допустим такие отношения, то увидим, что хотя мордва женится только между собою, но великорусское влияние, кровное и антропологическое, мало-помалу завоевывает в ней свое место. Этнограф, видя с одной стороны постоянную женитьбу мордвы в кругу своего племени и замечая, несмотря на то, все большее и большее постепенное обрусение, отнесет его к влиянию обычаев, языка, распространению русских нравов. Антрополог несколько скептически отнесется к этому исключительному влиянию языка и нравов, а припишет кое-что и природе и постоянному, хотя и медленному, влиянию русской крови на народонаселение. При обсуждении подобного влияния смешения рас на антропологические признаки нужно принять еще в соображение следующий, почти

постоянно наблюдаемый факт. Женщина, сравнительно более доступная влиянию представителей более высокого развития, более высокой расы, редко снизойдет до представителя расы, считаемой ею за ниже стоящую. Помеси европеек с неграми крайне редки и принадлежат к случайным, можно сказать эксцентричным явлениям, но негритянки и мулатки падки до европейцев. Не обязательные, а совершенно свободные сношения между негритянками и европейцами не редкость, как не редкость связи между последними и представительницами слабого пола у диких племен. Мужчины, неохотно налагающие на себя брачные узы с представительницами низших рас, весьма благосклонны к их жертвам, когда они приносятся без всяких обязательств с их стороны. В соприкосновение с инородцами, как это мы видим и теперь везде, куда проникают европейцы, приходят не семьи европейцев с семьями туземцев, а бессемейная европейская толпа мужчин в виде войска, матросов, искателей приключений, торговцев, весьма много вредящая антропологу в сохранении чистоты типа первобытных племен. Французы, англичане, испанцы при своих вековых сношениях с различными туземцами в своих колониях внесли весьма мало, если только внесли, придачи посторонней крови в свои семьи, но везде оставили резкие черты своего пребывания и своего культурного влияния в изменении туземных рас помощью образования значительного числа помесей с ними. Разве для первых русских колонизаторов, насадителей антропологического русского типа, при их столкновении с первобытно населявшими Среднюю Россию племенами, могло быть иначе, когда еще и теперь мы видим сплошь и рядом факты, говорящие нам за то, что дело шло тем же путем, как и у других западных производителей смешанных народонаселении. Если мы примем этот намеченный нами фактор обрусения и условия, при коих оно совершалось, то для нас станут понятны некоторые явления, иначе трудно объяснимые. В некоторых местах, как бы оазисы, рассеяны и до сих пор инородцы, упорно сохраняющие и свой тип, и свои нравы, в противоречие с могуществом влияния обычаев, языка и нравов. Инородцы эти переняли кое-что из нравов и обычаев, говорят, дурно ли хорошо, по-русски, но живут сотни лет особняком и сохраняют свой тип. Чем это объяснить? Различием религии, но это может быть допущено только для мусульманских племен, так как здесь русские и мусульмане одинаково косо смотрят, говоря вообще, а не об исключениях, на взаимные кровные связи и считают их за опоганение себя. Но остаются еще другие инородцы, из коих одни

полуязычники обрусели, другие же и выше их стоящие сохраняют себя в сравнительной чистоте крови. Кроме языка, нравов и прочего, не действует ли тут то в особенности, что у русеющих племен дамы имеют более снисходительное сердце к прелестям великоруссов, а у нерусеющих оно неприступно для партизанской войны в пользу обрусения, производимой последними.

Таким образом мне кажется вероятным, что обрусение инородцев было не исключительно бытовым и государственным, а также кровным, антропологическим. Для тех племен, для коих представлялось больше легкости к такому способу обрусения, этот процесс кончился давно и они вошли мало-помалу в состав русских. А для коих это было по чему-либо не легко, для тех осталась возможность сохраниться и до наших дней в большей или меньшей антропологической чистоте. Новгородские и киевские колонизаторы, постоянно, в массе, берегли чистокровность своей семьи, влияя на инородческие. Как долго в антропологическом отношении может передаваться кровь пришельцев более устойчивого племени, показывают малороссы. Их расположение к полякам и их племенное и историческое соперничество известны, а, тем не менее, в чертах лица малороссов поляки оставили по себе значительное число явственных памятников своего прохождения и пребывания. Это объяснить себе можно тем, что малороссиянки шли скорее на случайные капитуляции перед поляками, отличающимися действительно теми свойствами, которые делают их привлекательными в обществе, в женском кругу. Такие же сувениры оставить должны были и новгородцы, и другие славянские пришельцы в Средней России в инородческих племенах. За трагедиями и драмами истории, за великими факторами жизни народов, скрывается много романов, имевших значительное влияние на ход всех событий, а особенно антропологических и физиогномических.

Подтверждение этому взгляду на ход обрусения можно найти и в народных песнях. Отчего красная девица всегда с русою косою, а добрый молодец с черными кудрями? Мне случилось просмотреть сборник песен Сахарова с этою чисто антропологической целью. Я давно уже обращался к некоторым собирателям русских песен и знатоков их с целью получить от них разрешение вопросов: как в песнях и народных сказаниях характеризуется физическая красота, физические признаки народонаселения той местности, или того племени, которое сложило песни? Не воспевает ли народ в своих песнях известный определенный тип, который можно явственно

дознать, если сравнить песни различных племен? Если существуют народные сказания, выразившиеся в песнях и былинах, о пришельцах и чужеземцах, то так ли они характеризуются, как свои богатыри, как представители своего племени? К сожалению, на эти убедительные просьбы я не получил положительных ответов, т. е. никто, по-видимому, из тех, к кому я обращался, не считал возбужденных мною вопросов, стоящими того, чтобы потратить на них время, подыскивая материал, необходимый для их решения. Пришлось, хотя и с полным сознанием своего малого знакомства с литературой, приняться за это самому. Я сделал выписки из всех песен, помещенных у Сахарова, в коих указываются признаки антропологические; затем просмотрел изданные Этнографическим Отделом Общества Любителей Естествознания Латышские песни и старался на основании этого материала убедиться, хотя несколько, в возможности получить какие-либо антропологические данные о русском населении этим путем. Не много было у меня под рукою материала, а уже кое-что наметилось. Так, когда в былинах говорится о Чуди, то она называется белоглазою: «Вырублю чудь белоглазую, перекрошу сорочину долгополую». Латыш в своих песнях воспевает златовласых дев. Малорусе тоскует о черных очах: «Засыпано сырой земли на груди мои, склеилися черные очи на все ночи». У русского тип красоты выражался в том, чтобы была «молодая, разумная, без белил лицо белое, без румян щеки алые». «Ростом она повыше меня, краше ее в тереме нет, умнее и в городе нет». У девушек в песнях встречается только русая коса, которую по песням девушки так охотно расчесывают «и чрез поле идучи, русу косу плетучи» и дома: «под окном девица сидела, буйну голову чесала, свою русу косу заплетала». По народному идеалу красна девица должна быть «тонка, высока; тонешенька, белешенька», и, следовательно, толстота вовсе не в народном идеале красоты. Про старух говорится: «Ты старушка стара, не под силу молода, ты станом коротка, ты плечами широка». Впрочем, народ не отнимал своего рода прелести и у девушек небольшого роста; девица могла быть и «невеличка, круглоличка, румяное личко». Можно сомневаться только в постоянной естественности одного признака, воспеваемого песнями то черных бровей: «очи ясны, брови черны, личиком беленька», «лицом она и бела и румяна, бровью она почернее меня». В просмотренных нами песнях у женщин всегда воспевается русая коса, а у мужчин только иногда русые кудри. «Черны кудри за стол пошли, русу косу за собой повели». «Уж как мой милый идет, что ясен сокол летит, белыми

руками помахивает, черными кудрями потряхивает». «Уж как ты ли, русая коса, иссушила меня молодца. Потускнели черны очи, позавял румянец на лице». Но если для черных кудрей всегда попадались русые косы в желаемом количестве и они исключительно водили только русых кос за стол, то наоборот этим косам приходилось воспевать и русые кудри мужчин, хотя в утешение себя они выбирали их с черными бровями, напоминающими хотя несколько заветный тип с черными кудрями: «Приглядывали красны девицы за румяным молодцем. Русы кудри по плечам лежат, брови черные, что у соболя». «Прилегали кудри русые к лицу белому, румяному». «Хорошо его матушка родная убирала, гребешком кудри русые чесала». Замечательно, что чернокудрявый молодец в песнях только чешет да встряхивает своими кудрями, а русые кудри завиваются: «Перед зеркалом хрустальным, чесал кудри черные, чесал, сам приговаривал: завивайтесь кудри, завивайтесь черные». Только раз из многих упоминаний песня говорит: «Не сами кудри завивалися, завивала ему красна девица, по единому черному волосу». Но то же самое встречаем и относительно русых: «Завивала красна девица по единому русому волосу», так что можно в первом случае принять слово «черные» за произвольную случайную вставку. Но русые кудри требуют завития, иначе поистреплются: «А к тебе-то посол пришел, буйная голова, нечесаная, русы кудри не завиты»; «Уж я встану скорешенько, причешу буйную голову, я завью кудри русые». Таким образом для антрополога песни дают указание на то, что женщины русые, а молодцы их чернокудрые или русоволосые, причем черным кудрям как-то просвечивает больше сочувствия. Не объясняется ли это тем, что туземным красавицам часто попадались и попригляделись-таки свои туземные кудри и для них черные кудри пришельцев представляли больше новизны и привлекательности. У северных женщин южный тип красоты мужчин имеет большую привлекательную силу: стоит только для убеждения в этом вспомнить овации, делаемые приезжим итальянцам, благосклонность какою пользовались гувернеры-французы, даже победы восточных человеков и овации туркам, чтобы, по крайней мере, счесть за возможное существование предпочтения у первобытных обитательниц русской земли к новгородским колонистам или пришлым людям, переданного ими по наследству и многим современным женщинам. Нужно обратить внимание также на то, что обрядовые песни поются обыкновенно женщинами, складываются ими, сохраняются в их памяти от забвения и потому почти

исключительно могут служить выражением женского народного взгляда на физическую красоту мужчин.

Но принадлежат ли воспеваемые черные кудри исключительно славянским пришельцам, и русые туземным красавцам? Положительно об этом сказать трудно, так как существуют свидетельства, что и между первобытными славянскими племенами были и люди с более светлыми волосами. В этом отношении исследования могил, несомненно, принадлежащих древним славянским племенам России, и нахождение в них останков, по коим можно бы было судить о физическом типе их, помогут лучше всего узнать о цвете волос, основываясь на положительных данных. Их черепа, их волосы дадут возможность, хотя с некоторою достоверностью, судить о физиогномических особенностях тех исчезнувших племен, кои влияли на инородческое население, и о том влиянии на изменение физических признаков, которое они могли оказать.

Кроме песен существуют еще и другие источники для составления себе понятия о русском типе; это древние исторические изображения и сказания иностранцев. Не имея опять-таки возможности лично заняться этим по недостатку специальных сведений, требуемых для этого, я обратился к знакомым специалистам этого дела, кои дали мне некоторые указания. Особенно благодарен я в этом отношении Е. В. Барсову, который доставил мне несколько древних изображений русских. При отыскивании подобных материалов физиогномики русских, я руководился следующей мыслью. Обыкновенно люди, находящиеся в соприкосновении с каким-либо явлением ежедневно и ежечасно, теряют способность подмечать его характеристические черты. Кто не знает, что иногда приезжий, коему показывают какую-либо местность или предмет, обратит внимание и наметит такое его свойство, которое до того ускользало от внимания, хотя предмет или местность по видимому знакомы как пять пальцев. Зоологу часто случается, особенно при осмотре зоологических садов, от простого охотника или неученого посетителя выслушать такое замечание о свойстве животного или о впечатлении, производимом им, которого у него ускользало, так как он невольно привыкает смотреть на предмет только с известных рубрик своей системы. То же бывает с антропологом и с местным жителем по отношению к окружающему его народонаселению. Эккер справедливо заметил в одной своей статье, что мы менее всего обращаем внимание на анализ того, что нас ежедневно окружает. За границей иностранцы легче отличают

русского в толпе, чем сами русские. Мне казалось, что иностранные путешественники могли подметить такие физиогномические особенности, кои могли от нас ускользать. Отсюда значительный интерес, возбуждаемый описанием иностранцами русских с физиогномической стороны, конечно только в том случае, когда они не являются в Россию подмечать только одно отрицательное, карикатурное, в чем впрочем, нельзя греха таить, с особенным каким-то наслаждением помогают и многие русские, служащие им чичероне. Конечно, здесь нужно принимать во внимание не мнения таких обруселых иностранцев, какие иногда появляются только у нас в России. Не могу не привести в пример одного замечательного факта характеристики физиогномий русских, сделанной сравнительно недавно в Москве одним из таких иностранцев. Показывали сонму чиновных иностранных по происхождению, русских по чинам и служебному величию, посетителей одну из московских больниц еще в то время, когда русских персонал допускался в больницы только в качестве второстепенных деятелей. Один из таких цивилизованных и ученых посетителей удостоил обратить внимание и на антропологическую физиогномику больных. «Как легко отличить русских больных, — сказал он, обращаясь к предстоящим. — Посмотрите, если глупое лицо, то непременно русский». К чести иностранцев нужно сказать, что не все они так скоро и легко решают вопросы антропологической физиогномики русских, и многие из них старались собрать данные для серьезной характеристики ее, насколько она была доступна им. Мне казалось, что в подобных описаниях можно найти указания на многие частности физиогномики русских, не говоря уже о том, что всегда интересно сделать поверку собственных воззрений наблюдением свежих, посторонних людей, если только они не предубеждены какою-либо предвзятою идеей. В числе материалов, доставленных мне Е. В. Барсовым, была серия портретов русского посольства, посланного к «Римскому Императору» в 1626 году, отпечатанная в Праге у Михаила Петерле. На одной стороне картины изображено русское богослужение и здесь представлены весьма приличные русские лица, в которых нет ничего ни туранского, ни финского. Лица эти не особенно типичны, но зато и не представляют никакой предвзятой идеи. На другой стороне нарисовано самое посольство, в котором татарщина преобладает. Можно, впрочем, между фигурами отличить и такие, коим художник старался придать русский и польский тип лица. Но все подобные изображения в древних рисунках и древних сказаниях могут только тогда служить

надежным материалом для антропологических выводов, когда они будут собраны систематично и полно, когда они будут представлены сравнительно и критически. Этого можно ожидать как результата готовящейся антропологической выставки в Москве, благодаря подготовляемому труду Е. В. Барсова и В. Е. Румянцева.

Научные выставки, вне своей популяризационной и показной стороны, имеют и серьезные результаты. В обыкновенное время специалисты различных отраслей преследуют каждый свои особенные задачи, и совместный труд для уяснения вопросов соприкасающихся наук является только как исключение. Обыкновенно такие вопросы требуют для своего решения не только соединения сил, но и значительных средств для своего осуществления. Так, по отношению вопроса об исторической физиогномической русской галерее требуется не только труд, но и возможность получить копии с нужных рукописей, необходимых изображений, и при мало-мальски значительной задаче средства требуются значительные. Не только работающие частные лица, но и ученые Общества, имеющие свои неизбежные расходы и весьма гомеопатические средства по сравнению со сложностью задач, не могут при обыкновенном ходе дел удовлетворить даже всем своим насущным нуждам, как, например, по печатанию своих трудов, особенно общества естественно-исторические и археологические, поставленные в необходимость прилагать таблицы и рисунки к своим трудам. Экстренные субсидии, да выставки только и выручают их из нужды. Последние еще содействуют тому, что соединяют специалистов в одной общей работе, производимой по одному общему плану, обыкновенно, хотя и посвященному какой-либо одной науке по преимуществу, но захватывающему и интересы других специальностей. Антропологические вопросы стоят в такой тесной связи с этнографическими и археологическими, что и антропологическая выставка не может не коснуться их, не возбудить сочувствия этнографов и археологов. Она была так счастлива, что нашла себе компетентных и деятельных сотрудников по этим специальностям, два из коих — Е. В. Барсов и В. Е. Румянцев — предположили более специально обработать для выставки исторический ряд изображений русских людей по памятникам, рукописям и древним путешествиям. Выполнение этого предположения будет иметь и существенное влияние на решение вопросов по антропологической физиогномике русских. Выполнение этого предположения будет иметь и существенное влияние на

решение вопросов по антропологической физиогномике русских. Может быть, выставка будет так счастлива, что кто-либо из этнографов предпримет труд восстановления физиогномического типа по русским песням и сравнения его с типами, очерчиваемыми песнями славян и инородцев, живущих в России.

Чтобы идти далее в затронутом нами вопросе о физиогномике русских с чисто специальной антропологической точки зрения, следует уже перейти к языку чисел, к сравнению измерений лицевых частей, к результатам сравнительной краниологии. Такие данные уже частью собраны, но вряд ли было бы удобно останавливаться в этом очерке на рассмотрении их. При частном исследовании вопроса фактические данные, основанные на изучении двух, трех сотен черепов, имеют интерес как вносящие, хотя не много, нового материала, относительно коего именно особенно желательно увеличение численности фактов. В очерках, подобных настоящему, пришлось бы не специально разбирать отдельные факты, а обобщать выводы, придавать им таким обобщением более несомненное и более непреложное значение, чем они могут иметь в действительности. С такими выводами картина стала бы полнее и первое впечатление от сказанного лучше, но вряд ли она не явилась бы в несколько утрированном и искусственном освещении. Поэтому я считаю лучшим отложить частные факты измерений для тех заметок, кои уже подготовляются и имеют чисто специальный краниологический интерес.

Но тем естественнее, что в общем вопросе о пути исследования антропологической физиогномики вообще и русских в частности, можно было, и даже должно, перед началом исследования, уяснить себе исходные точки работы и рассмотреть вопрос в общих его чертах; для частного краниологического исследования физиогномических данных общие основы метода решения вопроса уже выработаны в своих общих чертах и в частностях, и дело состоит в их применении к частным случаям и в частной группировке полученных результатов.

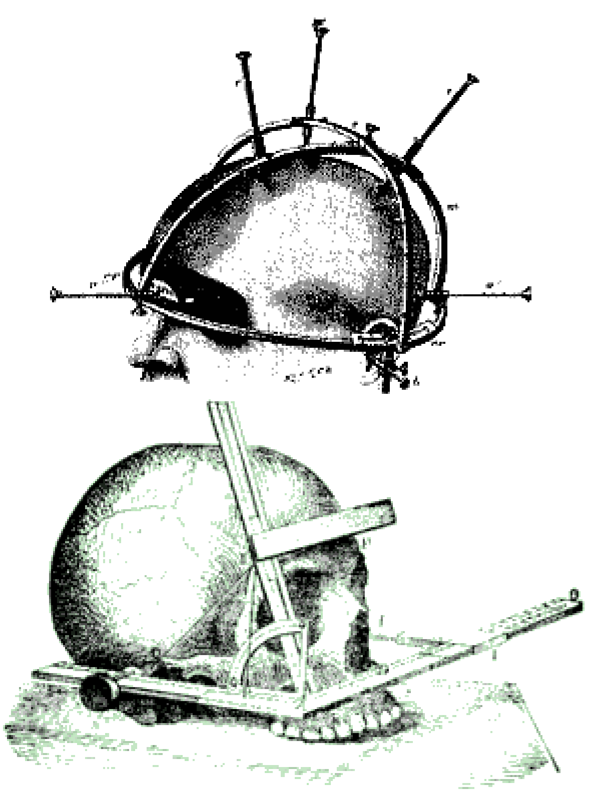
В заключение я позволю себе выяснить цель приложенных к этим предварительным заметкам рисунков и политипажей. Одни из них имеют целью показать различие изображений, снятых с антропологическими и этнографическими видами. Другие показывают несколько вариететов лиц, встречаемых в русском народонаселении Московской губернии. Третьи касаются физиогномий мордвы Нижегородской губернии и взяты из альбома, составленного для

Этнографической выставки. Я выбрал между ними как те, кои дают лица с вполне инородческим типом, так и те, в коих в большей или меньшей степени начинает проявляться то, что называется «русским лицом». Наконец я приложил несколько изображений черепов из курганов различных губерний с целью показать на удобосравниваемых образцах физиогномический тип черепов, принадлежавших наиболее древним обитателям Руси. Все черепа представлены в четырех различных положениях или нормах, т. е. с фасу, в профиль, сзади и сверху. Для Московской губернии взяты черепа Подольского и Рузского уезда, как представители типа длинноголового (мерянские?) и череп Коломенского уезда как представитель короткоголового (древней мордвы?) и, кроме того, череп из кургана Можайского уезда, совершенно своеобразный по своим физиогномическим свойствам от всех других и который может быть принадлежал случайному пришельцу из азиатских большескулых племен. Для сравнения приложены также снимки длинноголового курганного черепа из Черниговской губернии и изображение черепа калмыкообразного из кургана Саратовской губернии. Стоит только взглянуть на эти черепа, чтобы получить убеждение в возможности отыскивания физиогномических данных и относительно вымерших племен, конечно до известных пределов и при необходимых предосторожностях. Возможностью сделать все приложенные рисунки я обязан Совету Общества Любителей Естествознания, давшего мне, года два тому назад, необходимые средства. Цель моих заметок была бы достигнута, если бы их удалось заинтересовать, как в Москве, так и в других местностях лиц, могущих содействовать к получению необходимого фотографического материала для специального изучения антропологической физиогномики русских и инородцев России, в особенности тех, кои могли войти в состав нынешнего народонаселения. Особенно важны были бы портреты русских типических и красивых женских лиц, которые часто встречаются в купеческих, духовных и крестьянских семьях, так как именно из них нет ничего вследствие невозможности для меня отыскивать их. Для этого нужно посещать многолюдные женские собрания, заводить знакомства с представительницами удовлетворительного русского типа, выпрашивать у них портреты. Для кабинетного человека такой способ добывания ученого материала не только затруднителен, но даже может поставить его в курьезное положение и, пожалуй, будет приписан обладательницами типичных и красивых русских

физиогномий не столько антропологическим, сколько эстетическим побуждениям. Для родных же и знакомых, сочувствующих цели собирания подобного альбома, получение портретов в фас и профиль будет не затруднительно и не обременительно, а с каждого по нитке — голому рубашка, и из отдельных единичных фотографий составится без труда необходимая численность их для выводов. Нужно только при портрете сообщить сведения о чистокровности снятого лица, об отсутствии в семье браков с немцами, поляками и другими иноплеменниками. Чем более будет дано указаний, подтвержденных свидетельством достоверных лиц, тем большее научное значение будет иметь доставленные портреты.

А. П. Богданов

Скрещивание и метисы

Вопрос о скрещивании один из самых спорных в антропологии. Самые противоречащие мнения имели и имеют еще своих заступников. Одни думают, что скрещивание улучшает расу, другие утверждают с таким же полным убеждением, что оно всегда ухудшает ее. Наконец, третьи принимают, что расы, мало различающиеся друг от друга, могут скрещиваться без вреда, но что зато следствия скрещивания становятся тем более невыгодными, чем более две сводимые расы отличны одна от другой.

Изучение следствий скрещивания между мало различающимися друг от друга расами представляет чрезвычайно большие затруднения, так как метисы при этом оказываются отличающимися от родителей

только признаками мало выдающимися, и всего чаще смешиваются с остальным народонаселением. Но если скрещивающиеся расы различаются очень явственными внешними признаками, каковы цвет кожи и глаз, гладкость или волнообразность волос, то на метисах отпечатлевается очень явственно смешение: печать смешения может быть узнана, и она очевидна даже через несколько поколений, даже после возвратных скрещиваний (croisements de retour). На такие-то наиболее удобные случаи для изучения скрещивания мы и обращаем особенное внимание наблюдателей. Что же касается до помесей, происходивших прежде или же совершающихся и ныне между племенами очень близкими, как, например, между различными племенами белой расы, то они связаны со сложными вопросами описательной антропологии, общей антропологии, истории, археологии и лингвистики, а это выходит за рамки наших инструкций.

Условимся сначала в номенклатуре скрещиваний и метисов. Соединение двух особей А и В, принадлежащих к различным расам, составляет первичное скрещивание и производит метисов первой крови или первой степени. Соединяясь с расою А, что составляет первое возвратное скрещивание, метисы первой крови производят метисов второй крови или второй степени. Второе возвратное скрещивание будет такое, которое совершается в том же направлении, как и первое, т. е. между метисами второй крови и расою А, результатом такового скрещивания будут метисы третьей крови или третьей степени. Через известное число таких возвратных скрещиваний исчезает всякий признак такого скрещивания, т. е. это значит, что потомство теряет всякое сходство с расою В и становится совершенно похожим на расу А.

Возвратные скрещивания к расе В определяются и называются совершенно таким же образом. Они производят, как и предыдущие, метисов второй, третьей и т. д. крови, до тех пор, пока потомство не сольется вполне с расою В.

Следующая таблица дает способ обозначения и может служить удобным подспорьем при описании их.

Расы чистые	А и В	…
Первое скрещивание	АВ	метисы первой крови
Первое возвратное скрещивание	А2В или В2А	метисы второй крови
Второе возвратное скрещивание	А3В или В3А	метисы третьей крови
Третье возвратное	А4В или В4А	метисы четвер. крови

скрещивание
Возврат к чистой расе   А или В   …

Метисы какой-либо крови или степени, соединяясь между собою в продолжении какого бы то ни было числа поколений, производят метисов того же названия, каким обозначаются и сами.

Независимо от этих типов скрещивания, в каждом смешанном народонаселении встречается большое число метисов, происходящих от соединения метисов различных степеней или же последних с тою или другою первоначальною расою. Такие метисы со сложною генеалогией обыкновенно не носят никаких особых обозначений. Но если бы мы пожелали дать им особое обозначение, то это легко сделать с помощью предыдущей таблицы: так продукт метиса первой крови AB с метисом второй крови A2B может быть обозначен AB +A2B, причем обозначение степени отца ставится прежде. Формула A +B2A означает метиса, у которого отец расы A, а мать произошла от первого возвратного скрещивания к расе B.

В стране, в которой смешиваются три явственно различные расы A, B и C, таблица метисов будет состоять из трех рядов A и B, B и C, A и C, и метисы с тремя различными кровями будут обозначаться двумя членами, взятыми из двух таких рядов. Так в Мексике метис от европейца A с негритянкою B называется мулатом (AB); метис негра B с индианкою C называется замбо (BC); поэтому AB+BC будет обозначать продукт мулата и женщины замбо, а BC+AB будет обозначать продукт обратный, т. е. мужчины замбо с мулаткою. Если бы все случаи были так просты, как выше приведенные, то в особом обозначении не было бы надобности; но когда генеалогия становится очень сложною, или когда не существует особого термина для обозначения степени скрещивания родителей, то необходимым становится установить методический способ обозначения и нужно ввести правильную номенклатуру.

Употребляют иногда вместо указанного выше способа — другой, состоящий в выражении дробями степени участия двух первоначальных рас. Так метис первой крови обозначается 1/2A, 1/2B; метис второй крови, происшедший от первого возвратного скрещивания к расе A, обозначается 3/4A, 1/4B; метис третьей крови 7/8A, 1/8B и т. д. И действительно можно с некоторым правом предполагать, что на метиса влияют равно, т. е. на половину, как его отец, так и мать. Но способ обозначения, принятый выше, имеет, во-первых, то преимущество, что он проще, а во-вторых, он указывает число последовавших скрещиваний, и потому он кажется нам

удобнее.

Определивши себе способ обозначения, наблюдатель, поставивший себе целью изучение результатов скрещивания, должен, прежде всего, собрать все названия, которые существуют в данной местности для различных родов метисов. Названия эти должны записываться с обозначением точного их значения, а еще лучше — с указанием их выражения по принятой номенклатуре. Таким только образом можно будет наконец уяснить себе синонимию выражений столь различных, и часто столь противоречащих, употребляемых в различных странах для обозначения одних и тех же метисов, и можно будет уже с полною точностью собирать те физиологические наблюдения, которые к ним относятся. Главнейшие вопросы, на которые при этом следует обратить внимание, суть:

1. Относительные условия обеих рас А и В, свойство политических и социальных отношений, существующих между ними, могущее влиять на частость или редкость случаев скрещивания.

2. Определить точно или приблизительно для каждой изучаемой страны или местности цифру населения как каждой расы, так и метисов, и уяснить себе: кажется ли соответствующею цифра последних со смешанными соединениями рас. Эти данные, если только их можно получить, относятся к числу таких, которые служат для разрешения двух очень различных вопросов, т. е. для вопроса о плодовитости скрещиваний и вопроса о плодовитости метисов.

3. Существуют ли причины предполагать, что особи двух рас А и В плодовиты более, или менее, при скрещивании? Такой вопрос имеет особенное значение для таких местностей, в которых европейцы например находятся в связи с расами меланезийскими или полинезийскими. Так, например, многие ученые указывали на чрезвычайную редкость случаев рождений, происходящих от англичан с австралианками и французов с новокаледонками. С другой стороны, указывали также и на то, что на некоторых островах Полинезии, на которых поразительное уменьшение народонаселения приписывается малой плодовитости женщин, последние будто бы более плодовиты с европейцами, чем с особями своей расы. Такие данные в высшей степени желательно иметь относительно смешения русских с инородческими племенами, а также и относительно взаимного смешения этих последних.

4. Хотя при скрещиваниях между двумя различными расами соединение почти всегда происходит между мужчиною высшей расы и женщиною низшей, но бывают случаи и прямо противоположные,

т. е. когда женщина принадлежит к высшей расе. Эти два обратных случая представляют ли одинаковую плодовитость? Так говорят, что совокупление негра с белой женщиной бывает менее плодуще, чем соединение белого с негритянкою.

5. Дети, рожденные от первого скрещивания А и В, так ли же здоровы, как и дети чистой расы? Подвергаются ли они в первые годы своей жизни большей смертности? Достигающие совершенно возраста долго ли живут?

6. Метисы первой крови, достигшие совершенного возраста, обладают ли плодовитостью равною с особями чистой расы? При этом тщательно нужно различать союзы между метисами от союзов последних как с особями чистой расы, так и с метисами, происшедшими от того или другого возвратного скрещивания. Так, например, утверждают, что на Ямайке мулаты, или метисы первой крови, мало плодущи друг с другом и, наоборот, очень плодущи при возвратных скрещиваниях с белой расой или с неграми.

7. Дети, рожденные от метисов первой крови, при совокуплении их друг с другом достаточно ли крепки? Легко ли выращиваются? Живут ли долго? Наконец, если они совокупляются, выросши, с подобными себе, то дают ли стойкое потомство?

Цель этого вопроса и трех предыдущих состоит в том, чтобы дознать; скрещивание рас А и В есть ли евгеническое, т. е. другими словами — метисы первой крови способны ли сами по себе составить расу, пополняющуюся собственными соединениями без помощи скрещивания с двумя расами А и В или с метисами, происходящими от возвратных скрещиваний. Встречаются случаи, в которых этот вопрос, по-видимому, должен быть решен положительно, но известны также и такие, которые, кажется, приводят к отрицательному решению. С этой точки зрения мы обращаем особенное внимание наблюдателей на скрещивание белокурых рас Европы с черными расами других стран, так как, преимущественно основываясь на наблюдениях таких скрещиваний, отвергали у метисов первой крови неограниченную плодовитость (Fecondite illimite), вследствие которой некоторое число особей может увековечить свою расу, чистую или смешанную, без содействия особей иного происхождения.

При уяснении себе вопроса о плодовитости нужно предостеречь себя от ошибочных выводов двух родов. Во-первых, не следует считать за утвердительный факт примеры, представляемые некоторыми народонаселениями, имеющими смешанное происхождение, у которых многочисленные возвратные помеси к той

или другой первичной расе вызывали большее преобладание этой последней. Так, часто приводят как пример Грикасов (Griquas) Южной Африки, но пример этот вовсе не имеет никакого значения, так как этот небольшой народ, происшедший за шестьдесят лет тому назад из десятков трех семейств (из которых только половина была смешанного происхождения — метисы голландцев и готтентотов, — другая же половина принадлежала готтентотской расе) постоянно получал прилив новой крови исключительно от ближайших племен.

Во-вторых, если метисы первой крови, по-видимому, будут казаться более или менее бесплодными, то нужно исследовать: действительно ли это абсолютное или относительное бесплодие происходит от скрещивания и есть его результат, не может ли оно с большею вероятностью быть объяснено неспособностью акклиматизироваться в данной местности одной из двух первичных рас. Например, известно, что европейские расы не акклиматизировались ни в Индостане, ни на Зондских островах. Европейцы чистой расы, родившиеся на этих островах, уже мало плодущи при совокуплении в круге своей расы даже в первом поколении, и становятся почти всегда бесплодными во втором. Такой результат есть следствие климата, а потому бесплодность метисов, производимых европейцами при скрещивании с туземными расами этих местностей, может зависеть от той же причины. Следовательно, если бы кто-нибудь и убедился в абсолютном или относительном бесплодии метисов, происшедших от первого скрещивания, то этого было бы еще недостаточно для заключения о том, что такое скрещивание бесплодно само по себе. Чтобы заключение имело значение, нужно доказать, что метисы первой крови стоят ниже по крепости и плодородию детей европейцев, рожденных в той же местности, или же метисов второй и третьей крови, происшедших от возвратного скрещивания к белой расе.

На острове Яве, у так называемых Липплаппенов или метисов голландцев с малайцами, указан был особый вид бесплодия, чрезвычайно интересный. При совокуплениях друг с другом Липплаппены с третьего поколения производят только девочек, остающихся всегда бесплодными. Интересно было бы получить более подробные сведения как об этом факте, так и о подобных ему, могущих встретиться в других местностях.

8. Метисы первой крови представляют ли более сходства с одною из двух первичных рас, или получают тип приблизительно средний? Описать признаки этих метисов и обозначить их на особых записках и

листках, причем не следует ограничиваться только указанием цвета кожи, свойствами волос и формою лица, но сделать также измерения головы, туловища и конечностей, по способу указанному выше.

9. Существует ли какое-либо различие между метисами первой крови, происшедшими от обратных скрещиваний, т. е. между метисами AB, у коих отец A, а мать B, и метисами BA, у коих отец B, а мать A? Описать и тщательно сравнить метисов этих двух родов и сообщить положительные или отрицательные результаты этих исследований на особых записных листках. Некоторые известные факты заставляют предполагать, что метисы первой крови, при всех других равных условиях, представляют более сходства с материнскою расою, чем с отцовскою.

10. Через сколько возвратных скрещиваний метис первой крови получает тип расы A или B? Число это одно ли и то же, как при переходе в A, так и в B? Решение этого вопроса очень важно, так как оно дает нам возможность заключить о том, какую степень влияния оказывает каждая из двух рас на продукт первого скрещивания. Так, по-видимому, кажется достоверным, что при скрещивании белых с неграми — влияние африканской крови оказывается преобладающим, ибо достаточно двух или трех возвратных скрещиваний, чтобы привести мулатов первой крови к типу негров, тогда как не всегда достаточно бывает пяти или шести возвратных скрещиваний к расе белой, чтобы изгладить печать расы негритянской. Исследование многих других видов скрещивания дало подобные же результаты. Но все эти заключения были основаны на обзоре общего хода явлений, и их можно считать только тогда окончательно установившимися, когда они будут основаны на большом числе частных наблюдений. Некоторые признаки долее других сопротивляются возвратным скрещиваниям; обыкновенно такими представляются цвет глаз и волос. Американские креолы утверждают, что они могут узнать индивидуумов смешанной крови, приблизившихся к белой расе несколькими возвратными скрещиваниями, рассматривая луночку их ногтей и ощупывая кончик их носа. Но, без сомнения, в этом отношении существует много индивидуальных различий, а потому было бы интересно указать те второстепенные признаки, которые оказываются в этих случаях более стойкими, чем признаки первостепенные.

11. Все данные заставляют предполагать, что метисы одной и той же крови представляют большую изменчивость признаков, чем чистые расы. Каждый из их признаков представляет более или менее

сходства то с признаками отцовской расы, то с признаками материнской. Так, мулаты первой крови всегда имеют более темный цвет, чем европейцы, и более светлый, чем негры, но границы вариации цветности их очень велики. Точно так же и волоса их, то представляются почти гладкими, то почти так же рунообразны как волоса негров. Подобные же вариации замечаются и у метисов второй крови, так называемых квартеронов, которых кожа иногда так же бела, как и у многих европейцев, иногда же так же темна как у мулатов первой крови; волоса их представляются то совершенно гладкими, то чрезвычайно курчавыми. Отсюда вытекает следующий вопрос: необходимо определить точными наблюдениями границу вариаций каждого признака у метисов одной и той же крови. Такие наблюдения сначала должны быть произведены на метисах первой крови, а потом второй и третьей. Подобные наблюдения потеряли бы большую часть своего значения, если бы они производимы были на метисах, подвергавшихся многократному скрещиванию и перескрещиванию в различных степенях.

12. Относительно умственных способностей и нравственности, в каком отношении стоят метисы сравнительно с особями чистой расы, решение этого вопроса сопровождается многими затруднениями, так как и в чистой расе умственные способности представляют индивидуальные различия чрезвычайно большие, зависящие и от воспитания, и от природных дарований, и так как умственные способности, не представляя никакой мерки для своего определения, не могут быть и подведены поэтому под выводы средних данных. Существуют, однако же, случаи, в которых нельзя не заметить, что две расы одарены в очень различной степени умственными способностями; и в таких-то случаях только необходимо исследовать вопрос о том: представляет ли помесь этих двух рас средину между ними, или же стоит выше или ниже этого уровня. Наблюдатели, убежденные в какой-либо возможности приступить к такой трудной задаче, должны принять в соображение при этом социальные условия метисов, воспитание получаемое ими, и те обстоятельства, вытекающие из установлений и обычаев, которые мешают их умственному развитию. Там, где метисы подвержены рабству или лишены прав граждан, они, конечно, останутся ниже того уровня, на который они бы могли подняться при нормальных условиях. Кроме того, предрассудки, изгоняющие метисов из общества, делают их врагами законов, управляющих этим обществом, и возбуждают их непрерывно к борьбе с такими законами. Так, в Никарагуа и Перу

замбосы (метисы негров и индийцев), хотя и представляют класс сравнительно малочисленный, но, тем не менее, из них составляется четыре пятых населения тюрем (Чуди и Сквье). Поэтому факты, относящиеся к нравственности различных классов метисов, должны быть собираемы с особою тщательностью, а в случае, когда метисы оказываются низко стоящими в нравственном отношении, нужно предварительно определить: может ли это быть приписано скрещиванию, или нужно скорее винить в этом то положение, в которое ставят метисов законы и обычаи страны.

13. Было высказано несколько уверений в том, что метисы, происходящие от известных скрещиваний, оказываются одаренными такими способностями, каких не было у их родителей, принадлежащих к чистой расе. Так, например, утверждали, что бразильские мулаты отличаются как от европейцев, так и негров, особенною способностью к искусствам, и что вследствие того живописцы и музыканты в Бразилии почти всегда принадлежат к смешанной крови. Желательно было бы получить более обстоятельные сведения как об этом факте, так и обо всех других подобных, замеченных путешественниками и наблюдателями.

14. Народонаселение, состоящее из метисов, представляет ли большую пропорцию идиотов, сумасшедших, слепорожденных, заик и проч., сравнительно с тем числом таких же случаев, какое замечается в той же местности у двух первоначальных или материнских рас? Подобный факт указан был в Сенегале у Тукулоров, метисов Фула (Foulahs) и негров.

15. Склонность к известным болезням или незаражаемость ими, замечаемые у одной из двух материнских рас, передаются ли метисам, и до какой степени возвратного скрещивания замечается подобная передача? Конечно, здесь мы не можем перечислить склонностей ко всем болезням, или незаражаемость ими у каждой расы в отдельности. Но чтобы дать понятие о сущности нашего вопроса наблюдателям, мы укажем на пример почти совершенной незаражаемости негров желтою лихорадкою в Америке. Если негры не акклиматизировались, то они совершенно избегают этого бича Америки, гнетущего, напротив того, белых (и даже белых акклиматизировавшихся), индийцев и метисов от белых с индийцами. Кроме того, многие эпидемии дали возможность заметить, что мулаты первой крови почти обладают такою же незаражаемостью относительно желтой лихорадки, как и негры. Квартероны (метисы второй крови) и метисы третьей и четвертой крови, даже и тогда, когда стали столь же белыми, как и европейцы,

хотя и подвергаются лихорадке более метисов первой крови, но все-таки страдают от нее менее, чем белые чистой расы. Каждому понятна важность как этого, так и подобных ему фактов; поэтому всякий раз как в смешанном народонаселении наблюдатель дознает какую-либо патологическую склонность или незаражаемость, исключительно свойственные одной из материнских рас, он должен с особенною тщательностью исследовать: передается ли это метисам различных степеней.

16. Развитие тела и возрасты. В числе вопросов, группируемых нами в этом параграфе, встретятся и такие, которых решение может быть доступно и путешественникам; но многие другие могут быть обследованы только местными наблюдателями, и преимущественно врачами, которые, живя долгое время в одной местности, имеют случай наблюдать несколько раз одно и то же дитя в различные эпохи его роста. Наконец, здесь встретятся и такие вопросы, для решения коих необходимы анатомические исследования и которые, поэтому, доступны только для таких медиков, кои живут в городах и имеют возможность как наблюдать туземцев поступающих в госпитали, так и делать анатомические вскрытия.

17. Весьма важно определить те изменения в цвете, которым подвергаются накожные покровы в первые часы, первые дни или первые годы по рождении. Всякий знает, что у белой расы волоса обыкновенно бывают более светлыми у дитяти, чем впоследствии; оттенки накожных покровов представляют подобные же изменения, хотя и менее наглядные. Развитие пигмента кожи и волос происходит постепенно в продолжении известного числа лет, очень различного в различных случаях, так как иногда полное развитие в этом отношении заканчивается уже в возрасте от 8 до 10 лет. Иногда же только в возрасте половой зрелости, или даже и позднее.

Цветные расы имеют почти всегда черные волосы, и есть основание думать, что у них волоса уже при самом своем появлении получают окончательный цвет; но все-таки это требует нового обследования, так как весьма вероятно, что пигментация кожи достигает своего наибольшего развития только по прошествии известного числа лет. Наша хроматическая таблица позволяет определить последовательно, через промежуток нескольких лет, цвет кожи одного и того же субъекта, и тем дает наблюдателям возможность проверить точность вышеприведенного положения.

Но вопрос о развитии накожного пигмента должен быть исследуем с особенною тщательностью у детей цветных рас в продолжении

первых часов или первых дней по рождении. Все признают, например, что цвет негритенка, только что рожденного, гораздо светлее цвета взрослого негра. Думали объяснить это изменение действием солнечного цвета, так как полагали, что эти изменения происходят медленно и мало-помалу, по мере того как дитя подвергается действию солнечного цвета. Но теперь нам известно, что, напротив того, эти изменения совершаются очень быстро, и многие наблюдатели утверждают, что они происходят столь же быстро у новорожденных, содержимых при отсутствии света, как и у подверженных ему. Достоверно известно, что кожа восьмидневного негритенка почти столь же темна, как и у взрослого нефа. Итак, непосредственно после рождения совершается совершенно особенное явление, стоящее, по-видимому, в связи с установлением дыхательного процесса, и это явление, по быстроте своего хода, по степени и по своему свойству никак не может быть смешано с тем увеличением пигмента, всегда очень незначительным и иногда почти незаметным, которое происходит затем в течение годов в коже негра.

Такое явление было изучено до сих пор только у негритенка, и то очень неудовлетворительно. Весьма необходимо изучить его с требуемою от науки точностью и у новорожденных всех цветных рас. Наблюдения должны производиться с помощью хроматической таблицы, причем необходимо сначала определить цвет новорожденного тотчас по рождении, потом через 5 или 6 часов, на другой и следующие дни. Замечают тот момент, когда цвет, если и не становится окончательным, то, по крайней мере, настолько стойким, что не представляет заметных перемен в продолжении нескольких дней. Некоторые наблюдатели утверждают, что этот момент у негритенка наступает уже на третий день, и что бывали случаи замедления его еще на несколько дней, до конца первой недели; но вопрос этот не решен еще окончательно.

18. Все наблюдатели могут собрать сведения о возрасте половой зрелости как у мальчиков, так и девочек, о времени появления волос на бороде и у половых частей, о времени развития грудей у девочек и о начале менструации. Некоторые из этих частностей были уже указаны при разборе вопроса о плодовитости женщин. Нужно стараться собрать сведения о том: в какой возраст, для каждого пола в частности, начинается период упадка сил и старости, какая наибольшая граница долговечности, т. е. какое число лет имеют самые старейшие жители местности. Подобные сведения всегда могут быть точными, так как у нецивилизированных народов большая часть

стариков, и даже взрослых, не знают числа своих лет; но можно иногда получить приблизительные данные, расспрашивая у стариков сколько лет они имели во время какого-нибудь события, время которого известно.

19. Путешественники, кроме того, легко могут собрать данные о нарастании тела, измеряя тех детей, возраст коих им будет сообщен в точности.

20. Медики, живущие среди инородцев, могут прибавить к сказанному много других сведений весьма важных, относящихся к тому же ряду вопросов и могущих быть изученными только людьми специально знакомыми с анатомией и физиологией. Мы укажем им здесь в этом отношении, во-первых, на данные, относящиеся к порядку и времени появления молочных и постоянных зубов. Так как это исключительно касается медиков, то нам нет надобности в особых объяснениях, и достаточно здесь указать только на цель подобных исследований. Вопрос о появлении зубов разрешается обыкновенно только на основании наблюдений сделанных в Европе и над особями белой расы, но мы не знаем: происходит ли появление зубов одинаково у всех рас и во всех климатах.

То же нужно сказать и о развитии скелета. Европейские анатомы с большим старанием определили возраст, при котором появляется точка окостенения каждого из концов (epiphyses) длинных костей и время спайки их с телом кости, что дает возможность при судебных исследованиях определить довольно точно, по рассмотрении трупа, возраст особи, имеющей менее двадцати пяти лет. Но эти остеогенические данные приложимы ли одинаково ко всем человеческим племенам? В этом можно сомневаться. Если весьма вероятно, что порядок появления точек окостенения и их слияния друг с другом представляют только небольшие изменения, то столько же вероятно и то, что периоды, в которые совершаются эти явления, представляют значительные различия у различных рас, и происходят то более или менее рано, то позднее, подобно тому, как это заканчивается только на двадцатипятилетнем возрасте, т. е. при периоде юношеского возраста в возмужалый; но известно, что у многих народов юношеский возраст наступает раньше, чем у европейцев, а потому позволительно предполагать, что и конец этого возраста, т. е. переход в возмужалость, так же ускоряется в этом случае. Медики, живущие в городах снабженных больницами и могущие делать вскрытия, предпримут труд чрезвычайно важный, собирая наибольшее возможное число фактов относительно развития

скелета. Если бы они пожелали упростить свою задачу, то они могут сосредоточить свое внимание на Epiphyses длинных костей конечностей, на дно вертлужной впадины (acetabulum), в котором происходит спайка трех первичных частей лонной кости (os ilei), на epiphysis marginalis cristae ossis ilium и на придаточную точку окостенения пяточной кости (calcaneum).

Эпоха, в которую вслед за возмужалым возрастом наступает старость, не определена ни у одной расы. От рождения и до возмужалого возраста органы и отправления находятся в постоянном развитии, потом они сохраняют полную силу в продолжении известного числа лет, и затем начинается последовательный упадок их, одних за другими. Этот-то упадок характеризирует старость; но старость явственно узнается только тогда, когда упадок стал общим, или по крайней мере проявился в очень значительной степени во многих важных органах. До этого неблагоприятные изменения, происходящие в различных органах, совместимы с почти полною поддержкою отправлений этих последних. Такие изменения не составляют еще решительных признаков старости, но только предварительные проявления ее.

Эти предварительные проявления начинаются всегда еще в продолжении зрелого возраста и могут быть часто открыты автопсией у особей, умерших в полной силе своих отправлений. Подобные проявления, происходящие в скелете, удобнее всех других для подобных исследований; они выражаются в стремлении к окостенению связок и хрящей, вредящему гибкости и эластичности последних, а, следовательно, оканчиваются, раньше или позднее, тем, что более или менее мешают отправлению и нормальному развитию известных органов. Так, окостенение грудных хрящей уменьшает амплитуду дыхательных движений; окостенение хрящеватых частей позвоночника уменьшает гибкость его и затрудняет равновесие тела, и т. д. Наконец, срастание швов черепа противопоставляет абсолютное препятствие нарастанию мозга.

Определение времени, когда начинается окостенение этих различных частей, представляет большой научный интерес. Оно позволяет дознать в зрелом возрасте предварительные явления старости, и если оно не может служить для определения продолжительности возмужалости, то оно указывает, по крайней мере, для некоторых органов в частности, конец периода совершенства и начало упадка. Но в этом отношении замечаются значительные различия у различных рас. Так, известно в общих

чертах, например, что у негров окостенение и спайка швов черепа происходят гораздо раньше, чем у белых; что у последних спайка всего чаще начинается швами задней доли черепа, тогда как у негров обыкновенно она проявляется, прежде всего, на передних швах и потом уже переходит на задние. Важность этих признаков, имеющих следствием более раннюю или позднюю остановку роста той или другой части мозга, очевидна для каждого, в особенности если принять в соображение, что человек составляет единственный пример в ряду существ, в котором мозг продолжает расти и после юности. Если время и порядок последовательности окостенения швов черепа изменяются по расам, то становится весьма вероятным, что изучение окостенения реберных или грудных хрящей, хрящей гортани, позвоночника, и даже таза, даст этнические различия.

Мы обращаем внимание на подобного рода исследования тех медиков, которые имеют случай делать вскрытия в больницах тех городов, в которых живут люди неевропейских рас. Это поле исследований почти не начатое и, потому, способное дать плодущие результаты, несмотря на то, к какому заключению они не привели бы, так как столь же важно дознать признаки общие всем расам, как и открыть новые отличительные. Дополнительные частности.

Некоторые расы издают от себя особенный запах; так, например, известно, что собаки, употребляемые в Америке для охоты за бежавшими невольниками, легко отличают след негра от следа индейца. Запах этот принадлежит к разряду явлений, которых нельзя ни определить, ни описать; много, если можно сравнить с каким-либо известным запахом. Поэтому путешественники всего чаще принуждены будут ограничиться только указанием на то, что известная раса издает специальный запах. Те из путешественников, которые последовательно посетят и исследуют несколько различных рас, могут указать и на то: отличаются ли запахи этих рас одни от других, или же сходны. Нужно, однако же, при этом резко отличать естественный запах от запаха масла, жира, или другого какого-либо вещества, которым дикие имеют обычай смазывать свое тело.

Некоторые народы, живущие более или менее в диком состоянии, отличаются утонченностью своих органов чувств. Краснокожие выслеживают по следу человека или животное, чернокожие острова Андамана различают предметы на невероятных расстояниях; другие дикие явственно слышат те звуки, которые недоступны нашему уху. Спрашивается: эти способности, поражающие нас, следует ли приписать отличию расы или же дикой жизни? Путешественники

могут дать ответ на этот вопрос, сравнивая в этом отношении народы одной и той же расы, ведущие различный образ жизни.

Близорукость или миопия, столь частая в Европе, по-видимому весьма редко встречается у диких народов. Поэтому путешественники должны заметить тщательно те случаи близорукости, кои они встретят у таких народов.

Утверждали некоторые, что готтентоты никогда не зевают. Если бы это подтвердилось, то интересно было бы заметить: не встречается ли того же самого у каких-либо других рас.

При этом мы должны также обратить внимание на некоторые движения и позы. Так, ушные мускулы, двигающие ушною раковиною, находятся в таком зачаточном состоянии у человека, что всего чаще действие их незаметно для глаза. Но, однако же, встречаются и в среде белой расы некоторые особи, которые могут очень заметно двигать ухом. Очень может быть, что-то, что встречается у нас чрезвычайно редко, бывает довольно обыкновенным у других рас, и в особенности у диких. Поэтому это требует наблюдений.

25. Величина движения большого пальца при противопоставлении его другим, говорят, меньше у негров, чем у белых. Противопоставление есть то движение большого пальца, которое он производит при перемещении своем к ладони руки, и как бы при приближении его к мизинцу. Известно, что большой палец обезьян имеет меньшую противопоставляемость, чем у человека. Интересно изучить у низших рас, поэтому, величину противопоставления большого пальца. Это движение слишком сложно для того, чтобы его легко было измерить; но приблизительно его можно определить, взяв за тип сравнения руку европейца.

26. Движение большого наружного пальца далеко не столь независимо, как движение большого пальца руки. У субъектов, носящих обувь, большой палец обыкновенно лежит рядом с другими пальцами ноги, но вследствие навыка, однако же, можно развить его движения, как это замечается, например, у рожденных без рук, которые после долгих упражнений производят ногою большую часть движений, свойственных рукам.

По-видимому, достоверно то, что у народов более или менее диких и ходящих голыми ногами, в особенности же у лазящих часто по деревьям и скалам, большой палец ноги приобретает замечательную подвижность; он может, не только сгибаться и разгибаться, но также направляться внутрь и быть приведенным действием мускулов в

направление, параллельное оси ноги. Такая подвижность большого пальца привела к предположению, что у некоторых рас, подобно тому как это замечается у обезьян (названных потому четырехрукими), тип ноги приближается к типу руки. Но признак, характеризующий руку, есть движение противопоставления, а весьма вероятно, что такое движение никогда не было замечено у ноги человека. Для того, чтобы большой палец был противопоставляем, нужно чтобы он мог перемещаться косвенно под остальные пальцы. Говоря анатомически, этого нельзя считать невозможным, так как условие, мешающее противопоставлению большого пальца, заключается менее в отсутствии противопоставляющих мускулов, чем в расположении сочленения первой плюсневой кости, и если это сочленение, вследствие навыка, стало бы более подвижным, то и оба мускула отводные (abductores) могли бы, при взаимном содействии, произвести некоторое движение противопоставления. Но в действительности ничто не говорит нам за то, чтобы такое противопоставление в самом деле происходило в тех случаях, в которых некоторые наблюдатели думали видеть его.

Все заставляет предполагать до нового разрешения вопроса, что наблюдатели не знали в чем состоит явление противопоставления, и, будучи поражены замечательною подвижностью большого пальца, они охарактеризовали ее термином, точное значение коего им было неизвестно. Впрочем, как бы то ни было, а путешественники должны отмечать с особенною тщательностью, в числе наиболее любопытных антропологических фактов, те случаи, в которых большой палец ноги обладает особенною подвижностью и служит для различных отправлений. Если бы, что впрочем, противно всякой вероятности, они встретили особей, способных производить большим пальцем ноги настоящие движения противопоставления, то они не должны ограничиваться только голословным указанием на такие случаи, но им необходимо сообщить и те анатомические подробности, которые одни только могут отвлечь сомнение в точности наблюдения.

27. Некоторые позы, очень тягостные для нас, естественны для некоторых других народов. Таково сидение на корточках, при котором носок, сильно вытянутый, упирается на землю, а ягодицы лежат на пятке. Существуют народы, у которых это положение заменяет наше сиденье.

28. Голова европейца при вертикальном положении тела имеет горизонтальное направление; если глаз смотрит прямо вперед, то нижний край носа находится на одном уровне со слуховым

отверстием: таково естественное положение головы и оно не требует никакого усилия.[30] Правда ли, что у некоторых прогнатических народов, отличающихся очень большим развитием лица, и в особенности челюстей, существуют другие условия равновесия головы? Правда ли, что в таких случаях голова имеет стремление наклоняться вперед и удерживается в горизонтальном положении только усилием мускулов затылка, подобным тому, какое мы производим при взгляде вверх? Это было утверждаемо, но такое важное положение требует поверки, причем мы должны предупредить наблюдателей против одной причины ведущей к погрешностям. Большая высота зубных отростков верхней челюсти и длина зубов, обусловливая положение подбородка ниже уровня слухового отверстия, могут повести к предположению о наклонности головы, хотя она и будет оставаться горизонтальною в сущности. Поэтому не по положению подбородка следует судить о направлении головы, но потому положению, которое занимает подносовая точка относительно уровня слуховых отверстий. Только в этих случаях, только когда подносовая точка будет лежать заметно ниже этого уровня, можно утверждать, что голова имеет косвенное направление. Даже и в этом случае вывод будет не вполне точен, так как различие в уровне может зависеть от повышения слухового отверстия, которого высота над уровнем затылочных мыщежов изменяется значительно у различных рас; но на живом человеке невозможно получить более точное определение этого.

29. Обратимся теперь к явлениям перемещения. Хотя тип хождения всегда один и тот же у особей здоровых и нормально сложенных, но несмотря на то известно, что существенные движения нижних конечностей и сопровождающие их движения остального тела представляют заметные различия. Это и вызвало поговорку: походка изменчива столько же, как и физиономия. Особенности походки без сомнения много зависят от привычки, от условий, при которых живет человек. Так, моряк ходит иначе, чем солдат, пехотинец иначе чем кавалерист, житель нагорных стран, постоянно взбирающийся на возвышения и спускающийся с них, иначе чем обитатель долин. Но несомненно также и то, что устройство скелета, ширина таза, относительная длина туловища, бедер и голеней, более или менее выпуклая форма свода ступни, и т. д. суть главнейшие и первичные условия, влияющие на походку. Так, всякий знает, что, например, походка женщин отлична от походки мужчин, и она характеризуется небольшим качанием, зависящим от косвенности бедер, что в свою

очередь зависит от большой ширины таза. По этому-то признаку часто узнают женщину, переодетую в мужское платье. Размер длины и ширины скелета туловища и конечностей представляют еще большие этнические особенности сравнительно с теми, кои замечаются у обоих полов одной и той же расы. Поэтому изучение особенностей походки вполне заслуживает внимания путешественников. Изучение это требует большой тонкости в наблюдениях и предварительного знания механизма ходьбы, но оно, без всякого сомнения, приведет к интересным результатам.

30. Плавание, составляющее для нас только особенный исключительный способ перемещения, входит как существенная часть в условия существования многих народов, и приемы при плавании настолько различны, что заслуживают особенного описания. При плавании мы раздвигаем горизонтально и одновременно обе руки и обе ноги и двигаемся толчками подобно лягушке. Но некоторые дикие, новокаледонцы, например, плавают скорее по способу собак, чередуясь в движении обеими руками, кои погружаются в воду и двигаются спереди к заду подобно веслам, чередуясь также с движениями ног, из коих одна сгибается в то время как другая вытягивается.

31. Мы обращаем внимание путешественников также на способ диких лазить по деревьям. Паши ноги, значительно потерявшие подвижность вследствие привычки носит всегда обувь, не могут прицепляться к деревьям, и мы лазаем, обхватывая плотно ствол руками и ногами. Некоторые из простолюдинов, однако же, с помощью навыка достигают того, что развивают в своих больших пальцах ног такую силу и подвижность, что могут обхватывать ногами ствол дерева покрытый жесткою корою. Такой же способ, но только более замечательный, употребляется некоторыми дикими, которые лазят подобно кошкам, цепляясь пальцами за шероховатости коры, и ходят, так сказать, этим способом вертикально вдоль дерева, нисколько не прикасаясь при этом ни руками, ни грудью, ни ляжками. Изучение таких способов лазания бросает большой свет на физиологию ноги.

Укажем еще несколько вопросов, которые хотя и менее предыдущих относятся к физиологии, взятой в тесном смысле этого слова, но, тем не менее, интересны.

32. Альбинизм есть аномалия редкая в белой расе, но встречающаяся несравненно чаще у некоторых цветных рас, преимущественно между нефами. Особи, представляющие такую

аномалию, называются альбиносами, белыми неграми, дондосами, какерлаками и проч. Отличают альбинизм полный, характеризующийся совершенным отсутствием пигмента в коже, глазах и волосах, и альбинизм частный, коего различные разновидности еще не все известны. Самый любопытный пример представляют так называемые люди-сороки или пегие (Les hommes-pies), свойственные черным расам. Такие пегие люди имеют кожу с неправильно размещенными черными и белыми пятнами, и такие пятна представляют чрезвычайную вариацию в своем размещении, форме и размерах; так, иногда они очень малы и составляют как бы брызги грязи по белому полю, иногда же покрывают собою целые области тела. Это самый поразительный пример частного альбинизма, но вместе с тем и самый редкий. Частный альбинизм в наименьшем своем развитии выражается в одном пучке из нескольких белых волос на голове или бороде. При полном альбинизме волоса совершенно белы, кожа на всем своем протяжении матово белая, внутренность глаза кровяно-красная, радужина, как это уже было сказано выше, имеет более или менее светло-красный цвет. Но весьма вероятно, что существуют случаи, в которых альбинизм, хотя и полный на коже, оказывается частным относительно волос и глаз. Так утверждали, что некоторые альбиносы имели желтые волосы, а у других радужина была слегка окрашена в голубой или рыжий цвет.

Некоторые писатели утверждали, что альбиносы обыкновенно имеют небольшой рост, слабое телосложение, незначительные умственные способности, что они не одарены значительною плодовитостью, и что они редко доживают до старости. Все это требует, однако же, подтверждения.

Альбинизм всегда явление прирожденное, т. е., другими словами, — это аномалия, а не болезнь. Его не нужно смешивать с vitiligo, болезненным поражением кожи, которое уничтожает на некоторых местах кожи отложения пигмента и которое, развиваясь, может окончить тем, что обесцветит большую часть тела. Эта болезнь может придать страдающему ею вид пегости, но легко избавиться от ошибки, узнав, что эта пегость замечается у особи не от самого рождения, что она развивалась постепенно; всего чаще бывает, что она начинается по прошествии значительного числа лет после рождения.

Вопросы, относящиеся до изучения альбинизма, суть следующие:

а) Редко или часто встречается общий или частный альбинизм в исследуемой стране? Указать, какое число альбиносов было

исследовано или о каком можно было собрать сведения, и сличить это число в приблизительной или точной цифрой всего народонаселения.

б) Собрать сведения о результатах соединений, если только они встречались, двух альбиносов. Соединения эти столько ж же плодущи, как и обыкновенные? Дети, рождающиеся от них, подвергаются ли альбинизму?

в) Альбиносы, соединяющиеся с неальбиносами передают ли иногда свою аномалию детям. (Известен случай такой передачи от матери к дочери в белой расе.)

г) Альбиносы занимают ли низшую степень, сравнительно с обыкновенными особями той же расы, по жизненности, силе, росту, умственным способностям, плодовитости и долговечности?

д) Правда ли, что волоса альбиносов менее развиты, чем у обыкновенных особей той же расы, что волоса их тоньше, борода реже, тело более гладко, а волоса на половых органах реже и позднее вырастают.

е) Описать в частности каждого альбиноса, которого удалось наблюдать, отмечая при этом, кроме общих указаний относящихся до возраста, пола, роста, расы и т. д., и следующие частные сведения: альбинизм полный ли и совершенный ли? В этом случае достаточно сказать только, что полный, и тем самым уже укажется, что кожа бело-матовая, что волоса совершенно белы, что глубина глаза кровяно-красная, что в радужине нет и следа пигмента, и что она более или менее розового цвета. Что касается до обыкновенного цвета глаз альбиносов, то об этом смотри выше. Если же альбинос будет отличаться хотя малейшим признаком от указанного типа, то следует указать этот признак со ссылкою на хроматическую таблицу. Так, например, если радужина, вместо того чтобы быть более или менее розовою, представляет голубой, коричневый или зеленый оттенок, или если волоса, вместо совершенно белого цвета, имеют желтый или красный оттенок, то отыскивают по хроматической таблице те тоны, которые всего более приближаются к ним. Нужно всегда быть настороже с волосами альбиносов, представляющимися несовершенно белыми, так как искусственный цвет, происходящий или от смазывания, или же от нечистоплотности, может легко ввести в заблуждение и быть принятым за естественный. В таких случаях следует отрезать пучок волос и вымыть их в воде и в винном спирте.

Субъекты, представляющие частный альбинизм, должны быть описываемы самым подробным образом: нужно последовательно описать кожу их, пятна встречающиеся на ней, волоса на различных

частях тела и, наконец, глаза. Окрашенные части, или не вполне бесцветные, следует охарактеризовать с помощью таблицы.

ж) Зрение альбиносов должно быть тщательно обследовано, сначала днем при ярком свете, потом в полусвете и, наконец, в темноте. Производит ли яркий солнечный свет болезненное впечатление или делает ли он только неясными изображения? Зрение в таком случае не становится ли более ясным при близком рассматривании предметов, как это замечается у близоруких? И в таких случаях, замечается ли настоящая близорукость, характеризующаяся способностью ясно видеть предметы, лежащие ближе нормальных границ ясного зрения? Наконец, лучше ли видят альбиносы в темноте, чем обыкновенные индивидуумы? Это утверждали, но необходима новая проверка сказанного.

33. Основательно или неосновательно, но сближали с альбинизмом другую аномалию цветности, замечаемую исключительно в волосах и называемую еритризмом. Некоторые расы имеют нормально рыжие волосы, но это еще не составляет еритризма. Рыжие волосы очень обыкновенны в странах, в которых происходило смешение белых рас, как с темно-русыми или черноволосыми с одной стороны, так с белокурыми или рыжими с другой. В таких скрещенных расах встречаются волоса всех цветов, черные, темно-русые, белокурые, рыжие и проч. Это естественное следствие скрещивания, и потому особи, имеющие более или менее рыжие волосы вследствие естественного влияния наследственности или атавизма, не могут быть принимаемы за подверженные аномалии. Но если у народа черноволосого, не подвергавшегося никакому смешению, или смешивавшемуся только тоже с черноволосыми расами, родится, как исключение, особь с рыжими волосами, то это уже составляет случай еритризма. Следовательно, мы имеем дело с еритризмом, если особь с яркорыжими волосами встречается между народонаселением черноволосым или очень темноволосым, и если в народонаселении не встречается никакого промежуточного или среднего цвета, который бы мог заставить предположить смешение рас.

Некоторые ученые утверждали, что еритризм может проявляться во всех расах; один из ученых даже предполагал, что все расы произошли от одной первичной рыжеволосой, и потому считал еритризм только воспроизведением первоначального признака. Эта последняя гапотеза уже оставлена, первое же положение не доказано, так как до сих пор не было наблюдаемо ни одного примера еритризма у меланезийцев. Во всяком случае, интересно изыскать: какие расы

представляют наиболее частые и наиболее редкие примеры еритризма.

34. У цветных рас, преимущественно у негров, следует изучить цвет шрамов, принимая в соображение при этом и то, узки ли они или широки, поверхностные или глубокие, недавние, давнишние или очень давние. Нужно тщательно отличать те случаи, в коих кожа была поранена или разрушена только у поверхности, от тех, где поранение происходило во всю толщину ее. Есть основание думать, что в этом последнем случае, шрамы, имеющие несколько миллиметров в ширину, всегда менее темны, чем прилегающая к ним кожа. Бывают ли они когда-нибудь и совсем белыми? Это утверждали, но необходимы новые точные указания. С другой стороны, поверхностные и очень узкие шрамы часто бывают темнее остальной кожи. Указывали на то еще, что высота местности над уровнем моря, влажность, действие солнечных лучей, могут влиять на изменение цвета кожи, но мы не имеем никаких положительных наблюдений относительно всех этих вопросов.

Поэтому следует определить с помощью хроматической таблицы цвет шрамов, сравнительно с цветом кожи, указывая каждый раз на место шрама, на поверхность или глубину его, на размеры, на положение относительно одежды, на причины и степень давности. Наконец, чтобы определить влияние высоты места, влажности и теплоты климата, необходимо сравнить в этом отношении особей той же расы, но живших при различных условиях.

35. Случаи нанизма (карлики), гигантизма (великаны) и полисарции (необыкновенная толстота) должны быть указываемы также. Не нужно смешивать нанизма с задержкою роста, происходящею от болезни позвоночника или же от рахитизма конечностей. Карликом называется особь, имеющая гораздо меньший рост, чем остальные той же расы, но сложенная нормально, или почти нормально. Так как нанизм чрезвычайно редок у диких животных, хотя и замечается довольно часто у домашних животных, то есть основание думать, что он встречается тем реже, чем ближе стоит раса к первобытному состоянию. Само собою понятно, что карлики и великаны должны быть тщательно измерены, и что результат измерений должен быть сравнен со средними числами, полученными при измерениях той же расы.

Таковы главнейшие физиологические вопросы, которые, по нашему уразумению, следовало указать наблюдателям и путешественникам. Перечень, представленный нами, без сомнения

очень неполон, и исследователям придется самим дополнять много пропусков наших. Избрав точкою сравнения ход отправлений и физических способностей европейцев, наблюдатели должны замечать всякое физиологическое явление, кажущееся более или менее отличным от этого типа.

Изучение питания может, или даже и должно, войти в рамку физиологических исследований. Но с другой стороны, так как оно тесно связано с образом жизни, с социальным устройством и с важными условиями почвы и климата, то и должно по преимуществу иметь место в инструкции этнологической. Вот почему мы не упомянули о нем в нашей работе.

Что касается до вопроса о долговечности, числе рождений, смертности, средней жизни, и вообще до всех вопросов решаемых статистикою, то оно будет предметом особенной программы.

В. В. Воробьев

Великоруссы

Очерк физического типа

Задача антрополога, желающего дать характеристику физического типа великоруссов, представлялась бы не особенно сложной и трудной, если бы дело шло только о простой установке признаков, которые определяют общую физиономию великоруссов и отличают последних от их ближайших и более далеких родичей и соседей. Все мы имеем более или менее определенное понятие о «великорусском типе» и ежедневно говорим, что у А. чисто русский тип, Б. похож на татарина, В. калмыковат и т. д. У наших первоклассных писателей-романистов можно найти целый ряд индивидуальных и собирательных великорусских типов. Тургенев дает даже сравнительное описание орловского и калужского мужика. Но как бы ярки и художественны ни были эти характеристики, они далеко, конечно, не могут удовлетворить требованиям современной антропологии; задачи последней по отношению к отдельным народностям заключаются не в простом только описании и констатировании тех или иных физических черт, но и в анализе их. Изучая данную народность, антрополог должен по возможности показать происхождение каждого отдельного признака, его распространение среди других человеческих групп, значение его в смысле показателя степени родства изучаемой группы с другими группами и т. д. Собирая все изученные признаки в одно целое, антрополог задается вопросом, представляет ли это целое нечто компактное и однородное, — так называемый чистый тип, а если нет, то какие элементы вошли в его состав, какого они происхождения и как они повлияли на производный сложный тип. В этой части своей задачи антрополог близко соприкасается с задачами историков, этнографов, лингвистов, выясняя вместе с ними составные элементы племени. Входя в вопросы прагматической истории, истории культуры, этнографии, социологии, политической экономии, физиологии, психологии, географии, геологии и т. д., антрополог может и даже должен делать попытки связать те или другие

особенности жизни, развития и характера отдельных человеческих групп с особенностями физического их строения. Поэтому, приступая к очерку физического типа великоруссов, необходимо коснуться, хотя бы в самых общих чертах, наиболее важных указаний, почерпнутых из соответствующих областей знания.

Область, в которой сложилось ядро великорусского населения, не была достаточно защищена от набегов вражеских племен ни морями, ни высокими непроходимыми горами: ни Уральский хребет, ни Волга не представляли собою достаточных ограждений со стороны Азии, откуда преимущественно и шли на территорию современной России волны различных, пестрых по своим этническим элементам, кочевых племен. Не маловажную роль в истории сложения типа населения играла также чрезвычайная лесистость страны, ограждавшая до некоторой степени население от окончательной гибели под давлением проходивших здесь чуждых народностей и вместе с тем способствовавшая развитию любви к вольной жизни мелкими общинами, долго не имевшими ни возможности, ни желания сплачиваться в большие социальные и политические единицы. Дальнейшее рассмотрение географических условий и их влияний на население завело бы нас слишком далеко, да оно и не вызывается прямыми потребностями нашей ближайшей задачи.

Первые сведения о том, какие народы населяли область, занимаемую современными великоруссами, не заходят далеко в глубь веков. Палеонтология свидетельствует, правда, о существовании уже во второй половине ледникового периода человека, ютившегося вблизи южных границ тающих ледников, но мы ровно ничего не знаем ни о физическом его типе, ни о том, откуда он пришел и куда он исчез. Первыми более достоверно известными насельниками области, на которой сложилось впоследствии великорусское племя (новгородских земель, а потом так называемых земель Владимиро-Суздальского края), были, по-видимому, финны. Как давно сели они на эти земли — неизвестно. Изыскания финнологов показывают, однако, что около начала нашей эры у финнов установилось уже более или менее тесное, отразившееся на их языке, соседство с литовскими и германскими племенами. Доказано далее, что довольно распространенные в России названия рек с окончаниями на «ма» и «ва» составляют, по Веске, суффикс, означающий понятие о реке. Судя по области распространения рек с подобными названиями, финны занимали некогда всю северную и среднюю полосу современной России, от низовьев Камы и прилегающей к ней части

Волги до Балтийского моря, а на западе и юго-западе — до верховья и левых притоков Днепра, кончая Десною. На восточной окраине этого района и по настоящее время живут два финских племени — черемисы и мордва. Последние занимают свои места в продолжение многих веков, так как о них (под названием Mordens) упоминает еще в VI веке готский историк Иордан. Тот же Иордан упоминает и о племени мери, хорошо известном нашей начальной летописи. Черемисы же и по настоящее время называют себя «мар» и представляют, быть может, прямых потомков или же ближайших родичей полумифической мери. Начальная летопись упоминает также о чуди, веси, муроме, мещере, еми, угре и многих других финских племенах.

Славянские племена приходят в соприкосновение с финнами, насколько это можно судить по лингвистическим признакам, приблизительно около V–VII века. Древнейшие из прослеженных областей населения славянских племен надо искать приблизительно в Прикарпатьи, по верхнему течению Вислы, в теперешней Галиции и в Волынской губернии. Более достоверными становятся передвижения славян приблизительно с III–IV века по Р.Х., когда они распространились на запад к Одеру, на юг — к Дунаю и на северо-восток — вверх по Днепру и его притокам. Около V–VII века последняя ветвь проходит через области литовского населения и соприкасается с финскими племенами, с которыми и вступает в самые тесные отношения. К этому же приблизительно времени от славянского центра отделяется еще один поток — на восток через Десну и Сейм к Дону. В IX–X веках славянские племена окончательно утвердились в Приднепровьи и начали оттуда свою колонизаторскую деятельность.

В области будущего ядра великорусского населения осели, в промежуток времени между IX и XII веками, на земли, занятые финскими племенами, главным образом новгородские (ильменские) славяне, близко родственные им кривичи, а также вятичи. Колонизация совершилась, по-видимому, не сразу большими массами, а постепенно, мелкими партиями, отдельными островками. Встречаясь с мирными по природе финнами, новые насельники края должны были частью подавить и поглотить их, частью же слиться с ними, воспринять от них некоторые физические, лингвические и психологические черты, составив с ними, наконец, одно целое — великорусское племя.

В состав современных великоруссов входят, следовательно,

главным образом славянские и финские элементы. Но, кроме того, не должны были остаться без влияния (особенно на высшие классы) и примеси варяжской (норманской) крови, а также, вероятно, и монгольской. Последняя, впрочем, не должна была оказать особенно сильного влияния, так как во время великого нашествия монголов татарские орды, хотя и доходили до верховьев Оки и даже выше, но нигде в этих местах долго не задерживались, спускаясь главным образом на юг, куда их манило приволье черноморских степей. Тем не менее, отрицать влияние монгольской крови так категорически, как делает это, например, профессор Беляев, едва ли возможно. Борьба с пограничными тюркскими племенами на востоке, затем самый факт прохождения татарских полчищ через земли Владимире-Суздальского края не могли, особенно при нравах того времени, не примешать хоть частичку монгольской крови. Кроме того, существовало много условий для косвенного влияния этой последней через приток получивших уже монгольскую кровь славян разоренного юга, часть которых переселилась оттуда на север, в земли Владимиро-Суздальского края.

Исторические факты дают указания на то, из каких элементов мог сложиться физический тип современного великорусса. Следует, однако, помнить, что при изучении физического типа историческими данными можно пользоваться только до известного предела и с известными ограничениями. Нельзя упускать из виду, что ни единство языка, ни единство племени, как этнографического, а тем более политического целого, не гарантируют единства физического типа. Говорящий на финском языке, усвоивший себе все обряды и обычаи финна, для антрополога не всегда еще является настоящим финном. Языком, обрядами, обычаями, а тем более политическим строем могут объединяться племена, весьма различные по своему физическому строению, и наоборот — тождественные в физическом смысле группы могут стать, в силу исторических условий, чуждыми друг другу по языку и по духу. Отсюда ясно, в какие большие ошибки можем мы впасть, придавая при изучении физического типа слишком большое значение лингвистическим, этнографическим и политическим признакам.

Другим, более надежным, пособником при изучении элементов, составляющих физический тип данного племени, являются остатки прежних поколений в виде скелетов и, главным образом, черепов, находимых в могилах древнейших времен. К сожалению, научно поставленные раскопки древних могильников стали производиться не

только у нас, но и в Западной Европе в сравнительно недавнее время, так что накопившийся до сего времени материал слишком еще скуден и мало разработан; сверх того, и хронологические даты находок не всегда установлены достаточно точно; не всегда, наконец, с большею или меньшею степенью вероятности можно определить, к какому из исторически известных племен должны быть отнесены сделанные находки.

Первый насельник северной и центральной России — упомянутый уже выше человек конца ледникового периода — не оставил по себе прочных следов, позволяющих сказать что-либо определенное относительно физического его типа и принадлежности его к той или другой расе. Затем следует громадный по времени перерыв полной неизвестности, и только в последнее время удалось констатировать в полосе средней и северной России следы древнейшей культуры каменного и начала бронзового века, культуры, принадлежащей, по мнению археологов, скорее всего угорским (финским) племенам. Затем открывается все большее и большее число могильников (но не курганов), относящихся, наверное, к дославянской эпохе (приблизительно к VI–VIII векам) и принадлежащих, по-видимому, также каким-то финским племенам. Наконец, появляются курганы (могильные насыпи). Некоторые курганы IX–XI–XIII веков в пределах средней и северной России могли принадлежать уже, судя по найденным в них вещам, наверное, славянам. Никоим образом нельзя, однако, сказать, что все курганы принадлежат славянским племенам (или, по крайней мере, носят следы славянской или, точнее, — славяно-варяжской культуры); в Нижегородской, например, губернии найдены курганы, принадлежавшие, несомненно, мордовским князьям. От более поздней эпохи, начиная с XII–XIII стол. и позже, мы имеем теперь целый ряд раскопанных старых русских кладбищ христианского периода. Для более ранних эпох вплоть до курганной мы имеем остатки костяков и черепов в количестве слишком еще незначительном для того, чтобы составить себе сколько-нибудь определенное представление о физическом типе населения того времени. Гораздо большее число остатков мы имеем от эпохи курганов. Хронологически время курганной эпохи определяется приблизительно IX–XIII в. Точно ли, что в этих курганах хоронились представители славянских племен (не в смысле языка и культуры, но в смысле антропологическом), — вопрос, далеко еще не решенный в окончательной форме.

Изучение остеологических и, главным образом, краниологических

остатков курганного населения позволило установить пока следующие важнейшие факты: на всем протяжении от западной части Московской губ. и включительно до Новгородской и Олонецкой на севере, до Черниговской, Могилевской губ., теперешней Галиции и Германии на западе и до Полтавской и Киевской губ. на юге — жило одно, по-видимому, племя (Богданов), главнейшими отличительными признаками которого являются длинноголовость, длинное лицо (лептопрозопия) и, вероятно, высокорослость. Местами это курганное племя являлось чисто долихоцефальным или лишь с незначительною примесью коротких черепов (суджинские, например, черепа, частью подольские, минские, ярославские, рязанские и т. д.), причем короткие черепа принадлежали, по-видимому, преимущественно женщинам; местами же встречаются более значительные примеси брахицефалии, но длинноголовые во всяком случае везде преобладают, составляя 65–70 % всех черепов и выше. На основании исследований, произведенных, главным образом, в Новгородской, Московской, Киевской и Полтавской губерниях, профессор Богданов отмечает, что в наиболее древних курганах встречаются исключительно или почти исключительно долихоцефальные черепа; но чем позже происхождение курганов, тем заметнее становится примесь брахицефальных черепов. На черепах, найденных на старых кладбищах (христианских) XII–XIII и позднейших веков, примесь брахицефалии уже значительна, и в ближайшие к нам века брахицефалия является преобладающим типом находимых при раскопках черепов. Для Московской губернии, например, имеются следующие данные:

…	долихоцефалов	мезоцефалов	брахицефалов
50 муж. кург. черепов VIII–X вв.	8%	2%	10%
100 чер. из боярск. кладб. XVI в.	44%	16%	40%
202 чер. из кладбищ XV–XVII вв.	19%	27%	53%
219 соврем, черепов (по проф. Анучину иссл. на живых	24,1%	35,4%	40,4%

— в редукции на
череп)

До сих пор мы не имеем фактов, резко противоречащих выводам профессора Богданова, и описанные им отношения существуют, по-видимому, по всему тому району, где в древнейших курганах были находимы долихоцефальные черепа.

На востоке же, близь Уральского хребта и далее за ним — на протяжении Сибири, жили племена, дающие уже в самых древних курганах преобладание брахицефального типа (тюркские, а, может быть, и финские племена?); равным образом и на севере, в теперешней Петербургской, в части Новгородской губернии, курганные племена также носили несколько иной характер, давая большую примесь брахицефального типа. На западе область долихоцефального курганного племени простирается далеко за пределы современных русских владений, и длинноголовые древние насельники Германии, Австрии, Дании, Швеции едва ли отличались по своему типу сколько-нибудь резко от длинноголового племени центральных русских курганов.

На основании этих данных, профессор Богданов заключает, что в свое время не существовало ни праславянина, ни прагерманца, ни прадатчанина и т. д., но на всем районе от западной половины Московской губернии и далеко в глубь Европы жило одно и то же длинноголовое курганное племя, давшее различные в антропологическом смысле современные расы путем примесей народностей другого типа и путем видоизменения первичного типа под влиянием различных условий жизни (главным образом культуры). Большинство германских ученых держится того взгляда, что современное германское население получило примесь брахицефального типа, главным образом, от древних славян, которые, по их мнению, были типичными брахицефалами. Взгляд на славян, как на брахицефалов, сближает славян с представителями высокорослой брахицефальной расы древней Европы (кельто-славянская ветвь арийской расы — Брока, Леббок, Тэйлор и др.).

Совершенно иначе смотрит на дело много поработавший над изучением ископаемых русских черепов профессор Богданов. По его мнению, встречающиеся в позднейших курганах, а потом и в могилах XII–XV веков брахицефальные черепа не носят на себе черт, напоминающих монгольский тип (широколицость, выдающиеся скуловые дуги, широкое носовое отверстие и т. д.); следовательно, в появлении короткоголовости примесь монгольской крови не могла

играть видной роли. С другой стороны, нельзя признать и влияния короткоголовых доисторических рас Европы по одному уж тому, что первые насельники средней части Западной Европы — долихоцефалы делались короткоголовыми постепенно в разных местах и в одно приблизительно время с аналогичной переменою и на русской территории; нет, далее, никаких доказательств в пользу массового распространения брахицефалии на русской территории в направлении с юго-запада на север, северо-восток и восток, т. е. в направлении предполагаемого движения пришлых славянских племен. На основании этого профессор Богданов полагает, что брахицефалия появилась в данном районе не под влиянием пришлых короткоголовых племен, но развилась самостоятельно в силу медленно совершавшегося видоизменения длинных черепов курганного племени в короткие. Главным фактором, модифицировавшим таким образом черепа, была культура. Переход от примитивной жизни, когда человек не ушел еще очень далеко в своем образе жизни от животных, к условиям жизни более культурным должен был выразиться, прежде всего, в ослаблении чрезвычайного развития мускулатуры; ослабление последней должно было коснуться, между прочим, и затылочных мышц, отчего развитие затылочной части черепа, как области прикрепления этих мышц, стало менее энергичным, чем прежде. Череп вследствие этого должен был несколько укоротиться в переднезаднем направлении. Вместе с тем обусловленное потребностями культурной жизни развитие лобных долей мозга, а с ними и черепа, повлияло на увеличение поперечных размеров головы и на компенсаторное ослабление развития лицевых костей, что, опять-таки, давало укорочение переднезаднего диаметра (более прямой, менее убегающий назад лоб и менее выдающееся вперед положение надбровных дуг, надпереносицы). Таким образом долихоцефальные черепа могли, по мнению профессора Богданова, а также профессора Р. Вирхова и др. авторов, превращаться под влиянием культуры в брахицефальные. Относительно славянских племен аналогичные с мнение Богданова взгляды были высказаны Пешем, а в последнее время близко к такому же взгляду подошел и пражский ученый профессор Л. Нидерле, который рисует первичного славянина (общего родоначальника славянских племен) светловолосым, светлоглазым, высокорослым долихоцефалом, утратившим свою долихоцефалию под влиянием условий жизни и, главным образом, культуры и изменившим в значительной мере и другие свои характерные черты под влиянием

смешения с другими расами.

Представление о предках славян, как о долихоцефалах, далеко еще не может считаться вполне твердо установленным, и противоположный взгляд, по которому славяне признаются широкоголовыми, имеет также не мало сторонников. Эти последние не допускают прежде всего возможности перехода долихоцефалии в брахицефалию под влиянием культуры. Если такой переход и мыслим, то в данном случае он должен совершиться на коротком сравнительно протяжении времени, всего в каких-нибудь 3–4 столетия; между тем, вся сумма наших знаний об эволюции органических форм заставляет думать, что подобного рода процессы совершаются чрезвычайно медленно, в очень большие промежутки времени. К тому же длинная и короткая формы человеческих черепов считаются очень постоянными и характерными признаками; они могут быть прослежены даже у антропоидных обезьян и являются, следовательно, не второстепенными, сравнительно легко изменяющимися, но наиболее устойчивыми признаками первой важности и значения. Затем — существование и в настоящее время долихоцефальных племен, достигших издавна высокой культуры (англичане, шведы), говорит не менее сильно против если не возможности, то во всяком случае против обязательности культурных изменений долихоцефального типа.

Появление и возрастание в числе короткоголовых в пределах современной центральной России замечается приблизительно в могильниках IX–XV веков, что соответствует эпохе расселения по этой области славянских племен; здесь, следовательно, факты благоприятствуют гипотезе о короткоголовости древнейших славян. Но, допуская эту гипотезу, необходимо допустить и другую, именно, что длинные черепа курганного племени в России должны принадлежать, по всему вероятию, финским племенам (проф. Таренецкий). Обращаясь же к современным финским племенам, особенно к тем, которые являются наиболее вероятными потомками, оттесненных с прежних мест жительства финских племен курганной эпохи, как-то к мордве, черемисам, зырянам, мещерякам, лопарям и т. д., мы найдем, что подавляющее большинство их короткоголовы. Трудно, следовательно, думать, что их именно предкам принадлежат длинные черепа курганной эпохи. Иначе пришлось бы и для них допустить переход из долихо- к брахицефалии, т. е. то, что противники взгляда на праславян, как на долихоцефалов, усиленно отрицают по отношению к славянским племенам. Есть, впрочем, и

между современными финскими племенами длинноголовые, как, например, вотяки и вогулы. На этих последних было обращено особое внимание исследователей. Вогулы считаются прямыми потомками древней угры или югры, которая, по мнению Европеуса (основанному, главным образом, на изучении географических названий различных урочищ), населяла некогда всю северную и среднюю Россию. Им, следовательно, могли принадлежать и длинные черепа курганов. Но, с одной стороны, доказательства Европеуса в пользу столь широкого распространения угры не отличаются достаточною убедительностью, а с другой, нельзя ни совсем столкнуть с насиженных мест мерю, мещеру, мурому, давших широкоголовое потомство, ни отождествить их, в смысле физического типа, с угорскими предполагаемыми долихоцефальными племенами (хотя Европеус не останавливается и перед этим). Можно, конечно, предполагать, что в районе современной центральной России жили в курганную эпоху (и раньше) и долихо- и брахицефальные финские племена, но что среди последних были распространены способы погребения, не давшие возможности сохранения останков в сколько-нибудь значительном количестве (сжигание, поверхностное зарывание трупов или оставление их на поверхности земли и т. д.); но здесь мы войдем уже в область ни на чем не основанных предположений и гипотез, не имеющих никакой научной ценности. Более положительные данные для решения вопроса заключаются в фактическом материале, получаемом при изучении физического типа как самих великоруссов, так и тех народностей, ближайшие предки которых участвовали или могли участвовать в созидании современного великорусского племени, главным образом, следовательно, финских и тюрко-монгольских племен. Если для изучения последних кое-что и сделано исследователями (преимущественно русскими), то совсем иначе стоит дело по отношению к великоруссам, с изучения которых, казалось, и должны были бы начинаться первые шаги русских исследователей. Надо, правда, сказать, что исследование инородческих племен проще в том отношении, что большинство их занимает ограниченный район обитания, вследствие чего общий тип населения, равно как и вся сумма составляющих его разновидностей, легче может быть охвачена и объединена трудами одного исследователя. Состав же современного великорусского населения, как показывают исследования, не является однородной компактной массой, но представляет известные и иногда довольно значительные видоизменения и отличия по различным областям и губерниям. Но области или губернии, к которым

приурочиваются обыкновенно исследования, составляют только административные единицы, ничего общего, вероятно, не имеющие с теми условиями, которые создали областные отличия в типах современных великоруссов. Задача исследования осложняется, следовательно, еще и тем, что определения областных отличий не достаточно, необходимо определить еще и районы распространения этих областных типов. Наряду с этим выдвигается вопрос о причинах происхождения областных отличий, о выделении из них общего типа и т. д. Но сделанное до сих пор в этом направлении русскими антропологами далеко не соответствует сложности задачи. Единственным объединяющим и захватывающим все области современной России является капитальный труд Д. Н. Анучина: «О географическом распределении роста мужского населения России» (по данным о всеобщей воинской повинности в империи за 1874–1883 гг.). Дополнением к этой работе могут служить исследования взрослого фабричного населения, работающего на московских и подмосковных фабриках, произведенные по почину московского губернского земства и объединенные в трудах профессора Эрисмана, докторов Дементьева, Погожева и других, затем работа доктора Снегирева и некоторые другие аналогичные работы. Существует, затем, сравнительно много работ, касающихся роста, объема груди, некоторых других измерений и веса детей городских и сельских школ различных местностей. В работах профессоров Ландцерта, Малиева, Таренецкого, докторов Икова, Эмме, Рождественского мы имеем полученные при исследованиях на живых и на черепах данные относительно некоторых измерений и формы головы и лица населения отдельных местностей; статья профессора Анучина знакомит нас с цветом волос и глаз, а также и с формою головы (и головным указателем) населения Московской губернии. Рассматривающими большее число признаков в их взаимной связи являются работы профессора Зографа (для Ярославской, Владимирской и Костромской губерний), пишущего эти строки (для Рязанской губернии) и самая позднейшая работа г. Талько-Грынцевича, изучившего «семейских», т. е. старообрядцев, живущих своим тесным кругом со времен патриарха Никона и выселенных в 1733–1767 гг. в Сибирь (Забайкалье). Но трудом А. А. Ивановского и А. Г. Рождественского было показано, как мало можно доверять цифровым данным, а следовательно, и выводам профессора Зографа; моя работа рассматривает только рост, главнейшие размеры головы и лица, затем цвет волос и глаз, оставляя без рассмотрения некоторые

другие важные для определения типа признаки; наиболее полной является работа Талько-Грынцевича, изучившего к тому же население, жившее замкнутою жизнью с половины XVII века, а потому с этого, по крайней мере, времени обеспеченного от примесей посторонней крови. Вот весь, приблизительно, материал, которым мы можем в настоящее время оперировать.

Начнем с роста, как признака и наиболее изученного, и имеющего вместе с тем большое значение для характеристики расы. Обработанные профессором Анучиным данные о росте основаны на измерениях конскриптов, причем рост лиц, не принятых за малым ростом, физической слабостью, болезнями, недостаточной возмужалостью и т. д., в эти данные не вошел. Установлено, вместе с тем, что рост заканчивается гораздо позже, чем в 21 год, что вместе с только что упомянутыми исключениями делает средние цифры роста конскриптов несколько более низкими, чем рост взрослого и вполне возмужалого населения. При сравнении цифр профессора Анучина с цифрами профессора Эрисмана оказывается, что для центральных русских губерний разница в росте конскриптов и вполне возмужалого населения колеблется в пределах от 8 до 16 мм; та же разница (15 мм) получается и при сравнении с моей цифрой для Рязанской губернии. В общем, следовательно, надо принять разницу, по крайней мере, в 12 мм, и для возмужалого населения цифры профессора Анучина должны быть повышены на эту величину.

Колебания в средней величине роста по различным уездам в губерниях, населенных преимущественно великоруссами, лежат в пределах от 1617–1618 мм (некоторые уезды Казанской, Костромской губ.) и до 1650–1655 (для отдельных уездов Московской, Новгородской, Псковской, Петербургской губ.) и даже до 1657 мм (Кашинский у., Тверской губ.), а принимая во внимание и Сибирь — до 1670 мм (Акшинский окр., Забайкальский обл.). Разница достигает таким образом солидной цифры в 40 мм, а считая и Сибирь — даже в 53 мм. Выводя средний рост для целых губерний, профессор Анучин получил следующие данные: [31] наибольшей высокорослостью (в среднем около 1650 мм) отличаются губернии: (Астраханская), Томская, Енисейская, Тобольская, Псковская и Воронежская. Рост около 1640 мм дают губернии: Петербургская, Московская, Пермская, Курская, Саратовская, Тверская, Самарская, Нижегородская, Архангельская, Орловская, Владимирская, Новгородская, Симбирская, (Калужская), Рязанская, Пензенская, Тамбовская. Сравнительно низкий рост (около 1630 мм) дают: Тульская,

Ярославская, (Смоленская), Вологодская, Олонецкая, Костромская, Вятская, (Уфимская), (Казанская). Наибольшее число губерний дает, следовательно, средний рост около 1640 мм или, принимая поправку для вполне возмужалого населения, — около 1652 мм, каковую величину и можно принять за среднюю, характеризующую великорусское население в массе.

Давая карту распределения роста по уездам, профессор Анучин замечает, что, несмотря на большую пестроту цифр, в них видна известная правильность, которая выражается, прежде всего, в том, что уезды, дающие наиболее низкий рост, окружаются обыкновенно уездами с более высокорослым населением, за ними следуют уезды с еще более высокорослым населением; пятна, указывающие на карте наиболее высокорослое население, также опоясываются округами меньшей высокорослости. Существуют, словом, известные очаги как высокорослости, так и малорослости. Если же взять за масштаб более крупные различия в росте и игнорировать некоторые мелкие отступления, то оказывается, что по всей России могут быть отличены очаги и полосы большего и меньшего роста, охватывающие большие районы. Оставаясь в пределах губерний и областей, заселенных преимущественно великорусским населением, можно отметить следующие явления: очагом наиболее высокого роста являются большая часть Псковской губернии, юго-западные уезды Новгородской и примыкающие сюда два южные уезда Петербургской губернии (Лугский и Гдовский). Через весь север и северо-восток России, за исключением Пермской губернии, тянется обширная полоса сравнительной низкорослости, испещренная на карте кое-где пятнами большей высокорослости. Южнее этой области, от границы Псковской и юго-западных уездов Новгородской губернии (от границ области высокорослости) тянется на восток через Тверскую, Московскую, Владимирскую, Нижегородскую губернии полоса сравнительно высокого (меньшего, однако, чем для Псковско-Новгородской области) среднего роста. Еще южнее этой полосы тянется новая поперечная полоса низкорослости, идущая от восточной границы области, занятой белорусами, полещуками (Витебская, Минская, Могилевская, части Смоленской и Калужской губерний), через Орловскую, Калужскую, Смоленскую, западную часть Московской, Рязанскую, Тульскую, часть Тамбовской, особенно Пензенскую, Симбирскую и Казанскую губернии. Особое, наконец, место занимает Пермская губерния, дающая сравнительно высокий рост и окруженная губерниями с низкорослым населением. Входя в

объяснение причин замечаемых различий в росте, профессор Анучин, не придавая большого значения географическим условиям, признает возможность влияния степени достатка населения, профессиональных его особенностей (на влиянии которых из русских авторов особенно настаивают профессор Эрисман, доктор Дементьев и некоторые другие), времени достижения возмужалости, времени вступления в брак и т. д. Но главное и доминирующее над другими значение профессор Анучин придает этническим условиям — расовому составу населения.

Широко пользуясь данными истории, лингвистики, этнографии, профессор Анучин представляет себе дело таким образом: приписываемая греческими историками (Прокопием, Феофилактом, Феофаном и др.) южнорусским славянским племенам высокорослость составляла, по-видимому, отличительный признак и некоторых славянских племен, подавшихся более к северу, а в особенности новгородских (ильменских) и ближайших их родичей — кривичей. Часть кривичей вместе с более низкорослыми, близкородственными, по словам начальной летописи, с ляхами (т. е. с предками поляков — наиболее низкорослых из всех славянских племен), дреговичами, родимичами, северянами, частью вятичами — образовали сравнительно низкорослое современное белорусское население. Высокорослость кривичей была, вероятно, ослаблена здесь более низким ростом других вошедших в состав славянских групп, а, может быть, также и смешением с низкорослыми финскими племенами и, наконец, неблагоприятными условиями жизни в бедной болотисто-лесистой местности. Другая же часть кривичей и новгородские славяне встретились около Ильменского озера и между ним и Чудским озером — с высокорослыми финскими племенами (чудью, предками теперешних высокорослых эстов, той самой чудью, относительно которой сохранились как у русских, так и у зырян и самоедов предания, как о гигантах и великанах). Благодаря таким условиям, высокорослость славянских племен сохранилась здесь и до нашего времени и дала вышеупомянутый очаг наиболее высокого для всей России среднего роста. Распространяя свою колонизаторскую деятельность на восток, через Тверскую, Московскую, Владимирскую и Нижегородскую губернии, новгородские славяне и кривичи встретили здесь финские племена — чуди, веси, муромы, позднее югры, — племена, частью по крайней мере, высокорослые. Насколько можно судить по курганным остаткам, здесь жило издревле высокорослое население. Но часть не славянского населения этой

области могла быть, по-видимому, и не высокорослой, — есть некоторые данные считать за таковую югру. Современные мещеряки, доходившие, по-видимому, и до рассматриваемого сейчас района, — невысоки ростом, невысоки и современные черемисы — предполагаемые потомки мери. Повлияло ли оттеснение более слабых низкорослых племен и ассимиляции с более высокими, большая ли устойчивость славянского типа, или, наконец, преобладание среди финских племен высокорослых над низкорослыми, — трудно сказать, но во всяком случае высокорослость новгородцев и кривичей сохранилась и в этом районе, несколько, однако, в меньшей степени, чем в Новгородско-Псковском районе. Колонизируясь далее на севере и северо-востоке России, новгородские выходцы встречались там частью с высокорослой чудью, частью же с более низкорослыми племенами — югры, лопи, позднее зырян и самоедов, дав полосу современной низкорослости. Причины развития ее кроются, вероятно, как в преобладании низкорослых финских племен над высокорослыми, так и в том, что позднее — в XVI–XVII веках — колонизаторы-славяне стянулись отсюда в значительном количестве в Пермскую губернию (к Строгановым), а потом — и в Сибирь, оставив на месте не столько славянские, сколько ославянившиеся финские племена. Расселяясь преимущественно по большим рекам, дойдя, наконец, до побережья Белого моря и собравшись там (ради богатства рыбного лова) в более значительном числе, новгородские выходцы оставили свой след, сказывающийся и поныне в заметных на карте поуездного распределения роста отдельных пятнах большой высокорослости в соответствующих местах (высокорослые поморы, сохранившие не только рост, а вероятно, и другие характерные черты славянского населения, но являющиеся вместе с тем и поныне главнейшими хранителями старорусских былин, песен, обрядов и обычаев). Сравнительно высокий рост современных пермяков объясняется, вероятно, главным образом упомянутым уже стягиванием сюда в XVI–XVII веках новгородских колонистов, наиболее подвижных, энергичных и сильных, а потому и наиболее, вероятно, способных к стойкому сохранению своего физического типа. Такими же, вероятно, условиями, вместе с примесью значительной части казацкого высокорослого элемента, объясняется и высокорослость многих областей Сибири. Наконец, южная поперечная полоса низкорослости современного великорусского населения сложилась при следующих условиях: на финские племена, скорее низкорослые, осели славянские племена — частью кривичи,

частью родимичи и вятичи, — по всей вероятности, сравнительно также низкорослые, давшие в результате современное население Калужской и Орловской губерний, родственное в антропологическом смысле с современными белорусами.

Таким образом уже по одному изучению роста можно наметить зависимость изменений физического типа от тех разнообразных элементов, которые вошли в число производителей населения того или другого района. Анализ других физических признаков мог бы дать возможность точнее определить, из каких ингредиентов и под какими влияниями создались областные типы, мог бы указать много деталей, ускользавших до сих пор от внимания историка, этнографа, антрополога, но, к сожалению, за исключением сведений о росте, мы очень мало знаем о колебаниях физических признаков по областям.

Одним из важнейших, наиболее постоянных и характерных расовых признаков является форма головы, определяемая через высчитывание отношения наибольшей ширины головы к наибольшему ее длинному диаметру (головной указатель). По головному указателю великоруссы являются, как и все славянские племена, короткоголовыми (собственно подкороткоголовыми), но короткоголовость у них выражена весьма умеренно (головной указатель на живых колеблется в среднем от 81 и 83). Если же мы примем во внимание не средние цифры, но число представителей в исследованных группах длинно-, средне- и короткоголовых, то сейчас же увидим, что длинноголовые элементы далеко не исчезли среди современного великорусского населения. Мы имеем слишком мало данных для того, чтобы проследить изменения в форме головы по областям: к тому же и тот материал, какой существует, не вполне однороден, так как содержит указания то на форму головы с мягкими покровами (исследования на живых людях), то на форму оголенного черепа. Но одна и та же голова дает одни величины головного указателя при измерениях с мягкими покровами и другие без них. В последнем случае величина указателя обыкновенно меньше на 1–2 и более. Авторы определяют среднюю величину этого уменьшения несколько различно. Наиболее обстоятельно исследовавший вопрос Брока дает величину уменьшения в две единицы. В целях большего однообразия имеющихся налицо данных я редуцировал, где это было возможно, величины указателей, полученные на живых, приняв цифру Брока и передвинув соответственным образом границы долихо-, мезо- и брахицефалии у живых. Полученные цифры заключают в себе через это некоторые погрешности, не столь, однако, большие, чтобы делать

цифры не пригодными для сравнения. Все приводимые ниже цифры будут соответствовать таким образом (с некоторым приближением) формам головы, получаемым при изучении освобожденного от мягких покровов черепа. Во всех исследованных до сих пор местностях современное великорусское население дает решительное преобладание брахицефальных форм, составляющих от 1/2 до 3/4 всех случаев. Брахицефалия, следовательно, является характерным признаком современного великорусса. Примесь длинноголовости, однако, постоянна и далеко не так мала, чтобы ее можно было игнорировать; в отдельных районах она доходит до 30 % всех случаев. Существование отмеченных профессором Анучиным полос различных категорий роста определяется, главным образом, по-видимому, различием этнологических элементов, из которых сложилось население тех или других районов. Интересной, поэтому, является попытка проследить, не существует ли по тем же полосам каких-либо различий и в строении черепа. К сожалению, на основании существующих данных, можно скорее наметить только постановку вопроса, чем прийти к тем или другим выводам.

1. Для области высокорослости мы располагаем следующими данными:

…	Долихоцефалы	Мезоцефалы	Брахицефалы
Псковская губ. (13 наблюд. проф. Таренецкого)	0	23%	77%
Новгородская (17 наблюд. его же)	12,6%	12,6%	64,7%
Петербургская (гл. обр. Лугский уезд) (14 наблюд. его же)	14,3%	14,3%	71,4%

Но так как отдельные выводы для губерний основаны на слишком небольшом числе наблюдений, соединим их вместе; тогда для всей области высокорослости (44 набл.) получаются следующие цифры: долихоцефалов — 11,4 %, мезоцефалов — 18,2 % и брахицефалов — 70,4 %.

2. Для области сравнительной высокорослости:

…	Долихоцефалы	Мезоцефалы	Брахицефалы
Московская г. (проф. Анучина)	24,1%	35,5%	40,4%

(д-ра Икова)	19,06%	17,46%	63,48%
Владимирская (проф. Зографа)	23,5 %?	24,7 %?	51,8 %?
Тверская (проф. Таренецкого)	0	22,5%	77,5%

Тверская губ. составляет резкое исключение по полному отсутствию долихоцефалов; вместе с тем она представлена небольшим числом наблюдений (22), когда случайность может играть слишком широкую роль. Выводя среднее для всего района сравнительной высокорослости, мы получаем: долихоцефалов — 17,7 %, мезоцефалов — 25 % и брахицефалов — 58,2 %. Процент долихоцефалов значительно увеличится, если исключить данные для Тверской губ.; в последнем случае, долихоцефалы составляют — 22,2 %, мезоцефалы — 25,9 % и брахицефалы — 51,9 %.

3. Для области северной низкорослости:

…	Долихоцефалы	Мезоцефалы	Брахицефалы
Архангельская губ. (18 набл. проф. Таренецкого)	38,8%	11,2%	50%
Олонецкая (15 набл. его же)	26,6%	20%	53,2%
Вологодская (17 набл. его же)	5,9 %?	35,3%	58,8%
Костромская (22 набл. его же)	22,7%	18,2%	59,1%
Ярославская (22 набл. его же)	22,7%	19,7%	36,4%
Для всей области (84 набл.)	26,2%	28%	45,3%

Цифры проф. Зографа для двух губерний той же области дают в среднем те же результаты, но по отдельным губерниям у него резкие колебания, иллюстрирующие его мысль о влиянии монголоидных элементов на жителей Костромской губ.(?):

	Долихоцефалы	Мезоцефалы	Брахицефалы
Костромская губ.	10,2 %?	16,3 %?	73,5 %?
Ярославская	31,1%	19,7%	45,3%

В цифрах проф. Таренецкого обращает на себя внимание малый процент долихоцефалов для Вологодской губ., что легко, впрочем, объяснимо, если мы примем во внимание незначительное число

наблюдений, среди которых легко могло сказаться в резкой степени влияние обитающих там финских, по преимуществу брахицефальных, племен.

4. Для полосы южной низкорослости:

	Долихоцефалы	Мезоцефалы	Брахицефалы
Волжско-Камский край (проф. Малиева)	22,99%	24,71%	52,31%
Рязанская губ. (В. В. Воробьева)	29,8%	28%	42,2%
В среднем долихоцефалов	26,3%		

Цифры в общем довольно пестрые; обращая, однако, внимание на процент долихоцефалии по областям роста, мы видим, что:

1. Область высокорослости дает в среднем 11,4 % долихоц.;

2. Примыкающая к ней полоса сравнительно большого роста 22,2 % (16,7 %);

3. Область северной низкорослости 26,2 %;

4. Полоса южной низкорослости 26,3 %;

т. е. там, где распространена наибольшая высокорослость, процент долихоцефалов значительно меньше, причем более высокорослое население дает меньший процент датахоцефалии, чем полоса относительной высокорослости; полосы же северной и южной низкорослости дают наибольшее число долихоцефалов. Интересно то обстоятельство, что «семейские» Талько-Грынцевича, будучи высокорослы, дают также небольшой сравнительно процент длинноголовых (14 %), не далеко ушедший от процента длинноголовых на черепах из московских кладбищ XV–XVII в. (19 %), т. е. той эпохи, когда «семейские» удалились из России в Сибирь. По сравнению с большинством других славянских племен у великоруссов распространение брахицефального типа выражено слабее. Исключение составляют поляки, обладающие большей, чем великоруссы, наклонностью в долихоцефалии и вместе с тем меньшим, по сравнению с великоруссами, ростом. Белорусы, по средней величине головного указателя, стоят очень близко к великоруссам; малороссы дают большую величину головного указателя и выше великоруссов по росту; еще большим указателем и вместе с тем и большим ростом отличаются сербо-хорваты Адриатического побережья, чехи, словаки, северогерманские славяне и т. д. Отмечается, следовательно, известный параллелизм между

ростом и величиною головного указателя: те из славянских племен, рост которых выше других, являются в то же время и большими брахицефалами. Мои исследования населения Рязанской губернии показали, что и в пределах одной и той же расовой группы существуют аналогичные отношения между ростом и головным указателем для высокорослых рязанцев оказывается несколько большим, чем для низкорослых.

Форма лица, подробное изучение которой может дать много интересных фактов, изучена, однако, настолько мало, что об областных ее колебаниях не приходится и говорить. Не останавливаясь, поэтому, долго на отдельных цифрах, мы ограничимся общими, наиболее существенными, замечаниями. Отметим, прежде всего, что абсолютные размеры лица (как и головы) у великоруссов велики, но такие размеры составляют, по-видимому, одну из отличительных черт не одних только великоруссов, но и большинства других, наиболее по крайней мере родственных им, славянских групп (белорусов, малороссов, поляков, латышей и др.). Этот признак отличает славянские группы от большинства других арийцев, но не составляет исключительного их достояния, так как и у большинства урало-алтайских и у некоторых монгольских племен он выражен в еще более резкой мере. Особого внимания заслуживает ширина лица (наибольшая, между скуловыми отростками). Абсолютные ее размеры велики. Талько-Грынцевич дает, правда, для «семейских» малую величину (120,5 мм (?) на живых), но его цифра стоит одиноко. Рязанцы, например, дали среднюю величину ширины лица в 140,5 мм, и эта цифра очень близка к цифрам, данным для некоторых групп: малороссов, белорусов, поляков, для кубанских казаков и т. д. Большая ширина лица могла дать (да и давала) повод к выражению мнения о некоторой монголоидности славянского типа (его восточных ветвей). Но такое мнение основано на недоразумении. Дело в том, что ширина лица у монгольских племен все-таки больше, чем у славянских, в особенности при подсчете не в абсолютных, а в относительных к росту величинах (большинство монголов — низкорослы). Но главное различие между монгольскими и славянскими племенами лежит в том, что при большой ширине лицо славянских племен длинно (высоко), и отношение длины лица к его ширине (лицевой указатель) показывает, что славянские племена, а в числе их и великоруссы обладают продолговатым, удлиненным, а не круглым (низким) лицом, или, выражаясь принятыми в антропологии терминами, великоруссы принадлежат, подобно большинству

арийцев, скорее к лептопрозопам, тогда как среди большинства урало-алтайских и монгольских племен распространена хамэпрозопия. Сопоставляя данные относительно формы головы с данными относительно формы лица, можно, следовательно, охарактеризовать великоруссов, как брахицефалов с наклонностью к лептопрозопии. Профессор Кольман по формам головы и лица устанавливает 4 главных типа (а принимая во внимание цвет волос и глаз — 8), а именно: 1) долихоцефалы-хамэпрозопы, 2) долихоцефалы-лептопрозопы, 3) брахицефалы-хамэпрозопы и 4) брахицефалы-лептопрозопы. Для Германии, по мнению Кольмана, главным производящим типом является первый, т. е. долихоцефал-хамэпрозоп. Все типы Кольмана встречаются, конечно, и среди великоруссов; у «семейских» самым частым типом является короткоголовый, узколицый. Как сочетаются эти типы в других местностях, не изучено. При изучении рязанцев мне удалось установить, что среди брахицефалов чаще встречаются короткие (широкие) лица, среди долихоцефалов, обратно, — узкие; существует, следовательно, некоторая наклонность к сочетанию групп брахицефало-хамэпрозопической и долихоцефало-лептопрозопической. Но значительное сравнительно число брахицефалов-лептопрозопов и немалый процент долихоцефалов среди рязанцев делают то, что в средней характеристике они являются брахицефалами с наклонностью к лептопрозопии, а не хамэпрозопии.

Откуда получили великоруссы большую ширину лица, составляет ли она коренную черту славянского населения, усиленную и подчеркнутую другими примесями, или же обратно — главным образом обязана своим существованием не славянским элементам, сказать трудно. Напомним, однако, что вотяки, вогулы (о возможной роли которых в создании великорусского типа говорилось выше) отличаются большой шириной лица. У вотяков, например, по измерениям профессора Малиева на черепах, ширина лица равна 138,8 мм, или у живых (с поправкою по Kollmann'у) — 149,4 мм. Но длина лица у них сравнительно невелика, и великоруссы значительно превосходят их в этом отношении.

Из других размеров головы следует обратить некоторое внимание на величину вертикальной проекции головы, т. е. расстояние между точками верхушки головы и нижнего края подбородка, проецированными на вертикальную плоскость при положении головы в плоскости французской горизонтали. Этот размер изучен А. Г. Рождественским на обширном материале (свыше 1600 собств.

наблюдений и масса литературных данных). Автор нашел, что как абсолютный (199,7 мм), так и относительный к росту (12,71 %) размер вертикальной проекции головы у великоруссов сравнительно невелик; многие народности, в особенности монголы, равно и некоторые из финских племен, превосходят их в этом отношении значительно. Но, с другой стороны, исследование г. Рождественского показало, что величина головы в вертикальной проекции не может служить расовым признаком.

Колебания этого размера находятся в прямой зависимости от роста, и здесь автор формулирует следующий закон: абсолютная величина вертикальной проекции головы увеличивается с ростом, но ее увеличение идет более медленным темпом, чем рост, так что, будучи выраженной в процентах роста, с увеличением последнего эта величина не возрастает, а обратно — падает. В то время, как у низкорослых субъектов она составляет 13,04 процента роста, у высокорослых она падает до 12,43 %. Впоследствии мне удалось подтвердить выводы г. Рождественского на моих рязанцах; вместе с тем мои данные свидетельствуют о более широком распространении этого закона, так как ему подчиняются, по-видимому, и все исследованные мною измерения головы и лица, т. е. длина, ширина головы и лица, горизонтальная окружность головы и т. д.

Мы пройдем молчанием некоторые другие измерения головы и лица, измерения конечностей, туловища, объема груди и т. д., так как несмотря на большое значение некоторых из них для характеристики типа, имеющиеся налицо данные беспорядочны, отрывочны и не позволяют прийти на основании их к каким-нибудь определенным выводам. В основу же нашей характеристики физического типа современных великоруссов мы положим только рассмотренные уже нами величины роста, форму головы и лица, присоединив еще цвет волос и глаз, к рассмотрению которых сейчас и перейдем.

Изучение цвета волос и глаз имеет очень большое значение для определения расовых типов вообще; при изучении же современных великоруссов оно имеет особое значение в виду того, что до сих пор в точности не установлено еще, каков тип первоначальных славянских племен — брюнетический или же приближающийся к типу блондинов.

По свидетельству историков, древние славяне были светловолосы. Ниже мы будем еще иметь случай говорить о том, насколько достоверны их показания, и как следует понимать эти исторические свидетельства. Теперь же отметим только, что изучение большинства

современных славянских племен, а в том числе и великоруссов, показывает, что светлый цвет волос и глаз далеко не является у них преобладающим. Мы не можем сказать что-либо определенное о колебаниях цвета волос великоруссов по областям, так как все до сих пор сделанные в этом направлении исследования, за исключением исследования г. Талько-Грынцевича «семейских», относятся по преимуществу к области небольшой группы центральных великорусских губерний. В исследованных губерниях процент светлых волос (белокурых цвета льна, соломенно-желтых, золотистых и светло-русых) колеблется в узких пределах от 41 % и до 49 %, процент же темных волос (темно-русые, почти черные и черные) от 51 % до 59 %. В общем, следовательно, несколько больше половины всех великоруссов темноволосы. Как чистых блондинов (белокурые, льняные волосы), так и чистых брюнетов (близкие к черным) очень немного, не более 8-10 % в сложности, остальные же 90 % падают на долю русых волос различных (от светлого до темного) оттенков. Таким образом по цвету волос великоруссы должны быть охарактеризованы как по преимуществу русоволосые. Из других славянских племен в этом отношении очень близки к великоруссам белорусы (52 % темных волос по Н. А. Янчуку). Малорусы дают в общем несколько больший процент темноволосых; наиболее же темноволосы западные и южные славяне. Исследование остатков волос из московских могил XVI–XVIII вв. (П. А. Минакова) показывает резкое преобладание темных (темно-русых) волос; белокурых между ними совсем не было найдено. Большой интерес представляет отмечаемый многими наблюдателями факт очень постепенного развития потемнения волос славянских племен с возрастом, — среди детей процент белокурых значительно больше, чем среди взрослого населения. Факт этот, подтвержденный в самое последнее время на большом цифровом материале доктором В. И. Васильевым (еще не напечатанная работа), на глаз констатирован очень давно. Интересно в этом отношении показание архидиакона Павла Алепского, путешествовавшего по России вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, в половине XVII века. Автор, прибыв в одно из селений теперешней Киевской губернии, обратил внимание на многочисленность детей и на светлый цвет их волос. «За большую белизну волос на голове мы называли их старцами», — пишет Павел Алепский.

Цвет глаз у современных великоруссов дает для исследованных областей лишь незначительные пределы колебаний. Светлые глаза

(голубые, серые, серо-голубые) дают от 40 % и до 50 %, а темные (светло-карие, темно-карие, зеленые, черные) от 50 % и до 60 %; в этом великоруссы не отличаются сколько-нибудь резко от малороссов, немного уступают по проценту темноглазым полякам и значительно уступают в этом отношении западным и южным славянам. Наиболее распространенным является у великоруссов серый и карий (различных оттенков) цвета глаз, представленные приблизительно одинаковым числом наблюдений (небольшое преобладание карих); чисто черных глаз очень немного, немного и типичных для блондинов-северян голубых глаз (последних 5–7 %). Комбинируем теперь цвета волос и глаз таким образом, что у нас составятся три типа: 1) светлый тип (светлые волосы и светлые же глаза), 2) тип брюнетический (темные волосы и глаза) и 3) смешанный тип (остальные комбинации). При таких комбинациях преобладающим оказывается у великоруссов смешанный тип, представляющий приблизительно около 60 % всех наблюдений. Светлый тип (у рязанцев) дает 22,15 % всех наблюдений, а темный немного меньше — 39,39 %. Надо, впрочем, помнить, что светлый тип далеко не соответствует настоящим блондинам, так как в состав светлого типа входят субъекты с серыми глазами и светло-русыми волосами, число же настоящих блондинов (белокурые волосы и голубые глаза) у великоруссов ничтожно и составляет не более, быть может, 1–2 %. Процент смешанного типа цвета волос и глаз представляет большой интерес в том отношении, что он показывает, насколько плотно спаялись вошедшие в состав племени элементы: чем больше процент смешанного типа, тем составная группа однообразнее, тем, следовательно, более утратились в ней черты первоначальных производителей, уступивших место новообразованному смешанному типу. По сравнению с другими славянскими элементами великоруссы представляют едва ли не самую большую степень смешения (около 60 % смешанного типа); немногим отличаются от них и некоторые малорусские группы и белорусы; поляки дают, по-видимому, несколько меньшее число представителей смешанного типа. Наименьшее число представителей этого типа дают, насколько это можно судить по имеющимся до сих пор исследованиям, сербо-хорваты побережья Адриатического моря (Вейсбах). У них смешанный тип представляет только 26,5 % всех наблюдений, сохранившийся же светлый тип дает 15,5 %, тогда как темный тип представлен 58 процентами всех наблюдений (сильный аргумент против представления об общем предке славянских племен,

как о блондине).

Говоря о форме головы великоруссов, мы имели уже случай упомянуть о существующем для славянских племен соотношении между высокорослостью и брахицефалией. Надо сказать, что оба эти фактора имеют прямую связь и с цветом волос и глаз. Исследуя население Рязанской губернии, я мог отметить, что представители темного типа оказываются вместе с тем и более высокорослыми и несколько большими брахицефалами. Связь высокорослости с темным цветом волос и глаз была отмечена и для других славянских групп (Вейсбахом для сербо-хорватов, Элькиндом для поляков). Относительно же связи высокорослости с брахицефалией аналогичных фактов до сих пор не отмечалось. Но в приведенной выше таблице распределения форм головы великоруссов по районам различного их среднего роста мы уже видели, что районы высокорослости дают наименьшее, а районы низкорослости наибольшее число долихоцефалов; для брахицефалии, следовательно, существуют как раз обратные отношения, и наиболее высокорослые великоруссы оказываются вместе с тем наиболее брахицефальными.

До сих пор мы рассмотрели только те немногие признаки физического типа великоруссов, относительно которых у нас имеются более полные данные. В нижнепомещаемой таблице мною собраны цифровые данные, касающиеся некоторых других антропометрических величин. В таблице приводятся среднеарифметические величины; там, где стоят две цифры, отмечены наименьшая и наибольшая из найденных авторами средних величин; там, где стоит всего одна цифра, имеется или один только ряд наблюдений, или цифры различных рядов очень близки друг к другу.

На основании изученных признаков физический тип современного великорусса может быть охарактеризован в следующих чертах: русый, то в более светлых, то в более темных оттенках, с приблизительно одинаково частым распространением темных и светлых глаз, великорусс обладает ростом выше среднего и умеренно выраженной круглоголовостью (суббрахицефалия на границе с мезоцефалией); главнейшие размеры головы и лица его велики; лицо в общем скорее длинно, чем широко; члены тела пропорциональны, развиты хорошо; сложение несколько коренастое (широкоплеч) и крепкое.

Таков средний общий тип великорусса. По отдельным областям встречаются известные колебания, зависящие, вероятно, главным образом от неоднородности этнических элементов, примешанных к главному основному типу. Рост является, по-видимому, одним из

признаков, подвергшихся наиболее широким колебаниям. Относительно же формы головы надо заметать, что процент коротко- и длинноголовых подвержен еще довольно заметным колебаниям, но средняя форма головы держится очень устойчиво, с довольно ограниченными колебаниями около средней цифры для головного указателя в 82 (на живых).

	На живых	На скелетах
1. Рост конскриптов вполне возмужалых	1617–1670 пр. на 12 мм более	
2. Высота в сидячем положении	52,7 % роста	
3. на коленях	74,6%	
4. Длина ног	48,3%	
5. бедер	22,9%	
6. голеней	24,4%	
Череп		
7. Емкость		1312–1471 к. с.
8. Гориз. окружность черепа	558-568	509-530
9. Лобно-затылочная дуга	322-337	
10. Наибольший длиннотный диаметр	185,5-188,6%	176-182
11. Наибольший поперечный диаметр	152,9-156,1	141-144
12. Головной указатель	81-83	79,5-82,7
13. Биаурикулярная дуга	356-359	320-331
14. Высота черепа		131-138
15. Указатель высоты черепа		74,4-77,1
Лицо		
16. Полная длина лица	183	
17. Ширина лица	120,5(?)-141	
18. Лицевой указатель (отн. шир. лица к его длине, взятой без лобной части)	92-94	89-92
19. Глазничный указатель		83-86,1

20. Носовой указатель	65,4	46-50
21. Величина головы в вертик. проекции	199,7 (12,71 % роста)	

Средние величины, получаемые для отдельных великорусских групп, слагаются из индивидуальных наблюдений далеко не однородного характера: пределы колебаний для отдельных индивидуальных признаков повсеместно очень велики. Это обстоятельство указывает на то, что этнические элементы, из которых сложилось современное великорусское население, не спаялись еще в однообразный плотный конгломерат, в котором нельзя было бы отличить черт отдельных его производителей. Общий же (средний) физический тип великоруса очень близок к типу белоруса, потом малоросса, да и, вообще говоря, с большинством славянских племен он представляет очень много родственных черт (общими признаками являются относительная высокорослость, преобладание темного цвета волос над светлым, круглоголовость и т. д.). От большинства германских племен великоруссы отличаются более темным цветом волос, очень малым распространением голубых глаз, большею короткоголовостью. Влияние монгольской и тюркской крови на общем типе великоруссов не отразилось очень заметно; по крайней мере, на основании существующих в настоящее время данных, отметить его с очевидностью не удается. От большинства чистых монголов и тюрков современный великорусс отличается менее темным цветом волос и глаз, меньшей брахицефалией, более длинным лицом и более высоким ростом. По сравнению с большинством финнов великорусс более темноволос и темноглаз (еще издревле он прозвал чудь «белоглазою»), выше большинства их ростом (хотя существуют и сейчас высокорослые финны). Финские племена, очевидно, должны были играть в созидании великорусского племени видную роль. Если принять, что славянские элементы в большинстве случаев были темноволосыми (русыми) брахицефалами, тогда на долю финского влияния приходится отнести светловолосость некоторой части современных великоруссов и их долихоцефалию. Если же мы будем держаться теории, считающей славян белокурыми долихоцефалами, тогда роль финнов представится нам несколько иною. Надо, впрочем, помнить, что среди современных финнов есть и высокорослые и низкорослые, есть и долихо- и брахицефальные племена; следовательно, влияние финнов могло сказаться и в ту и в другую сторону, а очень может быть, что оно и не было однообразным. Разнообразие физического типа финских племен

могло, как это мы уже видели отчасти при рассмотрении данных о росте, оказать свое влияние на развитие областных отличий в типе современных великоруссов.

Расовые элементы, входящие в состав отдельных человеческих групп, исторические условия развития их, влияния окружающей природы и целый ряд других факторов отражаются так или иначе на физическом строении человека. В особенностях физического строения отдельных групп мы имеем таким образом целую книгу, где точно и документально записана вся история эволюции группы. Жаль только, что эта книга написана трудным и не всегда доступным для нас языком. Кое-что мы умеем прочитать, в иных страницах улавливаем более или менее гадательно общий смысл, но еще больше страниц непрочитанных и даже еще не разрезанных; по отношению к великорусскому типу в частности преобладают, к сожалению, последние. Попытаемся же, однако, определить, что можем мы прочитать в физических особенностях современного великорусского типа более или менее точно и о чем можем догадываться, предполагать.

Оставляя в стороне вопросы о влиянии природы, среды, условий жизни, мы займемся, главным образом, вопросом о расовом составе современных великоруссов, поскольку, конечно, этот состав определяется из изучения физических признаков. Прежде всего можно установить положение, что великоруссы, подобно подавляющему большинству современных племен, не представляют из себя так называемой чистой расы, а являются продуктом смешения нескольких рас. Здесь необходимо оговориться, что мы имеем в виду расу не с точки зрения исторической или этнографической, но с чисто антропологической, т. е. будем говорить не о немце или германце, не о русском или славянине и т. д., но о высокорослых и низкорослых, о белокурых и брюнетических, долихо- и брахицефалических расах и т. д. Племена и народы создались под очень сложными условиями, объединяясь в силу общих и местных причин языком, верованиями, политическим строем и представляя собой цельные единицы с сравнительно недавнего времени. Уходя в глубь истории и далее — за ее пределы, мы не увидим уже ничего, напоминающего современные племена, но будем иметь дело с более крупными единицами, объединяемыми (для современного, по крайней мере, уровня знаний) исключительно физическими признаками и некоторыми особенностями культуры. Наиболее постоянными и вместе с тем наиболее изученными признаками являются рост, форма головы и

цвет волос и глаз. Но сведения относительно последних признаков даны нам историческими свидетельствами и не заходят, следовательно, далеко в глубь времени, или же они основаны на не совсем достоверных, подвергшихся изменениям, могильных остатках (волосы). Наблюдения показали, что, под влиянием различных химических и физических агентов, цвет волос может меняться до неузнаваемости: темные волосы могут посветлеть и обратно. Правда, в самое последнее время П. А. Минаков показал, что в микроскопическом строении волоса (в величине, форме и расположении пигментных глыбок) мы имеем признак, позволяющий с точностью восстановить первоначальный цвет измененных волос; вместе с тем г. Минаков установил, что остатки волос московских могил XVI–XVIII вв. принадлежали по преимуществу шатенам и темным шатенам, а не белокурым, как это принято было думать. Тем не менее, вопрос слишком еще недавно поставлен на новую почву, других аналогичных изысканий еще не существует, и показания о цвете волос первоначальных (доисторических) рас Европы установлен очень еще гадательно. Более бесспорными признаками являются форма головы и рост. Предполагается, что для всего человечества существовало две основных формы головы — долихо- и брахицефалия, мезоцефалия же является повсюду выражением смешения этих двух форм. Не все, правда, авторы согласны с этим положением; в последнее время раздаются голоса против него: Р. Вирхов, А. Богданов, Серджи, А. Влох, Л. Нидерле и др. утверждают возможность развития брахицефального типа из долихоцефального и обратно, а следовательно, и создание промежуточного мезоцефального типа под влиянием условий жизни. Тем не менее, большинство исследователей держится первого взгляда; кроме того, возможность изменения формы головы под влиянием внешней среды нисколько не исключает существования первоначально двух основных форм и получения мезоцефалических форм и путем смешения. Наконец, и у обезьян мы имеем два основных типа черепа — долихоцефальный (африканские обезьяны) и брахицефальный (азиатские обезьяны); при отсутствии у них скрещиваний, среди них нет и мезоцефального типа. Словом, все данные заставляют склоняться к признанию первичных двух типов головы — узкой-длинной и короткой-широкой. Удалось также проследить и для роста изменения в его величине под влиянием смешения рас (что не исключает, конечно, изменений роста под влиянием среды, условий жизни, профессии и т. д.), и в настоящее

время есть много данных, заставляющих допустить, что все бесконечное разнообразие в росте отдельных человеческих групп произошло из смешения рас двух первоначальных типов — высокорослого и низкорослого при участии, конечно, модифицирующего влияния воздействий извне. Относительно цвета волос (и глаз) принимают также два главных, основных типа — светлый (тип блондинов) и темный (брюнетический тип). Мы имеем таким образом для характеристики первичных доисторических рас шесть главных признаков: длинноголовость и короткоголовость, высокий и низкий рост и тип блондинов и брюнетов. Можно, конечно, увеличить число таких признаков, но значение их, за исключением, быть может, формы лица, или несколько сомнительно, или же мы не имеем достаточного числа данных для рассмотрения их в массе.

Как комбинировались указанные шесть признаков у различных рас и необходимо ли для объяснения комбинаций принимать 3–4 и более первичных основных рас, или же можно допустить, что некоторые признаки, рост, например, модифицировались больше под влиянием среды, чем под влиянием расовых элементов, и свести все расы к двум основным первичным корням, — вопрос спорный и решаемый различными авторами различно. Судя по сохранившимся от наиболее древних времен остаткам черепов и скелетов, в Европе уже в неолитическую эпоху обитали представители, по меньшей мере, четырех рас:

1). Низкорослые долихоцефалы слабого сложения, широко распространенные на территории теперешней Великобритании, Франции, Испании, Италии, островов Средиземного моря, может быть и в Греции и т. д. Предполагаемые прямые их потомки, как то: испанские баски, корсиканцы, представители некоторых округов Англии, Ирландии и т. д., до сих пор малорослы, длинноголовы и принадлежат к брюнетическому типу.

2). Высокорослые, умеренные брахицефалы (черепной показатель в среднем около 81), — раса, по-видимому, широко распространенная по всей средней полосе Европы. Предполагаемые прямые ее потомки — кельты Цезаря и других римских историков — отличались мощным сложением и, по историческим свидетельствам, светлыми — огненными, рыжими (быть может, и русыми?) волосами. Некоторые исследователи видят в этом племени вышедших из Азии арийцев и ставят в прямую связь с ними как значительную часть современного населения Франции, Дании, части Англии, Германии, так и современные славянские племена (кельто-славянская Поля Брока,

Тэйлора и др. авторов).

3). Высокорослая, крепкая физически, долихоцефальная раса, отличающаяся от первой из упомянутых рас не только ростом и физическим развитием, но и формой черепа, который, будучи так же, как у первой расы, долихоцефальным, является более массивным, более низким, с убегающим лбом и меньшею емкостью и т. д. Эта раса занимала, по-видимому, весь север Европы; она является едва ли не самой древней из европейских рас; по предположению некоторых исследователей, она, если и не развилась и зародилась здесь, на месте, то во всяком случае была первой насельницей занимаемого района, явившись в нем с того момента, как только этот район стал обитаемым по отступлении от него ледников. С этой расой исследователи тесно связывают представления о тевтонской расе, прямой, будто бы, ее наследнице, а потому и приписывают ей светлый цвет волос и голубые глаза (единственный для Европы тип блондинов чистой крови). Эта раса должна была, по всей вероятности, играть не малую роль и в образовании современного великорусского населения, с районом которого она, наверное, граничила, а может быть, даже и занимала его.

Наконец, 4-ой прослеженной расой доисторической Европы являются низкорослые, крепкие по сложению, резкие брахицефалы (черепной указатель в среднем около 84–85). Эта раса едва ли была особенно распространена или, по меньшей мере, была скоро вытеснена, уничтожена, так как остатки ее представителей были найдены на ограниченном сравнительно районе, и если не считать отмеченную Прунер-Беем некоторую «лапоновидность» ее типа за доказательство сохранения ее в современных лопарях, единственными прямыми ее наследниками принято считать современных овернцев (Франция — Оверн, Дофинэ, Савойя и т. д.), принадлежащих к брюнетическому типу.

Преемственная связь этих древнейших рас Европы с современным ее населением не может быть доказана с достаточной точностью и очевидностью. В настоящее время можно, однако, отметить среди современного европейского населения некоторую концентрацию отдельных, характеризующих доисторические расы, признаков как раз по тем областям, которые заняты предполагаемыми потомками этих первичных рас. По отношению к формам головы это явление может быть демонстрировано особенно отчетливо на карте, приложенной к чрезвычайно интересному своду данных о форме головы современных европейцев, сделанному недавно видным антропологом, доктором

И. Деникером. Откуда взялись первоначальные расы Европы, каково их происхождение, — вопрос темный. В последнее время профессор Серджи, на основании выработанного им самим нового метода изучения черепов, приложенного им с величайшим трудолюбием к громадному количеству как современных, так и ископаемых черепов, пришел к следующему выводу: все виды и формы черепов современного населения Европы могут быть объяснены смешением двух главных племен. Одно из них, называемое им средиземноморским племенем, вышло, по мнению Серджи, из Африки и расселилось по островам и побережью Средиземного моря. С зоологической точки зрения Серджи называет его Species eurafricana и считает характерными для него эллипсоидную, овальную и пентагональную форму черепа (разновидности долихоцефального типа по общепринятой классификации). Другое племя — Species eurasica — характеризуется платицефальною, сфеноидальною и сфероидальною формами черепа по терминологии Серджи, или разновидностями брахи- и частью мезоцефального типа — по общепринятой классификации. Это племя соответствует арийцам других авторов и пришло в Европу, по мнению Серджи, из Азии. Труд профессора Серджи интересен для нас, между прочим, и в том отношении, что автор ввел в свое изучение более тысячи русских курганных и позднейших черепов, хранящихся в Антропологическом музее Московского университета. По словам Серджи, среди русских черепов встречаются представители обеих рас, причем, среди курганных черепов IX–XI веков несколько преобладают черепа эйрафриканской расы, тогда как среди черепов из могил XVI–XVII вв. оказывается, наоборот, некоторое преобладание черепов эйразиатской расы. Взгляд Серджи не может еще считаться ни доказанным, ни общепринятым. Надо, однако, заметить, что по существу он не стоит в резком противоречии с наиболее распространенными взглядами. Придавая первенствующее значение форме черепа, Серджи игнорирует различия в росте и сводит таким образом в одну группу высокорослых и низкорослых брахицефалов других авторов; то же делает он, следовательно, и для долихоцефальных рас. Этим Серджи нисколько, конечно, не отрицает существование 4-х вышеупомянутых доисторических рас, — он утверждает только, что высокорослость и низкорослость, различающие группы, явились вторично, как результат дальнейшего видоизменения основных групп под различными сложными влияниями условий внешней жизни.

После столь длинного, но необходимого для понимания общего

положения вопроса, отступления, вернемся к нашим великоруссам. Физический тип великоруссов, как одного целого, не представляет, как это было уже неоднократно замечено выше, признаков чистой расы. Широкие пределы колебаний величин головного указателя, наличность среди современного великорусского населения как брахицефальных, так мезо- и долихоцефальных форм, различные оттенки в цвете волос и глаз, а до некоторой степени и размах колебаний в индивидуальных величинах роста) — доказывают это положение с несомненной убедительностью. Существование довольно значительных областных различий позволяет заключить о том, что современный великорусский тип представляется не только смешанным, но и не однородным, недостаточно слившимся в одно неделимое целое.

Выше мы уже имели случай говорить о том, что если не все, то некоторые, по крайней мере, областные отличия могут быть, по-видимому, объяснены неодинаковыми этническими элементами, примешанными в разных областях к основному, доминирующему типу. Каковы же, однако, должны быть элементы, из которых сложился физический тип современного великорусса? Ответ на этот вопрос будет очень легок, если мы останемся в пределах понятий чисто физических, не группированных признаков; задача станет значительно труднее, если мы попытаемся, сгруппировать по несколько признаков вместе, отнести такие группы на долю отдельных гапотетических производителей сложного современного типа. Еще труднее, почти непреодолимо трудной становится наша задача в том случае, если мы, оставив язык чистого антрополога, заговорим языком этнографа, лингвиста и историка, если, другими словами, вместо определения физического типа производителей мы попытаемся ответить (на основании, конечно, физического исследования) на вопрос о том, какие племена, какие народы участвовали в созидании современного великорусского племени.

На первый вопрос, в простейшей его форме, можно ответить категорически: в созидании типа современного великорусса, наверное, участвовали и элементы светлого типа, и элементы брюнетического типа, и долихоцефальные и брахицефальные; весьма вероятно, что и высокорослые и низкорослые. Но в какой группировке были внесены эти отдельные элементы и сколько групп могло участвовать в создании современного типа? Здесь мы уже начинаем терять твердую почву. Смешение рас началось очень давно, далеко за пределами исторических сведений, а потому ближайшие производители

великорусского типа были, наверное, сами уже в достаточной мере смешанными. Как бы поэтому не велико было количество возможных комбинаций признаков (особенно если принимать во внимание не только главные из них, но и второстепенные), всегда возможно объяснить всю сумму комбинаций соединением двух исторически известных рас. Таков, следовательно, минимум, пределы же максимума участников в создании типа могут быть положены разве что историческими соображениями. По языку мы — славяне, но это не определяет, конечно, физического типа: славянский язык мог быть принят элементами, по существу далеко не славянскими. История показывает, правда, что в известный период времени во владениях современных великоруссов осели славянские племена, никем с тех пор оттуда не вытесненные. Славяне оказались сильнее аборигенов и духом и телом, они подчинили их и дали им свой язык, веру; можно до некоторой степени предполагать, что они были вместе с тем и многочисленнее аборигенов и оказали, следовательно, преобладающее влияние на физический тип смешанного населения. Отсюда, с некоторыми, конечно, оговорками, можно принять, что наиболее распространенные среди современного великорусского населения физические черты являются чертами, свойственными славянским племенам.

Главнейшими преобладающими чертами современных великоруссов являются, как мы уже видели выше, относительная высокорослость, русый от светлых до самых темных оттенков цвет волос, серый или серо-голубой цвет глаз и умеренно выраженная брахицефалия. Могут ли означенные признаки быть действительно приписаны славянским племенам? На наш взгляд — да. Надо, впрочем, признать, что многие авторы смотрят на вопрос иначе и рисуют славянина высокорослым долихоцефалом с светлыми волосами и глазами. Оставив в стороне высокорослость, как признак, приписываемый славянам единогласно, посмотрим, на чем зиждутся мнения о светлом типе и долихоцефалии славян. Светловолосыми рисуют нам славян византийские, а частью и арабские историки. Но прежде всего далеко не установлено, что термины историков правильно переводятся словом «белокурый»; многие из них, даже и более, казалось бы, определенный термин (?) — желтый, золотистый, могут быть отнесены и к русым волосам, которые никак не могут быть приняты за цвет волос блондинов. Здесь прежде всего могли играть роль как недостаток у историков терминов, подходящих к нашим понятиям «шатен», «светлый шатен», так и желание их

провести резкую отличительную грань между поразившим их непривычный глаз цветом волос чужеземцев и смуглым, темным типом своих соотечественников. Кроме того, описания делались в большинстве случаев на память, без объекта наблюдения перед глазами, а в таких случаях резкий контраст с привычными цветами невольно заставлял впадать в психологически вполне понятные и естественные ошибки воспоминания. Лучшее доказательство справедливости последнего предположения можно видеть в том, что по многим описаниям историков едва ли можно отличить цвет волос германских племен от славянских, а таковые отличия существовали, вероятно, и в то время как существуют они и теперь. Словом, можно сказать с уверенностью только одно: древние славяне по цвету волос (и глаз) были светлее представителей брюнетического типа южан; очень может быть, что они не уходили в этом отношении далеко от современных великоруссов, поляков и т. д., дающих наибольший процент именно русых, а не светлых волос. Будь славяне на самом деле чистыми блондинами, этот тип должен был бы уцелеть в большем числе случаев, чем это замечается теперь как у великоруссов, так и у других славянских, особенно южнославянских племен, где этот тип сводится теперь к ничтожному числу представителей. Русый цвет является сам по себе, конечно, не первичным и свидетельствует о том, что и самые древние из исторически известных славянских племен (если, конечно, принять, что они, действительно, были русоволосыми) представляли уже смешанный тип, в произведении которого играли известную роль и представители брюнетического типа. Другое важное доказательство в пользу скорее более темного, чем более светлого оттенка волос общего всем славянам производителя мы видим в упомянутой выше связи высокорослости и темного цвета волос, замечаемой как при сравнении между собой отдельных славянских племен, так и при сравнении высокорослых и низкорослых групп в пределах одного и того же славянского племени (сербо-хорваты Вейсбаха, поляки Элькинда, мои рязанцы).

Еще менее устойчивы доказательства в пользу долихоцефалии древних славян. Выше мы уже видели, что они зиждутся, главным образом, на нахождении долихоцефальных черепов в древнейших русских (а также и богемских — Л. Нидерле) могильниках; при этом вещи, находимые при покойниках, и способы погребения позволяют археологам высказаться определенно относительно принадлежности, некоторых по крайней мере, могильников к типу славянских могил.

Но в этом последнем случае доказанным может считаться только факт, что население, погребенное здесь, приняло ту форму культуры, которая определяется археологами как славянская культура, что никоим образом не говорит еще о славянском расовом типе самого населения. Совпадение же появления брахицефальных черепов с эпохой исторически доказанного расселения славянских племен, затем, допускаемый только с большой натяжкой, сравнительно быстрый переход долихоцефалии в брахицефалию исключительно под влиянием культуры — далеко не говорят в пользу того, что древнейшие долихоцефальные черепа принадлежат именно славянам, а не аборигенам страны не славянского происхождения. Едва ли не самым сильным возражением против долихоцефального типа древних славян является тот факт, что ни одно из современных славянских племен, за исключением, быть может, болгар, на которых обыкновенно ссылаются защитники взгляда на славян, как на долихоцефалов, не отличаются преобладающим распространением долихоцефалии. Но физический тип болгар мало изучен; если даже и верно, что они являются по преимуществу долихоцефалами, то надо прежде всего помнить, что, придя в сравнительно недавнее время из Азии через северо-восток России, пройдя постепенно вплоть до теперешней области их жительства, претерпев затем множество исторических мытарств, болгары меньше других племен могут претендовать на звание носителей наиболее сохранившегося славянского типа, да и самые выходцы из Азии — волжско-камские болгары — не были в сущности славянами. Факт малого распространения долихоцефалии среди современных славян весьма знаменателен. Выше мы уже говорили, что объяснение его постепенным переходом долихоцефалии к брахицефалии под влиянием одних только условий культурной жизни допустимо только с большой натяжкой. До сих пор, следовательно, остается открытым вопрос о том, являются ли предки славян брахицефалами с более или менее темным оттенком цвета волос и глаз и сближаются, следовательно, с расой высокорослых брахицефалов древней Европы, или же они могут быть с большим правом названы прямыми потомками высокорослых долихоцефалов курганного племени, более, вероятно, родственного современным германским племенам. Исследование физического типа современных великоруссов дает мало фактов для решения вопроса в ту или другую сторону. Мы знаем, однако, с положительностью, что долихоцефалы представлены среди великоруссов небольшим сравнительно (не доминирующим во всяком

случае) процентом всего населения, значительно уступающим числу брахицефалов. Затем я позволю себе упомянуть о моей личной, оставшейся пока еще одинокою, попытке подойти к решению вопроса следующим путем: высокорослость составляет один из наиболее общепризнанных и бесспорных признаков исторически известных славянских племен. Исходя из этого положения, можно заключить, что, составив группу наиболее высокорослых современных великоруссов, мы будем иметь в этой группе большее число субъектов, сохранивших свой первоначальный славянский тип. Отобрав из 325 изученных мною рязанцев наиболее высокорослых субъектов, я нашел, что эта группа отличается от общей массы большей брахицефальностью и большим процентом темноволосых и темноглазых субъектов. Вместе с тем и при сравнении отдельных славянских племен между собою (великоруссов, малороссов, белорусов, поляков, чехов, сербо-хорватов, славян германской короны) оказывается, что те из групп, которые отличаются большим ростом, представляют вместе с тем и более брахицефальную форму черепа и большее распространение темного цвета волос и глаз. Отсюда неизбежно возникает прямой и логичный вывод: в сложении физического типа большинства славянских групп, очевидно, в числе других участвовал какой-то один общий производитель, отличающийся высоким ростом, брахицефалией и темным (но не черным) цветом волос и глаз. Примесь же долихоцефалии, равно как и другие черты, отличающие друг от друга отдельные группы современных славян, зависят от смешения упомянутого производителя с другими расами, различными, быть может, для различных славянских групп. Но что же можем мы сказать, на основании изучения физического типа современных великоруссов, относительно этих других примесей? В сущности говоря, очень немногое. Существование некоторого процента долихоцефалии говорит, конечно, за существование производителя-долихоцефала; изучение типа курганного населения показывает, что этот долихоцефал населял страну раньше, чем появились в ней брахицефалы; известно также, что он отличался и высоким ростом. По типу своему он подходит, следовательно, к типу высокорослого долихоцефала доисторической Европы; но кто он был в смысле этнографическом и историческом, т. е. тевтон, финн, монгол и т. д.,- мы не знаем. Можно только сказать, что, вероятно, он не был монголом, так как большинство современных монголов и низкоросло, и брахицефалично. Но среди современных финнов есть и низкорослые

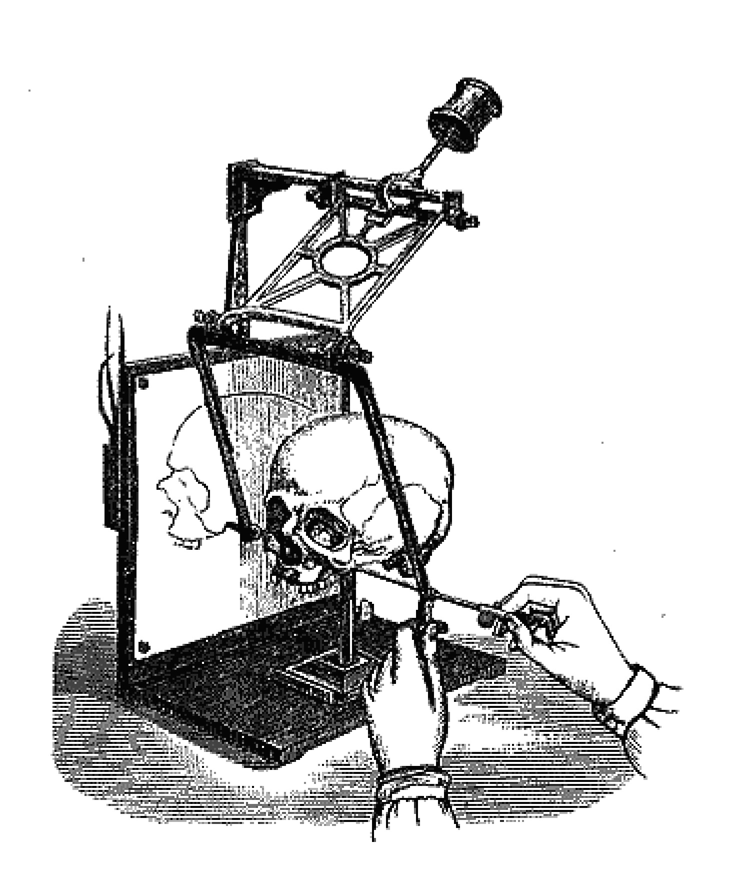
и высокорослые, и брахицефальные и долихоцефальные племена; следовательно, этот производитель мог быть в равной мере и тевтоном и финном. Современные тевтоны являются представителями наиболее чистого типа блондинов. Отобрав, следовательно, из современных великоруссов группу высокорослых блондинов, можно было бы изучить другие отличительные признаки физического строения этой группы и, сравнив их с признаками, характеризующими германские расы, сказать, не являются ли наши блондины остатками представителей тевтонского типа. Но такие исследования до сих пор, к сожалению, не произведены. Изученный мной лично материал не был достаточно велик для таких целей по числу наблюдений, тем более, что чистые блондины у нас сравнительно редки (никак не более 3–5 %).

Немногое можем мы сказать и о влиянии монгольской и тюркской крови, допустимом во всяком случае на основании исторических соображений. На центральное великорусское население влияние это едва ли было велико. Выше мы уже говорили о соображениях, в силу которых появление брахицефалии у великоруссов никоим образом не может быть приписано монгольскому влиянию. В частности, по отдельным областям, влияние тюркско-монгольской крови могло, конечно, существовать и в более значительной мере уже по одному тому, что в некоторых областях существует и поныне соприкосновение великоруссов с тюркско-монгольскими племенами; существовало оно, и в большей даже степени, чем теперь, и в исторические времена. Даже и в центре великорусского населения можно указать отдельные острова, где жило прежде, да и сохранилось до сих пор, тюркское население (касимовские татары и т. п.). Но монголы играли видную роль в истории великорусского племени, и вопрос об их влиянии должен быть поставлен шире; мы должны искать следов монгольской крови не в одних областных типах, но во всей массе великорусского населения, в общем его физическом типе. Одним из характерных признаков монгольского типа является значительная ширина скул при относительно низком лице. Выше мы уже упомянули о том, что значительная ширина лица великоруссов, вообще говоря, не сближает их с монголами, так как лицо великорусса вместе с тем и длинно (высоко). Но это справедливо до тех только пор, пока речь идет об общем типе, о средних величинах. В конкретных же случаях дело может обстоять иначе и очень может быть, что среди особенно широколицых великоруссов найдутся носители и других монгольских черт. За неимением других данных

для решения этого вопроса, я обратился к исследованным мною рязанцам и, выделив из них группу лиц особенно широколицых, вычислил для этой группы средние величины некоторых других измерений. Но результат вычислений не дал никаких указаний на монголоидность типа представителей этой группы. Так, средний рост группы широколицых (обладающих отношением ширины лица к длине всей лицевой линии, от корня волос до подбородка, в 82 и более), состоящий из 36 человек, оказался равным 1656,7 мм вместо 1651,3 для всех рязанцев в целом, головной указатель — в 81,94 вместо 81,48 и, наконец, число представителей темного цвета волос и глаз — 11,1 % вместо 19,39 % и светлого типа — 36,1 % вместо 22,15 %. Величина роста и головного указателя широколицых дали только очень небольшую разницу с общей массой рязанцев, причем рост широколицых оказался немного даже больше (а не меньше, как следовало бы ожидать для монголоидного типа), головной же показатель немного побольше, но разница чрезвычайно ничтожна. Распределение же типов цветности дало результат прямо противоположный ожидаемому, а именно — заметное уменьшение темного типа и значительное преобладание светлого цвета волос и глаз среди широколицых. Следовательно, те данные, какие имеются налицо, указывают на сродство широколицых великоруссов никак не с монголами (брюнетами), но скорее уже с финнами или тевтонами (норманнами). Но тевтоны не отличаются особою шириною лица, а потому наша группа широколицых скорее всего указывает на некоторое сродство с финнами, среди которых встречаются, между прочим, и группы высокорослых, светловолосых и в достаточной мере широколицых представителей. Впрочем, материал, вошедший в обработку, слишком недостаточен по числу наблюдений, и единственное, что можно из него заключить, сводится к утверждению о недоказанности сколько-нибудь резкого влияния монгольского типа на современных великоруссов. Для дальнейшего же выяснения этого, как и многих других вопросов, нам приходится терпеливо ждать дальнейших исследований, собранных и разработанных по определенной программе в разных областях, заселенных великоруссами. Раз зашла речь о смешении славянских племен с инородческими, о степени влияния этих последних на чистоту типа современного великорусса, было бы несправедливо обойти молчанием вопрос о способности современных великоруссов ассимилировать чуждые элементы и, в свою очередь, подчиняться влиянию инородческих элементов. Всякий наблюдатель, которому

приходилось бывать в областях, где великорусское население соприкасается с инородческими племенами, мог, конечно, убедиться в необыкновенной способности великоруссов не только мирно уживаться со своими соседями, но и поразительно быстро заимствовать у них многие обычаи, привычки, слова, выучиваться их речи. Способность русских к изучению языков давно уже вызывает у западных европейцев чувство удивления. Но изучение языков и некоторое приспособление к нравам более культурных народов вызывается известными потребностями человеческого духа и не заслуживает еще того удивления, как факт чрезвычайной приспособляемости великоруссов к нравам и языку племен, стоящих даже ниже их по культуре. Мне лично приходилось многократно делать наблюдения в областях соприкосновения великоруссов с татарами, калмыками, киргизами (в Астраханской губ.), с башкирами, черемисами, мордвою, чувашами и т. д. (в Казанской губ.) и, наконец, с поляками, немцами (в западных и северозападных губерниях), и везде можно было отметить, что в то время, как в целом районе соприкосновения не найдется ни одного, например, киргиза, могущего кое-как связать две-три русские фразы, чуть ли не половина русских могла бегло говорить на киргизском языке и т. д. Но в упомянутых областях русское население все-таки является преобладающим и не имеет необходимости вступать в кровное родство с иноплеменниками. Там же, где великоруссы оказывались в меньшинстве и были принуждены брачиться с иноплеменниками, процесс поглощения русским элементом выражен, по-видимому, очень сильно. Так, еще Щапов отмечал сильное объякучивание русского населения Якутской области. Во многих местностях потомки русских давно забыли свой язык, одежду и приняли внешний вид, а также, по-видимому, и физический тип якутов. Новейшие исследования (И. И. Майнова, работой которого, еще не вышедшей в свет, я мог пользоваться, благодаря любезности автора, в рукописи) показывают, однако, что наряду с объякучиванием русских идет и обратный процесс — обрусения якутов. Оказывается вместе с тем, что и в областях наибольшего объякучивания русских, физический тип славян является гораздо более устойчивым, чем это можно было бы предположить с первого раза. Если метисы и являются, по данным г. Майнова, и более темноволосыми, и более темноглазыми, чем великоруссы, однако более высокий рост русских упорно сохраняется и у метисов. Эти и аналогичные им наблюдения имеют большую ценность уже потому, что позволяют судить до некоторой степени и о том, что происходило

в те отдаленные времена, когда пришлые славянские племена столкнулись впервые с аборигенами современной центральной и северной России. Судя по аналогии с явлениями, наблюдаемыми теперь, мы можем думать, что и в доисторическую эпоху славянские пришельцы не вытеснили и не разогнали окончательно аборигенов страны, но мирно уживались с ними и дали новый средний тип, восприняв некоторые чуждые черты, но стойко сохранив и некоторые основные свои признаки, среди которых рост занимает, по-видимому, одно из первых мест. Для выяснения истории сложения физического типа современного великоруса нам остается желать дальнейших в этом направлении работ, которые показали бы нам, насколько эластичны основные черты славянского типа. Много, впрочем, существует и других пробелов, не дающих возможности высказаться с желательной степенью определенности относительно столь близкого и вместе с тем столь трудного для нас вопроса о самопознании. И если ряд недомолвок и недостаточно обоснованных предположений вызовет у читающего эти сроки чувство горькой обиды, да не обвинит он за то русских антропологов; пусть лучше он вспомнит, что наша наука слишком еще юна, а исторический закон судеб таков, что мы всегда и во всем начинаем свои познания с области внешнего мира, великое же «???» приходит значительно позже, по накоплении больших сумм знаний внешнего мира.

И. Д. Беляев

О великорусском племени

Позвольте занять несколько времени беседою о великорусском племени. В Москве, — в сердце великой русской земли всего приличнее повести беседу об этом предмете, и тем более это прилично, что еще недавно большая часть западноевропейских журналов и газет, по команде польских эмигрантов, общим хором утверждала, что мы великоруссы, никто другой как татары, скифы, финны, гунны, тураны и чуть не турки, даже хуже турок, какие-то чудища, оскверняющие европейскую землю. Обо всем этом даже читались публичные лекции, как говорят привлекавшие многочисленную публику в Западной Европе. Да и в настоящее время между западными европейцами еще много охотников верить сим подобным толкам и россказням.

Кто же мы великоруссы? Что мы не турки, не татары, не гунны, не какие-то тураны, — это ясно как светлый день, этому неумолкающий свидетель — история, этого не может видеть только тот, кто не будет смотреть, кто с намерением зажмурит глаза от света, кто со злым умыслом завяжет их повязкой лжи: ни татарского, ни турецкого, ни какого-то туранского переселения в здешний край история не ведает и его никогда не было на самом деле. Вся азиатчина, которую польские крикуны навязывают нам в родоначальники и предки, или только держалась временно на южных степных окраинах нынешней Российской империи, или только проходила через русские земли, не оставляя на них следа. Так по летописям известно, что обры или авары временно владели Волынью, но они скоро прошли далеко на запад за границы Русской земли, и там древнейший летописец Нестор сказал о них: «были обры велики телом и умом горды», и Бог истребил их, измерли все и не осталось ни одного обрина и есть притча в Руси и до сего дни: «погибли как обры, и нет их племени ни наследка». Да авары и не заходили в здешнюю сторону, их поприщем на Руси были только южные степные окраины и Волынь. В VII, VIII, IX и X столетиях в низовьях Волги и Дона даже до Черного моря была сильная держава Хазарская; но хазары не доходили до Оки, и следы их в двух трех урочищах не заходят далее Дона и Донца, да в низовьях

Волги говорит еще об них утка казарка. Камские или волжские болгары известные и по нашим летописям, и арабам и Константину Порфирородному, еще в конце XIII столетия держались в углу, образуемом Камою и Волгою и даже воевали с Суздальскими князьями; но они поселились в Суздальском краю и поглощены или истреблены татарами. В начале IX столетия в придонских и приднепровских степях появились печенеги и пробрались степями за Днепр до Дуная; но они всегда держались со своими кочевьями южных степей и не доходили до Оки. Ока всегда оставалась непереходимым рубежом для степных кочевников. За печенегами в придонских и приднепровских степях явились половцы, также протянувшиеся до Дуная; но и они в Суздальском и Рязанском краях не показывались. Здешним краем вероятно прошли в X столетии только угры или венгры, мадьяры, сродники башкирцев; но и они только разве прошли здешним краем, и нигде здесь не останавливались и не оставили никаких следов. Наконец, в первой половине XIII столетия через Болгарскую и Мордовскую земли пришли сюда монголы и татары, под предводительством Батыя, и прошли вдоль и поперек здешний край, опустошили его и заставили русских платить дань монгольскому хану; но они монгольских и татарских поселений здесь не оставили, и напротив все, дошедши только до Игнача креста в Новгородской земле, поворотили на юг и раскинули свои кочевья в степных низовьях Волги, Дона, Днепра и Днестра до самых берегов Черного моря, или заняли старые пепелища казар, печенегов и половцев. Следовательно, не могли оставить даже и подозрения о каком-нибудь сродстве с русскими; русские, будучи даже данниками татар, всегда смотрели на них как на поганых, и ни та, ни другая сторона никогда не думали сближаться друг с другом. Даже клочок татарской орды, со своим царем поселенный Московскими великими князьями в Касимове, до сего времени сохранил свой татарский тип и не сроднился с русскими, хотя касимовские татары полюбили Петербург и ходят туда на заработки и даже живут там по несколько лет. О турках же и каких-то мифических туранах, чтобы они когда-либо жили в здешнем краю или проходили через него, нет даже никаких слухов или сказочных преданий, на которые бы, хотя сколько-нибудь, могли опереться горячечные бредни польских эмигрантов. Таким образом вся исчисленная нами азиатчина, навязываемая польскими крикунами в предки русскому народу, ни в каком случае, по свидетельству истории, не может быть причислена хотя в какую-либо дальнюю родню не только

великорусскому племени, но и малорусскому, жившему в ближайшем соседстве с южными степями. Да кроме недавних польских крикунов и их товарищей никто никогда и не думал навязывать нам в родню всю эту азиатчину.

Напротив того все европейские предания и свидетельства официальные и литературные искони, как только доходит память о здешнем крае, постоянно называют этот край славянским или русским и главных жителей его славянами и русскими. Так, скандинавские саги говорят, что здешний край принадлежал ильменским славянам или новгородцам, и что Муром, Суздаль, Ростов и Белоозеро были богатыми Новгородскими колониями со своими отдельными правителями из Новгорода. Греки или византийцы, как только вошли в сношения со здешним краем всегда называли его русским и народ и князей русскими. То же название здешним жителям и князьям придают итальянцы: так Римский папа Григорий IX, в своем послании к Владимиро-Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, писанном в 1231 году, называет его русским князем и суздальцев его подданных русскими людьми. Или папа Лев X, в своем послании к великому князю Василью Ивановичу, писанном в 1519 году называет его благородным князем Москвы и Руси. Или Венецианский посланник Фоскарини, бывший в Москве в 1557 году, в своем сказании о Московском царстве говорит: «Руссия разделяется на две половины, одна нижняя Литовская, другая Белая дальнейшая, Московская… Москвитяне говорят по-славянски, так же как далматинцы, богемцы, поляки и литовцы, т. е. белоруссы». А другой Венецианский посланник Тиополи, бывший в Москве в 1559 году, пишет: «Руссия великою рекою Днепром разделяется на две половины, и одна из них называется Московиею». Наконец, в начертании Московии, посвященном кардиналу Алтери в 1672 году и писанном одним итальянцем, скрывшим свое имя, сочинитель, говоря о Западной и Северной Двине, первую называет Ливонскою, а вторую Русскою, значит Московскую страну, где течет Северная Двина, признает Русскою землею. Такие же свидетельства о здешнем крае получаем и от старых немцев. Так посол Римского императора Герберштейн при Московском дворе, хорошо и подробно изучивший всю тогдашнюю Русскую землю, в своих превосходных записках прямо называет здешний край Русскою землею. Он пишет: «Из государей в настоящее время управляющих Руссиею, — первый великий князь Московский, который держит за собою большую часть Руссии, второй великий князь Литовский, и третий король Польский, который в настоящее

время владеет Польшею и Литвою». А в другом месте у Герберштейна сказано: «Все народы говорящие по-славянски и исповедующие греческую христианскую веру, вообще называются русскими, или по-латыни рутенами, и до того умножились, что всех живших между ними инородцев или изгнали, или обратили в русских, так что все в настоящее время носят одно имя русских». Другой немец Иоанн Фабр в своем донесении австрийскому эрцгерцогу Фердинанду пишет: «Народ, который мы в настоящее время называем московитами, по главному их городу Москве, издревле называются русскими». От англичан те же вести о здешнем крае; в донесении о путешествии Ченслера в Москву сказано: «Московия, она же и Белая Руссия, обширнейшая страна сопредельная со многими народами».

Наконец и старые поляки, предки нынешних польских крикунов, также называют здешний край Русскою землею, и здешних людей русскими людьми. Так архиепископ Гнезненский, Иоанн Ласский, в своем донесении, представленном Латеранскому собору в 1514 году, исчисляя разные племена русских, называет москвитян Белою Русью. Или польские летописцы и историки XVI столетия пишут о здешнем крае так. Матвей Миховий: «Московия, или в просторечии Москва, главный город всей Белой Руси, Московское государство есть обширнейшая страна, и по всей этой стране один язык русский или славянский. Или Станислав Сарницкий прямо называет москвитян русскими людьми; он говорит: «когда Московский князь Димитрий, в день пасхи шел в церковь, — так русские называют храм Божий». Знаменитый польский историк Длугошь князей здешнего края Владимирского Георгия, Переяславского Ярослава и Ростовского Константина называет русскими князьями, и здешний край Русскою землю и здешних жителей русскими людьми. Так описывая известный Липецкий бой (1206 года), между Константином Ростовским и Георгием Владимирским, Длугошь говорит: «и в том сказывают пало более десяти тысяч русских». Александр Гваньини, современник великого князя Иоанна Васильевича IV пишет: «Московия, в просторечии Москва, обширнейший город, столица всей Белой Руссии, подвластной великому князю Московскому». Или в другом месте москвичей прямо называет русскими людьми; описывая нравы современных ему москвичей говорит: «у москвичей или у русских есть обычай ежегодно в известные дни заводить кулачные бои, где-нибудь за городом на открытом месте; на эти бои сходятся как молодые так и пожилые люди, с этих боев зачастую возвращаются полуживые, а бывают и убитые».

Таким образом все исторические и достоверные известия и византийцев, и арабов, и всей Западной Европы, и даже лучшие польские летописцы и историки прежнего времени, от древнейших времен в продолжительный ряд веков, единогласно и постоянно свидетельствуют, что здешний край — чисто Русский край, что великоруссы — чистые славяне, что их никто и никогда не причислял ни к финнам, ни к гуннам, ни к татарам, ни к каким-то мифическим туранам. Следовательно, по свидетельству самой же Западной Европы, входившей в сношения со здешним краем и со здешними людьми, и по свидетельству лучших и достовернейших польских летописцев и историков, нынешние крики польских эмигрантов с товарищами о каком-то монгольском и татарском происхождении великоруссов есть ни больше ни меньше как горячечные бредни, ни на чем не основанные, свидетельствующие только о непомерной злобе современных поляков.

Доказавши всеми достоверными свидетельствами и русскими, и иноземными, что мы великоруссы ни гунны, ни финны, ни монголы, ни татары, ни какие-то тураны, а напротив славяне и чисто русские, теперь следует показать к какому же племени русских славян мы принадлежим, или как образовалось великорусское племя и по чему получило свое название?

По свидетельству древнейшего и достовернейшего нашего летописца Нестора, близко знавшего все племена славянские, в глубокой древности занимавшие разные края русской земли на всем громадном ее пространстве, — здешний край, т. е. земли Рязанская и Муромская, Суздальская и Ростовская с Белым озером принадлежали племени ильменских славян или новгородцев, которые еще в доисторические времена колонизовали этот край и построили в здешних диких лесах между жилищами первобытных здешних обитателей, мери, веси и муромы, свои славянские города Ростов, Белоозеро, Суздаль и Муром и населили их своими же братьями славянами ильменскими. Следовательно, здешние славяне или великоруссы по происхождению своему первоначально могли принадлежать к новгородцам или ильменским славянам. Новгород и, кажется, еще Смоленск, древнейшая Новгородская колония в верховьях Днепра, были первоначально главным гнездом славянщины, из которого постоянно напирали сюда славянские колонисты и постепенно подчиняли себе и ославянивали здешних полудиких и робких старожилов — Весь, Мерю и Мурому.

Это свидетельство Нестора подтверждают и арабские писатели

VIII, IX, X столетий, которые единогласно говорят, что через здешнюю страну в древности шла большая торговая дорога новгородцев в Камскую Болгарию и Хазарию, которая естественно тянула сюда предприимчивых и отважных новгородцев, и выдвигала одну за другой их колонии в здешний край, чтобы ближе быть к богатым и важным для Новгорода рынкам болгарскому и хазарскому, на которых новгородцы приобретали себе азиатские товары, необходимые им для торговли с Западною Европою и для собственного употребления, и сбывали азиатцам дорогие меха и другие товары, приобретаемые на глубоком Севере. Да и кроме торговли сюда привлекало новгородских поселенцев богатство земли, обильнейшее сравнительно с новгородскими болотинами. Дорого ценя здешнее плодородие, простор и приволье, богатые из новгородцев при помощи повольников, шнырявших по здешним рекам и речкам, спешили захватывать земли и заселять их своими ратниками из новгородцев же, надеявшихся в этой привольной стране, и при помощи своих покровителей богачей, удобнее устроить свои хозяйственные дела. Таким образом здешний край еще в доисторической древности сделался раздольем для новгородских бояр богачей, — или больших людей, которые на просторе именем господина Великого Новгорода бесконтрольно владели здешнею землею; точно так же, как впоследствии они владели в привольном заволочье, или в северном краю орошаемом Северною Двиною, Онегою и Вислою; они тут строили свои города и селения. Так что здешние земли Веси, Мери и Муромы покрылись сетью вотчин, или волостей, принадлежащих новгородским большим людям, и более или менее населились новгородскими колонистами и приняли общественный строй новгородский. Здесь еще до прибытия варяго-русских князей в Новгород устроились свои старые города Бело-озеро, Ростов, Суздаль и Муром, где сидели правители, назначаемые новгородским вечем.

С приглашением новгородцами варяго-русских князей в 862 году христианского летосчисления, положение здешнего края несколько изменилось; новгородское вече здешние земли уступило в непосредственное управление одному из приглашенных князей Синеусу, который со своими варягами-русью и засел на Бело-озере: а по смерти Синеуса здешний край перешел во власть князя Рюрика, который разослал своих мужей с их варяжскими дружинами, кого в Ростов, кого на Бело-озеро, кого в Суздаль, кого в Муром: и таким образом к здешним старым новгородским колонистам

присоединились новые колонисты, варяго-русские; но, разумеется рядом со старыми и новыми колонистами оставались здесь жить и здешние старожилы Весь, Меря и Мурома. У новгородцев не было в обычае истреблять старожилов, они только старались ославянить их. По удалении Рюрикова преемника Олега из Новгорода на юг, в Киев, здешний край по договору новгородцев с Олегом остался за ним и его потомками, и таким образом окончательно отделился от Новгорода, и здешние старые новгородские колонисты, мало по малу, смешались с новыми колонистами варяго-русскими, ославянили их и составили с ними одно цельное племя варяго-русско-новгородское. И новгородские бояре, здешние вотчинники, по отделении здешней земли от Новгорода, сделались вместе с варяго-руссами новыми пришельцами, главными владельцами здешних земель, уже совершенно независимыми от Новгорода и полузависимыми от киевских князей, сюда никогда не заглядывавших. И так прошло слишком сто лет до того времени, как великий князь киевский Владимир Святославич, принявши христианскую веру, стал рассылать своих сыновей по городам для введения христианства, и между прочими в Ростов сперва отправил Ярослава, а потом Бориса, а в Муром — Глеба, разумеется с их дружинами и священниками. В продолжение этого столетнего периода здешний, первоначально финский, край настолько уже был ославлянен, что при введении христианства церковная служба уже совершалась на одном славянском языке, и не встретилось неотложной надобности переводить церковные книги на язык здешних старожилов Веси, Мери и Муромы. По преданиям, сохранившимся в народных былинах, при Владимире здешний край настолько уже был русским, что выслал к Владимиру чисто русских богатырей Илью Муромца, крестьянского сына из Мурома и Алешу Поповича — из Ростова.

Рассылка сыновей Владимира по городам здешнего края дала несколько иное направление здешней общественной жизни. С одной стороны главные здешние города, Ростов и Муром, получили отдельных князей, которые пришли сюда со своими дружинами; дружины же сии, приведенные из Приднепровья, конечно по преимуществу состояли из полян и вообще приднепровцев и варягов, следовательно принесли пополнение здешнему народонаселению новым элементом приднепровским, который разумеется соединился со здешними новгородскими и варяго-русскими поселенцами, и составил с ними одно сплошное целое. А, с другой стороны, введение христианства еще плотнее соединило здешних разноплеменных

насельников единством веры и дало решительный перевес славянскому элементу; ибо, как мы уже имели случай заметить, христианское богослужение и проповедь и здесь, как и в других краях Русской земли, совершались только на славянском языке. Но обильнейшие плоды этого нового направления мы увидим не ближе, как через полтораста лет, т. е. при внуках и правнуках Ярослава. Между тем, по смерти Ярослава, здешний край разделился на две половины и причислился к двум приднепровским уделам ярославовых сыновей, одна половина, именно: Муром и Рязань, досталась второму Ярославову сыну Святославу и была причислена к Черниговскому уделу, а другая половина, Ростов и Суздаль с Белым озером, досталась третьему Ярославову сыну Всеволоду и была причислена к Переяславскому уделу на Днепре. Оба князя по обычаю отправили в здешние города своих мужей для управления, а мужи также по обычаю привели с собою свои дружины преимущественно из северян, ибо и Чернигов и Переяславль, где набирались сии дружины, были города Северной земли, и таким образом к населению здешнего края примешался еще новый элемент северянский, который постоянно пополнялся присылкою новых княжьих мужей с их дружинами также из Северян.

При внуках и правнуках Ярослава здешний край опять, как и при Владимире, получил своих отдельных князей, которые уже передали здешние княжества своим потомкам, как самостоятельные уделы, независимые от уделов приднепровских. Именно, в Муроме и Рязани утвердился Ярослав Святославич, выгнанный своим племянником Всеволодом Ольговичем из Чернигова, и от него потом пошел род князей Рязанских и Муромских, а Ростов и Суздаль получил младший Мономахов сын Юрий Долгорукий, от которого произошли князья суздальские и ростовские. Образование отдельных и самостоятельных княжеств в здешнем краю дало тот толчок жизни здешних поселенцев, который поставил их довольно высоко между прочими русскими племенами, и дал возможность резко выказаться тем характеристическим чертам, которые были подготовлены предшествовавшими смешениями поселений и составили свой самостоятельный чисто русский тип великорусского племени. Но дело полного составления великорусского племени на этом не остановилось. Великие устроители и насадители здешнего края, князья Юрий Долгорукий и сын его Андрей Боголюбский, настроили здесь множество новых городов и насозывали сюда жителей со всех русских краев, и из Северской стороны, и из Киевской, Смоленской и

Волынской, не говоря уже о новгородцах; так что в это время Ростовско-Суздальская земля сделалась настоящим гнездом всех возможных русских колоний. И все сии разнородные колонисты под общим именем суздальцев сделались первенствующим и сильнейшим народом на Руси и вся чисто русская жизнь во всем своем разнообразии потянула в Суздальщину.

Время князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского было временем громадного переворота в здешнем краю, — Ростовско-Суздальская земля, доселе как бы забытая князьями и носившая еще характер Новгородской колонии, состоящей почти под исключительным господством местных бояр — богатых землевладельцев, вдруг по воле энергических князей должна была принять иной образ, сбросить форму колонии и подчиниться новым порядкам владения, независимого, самостоятельного, со своими сильными князьями. А по сему естественно люди, бывшие могущественными при старых порядках, должны были вступить в борьбу с нововведениями, ограничивавшими их своеволие. И действительно, дошло до нас несколько темных и запутанных преданий о борьбе здешних старинных богачей — землевладельцев с новыми князьями. Предания сии тем более для нас интересны, что они тесно связаны с сердцем России с нашею дорогою Москвою. По свидетельству сих преданий местность Москвы принадлежала исстаринному, кажется, новгородскому колонисту, боярину Степану Ивановичу Кучке, богатые и многолюдные вотчины которого были расположены по рекам Москвы, Яузе и Неглинной, и составляли одно большое и сильное владение. Этот Кучко, по одному преданию, возгордился против князя Юрия Долгорукого, и был убит им, а детей его, еще очень молодых и красивых собою, Юрий отослал к своему сыну Андрею Боголюбскому во Владимир, а там выдал за Андрея Кучкову дочь, красавицу Улиму. По другому же преданию Кучко со своими сыновьями воевал против князя Суздальского, но был разбит и убит им, а среди Кучковых сел князь построил город Москву. Темны и смешанны сии и подобные предания о Кучке и Москве, но в них слышится голос исторической правды; о Москве и по летописям упоминается в первый раз при Юрии Долгоруком, и его не без основания считают основателем Москвы; а Кучковичи действительно состояли в числе приближенных слуг Андрея Боголюбского, и один из них Яким Кучкович, вместе со своим зятем Петром и ключником Анбалом, был главным заговорщиком и убийцей Андрея. А что Кучко был, по всему вероятию, старым новгородским колонистом, на это мы

имеем указание в писцовых новгородских книгах, по которым значится фамилия Кучковичей в числе новгородских бояр-землевладельцев даже в XV столетии.

Но, конечно, борьба своевольных, давно здесь зажившихся богачей-колонистов, не могла иметь успеха, как и свидетельствуют предания. Да и что могли сделать старые здешние богачи-землевладельцы, когда силы князей росли не по дням, а по часам, прибытием новых поселенцев со всех краев Русской земли, и особенно с беспрестанно разоряемого Приднепровья. Поселенцев влекло сюда, с одной стороны, хорошее устройство и порядок, заведенный строгими и энергичными князьями Юрием и Андреем, и множество разнообразных работ, ими затеянных и доставлявших хорошие заработки. Здесь всякий видел разгорающуюся жизнь, тогда как она глохла в других краях, и всякий охотно шел сюда селиться. А с другой стороны, здешний край, как срединный, удаленный от степей, был обеспечен от внешних набегов. Каждый хорошо знал, что здесь нога не была ни печенега, ни половца, ни иного какого кочевника-грабителя, что здешние города и селения растут и развиваются спокойно, не тревожимые набегами поганых, и каждый был уверен, что здешняя нива, хотя не так богатая, как в Приднепровье, все плоды свои, ни с кем не делясь, передает хозяину, а не будет потоптана или пожжена поганым половчином. И множество охотников спешили перебраться сюда из пожженных и разоренных городов и сел приднепровских. А каждый новый поселенец-пришелец нес новую силу здешним князьям, строителям и насадителям, и был новым помощником к введению новых порядков и к ослаблению старого своеволия старых богачей, прежних колонистов. Исстаринные колонисты решились наконец на последнее средство, — но злодейство, как и должно было ожидать, не помогло, и новая жизнь взяла свое; Ростовско-Суздальский край превратился в настоящее и самостоятельное гнездо великорусского племени, в котором соединились и смешались лучшие силы всех племен Русской земли.

Новая жизнь Суздальско-Ростовского края, вызванная устроителями и насадителями его, князьями Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским, и поддержанная и распространенная их знаменитым преемником младшим сыном Долгорукого, князем Всеволодом Юрьевичем, не погибла и под тяжестью страшного монгольского нашествия. Напротив того нашествие Батыя с бесчисленными татарскими и монгольскими полчищами, сильно

погромившее земли Суздальскую и Рязанскую и вконец разорившее приднепровье, — Киев, Чернигов, Переяславль и другие тамошние города, дало новых поселенцев Суздальской земле. Жители опустошенного Приднепровья, обратившегося в татарское кочевье, и потерявшего своих князей, толпами потянулись в Суздальскую землю, хотя разоренную и подпавшую татарскому игу, но не занятую татарами и управляемую деятельными и умными князьями, не знавшими устали в возобновлении городов и вообще в устройстве всего здешнего края. И Суздальская земля снова стала переполняться пришельцами из разных краев Руси, снова здешние князья, строители и насадители начали отводить земли родным пришельцам, и давать им разные преимущества и льготы, на которые разумеется еще более шло охотников с разных сторон. В это страшное время русские люди, разоренные в конец, охотно шли селиться не только к русскому князю, дававшему льготы; но даже к татарину, ежели он задумывал жить оседло и вести русское хозяйство на большую руку. Так в летописях есть известие, что к Ахмату, татарскому баскаку, в Курске, в 1284 году построившему на свое имя две слободы, набралось, в надежде на покровительство богатого татарина, столько поселенцев с разных сторон, что в тех слободах открылись торги и разные мастерства, и те слободы наполнились русскими людьми, как грады великие. При таковом настроении населения и при таковой существенной нужде в покровительстве, естественно переселенцы спешили из разных краев русской земли к здешним князьям, о которых к их чести нельзя не сказать, что они один перед другим заботились о том, чтобы земли в их владениях не пустовали, чтобы не было недостатка в поселенцах, и для этого не скупились на льготы.

На движение русских людей из приднепровья на северо-восток в земли Рязанские и Суздальские, мы имеем указание и в летописях, где, например, под 1301 годом читаем о переселении в Москву черниговского боярина Родиона Нестеровича с целым полком княжат и детей боярских, числом 700 человек; и сколько таковых переселенцев, чуть не каждый год, шло только на службу к здешним князьям с именем княжат и бояр, и все они приводили с собою хоть какие-нибудь дружины и получали от здешних князей земли в вотчину, иногда даже города, и таким образом в большей части случаев навсегда связывали судьбу свою и своего потомства со здешним краем. Но гораздо сильнейшие свидетельства о сильном движении поселенцев из приднепровья на северо-восток представляют народные предания неписанные, — все народные

эпические песни и былины самые древние, повествующие о древнейших приднепровских князьях, о тамошних народных богатырях и о городах: Киеве, Чернигове, Волыни и Галиче, до сего времени сохраняются в народе, и поются и рассказываются старухами и стариками из крестьян и мещан в здешнем краю; тогда как все сии древнейшие приднепровские предания давно уже утратились в Приднепровье, где теперь старина в песнях и былинах народных не восходит старше казачества и борьбы с поляками. Самый язык старой приднепровской Руси, как он сохранился в литературных памятниках, ближе к здешнему народному языку, чем к теперешнему приднепровскому и здешним людям, например, Несторова летопись, или поучения Кирилла Туровского, или старый непечатный патерик печерский гораздо понятнее, чем современному простолюдину малоруссу. И таким образом и древняя народная поэзия и язык как бы каким-то чудом из приднепровья перенеслись сюда, и конечно, они пришли сюда не одни, а вместе со своими носителями, старыми чисто русскими жителями приднепровья. Все это ясно и прямо показывает, что лучшая и наибольшая часть старого приднепровского русского населения во время татарского владычества, и позднее, при занятии Галича и Волыни польским королем Казимиром и во время погромов литовских перебралась на северо-восток, в здешний край со всеми своими местными народными преданиями и, слившись со здешним русским населением, передала их своим потомкам, уже здешним жителям, которые и хранят все это в своей памяти, как общую народную святыню всей русской земли и всего славянского племени на Руси, и передают из рода в род.

Таким образом с татарским нашествием на Русскую землю окончательно сложилось в здешнем крае как бы новое русское племя великоруссов, в котором органически соединились все живучие и деятельнейшие силы русских племен из всех краев Русской земли, которое потому и получило имя великорусского племени, как представителя всех русских племен, как племя всероссийское, а не частное и местное; и посему, по самой природе своей потянуло к себе все остальные частные и местные племена всей Русской земли, и раскинулось на огромные пространства, на какие не раскидывалось ни одно из славянских племен на Руси, даже и Новгородцы. Оно на юг охватило своими поселениями берега Дона и его притоков, почти до Азовского моря и предгорий Кавказа, на восток заселило своими колониями бассейн Волги почти до Каспийского моря и проникло на Урал, на севере и северо-востоке достигло берегов Белого моря и

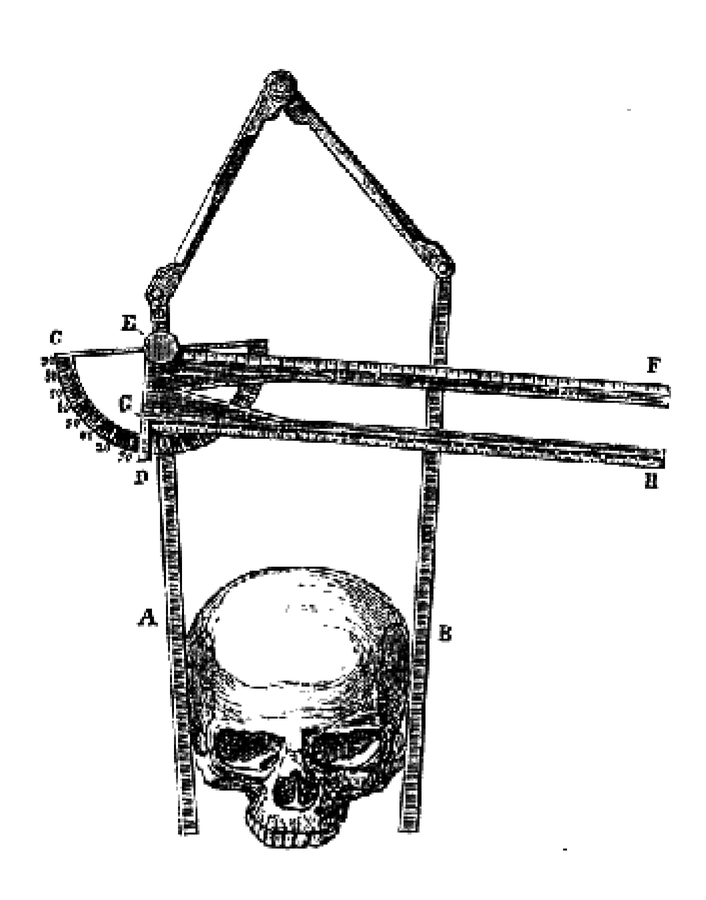
пробралось в Сибирь, на западе уперлось в Финский залив и простерлось почти до Днепра. И все это оно сделало не столько завоеванием, сколько колонизацией и своим всероссийским значением. Всероссийское значение великорусского племени не укрылось и от частных русских племен на запад от Днепра. Племена сии, несмотря на несчастные исторические обстоятельства, разлучившие их с великорусским племенем и притянувшие к чуждым центрам, несмотря на все старания сильных иноплеменников уничтожить даже память о родстве с великорусским племенем, не могли забыть об этом родстве, и чем больше насилия и хитростей употребляли иноплеменники для полного разъединения сих племен с великорусским племенем, и чем больше клеветали на великорусское племя и возбуждали злобу; тем сильнее высказывалось в сих племенах чувство родства и единения с великорусским племенем. Еще в XV столетии потянули к Москве некоторые населения левого берега Днепра, затем в XVI столетии русское племя, населяющее Великое княжество Литовское, заговорило о соединении с Москвою и об избрании Московского царя в государи Литовские. Затем в XVII столетии Малороссия или все южнорусские племена обеих сторон Днепра, под предводительством главного своего гетмана Богдана Хмельницкого, единогласно признали государя Московского своим государем и навеки соединились с Москвою, т. е. с великорусским племенем, и во всем этом соединении со стороны великорусского племени не было никаких особых стараний и происков. Москва и ее государь не противились соединению, соединение же вызванное самою жизнью произошло по доброй и прямой воле самого южнорусского населения, по неумолкаемому чувству единоверия и единоплеменности с великорусским племенем; не Москва искала Малороссию, а сама Малороссия тянула к Москве, как к естественному племенному центру, к общему гнезду, к которому, по законам истории и природы, должны собраться все частные племена Русской земли, чтобы составить одно сплошное неразрывное всероссийское племя, как одна Русская земля, которая с тех пор как сознала свое единство, никогда не знала и не хотела знать никаких делений и дроблений на народности, постоянно признавая один русский народ, всю Русь.

Чувство непрерывающегося родства и единоплеменности с великорусским племенем и признание за ним естественного центра во всех русских племенах, и в настоящее время находится в полном своем развитии и на наших глазах заправляет всею жизнью русских

племен. Припомним недавние, свежие, еще непростывшие события последнего польского мятежа. Пользуясь нашею оплошностью и снисходительностью, чего не делали поляки, чтобы отделить западную Русь от восточной, каких происков и соблазнов не употребляли они, чтобы достигнуть своей цели; все было пущено в ход и золотые грамоты для народа, и шутовское кумовство и побратимство мощных панов с бедными хлопцами, и сепаратистические теории рассеянные между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву и на все великорусское, и подкупы, и угрозы, и натравливание местной администрации на простонародье; но все это оказалось окончательно бессильным против чувства родства и единоплеменности западной Руси с восточной, великорусского племени со всеми русскими племенами западного края, на которые польская интрига так тщательно старалась разбить единый западнорусский народ. Вся эта хитро задуманная и ловко веденная затея пошла прахом; как дошла очередь до дела, — западнорусский народ ни на минуту не задумался и как один человек стал за единство и родство с восточною Русью, т. е. с великорусским племенем, несмотря на то, что иным из тамошних доблестных людей за это пришлось поплатиться жизнью под ножом или от веревки польских жандармов вешателей. Да и теперь в настоящую минуту, на самых крайних западных пределах старой Русской земли в Галичине и в так называемой Угорской Руси, не то ли же неумолкаемое чувство родства и единоплеменности с великорусским племенем движет массами тамошних русских людей, и образованных и простолюдинов. А между тем сколько десятков лет и мадьяры, и поляки, и австрийцы хлопочут о том, чтобы изгладить самую память об этом чувстве, и чего не делали и не делают они для достижения своей цели. Они давно уже успели притянуть тамошних русских людей к унии с латинством, и отделить от единения с православною церковью, запрещали говорить и писать по-русски, старались сочинить какой-то особый русский язык, даже выдумали особое название рутенов вместо русских. Но несмотря на все это и многое другое в том же роде, тамошние русские люди продолжают быть русскими людьми, и в книгах и на сеймах прямо говорят, что они русские, а не рутены, что они одной семьи со всеми русскими людьми, и самый язык их год от года более и более освобождается от посторонних примесей и ближе подходит к общему русскому или великорусскому языку. Русские люди в Галичине и Угорщине своим народным чувством и сознанием, что они русские люди и что принадлежат к одной семье с

великоруссами, служат лучшим доказательством, что великорусское племя есть общерусское племя, что оно составляет центр соединения всех русских племен, где бы они ни жили и в каких бы обстоятельствах ни находились. В Галичине и Угорщине все обстоятельства сложились так, что бы тамошние русские люди отреклись от единоплеменности с Россией; но они не отрекаются, и прямо и гласно утверждают, что они русские одной семьи со всей Россией, где общим представителем великорусское племя, что они не хотят быть ни отдельным русским племенем, ни малоруссами, ни червоноруссами, ни белоруссами, а что есть, были и будут просто русскими, как и вся Россия. Значит народного чувства и исторической правды ничем не заглушишь; а историческая правда и народное чувство во всех концах Русской земли, даже за ее пределами закордонном, где только живут русские люди, говорят одно, что великорусское племя есть всероссийское племя, что оно центр всех русских племен и следовательно всем прямая родня до самых костей.

Но чтобы не продолжать нашей беседы, и без того уже довольно затянувшейся, я просил бы всех, желающих увериться в таковом значении великорусского племени, посмотреть на Московскую этнографическую выставку. Там будут поставлены рядом типы всех русских племен, как живущих в самой России, так и за кордоном; и сами типы лучше всяких слов и доказательств каждого убедят, что великорусское племя есть всероссийское племя, что в его этнографический облик все русские племена внесли свои черты, и что в этом чистом облике нет ни одной нерусской черты. Да, милостивые государи и милостивые государыни! Великорусское племя на этнографической выставке, так сказать, обдаст вас своим чистым русским типом, я это сам испытал своими собственными глазами и своим чувством.

C
E
F
G
D
H
A
B

Н. И. Кареев

Расы и национальности с психологической точки зрения

«В XIX веке, — справедливо говорит Лоран, — раса заменила климат и природу в философских построениях истории». Действительно, психические особенности расы, так называемый национальный дух или гений — вводятся исследователями в философское обозрение истории отдельных народов для объяснения тех или других выдающихся ее явлений: народный характер, отличающий одну нацию от другой, рассматривается как один из факторов разнообразия, представляемого частными историями, как одно из условий, с которыми вообще приходится иметь дело закону исторического развития. A priori положительная наука должна признать правильность этого взгляда: ставя психологию в тесную связь с физиологией и замечая, что расы физиологически отличаются одна от другой, наука должна необходимо заключить, что эти физиологические отличия сопровождаются всегда и в известной степени отличиями и в психологическом отношении; признавая, что условия среды так или иначе влияют на основные черты характера, передаваемые по наследству предками потомкам, она естественно приходит к представлению расы и национальности, как агрегата индивидуумов, в известных отношениях проявляющих один, общий им тип, под который не подходят индивидуумы другого агрегата, т. е. другой расы или национальности; наконец, если наука стремится в психологии и социологии исследовать законы, коим подчиняется духовная и общественная жизнь человека вообще, то в расовых и национальных особенностях она естественно будет искать один из факторов, обусловливающих отклонения от общих законов, усложняющих их применение. Все это заставляет положительную науку серьезно отнестись к тому, что в этом отношении сделано исследователями в области так называемых гуманных наук, хотя бы учение о расах и национальностях в истории и соединялось иногда с соображениями ненаучного свойства, как, например, у Лорана, по мнению которого, нации получают каждая особый характер для того, чтобы легче могла выполнить свою миссию в развитии человечества:

наука может всегда из массы заблуждений извлечь хотя частицу истины, ибо самые ненаучные по своему миросозерцанию исследователи не обходятся никогда без метода, которым пользуется наука для достижения научных результатов.

Объем журнальной статьи не дозволяет нам подвергнуть критическому рассмотрению хотя бы все наиболее известные объяснения крупных явлений в жизни отдельных народов из их национальных характеров, и нам поэтому приходится ограничиться одной какой-нибудь группой подобных объяснений. Много, например, писалось по поводу основных черт характера разных европейских народов, как потомков древних галлов и германцев, но здесь нередко видную роль играли патриотические увлечения, национальные пристрастия; историки готовы были приписывать все хорошее в истории западной Европы национальному элементу своей родины, и это одно делает для нас неудобным взять предметом для критики мнения исследователей западной истории: мы наперед можем угадать, что научности можно искать здесь менее всего. К тому же в жизни европейских народов участвовало столько других важных элементов, и национальности вступали между собою в столь многообразные взаимоотношения, то смешиваясь между собою, то культурно влияя одна на другую, что найтись в этом хаосе с одним руководящим принципом особенно трудно. Наконец, в данном случае приходится иметь дело по большей части с едва уловимыми оттенками в особенностях национального характера, ибо все европейские народы принадлежат к одной расе, и многое, что может показаться с первого взгляда основною чертою народного характера, при ближайшем рассмотрении сведется на данные среды и исторической традиции; поэтому мы и не находим особенно выработанных теорий о характерах цивилизованных народов Европы. Другое дело, когда речь заходит о сравнении двух резко отличающихся одна от другой рас: национальным пристрастиям приходится здесь отступить на задний план — важное условие научности разработки вопроса; если эти расы жили каждая особою жизнью, то в общем гораздо легче уловить их отличия одной от другой, нежели в случае отдельных народов одной расы, беспрестанно влиявших одна на другую; наконец, здесь также легче выделить психическую особенность из культурной традиции, так как у каждого народа данной расы своя традиция, и то, что не объясняется последнею, может найти объяснение в расовом признаке. Сравнение расовых психических особенностей таким образом дело более легкое,

нежели сравнение признаков национальных; поэтому-то самые выработанные теории до сих пор мы имеем относительно рас, а не национальностей, и эти теории, заявляющие притязание на научность, удобнее всего могут быть предметом нашего рассмотрения. Само собою разумеется, далеко, что мы должны взять опять-таки не какие-нибудь малоизвестные расы, а те, которые нам лучше всего знакомы и притом не только в настоящем, но и в прошедшем. Такими расами являются в науке арийская, или индоевропейская и семитическая, или сиро-арабская, составляющие с басками и кавказскими племенами породу (Art) средиземного человека, homo mediterraneus.

Соединением древних индусов, иранцев, греков, италиотов, кельтов, славян, литовцев и германцев с их теперешними потомками в одну, арийскую расу, а сирийцев, халдеев, финикиян, иудеев и арабов с их современными представителями в другую, семитическую расу наука обязана не естествознанию, а науке о языке. Сравнительная грамматика доказала, что языки перечисленных народов происходят от двух различных праязыков (Ursprache), из коих один лингвисты назвали арийским по тому, как называли себя древние индусы и иранцы (arya), другой — семитическим по имени Сима, библейского родоначальника народов передней Азии. Эти два праязыка безуспешно старались вывести из одного общего источника, безуспешно потому, что как в звуковом отношении, так и по своей структуре языки арийские и семитические резко отличаются одни от другого. Хотя лингвистами попытки их сближения делаются до сих пор, естествоиспытатели стали уже определенно на сторону тех ученных, которые отрицают лингвистическое родство арийцев и семитов: по мнению Бюхнера, антропологически близкие арийцы и семиты разделились, когда еще не имели языка, т. е., говоря словами Геккеля, stammen von verschiedenen Affenmenschen ad; подобную же мысль высказывает, хотя и не так резко, известный Ренан, знаток семитических языков и литератур: «ничто не мешает, — говорит он, — народам, имеющим общее происхождение, но разделенным с самой ранней поры, говорить на различных языках (des lagues de systeme different), тогда как трудно допустить, чтобы народы, представляющие одинаковые физиологические и психологические признаки, не были братьями. Расы семитическая и арийская жили вместе во время своего происхождения и разделились весьма рано и прежде, нежели нашли каждая окончательную форму своего языка и своей мысли». Поэтому Ренан сравнивает отношения обеих рас с отношениями двух близнецов, которые сначала недалеко росли друг

от друга, а потом около 4–5 лет разлучились, и судьба которых была различна.

Действительно, судьба арийцев и семитов, этих двух рас исторических par excellence была различная, и арийцы далеко опередили своих братьев на поприще прогресса. Это обстоятельство не могло не броситься в глаза историкам. С другой стороны, признавая, что в особенностях языка сказываются особенности духовных способностей человека, ученые начали сравнивать между собою и другие продукты психического творчества арийцев и семитов, объясняя их различия различием духовных способностей и связывая вопрос с вопросом о несходстве исторических судеб обеих рас — тема в высшей степени интересная сама по себе и весьма благодарная: научная ее разработка может дать некоторый материал для решения вопроса о значении прирожденных свойств расы и национальности в социальной и исторической жизни человечества. Признавая существование таких прирожденных свойств, наука на основании подобной разработки могла бы исследовать множество важных отношений: как раса влияет на социальную жизнь и как последняя видоизменяет признаки первой? Все ли человеческие племена одинаково способны слагаться в прочные социальные организмы, и во всех ли одинаково развита способность отстаивать индивидуальность особи от превращения в орган всепоглощающего общества? Все ли племена могут прогрессировать умственно, нравственно и в социальном отношении, или в особенностях расы может лежать причина одностороннего развития в одном из указанных направлений и т. д.? Конечно, наука еще далека от разрешения этих и подобных вопросов, но мы вправе спросить, дала ли что-либо история для решения этих вопросов, или ученые доселе совершенно напрасно изучали вопрос о влиянии расы на судьбы арийцев и семитов. Конечно, также мы не можем подходить к этим ученым с требованиями социологии, но это не мешает нам рассмотреть, научны ли вообще и сами по себе достигнутые ими результаты. Наш вопрос, кроме того, имеет не только частное, но и общее значение: в известной степени по частному мы можем заключать об общем и ответить на вопрос, могут ли удовлетворить социологов приемы, употреблявшиеся доселе в философском освещении истории и научном исследовании явлений социальной жизни.

Мы недаром остановили свой выбор на вопросе о расах: действительно, в современной науке раса если не заменила, то по

крайней мере стала рядом с климатом и природой в философских построениях истории; мы недаром, далее, обращаемся к вопросу об арийцах и семитах: это сравнительно самый легкий для исследования вопрос; наконец, мы недаром начинаем с теории обладающего громадной эрудицией Ренана: его теория, изложенная в «Общей истории семитических языков», самая выработанная, а мелкие, частные формулы мы обходим молчанием.

На первых же страницах своего обширного труда Ренан замечает, что характер семитических народов отмечен в истории чертами столь же оригинальными, как и те языки, на которых они выражают свои мысли. Они не влияли на политическую сторону истории, но зато в умственной сфере они совершили громадные перемены: наука и философия, правда, им почти чужды, но была область, для которой они имели какое-то особое чутье (un sens special) это — область религии. Исследование принадлежит арийцам, а семиты «без размышления и рассуждения достигши самой очищенной религиозной формы, какую только знала древность», именно единобожия, обратив к которому арийцев, семиты исполнили свою миссию и потому сошли со сцены истории, предоставив арийцам идти одним во главе судеб человеческого рода. Семитическое сознание ясно, но не широко; оно превосходно схватывает единство, но не может охватить множественность: монотеизм лучше всего резюмирует и объясняет все черты этого сознания. Эта раса никогда не представляла себе мироправления вне формы абсолютной монархии, и семиты не выдумали такой концепции (on n'invente pas le monotheisme), она не была для семитов делом прогресса и философского размышления, а составляет прирожденное их достояние: пример Индии оставшейся мифологической до наших дней доказывает крайнее затруднение, с каким арийский дух, предоставленный самому себе, приходит к монотеизму, греческий дух равным образом не вырвался бы из оков многобожия без содействия семитов. Семиты не понимали Бога под формами разнообразия, множественности, пола: слово богиня было бы на еврейском языке самым ужасным варваризмом. Природа также не играет важной роли в семитических религиях: «пустыня монотеистична, — говорит Ренан. — Вот почему Аравия всегда была оплотом самого восторженного монотеизма», и еще до Магомета арабы чтили Allah taala. Правда, финикияне были политеисты, но на них сказалось влияние соседних народов иной расы: в чистоте же семитизм сохранился лишь у евреев и арабов, особенно у последних. Все

религиозные реформы у семитов были поэтому только возвращением к культу Авраама. Отсюда же, с одной стороны, отсутствие у семитов мифологии природы, а с другой, нетерпимость по отношению к народам, не признававшим единого Бога.

Отсутствие философии и науки у семитов Ренан объясняет неразвитостью у них аналитической способности. Способность, порождающая мифологию та же, которая порождает метафизику, и Индия с Грецией наряду с самой богатой мифологией дают нам самую глубокую метафизику. Видя в явлениях природы осуществление единой божественной воли, семиты не могли понять во вселенной множественности, ведущей в ранние эпохи к политеизму, а в поздние к науке: вот почему семитическая философия не шла далее изречений семи греческих мудрецов. «Суета сует, — восклицает Экклезиаст, — Ничего нового под солнцем… Увеличивать свое знание значит увеличивать свое несчастье… Я хотел исследовать, что происходит под солнцем, и увидел, что это худшее занятие, которое только дал Бог сынам человеческим… Я приложил сердце свое к познанию… и увидел, что это — только удручение ума». У семита нет любознательности: «Бог всемогущ», — отвечает араб на все рассказы о необычайном; «Бог знает», — говорит он в случае нерешенного вопроса.

Разнообразия в семитической поэзии нет: семиты знают только поэзию параболическую (притчи) и лирическую; бедность воображения мешает развитию эпоса и драмы, которые и потому не могли развиться, что у семитов нет мифологии. Отсутствием последней объясняется и то, что семитам чужда пластика, тогда как на музыку, передающую подобно лирике внутренние состояния души, можно смотреть, как на искусство особенно сродное семитам. Эта исключительность семитического духа отразилась и на морали: семит понимает обязанности только по отношению к самому себе, а если и любит Иегову, то лишь как своего покровителя. Индивидуализм семита обусловливает отсутствие во всей расе организаторского духа и духа дисциплины: семиты никогда не могли образовать хорошего войска и постоянно прибегали к наемникам, никогда не складывались в организованные государства, напоминающие греческую или абсолютные монархии Египта и Персии: истинное семитическое общество — это общество палатки и племени, а «вопросы аристократии, демократии, феодализма, заключающие все секреты истории арийских народов, не имеют смысла для семитов»: верховную власть они отдают одному Богу. Только утратив часть

своего благородства и своей чистоты они достигли правильного устройства общества и стали заниматься торговлею. У арабов этот индивидуализм сохранился вполне: жизнь их есть не что иное как ряд антисоциальных поступков, взаимной ненависти и беспрестанных мщений.

Таким образом у Ренана семитическая раса характеризуется отрицательными свойствами: она не имеет ни мифологии ни эпопеи, ни драмы, ни философии, ни пластических искусств, ни гражданской жизни. Монотеизм не знает разнообразия: il n'y a pas de variete dans le monotheisme, — говорит Ренан. Семиты заняли небольшой уголок земли; народы этой расы не индивидуализируются так резко, как арийцы, и их цивилизация представляет один только тип. Все различие сводится в конце концов к тому, что семит субъективнее, индивидуалистичнее, а ариец отличается большим развитием объективизма и меньшей самососредоточенностью личности. Сколько нам известно, впервые подобную сравнительную оценку семитизма и арийства сделал Лассен в своих «Индийских древностях»: важность исторической роли арийцев Лассен называет «высочайшим и важнейшим даром природы», причину высшего развития их видит в «их высшей и большей одаренности»: у семитов не так гармонично развиты душевные силы, у них господствует чувство (das Gemuth), страстность с энергичной волей и острым умом; семит не отделяет отношения мира к человеку вообще от собственного я, не может представить своему уму мысль в полной объективности; его концепция субъективна и эгоистична. Поэзия его — лирика, а эпос и драма ему не удаются, из других искусств он более любит музыку; в религии семит эгоистичен (selbstsuchtig), исключителен, он нетерпим, фанатичен, привержен традиции. Ренан, как мы видим, дал этой характеристике дальнейшее развитие. Посмотрим, насколько его построение оправдывается фактами.

Мы не станем настаивать на крайней неопределенности понятий субъективного и объективного в значении, которое придают им Лассен и Ренан. Обратим прежде всего внимание на то, что Ренан писал свою характеристику семитов исключительно по евреям и особенно арабам: это одно уже кажется несколько произвольным: что же за расовые черты, которые принадлежат только двум народам? Поэтому то, что мы находим у евреев и арабов, и то в известное лишь время, делается принадлежностью всей расы. Но кому не известно, что евреи были весьма склонны к идолопоклонству, против которого нередко гремел голос вдохновенных пророков и гремел иногда

напрасно? Возьмем арабов, если евреи вследствие столкновений с соседями утратили основные черты семитизма, хотя при том значении, какое придает Ренан расе, допустить это трудно: для подтверждения своей теории знаменитый ориенталист выдумывает монотеистическую Аравию до Магомета, тогда как факты говорят противное. Вообще, этот пункт теории разбивается очень легко. «Разве, — говорит Каррьер, — у семитов же за пределами Аравии не привился к плодоносию влажно-теплых долин совершенно чувственный культ Милитты, чем кстати опровергается и другое положение Ренана, будто бы семит неспособен постигнуть в боге родоразличия! Напротив, парная сопостановка бога с богиней и есть именно отличительная черта семитов». По верному замечанию Штейнталя, все, что приводит Ренан для доказательства существования общей религии у израелитов и других семитов, одинаковым образом указывает и на то, что первые сначала были политеистами, и на то, что последние могли бы сделаться монотеистами. Пусть Ренан думает, что чистый монотеизм составляет первобытную форму религии, это к делу не относится, ибо есть исследователи, сводящие и арийские религии к первобытному единобожию: дело в том, что Ренан, кроме того, очень смутно представляет себе способ происхождения семитического монотеизма: если на стр. 5 он утверждает, что семиты никогда не выработали бы догмата единства Божества, если бы не нашли его в непреоборимых инстинктах своего ума и своего сердца, и в других местах проводит ту же мысль, именно, что главным условием единобожной религии был самый дух семита, — то на стр. 6 это не мешает Ренану, признавшему монотеистичность пустыни (sic!), высказать соображение, что единообразная пустыня способнее внушить мысль о едином Боге, нежели вечно творящая жизнь более плодородной природы, внушая другим расам политеизм. Коли монотеизм, говоря словами Ренана, выдумать нельзя, то при чем здесь пустыня, а если пустыня внушила семиту монотеистическую идею, то к чему нужна Ренану врожденность единобожия семитическому духу? В другом своем сочинении, называя монотеизм минимумом религии, Ренан замечает, что единобожие продукт простоты быта номадов, довольствующихся, как известно, немногим. Это еще курьезнее! С другой стороны, разве арийцы неспособны были к монотеистическим концепциям? Ренан проглядел индусские Веды, высказывающие стремление к единобожию, и еще с большею несправедливостью религию Ирана, не говоря уже о сходных тенденциях греческой философии.

«Монотеизм, — говорит Ренан, — породил религиозную нетерпимость, но не нужно думать, — прибавляет он, — что семиты проклинали местные религии во имя местной же религии, ибо «их стремление было поставить верховного бога на место национальных божеств, их нетерпимость была чисто логическая и исходила из высшей религиозной идеи». С этим опять нельзя согласиться: универсальное значение получило христианство только на почве арийского духа, нашедши подготовку в распространении эллинизма и в римском объединении в последних веках перед Р. Х. И разве арийцам несвойственна нетерпимость? Ренан, вероятно, забыл ненависть индусского религиозного кодекса к неверным, забыл ожесточенную борьбу браманизма с буддизмом в Индии.

Переходим к индивидуализму семита, ставя рассмотрение других частностей в связь с мнениями Каррьера о противоположности психических признаков арийцев и семитов. То, что говорит Ренан об арабах, можно приложить к каждому народу на известной ступени развития. Ренан говорит, кроме того, что пока семиты не утратили благородства и чистоты, они совершенно не знали торговли: это опять-таки можно сказать о всяком народе. Мало того, когда арийцы сохраняли еще «благородство и чистоту», семитические финикияне уже были всесветными торгашами. Каррьер даже прямо в индивидуализме семитов видит причину склонности их как в древности, так и теперь, сообразовать всю свою деятельность со стремлением к личной наживе посредством торгашества и денежных операций. Каррьеру эта мысль так понравилась, что он приписал и изобретение векселей той силе семитов, которая тонко отличает форму от содержания и характерное от неважного; по его мнению, ариец так же не додумался бы до употребления векселей, как, по словам Ренана, не додумался бы до монотеизма.

Мориц Каррьер, мастер более составлять художественные антитезы, нежели научные характеристики национальностей, посвятил целую главу в первом томе своего обширного труда об «Искусстве в связи с общим развитием культуры» сравнительной характеристике арийцев и семитов. В своих взглядах он недалек от Ренана; если последний приписывает склонности арийского духа к множественности и разнообразию раздробление арийцев на множество племен, менее сходных между собою, нежели нации семитические, олицетворяющие единство и однообразие, то Каррьер утверждает это еще определеннее. Оба они однако довольствуются одной фразой, не объясняя дела, тогда как для объяснения факта

нечего прибегать к различию психики, здесь неуместному: всех семитов мы знаем с ранней эпохи, тогда как 1) между выступлением на сцену истории различных арийских племен протекают целые столетия; 2) арийцы рано перестают влиять друг на друга, 3) раскинувшись от гангесской долины до крайних пределов Старого Света на западе и подвергаясь на этой обширной территории самым разнообразным влияниям. Впрочем, Каррьер способен понять дело наоборот, т. е. не распространенности арийцев по обширной территории приписать их разнообразие, а их страсти к разнообразию расселения на громадном пространстве: например, он различием черт характера дорийцев и ионийцев обьясняет, почему первые выбрали себе внутренние части края и замыкаются извне, а ионийцы заселили доступные всем берега и побережья. Здесь Каррьер так же играет словами, как в объяснении различий языков семитических и арийских: семиты в языке, по Каррьеру, «предпочитают образуемые в глубине гортани внутренние придыхательные звуки губным, даже и видимо выступающим наружу» и для словоизменения пускают в ход изменения звуков внутри слова, тогда как арийцы прибегают при этом к внешним окончаниям: так в речи сказался субъективизм семита и объективизм арийца.

Антитеза субъективного и объективного, внутреннего и внешнего с крайнею неопределенностью понятий и подтасовкою фактов в видах оправдания теории проходит и через сравнительную характеристику арийцев и семитов и у Каррьера. Например, он, говоря о социальных отношениях, утверждает, что семитические государства возникают и падают вместе с руководящей личностью, тогда как у арийцев созидаются из свободных общинных союзов, что у первых законодательство дается, как религиозное откровение, а у последних есть мирское выражение народной воли. Не нужно тратить много слов, чтобы доказать неосновательность этих положений: характер социальных отношений зависит в данном случае не от духа расы, а от степени развития и других условий; кроме того, чем монархии Александра Македонского и Карла Великого не государства в семитическом, по Каррьеру, вкусе? Чем финикийские, следовательно семитические, общины не общины на манер арийских? Разве религиозное законодательство индийского Ману не откровение, а выражение народной воли? В религиозном отношении из самой сущности семитического субъективизма Каррьер выводит наклонность семитов к монотеизму, к которому однако они поднимаются от многобожия; главное, однако, различие Каррьер

видит (как и Макс Мюллер) в том, что семиты обращали более внимания на отношение божества к человеку, а арийцы создали свою религиозную поэзию на основах поэтического взгляда на явления природы, что опять-таки ошибочно: нельзя, с одной стороны, отрицать связь множества семитических культов с явлениями природы, а с другой, не все арийцы имеют богатую мифологию природы: сам же Каррьер весьма основательно говорит, что в религии римлян отношение божества к человеку совершенно вытесняет мифологическую поэзию.

Переходим к науке: монотеист-семит видит во всем непосредственное действие божией воли. «Он следует авторитету своего пророка даже и там, где индиец, грек, германец философствует, основывая свое миросозерцание на самостоятельной работе мысли», и только под влиянием арийцев средневековые арабы и теперешние евреи могли принять живое участие в успехах научной мысли. Говоря это, Каррьер не принимает в расчет, что не все семиты были монотеисты, не у всех были пророческие авторитеты, забывает, что и у индийцев было такое же отвращение к науке, что и у арийцев были эпохи, когда личная мысль сдавливалась авторитетом предания: такова именно вся почти философия тех же индусов. Мы знаем, кроме того, что в науке арийские иранцы были учениками семитов.

Наконец, область искусства рассматривается Каррьером в том же направлении. Дух арийцев объективен: он услаждается внешними формами предметов, а потому создал чудеса в архитектуре, живописи, пластике. Напротив, так как у семитов нет уважения к объекту, бескорыстной любви к миру явлений, то искусство их отличается, с одной стороны, символизмом, где потребно только внешнее выражение предмета без реальности и красоты изображения, с другой заключаются в развитии музыки, выдающей строй и движение внутренней жизни. Поэтому-то они любят для указания на собственные свои думы вдаваться в затейливую игру линий и фигур, одна из другой возникающих и переплетающихся между собою: это — орнаментика вавилонян и ассирийцев, а также арабов. Здесь на место арийцев вообще подставляются греки, которые в пластике были учениками восточных народов и художественное развитие которых обнимает сравнительно небольшую эпоху; у индусов искусство развилось очень поздно, позднее, чем у семитов, и отличается еще большим символизмом, большею уродливостью и фантастичностью, нежели у семитов; иранцы прямо заимствовали свою пластику у соседних семитов. Интересно и то, что принадлежащие к разным

расам индус и финикиянин так же склонны были к выделке идолов, как этнические родичи их перс и израелит ненавидели кумиры. И в сфере поэзии находит Каррьер результаты субъективизма семитов в их лирике и объективизма арийцев в их эпосе и драме, хотя и не отрицает существования эпических мотивов у семитов, как это делает Ренан. Однако лирика арийских Вед не уступает лирике семитической; сказка, этот арабеск поэзии, одинаково фантастично развивалась и в Индии, и в Аравии; греческие мистерии, из коих возникла драма, были занесены в Элладу, и где кроме Греции и Индии самобытно развилась драматическая поэзия? Не основаны ли исторические предания семитов на эпических сказаниях?

Кроме антитезы арийства и семитизма, развитой Лассеном, Ренаном и Каррьером и вошедшей даже в учебники истории, мы находим и другие. Приводим два образчика.

«Если общая концепция, — говорит Тэн, — к которой клонится представление, является в виде живого символа, как у арийских рас, то язык становится чем-то вроде цветистой эпопеи, где всякое слово есть образность, где поэзия и религия принимают пышную и неистощимую ширь, а метафизика развивается свободно и аналитически, не заботясь о практических приложениях; где весь ум, не взирая на ничтожные уклонения и временное бессилие, восторгается высоким и создает идеальный образ, способный по своему величию и гармонии привлечь к себе любовь и поклонение человечества. Но если общая концепция, к которой стремится представление, будет хотя и поэтическая, но не сдерживаемая в известных границах, если человек достигает до нее не строгой последовательностью, но путем внутреннего откровения, если самобытный процесс не есть правильное развитие, но стремительный взрыв, — тогда происходит явление, аналогичное с тем, какое мы видим у семитических рас, именно: метафизика не существует, религия усваивает одно лишь понятие о всеистребляющем, недоступном Боге-властителе, наука не может образоваться, ум делается слишком тяжел и слишком целен для воспроизведения стройного и постепенного порядка природы, поэзия умеет давать только ряд энергических и грандиозных восклицаний, язык не в силах выразить логического развития мысли и красноречия, и на долю человека остается один лирический энтузиазм, неудержимая страсть, ограниченный и фантастический круг действия». Место поистине в семитическом вкусе!

«Семиты, — говорит Ж. Сури, — раса по преимуществу

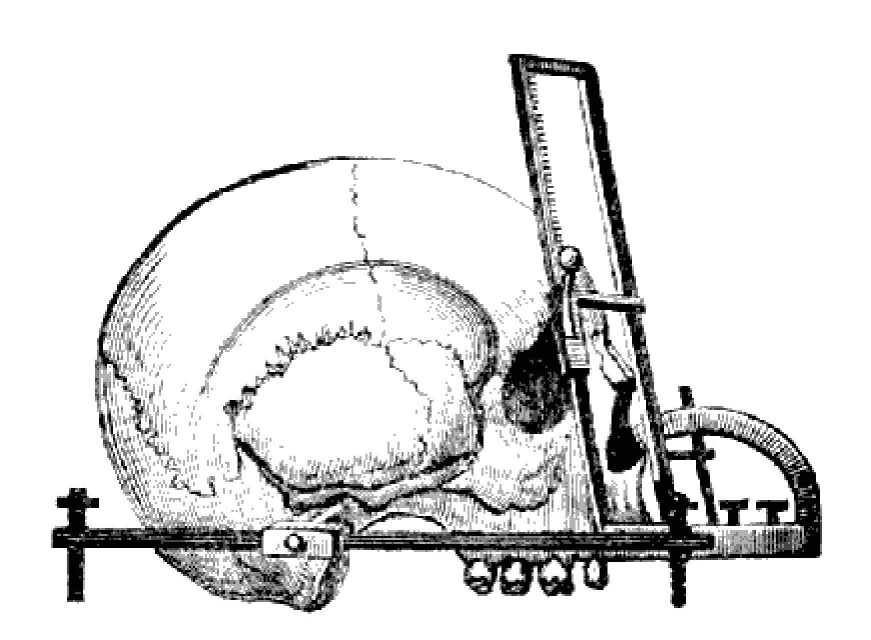
сосредоточенная и практическая, лишь в слабой степени одаренная пониманием материальных форм. Она не произвела великих лирических поэтов, замечательных идеалистов, она не основала обширные государства, вовсе не породила пластического искусства, способного создать стиль, который один только делает бессмертными человеческие произведения. Совершенно иное раса Хама (неопределенное название группы народов, поселившейся в долине Нила). Она обнаружила уже в самые незапамятные времена и в сильной степени стремления выражать свои идеи и свои чувства в соответственных объективных формах, настоящих символах, что неизбежно должно было привести к созданию искусства. Наконец, индоевропейская раса, соединяя в себе противоположные качества семитского и хамитского гениев, впервые осуществила единение идеи и формы и сообщила искусству то могущество, которое оно может иметь, когда идея выражена в пластической форме, а форма одушевлена идеей». Место, отзывающееся несколько эстетикой Гегеля.

Антитеза — любимая форма характеристик рас и национальностей; дорийцы характеризуются непременно рядом с ионийцами, римляне — рядом с греками, романские народы — рядом с германскими и т. п., и везде две сравниваемые расы или национальности являются воплощением двух противоположных отвлеченных понятий: то романские народы стремятся к идее единства, а германские к сепаратизму, то славяне представляются воплощением кротости в противоположность насильственности народов романо-германских, как в рассмотренных антитезах семиты субъективны в сравнении с объективными арийцами. Особенно развил теорию антитез в приложении к индоевропейцам г. Гильфердинг: формула его уже была в свое время подвергнута критике, к которой и отсылаем читателя, интересующегося вопросом. По этой формуле все арийцы делятся на три группы, из коих каждая состоит из двух главных племен, друг другу противоположных, и третьего малохарактерного племени (фракийцы, кельты и литовцы). Для сокращения изложения мы представим суть дела в такой схеме:

I Индусы, греки, германцы	II Иранцы, италиоты, славяне
Развитая личность	Личность мало развита
Сильное и оригинальное умственное развитие	Умственное развитие слабо и не оригинально
Аристократизм	Отсутствие аристократизма
Враждебность к иностранцам	Радушное отношение к

	иностранцам
Отсутствие общественных стремлений и государственности	Общественные стремления и государственность
Равномерное развитие различных племен отрасли	Легкое слитие племен около двух центров (мидяне и персы; самниты и римляне, поляки и русские), из которых один приобретает господство над другим (персы, римляне, русские)

Разрушить подобный эшафодаж, конечно, не составляет трудности, а все характеристики рас и национальностей более или менее подходят под тип рассмотренных. Спрашивается, может ли серьезная наука воспользоваться материалом, доставляемым подобными построениями, для теории расы и национальности с психологической точки зрения, для решения вопроса о том, какую роль играет раса и национальный дух в историческом развитии народов? Ответ, очевидно, должен быть отрицательный: все подобные построения не из строгого анализа фактов получены, а придуманы для втискивания в них фактов. Недостаток теоретической подготовки высказавшийся, например, у Ренана в решении им вопроса о монотеизме, а у всех — в смутности понятий, вводимых ими в рассуждение, смешение существенного с несущественным и подмена расы каким-нибудь одним народом, семитов евреями, а арийцев греками; неумение выделить оригинальное из того, что обусловливается степенью развития или внешними обстоятельствами; подтасовка фактов в угоду готовой теории при нежелании отдавать себе ясный отчет в каждом своем шаге, — вот причины того, что психологии и социологии нечем поживиться из всех этих построений и quasi-объяснений. Чувствуется во всем этом какое-то непонимание приемов положительного метода и законов психологии и социологии, а без понимания элементарных требований положительной науки ни на каком запасе фактического знания нельзя построить теории, имеющей притязание на научное значение. Конечно, если когда-либо антропологии удастся решить вопрос о роли психических особенностей расы и национальности в истории вообще и в частности в применении к отдельным народам, то достигнет она этого, только не следуя по проторенной уже дороге.

Иван Алексеевич Сикорский

Черты из психологии славян

Речь, произнесенная в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года

Исследования в области антропологии открыли ряд крайне интересных фактов касательно устойчивости, с которой физические свойства расы или племени сохраняются в продолжение длинной цепи веков, переходя от поколения к поколению. Цвет кожи и волос, цвет глаз, форма и размеры черепа передаются как физическое наследие нисходящим поколениям. Благодаря этому, по ископаемым черепам, сохранившимся в земле в течение нескольких столетий, можно определить, нередко с совершенной точностью, расу и племя, к которым принадлежал череп.

Но, без сомнения, гораздо более интереса представляет тот факт, что подобною же устойчивостью отличаются и духовные качества расы или племени. Черты народного характера, его достоинства и недостатки передаются нисходящим поколениям: через тысячи лет в данной расе мы встречаем те же особенности народного характера. Француз XIX ст., говорит Рибо, представляет те же черты характера, что галл времен Цезаря. «Галлы, — говорит Цезарь, — любят перевороты, увлекаются всякими ложными слухами и предпринимают действия, о которых впоследствии сожалеют; они вдруг решают самые важные вопросы; неудача повергает их в отчаяние; они необдуманно и без достаточной причины предпринимают войны; в несчастии теряют голову и падают духом». Кто в этом описании Юлия Цезаря не узнает современных французов, говорит Рибо.

Сравнивая исторические описания характера русского племени и других племен славянской расы, мы находим те же основные черты теперь, что и тысячу лет назад: то же славянское миролюбие и гостеприимство, ту же любовь к труду, те же семейные добродетели, тот же идеализм, ту же славянскую рознь и ту же нерешительность характера, которые отличали большую часть славян в течение тысячи

лет их исторической жизни.

Черты характера народа имеют известное влияние и на его исторические судьбы; ознакомление с этими чертами стало предметом, возбуждающим общий интерес. В наши дни психология народов становится предметом исследований; это касается всех культурных наций и в неменьшей степени русских и других славян.

Появление славянского племени на авансцене мира, говорит Ренан, есть самое поразительное событие настоящего столетия. Славянские племена начинают принимать решительное участие не только в политической, но и в культурной жизни народов. «Будущее, — говорит Ренан, — покажет мерку для оценки того, что даст человечеству этот удивительный славянский гений с его пылкой верой, с его глубоким чутьем, с его особенными воззрениями на жизнь и смерть, с его особенными воззрениями на жизнь и смерть, с его потребностью мученичества, с его жаждой идеалов». Эта тонкая глубокомысленная характеристика обнимает существенные черты психологии славян и неожиданно вводит нас в мир новых и старых фактов из жизни великой расы, к которой все мы имеем честь и счастье принадлежать.

Как сложились основные черты славянской души, славянского гения, — это скрыто от нас непроницаемым покровом доисторических времен; но несомненно, что на развитие народного духа оказали важное влияние два фактора: антропологический состав племени и внешняя природа, среди которой живет славянская раса, в особенности крупнейшая ветвь ее — русское племя. Эту природу можно назвать более бедной, а условия жизни более тяжелыми в сравнении с природой и жизненными условиями, в которых живут другие народы. Отличаясь резким переходом от тепла к холоду и более низкой средней температурой, восточная половина Европы налагает на своих обитателей необходимость напряженного труда для добывания насущного хлеба, а также для добывания теплого платья и устройства теплых жилищ, в которых гораздо менее нуждаются жители более благодатных уголков Западной Европы. От самого бедного человека наша суровая природа требует теплого полушубка, тепло истопленной избы, т. е. таких расходов, от которых избавлен человек Западной Европы. Физические условия, среди которых живет русское племя, составляют причину высокой смертности, именно 34 смерти на одну тысячу населения в год. Такой высокой смертности не дает ни одна страна в Европе. В Англии 22,3 смерти на тысячу населения, Франции 21,5, Германии 26,5, Австрии 31,1, Италии 30,25

и т. д.

Природа Восточной Европы сурова и небогата впечатлениями, которые действуют на душу человека. Нельзя не удивляться, каким образом могло развиться глубокое чувство у народа, живущего среди этой бедной природы, — серой, однообразной, почти лишенной красок. Не менее удивительно, каким образом плоская, приземистая, монотонная по своему рельефу страна, почти лишенная внешнего величия, могла воспитать великий народный дух? Это составляет истинную психологическую загадку, которая едва ли разъясняется предположением, что славянская раса, в ряду других индоевропейских рас, отличается наибольшей чистотой крови и менее других рас пострадала от смешения с инородцами (Maury), по крайней мере за последнее тысячелетие.

Внешняя природа великой Европейской равнины, не дающая своим обитателям ни ласк, ни тепла, ни ярких и сильных впечатлений, рано заставила их углубляться в самих себя и искать ободряющих впечатлений в человеческом духе. В самом деле, не будет преувеличением, если мы скажем, что славяне вообще и русские в частности отличаются наклонностью к внутреннему анализу, в особенности к анализу нравственному. Окружающая человека обстановка жизни мало интересует русского человека; он обходится без внешнего комфорта, необходимого англичанину, без избытка изящества, которым окружает себя француз; русский довольствуется простой внешностью, не ищет удобств и всему предпочитает теплую душу и открытое сердце. Когда рассматриваешь всемирные художественные выставки и обращаешь внимание на темы, разрабатываемые художниками различных национальностей, то невольно бросается в глаза у русских художников бедность колорита и в то же время обилие и глубина психологических тем. То ж мы замечаем и у выдающихся писателей, например, у Лермонтова, Тургенева, Достоевского — психологический анализ на первом плане, изображение внешней природы на втором. Нечто подобное замечается и в других проявлениях жизни. Таким образом культура духа, в противоположность культуре природы, составляет отличительную черту славянского народного гения.

Указанные свойства славянской натуры проявляются с очевидной ясностью в одном из самых крупных явлений жизни, именно в акте самосохранения.

Выше мы видели, какую великую дань платит смерти русский народ в борьбе с физической природой: смертность от болезней в

России превышает подобную же смертность у всех других народов Европы. Тем поразительнее, что славяне, в особенности же русские, проявляют великую силу в деле нравственного самосохранения, особенно в охранении себя от таких зол, как самоубийство и преступление.

Мрачное решение наложить на себя руки принадлежит к числу величайших несчастий, постигающих человека, и это несчастье, столь противоположное инстинкту самосохранения, возрастает у всех народов Европы из года в год. С 1818 г., когда впервые создалась статистика самоубийств, они увеличились в ужасающей пропорции. Самоубийство стало обыкновенным явлением жизни, и хотя, в большей части случаев, ему предшествует тяжелая драма, весть о нем в наши дни поражает людей не более, чем весть о естественной смерти. В такой поразительной степени понизился инстинкт самосохранения! Сравнивая различные страны Европы в отношении числа самоубийств, мы видим, что славяне, в особенности же русские, дают наименьшее число самоубийств. На 1 миллион жителей приходится самоубийств:

в Саксонии	311
Франции	210
Пруссии	113
Австрии	130
Баварии	90
Англии	66
России	30

Что подобное, столь поразительное различие зависит не от климата, не от образованности населения и других причин, а только от свойств расы — это доказывается тем фактом, что в Австрии и Пруссии смежно живущие населения, славянские и немецкие, дают неодинаковое число самоубийств, именно незначительное число самоубийств в славянском населении и большое число в немецком. То же замечается и в смешанных славянских поселениях. В Австрии присутствие элемента южнославянского тоже очень сильно влияет на наклонность к самоубийству: те страны, где славян много (в Далмации 89 %, Славонии-Хорватии 94 %), имеют самую малую цифру самоубийств — 25 на 1 миллион, чрезвычайно близкую к той, которую дает русский народ. В Чехии и Моравии — северных славянских землях Австрии, где много немцев, наклонность к самоубийству высока — 147 на 1 млн. В России коренное русское население дает небольшое число самоубийств. Относительно России

Морзелли говорит следующее: «Славянский элемент понижает среднюю цифру самоубийств, и народы финно-алтайские на северных славян влияют так же, как германское племя на южных славян, т. е. повышают наклонность к самоубийствам». Рассматривая число самоубийств в России и в Европе за длинный промежуток времени, мы встречаемся еще с одним поразительным фактом, а именно: число самоубийств в России осталось почти без всякого увеличения за последние 30 лет, между тем, как у всех народов Европы число самоубийств возросло за это время почти на 30–40 %. Таким образом, самоубийство в России приближается к смертности от болезней. Можно поэтому сказать, что самоубийство в России более напоминает собою зло физическое, тогда как в Западной Европе носит свойства нравственного зла.

Каковы бы ни были воззрения на причину самоубийства, остается несомненным факт, что славянская раса отличается особенной нравственной выносливостью.

Но есть зло, худшее смерти — это преступление. Великий мудрец древности и вместе величайший из людей — Сократ сказал, что легче сохранить себя от смерти, чем от преступления. Данные нравственной статистики, наравне с данными о самоубийствах, могут служить мерой нравственного самосохранения.

Сравнивая данные, касающиеся более тяжких видов преступлений у различных народов, мы получаем следующий ряд таблиц [32];

Число осужденных за убийство в 1887 году на 1 миллион населения было:

в Италии	96
Испании	55
Австрии	22
Франции	15
России	10
Германии	9
Англии	6

Осужденных за воровство на 1 миллион в том же году было:

в Германии	1840
Англии	1385
Франции	1128
России	482

Наконец, приведем число осужденных за те преступления против нравственности, которые, по словам Монтескье, скорее приводят к гибели государства, нежели самое нарушение законов.

Число преступлений этого рода на 1 миллион жителей приходится:

во Франции	21,7
Италии	7,4
России	3,7

В таких размерах выражается нравственное самосохранение славян в отношении главных видов преступлений.

Едва ли нужно говорить о том, что нравственное самосохранение не дается легко, что оно требует затраты сил, требует особенного напряженного труда. Оно представляет скорее подвиг, чем явление обыкновенного порядка.

Понятно, что народ, который живет согласно правилу: лучше смерть, чем нравственная уступка, — должен неминуемо затрачивать много физических сил, много энергии. Без сомнения эта энергия измеряется не количеством воздвигнутых зданий, не числом верст вновь открытой железной дороги, не количеством материальных сбережений или иной материальной мерой, она не измеряется даже умственными приобретениями; она имеет значение и цену высшего факта и является в форме коллективного нравственного усовершенствования, в форме нравственного инстинкта, совмещающего в себе все стороны духовной жизни народа. Бдительность и верное действие этого инстинкта есть величайшая и труднейшая задача, которая не может быть достигнута без крайнего напряжения физических сил. Мы считаем вероятным, что высокая смертность от болезней в России должна быть отчасти объяснена затратой сил на нравственное самосохранение. Поэтому выражение, которым мы старались охарактеризовать направление нравственной жизни славян: лучше смерть, чем нравственная уступка, — это выражение вовсе не метафора, а реальность. Поясним эту мысль. Что добывание куска хлеба и теплого платья, устройство теплых жилищ, борьба с суровой природой требуют затраты сил — это ни в ком не может возбуждать сомнения. Но физиология и психология также доказали, что и нравственные усилия, нравственное самосохранение, в свою очередь, неминуемо требуют траты физических сил и притом гораздо большей, чем какая бы то ни было тяжелая физическая работа. Животное, скажем словами физиолога, тратит много сил на то, что его ухо слышит, его глаз видит, его органы чувств бодрствуют. Гораздо большей затраты сил требует бодрственное состояние народной совести. Поэтому мы с полным правом можем высказать, что народ, отличающийся высшим нравственным самосохранением, тем самым совершает и великий физиологический труд.

После сказанного, может быть, покажется излишней и не требующей доказательств мысль о том, что русский народ не тратит времени по-пустому, но мы все-таки скажем несколько слов по этому поводу, в особенности в виде общераспространенного предрассудка отчасти в России и за границей, будто русский народ бесполезно тратит время равное четверти года на праздники. При скудной пище, которою питается русский простолюдин, сохранение здоровья и поддержание физиологических сил возможно только при помощи частых отдыхов. Праздники, как дни отдыха, удовлетворяя религиозным и нравственным требованиям, являются, вместе с тем, условием, дающим возможность русскому человеку выдерживать бодро тяжелый труд, налагаемый природой и историческими условиями жизни.

Вековая привычка к напряженной физической и нравственной работе, вместе с пережитыми тяжелыми историческими судьбами, придали славянской расе особый отпечаток, который ныне уже составляет прочную унаследованную особенность народного характера. Самыми типическими чертами этого характера являются: скорбь, терпение и величие духа среди несчастий. Рольстон справедливо говорит, что русский народ склонен к меланхолии, составляющей типическую его черту. Брандес, характеризуя произведения Тургенева, как национального писателя, говорит, что «в произведениях Тургенева много чувства, и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной глубокой скорбью; по своему общему характеру это есть славянская скорбь, тихая, грустная, та самая нота, которая звучит во всех славянских песнях». Для характеристики этой славянской скорби и разъяснения ее психологического характера мы можем прибавить, что наша национальная скорбь чужда всякого пессимизма и не приводит ни к отчаянию, ни к самоубийству, напротив, это есть та скорбь, о которой говорит Ренан, что она «влечет за собою великие последствия». И в самом деле, у русского человека это чувство представляет собою самый частый и естественный выход из тяжелого внутреннего напряжения, которое иначе могло бы выразиться каким-либо опасным душевным волнением, например, гневом, страхом, упадком духа, отчаянием и тому подобными аффектами. Среди несчастий, в опасные минуты жизни, у славян является не гнев, не раздражение, но чаще всего грусть, соединенная с покорностью судьбе и вдумчивостью в события. Таким образом славянская скорбь имеет свойства охранительного чувства, и в этом кроется ее высокое психологическое

значение для нравственного здоровья; она оберегает душевный строй и обеспечивает незыблемость нравственного равновесия. Являясь унаследованным качеством, славянская скорбь стала основной благотворной чертой великого народного духа.

Вторую отличительную черту славянства составляет терпение. С психологической точки зрения терпение представляет собою напряжение воли, направленное к подавлению физического или нравственного страдания; отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбе и готовность страдать — если это необходимо — составляют самый характеристический облик русского терпения. Это терпение и вытекающая из нее потребность мученичества, о которой говорит Ренан, не без основания всегда удивляли иностранцев. Потребность мученичества является как бы необходимой психологической практикой, как бы внутренним предуготовительным упражнением, без которого была бы немыслима борьба с препятствиями, налагаемыми на человека суровой и бедной природой. Самым важным плодом терпения у русского народа является самообладание, способность подавлять в себе волнение и внести мир в собственную душу.

Терпение и покорность судьбе несомненно должны быть признаны за самые выдающиеся особенности русской души. Блестящее художественное изображение этой истинно-народной русской черты находим в повести «Хозяин и Работник» гр. Толстого. Главный герой этой повести олицетворяет в себе типические черты русского народного духа: терпение, вдумчивость, самообладание. Эти качества обеспечили ему и физическое, и нравственное самосохранение: спасли его от физической смерти в борьбе с грозной стихией и охраняли его от преступлений, которыми пропитана была окружавшая его атмосфера.

Развитая сила терпения в соединении со способностью превращать все порывистые волнения души в тихое чувство скорби, делают славян великими в несчастии и дают им возможность сохранять спокойствие и самообладание в серьезные минуты жизни. Эти качества, глубоко присущие и прирожденные славянской натуре, служат самым верным основанием нравственного самосохранения. После этого становится понятным то крайне незначительное число самоубийств в России и у славян, которое составляет столь поразительную особенность славянского племени; Главнейшими причинами самоубийства являются: бедность и нищета, болезни и семейные раздоры и, наконец, упадок духа. Величие славянского

характера дает возможность не поддаваться гнету этих человеческих несчастий.

Но самую привлекательную особенность славянской расы составляет ее идеализм, вытекающей из тонкого чувства. Славянская грусть, говорит Доде, заунывная, как и славянская песня, звучит в глубине творений славянских писателей. Это тот человеческий вздох, о котором говорится в креольской песне, тот клапан, который не дает миру задохнуться: «если бы мир не мог вздыхать, он задохся бы»! Этот вздох повсюду слышится в произведениях славянских поэтов и писателей. Брандес следующими словами характеризует последние произведения Тургенева. «В этих произведениях, — говорит он, — звучит еще более глубокая меланхолия, нежели в юношеских его работах; эти произведения проникнуты высокой поэзией. Здесь художник в последний раз заглядывает в тайны жизни и с глубокой грустью пытается изобразить ее в символическом образе: природа жестка и холодна; тем более обязаны люди любить друг друга и природу! Там есть сцена, как автор, во время одинокого переезда на пароходе из Гамбурга в Лондон, по целым часам держал в своей руке лапу бедной, печальной, привязанной на цепь обезьянки: гений, постигший мировые истины, рука об руку с маленьким зверьком, как два добрые товарища, два детища одной и той же матери — в этом заключается больше истинного назидания, нежели в любой глубокомысленной книге». Великий английский историк Карлейль отзывается об одном из русских произведений, что это самая трогательная история, которую ему случилось читать.

Славянское чувство чуждо сентиментальности, оно глубоко и сильно. Это качество в соединении с замечательным миролюбием и искренностью славян послужило основанием особенного развития семейных начал и поставило женщину у славян уже на заре их исторической жизни в такое высокое положение, какого она не занимала у других народов. Уже в самые отдаленные времена женщина у славян была независима и даже могла сделаться правительницей — что было немыслимо у других народов вследствие низкого социального уровня, отведенного женщине.

Тонкое чувство славянской натуры, дающее возможность проникать глубоко и видеть вещи в их настоящем свете, делает славянина равно свободным как от сентиментальности, так и от пессимизма, поддерживает в его душе непоколебимую веру в лучшее будущее.

Развитое, человечное чувство славян делает их беспристрастными

и дает им возможность установить правильные отношения к чужим национальностям. Это чувство выражалось с незапамятных времен выдающейся и общепризнанной славянской добродетелью — гостеприимством, а впоследствии оно стало выражаться уважением ко всему иностранному, отсутствием духа партикуляризма и усвоением лучших сторон чужой культуры. Оно же, наконец, служит основанием веротерпимости и примирительного отношения к инородческим элементам, с которыми славяне соприкасаются и живут. Едва ли в другой стране инородческий элемент встречает столь братский прием, как у славян и в России. Даже еврейская раса со своими замечательными достоинствами и недостатками, вытесняемая из всех стран Европы, сосредоточилась главной массой своей в России: в России живет около половины евреев земного шара. Эта масса цепко держится России и неохотно переселяется в другие страны.

Гуманные черты составляют вековую особенность славян и поражали наблюдателей уже в отдаленные времена. Прокопий говорит, что славяне обходились с пленными человеколюбивее всех других народов и питали отвращение к набегам на соседей. Те же черты видим и в наше время у русских: феноменальное человеколюбие русского солдата в отношении побежденных врагов поражает иностранцев в наше время не менее, чем поражало Прокопия человеколюбие славян.

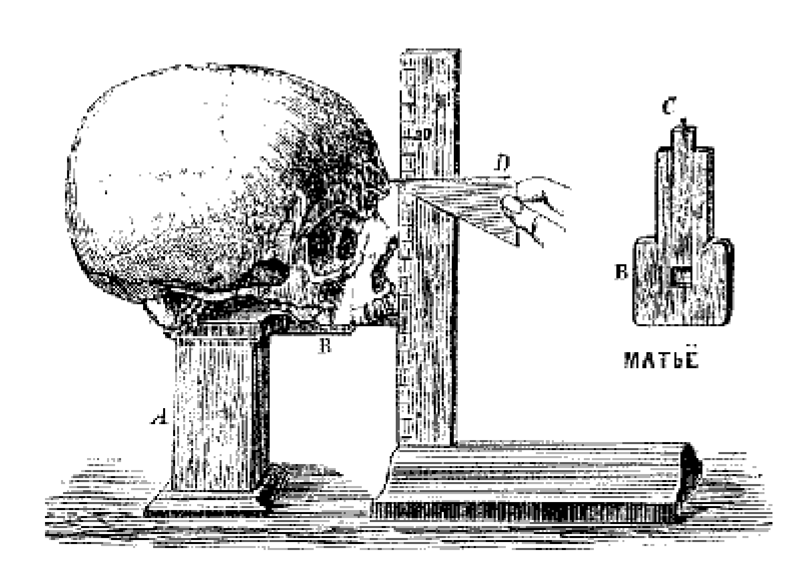
Религиозная и расовая терпимость славян яснее всего сказалась в объединяющем и ассимилирующем влиянии славян на смежные малокультурные народы. Качество это дало русскому племени значение одного из самых важных распространителей культуры в Северной и Средней Азии. Такую же роль русское племя играло в исторические и доисторические времена в Северной и Восточной Европе. Роль эта отличалась безусловно мирным характером и привела к глубокому полному национальному слиянию соседственных инородцев с русскими. Почти весь север России был населен финскими племенами даже в исторические времена. Теперь эти финские племена вполне обрусели. Они сохранили свои типичные финские черты в антропологическом отношении, но зато глубоко усвоили себе язык, религию и национальный дух русских и в силу этого совершенно слились с последними. Этот сложный процесс обрусения завершился вполне мирным путем, без жертв, без войн, без истребления одного племени другим.

К числу отличительных качеств славянской природы относится нерешительность или слабость характера. Примером этой черты

может служить образ главного героя в повести Тургенева «Рудин». Этим же качеством отличались так называемые люди сороковых годов (настоящего столетия); это качество критики называли рефлексией, задерживающей действие. Публицисты указывают как на один из выдающихся примеров славянской нерешительности на тот факт, что русская армия в 1878 г. остановилась у ворот Константинополя и не вошла в него. В отношении этой черты существуют противоположные мнения. Одни считают ее недостатком характера, слабостью; другие усматривают в этой нерешительности достоинство.

Сущность психологической черты, о которой идет речь, состоит в выжидании, в опасении сказать слово или совершить действие, недопускающее возврата. Это — осторожность, которая по временам, может быть, переходит границы. Очевидно, что эта черта имеет тесное соотношение с тонко-развитым чувством славян и составляет последствие преобладающего значения чувства в душевном строе. Ключом к пониманию этой отличительной национальной черты могут послужить нам новейшие исследования Фуллье о так называемой силе идей или идейной силе (idee-force). Это — психическая сила, составляющая зародыш и ядро будущих сильных актов воли, будущих великих решений; эта сила должна накопиться, чтобы произвести должное действие; тонкое чутье, внутреннее сознание, что этой силы накопилось недостаточно, может задерживать действие, может делать человека временно нерешительным. Славянский гений не чужд понимания свойств этой черты своего характера, и нам кажется, что та истина, философским разъяснением которой мы обязаны Фуллье, смутно предчувствовалась коллективным чутьем русской души и поэтически изображена в былине об Илье Муромце.

Мм. гг., нужно ли мне говорить о будущности расы, которая обладает симпатичными чертами, только отчасти намеченными в нашем кратком очерке. Я уверен, мм. гг., что мы все, — вместе с нашим великим русским народом, — полны веры в будущее. Мы убеждены, что славянский гений, в дальнейшем своем движении, пойдет по тому самобытному, тихому, верному пути, которому он следовал в последнюю тысячу лет, руководясь своим простым и в то же время тонким инстинктом физического и нравственного самосохранения!

D
C
B
B
A
МАТЬЁ

И. А. Сикорский

Данные из антропологии

Антропология может дать психологии ряд весьма существенных справок, при посредстве которых ответы на некоторые основные вопросы ее могут быть доведены до степени точности и определенности; вместе с тем антропология может, подобно биологии, содействовать выяснению некоторых чисто научных, теоретических проблем, которые сближают психологию с естествознанием и — что еще важнее — науку о физических свойствах человека с наукой о душе. Ближайшим образом антропология может оказать особые услуги своей антропометрией и данными касательно человеческих рас, их происхождения и свойств.

В данных последнего рода содержатся важные практические указания, разъясняющие филогенез и наследственность.

а) Происхождение человека

Происхождение человека было следствием чрезвычайно сложного и продолжительного ряда событий эволюционного характера. Мысль о внезапном возникновении человека совершенно оставлена в настоящее время наукой, и вопрос этот можно считать разрешенным в ином направлении. Человек появился на земле с тою медленностью и постепенностью, с какою произошли и другие даже менее сложные события. Еще не так давно в геологии господствовало учение о катаклизмах, т. е. внезапных крупных переворотах на Земле, последствием которых будто бы являлось изменение рельефа земной коры; но в настоящее время геология убедилась, что изменения происходят медленно, в течение тысячелетий. В подобном же медленном, постепенном ходе перемен в области живого мира убедилась в настоящее время биология. Из громадного числа лет существования Земли на долю органических явлений приходится незначительный срок, и вся безграничная эволюция жизни еще впереди! Геологи разделяют все протекшее время существования Земли на четыре периода: первичный, вторичный, третичный и четверичный, или дилювиальный; явления жизни возникли в третичном периоде.

Человек бесспорно уже существовал в дилювиальный век в межледниковый период, т. е. около 500000 лет назад. Последние 10000 лет составляют историческое время, а весь предыдущий срок относится к доисторическому времени, и человеку, жившему в то время, дано название доисторического человека. Для суждения о физических и душевных свойствах этого отдаленного человека имеются остатки скелетов и многочисленные орудия — плод его ума и творчества. Но в науке есть уже данные, указывающие на то, что человек существовал и в более раннюю эпоху в третичный век. Таким образом, давность человека оказывается чрезвычайной. Самые орудия человека отличаются весьма различными достоинствами. Орудия, принадлежавшие самому древнему человеку, представляют собою отломки твердых горных пород (камней), лишенные отделки и полировки, почему этот период существования человека называется каменным веком, и именно — веком неполированного камня, или палеолитическим (древнекаменным) веком, за которым последовал век более полного развития у человека ума и пластики, что

выразилось в изготовлении прекрасных полированных орудий из камней (ножей, пил, топоров, резцов, молотов и резных украшений). Этот период получил название века полированного камня, или неолитического (новокаменного) века. Затем последовал век бронзовый, железный и, наконец, наступило историческое время существования человека. За этот необъятный период, обнимающий сотни тысяч лет, изменились не только душевные качества человека, но и самая физическая организация его. Остатки ископаемого человека третичного периода, найденные Е. Дюбуа на о. Яве (будем называть его для краткости третичным человеком), таковы, что в науке существуют сомнения — можно ли назвать это существо человеком или же следует признать его существом низшим — предшественником человека. Уже это сомнение ясно показывает, что трудно положить границу между человеком и ниже его стоящими животными, к которым человек примыкает по своей организации и свойствам. Ближе всех к человеку стоит обезьяна, однако же, не она была предшественником человека, но подобно человеку произошла от более отдаленного предка и пошла своей дорогой, а человек, выйдя из того же корня, пошел (благодаря некоторым своим особенностям) иной высшей дорогой развития. Следы этого развития сохранились в весьма ценных находках скелетов Энгисовой пещеры (Бельгия), Неандерской долины (Неандертальский человек), потом найден Кроманьонский человек (Cro-Magnon), Гренельский человек (Crenelle), человек из Крапины и др. Слои, в которых найдены поименованные скелеты и вместе с ними кости давно вымерших животных (гиены, пещерного медведя и др.), дали возможность с точностью определить давность ископаемого человека. В недавнее время (1900–1902 гг.) остатки Неандертальского человека сделались предметом повторного исследования и критики выдающихся ученых (Швальбе, Клаач). Из этого исследования выяснилось, что лобная часть головы оказывается менее развитой у этого человека, и по свойствам черепа такой человек занимает среднее место между высшими обезьянами и человеком (Homo Sapiens) и даже стоит ближе к обезьяне. Вместимость черепа Неандертальского человека в ряду современных людей занимает очень низкое место, как показывают следующие цифры:

Неандерталец	1,230 куб. сант.
Швед	1,625
Эльзасец	1,775
Русский	1,690

Татарин	1,565
Эстонец	1,575

Рассмотрение бедренной кости и ее суставных поверхностей показало, что неандерталец был существом, еще не совсем обладавшим способностью ходить на двух ногах. Неандертальский человек, во всяком случае, стоит на границе четверичного (дилювиального) и третичного века. Человекообразное же существо, принадлежащее третичному веку, представляет собою форму низшую, чем человек. Это существо названо Pithecanthropus. Сравнение черепа дилювиального человека с черепом обезьяны показывает, что вместимость черепа человека превосходит обезьяний череп в 2–2,5 раза, так что здесь мы имеем невыразимое превосходство первого над вторым. С другой стороны, сравнение дилювиального человека с современными низшими человеческими расами (негритянской) показывает, что эта раса занимает срединное положение между неандертальским человеком и высшими современными расами (кавказской или белой).

Величайший успех, которого достиг человек, поднявшись над миром животных, зависел, в ряду других причин, и от благоприятных внешних условий, именно — от теплого климата, бывшего во всей Европе и Азии до ледникового периода, когда даже в дальних северных широтах произрастала такая флора, которая свойственна в настоящее время тропическому поясу. В это «теплое» время существования Земли и возник человек, судя по тому, что он утратил волосяной покров почти на всем теле (знак, что внешняя среда допускала подобную перемену).

Третичный человек, хотя его еще не причисляют к человеческому роду, уже употребляет элементарнейшие орудия из камня. Очевидно, что граница между человеческими и низшими, или подчеловеческими формами не уловима и, конечно, она может быть только условной. В новейшее время (1901 г.) уже довольно значительный список находок дилювиального человека пополнился значительным открытием ряда скелетов в Крапине, в Кроации, описанных профессором Загребского университета Горяновичем (Homo Crapinensis). Скелеты оказались принадлежащими к короткоголовому типу людей, как и кроманьонский человек (во Франции). С другой стороны неандертальский человек — длинноголов, как и гренельский. Таким образом, выходит, что уже в самой глубокой древности тип человека разнится в своих существенных чертах. Очевидно, что или человек произошел от различных пар, или условия жизни и удаления людей в

разные места жительства дали повод к свободному развитию анатомических отклонений. Возможность плодотворных скрещиваний между всеми существующими на земле расами говорит за происхождение человека от одного общего корня. Однако же разницы между людьми в отношении роста, формы головы и цвета покровов так велики и существенны, что необходимо прийти к заключению (Деникер, Кейн, Рипли и др.), что эти разницы установились чрезвычайно давно, т. е. что они современны самому древнейшему периоду человечества.

Существующее в настоящее время разнообразие человеческих типов так значительно, что независимо от первобытной разницы типов, с течением времени, возникли и вторичные различия, явившиеся последствием того, что человеческие расы передвигались с места на место и, встречаясь одни с другими, давали путем скрещиваний новые антропологические сочетания, в которых свойства и признаки родоначальных производителей долгое время продолжали существовать. Так как в возникающих новых расах продолжали сказываться физические следы (признаки) прежних, — то обстоятельство это и дает возможность разыскать в «новейшем» отдаленное «старое». Эти следы оставлены и на том месте, откуда раса вышла, и на тех местах, через которые она проходила, и там, наконец, где она остановилась окончательно (Ратцель). Следы эти остались не только в земле (ископаемые остатки), но и в крови, и живых формах поколений.

По мнению Кейна, общий предок человека, от которого произошли существующие расы (белая, монгольская, негритянская), жил на не существующем теперь Индо- Африканском материке (остатки которого уцелели в виде Мадагаскара, Маскаренских, Сейшельских и др. островов), и отсюда первые группы людей двинулись в Азию, Австралию и в Европу через Африку (и через перешеек, существовавший на месте Средиземного моря). Это случилось в середине третичного периода (в миоценовую эпоху), когда было тепло по всему земному шару (когда даже на Шпицбергене была флора подтропическая). До Нового Света переселенцам легко было достигнуть из Европы и Азии. Из первичных трех групп или отделов возникло все разнообразие современных рас.

Образовавшиеся расы не оставались на месте своего возникновения, но передвигались. Таким образом, кавказская раса из своей родины — Еврафрики (подграничные территории Европы и

Африки) распространилась по всей Европе, потом по Сибири до Японии и до Индии и оттуда в Австральазию (смежные территории Австралии — Азии) и Полинезию. При такой миграции (переселении) белой расы в территорию желтой последовало первое скрещивание желтой и белой рас, замечаемое в Манчжурии, Корее, Сибири, Туркестане и на Малайском Архипелаге. На Малайско-Полинезийской территории встретились не только белые с желтыми, но и с черными, отчего последовали новые вариации человечества — смешанные типы. Американский тип дифференцировался из желтого, т. е. азиатского корня (путь переселения лежал для желтых людей через теплый в ту пору Берингов пролив и Алеутские острова). В третичную геологическую эпоху такая же дорога существовала из Европы в Америку через Гренландию и Лабрадор. Миграция совершилась в каменном веке (судя по орудиям). Дальнейшая эволюция белой расы (подразделение) произошла территориально в пределах Средиземного моря. Отсюда белые распространились по передней Азии, Северней Африке и Европе. Таким образом, возникли семиты, хамиты и арийцы, осевшие — первые в Азии, вторые в Северной Африке и третьи в Европе. Арийцы являются плодом позднейшей эволюции, возникшим в недрах белой расы (с крошечной примесью желтой крови). Арийцы обнаружили выдающуюся талантливость среди человечества. К арийцам относятся древние греки, римляне, кельты, славяне, германцы и литовцы. Общий язык дал арийцам в руки важное, духовное орудие: вступая в комбинации с аборигенами, арийцы давали им свой язык (как, например, русские финнам), с которыми сливались.

В Европе в самые отдаленные времена существовали четыре различные арийские расы (развившиеся от одного из первичных делений); две из них были высокорослы, две малорослы. Одни высокорослые были длинноголовы, а другие короткоголовы. То же и малорослые. Путем скрещивания и смешения возникли современные народы Европы; в составе каждого из них мы находим в различных пропорциях и видоизменениях четыре основных корня (короткоголовые высокого роста и малого роста, длинноголовые высокого и малого роста). Эти коренные группы, кроме того, различались и цветом волос и кожи.

Судьбы славян. Появление русских. Исходной точкой развития славян, как и большей части европейцев, было побережье Средиземного моря, где часть славян и теперь живет. Из побережья Средиземного и Адриатического морей славяне двинулись на север

(за пять веков до Р. Х.) и, встретив на пути немцев, теснимые ими, повернули к востоку, где в свою очередь наткнулись на финские племена (жившие от Севера до Киева и до Азии и в самой Азии). Постепенное смешение и кровное объединение славян и финнов дало в результате русскую народность. В состав последней вошли отчасти норманны (очень мало), отчасти татары (очень мало) и, наконец, неизвестный народ, живший на территории средней России до прихода туда финнов (Заборовский).

б) Физические признаки главнейших человеческих рас (и их подразделений)

Чтоб избежать неясностей во всем дальнейшем изложении, остановимся на словах: раса и народ. Под именем народа, или нации надобно понимать всех жителей известной территории, объединившихся на основах языка, литературы, общественных учреждений, быта и исторического прошлого (Кейн). Таково же и определение Ренана. Но такому политическому или национальному объединению не всегда соответствует единство расовое, или кровное: нации по большей части составлены из разнообразных (антропологически и физически) элементов. Определение этих элементов составляет важнейшую задачу, так как в зависимости от них находится общий физический склад, здоровье, сила нации и ее духовные качества. Так как объединение группы людей в нацию, или народ часто происходило не путем насилия, но было следствием естественного сближения и слития; то психолог не может не усмотреть в этом явлении природы естественного события, вытекающего из требований эволюции и прогресса жизни. Таким именно мирным, чисто эволюционным путем последовало объединение славян и финнов, давшее русскую нацию, или русский народ с единым славянским языком, но с сохранением каждой составной частью своих физических и духовных качеств, вошедших, как биологический и нравственный ингредиент, в новую единицу — народ.

По общепринятому в настоящее время разделению человеческого рода в отношении его происхождения, принимается существование трех первобытных рас:

- белой или европейской (кавказской)
- желтой или монгольской (азиатской)
- черной или негритянской (африканской)

Народы, живущие в Америке и Австралии, являются уже производными или близко-стоящими к этим трем основным группам человеческого рода. Каждая из поименованных трех рас имеет свои резкие, отличительные черты, как в физическом строении, так и в духовном отношении, т. е. в смысле характера, дарований, а, следовательно, и в смысле будущности, которая зависит от этих

основных биологических данных. Основные черты рас замечаются и в происходящих от них второстепенных или производных расах, каковыми являются современные расы и современные народы.

После этих необходимых общих замечаний о территориальном распределении первобытных и позднейших человеческих рас, переходим к их описанию, придерживаясь данных Деникера, Кита, Ратцеля, Богданова и Д. Н. Анучина, а также Московской Антропологической Школы (оказавшей столь важные услуги успехам всеобщей и русской антропологии).

Самыми общими признаками первобытных человеческих рас (в краткой формулировке) являются следующие отличительные черты, которые мы, для наглядности, отмечаем в параллельном расположении.

Физические свойства	Белая расы	Желтая	Черная
Распространение	Европа, Сев. Афр. и Западн. Азия	Азия, Америка	Африка
Рост тела	Высокий	Средний	Низкий
Форма головы	Среднеголовость (мезоцефалия)	Короткоголовость (брахицефалия)	Длинноголовость (долихоцефалия)
Цвет кожи, глаз и волос	Белый (с темн. пигм.)	Желтый	Черный
Волосистая система	Обильная раст. на бороде, усах и бакенбардах	Жидкая раст. на бороде	Отсутствие раст. на лице (у некоторых предст. этой расы)
Лицевая мимика	Низко стоящие брови	Высоко стоящие брови	Грубые черты лица

Человеческий род по Деникеру разделяется на следующие расы.

Классификация человеческих рас.

I. Бушменская раса в чистом виде у бушменов и готтентотов. Тип встречается у многих негритянских племен к югу от Африки.

II. Негритянская группа.

1) Негритосская раса: a) негрили, b) азиатские негритосы.

2) Негры: a) суданские и гвинейские, b) банту.

3) Меланезийская раса (с менее курчавыми волосами и более светлою кожей, чем предыдущая).

III. 5) Эфиопская раса в чистом виде у беджей и галласов, в смешанном у сомалийцев, абиссинцев и др.

IV. 6) Австралийская раса сохранилась в чистом виде.

V. 7) Дравидийская или мелано-индийская раса у южно-индийских народностей. К этому типу близко подходят веды.

VI. 8) Ассироидная раса ясно представлена на ассирийских памятниках. Сюда относятся персиане, хаджели, аторы, некоторые курдские племена, часть армян и евреев.

VII. 9) Индо-афганская раса (афганцы, раджпуты, каста браминов) много изменилась вследствие скрещиваний.

VIII. Северно-африканская группа.

10) Арабская или семитская раса, большинство народностей Сирии, Месопотамии, Белуджистана.

11) Берберская раса.

IX. Белая темноцветная группа.

12) Средиземно-приморская раса.

13) Островно-иберийская раса.

14) Западная раса.

15) Адриатическая раса.

X. Светлоцветная группа.

16) Северная раса.

17) Восточная раса.

XI. 18) Айносская раса (один из элементов населения северной Японии).

XII. Океанийская группа.

19) Полинезийская раса

20) Индонезийская раса (народности азиатского архипелага).

XIII. Американская группа.

21) Южно-американская раса.

22) Североамериканская раса.

23) Центральноамериканская раса.

24) Патагонская раса.

XIV. 25) Эскимосская раса (в чистом виде на восточном берегу Гренландии и в северной Канаде).

XV. 26) Лопарская раса.

XVI. Евразийская группа, обитающая в Европе и Азии.

27) Угорская раса (остяки, пермяки, черемисы).

28) Тюркская раса (киргизы, астраханск. татары и др.).

XVII. 29) Монгольская раса распадается на две разновидности: тунгусскую и южномонгольскую.

Основные и второстепенные признаки, которыми отличаются расы и народы, представляют большое разнообразие, но так как эти признаки довольно устойчивы и самое видоизменение их в наследственной передаче совершается с известной законностью, то ознакомление с этими признаками и с их группировкой не только даст возможность классифицировать исследуемого индивидуума или исследуемое племя, но может, сверх того, указать на более или менее отдаленное филогенетическое прошлое, предшествовавшее данному индивидууму или данному состоянию племени. Эта филогенетическая наследственность имеет такое же важное значение для психолога, какое для психиатра имеет болезненная наследственность с ее анамнестическими прецедентами. В виду этого некоторые подробности здесь неизбежны, но ознакомление с ними полно существенного практического значения. Выработанная антропологами программа исследований касается следующих данных: 1) роста тела, 2) формы и размеров головы (лица и носа), 3) цвета кожи, 4) цвета глаз, 5) формы ушей, 6) других признаков.

Рост тела

Рост представляется одним из важнейших антропологических признаков. Уже новорожденные отличаются по длине своего тела, как показывает следующая таблица:

Средний рост в миллиметрах.

Народности	Мальчики	Девочки
Аннамцы	474	464
Русские из СПб	477	473
Немцы из Кельна	486	484
Американцы из Бостона	490	482
Англичане	496	491
Французы из Парижа	499	492

У низкорослых рас, вероятно, и новорожденные также меньше ростом, что наблюдением может быть проверено.

Рост взрослого колеблется между крайними пределами в 1250 и 1990 миллиметров, обычные же пределы равны 1464–1745 мм. По величине роста люди разделяются на четыре группы (Топинар), а

именно, считая в миллиметрах:

- низкий рост — ниже 1600 миллиметров
- ниже среднего — от 1600–1650 мм
- выше среднего — 1650 мм
- высокий рост — 1700 мм

или, отбросив конечный нуль, получим рост в сантиметрах.

Из народов земного шара — низкорослы: бушмены и пигмеи (негрского племени), жители Индокитая, Японии и Малайского Архипелага. Рост ниже среднего свойствен жителям Азии, восточной и южной Европы. Рост выше среднего свойствен ирано-индусским народностям, семитам и жителям средней Европы. Высоким ростом обладают жители северной Европы, Америки, также жители Полинезии и Африки (как негры, так и эфиопы).

Рост в настоящее время признается одним из важных признаков по своей наглядности и верному учету. Он дает возможность распознавать принадлежность исследуемого индивида или племени к той или другой изначальной расе, а это последнее обстоятельство разрешает вопрос о психических особенностях, какие заложены рядом с антропологическим складом.

Женщины, по своему росту, обыкновенно несколько меньше мужчин, в пропорциях от 70-150 миллиметров, средним же числом — 120 мм.; так что в отношении роста женщины подразделяются, как и мужчины, на четыре поименованные группы, и рост женщин получается, вычитая 120 мм. из соответственного роста мужчин. Продолжительное вертикальное положение, ношение тяжестей понижают рост на 2–3 сантиметра (от сжатия межпозвоночных хрящей), но ночной отдых возвращает истинную величину роста.

Относительно всегда интересовавшего человечество вопроса о пигмеях, известный швейцарский анатом и антрополог Кальман резюмирует главнейшие результаты своих исследований в нижеследующих положениях:

1. Рядом с высокорослыми расами можно найти на всех материках низкорослые расы с ростом от 120 до 150 сантиметров и с весом головного мозга от 900 до 1200 грамм.

2. Пигмеи встречаются и на американском материке, где они доказаны в изобилии в Перу и других местностях.

3. В Европе находки пигмеев становятся все чаще и чаще. В отношении времени пигмеи проявляются, начиная с неолитического периода (в Швейцарии около 10000 лет до Р. Х.) и до наших дней (Сицилия); в отношении пространства они распространены по

Сицилии, Швейцарии, Франции и Германии, а по Серджи, они доказаны также в России.

4. Пигмеи не суть дегенерированные потомки высокорослых рас, а являются здоровыми, вполне развитыми, хотя и малорослыми вариантами человеческого рода.

5. Положение пигмеев в системе высокорослых рас основывается на филогенетическом родстве, причем пигмеи должны быть рассматриваемы как первобытные расы, из которых развились высокорослые расы человечества.

6. Известия древних писателей, как естествоиспытателей, так и поэтов, относительно существования пигмеев в тех болотистых местностях, которые, по их мнению, служат началом реки Нила, в общем согласны с действительностью. В могильниках Верхнего Египта, относящихся к первобытным эпохам и к периоду первых династий, рядом с высокорослым типом, обнаруживаются и пигмеи. Могильники эти отчасти принадлежат к неолитической эпохе. В России распространение малорослого (пигмейского) типа человека в среде населения доказано обширными исследования Д. Н. Анучина в его работе о росте призывных к отбыванию воинской повинности.

Волосяной покров кожи

Отсутствие сплошного волосяного покрова на коже человека представляет существенное отличие его от животных (млекопитающих). Потеря волосяного покрова может быть объяснена предположением о продолжительном господстве ровного климата и отсутствии страшных врагов (паразитов) животного царства (Клаач). Это могло случится в конце третичного и в начале четверичного века. Волосы остались у человека только на голове и отчасти на теле.

По своему расположению и своим свойствам волосы разных рас весьма существенно отличаются. В антропологии отличаются четыре разнородности волос: прямые, волнистые, курчавые и шерстовидные. Прямые, или гладкие волосы падают вниз общей массой, как конский хвост, это зависит от того, что такие волосы имеют почти совершенно цилиндрическую форму и на разрезе представляются кружком. В волнистых волосах, каждый отдельный волосок представляет собою очень длинную вытянутую спираль. В курчавых волосах отдельные волоски спиральны, но это очень крупная винтообразная спираль, в которой диаметр колец — около сантиметра. Шерстообразные, или

рунообразные волосы характеризуются чрезвычайно узкими спиральными завитками (с диаметром спирали не более девяти миллиметров; кольца спирали сближены между собою и стоят теснее). В трех последних родах волос (волнистых, курчавых, шерстовидных) каждый волосок в диаметре представляет из себя эллипс более или менее вытянутый: чем более эллипс вытянут, тем более волос закручивается в завиток. Такие завитки у негров образуют шаровидные спутанные свертки. Волнистые волосы свойственны кавказской расе, прямые волосы монгольской и американской расам, шерстовидные бушменам и неграм.

Пигмент

Пигмент расположен в коже и радужной оболочке. Распределение пигмента, от которого зависит окраска волос, кожи и радужной оболочки, и самые свойства пигмента весьма неодинаковы у различных рас.

Обстоятельство это служит одним из важнейших признаков для распознавания рас. Не только желтые и черные расы — пигментированы, но и белая раса содержит также некоторое количество пигмента. Все три рода пигментации распадаются на оттенки по густоте пигмента.

Для сравнения степени пигментации волос и глаз и во избежание произвола пользуются хроматическими таблицами Брока (они признаются лучшими).

По пигментации своей радужной оболочки, глаза обыкновенно разделяются на три категории: светлые глаза (с голубым или серым пигментом), черные или карие глаза и, наконец, серые глаза.

Различного рода вариации пигментности зависят от скрещивания различных рас. Полное отсутствие пигмента называется альбинизмом.

Весьма существенная антропологическая особенность встречается у детей, именно: пигментация у них нередко, особенно в первые месяцы, бывает слабой, а потом усиливается. Это обстоятельство является филогенетическим знаком и указывает на то, что предки таких субъектов принадлежали к светлым расам, смешавшимся впоследствии с темными, и эта последовательность окраски филогенетически проявляется на детях в ранние годы.

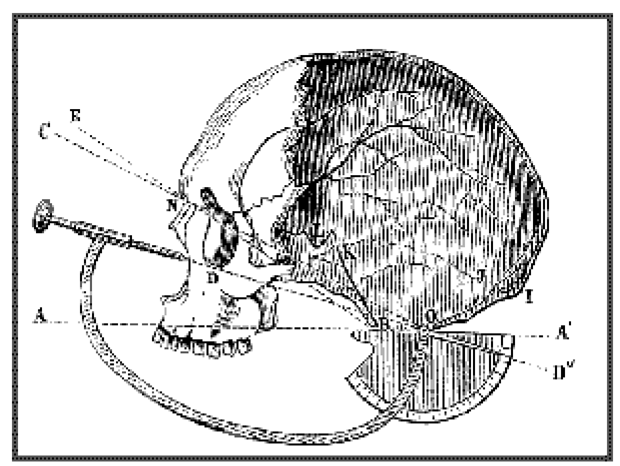
Наблюдения над населением России показали, что по комбинации цвета волос и цвета глаз русское население (средних губерний)

разделяется на три типа: светлый тип — со светлыми глазами и волосами; брюнетический тип (темные волосы и глаза), смешанный тип (остальные комбинации). Процент смешанного типа цвета волос и глаз (такой тип имеют 60 % населения) представляет большой интерес в том отношении, что он показывает, насколько тесно спаялись между собою вошедшие в состав русского племени элементы: чем больше процент смешанного типа, тем, следовательно, более утратились в нем черты первоначальных производителей, уступивших место новообразованному смешанному типу. Великоруссы в ряду славян представляют самую большую степень смешения; к ним близко стоят малоруссы и белоруссы. Наименее смеси дают сербо-кроаты побережья Адриатического моря — всего 26,5 %; светлый же тип у них составляет 15 %, а темный 58 % (Вейсбах). Малороссы, по наблюдениям доктора Краснова, занимают промежуточное место. Таким образом, по мере удаления славян от Адриатики на северо-восток, где они сталкиваются с финнами, пигментация их из темной более и более обращается в светлую.

Форма и размеры головы

Так как человек высоко поднялся над всем животным миром благодаря исключительно своему мозгу и своим умственным дарованиям, то исследование головы, как вместилища мозга, принадлежит к важнейшим отделам антропологии и это тем более, что, как показали антропологические исследования, форма и размеры головы относятся к наиболее установленным признакам расы. Отдел этот, называемый краниологией, распадается на часть описательную и часть измерительную; последняя называется краниометрией. Измерительные и описательные признаки взаимно дополняют друг друга и будут изложены совместно.

Вместимость черепа и, соответственно тому, вес мозга колеблется от величины 1,100 куб. сант. до 2,200 куб. сайт. Эта величина существенно зависит от свойств расы. Белая и желтая расы имеют вместимость черепа 1,500-1,600 куб. сант.; черная (негритянская) раса имеет вместимость черепа меньше, именно: от 1,400-1,500 куб. сант.; у низших рас — австралийцев, бушменов, андаманцев вместимость черепа равна 1250–1350 куб. сант.

Представление о величине головы или вместимости черепа может быть выведено приблизительно при измерении наибольшей горизонтальной окружности головы (круговая линия, проходящая через glabella и через затылочный бугор). Она равна у мужчин 525–550 миллиметрам, у женщин 500–525 мм. Равным образом, о размерах головы можно судить по величине двух диаметров головы: продольного (от glabella до большого затылочного бугра по прямой линии) и поперечного (наибольшее поперечное расстояние по прямой линии между наиболее отстоящими точками — ниже теменных бугров или выше края ушных раковин, где такое удаление окажется наибольшим — ubi inueniaur).

Все измерения на голове делаются — круговые или дуговые — тесьмой, прямолинейные — раздвижным толстотным циркулем.

Форма черепа представляется обыкновенно овальной, и эта овальность бывает не одинакова, как у различных рас, так и у отдельных индивидуумов. Численным указателем формы черепа служит так называемый головной указатель (index cephalicus); он показывает отношение продольного (обыкновенно большего) диаметра головы к поперечному (меньшему). Отношение это принято выражать в десятичных цифрах, считая больший указатель за 100; например, если по измерению окажется, что продольный диаметр равен 185 миллиметрам, а поперечный — 145, то для получения указателя множим меньший диаметр на 100 и делим на больший диаметр, получим цифру 78,35, выражающую собою головной указатель для данного случая. Чем круглее голова, тем оба диаметра ее меньше между собой различаются, и наоборот. По величине головного указателя, черепа, согласно номенклатуре Брока,

разделяются следующим образом:

На мезоцефалические (среднегодовые), головн. указат. = 77,7–80,0.

Долихоцефалические (длинноголовые), где головн. указат. меньше указанной средней цифры.

Брахицефалические (короткоголовые), где головной указатель больше указанной средней цифры.

Субъекты, обладающие головой тех или других размеров, называются кратко: мезоцефалами, долихоцефалами и брахицефалами, или по русской номенклатуре — среднеголовыми, длинноголовыми и короткоголовыми. С общепринятыми подразделениями головы или черепа распределяются по головным указателям на следующие пять групп:

I. Субдолихоцефалия	от 69,9 и ниже
II. Долихоцефалия	70,0-74,9
III. Мезоцефалия	75,0-79,9
IV. Суббрахицефалия	80,0-84,9
V. Брахицефалия	85,0-89,9

По величине головного указателя оказывается, что негры, эскимосы, айносы и среднеевропейские расы — длинноголовы, многие славянские племена принадлежат к короткоголовым или среднегодовым, англичане — к длинноголовым.

По высоте, головы или черепа разделяются на низкие, средние и высокие, при этом измеряется расстояние от высшей точки головы в стоячем положении (от макушки) до основания верхних резцов или до нижней части подбородка скользящим циркулем.

Если череп или голову рассматривать сверху, то получаемая в плоскостном начертании картина называется нормой Блуменбаха; если рассматривать спереди, получится лицевая норма и, наконец, при рассматривании сбоку, получается боковая норма, или профиль.

По лицевой норме можно судить о форме лица, взяв отношение ширины лица к длине лица: это отношение называется лицевым указателем (ширина лица есть расстояние в прямой линии между самыми выдающимися частями скуловых дуг; длина лица — расстояние от переносья (Glabella) до корня резцов или до нижнего края подбородка). По лицевому указателю люди разделяются на коротколицых, или широколицых (chamaeroprosopi) и длиннолицых, или узколицых (leptoprosopi).

Другие признаки

Очень большое значение для определения расы имеют глазничные впадины, определяемые только на черепе. Измерение ширины и длины глазницы дает цифру глазничного указателя, и по этому указателю черепа делятся на среднеглазничные (mesosemi) с указателем от 83–89, низкоглазничные (microsemi) менее 83 и высокоглазничные (megasemi) — от 90 и более.

Нос по своей форме разделяется на четыре вида: 1. прямой нос, 2. вздернутый или курносый, 3. горбатый и 4. плоский (сплюснутый или широкий). Нос измеряется в длину (от корня до основания перегородки) и в ширину (слегка дотрагиваясь до крыльев носа циркулем), и получается таким образом носовой указатель. Если он колеблется в пределах 70–85, то такие люди называются средненосыми, если он больше 85 — широконосыми, если он менее 70 — узконосыми. Ноздри нормально вытянуты в длину снаружи и сзади внутрь и вперед и открываются вниз (но не наружу).

Глаза, по их величине и форме, делятся на крупные глаза и малые (что более зависит не от самых размеров глазного яблока, а от степени развития век, т. е. от разреза век). У семитов — крупные глаза (волоокая красавица, описываемая Соломоном в Песни Песней); у монголов — глаза маленькие. По форме разреза век, глаза бывают прямые (разрез век идет горизонтально) и косые, как у японцев (разрез век идет косо: наружные углы глазной щели стоят выше внутренних). Особенную форму имеют монгольские глаза по устройству век. Расщелина, или разрез век имеет в таком глазе форму очень вытянутого треугольника, обращенного острым концом наружу, или форму рыбки обращенной своей головой к переносью, а хвостом наружу; самое верхнее веко в таком глазе покрыто очень свободной широкой кожей, которая дает складку, нависшую над ресницами (двойное монгольское веко). Подобные же свойства может иметь и нижнее веко, и тогда глазная щель имеет типическую форму треугольника. Такой глаз свойствен финнам. Среди русского населения можно встретить ту и другую форму глаза, как след отдаленных скрещиваний русских с монголами и финнами.

Наружное ухо измеряется в длину и в ширину и имеет свой указатель (так называемый физиогномический указатель уха). Ухо может быть меньшим и большим, может прилегать близко к голове или отстоять от нее более или менее значительно (до прямого угла), наконец, ухо может отличаться известными неправильностями в своей общей форме и в отдельных частях. Антропологические особенности уха — это, во-первых, — Дарвинов бугорок, а во-вторых, Сатиров

бугорок.

По физиогномическому указателю уха, расы распределяются в следующем порядке: европейцы, алтайские расы, чистые монголы, негры (Воробьев), т. е. у европейцев ухо наиболее гармоничное и затем оно становится более и более округлым в том порядке, как перечислены расы. Дарвинов бугорок, сближающий ухо человека с ухом животных, указывает только на задержку в развитии наружного уха и другого значения не имеет (Воробьев).

По данным Шаффера, процент резко выраженных форм Дарвинова бугорка колеблется в Германии между 15–25 %. Другие особенности уха (изменение завитка, приращение мочки или отсутствие ее и пр.) не имеют значения признаков вырождения и не встречаются у душевнобольных чаще, чем в здоровом населении; но оттопыренные уши представляются несомненным знаком вырождения и встречаются чаще у преступников (Фригерио) и у душевнобольных (Воробьев). Этот последний автор дает следующую статистику для различных степеней оттопырения уха у здоровых и душевнобольных великоруссов.

	У нормальн. великорус.	У душевнобол. велик.
Тесное прилегание уха	7,3%	4,5%
Среднее положение	82,1%	60,5%
Оттопыренное ухо	10,4%	35,0%

Таким образом, из работы Воробьева вытекает, что большая часть аномалий строения наружного уха, на которые до последнего времени привыкли смотреть, как на знак вырождения, являются скорее простым недоразвитием и незрелостью форм в органе, который у человека идет к упадку. Для отличия незрелых или незаконченных в своем развитии форм, Воробьев дает следующую характеристику зрелой формы уха: «Общий контур уха очерчен хорошо развитым завитком, без Дарвинова бугорка (или лишь со слабо выраженным бугорком), без Сатирова бугорка, с хорошо отграниченною от кожи щеки мочкою и козелком четырехугольной, а не конической формы». Воробьев дает следующую статистику зрелых и недозрелых форм уха.

Зрелые формы наблюдались	на 152 ушах, т. е.	в 23,4%
Переходные формы	225	34,6%
Недоразвитые формы	151	23,2%
Сильно недоразвитые уши	122	18,7%

Женские груди, по форме, представляют в своем внешнем виде разницы, на основании которых Плосс устанавливает четыре формы: 1. Груди, напоминающие сегмент шара (менее полушара), 2. полушаровые, 3. конические и 4. грушевидные.

Пограничные и критические признаки в антропологии

В заключение приведенного изложения расовых признаков и особенностей, считаем необходимым остановиться на одном вопросе, весьма важном в научном и практическом отношении. Мы говорим о процессе вырождения и о признаках вырождения. Как уже было упомянуто выше, некоторые психиатры относятся с некоторым скептицизмом ко многим «признакам вырождения» и требуют доказательств, что та или иная анатомическая особенность есть знак биологического упадка организма, а не простая антропологическая вариация, имеющая индифферентное, а может быть, даже и прогрессивное значение. Вопрос о пограничной черте явлений двух различных порядков и о критерии для их распознавания весьма существен.

Наблюдения доктора Воробьева (приват-доцента Московского университета) над наружным ухом, произведенные над обширным материалом, вносят существенный свет в этот важный вопрос. Воробьев доказал, что наряду с вырождением, но совершенно независимо от него, существует другой биологический процесс, именно, частью — процесс незаконченного развития, частью — возникновение и формирование антропологических вариантов. Оба процесса могут наблюдаться в таких обширных размерах среди совершенно здорового населения, что о вырождении не может быть и речи. В работе Воробьева мы знакомимся с рядом признаков, которые нередко были относимы к знакам вырождения, но которые в действительности оказываются простыми уклонениями или нисколько не опасными для нервно-психического здоровья вариациями. Эти уклонения, или вариации представляют собою то плод незаконченного развития, то явление филогенетического упадка органа, ставшего ненужным для жизни. В последнем случае жизненный процесс носит, очевидно, характер не упадка, а прогресса жизни. Факты, найденные Воробьевым, и его заключения тем более ценны, что в его лице соединился специалист-антрополог со

специалистом-психиатром. Уже давно пытались разграничить переходную полосу жизненных явлений и распознать те области, где жизнь падает, и те, где она, наоборот, расширяется и раскрывается. Многие факты из этой области открыты и разъяснены психиатрией. На подобные факты указывают со своей стороны и анатомы-морфологисты: во многих анатомических разновидностях они усматривают не случайность или «игру природы», но одно из несомненных звеньев (Руге) процесса развития, пройденного, но еще незаконченного человеком (Клаач). По мнению этого последнего ученого, все физические свойства современного человека распадаются на три группы: первая содержит те особенности, которые свойственны отдаленным предкам человека — приматам, другие приобретены человеком уже в человеческий период его существования и, наконец, третьи возникают и формируются в настоящее время. Таким образом, например, чрезмерная длина рук у австралийцев и негров может быть отнесена к первой группе разбираемых явлений: в настоящее время такая длина замечается у новорожденных, как переходной филогенетический знак, и у идиотов, как постоянный знак, т. е. как знак вырождения. Искривление лучевой кости также указывает на тот отдаленный период, когда человек еще не ходил, а ползал и прыгал.

Наклонность низших рас сидеть на корточках также указывает на слабость нижних конечностей, так как необходимая для вертикального положения крепость ног приобреталась постепенно, и высшие расы уже не нуждаются в том, чтобы сидеть на корточках. Равным образом у австралийцев лордоз позвоночника меньше выражен, чем у европейцев, и это уже заметно даже на глаз без точных измерений. Такое недоразвитие позвоночника показывает, что у них еще менее чем у других рас, успели выразиться вторичные изменения позвоночника, зависящие от вертикального положения человека при ходьбе. Из этих разъяснений Клаача ясно, что многие особенности телесной организации имеют значение недоразвития, но не упадка, или указывают на низшие формы жизни, но не разложение или разрушение ее. Таким образом, становится очевидной необходимость широких антропологических разысканий в населении для выяснения вопросов о знаках вырождения и о физиологических вариациях. Эти разыскания дадут возможность верного разграничения признаков патологической или дегенеративной наследственности от явлений антропологической дифференциации, как процесса здоровой жизни. Во всех сомнительных случаях необходимы антропологические ревизии в живом населении и анатомические

справки в населении умершем и вымершем.

Художественный канон человеческого тела

Скульпторы и художники всех времен старались подметить и определить пропорции человеческого тела. Такого рода определение пропорций тела называлось у древних греков каноном. Подлинных греческих образцов канона нет, но есть копия со знаменитой работы Поликтета: «Дорифор». Канон намечает пропорции, которые соответствуют идеалу человеческих форм в творческом воспроизведении таких наблюдательных людей, какими являются художники по самому свойству своего дарования и своей профессии. Великие художники: Леонардо да Винчи, Дюрер, Рубенс и многие другие занимались определением форм и пропорций человеческого тела. Таким образом, наблюдение форм и пропорций производилось издавна, и добытые результаты могут существенно содействовать той задаче, какую преследует и антропология. Мы приводим здесь, из указанного выше сочинения Поля Рише, художественные данные, касающиеся пропорции тела. Хотя эти данные не имеют всего значения антропологических величин, тем не менее, они не лишены высокой практической и реальной ценности: в них содержатся указания на тот же идеальный план и на те же законченные формы, к которым стремится природа, и которые художник сумел подметить и выяснить.

В самом деле, многое из того, что является нашему глазу в обычных формах человеческого тела, представляет собою один раз вполне законченные формы, но в другой раз то, что мы наблюдаем, имеет явно вид чего-то незрелого, не вполне совершенного, как недоведенная до конца филогенетическая постройка, захваченная в самый разгар работы. Те формы, которые поэтически воспроизводит художник, и те, которые составляют предмет наблюдений антрополога, относятся между собою так, как проект к исполнению, или как начертанный план к действительной постройке. Сравнение того и другого может быть существенно полезным: знание законченных, идеальных форм даст модель, для необходимых сравнений, но и обратно — изобразительное искусство много может почерпнуть у антропологии, привыкшей руководиться средними величинами из действительного материала. Топинар, сделавший попытку построить канон на антропологических данных, убедился,

как сам говорит, и в превосходном глазомере художников, и в достоинстве измерений, сделанных антропологами. Топинар придает существенное значение художественным канонам.

Как ясно из рисунков, основной мерой художников в передаче пропорции частей служит величина головы от макушки до подбородка и половина или середина этой величины, проходящая через край нижнего века. Вся фигура человека, измеряемого таким шаблоном, равна 7,5, а при высоком росте 8 мерам.

В дальнейшем изложении выяснятся и другие примеры, великой пользы объединения данных из научной и художественной областей, для успехов такой сложной специальности, как психология.

в) Физиологические особенности рас

Немногочисленные данные по этому вопросу могут быть распределены по следующим рубрикам.

а. Сальные и потовые железы. Бишоф сделал весьма важное в теоретическом отношении наблюдение над сравнительно малым числом потовых железок в коже туземцев Огненной земли. В виду физиологической важности потовых желез, через которые выделяются у человека многие вредные продукты обмена и бактериальные токсины, то или другое количество потовых желез может иметь существенное значение для благосостояния нервно-психической системы (при самоотравлениях, болезнях и при условиях физической работы). Как антитез этому факту можно отметить национальную вековую привычку русских к обмываниям при потогонных условиях; привычка эта обращала на себя внимание иностранцев.

б. Вертикальное положение туловища. Уже были указаны выше факты, свидетельствующие о том, что не только в строении организма, но и в привычках некоторых низших рас еще продолжают сказываться черты незаконченной или не вполне созревшей привычки к вертикальному положению тела, что выражается в склонности сидеть на корточках — склонности, от которой европейская раса уже вполне освободилась. Самая поза, какую они при этом принимают, показывает, что низшими расами еще не вполне усвоено то постоянно бодрое напряжение мышц всего тела и позвоночника, какое свойственно белым. Как на антитез этому факту можно указать на привычку русских молиться не иначе, как в стоячем положении, — что в особенности поражает наблюдателя на Востоке, где молитва совершается сидя на корточках или лежа.

в. Острота органов чувств. Установилось общее мнение, что низшие расы превосходят высшие остротою органов чувств, но наблюдения и опыты Мейерса над жителями островов Муррея (посредством маятника, делающего 5 ударов в секунду и легко останавливаемого и снова пускаемого в ход) показали с совершенной ясностью, что острота слуха у островитян меньше, нежели у европейцев. Дикие только очень привыкают к знакомым звукам, которых они ждут в определенном периоде и числе и к восприятию которых они подготовились. Собственно же острота слуха у них слабее. Здесь мы имеем дело с тем частичным изощрением

восприятия, какое наблюдается у животных, но только в отношении некоторых впечатлений, например, у мышей в отношении мягких шуршащих звуков; это род узкого психического приспособления, но не всеобщая способность.

г. Сравнительная приспособляемость народов к внешней среде и невосприимчивость к болезням неодинакова (У. Рипли). Обстоятельство это, по мнению Риплея, является одним из важных условий для будущности рас. По-видимому, наиболее выносливой расой являются китайцы и вообще монголы: они довольствуются однообразной пищей, неутомимы в труде и мало предрасположены к чахотке и сифилису. Наоборот, европейцам угрожают чахотка, сифилис и алкоголизм. В России инородцы, т. е. аборигены, подобно аборигенам Америки, чрезвычайно чувствительны к действию алкоголя. В свою очередь для негров гибельна чахотка. Для американцев весьма опасен и нередко смертелен сифилис; столь же опасен сифилис для малайцев и выражается тяжелыми последствиями даже при скрещивании их с другими расами. При многочисленных переселениях (миграции) народов, совершившихся в исторические и доисторические времена, жизнь в новых местах могла оказаться то благоприятной, то неблагоприятной для эмигрантов. Обстоятельство это могло окончиться выживанием и размножением эмигрантов с перевесом их над аборигенами или гибелью пришельцев в силу их неприспособляемости к новому климату. По-видимому, наибольшей приспособляемостью к различным климатам отличаются евреи: они одарены свойствами антропологического космополитизма, по выражению Брока.

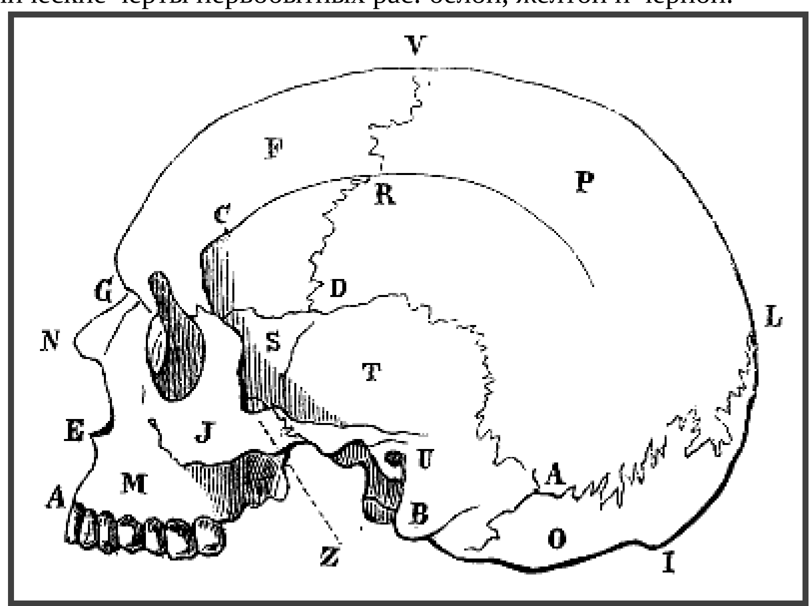
е. Скрещение рас и метисация разъясняют в значительной степени вопрос об относительных физиологических особенностях и свойствах рас. Прежде всего, вопрос о скрещиваниях является весьма замечательным с той стороны, что скрещивание возможно между всеми племенами человеческого рода с благоприятным успехом, т. е. скрещивание увенчивается плодовитостью: почти все современные расы произошли путем скрещивания. В общем, вопрос о кровной смеси необходимо признать малоразработанным. По-видимому, в одних случаях такая смесь повела к племенному улучшению, как мы это видим на примере тюркских племен, после их скрещивания с белыми. Совершенно обратное произошло с классическими греками, высокие духовные качества которых погибли, вероятно, вследствие их скрещивания с албанцами, славянами и другими народами. Но особенно разительный пример представляют японцы, раса которых

состоит из трех резко разнородных элементов: из негритосов (черная раса), из белых — айносов (кавказской расы) и из монголовидных элементов (желтая раса). Эти три основные расы, вследствие последовательных иммиграций, очутившись на общей островной территории, слились между собой этнографически и антропологически и дали расу более талантливую, нежели раса черных и желтых в отдельности. В японском населении поименованные составные части резко отличимы и в настоящее время, айносы распознаются с первого раза, они в такой степени похожи на русских, что Вернье не без основания называет их «русскими из Москвы». Сходно с этим и мнение Бельца, который даже считает, что айносы входят прямо в состав русского племени, что они были загнаны на Европейскую равнину полчищами тунгусов (гуннов), движения которых в Европу начались еще в I веке по Р. Х.

Путем скрещивания происходит передача и видоизменение как физических признаков, так и душевных способностей. О скрещивании профессор Катрфаж выражается следующим образом: расы будущего в силу скрещивания будут меньше различаться по крови, будут более между собою близки, будут иметь больше общих стремлений, нужд и интересов. Все это создаст высшие формы жизни по сравнению с теми, какие мы знаем. Такое заключение свое он основывает на том факте, что все современные народы мира суть плод скрещивания: кровные смеси происходят на наших глазах.

г) Психические способности рас

Психические особенности и свойства рас, подобно физическому типу, принадлежат к признакам устойчивым, и можно вообще принять, как принцип, что основные душевные черты антропологически изначальной расы удерживаются долго и прочно в производных племенах. Если, тем не менее, иной раз, душевный склад племени как бы представляется резко отличным и несходным со своими отдаленными душевными корнями, то подобный валовой результат может зависеть от разнообразия, или иной группировки основных душевных черт. Если эти последние будут разысканы и выделены в психологическом анализе, то бесспорное преемство основных душевных свойств выступает с очевидностью. Таким образом, в национальных характерах мы чаще имеем дело не с новыми народившимися душевными качествами, но с иной комбинацией и с иными оттенками давних наследственных черт. Для упрощения задачи удобно взять за исходную точку самые общие типические черты первобытных рас: белой, желтой и черной.

а. Основные расы

Черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах. Вместимость черепа и весь мозг черных меньше, чем в других расах, и, соответственно тому, духовные способности развиты меньше. Негры никогда не составляли большого государства и не играли руководящей или выдающейся роли в истории, хотя были в отдаленные времена гораздо больше распространены численно и территориально, чем впоследствии. Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить слабое сокращение верхней орбитальной мышцы (мышцы мысли по Дюшенну), и даже эта мышца у негров анатомически развита значительно слабее, чем у белых, между тем она является истинным отличием человека от животных, составляя специально человеческую мышцу. В согласии с этим стоит и другая особенность, а именно: то всеобщее стройное напряжение мускулатуры тела, которое соответствует вниманию, и которое придает фигуре белого человека отпечаток свежести, силы и энергии, не является у черного выдающимся и заметным физиогномическим фактом, отчего даже молодые субъекты кажутся старообразными и неуклюжими. Наконец, как лобная, так и лицевая мимика носят на себе следы неполной физиогномической дифференцировки — что даже выражено анатомически в частых сращениях тех лицевых мышц, которые в других расах гораздо чаще встречаются разделенными; благодаря этому лицо черного вообще представляется более грубым, лишенным тонкой экспрессии, в сравнении с лицом белого человека.

Желтая раса, в особенности в ее наиболее типичных представителях, носит на себе ясно выраженный отпечаток перевеса лобной мышцы над мышцей орбитальной — благодаря этому брови почти всегда стоят высоко и имеют дугообразный вид. Такая комбинация соответствует первой фазе состояний внимания, — неожиданности, удивлению, но в то же время она показывает, что внимание в своей эволюции не идет дальше и не приводит окончательно к высокому напряжению мысли, и оттого мышца мысли — orbitalis superior всегда сокращена слабее лобной мышцы, и даже это положение дела стало привычным для расы. На основании такого мимического портрета необходимо заключить, что, несмотря на развитое и дисциплинированное внешнее внимание, у желтой расы, тем не менее, не выработалась вековая привычка к напряженному умственному труду и к мыслительной настойчивости. Но в то же

время резкое сокращение нижней орбитальной мышцы, придающее нижнему веку прямолинейность и высокое стояние, указывает на неутомимость желтых. Наконец, валовой перевес лобной мышцы над всей нижней мускулатурой лица указывает на преобладание чувства над умом, и, вероятно, самая степень или сила сокращения этой мышцы свидетельствует скорее о чувстве, чем об уме. Это не столько ум, сколько удивление и неожиданность. При такой комбинации основных душевных сил воля не становится обязательно на стороне умственных актов, но может одинаково стать на службу как страстям, так и элементарному вниманию. Жизненная судьба желтой расы в Азии и Америке подтверждает такую характеристику. Желтые внимательны, настойчивы, неутомимы в мирном труде, земледелии, садоводстве, в мелкой технике, но они не создали ни наук, ни искусств, и, несмотря на их десятитысячелетнюю историю, ум у них не достиг той остроты и силы напряжения, которая переходит в ненасытимую жажду знания и в глубокую потребность интеллектуальной жизни. Среди войны желтые, по свойству своего духа, легко становятся фанатичными, отдаваясь чувству и страсти, а не уму и соображению.

Белая раса обладает наиболее счастливым сочетанием душевных способностей — что выражается в равномерном симметрическом развитии ума, воли и чувства. При таком складе души, белая раса могла осуществить в себе идеал всестороннего психического развития и явилась создательницей наук и искусств, устроительницей общественной и государственной жизни, творцом возвышенных религий и мировой поэзии и улучшила самую жизненную обстановку при помощи несравненных механических и технических усовершенствований. Психическим прототипом белой расы явились древние греки.

Древнегреческая раса погибла в силу причин, еще не вполне выясненных, и, хотя она продолжает жить этнически и географически, но в антропологическом отношении она больше не существует, и все, умственно и художественно возвышенное, — все «классическое» хранится ныне в музеях, галереях, библиотеках как бесценное наследие высокого духа греков.

Греки, очевидно, состояли из двух антропологически различных частей. На египетских изображениях, в описаниях Гомера, в характеристиках физиогномиста Полемона, грек представлен человеком высокого роста, блондином, со светлыми глазами, с высоким лбом, небольшим резко очерченным ртом (вероятно, это

были эллины — пришельцы, которым Греция обязана больше всего). Но существовал и другой смуглый тип (вероятно, пеласги — аборигены).

Греческая народность состояла из кровного объединения этих двух составных антропологических частей.

Характеристическими чертами грека являются живость ума и чувства в соединении с сильной подвижной волей. Гиппократ и Аристотель с классической проницательностью и меткостью говорят о равновесии духа, как об отличительной черте своих соотечественников. Мысль всегда принимала широкое участие в душевных волнениях; оттого чувство грека не могло перейти ни в сплошную страсть, ни в фанатизм, как у желтых, где воля перевешивает ум. С другой стороны, сильное развитие чувства делало греков юными душой, по меткому слову Ренана, или — детьми, как выразился египетский первосвященник перед Солоном. Ум был у грека так глубоко развит, что, по выражению Фукидида, грек весь состоял из мысли. Для грека мыслить было удовольствием, а умственная работа была легким трудом. Идеалом грека был Улисс, который «видел города и знал мысли множества людей». Тэн противополагает ум грека уму египтян: египтяне, на вопрос Геродота о причине разливов Нила, ничего не могли ответить, и даже у них по этому важному вопросу не было никаких предположений, а греки, для которых Нил не был так близок, составили три гипотезы о Ниле, и, критикуя эти гипотезы, Геродот предлагает четвертую. Тонкий, вечно ищущий, пытливый ум грека создал впервые то, чего до того времени не было в мире — чистую науку. Другие тоже талантливые народы, например халдеи, сделав умственные успехи, поставили точку на пути своего развития; но грек неудержимо шел вперед по дороге ума. Иные народы, например семиты, были слишком утилитарны — это были дельцы и негоцианты; грек был ученый, мыслитель, художник. Для семита, например, произведения искусства были не более, как предметы торговли, которые он фабриковал (Фулье) по шаблону; но грек, становясь фабрикантом, не переставал быть в то же время мыслителем и художником. Ум грека имел две стороны: воображением он витал в идеальном мире, а рассудком не выступал из пределов реальной жизни. Такова была эта несравненная крошечная раса! В подобной расе мог впервые развиться человеческий язык до высоты истинной нервно-психической техники и художественности.

Классические греки антропологически погибли: они были отчасти истреблены физически посредством рабства и выселений, частью

изменились и выродились, благодаря примеси многочисленной посторонней крови албанцев, сербов, валахов, болгар, вестготов. Благодаря этим условиям раса погибла, возник в связи с нею эллинизм второй и третьей руки.

Не входя в описание психических черт различных народов всего земного шара — что почти невозможно — мы остановимся на очерке душевного типа главнейших народностей Европы, а также народов, населяющих Россию.

По-видимому, народные черты стоят в зависимости, главным образом, от антропологического состава наций, исторические же судьбы народов играют второстепенную роль. Это находит себе решительное подтверждение в том факте, что психический тип, как мы в том убедились исследованиями и наблюдениями, всегда совпадает с физическими признаками и антропологическими особенностями. В виду этого в нижеследующем изложении будут проведены параллельно психологическая характеристика и физический очерк.

б. Русские

Русский народ и русский народный характер представляют собою одну из крупнейших величин, образовавшуюся на глазах истории.

Первоначальная аборигенная раса, населявшая нынешнюю восточную Европу, остается неизвестной. Вторым (?) по времени поселенцем на территории нынешней Европейской России были различные народы и племена финского корня. Финские народы по антропологической классификации относятся к белой расе; они пришли на Восточную Европейскую равнину с севера и востока и расположились до Балтийского моря и до нынешнего Киева, сделав эти места своей прочной родиной. Около времени Христианской эры на эту Финскую территорию с юга через Карпаты стали надвигаться славяне. Между обеими расами (финской и славянской) установилось постепенное мирное смешение (Бестужев-Рюмин), которое и дало в результате русскую народность. Антропологическое исследование современного великорусского племени показало, что это племя содержит в себе частью индивидуумов тип финского, частью славянского. Существует сверх того незначительная примесь других элементов (татарский, монгольский). Финская часть характеризуется короткоголовостью, широким лицом, выдающимися скулами,

маленькими косыми глазами, средним ростом, короткими ногами, светлыми волосами и светлыми глазами. Славяне гораздо менее короткоголовы, даже длинноголовы, брюнеты, высокого роста с темными глазами. Рядом с такими представителями существует в значительном количестве (до 60 %) смешанный тип, совмещающий отдельные черты того и другого из поименованных типов. Таков антропологический состав великоруссов. В малоруссах — тот же племенной состав, лишь с большей примесью чисто славянского типа в физическом отношении. Психические черты русского племени соответствуют чертам главных составляющих его частей, т. е. финского и славянского корня.

Топелиус следующими чертами изображает финнов: «Природа, судьба и традиции наложили на финский тип общий отпечаток, который, хотя и подвергается на протяжении страны значительным изменением, но все-таки легко подмечается иностранцем. Общими характерными чертами являются: несокрушимая, выносливая, пассивная сила; смирение, настойчивость с ее обратной стороной — упрямством; медленный, основательный, глубокий процесс мышления; отсюда медленно наступающий, но зато неудержимый гнев; спокойствие в смертельной опасности, осторожность, когда она миновала; немногословность, сменяющаяся неудержимым потоком речей; склонность выжидать, откладывать, но затем нередко торопиться некстати; преданность тому, что древне, что уже известно, и нелюбовь к новшествам; верность долгу, послушание закону, любовь к свободе, гостеприимство, честность и глубокое стремление к внутренней правде, обнаруживающееся в искреннем, но преданном букве, страхе Божьем. Финна узнаешь по его замкнутости, сдержанности, необщительности. Нужно время, чтоб он растаял и стал доверчивым, но тогда он становится верным другом; он часто опаздывает, часто становится посреди дороги, не замечая того сам, кланяется встречному знакомому, когда тот уже далеко; молчит там, где лучше было бы говорить, но порой говорит там, где лучше было бы промолчать; он один из лучших солдат в мире, но плох по части расчетов, он видит иногда золото под ногами и не догадывается его поднять; он остается беден там, где другие богатеют». Адмирал Стетинг говорит: «Нужно угостить финна петардой в спину, чтобы расшевелить его. Что касается внешнего вида, то общими являются только средний рост и крепкое телосложение. Духовные способности нуждаются во внешнем толчке… Желание работать зависит у него от настроения». Пер Браге (ген.-губерн. Финляндии с 1648–1654 гг. и

основатель университета) говорил о финнах, что дома они праздно валяются на печи, а за границей один из них работает за троих. Наконец, общей чертой финнов является любовь к сказкам, песням, загадкам и т. п. и склонность к сатире… Таковы главнейшие душевные черты финского корня.

Основную черту славян издавна составляла их чуткая впечатлительность, нервная подвижность, что соответствует тонко развитому чувству и достаточно развитому уму. Оба качества вызывают живость характера и непостоянство. Самыми типическими чертами этого характера являются: скорбь, терпение и величие духа среди несчастий. Рольстон справедливо говорит, что русский народ склонен к меланхолии, составляющей типическую его черту. Брандес, характеризуя произведения Тургенева, как национального писателя, говорит, что «в произведениях Тургенева много чувства и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной глубокой скорбью; по своему общему характеру это есть славянская скорбь, тихая, грустная, то самая нота, которая звучит во всех славянских песнях». Для характеристики этой славянской скорби и разъяснения ее психологического характера мы можем прибавить, что наша национальная скорбь чужда всякого пессимизма и не приводит ни к отчаянию, ни к самоубийству, напротив, это есть та скорбь, о которой говорит Ренан, что она «влечет за собою великие последствия». И в самом деле, у русского человека это чувство представляет собою самый чистый и естественный выход из тяжелого внутреннего напряжения, которое иначе могло бы выразиться каким-либо опасным душевным волнением, например, гневом, страхом, упадком духа, отчаянием и тому подобными аффектами. Среди несчастий, в опасные минуты жизни у славян является не гнев, не раздражение, но чаще всего грусть, соединенная с покорностью судьбе и вдумчивостью в события. Таким образом, славянская скорбь имеет свойства предохранительного чувства, и в этом кроется ее высокое психологическое значение для нравственного здоровья: она оберегает душевный строй и обеспечивает незыблемость нравственного равновесия; являясь унаследованным качеством, славянская скорбь стала основной благотворной чертой великого народного духа.

Все другие стороны чувства и вообще эмоциональная сторона души хорошо развиты у славян; в этом отношении славянство приближается к романским расам.

Слабейшую сторону славянского характера составляет воля; она гораздо менее энергична, чем у других народов, и в этом отношении

славяне представляют противоположность германским и англо-саксонским расам. Воля у славян выражается порывами (Леруа-Болье), как будто для накопления ее требуется срок. Славянский гений не чужд ясного сознания этой особенности и поэтически изобразил ее в былине об Илье Муромце.

Из приведенной характеристики видно, что финну, при его твердой воле, сильной в сдерживании себя (самообладании) и столь же сильной во внешних проявлениях, не доставало достаточно ума, чтобы направлять волю, а не становиться слепым фанатиком действия. С другой стороны финну не доставало живого чувства и тонкой отзывчивости не внешние впечатления. Этими качествами обладает славянин. Объединение двух таких несходных народностей дало расу среднюю в физическом отношении и дополнило духовный образ до степени целостности: русский, впитав в себя финскую душу, получил через нее ту тягучесть и выдержку, ту устойчивость и силу воли, какой не доставало его предку славянину; а в свою очередь финн, под влиянием славянской крови, приобрел отзывчивость, подвижность и дар инициативы. Нравственные качества финна и славянина, слившись в одном народном организме, взаимно дополнили друг друга, и получился цельный нравственный образ, более совершенный в психическом смысле, чем составные части, из которых он сложился.

Типы малорусса и великорусса отличаются между собою в том отношении, что у малорусса в меньшей степени получились те новые черты, которые приобретены от финнов, и более сохранился природный славянский ум и чувство. Таким образом, малорусс оказался более идеальным, великорусс более деятельным, практичным, способным к осуществлению. Малорусс, говорит Леруа-Болье, более подвижен, более склонен к размышлению (развитой ум), но менее деятелен (более слабая воля). Его чувства тоньше и глубже; он более поэтичен и склонен к внутреннему анализу.

Общий характер и основные черты славян и русских еще боле дополняются анализом душевных оттенков, свойственных отдельным славянским племенам. Известный антрополог-этнограф Талько-Грынцевич следующим образом описывает поляков, сравнивая их с великоруссами, белоруссами и малоруссами. «Суровая северная природа, — говорит Талько-Грынцевич, — …выработала в великоруссах характер более холодный, подходящий к климату, терпение, выносливость, твердость и энергию. Поляки напротив, поселившись издавна в своих равнинах, сохранили лучше черты

характера своих отдаленных предков: темперамент горячий, мечтательный, легко воспламеняющийся, характер мягкий, веселый и беззаботный, малую житейскую практичность, непостоянство, глубокую привязанность к родному очагу».

Приведенная характеристика показывает, что глубокое чувство является основной стороной характера, подавляющей собой ум и волю. Такие, неумеряемые умом и волей, чувства способны в одиночку, безраздельно господствовать в душе и увлекать ее своей силой. «Ближайшие соседи поляков — белоруссы и малоруссы, — говорит Талько-Грынцевич, — по своим нравам и народному характеру представляют как бы переходную ступень от поляков к великоруссам, — ступень, в которой крайности двух характеров смягчаются».

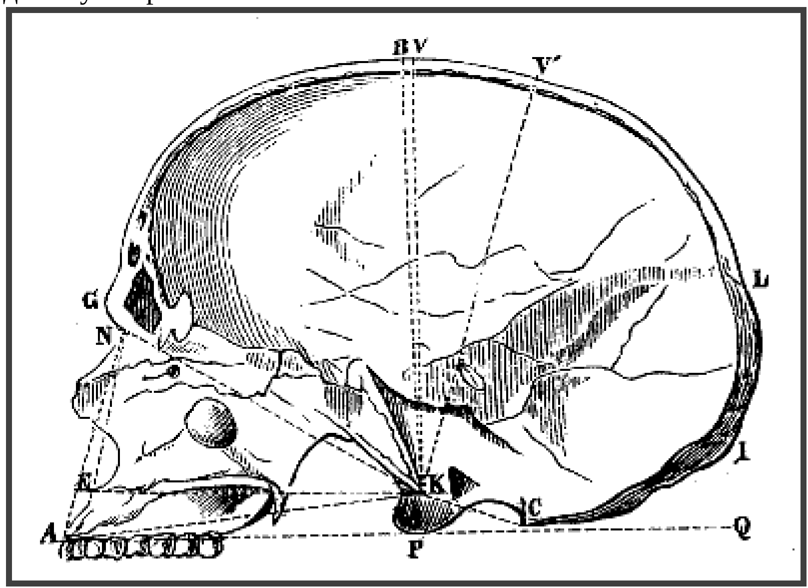
Приведенные Талько-Грынцевичем четырнадцать фототипий поляков из различных провинций вполне подтверждают сделанную им характеристику: на каждой из фотографий запечатлено, по преимуществу, чувство. Крайнее проявление славянского типа в поляках объясняется по Талько-Грынцевичу географическим положением поляков в центре славянства. Этим же Талько-Грынцевич старается объяснить особенности польской речи. Некоторые антропологи указывают на возможность антропологического смешения поляков с другими племенами, ссылаясь на то же географическое положение поляков — на большой дороге человечества, по которой в доисторическую эпоху прошла масса народов в том и другом направлении. Быть может, в возникновении польского племени играло роль узкое скрещивание чисто славянских элементов, приведшее славянские племенные крайности к их высшей точке в силу тех принципов, значение которых указано выше.

Вопрос этот остается недостаточно ясным, но совершившееся в наши дни выступление поляков на путь всемирной литературы, вероятно, разъяснит многое в этом оригинальном и талантливом племени.

Инородцы России, по всей вероятности, играют маловажную роль в образовании оттенков русского народного духа, но на окраинах, где происходит антропологическое сочетание их с русскими, влияние весьма возможно в виду известной наклонности русских к мирному объединению с другими народами на основах антропологического и духовного товарищества.

в. Англичане

В состав англичан вошли (брахи — брюнеты) кельты (Шотландия и Ирландия) и (долихо-брахи — блондины) германцы с некоторой примесью норманов (тоже германцев). Английская раса, как смесь названных частей, уже совершенно сплотилась и сформировалась антропологически. По росту — это первая раса в мире; она также занимает первое место между цивилизованными народами по весу тела, развитию груди и физической силе. В психологическом отношении англичане значительно отличаются от других народов. Воля, говорит Фулье, составляет основное органическое свойство английского характера, которое в точности напоминает древнегерманскую расу, отличавшуюся твердой, упрямой, закаленной, выдержанной волей; англичанину свойственна так же, как результат сильной воли, предприимчивость и любовь к инициативе, — этим последним качеством англичане обязаны норманской крови. Благодаря сильной воле англичанин отличается сдержанностью, серьезностью и способен к продолжительному трудовому напряжению.

Благодаря своей воле, говорит Бутми, англичанин представляет из себя истинное орудие труда: он гораздо производительнее, чем ирландец и немец. Англичанка не менее сильна волей и деятельна. Но в отношении развития и тонкости чувства и такта англичане,

несомненно, уступают французам. В умственном отношении англичанин настойчив, но менее способен к общим идеям, отчего все науки у него за немногими исключениями носят скорее практический, нежели чисто научный характер. Значительная часть английских ученых лишены того, что можно было бы назвать общим развитием, они, скорее, чистые специалисты избранных отраслей знания (Фулье).

Специфические черты английского духа явились, независимо от действия внешней природы, плодом смешения рас, населяющих Британские острова. Эти расы сформировали самостоятельный язык, плод самого курьезного смешения, которое дало необыкновенно практичные формы.

Основной психический склад англичан принадлежит германскому корню. Другие составные антропологические части, входящие в состав нации, подвергаются более или менее сильному давлению, которое имеет своей целью истребление. Чистый англичанин высокомерен, молчалив и беспощаден в своей деятельности, в нем нет того духа благосклонности и любезности, которая свойственна французу, напротив, он всюду в своих отношениях к людям примешивает презрительный и вызывающий оттенок, а в своих отношениях к покоренным или зависимым народам англичане вносят начало угнетения, эксплуатации и истребления (Бутми).

Основную черту английского характера составляет преобладающее развитие воли, как у француза — преобладающее развитие чувств и ума: француз оживлен, говорлив, тонок по своей душе и отзывчив, англичанин молчалив и решителен. Француз, в своих отношениях и действиях, в значительной степени руководится общественным мнением и совестью других и даже в этом ищет для себя поддержки и подкрепления, англичанин руководится своим собственным убеждением. Привыкнув искать нравственную опору в самом себе, а не в окружающих, англичанин отличается прямотой, откровенностью, независимостью и гражданским мужеством. Следующий эпизод поясняет мысль. В 1864 году Джон-Стюарт Милл выступал в качестве кандидата на выборах. Один из его противников, желая испортить ему парламентскую карьеру, предложил ему крутой вопрос в присутствии избирателей из рабочего класса: «Правда ли, спросил он, что вы отзывались об английских рабочих, будто они склонны ко лжи». Милль, не колеблясь, сказал: «Да, это правда». Французская публика в подобном случае, говорит Бутми, разразилась бы воплем протестов; но лондонские рабочие покрыли ответ Милля живыми аплодисментами: им понравилось нравственное мужество, с

которым Милль готовился встретить их неудовольствие.

В своих политических взглядах англичанин отличается крайним партикуляризмом: он внимателен, либерален и гуманен только в отношении англичан; но во внешней политике он совершенно иной человек. Законность, правдивость, гуманность и благородство в отношении к слабому признаются и уважаются только по ту сторону Ламаншского пролива, не дальше.

Несмотря на высокое и оригинальное развитие Англии, она, по-видимому, сделала меньше для поднятия и возвышения человеческого рода, чем сделали другие страны: Италия, Франция, Германия; но она показала миру невиданный пример свободы и деятельности. Подобный практический прогресс не менее важен, чем прогресс умственный.

г. Германцы

В состав Германии, кроме собственно германского племени, вошли элементы кельтские, славянские и финские; в Пруссии — особенно значительна примесь славян, в Баварии примесь кельтов. По наблюдениям Вирхова, долихо-блондины составляют основную часть германского народа, и, тем не менее, индивидуумов с таким типом в северной Германии наблюдается от 33–43 %, в центре Германии от 25–32 %, а на юге не более 18–24 %. Таким образом, германское племя (долихо-блондины), давшие германскому народу свой язык и душевный тип, не представляют собою большинства. Но то же, как мы видели, наблюдается и в России, где до 60 % состава населения относятся к смешанному типу и где население, давшее свой язык, остается почти в меньшинстве.

В основе своей души немцы, как и англичане, имеют сильную волю; отсюда вытекает их энергия, настойчивость, терпение в перенесении трудностей и верность принятому долгу. Чувство у немца носит печать идеализма; оно не сразу и не так скоро возбуждается, как у русских и французов, но раз возбужденное остается сильным и продолжительным. В сравнительной психологической оценке ум составлял всегда у немцев сторону, которая уступала чувству, в особенности воле. К выработке и развитию этой слабейшей стороны своей души немец приложил особенные усилия, подобному тому, как русский приложил усилия для выработки у себя воли. Успехи, достигнутые в этом направлении

расой, нельзя не признать замечательными, и психологический эксперимент, которому немецкая раса себя подвергла, не остался без знаменательных последствий. Самая техника умственного развития усовершенствована немцами в такой степени, что, во многих отношениях, она послужила образцом для других народов. Немцы не только привели в образцовый порядок библиотеки, книжную торговлю, но они первые сумели реферировать всемирное знание, создать научные центры, организовать армию ученых, в которой все, начиная от высших и до низших, тихо, но неудержимо идут вперед таким стройным эшелоном и с такой идеальной научной организацией, что, независимо от эпохи и личных сил работников, успехи знания быстры, верны, безостановочны и экстенсивны. С первого взгляда немецкая ученость, немецкая мысль кажутся тяжелыми, как бы достигнутыми путем томительной осады, и, тем не менее, этот путь немецкого ума оказывается практичным и приводит к истине, несмотря на свою кажущуюся простоту. Устройство университетов, организация научных центров, настойчивость в деле науки, последовательность знания, организация и сотрудничество доведены немцами в области науки до высоты истинной техники, благодаря чему даже посредственный ученый не только достигает серьезного научного усовершенствования, но и обогащает отечественную и всемирную науку. Сознанием важности науки проникнуты в Германии не только правительственные сферы и образованные классы, но даже в уме самого бедного и тупого поденщика жизни слова: «профессор», «ученый», «доктор» облечены ореолом такого величия, какого в других странах не умеют дать науке. Германия — единственная в мире нация, среди которой наука нашла себе высокое положение и оценку. Создав для науки высокий пост, немцы показали на самих себе, какую важность для развития народного духа представляет культ науки. Другие народы также верят в науку, но нигде оценка ее не проникала так глубоко в народные массы, как в Германии. Немцы показали на деле, что они смотрят на учение как на силу, способную нести весь народ, объединенный в великую интеллектуальную армию. Успехи, достигнутые осуществлением такой идеи, оказались необыкновенно плодотворными для немцев; польза их чувствуется и человечеством. В этом — бесспорная заслуга немецкой расы! Другие, быть может, более талантливые народы не сумели реализовать технику умственного развития в такой мере, как немцы. Последствия интеллектуального прогресса немцев оказались гораздо более

значительными и серьезными, чем того могли ждать немцы и другие народы. Ученое руководительство стало такою всеобщей и распространенною потребностью во всех слоях немецкого народа, что, можно сказать, народная жизнь слилась с научной, и народный разум поднят до высоты науки. Это один из самых крупных опытов в жизни человеческого рода!

е. Французы

Французы, подобно немцам, не составляют антропологически однородной нации. В состав французского народа входят: малорослые (брахи-брюнеты) кельты, высокорослые (долихо-блондины) галлы и, наконец, германцы. Эти составные части (как и составные части германцев) достаточно слились и объединились этнографически, образовав очень типический коллективный огранизм Франции. Подобно тому, как в Германии на всю этнографическую группу немецкого народа наложили свой духовный отпечаток германцы, так во Франции то же сделали галлы и кельты, передав французскому народу свойственный им веселый, живой и подвижной характер.

Самую заветную, выдающуюся сторону французского характера составляет живая впечатлительность, уже с первого раза очевидная для наблюдателя. Она происходит от сильных чувств, свойственных этому народу, и была нередко предметом критики и насмешек со стороны других народов, которым эта черта могла казаться зависящей от слабости воли и неспособности к самообладанию. Но в действительности чувства французов не только сильны, но глубоки, в истинном значении этого слова, — а такие чувства не могут быть вполне подавляемы волей. Чувства француза отличаются и глубиной, и проникновенностью: ими явно сопровождаются все душевные акты, и даже сухой ум и чистая воля несвободны у француза от заметной эмоции. Оттого французская мысль отличается особенной живостью, картинностью и блеском; в свою очередь воля, благодаря чувству, полна гибкости и живого приспособления и никогда не носит характера слепой механической силы; и даже самые чувства всегда сопровождаются целой гаммой второстепенных тонов и оттенков, придающих им характер широкого всепроникающего эмотивного акта. Французу даже неизвестно то состояние стихийной оцепенелости чувства с окаменением воли, которое составляет национальную черту финна и называется упрямством. Французу

несвойственна также и холодная жестокость, составляющая национальную черту некоторых образованных народов.

Тонко развитое чувство француза делает его проницательным в отношении душевного состояния других и родит в нем самом эмотивный отклик; оттого француз является общественным существом в большей степени, нежели представители других народов Европы. Уже галлы, по сказанию Страбона, охотно принимали на себя вину тех, которые казались им обвиненными несправедливо. Французский солдат, храбрость которого имеет вековую репутацию, в пылу сражения никогда не думает о себе, но исполняет долг глубокого сочувствия к товарищам, которым угрожает опасность. Сочувствие и сострадание является естественной глубокой чертой национального характера француза. Легко понять, что при таких качествах француз не мог сделаться колонизатором. Францию считают даже неспособной к колонизации. Колонизация требует той холодности, насилия, презрения или, по крайней мере, невнимания к низшей расе, на какое француз не способен по самому характеру своему. Как древний грек, изготовляя художественные произведения для рынка, не мог превратиться в простого ремесленника, но оставался художником, так француз не способен позволить себе то невнимание к человеку, какое необходимо, чтобы сделаться колонизатором. Черта общечеловечности в такой степени свойственна французскому характеру, что даже самый лиризм этой нации запечатлен необычным характером. В то время как немецкий лиризм, говорит Мейер, носит на себе печать уединенного замкнутого в себе состояния, лиризму французскому присуши экспансивность и общественность, и даже, когда Ламартин и Гюго говорят о самих себе, они изображают только те чувства, которые общи всем и которые носят не личный, но сверхличный общечеловеческий характер. Такую особенность французского характера иногда объясняли мотивами личного свойства — исканием развлечений, потребностью в обмене мыслей, жаждой общества и т. п. и т. п. Но такие объяснения необходимо признать односторонними; напротив — француз чувствует самого себя меньше, чем чувствует другого, и для него больше имеет силы чужой взор, чужая совесть, чужая душа, чем его собственные инстинкты: omnium mihi conscientia major est, quam mea — так о себе говорит француз.

Указывая на приветливость и общественность французов, Д. С. Милль замечает, что англичанин лишен этих качеств: «В Англии, — говорит он, — всякий поступает так, как будто все ему

враги или все сердятся на него».

> *«Тонкое понимание другого и оценка самого себя меркой общественной совести сделали для француза естественными высшие добродетели: самоотверженность, альтруизм, потребность стать на службу не только своей народности, но и всему человечеству. В этом отношении французам принадлежит, по праву, нравственное первенство в ряду современных рас. Социальные реформы и демократический дух гораздо более созрели во французской нации, чем в других странах, и в настоящее время умы лучших людей Франции не без основания начинают предчувствовать зарю высокого поворота в ходе нравственной жизни, которой Франция достигнет раньше, чем кто-либо в человечестве» (Фулье).*

Основным свойством французского ума является его острота и неутомимость. В этом отношении французы занимают едва ли не первое место среди народов. Предание приписывает Виргилию слова: их (галлов) может довести до утомления все, что угодно, только не умственная работа. Ясность мысли и ее логическое построение таковы, что французов не без основания называют огранизаторами человеческой мысли. Французская критика получила всемирное воспитательное значение для ума, как французская комедия для общественных нравов.

Воля французов не всегда является сильною в делах внешних, но, в общем, эту волю необходимо признать сильной, если принять во внимание ту сложность душевной работы и те бесчисленные компликации, какие даются живым умом и пылкими чувствами и которые неизбежно требуют необыкновенно сложных и гибких манипуляций воли в задачах решения и осуществления.

Объединяя все данные, касающиеся французского духа, нельзя не прийти к заключению об особой талантливости расы; значение этой талантливости еще больше возвышается гармонией, существующей между душевными способностями. Самое направление духовной жизни французского народа носит печать того всестороннего психического прогресса, который напоминает дарования древних греков.

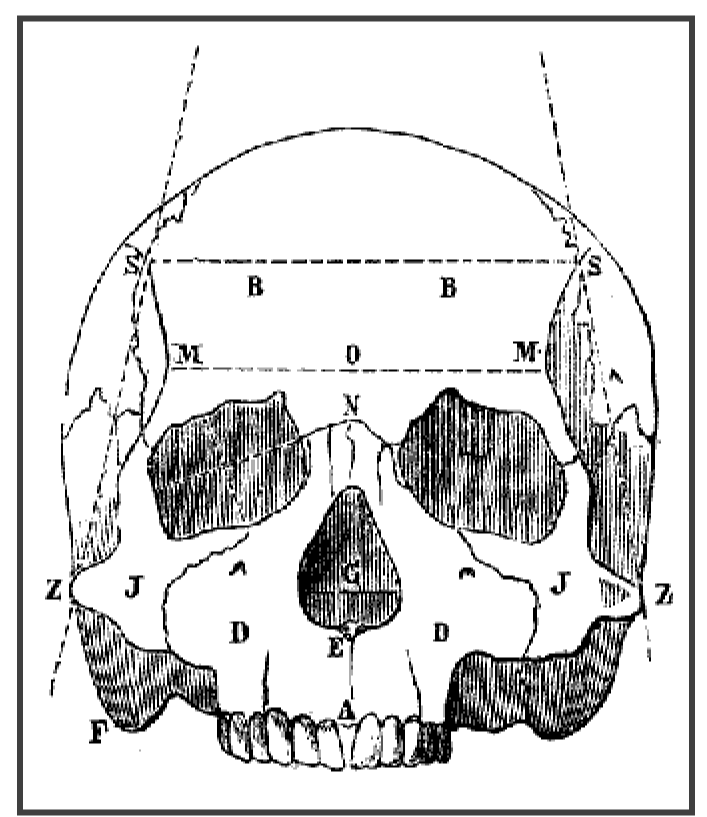
Французский гений направляется по тому пути, который менее всего обещает непосредственные осязаемые результаты, но — это путь высшего душевного развития. Человечество когда-нибудь оценит

и этот путь, и ту нацию, которая избрала и пролагает такой путь.

ж. Евреи

Психологический очерк народов остался бы неполным, если бы не были приведены, хотя некоторые, черты из психологии народа, который хотя и не составляет нации в полном смысле слова (так как рассеян среди других народов Европы и земного шара), но черты этого народа настолько типичны, что ознакомление с ними имеет существенный теоретический интерес и может содействовать уяснению общих вопросов этнической и расовой психологии.

Евреи распадаются на две обособленные группы, различающиеся как по внешним признакам, так и по своему происхождению. Русско-немецкие евреи (ашкеназы), по своему малому росту, относительной частоте у них рыжих волос, серых глаз и брахицефалии, сильно удаляются от сефардов (евреев трех южных полуостровов Европы, африканского побережья Средиземного моря и отчасти Голландии и Англии). Евреям-сефардам свойственны: черные волосы, черные глаза и долихоцефалия. По новейшим исследованиям сплочение этих двух антропологических типов в одну общую группу еврейского народа произошло чрезвычайно давно, еще на месте первоначальной родины евреев в передней Азии, где к первоначальному истинному семитическому корню присоединились брахи-блондины амориты. Позднейшие примеси (арийцев в Европе) к этим исконным частям еврейского народа были сравнительно незначительны, почему еврейский народ сохраняет свою первобытную типичность.

Евреи во все времена своей истории обнаруживали склонность к переселениям в гораздо большей степени, чем другие народы. Путь в Европу, куда переселилась главнейшая масса евреев из их первоначальной родины — Передней Азии был троякий: через Кавказ, по берегам Черного моря и по Средиземноморскому побережью. По этому последнему пути прошла наибольшая часть евреев перед началом периода их рассеяния. В настоящее время общее число евреев на земном шаре до 10–12 миллионов; половина этого числа живет в России.

К антропологическим особенностям евреев, резко отличающим их от других народов, относятся: более малый рост, слабое развитие груди, большая рождаемость, высшая средняя продолжительность жизни и меньшая смертность; благодаря этим особенностям, евреи постепенно возрастают в числе, даже несмотря на неблагоприятные условия, в которых эта раса находится всюду. Одна из наиболее заметных особенностей еврейского народа заключается в наивысшей приспособляемости евреев к самым разнообразным климатам, о чем

речь была уже выше.

Физической устойчивости еврейской расы соответствует и устойчивость основных черт душевного строя: каким изображен еврей на стенах древних египетских гробниц, таким он в физическом отношении представляется и в настоящее время, и совершенно то же замечается в духовном отношении. Правда, такой общий принцип антропологической устойчивости применим и к другим народам: требуются долгие века для изменения психического и физического типа народов. Таковы взгляды современной антропологии. В популярных статьях можно встречать нередко объяснение психического типа евреев событиями их истории за два последние тысячелетия; но в вопросах, о которых идет речь, такой срок — слишком незначителен и не может оказать сколько-нибудь заметного влияния, за исключением случаев — крупных антропологических скрещиваний, которые для еврейства не имели места. После этих замечаний переходим к краткому очерку душевных свойств еврейской расы.

Ренан называет евреев расой интеллигентной, умной и страстной. С такой количественной оценкой дарований все согласны. Умственная одаренность евреев не подлежит сомнению и сказывается в особенной легкости, с какою им дается изучение речи, начиная с грамотности до литературного языка, которые евреями усваивается гораздо легче, чем другими народами. Евреи являются повсюду, начиная с отдаленных времен, переносчиками культуры и посредниками в умственном обмене, а при испытаниях умственного развития в школе, в наши дни, евреи нередко превосходят неевреев быстротою и бойкостью научных справок (Леруа-Болье и др.). Но этой формальной или внешней стороне ума далеко не соответствует сторона внутренняя. Убежденный сионист из христиан профессор Ф. Геман многозначительно говорит, что евреи не могли быть творцами собственной оригинальной культуры, потому что у них не было собственной почвы, собственного постоянного пристанища. Но Ренан думает, что не эти внешние причины, как кажется Геману, а другие, более глубокие условия лежат в основе этого своеобразного явления — несомненных дарований и столь же несомненной неспособности создать национальную культуру. Ренан говорит, что у евреев, как у расы, вообще нет призвания ни к философии, ни к науке, ни к искусству, за исключением музыки. Как бы в подтверждение самого факта этой странной духовной односторонности народа, который обладает блестящим, но нешироким умом, указывают на

глубокую историческую загадку, — что созданием Библии, этого величайшего этико-литературного произведения, как бы исчерпывается продуктивная производительность Израиля, после чего следует двухтысячелетняя пауза, в продолжение которой евреи, по справедливому замечанию Гемана, вносили свою долю участия во все культуры и, тем не менее, ни одна не создана и не проникнута их духом. Как будто у евреев иссяк родник собственной духовной жизни, и они стали жить чужими идеями, чужим духом и чуждыми им вдохновениями! Самобытное национальное творчество Израиля как будто совершенно угасло, или, по крайней мере, оно стало искать себе вдохновения в национальных идеалах тех народов, с которыми евреи сожительствуют.

В отношении чувств Ренан назвал евреев расой страстной, т. е. одаренной живыми чувствами. Хвольсон (семит по происхождению) приписывает семитам чувствительную, раздражительную страстную душу. И, действительно, чувства евреев всегда представляются яркими и живыми, по временам даже сильными. Однако же, при всей живости своего темперамента, евреи нисколько не похожи на французов, обладающих также живыми и сильными чувствами, и это несходство разъясняет сущность дела. Объективное определение чувств представляет задачу нелегкую, но мы остановимся на некоторых чертах, которые одинаково оцениваются и неевреями и евреями. Это параллельная оценка сделана представителями первого Конгресса сионистов с одной стороны (Нордау, Бирнбаум и проч.) и с другой стороны Геманом в указанной выше брошюре его и другими. Не входя в описание отдельных чувств, ограничимся оценкой общего характера их. Главный отпечаток, которым отличаются чувства еврейской расы можно бы назвать нравственным симплицизмом. Чувство еврея часто является в упрощенной форме, в своей обособленности и без осложнения одних чувств другими; так стыд принимает форму уничижения, страх является в виде растерянности, печаль — в виде слез и экспансивной эмоции, самодовольство — в виде тщеславия, кичливости, надменности и заносчивости, самоуверенность — в виде самомнения и т. п. Сущность подобных оттенков и вариаций состоит в замене многих чувств одним из сильнейших или одним из элементарнейших. Поясним примером: человек, чувствующий себя униженным, презираемым — каковыми часто чувствуют себя евреи — может не поддаться полностью одному этому чувству, если только будет хранить в себе чувство нравственного достоинства; подобным образом, человек гордый не

впадет в заносчивость и кичливость, если будет поддерживать в своей душе уважение к чужой личности и т. д. Но если подобного осложнения нет, если эмотивный противовес непривычен для души, то всякий вообще субъект, независимо от его национальности, становится нравственным симплицистом: его натура, вместо тонкости, приобретает вульгарность, и все отдельные чувства решительно изменяются. Сущность нравственного симплицизма выясняется при психологическом сравнении еврея и француза в отношении чувства. Чувства французской расы носят печать необыкновенной сложности — это всегда душа, звучащая многочисленными своими фибрами, — что свидетельствует о высоком эмоциональном прогрессе расы. Такая душа далеко не свойственна евреям, как расе. Без сомнения, и между евреями есть люди с необыкновенно тонкой всечеловеческой духовной организацией, но живая, страстная французская душа не может быть поставлена на один общий уровень с живой страстной еврейской душой. При той же силе эмоции, эти две души различаются в отношении полноты и глубины чувства так же, как английская и русская душа отличаются размерами и силою воли.

Неполная или недостаточная дифференциация чувства в еврейской расе уже в отдаленные времена сделала необходимым существование особенного нравственного корректива — в лице пророков, которые являются замечательным специально еврейским институтом. Этимология слова пророк в русском и греческом языках указывает на прорицание, предсказание будущего, как на основную функцию пророка, но семитическое слово nabi, применяемое к наименованию пророка обозначает собою человека зрячего, т. е. нравственно видящего, проницательного, различающего и распознающего своим чувством те нравственные тонкости и детали, которых не различают другие. Таким образом для нравственной жизни расы понадобился особый институт нравственно ясновидящих людей, способных быть руководителями в делах совести, в делах нравственного такта, которого нередко не доставало не только обыкновенным евреям, но и духовным представителям их — первосвященникам, священникам, как видим из писаний пророков. По мнению Ренана, пророки представляют собою явление, не имеющее аналогов в истории других народов. Пророки старались будить чувства, очищать их, содействовать их развитию и росту; пророки одинаково обращались к народу и его царям и первосвященникам, как вестники Бога, как голос и идеальной совести, и тонкого чувства.

Что касается воли, то еврейская раса отличается выдающейся настойчивостью в труде и неутомимостью.

Основные психические свойства еврейской расы: 1) блестящий, острый, но не глубокий ум, 2) счастливая настойчивая воля и 3) недифференцированное чувство положим свою специфическую печать на весь духовный образ, на жизненную деятельность и на исторические судьбы избранного народа.

Относительная элементарность, или недифференцированность чувства решительнее всего выражается в еврейской расе отсутствием тоски по родине и легкой утратой родной речи. Отсюда становится понятной склонность к миграциям в отдаленные страны и симбиоз с чуждыми расами, свойственный еврейскому народу с отдаленных моментов его истории. Быть может, стремление евреев к рассеянию и расселению и самое отвращение к оседлости вытекает не из одной нужды в куске хлеба, но скорее из потребности искать духовную жизнь, бьющую более полным ключом, нежели жизнь еврейской расы. Таким образом, расселение евреев по лицу земли являлось бы не только вынужденным, но отчасти, вероятно, и естественным психологическим явлением, зависящим от свойств еврейского национального духа.

Рассеяние по лицу земли и продолжительная жизнь среди чуждых рас выяснили некоторые отличительные черты национального духа евреев, в особенности — легкость, с какою еврей воспринимает чуждую культуру. Странствуя по земле, евреи утратили не только свою историческую территорию, но также свой язык, литературу, поэзию, искусства и, в известной степени, самый нравственный облик — все самое ценное в жизни. Быть может это единственный пример для столь развитой в умственном отношении расы! Душа современного еврейства уже не согревается и не возбуждается самобытным национальным гением. Расовый тип, правда, еще остается, но это скорее касается формы, чем содержания духа с его историческим преемством идей, стремлений и чаяний. Евреи вносят свою долю участия в современные национальные культуры разных народов, как справедливо говорит Геман, но они руководятся вдохновением не иудейского, а чуждого им народного гения, откуда они черпают содержание и формы своего творчества. По-видимому, главной причиной такого направления духовной жизни избранного народа является перевес умственного развития над эмоциональным: тонкое чувство, идеализм, поэтические и художественные эмоции уступили у евреев свое законное первенство практицизму в ущерб

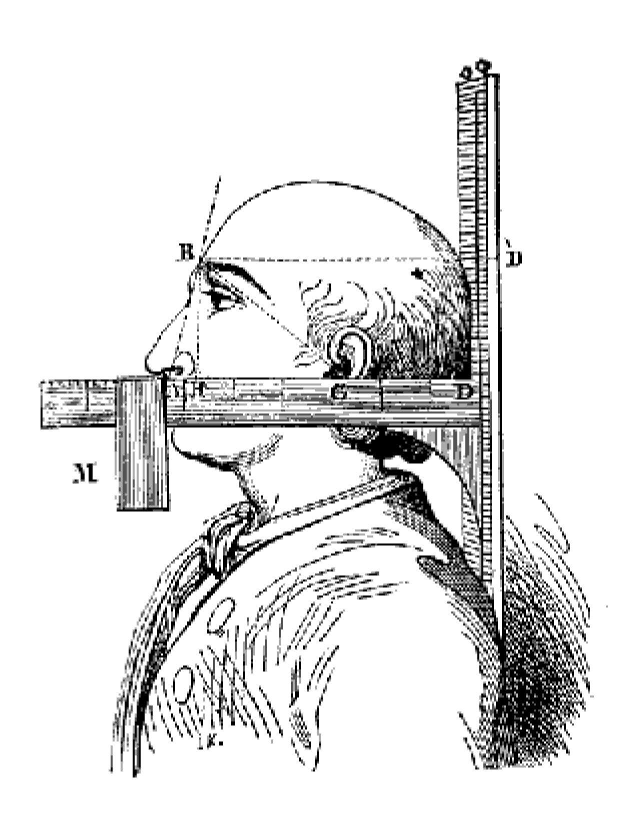
естественному развитию высшей жизни.

Симплицизм и неполное развитие чувства привело талантливую, в умственном отношении, еврейскую расу к монотонности умственных аспирации, к сужению круга действий, к замкнутию себя в рамки немногих специальностей и профессий, где ум находит желаемую пищу. Но все важнейшее, на что человек подвигается тонким чувством, именно: стремление к развитию чисто духовных интересов — языка, поэзии, литературы, искусств и проч. осталось в еврейской расе без надлежащего преуспеяния. Таким образом, еврейство осудило само себя на узкую служебную роль в человечестве, утратило руководящую идейную силу, о которой говорили его пророки, и спустилось до положения простого исполнителя поручений различных наций, среди которых оно живет, идеями которых вдохновляется. В окончательном выводе это привело талантливую расу к более узкой жизни, чем та, которая требуется интересами духа, и в этом — великая угроза высшему духовному преуспеянию еврейской расы в будущем.

Как мы старались показать в очерке национальной психологии других рас (русские, немцы), каждая раса с необыкновенной настойчивостью идет по тому пути, какой указывается задачами ее психического усовершенствования, не останавливаясь ни перед какими требованиями жизни. Так, немецкая раса, у которой чувство и воля были счастливо развиты, устремила все силы своего духа на достижение умственного прогресса в уровень с чувством и волею. Славяне, одаренные счастливо в умственном и эмоциональном отношении, направили свои стремления на развитие воли, и с этой целью даже вошли в антропологическое — кровное объединение с финнами и, таким путем, пересоздали себя в новый антропологический и духовный тип (русских), обладающий более полной и цельной духовной организацией, нежели та, которою обладают составляющие его родоначальные расы (славянская и финская). Такого пути еврейство чуждается, оно замыкается в себе, избегая как антропологической ассимиляции, так и национальной пропаганды, хотя вековой опыт человечества указывает расам иной биологический идеал. Время покажет, лучше или хуже других народов поступают евреи.

В противоположность многим культурным народам, евреи обнаруживают мало склонности к национальному объединению; их сплоченность, по своему характеру, скорее напоминает факт расового, чем культурного единства. Евреи мало стремятся к территориальной

концентрации, столь же мало склонны к созданию национального духа с самобытным языком, поэзией, литературой, искусством. При таких наклонностях еврейской расы, жизнь в рассеянии вовсе не является для нее фактом чисто внешним или только насильственным, но глубоко коренится и в самых особенностях этого народа. Брока усматривает в евреях свойства антропологического космополитизма — как в физической организации их, так и в их физиологической приспособляемости. Но очевидно, и в психическом отношении еврейству свойственна такая же приспособляемость и вытекающий из нее нравственный космополитизм: евреи охотно передвигаются с места на место, побуждаемые материальными и духовными потребностями, и это стремление возникло у них не только со времени утраты ими своей территории в Палестине, но проявилось и гораздо раньше. Самая перспектива рассеяния и симбиоза с народами земного шара была предсказана евреям их пророками; эти гениальные люди, которых можно бы назвать сионистами своего времени, глубоко понимали национальный дух своих соотечественников и предусматривали исторические события, причины которых коренятся, главным образом, в национальном духе евреев. События действительно наступили так, как об этом читаем у еврейских пророков. Этим подтверждается как проницательность пророков, так и верность сделанной ими психологической характеристики своего народа. Хотя пророки Израиля усматривают в рассеянии наказание Божие, а современные сионисты пытаются создать из евреев нацию в том смысле, как она создалась у других народов; но самый вопрос, — нам кажется — стоит глубже. Евреям, как расе, едва ли свойствен национальный уклад душевной жизни; у них гораздо больше сказывается склонность к антропологической всеобщности, чем к национальным рамкам; и, быть может, именно в этом скрывается антропологическое и культурное призвание этой, во всяком случае, прочной, устойчивой, резко отмеченной в духовном отношении расы.

B
D
M

И. А. Сикорский

Русские и украинцы

(Глава из этнологического катехизиса)

Доклад в Клубе русских националистов в Киеве 7 февраля 1913 года Русские и Украинцы

I. Доисторическая давность

Вопрос, поставленный в заголовке, невольно сам собою сказался. Когда нам пришлось ознакомиться с некоторыми произведениями профессора Михаила Грушевского, особенно с его новейшей книгой «Киевская Русь» (т. 1. СПб. 1911 г.). При чтении этих произведений в душе возникли не только вопросы, но почуялись сомнения, встрепенулась критическая мысль, сказалась глубокая встревоженная потребность знать: «что есть истина»?

Согласно Вс. Переписи населения Росс. Имп. 1897 г., мы привыкли знать, что русских в нашем отечестве имеется 84 миллиона, затем уже следуют нерусские народности в общей сумме 41 миллион. С поправками на 1911 год (Статистич. Ежегодник России), русских приходится 112 миллионов, инородцев 56 миллионов. Восемьдесят четыре миллиона русских в 1897 г. и 112 мил. В 1911 году делятся таким образом, что в

	1897 г.	1911 г.
на великороссов	66 миллион.	74 миллион.
на малороссов	26	37

Почтенный профессор Грушевский предупреждает нас, что двадцать шесть миллионов малороссов по переписи 1897 или тридцать семь миллионов по расчетам на 1911 год нельзя считать русскими. Эти миллионы должны быть списаны с общей суммы русских, потому что они — не русские, а украинцы. Подведя итог всем украинцам, почтенный профессор исчисляет их в 1906 г. в сумме 31–32 миллионов, вводя сюда живущих в Австрии и выселенцев в Америку. Нас, впрочем, интересуют не статистические цифры, а существо дела — действительно ли из состава русского населения надобно исключить одну треть (численностью в 27 миллионов!) и перечислить эту крупную цифру к контингенту другой народности — украинцев. Это так неожиданно, так ново, так непривычно, что разум не хочет сдаться в плен и домогается доказательств. Конечно, перед доводами науки никто и ничей ум не устоит! Если существуют доводы, и они убедительны, мы невольно последуем за профессором Грушевским и, при всем предварительном несогласии с ним, — чего и не скрываем, — пойдем в полон, сдавши ему в качестве трофеев всю нашу библиотеку.

Профессор Грушевский настолько обставил содержание своей

книги научным инструментарием, что первым долгом читателя является тщательное изучение предлагаемого материала: с этого и начнем.

Мы встречаем в книге профессора Грушевского и географию, и геологию в соединении с исчислением периодов или наслоений четвертичного века до первых почти проявлений жизни в третичную эпоху. Далее у него прослежен более или менее подробно ледниковый период в Европе, особенно в тех местах, которые впоследствии стали прародиной нашего отечества. Еще далее профессор Грушевский приводит опись орудий, созданных руками первобытного человека в палеолитический и неолитический период его жизни. Особенно ценным следует признать то, что профессор Грушевский придает значение антропологическим изысканиям и делает попытки применять их к освещению расовых и этнических вопросов — наряду с лингвистическими данными. Все это вместе взятое создает ту почву, на которой возможно сближение разных специалистов, на общем поле этнографии и этнологии. К сожалению, приходится сказать, что некоторые части исчисленного материала носят у профессора Грушевского характер скорее научно-изобильного, чем конкретно-делового собрания фактов, и самые факты не объединены и не оплодотворены принципами антропологии и этнографии. Главные положения этих новых вспомогательных для истории дисциплин использованы у профессора Грушевского далеко не с тою полнотою, какой они заслуживают.

Важнейший вопрос, с каким в своей книге выступает профессор Грушевский, — пытаясь притом разрешить его радикально, — это вопрос о происхождении славян, русских и украинцев. Эти три вопроса должны быть признаны основными для всей истории славянства и России, но они оставались до самого недавнего времени крайне слабо базированными. Оттого выступление профессора Грушевского с решительными взглядами покажется для всякого по меньшей мере научно-внезапным. Если принять во внимание, что прежние научные данные о скифах и сарматах, как предтечах славянства, не только устарели, но сделались в последнее время еще более неясными и запутанными, то начало Руси таким образом погрузилось в совершенный туман. Этот туман не только не рассеивается книгою разбираемого автора, но становится еще более густым особенно потому, что к основному вопросу о существовании украинства профессор Грушевский относится скорее как к вопросу доказанному и решенному, а не к такому, который нуждается в

доказательствах для своего разрешения. В первой половине своей книги профессор Грушевский почти не говорит об украинцах, оттого появление их во второй половине представляется довольно неожиданным: автор не достаточно подготовляет читателя к этой важной этнографической новости.

В своей книге профессор Грушевский останавливается только на весьма немногих антропологических фактах, именно на долихоцефалии и брахицефалии (длинноголовость, короткоголовость), но не упоминает и не оценивает значения многих других важных антропологических положений и признаков, например, лицевого указателя, носового, глазничного и даже головного указателя (index coephalicus). Такая скупость явилась роковой и лишила профессора Грушевского почти всех средств к разрешению поднимаемых им этнических вопросов. Удовольствоваться долихоцефалией и брахицефалией — это значит сузить свои аналитические ресурсы по этнологии до границ решения только одного вопроса, притом касающегося событий чрезвычайной давности. За четыре тысячи лет до нашего времени территорию нынешней европейской России населял долихоцефалический человек. Он вымер, скелеты его можно находить при рытье каналов (Ладожский кан.), при глубоких железнодорожных выемках и при других обнажениях глубоко лежащих напластований земли. Вот и все! Но все получаемые таким путем данные имеют теперь только био-исторический интерес, т. е. полезны для биолога, но не для историка. Ведь со времен долихоцефалического человека поверхность нынешней России покрылась наносными наслоениями, на поверхности которых уже давно живет короткоголовый и среднеголовый человек (брахицефал и мезоцефал). Вся антропология и этнография поднялась, таким образом, из геологических глубин на поверхность, нами обитаемую. Поэтому здесь, а не в глубинах земли надобно искать человека двух-трех последних тысячелетий. Здесь находятся следы и остатки скифов, сарматов и славян. Здесь же следует разыскивать и украинца, если только он существует в природе.

Новейшие обширные антропологические данные как раз освещают эти доисторические события и способны дать ответ относительно прародителей современного русского человека. Однако же, этих именно данных книга профессора Грушевского, к сожалению, не содержит. Но без них не может обойтись современная этнография, уже не довольствующаяся одним лингвистическим материалом, тем

более что в антропологии она нашла свою первую по точности основную науку, далеко превосходящую собой науку о языке.

Для решения проблем этнографии и истории народа, при настоящем состоянии науки, применяются двоякого рода данные: изучение живущего населения с антропологической точки зрения и раскопки старых кладбищ и мест погребения. Объединение тех и других данных устанавливает физическую и историческую связь и преемственность населения страны и бросает более яркий свет на прошедшее, чем лингвистические признаки, которые могут быть подражательно заимствованы одним народом у другого и потому не надежны, как критерий для выводов о происхождении народа и расы.

Обращаясь к этому новому источнику этнографии и истории, мы сразу находим в нем факт капитальной важности для занимающего нас вопроса. Раскопки кладбищ с погребениями разных типов показали, что на территории России кладбищное население имеет своих представителей в современных живых поколениях, и что существует непрерывное антропологическое преемство от бывших доныне живущих народов и племен. Антропологические изыскания такого рода за последние сорок лет, особенно со времени первого посещения Москвы французами и другими европейскими антропологами в 1879-м году, привели к собранию многоценного антропологического материала, накопленного и обработанного научными силами Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Важнейшие выводы из крупных богатств этой вновь возникшей отечественной сокровищницы могут быть кратко переданы в следующих чертах.

Первоначальная аборигенная раса, населявшая Восточную Европу вслед за вымершими длинноголовыми (долихоцефалами), остается неизвестной. Вторым (?) по времени поселенцем на этой уже значительно поднявшейся тогда над уровнем моря территории были различные народы и племена финского корня. Финские народы относятся по антропологической классификации к белой расе и ни в каком случае не должны быть смешиваемы (что иногда, однако ж, делают) с монгольской или желтой расой. Финны, в отдаленные времена, пришли на восточную европейскую равнину с востока и севера Европы и широко разместились здесь до Балтийского моря и на юг до Киева и даже южнее, насколько то было безопасно от бродивших на юге хищников. Финские племена осели на занятой территории прочно, сделав ее своей окончательной, постоянной

родиной. Около времени начала христианской эры и даже до нее с юга Европы, из побережья Средиземного моря, со своей вероятной прародины, по пути через Карпаты и восточнее, на финскую территорию стали надвигаться славяне. Между встретившимися расами (славянской и финской) установилось сразу постепенное мирное сближение, смешение и объединение (Бестужев-Рюмин), которое и дало в результате русскую народность, осевшую окончательно на этой же с тех времен общей, славяно-финской территории (нынешней территории России). Между финнами и славянами, как сказано, встреча была не враждебная, но мирная, выражавшаяся прежде всего усвоением славянского языка и славянского психизма. Финны не гибли, но растворялись и таяли в славянской расе, — широко в то же время ее впитывая. Но, наряду с этим физико-психическим объединением финнов и славян, другие смежные, особенно бродячие расы юга оставались чуждыми великому таинству нарождения новой расы. Это в особенности относится к скифам и сарматам, случайным бродячим поселенцам юга Европы, сталкивавшимися с нарождавшейся расой только территориально, т. е. внешним образом, но не духовно, как финны.

Говоря о прародине славянства, профессор Грушевский помещает ее в рамке такого четвероугольника: с запада — Висла, с севера — Балтийское море, с юга — верховья Днестра и Буга, с востока — бассейн Днепра, и при этом прибавляет: «не можем обойти молчанием того обстоятельства, что, устанавливая таким образом славянскую природу, мы расходимся с нашей историческою традицией, представленною автором «Повести временных лет». Здесь, конечно, речь идет о рассказе летописца, что «по мнозех же временех, сели суть Словени по Дунаеви, где есть Угорская земля и Болгарская». Это мнение летописца профессор Грушевский называет «неудачной гипотезой киевского книжника». Но указанный Нестором путь есть, без сомнения, один из вероятных путей славянского передвижения на занятую затем славянами финскую территорию. Путь этот мог включать в себя как пункты, указываемые летописью Нестора вообще, так и места Прикарпатья, которые указываются Ключевским, Надеждиным и Барсовым и другими. Все это будет гораздо основательнее того утверждения украинского профессора, по которому путь движения славян не отделяется от пунктов остановки и оседлости… Впрочем, не будем спорить о прародине славян. Бесконечно существеннее не прародина, не территория, а природа русского народа. К ней и возвращаемся.

Антропологическое исследование живого контингента современного русского народа со всеми поименованными выше указателями (index'ами) открывает тот важный факт, что в состав населения России входят частью индивидуумы чисто финского типа, частью чисто славянского, частью же смешанного типа — из обоих. Здесь и все! Татарская и монгольская примесь являются в виде ничтожных вкраплин по местам и по своей, так сказать, случайности и незначительности, нисколько не нарушают чистоты и очевидности главного основного финско-славянского состава, а потому такие случайные примеси должны быть игнорируемы и не принимаемы во внимание.

Финская по натуре и крови составная часть русского населения характеризуется короткоголовостью, широким лицом, выдающимися скулами, малыми глазами, средним ростом, короткими ногами, светлыми волосами, светлыми глазами. Представители же чисто славянской части гораздо менее короткоголовы, брюнеты, высокого роста, с темными глазами. Живущее и кладбищное население современной России содержит финский и славянский тип. Нередко одна и та же семья содержит в себе представителей того и другого типа. Но наряду с такими, совершенно чистыми расовыми экземплярами, существует и смешанный тип, где финско-славянские черты совмещены, но уже в сглаженном виде, и с утратой первобытной ясности и чистоты. Представителей такого смешанного типа в современном населении имеется до 60 %, а остальные 40 % падает в общей сложности на чистые расовые экземпляры (т. е. славянин или финн).

Таков в действительности живущий контингент русского народа. От Архангельска до Таганрога и от Люблинского Холма до Саратова и Тамани живет одна и та же (в главных чертах) русская народность. Дробление на великоруссов, малороссов и белоруссов связано с несущественными и второстепенными, притом скорее лингвистическими, чем антропологическими особенностями, которые притом нередко и отсутствуют. В малорусском (по Костомарову — южнорусском) населении — тот же племенной состав, что и в великорусском, с незначительным только перевесом славянского элемента над финским. Этим антропологически, т. е. по своей породе и природе исчерпывается все русское население европейской России. Украинцев здесь нет! Их нет ни в живущих экземплярах, ни в кладбищном населении: нет ни на земле, ни под землей. Поэтому, если за исходное основание для суждений и выводов взять

физический состав населения, его породу и природу, то на Украине нет такого населения, которое обладает особой породой: здесь то же, что существует и за пределами Украины. Отсюда — естественный вывод, что «Украина» и «украинцы» — это термин скорее географический и политический, но не антропологический или этнический. По-видимому, часть территории юго-восточной Европы без надлежащих оснований отведена профессором Грушевским под «Украину», а ее население зачислено в «украинцев», но эти украинцы ничем антропологически не отличаются от русского населения. Если бы череп такого украинца, взятый с кладбища в России или Украине, дали в руки любому антропологу, он бы признал череп просто за русский… История повторяется!.. Нечто подобное тому, что произошло с профессором Грушевским, случилось в наши дни в другом уголке мира и не лишено поучительности. Французскому д-ру Бертолону (Bertholon) в 1911 году привелось антропологически исследовать кладбищное население бывшего древнего Карфагена и смежных мест и точно так же исследовать современных обитателей провинции Тунис. Тщательный антропологический осмотр и всякие намерения показали, что ископаемое население Карфагена и нынешнее арабское население страны тождественны в антропологическом отношении. На продолжении веков, не менее как 2400 лет, — говорит Бертолон, и несмотря на политические пертурбации, население осталось в самом строгом смысле антропологически нетронутым: основные измерительные цифры черепа и скелета остались в поразительной степени тождественными у живых и умерших. Население страны физически осталось тем, чем было 2400 лет назад, несмотря на то, что ему последовательно давали наименование финикийцев, римлян, арабов и воображали его прибывшим из других мест! То же приходится сказать о тех, кого наименовали новым термином украинцев. Имя — новое, но раса двухтысячелетнего возраста, та самая, которая тысячу лет назад назвала себя русской.

Судя по физическим признакам русское племя еще продолжает этнографически формироваться: в наше время оно содержит почти повсюду на своей обширной территории до 40 % своего состава в виде антропологически чистых экземпляров первобытных составных рас (финнов-славян) и около 60 % уже слившегося, смешанного (метизированного) контингента. Это относится в равной степени к русским и к тем, кого профессор Грушевский называет «украинцами».

Признавая существование Украинцев, профессор Грушевский не

дает, однако же, никаких антропологических признаков этого народа, — и в этом содержится лучшее доказательство искусственности понятия и термина. Как показывает приведенный нами антропологический состав русского населения, в действительности, — в природе есть только финны, есть славяне, и есть смешанный из тех и других — метизированный контингент. Это и есть русское племя, русская раса, русский народ, захваченные современным историческим моментом в самую пору своего, далеко подвинувшегося, но еще не вполне законченного расового и этнического создания. Духовный процесс почти закончен, а физический — скелетный и вообще телесный еще продолжается. Главное совершилось! Великая цель создания нового народа осуществлена в срок около двух тысячелетий — период для дел природы не большой, принимая во внимание безграничную сложность био-исторического процесса!

Мы не станем спорить с почтенным профессором Грушевским по поводу его «украинцев». С ним поспорит и против него запротестует вся новая наука и вся историческая тысячелетняя Русь, включая сюда и тех, кого он называет «украинцами», а все специалисты: историки, археологи, этнологи, антропологи и психологи — все не обинуясь назовут его Украинцем — genys et species nova atque imaginaria. Со своей стороны мы только предложим профессору Грушевскому небольшой вопрос, на который ему, как историку, отвечать легко. В своей книге он не умолчал о финнах, он много раз заставил их со всех пунктов территории нынешней России показаться на сцене и откланяться читателю (см. «Киевская Русь» стр. 60, 61, 71, 73, 74, 75, 76, 220, 222, 224). Куда же девался этот народ во второй половине той же книги? Вымер, выродился? Покорен, истреблен?.. Оттеснен в тундры, за моря, за океан, в азиатские пустыни?.. В книге почтенного историка финны исчезают незаметно и почти без следа. Столь же незаметно, но довольно неожиданно и без поводов являются украинцы. В чем причина этих загадочных исторических секретов?..

II. Протекшие исторические времена

Отдавшись идее этнической дифференциации и следя за историей образования украинцев, профессор Грушевский не уделяет внимания другой стороне процесса — этнической интеграции. Впрочем, этот упрек можно сделать не одному Грушевскому, но и другим.

В деле этнической интеграции, в вопросах создания нового народа из частей или из других нардов, выступают на сцену антропологические и психологические процессы величайшего жизненного интереса. Здесь совершается творческое таинство природы в истинном смысле слова! Оно представляет высшую поучительность там, где не было никакого насилия, принуждения, покорения, завоевания, где процесс произошел свободно, по естественному душевному движению, инстинкту и потребности, как происходит, например, в последние сто лет объединение бурятского народа с русским. Возникающее от этого естественного союза здоровое, энергическое, одаренное население, отличающееся красотою женщин, показывает, что природа не ошиблась в своем естественном подборе и взяла верную ноту жизни. Еще более ясный и совершившийся с выдающейся отчетливостью и в широком масштабе пример представляет собою факт образования болгарского народа. В антропологическом отношении болгары принадлежат по своим исходным этническим прецедентам к монгольскому или желтому корню человеческого рода. Прибыв в начале христианской эры из северо-востока Азии на Волгу и прожив здесь некоторое время, болгары перекочевали на Дунай, и здесь началось необыкновенно живое физическое и духовное объединение их со славянами (вероятно — сербами). Болгаре усвоили себе славянскую речь с такою полнотою и таким совершенством, что, безусловно, оставили и забыли свой первоначальный язык, и это произошло со всем народом в течение не более трех столетий. Очевидно, что славянская речь явилась для них началом прогрессивным, облегчившим ход духовного развития и самый процесс мысли, подобно тому, как ходьба является для дитяти прогрессивным событием и, раз ставши на нога, ребенок полностью покидает ползанье. Физическое и духовное объединение болгар со славянами было актом свободным, естественным, — актом этническим и этно-поэтическим. Возникшая новая народность получила большую устойчивость, биологическую долговечность и

лучшие духовные качества, нежели те, какими обладали первобытные составные расы нынешних болгар.

Еще в большем размере то же творческое таинство этнической жизни совершилось при свободном объединении славян и финнов, которое привело к созданию новой великой ветви человечества. Финны усвоили славянский язык, забыв родной, подобно болгарам, и слились антропологически со славянами, положив тем начало новому народу — русскому народу. Образование русского народа, как и болгарского, произошло почти на глазах истории. Антропология и этническая психология осветили это творческое таинство жизни, которое совершило свой сеанс психофизической дифференциации и интеграции. Таким образом, на возникновении зачинающейся и пока крошечной русско-бурятской расы, на образовании болгарского, а особенно русского народа хитроумный этнический процесс приподнимает свою завесу и раскрывает перед историком и перед психологом великую тайну жизни. Какая цель образования новых народов?

Если бы в ответ на предложенный вопрос мы сказали, что цель состоит в расширении и раздроблении жизни, в развитии специальностей и вариантов, то ответ не был бы точным, потому что рядом с раздроблением и специализацией жизни, рядом с ее дифференциацией идет процесс интеграции, т. е. складывание отборных частей для составления новых оригинальных улучшенных вариантов жизни и в особенности улучшенного психизма. Оба процесса, и в особенности второй, выражаются иной раз так наглядно и так бесспорно, чтобы даже сказать, что природа как бы задается целью творить не столько новые формы людей, сколько изобретать и созидать новинки и чудеса психизма, чтобы этим путем улучшать человечью породу. Голова, рука, нога, глаз, ухо и пр. — не это все совершенствуется, не в этом наблюдается прогресс жизни, напротив физические органы остаются у потомков такими же, как и у предков, но нервные центры показывают все больше и больше усовершенствования от поколений к поколению, т. е. усовершенствование приходится на самый орган мысли. Таким образом, достижение прогресса душевной жизни — ото главная очевидная забота природы, ясно сказывающаяся в образовании новых рас и новых народов на земле. На примере образования русской нации из славян и финнов можно усмотреть эти творческие шаги природы и подметить самые цели ее движений.

Вступая в таинственный процесс антропологического объединения

с финнами, славяне принесли с собою в общую сокровищницу будущего народного духа все свои природные предрасположения, свои достоинства и некоторые свои слабые стороны.

Основную черту славян с незапамятных времен составляла их чуткая впечатлительность, нервная подвижность, что соответствует тонко развитому чувству и достаточно развитому уму. Оба качества вызывают живость характера и непостоянство. Самыми типическими чертами этого характера являются: скорбь, терпение и величие духа среди несчастий. Рольстон справедливо говорит, что русский народ склонен к меланхолии, составляющей типическую его черту. Брандес, характеризуя произведения Тургенева как национального писателя, говорит, что «в произведениях у Тургенева много чувства, и это чувство всегда отзывается скорбью, своеобразной глубокой скорбью. По своему общему характеру — это есть славянская скорбь, тихая, грустная, та самая нота, которая звучит во всех славянских песнях». Для характеристики этой славянской скорби и разъяснения ее психологического характера мы можем прибавить, что наша национальная скорбь чужда всякого пессимизма и не приводит ни к отчаянию, ни к самоубийству, напротив, это есть та скорбь, о которой говорит Ренан, что она «влечет за собою великие последствия». И в самом деле, у русского человека это чувство представляет собою самый чистый и естественный выход из тяжелого внутреннего напряжения, которое иначе могло бы выразиться каким-либо опасным душевным волнением, например, гневом, страхом, упадком духа, отчаянием и тому подобными аффектами. Среди несчастий, в опасные минуты жизни у славян является не гнев, не раздражение, но чаще всего грусть, соединенная с покорностью судьбе и вдумчивостью в события. Таким образом, славянская скорбь имеет свойства предохранительного чувства, и в этом кроется ее высокое психологическое значение для нравственного здоровья: она оберегает душевный строй и обеспечивает незыблемость нравственного равновесия; являясь унаследованным качеством, славянская скорбь стала основной благотворной чертой великого народного духа.

Все другие стороны чувства и, вообще, эмоциональная сторона души хорошо развиты у славян; в этом отношении славянство приближается к романским расам и превосходит природные финские.

Слабейшую сторону славянского характера составляет воля; она гораздо менее энергична, чем у других народов, и в этом отношении славяне представляют противоположность германским и англосаксонским расам и финнам. Оттого славяне легко уступают

там, где другие умеют постоять за себя. Притом воля у славян выражается порывами (Leroy Beanlieu), как будто для накопления ее требуется срок. Славянский гений не чужд ясного сознания этой особенности и поэтически изобразил ее в былине об Илье Муромце, который жил периодически, то засыпая на долгий срок, то пробуждаясь с обновленной силой.

Подобно славянам, финны, вступив в антропологический союз, внесли в состав будущего народного духа новой нации и свои лучшие, и свои слабейшие стороны. Финляндский поэт пусть явится докладчиком по этому вопросу.

Топелиус следующими чертами изображает финнов: «Природа, судьба и традиции наложили на финский тип общий отпечаток, который, хотя и подвергается на протяжении страны значительным изменениям, но все-таки легко подмечается иностранцем. Общими характерными чертами являются: несокрушимая, выносливая, пассивная сила; смирение, настойчивость с ее обратной стороной — упрямством; медленный, основательный, глубокий процесс мышления; отсюда медленно наступающий, но зато неудержимый гаев; спокойствие в смертельной опасности, осторожность, когда она миновала; немногословность, сменяющаяся неудержимым потоком речей; склонность выжидать, откладывать, но затем нередко торопиться некстати; преданность тому, что древне, что уже известно, и нелюбовь к новшествам; верность долгу, послушание закону, любовь к свободе, гостеприимство, честность и глубокое стремление к внутренней правде, обнаруживающееся в искреннем, но преданном букве, страхе Божьем. Финна узнаешь по его замкнутости, сдержанности, необщительности. Нужно время, чтоб он растаял и стал доверчивым, но тогда он становится верным другом; он часто опаздывает, часто становится посреди дороги, не замечая того сам, кланяется встречному знакомому, когда тот уже далеко, молчит там, где лучше было бы говорить, но порой говорит там, где лучше было бы промолчать; он один из лучших солдат в мире, но плох по части расчетов, он видит иногда золото под ногами и не догадывается его поднять; он остается беден там, где другие богатеют». Адмирал Стетинг говорит: «Нужно угостить финна петардой в спину, чтобы расшевелить его. Что касается внешнего вида, то общими являются только средний рост и крепкое телосложение. Духовные способности нуждаются во внешнем толчке… Желание работать зависит у него от настроения». Пер Браге (ген.-губерн. Финляндии в 1648–1654 гг. и основатель университета) говорил о финнах, что дома они праздно

валяются на печи, а заграницей один из них работает за троих… Таковы главнейшие душевные черты финского корня.

Из приведенной характеристики видно, что финну, при его твердой воле, сильной в сдерживании себя (самообладании) и столь же сильной во внешних проявлениях, не доставало достаточно ума, чтобы направлять волю, а не становиться слепым фанатиком действия. С другой стороны финну не доставало живого чувства и тонкой отзывчивости на внешние впечатления. Этими качествами обладает славянин. Объединение двух таких несходных народностей дало расу среднюю в физическом отношении и дополнило духовный образ до степени целостности: русский, впитав в себя финскую душу, получил через нее ту тягучесть и выдержку, ту устойчивость и силу воли, какой не доставало его предку-славянину; а в свою очередь финн, под влиянием славянской крови, приобрел отзывчивость, подвижность и дар инициативы. Нравственные качества финна и славянина, слившись в одном народном организме, взаимно дополнили друг друга, и получился цельный нравственный образ, более совершенный в психическом смысле, чем составные части, из которых он сложился.

Типы малорусса и великорусса отличаются между собою в том отношении, что у малорусса в меньше степени получились те новые черты, которые приобретены от финнов. И более сохранился природный славянский ум и чувство. Таким образом, малорусс оказался более идеальным, великорусс более деятельным, практичным, способным к существованию. Малорусс, — говорит Leroy Beaulieu, более подвижен, более склонен к размышлению (развитой ум), но менее деятелен (более слабая воля). Его чувства тоньше и глубже; он более поэтичен и склонен к внутреннему анализу.

Разбирая причины нравственного сближения, дружбы и любви, психолог Вундт (W. Wundt) находит, что в основе названных исканий и чувств лежит сознание субъектом своей духовной неполноты от слабого развития некоторых сторон души. Отсюда возникает стремление дополнить эти стороны нравственным общением с существом, которое в изобилии обладает тем, чего нам недостает. Таким образом, дружба и любовь устанавливается не между сходными по духовной организации людьми, а, наоборот, между различными. Путем психического общения, соединенные узами дружбы, но несходные или незаконченные натуры взаимно себя дополняют и развивают. В этом заключается смысл и жизненное

значение дружбы. Подобными же требованиями жизни вызывается и объединение рас. Но оно содержит в себе и другую более широкую программу и совершается при помощи гораздо более могучих средств, нежели те, которыми располагает дружба.

Сближение и объединение рас представляет собою процесс антропологического скрещивания разнородных представителей человеческого рода, которые, руководясь смутным, но верным инстинктом и психическим чутьем, соединяются физически и духовно в один народ с конечной целью физического и духовного преуспеяния и создания нового варианта человечества. Как в дружбе и любви, отдельные личности руководятся стремлением содействовать развитию своих слабейших духовных сторон; так и в процессе антропологического объединения народов и в скрещивании рас осуществляется великая задача улучшения целого народа и создания новых поколений с готовой от природы усовершенствованной духовной организацией. В создании русского народа особенно благоприятным фактором явилось то обстоятельство, что этническая колонизация славян вглубь финского населения совершалась контингентом и силами не одного какого-либо славянского племени (полян, кривичей, северян), но многих племен западных, центральных и особенно южных единовременно (Костомаров). Это придало самому процессу скрещивания печать всеславянского или полиславянского антропологического воздействия. Такой способ воздействия особенно проявился в создании населения северных, северо-восточных и центральных частей России. С этим, вероятно, и связаны особенности характера великорусского племени. Поляки, а за ними и западноевропейские ученые, — говорит Костомаров («Две русских народности»), — составили теорию, которая признает в великорусском народе такую большую примесь, что называет этот народ принадлежащим к туранской расе, смешавшейся несколько со славянской. Так как люди, проводившие эту теорию (Духинский), совершенно не были приготовлены к обсуждению такого важного вопроса, поэтому и теория их не имеет никакого научного достоинства, — заканчивает Костомаров. Обширнейшие антропологические исследования и раскопки, произведенные членами Московской антропологической школы, неопровержимо доказали, что великоруссы состоят из славян и финнов, с оттенком всеславянства, о чем было сказано сейчас.

Обе стороны указанной сейчас грандиозной био-культурной программы, т. е. психологическое усовершенствование живущих

поколений и создание новой расы идут обе параллельно, но проявляют себя и раздельно, показывая тем, что каждая имеет свою самостоятельность.

Уже одно духовное сближение рас нередко является высоко культурным шагом, содействуя улучшению нравов и усовершенствованию умственных процессов. Последнее нередко сказывается с особенной яркостью в том факте, что один из сблизившихся народов усваивает язык своего этнического товарища, как это произошло с болгарами, усвоившими себе язык сербов, и финнами, принявшими славянскую речь. Причиной усвоения чужой речи и оставления родной обыкновенно являются высшие достоинства усваиваемой речи как психологического акта. Речь представляет собою отражение и выражение умственных процессов. Коль скоро у данного лица или народа речь, а, следовательно, и мысль лучше организованы, они становятся предметом удивления, преклонения и подражания. То, что болгары жадно усвоили сербскую речь, показывает, что процесс мысли при помощи этой речи был легче, отчетливее и яснее. Подобным образом, для финнов мышление при посредстве киевской речи или речи древлянской и кривичской было легче, способнее, прогрессивнее, и они охотно жертвовали своим родным несовершенным мыслительным инструментом в пользу чуждого им, но более совершенного приема. И делалось это с тою радикальной решительностью, с какой ребенок покидает ползанье на четвереньках для хождения на двух ногах. И для волжских болгар, и для финнов славяне явились высшим образцом мыслительного искусства, и оттого и те, и другие не задумались взять труд изучения чуждой речи, но купить ценою этой недорогой монеты бесценный дар успехов мысли. Последовавшее за личным сближением отдельных субъектов сближение и скрещивание рас закрепило наследственностью все выгоды и преимущества, какими обладала каждая раса в отдельности.

Главнейшие результаты антропологического сближения и объединения болгар с сербами и финнов со славянами осуществились в течение нескольких столетий и привели к возникновению двух одаренных наций — болгарской и русской.

Процесс возникновения нового народа сопровождается некоторыми эпизодами, глубоко интересными с психологической и с этнической точек зрения.

Около IX–X века антропологический процесс скрещивания двух составных рас русского народа значительно подвинулся вперед, но

еще далее пошел психологический процесс сознания славянскими племенами своего общего этнического единства. Это был исторический момент выхода народа из его младенческого состояния. Он ярко напоминает индивидуальную психологию человеческого детства. Когда ребенок, уже владеющий мыслью и словом и умеющий познавать внешний мир, все еще не сознает самого себя и не отделяет себя от внешнего мира, то он говорит о себе, как о внешнем предмете, в третьем лице: «Петя упал», «Пете больно», «Возьмите Петю на руки». Но, вот, в конце второго года или на третьем году дитя вдруг начинает отделять себя от внешнего мира и противупологать себя, как личность, всему, что существует вне — чувствует внешний мир, но также чувствует себя и свой внутренний мир. Это великий торжественный акт, о котором по самочувствию говорит психолог Вундт, художник Тишбейн и др. С этого момента своего индивидуального развития ребенок вместо своего собственного имени начинает употреблять личное местоимение: «я упал, мне больно», «возьмите меня на руки». Подобный момент расширенного сознания переживают и вновь народившиеся и зреющие народности. До X века славянские народности сознавали себя только полянами, древлянами, северянами, новгородцами, но около этого момента уже возникло сознание всенародной общности. Для этого нового вида сознания создалось новое слово: Русь. Оставаясь «полянами» и «киевлянами» или «Киевской землей», поляне стали называть себя русью. Впервые это новое общеславянское имя появилось в Киеве. Оно, однако ж, бесспорно отвечало общей назревшей потребности и потому охотно было признано всеми славянами и стало охотно и любовно применяться в речи и на письме: ехать в Киев — в Русь — всюду говорилось и писалось. Слова — «русская земля» стали не местным, а общеславянским или общенациональным термином; удельные князья на съезде в Любече постановляют соблюдати «русскую землю», а Слово о Полку Игореве пошло еще дальше: оно говорит о русских чувствах, стремлениях, надеждах, о долге перед родиной, о вреде междоусобий. В этом высокохудожественном русском произведении уже нет речи об частных племенных и территориальных интересах или чувствах полян, северян, древлян, новгородцев и пр. Но зато появлялись новые термины: «русичи» полегли за «русскую землю» в борьбе с половцами, «жены русские» всплакались при вести о гибели «русских князей», восстонал Киев, восстонал Чернигов, тоска тяжелая расползлась по всему лицу «земли русской», раздался плач Ярославны и в ее слезах и речах охватываются взором русские моря, реки и

территории как единое общее русское достояние, без каких-либо поместных дроблений. Очевидно, идея о русском народе, как этнической единице, стала совершившимся и созревшим психологическим фактом. И это тем более знаменательно, что такая перемена наступила в догосударственный период народной жизни, когда еще не существовало никаких сорганизованных объединительных органов. Но все психологическое обыкновенно предупреждает события, ибо мысль всегда идет впереди дел и созидает их, а не созидается ими!

С укреплением в сознании бывших славян нового термина: «русь», «русский», наименования эти стали прилагаться к рекам, горам, территориям даже в Карпатах и одновременно появились у иностранных писателей: арабов, греков, пользовавшихся до того времени терминами: скифы, славяне, сербы. Киев и Киевская Русь или Полянская земля, вообще — юг, были той территорией, тем локализированным пунктом, где впервые зародилась и впервые возвещена национальная идея, связанная с именем «русь», «русский» (Костомаров). Следовательно, то именно славянское племя, потомков которого проф. Грушевский называет «украинцами», было творцом русской национальной идеи и провозвестником русского этнического единства.

В течение минувшей тысячи лет вновь народившаяся этническая сила возросла, возмужала и стала мировым самоопределяющимся психическим фактором. Не всем это дается в таком широком и неожиданном масштабе! Если обратим внимание на эту этническую особенность, которая тонко оценена этнологами, — именно на особенную чистоту славянской расы в ряду других европейских рас и на феноменальную антропологическую простоту составных частей русского народа, то значение этого народа является в особом свете. Э. Ренан, не без основания, назвал удивительным — гений русского народа, выступившего только в минувшем XIX столетии на авансцену мира, но сразу показавшего свою самобытность.

Хотя внешняя история русского народа в истекшее первое тысячелетие его жизни не была заметной и внушительной и, наоборот, была, быть может, менее продуктивной, нежели у других народов земли, но это стоит в несомненной связи с фактом медленной этнической интеграции, которая, однако, потому медленна, что богата глубиной, сложностью и оригинальностью плана. Особенности русской психической эволюции обратили на себя внимание иностранных мыслителей и этнологов, а в отечестве хотя и служили

предметом неодобрения со стороны нетерпеливых преобразователей или сторонних зрителей, но в глубине народных масс как национальные идеалы, так и самый ход их развития — медленный, основательный — сопровождается непоколебимой верой и надеждами.

Особенности русской этнической психологии, на которые обращено внимание иностранных мыслителей и этнологов, состоят в следующих качествах, заслуживающих хотя бы самого краткого упоминания и оценки. Это, во-первых, — идеализм воззрений и жизни, придающий русскому народу особую печать этнического культурного бескорыстия, во-вторых, — общеизвестная славянская грусть и задушевность, придающие медленный темп, глубину и основательность всем душевным движениям, начиная от мысли и кончая действием, в-третьих, — вера, как психологическая черта и свойство, дающее уверенность, устойчивость и прочность надеждам, ожиданиям и самому идеализму. Твердая вера, как естественная прирожденная черта русской этнической психологии, облегчила русскому народу принятие и усвоение христианской религии, в которой народный дух нашел подкрепление и освещение своих глубочайших идеальных запросов — отчего религия получила в русском народе значение не только конфессионального, но и важного жизненного фактора, не всегда понимаемого иностранцами. Четвертой отличительной народной чертой является русское гостеприимство и терпимость; эта особенность представляет народную черту еще со времен славянства, т. е. со времен прарусских, и лежит в основе общепризнанной за Россией цивилизаторской роли, чуждой духа эксплуатации.

Все указанные основные черты русской этнической психологии свойственны в равной степени представителям всех отделов, на какие обыкновенно подразделяют русское население, т. е., великоруссам, белоруссам и южноруссам, а потому нет собственно основания для названных подразделений. Естественнее и в научно-этническом отношении правильнее удержать одно только наименование: русская народность и термин: «русский». Если Костомаров в своей статье 50 лет назад говорит о двух русских народностях: великоруссах и южноруссах, то речь, ясно, идет только о подразделениях, как показывает и самое заглавие, притом историк делает это не на основании современной этнической психологии великоруссов и южноруссов, а скорее в виду проявленных ими изначальных историко-политических тенденций, предопределивших политическую

судьбу всей расы, именно — стремление создать общину и государство за счет индивидуальных свобод (великоруссы) и слабо проявленных государственных тенденций (южноруссы). За исключением этого специального политического пункта, обе поднародности проявляют общие этнические свойства: те же религиозно-аскетические аспирации вначале, те же монастыри и храмы, та же этническая колонизация финского населения, тот же общий книжный и богослужебный язык, то же общее сознание своей принадлежности к русской народности, которое и явилось общим психологическим центром, объединившим основные этнические идеалы. Непререкаемое единство этнического сознания, сказавшееся в усвоении общего имени Русь, еще ярче и с художественной силой выразилось в литературных памятниках, как, например, в Слове о Полку Игореве, где народные чувства, стремления, идеалы и поэзия охватывают в мысли и чаяниях всю Русь от Новгорода и Полоцка до Кавказа и Тамани, от Немана и Волги до берегов Дуная и Черного моря. Здесь русский народ сознал себя этнически единым, несмотря даже на политическое разъединение.

То этнополитическое различие Южной и Северной России, о котором упоминает Костомаров, и которое, согласно его мысли, свидетельствует, будто бы, о стремлении Севера к созданию единорусской державы, а Юга — к созданию Славянской федерации, — это не есть этническая черта, а скорее этнополитический вариант народной психологии и прямо не входит в программу нашей беседы. По поводу его много говорить — значит гадать, притом гадать о том, чего не было… Гадать о создании большого политического тела, а таковым Русь зачалась — гадать притом о создании такого тела без прочных скреп — это политика, может быть, и не осуществимая на нашей территории, где нет естественных защитных границ и где добрым соседям легко было бы разобрать по частицам всю Русь (одну федерацию за другой). Но созданием единой державы такая этно-гибельная перспектива предупреждалась… По поводу подобных вопросов любят указывать на федеративный пример Америки. Но Америка, во-первых, опоясана океанами, т. е., имеет естественную ограду, а во-вторых, Америку не хотят ставить в пример человечеству такие великие люди, посетившие эту страну, как Вольтер в конце XVII в. и Герберт Спенсер в конце XIX в. Оба думают, что умственное будущее такой страны не должно быть предметом подражания: есть лучшие образцы, и наша страна их предпочитает.

За исключением указанного сейчас этнополитического пункта, т. е. единодержавия на севере и федерации на юге, в остальном северная и южная Русь сходны этнически.

Внешняя борьба, которую испытала вновь возникшая русская народность, скрыла от взора перипетии развития народного духа, а быть может и самое развитие переживало свой внутренний подготовительный период, но только вся народная жизнь видимо затихла, и ни литературы, ни просвещения, ни религиозной и политической борьбы, как на западе Европы, не замечалось: текущая жизнь носила печать мало заметной обыденности. Для племен славяно-финского этнического корня такое затихание жизни не представляется дурным знаком и лишь характеризует периодичность ее проявлений: «шумим, братец, шумим» издавна вызывает в русской душе скорее иронию, чем одобрение. Напротив, затихание и внутренняя работа чувствуется в народной душе, как естественное явление. Некоторые сильные исторические эпизоды показывают, что всегда было так; этническая жизнь не угасала, и сколько-нибудь резкие толчки заставали ее готовой, а не врасплох. Это замечалось как в центральной и восточной России, носившей в ту пору имя Московского государства, так и в Южной Руси, входившей тогда в состав Польско-Литовского государства. К таким сильным историческим эпизодам или показательным событиям в Южной Руси относится борьба с поляками за религию и народность. Эта борьба показала, что сна нет, а есть духовная чуткость и есть сокрытая заготовленная сила самозащиты. Для Московского государства подобным же показательным реактивом явилась борьба с Польшей за славянскую гегемонию и борьба с внутренней смутой за целость государства. Московская Русь в обоих случаях, т. е. во внешней борьбе с Польшей и в борьбе со смутой, оказалась национально подготовленной и сильной для самосохранения. Таким образом, и в Южной, и в Северной Руси этническое развитие и сознание оказалось зрелым и мощным. И там, и здесь ярко сказалась национальная черта русской (финно-славянской) народности — вера в правду своих расовых идеалов и надежд — та сила и степень веры, при которой раса в борьбе готова жертвовать половиною своего населения, но отстоять свои святыни.

III. Недавнее прошедшее и современность

Восемнадцатый век был периодом пробуждения русского народа. Независимо от крупных политических успехов совершен огромный культурно-этнический шаг — создание общего литературного языка, как органа уже достаточно назревшей этнической психологии. В этой работе участвовала личными силами вся этническая Русь; но особенно заметную роль играли представители Южной Руси, где работа мысли и письменность возникли несколько раньше, чем на севере (Киево-Могилянская Коллегия, Мелетий Смотрицкий, Эпиф. Славинецкий, Сим. Полоцкий, Ст. Яворский, Димитрий митр. Ростов. и проч.). Крупным участием южноруссов в создании общего всероссийского литературного языка в значительной степени предрешен вопрос в пользу великорусского наречия, так как южноруссы не поставили на очередь собственную племенную речь, но присоединились к великорусским товарищам мысли и слова. Вероятная глубокая причина этого этнического события будет указана далее. В первоначальный момент, когда и великорусская, и южнорусская письменность носили печать близкую к древнему церковно-славянскому или книжному языку, т. е. XVI–XVII века, — обе русские письменности обладали приблизительно равными шансами на первенство, но в течение XVIII века и начале XIX-го совершилось обычное в этнической истории событие — выбор одного из племенных наречий и возведение его в ранг общего языка всех племен или языка расы. Вероятные причины этнического избрания великорусской речи и письменности содержатся в некоторых благоприятных одной стороне психологических основаниях или обстоятельствах, а именно: в появлении четырех гениальных (Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова), нескольких талантливых людей (Жуковского, Тургенева, Аксаковых), и целой плеяды второстепенных деятелей. За исключением Гоголя все были великоруссы по рождению. Вторым условием явился свойственный великоруссам перевес воли, дающей успех во всяком деле при равных шансах ума и чувства. Хотя два последние качества были в перевесе у южноруссов — они уступили первую роль великоруссам и добровольно впряглись в общую колесницу мысли, решив тем

незамедлительное наступление назревшего момента этнической психологии — вопроса о языке. Помимо этих второстепенных условий, самая природа языка, т. е., его лингвистические свойства и его психология участвовали могущественным образом в направлении событий. Это собственно и было первостепенным двигателем — первопричиной событий! (О ней речь несколько ниже).

Появление украинского (южнорусского) языка на этническом поле России около столетия тому назад уже не могло изменить судеб даже в тот момент, когда на горизонте засветилась яркая звезда Тараса Шевченко.

Тарас Григорьевич Шевченко выступил на литературное поприще как раз в тот момент, когда вопрос о литературном общерусском языке уже был разрешен в пользу великорусского языка. Вопреки своему великому земляку Гоголю, который писал по-русски, Шевченко писал на обоих языках — русском и украинском. Обоими языками он владел в совершенстве. Его русская речь так же глубоко метка, как и украинская поэтическая мова. Особенность поэтического дара Шевченко состоит в том, что он глубоко чувствовал психологию языка, и — что еще важнее — он чувствовал язык в его историческом тысячелетнем потоке. По словам Житецкого, поэзия Шевченко является наследием прошлого и свидетельством настоящего. Как далекое прошлое, когда малороссийская народность еще не отделилась от общего славянского рода, так и прошлое, когда она составляла одно целое с великорусской — все это вошло в поэзию Шевченко, как в один общий и широкий поток. В этом отношении Шевченко подобен Пушкину, который носил в себе язык в его долгом историческом составе и течении. Язык у Пушкина и язык Шевченко это не языки минуты или эпохи, но это голос и говор истории и психологии языка. Оттого в них чувствуется что-то обаятельное, глубоко и бесконечно родное, свежее, в то же время торжественное, величаво-древнее.

С именем Т. Шевченко связано воссоздание украинского языка и самого термина «Украина», «украинцы». Этот термин появляется в истории впервые (по отношению к Южной Руси) в устах административного польского и московского творчества около XVI–XVII века наравне с терминами: Псковская, Рязанская, Гетманская «Украина», а в первой половине минувшего века для Южной Руси этот термин освящен талантом Шевченко, с того времени украинство стало не только литературным, но и политическим движением, особенно с момента основания Наукового Товариства имени

Шевченко в Австрии. Украинство и украинский язык стремятся подняться на высоту психологического, этнического и литературного факта. Таков смысл тех крупных усилий, какие находят свое представительство в деятельности, в изданиях и трудах означенного Товариства.

Что достижимо, что возможно, что соответствует реальной действительности?

Река психических течений, подобно реке времен и подобно потоку физических вод, не возвращается и не останавливается. Сроки и случай для возвышения и подъема южнорусского языка на высоту общелитературного языка русской народности миновали и никогда более не повторятся. Так вообще протекают этнические события, согласно закону эволюции! Но в данном случае уже заготовлен, по крайней мере, на долгие времена вперед, содействующий момент, содержащийся в самом составе и строе двух племенных наречий — великорусского и южнорусского. Моментом этим служит языковая психология обоих наречий, как видно из нижеследующего рассуждения.

В основе всякого слова человеческой речи сокрыта и звукам предшествует идея, идейный или умственный образ или представление. Произнося слова: река, колокольня, козявка, мы предварительно уже имеем в уме зримую или иную картинку, например, видимой на ландшафте движущейся массы вод (река), или картинку стоящего неподвижно, высящегося в воздухе, узкого здания (колокольня), или образ копошащегося на земле крошечного живого существа, с движущимися ножками и усиками (козявка). Эти умственные образы, или идеи предшествуют слову и составляют сущность всего дела, а слово есть только ярлык, или видимый и слышимый знак идеи — слышимый, если слово произносится, видимый, если начертано литерами. Такова психология языка или психология речи. Анализируя этот процесс в различных языках и у различных народов, мы венчаемся с тою капитальной особенностью, что каждый народ имеет свою особенную языковую психологию. Если рассмотрим это на примерах, то самая идея предмета станет ясной. Для русского ума или для русской мысли двоедушный человек это человек с двойной душой для немца — zweiherzliche, oder zweizungige Mann, т. е. человек с двойным сердцем или двойным языком, для француза — это homme double, faux, dissimule, т. е. двойной, фальшивый, притворный человек. Для русского отдыхать (от-дыхать) — значит так расположиться, чтобы хорошо дышать; для

француза отдыхать — reposer, se delaisser, т. е. сложить руки, положить себя, распустить себя; для немца отдыхать — ausruhen, sich erholen, т. е. отпочивать, набираться сил. Для русского при мысли о понукании в уме является представление о крике и звуках: «ну! ну!», т. е. представляется действие голосом, для француза при мысли о понукании представляется действие рукою — pousser, stimuler, presser, т. е. толкать, двигать, давить, напирать. Возникающая раньше слова мысль, идея или образ уже ведут за собою и самое слово, которое будет метким словцом, если идея верна как показывает таблица.

ПРИМЕРЫ

Из сравнительной психологии и этимологии языков

РУССКИЙ	УКРАИНСКИЙ	ФРАНЦУЗСКИЙ	НЕМЕЦКИЙ
Двоедушие Идея: о двух душах	Дводушність. (Ефр. Писм. 220) То же, что в русск.	Dissimulation, faussete Идея: о фальши, притворстве	Dopperhrezigkeit. Zweizungigkeit. Идея: о двойном сердце или двух языках
Обман. Идея: о неверном предвещательном сигнале. (манить рукой или другим знаком)	Обмана. (Грінч. 17.) То же, что в русск.	Trompe, tronpez Идея: о неверном сигнале трубой (trompe — труба)	Betrug, Trug. Идея: о неверном носильном сигнале — платье, оружии и пр. (Tragen нести)
Осторожность. Идея: о страже, стороже (О-сторож-ность)	Осторожність. (Гр. 71.) То же, что в русск.	Cerconspection. Идея: о смотрении вокруг	Vorsichtigkeit, Behutsamkeit. Идея: о смотрении вперед, о прикрытии и защите
Отвратительно. Идея: удаления, отклонения,	Відворотно. (Гр. 208.) Таке мені все	Degoutant. Repugnant. Hideux. Идея: о	Widerlich. Ekelhaft. Идея: о тошнотворном и

отворота от предмета с дурн. запахом, видом, вкус. и пр.	одворітне (о пище — Авт.) То же, что в русск.	дурн. вкусе и запахе, или о дурном на вид	противном
Отдых. Идея: о дыхании. (От-дых)	Віддихания. (Гр. 21.) То же, что в русск.	Reposer. Se Delaisser. Идея: о покое, о лежании, прекращении напряжения членов	Erholen. Идея: о восстановлении сил, пополнении сил
Понукать. Идея: о действии голосом, о звуках: ну! ну!	Понукнути. Понука (Гр. 312.) То же, что в русск.	Puosser. Stimuler. Presser. Идея: о действии рукою, движении, давлении, толкании, напоре.	Treiben. Eintreiben. Идея: о движении рукою или орудием
Поступиться. Идея: отступления с занимаемой позиции в отношении лица или предмета	Поступитися. (Гр. 373.)То же, что в русск.	Abandonner son dessein. Renoncer. Идея: отказа от намерения. Отказ словом	Abtreten. Uberlassen. Идея: о шаге назад, об оставлении намерения
Сомнение. Сомневаться. Со-мнение. Идея: борьбы нескольких мнений (со-мнение)	Сумнів (Жел.) Сумнитися. (Гр. 229) То же, что в русск.	Doute. Идея: о раздвоении (от стар. инструмента вроде двузубца — Littre).	Zweifel. Bedenken. Идея: о раздвоении, об усиленной думе

Для вящей ясности предмета не лишним будет обратить внимание на те слова, которые на первый раз кажутся отличными, в двух сравниваемых языках, то по своей фонетике, то по своей психологии. Таковы, например, слова:

Отворить	Видчиняти
Затворить	Зачиняти
Притворить	Причиняти

Эти слова — более чем синонимы, они просто тождественны,

потому что каждое из них свободно входит в другой язык, и тем непрерывно оживляют взаимную связь обоих и тождество содержащихся в них идей данного корня. Два слова: творить и чинить, свободно живут в обоих языках, как показывают примеры: «витворяти» (укр.); «причинять беду, натворить бед» (русск.), или: «таке було витворює» или «столько, бывало, натворит» (русск.). Множество выражений этого рода, свойственных как будто бы одному языку, в действительности свойственны и другому, и при помощи такого словаря, как Словарь Великорусского языка Даля, где записаны местные говоры в разных губерниях, можно убедиться, что почти каждое слово украинского языка где-нибудь в другом конце России живет в глубине провинциальной глуши, доказывая тем живую общность двух языков. Для примера возьмем украинское слово: чобит (сапог). Как будто оно вовсе не русское, но в Пермской и Вятской губернии еще живет слово: «чеботарь» (сапожник) — («Знай, чеботарь, свое кривое голенище») (Даль). Такое чисто украинское слово как схаменутися (опомниться, спохватиться) живет и в языке Псковской губернии (Даль) и т. д.

Есть такие слова (их весьма мало), которых и у Даля не найти, например, слова: «цикавий», «цикавист», но они, вероятно, заимствованы с польского языка и т. д. Таким образом, этими кажущимися исключениями только подтверждается чрезвычайная близость русского с украинским в живом говоре народной речи. Общий литературный язык сближает разные говоры и делает легким усвоение общего языка страны для всех наречий, и это скоро ведет к естественному перевесу языка над наречиями, что так ясно сказалось в Украине в последние десятилетия.

Мы приложили таблицу из восьми слов, чтобы сделать ясной идею психологии языка. Не звуками, не фонетикой, не лингвистикой характеризуются язык, речь и слово, а психологией и умственными процессами, лежащими в душе человека и народа.

Различие этнических психологии ведет к различию психологии языка, а обе вместе ведут к отличию и различению народов и являются этническими признаками народа, наряду с антропологическими и другими этническими отличиями.

Сравнивая язык русский и украинский, легко усмотреть почти полное тождество психологии этих двух языков и лежащую в основе их совершенную близость душевных и умственных процессов, воззрений и приемов мысли. Это показывает с очевидностью, что русский и украинский языки — это не два языка, а один язык; в

крайнем случае можно говорить о двух наречиях одного праязыка, но это было бы почти логической тавтологией, Различие между русским и украинским языками — не психологическое, а фонетическое или звуковое, следовательно, различие не внутреннее — глубокое, а внешнее — кажущееся: звуками они разнятся, но их психология тождественна. В существе дела эти языки отличаются так, как отличаются между собою слова: аткуда, аткелева, аткентелева, видкиль, видкиля, откуль, откулева, откулича (Слов. Даля) и т. д. Все это — одно и то же слово: «откуда» в разных фонетических и лингвистических нарядах, но тут вовсе нет различия языка и речи. Есть только различие фонетическое, т. е. звуковое, как в словах: откуда, видкиля, но и здесь отличия не идут далеко, и малорусское наречение наравне с белорусским ближе к великорусскому, чем польский, или чешский язык.

Факт таких кажущихся различий, но действительной близости малорусского и великорусского языков был, без сомнения, ведом тем ученым, письменникам и писателям XVII–XIX веков, которые своим согласием и соучастием содействовали возведению великорусского языка в ранг общего литературного органа русского народа. Они были нравственно полномочными деятелями той эпохи и свободно решали вопрос, разрешаемый вообще знанием и дарованиями. Но произвола или личных движений нельзя усматривать в их деятельности: они только повиновались требованиям дела, его пользам и успехам, движимые глубоким чутьем закона психической интеграции, которая объединяет дробные, но достаточно дифференцированные части. К этому необходимо прибавить, что общий научно-литературный язык, как культурно-этническое орудие народа, составляется, как известно, из наречий, говоров и языков и не является племенным языком, или языком одного племени, но языком племен. Общий литературный язык содержит в себе этническую психологию и культуру, нередко весьма не близкую к элементам живой народно-племенной речи, но отвечает сложному и высокому умственному уровню развитого писателя и такого же читателя или, по крайней мере, грамотея. Взятая же в сыром виде народная речь будет фальшью в общелитературном языке. В такую фальшь иногда и впадают украинцы. Отсюда успокоительный вывод для тех, кого огорчает привилегия, выпавшая в силу законов этнической эволюции, на великорусское племенное наречие. Жизнь и развитие говоров, наречий и племенных языков стоит особо и независимо, а гегемония одного языка над другими это вопрос практики и психологических удобств более или менее крупной

этнической единицы и, притом, вопрос свободного взаимного согласия частей. В сказанном содержится и научный ответ на психологические и этнические вопросы, возбуждаемые украинством. Но украинство подняло не одни научные вопросы, но также и серию научно-практических и чисто-практических и жизненных задач, вопросов, недоумений и может быть сомнений. Укажем главнейшие.

1) Создание слов.

Поднимаем этот вопрос не от нашего имени и не с точки зрения интересов общелитературного языка, но с точки зрения украинцев. Среди них раздаются компетентные голоса, касательно неправильности и противоестественности некоторых слов и выражений. Это именно те слова, которые в сыром виде и плохо сработанных подражаниях народному говору внесены в предполагаемый научно-литературный украинский язык. Протест против такого неосторожного пользования народной речью или ее имитациями, сказался в устах глубокого знатока южнорусской народной речи и писателя И. Левицкого (Нечуя) и многократно раздавался из уст других не менее компетентных судей, причем пробным камнем для сравнений указывалась и бралась речь Тараса Шевченко. Об этом, впрочем, имеется достоверный документ, подписанный проф. М. Грушевским. Он утверждает, что борьба за слова идет по целой земле нашей (т. е. украинской) от Карпат до Дона («вид Карпатив, аж до Дону»). Протестующие украинцы говорят необинуясь о навязывании народу выдуманной, небывалой, неизвестной ему и ненужной литературы… что такая литература по своему языку не имеет ничего общего с языком Шевченко. Над этими серьезными возражениями проф. Грушевский иронизирует и заявляет, что теперь идет общая живая работа, движение, прогресс («спильна жива робота, рух, поступ»), что теперь горячее время, которое не стоит и может не повториться (буквально не привожу слов проф. Грушевского, но перевод верен) и что можно писать какой угодно речью, хотя бы далекой от Шевченковой. Неудивительно, что такой украинской речи сами украинцы, по словам проф. Грушевского, не желают брать ни в руки, ни в рот («а ні в рот а ні в руки і не берут»). Посмотрите, — продолжает проф. Грушевский укорять украинцев, — как слабо распространяются украинские газеты и журналы, все вообще украинские издания и какой чрезвычайно ничтожный круг

украинской публики они захватывают и как мало вводят ее в украинское национальное течение. Проф. Грушевский жалуется, что нет украинского министерства народного просвещения, которое завело бы общую грамматику, правописание и стилистику. Эти цитаты показывают, что украинцы-возражатели глубоко правы, но проф. Грушевский столько же неправ. Впрочем, ему все-таки следует быть благодарным, потому что его словами удостоверяется факт отрицательного отношения украинцев к украинской мове. В его же словах содержится и указание на причину такого отношения украинской публики. Почтенный профессор, как то явствует из приведенных сейчас слов, верит в силу стилистики, грамматики и правил правописания, но ни одним словом он не обмолвился о силе и значении психологии языка для человеческой речи и психологии вообще. Допуская торопливость в создании языка, говоря: «жаль время терять, поскорей за работу» («шкода часу, гайда до работи!») другие-де поправят как-нибудь сделанные предшественниками ошибки, Грушевский выдает себя головой. Высказанные им мысли и взгляды показывают, что им придается мало значения даже факту памяти — тому, что всякая неряшливая психическая работа, со всеми своими неточностями закрепляется памятью и становится там органическим злом. Такова допускаемая ученым историком (филологом также) методика создания украинского языка! Мы внимательно проследили сделанные вдумчивыми критиками и знатоками украинской речи замечания, например, И. Левицким, покойным П. И. Житецким и, проследив текущую прессу, убедились, что развитие украинского языка, особенно его неологизмы, совершается вопреки требованиям общей психологии и психологии языка. В частности, не трудно убедиться, что формирование языка основано, большею частью, на этимологии, что оно нередко приближается к истинной этимологической канцелярщине, убивающей психологию и дух языка и работающей над трупным материалом бездушных звуков, которые, будучи скомпонованы, вызовут будто бы идею. Покойный II. И. Житецкий указал на последствие такого приема в слове видвичальний (ответственный). Слово это, вновь созданное, и созданное вопреки идее языковой психологии, обманно соперничает в уме со словом видвичний (вечный, предвечный) и тем вызывает оскорбительную для ума путаницу. А такая путаница возмущает читателя, как всякий обман и подлог. Некоторые слова, составленные даже безошибочно по этимологии, но ошибочно но психологии, не сразу вызывают идею и

также оскорбляют читателя, который называет такие слова коваными, т. е. искусственными. Легко понять, что украинец, знаток родной речи и эстетик от природы (таковых большинство!) чувствует себя глубоко оскорбленным таким этимологическим труженичеством, которое иной раз дает суррогаты слов, имеющие не более сходства с натурою, чем сахарин с сахаром. А между тем, не только проф. Грушевский, но многие издатели периодической прессы жалуются на читателя, что он требователен. Да, слава Богу, что он требователен! Уж лучше, вопреки совету проф. Грушевского, совершенно отказаться от такого чтения, чем надрывать свои душевные силы и вводить в свою память материал, противный духу языка (т. е. естественным ассоциациям и психологии слова). Серьезные труженики на ниве родного слова, как Б. Д. Гринченко (Словарь Укр. Мови), не без основания ограничили свою деятельность скромными рамками собрания живых и художественных сокровищ речи, не выступая на скользкий путь создания украинского литературно-научного языка. Такой язык, как орудие и продукт знания и тонкой рафинированной работы мысли, созидается долгим временем и не малыми трудами соединенных литературных поколений; кустарная же производительность бессильна совершить такое дело.

Недостаточное или слабое сочувствие украинского народа с его интеллигенцией делу создания языка и работам по доведению украинской мови до ранга литературной высоты объясняется тем именно обстоятельством, что эта мова психологически весьма близка, если не тождественна в своих психологических основах с общерусской литературной речью. Глубокое сознание и вчуствование (Einfuhlung), или возчувствование этого факта явилось вероятной причиной присоединения (а не отказа!) массы украинцев к делу обработки и создания общерусского литературного языка в течение XVII–XIX веков. Такая тенденция — была ли она сознательной и преднамеренной или представляется в том и другом случае естественной и согласной с правдою жизни, — тою биологической правдой, которую природа проводит во всех своих делах, содействуя необходимому, но избегая роскоши. Два параллельных языка, различных по звуку (фонетике), но тождественных по духу (по своей психологии) — это роскошь, которую природа обыкновенно не допускает. Украинский язык, конечно, будет существовать, как психологическое орудие талантливого племени, но станет ли он органом и меновым знаком психического обмана для многих миллионов людей — в этом можно серьезно усомниться. Вероятно, не

только интеллигенция Украины, но и публика с умеренной грамотной подготовкой постепенно, а может быть и скоро перейдет к пользованию общей литературной речью, подобно тому, как это всегда делалось народами и племенами, как показывает история человечества. Это закон этнической психологии, который и для южноруссов рано или поздно вступит в свои права; начало этого поворота уже ясно обозначилось. Быстрое ознакомление с общим языком страны, особенно, если он психологически родствен — это такая естественно увлекательная перспектива, которая всегда и повсюду вступает в свои права, так как открывает легкий доступ к обладанию великим культурным орудием мысли без томительных напряжений мыслительности. В языке нам дорога психология мысли и чувства, но не фонетика, не набор звуков.

2) Литературное право и вероятная будущность терминов: «Украина», «украинцы».

Термины эти, как уже сказано, являются но своему происхождению плодом административного, а не научного творчества. Южную Русь с XVII века стали официально называть то Украйной, то Гетманщиной, то Малороссией, а в последнее время Южной Россией. Костомаров признает неудачными все термины, с чем и можно согласиться. Этнографический термин: «украинцы», за отсутствием самого объекта, т. е., этнографически особого народа, не имеет основания существовать, а обозначение территории именем «Украины» потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый термин представляется бесполезным, подобно наименованию «Священной Римской империи» или «Московского государства». Если о чем может быть речь, то разве о праве ученого историка называть народ тем именем и тою кличкою, какой сам народ за собою не признает. Отчего тогда не ввести, как предлагает с полемической иронией Костомаров, терминов: хохол, кацап, Джон Буль и т. п. Легко отошел в вечность термин «москвитяне», также легко отойдет и термин «украинцы». Но мы имеем здесь в виду глубокую этническую оскорбительность навязывания населению имени. Население это — не растение и не вновь открытый остров, а сумма живых личностей, которые с X–

XI вв. называют себя «русь», «русичи», «русские жены», «русская земля». Эти названия созданы самим народом и впервые появились в Киеве и Киевской земле, а затем свободно приняты остальными славянами, как знак наступившего у них общего этнического сознания, озарившего отдельные племена общим светом высшего духовного единства — во имя высших интересов — интересов народности или нации. Эти возвышенные идеалы или нравственные интересы уже ясно и ярко существовали в X–XI веках, т. е. без малого тысячу лет тому назад, и нашли для себя художественное изображение в Слове о Полку Игореве. В этом произведении уже нет византизма, тут все родное, русское, — говорит Костомаров. Неужели же этот высокий художественный памятник не обязателен для ученого историка? Ведь те герои, которые описаны в Слове, называли себя «русскими», они пали на Каяле на реке «за русскую землю», как удостоверяет автор Слова, современник, а, вероятно, и участник похода Игоря, который называет их «русичами». Восплакала Ярославна, обращаясь к «русским женам» со своими жалобными воплями и слезами. Восстонал Киев, Чернигов, Полоцк, тоска разлилась по всей «русской земле», зарыдали «жены русские» над великим несчастием, которое почувствовалось во всех пределах широкой земли единого русского организма: тоска разлилась по «русской земле», и густая печаль потекла посреди и омрачилось веселье, а великий Святослав ронял золотые слова, смешанные с печалью и слезами, и только за пределами «русской земли» готские девы весело запели и стали хвастать и звенеть «русским золотом»… И после этих торжественных свидетельств всей этнически русской земли, при личном удостоверении современного бытописателя и поэта, русский ученый историк, вдохновленный закордонными течениями, уверяет нас в своих сочинениях, что события совершились не в русской земле, что Игорь и его воины, и даже поэт — бытописатель событий, были «украинцы», что они боролись с половцами, и пали не за русскую землю, как им показалось, а за Украину!.. Дальше нельзя идти в вольном переводе исторических документов с их подлинного языка на язык желаемых, но не существующих фактов!

Профессор Мих. Грушевский хочет заменить для нас историю политическими учениями. Может быть, кому-нибудь очень необходимо, чтобы Россия в своем прошлом была Украиной. А русские украинцами, но только этого никогда не было на самом деле. Хотя почтенный профессор и говорит нам об украинской колонизации

по Днепру уже в X веке, а порогом исторических времен для украинского народа признает IV век, но такие утверждения совершенно произвольны. Правда, в своих позднейших трудах проф. Грушевский (Киевская Русь. СПб., 1911 г.) относится бережнее к истории и ее правде, и термины: «Украина», «украинство» появляются в его позднейшей книге только во второй ее половине, а в первой речь идет о «славянах» и о «Руси». Несомненно, время — великий покровитель истины и правды, и уже на пределе пяти лет, отделяющих одну книгу проф. Грушевского от другой, время успело сделать немало. Слава Богу и за это: истина и правда всем дороги!

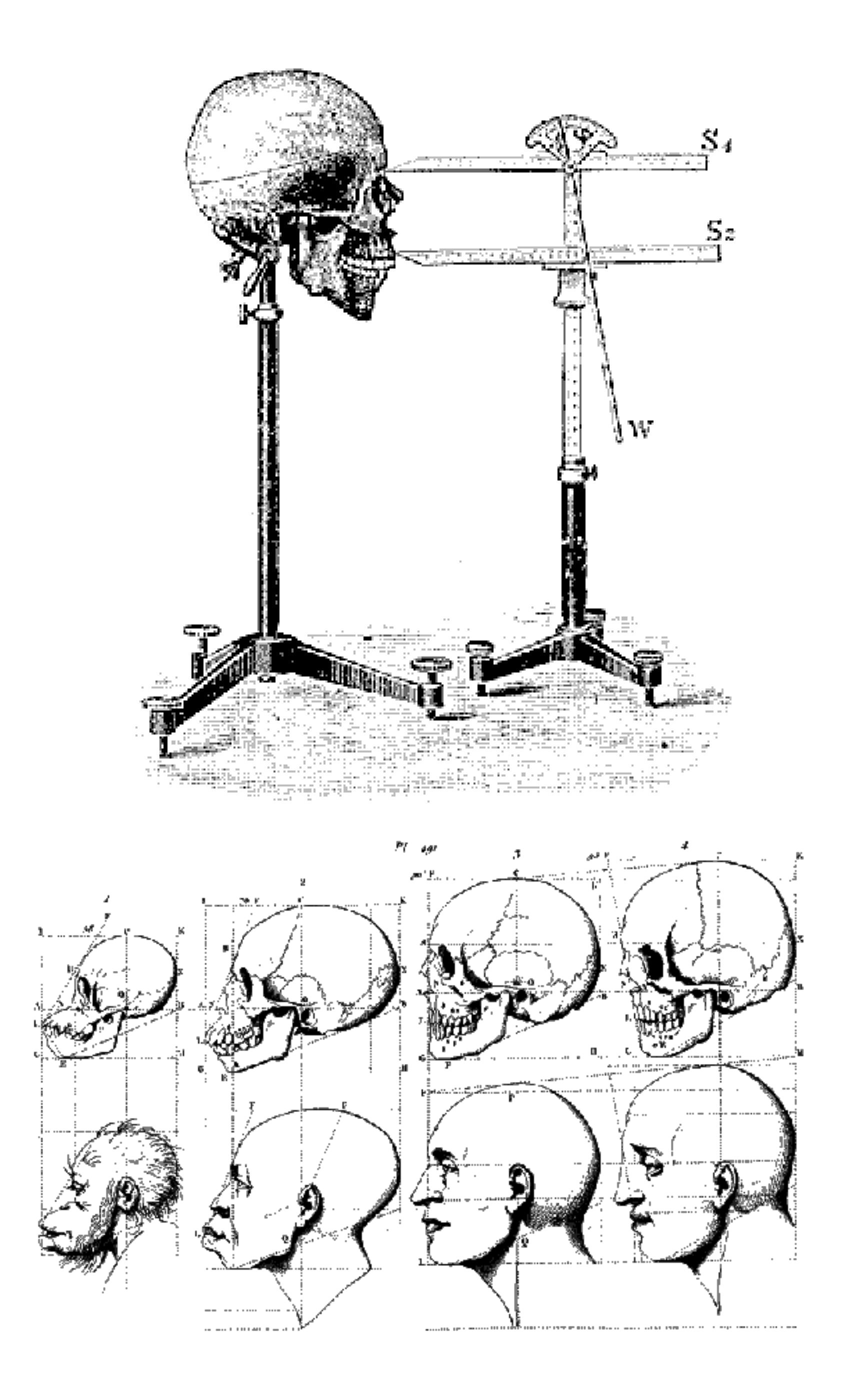
Почти восемь веков отделяют наше время от тех событий, какие показаны в Слове о Полку Игореве поэтом и очевидцами самых событий. Но события эти и сейчас свежи, особенно свежа сказавшаяся в них этническая сила и ярко свежи выразившиеся индивидуальные чувства и переживания, связанные с общенародными интересами юной в ту пору русской народности.

Автор Слова о Полку Игореве художественно увековечил эти чувства и переживания, и но ним мы могли бы и в наши дни судить о том впечатлении, какое было бы вызвано в тогдашнем русском обществе заявлением украинского профессора. С какою силою бились русские герои с половцами за русскую землю, пока не пали, с такою же силою они отстаивали бы и свое имя: «русичи». Вздрогнули бы и перевернулись в земле кости этих «русичей» на Каяле, если бы они узнали, что в наши дни нашлись сомневающиеся в их этнике и антропологии, в их скелетах и черепах. Мертвые не имут ни срама, ни гнева, и только по этой причине они не схватятся за оружие при отнятии у них имени, за которое они пали… Горько восплакалась бы Ярославна в Путивле на стене, когда услышала бы, что она «украинка», а не русская женщина. Зарыдали бы все русские женщины и в чувстве возмущения и печали присоединились бы к Ярославне, отстаивая дорогое имя своей страны и своей души. Еще не было в ту нору государственной связи, но этническое единство было ярким и глубоким. Ярославна в своих речах и слезах обращается только к русским женщинам, но в ее душе уже живет и славянская общность: лесной горлицей она летит из Путивля кружным путем на Дунай, потом на реку Каялу, чтобы омывать кровавые раны героев рукавом бобровой шубки, смоченным в Каяле. Очевидно, что этническое сознание русского единства и славянского родства уже тогда жило в умах, невольно прорываясь наружу в минуту горя и беспомощности, когда ищут своих. Таково было этническое сознание

уже в XII веке!..

Этим этническим сознанием за много веков было предопределено и предрешено создание в будущем великого русского отечества — народа и государства. В свое создание природа положила антропологически чистый строительный материал, и в этом заключается особенность биологической постройки. Не должно быть поэтому удивительным, если в русской народности будут замечены отличительные национальные черты и особенности этнической психологии. Тот, кто умеет относиться с уважением к фактам самоопределения народов, не должен показывать ни удивления, ни противления, ни враждебности…

Этническое самосознание возникло и пробудилось в русском народе очень рано. Уже в первые моменты оно воплотилось в заботы о создании языка, который в своих наречиях и говорах сказался психологически близким и потому общепонятным для отдельных, даже территориально удаленных и уединенных частей, а ставши богослужебным и книжным, при религиозности народа, обратился в важное психологическое орудие этнического объединения (Костомаров). При таких условиях становится понятным зрелость этнического сознания уже в XII веке, несмотря на отсутствие государства, когда русские племена жили, как разбросанная большая деревня, гнездами или семейными группами с общим психическим складом, почти тождественным языком, общей религией, общей склонностью к деятельной финской колонизации, в которой лежал могущественный антропологический фактор естественного этнического цементирования частей с длительными, единообразными наследственно закрепляемыми результатами. Результаты эти, содержа в себе зараз и антропологическое, и психическое начало, сказались ярко в художественном и вместе этническом памятнике XII века и потому сугубо поучительны, как естественная программа нашего настоящего и будущего национального самосознания!

S_1
S_2
W

И. А. Сикорский

Характеристика черной, желтой и белой рас в связи с вопросами русско-японской войны

Публичная лекция в пользу Красного Креста, читанная в университете св. Владимира 23 февраля 1904 года профессором И. А. Сикорским

Происхождение основных человеческих рас относится к глубочайшей биологической древности, которая должна быть измеряема сотнями тысяч лет. Как показывают исторические документы, а еще более — исследования остатков ископаемого человека, — различие основных рас ясно обозначилось с незапамятных времен. Не только наружные признаки, как, например, цвет кожи и волос, но даже форма и пропорции скелета и его частей у представителей трех рас обозначились с самой бесспорной очевидностью. Каким нарисован древний еврей или египтянин на стенах египетских гробниц, таким мы находим современного еврея и феллаха. Еще резче выступают признаки, свойственные скелету данной расы: монгольскую расу можно определить с совершенной точностью по костям скелета через несколько тысячелетий.

Но гораздо важнее тот факт, что также устойчивы и психические черты рас. Каким рисуют нам библейские пророки еврея, таким находим мы его и в наши дни. Французский психолог Рибо, приведя цитату из Юлия Цезаря, характеризующую древних галлов, восклицает: кто в этом описании не узнает современных французов!

Душевные и физические черты рас идут параллельно, как два устойчивых и упрочившихся ряда. При скрещивании и смешении рас, при образовании новых народностей и племен замечается поразительный факт, что проходят века и тысячелетия, а в смешанной расе наблюдается не объединение, не перерождение, не средний

результат, а, напротив того, слившиеся расы остаются заметными, как два потока слившихся рек, воды которых еще весьма долго текут раздельными полосами — каждая со своим специфическим цветом. В смешанных расах, в народностях и племенах мы, большею частью, замечаем индивидов, принадлежащих к изначальным составным корням. Обширные антропологические разыскания, произведенные по почину Московского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, показали, что в коренном русском населении существует два типа — славянский и финский — с их физическими особенностями. Но и духовные черты, присущие тому и другому корню, сохранились своим чередом. Таким образом, в русской нации объединились духовно: тонкое чувство и здравый ум славянина с несокрушимой волей, свойственной финскому племени; в результате получилась нация с более совершенными духовными чертами, чем те, которыми обладала каждая из составных частей. Впитав в себя финскую волю, славяне дали вновь возникшему племени (русскому) свой язык, свою душевную печать, свое тонкое чувство и природный ум. Подобным образом, галлы дали свою печать французскому народу, а германцы — немецкому, несмотря на то, что в состав каждой из этих наций входят и другие национальные части. Смешение рас может дать то выгодный результат, как, например, смешение славян с финнами, то результат печальный, как дало смешение талантливой древней греческой расы с позднейшими расами, наводнившими Элладу. Скрещивание турецких элементов с грузинами и кавказцами понижает физические и духовные свойства последних.

Приведенные примеры указывают на различие физических и нравственных качеств различных человеческих рас. Без сомнения, в идеальном и нравственном смысле все люди равны, но в биологическом или в биопсихическом отношении различие рас весьма существенно, и нравственный идеал должен состоять в том, чтобы низшие расы поднимались до уровня высших и более одаренных. Это и будет тем идеальным объединением человечества, в котором нравственный обмен явится новым фактором жизни.

Душевные черты народа в соединении с вытекающей из них деятельностью составляют национальный дух. Он дорог народу как самая жизнь, и каждый народ отстаивает свои национальные черты как свое величайшее достояние. Многие войны возникают не в силу территориальных интересов, не из-за требований земельного простора, или необходимости открытия новых рынков и т. п. В этих

условиях кроется только часть причин, вызывающих бедствия войны. Существуют и другие важнейшие мотивы войны: мы любим родную поэзию, родной очаг, родной язык, свою национальную нравственность, национальную душу. Каждый народ отстаивает это высшее национальное достояние, если этому достоянию угрожает опасность политическая, экономическая, в особенности — опасность биологическая или нравственная. Объясним нашу мысль примерами. В последние годы французские антропологи и биологи забили в набат по вопросу об истреблении слонов. Слоны бессовестно истребляются промышленниками для добывания слоновой кости, и скоро слон исчезнет с лица земли. То, над чем природа трудилась свыше миллиона лет, может навсегда исчезнуть — так рассуждают биологи — и требуют, чтобы слон не был истреблен до последнего экземпляра. Но точно так, как гибнет полезное животное, может погибнуть отдельный человек и целая раса. Великий поэт пал от руки субъекта, у которого:

Пустое сердце билось ровно,
В руках не дрогнул пистолет.

(Лермонтов)

Пушкин погиб жертвою подлости клеветника-дегенаранта. Подобным образом, высоко одаренная нация погибла от руки варварских народов, которые не понимали, что в лице греков, истребляют величайшую биологическую и психическую ценность. Прошло две тысячи лет, и произведения рук и ума древнего грека хранятся в наших музеях, как высшие образцы человеческого творчества. Культурное человечество еще долго будет сожалеть о гибели древней греческой расы! Как погибли греки, так может погибнуть лучший сын природы от руки худшего. Славянин едва не погиб от меча тунгуса (гунна) и монгола. Отсюда вытекает естественное стремление рас к самосохранению, и — война с целью самозащиты.

Но война является не только актом самосохранения, но нередко она вытекает из потребности найти нравственный простор и свободу действий. Природа, частицу которой мы все составляем, стремится совершенствовать людей, старается создать лучшую людскую породу, насадить на земле высшие человеческие формы. Она заменяет гунна и монгола другими расами. Когда-то предки нынешних тунгусов — гунны со своим вождем Атиллою одолели всю Европу. Но они оказались не теми людьми, не той породы, какая нужна зиждущей

природе. Теперь эти грозные воители стали очень скромными обитателями Сибири подобно тому, как страшные когда-то монголы превратились в заурядных казанских татар, продающих казанское мыло и скупающих старые вещи.

Война часто решает вопрос о праве нации на нравственное преобладание, на господство ее национального духа, который в экономии природы и в ее предначертаниях имеет такое же значение, как все биологические усовершенствования, вытекающие из эволюции.

Судьбы рас всецело зависят от их физических и нравственных качеств; этими качествами предопределяется будущность народов.

Из трех основных человеческих рас черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах. Вместимость черепа и вес мозга черных меньше, чем в других расах, и соответственно тому духовные способности развиты меньше. Негры никогда не составляли большого государства и не играли руководящей или выдающейся роли в истории, хотя в доисторические времена были гораздо больше распространены численно и территориально, чем впоследствии. Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить слабое сокращение верхней орбитальной мышцы («мышцы мысли» по Duchenne'у), и даже эта мышца у негров анатомически развита значительно слабее, чем у белых; между тем она является истинным отличием человека от животных, составляя «специально человеческую мышцу». (Duchenne).

В согласии с этим стоит и другая особенность, а именно — то всеобщее стройное напряжение мускулатуры тела, которое соответствует вниманию, и которое придает фигуре белого человека отпечаток свежести, силы и энергии, не является у черного выдающимся или заметным физиогномическим фактом, отчего даже молодые субъекты этой расы кажутся старообразными и неуклюжими. Наконец, как лобная, так и лицевая мимика носят на себе следы неполной физиогномической дифференцировки, что даже выражено анатомически в частых сращениях тех лицевых мышц, которые у представителей других рас гораздо чаще встречаются разделенными; благодаря этому, лицо черного человека вообще представляется более грубым, лишенным тонкой экспрессии, в сравнении с лицом белого человека.

Желтая раса, в особенности в ее наиболее типичных представителях, носит на себе ясно выраженный отпечаток перевеса лобных мышц над лицевыми; благодаря этому, брови почти всегда стоят высоко, и лоб морщинист даже у молодых субъектов.

На основании таких мимических особенностей необходимо заключить, что, несмотря на развитое и дисциплинированное внешнее внимание, у желтой расы, тем не менее, не выработалась вековая привычка к напряженному умственному труду и к мыслительной настойчивости. Жизненная судьба желтой расы в Азии и Америке показывает, что желтые внимательны, настойчивы и неутомимы в мирном труде, земледелии, садоводстве, в мелкой технике, но они не создали ни наук, ни искусств, и, несмотря на их десятитысячелетнюю историю, ум у них не достиг той остроты и силы напряжения, которая переходит в ненасытимую жажду знания и в глубокую потребность интеллектуальной жизни, как это мы видим у белых. Среди войны, желтые, по свойству своего духа, легко становятся фанатичными, отдаваясь чувству и страсти, а не уму и соображению.

Белая раса обладает наиболее счастливым сочетанием душевных способностей, что выражается в равномерном, симметрическом развитии ума, воли и чувства. При таком складе души, белая раса могла осуществить в себе идеал всестороннего психического развития и явилась создательницей наук и искусств, устроительницей общественной и государственной жизни, творцом возвышенных религий и мировой поэзии, и улучшила самую жизненную обстановку при помощи несравненных механических и технических усовершенствований. Психическим прототипом белой расы явились древние греки.

Древнегреческая раса погибла в силу причин, еще не вполне выясненных, и хотя она продолжает жить этнически и географически, но в антропологическом отношении она больше не существует, и все умственно и художественно возвышенное — все классическое хранится ныне в музеях, галереях, библиотеках, как бесценное наследие великого духа греков.

Греки состояли из двух антропологических частей. На египетских изображениях, в описаниях Гомера, в характеристиках физиогномиста Полемона, грек представлен человеком высокого роста, блондином, со светлыми глазами, с высоким лбом, небольшим резко очерченным ртом. Вероятно это были эллины-пришельцы, которым Греция обязана больше всего. Но существовал и другой смуглый тип (вероятно пеласги-аборигены). Греческая народность состояла из

кровного объединения этих двух составных антропологических частей (т. е. эллинов и пеласгов).

Характерическими чертами грека являются живость ума и чувства в соединении с сильной подвижной волей. Гиппократ и Аристотель с классической проницательностью и меткостью говорят о равновесии духа как об отличительной черте своих соотечественников. Мысль всегда принимала участие в душевных волнениях: оттого чувство грека не могло перейти ни в сплошную страсть, ни в фанатизм, как у желтых, где воля перевешивает ум. С другой стороны, сильное развитие чувства делало греков юными душой, по меткому слову Ренана, или детьми, как выразился египетский первосвященник перед Солоном. Ум был у грека так глубоко развит, что, по выражению Фукидида, грек весь состоял из мысли. Для грека мыслить было удовольствием, а умственная работа была легким трудом. Идеалом грека был Улисс, который «видел города и знал мысли множества людей». Тэн противополагает ум грека уму египтян: египтяне, на вопрос Геродота о причине разливов Нила, ничего не могли ответить, и даже у них по этому важному вопросу не было никаких предположений, а греки, для которых Нил не был так близок, составили три гипотезы о Ниле, и, критикуя гипотезы, Геродот предлагает четвертую. Тонкий, вечно ищущий, пытливый ум грека создал впервые то, чего до того времени не было в мире — чистую науку. Другие, тоже талантливые народы, например халдеи, сделав умственные успехи, поставили точку на пути своего развития; но грек неудержимо шел вперед по дороге ума.

Иные народы, например, семиты (Фулье), были слишком утилитарны — это были дельцы и негоцианты; грек был — ученый, мыслитель, художник. Для семита, например, произведения искусства были не более как предметы торговли, которые он фабриковал по шаблону; но грек, становясь фабрикантом, не переставал быть в то же время мыслителем и художником. Ум грека имел две стороны; воображением он витал в идеальном мире, а рассудком не выступал из пределов реальной жизни. Такова была эта несравненная крошечная раса! В подобной расе мог впервые развиться человеческий язык и поэзия до высоты истинной нервно-психической техники и художественности.

Классические греки антропологически погибли; они были отчасти истреблены физически посредством рабства и выселений, частью изменились и выродились, благодаря примеси многочисленной посторонней крови — албанцев, сербов, валахов, болгар, вестготов.

Благодаря этим условиям раса погибла, и возник в связи с нею эллинизм второй и третьей руки. Вместо ума древнего грека у нового грека явилась хитрость и изворотливость; любовь к науке сменилась склонностью к биржевым махинациям и торгашеству; сильная воля и независимость уступила место сервилизму, который обратил грека в торгового и делового посредника.

Японцы состоят из смешения трех основных человеческих рас. Первыми появились на нынешней территории Японии народы негритянского племени, перекочевавшие сюда с Малайского архипелага. Лет за 800 до христианской эры (Wirth), Японию наводнили представители белой расы — айносы или айны, а тысячу лет спустя на Японский архипелаг явились желтые, которые подчинили себе аборигенов. Таким образом, Япония, главным образом, состоит из желтых. Японцы, несомненно, превосходят по своим душевным качествам других представителей желтой расы (китайцев, монголов и др.). Этим они обязаны, вероятнее всего, примеси к ним белой расы, т. е. айносов. Айносы очень близки по своим физическим и душевным чертам к русским, и Катрфаж (известный французский антрополог) называет даже айносов «русскими из Москвы», а Бельц (Baelz) признает их за племя, близкое к славянскому или тождественное. Но айносы численно подавлены желтыми, которые стремятся истребить их.

Японец мал ростом, желтокож, с типическими монгольскими раскосыми глазами, вертляв, подражателен, резок… Не будем судить нашего врага: он сам обратился к крайнему на земле суду — к силе, — пусть решает сила!

На вооруженную силу нации нельзя смотреть как на грубую силу и нельзя ее измерять, как это иногда делают, количеством тонн водоизмещения, силою штыков, размерами пушек, количеством военного фонда. Правда, и эти факторы составляют часть силы; но не в них главное дело! Наибольшее значение в войне имеет элемент психический — национальный дух и биологические достоинства народа. Война — не драка, не разбой, не убийство. Это — честный бой, с соблюдением требований долга и совести. На войне побеждает не тот, кто коварен и дерзок, но тот, кто храбр и мужествен. Война требует высших качеств души, высших нравственных достоинств! Как?! Там, где льется кровь, где друг друга убивают, там необходимы высшие качества души? Да! Такова психология войны, которую ведет великий народ. Не об убийстве думает воин, идущий в бой! Вот как описывает эти страшные и страшно-торжественные минуты русский

писатель — участник последней восточной войны (Всеволод Гаршин):

> *«Тогда все слилось в том смутном и невыразимом словами чувстве, какое овладевает вступающим в первый раз в огонь. Говорят, что нет никого, кто бы не боялся в бою, всякий не хвастливый и прямой человек на вопрос: страшно ли ему, ответит: страшно. Но не было того физического страха, какой овладевает человеком ночью, в глухом переулке, при встрече с грабителем; было полное, ясное сознание неизбежности и близости смерти. И дико, и странно звучат эти слова. Это сознание не останавливало людей, не заставляло их думать о бегстве, а вело вперед. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотелось идти вперед, чтобы убить кого-нибудь, но было неотвратимое побуждение идти вперед во что бы то ни стало, и мысль о том, что нужно делать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорее: нужно умереть».*

Среди боя французского солдата охватывает чувство возвышенного долга. Русский солдат менее развит, он более прост, но природное глубокое чувство поднимает его на нравственную высоту. Вот как описывает русского солдата М. И. Драгомиров:

> *«Уметь страдать, уметь умирать — вот основание солдатской доблести, свойственное русскому солдату в высокой степени; недаром про него сказано: «его мало убить, а нужно еще повалить», и это сказано врагом, а не другом».*
>
> *«Откуда берется эта стойкость? Она есть результат расовых особенностей русского простого человека… Русский человек во всем прост и естествен. И в этом открывается новая великая черта русского солдата; полное отсутствие какой-либо позы, рисовки. Он и в мысли не имеет, что приносит великую жертву; ему и в голову не придет вменять это себе в заслугу; равно как не придет в голову себя подбадривать похвальбами, славной и т. п. Одним словом, между, русскими солдатами нет героев, а есть только люди, исполняющие свой долг, даже до смерти, но исполняющие его просто, от сердца, потому «как может быть иначе? Коли приказано, так нужно сделать: вот и все». Та сила и велика, которая не сознает своего величия».*
>
> *«Искалеченный на войне, русский солдат переносит страдания с изумительным терпением и покорностью судьбе.*

Верно заметили одной сестре милосердия, горевавшей, что нет Евангелия для чтения раненным, что им не нужно читать Евангелие, а нужно учиться на них чувствовать и понимать Евангелие. Человек массы, человек первобытного строя мысли, русский солдат разумеет себя не единицей, а частью великого целого, почерпает свою гордость и достоинство в инстинктивной вере в то, что его народ выше всех прочих народов и несет за него свою голову безропотно и не задумываясь».

«Умирает русский солдат просто, точно обряд совершает, по меткому выражению Тургенева: принеся родине жертву высшей любви, он отправляется на Тот Берег со спокойной совестью, ибо претерпел до конца, «претерпевший же до конца спасен будет…»

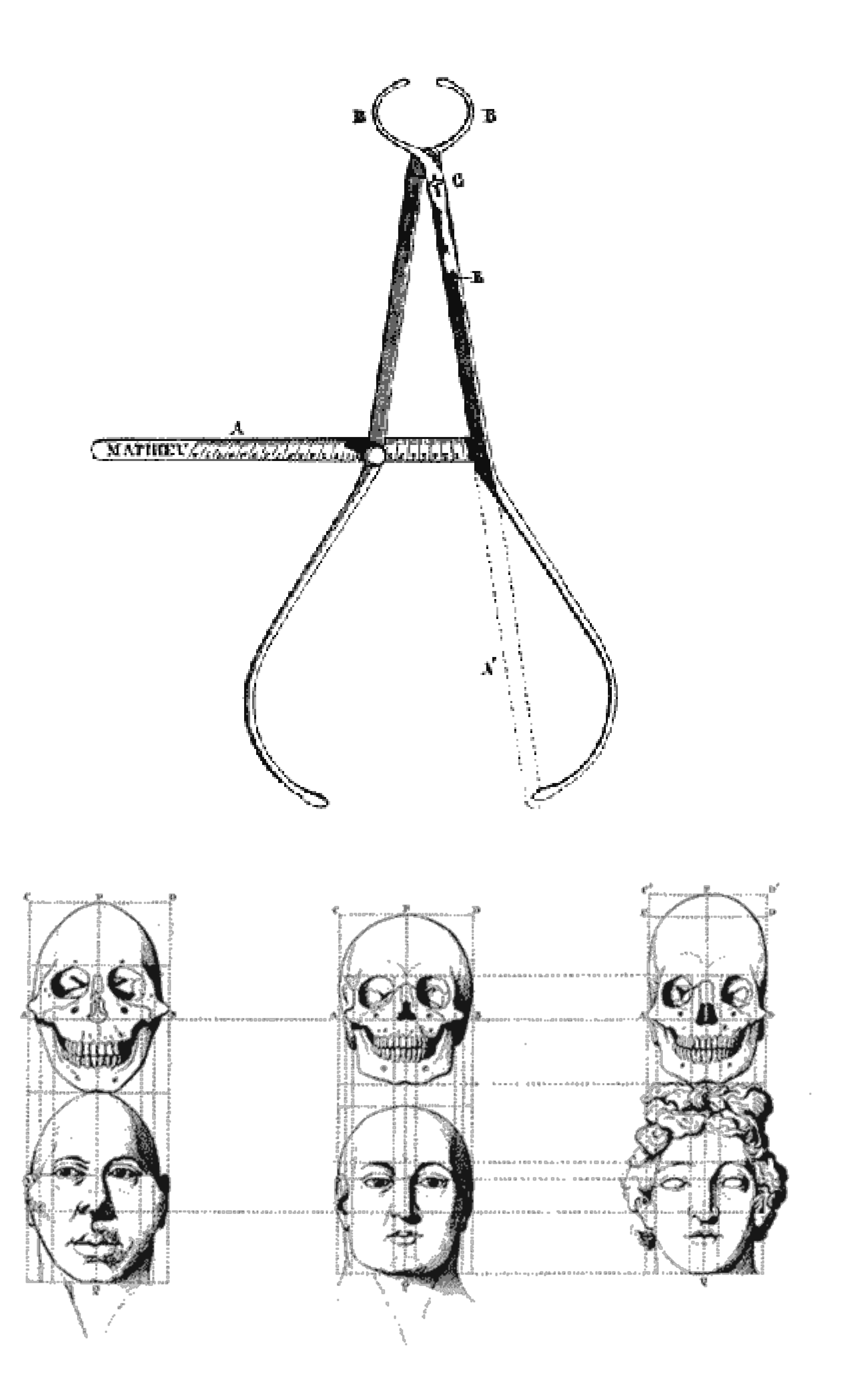
Таким образом, мужество и чувство долга — вот что наполняет душу солдата в бою. Величайшая смертельная опасность родит в человеке возвышенное настроение и делает его героем, забывающим о себе. Тот народ, который дает таких солдат, выходит победителем.

Есть две нации, которые обладают наивысшими качествами, необходимыми солдату. Эти нации — русские и французы. И те, и другие не боятся рукопашного боя, не страшатся штыковой атаки, но неудержимо идут вперед. Воители желтой расы, несмотря на свой фанатизм, лишены этих качеств. Во время Ахалтекинской экспедиции в Средней Азии, азиатские всадники, размахивая в воздухе саблями, стремительно бросались в атаку на русских, но они мчались в бой с завязанными глазами, потому что не могли перенести вида опасности, не имели сил глядеть прямо в лице смерти. Турки тоже не выдерживают рукопашного боя и бегут.

В современной русско-японской войне мы имеем дело с событиями и условиями, совершенно отличными от тех, с какими европейские народы привыкли иметь дело. Мы встречаемся здесь с расовой борьбой, но не в обычном вульгарном значении этих слов, а совершенно в ином смысле. Мы стоим в настоящую минуту лицом к лицу с крупным биологическим событием, которое выяснилось и поднялось во всей своей жизненной силе. Русский народ, по общему признанию даже народов Западной Европы, явился бесспорным распространителем европейской культуры среди народов желтой расы. Главным фактором здесь является глубокая биологическая основа. Ассимиляторская роль России сказалась самым

положительным образом в два истекшие тысячелетия и привела к мирному, бескровному объединению финской и славянской народностей на обширной территории Восточной Европы (Бестужев-Рюмин).

В последние триста лет тот же процесс мирной ассимиляции перенесен русским народом в Сибирь и дошел до берегов Великого океана. Антропологические исследования, произведенные над населением Сибири, показали, что русскими уже порядочно распахана биологическая нива сибирских инородцев: повсюду возникло от смешанных браков здоровое, крепкое, духовно одаренное население, впитавшее в себя русскую душу и русский народный дух, словом — обнаружился великой важности факт плодотворного усвоения инородческим населением биологических и нравственных черт русского народного гения. Среди этой молчаливой великой работы природы, при полном развитии мирного процесса, японец стремительно врывается в спокойное течение широких событий и хочет повернуть гигантское колесо жизни в другую сторону. При первой вести об этом русский народ почуял в себе биение исторического пульса и встал как один человек на защиту своего исторического призвания — вливать свои здоровые соки в плоть и кровь, в нервы и душу монгольских племен, для которых он является высшей духовной и биологической силой.

B
B
G
E
A
MATHIEU
A'

И. А. Сикорский

Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина

Появление на свет гениального человека не совершается экспромтом. Происходит продолжительная и сложная подготовка к великому событию живой природы. Французскими антропологами прослежена часть подготовительных условий и явлений, составляющих биологический ореол грядущего величия. Выяснилось, что гениальность, талантливость и даровитость, составляя серию смежных градаций одного и того же явления, приурочены к некоторым семейственным группам и родам и появляются на лоне своей биологической почвы, время от времени, с неодинаковой частотой, локализируясь в индивидуумах то мужского, то женского пола. Судьба ста семейств, прослеженная французскими антропологами на расстоянии нескольких столетий, показала, что есть роды и семейства, которые даже за довольно длинный срок (до семи столетий) давали только серенькое потомство без всяких следов «искры Божией», т. е. талантливости или даровитости. Но другие семейные группы давали, время от времени, даровитых и талантливых представителей, после чего творческая сила рода понижалась до нового подъема.

В выработке гениальности, кроме родовой подготовки, наблюдается индивидуальная; она соответствует периоду объединения многочисленных и сложных элементов личности. Оттого зреющая индивидуальность остается нередко незаметной в детстве. Это случилось с Пушкиным. Но затем индивидуальное развитие идет поспешными шагами, и в юношеский период гениальность уже раскрывается. Юность гениального человека блистает всеми основными чертами индивидуальности, тогда как у людей обыкновенных полный расцвет духовных сил и дарований далеко не всегда успевает достигнуть столь ранней зрелости.

Исследование био-исторического базиса гениальности полно глубочайшего интереса. Известно, что в древней Греции одаренных людей старались присвоить себе многие города. В основе таких благочестивых претензий кроется тот действительный факт, что

гениальность имеет много антропологических корней; в создании ее участвуют многие, иногда чрезвычайно отдаленные биологические факторы. В личности Лермонтова сказались черты шотландского характера. У Льва Толстого некоторые (Холодилин) не без основания допускают родство с Мамаем, татарским князем. Родство Пушкина с негритянским стволом человечества по женской линии через Ибрагима Ганнибала хорошо известно. Тонкие перемычки между основными стволами человечества (белая, желтая и черная расы) не лишены способности послужить биологической почвой для величайших созданий природы. Быть может, они даже содействуют той универсальности духа, какая является отличительной чертой гениальных людей.

Наблюдениями психиатров установлено, что путем биологического наследования передаются от предков потомкам не все качества, но некоторые; притом эта передача может охватывать то внешние формы телесной организации, в связи с темпераментом, то внутренние глубокие качества, в связи с характером человека и его умственными дарованиями. Это наблюдение применимо к нервно-психическим явлениям вообще.

Личность человека складывается на основании взаимодействия и конкуренции отдельных способностей и сторон души, возбуждаемых и направляемых впечатлениями, исходящими из внешнего мира, и другими впечатлениями, какие даются темпераментом и жизнью самого организма. Память, хранящая все, что однажды испытано и пережито, входит, как третий элемент развития, конкурирующий с двумя первыми и связывающий текущее с прошедшим в единое сложное индивидуальное целое. Так живет и обыкновенный, и гениальный человек.

Какие созидательные начала были заложены в антропологическом составе и нервно-психической организации Пушкина?

Род Пушкиных выступает на историческую сцену в конце XVI века при Иоанне Грозном. Уже тогда Пушкины были заметным явлением, а при царе Алексее Михайловиче выпукло выступал Григорий Гаврилович Пушкин, память которого особенно ценил потомок-поэт. Таким образом, род Пушкиных играл заметную общественную роль более двух столетий до рождения поэта.

В начале XVIII века, т. е. в период уже обозначившейся одаренности рода Пушкиных, последовало кровное родство Пушкиных с семейством Ибрагима Ганнибала: Мария Алексеевна Пушкина, впоследствии бабушка великого поэта, вышла замуж за

Осипа Ибрагимовича (Абрамовича). От этого брака родилась дочь Надежда Ганнибал, креолка, впоследствии мать поэта в браке с Сергеем Львовичем Пушкиным. Таким образом, поэт произошел от смешанного брака. В этом случае возникает вопрос: как объединены между собою и как согласованы разнородные составные элементы характера и каков получился окончательный продукт. Ответ на эти вопросы не представляет особых затруднений по той причине, что поэт отличался экспансивностью своего характера и прямодушием. Главные пункты и верхи своего самочувствия он выражал не только в интимных кругах и частной переписке, но даже в своих поэтических произведениях.

В вопросах антропологической и психологической генеалогии на первом плане стоят вопросы антропологические. На них обратил внимание И. Е. Репин в своей последней картине; им придают значение и в прессе. Какова была наружность поэта? Каков был темперамент? Как сказалось на душевном складе поэта его смешанное происхождение от двух рас?

Мать Пушкина Надежда Осиповна была дочерью Осипа Абрамовича Ганнибала и внучкой Ибрагима (Абрама) Ганнибала. Последний носил явные черты негритянской расы по цвету кожи и устройству лица. Мать Пушкина была первым антропологическим представителем смешанного потомства, первым живым продуктом родства Пушкиных с Ганнибалами, — белой расы с черной. Она была типической креолкой по цвету своей кожи и другим физическим признакам и, без сомнения, носила особенности и в психическом складе своей смешанной натуры. Быть может, лицо ее не было даже вполне чистым от волос, судя по спущенным на лоб и щеки буклям волос, но в то же время она отличалась всеми типичными чертами белой расы: нежным носом, тонкими ноздрями, тонкими губами, изящным ртом и нежной гармонической мускулатурой лица. В юные годы она имела успех в обществе, чему более всего способствует оригинальность и новизна физических и психических редакций, в каких природа издает человека в свет. Эту оригинальность она имела, нося в себе элементы двух весьма различных рас (белой и черной). Не содержалось ли в ней элементов и третьей из основных человеческих рас, т. е. желтой? Это бывает. Там, где происходит созидательная биологическая работа, где сталкиваются и конкурируют два начала, может получить нежданную биологическую силу и третье начало — скрытое и подавленное, которое могло оставаться до той минуты почти незаметным, но которое проснулось в великий момент

зачинающейся новой жизни. Когда клались первые кирпичи будущего здания матери поэта, не участвовали ли также в творческой работе от веков глубоко скрытые в семействе Пушкиных или семействе Ганнибалов задатки третьей человеческой расы — желтой. Это могло сказаться в матери поэта, так как она стоит на границе встречающихся рас. Вопрос о том, была ли мать поэта носительницей двойного или тройного расового начала, мог бы быть решен, задним числом, только по портретам. Если мать поэта по цвету кожи была только смуглянка, она — представительница двух рас (белой и черной), но если в ее коже и глазах был и оттенок желтоватого пигмента — если она была не просто «смуглянкой», а «знойной красавицей», то в этом случае она содержала в себе задатки трех основных рас человеческого рода и могла передать рожденному сыну свойства трех рас со всеми материальными и духовными последствиями. Начала двух рас были бесспорно у Наталии Осиповны. Но в какой пропорции?

Творцом материальных и духовных качеств Наталии Осиповны была Мария Алексеевна Пушкина и Осип Абрамович Ганнибал. Марья Алексеевна была натура энергическая, и уже одно это предрешало вопрос о биологической судьбе ее потомства — в пользу белой расы. Этому сильно содействовал и факт высших достоинств этой расы. Черная раса выступала на конкурс в лице неустойчивого Осипа Абрамовича, в котором, притом же, черная раса была представлена не своими лучшими, а своими худшими сторонами. При таких условиях исход конкурса в пользу белой расы был обеспечен: Надежда Осиповна вышла привлекательной русской девушкой с незначительными и слабо выраженными негритянскими чертами и со всей биологической пикантностью свежей оригинальной редакции природы. По этой причине Надежда Осиповна уже от самого рождения своего заключала в себе освеженную силу жизнесозидательного творчества.

Для ее потомства особенно важным представлялось то, что ее мужем явился Пушкин (Сергей Львович) — потомок испытанного жизнью рода. В смысле биологического состязания белой и черной рас эта новая подмога, со стороны рода Пушкиных, могла еще основательнее фиксировать победу за белой расой и за родом Пушкиных — с введением, притом, освежительной плодотворной новизны от встречи двух начал величайшей биологической давности и дальности (черная раса — самая старшая дочь человечества, белая — самая младшая, желтая — средняя). Если мать поэта была не простой «смуглянкой», а «знойной красавицей», то она могла дать своему

гениальному сыну ту антропологическую универсальность, которая так заметно выделяет его из сонма других великих людей.

Наружность поэта, отступая от типа рода Пушкиных (особенно отца), во многом соответствует негритянскому типу, который даже представлен решительнее, нежели у его матери. Почти все главнейшие признаки негритянской расы имеются налицо: малый рост, широкие брови, ноздри, открывающиеся наружу, а не вниз (портрет худ. Тропинина), смуглое лицо, толстые губы, крупный подбородок (нижняя челюсть), широкое отверстие рта, несмотря на сильную волю поэта и на редкое самообладание. Но в то же время поэт обладает светлыми глазами — что составляет самую яркую черту белой расы. Такая наружность придана поэту И. Е. Репиным на его картине «Пушкин на экзамене». О наружности Пушкина на этой картине говорилось немало в общей прессе, но без научного понимания дела. Все исчисленные черты своей наружности поэт получил от Ганнибалов через посредство своей матери. На портрете работы художника Витгеса, где Пушкин изображен мальчиком 6–8 лет, ясно выступает негритянская особенность — толстые вытянутые вперед губы. Эта особенность заметна и в позднейшие годы, особенно отчетливо представлена верхняя губа своей толщиной на портрете работы Тропинина. О наиболее важном негритянском признаке — долихоцефалии (длинноголовости) не трудно судить по профильным изображениям, например, по изображению поэта в гробу; также на картине Наумова Пушкин представлен долихоцефалом. Вообще, по всем антропологическим признакам, особенно же по непререкаемым скелетным признакам Пушкин отличался негритянским строением тела, как в отдельных частях, так и в целом.

Сам поэт не только не отрицал в себе негритянской породы, но неоднократно упоминает об этом. «О судьбе современных греков, — говорит он, — позволительно рассуждать, как о судьбе моей братьи — негров. Можно тем и другим желать освобождения от рабства, но чтобы просвещенные народы бредили ими — это непростительное ребячество». Пушкин говорит также о своей африканской крови, отказывается иметь свой гипсовый бюст. «Тут, — говорит он, — арапское мое безобразие предано будет бессмертию» (Письмо жене 16/V 1836 г.).

Таким образом, наружность поэта и его антропологический склад носят бесспорный характер негритянских свойств. Но глаза (т. е. пигмент радужной оболочки) светлые, а не черные и не темные или карие, цвет кожи смуглый, но не темный, не африканский.

Следовательно, можно говорить о смешанном происхождении. Все существующие народы на земном шаре, более или менее, смешаны, безусловно чистых рас нет. Даже евреи, несмотря на свою склонность к антропологической замкнутости, все-таки смешаны с отдаленных времен (черные евреи и рыжие). Расы будущего, — говорит Катрфаж, будут менее различаться по крови в силу скрещивания и будут более близки между собою. Япония представляет типический пример смешанной расы, составленной из трех основных рас человеческого рода — черной, желтой и белой. Эти расы поочередно переселялись на острова, окруженные водой, жили смежно, постепенно смешиваясь. Процесс смешивания еще далеко не закончился у них: рядом с безбородыми представителями желтого и черного происхождения в Японии живут чистокровные потомки белой расы (айносы) с роскошной волосистостью лица и огромной бородой (типический расовый признак белых). Катрфаж называет их «русскими из-под Москвы».

Духовные качества в смешанных расах и у отдельных метизированных субъектов носят на себе печать протекших био-исторических судеб. Талантливость японцев, по общему мнению антропологов (H. ten Kate), зависит более всего от примеси белой крови.

Судьба величайшего поэта во всех отношениях есть судьба человеческая. Судя по белому цвету кожи и светлым глазам, — это белый человек в расовом смысле слова. Однако же и негритянская примесь сказала свое слово, и это, прежде всего, выразилось во внешности поэта. Что касается внутренних качеств, т. е., психической природы, то на Пушкине оправдывается психологический вывод психиатров, приведенный выше, о двойной наследственности — о получении некоторых внешних черт и инстинктов по руслу негритянской человечности и о передаче всех остальных, особенно высших, качеств по русскому руслу белой расы. В связи с этим, индивидуальные черты поэта объясняются из двух источников. Необузданность его природы, внезапная порывистость его решений и действий (проявления «гениального безрассудства»), разгул, бурные инстинкты с ухаживаниями, пиршествами, ссорами, дуэлями — все это дань черному расовому корню. Сюда же относятся и те «увлечения», которые поэт называет «порочными заблуждениями» и воспоминание о которых уже в двадцатилетнем юноше-поэте вызывает ясную, глубокую, зрелую реакцию и мотивированное сожаление о том, что для этих «заблуждений» он «жертвовал: собою,

своим покоем, славою, свободой и душой» («Погасло дневное светило»). Это, чуждое благородному духу, дикое инстинктивное начало, всецело несоизмеримое с его художественной натурой, полностью охватывало его по временам, как чуждая необузданная сила крови. Это инстинктивное «африканское» начало в его подлинном первобытном виде мы встречаем по ту сторону океана вкрапленным среди белого населения Соединенных Штатов, где хищная чувственность и эротическая дерзость негритянских элементов делают опасным для белой женщины всякую близость цветного субъекта. Отдельные вагоны в поездах железных дорог, отдельные залы в ресторанах и все глубокое отъединение белых от черных вызывается далеко не одним только запахом негра или цветом его кожи, но, в гораздо большей степени, опасностью дикого инстинкта, против которого культурный американец не удерживается защищаться погромами и судом Линча. В идеальной, художественной душе великого поэта, в очень смягченных формах, жил, подобно паразиту, этот самый цветной инстинкт, который даже в лучшую зрелую пору жизни не покидал его, омрачая его душу отелловской ревностью, которая, вероятно, сыграла свою злодейскую роль и в событиях, вызвавших роковую дуэль.

Африканское начало в крови и нервах великого поэта, наделив его указанным сейчас дико-инстинктивным качеством, одарило, вместе с тем, и одним многоценным даром, который, в психическом единении с элементами белого начала, послужил к созданию той острой наблюдательности, какая была присуща поэту. Наблюдательность эта физиологически вытекала из живости и быстроты движении, из той психо-рефлекторной остроты органических реакций, которая делала поэта неутомимым ходоком, пловцом, лихим кавалеристом, гимнастом и фехтовальщиком. Ко всем этим художествам он имел природную склонность. На этом типическом африканском дичке был насажен здоровый привиток тонкой белой культурной души старинного дворянского рода Пушкиных. Вся природа Пушкиных мощно вошла в будущее большое дерево, придав ему свои свойства и предоставив чисто служебную роль африканскому началу. Такая замысловатая биологическая комбинация придала процессам восприятия поразительное совершенство. С какою дикою, стихийной легкостью и удальством Пушкин плавал и фехтовал, с такою же легкостью и тонкостью он схватывал все, даже самые мимолетные, впечатления. Как ласточка неподражаема в своем искусстве на лету схватить мошку, так Пушкин поражает удивительным даром тонкого

восприятия впечатлений, внешних и внутренних. Здесь дело идет не о быстроте движения органов чувств — глаза, уха, а о быстроте и совершенстве психических или, вернее, психофизических процессов восприятия. Не мышечная или физическая работа играет здесь роль, но психо-рефлекторная и душевная. Некоторые педагоги в оценке этих явлений остаются до последнего времени при устаревших психологических понятиях и продолжают с неострым упрямством говорить о развитии уха, глаза, руки и пр. Вовсе не глаз и ухо, а психорефлекс и психизм, связанный с ухом, глазом, с рукой, решают главные вопросы восприятия впечатлений. Встреча с внешним миром, захват впечатления и восприятие его (как выражаются психологи) — является той важнейшей системой психофизических процедур, которая дает человеку в руки неисчислимые преимущества. Если эта система отличается техническими свойствами тонкого аппарата, то последствия этого неисчислимы. У Пушкина восприятие внешнего и внутреннего мира носило свойства такой художественно тонкой работы, которую смело можно сравнить с работой сейсмографа, учитывающего землетрясение за десятки тысяч верст дальности. Ниже будут приведены пояснительные примеры, иллюстрирующие систему внутренних восприятий у Пушкина. Эти восприятия требуют еще большей физиологической тонкости нервных механизмов, чем восприятия внешние, и примеры, заимствованные из этой области, еще разительнее выставляют на вид изумительную тонкость и точность физиологических механизмов мозга этого гениального человека.

Современная физиологическая и экспериментальная психология придают величайшее значение процессам восприятия, между тем еще недавняя психология отводила им гораздо более скромную роль, возвышая за их счет другие психические акты, в особенности акты умственные и отвлеченные. С недавнего времени взгляды психологов изменились, и на гениальном психизме Пушкина легко демонстрировать новейшие воззрения. Аппараты восприятия и самый механизм их работы представляются настолько феноменальными у Пушкина, что ему необходимо дать первое место в человечестве, как носителю мозгового аппарата, стоящего вне конкурса. По своим дарованиям Пушкин стоит наряду с Шекспиром и автором Илиады; он умер раньше полного расцвета своих титанических духовных сил!

Восприятие в настоящее время психологи понимают несколько яснее и шире, чем то было до недавнего еще времени. Это произошло под влиянием экспериментальных исследований в психологических

лабораториях с помощью инструмента, которому дали название тахистоскопа (быстрозор). Инструмент служит для определения условий и самой процедуры восприятия. При помощи тахистоскопа можно убедиться, что всякое восприятие повышает потенциал актов, хранимых памятью, и тем приближает их к моменту воспоминания. Благодаря этому, воспоминание наступает легче и раньше в зависимости от живой деятельности восприятия. А это деятельность, как сейчас сказано, отличалась у Пушкина феноменальной остротой и силой, благодаря выгодной комбинации факторов смешанной наследственности.

Изложенным сейчас исчерпываются африканские дары, внесенные природой в душу Пушкина. Все остальное должно быть отнесено на долю того Пушкинского прививка, который насажен на африканском дичке Марией Алексеевной Пушкиной, давшей миру мать поэта. Особенное значение имеет здесь то обстоятельство, что отцом Пушкина оказался представитель рода Пушкиных же, Сергей Львович Пушкин. Через него род Пушкиных снова породнился с Ганнибалами, т. е., последовала вторичная прививка Пушкинской крови к смешанному уже Пушкинско-Ганнибальскому роду. Это дало новый сильный подъем Пушкинским творческим силам за счет Ганнибалов. В этом пункте генеалогия Пушкина полна высокого интереса.

Род Пушкины — старинный род, и это имеет существенное биологическое значение. Французские антропологи в своих изысканиях касательно жизненной судьбы родов в восходящем последовании проследили жизненную и психологическую судьбу в период, охватывающий семь столетий. Пушкин, интересовавшийся своей генеалогией, называет себя шестисотлетним дворянином (А. А. Бестужеву, апрель 1825) и даже старее (ему же, дек. 1825). Уже один этот долгий срок сам по себе указывает на здоровье нервной системы, на биологическую устойчивость рода. Род не выродился, не исчез: он не только выжил, но и сохранил незыблемыми свои физиологические и духовные качества. В этой длинной серии поколений не было дегенератов, не было уголовных преступников: казненный при Петре Великом Пушкин потерпел не за уголовное преступление, а за разницу в воззрениях с властью. Но особенно важно то, что род Пушкиных с отдаленных времен (от времени Александра Невского) отличался личными и общественными добродетелями своих членов, и это стало биологической традицией, записанной в крови и нервах. Со своим лапидарным психологическим радикализмом Пушкин в письме к Бестужеву говорил: «Воронцов

(генерал-губернатор) воображал, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница!»; «Ты сердишься, — говорит Пушкин Бестужеву в другом письме, — за то, что я хвалюсь шестисотлетним дворянством» (NB. «Мое дворянство на самом деле старее»).

В своем лирическом произведении «Моя родословная или русский мещанин» Пушкин указывает на свою основную расовую черту — старинное русское происхождение и затем рисует родовые психические достоинства Пушкиных: талантливость и независимость духа. «Из нас, — говорит он, — был славен не один, но дух упрямства нам всем подгадил». По характеристике поэта все Пушкины, включая в это число и его самого, за весь длинный срок многовекового существования были талантливы, независимы, стойки до неукротимости, будучи в то же время носителями и передатчиками нравственной безукоризненности и чистоты. Такие достоинства и такая сложность душевной жизни не есть случайность или беспочвенный каприз судьбы, но достигается непрерывными и неусыпными нравственными усилиями рода. Судьба, ожидающая родившегося на свет человека, выражена Помяловским в виде следующих художественных афоризмов: «Станут бить ребенка по голове — сделается дураком, хотя бы и не родился таким; воспитает его танцмейстер — выйдет из него кукла; откормят на краденные деньги — отзовется и это». В талантливом роде Пушкиных каждый член его был застрахован от подобных физических и нравственных случайностей: на страже неусыпно стояла трезвая программа жизни, которая так метко передана поэтом в указанном выше его стихотворении. Эта программа, строго соблюдаясь, передаваясь от поколения к поколению в течение семи столетий, стала, наконец, унаследованной семейно-традиционной практикой и тем получила свою биологическую прочность — ту прочность и устойчивость, которая стала наследственным ценным прародительским даром. Такими дарами богаты русские и англичане, и это дает им душевную стойкость до неукротимости. Такая стойкость не есть консерватизм или биологическая неподвижность, это есть инстинкт высшего порядка, благодаря которому все психические новинки и психические приобретения, оказавшиеся полезными, охраняются с тою силою и с тою беззаветностью, с какою охраняется самая жизнь. Оценить значение психических новинок и отстоять их, пока они еще слабы и непрочны, — это знак талантливости рода и предвещает возможность

появления гениального человека в недрах такого людского поколения. Это и случилось с шестисотлетним родом Пушкиных. Род инстинктивно чуял, что делал и куда шел. И появление великого поэта не было случайностью! Он плоть от плоти и нервная клеточка от нервной клеточки своего Пушкинского рода. Африканский аромат, прибавленный к Пушкинскому составу, только придал огня и пикантности этому нравственно-незыблемому составу, сыграв при этом роль служебного, а не зиждительного начала.

Великая натура поэта далеко не укладывается в рамки одной национальности. Она широко переполняет эти «пределы», говоря языком самого поэта. Но тем дороже и тем ценнее личность поэта, стоящая на высоте универсальной сложности, доступной человечеству. Его ближайшее национальное начало вплетено в сеть общечеловеческого психизма. По руслу его души и ее путей русский народный гений возвышается до общечеловеческих идеалов, и, в свою очередь, через его душу человечество приобщается к русской душе, как к одному из своих многочисленных корней. Великие люди, подобные Пушкину, создают международный или общечеловеческий психизм, равно ценный для всех участников. Но для этого необходимо обладать тою универсальностью духа, какая делает человека одинаково близким ко всему великому и ко всему истинно человеческому. Таким был Пушкин.

Прежде всего, с антропологической точки зрения, в Пушкине поражает величайший орган мысли, вложенной в неуклюжий и некрасивый африканский футляр. В типическом негритянском черепе и теле содержался мозг самого высокого качества, свойственный наиболее развитым представителям человеческого рода. С особенной очевидностью выступает одна сторона душевного строя Пушкина — это острейшая способность восприятия, соединенная с такой же острейшей памятью. Когда Пушкин получал какое-либо впечатление (видел, слышал что-нибудь и т. п.), это сопровождалось у него различными воспоминаниями, имеющими известное, иногда весьма отдаленное отношение к впечатлению. Это, конечно, обыкновенное психологическое явление, свойственное всем людям: впечатления всегда влекут за собою воспоминания, и в этом, собственно, и состоит целостный акт восприятия. Но размеры и степень таких воспоминаний могут быть далеко неодинаковы у разных людей. Иной раз, воспоминаний так мало, что впечатление остается почти одиноким и падает на дно души, чтобы там утонуть навеки или, по крайней мере, на долгий срок. В другой раз воспоминаний больше, но воспоминания

эти так рыхло связаны между собой, что субъект подчас даже удивляется, почему вспомнилась такая-то и такая-то вещь или факт. Не таков был ум Пушкина. У него всякое упавшее в душу впечатление вызывало такую массу воспоминаний, как почти ни у кого из известных писателей, и в этом отношении Пушкин, вероятно, превосходит даже Шекспира, который остается недосягаемым гением другими сторонами своего великого духа. Если мы представим себе мыслительный орган человека, как некий водоем (идея американского психолога Джемса), в который брошен камешек, то вызванные этим волны будут изображать процесс воспоминаний. После некоторого движения волны обыкновенно стихают, постепенно становясь шире, дальше и слабее. Пушкин обладал психическим океаном, составленным из такой чуткой, эфирной, подвижной массы, что брошенное впечатление волновало у него всю эту неизмеримую массу ума вширь, вглубь, вдаль, вызывая неисчислимое количество умственных образов к услугам его творческого духа. В качестве воспоминаний всплывали не только образы мысли, но образы чувства и горы волевых усилий. По самому незначительному поводу весь необъятный океан Пушкинской души приходил в движение, начиная от вершин психизма и до нижних слоев и самых глубин. Все оживлялось и приносилось в лабораторию творческо-мыслительной работы. Мыслительные волны в душе Пушкина каждый раз распространяются далеко, не ослабевая и не погасая на пути. Оттого все воспоминания у него всегда сочны, эффектны и дышат поражающей свежестью и новизной. Довольно прочесть первые тридцать строк Руслана и Людмилы, чтобы убедиться в ясности, блеске и простоте потока мысленных образцов поэта и в свободе, с которой отдельные образы идут один за другим… как будто мозг поэта какой-то идеальный аппарат, в котором незаметны усилия, нет задержек, нет трений и работного напряжения. При таких условиях подбор рифм не затруднен и натяжек не видно. Поэт не только передает то, что стоит впереди по ходу его мысли, но и то, что по сторонам или где-нибудь вдалеке. Оттого течение мыслей у него хотя и вполне естественно, но всякий раз неожиданно и потому поражает всякого, кто читает его стихи, его прозу, его письма или записки. Приведем несколько примеров.

Поэту необходимо напомнить своему другу-должнику о долге. Для этого он нежно и ласково берет, так сказать, своего должника за руку и уводит его далеко от всех денежных обстоятельств и перспектив, но затем вдруг по запутанным и тонким, но кратким

дорожкам приводит его к требуемой цели со всею убийственной естественностью логического пути. При этом кудесник-поэт проводит всю сцену так, что должник ни о чем не догадывается, и в конце всего ему остается только рассмеяться и платить. Вот коротенькое напоминательное письмо поэта:

«Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому,
Судьба моя сходна с твоей судьбою —
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые вы мне должны, возвратить не мне, а г. Назимову, чем очень обяжете преданного вам душою А. Пушкина».

В таких случаях, искусства, хитрости, фокус-покусов вовсе нет. Поэт только придумывает, вернее, находит, в неистощимой кладовой своей памяти действительный образчик, редкостную, правда, но действительную модель хода событий и идет по этому пути, ведя за собою собеседника, или читателя.

«Воля твоя, ты несносен, — пишет он Плетневу (11/4 1831 г.), — ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. (Дельвиг женился — погиб по холостяцкому иносказанию поэта.) Если же ты жив, ради Бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к вам, остановиться ли в Царском Селе или мимо сказать», и т. д.

При богатстве и изобилии воспоминательных образов поэту, — когда он мыслит, — остается выбирать, что ему необходимо, отметая все слабейшее или все стоящее сбоку от прямого пути, и обыкновенный человек так и поступает, и оттого в процессе мышления обыкновенный человек по временам замедляется, делая умственную сортировку (как это было свойственно И. С. Тургеневу). Но у Пушкина нет слабейших элементов мысли, и все стоящее сбоку и вдали так же для него сильно и ярко, как и центральное. Он, поэтому, как ребенок, несет все из своей души, умея все без остатка захватить и ловко разместить в своем многоценном ручном багаже. Поэт отвечает Вяземскому на его письмо:

«Ты приказывал, моя радость, прислать себе стихов для какого-то альманаха (черт его побери). Вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть; избираю невиннейшие». Очевидно, что для милого дружка и сережку с ушка. Поэт радостно исполняет просьбу, но все-таки, атом неудовольствия где-то шевельнулся в его душе, и поэт выругался, обративши это в сторону альманаха. Не путем вычеркивания и обрезки укорачивает свою мысль художник мысли, а посредством ловкого и искусного совмещения, — умелым переполнением, а не сокращением. Получается несказанная полнота души, и читатель научается мыслить гораздо шире, чем это кажется возможным, ловко размещая, подобно поэту, свой умственный багаж, как делают на корабле; по-видимому, в узелке или чемоданчике немного, — ан, тут все, что нужно. В этом отношении Пушкин — удивительная психическая модель. При своем недосягаемом искусстве вмещать и размещать, поэт смело берет в руки такие громоздкие и опасные объекты мысли, чувства и воли, что порою, кажется, вот-вот заденет, ушибет, толкнет, увязнет — и не бывало: он легко и свободно идет, никого не задевая, а, наоборот, всех удивляя своим искусством. Вот пример: «Друг мой, барон, — пишет он Дельвигу, — я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим гименеем. Черт побери вашу свадьбу, Свадьбу вашу черт побери!

Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе, но так и быть: апостол Павел говорит в одном своем послании, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и в огонь вечный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессе Дельвиг». Поэт смело начинает приведенное письмо признанием факта, что его друзья ему изменяют, разделяя любовь к нему с любовью к своим женам. Поэт как будто сжигает корабли, ибо во всеуслышание говорит, что такие поступки его огорчают, и начинает ругаться по адресу женитьб своих друзей, вообще не думая о том, что подумают их жены. Такую поэтическую дерзость, такой мысленный набег поэт потому допускает, что он хотя и испытывает некоторое огорчение от дружеской измены, но в то же время он полон дружеского счастья и радости, только это последнее чувство он деликатно скрывает, перед новым выступающим другом, прячась для этого за нежную дымку цитаты из послания апостола. Получается

беподобная полная гамма психических актов, предъявляемая в дружеском письме в соединении с редкой стыдливой сдержанностью, заставляющей поэта откланяться, стушеваться, уйти от интимного общества новобрачных, сердечно поздравляя их и порадовавшись на них подобно няне, которая ворчит и ссорится на словах, выражая на деле бесконечную любовь своему баловню. В своем искусстве, поэт точно забавляется, играя сразу целой серией шаров и букетов, составляемых из чувств и мыслей, которые он ловит перед наблюдателем, желая нежно поласкать его взор и порадовать его сердце роем летающих фигур, из-за которых не виден фокусник-психолог-поэт.

Такую психологически-художественную печать носит следующее письмо к Вяземскому: «Ангел мой Вяземский, или пряник мой Вяземский, получил я письмо твоей жены и твою приписку. Обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду. Какой! Меня доезжают… Изъясню после… Отовсюду получил письма и всюду отвечаю. Adieu, couple si etourdie en apparance. Прощай, князь Вертопрах и княгиня Вертопрахина. Прощай, князь Вертопрах, кланяйся княгине Ветроне. Ты видишь, у меня уже недостает и собственной простоты для переписки».

В приведенном сейчас письме сказывается теплая дружеская близость и охота нежно позабавить себя и других. А в нижеследующем письме сквозит тоже нежность и ласка, но общий фон настроения поэта иной, в виду возраста лица, к которому обращаются. Вызываемая этой разницей нравственная постановка отношений иная. Всецело господствующее здесь основное чувство — благоговение. Он кладет свою нежную печать на такую же свободную игру мыслями, при посредстве которых поэту желается дать утеху себе в своих бедах и порадовать своего собеседника. «Теперь уже вы, вероятно, в Твери,— пишет Пушкин Осиповой.— Желаю вам проводить время весело, но не настолько, однако, чтобы совсем забыть Тригорское, где после грусти о разлуке с вами, мы начинаем уже поджидать вас…» «Петербургу,— продолжает поэт,— я предпочитаю ваш прекрасный сад и красивый берег Сороти, вы видите, что у меня вкус еще поэтический, несмотря на северную прозу моего настоящего существования. Правда, что мудрено писать вам и не быть поэтом».

В тех случаях, когда поэт находился в полосе неудовольствия или

оскорбленного чувства, он становился неподражаемо язвителен и саркастичен. Так, например, известна классическая сцена его разговора с шефом жандармов Бенкендорфом по поводу его язвительных стихов на «Выздоровление Лукулла» — сцена, которая повергла Бенкендорфа в умоисступительное удивление и которая с классической простотой и объективностью описана самим поэтом. Поэт одержал блестящую психическую победу над шефом жандармов и над своим врагом, министром-жалобщиком, поставив обоих в дураки, и закончил сцену блестящим логическим фейерверком: «так и доложите Государю Императору». Такой же характер имеет кратенькая сатирическая заметка о людях. «Вы очень меня обяжете, — пишет он Ф. В. Булгарину, — если поместите в своих «Листках» здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в Полярной Звезде, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи — не люди. Свидетельствую вам почтение».

Во всех приведенных отрывках ярко выступает особенность натуры поэта, состоящая в необыкновенной сложности психических переживаний, на которые он способен. В его душе многие элементарные или даже сложные состояния комбинировались еще и еще раз, давая недосягаемые психические пирамиды, недоступные обыкновенному смертному. Все это совершалось с феерическою легкостью, которая даже вводила в соблазн критиков и между ними Писарева. В Пушкине усматривали великого эстета слова, блестящего представителя изящной, плавной, легкой, свободной, мастерской речи. Наивно думали, что речь идет о блеске и достоинствах формы, а не о богатстве и полноте содержания. В великом человеке не усматривали, или, по крайней мере, не оценивали возвышенной художественной постройки психического органа, которая, сама по себе, делала Пушкина беспримерным, по художественности, правильности и полноте, произведением природы. Шуткой, веселостью, острословием поэт маскировал свои неизмеримые психические достоинства и свой высокохудожественный нравственный облик, руководясь в этом инстинктивными и культурными постулатами — не показывать своего полного душевного роста, а казаться ниже и короче. Даже там, где необходимо было постоять, быть тверже и определеннее, он находит необходимым, по требованию своей натуры, оговориться, отшутиться. Например, давая инструкцию относительно печатания книги и литературной работы, он говорит: «Брат Лев! не серди журналистов!

Дурная привычка! Брат Плетнев, не пиши добрых критик! будь зубаст и бойся приторности. Простите, дети! Я пьян». Таким образом Пушкин не просто великий мастер слова, каким его себе обыкновенно представляют, а величайший мастер духа. На этом инструменте он так играл, как никто. Не одна только у него речь художественна, художествен у него весь душевный состав и склад. Он не только красиво говорит и пишет, он чрезвычайно широко и полно чувствует, ярко и отчетливо мыслит, силен своею волей; и все эти отдельные стороны его душевного склада необыкновенно гармонически между собою согласованы, давая тем иллюзию какой-то естественной легкости и свободности или отсутствия усилий. При том он художественно обработал и усовершенствовал эти природные дары своей души. В великие моменты жизни эта последняя особенность его ярко выступала.

Таким образом, Пушкин-поэт и Пушкин-человек равноценны и равнозначны. Избранная профессия литературной поэзии осветила гениальную индивидуальность поэта с художественно-литературной стороны, оставив в меньшем свете или в тени его личность с психологической стороны. В этом отношении существует крупный пробел в изучении Пушкина. Его индивидуальность достойна глубокого анализа, как самое редкостное биологическое явление. Исследование Пушкина, только как поэта и писателя, суживало бы рамки: необходимы Пушкинские общества по образцу Шекспировских. Поэт не был охранен от ранней физической смерти, долг общества осветить полным светом его нравственный облик и сохранить его память. Эта память живет в наше памяти, но такое хранилище эфемерно и должно быть заменено более объективными Пушкинскими психохранилищами. И. Е. Репин положил тому начало своей последней картиной-созданием: «Пушкин на экзамене».

Достиг ли Пушкин, как поэт и писатель, своего творческого и литературного апогея?

Пушкин умер насильственной смертью раньше своего естественного конца. Его талант еще продолжал свой рост и развитие, как пришла нежданная смерть.

Подобно Лермонтову и Гоголю, Пушкин умер рано, и в этом нельзя видеть простую случайность. Можно сказать с Пушкина и начались или, вернее, в это время сказались те нездоровые условия, которые благоприятствовали гибели великих людей нашего отечества. Условия эти лежали, главным образом, в неподготовленности общества. Пушкин болезненно чувствовал губительную силу этих

условий, он их с ясностью формулировал, но — как один в поле не воин — не мог их одолеть. Кратко можно сказать, что общество не оберегало своих великих людей, не окружило их благоговением и почетом, не выделяло в их пользу некоторой доли из своего собственного самосохранения. Правда, даже и в своем младенчестве, русская общественность ясно видела носителей искры Божией, а Пушкина даже любила и жадно читала, но, в то же время, совершителей великого подвига и власть имущие, и публика трактовали как обыкновенных людей, подобно ребенку, который одинаково тормошит своих кукол и грошовых, и ценных. Культурного понимания талантов не было. Того ореола, которым, впоследствии, окружен был Толстой, у Пушкина не было. На это жаловался и Пушкин и Лермонтов. Еще Пушкина оберегал и поддерживал кружок из школьных и литературных друзей, которых он пленял своей отзывчивой художественной душой, созданной для поэзии и дружбы. Но этого было мало, потому что это не гарантировало поэта от некоторой части общества, полной тлетворного духа.

Перечисление и описание обстановки и условий жизни поэта лучше всего разъясняет эти условия, особенно, если руководиться оценкой, сделанной самим поэтом.

Особенно много говорил Пушкин о женитьбе, о семейной жизни вообще, об ее значении в деле исполнения человеком долга своего призвания. Многое из того, о чем говорит Пушкин, было известно великим людям по опыту или по догадкам. Некоторые из них, особенно ученные, например, Ньютон, оставались безбрачными по принципу, оценивая тяжесть и трудность семейного долга, который, как им казалось, ляжет как налог, на долг, уже наложенный на них от природы самой профессией великого человека. Пушкин тонко оценивал это возможно столкновение двух видов долга. Уже очень молодым (на 25-м году своей жизни) он смотрит на женитьбу, как на какой-то недостаток. В письме к своему брату поэт говорит: «Всеволожский со мной шутит: я ему должен 1000, а не 500 рублей; переговори с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек, хотя и женится». В этом, вскользь высказанном, но, очевидно, окрепшем мнении поэта о женитьбе и во всем складе и содержании письма ясно слышится нечто, в роде не то недоумения, не то тревоги: «что этот большой ребенок, Всеволожский, делает! о 500 рублях забывает, а жениться собирается». По-видимому, здесь дело идет не об одних только материальных расчетах, связанных с семейной жизнью. Около того же времени (несколько позже), в письме к

Вяземскому, снова срывается с уст поэта словцо о женитьбе, тут ясна уже более глубокая оценка. Поэт говорит: «Правда ли, что Барятинский женится? Боюсь за его ум. Законная жена — род теплой шапки. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если бы лет и еще десять был холостой. Брак холодит душу. Прощай и пиши». Начало этого письма очень интересно; им как бы комментируется конец, хотя, видимо, это начало служит ответом на какое-либо известие. В начале приведенного письма поэт говорит: «Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее: не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? Ни ты, ни я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего».

Для разъяснения взглядов поэта на теоретическую и практическую сторону семейного начала очень много дает письмо к Плетневу (1830 г.). «Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже тридцати лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены: свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем, я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения; словом, если я не несчастлив, то по крайней мере не счастлив. Осень подходит, это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крепнет, пора моих литературных трудов настает, а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда. Все это не очень приятно. Еду в деревню; Бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского». «Так-то, душа моя, — заканчивает он письмо. — От добра добра не ищут. Черт меня надоумил бредить о счастии, как будто я для него создан. Довольно было мне довольствоваться независимостью, которою обязан был я Богу и тебе. Грустно, душа моя. Обнимаю тебя и целую наших». Через два месяца он пишет тому же Плетневу: «Невеста и перестала мне писать… Каково! то есть, душа Плетнев, хоть я и не из иных прочих, так сказать, — но до того доходит, хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная: и дождь, и снег, и по колено грязь» (т. е. любимые поэтом условия домоседной творческой работы. — С-кий).

Все это было началом тех семейных невзгод (ох! мелочи жизни!), которые вообще неразлучны с семейным бытом. На великого человека эта сторона семейной тяготы не должна быть взваливаема, он ее не

вынесет по причине психического приспособления только к высотам великого призвания: эти высоты не позволяют всякую минуту нырять вниз и погружаться в мелочи (для этого необходимо иное приспособление — там одна, здесь другая тренировка). Но как же быть гениям человечества?

Великому человеку и великому делу необходима особенная хранительная обстановка, сотканная из идей.

Есть женщины, которые становятся первыми прозелитами пророка или основателя религии; другие, забыв себя, провопят весь век в идейной командировке — у изголовья детской или зреющей души; иная всю жизнь остается у постели умирающих — сменяются умирающие — а она неотходя стоит бессменно на дежурстве у сокровища человеческой жизни. Тяжелая служба! Быть неотступным хранителем идейных ценностей, за работой не помнить себя, для идеи забыть весну и лето, день и ночь, и так гореть многие годы — это великая служба… А быть «женою великого человека» — это еще большая и еще более трудная служба: недаром такую службу описал Карлейль и поставил свое описание как надгробный памятник той, которая такую службу прослужила, не сойдя с поста, не выпустив ружья из рук. Такого часового Пушкин был лишен в самую трудную пору своей жизни. Другой няни, кроме Арины Родионовны, он никогда не имел, и этой единственной няне он воздвиг нерукотворный памятник:

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах
И медлят поминутно спицы,
В твоих наморщенных руках.

Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

Жена Карлейля, няня Пушкина и все эти никому неведомые идеалистки — ведь, это тоже великие люди. Это олицетворенная нравственная гениальность, которая нередко становится ангелом-хранителем для других видов гениальности (художественной, научной)!

Нравственно-великие женщины, незаметно вкраплены в состав человечества, но нередко, всю свою жизнь, остаются незамеченными, подобно тому скромному солдату, который неожиданно для всех, в опасные минуты боя, геройски идет впереди, увлекая своим примером товарищей. Раньше никто его не замечал! Незаметную Арину Родионовну великий поэт заметил и поторопился воздвигнуть ей художественный памятник, еще при жизни. Карлейль, сейчас после смерти своей няни-жены, поставил ей такой же памятник. И всем этим безвестным идеалисткам — этим самоцветным камням, которые начинают ярко светиться, как только гаснет последняя искра их утлой жизни — им также, по примеру поэта, должно торопиться ставить памятники, чтобы человечество не преминуло заметить их в своей среде. Живи Пушкин в Михайловском, под сенью Арины Родионовны или в Тригорском, Россия не имела бы несчастья оплакивать его раннюю смерть.

Пушкин вкусил горькую дозу семейных и житейских мелочей. Денежные дела и счета, оплата чужих или нелепых расходов, сплетни, жизнь среди шума и гама человеческой пошлости — все это утомляло поэта и лишало его того спокойствия и досуга, какой необходим для творчества. А, между тем, поэту нельзя жить без творческого напряжения, как монаху — без молитвы, а студенту — без научной лихорадки. Но вся эта обстановка, которой поэт боялся и в которую вдруг утонул, делала конечную катастрофу почти неизбежной: он получил смертельную рану раньше, чем состоялась роковая дуэль на Черной речке Петербурга. (Она — черная по истине, как черным был и Петербург для поэта!) И как рвалась его душа в провинцию! Кружок друзей, которые были близки поэту и подкрепляли его, уменьшался, и поэт тяжело чувствовал и переживал смерть друзей. В обществе — в его широких кругах было мало светлого. «Наша общественная жизнь, — говорит поэт, — весьма печальна; отсутствие общественного мнения, равнодушие ко всякому долгу, циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние». Вопреки тем, которые локализировали причину общественных бед только в представителях власти, поэт смотрел на дело глубже: он видел зло в самом обществе. «На того, — говорит он

в письме к жене, — я перестал сердиться, потому что, toute reflexion faite, он не виноват в свинстве, его окружающем. А живя в н…, поневоле привыкнешь к…, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух!»

Чистого воздуха в «милых пределах» было мало, и великому человеку поневоле приходилось жить в нездоровой атмосфере в самую важнейшую пору своего духовного существования. Ему бы необходимо было бежать в лес, затвориться, как делали святые, уйти в пустыню, подобно отцам церкви, которые в этой обстановке писали свои лучшие произведения. Об этом и думал поэт. В том величайшем художественном перевороте, который в нем зрел, это было условием sine qua non. Поэт понимал это с полной ясностью, и его симпатии остановились на родной глухой провинции с ее симпатичными сердечными простыми друзьями. Вот, что он пишет, весною 1828 г. к Осиповой, когда только что начала показываться заря нового (последнего) художественного периода его жизни 1827 г. «Так как вы еще удостаиваете меня вашим участием, то что же мне сказать вам о моем пребывании в Москве и моем прибытии в Петербург? Пошлость и глупость наших обеих столиц одна и та же, хотя и в различном роде; и так как я имею претензию быть беспристрастным, то скажу, что если бы дали обе на выбор, то я выбрал бы Тригорское, почти так же, как Арлекин, который на вопрос, предпочитает ли он быть колесован или повешен, отвечал: я предпочитаю молочный суп». Трудно сделать более тонкое определение того, что действительно было нужно поэту по нравственным требованиям переживаемого психологического момента: поэту был необходим покой и независимость, — природа, но не люди.

Здесь выступает один встречный вопрос, требующий ответа: неужели у Пушкина не хватило сил разорвать цепи, вырваться из гнусной атмосферы, уйти навсегда от того, что он сам же называл, совершенно правильно, пошлостью, глупостью, свинством. В этом отношении поэт и сделал самые решительные шаги. Множество его стихотворений (даже больше, чем у Лермонтова) посвящены тончайшему, мучительному сознанию ошибок и прегрешений, которые он совершил в отношении охраны своего художественного дарования. В элегиях поэта, в этих ярких и глубоких, горячих и искренних порывах, которым нельзя дать другого психологического имени, как: слезы, раскаянье, как и сам поэт их называет, все главное сказано. Элегии: «Желание», «Наслаждение», «Опять я ваш, о юные друзья», «Погасло дневное светило» и др. являются яркими светочами

состояния духа поэта и показывают с полной очевидностью, что поэт имел достаточные силы, чтобы поддержать и защитить себя от самого себя, исполнить первый высший долг великого человека — долг художественного самосохранения.

Современники поэта одно время говорили о понижении его таланта, и это очень тревожило поэта. Но, без сомнения, такое суждение не верно. Сам поэт, лучший и строжайший судья в этом деле, хотя жалуется в письме к жене на хандру и вялую работу («многое начал, но ни к чему нет охоты»), но говорит об этом в конце концов в таких шутливых терминах, что бесспорно ничего серьезного не случилось. «Бог знает, что со мною делается. Старам стала и умом плохам», — говорит он, применяясь к говору поволжских татар, среди которых жил тогда. «Приеду оживиться твоей молодостью, мой ангел». Без всякого сомнения, упадка таланта не было, но некоторая задержка в проявлении фактов и событий художественной работы была. Но это и должно было случиться неминуемо. Поэтому предстояло перейти в тот высший возраст художественной зрелости, который у Шекспира ознаменовался созданием его величайших драм. Предшествующие шаги уже были пройдены Пушкиным. Предстоял этот последний период, который требует той колоссальной художественной и психологической опытности, какая не дается готовой от природы, но приобретается художественной работой даже и у гениальных людей. Прежних отдельных этюдов для Пушкина уже стало недостаточно, готовились и зрели в поэтическом безмолвии заключительные аккорды художественного подвига.

У Шекспира зрелые, обширные творческие создания произошли не без особого толчка и не без особенной подготовки. Капитальной подготовкой для Шекспира послужила вся предшествующая художественная и сценическая деятельность. Но к этому еще присоединился сильнейший мотив личного характера, состоявший в глубоком эмотивном потрясении, вызванном казнями его друзей. Творческая работа великого человека, уже доведенная упражнением до высокого потенциала, получила эмотивное усиление. Такие условия лежали в основе того творческого подъема сил, с каким созданы великие трагедии Шекспира. Потрясенный казнями друзей, Шекспир испытывает глубочайшую эмоцию, и его пытливый дух направляется на художественное исследование причин и проявлений зла в душе человека. Великие трагедии были ответом на запрос собственного духа.

Пушкин жил и работал среди иных констелляций, которые, в

общем, были неблагоприятны для дальнейшего естественного развития художественной гениальности. У Шекспира была сильная эмоция потрясающе-возбуждающего характера, и она подвинула поэта на борьбу с мировым злом — на решение загадки о причине и происхождении преступлений. Пушкину жизненная судьба преподнесла неисчислимое количество мелких, ничтожных помех, которые действуют даже на душу недюжинного человека, как мелкий песок, засыпанный в шестерню движущегося механизма машины. Но к мелочам великий человек не был приспособлен ни рождением, ни своей художественной практикой: он был приспособлен к великому. Мелочи задерживали или приостанавливали работу. Это обстоятельство и было предметом многих горьких жалоб поэта. Помехи увеличились и усилились особенно в то время, когда, по естественному ходу психологического прогресса жизни, для поэта приближалась пора великих драматических созданий. Вдруг, на этой точке пути, — на великом повороте нежданно пресеклась великая жизнь! Судя по некоторым драматическим произведениям и отрывкам, поэт в своей душе носил все необходимые элементы дальнейшего творческого прогресса.

Особенно возросло беспокойство и тревожность поэта в последние два года его жизни. Объяснить это сплетнями, семейными дрязгами и прочими невзгодами сполна невозможно. Великие люди умеют стать выше этого, и поэт стал выше, и это он выразил в своей фразе: «на того я перестал сердиться…», относя эту фразу к главе государства. (Фраза приведена выше.) Эмотивность, тревожность и скорбь поэта была спутником и внешним знаком начинавшегося художественного поворота в сторону высшего творчества. Это была та эмоция, та скорбь, которая, по выражению Ренана, влечет за собою великие последствия. Это было то «святое беспокойство», которое предшествует взрыву творчества. Поэт переживал заканчивавшийся процесс духовной эволюции, с тем тихим успокоением, почти умилением, и с тою твердой решимостью, какою запечатлены все его новые художественные шаги. Следующее стихотворение иллюстрирует это состояние души:

К жене

Пора, мой друг, пора!
Покоя сердце просит,
Летят за днями дни,

И каждый день уносит

Частицу бытия.
А мы с тобой вдвоем
Располагаем жить.
И глядь — все прах: умрем,

На свете счастья нет, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег…

(1836 год)

Жизнь великого поэта внезапно оборвалась в самую важную минуту его духовного существования! Торжественная тайна смерти наступила внезапно. Врата вечности вдруг широко открылись! Поэт не замедлил… Он спокойно обратился в ту сторону и бестрепетно посмотрел во все глаза! Величие его смерти подчеркнуло его великую натуру больше, чем вся его жизнь, бедная счастием, но богатая подвигом.

Привезенный с дуэли раненым домой, он обратился наедине к д-ру Шольцу с вопросом: «что вы думаете о моем положении? Скажите откровенно».

— *Не могу от вас скрыть,* — *сказал доктор,* — *вы в опасности.*

— *Скажите лучше: умираю.*

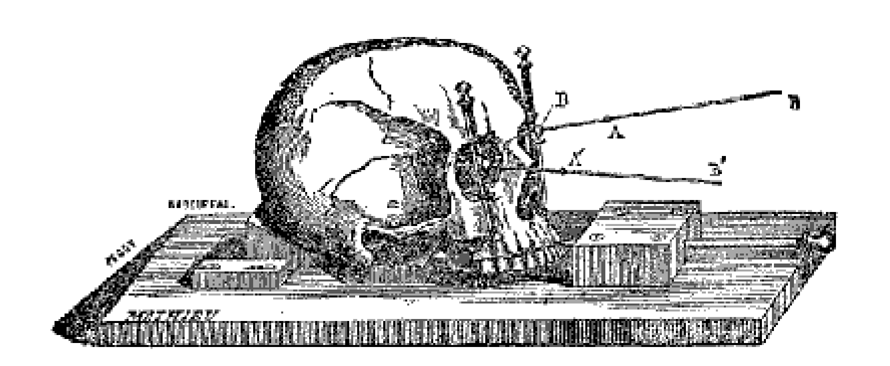
— *Считаю долгом не скрыть и того.*

— *Благодарю вас, вы поступили со мною, как честный человек.*

С этой минуты и до последнего вздоха поэт не думал о себе, хотя его страдания были невыразимо тяжки… Сорок пять часов прошли в муках и ожидании конца жизни.

Жуковский, не отходивший от умирающего, пишет его отцу: «Уверяю тебя, что никогда на его лице не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде, будучи свойственна его высокой природе; но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось в нем с прикосновением смерти».

«Таков был конец нашего Пушкина», — говорил Жуковский.

И. А. Сикорский

Экспертиза по делу об убийстве Андрюши Ющинского

С портретом автора.

Чистая прибыль от продажи настоящего издания предназначается на увековечение памяти Андрюши Ющинского.

I

Мнение профессора Сикорского о ритуальном убийстве А. Ющинского, совершенном 12-го марта 1911 г. в Киеве в усадьбе, принадлежащей *** хирургической больнице, находящейся в заведовании купца Марка Иойновича Зайцева, согласно вердикту присяжных, произнесенному 28-го октября 1913 года

Убийство Ющинского, вероятно, произошло при таких обстоятельствах. Когда Ющинский был втащен или втолкнут в нежилое помещение (место убийств) в означенной усадьбе, где, уже собравшись, его ждали убийцы, он внезапно был окружен заговорщиками и схвачен за руки двумя лицами (отчего и не могло быть борьбы), третий же соучастник, стоя лицом к лицу, нанес ему колющим (колюще-режущим) орудием несколько ударов в голову через шапку, бывшую на голове. Ющинский сразу был ошеломлен, повергнут в состояние ужаса, и утратил силу сопротивления. Он еще держался на ногах, склонившись несколько влево, судя по тому, что первые потеки крови с головы, наполнившие шапку и окровавившие бывшие на нем курточку и рубаху, указывают направление течения сверху вниз и несколько влево. В ужасе и бессилии Ющинский почти не мог сопротивляться: с него сняли курточку, отвернули ворот рубахи, открыли шею справа и приступили к нанесению ран для получения крови из шейных кровеносных жил. С этой целью было произведено несколько вколов в ткани шеи, которыми поранены как вены, так и одна маленькая артерия, давшая глубокое внутреннее кровотечение по тканям почти до грудобрюшной преграды, — знак, что Ющинский стоял, вероятно, поддерживаемый убийцами. Работа сердца в это время еще была полной, судя по ясным прижизненным реакциям в пораненных сосудах и тканях. Однако же, потеков крови от шеи по телу не видно — знак, что с этого момента кровь уже была собираема, но не лилась наземь, иначе она оставила бы на теле, на своем пути, следы.

В этот же промежуток, т. е. в непосредственной смежности по времени, произведена была убийцами загадочная, вероятно только символического значения, процедура, состоявшая в нанесении тринадцати небольших неглубоких вколов в правый висок, поранивших кожу и отчасти подлежащие части. Вколы исполнены тщательно, уверенною, спокойною рукою и расположены с известною

правильностью. По поводу этих вколов возникла оживленная полемика на суде между обвинением и защитой: обвинение (и его эксперты) насчитывали 13 вколов, защита считала 14. Вколы не имеют ни убойного, ни даже кровоисточительного значения, так как слишком малы и могли дать в общей сложности едва ли больше чайной ложечки крови, но число их — 13, по мнению богословской экспертизы, имеет чисто ритуальное значение в *** догматике. Судя по тому, что множественность мелких вколов упоминается в описании тех случаев детских убийств, где не было совершено над жертвою обряда *** ритуального обрезания, 13 вколов и обряд обрезания представляют собою только ритуальные акты, но ни к убийству, ни к добыче крови прямого отношения не имеют.

Как сказано выше, вколы на виске и вскрытие шейных вен — акты, смежные по времени, исполнены при полной силе сердца и кровообращения, но по топографическим удобствам (двигаясь сверху вниз), а может быть и по требованиям ритуала, вколы на виске предшествовали вскрытию вен на шее. Операция на шее требовала более энергического удерживания головы Ющинского, который неминуемо стремился по инстинкту склонить голову для самозащиты.

Во время вколов в висок и вскрытия вен на шее положение убийц и число их было такое: двое держали Ющинского за руки (руки не были связаны), третий удерживал за голову. Положение рук третьего было такое: стоя сзади, он держал левую руку на темени Ющинского, достигая пальцами лба (есть следы ногтей на лбу), правая рука его шла ко рту Ющинского и могла зажимать рот (есть отпечатки зубов во рту Ющинского от нажима на щеку). Такое положение рук третьего было удобным для процедуры вколов, оставляя висок открытым; при вскрытии же жил на шее третьему сподручнее было держать свои руки по бокам головы Ющинского, прижимая ее к себе, — чем, возможно, было достигнуть лучшего фиксирования головы в момент операции вскрытия вен. При описанном удерживании Ющинского тремя — четвертый соучастник (главный) мог удобно для него исполнить как операцию вколов на виске, так и вскрытие жил на шее.

После описанных сейчас двух важнейших для ритуального убийства операций (на виске и шее) наступил как бы свободный от действия промежуток в 10–20 минут, в течение которого кровообращение, бывшее в начале полным, сильно ослабело и упало. В этот промежуток кровь была, очевидно, перехватываема на шее и собираема, ибо потеря ее из организма бесспорна до наглядности,

между тем следов крови и потеков не осталось на теле Ющинского. В это время могло наступить у Ющинского полное изнеможение и обморок. Убийцы старались, вероятно, уколами возбудить сознание, а еще вероятнее, они стремились убедиться, посредством многих глубоких пробных вколов в спину, живот, печень, грудь и голову (позднейшая серия ранений), что крови уже вытекает отовсюду мало. Убийцы могли усмотреть в этом приближение смерти и тогда поторопились предупредить этот естественный конец нанесением смертельных ударов в сердце. Во всем этом совершенно очевидно и желание добыть всю возможную кровь при жизни, и стремление причинить смерть еще живому, хотя и крайне обессиленному, человеку, т. е. убить жертву, не допустив ее умереть. Эта бдительная забота о том, чтобы убить человека, не дав ему умереть, составляет, наравне с кровоизвлечением, один из самых бесспорных признаков ритуального убийства.

Естественно различить шесть периодов в процессе убийства Ющинского:

- ошеломляющие кровавые удары в голову при полной силе сердца;
- нанесение тринадцати ритуальных знаков в висок при полной силе сердца;
- вскрытие вен на шее также при полной силе сердца и кровообращения;
- истечение и собирание крови — при постепенном падении силы сердца;
- пробные вколы в разные части тела при слабой работе сердца и
- умерщвление Ющинского ударами в сердце по всецелом использовании его для целей ритуала.

Судорожные сокращения укалываемого и прободаемого сердца (шесть ран сердца, — одна сквозная) чувствовались рукою убийцы через инструмент и послужили для него верным знаком того, что жертва убита, а не умерла, и что даже последние капли крови добыты из живого человека, а не взяты от свежего трупа, обстоятельство капитальной важности для ритуальных убийц.

В центре всего акта убийства Ющинского стоят пункты 2-й, 3-й и 4-й. Изложенное в первом пункте есть только приступ к делу, а в пятом и шестом — заключение и окончание дела. Все исполнено на Ющинском очевиднее, чем на многих исторических примерах ритуальных убийств. Убийство Ющинского является, таким образом, одним из самых бесспорных случаев ритуального изуверства.

Приемом или способом для собирания крови у Ющинского (пункт четвертый) вероятнее всего было прикладывание к кровоточащим ранам небольших кусочков холста или марли для пропитывания их кровью с немедленным просушиванием их, — чем и заканчивалась вся ритуальная операция. Источение же крови в буквальном смысле могло не быть, — было бы собирание струящейся и сочащейся крови, это соответствует историческим примерам и свидетельствам. Для собирания крови могли понадобиться пятый и шестой соучастники или четвертый, пятый и шестой, если четвертый (главный) мог считать себя уже свободным от общего наблюдения за ходом дела.

С потерей значительного количества крови Ющинский без сомнения впал в обморок и мало испытывал страданий, до того же времени оставался в сознании и страдал.

II

Психологическое и психиатрическое мнение профессора И. Сикорского по делу об убийстве Андрея Ющинского (в историческом освещении).

А. Особый характер убийства Ющинского

Убийство Андрея Ющинского отличается от обыкновенных убийств, но чрезвычайно сходно с теми более редкими злодеяниями, которые известны уже с отдаленных времен и которые были неоднократно наблюдаемы во всех даже культурных странах. Это своеобразные убийства детей посредством истечения крови при жизни.

Кроме своего главного признака — обескровливания, убийства детей характеризуются еще и некоторыми второстепенными признаками, которые почти столь же существенны, как и главный, особенно потому, что ими исключается всякая идея о случайности убийства и устанавливается факт определенной преднамеренности. Эти признаки касаются следующих обстоятельств:

- отсутствие со стороны жертвы поводов к нападению;
- возраста убиваемых детей;
- способа совершения кровавой операции;
- числа убийц;
- судьбы тела убитого ребенка;
- времени года и
- единообразия процедуры злодеяния.

Исчисленные семь пунктов требуют некоторых пояснений.

По первому пункту можно сказать, что, как видно из Саратовского процесса, мальчик Канин назвал своего соблазнителя сманивателем. Сманиватель, бродя по улице, старался завлекать случайно встречаемых на улице детей обманными обещаниями.

По второму пункту — касательно возраста детей — выяснено, что жертвами обыкновенно избираются мальчики младшего, а еще чаще старшего возраста, т. е. от 6 до 13 лет. Младшие дети насильно похищаются, а старшие сманиваются и завлекаются в засаду.

По третьему пункту — касательно способа убийства —

наблюдается, особенно в последние столетия, что жертве наносится известное количество кровоточащих, глубоко проникающих вколов в разные части тела и, кроме того, наблюдается порез венных сосудов, преимущественно в области шеи. Оба приема дают медленное, но более или менее обильное истечение крови. Число уколов различно; иногда оно равно кратному от семи, т. е. 14-ти, 28-ми и т. д., до 49-ти.

По четвертому пункту. Убийц всегда бывает несколько человек: один оперирует (режет), другие поддерживают жертву, зажимают рот… По Саратовскому делу выяснено, что было шесть участников убийства. В убийстве Ющинского участвовало, вероятно, не меньше этого числа, потому что Ющинский был обескровливаем, по-видимому, в стоячем положении и ему также зажимали рот.

По пятому пункту. Труп убитого, бледный и обескровленный, уносится с места убийства и оставляется не в далеком расстоянии покинутым, но не зарытым в землю, и без каких-либо других повреждений, кроме тех, какие были надобны убийцам для получения крови; иногда убийцами оставляются при трупе какие-либо вещественные знаки, облегчающие опознание личности убитого (у Ющинского — классные тетради).

По шестому пункту весьма существенно заметить, что убийства не распределяются безразлично и равномерно в течение года, но приурочены к весеннему времени, — марту, апрелю (всего чаще).

По седьмому пункту. Убийство детей и добыча крови производятся с таким заметным единообразием в разных местностях и странах, что наблюдателям невольно приходила мысль о том, что злодеяние совершается по какому-либо предписанию или инструкции или же на основании живой традиции, то есть убийца раньше уже убивал или присутствовал при убийстве.

Об убийстве Ющинского можно сказать, что оно сосредоточивает в себе многие признаки, содержащиеся раздельно в других случаях детских убийств, и может быть названо как бы моделью для такого рода злодеяний. Оттого осмотр препаратов вскрытия Ющинского производит впечатление потрясающей реальности. Тому, кто не верит факту таких убийств, или сомневается, достаточно взглянуть на свет в череп Ющинского. Очевидность здесь поражает чувства. Это не миф средних веков, это страшная действительность XX столетия.

Б. Кто совершает убийства детей?

Можно с положительностью сказать, что убийства с источением крови совершаются преступными и изуверными, однако же, вполне здоровыми в психическом отношении, людьми. Мысль, возникшая было в Киеве в первые дни после находки трупа Ющинского, — о том, будто убийство могло быть совершено душевнобольными Кирилловской больницы, такая мысль не выдерживает критики, потому что душевнобольные лишены свободного выхода за стены больницы. По если бы они даже как-нибудь воспользовались свободою, то самое объединение их для одного общего дела почти невозможно по различию у них бреда, стремлений и наклонностей.

Столь же безосновательно и беспочвенно предположение о том, что убийцами Ющинского могли быть субъекты с половыми извращениями и аномалиями и что эти аномалии послужили мотивом убийства, — вскрытие тела убитого мальчика не дает ни основания, ни поводов для таких предположений.

Хотя насилия, учиняемые половыми психопатами, и детские убийства типа Ющинского имеют нечто общее, а именно, пролитие крови и проявление жестокости, но они существенно различаются, как показывает сопоставление их, а именно:

(1) цель полового психопата видеть кровь и получить от того чувственное удовольствие и удовлетворение, но не убивать человека (убийство большею частью может быть случайным, выйти от нетвердости движений); цель детского убийцы — добыть кровь, собрать ее возможно больше и унести с собою, убив обескровленную жертву;

(2) половой психопат большею частью действует в одиночку, ибо ищет личного удовлетворения; детские убийцы действуют всегда в сообществе и для общей цели. Иногда и половые психопаты бывают также вместе, ходят стаями, подобно псам, но каждый из них занят своим делом и для себя, и

3) половой психопат — субъект безхарактерный, лишенный воли, дерзкий, капризный, но убийца детей тверд, решителен, спокоен (судя по твердости его руки, совершающей обескровливание и убийство).

Таким образом, оба вида насилия разнятся по существу, по своей цели и по своему концу. Можно с положительностью утверждать, что убийство Ющинского совершено не умалишенными, не дегенератами, не половыми психопатами, но людьми психически здоровыми, которые в своих действиях проявили расчет и холодность здравого ума.

В. Кто виновники убийств типа Ющинского?

Здесь представляются большие трудности для ответа по причине существующей всегда обширной и тонкой конспирации, которою обставлено убийство; обыкновенно находят убитого с указанными выше признаками, а убийцы не открываются. Однако же, весьма часто вслед за убийством выступает неведомая бдительная рука, которая направляет следователя на ложный путь. Так было и в деле Ющинского. Это указывает на тонкую обдуманность убийства и на сложную организацию сообщества убийц.

В разыскании виновников детских убийств следователями издавна придавалось значение трем фактам: а именно:

1) убийства исключительно совершаются над христианскими мальчиками и наблюдаются только там, где среди христиан живут ***, там же, где *** не живут, этих убийств не бывает;

2) не наблюдалось, чтобы *** мальчики становились жертвою таких убийств, и

3) над некоторыми из обреченных на жертву мальчиков было предварительно совершено обрезание по *** обряду (не по магометанскому, а именно по ***).

На основании этих фактов возникли подозрения и догадки, что убийства совершаются руками изуверов и фанатиков, выходящих из среды *** (такие догадки уже раньше были высказаны древними греками, которые утверждали, что *** убивают мальчиков тех народов, среди которых сами живут), и такие догадки, в отдельных случаях, были неоднократно подтверждены следствием и судом во все времена, вплоть до новейшего времени, даже в культурных странах. Другие же расы, кроме ***, не были судебно уличены. Отсюда собственно зародилось и окрепло вековое убеждение народов, что убийства детей совершаются повсюду руками *** изуверов. Сами ***, как раса, содействовали упрочению этого убеждения своим особенным отношением к делу правосудия, а именно — обнаруженным повсюду противодействием и помехами правосудию.

Помехи правосудию в руках *** выражаются трояко: вначале — наведением следователя на ложный путь с подделкою или уничтожением документов и вещественных доказательств, далее — подкупом преступных лиц из не*** к обманному принятию на себя вины убийства, как видим в Саратовском деле и других, и, наконец, неудержимой и неразборчивой агитацией в прессе и обществе с целью

помешать доведению дела до суда и вообще затруднить задачу правосудия от начала до конца. В такой деятельности всегда принимает участие не только местное, но и всемирное ***, что вытекает из религиозно-расовых воззрений ***, но не согласно с гражданским долгом уважения к суду.

На почве противодействия суду возникло во всех культурных странах разногласие и полемика между *** и не*** частями населения, состоящие в том, что не*** (христиане) утверждают действительность факта детских убийств, *** же часто отрицают самый факт, называя его мифом, а веру в него — средневековым предрассудком, или смотрят на убийство как на чистую случайность, но не как на предумышленное злодейство; не*** жаждут суда для раскрытия истины, какова бы она ни была, чтобы выйти из состояния тяжких для духа сомнений, ***, наоборот, противятся и противодействуют суду. Между тем, только суд может вывести человечество из тупика разногласий, и все одинаково должны жаждать правды и искать правосудия, ибо упорство, с каким убийства детей продолжают существовать и в XX веке, не исчезая и не уменьшаясь, наносят оскорбление правде и причиняют чувство острой боли всякому человеческому сердцу. Когда же наступит конец убийству наших детей? — мучительно слышится вопрос из глубины христианских душ. Но тот же вопрос раздается также из глубины души лучших людей ***. У Исаака Кремье, вице-президента *** консистории во Франции, а впоследствии министра третьей республики, после Дамасского убийства невольно вырвались из груди такие горькие слова:

> *«Если *** религия предписывает убийство и пролитие человеческой крови, то подымимся все, — свободомыслящие, евреи, христиане и мусульмане, и искореним этот варварский, богохульный культ, который возводит человекоубийство на степень божественного предписания».*

Такова у всех добрых людей — христиан и *** — горечь сердца от непрекращающихся жестоких убийств детей. Легко понять поэтому, отчего противодействие задачам правосудия покажется всякому подозрительным, особенно, если это противодействие исходит от *** расы, наделенной от природы способностями в осведомительном и сыскном ремесле. Такая раса могла бы скорее, чем другие расы, раскрыть дело, открыть убийц и показать их суду и всему свету, но

противодействие этой именно расы усилиям правосудия невольно наводит на мысль о возможности соучастия. Софистическая же самозащита, к которой обыкновенно прибегают ***, лишь усугубляет подозрения.

Приведенные выше слова Исаака Кремье весьма знаменательны. Хотя Кремье отрицает причастность *** к кровавым убийствам, но его слова по своему содержанию и даже по форме представляют тревожный зов на помощь, обращенный ко всему культурному человечеству. Очевидно, что в деле прекращения убийств Кремье не полагался на собственные силы ***, но хранил в душе убеждение, что только соединенные усилия народов могут удержать изуверов от присущего им расового каннибализма или, как допускает Кремье, религиозно-расового. И почти несомненно, что пока взгляд Кремье не будет усвоен всеми и пока, согласно этому взгляду, не будут приняты народами меры самозащиты, убийства детей не исчезнут с лица земли, не исчезнет также и противосудебная агитация со стороны расы, которая питает и греет своих изуверов, но не допускает ни малейшей критики своих недостатков и тем лишает себя средств нравственного самосохранения. На этой именно односторонности расового характера, на этой самопереоценке и крайней расовой нетерпимости, свойственной ***, каннибальский инстинкт нарастает до высоты действия и изуверных субъектов и изуверских сект, которые узко и дико понимают задачи и долг *** национализма (Влад. Даль). Зло замалчивается, утаивается, отрицается, но оно существует, и вот каковы его обычные проявления: исчезает вдруг христианский мальчик, но вскоре его находят мертвым, исколотым обескровленным и тотчас же начинаются неистово-дерзкие обвинения и заподозривания, возбуждаемые *** и направляемые то против родных убитого, то против единоплеменников и единоверцев, то против националистов страны, то против христиан вообще. Обвиняя других, *** тем отклоняют подозрения от себя. Но если бы кто-нибудь обвинил или заподозрил их самих, они немедленно поднимают ожесточенную агитацию против всякого, будет ли то частное лицо или судебный следователь, судья и даже суд. Тут уже в защиту изуверов выступает не только местное, но и всемирное ***, причем оно действует как раса, — богачи стоят во главе движения. Это обстоятельство замечено всеми исследователями предмета. Но самозащита *** исполнена несправедливостей: Теодор Фрич говорит, что *** крайне мстительны и свою месть выражают нанесением вреда имуществу, чести и самой жизни преследуемого лица. Однако же, для

нравственной оценки народа или лица важно знать не столько его отношение к практическим интересам жизни, например, борьбы, сколько его отношение к идейной стороне, т. е. какова сила и стремление к истине и правде. Для характеристики этой стороны души у *** я приведу слова знатока *** и знатока вопроса об убийстве детей. Князь Голицын так говорит: «Нет сомнения, что тяготей это обвинение (в убийстве детей) на какой угодно национальности земного шара, исповедующей какую угодно религию, спор был бы давно разрешен, человеческое мышление, право и наука давно бы установили факты; вся реальность или призрачность обвинения давно была бы раз навсегда констатирована, подчеркнута, закреплена и установлена в интересах исторической и нравственной истины. Все это было бы возможно со всяким другим народом, но когда человечеству, науке и логике приходится иметь дело с народом, который признан еще со времен глубокой древности лживым и жестоковыйным устами своего же вождя и пророка… тогда победа истины не так легко дается. Этот жестоковыйный народ не смущается ни перед логикой, ни перед фактом, ни перед лицезрением, ни перед осязанием… никогда не скажет правды, не произнесет покаянного: я виновен…» По этой причине в сотый-трехсотый раз открывается вновь и вновь международный калейдоскоп мирового уголовного процесса, богатого упорными отрицаниями, таинственностью, пожарами, загадочными смертями свидетелей и всесветным беспокойством, вносимым *** во все дела, особенно касающиеся убийства христианских детей.

Г. Свидетельства из новейшей истории.

Одно из лучших исследований по вопросу об убийстве детей принадлежит Владимиру Далю, известному русскому писателю, этнографу и автору знаменитого «Толкового Словаря» великорусского языка. Мнение Владимира Даля имеет особую ценность по своему спокойному тону, объективности и логике. Книга Даля была напечатана в 1844 году на основании официальных документов, по распоряжению министра внутренних дел, для доклада Императору Николаю I.

По существу предмета Даль говорит:

> *«Никто не будет оспаривать, что в странах, где *** терпимы, от времени до времени находимы были трупы*

младенцев всегда в одном и том же искаженном виде или, по крайней мере, с подобными знаками насилия и смерти. Не менее верно и то, что знаки эти доказывали умышленное и обдуманное злодейство мученического убийства ребенка и притом ребенка христианского; то и другое доказано множеством следственных, судебных и врачебных свидетельств» (Владимиру Далю, по его службе, доступны были официальные документы).

Факт убийства христианских детей *** в России строго доказан книгою Даля и другими данными, особенно судебными. Но эти данные, как прежние, так и новейшие, большею частью замалчиваются в прессе и не доходят до читателя, и оттого весьма часто имеет успех, особенно в кругах интеллигенции, недоверие к самому факту убийства детей. Об этом Даль думает, что мы, будучи свободны от каннибализма, переносим это и на *** по сочувствию к ним. «Это делает честь нашему человеколюбию, — говорит Даль, — но мы не должны быть пристрастны до той степени, чтобы забыть своих единоверцев, потворствуя бессознательно какому-то чудовищному исчадию фанатизма». В книге Даля чрезвычайно ценно то, что в ней приведены свидетельства и мнения двух образованных ***, высказанные Далю глаз на глаз и удостоверяющие факт убийства христианских детей их единоверцами. Еще более важно то, что один из этих *** (крещеный) указывает самый путь распространения каннибальского зла. Этот темный путь начинается в гнездах фанатических талмудистов и оттуда переходит в среду невежественной *** бедноты. Но отсюда путь идет дальше, потому что талмудисты находят себе крупную поддержку в классе *** богачей и банкиров. Этот класс людей пытается играть в *** роль покровителей расы, патронов религии и дипломатических ходатаев. В такой своей роли богачи имеют успех, — за отсутствием независимой национальной *** интеллигенции. *** богачи и банкиры, по словам собеседника Даля, пользуются своею денежною силою и влиянием для сокрытия убийств, для жестокого преследования уличителей зла и для борьбы с администрацией и судом при посредстве местных и заграничных органов всякого рода. Эти разъяснения образованного *** вполне совпадают с тем, что мы видим в жизни, и объясняют факт колоссальных денежных расходов по сокрытию убийств и ликвидации уголовных дел.

К изложенным существенным данным, заимствованным из книги Даля, должно прибавить, что в наши дни на помощь *** богачам

выступила *** пресса. Она поддерживает интересы еврейской плутократии и ведет широкую агитацию по сокрытию убийства детей и по борьбе с судом и уличителями убийств. В *** прессе не раздается ни одного отрезвляющего звука, но всегда царит предательское единодушие, успокоительно действующее на изуверов.

Сопоставляя сказанное сейчас с тем, что почерпнуто из книги Даля, должно сделать общий вывод, что талмудизм, *** капитализм и *** пресса составляют одно общее злокачественное целое в деле организации убийств и сокрытия следов. Что же касается *** трудовых и профессиональных масс, то эти массы, трезвые, трудолюбивые, живущие реальными интересами, вероятно стоят вдали от убийства христианских детей, — их участие не заметно. Следовательно, не все *** виновно, а только его худшая часть, сейчас указанная. Но здоровая часть *** бессильна бороться с изуверною и богатою. Поэтому должно признать, что не без основания Исаак Кремье предусматривал перспективу международной нравственной опеки над беспокойным и нервным *** народом… События, по-видимому, приближаются!

Изложенное сейчас освещение фактов находим и у такого глубокого знатока ***, как Теодор Фрич, в его книге: «Handbuch der Judenfrage» (Hamburg. 1910). В своей книге Фрич горячо рекомендует правительствам и законодательным палатам ознакомление с Талмудом. Фрич признает доказанным факт убийства *** христианских детей.

Убийство христианских детей признают также и некоторые из крещеных ***. Особенное значение имеют признания тех, которые были раввинами и сами совершали убийство детей, например, Серафимович, инок Неофит. Показаниями этих лиц разъяснены некоторые уголовные подробности детоубийственных преступлений, например, нахождение холста, смоченного кровью, приурочение убийств к весеннему времени, возраст убиваемых и проч. Хотя другие крещеные *** отрицают факт убийства детей, но такие отрицательные заявления не уничтожают положительных в виду того, что ***, как известно, иногда принимают христианство притворно для личных выгод и для пользы своей расы.

Д. Новейшие примеры убийства детей.

Я не стану говорить о давно случившихся убийствах детей, не

стану приводить иностранной казуистики, но для пояснения существа дела скажу, что в убийстве Ющинского, как в позднейших убийствах вообще, замечается меньше мучительства, нет распятия жертвы, но зато обескровливание совершается более полно, притом с холодностью и спокойствием. Примером может служить убийство в Белостоке в 1690 году и два убийства в Саратове в 1852 и 1853 году.

В декабре 1853 года бесследно исчез и найден убитым мальчик Феофан Шерстобитов, 10 лет, а в январе 1853 г. таким же образом исчез и найден убитым мальчик Михаил Маслов, 11 лет. Оба убийства раскрыты следствием и судом. Они оказались совершенными руками ***, которых участвовало в убийстве шесть человек. Вовлеченные в преступление русские играли несущественную роль по сокрытию убийства. Дело было, по решении его в местных судах, рассмотрено по Высочайшему повелению в сенате и государственном совете и мнение государственного совета утверждено Императором Александром II.

Оба мальчика, убитые в Саратове, были предварительно подвергнуты обрезанию по *** обряду и затем у каждого была источена кровь, которую убийцы собирали в посуду. Мальчик Михаил Маслов был подвергнут повторному источению крови, оставаясь в промежутке времени в *** плену, подобно мальчику Гавриилу Гавдылю, убитому в Белостоке в 1690 году и испытавшему ту же участь.

Е. Мнения ученых.

Особенно ценно для дела истины то, что в расследовании Саратовского дела принимал участие профессор Н. И. Костомаров. Он не только выразил свое мнение, но и дал исторические сведения о других подобных делах. Мнение Костомарова и мнение протоиерея Сидонского (участника ученой комиссии экспертов по Саратовскому делу и знатока вопроса) пролили свет науки на убийство детей, как на бесспорный уголовный факт, зарождающийся в недрах *** изуверных сект. Возникшая полемика между профессором Костомаровым и профессором Хвольсоном по вопросу иллюстрирует взгляды обоих ученых и заставляет склониться к мнению Костомарова, как к более спокойному и исторически объективному.

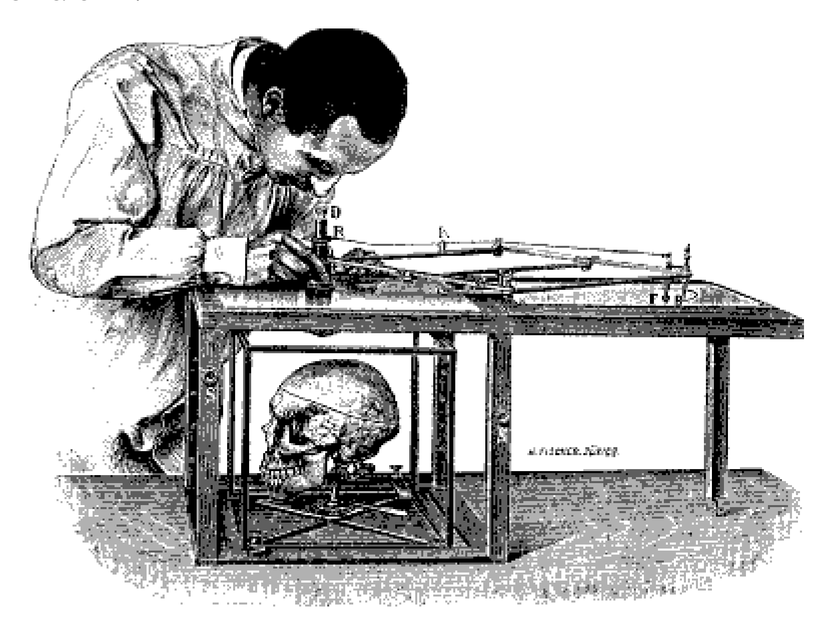
III. Заключение

Из исторического очерка ритуальных убийств и из вердикта присяжных в Киеве по делу об убийстве Ющинского истина открылась, ибо «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Открывшаяся истина принесла с собою некоторые ценные выводы, которые имеют тем более значения, что добыты великим трудом, долгим временем и победою над вековой техникой утаивания и скрывания, которые успели подняться на высоту унаследованной инстинктивной традиции. Тайное еще раз стало явным, как Божий день, хотя и не сразу, ибо знает Бог правду, да не скоро сказывает. Теперь эта правда сказана, пройдя в первый раз через горнило присяжной совести русского народа.

Выяснилось, что в действительности существует не кровавый навет на ***, но кровавый пережиток у ***. Последнее с ясностью и очевидностью в недавнее время снова подтверждено английским историком Frazer'ом, а свежий факт убийства Ющинского, совершенный во всем объеме расовой и этнической обстановки, показал, что ритуальный пережиток убийства чужих детей («иноплеменных»), до того глубоко вкоренен в недрах расы, что не встречает ни противодействия, ни протеста, но с единодушным упорством замалчивается и отрицается, таясь в памяти расы, как живучее проклятие, как ядовитая язва, наводящая ужас на все человечество и отравляющая национальную душу *** расы. Таящееся и тайное зло по временам становится явным — как в мучительстве Ющинского.

Подобно грозному року раздались слова великого французского *** Исаака Кремье, звучащие сомнением в отношении способности *** освободиться собственными силами от застарелого порока людоедства. Столь же безотрадно и безнадежно звучит и его тревожный клич, призывающий все человечество к содействию в борьбе с ритуальным злом. Это зло разъедает душу *** народа, гордого верой в себя, а не в человечество. Но узкая вера в себя, соединенная с крайней самопереоценкой, не спасла и не могла спасти *** от этических ошибок, потому что спасающая сила содержится только в общечеловеческом, а не в расовом. Оттого сомнения и тревоги проницательного Исаака Кремье, высказанные семьдесят лет назад, очевидно, не напрасны. Жестокое убийство Ющинского

проявилось так же, как 2000 лет назад во времена Аппиона и Диона Кассия и в той же типической форме, какая закреплена за ритуальными злодеяниями их непрерывной традицией в течение тысячелетий.

И. А. Сикорский

Знаки вырождения

Знаки вырождения мы делим, применяясь к другим авторам, на физические, физиологические и психические. Первые обнимают собой анатомические и вообще структурные отклонения от нормы; вторые касаются изменений в физиологических функциях, и третьи относятся к психическим ненормальностям и особенностям.

При обсуждении и критической оценке явлений, мы следовали общепринятым принципам и соблюдали те предосторожности, какие указаны были другими авторами. В особенности важен принцип Гризингера — исследовать единовременно физические и психические явления и, для вывода о свойстве и значении найденных фактов, проверять их справками относительно здоровья ближайших к исследуемому лицу родственников. Следуя такому правилу, возможно, в затруднительных случаях, распознать, что является вариацией, или индифферентным, а может быть, даже и прогрессивным в биологическом смысле обстоятельством, а что, напротив того, относится, несомненно, к разряду фактов, свидетельствующих о деградации, упадке, о возврате, или шаге назад в ходе жизни (реверсивные явления антропологов, т. е. появление таких признаков, или особенностей в функциях, какие свойственны низшим животным и указывают собою на возврат к нишей животной организации). В этом последнем отношении ценны те случаи, где являются множественные притом разнообразные признаки. Такой случай, между прочим, описан д-ром Микульским. В громадном количестве знаки вырождения наблюдаются у идиотов и в меньшем у дегенератов, реже у здоровых людей, не обремененных наследственностью.

Явления вырождения, какими бы простыми они ни казались вначале, всегда содержат в себе зачаток, или ядро дальнейших изменений и нередко, за слабыми предвестниками в предыдущем поколении, сразу наступают грозные признаки в следующем поколении; процесс вырождения большей частью приводит к тяжелым болезненным формам и к прекращению рода. Таким путем, обыкновенно, вымирают многие фамилии до потери последнего члена. Но процесс может принять и благоприятный поворот в смысле восстановления и улучшения рода (возрождения).

Физические знаки вырождения

Болезни зародыша могут послужить причиной неправильного развития и уродливости в различных частях тела. Эти патологические изменения составляют предмет тератологии. Физические знаки вырождения относятся к иной категории явлений и зависят от причин, которые действовали раньше самого зародышевого состояния и привели к глубокому изменению свойств половых клеточек, из продуктов которых впоследствии строится зародыш. Быть может, не всегда легко и не всегда возможно отделить зародышевые заболевания от наследственных, но самый принцип наследственных заболеваний и их проявления не только ставит их особо, но и позволяет в большей части случаев распознавать и отличать одни от других: тератологические формы составляют нарост, опухоль; знаки вырождения представляют собой нарушение плана и типа развития.

Физические знаки вырождения удобно рассмотреть по системам тела и органам, согласно делению сравнительной анатомии.

I. План строения и форма тела.

В случаях вырождения иногда нарушается весь план строения тела, например, — при мужском половом типе все формы тела могут соответствовать женскому организму и наоборот (феминизм и маскулизм). Может явиться смешение полов (гермафродитизм). Сюда же относится полное и неполное удвоение тела или же утроения (с тремя головами), что ведет к явлениям, известным под именем «Сиамских близнецов». Далее могут быть нарушены размеры тела и соотношение частей, а также симметрия двух половин; сюда относится, прежде всего, малый рост, как частное проявление общего недоразвития (инфантилизм). Основания для верного суждения об этих уклонениях можно найти, исходя из данных антропологии. Нарушение симметрии двух половин тела может выразиться в нарушении величины и пропорции частей; оно также может глубоко касаться самого плана строения тела, например: кожа одной половины тела содержит большее число бородавок, или пигментирована интенсивнее, или окрашена иным пигментом, чем другая; или радужная оболочка двух глаз содержит различные пигменты, т. е. глаз

правый вовсе не будет похож на левый и т. п. Или, наконец, не закончено объединение двух половин тела, и такая приостановка в развитии тела может дать формы, известные под именем волчьей пасти, заячьей губы. Неправильное расположение частей может выразиться в извращении положения внутренних органов (части тела, напр., печень, сердце и др., лежащие, нормально справа, находятся слева и наоборот).

II. Члены и части тела.

Встречается образование хвостового придатка или лишних конечностей, или лишних частей, например, лишних пальцев на ногах и руках — что называется полидактилией, или многопалостью. Многопалость сопровождается ненормальностями и в строении соответственного сустава и костей. Многопалость может быть наследственной (случай родословной, сообщенный Панумом). Множественные пальцы могут быть срощены. В свою очередь могут быть удвоены ребра, позвонки. Обратное состояние (недостаток каких-либо частей, например, — пальцев) сопровождается часто и соответственным недостатком костей запястья и плюсны, а также всего скелета того же члена или части тела и т. п.

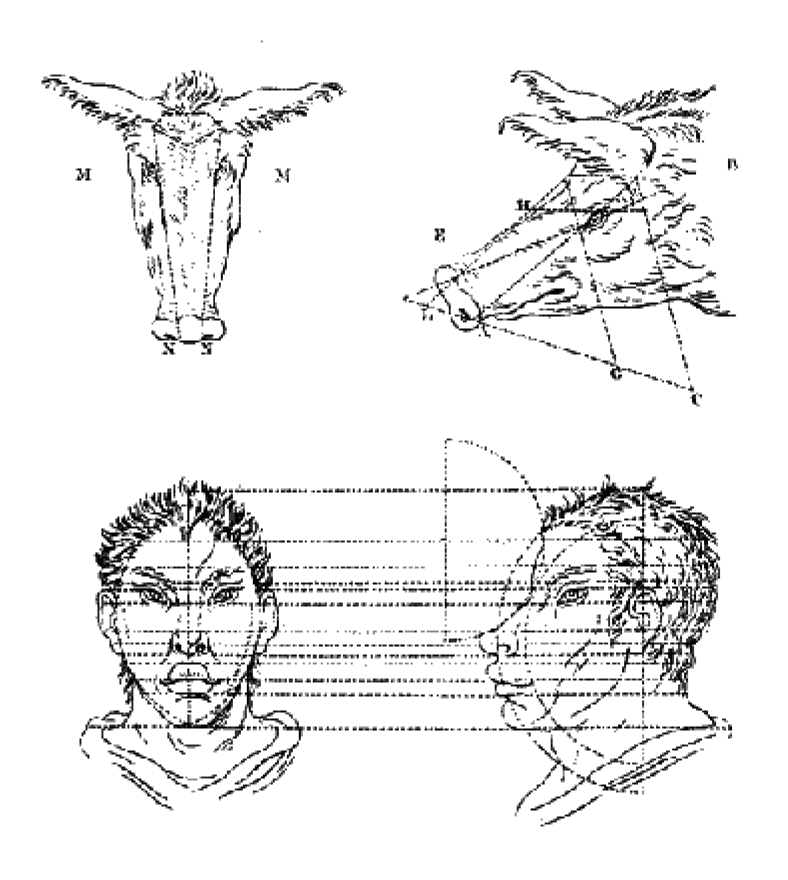
III. Общие покровы.

В них могут наблюдаться следующие аномалии: 1) Ненормальная пигментация кожи — именно: различные пигменты, пигментность, или образование резко-пигментированных участков, как у животных (пестрая пегая окраска кожи). 2) Ненормальная волосатость тела и лица, например, появление волос на лице у женщин, срощение бровей и т. п. 3) Значительное количество мелких родимых пятен на коже или небольшое число крупных: Naevi vasculosi и naevi pigmentosi. Этому признаку средневековые физиогномисты-астрологи придавали большое значение и собрали по этому предмету значительный и ценный, даже в настоящее время, материал. 4) Ненормальное развитие кожных и аналогичных — молочных желез, нахождение одной или нескольких грудных желез у мужчин, увеличение числа молочных желез и грудных сосков (вместо одной пары — несколько пар). Этот последний признак относится к числу реверсивных, т. е. возвратных явлений, указывающих на возвращение признаков, свойственных

животным. 5) К таким же реверсивным явлениям относятся срощения кожи пальцев между собою, вроде плавательной перепонки ноги амфибий.

IV. Голова.

Ненормально большие и малые размеры головы четырех видов: 1) plagiocephalia — косость черепа; 2) oxycephalia, s. Acrocephalia — суживающаяся кверху голова (следствие раннего срощения венечного и стреловидного швов); 3) clinocephalia — седлообразная голова; 4) scaphocephalia — ладьеобразная форма головы. К знакам вырождения относится и отсутствие пропорциональности между головой и лицом, иначе говоря, между размерами мыслительного и жевательного аппарата. Крупные размеры лица или нижней челюсти, выступание нижней челюсти вперед (прогнатизм) имеют такое же значение (Manouvrier). Форма носа, лица представляют собой признаки антропологические, но резкое сношение носа, углубление корня носа, открывающиеся не вниз, а наружу или вперед ноздри являются уже врожденной аномалией.

V. Органы чувств.

В них аномалии весьма нередки.

а) Орган зрения. В нем встречаются следующие врожденные аномалии: врожденная слепота, retinitis pigmentosa, альбинизм, неправильное вступление центральной артерии ретины, colomba iridis и choroideae, овальная форма зрачка с длинным диаметром, обращенным к корню носа (Legrain). В особенности имеют значение неправильности в пигментации радужной оболочки, они обыкновенно являются в виде резко ограниченных скоплений пигмента вместо равномерного распределения пигмента в радужной оболочке. Нередко притом цвет этого пигмента не соответствует общей окраске глаз (например, кучки желтого или бурого пигмента, вкрапленные в голубом или зеленом глазе). Нередки также врожденные аномалии органов, движущих и защищающих глаз: врожденное косоглазие, присутствие зачаточного третьего века — реверсивный знак,

соответствующий третьему веку животных (глаз амфибий). Всякого рода колебания в величине глазных яблок, а равно в густоте, форме бровей составляют гораздо чаще антропологическую, чем невропатическую особенность. Но отношение промежутка между глазами к ширине разреза век имеет патологическое значение: расстояние между глазами, превышающее длину разреза век, должно считаться аномалией.

б) Орган слуха. Сюда относится значительная часть случаев врожденной глухоты, глухонемоты, в особенности тех случаев, где единовременно существуют неправильности в устройстве формы и расположения наружного уха и его частей. К этим признакам относятся: чрезмерная малость ушей, рудиментарное, или недоразвитое состояние ушей, резко выраженный Дарвинов бугорок, заострение или выступание верхней части наружного уха — Сатиров бугорок, Морелевское ухо (уплощенное ухо без складок и завитков), резкое отстояние ушей от головы до величины близкой к прямому углу.

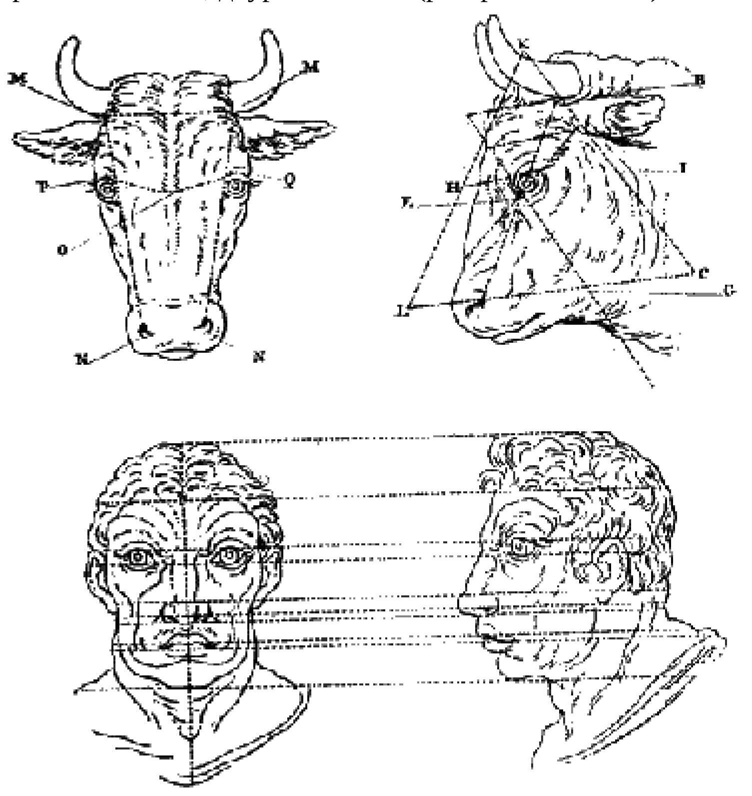
VI. Кишечный канал.

К знакам вырождения можно отнести, прежде всего, то, что отверстие рта и заднего прохода могут при рождении оказаться заросшими. Ротовое отверстие у дегенератов может быть или очень большим, или слишком малым; малым мы признаем отверстие рта, если оно равно глазной щели субъекта, или приближается к этим размерам. Зубы представляют собою один из органов, наиболее подверженных дегенеративным изменениям. Это уже было замечено врачами в самой глубокой древности, и древние врачи: Гиппократ, Аристотель, Гален объясняют изменениями зубов многие дегенеративно измененные функции, на которые мы в настоящее время смотрим, как на самостоятельные физиологические знаки вырождения. Зубы могут быть в неполном числе, чаще всего отсутствуют два резца (вместо четырех — два), или же при полном числе резцов — два имеют нормальную величину, а другие два (чаще наружные) являются узкими, недоразвитыми, отделенными значительными промежутками от смежных зубов, что свидетельствует о недоразвитии зубов, при развитой нормально челюсти. Но замечается и обратное явление, т. е. недоразвитая челюсть, в которой зубы с трудом помещаются и выходят из естественных границ одной

кривой плоскости, отступая частью назад, частью вперед, — dentes aut deficiunt, aut non debito ordine positi sunt, — как выражается Гален. Часто замечаются аномалии в появлении зубов: задержка молочных зубов и непоявление постоянных. Частые и значительные уклонения от нормы замечаются в верхнем небе: оно может быть узким, углубленным, сводообразным (вместо того, чтобы быть плоским, похожим на потолок).

VII. Мочеполовой аппарат.

У дегенератов встречается: epispadiasis, hypospadiasis, ненормально малая величина полового органа, недоразвитие яичек (microrchidia), отсутствие яичек (anorchia), наличность только одного яичка (monorchia), гермафродитизм (в качестве изолированного симптома без других ненормальных знаков пола); у женщин малость молочных желез, недоразвитие, зарощение маточного рукава, малость и недоразвитие матки, двурогая матка (реверсивный знак).

VIII. Система кровообращения и внутренние органы (сердце, легкие, печень и проч.).

Профессор Бенеке в своей книге «Телосложение и конституциональные болезни у человека» показал, что сердце и кровеносная система, а также другие важные органы подвержены аномалиям величины, и это обстоятельство может явиться существенным моментом, предопределяющим заболевания тех или других органов и даже общую заболеваемость (например, при слишком малых почках обременительная викарная работа падает на кожу и кишечный канал; при малом развитии легких непосильная вспомогательная работа падает на кожу и, вероятно, на кишечный канал; то же замечается и при малости артериальных стволов в органах). Относительная малость сердца, относительная узость артериальной системы, относительно крупные размеры легких, при малой печени и коротких тонких кишках — дают одну комбинацию; наоборот, крупное сердце, просторная артериальная система, большая печень и значительная длина тонких кишек, при малоразвитых легких, дают противоположную комбинацию. Болезненные процессы и даже физиологические функции иначе будут протекать при первой из указанных комбинаций, нежели при второй (Бенеке). Множественность всякого рода аномалий строения тела у дегенератов делает вероятным предположение о том, что кровеносная система и внутренние органы у них не ускользают от общей участи, свойственной вырождающимся организмам. Исследования, вероятно, многое откроют в этом отношении. Во всяком случае, уже и в настоящее время известны факты, указывающие на существование у дегенератов различных аномалий в строении внутренних органов тела — совершенно так же, как и в тех органах, которые доступны непосредственному исследованию. Таковы следующие факты: узость сонных артерий у идиотов, частота, хотя бы и слабо выраженных, телеангиэктатических (кровяных) областей в коже; эти области чрезвычайно легко становятся местом значительных гиперемий, локализированных в резко ограниченных площадях.

Отсюда весьма правдоподобно заключение некоторых авторов, что подобные же аномалии местного характера могут быть в мозговых оболочках и мозговой ткани, и такими гиперемиями (Бехтерев) легко объяснились бы непобедимые фобии, навязчивые ассоциации и вторичные ощущения, не поддающиеся тормозящему действию воли.

Таким же путем может быть объяснена неудержимая заикливость некоторых больных, капризность и другие явления, которыми больной один раз управляет, а в другой раз совершенно в отношении их бессилен. Ограничиваемся приведенными примерами, не входя в дальнейшее рассмотрение и устанавливая здесь только программный вопрос.

IX. Аномалии телосложения.

Сюда относится нередкая у дегенератов тучность, замечающаяся даже у детей, нередкая известная степень общей и местной отечности, аналогичной, или же тождественной (?) со слизистым отеком, кровоточивость, связанная с анатомическими особенностями строения сосудов, тонкая атрофическая кожа и т. д.

1. При обсуждении анатомических особенностей, при решении вопроса, что является патологическим и может быть отнесено к знакам вырождения, а что, наоборот, составляет простой вариант или антропологическую особенность, можно руководиться следующими признаками (если они имеются налицо и применимы).

Сравнением антропологических данных с госпитальными (прием В. В. Воробьева). Этот прием состоит в статистическом подсчете частоты исследуемого признака в среде больничного контингента и среди здорового населения; большая частота известного явления в больницах указывает на его патологическую природу, например, оттопыренные уши среди здорового населения составляют 10,4 %, а в домах для умалишенных 35 % (В. Воробьев). Обстоятельство это показывает, что носители оттопыренных ушей имеют больше шансов заболевания психозом, нежели субъекты, свободные от этого признака; следовательно, признак этот является показателем скрытого невропатического предрасположения. (Подобным образом Шарко доказал, что спинная сухотка чаще поражает жильцов приюта для слепых, чем обыкновенных людей, и он справедливо объясняет это явление тем, что атрофия сетчатки является ранним признаком будущей спинной сухотки).

2. Вторым распознавательным критерием является реверсивность разбираемого признака, т. е. принадлежность его к явлениям, уже давно пережитым филогенетически, например — множественность грудных желез у человека, общая волосатость и тому подобные признаки, более свойственные животным, нежели человеку.

3. Третьим руководительным критерием в оценке признаков вырождения служит множественность знаков вырождения и разбросанность их по разным системам тела (аномалии зубов, радужной оболочки, кожи, половых органов и пр.).

4. Четвертым признаком служит несомненная незаконченность известного анатомического органа или части его, например — волчья пасть, заячья губа, задержание яичек в брюшной полости и т. п.

5. Пятым критерием служит параллелизм анатомических знаков с физиологическими и психическими.

Физиологические знаки вырождения

Рядом с анатомическими признаками вырождения можно наблюдать особенности, или аномалии физиологических функций, которые отчасти соответствуют последовавшим анатомическим изменениям, отчасти существуют независимо, как предвестники будущих анатомических перемен или, наконец, как показатели того порочного направления, которое приняла вырождающаяся организация. Подобно анатомическим переменам, физиологические свидетельствуют о нарушении плана или идеи, которые заложены в той или другой функции.

Наиболее точно установленные физиологические признаки вырождения могут быть классифицированы следующим образом:

I. Функциональная диссимметрия двух половин тела. Сюда можно отнести часто наблюдающуюся у дегенератов одностороннюю потливость — явление, состоящее в том, что потение, наступающее под влиянием душевных волнений, умственной работы или иногда под влиянием физического напряжения, происходит в гораздо большей степени на одной стороне тела или лица, чем на другой, так что одна сторона является ненормально чувствительною в этом отношении, и предел такого различия точно совпадает с серединной линией тела (или лица, носа, лба и т. д.). Подобная же односторонность замечается и в трофических функциях, например — последние или пигментация точно совпадают с пределами разных половин тела или различных сегментов туловища.

II. Наклонность к мозговым гиперемиям и зависящему от этого возбуждению мозговой (особенно психической) деятельности. В основе этого болезненного явления лежит ненормальная возбудимость вазомоторных аппаратов в центре или периферии. Такая физиологическая особенность замечается у детей и потомков многих душевнобольных или дегенеративных субъектов; она также резко выражена в ближайшем поколении пьяниц (алкоголиков) и служит выражением наследственного изменения того самого аппарата, который является наиболее чутким к токсическому действию вина. Как показывает фармакология, алкоголь и эфир, принятые внутрь, или, поступивший в организм путем вдыхания, хлороформ, прежде всего, поражают (парализуют) вазомоторы, а затем уже действует ядовито и на другие центры. В свою очередь клиническими

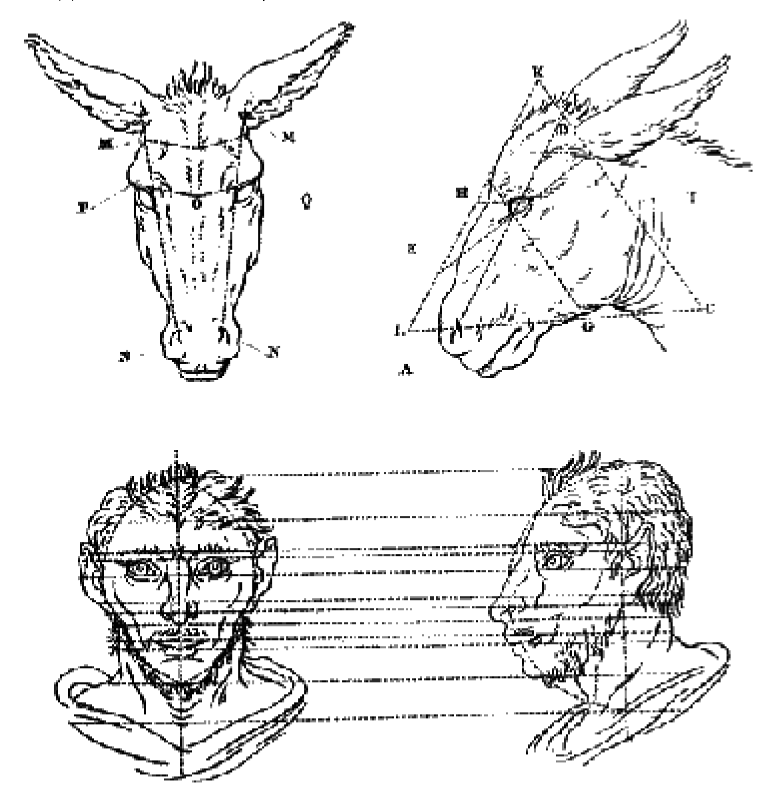
наблюдениями установлен следующий важный факт: наследственное действие алкоголя выражается в том, что вазомоторная система у потомков алкоголиста является болезненно возбудимой ко всякого рода воздействиям, как будто паралич сосудов, приобретенный алкоголистом, передался сполна к потомкам в качестве прирожденного физиологического недостатка.

Таким образом, на этом примере алкогольной наследственности мы видим генетическую связь явлений и можем проследить самый ход болезненной передачи и вызываемого ею функционального вырождения. Вазомоторная возбудимость, приобретенная тем или иным путем, органически меняет характер человека, делая его раздражительным и склонным к душевным волнениям; в физиологическом отношении эта причина легко вызывает гиперемию мозга и бред при всяких инфекционных заболеваниях — обстоятельство давно известное в медицине.

III. Неспособность управлять некоторыми, хорошо подчиненными воле, сложными рефлекторными актами. Сюда относится, например, ночное недержание мочи, которое, согласно неопубликованным исследованиям автора, может быть отнесено к физиологическим признакам вырождения: оно встречается гораздо чаще у тех детей, у которых наблюдаются и другие бесспорные знаки вырождения. Ночное недержание может быть рассматриваемо, как следствие особенной чувствительности слизистой оболочки пузыря (повышенная рефлекторная возбудимость), или как выражение слабости тормозящего влияния со стороны черепно-мозговых центров пузыря. Подобная же чувствительность пузыря замечается иногда при душевных волнениях (например, при ожидании) и представляет собой по всей вероятности кортикальное явление динамо-генетического или, наоборот, тормозящего характера. К этому же разряду явлений относится наблюдаемое (редко) явление тошноты и рвоты от аффекта ожидания (один талантливый певец должен был оставить сцену, так как всякое ожидание выхода на сцену неудержимо вызывало у него тошноту и рвоту, которая исчезала, как только артист уже был на сцене и начинал свою роль; впоследствии рвота наступала уже при одной мысли об ожидании выхода на сцену, а также при всякого рода официальных ожиданиях. К этой же категории явлений должны быть без сомнения отнесены многие случаи неудержимого краснения и самая боязнь покраснения. Физиологический механизм этих состояний будет рассмотрен ниже.

IV. Идиосинкразии. Идиосинкразия представляет собой

физиологическую особенность, в силу которой некоторые субъекты совершенно исключительным, им свойственным образом, воспринимают действие агентов, способных возбуждать их органы (нервные центры). В силу такой особенности, подобные субъекты то оказываются нечувствительными к некоторым средствам, то, наоборот, отличаются чрезвычайной чувствительностью к малейшим возбуждениям известного рода (к пищевым средствам, лекарствам и т. д.). Описываемая физиологическая особенность основана на наибольшей, превышающей всякие нормы, возбудимости какого-либо нервного центра или какой-либо функции. Приведенный выше пример возбудимости общего сосудодвигательного центра потомков пьяниц представляет собой частный случай идиосинкразии, ограничивающейся одним нервным аппаратом. Но опыт показывает, что идиосинкразии многочисленны, относятся ко многим органам и нервным центрам и могут быть вызваны также многими внешними агентами (лекарствами и другими влияниями, например, ездой на санях, видом снега и т. п.).

V. Болезни речи. Некоторые болезни речи носят на себе характеристический отпечаток знака дегенерации. Сюда относятся такие болезни и недостатки речи, как заикание, шепелявость, картавость (balbuties, psellismus, rhotacismus и др.). Болезненный характер этих явлений вытекает из того факта, что недостатки эти (за исключением заикания) очень трудно поддаются излечению, они часто неустранимы, и это тем поразительнее, что некоторые из трудных для субъекта членораздельных звуков доступны для него в одних комбинациях звуков и совершенно недоступны в других. Недостатки произношения — одна из самых характеристических черт таких дегенеративных болезней, как идиотизм; так что природа и значение недостатков речи этим выясняется.

VI. Наконец, к физиологическим (функциональным) признакам вырождения можно отнести некоторые общие биологические особенности, отличающие дегенеративные фамилии и роды от здоровых семейств, а именно в дегенеративных фамилиях:

- Больше бесплодных браков, чем в здоровых, в пропорции 1:7 (1:81/2 у здоровых).
- Большая рождаемость и многочисленность ближайшего потомства.
- Большая смертность детей.
- Жизнеспособность понижается с каждым поколением.
- Число преступников, выходящих из их среды, больше, чем из среды здоровых семейств.

Означенные выводы сделаны из сравнения судеб четырехсот семейств, у которых обнаружена была болезненная невропатическая наследственность, со ста семействами здоровыми; первые (400 семейств) заключали в себе 7000 субъектов, а вторые (100 семейств) содержали в себе 2000 человек. Сравнение данных обеих категорий дало в результате ряд указанных выводов, характеризующих биологические свойства дегенеративных и здоровых поколений.

Психические знаки вырождения

I. Душевные качества в гермафродитизме, феминизме, маскулизме, инфантилизме и сенилизме.

Гермафродизм, или гермафродитизм есть соединение в одном индивидууме двух различных полов или только некоторых их свойств.

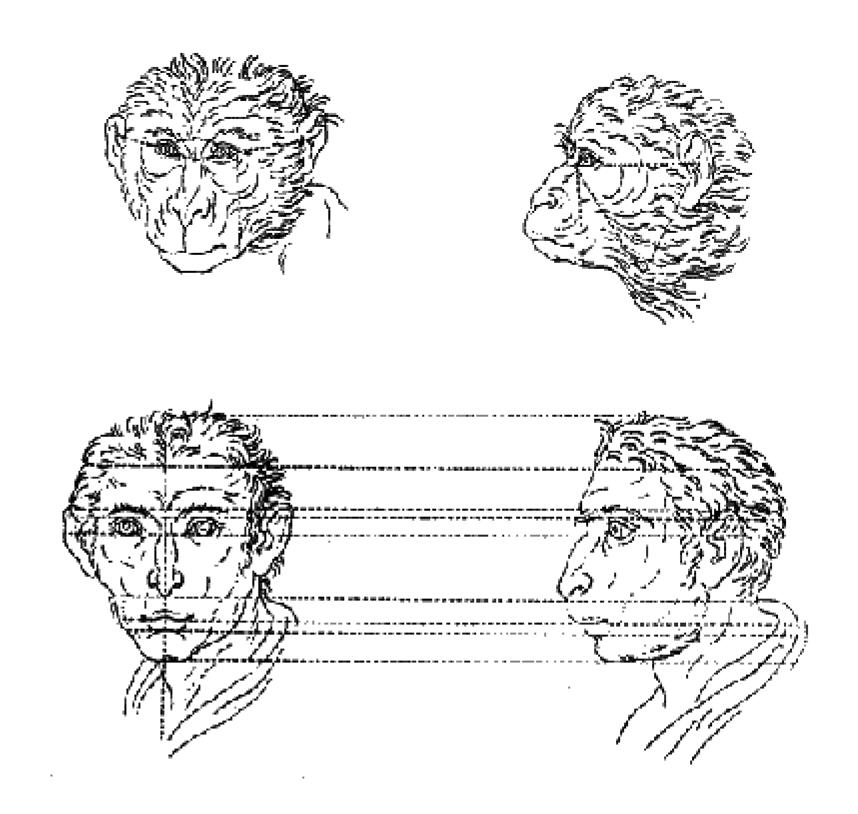
Феминизм есть остановка развития мужчины в юношеском возрасте, что придает духовному складу некоторые свойства женственности; в феминизме наблюдается и более глубокая перемена, зависящая от присутствия в организме мужчины некоторых телесных придатков (женских грудей, широкого таза, утолщенных голеней и прочее) и многих душевных свойств женщины.

Маскулизм — присутствие у женщин некоторых физических свойств (бороды, усов и пр.) и душевных качеств мужчины.

Инфантилизм — приостановка у юноши или девицы физического развития во всех отношениях, но главным образом в отношении половых особенностей (матки, яичников, грудей — у женщин и наружных половых органов и яичек — у мужчин) с замедлением роста волос на половых частях.

Сенилизм — преждевременное (ранее) умственное и физическое развитие с последовательной остановкою, появлением старческой морщинистой кожи и свойств старческой души.

Во всех поименованных состояниях душевные качества идут большей частью рука об руку с физическими. Для пояснения мы ограничимся некоторыми примерами.

Некоторые девицы-маскулянтки становились в ряды мужчин (поступали в армии, жили и спасались в мужских монастырях) и не только ничем не обнаруживали своего истинного пола, но в душевном отношении проявили даже типические свойства мужчины. В свою очередь — черты женского характера у мужчин-феминистов также не редки; таким мужчинам нравятся светлые костюмы, женские занятия (рукоделия), и в них они преуспевают. (Гоголь рисует нам губернатора, занимавшегося подобно дамам вязанием кисетов). От этих свойств, замечаемых у феминистов, необходимо отличать те явления, наблюдаемые у слабовольных молодых людей, когда эти молодые люди, побуждаемые инстинктивным стремлением быть приятными женщинам, обнаруживают рабскую подражательность; в свою очередь от маскулизма следует отделить те проявления молодых особ женского пола, когда эти особы, из побуждений подражательности, облачаются своей душой в типичный наряд мужского характера. В том и другом случае распознавание основывается на существовании или отсутствии физических

признаков описываемого состояния и на непродолжительности и временном характере явлений, свойственных подражательным формам.

II. Мимика и физиогномика, как знак вырождения. Многочисленные научные свидетельства с глубокой древности — со времен Аристотеля, Полемона и Адамантия — установили с несомненностью факт, что мимика и физиогномика могут явиться частями или частными проявлениями сложных симптомов вырождения. Аристотель и Полемон не боялись риска, решаясь определять дурной характер и дурные нравственные черты у своих современников на основании мимики. Они указывали при этом на такие черты, которые являлись постоянным, а не временным симптомом. Многочисленные авторы средних веков и нового времени также указывают, рядом с физическими знаками вырождения (родимые пятна, бородавки, пигментные наросты и проч.), неправильности мимики, — о чем уже было упомянуто выше. Самый факт не оставляет в себе сомнения.

III. Половые аномалии принадлежат к самым характерным знакам вырождения. Они представляются то в форме неврастенических ощущений, то в виде бесчисленных аномалий, сведения о которых собраны в анналах судебной медицины и судебной психологии, крайним выражением которых служит некрофилия. Относительная частота этих психических аномалий у дегенератов подтверждает их патологическую природу. Наиболее частными и известными с отдаленных времен аномалиями являются: эротомания, или сатиризм у мужчин, нимфомания у женщин, а также извращения, известные под именем педерастии, содомии, некрофилии (физическая любовь к трупам). Классический случай сложных аномалий этого рода наблюдался у талантливого немецкого сценического деятеля из труппы Поссарта, психопатические замыслы которого, описанные им самим в интимных письмах, сделались предметом судебного следствия и психиатрической экспертизы.

IV. Obsessiones или фобии, т. е. навязчивые и насильственные душевные состояния (мысли, чувства и волевые акты) относятся к числу наиболее бесспорных патогномонических знаков вырождения. Состояния эти в настоящее время имеют богатую литературу и хорошо изучены.

Примером навязчивых мыслей могут служить, например, мысли о том, что проглочена известная вещь (булавка, насекомое и т. п.), хотя, в то же время, субъект ясно сознает, что этого вовсе не было; такова

же мысль о заразе, о прикосновении к чему-либо нечистому, требующему мытья рук; или — мысль о том, что в приготовленном к отправке, запечатанном конверте, содержится неприличное выражение, или — контрастная мысль о чем-либо циничном при взгляде на икону, на покойника и пр. К навязчивым чувствам относятся, например, боязнь покраснеть в обществе других, непобедимое чувство стыда, конфузливости и виновности в присутствии других, в обществе. Примером насильственных и навязчивых действий может служить нескончаемое мытье рук при мысли о заразе, такая же нескончаемая проверка письма в отношении употребленных будто бы в нем неприличных выражений; или — переход с правой стороны улицы на левую и наоборот, при мысли, что путь по правой стороне угрожает отцу, путь по левой — матери и т. п.; таковы же действия судьи, описанного в романе «Воскресенье», где судья загадывал себе вопросы и искал желаемых ответов, размеряя для того шаги своей походки… Навязчивые мысли, чувства и действия составляют самый верный и типический знак вырождения, судя по многочисленным данным, собранным психиатрами.

V. «Демоническое». Демонические черты. Не только в религиозных представлениях, но и в великих творческих произведениях (Мильтон, Лермонтов) демон изображается олицетворением зла в самых утонченных формах и проявлениях, какими только оно может выражаться. Весьма вероятно поэтому, что демонические черты представляют собою не одну только отвлеченную идеализацию зла, но соответствуют действительному явлению, или многим явлениям, черты которых объединены в одном типичном образе демона. Ознакомившись с проявлениями, какими характеризуется вырождение, когда оно распространяется на высшие стороны души, мы приходим к выводу, что эти проявления носят на себе отпечаток «демонического». На основании этого, естественно допустить, что тончайшие психические проявления вырождения могли послужить тем материалом, из которого поэтическое творчество создало образ олицетворенного зла. При сопоставлении образа биологического демона с соответственным типом, созданным творчеством поэтов, выступает ясно факт совершенной близости, если не тождества, обеих картин. Психические черты вырождения появляются рано: они уже заметны в ряду первых признаков начинающегося зла. Но настоящая природа их определяется с совершенной положительностью нередко только в нисходящих поколениях, где процесс вырождения становится вполне очевидным и

где можно найти созревшими и развитыми все основные психопатические черты, бывшие в зачатке в предшествующих поколениях: здесь мы встречаемся с фактом постепенного наростания семейных, или фамильных пороков, душевных аномалий и недостатков характера, словом — с процессом психического вырождения.

Высшие или сложнейшие дегенеративные черты (по нашим наблюдениям) состоят в следующем:

а. В отношении ума. Умственные силы нередко развиты нормально и составляют единственную сильную сторону души, посредством которой субъект разрешает для себя все вопросы жизни и духа и даже такие вопросы, которые мало доступны умственному анализу и обыкновенно разрешаются (у нормальных людей) при участии чувства, как более тонкого орудия {например, вопросы нравственности, долга, совести и т. п.). Основными чертами ума демонических натур являются: многоречивость, наклонность к спору, к софизмам и диалектике, сухая логика и умственный формализм, пытающийся стать выше чутья совести и намеков нравственного такта, далее — стремление вытеснить логику фактов, заменив ее логикой умственных построений.

б. В отношении чувства — на первом плане стоит всегда сильно развитое чувство гнева и органическая стихийная гневность, которая часто достигает размеров страсти (в смысле Канта) и поэтому с трудом поддается обузданию даже и у развитых в умственном отношении субъектов.

Чувство гнева становится, таким образом, неустранимой, постоянно тлеющей и всегда готовой чертой характера, которая придает роковую печать всей душе и очень легко переходит в злобу, озлобление, злопамятство, мщение, мстительность. Многие высшие чувства: доброта, любовь, ласковость, надежда на лучшее будущее, вера в людей и добро — развиты не полно и никогда не достигают высоты идеальности; оттого подобные субъекты — пессимистичны, недоверчивы, сухи, не знают счастья беззаветных чувств, не чуют великой, творческой для духа силы этих чувств. При таких основах вырождающегося духовного склада, в душе демонических субъектов существует наклонность к постепенному усилению в себе личного начала, личных интересов, борьбы и враждебности, для которой агрессивное чувство гнева и гневности является готовым исполнительным орудием. Недостаточное развитие высших чувств лишает даже очень умного дегенерата способности видеть, понимать

и ценить высшие чувства и идеальные черты в других. Такой нравственный дальтонизм ведет к роковым последствиям, он усиливает в дегенерате личное чувство и родить гордость, самомнение и личную переоценку вместе с неуважением и презрением к людям. Гордость у дегенератов является такой же глубокой чертой характера, как и гнев, она воспитывает в субъекте доведенное до крайности — noli me tangere. При таких основных чертах болезненного характера, объединение с людьми в семье и в обществе является делом нелегким: всякое несогласие — обидой и оскорблением. Для дегенератов не понятно идеальное, а понятно личное.

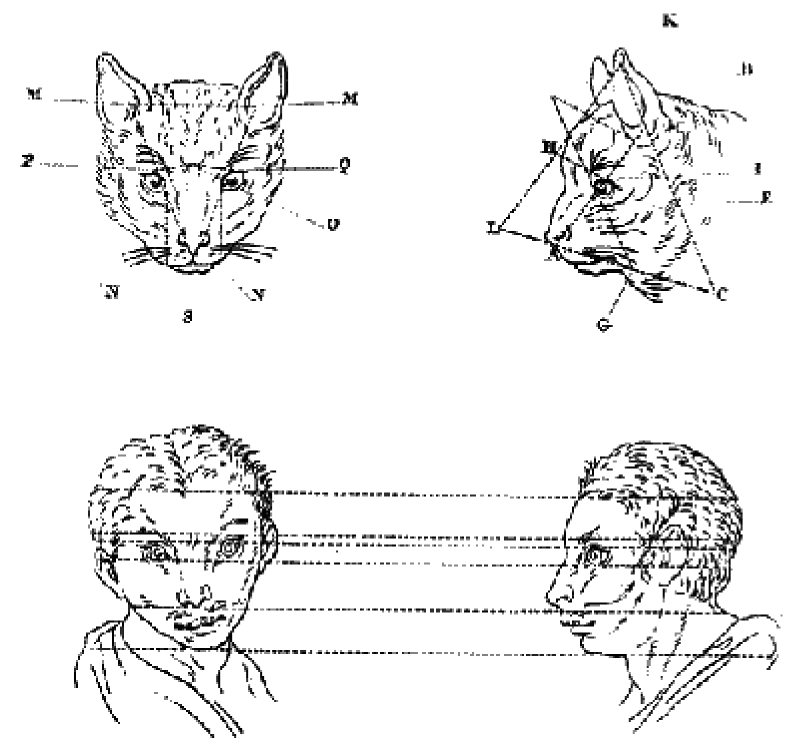
Не понимая других, дегенераты лишены той высшей формы стыда, которая состоит в восприятии в себя совести других и совести общественной. Таким образом, они лишены общественного стыда и приличия — этих важных нравственных коррективов жизни. В своей деятельности они руководятся только личной совестью, которая легко затмевается страстями, в особенности гневом. В этом лежит глубокий источник нравственного застоя и регресса в личном развитии.

Благодаря указанным основным чертам характера, дальнейшая жизнь, уже начиная с юного возраста, направляется по такому нравственному руслу, которое приводит душу не к усовершенствованию, а к упадку и деградации. При этом наблюдаются следующие нравственные этапы. Дегенераты более или менее отделяются от людей и, попадая в нравственное одиночество, продолжают чуждаться людей и пребывают в холодном или самими созданном заточении «без упованья и любви», по выражению поэта. Такие условия жизни приводят их к мрачности и сомнениям. Сомнение есть результат возникающего, с течением времени, убеждения в неразрешимости многих вопросов жизни и духа при помощи того главнейшего орудия, которым одарен дегенерат, т. е. ума.

в. По отношению воли. Слабость высших чувств неминуемо ведет за собою и слабость воли, и такое состояние усиливается затем мрачностью, сомнениями и страстями.

Внутренняя дисгармония, в соединении со слабым развитием высших орудий нравственной жизни, делает для дегенерата невозможным как индивидуальное усовершенствование, так и достижение внешних высших целей жизни. Оттого нравственная жизнь дегенератов с течением времени движется не вперед, как бы следовало, а назад. Это естественным образом приводит к разочарованию, к утрате жизнерадости, к моральному одряхлению, и

такая нравственная метаморфоза происходит тем в больших размерах, чем слабее развиты высшие чувства. Вместо нравственного прогресса, который у здоровых людей продолжает нарастать до могилы, у дегенератов уже рано устанавливается в душе раздражение, утомление, разочарование, и весь план жизни распадается, а сама жизнь обращается в нравственную случайность или в нравственное разложение. Но к такому положению дегенерат приходит неминуемо.

Нарисованная картина, или нравственный тип дегенерата отличается от типа нравственного идиотизма (insanitas moralis) не только количественно, но главным образом тем, что в явлении психической дегенерации мы имеем дело с совершенно конкретными чертами душевного склада и с их типической комбинацией.

Если намеченный сейчас психический облик дегенерата сравнить с тем образом «демона», который нарисован, например, у Лермонтова, то множество сходных черт делают оба типа весьма близкими и, как мы думаем, тождественными. Процесс частичного вырождения жизни, как и самая жизнь — явления равно старые, и потому естественно думать, что глубокие наблюдатели жизни — моралисты,

мыслители, поэты и художники не могли не заметить этой типической картины наследственного упадка высшей жизни, а, заметив, не могли не запечатлеть ее орудиями своего таланта. Мы считаем, поэтому необходимым провести параллель между типом Мефистофеля, Демоном и типом Дегенерата.

Демон, в изображении, например, Лермонтова, представляется существом жадным к познанию, он царь познанья, по его собственным словам; но это единственная положительная сторона. Все остальные качества демона отрицательны: он горд, но в то же время он печален, злобен, полон сомнений, он не может верить, не может любить (Демон. Часть II, гл. 1). Но что же это за существо? Какие у него цели? Какую программу, какой план жизни это существо начертало для себя своим тонким умом? Никакого положительного плана у него не существует, никаких собственных предусмотрений, предначертаний в его уме нет. Это странный бесплодный ум! Это странная воля, не имеющая собственной инициативы. Толчком для этого ума и этой воли служат события, лежащие вне. Демон презирает людей, но живет их инициативой, он разрушает то, что люди создают, попирает то, перед чем они преклоняются, но сам ничего не может придумать, решить или создать. Очевидно, что демон — нравственно разлагающееся, вырождающееся существо; внешние события еще приводят в действие душу этого существа, но сама по себе эта душа суха, бездеятельна, безжизненна.

Фигура Мефистофеля, какой ее изображают художники, весьма типична. Это сумма такого рода черт, которые не свойственны нормальному человеку или которые, по крайней мере, встречаются весьма редко. Физиогномический образ Мефистофеля будет предметом подробного рассмотрения ниже в V Отд.[33] Здесь же ограничимся указанием на то, что образ Мефистофеля содержит в себе типичные черты дегенеративной мимики, которая стоит в прямом соотношении с психическими чертами этого типа. Образ Мефистофеля, нарисованный кистью великих художников, содержит в себе те же черты, какие представлены поэтами, что явствует из анализа мефистофелевской мимики. В ней представлены: сокращение верхней орбитальной мышцы (мышцы мысли — ум), в соединении с резким сокращением пирамидальной мышцы носа (злоба, злость, враждебность) и более или менее заметным сокращением большой скуловой мышцы (радость). Единовременное сокращение двух последних мышц выражает собою злорадство. Таким образом, холодный ум, злоба, злорадство, бессердечность одинаково присущи

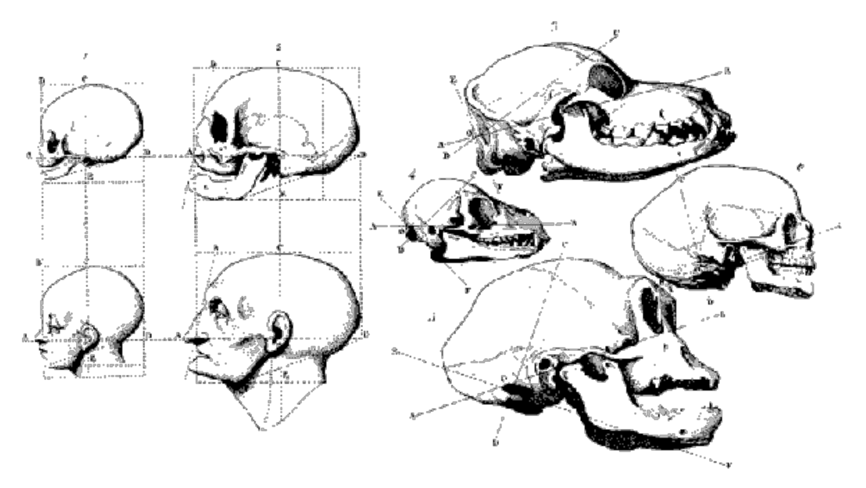
Мефистофелю художников, Демону поэтов и Дегенерату психиатров. Но, так как поэтическое и художественное творчество черпают свой материал из реального мира, то весьма правдоподобно, что класс дегенератов и является той моделью, которой пользовалось творчество в своих созданиях.

Объединяя все изложенное, нельзя не прийти к заключению, что «Демон», «демоническое» в изображениях поэтов и художников является сложным «образцом», для которого прототипом послужили те реальные явления, которые даются процессом вырождения и которые оказываются истинным «демоном» человеческого рода, подлинным патологическим злом, худшим, чем самая смерть, умиранием, распадением, разложением жизни и психического органа.

Так как существенной чертой «демонического» является злобность, гневность, то возникает вопрос, почему именно это, а не иное чувство стало в центре дегенеративного процесса, и каков филогенез такого факта. Можно дать следующее объяснение. Процесс жизни, выражающийся в известной систематической работе, в известной правильной затрате сил, лишен у дегенератов своих естественных путей, исходов и усложнений и должен, как в эпилептическом припадке, давать патологические взрывы при посредстве одного из наиболее старых, в филогенетическом смысле, шаблонных разрядов. Чувство гнева удовлетворяет этому условию. Гневность и злобность дегенератов подобна раздражительности эпилептиков и носит тот же стихийный, органически неисправимый характер. Жизнь и душевная энергия идет у дегенерата не в смысле прогрессивных усложнений, но путем шаблонных, элементарных взрывов и затрат; здесь энергия расходуется не на эволюцию, а на разложение, как сказал бы Спенсер.

В заключение настоящей главы обратим внимание на то, что процесс вырождения с его этапами, проявлениями, направлением и исходом может быть весьма нередко прослежен не только психологически и физиологически, но и анатомически: физическое сходство предшествующих и последующих поколений, передача каких-либо отменных физиологических особенностей (привычек, идиосинкразии, странностей и пр.) указывают, в каких нисходящих от дегенератов ветвях и поколениях процесс сказался, и какие, наоборот, пощажены и избежали его действия. Фотографические снимки и антропологические описания дадут надлежащий материал для истинного суждения. Но в этом широком вопросе, как и во всякой научной задаче, касающейся человека, необходимо руководиться

всею сложностью физиологических, физических и психических данных.

С. С. Корсаков

Физические признаки психической дегенерации

У душевнобольных мы находим нередко целый ряд неправильностей физического развития, каковы, например, неправильная форма черепа, непропорциональность в развитии отдельных частей тела, неправильная форма ушей, неправильный рост зубов, расщепление твердого неба, заячья губа, сращение пальцев и т. п. Все эти особенности хотя и не составляют, собственно говоря, симптомов душевного заболевания, но имеют очень большое значение для диагностики душевных болезней. Большей частью это — так называемые физические признаки вырождения, которые бывают у субъектов, представляющих со стороны психической сферы признаки психического организма, вызывает с одной стороны неправильное развитие психической деятельности, а с другой — неправильное развитие отдельных частей тела, проявляющееся в различных пороках развития. Вследствие этого физические пороки развития служат до некоторой степени знаками, стигматами, по которым мы можем судить о недостаточности развития организма вообще и, следовательно, о недостаточности или неправильности в развитии органа психической деятельности — головного мозга; таким образом, эти пороки развития имеют значение стигматов дегенерации.

В виду того внимания, с которым современная психиатрия относится к вопросу о дегенерации, нужно довольно хорошо знать те уклонения в строении организма, которые служат физическими признаками вырождения. Это тем более необходимо, что не следует думать, что эти уклонения или пороки развития должны быть очень крупны, чтобы иметь значение стигматов. Наоборот, есть некоторые пороки развития чрезвычайно мелкие (как, например, неправильное строение неба, неправильности зубов, ушей), на которые обыкновенный врач и не обратит внимания, но которые для психиатра имеют большое значение в смысле признаков, указывающих на почву заболевания. В виду этого я считаю нужным подробнее остановиться на тех морфологических особенностях, которые следует искать и отмечать у душевнобольных.

Эти особенности могут существовать во всех отделах организма, и мы начнем перечисление их по порядку. Я должен, впрочем, отметить, что это перечисление далеко не полно. Всех могущих встретиться аномалий в строении перечислить почти невозможно, и потому я ограничусь только главнейшими уклонениями от обычного строения.

I. Со стороны головы могут быть резкие уклонения от нормы в зависимости от неправильности развития костей черепа.

Неправильности в развитии костей черепа встречаются у душевнобольных очень часто и обусловливаются разнообразными причинами. Так: 1) иногда они находятся в зависимости от неправильного развития головного мозга (напр., при остановке развития мозга или при головной водянке), 2) иногда в зависимости от неправильного процесса окостенения, 3) иногда от страданий костей (напр., сифилиса, рахитизма); 4) очень часто от раннего заращения того или другого шва или вследствие воспалительных процессов, или вследствие ранней облитерации сосудов черепных швов; 5) иногда от расстройства в кровообращении под влиянием неправильного положения головы, как, например, при torticollis, или 6) от неравномерной работы мышц, прикрепляющихся к черепным костям, или 7) от искусственного деформирования, например, стягивания черепа в раннем детстве повязками, как это бывает у некоторых народов. У нас, в России, эту искусственную деформацию можно видеть на черепах, находимых при раскопках вблизи Керчи. В зависимости от всего этого, бывают различные уклонения в строении головы, определяемые осмотром, ощупыванием и измерением при помощи особых инструментов. Наиболее частные морфологические особенности головы таковы:

- Микроцефалия — малоголовие; при этом, если все части головы пропорционально уменьшены, то это будет наноцефалия, если же уменьшены особенно кости черепного свода (лобная и теменные кости), а не основания черепа, то это — голова типа «ацтеков».
- Макроцефалия (в малых степенях — кефалония) — общее увеличение объема головы; при этом, если голова напоминает шар, суженный к низу, причем лицо сравнительно мало, то это чаще всего указывает на гидроцефалическое происхождение.
- Плагиоцефалия, или косоголовие; при этом голова несимметрична, например, так, что передняя часть на одной половине более развита, чем передняя часть на другой. Косоголовие встречается довольно часто и обусловливается в большинстве случаев заращением

одной половины венечного шва (sutura coronaria). По известному закону, установленному Вирховым, преждевременное заращение шва вызывает остановку роста костей черепа в направлении, перпендикулярном зарастающему шву; следовательно, при заращении одной, например, левой половины венечного шва будет остановка роста левой половины черепа в продольном направлении; правая же половина будет расти и иногда для компенсации развивается больше, чем следует; таким образом, череп и выйдет косым.

- Скафоцефалия (лодкообразная голова), голова очень длинная, напоминающая лодку или крышу, обусловливается заращением сагиттального шва.
- Оксицефалия — голова, сдавленная сзади и очень высокая, с перпендикулярным лбом.
- Акроцефалия — голова, удлиненная в направлении темени, с очень наклоненным назад лбом.
- Платицефалия — голова очень низкая, плоская.
- Трохоцефалия — круглоголовие, голова в виде шара.
- Клиноцефалия — голова с седлообразным вдавлением на вершине.
- Сфеноцефалия — клинообразная голова, удлиненная, с выдающеюся вершиной венечного шва и приплюснутым теменем; обусловливается ранним заращением заднего родничка.
- Тригоноцефалия — голова, передняя часть которой похожа на треугольник, обращенный вершиной вперед; происходит от слишком раннего заращения лобного шва.
- Пахицефалия — голова с чрезмерно коротким затылком; некоторые, впрочем, называют этим термином черепа с очень толстыми гипертрофическими стенками.
- Натицефалия (от nates — ягодицы); при этой форме задняя часть головы представляет в середине глубокую впадину, разделяющую правую и левую половины наподобие ягодиц. Чаще всего эта форма головы бывает при врожденном сифилисе.

Кроме этих типичных форм, голова больного может представлять и другие резкие изменения. Так, иной раз она бывает слишком длинна (долихоцефалия) для человека данной расы, иногда слишком широка (брахицефалия), иногда со слишком выдающимся вперед лбом (гиперортогнатизм). Своеобразное изменение головы бывает вследствие раннего зарастания швов основания черепа (synostosis tribasilaris); это наблюдается у кретинов, о которых мы будем говорить ниже.

Кроме указанных изменений, на голове могут быть разнообразные выпуклости, впадины, экзостозы, рубцы. Все это должно отмечаться при исследовании душевнобольных, если мы желаем собрать наибольшее число отличительных особенностей. Таким образом, со стороны головы отмечается ее величина, асимметрия, признаки сдавления, слишком большое выстояние теменных бугров, затылка, слишком узкий, косой или выдающийся лоб, прямой затылок, высота или плоскость свода черепа, слишком большие углубления на месте тех или других швов, гребешки на месте стреловидного и других швов, слишком большое развитие lineae nuchae и protuberanntiae occipitalis externae, вдавливания, узуры, экзостозы, рубцы и другие особенности, которых всех перечислить нельзя.

II. Со стороны лица может быть: 1) ненормальная величина (по отношению длины и ширины) его сравнительно с черепом, 2) так наз. прогнатизм, т. е. чрезмерное выступание вперед переднего края челюстей (измеряется величиною так наз. «лицевого угла»), 3) чрезмерное выступание подбородка или очень малое развитие его, 4) несоответствие нижней челюсти с верхней, чрезмерное выстояние верхней, или нижней челюсти, 5) чрезмерное развитие скуловых костей, 6) общий неправильный вид лица (монгольский или негритянский тип у людей кавказской расы, тип ацтеков, тип кретиноидный), 7) асимметрия лица (маленькие асимметрии бывают у многих людей, но у дегенератов, идиотов, эпилептиков и др. асимметрия иногда бывает чрезвычайно велика, 8) затем, одним из значительных признаков дегенерации считается возвышение на нижнем углу нижней челюсти (отросток Альбрехта) — атавистический признак, соответствующий строению нижней челюсти у некоторых пород животных (например, лемуров).

Далее, к аномалиям строения лица будут относиться аномалии в отношении носа, глаз, рта и других частей, о которых будет сейчас сказано.

Со стороны носа могут быть различные уродства в форме, длине, выстоянии и ширины, чаше всего искривление носа в одну сторону, отсутствие носовой перегородки, слишком широкий нос, седлообразно сжатый, обращенный ноздрями кверху, облитерация носового отверстия, иногда врожденное отсутствие носа. У дегенератов иногда резко бросается в глаза ослабление чувства обоняния; бывает и полное врожденное отсутствие обоняния.

Со стороны глаз тоже существуют многочисленные признаки дегенерации. Так, очень нередко у дегенератов бывает неправильное

расположение орбиты: глаза или слишком близки друг от друга или слишком удалены; надбровные дуги могут быть слишком развиты. Со стороны век может быть сужение глазной щели, неравномерность ее на обеих сторонах, так наз. монгольский тип глаза, неправильный рост ресниц, их седина. Со стороны конъюнктивы иногда замечается чрезмерное налитие ее, зачатки 3-го века, врожденный птеригион и пр. самое глазное яблоко иногда слишком выдается и не закрывается, как следует, веками; иногда глаз слишком мал, иногда существует врожденный недостаток глаза. Роговая оболочка представляет иногда врожденные помутнения, аномалии кривизны (астигматизм). Иногда старческая дуга на роговице заметна у очень молодых дегенератов и идиотов.

Со стороны радужной оболочки может быть врожденный недостаток ее, может быть в ней щелевидное отверстие, может быть неправильное положение зрачка (corestopia), может быть несколько зрачков (polycoria) отсутствие зрачка (acoria), врожденная неравномерность зрачка; утробная membrana pupillaris может существовать очень долго после рождения. Цвет радужной оболочки тоже может представлять неправильности; так, может быть альбинизм, неравномерность окраски, пятна на радужной оболочке, один глаз может быть одного цвета, другой — другого. Со стороны хрусталика могут быть врожденные катаракты, эктопия хрусталика и другие особенности. При офтальмоскопическом исследовании обнаруживается иногда retinitis pigmentosa и др. врожденные страдания сетчатки. Здесь же можно прибавить, что часто у дегенератов бывает косоглазие, нистагм и другие расстройства в движении глаз. Очень нередко у дегенератов замечается недостаточная зрительная способность, ослабление зрения, сужение поля зрения, дальтонизм, прогрессирующая близорукость, ведущая к слепоте.

V. Со стороны рта наиболее частые признаки дегенерации таковы: 1) Губы могут быть или чрезвычайно велики или слишком малы, так что не закрывают рта; они могут быть выворочены слизистой оболочкой наружу; отверстие рта может быть слишком узким; наконец, очень часто замечается заячья губа. 2) Твердое небо может быть или слишком низко или слишком высоко; оно может быть очень узко, ладьеобразно. Нередко замечается расщепление неба (faux lupina). 3) Язык может быть слишком велик или слишком мал, отклонен в сторону; иногда замечается атрофия языка, односторонняя или общая. Тут же можно отметить, что у дегенератов замечается

иногда значительное ослабление вкусовой чувствительности. 4) Очень большое значение в числе физических признаков дегенерации имеют аномалии зубов. У дегенератов время развития зубов часто бывает ненормальное. Так, некоторые дети в дегенеративных семьях рождаются с зубами, у других, наоборот, зубы являются только на 3-м году. Молочные зубы могут остаться иногда слишком долго и не выпадать при появлении вторых зубов.

У каждого душевнобольного нужно старательно осматривать зубы, чтобы определить их количество, форму, взаимное расположение. Известно, что у взрослого человека всего 32 зуба — но 16 в каждой челюсти. Распределение их выражается такою «зубною формулою»:

резц. 2–2 / 2-2
клык 1–1 / 1-1
малые корен. 2–2 / 2-2
больш. корен. 3–3 / 3-3

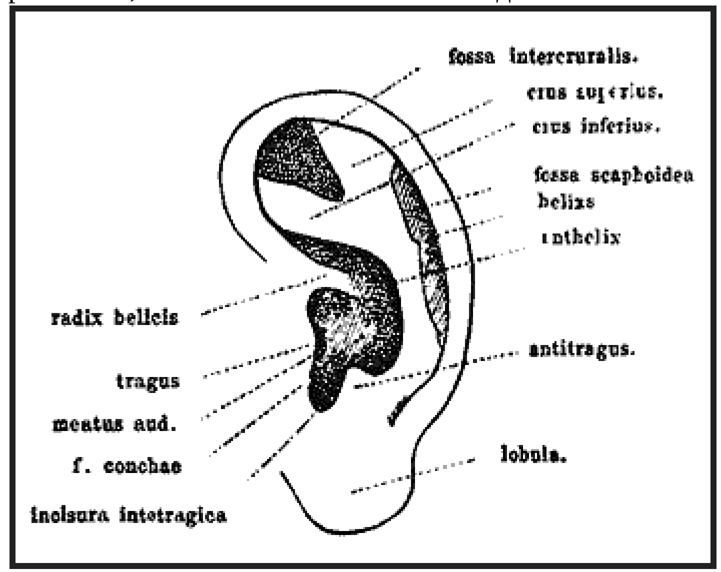
В этом обозначении верхние цифры соответствуют верхней челюсти, нижние — нижней. Левые цифры соответствуют правой половине, правый — левой. По этой формуле обыкновенно и отмечают изменения, наблюдаемые у душевнобольных со стороны зубов.

Изменения зубов могут касаться: a) их числа: может быть, напр., отсутствие, вследствие неразвития, резцов или коренных зубов (отсутствия клыков не наблюдалось). Иногда могут быть лишние зубы. b) Может быть неправильное расположение зубов: наприм., зубы сидят не на своем нормальном месте; может быть неправильное направление зубов (наприм., зубы растут вкось, повернуты вперед краем и т. д.); иногда между зубами замечается слишком большое расстояние (особенно часто между резцом и клыком на верхней челюсти и между клыком и передним коренным зубом на нижней. Это расположение соответствует нормальному положению зубов у обезьян и у некоторых низших рас людей). c) Может быть изменение в объеме зубов (они могут быть слишком велики, или, наоборот, слишком мелки). d) Форма их может быть ненормальна. Особенно часто бывает зазубренность зубов и образование на них резких вертикальных бороздок по краю или полулунных вырезок, как бы выеденных («зубы Гетчинсона», указывающие нередко на врожденный сифилис).

Очень часто самые челюсти развиты неправильно: верхняя челюсть не соответствует нижней, вследствие чего нижние зубы выступают вперед, или обе слишком малы и пр.

Следует прибавить, что у дегенератов нередко даже передние зубы поражаются кариозным процессом в самой ранней молодости.

VI. Очень большое значение в психиатрии имеет развитие ушной раковины. Вообще изменения органа слуха встречаются у дегенератов и идиотов очень часто. Здесь мы остановимся главным образом на изменениях в строении ушной раковины. Так как мелкие неправильности в форме ушной раковины должны особенно интересовать психиатров, то я и представляю рисунок нормальной ушной раковины, с обозначением названий отдельных частей ее.

Как известно, в ушной раковине различают выпуклые части и углубления. Выпуклые следующие: завиток (helicis) с его корнем (radix helicis); от последнего кзади иногда продолжается в горизонтальном направлении гребешок завитка — crista helicis; затем — противузавиток (antihelicis), который по направлению к верху разделяется на 2 ножки, — crura anthelicis (superius et inferius); наконец, 2 бугорка — tragus и antitragus. Углубления ушной раковины следующие: fossa conchae, fossa scaphoidea и fossa intercruralis. Нижняя мягкая часть уха называется мочкой, или сережкой, уха — lobula. Выемка между tragus и antitragus называется incisura intertragica.

Изменения со стороны строения ушей бывают чрезвычайно разнообразны. Они касаются: 1) длины и ширины его; ухо может быть

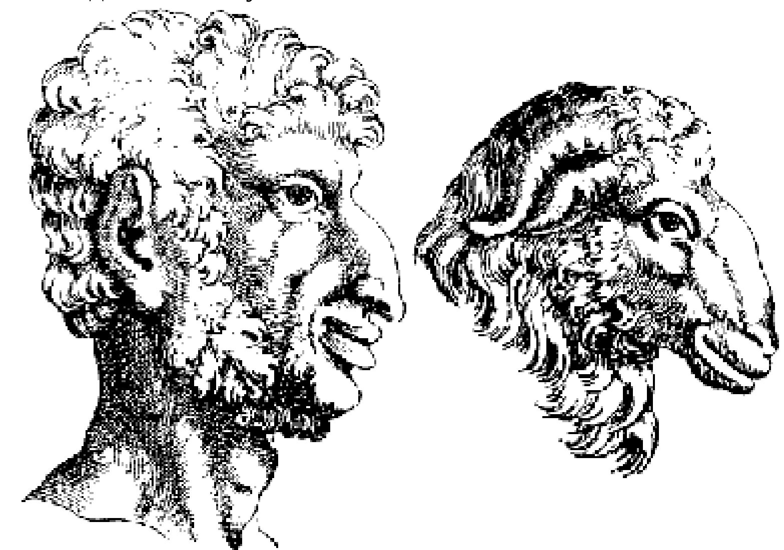
слишком длинно или коротко, слишком широко; одно ухо может быть длиннее другого: 2) посадки и отстояния уха — оно может быть слишком оттопырено, стоять почти под прямым углом к голове или слишком прижато, 3) изменения могут касаться развития отдельных частей уха: а) может быть изменен завиток (helix), иногда он бывает развит очень мало, или одни части его более развиты, другие менее; на нем могут быть складки, его корень может быть развит слабо или сильно (так что делит ушную впадину пополам). Задний отдел завитка неправильно развит (выворочен, приращен, направлен в сторону); его верхушка может быть остроконечная (верхушка сатира), на границе верхней и средней его части может быть возвышение (Дарвинов бугорок); б) противозавиток может быть вдавлен в уровень с ухом или выступать больше, чем завиток; его ножки могут быть плохо развиты; может быть третья или даже еще несколько прибавочных ножек противозавитка; в) козелок (tragus) может быть очень мало развит, или на нем может быть лишний бугорок; г) противокозелок (antitragus) может быть очень мал, может чрезмерно выдаваться, иметь неправильную форму, д) ушная сережка, или мочка (lobula), может быть очень мала или чрезмерно длинна; она может быть приращена своею внутренней поверхностью, может быть неправильно изогнута; на ней могут быть борозды; она, наконец, может быть раздвоена; е) наконец, иной раз бывают врожденные пробадения уха, какие-нибудь прибавочные части; иногда уши покрыты волосами.

Сочетания разнообразных изменений, находимых в ухе, дают ему своеобразные формы, которые и носят особые наименования (Морелевское ухо, ухо Вильдермута, ухо Дарвина); таких разновидностей можно насчитать десятки. Часто вообще неправильно развитые уши называются «Морелевскими» по имени Мореля, впервые обратившего на них большое внимание.

Значение неправильностей в форме ушей по отношению к вопросу о дегенерации заключается главным образом в том, что неправильности ушей у дегенератов часто напоминают по форме уши некоторых пород обезьян и низших рас и составляют, таким образом, то, что называется проявлением атавизма. Особое внимание в этом отношении имеет так называемый Дарвинов бугорок, встречающийся у некоторых дегенератов. Он помещается на свободном крае завитка, на границе верхней и задней его части. По большинству авторов, он имеет значение атавистического признака и соответствует угловатости ушей у многих млекопитающих. Это мнение, впрочем, многими оспаривается и не может быть признано достоверным. Не

мешает прибавить, что, по-видимому, ненормальности ушной раковины встречаются чаще на левой стороне, чем на правой.

Очень нередко у дегенератов замечается недостаточное развитие слуха, иногда полная глухота.

VII. Что касается до строения туловища, то с этой стороны могут быть различные аномалии роста. Так, между дегенератами попадаются великаны (гигантизм), карлики (нанизм) и люди с непропорциональными росту конечностями. Со стороны туловища бывают заметны также искривления позвоночника (кифоз, лордоз, сколиоз), неправильности в строении грудной клетки (куриная грудь), недостаток ребер, spina bifida. Иногда может быть чрезмерное развитие хвостцовых позвонков (хвостатые люди), излишнее отверстие над задним проходом. Тут же нужно отметить изменения в щитовидной железе (отсутствие или чрезмерное развитие — зобатость).

К изменениям в туловище нужно причислить и аномалии развития грудных желез. Так, иногда бывает неразвитие грудных желез у женщин или развитие многих желез (полимастия) или чрезмерное развитие грудных желез у мужчин (гинекомастия). Иногда у женщин грудные железы располагаются слишком низко и неправильно.

VIII. Со стороны конечностей может быть: а) отсутствие той или другой конечности или отсутствие того или другого сегмента конечности, сращение пальцев между собою; б) полидактилия, или излишнее развитие пальцев, синдактилия, или сращение пальцев,

брахидактилия — слишком короткие пальцы, гигантские пальцы, недостаток одного или нескольких пальцев, барабанные пальцы, неравномерное развитие их, например, слишком короткий мизинец у идиотов, неправильная форма стопы, плоская стопа. Кроме того, следует отмечать при осмотре душевнобольных на костях конечностей следы рахитизма, сифилиса и следы детского паралича в виде мышечных атрофии, контрактур, атетоза, различного рода искривлений стопы.

IX. Большое значение у дегенератов и идиотов имеет развитие половых органов. У мужчин может быть слишком большой или слишком малый половой член, он может быть повернут неправильно, может быть phymosis, epispadia, hypospadia в разных видах; часто бывает отсутствие яичек в мошонке, крипторхизм и монорхизм. Очень часто половые органы у мужчин развиваются слишком рано или слишком поздно; нередко форма члена у мальчика (в виде языка колокола) свидетельствует об онанизме. У женщин может быть атрезия вагины, ненормальность места полового отверстия, отсутствие матки, увеличение больших и малых губ, увеличение клитора, отсутствие отверстия в девственной плеве. Между дегенератами попадаются и гермафродиты. Как чрезмерно ранее развитие половых признаков у мальчиков и девочек (иногда в раннем детстве — появление грудей, волос на лобке, менструации в младенческом возрасте), так и слишком позднее — составляют также проявление дегенерации. Недоразвитие половых органов в возмужалом возрасте составляет главную особенность того изменения в общем строении тела, которое называется инфантилизмом.

Нужно прибавить, что различные аномалии половых влечений встречаются особенно часто именно у дегенератов.

X. Со стороны кожных покровов у дегенератов и идиотов встречается тоже немало аномалий. Так, очень часто бывает обильное количество родимых пятен, иногда микседема, иногда рыбья кожа или старческая кожа у молодых субъектов, кожа, чрезвычайно легко поднимающаяся в складки. Кроме того, у лиц невропатических, принадлежащих к дегенеративным семьям, очень заметна неустойчивость сосудодвигательной системы, вследствие чего является то резкое покраснение кожи, то побледнение, наклонность к дермографизму. Не мешает отметить, что у дегенератов часто находят на коже следы татуировки и рубцы, следы ранений, как проявление странностей в их привычках и образе жизни. Говоря о ненормальностях со стороны кожи у дегенератов, следует упомянуть

о том, что нередко у них приходится отмечать различные аномалии кожной чувствительности, чаще всего ослабление ее.

Волосы у дегенератов часто тоже представляют аномалии. У некоторых бывает слишком мало волос, у других слишком много, и они растут там, где не следует; так, есть мохнатые люди, у которых все тело покрыто густыми длинными волосами, есть женщины с бородами и усами. Иногда бывает разный цвет волос на голове; иногда наступает слишком рано седина. Ногти у дегенератов часто растут неправильно, испорчены бороздами, слишком ломки.

XI. К физическим признакам дегенерации нужно прибавить еще некоторые изменения в голосе и речи. Часто голос у дегенератов ненормален, например, у мужчин сохраняется детский голос до старости; иногда бывает отсутствие голоса. Со стороны речи — часто у идиотов и дегенератов замечается немота (большей частью глухонемота) или неправильности речи в форме заикания, картавости, невозможности произносить некоторые звуки. Очень часто у дегенератов речь развивается очень поздно.

XII. Общий вид (habitus) также бывает изменен у дегенератов. Часто поражает непропорциональность в размерах головы и туловища, туловища и конечностей, чрезмерная сутуловатость и пр. Кроме гигантизма и нанизма, о которых мы говорили, нужно здесь иметь в виду так называемую микросоматию. Я называю этим термином такой недостаток общего развития тела, при котором у человека очень малого, карличьего роста, размеры головы находятся в таком же отношении к размерам других частей тела, как у людей высокого роста. Дело в том, что у обычных карликов голова чрезмерно велика по отношению к их росту (так же, как у детей), и мы привыкли у человека малого роста видеть большую голову; а при микросоматии размеры головы в отношении к телу сохраняют приблизительно то же отношение, что у нормальных взрослых людей, но так как тело очень мало, то и голова поражает своею малою величиною, что придает субъекту птичий вид; таков показывавшийся в музеях человек-птица Добос Янос.

К аномалиям общего строения тела должна быть отнесена так называемая патологическая детскость (infantilismus). Бывают субъекты, достигшие среднего возраста вполне, но сохранившие в своем теле все особенности детского строения — детские половые органы, отсутствие волос на лобке и под мышкой, отсутствие бороды и усов у мужчин, — отсутствие грудей у женщин, — также своеобразный детский склад сложения, детский голос и большей

частью детскую степень развития ума. Это и суть инфантилики. Большей частью при этом бывает нарушение деятельности щитовидной железы, вследствие чего развивается микседема (микседематозный инфантилизм или спорадический кретинизм); но иной раз мы не замечаем у таких людей признаков микседемы, и они грациозны и тонки (инфантилизм типа Лорена). Иной раз бывает женское строение у мужчин, а мужское у женщин или соединение мужских и женских признаков в одном теле (гермафродитизм).

Затем, к общим морфологическим изменениям организма должно быть отнесено также извращенное положение органов (сердце на правой стороне, печень на левой стороне и пр.).

Некоторые из аномалий строения внутренних органов, например, незаращение Боталова прохода сердца, чрезмерная малость сердца или узкость аорты, чрезмерная ширина пахового канала, располагающая к образованию паховых грыж и т. п. служат также указателями неправильного хода телесного развития, но о них я считаю здесь достаточным лишь упомянуть, не входя в детальное перечисление их.

Таковы главные физические признаки дегенерации, знание которых необходимо для того, чтобы при исследовании больного их отмечать, старательно осматривая все его тело. Нужно, однако, при этом помнить, что различные аномалии, которые мы найдем при осмотре тела больного, далеко не всегда нужно причислять к признакам неправильного развития. Так, некоторые недостатки могут

быть совершенно случайные, например, отсутствие пальцев, могущее быть от ранений, вдавление на черепе — от ушибов головы. Затем нужно помнить, что из аномалий, найденных при осмотре и указывающих действительно на аномалии развития, не все имеют одинаковую ценность как указатели дегенерации. Так, одни признаки, как, например, некоторые неправильности головы, туловища, обязаны своим происхождением болезням раннего детства (рахитизму, сифилису), следовательно, не составляют прирожденных особенностей, а могут быть следствием неблагоприятных условий жизни в первые годы детства. Так, несомненно, многие признаки являются несравненно чаще среди лиц бедного класса, чем классов состоятельных, например, неправильности конечностей, уклонения в форме носа, последствия рахитизма, монгольский вид лица (не только у нас, в России, где примесь монгольской расы в населении, естественно значительна в виду исторических условий, но и в Западной Европе). Однако, и эти признаки нельзя оставлять без внимания, потому что, с одной стороны, сами условия, их вызывающие (плохое питание, рахитизм, сифилис, золотуха), могли отразиться и на питании нервной системы и в частности головного мозга, обусловив его недостаточность и расположение к заболеваниям, а с другой — и сами по себе такие болезни, как золотуха, рахитизм, могут быть у данного субъекта потому, что его организм представлял врожденную неустойчивость и податливость к влиянию болезнетворных агентов. Но как бы то ни было, значение этих признаков иное, чем тех, которые обусловливаются с одной стороны патологической задержкой развития индивидуума в период утробной жизни, как, например, гермафродитизм, эписпадия, гипоспадия, полидактилизм, микроцефалия, или таких, которые суть проявления наследственной передачи признаков. Между последними большой интерес имеют те, которые некоторыми натуралистами считаются за проявление атавизма, т. е. аномалии, соответствующие каким-нибудь особенностям в строении организма у низших рас или у обезьян. Таковы некоторые формы неправильности ушной раковины (Дарвинов бугорок), некоторые уклонения в расположении зубов, чрезмерный прогнатизм, отросток Альбрехта, покрытие всего тела волосами и пр.; особенный интерес эти признаки имеют в виду существования того взгляда на дегенерацию, которого держится Ломброзо, что вырождение характеризуется, между прочим, обнаружением в современном человеке тех свойств, которые были присущи прародичам человека или ему самому в период его

доисторического, почти дикого состояния.

Таким образом, между так называемыми признаками дегенерации нужно различать важные и неважные; одни, как, например, некоторые неважные особенности в форме лица, небольшие уклонения в форме головы, хотя и могут быть резко наследственными (что, например, подтверждается обзором портретов многочисленных представителей таких старинных родов, как Габсбурги, Бурбоны), не имеют большого значения в смысле указателей на собственно вырождение, другие же, наоборот, имеют в этом отношении очень большое значение; к последним принадлежат резко выраженная микроцефалия, форма головы, свойственная кретинам, необыкновенная покатость лба, некоторые резкие неправильности уха, зубов, твердого неба, недостатки развития пальцев, половых органов, — как гермафродитизм, гипоспадия и другие уродства.

Многие из вышеописанных уклонений в строении тела встречаются, как было указано, у лиц, не представляющих признаков уклонений со стороны психической. Поэтому является вопрос, насколько справедливо мнение, что наличность этих признаков есть все-таки до некоторой степени указание на существование предрасположения к нервным и душевным заболеваниям, или это только предвзятое мнение, обязанное своим происхождением поверхностности наблюдений некоторых исследователей, особенно увлекающихся учением о дегенерации и его приложением к психиатрии и к учению о преступности. Вопрос этот решается на основании целого ряда исследований (правда, все-таки еще не очень многочисленных) в том смысле, что, действительно, перечисленные морфологические особенности у душевнобольных наблюдаются в большем количестве, чем у здоровых. Этот вывод делается из такого рода фактов: 1) если тщательно отметить все особенности в строении у известного количества здоровых людей и у того же количества душевнобольных, то окажется, что у душевнобольных приходится таких особенностей значительно более (по некоторым исследователям, почти вдвое более); 2) если считать, сколько областей тела представляют признаки неправильного развития, то, в общем, оказывается, что среднее число таких областей у душевнобольных также значительно более чем у здоровых; 3) если сравнить число душевнобольных у которых попадаются вышеописанные аномалии, и число душевноздоровых, то процентное отношение первых к общему числу исследованных будет значительно больше, чем процентное отношение вторых. Это процентное

отношение также больше у преступников, чем у непреступников; 4) из числа здоровых, подвергнувшихся исследованию и находящихся потом под наблюдением в течение довольно многих лет, заболело душевным расстройством более лиц, принадлежащих к той группе, в которой были значительные аномалии в строении тела; это доказывает, что наличность физических признаков дегенерации указывает на большее расположение к душевным заболеваниям; 5) если сравнивать количество аномалий строения у больных, представляющих указания на наследственность, с теми, у которых таких указаний нет, то оказывается, что число аномалий у первых значительно более. Наконец, 6) в наиболее тяжелых формах недоразвития мозга замечается и наибольшее количество аномалий, притом особенно важных. Все это заставляет признать за вышеописанными аномалиями несомненное значение как признаков, довольно тесно связанных с расположением к душевным заболеваниям и невропатическою наследственностью; поэтому они и заслуживают название «физических признаков дегенерации».

Однако, нужно помнить, что совершенно такие же признаки и притом в довольно большом количестве встречаются и у совершенно здоровых людей, не отягченных наследственностью и расположением к душевным болезням; нужно помнить, что вряд ли есть хоть один человек, у которого при тщательном исследовании нельзя бы было найти одного, двух или трех признаков неправильного развития. Поэтому, присутствие у больных двух или трех таких признаков, особенно не принадлежащих к категории важных, вовсе не служит доказательством дегенерации данного индивидуума. Для заключения о дегенерации нужно констатирование нескольких достаточно важных физических признаков вырождения и на ряду с этим — психических признаков, характеристичных для вырождающихся. При этом нужно всегда взвешивать и влияние расовых особенностей, потому что многое, что считается аномалией для людей одной расы, составляет явление нормальное для людей другой расы.

К. А. Бари

Вариации в скелете современного человечества и их значение для решения вопроса о происхождении и образовании рас

«Русский антропологический журнал» 1903 № 1

Когда идет речь о вариациях в скелете современного человечества, то почти исключительно имеются в виду различия в строении черепа, а не всего скелета в совокупности. На последний стали обращать внимание только в самое недавнее время; так, под руководством Ранке, Леман-Ницше обработал богатую коллекцию ископаемых длинных костей из Южной Баварии. Скелеты внеевропейских народов изучали главным образом англичане: Флоуэр, Хепберн, Томсон, Тернер, и французы, из которых особенно известен классическими работами Manouvrier. Несмотря на многочисленные наблюдения, собранные в исследованиях названных авторов, нельзя не признать, что они носят характер подготовительных работ к тому, к чему мы должны стремиться, а именно к выработке сравнительной анатомии человеческого рода и, главным образом, системы его скелета.

Изучая расовые различия костей, мы сразу же наталкиваемся на непреодолимые, по-видимому, трудности, заключающиеся в индивидуальных различиях, которые свойственны человеку еще более, чем большинству животных. При более внимательном изучении можно, однако, значительную часть этих вариаций и аномалий рассматривать как переходные ступени в истории развития человека, другую же часть отнести на долю прогрессивного или регрессивного метаморфоза. Прежде смотрели на разнообразные расположения сосудов, например, на руке, как на какую-то «игру природы»; теперь же мы, на основании морфологических исследований, в особенности Ruge, знаем, что эти разновидности следует приписать процессу развития, пройденному (и отчасти еще незаконченному) человеком.

Довольно часто встречающиеся две большие артерии на плече

соответствуют более давнему состоянию, обычным же и более совершенным способом распределения крови является один большой сосуд. Это более давнее состояние связано иногда с присутствием processus supracondiloideus и может быть отнесено к тем животным формам, у которых плечевая артерия, идущая вместе с nervus medianus, защищена костным мостиком над внутренним мыщелком. Не менее веские доказательства изменения человеческого скелета представляют вариации в позвоночнике и ребрах. Так, увеличение числа ребер соответствует более древней ступени развития, а уменьшение ребер, а также числа свободных поясничных позвонков — более позднего происхождения. Крайним примером вышесказанного является позвоночник, описанный Розенбергом и хранящийся в Лейденском анатомическом музее: на нем 15 ребер; кроме свободного ребра на 7-м шейном позвонке, 14 грудных ребер и 5 свободных поясничных позвонков. Если существование 19 позвонков, грудных и поясных, является единственным, то 18 таковых с 13-ю, к которым прикреплены ребра, чаще.

Переходя к рассмотрению вариаций челюсти человека, мы встречаем лишние резцы, 3-й премолар и полное развитие 4-го молара, что является признаком возвращения к очень низким ступеням развития, соответствующим общим родоначальникам человека и приматов. Так, например, 4-ый молар найден проф. Клаачем, кроме людей, между приматами на верхней челюсти черепа Cebus (в Лейпцигской зоологической коллекции). Для расовых делений человека некоторые точки опоры дает более сильное развитие зубов у австралийских туземцев. Их зубы почти все значительно больше, чем у высших рас. На одной нижней челюсти австралийца из коллекции Е. Шмидта в Лейпцигском зоологическом институте Клаач нашел на обеих сторонах три вполне развитых премолара, а на правой стороне, на внутренней поверхности, зачаток лишнего молара. Важнее этих исключений замеченное Клаачем же почти на всех австралийских черепах свободное пространство в верхней челюсти для 4-го молара. В черепе одной австралийской женщины из собрания Годфруа Лейпцигского музея этот зуб даже вполне развит. В этой тенденции к сохранению моляров, не встречающейся ни у одной из высших рас, первобытные австралийцы спускаются даже еще ниже, чем обладатели челюстей из Spy и Karpina, к которым они стоят ближе всего но значительной величине всех зубов вообще и особенно 3-х моляров.

Все присущие современному человеку физические свойства

естественнее всего разделить на три группы: первая обнимает все те признаки, которыми обладали предки-приматы, прежде чем они стали людьми; вторая заключает в себе изменения и приобретения специфически человеческих свойств; третья группа характеризуется теми изменениями, которые произошли впоследствии. Здесь мы посвящаем главное внимание последней группе, так как разделение на расы относится к ней.

Рассматривая признаки этой последней группы, остановимся прежде всего на конечностях. Здесь бросается в глаза большая разница между костями верхних и нижних конечностей. В то время как нижние конечности дают богатый материал для исследования вариаций, верхние конечности, по-видимому, представляют меньшее поле для разработки. Незначительная степень вариаций предплечья и кисти, по сравнению с нижними отрезками нижних конечностей, вполне соответствует тому значению, какое они имеют в процессе превращения в человека. Кисть существовала в древнейшие доисторические времена, нижние конечности подверглись с тех пор целому ряду изменений. Сюда относится, между прочим, преобладание длины нижней конечности над верхней у европейских рас. Меньшее различие в длине обеих конечностей указывает на приближение к одному общему исходному виду человека и высших приматов. С этой точки зрения значительная длина рук у австралийцев, веддов и негритянских рас может быть рассматриваема как первичная стадия. У европейцев эту первичную стадию напоминают только новорожденные.

Из костей предплечья особенно выделяется Radius делювиального человека Spy Neanderthal`я, благодаря своеобразному искривлению его средней части. Клаачем уже раньше было указано на зоологическое значение этого важного признака, общего человеку и обезьянам, как приспособления руки для опоры и лазанья. Из новейших рас Клаач подметил легкую степень искривления только на одном австралийском скелете лейпцигской коллекции, далеко однако не доходящую до типа неандертальца. Расовые отличия плеча были известны уже давно. Стоит напомнить хотя бы различное положение головки плеча, которая у австралийцев и негритянских рас обращена больше назад, чем у европейцев. У европейцев ось плеча образует с осью локтевого сочленения открытый кнаружи острый угол. Плечо неандертальца во многих отношениях отличается от такового у людей более позднего происхождения, преимущественно шириною суставных концов. Поперечная ось головки плеча теперешних рас

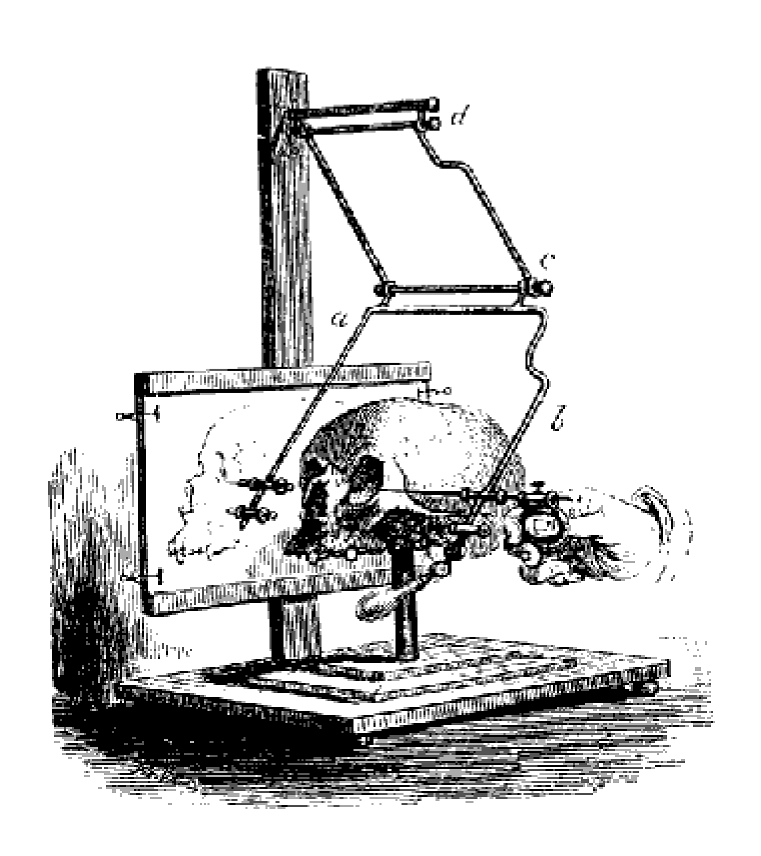
короче сагиттальной, у неандертальца же они приблизительно одинаковы, и поэтому суставная поверхность является как бы частью шара, что напоминает то же явление у гориллы. Fossa glenoidalis на лопатке у низших рас отличается от таковой у европейцев. Овал, ограничивающий суставную поверхность у европейцев, более широк, у австралийцев уже, у первых край острее, поверхность более углублена; на остатках из Neanderthal, Spy и Karpina, а также у австралийцев край как бы срезан, и поверхность более уплощена. Ключица на низших ступенях развития как у ископаемых, так и у позднейших рас поражает своею тонкостью; Мартин отмечает то же явление у жителей Огненной Земли, а Клаач — у австралийцев.

Относительно нижних конечностей нужно отметить, что еще до сих пор у низших рас можно видеть признаки, указывающие на некоторую слабость этих конечностей, так как необходимая для вертикального положения тела крепость приобреталась только постепенно; и до сих пор в низших расах распространена наклонность к сидению на корточках. У низших рас, кроме платикнемии большой берцовой кости, обращает на себя внимание и изгиб ее назад в проксимальной части. За первоначальную форму большой берцовой кости нужно принять ту, которая перешла от предков-приматов, а именно с умеренным поворотом назад области мыщелков, с ретроверзией головки tibiae соединяется выпуклый изгиб Condylus externus и овальной формы поперечный разрез средней трети оси. Tibia ископаемого Spy занимает среднее место между современными костями и этой комбинацией. Для малой берцовой кости доказано, что ее выгнутое состояние у европейцев связано с выпрямлением большой берцовой кости. На низших ступенях развития она остается прямой. На скелетах японцев отмечается особое положение малой берцовой кости, отличное от такового у других рас. Кость эта идет сверху сзади, вперед и вниз, перекрещивая острым углом продольную ось большой берцовой кости; она значительно удлинена вверх, а внизу доходит до Calcaneus. В виду того, что и большая берцовая кость представляет особенности, скелет берцовых костей у японцев значительно отличается от такового у европейцев, негритянских и австралийских рас. Эти различия могут быть рассматриваемы только как результаты постепенного развития и происхождения от одного общего прототипа. Наиболее близко к начальной форме подходит австралийская. Относительно бедра можно сказать, что наиболее приближается по строению к первоначальному типу из современных рас бедро патагонцев, благодаря своей массивности и относительной ширине

суставных концов и поперечника головки. Затем надо отметить, что у японцев нижний конец бедра обладает значительной шириной, будучи сравнительно коротким. Можно было бы ожидать, что бедро австралийца будет схоже с таковым у неандертальца, но, напротив, оказывается, что у современных низших рас очень часто находят тонкие бедра; их суставные концы и поперечник головки не превосходят по величине те же части у европейцев. Тем не менее, у них можно обнаружить признаки сходства с древним делювиальным типом; у этого типа есть несоответствие между дистальным концом оси бедра и шириною суставных отростков, — признаки слабости в построении всей кости, и то же явление отмечается и у австралийцев, несмотря на меньшую величину суставных отростков на их бедрах, вследствие чего коленная и подколенная впадины являются у них значительно углубленными. От скелета стопы древнего делювиального человека осталось очень немного. На последнем анатомическом конгрессе в Халле проф. Леббок из Женевы демонстрировал консервированные кости Talus и Calcanus Spy. Неправильное расположение шейки Talusa и сильный изгиб суставной поверхности этой кости находим мы и у австралийцев, хотя величина скелета стопы значительно меньше. По величине к костям Spy скорее приближается монгольский тип.

Надежда на то, что и на скелете туловища у некоторых рас можно будет отметить низшие признаки, оказалась вполне основательной. Наиболее известны исследования Каннингхэма над поясничной частью позвоночника у обезьяны и человека. Он находил разницу в высоте поясничных позвонков сзади и спереди у человеческих рас, из чего вывел заключение, что лордоз поясничной части позвоночника у низших рас не так сильно выражен, как у высших. При исследовании позвоночника австралийцев, в сравнении с европейцами с одинаковыми по длине бедрами, проф. Клаач нашел, что весь позвоночник у них по всем измерениям значительно отстает от такового у европейцев, что бросается в глаза и без цифрового сопоставления. В особенности это относится к поясничной части позвоночника; к тому же os sacrum австралийцев сравнительно очень узка. Есть разница и в строении canalis vertebralis, который у австралийцев шире, чем у европейцев. Относительно шейных позвонков следует сказать, что epistropheus у австралийцев значительно меньше, чем у европейцев, и менее утолщен в своей средней части. Объяснением более низкой степени развития позвоночника у австралийцев может быть только то, что у них менее,

чем у других рас, выразились вторичные явления воздействия вертикального положения. Современные остатки древне-австралийского населения стоят ближе к животному прототипу человека, чем какая-либо другая раса. Относительно вопроса о физических свойствах нашего животного прототипа следует заметить, что «низшие» признаки не указывают ни на одну из существующих форм обезьян, и таким образом выражения «pethecoid» следовало бы совсем избегать. По вопросу о разделении человечества на расы проф. Клаач приходит к выводу, что европейцы, негритянские, монгольские и австралийские расы происходят от одного прототипа. Существо это обладало, сообразно нашим представлениям, очень многими низшими признаками, и хотя австралийцы стоят сравнительно на низкой ступени развития, они все-таки по своей физической организации выше этого прототипа; нижние конечности последнего и его позвоночник имели формы вполне животного. «Высшие» физические признаки современного человека могли развиться независимо друг от друга при распространении человечества. Многие черты сходства между монголоидами, негроидами и европейцами могут быть поэтому рассматриваемы как следствие параллельного развития и как явления конвергенции. А так как конвергенция никогда не приводит к совершенно одинаковым результатам, то необходимо подробно изучить скелеты этих трех расовых типов, чтобы найти их различия. Что тщательное и детальное изучение большого числа скелетов дает не менее важный и ценный материал, чем изучение черепов, в этом едва ли можно сомневаться.

d
c
a
b

П. А. Минаков

Значение антропологии в медицине

«Русский антропологический журнал» 1902 № 1

Огромный прогресс сделали медицинские науки в последние десятилетия. Успешно изучены формы, симптомы и течение различных болезней. Хорошо разработаны методы распознавания последних. Далее, благодаря преимущественно бактериологии и гигиене, сделаны очень значительные успехи по изучению внешних причин болезней. — причин, лежащих в окружающей человека среде. Но до самого последнего времени очень мало изучались причины заболевания, лежащие в самом организме человека, так как внимание исследователей было почти всецело отвлечено изучением форм болезненных процессов, их симптомов, методов распознавания и внешней этиологии. Исследуя уже давно и с большим вниманием влияние окружающей человека среды на его организм, врачи еще очень мало изучили самого человека, окруженного этой средой. Этот серьезный пробел в медицине является уже почти общепризнанным, и в последние годы появился в русской и иностранной литературе ряд работ по вопросу о наследственности внутренних, нервных и психических болезней и эволюции болезненных процессов в рядах поколений. Но еще совсем мало уделено врачами внимания той роли, какую играют расовые и племенные особенности человеческого организма в этиологии болезней. Расовые и племенные особенности, передающиеся из поколения в поколение, служат очень часто причиной болезни при содействии таких внешних факторов, которые у субъектов иной организации не вызывают обыкновенно никаких патологических изменений. Вступая на новый путь исследования причин патологических процессов, медицина должна разработать анатомию, физиологию и патологию рас и указать, какие анатомические и физиологические особенности свойственны чистым и смешанным расам, и какие типы в смешанных расах наичаще подвержены или, наоборот, иммунны к тем или иным болезням. Отсюда понятно, что при изучении внутренних причин патологических процессов врач может быть не знаком с данными и методами исследования той науки, предметом которой является,

между прочим, изучение анатомических, физиологических и патологических особенностей организма у различных рас и которая носит название антропологии.

Наука антропология должна быть понимаема в смысле естественной истории человечества, подобно тому как, например, орнитология есть естественная история птиц, и энтомология — естественная история насекомых. Она распадается на два отдача: физическую и психическую антропологию. Физическая антропология может быть названа также соматологией человеческих рас; она исследует морфологические различия человеческого рода и причины возникновения этих различий. Она изучает также физиологию и патологию рас, но лишь постольку, поскольку физиологические особенности и известные болезненные процессы связаны с особенностями (троения организма и могут таким образом служить отличительным признаком той или иной расы. Психическая антропология занимается изучением психических проявлений отдельных человеческих групп, т. е. их духовной жизни и ее продуктов. Следовательно, она рассматривает человека не как морфологическую особь, но лишь в связи с известной культурной группой, известным обществом людей.

Антропология, представляя собою естественную историю человечества, является, между прочим, дисциплиной, обобщающей многие важные отделы медицины и значительно расширяющей круг наших сведений о человеке. Отсюда понятно ее научное значение и та роль, какую она может играть в общем образовании врача-специалиста. «Главная цель всех человеческих знаний, — говорит Вирхов, — заключается в покоящемся на твердой основе естественных наук изучения человека во все времена и во всех проявлениях его жизни», а к этой цели ведет нас антропология.

Анатомия человеческого тела, являющаяся основой медицинских знаний, должна представлять собою расовую анатомию как часть физической антропологии. В этом смысле и понимают анатомию многие видные представители этой науки (Вальдейер, Швальбе и др.). Она должна изучать человека так, как зоолог изучает животное в ряду других животных. Ведь люди отличаются друг от друга не только по внешним признакам, но существует разница в строении или, по крайней мере, в относительной величине органов тела, а вместе с этой разницей существует, конечно, и разнообразие в качестве и интенсивности физиологических функций и различная степень иммунности или восприимчивости к тем или иным болезням. При

современном состоянии антропологических знаний анатомия не должна ограничиваться изучением и описанием каких-то отвлеченных представителей человеческого рода, homo sapiens, а изучать их как принадлежащих к той или другой расе, со всеми присущими расе и врожденными особенностями, а также с особенностями, обусловленными влиянием окружающей природы, качеством пищи, условиями совместной жизни, нравами и обычаями, ходом культурного развития, общественным положением, профессией и пр. Приспособление человека к различным условиям борьбы за существование производит в его теле ряд изменений, и эти изменения передаются по потомству.

Я не имею возможности изложить подробно те данные, которые получены по исследованию расовых особенностей в строении и функциях органов человеческого тела. Всем известно, что, помимо резко бросающегося на глаза внешнего несходства человеческих рас по цвету кожи, по пигментации радужной оболочки, форме и цвету волос, очертанию лица и пр., существуют значительные различия в форме, толщине, длине отдельных частей скелета, а особенно в форме черепа, которая наиболее тщательно изучена и изучается антропологами. Имеются отдельные указания на различия в мышечной системе, желудочно-кишечном канале, брыжейке, печени и гортани. Подмечены также некоторые особенности в строении борозд и извилин мозга, например, в недавнее время доктором Р. Л. Вейнбергом для эстов, латышей и поляков. По должно, однако, заметить, что имеющиеся в настоящее время данные относительно расовых особенностей многих внутренних органов, за исключением костей, еще крайне недостаточны, и потому предстоит пополнить в этом отношении еще очень значительный пробел наших знаний. Необходимо самое подробное изучение вариаций в строении различных органов тела с целью подметить в таких вариациях расовые признаки.

Если анатомические данные по изучению человеческих рас требуют, как мы сказали, очень значительного пополнения, то это еще в большей степени относится к расовой физиологии, которая в данное время находится на самых первых ступенях своего развития. Однако же относящиеся сюда данные, хотя и очень малочисленные, красноречиво убеждают нас в том, что врач, который приступит к научной разработке некоторых вопросов из этой области, возьмет на себя очень благодарный труд. Так, Гульд и Бакстер, основываясь на американской военной статистике, доказали, что представители белых

рас превосходят негров и индейцев прижизненной вместимостью легких. Такое явление стоит, как предполагают, в связи с большей энергией обмена веществ и большим развитием силы у белых.

Частота ударов пульса также не одинакова у разных рас. Гульд дает в этом отношении следующие средние величины (ударов в минуту):

у мулатов	77
у индейцев	76
у белых	75
у негров	74

У некоторых народов тропических стран Джоуссет отмечает меньшую, по сравнению с европейцами, вместимость легких, большую частоту дыханий, малый объем груди, более слабо выраженный тип брюшного дыхания, большую частоту и меньшее напряжение пульса. Вместе с такими особенностями констатируется слабость мускульной силы, уменьшение мочеотделения и увеличение отделения пота. Однако еще не достаточно выяснено, поскольку наблюдаемые Джоуссетом явления зависят от климата и географических условий и поскольку они действительно составляют расовую особенность. Вышеприведенные данные Гульда более ценны для нас в смысле доказательства расовых различий в физиологических функциях организма, так как эти данные основаны на исследовании очень большого числа индивидуумов, приблизительно одного возраста и находившихся в одинаковых условиях жизни.

Что касается до важного вопроса о составе крови, то в этом отношении не имеется еще достаточно убедительных наблюдений и исследований. Но один из самых видных авторитетов в области антропологии, проф. Ранке, считает вполне достоверным, что кровь, под влиянием различий общеупотребительного питания, должна представлять разницу в своем химико-морфологическом составе.

По отношению к расовой физиологии нервной системы интересен тот факт, что у некоторых народов, например негров, существует значительно меньшая, по сравнению с белыми, болевая чувствительность. Эта особенность констатирована на основании точных исследований и хорошо известна тем хирургам, которым приходилось производить операции неграм. Последние легко и почти безропотно переносят самые тяжелые операции.

Необходимо отметить также менее тонкое развитие зрения, слуха и обоняния у некоторых т. наз. низших рас.

Многие народы не различают некоторых цветов спектра. Так,

например, арабы употребляют слова: черный, зеленый и бурый, как синонимы. Корейцы не различают зеленого и голубого, называя эти цвета одним словом «pehurada». Племя бонго, обитающее в Центральной Африке, употребляет для черного, голубого и зеленого цвета также одно слово — «Kamakulutsch». У этого племени цветовая шкала состоит из трех цветов: черного, красного и белого.

Должно заметить, что при указанных особенностях многим дикарям свойственна необыкновенная острота зрения и слуха, позволяющая дикарю различать детально очень отдаленные предметы и слышать отчетливо самый слабый шум, совершенно недоступный уху европейца; однако, гармонические сочетания звуков, красок и тонов мало доступны дикарю.

Коснувшись вопроса об анатомо-физиологических особенностях у разных представителей человеческого рода, я не могу пройти молчанием того интересного и поучительного факта, что значительные различия в строении отдельных частей тела могут иметь место даже тогда, когда данные части представляются для невооруженного глаза совершенно сходными. Я имею в виду то существенное расовое различие, которое наблюдается в строении человеческих волос. Возьмем, для примера, с одной стороны — прямой или гладкий черный волос с головы монгола, а с другой — прямой же и черный головной волос великорусса. Исследование покажет, что у монгола форма поперечного разреза волоса представляется почти круглой или широкоовальной, причем короткий диаметр овала относится к длинному, как 80–90:100. У великорусса же поперечный разрез головного волоса имеет форму вытянутого овала, короткий диаметр которого относится к длинному, как 61–71:100. В волосах монгола зерна пигмента несколько крупнее, чем в волосах великорусса, и, кроме того, головной волос великорусса в среднем несколько тоньше волоса монгола. Возьмем для сравнения еще два одинаковых по цвету волоса: рыжий головной волос араба и рыжий волос великорусса. В рыжем волосе араба я наблюдал лично, что зернистый пигмент расположен преимущественно в центральных частях коркового вещества, а в волосах великорусса — в периферических частях этого вещества.

Быть может, нечто подобное тому, что мы наблюдаем в волосах, существует и в тех или других внутренних органах, т. е., быть может, при полном внешнем сходстве имеется более или менее значительное различие в гистологическом строении. Но в этом отношении антропология еще не дает нам должного ответа и открывает лишь

широкое поле для научных исследований.

Считаю нужным отметить, кстати, ту важную роль, какую могут играть волосы в деле изучения типа первобытного доисторического населения различных мест земного шара, так как они сохраняются вместе с костями в течение столетий и даже тысячелетий зарытыми в землю, например, в могильниках и курганах. Я нашел, что по внешнему виду курганных волос нельзя давать заключения об их первоначальном цвете, так как последний может значительно измениться под влиянием химических и физических агентов; причем большей частью изменяется не пигмент, который вообще отличается необыкновенно большой стойкостью, а роговая субстанция волоса, которая принимает желтый, коричневый или грязно-бурый цвет. Благодаря такому изменению рогового вещества, черные волосы могут посветлеть, а светлые — потемнеть. Лишь одно гистологическое исследование волос на поперечных разрезах дает нам возможность определить с положительностью или с большей или меньшей вероятностью первоначальный цвет волос, а именно по густоте, цвету, расположению зернистого пигмента и некоторым другим его свойствам. Изучая волосы из курганов средней России, я нашел, что курганное население было темноволосое. Это обстоятельство противоречит очень распространенному мнению, что наши предки-славяне были светловолосые, и подтверждает, наоборот, мнение некоторых антропологов, и в том числе нашего сочлена по Антропологическому Отделу д-ра В. В. Воробьева, что праславянин имел, по всей вероятности, темные волосы.

Сделавши краткий обзор некоторых данных по вопросу об анатомо-физиологических расовых различиях, мы коснемся теперь расовой патологии. Нужно сказать, что в этом отношении мы имеем гораздо больше данных, чем по физиологии рас. Не подлежит сомнению, что у разных человеческих групп, смотря по их расовым особенностям, существует различная степень иммунности или предрасположенности к тем или иным патологическим процессам, подобно тому, как это мы наблюдаем в мире животных. Известно ведь, что одни виды животных легко поражаются такими болезнями, к которым другие виды оказывают полную или относительную иммунность. Изучение расовых особенностей в патологии представляет многочисленные затруднения в виду, во-первых, невозможности исключить другие факторы, которые сами по себе могут играть существенную роль в этиологии болезней, как-то: условий жизни, климата, питания, а во-вторых, — вследствие

недостатка обширных и повсеместных медико-статистических исследований. Вследствие этих причин мы встречаем нередко самые противоречивые мнения по данному вопросу. Так, например, некоторые авторы считают негров вполне иммунными к малярии; Другие же говорят, что негры одинаково с европейцами подвергаются этой болезни. Однако же, на основании имеющихся данных, следует полагать, что истина находится на средине, как это часто оказывается при существовании двух противоположных мнений. Если малярия и встречается между неграми, живущими на своей родине, т. е. в тропических странах, то гораздо реже, чем у европейцев, и переносится ими в общем гораздо легче, чем европейцами. По переселении же в более холодные страны, при резкой перемене всех условий жизни, негры теряют понемногу свою иммунность. Европейцы же, попавшие в тропические страны на места, населенные неграми, несравненно чаще последних подвергаются малярии и в более тяжелых формах.

Интересно, что степень восприимчивости к малярии у разных типов белой расы различна. По Бушану наиболее восприимчивыми к этой болезни оказываются шведы и норвежцы; несколько менее их восприимчивы немцы и голландцы, еще менее — англосаксы, затем идут французы, жители Мальты, итальянцы и испанцы.

Монгольская раса, по-видимому, сравнительно мало восприимчива к малярии и туберкулезу.

Евреи, по некоторым показаниям, реже поражаются чумой, малярией и тифом; но зато, как известно, особенно предрасположены к нервным и душевным болезням и чаще других страдают диабетом. Статистика показывает, что смертность от диабета у евреев в 3–6 раз превышает смертность от этой болезни у других рас. Данные, имеющиеся по вопросу о заболеваемости евреев нервными и психическими болезнями, убеждают нас в том, что ни особыми условиями жизни, ни общественным положением, ни браками с ближними родственниками нельзя объяснить всецело необыкновенную частоту заболевания. Если те или иные условия жизни евреев и не могут быть исключены из числа этиологических факторов, то, во всяком случае, они не играют доминирующей в этом отношении роли, и в частых случаях заболевания нервными и душевными болезнями нужно видеть, прежде всего, расовую особенность евреев. Цимссен, Бланшар и особенно Шарко указывают, что ни одна раса не доставляет столь большого материала по невропатологии, как еврейская. Статистические данные разных стран

Европы указывают нам, что число страдающих психическими болезнями евреев до 4–6 раз превышает число больных у других рас. Из форм психических болезней чаще других имеет место, по-видимому, мания. Tabes встречается у евреев много реже, чем у других рас (Минор, Штембо, Гайкевич).

По отношению к психическим заболеваниям у европейских народов отмечено, что народы, принадлежащие к скандинавско-германской группе, т. е. представители светлого типа, чаще всего поражаются депрессивными формами психозов. У народов же кельто-романской группы и славян, т. е. темноволосого типа, наичаще встречаются маниакальные формы психозов (Баннистер и Херкотен). У немцев и шведов меланхолия наблюдается много чаще, чем мания. У датчан и норвежцев, по данным Баннистер и Херкотен, меланхолия встречается в два раза чаще, чем мания. В Восточной Германии, где славянский элемент преобладает, меланхолия и мания, по статистике психиатрических заведений, встречаются приблизительно в одинаковых количествах или же последняя чаще, чем первая.

В связи с указанным преобладанием у германско-скандинавской группы меланхолии, а у кельто-романов и славян мании, по-видимому, находится неодинаковая частота самоубийств у этих народов. По статистике Джеймса Вейра, с 1880 по 1893 г., оказывается, что на один миллион населения у германско-скандинавской группы, т. е. у представителей светловолосого типа, приходится 116 самоубийств ежегодно, а у кельто-романов, т. е. представителей низкорослой темноволосой европейской расы, только 48 на один миллион, следовательно, почти в два с половиною раза меньше. К подобным же выводам пришел и Хевлок. Известно далее, что в тех местах Австрии, где преобладает немецкое население, самоубийства встречаются много чаще, чем в местах с преобладающим славянским или венгерским населением. Наименьший процент самоубийств отмечается у южно-европейских народов. Так, например, в Италии на один миллион приходится 40, а в Испании 35 случаев самоубийств в год, т. е. значительно меньше, чем в Германии, где на один миллион приходится 271 случай самоубийства. Замечательно также, что в южных провинциях Италии — Апулии и Калабрии, где преобладает кельто-романское население, на один миллион жителей бывает 17–33 случая самоубийств, а в северных провинциях, как, например, Ломбардии и Венеции, где в значительном количестве живут представители германской группы, — около 65–66 случаев, т. е. по крайней мере, вдвое больше,

чем в южных провинциях.

Относительно заболевания нервными и психическими болезнями у других рас, как-то: у монголов, негров и др., наши сведения еще очень невелики. Имеются, например, указания, что японцы более предрасположены к маниакальным формам психических расстройств. У остяков, самоедов, тунгусов, бурят, якутов и камчадалов наблюдается болезненная пугливость, сопровождаемая приступами неистовства. У качинцев, по Палласу, особенно часты менструальные психозы. Имеются также указания на своеобразные психические расстройства у малайцев и жителей Явы и Суматры; но требуются дальнейшие проверочные наблюдения для выяснения связи подобных психозов с расовыми особенностями.

Как бы ни были еще малочисленны, отрывочны и во многих отношениях неполны данные об анатомических, физиологических особенностях человеческого рода, об его иммунности и предрасположенности к болезням, эти данные все-таки вполне достаточны для убеждения нас в том, что в этиологии болезней, помимо различных внешних факторов, играют, несомненно, очень важную роль расовые особенности организации и функций человеческого тела. Эти особенности должны быть предметом дальнейших наблюдений и исследований.

Быть может, кто-либо поставит теперь вопрос: есть ли необходимость применять к изучению связи внутренней этиологии болезней с антропологическим типом индивидуумов там, где приходится иметь дело с однородным, по-видимому, материалом, с однородными антропологическими элементами, например, с представителями великорусского народа, который говорит одним языком, исповедует единую веру, имеет одно историческое прошлое? Но на самом деле великорусский народ так же, как и малорусский, не состоит из однородных единиц, а произошел в отдаленном прошлом из слияния, по крайней мере, двух или трех рас. Между великоруссами и малоруссами мы встречаем брахицефалов и долихоцефалов, высокорослых и малорослых, темноволосых и светловолосых, и эти особенности являются унаследованными от тех рас, из слияния которых образовался современный великорусский народ.

В связи с особенностями цвета волос, глаз, формы черепа и пр. унаследованы, конечно, и другие анатомо-физиологические особенности, а вместе с ними — различная степень иммунности и предрасположенности к тем или иным патологическим процессам. В

этом отношении интересно наблюдение нашего соотечественника д-ра Эмме, который заметил, что предрасположенность к малярии различна у разных типов малорусского народа: черноволосые малоруссы менее предрасположены к малярии, чем светловолосые. Впрочем, еще Геккель отметил, что черноволосые представители смешанных европейских рас легче акклиматизируются в тропических странах и гораздо реже подвергаются некоторым эпидемическим болезням, например, желтой лихорадке, чем светловолосые европейцы.

Может быть, кто-либо поставит и такой вопрос: имеет ли антропология, помимо научного значения, и практическое применение? На этот вопрос я, прежде всего, позволю себе ответить словами известного антрополога Топинара: «Истинная наука, ведущая к самым блестящим результатам, не имеет в виду практических целей. Ее единственным двигателем служит потребность знания, расширения области человеческой мысли, удовлетворения законной любознательности. Приложения производятся впоследствии и являются сами собою…» Но было бы, однако несправедливо умолчать об имеющемся уже практическом применении антропологии. Я укажу на некоторые случаи такого применения этой науки к судебной медицине.

Относительная длина отдельных частей человеческого скелета, в пределах известных рас, обстоятельно изучена антропологами. Данные такого изучения могут быть с пользою применены в судебно-медицинских случаях при констатировании тождества трупа, когда по отдельным, найденным где-либо, частям скелета приходится определить приблизительно рост и возраст субъекта.

Констатированный Ренье и мною факт, что ногти у правшей на правой руке шире, чем на левой, а у левшей — обратно, может иметь применение при судебно-медицинских вскрытиях трупов. Например, на трупе умершего при неизвестных обстоятельствах человека находится колотая, резаная или огнестрельная рана. Рана эта имеет такое положение, направление и иные свойства, что могла быть произведена или посторонней рукой, или левой рукой самого покойного, но не правой его рукой. Тогда, для выяснения вопроса, имело ли место в данном случае убийство или самоубийство, необходимо, между прочим, узнать, не был ли покойный левша и не мог ли он сам себе нанести повреждение? Этот вопрос с большей или меньшей вероятностью может быть разрешен путем измерения ногтей.

Многие профессии обусловливают в человеческом теле более или менее значительные изменения, как внутренние, так и внешние, составляющие предмет изучения для антрополога, гигиениста и судебного врача. Подобные изменения имеют место, между прочим, на руках и причиняются тем орудием, с которым наичаще приходится работающему человеку иметь дело, например, молоток у каменотеса, игла, наперсток и ножницы у портного, котлетный и хлебный нож у кухарки, ручка с пером у писца и т. п. Подобные орудия ежедневного употребления производят на руках мозоли, ссадины царапины и пр., по форме и положению которых может быть определена профессия, а вместе с тем и личность трупа или живого человека, что очень важно при судебно-медицинском исследовании неизвестных лиц.

Очень блестящее применение получила антропология в науке права. Я разумею антропометрический метод распознавания преступников-рецидивистов, предложенный Бертилльоном. Описание этого метода введено теперь в программу курса судебной медицины для врачей и юристов. Преступники-рецидивисты, или преступники по профессии, для которых та или иная преступная деятельность является правильным источником существования, составляют самый опасный элемент в преступном мире, самых нежелательных нарушителей права. На борьбу с ними должно быть обращено очень серьезное внимание всего цивилизованного мира в целях сделать, тем или иным способом, таких преступников безвредными, безопасными для общества. Поэтому должны быть приняты все средства для распознавания прошлой жизни таких рецидивистов, их прежней судимости. Опыт показывает, что преступников-рецидивистов удерживает от преступления не столько перспектива тяжести возмездия за нарушение права, т. е. тяжести наказания, сколько боязнь неизбежности наказания, боязнь того, что, при новом столкновении с правосудием, все их прошлое будет открыто и все их преступления снова будут хорошо известны представителям правосудия. Существовавшие до введения метода Бертилльона и существующие в настоящее время другие способы определения личности рецидивистов, как то: паспортная система, списки судимости и фотографические карточки, оказались неудовлетворительными на практике. Что касается паспорта, то преступник может пользоваться и чужим, как это нередко и бывает, или же вовсе не иметь паспорта. Списки судимости оказываются полезными лишь только тогда, когда преступник-рецидивист откровенно называет свою собственную фамилию. Фотографические

карточки вовсе не оправдали тех надежд, которые на них возлагались. Борода, усы, прическа, костюм, настроение снимающегося субъекта, освещение, искусство фотографа, — все это более или менее значительно меняет физиономию. Далее, карточки не поддаются никакой классификации, так что каждый раз необходимо пересмотреть все имеющиеся в бюро карточки, иногда в количестве нескольких десятков тысяч, чтобы найти ту, которая именно нужна, причем, конечно, ее всегда возможно просмотреть. Метод Бертилльона основывается на многочисленных антропометрических исследованиях, показавших, во-первых, что, по достижении субъектом 23-25-летнего возраста, костные размеры отдельных частей человеческого тела перестают расти и затем остаются до известного времени неизменными и, во-вторых, что нельзя найти двух людей, достигших указанного возраста, у которых все костные длинноты тела были бы одинаковы, т. е. были бы одинаковы длина и ширина головы, рук, ног, пальцев и пр. Отсюда понятно, что если произведены измерения отдельных частей тела у взрослого преступника, то на основании записанных цифр возможно впоследствии, по истечении даже многих лет, при повторном измерении того же субъекта, идентифицировать его личность, т. е. доказать, что он раньше был измеряем. Конечно, можно справиться и о том, по какому поводу он был измерен.

По Бертилльону, измерению подлежат: 1) рост, 2) высота бюста, 3) ширина размаха рук, 4) продольный диаметр головы, 5) поперечный ее диаметр, 6) длина среднего пальца и мизинца левой руки, 7) длина левого предплечья. 8) длина левой стопы, 9) длина и ширина правого уха. Кроме того, отмечается: 1) цвет iris левого глаза, 2) профиль носа, 3) особые приметы на теле (рубцы, родимые пятна и пр.). Все эти данные вносятся в особую антропометрическую карточку, к которой приклеивается и фотографический снимок с рецидивиста. Записывается также имя, фамилия и судимость измеренного лица. Все имеющиеся карточки разделяются в антропометрическом бюро на группы и раскладываются в многочисленные ящики. Главных групп четыре: 1) группа женщин, 2) группа подростков до 17-летнего возраста. 3) группа юношеского и старческого возраста от 17 до 25 лет от роду и от 45 лет и старше. 4) группа взрослых мужчин в возрасте 25–45 лет, у которых костные длинноты отличаются полной неизменностью. Карточки, относящиеся к последней группе, распределяются прежде всего на три отделения (три ящика или шкапа) по величине продольного диаметра головы, т. е. одно

отделение с малыми размерами длины головы, другое — со средними, третье — с большими. Каждое из этих трех отделений опять разделяется на три по величине поперечного размера головы. Затем идут дальнейшие подразделения по длине среднего пальца, мизинца, ступни, локтя и т. д. Понятно, что при таком способе подразделения легко отыскать карточку по полученным вновь измерениям преступника-рецидивиста. В виду того, что в группе преступников-подростков нельзя распределить карточки вышеописанным способом, так как костные размеры у таких субъектов еще не установились, принято разделение по цвету глаз. У лиц же в возрасте от 17 до 25 и от 45 и выше в основание подразделения карточек положена длина и ширина головы, как величина постоянная, не подвергающаяся или очень мало подвергающаяся изменениям.

Антропометрические бюро имеются во многих городах Западной Европы и в России. В Парижском бюро отождествляется ежегодно несколько тысяч рецидивистов.

Указанными мною примерами далеко, конечно, не исчерпывается научно-практическое значение антропологии. Знание антропологии необходимо для врача еще во многих других случаях. Например, какой врач, пожелавший изучить влияние школьной обстановки на физическое развитие учащихся детей, не прибегнет к методам исследования человеческого организма, выработанным антропологами? Далее, какой врач, пожелавший исследовать, в интересах охранения народного здравия, влияние той или иной географической обстановки или профессии на человеческий организм, пройдет мимо антропологии, если пожелает, чтобы выводы, полученные им на основании его исследований, могли быть названы строго научными? Какой, наконец, врач, пожелавший внести свою посильную лепту в дело изучения антропологических типов населения нашей родины, обойдется без знания антропологии? Таково отношение к медицине и научно-практическое значение антропологии, как дисциплины, идущей на встречу к главной цели всех человеческих знаний, а именно «к изучению самого человека во все времена и во всех проявлениях его жизни».

И. И. Мечников

Борьба за существование в обширном смысле

I

Общие начала борьбы за существование в человеческом мире. — Учение о естественном неравенстве. — Очерк априорических воззрений на ход борьбы за существование между людьми.

Связав свое учение с теорией Мальтуса, Дарвин естественно не мог не коснуться вопроса о борьбе за существование в человеческом мире. И здесь он видит существеннейший источник борьбы в значительной плодовитости. При удвоении населения в двадцатилетний период, нынешнее население земного шара уже через 463 года размножилось бы в такой степени, что люди должны были бы тесно стоять друг возле друга, не имея возможности ни сесть, ни двинуться с места (Г. Фик). Отсюда следует, что беспрепятственное возрастание населения должно в сравнительно короткий период вести к перенаселению и усиленной борьбе за существование, и к установлению различных препятствий с целью задерживать произрождение и уменьшать число народившихся людей.

Вопрос о «перенаселении», как в высшей степени сложный, следовало бы подвергнуть здесь обстоятельному исследованию, если бы, согласно с Дарвиным, видели в усиленном размножении главнейший, если не единственный, источник борьбы за существование. Следует, однако же указать на то, что понятие о перенаселении в высшей степени условно: состояние, которое для одного народа будет наитягчайшим, для другого, более производительного, окажется совершенно сносным. Многие дикари уничтожают значительную часть своего потомства, чувствуя себя в состоянии перенаселения, между тем как европейцы в тех же местностях находят возможным не только свободно размножаться, но еще и принимать большую массу всельников. Понятие о перенаселении имеет в значительной степени субъективный характер и в этом смысле может быть приложено к некоторым явлениям действительности.

Стимулы, вызывающие борьбу за существование, сложны и разнообразны во всем органическом мире; но нигде они не доходят до той степени усложнения, как в пределах человеческого рода. Всякие человеческие стремления ведут к борьбе из-за удовлетворения их, и уже то, что человек, лишенный таких стремлений, обыкновенно считается нисходящим на степень животного, показывает, до чего

присущи эти стимулы борьбы истинно-человеческому существованию. Стремление к щеголянию и роскоши составляет одно из самых ранних и распространенных человеческих стремлений и служит постоянным источником разнообразных явлений борьбы. Чтобы судить о силе его, следует припомнить, до чего распространено татуирование и другие подобные операции, которые всегда причиняют сильную боль, а иногда бывают даже смертельны. Южноамериканский индеец в течении двух недель исполняет тяжелую работу для того, чтобы иметь возможность приобрести необходимое для размалевания количество красной краски (Гумбольдт). Желание нарядиться во множестве случаев удовлетворяется в ущерб питанию и общему здоровью организма. Потребность в ответной любви ежегодно стоит многих жертв, как то показывает статистика самоубиств.

Ясно, что для объяснения различных явлений борьбы вовсе не необходимо прибегать к принятию усиленной густоты населения и вытекающего отсюда недостатка в жилье и пище. Человек есть существо общественное, а это условие само по себе уже в высшей степени усложняет жизнь, как это отчасти было уже показано выше на примере борьбы в мире пчел и муравьев (см. «Наша жизнь — борьба!»). В человечестве мы видим борьбу между обществами и между отдельными лицами. К первой категории относится война, как выражение активной борьбы, соперничества народов на всемирном торговом и промышленном рынке, то есть борьба, по-видимому, более миролюбивого свойства. Другой формой той же борьбы является чисто физиологическая сторона национальной и расовой жизни, то есть способность различных человеческих групп переносить известные болезни, климатические и другие стихийные перемены. Общественная борьба имеет длинную шкалу степеней и подразделений. Она обнимает борьбу между расами, народами, политическими партиями и вообще между всякими группами, соединенными во имя одного какого-нибудь общего принципа.

То же повторяется и при индивидуальной борьбе. Здесь мы также встречаем активную — мускульную борьбу, затем — конкуренцию в самых разнообразных формах и, наконец, соматическую борьбу. Борьба возникает между более или менее однородными лицами, что, конечно, значительно влияет на самый ход ее.

Силы, участвующие в борьбе, большей частью, если не всегда — неравны, и потому ведут не к равновесию, а к перевесу одной стороны над другой. Правило это, приложимое вообще к органическому миру,

в сильнейшей степени применимо и к человечеству. Обыкновенно, чем сложнее организм, тем более он представляет индивидуальных особенностей. Уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы указать на то, как отличия между людьми должны быть значительнее, чем между другими животными. Многочисленные измерения людей различных рас показали, что индивидуальные отличия вообще сильнее у высших рас, нежели у низших, у мужчин сильнее, нежели у женщин, у взрослых сильнее, чем у детей. Индивидуальные отклонения замечаются притом не только на наружных признаках человека, но также и на внутренних органах его. Профессор Зернов исследовал с этой целью сто мозгов, принадлежавших преимущественно взрослым мужчинам, уроженцам средней России, и пришел к заключению, «что рисунок борозд у взрослого человека подвержен множеству индивидуальных видоизменений». Уклонения эти настолько значительны, что другой ученый, Вейсбах, принял их за выражение племенных отличий. Признаки, более скрытые в глубине организма, подвержены еще большим колебаниям. Гальтон заметил (и я могу подтвердить справедливость этого наблюдения), что близнецы, сходные по виду до неузнаваемости, легко могут быть отличаемы по почерку. Сиамские близнецы, несмотря на все наружное сходство и неразрывную связь, представляли тем не менее весьма резкие отличия характера.

Отличия между большими человеческими группамми, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишним распространяться здесь об этом. Влияние культуры на усиление индивидуальных отличий человека так же несомненно, как и в мире домашних животных. Влияние это по крайней мере отчасти зависит от той же причины, которая была приведена выше для объяснения сравнительной однородности диких животных. Цивилизованные народы употребляют все усилия для того, чтобы охранять людей от тех влияний, которые бы непременно погубили их при условиях первобытной жизни. Огромная смертность детей первобытных народов представляет нам, быть может, самый крупный пример борьбы за существование в человеческом роде и является актом отбора слабейших неделимых. «Есть основание думать, — говорит Дарвин, — что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые бы преждевременно умерли от оспы вследствие слабости сложения». То же самое и по отношению ко многим другим болезням и болезненным расположениям. Цивилизованные государства не только охраняют жизнь своих слабейших членов, но даже дают им возможность

нередко вступать в брак и производить потомство; следовательно, допускают передачу по наследству и фиксирование особенностей своей слабой организации. С целью иллюстрировать это, я приведу хотя и исключительный, но зато весьма характерный случай. В Баварии существует деревня Биллингсгаузен, население которой, состоящее из 356 душ, пользуется значительным материальным довольством; но так как оно исповедует исключительно протестантскую веру среди большого католического населения, то все жители деревни в большей или меньшей степени породнились. Половина из них страдает каталепсией, болезнью, передающейся по наследству; все же население Биллингсгаузена, то есть со включением и некаталептиков, «хило, слабо и малоросло». Известны даже случаи браков между глухонемыми и слабоумными. По вюртембергскому уложению 1687 года, если желающий вступить в брак достаточно развит, чтобы понимать, «что такое супружеское состояние», то ему не может быть отказано в венчании.

В то время, как нестепенная борьба за существование при первобытных условиях дает полный простор естественному подбору уничтожать слабых конкурентов и тем выравнивать остающихся членов, цивилизация, поставившая своим идеалом сохранение возможно большего числа людей, несмотря ни на какие их недостатки, наоборот, влияет в противоположном направлении и тем самым обусловливает накопление все большего числа индивидуальных отклонений, то есть, вообще говоря, усиливает неравенство.

Предыдущие замечания могут, мне кажется, послужить к уяснению очень важного вопроса «об естественном неравенстве», занявшего столь важную роль в экономической науке и потому выдвинутого на самое видное место в известном споре между Трейчке и Шмоллером. В то время как первый пытается свести все явления общественного неравенства к основному естественному различию между людьми, Шмоллер старается всячески умалить значение последнего и взвалить большую часть вины на культурные влияния. «Вы говорите, — обращается он к Трейке, — исключительно о неравенстве, данном природой. Вы полагаете, что всякий, кто не хочет насиловать историю, должен начать с признания, что природа делает все существа неравными». «Это то же самое учение, — продолжает он, — которое отрицает единство человеческого рода». «Но вообще мы можем сказать, что религиозное и философское движение, продолжающееся целые тысячелетия, сделало это учение

невозможным, и что новейшее направление научной этнографии, опирающееся на теорию Дарвина о медленном и постепенном преобразовании отдельных племен, возвратилось к учению о единстве человеческого рода и во всяком случае не сомневается в единстве и равенстве человеческого вида относительно мыслительной способности» (Grundfragen, стр 21). Здесь Шмоллером смешаны две совершенно различные вещи, что и ведет к значительным недоразумениям. Первое положение, которое он вкладывает в уста Трейчке, то есть факт, «что природа делает все существа неравными», не только не находится ни в малейшем противоречии с воззрением Дарвина на единство человеческого рода, но, наоборот, составляет один из краеугольных камней всего дарвинизма, сущность которого состоит в «переживании наиболее приспособленных особей в борьбе за существование», где уже само собой подразумевается, что все особи естественно неравны, и что одни из них более, а другие менее приспособлены к данным условиям. Единство же человеческого рода есть теория, по которой все человеческие расы произошли от одного общего корня, хотя сами эти расы и разошлись, то есть сделались различными во многих отношениях.

Итак, естественное неравенство между отдельными особями, племенами и расами есть общий принцип в организованном мире. Это неравенство может, разумеется, подвергаться различным влияниям и потому колебаться в ту или другую сторону. Мы уже видели, как может культура усиливать природные отличия и вообще обуславливать большую разновидность членов данного общества, но все же в основе этого лежит первобытное, хотя и меньшее неравенство. Следует иметь в виду, что увеличение природного неравенства может являться в результате прямо противоположных стремлений. Чем больше цивилизация заботится о предоставлении всем без различия индивидуумам, включая сюда и умственно неспособных, калек, хронически больных и проч., одинаковых прав к пользованию жизнью и ее благами, тем сильнее влияет она на фиксирование природных, передаваемых путем наследственности, различий. С другой стороны, цивилизация влияет также и на усиление чисто культурного неравенства, идущего часто в разрез с природным, влияет путем предоставления различных прав и привилегий, дающих возможность лицам от природы слабейшим одерживать победу над неделимыми, более одаренными.

Эти различные моменты неравенства (во-первых, первобытное естественное неравенство, во-вторых, усиленное культурой

природное, и, наконец, обусловленное культурой в разрезе с природным неравенство) спорящими сторонами нередко смешиваются друг с другом и потому ведут к невозможности соглашения. Мне придется еще вернуться к этому предмету, теперь же я затронул его только с целью показать, что естественное неравенство между индивидуумами и группами их вообще присуще человеческому роду, и что поэтому, при соперничестве как первых, так и последних, перевес должен быть на какой-нибудь одной стороне, и что в результате должны (по общему правилу) быть победители и побежденные.

Теперь естественно возникает вопрос: нельзя ли найти каких-нибудь общих признаков, но которым бы можно было отличать победителей от побежденных и, на основании их, предсказывать результат борьбы? Натуралисты, писавшие об этом, высказываются вообще очень ясно и определенно на этот счет, хотя они большей частью решают вопрос в его целости, не расчленяя предварительно на более частные положения. Вот, например, свод выводов, к которым пришел известный немецкий физиолог Прейер: «Дурное, — говорит он, — то есть менее способное к жизни, погибает, тогда как лучшее, более способное, то есть более совершенное, побеждает и переживает». По отношению к человеку это положение применяется и развивается им следующим образом: «чем глубже мы станем проникать в последствия соперничества между людьми, тем благодатнее они нам представятся». «В борьбе за существование в конце концов добро и все более совершенное одерживает победу над худшим и менее совершенным, так что она постоянно переходит в борьбу за более прекрасное и благородное существование и постепенно все более приближает нас к совершенству, хотя при существующем порядке природы мы и не можем его вполне достигнуть. Но уже и то имеет немалое значение, если это соревнование показывает нам, что, поощряя дурное, мы сами вредим себе, что безнравственные поступки доставляют удовольствие. Таким образом, мы приходим к заключению, что оружия, которыми мы ведем борьбу за наше существование, суть не что иное, как поступки хорошей нравственности, человеколюбия и права». Увлекаясь подобного рода картинами, Прейер восклицает: «Разве эта мысль о естественном прогрессе, о никогда не прекращающем улучшении, облагоражении и совершенствовании не представляет нам нечто несравненно более драгоценное, чем слепое удивление перед гармонией природы, которой в действительности вовсе не

существует? Разве другая гармония, равновесие враждебных сил природы, непреложность законов природы, победа лучшего над худшим, не бесконечно возвышеннее, чем погоня за целями, там, где никаких целей не существует, где мы принуждены искусственно придумывать их там, где, напротив, все совершается в силу причины и следствия?».

Заменяя таким образом один идеализм посредством другого, Прейер не остается без единомышленников и последователей. Другой немецкий натуралист, известный как анатом и антрополог, Эккер, произнес зимой 1871 года, то есть во время франко-прусской войны, речь, в которой он проводит в сущности те же идеи, как и его предшественник, но только, если возможно, в еще более резкой и определенной форме. «Подобно тому, — говорит он, — как в торговой и промышленной конкуренции победу, так точно и на более возвышенном поприще, каковы бы ни были отдельные исключения, добро побеждает зло, истина пробивается наружу и право остается правым. И если законы природы неизменны, то и в человечестве существует естественный подбор, то есть накопление благих качеств, приобретенных в борьбе за существование». Вывод этот Эккер применяет в частности и к борьбе рас и народов.

К числу подобных же идеалистов-естествоиспытателей должен быть отнесен у нас профессор Бекетов, развивший впервые свой взгляд на публичных лекциях (см. «Вестник Европы», 1873, октябрь, особенно главу III), также как и его предшественники — Прейер и Эккер. Но не между одними натуралистами, то есть учеными, стоящими далеко от человеческих дел и судящими о них большей частью a priori, а и среди представителей науки о человеческой жизни встречаются не менее оптимистические воззрения. На такой точке зрения стоит, например, Шэффле, один из видных современных экономистов. Пытаясь вывести основы нравственности и права из законов борьбы за существование и естественного подбора, он выдвигает следующие афоризмы: «наиболее нравственные общества суть в то же время и сильнейшие». «Игра естественного подбора является не только орудием общественного совершенствования, но также и судом, единственной эмпирически-познаваемой долей нравственного строя природы, которой возвышает более совершенное и уничтожает более низкое» и т. д.

Легко понять, как, идя априорическим путем, можно придти к подобным выводам; но для знакомства с предметом необходима и индуктивная поверка. «Многие писатели, — сказал Макиавелли, —

изображали государства и республики такими, какими их никогда не удавалось встречать их в действительности. К чему же служили такие изображения? Между тем как живут люди, и тем, как должны они жить — расстояние необъятное». Попробуем, в самом деле, обратиться прежде всего к действительности и почерпнуть из нее сведения для решения вопросов о ходе борьбы за существование между людьми.

II

Основные положения о конкуренции в человечестве. — Слабая роль нравственного момента в конкуренции, вследствие недостаточной определенности нравственного мерила. — Пояснение этого на примере этической школы экономистов.

Конкуренция между людьми есть неизбежное следствие несоответствия между потребностями и средствами к их удовлетворению. Чем больше это несоответствие, чем многочисленнее потребности и чем большее число людей чувствует их, тем конкуренция должна быть сильнее. Культура, при помощи своих удивительных открытий, доставляет постоянно все новые и новые средства к удовлетворению человеческих потребностей, но в то же время, значительно поднимая степень развития, она в еще сильнейшей степени увеличивает число и силу самых потребностей. Отсюда возникает усиленное столкновение интересов и усиленная борьба за несравненно более требовательное существование. С этой точки зрения легко понять, что явление всеобщей конкуренции между членами обширного культурного общества представляется фактом в высшей степени крупным и существенным и до известной степени сходным с неизбежными естественными явлениями. Мнение, будто конкуренция не заложена так глубоко в человечестве и составляет нечто легко устранимое, чрезвычайно шатко. «Известно, — говорит Адольф Вагнер, — что современная система свободной конкуренции составляет продукт новейшей истории, и вовсе не видно, почему она в настоящей форме должна представлять окончательный результат исторического развития. Как сложившаяся исторически, в зависимости от категорий пространства и времени, она, напротив, имеет значение только для известной фазы развития и составляет нечто необходимо преходящее». Мнению этому никоим образом не следует придавать значение возражения против понятия о неизбежности конкуренции, и оно может быть разделяемо разве только по отношению к частностям «современной системы свободной конкуренции». Но и по мнению самых горячих приверженцев этой системы, последняя не составляет нечто уже сложившееся, а только идеал, к которому следует стремиться. «Во вполне организованной системе мирового хозяйства, — говорит Эммингсгаус, — сила конкуренции была бы непреодолима, постоянна и действия ее могли

бы быть точно определяемы, подобно действиям закона природы». Насколько силен принцип конкуренции в человечестве, можно видеть отчасти из сказанного в начале этой главы, отчасти же из дальнейшего изложения.

Конкуренция в человеческом обществе, как и в мире всяких других общественных животных, есть явление чрезвычайно сложное. Всякое общество слагается из разнородных элементов, которые приходят между собой в столкновение; но, кроме того, мы видим и соперничество однородных членов каждой группы. При торговой конкуренции, например, «совершается, во-первых, борьба покупателей с продавцами; первые хотят приобрести требуемое за возможно низшую цену; вторые же стремятся получить елико возможно большую плату. Во-вторых, покупатели борются с покупателями и, наконец, продавцы с продавцами. Во всякой такой борьбе победу одерживает сильнейшая сторона» (Эммингсгаус). Из всех категорий борьбы важнейшей, как и всегда, представляется конкуренция между наиболее однородными членами. Ее-то мы, главным образом, и будем иметь в виду.

Конкуренция заставляет напрягать все силы и потому в значительной степени содействует увеличению человеческой деятельности. Это положение может быть принято как общеизвестное, так как оно подтверждается ежедневным наблюдением. Ослабление конкуренции ведет за собой обыкновенно и ослабление энергии. «Но, — как замечает Рошер, — свободная конкуренция освобождает все силы, как добрые, так и злые». Поэтому она содействует увеличению не только знаний, предприимчивости, трудолюбия, общительности и прочее, но также и изощряет хитрость, обман и другие стороны умственной природы человека, признаваемые обыкновенно безнравственными. В то время как активная борьба влияет на увеличение различных сторон физической силы, то есть силу мускулов, гибкость членов и ловкость движений, так мирная конкуренция содействует, главным образом, развитию всех сторон умственной деятельности.

Двойственное влияние конкуренции особенно заметно в современном европейском мире, в котором, вследствие вышеупомянутых мотивов, чрезвычайно сильна борьба за существование. С одной стороны, значительное повышение ума, знания и трудолюбия, с другой же — пренебрежение кодексом нравственных правил. Сами приверженцы полной свободы конкуренции признают, что «широкая совесть помогает одерживать

победу в конкуренции; слишком же большая щепетильность оказывается вредной в торговом деле» (Эммингсгаус). Герберт Спенсер в довольно большой статье «Торговая нравственность» (Опыты, т. II), приводит достаточно данных, чтобы судить о влиянии торговой конкуренции на нравственность и, что еще важнее, показывает нам процесс, которым люди, сами по себе не лишенные признаваемых за нравственные побуждений, бывают приведены в необходимость совершать поступки, считающиеся безусловно безнравственными. Герберт Спенсер сообщает целый ряд ухищрений, пускаемых в ход торговцами для достижения своих целей, ухищрений, доходящих до рафинированного симулирования добросовестности и честности. «Еще более утонченную проделку объяснил нам, — пишет Г. Спенсер, — человек, который сам прибегал к ней, когда служил в оптовой торговле и до того наловчился, что его часто призывали на подмогу, когда покупатели колебались, несмотря на все старания других приказчиков. Проделка состояла в том, чтобы казаться до крайности простоватым и честным; при первых покупках он доказывал свою честность, обращая внимание покупателя на недостатки издаваемого им товара, а затем, заручившись доверием, спускал дурной товар за высокие цены. Разнообразные проделки, более или менее хитрые и но общепринятому кодексу безнравственности, до того распространились в коммерческом мире, что им поневоле должны подчиняться лица, прикосновенные к торговому делу». «Чем большее число лиц поддалось соблазну, — говорит далее Спенсер, — чем шире распространилася проделка, тем труднее бывает устоять остальным. Натиск конкуренции становится все чувствительнее и чувствительнее. Добросовестным людям приходится вести войну неравным оружием: они лишены одной из отраслей барыша, которой обладают их противники, и невольно должны идти по следам остальных». В высшей степени важно следующее место из той же статьи: «Нам известна история одного торговца сукнами, который хотел во что бы то ни стало дать совестливости право голоса в своей лавке и отказался от всех обманов, принятых в его отрасли…» «То, что конкуренты его сбывали помощью лжи, оставалось у него непроданным и дело стало столь невыгодным, что он два раза обанкротился. Человек, передававший нам обстоятельства этого дела, уверял нас, что торговец этот нанес гораздо больше вреда ближним через свое банкротство, нежели бы мог нанести обычными торговыми обманами. Вот до какой степени усложняется вопрос, и как трудно определить преступность купца в

подобных случаях. Ему почти всегда приходится бороться с двумя крайностями. Если он ведет свое дело со строгой честностью, продает только цельный товар, отпускает только полные меры, то конкуренты, надувая публику, имеют возможность продавать дешевле: лавка его пустеет, а книги весьма скоро показывают, что он будет не в состоянии выполнить свои обязательства и содержать всю семью. Что же ему делать?» «…Следовать примеру конкурентов и пускать в ход надувательства… что кажется более основательным не только ему, но другим людям. Зачем же он станет разорять и себя и семейство свое в попытках вести дело иначе, нежели ведут его другие? И он решается делать так, как делают другие». Нечего и говорить, что экономисты современной этической школы разделяют вполне эти взгляды о влиянии конкуренции на нравственность «При свободной конкуренции, — говорит один из наиболее выдающихся представителей этой школы, Адольф Вагнер, — побеждают не только более способные, но слишком часто и более бессовестные элементы, неограниченно эксплуатирующие выгодные для них экономические условия». «Но и лучшие элементы частью соблазняются успехом других, частью же непосредственно вынуждаются конкуренцией поступать столь же бессовестно. Таким образом, почти неизбежно ухудшается общее мерило промышленной и торговой нравственности». Шмоллер, другой представитель той же школы, говорит: «Никто из имевших случай ближе ознакомится с более благородными из круга предпринимателей, не станет отрицать того, что они сами вне себя от всего, что им приходится видеть и что они сами должны проделывать в силу конкуренции».

Таково общее мнение знающих дело и в то же время научно развитых людей. Нельзя и ожидать, разумеется, чтобы эта сторона конкуренции могла быть подвергнута точной, статистической разработке, но во всех случаях, когда так или иначе приподнимается завеса коммерческой деятельности, приходится наблюдать поступки, несоответствующие принятому в Европе кодексу нравственности. Несколько уголовных процессов за последние годы значительно послужили к разъяснению этого явления. Особенно интересен в этом отношении процесс крупного железнодорожного деятеля в Австрии, барона Офенгейма, человека, о котором бывший министр-президент высказывал на суде «величайшую похвалу», и за которым другой бывший министр не подметил «и следа какого-либо грязного поступка». На суде обнаружилось, что разные бесчестные проделки в высшей степени распространились в мире предпринимателей, как это

видно, между прочим, и из следующего отрывка из письма самого Офенгейма. «Мы желаем честно, обходительно и прямодушно провести наше предприятие. Если же мы с их стороны (то есть со стороны влиятельных и сильных лиц) не встретим подобного же взгляда, то они вынудят нас и с нашей стороны перейти в область мошенничества и обмана, и, быть может, ученики превзойдут тамошних великих учителей».

Шмоллер довольно метко, хотя и несколько утрированно, охарактеризовал победителей в современной промышленной борьбе. «Эти люди, — говорит он, — верят только в Деньги и биржу, их единственная добродетель есть респектабельность, то есть случайные обычаи внешней жизни хорошего общества; успех предприятий есть единственное, что они уважают, а материальные наслаждения — единственное, к чему они стремятся». Этот последний признак выбран не совсем полно и верно, все же остальное близко к действительности.

Особенно важны для нас следующие замечания Герберта Спенсера: «Люди самых разных занятий и положений, люди по природе крайне добросовестные, негодующие на унижение, которому они вынуждены подчиняться, — все в один голос выражали нам грустное убеждение, что на промышленном поприще нет возможности сохранить строгую честность. Общее мнение всех и каждого из них — что высоко честный человек должен тут погибнуть». «Для жизни в коммерческом мире, — говорит он далее, — необходимо принять его нравственный кодекс, стоять не выше и не ниже его, — быть не более и не менее честным, нежели все. Тот, кто падает ниже установившегося градуса, изгоняется; тот, кто поднимается выше, сбивается на надлежащую высоту или приводится к разорению». Другие слова, сказанные более трехсот лет назад, очевидно, приложимы и к нашему времени. «Человек, — говорит Макиавелли, — желающий в наши дни быть во всех отношениях чистым и честным, должен погибнуть в среде громадного бесчестного большинства. Из этого следует, что всякий, желающий удержаться, может и не быть добродетельным, но непременно должен приобрести умение казаться или не казаться таким, смотря по обстоятельствам».

Если бы наша задача исчерпывалась указанием на противоречие, в каком находятся априорические выводы теоретиков учения о борьбе за существование с фактической действительностью, то можно было бы ограничиться вышеприведенными замечаниями. Но так как для решения главных занимающих нас вопросов этого недостаточно, то следует постараться проникнуть по возможности глубже в причины

указанного результата борьбы между людьми.

Почему так часто и нередко совершенно неизбежно люди в борьбе с другими людьми прибегают к средствам, которые ими же самими признаются не вполне нравственными? В неоднократно цитированной статье Герберта Спенсера мы встречаем соображение, которое значительно поможет нам разрешить этот вопрос. «Сочувствие, — говорит он, — достаточно сильное, чтобы предупредить поступки, немедленно наносящие вред известному лицу, может быть недостаточно сильно, чтобы предупредить поступки, наносящие отдаленный вред лицу неизвестному. Оказывается, — факты подтверждают в этом случае вывод, что нравственные преграды к таким поступкам изменяются сообразно ясности, какой достигает понятие о последствиях известного зла. Человек, который ни за что не согласился бы украсть что-нибудь из кармана другого лица, не задумываясь, подделывает различные товары; человек, которому и во сне не приходилось промышлять фальшивой монетой, принимает смело участие в проделках акционерных банков».

Чем сложнее данное общество, чем более перепутаны человеческие отношения, тем и последствия данного поступка становятся все более сложными и теряют свою первоначальную ясность. Вред, причиненный в одном месте, может превратиться в пользу в другом, — и наоборот. Убийство одного лица может спасти жизнь десятка других, которые могли бы пострадать или погибнуть от зловредностей первого. Подавление одной нации совершается нередко во имя предлагаемой пользы для всего человечества, наоборот, интересы человечества, как наиболее отдаленные и неясные, приносятся нередко в жертву интересам более мелких человеческих групп. «Сложность условий человеческой жизни, — говорит Дж. С. Милль, — виновата в том, что нельзя постановить таких правил поведения, которые бы не требовали исключений» (Утилитарианизм, стр. 58).

Отсюда, с одной стороны, вытекает вообще шаткость всяких суждений и, следовательно, неясность представления о всех последствиях данного поступка, с другой же стороны — обширное поле для сделок с совестью и оправдания своего поведения. «Нет ничего необыкновеннее, — говорит Лекки, — как то, что люди, представляющие образец честности в частной жизни, извиняют или даже оправдывают самые возмутительные проявления политической нечестности и насилия». «Вследствие удивительного нравственного парадокса, — прибавляет он далее, — нередко политические

преступления связаны с национальными доблестями» (I, 135). Чем более распространяется общительность, и чем более разливаются на все большие и большие группы людей, тем труднее определить полезность или вред поступков. Как ни трудно (если только возможно) составить себе более или менее ясное понятие об «общем благе» целого народа или обширного разноплеменного государства, но еще неизмеримо труднее определить общее благо целого человечества, настоящего и будущего, и на основании этого регулировать человеческие поступки. Наоборот, несравненно легче соображаться с интересами небольших групп, каковы: семья или какое-нибудь замкнутое и определенное общество с ясными ограниченными целями, как например, монастырское братство. В случае столкновения между сложными и неопределенными интересами большого общества или целого человечества и интересами небольшой, но определенной группы, победа должна быть на стороне последней. Мы уже видели это на приведенном Г. Спенсером примере человека, который желает торговать согласно с правилами строгой честности, но уступает, не желая разорять «и себя, и семейство свое». Семейство и всякая другая ограниченная группа, давая обширный простор для деятельности, исполненной самопожертвования и других высоких нравственных побуждений, тем более отнимает силы от действий в пользу общего блага больших групп. Этим и объясняется указанная Лекки непоследовательность многих людей и различие их масштаба нравственности при суждении о поступках «честной жизни», вращающейся, главным образом, в сфере семьи, и поступках более широкой общественной деятельности. Для того, чтобы составить себе правильное суждение о силе семейного чувства, по крайней мере, в европейских обществах, следует припомнить борьбу, которую против него должен был выдержать католицизм, религия с самыми определенными целями и организацией, и вообще учреждение, отличающееся чрезвычайной силой и живучестью. «Едва ли какая либо мера, — говорит Гольцендорф, — вызвала в среде самой церкви и со стороны духовенства столь упорное противодействие, как запрещение вступления в брак священникам. Во все времена, — прибавляет он, — насильственное вторжение закона в семейную жизнь представлялось одной из труднейших задач». Экономисты прежней школы, очевидно, имели в виду это неравенство условий борьбы между стремлением к благу семьи и к общему благу обширной социальной группы. Отсюда их основное воззрение на личный интерес (к которому относится не

только эгоистический интерес данной личности, но и интересы целой семьи) как на главную пружину экономической деятельности. Вот, например, как это выражено у Мальтуса: «Настоящее наше положение требует, чтобы каждый имел в виду, главным образом, свои собственные потребности». По отношению к детям, которые имеют несомненное право на заботы и попечения родителей, очевидно, что привязанность, побуждающая последних к исполнению этой священной обязанности, почти равносильна любви их к самим себе. И мы имеем полное право утверждать, что, за исключением немногих, редких случаев, последний кусок будет разделен между ними поровну. Вследствие этого благодетельного инстинкта, самые невежественные люди трудятся для общей пользы, чего не было бы, если бы главным побуждением их было благотворение. Чтобы благотворение было великим и непрерывным побуждением для наших поступков, и чтобы принцип этот был неизменной основой нашего поведения, для этого необходимо, чтобы мы были вполне знакомы с причинами и их следствиями. «Такое ограниченное существо, как человек, заблудилось бы, если бы руководствовалось исключительно им одним, и вскоре возмутило бы господствующий вокруг него порядок: изобилие уступило бы место нужде. А возделанные плодородные нивы пришли бы в запустение» (Опыт о законе народонас., II, 359). Это положение оправдывается многочисленными примерами вредных последствий, поступков, в основании которых лежало самое искреннее желание добра. Известно, как часто благотворительность, вместо облегчения человеческих страданий, ведет к укоренению пороков и зла. В виду такого обстоятельства Бокль и пришел к столь парадоксальному, с первого взгляда, выводу, что «ослабляя добродетель, вы сдерживаете зло», и построил свое известное учение о незначительности влияния нравственности в деле исторического прогресса.

Другие представители манчестерской школы держатся того же принципа. «Для споспешествования экономическому благу народа вообще, — говорит проф. Смит, — фритрэдер видит только один возможный путь, именно свободу каждого отдельного лица по мере сил способствовать своему благу. Каждый понимает споспешествование своему благу лучше, чем другие, лучше, чем все другое». В этом-то и заключается этическая основа прежней школы. Она зиждется именно на положении, что «общее благо» само по себе есть вещь слишком туманная и неопределенная, тогда как «частное благо», наоборот, понятно и определенно. Новая немецкая школа

экономистов, называющая себя «этической» и утверждающая, что «экономическая деятельность подчиняется нравственной», восстала против этого учения. Но для того, чтобы вести борьбу по возможности равным оружием, ей было бы необходимо войти в прямое и обстоятельное исследование положений как теоретической, так и практической этики, и установить какой-нибудь общий руководящий принцип. Еще Ланге, которого можно считать одним из провозвестников этической школы экономистов, выставил следующее требование: «Так как мы уже достаточно знаем действия эгоизма, а последствия морали, напротив, не знаем, то мы не получим улучшенного народного хозяйства, прежде чем не будем иметь начал научной теории нравственности, но и этих начал мы иметь не будем без большого прогресса в экономической науке». Успех последней во всяком случае немыслим при такой неопределенности и шаткости этических основ, какая встречается у лучших представителей этических экономистов. Шмоллер, которого неоднократно цитированое сочинение признается «лучшим общефилософским основанием молодой этической школы национальной экономии» (А. Вагнер, 1, с. 3), и которого воззрения почти целиком разделяются приверженцами этой школы, нигде не ставит прямо вопроса о свойстве нравственного принципа, который бы мог быть положен в основание новой политической экономии. Только мимоходом, полемизируя против пяти основных прав, признаваемых Трейчке, он высказывает, что «краеугольным камнем современной этики вообще может быть признано следующее положение Шлейермахера: ни один человек не должен быть только средством для другого; каждый человек, напротив, хотя он, между прочим, и исполняет роль для других целей, должен быть в то же время признан имеющим свою собственную цель, признан монадой» (1, с. 121). Принцип этот настолько неопределен, что не годится даже для той цели, ради которой его приводит Шмоллер. Ни Трейчке, ни кто другой и не утверждает, чтобы личность всецело поглощалась для каких бы то ни было вне ее лежащих целей; степень же поглощения ее вовсе не определяется вышеозначенным изречением. Поэтому понятно, что Шмоллер и не пользовался им для установления своих теоретических воззрений. При этом он и вообще не затрагивает глубоких слоев вопроса. Высший нравственный принцип, на который он ссылается во время своей аргументации, резюмирован им следующим образом: «Суть заключается и всегда будет заключаться в том, чтобы мы вообще шли вперед в деле экономического развития, чтобы мы

больше производили, правильнее распределяли бы производимое, чтобы наше потребление увеличивалось как в деле удовлетворения благороднейших и высших, так равно и низших потребностей, чтобы мы становились более образованными, прилежными, умными и справедливыми людьми» (стр.51). Здесь, что ни слово, то ссылка на ходячие в обыденной жизни понятия, подлежащие, однако же, самым разнообразным, нередко противоречивым определениям. Как философский принцип, это во всяком случае не годится, именно вследствие этой неопределенности и доступности разнородному толкованию. Верховный этический принцип, выставленный Ланге, отличается, во всяком случае, несравненно большей цельностью и определенностью. «Жизнь, раз произведенная, — говорит он, — должна быть сохраняема». Это положение Ланге считает принципом всякого цивилизованного человека, и потому на нем он думает основать прекращение или, по крайней мере, ослабление борьбы за существование в человеческом роде.

Одно из основных положений этической школы состоит в ограничении свободного соперничества, — и с этой точки зрения она представляет для нас еще и специальный интерес. Но по отношению к этому вопросу, равно как и по отношению к основным нравственным принципам, эта школа не дает нам цельного и ясно определенного взгляда. Главный представитель ее, Шмоллер, очевидно признает благотворное действие конкуренции, по крайней мере, в некоторых случаях и притом в известных пределах. Так, он говорит о хороших последствиях ее при соперничестве развитых представителей крупной торговли. То же вытекает и из следующих его слов: «Увеличивающееся неравенство имущества справедливо, поскольку оно обусловлено различием талантов; но это различие объясняет скорее, почему банкир X заработал в последние годы только один, а банкир Y — двадцать миллионов, или почему рабочий A сделался подмастерьем с шестьюстами ежегодного содержания, а рабочий B остался носильщиком с двумя-тремя ста талеров». Тут, следовательно, признается справедливость победы одного соперника над другим; то же заключается и в следующих его словах: «Я всегда готов стоять за преимущества образования, но не за привилегию кошелька или рождения». Да и сама теория «справедливого распределения» (Vertheilende Gerechtigkeit), то есть вознаграждения но заслугам, обязывает давать сильнейшему конкуренту более, чем слабейшему. «Чем более уверен человек, — говорит Шмоллер, — что добродетель вознаграждается на этом свете, что прилежание, большая

деятельность и большое напряжение пропадут недаром, тем более напрягаются все струны энергии».

Сводя все это, следует придти в заключению, что Шмоллер признает пользу конкуренции, поскольку она состоит в соперничестве личных и притом признаваемых нравственными качеств, но восстает против нее, когда пускаются в ход безнравственные силы, то есть хитрость, обман и проч., - или же преимущества, даваемые рождением и состоянием. Правда, он нигде не высказывает категорически этого воззрения, и нередко впадает с ним в противоречие. Так, например он восстает против свободы конкуренции «во всех областях, где богатый конкурирует с бедным, лицо, могущее ждать, с другим, которому необходимо торопиться, умный с глупым, сильный со слабым». Первые два случая еще могут находиться в согласии с резюмированной выше теорией, но как согласить признание преимуществ таланта и вознаграждение по личным заслугам с этим восстановлением против победы умного над глупым и сильного над слабым? Как согласить, далее, теорию справедливого распределения и конкуренции, основанной на признании преимущества таланта и образования, с признаваемым Шмоллером правом наследственной собственности? «Я защищаю наследственное право, — говорит он, — поскольку оно полезно, как в экономическом, так и в нравственном отношении». Отсутствие ясно формулированного взгляда и противоречивость основных положений Шмоллера делают невозможным признать его замечания о конкуренции вкладом в положительное знание. Постоянные же ссылки на нравственные начала («добродетель должна решать» вопросы о распределении, участии вознагражденной добродетели в напряжении экономической деятельности, признание наследственного права, поскольку оно полезно в нравственном отношении, и т. д.) и подведение к ним основных положений экономической науки оставляют читателя тем менее удовлетворенным, что он тщетно стал бы искать у Шмоллера точной постановки и развития этических принципов.

Взгляд, отчасти сходный с тем, который был извлечен нами из различных цитат Шмоллера, но только отличающийся несравненно большей цельностью, определенностью и последовательностью, был высказан еще за десять лет до появления его «Grundfrugen» известным популяризатором и общественным деятелем Бюхнером. Он считает немыслимым уничтожение борьбы за существование и потому задается только вопросом об уравнении средств этой борьбы. «Пусть отыщут формулу, — говорит он, — которая бы уничтожила или, по

крайней мере, уменьшила до известной степени неравенство социальной борьбы за существование, — и общественный, а вместе с тем и рабочий вопросы будут вполне или, по крайней мере, приблизительно решены». «Такая формула найдена, — продолжает он. — Мы не имеем никакого основания ее скрывать, так как она заключает средство удобоприменимое, не противоречащее прямо ныне существующим условиям, — к тому же, средство, которое при постепенном усилении становится все более действительным, которое значительно облегчает неимущих, не вредя непосредственно имущим, поэтому, — средство, но возможности, сглаживающее общественные неравенства и притом не только не притупляющее, но, напротив, усиливающее стимул и конкуренции, ведущей ко всему великому. Средство это состоит в реформе или медленном, постепенно увеличивающемся преобразовании наследственного права в пользу общую». Сущность этого воззрения, поскольку оно касается нашего вопроса, совершенно ясна: Бюхнер стоит за соперничество, основанное на природном неравенстве, и, наоборот, восстает против участия в борьбе за существование момента чисто-культурного неравенства.

Несравненно менее радикально мнение Мауруса. Подобно Бюхнеру, он тоже не считает возможным уничтожение борьбы за существование. «В разрезе с социалистическим мнением о необходимости уничтожения всякой конкуренции и устранения капиталистического производства вообще, — говорит он, — мы вместе с буржуазной экономией считаем конкуренцию экономической необходимостью и думаем, что было бы ошибочно лишить общество выгод этой экономической силы, прямого продукта разделения труда и человеческого эгоизма, и заменить ее другой, еще менее экономической организацией производства». Неравенство условий борьбы Маурус, подобно многим другим экономистам, сводит, в конце концов, к естественному неравенству. «Стремление к установлению материального равенства между людьми, — говорит он, — всегда останется тщетным, потому что оно потерпит крушение вследствие различия индивидуальной человеческой природы. Об эту скалу разбивались и будут разбиваться все попытки даже самых гениальных систем, основанных на материальном равенстве и общей собственности» (стр. 11). В виду неизбежности конкуренции, Маурус предлагает только меры для устранения некоторых ее вредных последствий и, с этой целью, проповедует вмешательство закона, который должен определить заработную плату, «подвергнуть

устройство фабрик государственным ограничениям, руководствуясь при этом правом и благом рабочих, и таким образом оградить их от эгоизма капитала» и т. д.

Совершенно иначе смотрит на дело Адольф Вагнер. «Правда, — говорит он, — что люди уже от природы неравны, что личное или индивидуальное неравенство, подобно тому как у всех представителей одного рода или вида, так равно и у человека составляет закон природы. Отсюда можно бы было вывести относительно всех других случаев, но именно не относительно человека, необходимость и желание победы неделимых, более одаренных от природы. Я это утверждаю на том основании, что у людей, по крайней мере, отчасти, возможно уравнение этого природного неравенства, путем воспитания и культуры и посредством охранения, которое общество может и должно оказать своим слабейшим членам. Естественное неравенство неделимых ведет к требованию, чтобы не все элементы без разбора были предоставлены конкуренции, и чтобы слабые не были отданы ей в жертву. Именно отсюда и должно быть выведено дальнейшее ограничение свободной конкуренции, что в новейшее время и проводится все более и более на практике (учреждения для охраны детей, стариков и т. п.)» (1.с. 200).

Приведенные воззрения могут быть сгруппированы в две категории. К первой относятся мнения ученых, признающих борьбу за существование явлением чрезвычайно глубоко заложенным в природе человека, и потому неустранимым, и, в виду этого, стремящихся уничтожить чисто-культурное неравенство и заставить конкуренцию войти в ее естественное русло. Эта точка зрения порицает борьбу, успех которой зависит от какой-нибудь культурной привилегии, например, победу богатого дурака над бедным, но умным соперником, и, напротив, она признает правильным соперничество между людьми, одинаковыми в смысле общественного положения и материальной обстановки, но различными по степени природных способностей. В таком виде воззрение ото может быть соглашено с взглядами некоторых представителей манчестерской школы. Один из горячих приверженцев ее и, в то же время, ожесточенный противник этической школы, которой он предсказывает ближайшее крушение, Дамет, заявляет, что «естественные законы общественной экономии не оправдывают иного неравенства, как неравенство экономии не оправдывают иного неравенства», как неравенство личного участия. «Разве неравенство как принцип, — говорит он, — не проявляется всюду в человечестве, равно как и вообще во всем мире? Разве

естественные законы общественной экономии могут уничтожить это неравенство? — Скажете ли вы, что существует антагонизм между Рафаэлем и обыкновенным живописцем, потому что первый создает великие творения, а второй только посредственные картины, и потому что покупатели предпочитают первые последним? Если хотите, это тоже антагонизм, борьба производства, а следовательно, и распределения, — борьба между искусными и неискусными, но, но совести, разве вы можете вменять ее естественным законам общественной экономии? — Да и как вы, наконец, излечите ее?». Дарвин также может быть причислен к этой категории. Разбирая вопрос о влиянии культуры на борьбу за существование, он указывает на усиленное накопление богатства и майорат как на обстоятельства, отклоняющие в вредную сторону естественный ход этого процесса; но он не придает особенного значения первому препятствию, так как число очень богатых людей никогда не бывает особенно большим и, к тому же, нередко они, по неумению, растрачивают все свое состояние.

Соглашение между партиями возможно, следовательно, на признании не теперешней формы «свободы конкуренции», совершающейся на почве привилегий и других моментов чисто-культурного неравенства, но такой формы борьбы за существование, которая бы наиболее приближалась к условиям беспрепятственного естественного подбора. При этом, как справедливо замечает Бюхнер, стимул в борьбе не уменьшится, а скорее увеличится, и в сильнейшей степени освободятся все личные силы, «как добрые, так и злые». При этом также возможно достижение той же степени природного равенства, которое вообще получается при беспрепятственном ходе подбора в живой природе, так как в борьбе, основанной на природном неравенстве, победителями останутся лица «наиболее приспособленные к борьбе», а соперники, не представляющие этого свойства, будут побеждены. В результате такого процесса борьбы все воспринимающие участие в ней силы, а между ними и «злые», должны постепенно все более и более развиваться.

На совершенно иной почве стоит воззрение А. Вагнера. Он не хочет беспрепятственной борьбы между людьми, различно одаренными от природы; он восстает против закрепления естественного неравенства и, следовательно, стоит за культурное неравенство как средство для сглаживания природных различий. Он требует, чтобы культура давала слабому от природы средство для выдерживания борьбы с более сильным соперником, и потому хочет расширения и теперь уже существующих учреждений с целью

охранения слабых. Воззрение это непосредственно вытекает из формулированного Ланге нравственного принципа, по которому всякий цивилизованный человек желает, чтобы «жизнь, раз произведенная, была сохраняема», — принципа, который Дарвин принимает «благороднейшей частью нашей природы». Став на такую точку зрения, Вагнер приводится ею, естественно, к системе благотворительности (caritatives system), которая должна ослаблять зло, происходящее вследствие природного неравенства. Но, говоря о применении этой системы, он не может не видеть многочисленных источников злоупотребления. Пробежав некоторые из них, он приходит к следующему заключению. «Правда, — говорит он, — что все эти беды могут быть устранены при правильном применении «каритативной» системы, особенно если строго держаться принципа осторожного индивидуализирования при допущении к удовлетворению потребностей, допускаемых системой. Но с первого взгляда понятно, и весь опыт подтверждает это, что ошибки в этом отношении не всегда могут быть устранены, и с течением времени скорее увеличиваются, чем уменьшаются» и т. д. (1. с. 222). Как собственно установить «правильное» применение каритативной системы, мы у Вагнера не находим, равно как не находим у него и устранения возражений, сделанных впервые английскими учеными. Эти возражения Дарвин резюмирует следующим образом: «У дикарей слабые телом и духом скоро устраняются, и переживающие обыкновенно бывают одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, делаем все возможное, чтобы задержать этот процесс уничтожения: мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы в пользу бедных, и наши врачи употребляют всевозможные усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении, прежде погибли бы от оспы. Таким образом, и слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство крайне неблагоприятно для человеческой расы. Нас поражает, до какой степени быстро недостаток ухода или неправильный уход ведет к вырождению домашней породы; и за исключением случая, касающегося самого человека, едва ли найдется столь невежественный заводчик, чтобы допустить к размножению худших животных». «Мы бы не могли, — замечает он дальше, — сдерживать

нашего сочувствия, следуя голосу рассудка, без уничтожения благороднейших свойств нашей природы… и мы должны безропотно переносить несомненно вредные последствия переживания и размножения слабых».

Геккель называет это самое охранение физически слабейших «медицинским подбором» и, ударяя на его вредные последствия, намекает даже на средства к его устранению. Самым умеренным из возможных средств следует считать запрещение лицам, страдающим хроническими болезнями, вступать в брак. Такая мера во всяком случае наименее расходится с современным нравственным строем, то есть и желанием во что бы то ни стало сохранить жизнь, хотя бы и сопряженную с величайшими страданиями. «Но не будет ли самым ужасным ядом, который только можно влить в больного, вменение ему безнадежной любви», — спрашивает доктор Гартзен, горячий защитник status quo медицинского подбора.

Во всяком случае очевидно, что, давая полный простор нашему сочувствию, то есть действуя наперекор естественному подбору, мы тем самым ослабляем нашу силу в борьбе за существование, подобно тому, как мы ослабляем ее у животных, охраняемых в нашем домашнем хозяйстве. Если бы даже и удалось включить проявление нашего сочувствия в известные пределы и поставить его в равновесие с условиями борьбы в данную минут, то при усилении борьбы, вследствие ли перенаселения, или каких-либо других причин, это равновесие легко могло бы быть нарушено. На выбор представляется два пути. Следуя по одному из них, указываемому «благороднейшими свойствами нашей природы», мы можем не «сдерживать нашего сочувствия» и всеми силами перечить естественному подбору, но в таком случае «мы должны безропотно переносить несомненно вредные последствия» такой системы и без боязни идти к поражению в борьбе за существование. «Следуя голосу рассудка», то есть избирая другой путь и заставляя подавлять и ограничивать наше сочувствие, можно быть гораздо более уверенным в победе. Но зато следует мириться с настоящим злом, вытекающим из принижения благороднейшей стороны нашей природы. При этом в больших размерах перед нами возникает тот же вопрос, который, как мы видели, неизбежно рождается и у каждого, выступающего на поле промышленной и торговой борьбы: или ограничить требования высокой нравственности и победить, или же действовать сообразно с этими требованиями и остаться побежденным. Выход из этой альтернативы зависит уже от чисто субъективного момента, от той

сложной смеси, которая составляет сущность характера.

Все, сказанное нами до сих пор служит доказательством разлада, существующего между победностью в борьбе за существование и удовлетворением широких нравственных стремлений. Осязательность и отчетливость интересов отдельного лица или небольшой тесно связанной с ним группы составляет главную причину того, что в практической жизни эти интересы одолевают все другие, то есть интересы больших групп, благосостояние которых (то есть цель высших нравственных стремлений) представляется задачей в высшей степени сложной и неподдающейся ни точному научному исследованию, ни решению непосредственного чувства. Вот почему всякая теория, основывающаяся на узких интересах лица и семьи (Selbstinteresse), имеет больше шансов получить практическое применение, чем теории, созидающиеся на этических началах, так как они сами по себе еще чрезвычайно непрочно установлены.

III

Сложность борьбы за существование между человеческими группами. — Влияние соматических причин. — Роль интеллектуального и нравственною момента. — Отступление с целью показать на примере невозможность объективного решения некоторых крупных вопросов общественной этики. — Проверка полученных выводов на отдельных примерах борьбы за существование малайских народов и в Америке. — Китайцы как сильнейший народ в борьбе за существование. — Заключение.

У человека, подобно другим общественным животным, соединение в общества оказывает значительное влияние на процесс борьбы за существование. При известных условиях общественности, конкуренция между отдельными неделимыми может значительно ослабевать или вовсе прекращаться, но тогда она вся направляется на соревнование между общественными группами. Факт, что человек есть во всяком случае общественное существо, что он, во что бы то ни стало, должен соединяться в большие или меньшие общества, выработал в нем некоторую уступчивость, способность до известной степени жертвовать своими личными интересами ради общей пользы. В этом плане нет ничего исключительно свойственного человеку, как думает Шэффле. У многих животных общественность развита несравненно в большей степени. Не говоря уже о насекомых, у которых образовались особые органы ради общественных целей, и у которых особь нередко приносится в жертву обществу, существует много низших животных, где особь целиком поглощается обществом и низводится на степень простого органа. В человечестве же нынешнего времени и в идеалах его на будущее, особь всегда сохраняет свою индивидуальность и только до известной степени подчиняется обществу. Но, в то время как у всех животных «общественные инстинкты никогда не распространяются на всех особей данного вида» (Дарвин), у людей существует по крайней мере стремление соединить все человечество в одно большое общество.

При изучении борьбы за существование между человеческими обществами нам, естественно, приходится сосредоточить наше внимание на антропологических и этнических группах как таких, о которых наука обладает всего большими данными. Таким образом, мы переходим к вопросу о соперничестве между народами и вытеснении

одних из них другими.

В своей речи о борьбе за существование в человеческом роде Эккер распространяет свое воззрение и на борьбу между народами. «Как бы ни было велико наше сожаление (относительно слабейших рас), — говорит он, — мы должны тем не менее констатировать закон природы, применяемый с роковой необходимостью, закон, по которому раса, высшая с интеллектуальной точки зрения, в борьбе за существование побеждает и вытесняет низшую расу». Еще резче высказывается он в заключительных словах: «Последняя (франко-прусская) война указывает нам, что история народов также опирается на естественные законы и состоит из ряда безусловных необходимостей, из ряда, в котором всегда перевешивает нравственный и умственный прогресс. Таким образом, нельзя не признать существования нравственной системы в судьбе народов». Я привел здесь эти две цитаты, так как они отчетливо и сжато выражают взгляд, разделяемый многими, высказывавшимися о занимающем нас вопросе. То же самое заключено и в следующих словах Шэффле, новейшего автора по этому вопросу. «Прогрессирующая цивилизация, — говорит он, — дает высшую степень силы как для самосохранения, так и для победы в борьбе с природой и врагами из среды самого человеческого рода».

Дарвин, обстоятельно занимавшийся вопросом о борьбе за существование рас и народов, пришел к заключению, что «степень цивилизации есть, по-видимому, в высшей степени важный элемент в деле успеха конкурирующих народов». Относительно же самого содержания этого элемента, он высказывает следующее: «Как ни темна задача прогресса цивилизации, тем не менее мы можем заметить, что нация, произведшая в течение долгого времени наибольшее число высоко развитых в умственном отношении, энергичных, храбрых, патриотических и добродетельных людей, вообще должна получить преобладание над менее одаренными нациями». Еще общее он формулирует эту мысль следующим образом: «Увеличение числа хорошо одаренных людей и прогресс в общем мериле нравственности дают несомненно бесконечное преимущество одному племени перед другим». Отсюда у него вытекает, что «так как во все времена и на всей земле одни племена вытеснили другие, и так как в деле успеха нравственность играла существенную роль, то мерило нравственности всюду имеет стремление к повышению и число хорошо одаренных людей должно постепенно увеличиваться».

Рядом с такими психическими мотивами Дарвин признает и усиленное влияние чисто соматического момента и потому объясняет вымирание многих первобытных народов, главным образом, уменьшением плодовитости и усилением детских болезней, вследствие изменения окружающих жизненных условий, — даже в тех случаях, когда последние сами по себе не вредны.

Гельвальд, соглашающийся с Дарвиным относительно роли соматического момента, не разделяет вполне ни его воззрений, ни взгляда Эккера (против которого он особенно выступает) на участие умственного и нравственного элементов в деле борьбы. «Вообще, — говорит он, — высшая раса есть действительно та, которая выше и в духовном отношении, но это не составляет неизбежного правила, как думает профессор Эккер». В подтверждение этого ограничения, он ссылается на факт, что индейцы Центральной и Южной Америки побеждают испанских креолов, — на то, что в Венгрии немцы легко поглощаются «несомненно низшими мадьярами» и т. д. «Таким образом, — выводит он, — в борьбе за существование побеждает не всегда высшая в духовном отношении раса, но такая, которая всего лучше приспособлена к этой борьбе, причем дело решается иногда чисто физиологическими свойствами».

Для того, чтобы, по возможности, решить главные вопросы о борьбе за существование человеческих рас, необходимо строго разделять различные моменты этой борьбы, в большинстве случаев представляющейся чрезвычайно сложной.

Можно положительно утверждать, что в победе европейцев над многими первобытными народами весьма важную роль играли и играют чисто соматические явления. Во многих местах замечено, что европейцы чрезвычайно легко заражают дикарей эпидемическими болезнями, — даже в тех случаях, когда сами они не заболевают. Тут, следовательно, европейцы являются невольными переносителями заразы, подобно тому, как это в меньших размерах замечено относительно докторов. В самых различных странах сложилось твердое убеждение, что посещение иностранных кораблей служит источником распространения болезней. Из числа эпидемий особенно важную роль играет оспа, отнимающая у многих нецивилизованных народов огромное число людей. В Америке от нее погибла, по крайней мере, половина всего туземного населения. Столь же гибельна она и для народов полинезийской и австралийской рас. На Сандвичевых островах в течении одного 1853 года от нее умерло от пяти до шести тысяч человек. На полинезийский остров Понапе оспа

была завезена одним английским матросом, и в короткое время унесла три пятых всего населения. Известно, как ужасно она свирепствовала на островах Фиджи несколько лет тому назад. Вымирание камчадалов в значительной степени объясняется также их смертностью от той же болезни. Появление оспенной эпидемии нередко возбуждает панический страх среди нецивилизованного населения. Так, например, патагонцы разбегаются, бросая больных, перед которыми они ставят воду и пищу; но, несмотря на это, болезнь следует но пятам. То же много раз было замечено и у калмыков, оставляющих в большинстве случаев больных без всякого присмотра. Некоторые приписывают именно этой мере сильную смертность калмыков от оспы. Но помимо этой причины есть и другие, быть может, еще сильнее влияющие в том же направлении. Во время моего пребывания среди калмыков, я много раз слышал уверение, что они несравненно сильнее подвержены заболеванию и смертности от оспы, чем русские при тех же условиях. Ни оспопрививание, к которому они нередко прибегают, ни уход за больными, который обыкновенно выполняется лицами, уже перенесшими болезнь, не предоставляют серьезной гарантии. Чтобы составить себе понятие об интенсивности эпидемии, укажу факт, что в одном месте, в приволжской окраине степи (в Хошоутовском улусе), в течении одной зимы 1874 года из пятидесяти семейств в живых осталось только одно. Некоторые лица уверяли меня, что в один этот (1874) год вымерло около трети всего калмыцкого населения. Цифру эту следует считать преувеличенной относительно целого населения калмыцкой степи, но она может быть справедлива относительно окраин, где болезнь, вследствие соседства с русскими, свирепствует обыкновенно в сильнейшей степени, чем в глубине степи. Есть основание думать, что сам организм калмыков (и других народов, в такой же степени подверженных оспенной заразе), более чувствителен к восприятию оспенного яда, так как у соседей их, киргизов, ведущих вообще довольно сходный с ними образ жизни, но несравненно более приближающихся к кавказской расе, оспа никогда не производит таких значительных опустошений.

При перемене образа жизни первобытные народы в высшей степени подвержены бугорчатке. От нее преждевременно умирает большинство людей, переходящих от первобытного образа жизни и легко перенимающих европейские нравы, — например, у калмыцких князей (нойонов), учащихся и проч. Смертность последних, при этих условиях, так велика, что из 164 учеников австралийцев содержавшихся в заведении Трелькельда, «одного из первых

благодетелей австралийской расы», через четыре года, в живых осталось только три. Негры, отличающиеся удивительной нечувствительностью к лихорадочным заразам, чрезвычайно легко заболевают чахоткой. Один негритянский полк из 1800 человек, переведенный с Антильских островов на Гибралтар, почти вымер от этой болезни в течении всего пятнадцати месяцев.

Кроме влияния на смертность, соприкосновение первобытных людей с цивилизованными отражается также — и нередко в значительной степени — и на плодовитости первых. С давних пор и у самых различных первобытных народов была замечена сравнительно незначительная плодовитость. Некоторые авторы объясняют вымирание сандвичан, маорисов, индийцев и многих других «дикарей» именно бесплодием их женщин. В существовании самого факта не может быть сомнения; достаточного же объяснения для него и до сих пор не найдено. Они видят в нем просто доказательство предположения, что «низшие» человеческие расы вообще наименее плодовиты; другие же объясняют его слишком подавленным положением женщин, легкостью их поведения и т. п. Грасиоле провел параллель между бесплодием первобытных женщин и многих животных, содержимых в неволе. Он это объясняет следующим образом: «Дикарь, страна которого занята европейцами, уже более не чувствует себя дома, — и хотя и остается на родной ему земле, но ощущает тоску по родине; он заглушает ее вином, но затем снова впадает в нее; он грустен и обескуражен и тоскует, как заключенное в неволю животное. Тоски же от неволи достаточно для того, чтобы произвести бесплодие у большего числа животных; собаки, постоянные выдерживаемые в клетке, теряют всякое половое влечение. Такая же причина легко может объяснить и бесплодие дикарей Полинезии и Австралии». В новейшее время сходную мысль стал развивать Дарвин, который, как мы видели выше, считает бесплодие одной из главных причин вымирания первобытных народов. Он, правда, не объясняет его теми психическими мотивами, к которым прибегает Грасиоле, но ограничивается только подробными указаниями на сходное бесплодие многих животных, которых пытались обратить в домашнее состояние. Причины, влияющие на слабую степень плодовитости при измененных условиях существования, Дарвин считает достаточными и для объяснения слабой комплекции детей, рожденных при таких условиях, а следовательно, их усиленной смертности.

Чтобы достаточно оценить значение указываемых здесь

соматических явлений на ход борьбы за существование, необходимо обратить внимание на их участие в деле распространения европейских народов, отличающихся вообще особенной выносливостью, и к тому же имеющих под руками обширные, доставляемые культурой, средства для охранения от вредных внешних условий. На Мадагаскаре и в Сенегамбии, например, ни один европейский народ не обнаружил способности к акклиматизированию. На Яве, и вообще на островах Малайского архипелага, несмотря на все старания голландцев, им не удалось приспособиться к местным условиям. Даже в Алжирии, несмотря на ее значительное сходство с южной Европой, большинство европейцев вымирает, и только некоторым, как, например, мальтийцам и испанцам, удается полное акклиматизирование.

При рассуждении о вытеснении и вымирании народов необходимо, следовательно, иметь в виду на первом плане физиологический момент во всех его разнообразных проявлениях. При его помощи объясняются: во-первых, явления вымирания таких народов, которые с других точек зрения обнаруживают признаки значительной живучести, как, например, маорисов, народа, отличающегося замечательной способностью к восприятию культуры и сообразованию с обстоятельствами. С другой стороны, тот же момент может помочь объяснить нам и нередко парадоксальные явления переживания народов. Беджот обратил внимание на то, что в древние времена дикари не вымирали, несмотря на свои многочисленные сношения с классическими народами. И он, и Дарвин видят в этом доказательство усиленного влияния нынешней степени цивилизации, между тем, как этот факт объясняется проще тем, что дикари, приходившие в столкновение с древними цивилизованными народами, принадлежали большей частью к одной с ними антропологической группе, и потому в меньшей степени подвергались болезненным заражениям. Тем же (по крайней мере, отчасти), может быть объяснено и отсутствие явлений вымирания среди народов Кавказа, несмотря на зависимое их положение и местами значительную бедность и вообще дурные, нередко примитивные жизненные условия; между тем, как некоторые народы чистокровного монгольского племени, как, например, калмыки, от соприкосновения с теми же русскими несомненно вымирают.

Теперь все пришли к убеждению, что такое сложное и крупное явление, как вымирание народов, зависит не от одной какой-нибудь причины и даже не от одной сложной категории причин (как,

например, вышеупомянутый физиологический момент), но от суммы нескольких, нередко весьма, разнородных обстоятельств. Как ни велико болезненное расположение многих народов и их способность к бесплодию при изменении внешних условий, но эти явления сами по себе не неизменны. Поэтому народ, не находящийся под влиянием других поводов к вымиранию, может еще оправится и впоследствии окрепнуть. Таким образом, некоторые первобытные народы, как, например, тонганцы, не вымирают, другие же, хотя и продолжают вымирать, но в слабейшей против прежнего степени, что подает повод Герланду высказывать самые розовые надежды относительно будущности полинезийцев. Европейские народы быстро оправлялись после сильнейших и многочисленных эпидемий. Возможно, что и выносливость негров, малайцев и других народов, с давних пор находившихся в общении с многочисленными другими народами, была приобретена ими не сразу, а постепенно и притом ценою больших жертв.

Итак, помимо физиологической борьбы за существование между народами ведется и другая, совершающаяся на более сознательной почве. При этом один народ стремится или совершенно вытеснить другой, или же поставить его в большую или меньшую зависимость от себя. Чем более сходны два конкурирующие народа, тем чаще бывает первое; чем менее между ними общего, тем скорее может быть второе.

Результат, долженствующий произойти от соперничества между первобытными и культурным народами, удачно выражен в общей форме Мишле в его диссертации «О Гвиане и ее пенитенциарных учреждениях». «Жизнь цивилизованная и жизнь дикая, — говорит он, — настолько несовместимы друг с другом, что одновременно они не могут существовать на одной почве, и в их борьбе победа не подлежит сомнению. Это — борьба между зрелым человеком и ребенком». Недальновидность и непрактичность первобытных людей, в самом деле, носят на себе такой детский характер и составляют явление настолько распространенное, что на него не могли не обратить внимания в самых различных местностях. Понятно, что это свойство их сделалось обильным поводом для эксплуатации более практическими и ловкими народами. Вот каким образом это делается, судя по словам одного китайского купца, обращенным к миссионеру и путешественнику Гюку: «Разве вы не заметили, что все монголы точно дети? Когда им случится попасть в город, то у них тотчас является желание получить все, что им попадется на глаза. Но обыкновенно у них не бывает денег и мы являемся им на помощь; мы

им отпускаем товар в долг и поэтому, по справедливости, берем с них дороже. Давая товар без денег, нельзя не наложить небольшой процент — от тридцати до сорока на сто. Это, впрочем, делается только с монголами, так как в Китае это запрещено императорским законом. Но мы, принужденные беспрестанно рыскать по «стране трав», конечно, можем требовать процентов на проценты. Не правда ли? Ведь это совершенно справедливо? Монгольский долг никогда не погашается; он переходит из поколения в поколение. Ежегодно мы отправляемся за процентами, которые выплачиваются баранами, быками, верблюдами, лошадьми и пр. Это несравненно выгоднее, чем деньги. Монгольский скот нам обходится дешево, а на рынке мы его сбываем очень дорого. О, монгольский долг, это отличная вещь! Это истинный золотой источник». Я выбрал этот случай как один характерный из множества примеров совершенно подобной же практичности некультурных народов. Тем же способом, каким монголы обираются китайцами, совершается и эксплуатация калмыков, башкир и многих других народов русскими, малороссов и поляков — евреями, и тому подобное. Даже такой способный народ, как маорисы, в первое время сношений с англичанами дал себя в обман подписывая контракты и векселя, смысл которых был совершенно непонятен этим «дикарям».

Таким образом незнание и непрактичность находятся в числе главнейших причин слабости в борьбе за существование. Вообще, можно сказать, что интеллектуальные свойства народа играют в этом деле первостепенную роль. То, что Поль Брока высказал (во время известных прений в парижском антропологическом обществе по вопросу о вымирании и совершенствованию рас) по поводу австралийцев, может быть с некоторыми ограничениями признано общим правилом. «Нет никакого отношения, — говорит он, — между добротой, мягкостью, благодарностью, любовью к семейству и другими нравственными качествами с одной стороны, — и предусмотрительностью, порядком, духом изобретательности, настойчивостью, расчетливостью, зависящими от интеллектуальных способностей в тесном смысле, то есть способностей, делающих одну расу способной к цивилизованию, к пониманию выгоды в пожертвовании частью личной свободы для того, чтобы жить в правильно устроенном обществе — в работе с целью пожать плоды ее не тотчас, а через полгода и, наконец, — в подчинении законам для того, чтобы самому пользоваться их покровительством. Расы, понимающие эти общественные основы, могут цивилизоваться в

большей или меньшей степени; одни могут это делать самостоятельно, другие же путем подражания, убеждения или насилия, смотря по свойствам и степени их ума; расы же, не понимающие этих выгод, остаются в диком состоянии. Это однако же вовсе не означает, чтобы они были лишены нравственных качеств и даже умственных способностей; это значит только, что у них вовсе нет или недостаточно некоторых интеллектуальных качеств». Вывод этот, однако же, не должен вести к отрицанию всякого значения в борьбе за существования и притом вообще всяких нравственных качеств. Некоторые из них, как например, независимая от расчета известная степень солидарности между членами борющейся стороны, играет нередко важную роль в деле победы. Что же касается храбрости, на которую ссылается Дарвин как на один из существенных моментов победности, то ее значение должно быть отодвинуто вообще на очень задний план. Бесспорно, что в некоторых случаях она оказала немалую услугу. Но в целом, развивая в народе особенно воинственный дух, она чаще вела к гибели. Мирная форма борьбы за существование дает вообще более прочные результаты, чем военный успех. Всем известная храбрость, неразрывно соединенная, как это обыкновенно бывает, с духом независимости, очень сильно повлияла на исчезновение антильских индейцев и на процесс вымирания многих народов. Маорисы, самый воинственный и свободолюбивый из полинезийских народов, восстали против английского господства, выставив девизом, что «лучше умереть всем за отечество, чем жить под чужим владычеством». Конечно, такое решение, несколько раз побуждавшее маорисов к открытию военных действий, повлияло на уменьшение их численности, а, следовательно, оказало влияние и на их вымирание. «Народ воинственный и энергичный, не желающий подчиниться национальному рабству на своей родине, — говорит Уоллес по поводу папуасов Новой Гвинеи, — должен исчезнуть перед белым человеком так же неизбежно, как волк и тигр». Нужно думать, что знаменитая храбрость и дух независимости многих народов Кавказа принесли им больше вреда, чем пользы; можно предсказать (если только в подобного рода вопросах можно решаться предсказывать), что эти качества приведут их к окончательной гибели, между тем как более миролюбивые, хотя, вообще говоря, вовсе не более нравственные народы Закавказья (главным образом, армяне) окажутся несравненно долговечнее. Даже народы, достигшие высокой степени цивилизации, как например, римляне и французы, жестоко поплатились за свою

воинственность, — качество, теснейшим образом связанное с значительной храбростью. Из нынешних европейских народов одни французы обнаруживают некоторые признаки приближающегося упадка и, пожалуй, даже вымирания расы, признаки, бесспорно связанные причинно с их чрезмерной воинственностью.

Дарвин ссылается еще на «энергию» и «добродетель», как на качества, развитие которых должно споспешествовать в борьбе за существование народов. Что касается первого из этих свойств, то оно получает нравственный характер только тоща, если энергия направляется не на личное благо, а на общественное. Во всех случаях она оказывается важным элементом победности и живучести, но лишь под условием подчинения ее знанию и расчету. Что же касается добродетели, то роль её, как условие победы в борьбе за существование народов, крайне сомнительна. Как мы видели в предыдущей главе, сам Дарвин указывает на «несомненный вред», происходящий для физического состояния расы от упражнения добродетельных чувств. Если же мы мысленно представим себе еще сильнейшую степень охранения слабых, то легко увидим, какие результаты могут последовать от этого. К тому же следует прибавить, что упражнение симпатии, развивая чувствительность, делает людей мало пригодными к участию в борьбе за существование, которая даже в самой высшей своей форме соединена с причинением страдания. Известно, что сочувствие вообще более свойственно женщинам, то есть лицам, стоящим в стороне и не принимающим непосредственного участия в народной борьбе за существование. На этот психологический момент обратил внимание Герберт Спенсер, который приходит к следующему заключению: «Близкое знакомство с внешними выражениями бедности и несчастия, — говорит он, — необходимо производит (или, скорее, поддерживает) пропорциональное ему равнодушие; и это равнодушие есть неизбежный спутник бескровной борьбы между членами каждого отдельного общества, точно также как оно есть неизбежный спутник кровавой борьбы между различными обществами».

Что в деле столь неравной борьбы между европейцами и первобытными народами, со стороны первых были в большинстве случаев проявляемы не только ненравственные, но нередко бесчеловечные чувства, это слишком известно, чтобы нужно было долго останавливаться на этом. Герланд делает по этому поводу следующее замечание: «Пусть не говорят, что обнаруженные европейцами низости исходили только от отдельных лиц, и что

поэтому только они и должны нести за то ответственность: такие поступки совершались, приблизительно в одинаковой степени всеми колонистами и во всяком случае получали от них высшую степень одобрения». «Из этих соображений вытекает, — говорит далее тот же автор, — как необычайно медленно совершается нравственное совершенствование человечества и как мало обусловливается оно умственным развитием». «Всюду, куда только ни проникает Оранг-Путти (то есть белый человек или христианин), — говорил один яванец в беседе с голландским офицером, — пропадает верность и доверие, а пьянство, наглость, безнравственность, жадность, лицемерие и насилие идут за ним по пятам, чтобы утвердиться всюду, где он ни остановится» (Бастиан). Как ни резко такое суждение, но в нем заключена значительная доля правды. «Честность, верность, порядочность, гостеприимство, человечность, чистая религиозность, лучшие нравственные качества встречаются большей частью не на стороне европейцев (т. е. европейских колонистов), но на стороне столь презираемых первобытных народов», говорит Герланд, один из ученейших современных этнографов. Даже в тех случаях, когда правительство и некоторые миссии делали всё возможное для улучшения участи подчиненных народов, это им большей частью не удавалось, вследствие диаметрально противоположных стремлений колонистов и чиновников, т. е. лиц, находящихся в непосредственных сношениях с «дикарями». В самых различных частях земного шара, например, существует запрещение ввоза спиртных напитков в места, заселенные различными первобытными народами, очень падкими до них; но нигде это постановление не соблюдается местными купцами-европейцами. Заняв Новую Зеландию, английское правительство в своих попытках поддержать и развить туземное население, встретило главное препятствие со стороны «новозеландской компании», т. е. общества, составившегося под руководством богатых и влиятельных англичан и самым бесцеремонным образом эксплуатировавшего еще совершенно неопытных маорисов. Можно бы было привести большое количество аналогичных фактов. Наше правительство, в видах блага калмыцкого народа, задумало целый ряд мер с целью приучить их к земледелию и к более правильному экономическому устройству. Для этого было предположено пересечь всю приволжскую калмыцкую степь проезжими дорогами и устроить по ним поселки. В результате многих дорог не оказать, все проселки попали целиком в русские руки, и таким образом на окраинах появилось довольно многочисленное русское население, враждебное во всех отношениях

калмыкам, которые, в конце концов, потеряли только значительную часть своей лучшей земли и вообще приблизились к полному разорению.

Коснувшись здесь этой стороны вопроса об отношениях между народами слабыми и сильными в борьбе за существование, я не могу не сделать некоторого отступления, не имеющего прямого отношения к обсуждаемому теперь вопросу о роли различных моментов в этой борьбе, но зато могущего иллюстрировать более общее положение, развитое в предыдущей главе. Мнения о деятельности правительств по отношению к опекаемым первобытным народам весьма различны. Их можно вообще разделить на две категории. Одни считают необходимым во что бы то ни стало поддерживать эти народы, делать невозможные затраты для того, чтобы хотя сколько-нибудь поднять и цивилизовать их. Этнографы, наиболее близко знакомые с первобытными народами, вполне придерживаются подобного мнения. Вот, например, как высказывается по этому поводу Герланд в заключительных строках своего сочинения «О вымирании первобытных народов». «Пусть сохранится от этих народов то, что еще может быть сохранено. До сих же пор развитие человечества и в этом отношении вполне зависит от натуралистического закона. Борьба за существование, в которой сильнейший тот, кто побеждает, обнаруживается в полнейшей степени. Окрепнувшие расы распространяются с силою и (в отличие от неразумной природы) с удовольствием, без всякой надобности, разрушая побеждаемые ими слабейшие расы. Но человек способен рассуждать и любить; а именно в том и должен сильнейший член разумной породы высказывать свою силу, чтобы стараться с любовью возвысить до себя побежденных им членов. В таком случае наступило бы владычество духа и нравственного выбора, и целое человечество сделало бы большой шаг вперед по тому пути, по которому оно должно следовать, т. е. по пути освобождения духа от грубых оков внешней природы». Герланд и вообще та категория мнений, которой он служит выразителем, ссылается, в конце концов, на благо целого, ради которого необходимо охранить и поддерживать весь человеческий род. Уничтожение же такой большой его части, как первобытные народы, гибельно еще и потому, что оно легко ведет к огрублению сильнейших, вопреки человеколюбивой цели цивилизации.

Мнения другой категории, совершенно противоположного характера также имеют в виду общее благо. Но с их точки зрения споспешествование ему невозможно при помощи, стоящих огромной

затраты искусственных мер для охранения первобытных народов. Могут ли многие представители последних возвыситься до уровня современной культуры, это еще не доказано и в некоторых случаях весьма сомнительно. Между тем, оставляя большею частью очень богато одаренные земли в руках первобытных туземцев и сдерживая наплыв туда европейских колонистов, мы содействуем благу первых в ущерб последним. Простой же расчет показывает, что эти земли в состоянии прокормить несравненно большее число цивилизованных европейцев, чем, нередко даже не дошедших до земледельческой ступени, первобытных народов. Отсюда вытекает, что искусственное охранение нынешних дикарей может совершиться не иначе как за счет живущих или будущих европейцев, и притом что это будет охранение меньшинства за счет большинства; а поэтому следует предоставить борьбу за существование ее естественному течению и не тормозить вытеснения первобытных туземцев цивилизованными европейцами. Из числа современных научных писателей такого рода воззрения придерживается, например, Гельвальд, как это видно из следующего его замечания по поводу вымирания негров в Соединенных Штатах: «Констатирование этого фиаско якобы человеколюбивой идеи, — говорит он, — ничуть не заключает в себе порицания совершившегося факта и не заставляет желать его отмены, но, напротив, показывает только, что вымирание свободных негров составляет отныне только вопрос времени и дает самый основательный и наиболее благоприятный из всех возможных исходов. Между тем как союз раз навсегда освободится, таким образом, от заботы о «черных братьях», культура будет праздновать победу, всегда соединенную с исчезновением иноплеменного элемента».

Научного решения рассматриваемого вопроса не может быть дано в виду слишком большой сложности и неопределенности входящих в него факторов и неясности определения «общего блага». Иметь ли в виду общее благо ныне живущих поколений, или следует принимать в расчет и благо будущих? Как взвесить сумму благ материальных и нравственных, сопровождающих вытеснение дикарей европейцами при противовесе нравственного огрубения, неизбежного при этом? Иметь ли опять в виду только огрубение и жестокость поколения, непосредственно участвующего в процессе вытеснения, или же принимать в расчет и возможное смягчение нравов у последующих поколений, которые уже не будут личными свидетелями процесса расовой борьбы? Можно ли принимать в соображение охранение первобытных народов ради интересов науки, которая только теперь

начала изучать их серьезно, или же эти интересы следует счесть роскошью и потому пренебречь ими ради непосредственных экономических интересов цивилизованного населения? Подобных вопросов, тормозящих объективный ответ, можно поставить целый длинный ряд. Поэтому, при постановлении решения, требуемого искусством государственной политики, остается обширное поле для чисто субъективного выбора, направление которого может быть, по крайней мере отчасти, предсказано. Оно будет во всех случаях окрашено характером большего знакомства с той или другой стороной дела. Этнограф, ближе всего знающий природу и нравы первобытных народов, будет настаивать на их охранении и вообще будет склонен к пристрастию в их пользу. Экономист же, наиболее освоенный с интересами и нуждами колонистов, придавленных в своем густо населенном отечестве тяжкими условиями конкуренции, будет скорее стоять за предоставление свободы поселения и ратовать за вытеснение коснеющих в невежестве дикарей. Миссионер присоединится скорее к мнению этнографа, а практический человек станет на сторону экономиста. Натуралист же, я думаю, вовсе устранится от решения затруднительного вопроса, подобно тому, как патологоанатом или физиолог большею частью отказывается лечить больных. Преобладание того или другого элемента в правительстве может сильно влиять на принимаемые им мероприятия; действительность же подчинится им или обойдет их, смотря но надобности, и борьба за существование прямым или окольным путем доведет дело до преобладания сильнейших над слабыми, и народы, неспособные выдержать натиск конкуренции, погибнут.

Возвращаясь снова к вопросу о роли различных моментов в борьбе за существование, я считаю нужным напомнить общее для всей живой природы правило, по которому победность измеряется приспособляемостью к данным условиям борьбы. «Если мы сумеем, — сказал Макиавелли, — изменять наш образ действий сообразно с временем и обстоятельствами, то счастье нам не изменит». При этом на первом плане является знание этих обстоятельств и умение применяться к ним и пользоваться ими. Это верно как для случаев борьбы между отдельными особями, так и в деле соперничества между народами и расами. Поэтому можно предположить, что группы, наиболее закаленные внутренней борьбой, окажутся наиболее сильными и при столкновении с другими группами. Если это справедливо, то положения, высказанные в предыдущей главе относительно индивидуального соперничества,

должны быть распространены и на явления борьбы между народами и расами.

Возьмем, с целью проверки высказанных положений, несколько отдельных случаев такой борьбы.

Фридрих Мюллер, в своей этнографии, предсказывает, что из борьбы за существование рас победительницами выйдут белая, монгольская и негритянская. Он упустил из виду, что существует еще одна раса, отличающаяся вообще большими способностями к переживанию; я имею в виду так называемую Малайскую расу (т. е. Малайскую в более ограниченном смысле, следовательно, без полинезийских и микронезийских народов). Уже один предел ее распространения — от Малакки и Зондских островов до Формозы и Мадагаскара — указывает на эту способность ее. Встретившись с другими племенами, эта раса частью вытеснила их, частью слилась с ними, частью же сама подчинилась, но во всяком случае, сохранилась более или менее цельно, что само по себе уже очень важно, если принять в соображение что ей приходилось иметь дело с самыми сильными народами Старого Света. На обширном Малайском архипелаге разлилась эта раса, двигаясь с севера на юг и восток все более и более оттесняя чернокожую расу, которую Уоллес означает собирательным названием папуанской. Общую характеристику малайской расы, дающую возможность судить о ее силе в борьбе за существование, даёт нам Пешель. «Азиатский малаец (под этим названием Пешель разумеет именно то, что у нас обозначено названием малайской расы), — говорит он, — своей замкнутостью и скрытностью, своим рабским чувством по отношению к высшим и строгостью к низшим, своей жесткостью, мстительностью и обидчивостью не производит приятного впечатления, но зато выигрывает своей мягкостью к детям и умением держать себя с достоинством и вежливостью». Характеристика эта тотчас же вызывает в нас представление о выносливости и удобоприменяемости малайской расы, что подтверждается как свидетельством путешественников, так и историческими данными. Малайцы легко подчинялись индийской культуре и браманизму но потом обменяли его на мусульманство. На Яве голландское правительство запретило миссионерам проповедывать христианство, боясь, вероятно, что и оно легко может быть ими принято. Применяющийся и легко подчиняющийся характер особенно резок именно у яванцев, самого многочисленного из малайских народов; это-то свойство и составляет золотой источник, из которого черпают голландцы. Один

французский путешественник был очень поражен при виде рабских отношений в которых находятся яванцы к европейцам. «Чуть только покажется белый, — говорит граф Бовар, — как все туземцы присаживаются на корточки в знак уважения и благоволения. На многолюдной дороге, по которой мы ехали с величайшей скоростью, ни один туземец не остался стоять. По мере того, как наши лошади поднимали пыль, яванцы по обеим сторонам дороги падали ниц, как карточные солдатики». Знаменитая колониальная система голландцев зиждется именно на способности яванцев к рабскому подчинению. Правительство до мелочей опекает их, налагает на них обязательный труд, само определяя за него вознаграждение и монополизируя торговлю добытыми продуктами. Туземное население при этих условиях обнаруживает замечательное возрастание. С трех с половиною миллионов в начале столетия, оно в 1865 году дошло до 14 168 416, а в 1874 — до 17 882 396 (Бэм и Вагнер); в продолжении двадцати шести лет население почти удвоилось (Уоллес).

Малайские народы, столь легко дающие себя эксплуатировать, и сами делают то же, где это им доступно. В сношениях с первобытными даяками острова Борнео, малайские купцы выказали себя обманщиками, а малайские начальники — грабителями. Во многих местах они подавили и вытеснили слабейшую в борьбе за существование папуанскую расу. Интересна сравнительная характеристика обеих рас Малайского архипелага, представленная Уоллесом. Я выписываю из нее следующее: «Нравственные черты папуанца настолько же отличают его от малайца как и физические. Он жив и выразителен в разговоре и в действиях. Ощущения и страсти свои он высказывает восклицаниями, смехом, криком и неистовыми прыжками. Женщины и дети принимают участие во всяком разговоре и, по-видимому, мало смущаются при виде иностранца или европейца. Об умственных способностях этого племени судить очень трудно, но я склонен думать, что оно в этом отношении стоит выше малайского, несмотря на то, что до настоящего времени папуанцы не сделали еще ни одного шага к цивилизации. Но тут не должно забывать, что малайцы в течении веков подвергались влиянию иммигрирующих индусов, китайцев и арабов, между тем, как попуанцы подвергались лишь весьма незначительному и частному влиянию малайских торговцев. У папуанца гораздо более жизненной энергии, которая, несомненно, значительно помогла бы ему на пути к умственному развитию». «Папуанцы более любят искусство, нежели малайцы. Они украшают свои лодки, дома и почти каждую домашнюю утварь

тщательно сделанными изваяниями — обычай, весьма редко встречающийся между племенами малайской расы. Страсти и нравственные чувства, напротив того, кажется, мало развиты у папуанцев. В обращении с детьми они часто бывают жестоки, между тем, как малайцы почти всегда мягки и ласковы. Едва ли когда вмешиваются в их занятия и забавы, дают им полную свободу, до каких бы лет это ни продолжалось. Но эти крайне мирные отношения между детьми и родителями в значительной степени происходят от нерадивости и апатичности характера расы, отчего младшие члены никогда не противятся серьезно старшим; между тем, как более суровая дисциплина папуанцев главным образом есть следствие более значительной силы и энергии ума, рано или поздно ведущей к тому, что слабый восстает наконец против сильного, народ против своих управителей, раб против своего господина, дитя против своих родителей». Изо всего этого видно, что папуанцы гораздо более нравятся Уоллесу, чем малайцы, что они более склонны к высшим духовным проявлениям (искусство, любовь к независимости); но, несмотря на то, они менее сильны в борьбе за существование и должны уступать малайцам. То же, только в сильнейшей степени, вытекает и из сравнения малайцев с даяками, т. е. одного из самых сильных в борьбе за существование с чуть ли не слабейшим в этом отношении народов малайской расы. «Я склонен, — говорит Уоллес, — поставить даяков выше малайцев в умственном отношении, тогда как в нравственном они, без всякого сомнения, далеко превосходят их». На основании двадцатилетнего знакомства Штольц утверждал, что даяки в сношениях между собой отличаются верностью и честностью, и говорит, что в этом отношении они могут быть поставлены в пример всем нациям (Бастиан). Из того, что малайцы кажутся Уоллесу не особенно отличающимися в умственном отношении, еще никоим образом не следует, чтобы умственные способности не играли первостепенной роли в их борьбе за существование с даяками и папуанцами, так как, переняв готовые культурные формы от более зрелых народов, малайцы тем самым уже получили в свои руки могущественное орудие борьбы. Притом же очевидно, что, говоря об умственных способностях, Уоллес имеет главным образом в виду те высшие их проявления, которые не имеют непосредственного значения в борьбе. Что же касается практичности, т. е. свойства особенного важного в этом отношении, то, несомненно, что малайцы со своими коммерческими наклонностями стоят выше как даяков, так и папуанцев. Что же касается собственно

нравственной стороны, то она в представленном примере не играет выдающейся роли как орудие победы. Я говорю это в уверенности, что приспособляемость и способность к рабскому подчинению яванцев никем не будут причислены к разряду настоящих нравственных качеств.

Сильные в сравнении с первобытными народами малайцы, однако же, и сами должны во многих местностях (как, например, на Филиппинских островах) уступить свою роль во всех отношениях сильнейшим китайцам, которые в последнее время стали твердой ногой почти на всей территории, занятой малайской расой.

Как пример интенсивной и сложной борьбы за существование может быть приведена, обратившая на себя всеобщее внимание, борьба рас в Америке. Населенная первоначально сравнительно однородным племенем, Америка сделалась в короткое время театром великого народного переселения, результаты которого еще далеко не вполне определились. Туземная раса оказалась при этом вообще недостаточно сильной, и, хотя в некоторых местностях она и удержалась, но зато в других исчезла с удивительной быстротой. Почти с самого начала европейского переселения в Америку, между пришельцами и туземцами возгорелась борьба — местами вследствие топ), что последним сделалось тесно от наплыва нового населения; большею же частью вследствие стремления европейцев к преобладанию. Известно, что в общий ход этой борьбы замешались и чисто соматические влияния, как, например, сильные эпидемии, заведенные и распространенные европейцами; но не подлежит сомнению, что роль их была второстепенная (Вайц). На первый план выступило превосходство европейцев в деле подготовки и ведения войны, превосходство, зависевшее, быть может, не столько от силы ума, сколько от характера внешних условий (домашние животные и проч.). Нравственный момент, как известно, ни в одном случае не обусловил победы. Говоря вообще, уровень нравственности как победителей-испанцев, так и побежденных туземцев не отличался особенной высотою, по скорее пальму первенства в этом отношении следует отдать последним. Если суждение Инмана, который говорит, что «при взаимных сношениях между испанцами и перуанцами американцы превосходили первых как в отношении братской любви, так и религиозного чувства, последовательной заботливости о ближнем, воспитании и хорошего управления», и может быть заподозрено в некотором преувеличении, то не подлежит сомнению, что со стороны индийцев были не раз обнаружаемы такие качества,

которые бы сделали честь их просветителям, опутывавшим друг друга самыми коварными интригами. Весь характер туземцев, с его храбростью и военной честью, со всеми его доблестями и пороками (характер, диаметрально противоположный тому, который мы видели у яванцев), делал их неспособными к легкому и скорому приспособлению и мешал им переносить чуждое владычество. Многие индийцы предпочитали смерть рабству. Туземцы Антильских островов, с целью недопущения своего потомства до рабского и приниженного состояния, в усиленной степени прибегали к искусственному плодоизгнанию, а затем и сами лишали себя жизни. На Кубе распространилась эпидемия самоубийства и нередко целые семейства и даже населения целых деревень собирались вместе с целью лишить себя жизни (Пешель).

Нечего и говорить, что, не отличавшиеся высокой нравственностью в сношениях между собой, победители вели себя относительно враждебных им туземцев по правилам, которые не могли быть одобрены и с точки зрения нравственных понятий того времени. Это видно по мероприятиям испанского правительства и католических миссионеров, которые стремились, хотя и безуспешно, ввести человеческое обращение с побежденными туземцами. До чего доходила изобретательность европейцев в их стремлении к искоренению индийцев, можно судить, например, потому, что еще в очень недавнее время португальцы раздавали им одежду, снятую с умерших от оспы, для того, чтобы усилить распространение столь гибельной для индийцев эпидемии (Вайц).

Неудивительно, что при всех этих условиях вымирание туземцев Америки совершалось с быстротою, не имеющей ничего подобного себе. На Гаити окончательно вымерло уже второе поколение по приходе европейцев; вскоре та же судьба постигла и других антильеносов. Наиболее цивилизованные и, следовательно, наиболее испытанные во внутренней борьбе индийцы средней и отчасти Южной Америки оказались и в этом случае более живучими. Они не только не вымерли, но местами даже вытеснили белокожее население, причем им, главным образом, помогла недостаточная способность последнего к акклиматизированию в тоническом поясе. Что нравственный момент не оказал им сколь-нибудь значительной помощи, видно уже из общераспространенного убеждения, что со времени европейского нашествия нравственность туземцев вообще ухудшилась. «Повсюду, — говорит Вайц об индийцах вообще, — мы наталкиваемся на признаки быстроувеличившейся деморализации со

времени появления белых, под их влиянием; и мы встречаем даже показания, что позднейший характер индийцев не имеет более никакого сходства с прежним». Не только в нравственном, но и в культурном отношении уровень «цивилизованных» индийцев в настоящее время очень невысок, так что, несмотря не то, что они удачно перенесли столь тяжелый кризис борьбы за существование, ничто не предвещает их дальнейшей живучести. Хотя местами (как, например, в Лос-Альтос) они обнаруживают значительную энергию в промышленной деятельности, но вообще они склонны к лени, невежественны, легко опускаются и даются в руки более предприимчивым людям. Даже сравнительно столь высоко стоящие индийцы как туземцы Гватемалы, склонные к занятиям ремеслами и промышленностью, находятся в полной зависимости от ладинов (смешанного племени), в руках которых сосредоточены все предприятия и торговля. «Хотя ладины, — говорит Морле, — и выше индийцев в умственном отношении, но их трудолюбие и даже нравственность ниже, чем у индийцев, с которыми ладины не имеют никаких сношений и к которым они относятся с величайшим пренебрежением».

Сдерживаясь в тропической Америке только вследствие своей большей приспособленности к перенесению местных климатических условий, индийцы, естественно, должны будут уступить натиску другой расы, которая окажется в состоянии соединить физическую выносливость с достаточным уровнем умственного культурного развития. Негры выполнить этой роли, очевидно, не в состоянии. Перевезенные в Америку с начала шестнадцатого столетия, они достаточно обнаружили свою способность уживаться с тяжелыми физическими и нравственными условиями; но в то же время они показали себя неспособными к сколько-нибудь самостоятельной политической жизни и к поддержанию необходимого в борьбе за существование уровня культуры. Замечательно, что добавление их в Америку, сделавшееся вскоре источником больших бедствий, было результатом одной из немногих мер, вызванных чистыми нравственными мотивами. Лас-Казас, соболезнуя о жалкой судьбе индийцев, предложил для облегчения их участи перевезти взамен их негров, народ, особенно способный к самой тяжелой работе. Но вскоре, когда уже было поздно, он увидел, что от этого положение индийцев нимало не облегчилось, тогда как негры подпали под иго гнетущего рабства. И под конец своей жизни он горько разочаровался, извиняя свое заблуждение невозможностью предугадать насилия и

презрение к человеческой жизни, обнаруженных торговцами невольников. Как ни тяжело рабское положение негров, но оно в конце концов оказалось для них менее пагубным, чем значительная степень самостоятельности и свободы. Это всего лучше доказывается примерами независимых негритянских государств, как например, республики Гаити. Ограничив, елико возможно, европейцев, отняв у них право гражданства и владения землею, гаитянские негры приобрели возможно — полную степень независимости, но в то же время опустились настолько, что все дела пришли в самое печальное положение. По словам одного члена комиссии, назначенной правительством Североамериканских Соединенных Штатов для исследования вопроса о присоединении Сан-Доминго, в республике Гаити «не существует мануфактур, и правительство обанкротилось; дороги и мосты разрушены, города переполнены развалинами, мужчины живут трудом своих жен, как в их первоначальном отечестве, Африке». Известно также, в какое печальное положение пришли освобожденные негры южных штатов. Известия об их вымирании подтверждаются многими авторами и самый факт не может быть подвергнут сомнению.

Все сказанное свидетельствует, что будущность чернокожего племени в Новом Свете далеко не обеспечена, тем более, что оно и не может достаточно приспособиться к климатическим условиям многих частей тропической Америки. Так, например, известны данные о вымирании негров на Антильских островах (Буден). Вероятнее всего предположение, высказанное не раз уже людьми, хорошо знакомыми с делом, что в будущей истории тропической Америки самое выдающееся место будет занято китайцами. Способность этого народа к приспособлению в этой части Нового Света доказывается многочисленными рабочими, ежегодно переселяющимися туда в значительном числе. Число их на Кубе доходило в 1861 году до 35000. «Китаец как бы создан для того, чтобы тут процветать», говорит Рацель, автор самого лучшего сочинения о китайском переселении.

Общее положение расовой борьбы в северной Америке слишком известно, чтобы о нем следовало подробно говорить в этом беглом очерке. Европейцы, поселившиеся там, безусловно сильнее испанцев, тогда как туземное население, наоборот, несравненно слабее индейцев испанской Америки. Целая треть его до сих пор не обнаружила никакой способности к оседлой жизни, а так как она занимает хорошие плодородные земли, привлекающие белокожих поселенцев, то судьба его уже теперь может считаться решенною; дикие племена

индийцев (их считается более 80000 человек) должны вскоре совершенно исчезнуть. Какие бы меры ни были принимаемы свыше, но, как уже это бывало сотни раз, слабое в борьбе за существование население не может быть поддержано искусственно против самых неразборчивых, часто жестких средств, приводимых в действие поселенцами. Миссионерство, заведенное в начале с самыми гуманными намерениями, дало нескольким квакерам полномочие вступить в сношение с индийскими племенами и предпринять все, что только могло принести им пользу. Но эти миролюбивые люди тотчас же встретили непреодолимое препятствие со стороны поселенцев, которым было выгодно, чтобы поддерживались распри с туземцами, так как это давало им возможность делать поставки для войск и обманывать правительство. Теми или иными способами, во всяком случае не сообразующимися с правилами даже самой снисходительной нравственности, белое население Соединенных Штатов быстро подвигается на Запад, оттесняя и уничтожая неподдающиеся культуре краснокожие племена, и все более упрочивает свое положение на материке Нового Света.

Изумительно быстрое развитие Соединенных Штатов может служить лучшим и нагляднейшим примером несовпадения успехов практической, материальной культуры с преуспеянием высших проявлений человеческого духа. Рядом с не имеющим ничего равного прогрессом прикладного знания, промышленности и торговли, Соединенные Штаты представляют сравнительно ничтожное движение в области искусства и теоретической науки. По мнению многих лиц, хорошо знакомых с страною, нравственность американцев стоит также на очень высоком уровне. Я не стану приводить здесь, конечно, всем известные сенсационные рассказы о частью действительных, частью преувеличенных злоупотреблениях чиновников, печати и проч., но нахожу не лишним указать на следующие, точно констатированные факты, могущие пролить некоторый свет на занимающий нас вопрос. По последнему цензу оказалось, что в течении десяти лет (1860–1870) общее население Соединенных Штатов увеличилось на 22,5 %; рассматривая увеличение по роду занятия, мы видим крайне неравномерное распределение. Успех земледелия выражается при этом 18 %, промышленности — 2,8 %, торговли и доставки товаров — 44 %, так называемых свободных профессий, прислуги и поденщиков — 5,5 %. Здесь особенно кидается в глаза чересчур большое увеличение людей занимающихся торговлей и перевозкой товаров, т. е. именно делом,

нравственная сторона которого (как было показано в предыдущей главе) не отличается особенной высотою. Констатируя усиленный переход молодых американцев в города, официальный отчет статистического бюро в Массачусете (за 1871) приписывает его между прочим стремлению разбогатеть во что бы то ни стало (to put money in their pockets by fair means if the can, at all events to put it there). При этом следует иметь в виду, что на торговые предприятия бросаются главнейшим образом природные янки, считающие себя привилегированными сравнительно с пришельцами из Европы. «Без являющихся извне рабочих американская почва не могла бы давать те богатые жатвы, которые необходимы для нас», говорит один из компетентных судей по части американской жизни. Что касается увеличения свободных профессий, то в этом отношении на первый план выступают (составляющие 23 %) юристы и главным образом адвокаты, число которых в Соединенных Штатах доходит до 33 000, т. е. слишком в шесть раз больше, чем в Германии (в последней один адвокат приходится на 8000 душ, а в Соединенных Штатах — на 1180.

Как ни высока и прочна культура Соединенных Штатов и как ни сильны поэтому ее представители — янки, тем не менее и им приходится сталкиваться на Западе с элементом в высшей степени приспособленным к борьбе за существование, и иногда даже уступать ему. Я имею здесь в виду тот же народ, который обнаружил, как было сказано выше, свою силу в борьбе с малайской расой и которому предсказывают блестящую будущность в тропической Америке. Китайский вопрос занимает в настоящее время не только непосредственно заинтересованные штаты Америки, но о нем серьезно говорят и в Вашингтоне и даже в Европе. Начавшееся с первых пятидесятых годов переселение китайских рабочих постепенно увеличивается (за исключением нескольких частных колебаний) до настоящего времени, так что теперь их прибывает ежегодно около двадцати тысяч. Обратное течение значительно слабее и потому в результате получается остаток более чем в сто тысяч, поселившийся главным образом в Калифорнии и преимущественно в Сан-Франциско. Сначала китайцы были приняты очень дружелюбно, как рабочие, незаменимые при постройке тихоокеанской железной дороги и при других больших предприятиях. Но мало-помалу они стали обнаруживать способность и не к одной черной работе и обратились к занятию ремеслами и торговлей, и вообще выказали такую силу в борьбе за существование, что переполошили все население западной Америки. Вскоре в

Калифорнии образовалась антикитайская партия, настаивавшая и продолжающая настаивать на вмешательстве правительства с целью ограничения китайской эмиграции и принятия самых строгих мер против китайцев. Послушаем, как формулирует свое оппозиционное мнение эта партия словами одной калифорнийской газеты («San-Francisko Chronicle», от 17 и 21 марта 1876). «Мы столько раз уже приводили доказательства того, что американская работа не может существовать рядом с китайской, так как китаец живет как свинья, а американец хочет жить по-человечески. Китайский рабочий удовлетворяется ежедневно чашей риса и двумя чашками чаю, тогда как американцу время от времени нужна говядина и баранина и ему тяжело оставаться без хлеба и масла. Китаец может спать во всякой дыре, американцу же необходима постель. Китайцу не мешает, если вместе с ним спит еще двенадцать человек, американец же должен иметь такое же помещение для одного только товарища. Китайский рабочий не думает о женитьбе и основании семейства, тогда как американцу чересчур тяжело лишиться этого. По этому поводу и возникает вопрос: следует ли желать дешевой работы, если она может быть получена не иначе, как ценою принижения нашего рабочего до уровня этих животных язычников?» По поводу известия о прибытии парохода с новой тысячью китайских переселенцев та же газета говорит: «Что означает прибытие этих 1017 монголов? Это означает оттеснение 1017 белых мужчин и женщин от занятия, которым они теперь живут, так как доказано, что белая работа не может конкурировать с китайской» и т. д. Притеснения, вызванные подобного рода мнениями, должны были естественно вступить в коллизию с свободолюбивыми принципами законодательства Соединенных Штатов и потому принятые калифорнийским правительством меры большей частью были отвергнуты в Вашингтоне. К тому же, выгоды, доставляемые китайцами в качестве дешевых и хороших рабочих, ремесленников и прислуги, должны были заставить стать на их сторону большинство капиталистов и вообще многих влиятельных людей. В некоторых случаях предприниматели, заменившие китайских рабочих американскими, должны были снова обратиться к ним, так как они лучше выполняли принятые на себя обязательства. В результате, несмотря на все стеснения и антикитайские агитации, китайцам удалось утвердиться на американской почве и забрать в свои руки некоторые ремесла, как, например, башмачное, прачечное и др. Из западных штатов они частью потянулись и в восточные, где, при усиленной фабричной

деятельности, им, быть может, предстоит сыграть немаловажную роль.

До сих пор переселенцами из Китая являются почти исключительно мужчины. В Америке насчитываются всего от пяти до шести тысяч китаянок, из которых значительное большинство проституток; в новейшее время однако же у них замечается стремление к правильной семейной жизни; так, один только миссионер Гибсон в течении трех последних лет перевенчал около сорока пар по христианскому обычаю. Это явление бесспорно указывает на процесс усиленного приспособления и укоренения китайцев в Северной Америке, процесс, окончательный результат которого едва ли может быть с точностью предсказан в настоящую минуту. Опасения массивного переселения китайцев в Америку высказывались большей частью с практической целью — побудить правительство к принятию стеснительных мер, и вообще без достаточного числа доводов, невозможно допустить, чтобы, в случае действительной опасности такого наплыва, американцами не были вовремя приняты надлежащие охранительные меры; к тому же, не следует упускать из виду, что американцы и теперь обнаруживают значительную силу в борьбе за существование: при усилении же ее, хотя бы под влиянием китайской конкуренции, они могут еще более приспособиться. На это указывает, например, их изобретательность в деле придумывания средств, которые, не нарушая основ американской конституции, могли бы сколь возможно стеснять китайцев и делать им горькою жизнь в Соединенных Штатах. Так, например, городское управление Сан-Франциско, в виду привычки китайцев к скученной жизни, издало постановление, обязывающее, чтобы на каждого жителя приходилось в квартире не менее пятисот кубических футов пространства. Для надзора за этим оно нарядило ночные обходы, и китайцев, не исполнивших предписания, велело препроводить в тюрьму, где помещение оказалось вдвое теснее. С тою же целью и то же управление издало постановление, известное под названием «предписания о свиных хвостах» (Pigtail ordinance), по которому все арестанты мужского пола должны быть острижены почти под гребенку. Сделано это было в виду важного религиозного значения, которое китайцы придают своим косам.

Если, с одной стороны, в настоящее время не может быть речи о нашествии китайских масс в Америку, то, с другой стороны, неправы и те, которые не придают китайскому переселению в Соединенные Штаты никакого общего значения. Во-первых, следует иметь в виду,

что всякое приращение китайских рабочих препятствует соответствующему наплыву европейцев и, следовательно, удерживает их на прежних местах, увеличивая тем предложение труда на европейских рынках. Во-вторых, усиленная конкуренция с китайцами должна влиять на изменение склада белых рабочих. Даже умеренные партии стоят в этом вопросе на точке зрения свободы конкуренции. Вот как, например, высказывается по этому поводу «New-York Times», стоящая вообще в стороне от непосредственных столкновений с китайским вопросом. «Хорошо известно, — говорит эта газета, — что главнейшие возражения против китайского переселения исходят от ирландского населения. Непонятно однако же, почему бы следовало запретить Китаю, ближайшему соседу наших западных штатов, облегчать тамошнее отсутствие рабочих рук. Чуть только это переселение перестанет приносить пользу государству, то оно само собою прекратится вследствие недостаточной поддержки». Еще резче высказывается в том же смысле Рацель: «Оппозиция белого чернорабочего люда против желтого переселения, — говорит он, — до сих пор есть не что иное, как зависть. Она только тогда могла бы иметь некоторое оправдание, если бы оппоненты обязались работать так же дешево и прилежно, как те конкуренты, вытеснение которых они проповедуют столь громкими фразами. Но в таком случае китайское переселение должно бы было прекратиться само собою. Их привлекает именно требование более дешевой работы, чем та, к которой привыкли американцы и европейцы». Выход из этого положения может состоять или в искусственном задержании китайской эмиграции, что — в виду напора ее с одной стороны и настоящего экономического положения страны с другой — крайне затруднительно, или же в оказании большего противодействия со стороны самих рабочих, которым так или иначе пришлось бы развить в себе те свойства, благодаря которым китайцы оказались столь сильными в промышленной борьбе. Во всяком случае сближение западных народов с китайцами, обусловленное отчасти усилением мировой торговли и сношений, отчасти же — прекращением китайской замкнутости, должно усилить конкуренцию и, в виду очевидной силы китайцев, влиять на большее или меньшее окитаизирование белых соперников, т. е. на развитие в них тех именно сторон, которые и у китайцев образовались под влиянием тяжелых условий борьбы за существование в их собственном отечестве.

Встретившись с народом, обнаружившим особенную силу в борьбе за существование, мы, в интересах изучения этого явления,

должны несколько долее остановиться и попытаться ответить на вопрос: чем именно обязаны китайцы тому, что они так успешно ведут конкуренцию с самыми различными народами и при самых разнообразных внешних условиях? — Прежде чем приступить к этому, нужно еще несколько обстоятельнее изобразить картину китайской борьбы, так как только тогда мы составим себе надлежащее понятие о степени силы этого замечательного народа.

Более четырех тысяч лет тому назад, в северо-западной части нынешней китайской империи, возник небольшой — быть может всего их ста семейств состоявший — черноволосый народ — «пезинг», начавший с того времени постепенно разрастаться и расширять свои владения, которые через тысячу лет дошли до Ян-це-Кианга, а еще через тысячу лет — проникли до берегов Южно-Китайского моря. В конце двенадцатого века до Р. Х. Срединное царство занимало еще только четвертую долю своего нынешнего пространства. Внутри империи рядом с китайцами, жило еще множество варварских народов, номинально признававших китайскую власть и только мало-помалу терявших свою самобытность. Китайцы действовали против них не вооруженною силою: они никогда не были воинственным народом, не отвоевывали земель и не порабощали своих противников, а постепенно, так сказать, всасывали их в себя, побуждали их мирными средствами безвозвратно сливаться с собою. Увеличение китайских владений продолжалось и в более новые времена: так, они в половине тринадцатого века после Р. Х. приобрели самую южную провинцию — Юн-нан, а Формозой завладели только в конце семнадцатого столетия. Способ, посредством которого китайцы упрочиваются на этом острове, может дать некоторое понятие и о ходе их мирного завоевательного процесса вообще. Они начали с того, что построились на обращенной к материку части западного берега, и отсюда стали понемногу распространяться в другие стороны. Во внутреннюю часть острова они рискуют проникать с чрезвычайной осторожностью; вполне же владеют они и теперь только западной половиной острова, где они упрочиваются, главнейшим образом, при помощи терпения и хитрости, и только в случаях, когда условия представляются особенно благоприятными, они по временам оттягивают новый кусок земли у диких туземцев. Так как равнины уже заняты прежними переселенцами, то новые китайские пионеры стараются прежде всего купить себе клочок земли, причем «действие убеждением есть их любимый прием». Только в самых исключительных случаях китайцы сами прибегают к насилию: они

предпочитают нанимать дружественные им племена для защиты от враждебных, и нередко женятся на туземных женщинах для того, чтобы они могли выполнять роль мирных посредниц. Таким образом китайцы достигли того, что население их на Формозе дошло до трех миллионов и что туземцы стали отодвигаться все глубже и глубже.

Китайцы подпадали под власть монголов и теперь ими управляет манджурская династия, но и Монголия, и Манджурия постепенно все более и более китаизируются. Завоевание Китая манджурами тотчас же послужило поводом к переселению китайцев в Манджурию, — и в результате получилось быстрое вымирание манджуров и переполнение страны китайцами. В Монголии китайцы значительно подвигаются вперед, постепенно завладевая плодородными землями, и уже теперь легко предвидеть, что «не в очень отдаленном будущем вся способная к возделыванию земля Монголии перейдет в китайские руки» (Рацель).

Далеко перейдя за пределы пресловутой китайской стены и сплачивая все более и более всю Небесную империю в одно целое, китайцы, как мы отчасти уже видели выше, легко уходят из своего отечества и вступают в борьбу за существование нередко с совершенно для них новыми народами. Значительная часть Азии с давних пор сделалась таким поприщем китайской деятельности. Западная часть индо-китайского полуострова в короткое время наводнилась китайцами, так что древние буддийские колонии, Сиам и Камбоджа, вскоре превратились в полу-китайские государства. Япония и Малайский архипелаг привлекли к себе также значительное число китайских торгашей, прочно утвердившихся даже в таких местах, как, например, на Яве. Они успели проникнуть и в столь густо населенные места, как, например, Ост-Индия, где они завладели уже некоторыми ремеслами: так, например, в Калькутте около девяноста процентов сапожников — китайцы. На Филиппинских островах они утвердились, несмотря на всевозможные притеснения и преследования со стороны испанцев, и все предсказывает им там блестящую будущность. Известный путешественник, Ягор, думает, «что они со временем, как на Филиппинских островах, так и в других странах Великого океана, вытеснят все посторонние элементы — или же образуют плодовитые расы метисов, которым они все-таки передадут свои особенности». Особенно важная роль выпала на долю китайцев в Сингапуре, где девять десятых всех торговых операций находятся в их руках и где они завладели не только мелкой, но и крупной торговлей — и, кроме того, самыми разнообразными

ремеслами.

Как банкиры и менялы они не имеют себе равных. Китайская колония в Сингапуре замечательна еще потому, что в ней китайцы обнаруживают всего меньшую охоту к возвращению на родину.

Многие из них женятся пли на приезжающих китаянках, или же на малайских женщинах. В 1859 году, из пятидесяти тысяч китайских колонистов, было уже 3248 китаянок (Рацель). Хотя главное китайское движение в Азии за пределами своей империи, и направлено по преимуществу на юг, тем не менее, некоторая часть китайцев переселяется и на север — в наши азиатские владения. Так, например, они частью поселились в Амурском крае, где занимаются хлебопашеством, огородничеством (между прочим, разведением женьшеня) и, разумеется, торговлей. В некоторых местах они утвердились столько прочно, что, по словам церковника Венюкова, «присутствие манджуров и китайцев на левом берегу Амура, близ Благовещенска, вероятно, на долгое время будет задерживать руссификацию в этой местности». С некоторых пор в Амурском крае появились и китайские рабочие, нанятые в самом Китае; в забайкальскую же область стали приходить китайские торгаши, расплодившиеся между прочим и в Иркутске.

Из внеазиатских стран китайское переселение кроме Америки, совершается в значительной степени еще в Австралию и в меньших размерах — в Полинезию. В Австралии они расходятся из трех пунктов — южного (Виктория), восточного (Квинслэнд) и северного (Порт-Дарвин). За последние годы особенно усилился наплыв и в золотые россыпи Квинслэнда, где из 15000 рабочих — 14000 китайцев. Европейские колонисты пришли в ужас от такого быстрого увеличения китайской иммиграции и настояли на принятии стеснительных мер. Местный парламент с этой целью значительно увеличил пошлину на рис, главную пищу китайцев, и кроме того, увеличил плату за право высаживаться на берег для китайских приисковых рабочих и купцов. Последняя мера, впрочем, была отвергнута английским правительством, что вызвало в колониях большое неудовольствие и формальный протест.

Из полинезийских островов, Таити и Сандвичевы острова главным образом привлекают к себе китайцев. На Таити они появились впервые в 1856 году. Это были приисковые рабочие и различные ремесленники, бежавшие из Австралии вследствие дурного обращения с ними. Получив право высадиться на острове, они скоро уже образовали маленькую китайскую колонию, занявшись главным

образом и мелочной торговлей. Кроме того, были выписаны китайские кули для работ на плантациях, что у них, по обыкновению, пошло вполне удовлетворительно.

О привлечении китайских рабочих в Англию и Германию, как о средстве к прекращению стачек, уже не раз поговаривали предприниматели в Лондоне и Берлине, но, разумеется, вряд ли когда им удалось бы исполнить это предположение. Теперь и наука (по крайней мере, в Германии катедер-социалисты) начала восставать против расовой равноправности и против неограниченной свободы иммиграции чуждых европейцам племен. Несравненно вероятнее наплыв, в ближайшем будущем, китайцев в Африку. В 1875 году была сделана первая попытка добыть китайских рабочих на Мыс Доброй Надежды, и Франсис Кальтон высказывает убеждение в необходимости заселения Африки китайцами в самых обширных размерах, так как, по его мнению, только этим путем можно сделать эту большую страну вполне доступной разумной культуре. Один из известнейших новейших путешественников по Китаю, аббат Давид, смотрит чрезвычайно серьезно на силу китайцев в конкуренции. Он считает невыгодным для европейцев усиленное распространение знаний между китайцами, так как, вооруженные ими, китайцы сделаются еще более опасными; он думает, что «этому неисчерпаемому муравейнику» следует предоставить Азию, Малайский архипелаг и Африку, но что, но крайней мере, теперь с тем большей энергией необходимо воспрепятствовать его наплыву в Европу и Америку.

Необходимо иметь в виду удивительную способность китайских переселенцев, несмотря на изумительную приспособляемость к новым условиям, сохранять тем не менее свои характерные особенности. Все путешественники в один голос утверждают это и говорят, что китайские кварталы в Сан-Франциско, Мельбурне, Батавии и др. городах представляют совершенно тип городов Небесной империи. Некоторые китайцы начинают в Калифорнии перенимать европейские обычаи, т. е. меняют одежду и некоторые формы, но в сущности остаются теми же китайцами. Хотя они вообще весьма несклонны допускать крупные перемены под влиянием иностранцев и не имеют никакого поползновения к приобретению чисто научных познаний, тем не менее они с большой охотой и легкостью перенимают многие практические сведения и приемы, и только благодаря этой способности становятся в короткое время опасными конкурентами для европейских ремесленников. (Несколько характерных примеров

этого было описано Диксоном в его книге о борьбе рас в Америке). Император Юн-Чанг, допуская европейских миссионеров в Китай, объявил, что он это делает не потому, чтобы считал их религию хорошей, а только потому, что они знают астрономию и математику и полезны правительству для исправления календаря. За последние годы китайцы сделали большие успехи в военном отношении, пригласив европейских офицеров для устройства армии и укреплений, которые у них буквально переполнены крупповскими пушками.

Переходя теперь к причинам, вследствие которых китайцы так сильны в борьбе за существование, необходимо сказать несколько слов об участии в этом соматического момента. Хотя в науке еще не существует удовлетворительного материала для суждения о физической приспособляемости китайцев, но, судя по всему, что известно в этом отношении, способность эта у них чрезвычайно высока. Как мы видели выше, они распространились на огромном пространстве, включающем и суровое в климатическом отношении Забайкалье, и тропические, и экваториальные страны. Относительно физической, то есть мускульной силы, они оказались не особенно одаренными, но зато они выигрывают вследствие способности к очень продолжительной работе. В многих местностях, куда переселяются китайцы, была замечена их чрезвычайная «силы крови», т. е. усиленная наследственная передача их физических и душевных особенностей при скрещивании с другими расами. Дети от китайских отцов с малайскими, манджурскими, испанскими и др. женщинами, гораздо более похожи на китайцев, чем на своих матерей.

Рядом с такой физической одаренностью, китайцы представляют целый ряд душевных свойств, влияющих на их силу в борьбе?. Во-первых, они отличаются, как уже было упомянуто несколько раз, чрезвычайной умеренностью в пище и других потребностях и замечательным трудолюбием. Они работают долго и усидчиво и не брезгают никакой работой, лишь бы она была оплачиваема. В Калифорнии они монополизировали некоторые женские специальности, как, например, мытье белья и уход в доме и за детьми. Во-вторых, китайцы в высшей степени уживчивы и потому легче многих других народов переносят притеснения и нарушения прав. Эти качества следует бесспорно отнести к числу нравственных, хотя в их ряду трудолюбие, умеренность и выносливость занимают одно из низших мест, так как они (особенно в данном случае) направляются для целей личной жизни. К числу более высоких нравственных качеств должна быть отнесена солидарность китайских переселенцев,

вследствие которой они, в случае нужды или несчастия, оказывают друг другу помощь.

Но, с другой стороны, не следует упускать из виду того, что в борьбе за существование они очень неразборчивы на средства и постоянно прибегают к таким, которые, как в глазах европейской, так и китайской морали, признаются безнравственными. Выше я имел уже случай сослаться на пример опутывания монголов долгами со стороны китайских купцов; подобных примеров можно бы привести целый ряд. Говоря о противозаконной иммиграции китайцев в Монголию, Рацель, ссылаясь на Вильямсона, говорит: «Эти простодушные люди (монголы) не доросли до китайской хитрости». И далее: «Эта борьба хитрости с наивной, не сознающей самую себя первобытной силой дикаря, может показаться не особенно утешительным зрелищем, но на результаты ее нельзя не смотреть как на прогресс». С помощью таких же приемов борются китайцы и в Манчжурии с ее «простодушными и добродушными» туземцами. «Как всюду, где господствует мир, — говорит Рацель, — так и в Манчжурии китайцы находятся в сильной степени процветания, вытесняя прежних обладателей с помощью хитрости и трудолюбия». Вот как описывает испанский историк Суньига китайских переселенцев на Филиппинских островах: «На одного, посвящающего себя земледелию, появлялась тысяча всевозможных купцов, торговавших чрезвычайно ловко. Они употребляли фальшивые меры и весы и до неузнаваемости фальсифицировали всевозможные товары, как, например — воск, сахар и др. Они вели себя настоящими ростовщиками, следя внимательно за потребностями народа и спросом на различные товары, которые они удерживали до тех пор, пока им не давали требуемую ими высокую цену». Один из новейших путешественников по островам Тихого Океана, граф Пемброк, указывает на эксплуатацию таитян китайцами и замечает по этому поводу следующее: «Обе расы представляют резкий контраст: азиатец всегда перехитрит простодушного полинезийца». Само собой разумеется, что качества, оказывающиеся столь пригодными для борьбы китайцев с другими народами, были выработаны и развиты первыми во время их многовековой борьбы у себя дома. «Невероятная бережливость времени, места и материала, — говорит Ягор, — которая могла развиться только у такого перенаселенного народа как китайцы, постоянно с новой силой кидается в глаза путешественнику». И в самом деле, характер китайца, всю жизнь остающегося в Небесной империи, совершенно такой же, как и у

эмигранта. Вот как описывает первого Пешель: «Китаец соединяет в себе все, что нужно, чтобы, при условиях беспрепятственного развития, привести к быстрому перенаселению: он нежный отец, считающий благословение детьми за величайшую радость, умерен до излишества, образцово бережлив, неутомим как работник, не знает праздника, но в торговом деле хитрее грека. Уже дети занимаются коммерческими делами; торгашество и отдача денег под залог — их любимые игры». По словам знаменитого путешественника Гюка, отзыв которого был много раз подтверждаем различными наблюдателями, китаец совершенно поглощен временными интересами и материалистичен в обычном смысле слова. «Нажива составляет единственную цель, к которой постоянно устремлен его взор. Жгучая жажда к получению прибыли, какой бы то ни было, поглощает все его способности и всю энергию». Коммерческий дух развит у него в сильнейшей степени. Капитала в несколько копеек уже бывает достаточно для него, чтобы начать какое-нибудь маленькое дело, причем обыкновенно пускается в ход ловкое плутовство, столь свойственное китайцу. Все это указывает на то, что китайский характер есть прототип практического характера, а это уже достаточно объясняет, почему китайцы оказались столь сильными в борьбе за существование. Перевес как в индивидуальности, так и в общественной борьбе должен выпадать именно в пользу более практической стороны, так как практичность и есть не что иное, как способность, во что бы то ни стало, достигнуть желаемого результата. Отсюда понятно, что у китайца умственная сторона должна представляться наиболее выдающейся чертой характера. Дрэпер приписывает прочность Китая тому, что «политическая система его стремится достичь соответствия с тем физиологическим условием, которое руководит всем социальным усовершенствованием: она стремится дать господствующий контроль уму». Некоторая степень умственного образования, как известно, составляет достояние каждого китайца, при столь распространенном элементарном обучении. Нравственный уровень стоит у них бесспорно на более низкой степени. По меткому выражению известного государственного человека Америки, Сьюарда, «китайская нравственность обращается не к суду совести, а к правилам приличия». Рацель, не имевший, правда, случая наблюдать китайцев в их отечестве, но добросовестно изучивший литературу о них, жалуется на отсутствие у них идеалов и говорит, что «они лишены того высокого нравственного стремления, которое переходит за пределы соображений минутной пользы и ищет

правды ради нее самой». Китайцы самостоятельно выработали очень развитое нравственное учение, которое во многих отношениях не ниже наших самых возвышенных нравственных взглядов, но которое в то же время заключает и корни практичности, столь свойственной китайскому миросозерцанию. Так, например, во второй из четырех основных книг китайской философии и морали (Тчун-Юнг, или «неизменность в средине», книге, приписываемой внуку и ученику Конфуция — Тесуссе) проводится принцип, что человек высшего достоинства «сообразуется с обстоятельствами, чтобы оставаться на средине». И проповедуется, что будут ли всемирные заповеди исполняться по естественному побуждению и без выгоды, или же они будут исполняться с трудом и усилиями, но, если раз человек выполняет похвальные дела, то результаты во всех случаях одинаков. Не следует забывать, разумеется, что между нравственным учением и нравственностью, т. е. нравственным поведением еще существует большая разница, которая именно и замечается так часто среди китайцев. Но словам Пока, если китаец и читает книги нравственного и религиозного содержания, то не иначе как в виде отдыха и развлечения с целью препровождения времени.

Религиозный индифферентизм китайцев есть факт общеизвестный и проявляется в их жизни на каждом шагу. Когда испанцы, в видах противодействия китайским эмигрантам нам Филиппинских островах, издали постановление, что только христиане могут женится на туземных женщинах, то китайцы без малейшего труда принимали христианство. Но, разумеется, номинально.

Китайский император Юнг-Чинг (начала прошлого столетия) издал комментарии на речи своего отца, в которых он предостерегает от ложных сект и осуждает все разбираемые им религии. Он шутит над беспрерывным повторением молитв буддистами и говорит по этому поводу: «Если вы, провинившись, будете тысячи раз кричать перед судьей «ваше превосходительство», то неужели вы думаете, что он вас за это простит? Ваш бог Фо — презренный, если он осуждает за то, что ему не подносят взяток на алтаре и не жгут в честь его бумаги», и пр. Наш знаменитый синолог, проф. Васильев, высказывается следующим образом: «На Востоке (т. е. собственно в Китае) вовсе не имеют того понятия о привязанности к религии, которое мы встречаем на Западе — там люди живут не сердцем, и житейскими нуждами».

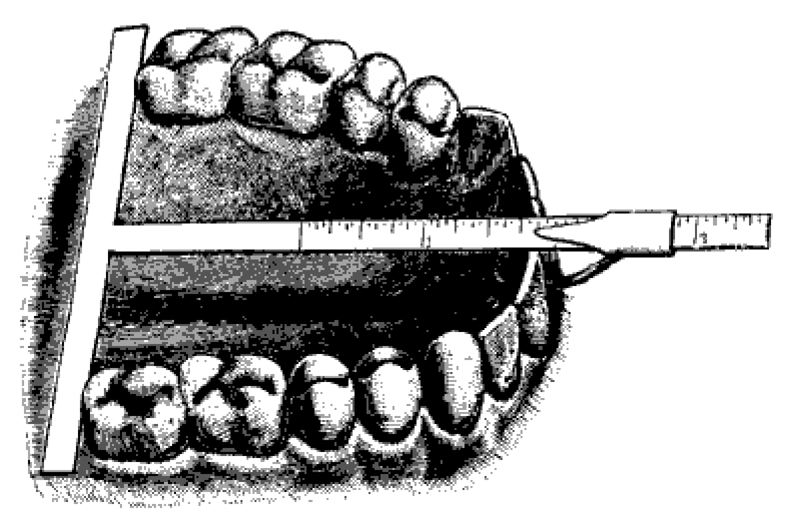
Неудивительно, что при таком исключительно практическом направлении искусство в Китае не могло подняться на высокий

уровень развития. Послушаем в этом отношении специалиста по истории искусства. «Вкус китайцев, — говорит Шнаазе, — не имея возвышенного направления, производит, главным образом, работы, отличающиеся внешней искусственностью. В некоторых отраслях художественной техники китайцам принадлежит заслуга, как авторам важных технических изобретений (из которых некоторые сделаны ими в незапамятные времена) и как искуснейшим и до настоящего времени исполнителям: уже в третьем веке до Р. Х. они занимались отливкой металлов, обработкой шелка и различными видами тонких глиняных изделий. Но рядом с этими и другими возбуждающими удивление техническими искусствами, тем резче выступает недостаток истинно художественного дарования. В их постройках мы видим принцип декоративной обойной пестроты, внешним образом примыкающий к свайным постройкам и шатрам первобытных народов; в скульптуре и живописи окостенение их фантазии допускает только тощие копии с натуры или безобразные отклонения от нее. Исследование этого явления, само по себе очень интересное, относится поэтому скорее к этнографии, чем к истории искусства; да и для истории культуры в обширном смысле оно далеко не необходимо, так как, вращаясь главным образом в сфере технической и материальной цивилизации и нося на себе характер законченный и эгоистический, оно осталось без заметного духовного влияния на другие народы».

Вывод, к которому приводит сообщенное в главных чертах исследование о борьбе за существование в человечестве, имеет, особенно с первого взгляда, много общего с известным положением Бокля, что в деле цивилизации решающим и главным моментом является всегда интеллектуальное развитие. В самом деле, подходя к вопросу с двух сторон, мы должны были убедиться, что роль нравственного момента в борьбе за существование несравненно ограниченнее и подчиненнее, нежели умственного. На это прямо указывают и факты человеческой борьбы, и соображения о непрочности этических оснований. — Этот второй аргумент диаметрально противоположен главному доказательству, приводимому Боклем в пользу его положения. Доказательство это, как, конечно, помнит читатель, состоит в признании за нравственными началами полной неподвижности. Против этого восстали историки нравственности и вообще целая школа писателей, доказавшие вполне, что если некоторые наиболее элементарные нравственные положения и неподвижны, то этого никоим образом

нельзя распространять на всю мораль вообще. «Делать добро другим, жертвовать для их пользы своими желаниями и т. д., - говорит Бокль, — в этом и немногом другом состоят существенные начала нравственности, но они были известны много тысяч лет тому назад и ни одной йоты, ни одного параграфа не прибавили к ним все проповеди, поучения и афоризмы, какие только могли произвести теологи и моралисты». Но разве решение вопроса о том, кто эти «другие», которым нужно делать добро, не составляет подвижного элемента в морали и точно все равно, будем ли мы распространять добро только на своих соплеменников, или же и на чужих людей, на представителей другого народа, другой расы и, наконец, на животных? Следовательно, развитие нравственного чувства есть факт, заметный как в истории народов, так и в истории отдельных людей. Неверно также, будто в историческом процессе цивилизации незаметно влияние нравственного момента. Если бы Бокль взял пример из области литературы, искусства и чистой науки, то он увидел бы, каким двигателем являлось в них нравственное чувство. С этой стороны ему также были приведены довольно веские возражения. Различие между основным положением Бокля и главным выводом, вытекающим из представленного читателю материала, заключается в том, что ограниченную роль нравственного момента следует признать только как орудие победоносности в деле борьбы за существование, которая в крупных формах выражается в виде промышленной конкуренции и соперничества народов, а не во всем процессе цивилизации. Литература и искусство, составляющие столь существенную сторону цивилизации и так тесно связанные с нравственным развитием, отступают на задний план в обыкновенных формах борьбы за существование. Отсюда понятно, что народы, крайне неразвитые с этих точек зрения, могут оказаться несравненно сильнее, чем народы, стоящие гораздо выше их в этом отношении. Мы приходим таким образом к необходимости расчленить то сложное целое, которое называется цивилизацией, на две большие группы, следуя в этом отношении Гизо. «В цивилизации, — говорит он, заключены два главные факта, — она существует при двух условиях и обуславливается двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, прогрессом общества и прогрессом человека. Первый из этих элементов обнимает собою гражданина, и экономическое развитие и вообще то, что называют часто термином «материальная культура»; второй же заключает «развитие жизни индивидуальной, внутренней, развитие самого

человека, его способностей, чувств, идей» и выражается в литературе, науке и искусстве. Хотя Гизо и указывает на то, что есть «много государств, где благосостояние растет быстрее и лучше распределяется между гражданами, и где, между тем, цивилизация находится на низшей степени развития, нежели в других государствах, не так богато наделенных собственно в социальном отношении», тем не менее он строго держится принципа, что оба составные элемента цивилизации неразрывно связаны между собою. Предполагаемая неразрывность этой связи опровергается приведенными выше фактами существования народов, крайне сильных в борьбе за существование, как, например, янки, китайцы, малайцы, и в то же время стоящих не высоко ни в деле нравственности, ни в деле искусства, литературы и науки. Первенствующее положение эллинов в этих высших областях цивилизации не сделало их живучими и не дало им силы пережить неизмеримо ниже стоящих китайцев, так же точно, как неразвитость последних с этих точек зрения не помешала им сделаться сильнейшим народом в борьбе за существование, надолго пережить греческую и римскую цивилизации и занять отчасти даже угрожающее положение по отношению к современному Европейскому миру. Рацель и другие писатели, говоря о китайцах много раз ссылаются на отсутствие у этого народа «идеальных стремлений», но именно это отсутствие, заменяемое удивительной практичностью, послужило им не во вред, а в пользу на арене борьбы.

А. Ф. Риттих

Славянский мир

ДВОЙНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Замечательнейших славянских урочищ на

ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ

Издание В. И. Истомина

Типография Варшавск. Учебного Округа — Литография Варшавск. Военного Округа.

Хромолитография А. А. Истомина в С.-Петербурге. — Ксилография Пуца в Варшаве.

ВАРШАВА

1885

A

Aachen, Цахи. (Рейнская пров)

Adelnau, Одобанов или Одолянов г. (Познань)

Adelsberg, г. Постойна. (Хорутания)

Adler, р. Орлица. (Чехия)

Adige, р. Эчава. (Италия)

Adriatisches meer, Сино или Ядерское море.

Adrianopel, г. Дринополь, Дринов, Ядрин, Эдрене. (Балканский пол.)

Agram, г. Загреб. (Хорватия)

Akkerman, г. Белгород. (Россия)

Albona, г. Лабин. (Австрия)

Aldenburg, Oldenburg, г. Старыград. (Шлезвиг)

Alessio, г. Леш. (Албания)

Almissa, г. Олмиж. (Албания)

Alpa, р. Упа. (Моравия)

Altenburg, г. Ветвар. (Германия)

Altmark, Старая мархия. (на Эльбе)

Altsohl, г. Зволень. (Венгрия)

Altstadt, г. Велеград, Градишка. (Моравия)

Aluta, р. Ольта. (Румыния)

Antiwari, г. Бар. (Албания)

Angerburg, г. Угробор, Угобор. (Пруссия)

Aquila, Воглей или Алгар. (Австрия, Горица)

Arad, г. Старый град. (Венгрия)

Arangosch, Araniosch, Золотая река, Злотна великая. (Седмигардия)

Arbo, остр. Раб. (Далмация)

Arkona, г. Витов. (Сев. Германия)

Auschwitz, г. Освенцим. (Австрия)

Auspitz, г. Густопеч. (Моравия)

Aussig, г. Усти на Лабе. (Богемия)

Austerlitz, г. Славков. (Моравия)

Arva, р. Ораница. (Венгрия)

B

Balaton, оз. Плесо, Блатное озеро. (Венгрия)
Balkan Geb., Haemus, Бълкан.
Barthfeld, г. Бардиев. (Венгрия)
Bausk, г. Буск. (Россия)
Bautzen, г. Будишин. (Лузация)
Bellegarde, г. Белград. (Померания и Руссильен)
Bensen od., Beneshau, г. Бенешов. (Богемия)
Bergen, г. Горска. (Сев. Германия)
Bieler See, оз. Белоозеро. (Швейцария и Тироль)
Behrent, г. Костерь. (Пруссия)
Bentschen, г. Збышинь. (Познань)
Bentsch, г. Бенешов. (Австрия)
Berat, г. Белград. (Албания)
Beraun, р. Берунка. (Богемия и Албания)
Berlin, г. Берлин. (Германия)
Bern, г. Берун. (Швейцария)
Beuthen, г. Битом. (Германия)
Bielietz, г. Бельско. (Хорутания)
Birnbaum, г. Межиход. (Пруссия)
Bischofsteinitz, г. Горшувтын. (Богемия)
Bitolia, г. Битель или Монастырь.
Blota, Болота. (в Лужичах)
Bohmerwald, гор. Шумава. (Богемия)
Bodenbach г. Боруц. (Германия)
Bocca, v. Cattaro, Бока Которская. (Далмания)
Boritz, г. Боруц. (Германия)
Bomst, г. Бабий мост. (Пруссия)
Brandenburg, г. Погорельцы, Бранный бор, Сгорелец. (Пруссия)
Brasso od, Kronstadt, Брашов или Коруна. (Седмиградия)
Braunau, г. Брумов. (Австрия)
Brazza, остр. Брач. (Далмация)
Breslau, г. Переслав, Братислав, Вратислав. (Силезия)
Brieg, г. Брег большой. (Силезия)
Bries, г. Брежно. (Венгрия)
Bromberg, г. Будгощ. (Пруссия)
Bruck, г. Мост. (Штирия)

Brunn, г. Бьрно. (Моравия)
Braunsburg, г. Бранево. (Поморье)
Brux, г. Мост. (Богемия)
Budua, г. Будва. (Долмация)
Budweis, г. Будеевцы. (Богемия)
Bukecy, г. Буковец. (Лузация)
Brezezan, Бережаны. (Галиция)
Bunzlau, г. Болеславец. (Пруссия)

C

Cammin, г. Камень. (Померания)
Capo d`Istria, г. Копер. (Австрия)
Carlopago, г. Баг. (Италия)
Carloburg, г. Белград. (Седмиградия)
Castua, г. Кастав. (Истрия)
Catarro, г. Котор. (Далмация)
Chemnitz, г. Ставница. (Венгрия)
Chemnitz, г. Каменица. (Богемия и Саксония)
Cielecin, г. Телятин. (Пруссия)
Chodiesen, г. Ходеж. (Познань)
Chorutanien, Гортанка, Корошка, Хорутания.
Colberg, г. Колоберг. (Пруссия)
Crossen, г. Коросно. (Пруссия)
Csaba, г. Чаба. (Венгрия)
Custrin, г. Костринь. (Пруссия)
Culm, г. Хелмно или Хлумец. (Пруссия)
Curzola, остр. Курчола. (Далмация)
Cuculo, г. Трнава. (Седмигардия)

D

Danzing, г. Гданск. (Пруссия)
Dauba, р. Дуб. (Богемия)
Delvino, г. пр. Дьявол, Девол. (Албания)
Demmin, г. Дымин. (Пруссия)
Dermendere, г. Верлево или Орлово. (Балканский полуостров)
Dignano, гг. Воднян. (Австрия)
Dirschau, г. Тчево. (Пруссия)
Diurdevo, г. Журжа, Журжево. (Румыния)
Dobrudga, обл. Добрич. (Балканский полуостров)
Domnitz, г. Домец. (Германия)
Dohna, г. Донин. (Германия)
Donau, р. Дурнав. (Германия и Австрия)
Dorpat, г. Юрьев. (Россия)
Dossa, г. Такса. (Германия)
Dresden, г. Дрождяны. (Саксония)
Drewenz, р. Древяна. (Пруссия)
Drewani, Древляне. (Ганновер)
Duino, г. Дивин. (Хорутания)
Duleigno, г. Ольгун. (Далмация)
Durazzo, г. Драч, (Албания)

E

Eger, р. Огра. (Богемия)
Eger, г. Хеб. (Богемия)
Egri-Palanka, Белозеро. (Болгария)
Eider, р. Егдора. (Шлезвинг)
Eipel, р. Иполь или Уполь. (Венгрия)
Eiten, г. Утин. (Шлезенг)
Elbe, р. Лаба. (Германия)
Elbing, г. Труса Елблонг. (Пруссия)
Elbogen, г. Локет. (Богемия)
Elden, г. Канов. (Германия)
Eni-Zagra, г. Твердица, Загора новая. (Балканский полуостров)
Enns, р. Энжа. (Австрия)
Elster, г. Льстра. (Дузация)
Eperies, г. Пряшев. (Венгрия)
Erlau, г. Ягра или Ягер. (Богемия)
Erzgebirge, гор, Крушные горы, Рудные горы. (Богемия)
Eski Zagra, гг. Старая Загора, Железняк. (Балканский полуостров)
Essek, г. Осек и Туров. (Хорватия)
Etsch, р. Эчава. (Италия)
Exin, г. Кцыня. (Пруссия)

F

Feistritz, Weisritz, р. Быстрица. (Германия и Австрия)
Fellin, г. Велин. (Россия)
Feldkirchen, г Торг. (Хорутания)
Femern, остр. Фемерна. (Дания)
Fichtelgebirge, горы Смерчин. (Богемия)
Finsterwald г. Грабин. (Пруссия)
Fiume, г. Река, Рекка. (Истрия)
Flatow, г. Златово. (Пруссия)
Flohau, г. Бьлшаны. (Богемия)
Flohe, р. Вьлга. (Богемия)
Foinitza, г. Хвойница. (Балканский полуостров)
Fraustadt, г. Вшова. (Силезия)
Freistadt, г. Чаглов. (Австрия)
Freiberg, г. Прибор. (Германия)
Frioul, Фурляна.
Funfkirchen, г. Печь и Печуй, Печух. (Венгрия)

G

Gablonz, г. Яблонец. (Богемия)
Gabel, г. Яблонь. (Богемия)
Garz, г. Кореница. (на Рюгене)
Gortz, г. Горица. (Хорутания)
Gail, р. Голь или Быстрица, также Зила. (Тироль)
Gaya, г. Киев. (Моравия)
Garz, г. Кореница. (Пруссия)
Genova, Genes, г. Япов. (Италия)
Gera, г. Гора. (Германия)
Gitschin, г. Ичин. (Богемия)
Glatz, г. Кладско. (Силезия)
Gleiwitz, г. Гливицы. (Силезия)
Glogau, г. Глогов. (Силезия)
Gnesen, г. Гнезно. (Познань)
Goeding, г. Годонин. (Моравия)
Goldberg, г. Златибор. (Лузация)
Gorlitz, г. Сгорелец или Сгорельцы. (Лузация)
Gottschee, обл. Кочевье, Кочевско. (Австрия)
Gratz, г. Градишка. (Познань)
Gratz, г. Штирийский градец. (Штирия)
Gran, г. Острохолм или Остригом. (Венгрия)
Graudenz, г. Грудзиондз, Грудец. (Познань)
Grottkau, г. Городков. (Силезия)
Grossglockner, гора Великий звон. (Австрия)
Gross-Kanitza, г. Князиха. (Венгрия)
Grosswardein, г. Великий Варадин. (Венгрия)
Groszenhain, г. Осек великий. (Саксония)
Gravosa, г. Груж. (Италия)
Gumbinen, г. Гомбин. (В. Пруссия)
Guben, г. Губин. (Пруссия)
Guhrau, г. Гора. (Силезия)

H

Habelschwert, г. Быстрица. (Силезия)
Hainau, г. Гайнов. (Пруссия)
Halle, г. Доброгора, Добросоль. (Германия)
Haskioi, г. Буково. (Балканский полуостров)
Havel, р. Гавола. (Германия)
Hirschberg, г. Доксы. (Богемия)
Hoheneck, г. Войник. (Австрия)
Heilbrunn, м. Гойна вода. (Чехия)
Heiligengeil, г. Св. Секира. (Поморье)
Hohenmauth, г. Высокое мыто. (Богемия)
Hohenelbe, г. Верхлаба. (Богемия)
Holleschau, г. Голешов. (Моравия)
Hohenstadt, г. Забрег. (Моравия)
Holben, г. Илва. (Силезия)
Holsen, г. Голязина. (Пруссия)
Hermannstadt, г. Себень или Сибинь. (Седмиградия)
Hoierswerde, г. Воэрец. (Лузация)
Horn, г. Рог. (Моравия)

I

Iglau, г. Иглава. (Богемия)
Insterburg, г. Инструч. (Пруссия)
Iser, р. Изера или Из-ёзера. (Австрия)
Isonzo, р. Соча, Здобба. (Австрия)
Istiman, г. Златица. (Турция)

J

Jansdorf, г. Янов. (Богемия)
Jagerndorf, г. Крьков. (Силезия)
Idria, г. Выдерга. (Крайна)
Jicin, г. Ичин. (Богемия)
Johannisberg, г. Гансборк. (В. Пруссия)
Julin, г. Волин, Венеда. (Пруссия)
Jung-Bunzlau, г. Младоболеслав. (Богемия)
Jurburg, г. Юроборк. (Пруссия)
Juterbock, г. Ютробок. (Германия)

K

Kaden, г. Кадан. (Богемия)
Kalau, г. Калява. (Германия)
Kammin, г. Кладно также Камень. (Германия)
Karasu, р. Мста или Места. (Македония)
Karasu, р. Струм или Струма. (Македония)
Karlsbad, г. Карловары. (Богемия)
Karnthen, обл. Кореница. (Хорутания)
Karlstadt, г. Карловец. (Богемия)
Karlsburg, г. Белград. (Седмиградия)
Karinthien, обл. Кореница. (Хорутания)
Kaschau, г. Кошица. (Венгрия)
Kazanlick, г. Шейново или Котел. (Румелия)
Kastoria, г. Костур. (Греция)
Kempen, г. Купно. (Пруссия)
Kethen, г. Квец. (Германия)
Kimpoloung, г. Долгополе.
Kirkilissa, г. Сорокоцерковь или Лозинград. (Балканский полуостров)
Kirchhain, г. Кустров. (Германия)
Kissingen, г. Хижицы. (Бавария)
Klausenburg, г. Калош или Клуш Колошвар. (Седмиградия)
Klentze, г. Клонек. (Германия)
Klietz, г. Ключ. (Германия)
Klagenfurth, г. Целовец. (Хорутания)
Koromezo, г. Ясинье. (Венгрия)
Konigsgratz, г. Кралеград или Градец Кралевы. (Богемия)
Konitz, г. Хойницы. (Пруссия)
Kokel, р. Тирнова. (Седмиградия)
Kommotau, г. Хомутов. (Богемия)
Komorn, г. Комарно. (Венгрия)
Konigenhof, г. Краледвор. (Богемия)
Konigsberg, г. Кролевец. (Пруссия)
Kopreinitz, г. Копривница. (Хорватия)
Korosmezzo, г. Ясены. (Венгрия)
Konstanz, г. Костиница. (Швейцария)
Koslin, г. Козлин. (Поморье)

Kosel, г. Козлий. (Силезия)
Koritza, г. Горица. (Греция)
Kotbus, г. Хотебуж. (Лузация)
Kostel, г. Подивин. (Моравия)
Kosten, г. Костяк. (Пруссия)
Krain, обл. Крайна. (Австрия)
Kreitsburg, г. Ружбор. (Россия)
Kreutz, г. Крыжевцы. (Хорватия)
Kremnitz, г. Кремница. (Угрия)
Kremsier, г. Кромериж. (Моравия)
Krems, г. Кремжа. (Австрия)
Kronstadt od., Brasso, г. Брашов или Коруна. (Седмиградия)
Krummanu, г. Крумлев. (Богемия)
Kuprily, г. Велес. (Балканский полуостров)
Kustendil, г. Велобудж. (Балканский полуостров)
Kuttenburg, г. Кутная гора. (Богемия)
Kulm, г. Халум. (Богемия)
Kurische-Haf, Курский залив. (Пруссия)
Kweitz, г. Кваса. (Германия)

L

Lagosta, остр. Ластово. (Далмация)
Laibach, г. Любляна. (Австрия)
Landsberg, г. Горев. (Пруссия)
Lauban, г. Любень (Силезия)
Lauzitz, обл. Лужицы.
Lautenburg, г. Лицборк. (Пруссия)
Leda-See, озеро Лебско. (Пруссия)
Lebau, г. Лубий или Любава. (Пруссия)
Lebus, г. Любуша. (Германия)
Lieben, г. Глуп (Германия)
Liepa, Чешская Липа. (Богемия)
Liepzig, г. Липцы или Липско. (Саксония)
Leitha, г. Литава. (Германия)
Leitmeritz, г. Литомерицы. (Богемия)
Lemberg, г. Львов. (Галиция)
Lentzen, г. Ленчин. (Германия)
Lensen, г. Лучин. (Германия)
Leoben, г. Любно или Любина. (Германия)
Leobschutz, г. Глубичичи или Любочичи. (Германия)
Lessino, остр. Хвар или Фар. (Далмация)
Leutschau, г. Левоча. (Угрия)
Levenz, г. Левица. (Угрия)
Leutomischl, г. Литомышль. (Моравия)
Libau, г. Любава. (Россия)
Liebenwerda, г. Руков. (Германия)
Liegnitz, г. Легница. (Силезия)
Linz, г. Линец. (Австрия)
Lisza, г. Лешно. (Германия)
Littau, г. Литовля. (Моравия)
Littai, г. Летия. (Хорутания)
Laun, г. Луны. (Богемия)
Lissa, г. Лешно. (Пруссия)
Lubeck, г. Любица или Любок. (Германия)
Luben, г. Любин. (Пруссия)
Luchow, г. Луги. (Ганновер)
Lukkau, г. Луков. (Германия)

Lutzen, г. Лужин. (Саксония)
Luditz, г. Жлутица. (Богемия)
Lundenburg, г. Брецлав или Бречиславль. (Пруссия)

M

Magdeburg, г. Девин. (Германия)
Main, р. Моган. (Германия)
Mainz, г. Могуч. (Германия)
Makarsko, г. Мокрый. (Далмация)
Marburg, г. Марибор. (Штирия)
Marienburg, г. Кобылица. (Пруссия)
Maria-Theresiapol, г. Сободка. (Венгрия)
Marienburg, г. Малборк. (Пруссия)
Marienwerder, г. Квидчин. (Пруссия)
Markgrabowo, г. Олешко. (Пруссия)
March, р. Морава. (Моравия)
Meiszen, г. Мышин. (Саксония)
Meleda, остр. Млет. (Далмация)
Melk, г. Мельник. (Германия)
Meonia, г. Разлук. (Турция)
Merseburg, г. Межибор. (Германия)
Mettau, р. Мета, Мста. (Богемия и Моравия)
Mewe, г. Гниев. (Пруссия)
Mies, г. Стржибро. (Богемия)
Mies, р. Мжа. (Богемия)
Michelstatten, с. Велезово. (Крайна)
Mikilenburg, г. Любов и Рарог. (С. Германия)
Mirchau, г. Мирохов. (Пруссия)
Mischkolz, Мишковец. (Венгрия)
Mitrowitz, г. Дмитровица. (Балканский полуостров)
Mitterberg, Pisino, г. Пазин. (Австрия)
Moldau, р. Вьлтава, Волтава или Мьлтава. (Богемия)
Mottling, г. Метлика. (Хорутания)
Mesokovesd, г. Кивяжд. (Угрия)
Moldauthein, Вълтавский тын. (Богемия)
Monchgut, г. Родовичи. (Остр. Рана)
Morasch, р. Мароша. (Венгрия)
Mosburg, г. Мохов, Саловар. (Венгрия)
Mugeln, г. Могильна. (Лузация)
Muglitz, г. Могелица или Могельница. (Моравия)
Muhlhausen, г. Милевка. (Богемия)

Munchen, г. Мнихов. (Бавария)
Munchsberg, г. Войнов Местец. (Богемия)
Munster, г. Вельна. (Шлезвиг)
Munchengratz, г. Мнихов, Градище. (Богемия)
Muritz, оз. Мароча или Морьца. (Сев. Германия)
Munkatsch, г. Мукачев. (Венгрия)
Muskau, г. Мушков или Мужаков. (Лузация)

N

Namslau, г. Намыслов. (Силезия)
Narenta, г. Неретва. (Далмация)
Narva, г. Ругодив. (Россия)
Nehrung, Нерея (между Фриш и Куриш-граф). (Пруссия)
Neidenburg, г. Ниборк. (Пруссия)
Neisiedlersee, Пейсо озеро. (Венгрия)
Neisse, Ниш или Низ, г. Ниса. (Силезия)
Neitra, г. Нитра. (Словакия)
Netze, р. Нетеч или Неточ. (Германия)
Neuhaus, г. Индрихов-градец. (Богемия)
Neumark, г. Новый торг. (Венгрия)
Neumark, г. Вторник. (Чехия)
Neusatz, г. Новый сад. (Венгрия)
Neusohl, г. Банская Быстрица. (Венгрия)
Neutitschen, г. Нов. Ичин. (Богемия)
Neustadt, г. Новое место. (Богемия)
Nieman, р. Хрон или Неман. (Россия)
Niolsburg, г. Никулов или Микулов. (Моравия)
Nona, Нин. (Далмация)

O

Oberlaibach, г. Верхник. (Хорутания)
Obervellach, г. Беляны. (Хорутания)
Odenburg, г. Шопрон. (Угрия)
Oderberg, г. Богуман. (Силезия)
Oder, р. Одра. (Германия)
Oels, г. Олешница. (Силезия)
Oesterreich, Австрия, Ракушская земля.
Ofen, г. Буда или Печь-Будино. (Венгрия)
Ohre, р. Ора, Ара, Ура и Юра. (Германия)
Olmutz, г. Голомуц, Оломуц. (Моравия)
Olymphe, гора Лаха. (Греция)
Oppeln, г. Ополье. (Силезия)
Opus, форт Терново, или Опзен. (Далмация)
Ortelsburg, г. Сытно. (Пруссия)
Oschatz, г. Ожицы. (Зап. Германия)
Ostmark, обл. Восточная мархия. (Австрия)
Ostrau, г. Острова. (Моравия)
Ouskoub, г. Скопье. (Балканский полуостров)

P

Parenzo, г. Поречье. (Истрия)
Passau, г. Пассов. (Австрия)
Passewalk, г. Пустоволк. (Германия)
Pettau, г. Птуя. (Штирия)
Peene, г.р. Пена. (Германия)
Pest, г. Пещь или Печ. (Венгрия)
Philipopel, г. Пловдив. (Балканский полуостров)
Pirnitz, г. Бортница. (Моравия)
Pilsen, г. Пльзно. (Богемия)
Pirano, г. Пиран. (Штирия)
Plattensee, Balaton Блатное озеро. (Богемия)
Pleschen, г. Плешев. (Познань)
Plon, г. Плун. (Сев. Германия)
Podersam, г. Подбораны. (Богемия)
Polnich Krone, г. Коронов. (В. Пруссия)
Polsen, г. Плучница. (Богемия)
Posen, обл. Познань. (Пруссия)
Potsdam, г. Поступин. (Пруссия)
Pregel, р. Прегола. (Пруссия)
Prerau, г. Преров. (Моравия)
Presburg, г. Бретислав. (Венгрия)
Preignitz, г. Брежница и Брсеница. (Германия)
Prosnitz, г. Писечница. (Германия)
Prossnitz, г. Простеев (Моравия)
Pudowa, г. Будов. (Моравия)
Puglitz, г. Подлюстин. (Германия)

Q

Qucizs, р. Кваса. (Силезия)

R

Raab, г. Юрьев. (Австрия)
Radkersburg, г. Радгона. (Хорутания)
Ragusa, г. Дубровник. (Далмация)
Rakonitz, г. Раковники. (Богемия)
Ratzburg, г. Ратибор. (С. Германия)
Raudnitz, г. Рудница. (Богемия)
Regensburg, г. Резно. (Бавария)
Reichenberg, г. Либерец. (Богемия)
Reicnenau, г. Рихнов. (Богемия)
Redenitz, р. Раданица. (Бавария)
Rekenitz, г. Ракитница (Германия)
Rheims, г. Ремеж. (Франция)
Reuss, г. Русс. (Германия)
Reval, г. Колыван. (Россия)
Rhein, р. Рин. (Германия)
Riesenburg, г. Пробута. (Поморье)
Riesengebirge, горы, Исполиновы горы или Корконоши. (Богемия)
Risano, г. Рисан. (Далмация)
Ritschenwalde, г. Ричиволь. (Познань)
Romerstadt, г. Римаров. (Моравия)
Ronneburg, г. Ронов. (Германия)
Rostock, г. Ростоки. (Пруссия, Померания)
Roslau, г. Рославль. (Германия)
Rovigno, г. Ровин. (Истрия)
Rugen, остр. Руя или Рана. (Германия)

S

Saar, г. Ждары. (Богемия)
Saatz, г. Жатец. (Богемия)
Saale, р. Солява, Сала. (Германия)
Sagan, г. Жагань. (Пруссия)
Saibusch, г. Живец. (Галиция)
Saint Gotthard, Монастырь. (Венгрия)
Salburg, г. Саловар. (Венгрия)
Saldenhofen, г. Возеница. (Австрия)
Salzburg, г. Солоноград. (Тироль)
Sablioncella, полуостр. Полешац. (Далмация)
Sajo, р. Слана, Солона. (Венгрия)
Samland, Янтарный берег. (у Фриш и Куриш гафа)
Samter г. Шамотули. (Познань)
Sanct-Veit, г. Вит. (Хорутания)
Sandec, г. Снедец. (Галиция)
Satmar, г. Немтиба. (Угрия)
Saybusch, г. Живец. (Галиция)
Scargona, г. Скрадин. (Далмация)
Chemnitz, г. Ставница или Щавница. (Венгрия)
Schildberg, г. Острешов. (Познань)
Schilenberg, г. Жумберк, Жумборщина. (Крайна)
Schlan, г. Сланы. (Богемия)
Schleiz, г. Шлец. (Германия)
Schlukenau, г. Шлукнов. (Богемия)
Schmolnitz, г. Смольник. (Венгрия)
Schneeggebirge, горы Снежник. (Богемия)
Scholanke, г. Трчонка. (В. Пруссия)
Schrime, Шрем или Срем. (Пруссия)
Schuttenhfen, г. Сущица. (Богемия)
Schweidnitz, г. Свидница. (Силезия)
Schwetz, г Свичье. (Пруссия)
Schweirin, Зверин. (Сев. Германия и Познань)
Schwiebus, г. Сведобин. (Пруссия)
Seben, г. Собинов. (Венгрия)
Sebenico, г. Сибеник. (Далмация)
Seltschau, г. Седлшаны. (Богемия)

Sereres, г. Сер. (Турция)
Seibenburgen, обл. Седмиградия и Трансильвания.
Silesien, обл. Слезака. (Пруссия)
Silistria, г. Доростол или Дерстер. (Болгария)
Sirmien, обл. между Дунаем и Савою, Срем. (Австрия)
Skeidnitz, Шкудичи или Шклов. (Германия)
Skutari, г. Скадр. (Албания)
Soldau, г. Дялдово. (Пруссия)
Saloniki, г. Солунь, Терема. (Македония)
Solnok, г. Челнок. (Венгрия)
Solta, остр. Дервенок. (Далмация)
Sorau, г. Царев или Жаров. (Пруссия)
Soovar, г. Слан. (Венгрия)
Spalato, г. Сплет. (Далмация)
Spree, р. Спрева или Справа. (Германия)
Spremberg, г. Городок. (Лузация)
Sprottau, г. Спротава. (Пруссия)
Sroda, г. Середа. (Силезия)
Stagno grande, г. Стон великий. (Далмация)
Stargard, г. Старый город. (Пруссия)
Stein г. Каменек. (Хорутания)
Starkenbach, г. Илемница. (Богемия)
Steiamanger, г. Каменец. (Угрия)
Stolpe, г Слупско или Столп. (Поморье)
Straszburg, г. Бродники или Бродница. (В. Пруссия)
Straubing, г. Струбина. (Бавария)
Steier, г. и р. Стырь. (Австрия)
Steiern, Стырко. (Австрия)
Steiermark, Стырко. (Австрия)
Sternberg, г. Звезда-гора. (Богемия)
Stuhlweissenburg, г. Белград-Стольный. (Венгрия)
Strelitz, г. Стрелица. (Германия)
Streme, р. Струмина. (С. Германия)
Stettin, г. Щетина. (Пруссия)
Sueta, г. Свята. (Голландия)
Szekler, нар. Сикул. (Седмиградия)
Szolonok, г. Сольник. (Угрия)

Т

Tanais, Tanaquil, Дон, Славянская река. (Россия)
Tatar-Bazardtschik, г. Базарчик, Коница или Баток. (Балканский полуостров)
Taus, г. Домажлицы. (Богемия)
Tetschen, г. Дечин. (Богемия)
Teschen, г. Тешин. (Силезия)
Taja, р. Дыя. (Моравия)
Theiss, р. Тисса. (Венгрия)
Theresiapol, г. Субботица, Суботница или Соботка. (Венгрия)
Thorn, г. Торун. (Пруссия)
Tilsit, г. Тылза или Тылжа. (Пруссия)
Teplitz, г. Теплицы. (Богемия)
Tollensee, оз. Доленица. (Сев. Германия)
Torgau, г. Торгов. (Германия)
Trajectum, Utrecht, Вильтабург. (Голландия)
Transilvania, Siebenburgen, Седмиградия.
Trau, г. Трогир. (Далмация)
Trove, г. Травна. (С. Германия)
Triest, г. Терст. (Австрия)
Troppau, г. Опава. (Моравия)
Trautenau, г. Трутнов. (Богемия)
Trubau, г. Мор. Требова. (Моравия)
Tschaslau, г. Часлав. (Богемия)
Tschernowitz, г. Черновцы. (Буковина)
Tschernembl, г. Черномель. (Хорутания)
Turnau, г. Турнов. (Богемия)
Turla, р. Днестр. (Россия)
Tusla, г. Соли. (Балканский полуостров)
Thuringtrwald, Дуринский лес. (Германия)

U

Udine, г. Видем. (Италия)
Ucker, р. Укра. (С. Германия)
Ungh, р. Уж. (Венгрия)
Unghwar, г. Ужгород. (Венгрия)
Usedom, остр. Винцлав или Узоним. (Германия)
Utrecht, г. Вильтбург. (Голландия)

W

Wagram, г. Огрун. (Австрия)
Weitzen, г. Вацов. (Венгрия)
Walk, г. Волок. (Россия)
Walskleben, г. Валлислево. (Германия)
Wardar, р. Великая. (Македония)
Warnow, р. Варнова, Вранона, Врана. (Германия)
Wda, р. Уда. (Россия и Польша)
Wehlau, г. Велав или Велава. (Пруссия)
Weiszkirchen, г. Белая церковь. (Венгрия)
Weiszenburg, г. Белград. (Бавария)
Veglia, Wekla, остр. Карк или Керк. (Далмация)
Weitra, г. Витораз. (Богемия)
Weitenau, г. Веда. (Германия)
Wenden, г. Венда, или Венден. (Россия)
Wenetia, г. Венета или Венеда. (Италия)
Weser, р. Въезера. (Германия)
Weizkirchen, г. Граница. (Моравия)
Weistritz, р. Быстрица. (Германия)
Wesenberg, г. Вимирк. (С. Германия)
Widin, г. Будин или Бдин. (Сербия)
Videnetz, г. Воденец. (Голландия)
Wien, г. Веден, Беч, Вена. (Австрия)
Wienerwald, Веденский лес. (Австрия)
Willach, г. Белик или Беляк. (Хорутания)
Willenberg, г. Вельборк. (В. Пруссия)
Wilzburg, г. Вильтенбург. (Бавария)
Windisch-Fiestritz, р. и г. Славянская Быстрица. (Австрия)
Windischgratz, г. Сл. Градец. (Штирия)
Wischau, г. Вишков. (Моравия)
Wismar, г. Весьмир. (Германия)
Wittenberg, г. Витоборг. (Пруссия)
Wittingen, г. Требон (Богемия)
Wittichenau, г. Кулев. (Лужицы)
Vlordingen, г. Славенбург. (Голландия)
Wolfsberg, г. Волковец. (Штирия)
Wolgast, г. Волегощь или Болегощь. (Померания)

Volkermarkt, г. Вельковец. (Штирия)
Wollin, остр. Волынь, Узноим. (Пруссия)
Wrechau, г. Врешня или Вресня. (Познань)
Wustrow, г. Остров. (С. Германия)

Z

Zara, г. Задер, Задар. (Далмация)
Zara Vecchto, г. Биоград, Старый Задар. (Далмация)
Zeitz, г. Жица. (Германия)
Zeng, г. Сень. (Далмация)
Zerbtst, г. Сербск, Сербиште. (Германия)
Zirknitzersee, Черновецкое, озеро. (Австрия)
Zithen, г. Сытна. (Германия)
Zittau, г. Житава. (Саксония)
Znaym, г. Знаймо. (Моравия)
Zobten, Zobtenberg, г. Соботка. (Силезия)
Zuhlsdorf, г. Сюсила. (Германия)
Zwikau, г. Звиков, (Саксония)
Zwittau, г. Светава или Свитава. (Моравия)

А

Австрия, Ракушская земля.
Ара, Ора, р. Ohre. (Германия)

Б

Баг, г. Carlopago. (Италия)
Базарчик или Баток, г. Tatar-Bazardtschir. (Балканский полуостров)
Балатон, озеро Блатное, Balaton, Plattensee. (Венгрия)
Бълкан, Bakkan Geb., Haemus. (Балканский полуостров)
Бабий мост, г. Bomst. (Пруссия)
Банов, Банская Быстрица, Neusohl. (Словакия)
Бардиев, г. Barthfeld. (Австро-Венгрия)
Барлин, г. Berlin. (Пруссия)
Бар, г. Antivari. (Далмация)
Бенешов, г. Bensen oder Beneschau, Bentsch.
Белград, г. Berat. (Албания)
Берунка или Мжа, р. Beraun. (Богемия и Албания)
Гора, г. Bergen. (Германия)
Бережаны, г. Brzezan. (Галиция)
Веден, г. Бечь, Wien. (Австрия)
Битель и Монастырь, г. Bitalia. (Балканский полуостров)
Биоград, г. Zara, Старый Задар. (Далмация)
Блатное озеро, Balaton. (Венгрия)
Богумин, г. Oderberg. (Силезия)
Бог, р. Буг. (Россия)
Болеславец, г. Bunzlau, (Пруссия)
Бокка Которская, зал. Bocca v. Kattaro.
Бортница, г. Pirnits. (Моравия)
Бранево, г. Braunsburg. (Поморье)
Бранный бор, Погорельцы, г. Brandenburg. (Пруссия)
Брач, остр. Brazza. (Далмация)
Брашов или Коруна, Cronstadt od. Brasso. (Седмиградия)
Брег большой, г. Brieg. (Силезия)
Брежница, р. Брегница и Брагница, Priegnitz. (С. Германия)
Брежно, г. Bries. (Венгрия)
Брест-Литовский, Берестье. (Россия)
Бретиславль, г. Presburg, Pogoni. (Венгрия)
Бретиславль, Преслав, Вратиславль, Breslau. (Силезия)
Бродники или Бродница, г. Strassburg. (Пруссия)
Брумов, г. Braunau. (Богемия)
Буг, р. Бог. (Россия)

Буда, г. Ofen. (Венгрия)
Будва, г. Budua. (Далмация)
Будгощь или Быдгощь, г. Bromberg. (Пруссия)
Будин, г. Widdin. (Сербия).
Будишин, г. Bautzen. (Лужицы)
Будов, г. Pudowa. (Моравия)
Буск, г. Bausk. (Россия)
Будеевицы, г. Budweis. (Богемия)
Буковец, г. Bukecy. (Лузация)
Буково, г. Haskioi. (Балканский полуостров)
Быстрица, г. Бапская, Neusohl. (Венгрия)
Быстрица, г. Habelschwert. (Силезия, Кладско)
Быстрица, р. Голь, Зила, Gail. (Тироль)
Быстрица, р. Weistritz. (Германия)
Быстрица Славянская, р. и г. Windisch-Feistritz. (Австрия)
Бьлшаны, г. Flohau. (Моравия)
Бьрно, г. Brunn. (Моравия)
Белая церковь, г. Weiskirchen. (Венгрия)
Белгород, г. Аккерман. (Россия)
Белград, г. Bellegarde. (Пруссия и Франция)
Белград, г. Berat. (Албания)
Белград, г. Carlsburg. (Седмиградия)
Белград, Биоград, Стар. Задар, Zara vecchio. (Далмация)
Белград, г. Weiszenburg. (Бавария)
Белград стольный, Stuhlweissenburg. (Венгрия)
Белик или Беляк, г. Willach. (Хорутания)
Белоозеро или Белозера, г. Egri-Palanka. (Болгария)
Белоозеро, оз. Bielersee. (Швейцария и Тироль)
Белоруссия, Белосербия. (Россия)
Беляны, г. Oberwellach. (Хорутания)
Бельск или Бельско, г. Bielitz. (Силезия)

В

Валлислево, г. Walsleben. (Германия)
Ванцлав, остр. Узноим, Usedom. (Пруссия)
Варадин, г. Grosswardein. (Венгрия)
Варнова, р. Warnow. (С. Германия)
Вацов, г. Waitzen. (Венгрия)
Веда, г. Weitenau. (Германия)
Велав, Велява, Илава, г. Wehlau. (Пруссия)
Велеград, г. Градишка, Altstadt. (Моравия)
Велес, г. Kuprluy. (Турция)
Велесово, с. Michelstatten. (Крайна)
Великая, р. Wardar. (Турция)
Великий звон, гора Groszglockner. (Австрия)
Великий Варадин, г. Grosswardein. (Венгрия)
Велин, г. Fellin. (Россия)
Вельборк, г. Willenberg. (Пруссия)
Вельбудж, г. Kustendil. (Балканский полуостров)
Вильковец, г. Volkermarkt. (Штирия)
Вельно, г. Munster. (Шлезинг)
Вендский залив. (Фриш и Куриш-гаф)
Венда или Венден, г. Wenden. (Россия)
Венеда, г. Venetia. (Италия)
Верхлаба или Верхлабье, г. Hohenelbe. (Богемия)
Верхник, г. Oberlaibach. (Хорутания)
Весьмир, г. Wismar. (Германия)
Видем, г. Udine. (Италия)
Ветвар, г. Altenburg. (Германия)
Вильтенбург, г. Wilzburg. (Бавария)
Висприк, г. Wiesenberg. (Германия)
Витобор, г. Wittenberg. (Германия)
Витово, г. Arkona. (остр. Рана)
Вит, г. St. Veit, (Хорутания)
Витораз г. Weitra. (Австрия)
Вышков, г. Wischau. (Моравия)
Воденец, г. Widenetz. (Голландия)
Воднян, г. Dignano. (Австрия)
Возеница, г. Saldenhofen. (Австрия)

Войник, г. Hohenek. (Австрия)
Волегощ или Боголещ, г. Wolgast. (Померания)
Волтава, Вльтава, р. Moldau.
Волковец, г. Wolfsberg. (Штирия)
Волок, Валки, г. Walk. (Россия)
Волынь, г. и остр. Волынье, Wollin. (Пруссия)
Восточная мархия, Ostmark.
Возрец, Воерцы, Воерецы, г. Hoierswerda. (Лузация)
Вльтавский Тын, г. Moldauthein. (Богемия)
Вратислав или Вратиславль, г. Breslau.
Врешня или Вресня, г. Wreschen. (Познань)
Вторник, г. Ntumark. (Моравия)
Вшова, г. Fraustadt. (Силезия)
Въёзеро, р. Weser.
Вьлтава, р. Мльтава, Moldau. (Богемия)
Вьлга, р. Flohe. (Богемия)
Выдерга, г. Idria. (Крайна)
Высокое мыто, г. Hohenmauth. (Австрия)
Веденский лес, Wienerwald.
Веден, Бечь, г. Wien.

Г

Гавола, р. Havel. (Германия)
Гайнов, г. Hainau. (Пруссия)
Галич малый, г. Галац. (Балканский полуостров)
Гансборк, г. Johannisberg. (Пруссия)
Гданск, г. Danzig. (Пруссия)
Гливица, г. Gleiwitz. (Силезия)
Глогов, г. Glogau. (Силезия)
Гломач, г. Lomatsch. (Саксония)
Глубочичи, Любочичи, г. Leobschutz. (Германия)
Гниев или Гнев, г. Mewe. (Пруссия)
Гниезно или Гнезно, г. Gnezen. (Пруссия)
Годонин, г. Goding. (Моравия)
Голешов, г. Holleschau. (Моравия)
Голомуц, г. Оломуц, Olmutz. (Моравия)
Голь, р. Быстрица или Зила, Gail. (Тироль)
Голязина. г. Holsen. (Германия)
Гомбин, г. Gombinen. (Силезия)
Гора, г. Gohrau. (Пруссия)
Горев, г. Landsberg. (Пруссия)
Горица, г. Gortz. (Хорутания)
Городков, г. Grottkau. (Силезия)
Городок, г. Grodek. (Германия)
Горска или Гора, г. Bergen. (остр. Рана)
Горотанка обл. Choruthanien.
Горшувтын, г. Bischofsteinitz. (Богемия)
Грабин, г. Finsterwald. (Пруссия)
Градишка, г. Велеград. Alstadt. (Моравия)
Градишка, г. Gratz. (Познань)
Граница, г. Weiskirchen. (Моравия)
Градец Кралевы, г. Konigsgratz. (Богемия)
Градец Словенский, г. Windisch-gratz. (Штирия)
Градок, г. Spremberg. (Лузация)
Грон или Хрон, р. Gran. (Австрия)
Грудец или Грудзиондз, г. Graudenz. (Пруссия)
Груж, г. Gravosa. (Италия)
Густопеч, г. Auspitz. (Моравия)

Д

Деревенок, остр. Solta. (Далмация)

Дерпт, г. Юрьев, Dorat. (Россия)

Дива, р. Дева, З. Двина, Duna. (Россия)

Дивин, г. Duino. (Хорутания)

Дмитровица, г. Mitrowitz. (Балканский полуостров)

Днестр, р. Турла. (Россия)

Доброгора, Добросоль, г. Halle. (Германия)

Долгополе, г. Kimpolung. (Буковина)

Доленица, р. и оз. Tollensee. (С. Германия)

Доксы г. Hirschberg. (Богемия)

Домажлицы, г. Taus. (Богемия)

Домец, г. Dommitz. (Германия)

Донан, г. Dohna. (Германия)

Дон, р. Tanais, Tanaquil, Славянская река.

Доростол, г. Силистрия. (Болгария)

Драч, г. Dourazzo. (Албания)

Дринов, Дринополь, г. Adrianopel, Edrene. (Балканский полуостров)

Древяна, р. Drewenz. (Пруссия)

Древляне, нареч. Drevani. (Ганновер)

Дрождяны, г. Дрезден. (Саксония)

Дубровник, г. Ragusa. (Далмация)

Дуб, р. Dauda. (Богемия)

Дунав, р. Donau. (Германия)

Дялдово, г. Soldau. (Пруссия)

Дуринский лес, Thuringerwald. (Германия)

Дымин, г. Demmin. (Пруссия)

Дыя, р. Taya. (Моравия)

Дештна, р. Liebocher. (Моравия)

Девин, г. Magdeburg. (Германия)

Дечин, г. Teischen. (Богемия)

Дьявол, г. Delvino, Devol, Eneus. (Албания)

Е

Егдора, р. Eider. (Шлезвиг)
Елбланк, Труса, г. Elbing. (Пруссия)

Ж

Жаган, г. Sagan. (Пруссия)
Жамборг, г. Senftenberg. (Богемия)
Жаров, Царев, г. Sorau. (Пруссия)
Жатец, г. Saatz. (Богемия)
Ждяры, г. Saar. (Богемия)
Железник, Старое-Загорье, г. Eski-Zagra. (Балканский полуостров)
Жеравна или Болград-Великий. (Россия, Бессарабия)
Живец, г. Saybusch. (Галиция)
Житава, г. Zittan. (Саксония)
Жича, г. Zeitz. (Германия)
Жмутица, г. Luditz. (Богемия)
Жумберк, г. Жумборщина, Schilenberg. (Крайна)
Журжа, г. Diurdevo.(Румыния)

З

Забрег, г. Hohenstadt. (Моравия)
Загреб, г. Agram. (Хорутания)
Загора новая, Твердица, г. Eni-Zagra. (Балканский полуостров)
Задар, г. Старый Биоград, Zara, Vecchia. (Далмация)
Задер, г. Zara. (Далмация)
Западная Двина, р. Дива, Дева, Duna. (Россия)
Зволень, г. Altsohl. (Венгрия)
Зверин, г. Шверин. (Германия и Познань)
Згорелец, г. Gorlitz. (Германия)
Зила, Голь, Быстрица, р. Gail. (Хорутания)
Златибор, г. Goldberg. (Силезия)
Златна великая, р. Aranoyos. (Венгрия)
Златово, г. Flatow. (Пруссия)
Златница, г. Istiman, Ichtiman. (Балканский полуостров)
Знаймо или Зноим, г. Znaim. (Моравия)

И

Иглава, г. Iglau. (Богемия)
Изъёзера, Изера, р. Isar. (Австрия)
Илва, г. Halben. (Силезия)
Илемница, г. Starkenbach. (Богемия)
Индрихов градец, г. Neuhaus. (Богемия)
Инструч, г. Insterburg. (Пруссия)
Иполь, р. Eipel. (Венгрия)
Исполиновы горы, Riesen gebirge. (Богемия)
Ичин, г. Gitschin, Jicin. (Богемия)

К

Кадан, г. Kaden. (Богемия)
Колява, г. Kalau. (Германия)
Камень, г. Камина, Cammin. (Пруссия)
Каменица г. Chemnitz. (Венгрия)
Камнек, г. Stein. (Хорутания)
Канов, г. Elden. (Германия)
Карас, Korosch. (Венгрия)
Кастав, г. Castua. (Истрия)
Кваса или Квиса, г. Kweitz, р. Queisz. (Лузация)
Квец, г. Kethen. (Германия)
Квидчин или Квидин, г. Marienwerber. (Пруссия)
Кежмарек, г. Kasmarkt. (Венгрия)
Киев, г. Кыян, Куява, Кион. (Россия)
Киев, г. Gaya. (Моравия)
Кивядж, г. Mezokovesd. (Угрия)
Кладно, г. Kammin. (Германия)
Кладско, обл. Glatz. (Пруссия)
Клатова, г. Klattau. (Богемия)
Клонск, г. Klentze. (Германия)
Ключ, г. Klietz. (Германия)
Князиха, г. Gross-Kanitza. (Венгрия)
Кобылица, г. Marienburg. (Пруссия)
Козлин, г. Koslin. (Поморье)
Козий, г. Kosel. (Силезия)
Коронова, г. Polnische Krone. (Пруссия)
Колоберг, г. Colberg. (Пруссия)
Колош или Клуш, Колошвар, г. Klausenburg. (Седмиградия)
Колывань, г. Reval. (Россия)
Комарно, г. Komorn. (Венгрия)
Каменец, г. Steinam-Anger. (Угрия)
Константинополь, г. Царьград, Вифиния. (Турция)
Копер, г. Capo d`Istria. (Австрия)
Копривница, г. Koprainitz. (Хорватия)
Кореница, обл. Karinthien.
Кореница, г. Garz. (на остр. Ране)
Корконоши, Riesengebirge. (Богемия)

Коросно, г. Crossen. (Пруссия)
Корошко или Горотанка, Хорутания, обл. Choruthanien.
Корчула, остр. Curzola. (Далмация)
Коруна или Брашов, Kronstadt od. Brasso. (Седмиградия)
Костер, г. Behrent. (Пруссия)
Костур, г. Кастория. (Греция)
Котел, г. Kazanlick. (Румелия)
Котор, г. Cattaro. (Далмация)
Костница, г. Konstanz. (Швейцария)
Костринь, г. Custrin. (Пруссия)
Костан, г. Kosten. (Пруссия)
Кочевье, Кочевско, обл. Gottschee. (Хорватия)
Кошица, г. Kaschau. (Венгрия)
Крайна, обл. Krain.
Кралеградец, г. Konigsgratz. (Богемия)
Кролевец, г. Konigsberg. (Пруссия)
Краледвор, г. Konigenhoff. (Богемия)
Кремница, г. Kremnitz. (Угрия)
Кремжа, г. Krems. (Австрия)
Крижевцы, г. Kreutz. (Хорватия)
Кромериж или Кромежир, г. Kremsier. (Моравия)
Крумлев, г. Krummau. (Богемия)
Крушные горы, Erzgebirge. (Богемия)
Крьков, г. Jagerndorf. (Силезия)
Кулев, г. Wittichenau. (Лузация)
Купно, г. Kempen.(Силезия)
Кутная гора, г. Kuttenderg. (Богемия)
Курский залив, Kurische-Haf. (Пруссия)
Кцыня, г. Exin. (Пруссия)

Л

Лаба, р. Elbe. (Германия)
Лабин, г. Albona. (Истрия)
Ластова, остр. Lagosta. (Далмация)
Лаха, гора Olympe. (Греция)
Легница, г. Lignitz. (Лузация)
Лебско, Leba-See. (Пруссия)
Левоча, г. Leutschau. (Угрия)
Летия, г. Littai. (Хорутания)
Либерец, г. Reichenberg. (Богемия).
Линец, г. Linz. (Австрия)
Липск, Липцы, г. Leipzig. (Саксония)
Литовля, г. Littau. (Моравия)
Литава, р. Leitha. (Германия)
Литомерицы, г. Leutmeritz. (Богемия)
Литомышль, г. Leutomysl. (Богемия)
Лицборк, г. Lautenburg. (Пруссия)
Лозинград или Сорокацерковь, г. Kirkilissa. (Балканский полуостров)
Локет или Локот, г. Elbogen. (Богемия)
Левица, г. Levenz. (Угрия)
Луги, г. Luchow. (Германия)
Лужин, г. Lutzen. (Саксония)
Луков, г. Luckau. (Германия)
Луны, г. Laun. (Богемия)
Лучин, г. Lensen. (Германия)
Лужицы, обл. Lausitz..
Львов, г. Lemberg. (Галиция)
Льстра, р. Elster. (Германия)
Любава, г. Libau. (Россия)
Любава, Лубий, г. Lobau. (Пруссия)
Любань, г. Lauban. (Силезия)
Любица, Любок, г. Lubeck. (Германия)
Любин, г. Luben. (Пруссия)
Любина, г. Leoben. (Штирия)
Любляна, г. Laibach. (Хорутания)
Любовь, г. Mikilenburg. (Гурмания)

Любуша, г. Lebus. (Пруссия)
Лешно, г. Lisza. (Германия)
Леш, г. Alessio. (Эпир)

М

Макар или Мокрый, г. Makaraska. (Далмация)
Малборк, Кобылица, г. Marienburg. (Пруссия)
Маныч, р. Морава. (Россия)
Марибор, г. Marburg. (Штирия)
Мароча, р. Muritz. (Германия)
Мароша, р. Marosch. (Венгрия)
Матица, р. Zeta. (Черногория)
Межибор, г. Merseburg. (Германия)
Межиход, г. Birnbaum. (Пруссия)
Мельник, г. Melk. (Германия)
Мертвица, р. Мороча. (Черногория)
Мета, р. Mettau. (Богемия)
Метлика, г. Mottling. (Хорутания)
Мжа, Берунка, р. Mies. (Богемия)
Микулов, г. Nikolsburg. (Моравия)
Милевка, г. Muhlhausen. (Богемия)
Мирхов, г. Mirchau. (Пруссия)
Мишковец, г. Mischkolz. (Венгрия)
Мишка или Мышин, г. Meissen. (Саксония)
Младо-Болеслав, г. Jung-Bunzlau. (Богемия)
Млет, остр. Meleda. (Далмация)
Мнихов, г. Munchen. (Бавария)
Мнихов градище, г. Munchengratz. (Богемия)
Моган, р. Main. (Германия)
Могелица, г. Muglitz. (Моравия)
Могильна, г. Mugeln. (Лузация)
Могуч, г. Mainz. (Германия)
Монастырь, Битель (обитель), г. Bitholia. (Балканский полуостров)
Монастырь, г. St. Gotthard. (Венгрия)
Морава, р. March. (Моравия)
Моравск. Требова, г. Trubau. (Моравия)
Морца или Морица, оз. Muritzsee. (Германия)
Мост, г. Bruck. (Венгрия)
Мост, г. Brux. (Богемия)
Мета или Мста, р. Карасу. (Македония)
Мукачев, г. Munkatsch. (Венгрия)

Мушков, г. Muskau. (Лузация)

Н

Намыслов, г. Namslau. (Силезия)
Нетечь, Нотечь, р. Netze. (Пруссия)
Неретва, р. Narenta. (Долмация)
Нерея, Nehrung, земля между Фриш и Куриш-гафами. (Пруссия)
Ниборк, г. Neidenburg. (Пруссия)
Никулов, г. Nicolsburg. (Моравия)
Нин, Nona. (Далмация)
Нитра, г. Neitra. (Словакия)
Ниш или Низ, Ниса, р. и г. Neisze. (Силезия)
Новый базар или пасар, г. Расса (Сербия)
Новое место, г. Neustadt. (Богемия)
Новое-Загорье, Твердица, г. Eni-Zagra. (Балканский полустров)
Новый Зволень, г. Банов, Neusohl. (Венгрия)
Ново-ичин, г. Neititschen. (Богемия)
Новое место, г. Neustadt. (Германия)
Новый сад, г. Neusatz. (Венгрия)
Новый Снедец, г. Sandec. (Галиция)
Новый торг, г. Neumark. (Венгрия)
Неман, р. Хрон. (Россия)
Нембита, г. Satmar. (Угрия)

О

Огра, р. Eger. (Богемия)
Огрун, г. Wagram. (Австрия)
Одобанов или Одолянов, г. Adelnau. (Познань)
Одра, р. Oder. (Германия)
Одрин, Ядрин, Дринополь, г. Адрианополь. (Турция)
Ожицы г. Oschatz. (З. Германия)
Озеро остр. Opsaro. (Далмация)
Олешка, г. Markgrabow. (Пруссия)
Олешница, г. Oels (Силезия)
Олмиж, или Омиж, г. Almissa. (Далмация)
Ольта, р. Алута. (Румыния)
Ольгун, Альган, г. Dulcigno. (Далмация)
Опава, г. Troppau. (Силезия)
Ополье или Ополе, г. Oppeln, (Силезия)
Опузен, фот, Opus. (Далмация)
Ора или Ара, р. Ohre. (Германия)
Ораница, р. Arva. (Венгрия)
Орлица, р. Adler. (Венгрия)
Орехов или Рахово. (Болгария)
Освечим, г. Ausschwitz. (Силезия)
Острова, г. Ostrau. (Моравия)
Острешов, г. Schildberg. (Познань)
Остров, г. Wustrow. (Германия)
Острохолм или Остригом, г. Gran. (Венгрия)
Осек, г. Esseck. (Венгрия)
Осек великий, г. Groszenhain. (Саксония)

П

Пазин, Pisino, г. Mitterberg. (Австрия)
Пассов г. Passau. (Австрия)
Пейсо, оз. Neusiedlersee. (Австрия)
Переяславец, Руссы г. Rustschuk. (Болгария)
Печуй или Печь, Печух, г. Funfkirchen. (Венгрия)
Печь или Буда, г. Ofen. (Венгрия)
Печь, Ипек. (Ст. Сербия)
Пешт, Пещь ии Печь, Pest. (Венгрия)
Пирон, г. Pirano. (Истрия)
Плёсо, Блатное озеро, Balaton. (Венгрия)
Плещев, г. Pleschen. (Познань)
Пловдив, г. Philippopel. (Румелия)
Плун, г. Plon (Шлезвиг)
Плучница, г. Polsen. (Богемия)
Пльзно, г. Pilsen. (Богеия)
Погорельцы, г. Бранный бор, г. Braundenburg. (Пруссия)
Подбораны г. Podersam. (Богемия)
Подмоклый, г. Bodenbach. (Богемия)
Познань, г. Posen. (Пруссия)
Полещац, Полещец, полуостр. Sablioncella. (Далмация)
Поречье, г. Parenzo. (Истрия)
Постойна, г. Adelsberg. (Хорутания)
Поступин, г. Potsdam. (Пруссия)
Пробута, г. Riesenburg. (Поморье)
Прегола, р. Pregel. (Пруссия)
Преров, г. Prerau. (Моравия)
Прибор, г. Freiberg. (Моравия)
Простеев, г. Prossnitz. (Богемия)
Преслав или Братислав, Breslau. (Силезия)
Пряшев, г. Eperies. (Венгрия)
Псков, г. Pleskau. (Россия)
Птуя, г. Pettau. (Штирия)
Пустоволк или Поздиволк, г. Passewalk. (Германия)
Пена, р. Peene. (Германия)

Р

Раб, г. Юрьев, Raab. (Венгрия)
Радгона, Рагдана, г. Radkersburg. (Хорутания)
Раданица, р. Rednitz. (Германия)
Радовичи, г. Monchgut. (остр. Рана)
Раковник, г. Rakovnitz. (Богемия)
Ракушская земля, Oesterreich.
Рана, остр. Rugen. (Германия)
Рарог, г. Mikilenburg. (Сев. Германия)
Расса, г. Новый базар или Новый пасар. (Сербия)
Ратибор, г. Ratzburg. (Сев. Германия)
Рахов, Орехов. (Венгрия)
Ремеш, г. Rheims. (Франция)
Римаров, г. Romerstadt. (Моравия)
Рин, р. Rhein. (Германия)
Рисан, г. Risano. (Далмация)
Рихнов, г. Reichenau. (Богемия)
Ричивол, г. Ritschenwalde. (Познань)
Ровин, г. Rovigno. (Истрия)
Рог, г. Horn. (Моравия)
Розборок, г. Rothenberg. (Прусия)
Ракитница, р. Reckenitz. (Зап. Германия)
Ронов, г. Ronneburg.(Германия)
Россия, Великая Скифь, Сарматия Vinedy, Venedy, Venedsko, Ostrogardhr, Chunigarhr, Austverg, Holmigardhr, Gardhr, Wanname, Ruzia, Rucia, Ruscia, Ruszia, Rusia, Russia, Ruthenia, Russaland, russland, Ruysland, Risoland.
Рославль, г. Rosslau. (Германия)
Ростоки, г. Rostock. (Пруссия, Померания)
Ругодив, г. Narva. (Россия)
Рудница, г. Raudnitz. (Богемия)
Рудные горы, Erzgebirge. (Богемия)
Ружбор, г. Kreitzburg. (Россия)
Руков, г. Liebenwerba. (Германия)
Русский, Ros, Rosia, Rhos, Ruzi, Rugi, Rutheni, Ruceni, Ruzeni, Rutzeni, Riuze, Russin, Reussen Ryssar, Ruyschen, Rissen Orusz, Urus.
Русс, г. Reuss. (Германия)

Рущук, г. Ругучуг и Руссы. (Болгария)
Руя, остр. Rugen. (Германия)
Резно, г. Regensburg. (Бавария)
Река, Рекка, г. Fiume. (Австрия)

С

Сабадка или Соболка, Maria-There-siapol. (Венгрия)
Сала или Солява, р. Saale. (Германия)
Сараево, г. Босна Сарай. (Балканский полуостров)
Свидница, г. Schweidnitz. (Пруссия)
Свитова или Светова, г. Zwittau. (Моравия)
Свичье, г. Schwetz. (Пруссия)
Сведобин, г. Schwiebus. (Пруссия)
Свята, г. Sueta. (Голландия)
Сгорелец, Сгорельцы, г. Gorlitz. (Лузация)
Себен, г. Hermanstadt. (Семиградия)
Седлшаны, г. Seltschau. (Богемия)
Седмиградия, обл. Siebenburgen, Transilvania.
Сербск, Сербиште, г. Zerbest. (Пруссия)
Сербец, г. Schrabitz. (Германия)
Середа, г. Sroda. (Силезия)
Сибеник, г. Sebenico. (Далмация)
Сикул народ, Szekler. (Седмиградия)
Сино или Ядерское море, Адриатическое море, Adriatisches meer.
Систово или Свиштов. (Болгария)
Ситна, г. Zithen. (Пруссия)
Скодр, г. Skutari. (Албания)
Скопье, г. Ouskoub. (Балканский полуостров)
Скрадин, г. Scardona. (Далмация)
Скутарское озеро, Скаторское блато. (Черногория)
Славенбург, г. Vlondingen. (Голландия)
Славков, г. Austerlitz. (Моравия)
Слана, Солона, р. Slajo. (Венгрия)
Слан или Слона, р. Soovar. (Венгрия)
Сланы, г. Schlan. (Богемия)
Слепско или Столп, г. Stolpe. (Поморье)
Слезака, обл. Schlezien, Silezien.
Смерчин, Черные горы, Fichtelgebirge. (Богемия)
Смольник, г. Schmilnitz. (Венгрия)
Снедец, г. Sandec. (Галиция)
Снежник, г. Schneegebirge. (Богемия)
Соболка или Собота, г. Zobten. (Силезия)

Соли, г. Tusla. (Балканский полуостров)
Сольник, г. Szolnok. (Угрия)
Солява или Сала, р. Saale. (Германия)
Солунь или Терема, г. Soloniki. (Балканский полуостров)
Соров, г. Sorau. (Лузация)
Сорокоцерковь или Лозинград, г. Kirkilissa. (Балканский полуостров)
София или Трядица, Средец. (Болгария)
Соча, р. Isonzo. (Австрия)
Сольноград, г. Salzburg. (Тироль)
Сплет или Сплит, г. Spalato. (Далмация)
Спрева или Справа, р. Spree. (Германия)
Спротава, г. Sprottau. (Пруссия)
Средец или Трядица, г. София. (Турция)
Срем, обл. Sirmien. (между Дунаем и Саввою)
Ставница, г. Chemnitz. (Венгрия)
Старая марка, Ст. мархия, Altmark. (Германия)
Старое Загорье, г. Железник, Eski-Zagra. (Балканский полуостров
Старый Задар или Биоград, Zara vecchio. (Далмация)
Стырко, обл, Steiermark, Steiern.
Старыград, г. Aldenburg или Oldenburg. (Шлезвиг)
Старый град, г. Arad. (Венгрия)
Старый город, г. Stargard. (Пруссия)
Стырь, г. Steiern. (Германия)
Стржабро, г. Mies. (Богемия)
Стон великий, г. Stagno grande. (Далмация)
Струбино, г. Straubing. (Бавария)
Струмина, г. Streme. (Германия)
Стрелица, г. Strelitz. (Макленбург)
Суботица, г. Theresiapohl. (Венгрия)
Сытно, г. Ortelsburg. (Пруссия)
Св. Секира, г. Heiligenbeil. (Поморье)
Сень, г. Zengg. (Далмация)
Серь, г. Seres. (Балканский полуостров)
Сюсила, г. Zuhlsdorf. (Германия)

Т

Тоссо, г. Doksa. (Германия)
Ташов, г. Taschau. (Богемия)
Твердица, Новая Загора, г. Eni-Zagra. (Богария)
Телятин, г. Cielecin. (Пруссия)
Теплицы, г. Tëplitz. (Богемия)
Терема, г. Солунь, Salonki. (Балканский полуостров)
Терново, форт. Opus. (Далмация)
Терст, г. Triest. (Австрия)
Тешин или Трнов, р. Kokel или Kukulo, Cuculo. (Седмиградия)
Тисса, р. Theiss. (Венгрия)
Тылза, Тылжа, Tilist. (Пруссия)
Торгов, г. Torgau. (Германия)
Торг, г. Feldkirchen. (Хорутания)
Торун, г. Thorn. (Пруссия)
Травна, р. Trave. (Германия)
Требова, г. Trubau. (Моравия)
Триглав гора, Terglau. (Хорутания)
Трогир, г. Trau. (Далмация)
Труса, Элблонг, г. Elbing. (Германия)
Трутнов, г. Trautenau. (Богемия)
Трчонка, г. Schonlanke. (Пруссия)
Трядица, Средец, София. (Болгария)
Турла, р. Днестр. (Россия)
Турнов, г. Turnau. (Богемия)
Турополье, обл. (Хорутания)
Тчево, г. Dirschau. (Поморье)

У

Угробор, Угроборг, г. Angerburg. (Пруссия)
Угрия, г. Ungarn.
Уда, р. Вда. (Россия и Польша)
Ужгород, г. Unghwar. (Венгрия)
Уж, р. Унг. (Венгрия)
Узноим, остр. Usedom. (Германия)
Укра, р. Ukern. (Германия)
Упа, р. Alpa. (Богемия)
Ура, Юра, р. Ohre. (Германия)
Усти на Лабе, г. Aussig. (Богемия)
Утин, г. Eiten. (Шлезвиг)

Ф

Фембра, остр. Femern. (Шлезинг)
Фурляна, обл., Frioul. (Италия)

Х

Хомутов, г. Kommotau. (Богемия)
Хвар, остр. Lessina. (Далмация)
Хеб, г. Eger. (Богемия)
Хелмно, г. Culm. (Пруссия)
Хлевно, Лиевно. (Герцеговина)
Ходеж, г. Chodiesen. (Познань)
Хойница, г. Fojnitza. (Балканский полуостров)
Хойницы, г. Konitz. (Пруссия)
Хотебуж, г. Kotbus. (Лузация)
Хорутания, обл. Karnthen. (Австрия)
Хрон, р. Nieman. (Россия)
Хрон, Грон, р. Gran. (Словакия)

Ц

Цаглав, г. Freistadt. (Австрия)
Царев, Жаров, г. Sorau. (Пруссия)
Царьград, г. Constantinopel, Bithinia. (Турция)
Цахи, Aahen. (Рейнск. пр.)
Целовец, г. Klagenfurth. (Хорутания)

Ч

Чаба, г. Csaba. (Венгрия)
Челнок, г. Solnok. (Венгрия)
Чернецкое озеро, Zirknitzersee. (Австрия).
Черновцы, г. Tschernowitz. (Буковина)
Черномель, г. Tschaslau. (Богемия)
Чешская Липа, г. Leipa. (Богемия)

Ш

Шаматули, г. Samter. (Познань)
Шейново, Котел, г. Kazanlick. (Румелия)
Шклов, г. Skeiditz. (Германия)
Шлец, г. Schleitz. (Германия)
Шлукнов, г. Schluckenau. (Богемия)
Шопрон, г. Odenburg. (Угрия)
Шрем или Срем, г. Schrime. (Пруссия)
Штирийский градец, г. Gratz. (Штирия)
Шумава, гор. Bohmerwald. (Богемия)
Шумна, Шумень, г. Шумла. (Болгария)

Щ

Щетина, г. Stettin. (Пруссия)
Шавница, Schemnitz. (Угрия)

Э

Эчава, р. Adige. (Италия)
Эльблонг, Труса, г. Elbing. (Поморье)

Ю

Юра, р. на границе Пруссии, в Самогитии.
Юра, хребет на границе Франции и Швейцарии.
Юрборк, г. Jurburg. (Россия)
Юрьев, г. Dorpat. (Россия)
Юрьев, г. Raad. (Венгрия)
Ютробок, г. Juterbock. (Пруссия)

Я

Яблонь, г. Gabel. (Богемия)
Яблонец, г. Gablonz. (Богемия)
Ягра или Ягер, г. Erlau. (Венгрия)
Ядерско или Сино море, Adriatisches meer.
Ядрин, Дринополь, Adrianopol. (Балканский полуостров)
Янов, г. Jansdorf. (Пруссия)
Янов, г. Genova, Genes. (Италия)
Янтарный берег, Samland. (у Фриш и Куриш гафа)
Ясбирин, г. Jasbiryn. (Угрия)
Ясинье, Ясиня, г. Korosmezzo. (Венгрия)

В. А. Мошков

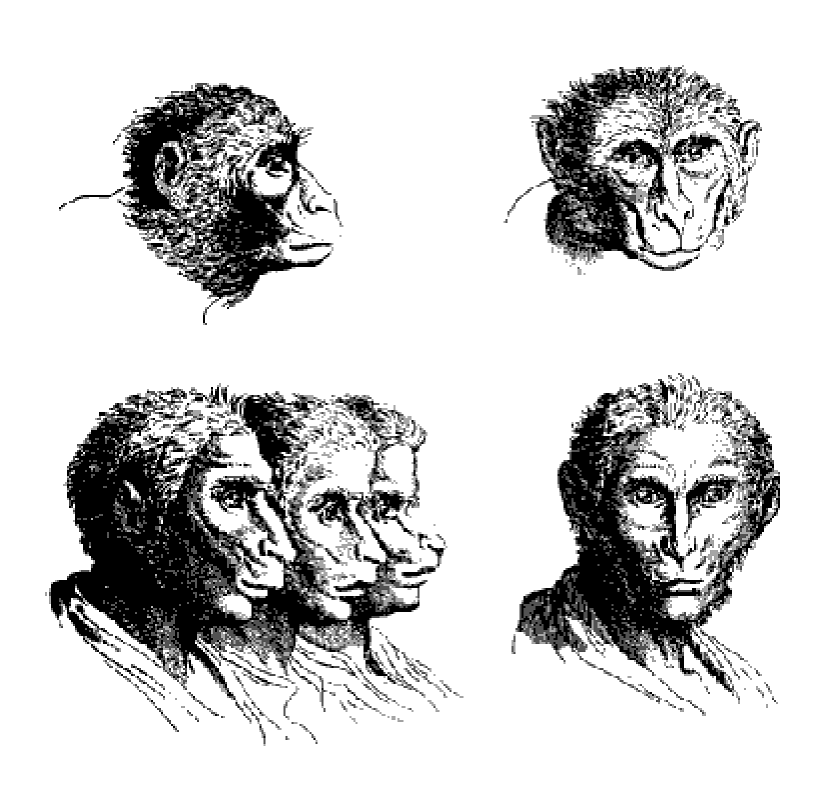
Новая теория происхождения человека

и его вырождения,

составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики

ВАРШАВА.

Печатано в типографии губернского правления. 1907

1. ГИАТУС

Гиатус. Образ жизни палеолитического человека. Существование гиатуса. Голод в Европе. Борьба за существование среди человечества. Увеличение человеческого роста. Прогресс в уме и характере. Возможность существования людоедства во времена гиатуса. Увеличение емкости человеческого черепа.

В окончательном результате палеолитический век сформировал из питекантропа человека. По своей культуре он походил до некоторой степени на современных дикарей, в некоторых отношениях превосходил их, а в других — стоял ниже. Домов у него не было, их заменяли пещеры. Полагают, что к концу палеолитического века европеец уже не ходил голым, а прикрывался звериными шкурами, которые умел сшивать при помощи костяных игл. Приручение домашних животных и земледелие были еще ему неизвестны: он был охотником. Оружием его были: копье с кремневым наконечником, лук со стрелами, деревянная палица и грубый каменный молот. Предметом охоты было до 70 видов млекопитающих и до 50 птиц. Кроме того, европеец ухитрялся ловить рыбу при помощи удочки и гарпуна: в его пещерах находили до 50 видов рыб, из которых 10 было морских. Отсюда видно, что у него было уже тогда что-то вроде челнока, на котором он пускался в море. Мясо он, вероятно, ел сырым, но мог и жарить, потому что огонь уже был ему известен. Был ли европеец в то время людоедом, мы не знаем. Есть только намеки на это обстоятельство в виде расколотых человеческих костей, находимых в пещерах. Предполагают, что кости эти раскалывались для поедания костяного мозга, до которого первобытный европеец был вообще большой охотник.

Неизвестно до сих пор, знаком ли был человек палеолитического вида с гончарным производством, но в искусстве, а именно в резьбе, он достиг высокой степени совершенства. В числе памятников палеолитического искусства встречаются кости, орнаментированные нарезками. Но особенно хороши попытки подражания природе, главным образом в изображениях животных. Мы находим здесь фигуры людей, оленей, лошадей, мамонта и даже фантастические, вроде сфинкса.

Был ли у этого человека какой-либо религиозный культ и обряды при погребении покойников, до сих пор неизвестно, потому что

никаких следов этого не найдено.

Габриэль-дэ-Мортилье ставит резкую грань между эпохами палеолитической и неолитической. По его мнению, последняя не была продолжением первой, а чем-то совершенно самостоятельным, появившимся внезапно и принесенным в Европу извне каким-то новым народом. К такой мысли приводит почтенного автора резкая разница в обоих культурах. Человек палеолитического века был только охотником, тогда как неолитический, занимаясь земледелием, имел прирученных животных, умел выделывать каменные полированные орудия и пр. Кроме того, дэ-Мортилье высказал мнение, что новый народ, пришедший в Европу, не нашел уже там ее древнейшего населения, за исключением разве незначительных остатков. То население, которое жило здесь в дилювиальную эпоху, исчезло еще до появления неолитического человека, как и куда неизвестно. Одним словом, де-Мортилье предполагает, что между палеолитической и неолитической эпохами, по крайней мере, в Западной Европе, есть какой-то промежуток, в течение которого Европа, за немногими исключениями, оставалась необитаемой. По его мнению, между древней палеолитической культурой и культурой неолитической нет никакой связи, никакого постепенного перехода, а замечается перерыв, hiatus (пустота).

Вслед за Мортилье существование такого перерыва было принято и многими другими исследователями. Главным доказательством его служит ряд местностей, в которых действительно между культурным слоем палеолитического века и слоем неолитической эпохи, находится слой пустой породы, лишенный всяких следов человека и часто очень мощный. В наносах р. Соны г. Арселин нашел пустой слой мощностью в 3 метра и из составленной им для этой местности нормы осаждения осадков, вычислил, что эпоха hiatus'а продолжалась от 3-х до 4-х тысячелетий. На основании подобных находок де Мортилье полагает, что четвертичный человек, за исключением немногих местностей, исчез из Европы и только по прошествии значительного периода был заменен совершенно новым населением.

Однако, г. Нидерле не согласен с заключением Мортилье относительно появления в Европе в эту эпоху нового народа. Он думает, что «крупные постплиоценовые животные были отчасти истреблены охотой, отчасти же, соответственно изменению климата, отступили к северу и востоку. Человеку таким образом грозил недостаток пищи, от которого он мог обеспечить себя, только ловя животных, размножая их в целые стада и собирая запас пищи на

всякое время. Подобным же путем человек мог быть приведен и к хлебопашеству». По мнению Нидерле, древнее четвертичное население Европы не исчезло, и неолитическая культура явилась не внезапно, а постепенно развилась из палеолитической. «Никакого великого переселения новых народов, — заключает автор, — для этой эпохи мы решительно не допускаем». И действительно это доказывается между прочим существованием лигурийских пещер (в Италии), которые долго были обитаемы человеком, может быть даже до исторических времен. В них нет никакого перерыва, а над самым низким культурным слоем, который относится по крайней мере к концу дилювиальной эпохи, идут слои гораздо более поздние, главным образом неолитической эпохи.

Что для объяснения неолитической культуры нет никакой надобности предполагать великое переселение народов, с г. Нидерле нельзя не согласиться, но все же существование hitatus'a — факт, требующий объяснения.

Для уразумления его можно было бы построить множество более или менее вероятных гипотез. Сущность гиатуса сводится к тому, что в конце ледникового периода в Европе внезапно появилась какая-то новая, враждебная человечеству сила, которая истребила его чуть было не до последней пары. Такой силой могло быть стихийное явление, вроде описываемого в Библии «всемирного потопа». Но геология ничего не говорит нам о возможности в Европе в описываемое время такого явления.

Другой более вероятной причиной гиатуса мог быть голод между европейским человечеством, приведший его сначала к самоистреблению, а впоследствии к приручению животных и к земледелию.

«Все большие животные, — говорит Нидерле, — характерные для палеолитической эпохи, уже исчезли» к началу эпохи неолитической. «Неолитической эпохой был застигнут только северный олень, отступивший постепенно к северу». Следовательно, все четвероногие хищники были уже к тому времени поедены человеком, а вместе с ними и растительноядные. Кроме того, при отступлении ледника удобная для жизни животных площадь Европы все расширялась. Животные, на ней обитавшие, расходились все на большее пространство, а потому и охота на них становилась все труднее и труднее.

Если представить себе плотоядного человека, хищника над хищниками, для которого в целом мире не было равного соперника в

искусстве затравить любую дичь, то понятно, что никаким животным от него нигде не было спасения. А если человек при этом сильно размножился и густо населил Европу, то положение представлялось приблизительно в таком виде, как если бы современная Западная Европа с ее густым населением лишилась бы вдруг домашних животных и хлебных растений и, отделенная от всего остального мира, принуждена была питаться охотой. Само собой разумеется, что для ее населения не оставалось бы никакого другого выхода, как только охотиться друг на друга и существовать исключительно людоедством. При других условиях человек мог бы в погоне за добычей распространиться по всему земному шару или перейти от животной пищи к растительной. Но если он был по прежнему заперт на пространстве Средней и Южной Европы, и если растительность этих стран все еще была близка к арктической, то другого исхода ему не было.

«Так как виды того же рода, — говорит Дарвин, — обыкновенно сходны в своих привычках и складе и всегда сходны по строению, то борьба между ними, если только они приходят в состязание, будет более жесткой, чем между видами различных родов». Что же после того сказать о борьбе на жизнь и смерть между представителями одного и того же вида, да еще такого могучего, как человек дилювиального периода, уже успевший победить самых страшных хищников животного царства? Ужаснее и тяжелее этой борьбы трудно себе что-нибудь представить. А если она продолжалась несколько тысячелетий, то становится совершенно понятным происхождение гиатуса, когда население Европы было истреблено до маленькой горсточки, чуть ли не до последней пары людей. Можно себе вообразить, как усовершенствовалась такая горсточка путем истребления слабейших и естественным отбором, и какое выдающееся потомство она после себя оставила.

Борьба, о которой мы говорим, велась исключительно ручным каменным оружием, на близком расстоянии ножами, молотами и копьями, а на дальнем — пращей и луком со стрелами. Все эти роды оружия требуют от их обладателя мышечной силы, ловкости, хорошего зрения и верности глаза. Следовательно люди, не обладавшие этими свойствами, неминуемо погибали в борьбе.

В постепенном возрастании мышечной силы, а вместе с нею и энергии, человек подчинялся, конечно, общему закону, управляющему всем животным царством. «Если сравнить, — говорит Гааке, — проявление жизни в различных больших и малых группах

животного царства, то окажется, что энергия и сила их беспрерывно прогрессируют, что свойства эти резче у животных высших и слабее у низших. Это подтверждается не только сравнением больших групп животных. Например, млекопитающих и птиц с пресмыкающимися, земноводными и рыбами, насекомых с червями, высших зоофитов с губками, но также и в пределах отдельных групп».

Так как при прочих равных условиях мышечная сила пропорциональна росту, то большую вероятность оказаться победителями имели люди высокого роста при хорошем сложении. По Гааке, величина тела у животных возрастает параллельно с относительной высотой их развития. «Древнейшие млекопитающие, — говорит он, — известные нам из слоев мезозойской группы, все без исключения были мелкими животными и некоторые отличались даже крошечными размерами. Но величина тела беспрерывно росла. Пока наконец в дилювиальный период она не достигла у некоторых млекопитающих чудовищных размеров». Ту же самую идею Гааке проводит при рассмотрении обезьян и их ближайших низших сородичей: лемуров, насекомоядных и сумчатых. Везде величина тела увеличивается вместе с развитием животного.

Увеличение размеров тела у животного объясняется ничем иным, как только условиями прямой борьбы за существование. Если мы возьмем хищника и его жертву, довольно близких между собою по величине тела, то естественно, что хищник из числа своих жертв скорее и легче всего истребит самых мелких как самых слабых. Самые крупные, следовательно самые сильные, жертвы легче сумеют себя защитить или непосредственной борьбой с хищником при помощи лба, рогов, зубов, ног и пр., или тем, что легче от него вырвутся, или, наконец, большей быстротой своего бега. Они оставят после себя более крупное потомство. Таким образом у породы, поедаемой по мере истребления ее хищниками, увеличиваются размеры тела. Но среди хищников в это время также произойдет подбор. Или самые мелкие их экземпляры вымрут с голоду, не будучи в состоянии справиться со своими крупными жертвами, и следовательно рост хищников также увеличится. Или же из них останутся в живых только самые ловкие, умеющие справиться даже с более крупными жертвами.

Таким образом, жертвы борьбы за существование и хищники в результате борьбы всегда имели стремление расти и достигали иногда чудовищных размеров. «Но именно эти размеры, — говорит Гааке, — препятствовали дальнейшему приспособлению животных к окружающей среде и препятствие это было так велико, что почти все гиганты дилювиального периода в конце концов вымерли». Такого же, если не большего, предела роста достигли также и вымершие гигантские пресмыкающиеся каменноугольной системы: змееящерицы, птеродактили, динозавры и пр.

Но вместе с мышечной силой перевес в битвах между дилювиальными людьми давали тысячи самых разнообразных военных приемов и хитростей, которые зависели от изобретательности борцов, а следовательно, от их умственной силы. Положительно все лучшие стороны человеческого ума и характера были здесь полезны.

Обладая вниманием и наблюдательностью, человек мог лучше изучить своих врагов, их способности, привычки, приемы и слабые стороны. Сильная память дозволяла легче делать выводы и сопоставления о врагах из наблюдений прежнего времени.

Воображение давало возможность заранее начертать план будущей битвы и сделать для нее необходимые приготовления. Быстрый разум помогал ориентироваться в изменчивых условиях битвы и принимать экстренные меры, наиболее соответствующие данному моменту. Человек, одаренный им, делал множество мелких и крупных изобретений, поражавших врага неожиданностью. Беззаветная храбрость и бесстрашие дозволяли бойцу во время самой битвы хладнокровно взвешивать опасность, не теряться в случае неожиданности и идти на самые смелые и опасные предприятия.

Если каждая из этих способностей приносила своему обладателю несомненные выгоды в борьбе, то комбинации их, соединенные в одном лице, давали еще большие преимущества. Если же такая борьба продолжалась многие тысячелетия, если в ней гибли миллионы людей, чтобы сохранить жизнь счастливым избранникам судьбы, то эти последние должны были достигнуть верха совершенства в физическом отношении, а в умственном были тем, что мы называем гениями. Главное отличие гения от обыкновенного человека, как мне кажется, это способность, распоряжаясь незначительным количеством фактов или наблюдений, скоро и безошибочно составлять правильный вывод о каком-либо явлении. Это высшая степень синтетической способности, соединенная со способностью отвлечения.

В таком положении, где обыкновенный ум теряется от новизны и неожиданности и не знает, что предпринять, или избирает неверный путь, гений чувствует себя как дома и идет к цели вернейшим и кратчайшим путем. Для такого человека не существует опасностей, нет неожиданностей. Всякий ход неприятеля у него уже заранее предусмотрен и обдуман. Для него нет трудных положений, перед которыми бы он остановился. Само собою разумеется, что в описанной борьбе пять внешних чувств человека были изощрены до последней степени тонкости. Что касается остальных чувств, то известно, что у людей высокого ума наблюдаются и высокие чувства. Но из них на первом плане должна была стоять беззаветная любовь к ближним. Под ближними понимались, разумеется, члены той группы или кружка, к которым человек принадлежал по рождению. Та группа, в которой каждый из членов не был бы готов во всякую данную минуту умереть за своих, никогда бы не могла выйти победительницей.

Таковыми представляются мне последние пары людей, уцелевшие в жестокой борьбе на жизнь и смерть с себе подобными.

Если борьба у людей неолитического века велась в форме войны,

т. е. если люди соединялись в отряды, то для более успешного действия им необходима была стройность совместных действий, а это не мыслимо без хорошо организованной системы сигнализации. Кроме того, сигналы нужны были такие, которые одинаково хорошо понятны, как днем так и ночью, т. е. слуховые, а не зрительные. А такой системой сигнализации могла быть только членораздельная речь. Если начало ее не было положено еще ранее при борьбе человека с четвероногими хищниками, где люди также, вероятно, действовали отрядами, то теперь без нее никакая борьба была немыслима. Те из борющихся, которые первые воспользовались выгодами членораздельной речи, конечно, имели за собою преимущество, а позже побеждал тот, кто больше ее совершенствовал.

Об оружии уже и говорить нечего: его совершенствование и лучшая отделка приносили несомненные шансы победы, тому, кто стоял в этом отношении впереди всех. Отсюда — полированное и легкое оружие неолитического века.

Таким образом европейцы неолитического века, принужденные к тому голодом, могли добывать себе человеческое мясо вроде того, как пишут об африканском народе монбутту: «Они смотрят на своих несчастных соседей положительно как на дичь, нападают на них, убивают или берут в плен, единственно с целью добыть себе мяса. Человеческую дичь, убитую в схватке, немедленно разрезывают на куски и делят их между охотниками, потом режут длинными ломтями, тут же на месте коптят и берут про запас, как провизию. Пленных уводят с собою, приберегая их для будущих пиршеств».

О следах каннибализма в каменном веке я мог найти данные только у Шарля Дебьера, который говорит, что женские и детские кости со следами людоедства были найдены в раскопках: в Шово (Спрингом), в Лурде (Гаррингом), в Гурдаке (Пьеттом), в Вильневе, в С. Жорже (Ружу), в Варенне, С. Мор (Бельграном), в Монтескье-Авантэс, в Брюникеле, в Э и на острове Тальмария (в Италии).

По этому поводу нас могли бы совершенно основательно спросить: «Если во время гитауса борьба среди человечества настолько тяжела, что пережить ее могли только гениальные люди, великаны и атлеты в физическом отношении, ловкие как кошки и кровожадные как тигры, то как мог уцелеть род человеческий, если его женщины и дети были такими же слабыми и беззащитными, какими мы знаем их в настоящую минуту, с продолжительным периодом беременности у первых и с чрезвычайно долгим совершенно беззащитным периодом глупости и слабости у

последних? Ведь истребить их до последнего экземпляра нет ничего легче?»

Как ни труден этот вопрос, но у нас есть факты, разрешающие его сравнительно просто. Подробным изложением их мы и займемся ниже, а теперь заметим только следующее:

Во-первых, гениальность нужна была человеку неолитической эпохи не только для того, чтобы победить своих врагов, но едва ли не в большей степени для того, чтобы спасти от гибели своих женщин и детей.

А во-вторых, быть может человеческий род не спасла бы никакая гениальность, если бы у него были женщины и дети такие же, как теперь, если бы наравне с мужчиной они не подвергались такому же строгому естественному отбору.

В результате этого отбора женщины должны были отличаться от мужчин только в незначительной степени.

Габриэль де Мортилье утверждает, что существование каннибализма для неолитического века не доказано, но помимо вышеприведенных данных, взятых у Шарля Дебьера, доказательством может служить широкое распространение среди человечества людоедства и человеческих жертв до настоящего времени.

«Ни один народ, — говорит Гельвальд, — ни одна часть света не могут быть признаны невиновными в отношении антропофагии. Всюду можно найти следы каннибализма либо непосредственно, либо в мифах, легендах и т. п. И без преувеличения можно сказать, что не существует теперь ни одной человеческой расы, у которой в прошлом не было бы случаев каннибализма».

Но даже и в том случае, если бы было действительно доказано отсутствие каннибализма в неолитическом веке, это обстоятельство не могло бы свидетельствовать против существования между тогдашним человечеством опустошительных войн. Если причиной их не было людоедство, то они могли вестись просто из-за пищи. Но если эта раса выработалась последним ледниковым периодом и перенесла жестокую борьбу с лютейшими четвероногими хищниками, то кто мог ее истребить? Где нашелся бы для нее достойный соперник?

Среди описанной нами беспощадной борьбы за существование, человек должен был пережить массу страданий, но зато в эту эпоху его естественный отбор шел быстрее, чем когда либо, и настолько изменил его, что де Мортилье, сравнивая человека неолитического с палеолитическим, не признал первого потомком последнего; неолитическую культуру он приписал представителю какой-то

чуждой расы пришельцев.

Человека неолитической эпохи археологи изображают с шлифованными и отточенными каменными орудиями, с довольно развитой керамикой, со следами ткачества, земледелия и скотоводства, с жизнью в свайных постройках. Человек этого времени уже приручил к себе собаку, быка, овцу, козу и свинью. Из молока животных приготовлялся сыр. Из хлебных растений возделывались: пшеница, ячмень, лен, просо, горох, чечевица и пр. Сверх того, человек разводил фруктовые деревья: яблони, груши, лесной орех, водяной орех и даже виноград.

В физическом отношении неолитический человек также далеко позади себя оставил своего древнего предка начала дилювиальной эпохи. К сожалению, археологические находки еще не так полны, чтобы можно было шаг за шагом проследить все перемены, происшедшие с организмом человека за этот огромный промежуток времени. Но сравнение человека начала дилювиальной эпохи с неолитическим все же может дать нам некоторое понятие о том, какого рода перемены с ним произошли.

Мы уже познакомились выше с европейским питекантропом, Pithecantrpus Neauderthalensis, родоначальником всех европейских рас, с его покатым, сплющенным и уходящим назад лбом, с выдающимся прогнатизмом черепа и с нижней частью лица, напоминающей морду животного.

Если остатки других дилювиальных рас менее его изучены, то все же достоверно известно: 1) что низшие формы этого периода предшествовали высшим, а не наоборот, следовательно, человечество за это время не регрессировало и не оставалось неизменным, а несомненно прогрессировало, а 2) что между высшими и низшими формами существовали промежуточные, переходные между теми и другими. В доказательство этих положений сошлюсь на слова известных ученых антропологов.

Так Карл Фохт, сравнивая между собою два самые древние черепа палеолитического века — неандертальский и энгисский — и признавая между ними несомненное и довольно значительное сходство, в то же время находит, что неандертальский череп в наше время «мог бы быть черепом идиота», а энгисский «мог бы принадлежать даже натуралисту», так как он имеет более высокий свод. Кроме того, тот же ученый находит, что бернский череп можно бы выдать за близнеца неандертальского, но он составляет ровно середину между черепами неандертальским и энгисским.

К более высоким переходным формам относят между прочим расу Chancelade, о которой Тэстю написана целая монография и которую Лябуш называет Homo priscus. Эту расу антропологи считают продуктом развития Pith. Neanderthalensis, так как у нее тот же крепкий скелет, тот же небольшой рост (1,6 м), происходящий от коротких ног, та же объемистая голова, а кроме того полная аналогия с питекантропом в устройстве зубов, костей и других деталей организма, сравнительно с этим последним, более объемистым и вообще более человеческим, а соответственно с ним изменилась и верхняя челюсть. Но с другой стороны, Homo priscus находится в ближайшем родстве с высшей из дилювиальных длинноголовых рас,

Кроманьонской, которую Лябуш называет Homo spilaeus. Эта последняя раса имеет уже высокий рост (1,8 м), длинные ноги, более длинную голову с наклонностью выступания спереди и сзади и с менее массивным скелетом.

Относительно неолитических черепов Вирхов выразился следующим образом: «Интерес к доисторической Европе увеличился с тех пор, как убедились в ошибочности мнений, будто первобытной культуре должны соответствовать люди с низшей физической организацией. На самом деле, однако, в физическом строении этих древних жителей озер (свайных построек) нет ничего такого, что указывало бы на низкую организацию; напротив, мы должны признать, что они были плоть от плоти нашей и кровь от нашей крови. Прекрасные овернские черепа могут с честью фигурировать среди черепов культурных народов, по своей вместимости, форме и деталям организации они могут быть поставлены наряду с лучшими черепами арийской расы».

В том же духе говорит и Колльман: «Пещерные находки заставили думать, что первобытные европейцы принадлежали к совершенной дикой коренной расе, за которой последовали более совершенные, более благородные волны, уничтожавшие предыдущих. Такое предположение, естественно, но оно ложно. Не все то верно, что кажется простым. Первые поселенцы (так называет автор людей неолитического века) стояли, правда, на более низкой ступени культуры, но они не были низко стоящей расой. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи. Это простительная ошибка, в которую легко было впасть в первом периоде развития антропологии, но теперь пора уже отрешиться от нее».

Со своей стороны и Ранке о скелетах Карманьонской расы замечает, что они говорят нам о рослой, сильной, почти атлетической расе. Черепа весьма характерны, они велики, во всех отношениях прекрасно развиты и по размерам своим, выпуклости и емкости превосходят даже средние размеры современных французов. Вместо обезьяноподобного создания, первобытный обитатель Европы оказывается совершенно иным: многочисленные представители Карманьонской расы принадлежат к высокоразвитому «замечательно красивому» типу. Вместо мозга, стоящего на низкой полуживотной ступени, как этого требовала, по-видимому, теория постепенного развития человечества, Брока нашел при сравнении развития мозга или емкости черепа нынешних обитателей Франции и представителей прежних эпох, следующий ряд цифр. (Из этих цифр мы возьмем

только две, как наиболее характерные):

Доисторический череп из стоянки Солютрэ	1615 куб. см.
Череп современных парижан	1558 куб. см.

Отсюда видно, что древние доисторические обитатели Франции «по размерам мозга превосходили нынешних французов». Во всяком случае, заключает Ранке, «мозг древних не уступал нашему».

Емкость черепа швейцарцев свайного периода	1558 куб. см.
То же швейцарцев современных	1377 куб. см.

Наконец, Ляпуж дает следующую любопытную таблицу емкости черепов:

Pitecantropus erektus	1000 куб. см.
Pithecantropus Neanderthalensis	1200 куб. см.
Средний современный европеец	1565 куб. см.
Homo priscus	1710 куб. см.

Последняя из приведенных цифр сама по себе очень велика, но есть еще крайний больший предел емкости черепа, до которого доходил дилювиальный человек, так как у расы Trechere емкость достигала даже до 1925 куб. см.

«Вирхов, — говорит Ранке, — справедливо указал, что напрасно мы так высокомерно взираем на древнейших предков наших. В подтверждение этого, Вирхов приводит наблюдение, что у обитателей швейцарских свайных построек доисторического периода средняя величина головного мозга оказывается не только не меньше, но даже больше, чем у нынешних обитателей тех же местностей».

Элизе Реклю выражается в таком же духе: «Является вопрос, не достигла ли раса Кроманьон в некоторых отношениях кульминационного пункта культурного развития, по крайней мере, по отношению к искусству, все позднейшие поколения неолитического века представляют собою период полного регресса. Ничто, во всяком случае, не доказывает, чтобы в развитии человечества наблюдается постоянный прогресс в смысле увеличения головного мозга и формы черепа. Очень вероятно даже, что замечалось как раз обратное. Вопреки общераспространенному мнению, объем черепа с палеолитического времени не увеличился совершенно. Большинство ископаемых черепов по своей емкости превосходит средние современные черепа».

Итак, антропологические данные емкости человеческих черепов приводят нас к заключению, что вместе с переходом питекантропа из

состояния животного в человеческое череп его увеличился к неолитическому веку с 1000 или 1200 до 1700–1900 куб. см, а затем к нашему времени снова уменьшился в среднем до 1500 куб. см. Следовательно, мы, европейцы, по емкости черепа в среднем понизились сравнительно с человеком ново-каменного века и занимаем как раз средину между ним и питекантропом. Значит, с неолитического века мы шли не вперед, а назад. Может ли это быть в виду существования закона прогресса, ввиду наших несомненных успехов в науке?

Очевидно, может, если нас к тому приводят факты. Но верны ли самые факты? И действительно ли умственные силы человека пропорциональны емкости его черепа?

За правильность приводимых нами антропологических измерений ручаются такие научные авторитеты как Вирхов, Колльман, Брока, Ранке и др. Факт понижения емкости черепа у современных европейцев сравнительно с таковою же у ископаемых троглодитов вовсе не новость для науки. О нем упоминает еще Дарвин в своих сочинениях как о «непонятном» явлении. Брока разъяснил его тем, что «средняя величина емкости черепа у цивилизованных народов должна несколько уменьшиться, вследствие сохранения значительного числа личностей слабых умом и телом, которые у дикарей гибнут». Хотя объяснение это до крайности слабо, но им удовольствовались все ученые, не исключая и Дарвина. Если Брока приравнивает людей неолитического века к дикарям, то почему же у современных дикарей средний показатель емкости черепа оказывается меньше, чем у европейцев — 1511 куб. см, у американских индейцев — 1426 и у австралийцев — 1341.

Что касается пропорциональности между емкостью черепа и умственной силой, то Дарвин говорит об этом следующее: «Убеждение, что у человека существует связь между объемом мозга и степенью умственных способностей, основывается на сравнении черепов диких и цивилизованных рас, древних и новейших народов, равно как на аналогиях всего ряда позвоночных.

2. СЛЕДЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Следы гениальности первобытного человека. Современная теория постепенного развития. Ее заблуждения. Начало скотоводства и земледелия. Мегалитические постройки. Материальные изобретения древнего человека: ткацкий станок, добывание огня и металлургия. Произведения духовного творчества. Невозможность бессознательного коллективного творчества. Предания о ледниковом периоде. Первобытная теория происхождения человека. Понятие о мире бактерий. Медицинские сведения доисторического человека. Расселение человека по островам океанов.

Так как в конце предыдущей главы мы затронули вопрос о гениальности первобытного человека, то прежде, чем перейти к его дальнейшей истории, необходимо подкрепить некоторыми доказательствами эту, с современной точки зрения безумную, дерзкую мысль.

Мнение о том, что первобытный человек был «цивилизован», и что современные дикари упали до своего теперешнего состояния, вовсе не новость. По словам Дарвина, оно было высказано герцогом Аргайлем в 1869 году, а еще ранее архиепископом Уетли.

Известно также, что Священное Писание и предания всех стран и народов смотрят на настоящее и будущее человечества довольно мрачно и все хорошее видят позади. Тогда был рай земной, блаженное состояние людей и бессмертие, а теперь господство дьявола, грех и смерть. На этом положении построены почти все религиозные системы. Наши предки еще не так давно были того же мнения, а простолюдины остаются при нем до сих пор.

Только последние поколения цивилизованных европейцев расстались со старинным миросозерцанием и заменили его новым, по которому в глубокой древности не было ничего, кроме дикости, глупости и невежества. А потому все, что было открыто и изобретено в доисторические времена, объясняется случаем, вроде открытия финикиянами стекла. Мы создали новую теорию «постепенного развития», по которой человек произошел от животного, близкого к обезьяне и с тех пор непрерывно совершенствуется. Если иногда он слегка и регрессирует, то только в виде отдыха от прогрессивной

работы, чтобы потом снова идти вперед.

Наше поступательное движение управляется во-первых законом прогресса, а во-вторых свободной волей человека. Захочет человек, он прогрессирует, не захочет — стоит на месте или идет назад.

Это, конечно, только гипотеза, требующая доказательств, за каковую она прежде и принималась. Но всякая гипотеза, просуществовавшая долгое время без крупных опровержений, обращается в аксиому Так случилось и теперь. Есть огромная масса фактов, непонятных с точки зрения нашей теории. О них говорят или с грустью: «вряд ли когда-нибудь это будет нам известно», или с самоуверенностью: «будущая наука это объяснит». Есть факты даже прямо противоречащие ей, но о них просто умалчивают.

Гипотеза, о которой мы говорим, успела уже к настоящему времени окостенеть и обратиться для цивилизованного европейца в то, что мы называем верованьем. На ней основаны все наши надежды и упования в будущем, все наши симпатии и антипатии в настоящем. Разумеется, нам не легко с ней расстаться.

Несомненно, что гипотеза эта основана на всем известном факте прогрессирования в умственном отношении Западной Европы, случившемся на глазах истории, но мы забываем, что причина этого факта нам совершенно неизвестна. Задумавшись над загадочным падением Испании, Дарвин говорит: «Пробуждение европейских наций от темных веков варварства представляет еще более трудную задачу».

Мы не можем сказать с достоверностью, постоянное ли явление наш прогресс или только временное. Из истории нам известно, что временный прогресс явление вовсе не редкое, а напротив, очень обыкновенное. Много древних народов прогрессировало, так же, как и мы, но, дойдя до известного пункта, вдруг от непонятной причины, начинало падать и вымирать. Чем же мы счастливее их? Что гарантирует нас от падения и вымирания? Это никому неизвестно.

Правда, у нас есть крепкая надежда на популяризацию просвещения и на полную демократизацию европейского общества. Но увы, средства эти уже были испытаны на практике Китаем и нисколько не помешали ему пасть. Они не мешают также падать и передовой Франции.

Мы верим в прогресс, как основной закон мироздания и не ошибаемся. Закон этот действительно существует. Его реальность слишком очевидна. Но прогресс — это одно, а пути, по которому он идет, — совсем другое.

Человечество несомненно должно прогрессировать, но как? Это вопрос. По одному взгляду (поэтическому) каждый народ и каждый человек в отдельности совершенствуется, а по другому (реальному) погибают миллиарды людей и тысячи народов, чтобы дать место одной паре счастливых избранников. В том и другом случае прогресс, но какая огромная разница в его путях. Для каждого из нас был бы приятнее первый путь и мы стараемся себя уверить, что другого пути и нет. Но безжалостная действительность говорит, что природе известен только второй.

А в таком случае каждый из нас и народы, к которым мы принадлежим, могут не попасть в число избранников. Скажите, по какому закону мы тогда погибнем? Разве не по закону прогресса? А по какому закону погибли египтяне, древние греки, римляне и другие народы древности? По тому же самому закону.

Для нас приятнее думать, что позади нас были только дикость и невежество, а мы стоим на вершине прогресса (так же думали в свое время и древние). А потому мы затыкаем уши перед фактами, которые не говорят, а просто кричат, что это неправда, что наши отдаленные доисторические предки были не дикари, что они так высоко стояли в умственном отношении, что даже многие тысячелетия не в силах были изгладить оставленных ими следов.

Таких следов очень много, и можно бы написать о них целые тома. Но наше дело в настоящее время не исследовать их, только указать на факт их существования.

Прежде всего мы должны обратить внимание на самое дорогое наследие доисторического прошлого, на основы нашего теперешнего благосостояния: скотоводство и земледелие, без которых вся наша цивилизация была бы ничто. Мы должны помнить, что установка и разработка в мельчайших деталях этих двух важнейших источников нашего существования принадлежит не нам, а отдаленному доисторическому прошлому.

Мы считаем делом чрезвычайно простым и легким приручение животных и думаем, что оно доступно каждому дикарю. Известно, что у дикаря есть прирученные животные и этого с нас достаточно. Но если мы присмотримся к домашним животным поближе, если сравним их с дикими, то перед нами тотчас же является множество неразрешимых загадок, перед которыми становятся в тупик наши лучшие, ученейшие зоологи. «Происхождение большей части наших домашних животных, — говорит Дарвин, — вероятно, навсегда останется неясным». «Невозможно, — говорит он, — прийти к какому

бы то ни было заключению относительно их происхождения от одного или нескольких видов. В самые древние времена, на египетских памятниках или в свайных постройках Швейцарии мы встречаем очень разнообразные породы, причем некоторые из них очень походят на современные или даже тождественны с ними. Но эти соображения только отдаляют начало цивилизации и показывают, что животные были приручены гораздо ранее, чем до сих пор предполагалось». Говоря о древних людях, выработавших наши породы домашних животных, Дарвин называет их то «цивилизованными», то «варварами», но отнюдь не дикарями, потому, что им было в совершенстве известно очень трудное дело искусственного отбора животных, которого у дикарей нигде не существует. «Совершенно неверно было бы предполагать, — говорит он, — что применение начала отбора составляет новейшее открытие. Когда мы сравним возовую лошадь со скаковой, дромадера с верблюдом, различные породы овец, приспособленных к луговым или горным пастбищам, с шерстью, пригодной в одном случае для одного, в другом для другого назначения, когда мы сравним различные породы собак, полезные для человека в разнообразных направлениях, когда мы сравним боевого петуха, столь упорного в битве, с другими совершенно миролюбивыми породами, с «вечно несущимися» курами, которые отказываются быть наседками, и с маленькими изящными бантамками, мы не можем допустить, чтобы все эти породы возникли внезапно такими совершенными и полезными, какими мы видим их теперь. Человек сам создал полезные для него породы».

В частности, о собаках Дарвин говорит: «Мы никак не можем одним только скрещиваньем объяснить происхождение таких крайних форм, как чистокровные борзые, кровяные собаки, бульдоги, мальбруги, крысодавы и мопсы, разве предположив, что столь же резкие формы существовали когда-нибудь в диком состоянии. Однако, едва ли кто-нибудь имел смелость предположить, чтобы подобные неестественные формы существовали или могли существовать в диком состоянии. Если их сравнивать со всеми известными представителями семейства собачьих, то они тотчас же обнаруживают свое отличие и ненормальное происхождение. Нет решительно ни одного примера, чтобы собаки вроде кровяных испанок и настоящих борзых, были когда нибудь воспитываемы дикарями: они составляют продукт продолжительной цивилизации. Что касается прямых причин и степеней, с помощью которых собаки

мало-помалу так сильно отклонились друг от друга, то об этом, как и о многом другом, мы не знаем решительно ничего».

А что искусственный отбор вовсе не такая простая вещь, как это может показаться с первого взгляда, и что он положительно недоступен современному дикарю, свидетельствуют следующие слова Дарвина: «Если бы отбор заключался только в отделении резко выраженной разновидности и разведении ее, то начало это едва ли бы заслуживало внимания, но различия между животными, которые приходится накоплять скотоводу, положительно незаметны для непривычного глаза». «По крайней мере я, — сознается Дарвин, — тщетно пытался их уловить». «Один из тысячи не обладает верностью глаза и суждения, необходимыми для того, чтобы сделаться выдающимся заводчиком. Если он одарен этими качествами и годами изучал свой предмет, то, посвятив всю свою жизнь с ничем непреодолимой настойчивостью этому делу, он может достигнуть значительных улучшений; если же ему недостает хоть одного из этих качеств, он наверное потерпит неудачу. Немногие поверят, какие природные качества и сколько лет практики необходимо для того, чтобы научиться искусству разводить голубей». А если все это так трудно даже и теперь, когда существует огромная литература по сельскому хозяйству, то можно себе представить, как это было трудно для дилювиального человека, который не имел перед собой никаких руководств, никакого опыта и до всего должен был доходить сам.

Кроме того, искусственный отбор требует еще особых условий, недостижимых для человека бедного, каким всегда бывает дикарь. «Так как изменения, явно полезные или приятные для человека, — говорит Дарвин, — могут возникать только случайно, то понятно, что вероятность их появления будет возрастать с числом содержимых особей. Отсюда численность (животных) в высшей степени влияет на успех». На этом основании Маршаль высказал мнение об овцах в некоторых частях Йоркшира: «они никогда не будут совершенствоваться, потому что принадлежат бедным людям и содержатся маленькими партиями».

Следовательно, чтобы усовершенствовать скот, надо держать его огромными стадами, что доступно только богатому человеку. Но если нужно было усовершенствовать собак, неужели и их необходимо было держать огромными стадами? Ясно, что это делалось иначе. Очевидно, что наш делювиальный предок, благодаря своей гениальности и большей наблюдательности, сумел обойти и это важное препятствие каким-то неизвестным нам образом.

То, что мы сказали о домашних животных, приходится повторить и о растениях. Обитатели швейцарских свайных построек неолитического века уже возделывали не менее 10 злаков, а именно: 5 пород пшеницы, из которых по крайней мере 4 признаются за отдельные виды, 3 породы ячменя, одну проса и одну просяницы. Кроме того, возделывались: горох, мак, лен и даже яблоки.

Так же, как наши зоологи становятся в тупик, изучая прирученных животных, ботаники отказываются в свою очередь понимать многие вопросы, встречающиеся при изучении домашних растений.

«Вообще, — говорит Дарвин, — вопрос о происхождении и видовых признаков различных хлебных злаков в высшей степени затруднителен. Замечательно, что ботаники ни по одному из хлебных злаков еще не пришли к единодушному заключению относительно его первоначальной формы и родича. Известно только, что ни одно из наших хлебных растений не растет дико и прежде не росло в теперешнем виде». Из этого Дарвин заключает, что «многие из таких растений подвергались коренным изменениям и уклонениям посредством культуры».

Но так как культура растений не менее трудна, чем искусственный отбор животных, то и для растений Дарвин не может допустить, чтобы их культивировали простые дикари. «Если потребовались, — рассуждает он, — столетия или тысячелетия для того, чтобы довести наши растения до той степени полезности, которой они теперь отличаются, то нам становится понятным, почему ни Австралия, ни мыс Доброй Надежды, ни какая другая страна, обитаемая совершенно нецивилизованными племенами, не дали нам ни одного растения, которое стоило бы культивировать».

Истинный последователь теории «постепенного развития» даже в этом случае не затруднился бы объяснить. Он сейчас же придумал бы «коллективный бессознательный отбор». Один бессознательно сделал одну маленькую частицу, другой — другую и т. д., а вместе получилось трудное серьезное дело. Но он забывает, что никакой коллективный труд невозможен, если его не одушевляет одна общая идея. Если ее нет, то отдельные люди всегда идут в разброд, как лебедь, рак и щука в басне: один портит то, что делает другой.

Другим важным доказательством, что человек неолитического века был не дикарь, служат его постройки, так называемые менгиры, которые за их гигантские размеры народ по справедливости назвал «постройками исполинов». «Мегалитические постройки неолитического периода, — говорит Ранке, — суть бесспорно самые

величественные свидетели этой первобытной эпохи европейской культуры. Чтобы воздвигнуть их, требовалась совместная планомерная работа большого числа людей… Пещерный обитатель нового каменного века обладал уже сравнительно высоким развитием культуры».

Каменные сооружения неолитического века встречаются во многих местностях земного шара, но особенно много их во Франции, где они, кроме того, отличаются своими гигантскими размерами и красотой.

Материалом для них служили каменные глыбы колоссальной величины. Так, веретенообразный менгир в Морбигане имеет 19 метров вышины и 5 метров ширины, менгир в Шан-Далене около 13 метров, вышины и т. п.

Между такими памятниками различаются: 1) Менгиры — вертикальные, отдельно стоящие камни, 2) Кромлехи — квадратные и круглые фигуры, составленные из менгиров, 3) Каменные аллеи или улицы, тоже составленные из менгиров и, наконец, 4) Дольмены — искусственные гроты или пещеры, сложенные из огромных каменных плит в виде столов.

Во Франции отдельных менгиров насчитывается до 1683, а каменных улиц до 56. Из них наиболее известная в Карнаке тянется на пространстве 3-х километров и составлена из прямоугольников. Первый состоит из 11 рядов менгиров, второй — из 10 и третий из 13-ти. Около 10000 каменных глыб пошло на укладку этой улицы. Дольменов насчитывают во Франции до 34. Для постройки самого большого пошло 35 каменных глыб на стены и 13 на покрышку. Для некоторых дольменов камни привозились за 35 километров. Возможно ли сомневаться хоть на одно мгновение, что такие грандиозные сооружения не могли быть делом рук жалких дикарей?

Кроме того, чтобы построить эти сооружения нужно было уметь пользоваться такими машинами как катки, вороты, рычаги и т. п., и надобно было искусство в каменоломных и каменотесных работах, так как многие камни носят следы обработки, или имеют отверстия для их скрепления.

В Полинезии, на островах Тихого океана, встречается также множество всякого рода древних памятников, которые не могли быть построены тамошними жалкими дикарями. На островах Луизиадских, например, встречаются циклопические мощения дороги и древние укрепления. На о. Понапе развалины имеют форму четырехугольных каменных островов числом до 80, обнесенных базальтовыми столбами

и разделенных между собою каналами. На островах Тонга мы встречаем каменные исполинские монументы, называемые «файтока». Они составлены из камней, уложенных в несколько ярусов. Размеры таких четырехугольников доходят до 180 ф. в длину и до 120 в ширину при 20 ф. высоты. Камни, из которых они построены имеют до 20 ф. в длину и до 8 в ширину.

Далее, к числу сооружений, принадлежащих нашим доисторическим предкам нужно отнести висячие мосты в Америке и Тибете для перехода через пропасти с одного обрыва на другой. «Эти сооружения, — по словам Реклю, — должно считать, несомненно, унаследованными от народностей, которые обладали более высокой культурой, чем современное население этих стран».

Из числа прочих материальных изобретений наших доисторических предков надо указать: 1) ткацкий станок, остатки которого найдены в свайных постройках Швейцарии, 2) добывание огня трением и 3) открытие почти всех главнейших металлов, которыми мы пользуемся в технике в настоящее время.

Их добывание из руд, т. е. земель, не имеющих по виду ничего общего с металлами, требовало от изобретателей кроме многочисленных опытов еще способность к обобщению. Можно, пожалуй, допустить, что добывание одного из легкоплавких металлов, вроде олова, было открыто случайно нагреванием оловянной руды с углем, но допустить, чтобы так же случайно было открыто и железо, нет никакой возможности, так как для его добывания требуется высокая температура и особые приспособления. Конечно, пример с оловом мог навести на мысль, что и все другие земли, нагретые с углем, должны дать какие-нибудь металлы, но подобные обобщения не под силу дикарям, у которых эта способность совершенно отсутствует.

В духовной области человек неолитического периода также оставил после себя памятник не менее величественный, чем менгиры, а именно так называемые произведения народного творчества, из которых лучшие принадлежат к числу международной памяти, вошли в Илиаду, в Одиссею и в народный эпос многих стран. Их темами пользовался Шекспир для своих драм и многие лучшие европейские поэты и писатели для лучших своих произведений. Эти продукты доисторического творчества даже в той искаженной форме, в которой их передал народ, слишком гениальны, чтобы их можно было приписать первобытным дикарям, а потому этнографы для объяснения их источника придумали особый вид творчества, которого

примеров никто никогда не наблюдал, творчества «безыскусственного, бессознательного и коллективного». Предполагается, что какой-нибудь дикарь или варвар, занятый исключительно материальными проблемами и не имеющий ничего общего с поэзией, сочиняет, допустим, какое-нибудь четверостишие. Это произведение заимствуют другие такие же дикари и передают из уст в уста. Каждый от себя что-нибудь прибавит, что-нибудь исправит и передает дальше, а в конце концов вместо грубого искажения первоначальной мысли, как это обыкновенно наблюдается, выходит гениальная поэма, полная великих мыслей и великих чувств, которые вовсе несвойственны дикарю. Может ли быть что-нибудь искусственнее такого объяснения?

Из тех обрывков древних произведений, которые носят теперь наивно сказочную форму, можно догадаться, что у первобытного человека было очень широкое миросозерцание и что многие вопросы, за которые Европа принялась только в конце XVIII или в начале XIX века, уже занимали первобытного человека и что он даже решал их довольно близко к нашему. Сюда, например, относятся легенды о ледниковом периоде.

Одну из легенд, относящихся к этому времени, по словам французского антрополога Хами, опубликовал в 1771 г. Анкетиль-Дюперрон. Это зендский текст, называемый Вендидат-Садэ. Так же, как по греческой мифологии и по Моисеевым преданиям, человек по этой легенде живет сначала в «месте наслаждения и изобилия», Eeriene Veedjo, «более прекрасном, чем весь мир», данном Ормуздом. Ариман, «источник зла», действует в свою очередь и в реку, которая орошает земной рай, впускает созданного им большого змия, «мать зимы». Зима распространяет холод в воде, в земле и на деревьях». Тогда Ормузд создал Soghdo, «изобильное стадами, второе жилище первого человека».

В другом конце арийского мира нашли подобную легенду. Мифические песни скандинавов указывают горное поселение, через которое проходит, как выше, ледниковый период. Картину его поэт изображает следующим образом: «Мир мрака на севере, там вытекает 12 рек, которые катят жестокую отраву. Пар, который выделяет отрава, сгущается в изморозь и воды замерзают. Мир огня на юге, там брызжут искры, которые встречают лед и растопляют его».

С первого раза кажется странным и даже невероятным, чтобы неолитический человек мог знать, что ледниковый период был явлением временным, которому предшествовал другой более теплый период. Если, как полагают, ледниковый период продолжался 160 тысяч лет и в начале его человек был животным, не обладавшим еще членораздельной речью, то какие же предания могли сохранится от начала этого периода?

Но это странно только с точки зрения теории постепенного развития, которая убеждена, что человек неолитического века был жалким дикарем.

Если думать, что это было существо гениальное, мыслящее и наблюдающее природу, то ему не трудно было по остаткам ледникового периода, в его времена еще более свежим и

многочисленным, воссоздать в своем уме прошедшее довольно близко к действительности, как делаем это и мы в настоящее время. Ведь не удивляемся же мы, что автор Пятикнижия Моисеева или те люди, от которых до него дошли предания, передали нам порядок сотворения мира очень близко к тому, к которому в наше время пришли геологи изучением земной коры. А между тем, откуда же эти люди могли знать о порядке происхождения животного и растительного мира, как не из непосредственного наблюдения природы?

Сюда же относится очень интересное сведение, что теория Ламарка происхождения видов, или, по крайней мере, ее главная идея, также была известна неолитическому человеку, судя по широкому распространению верования о происхождении человека от обезьяны.

По этой легенде, человек произошел от пары обезьян, у которых от перемены пищи (так же, как учил Ламарк) изменились внутренности, органы и кожа; волосы на теле выпали, руки укоротились, хвосты исчезли и обезьяны получили дар слова.

Даже о нашем, сравнительно очень недавнем, открытии о существовании мира бактерий, первобытный человек, если и не имел такого точного понятия, как мы, то догадывался в общих чертах. Так, по верованию огромной массы современных народов, «нечистая сила», подобно бактериям, распространена повсюду. По верованию месхов она попадает в организм человека через рот, а по верованию закавказских татар, вся вселенная наполнена «злыми духами». Они находятся в каждом углу дома, в каждой щели, в колодцах, в реках, в озерах, в лесу, в дуплах деревьев и внутри животных. Нечистая сила всегда окружает людей и даже норовит лезть им в уши, в рот, в нос. Злые духи посылают людям разные болезни и несчастия. По верованию камчадалов, они живут в воздухе, входят в рот, поселяются там и производят болезни. Если бы современная теория бактерий попала в народ, а интеллигенция почему-либо исчезла, то наше простонародье не могло бы иначе передать эту теорию. Доказательством того, что бактерии не только были известны нашим доисторическим предкам, но что знакомство с ними применялось даже к лечению болезней, видно из того, что «знахари некоторых некультурных народов знакомы с ослаблением действия заразного яда посредством прививок. Бушмены лечатся таким образом от укушения змей и скорпионов».

Что касается европейской медицины, то многие из средств, ею практикуемых, берут свое начало в глубокой доисторической древности. Так, у нашего русского простонародья известны сухие

банки, а негры знают кроме того и кровососные. Клистирная трубка известна у американских индейцев племени дакота и у негров Западной Африки. Знахари некоторых диких народов удачно производят некоторые серьезные операции, как овариотомию (австралийцы), лапаротомию и кесарево сечение (угандийские негры). Трепанация черепа, известная в Европе еще в четвертичную эпоху, употребляется до сих пор у негров, персов и новогебридцев для излечения нервных болезней и падучей. Далее, горячая баня, которая теперь начинает сильно распространятся в Европе как лекарственное средство, существует не только у великороссийского простонародья, но на Кавказе, в Азии, в Америке и в Полинезии. Кумыс и кефир, известные с незапамятных времен у среднеазиатских и кавказских народов, приняты у нас теперь как хорошие лечебные средства. Я уже не говорю об огромном количестве средств, принятых нашей фармакологией, которые взяты от народа, а этим последним сохраняются из глубочайшей доисторической древности.

Наконец, если ко всему сказанному прибавить многочисленные астрономические сведения, на которых построен календарь и метеорологические приметы, которые сходятся с данными, добытыми европейской наукой, то видно, что мысль древнего человека проникала весьма глубоко во все области человеческого знания. Приписывать же все это дикарю с его полной неспособностью не только наблюдать или обобщать, но даже просто о чем нибудь думать, это значит совершенно не знать дикаря или игнорировать те сведения о его умственных способностях, которые собраны этнографической литературой.

Но яснее всего о гениальности древнего человека, об его решительности, бесстрашии и необыкновенной силе воли свидетельствует расселение человечества в доисторические времена почти по всем отдаленнейшим океаническим островам. Объяснение этого факта случайными заносами несчастных дикарей в их челноках-душегубках не может допустить никакая логика.

Спрашивается, каким образом первобытный человек мог переплыть океаны, чтобы населить все материки, архипелаги и острова?

Вопрос этот тесно связан с вопросом о том, каков был сам первобытный человек во время его расселения? Если он был таким, как представляет его себе теория постепенного развития, т. е. подобным современным дикарям или даже еще ниже, то тогда действительно очень трудно представить себе, каким образом это

жалкое, глупое, трусливое существо, которому малейшая отвлеченная мысль причиняет нестерпимую головную боль, могло решиться на такую опасную, полную неизвестности поездку, над которой даже и недюжинный человек, не располагающий хорошим кораблем, призадумается? Достаточно припомнить рассказы о том, как собирался переплыть Атлантический океан Христофор Колумб, чтобы понять полную невозможность подобных подвигов для первобытного дикаря.

Остается предположить, что все люди, попавшие на острова, занесены были туда случайно ветром или течением на каких нибудь досках или бревнах. Но тоща становится непонятным, почему не расселились таким же образом и все животные? Почему, например, как было сообщено выше, в Австралию не попало ни одно из высших млекопитающих, а в Америку человекообразные обезьяны. Почему даже такое ничтожное водное пространство, как пролив, разделяющий Мадагаскар от Африки, оказался совершенно недоступным для многих видов? Разве они не могли так же, как и люди, случайно заноситься туда на досках и бревнах?

Другое дело, если переселившийся на океанические острова был человек умный, хотя не имеющий еще в своем распоряжении открытий и усовершенствований современной техники и притом храбрый, бесстрашный и решительный, для которого не существовало никаких препятствий, если он что-нибудь задумал.

Судя по тому, что не только в Австралии и на островах Тихого океана, но даже и в Америке, отделенной от Старого Света узким Беринговым проливом, европейцы не нашли ни лошади, ни крупного рогатого скота, можно думать, что суда, на которых первобытный человек переплывал океаны, не были большими кораблями. Но с другой стороны, это не были и маленькие челноки-душегубки, потому что повсюду на островах Тихого океана была домашняя свинья, а на австралийском материке — собака, которые не могли туда попасть иначе, как при помощи человека. Можно думать поэтому, что в плаванье пускались на байдарках, подобных тем, которые существуют у туземцев Полинезии.

3. ПОЯВЛЕНИЕ В ЕВРОПЕ КОРОТКОГОЛОВОЙ РАСЫ

Появление в Европе короткоголовой расы. Общность между каменными орудиями всех частей света. Короткоголовая раса — питекантроп. Смешение ее с расой длинноголовой. Начало рабства. Экскурсии белого дилювиального человека в Азию и Африку.

Что же происходило в остальном мире в то время, когда в Европе формировался белый дилювиальный человек?

Мы уже говорили ранее, что Азия во время дилювиального периода не имела таких исключительных природных условий, как Европа. А потому не было и препятствий для эмиграции тамошнего питекантропа на время дилювиальных холодов в более южные широты, вплоть до экватора. Следовательно, он не испытывал тяжкой участи своего европейского собрата и потому не подвергся не только естественному отбору, но даже необходимости переменить растительную пищу на животную. Дилювиальный период прошел для него бесследно: он не выработал себе ни каменных орудий, ни более прямого лицевого угла, ни ума европейского человека, ни его членораздельной речи, словом, остался таким же, как был. Тоже самое относится и к африканскому питекантропу. Что касается северной Америки, то мы уже говорили, что туда питекантроп даже и проникнуть не мог вследствие существования Берингова пролива. А если бы и попал, то ничто не препятствовало ему при наступлении ледника удалиться через Панамский перешеек в Южную Америку.

Итак, теоретически рассуждая, нет никакой надежды откопать в почве других частей света что-либо подобное тем археологическим находкам, которые были сделаны в Европе. Очевидно, что европейский палеолитический век есть нечто оригинальное и единственное в своем роде. В доказательство можно бы было повторить вышеприведенные слова д-ра Вильсера, что кроме Европы единственная находка ископаемых человеческих костей была сделана в Бразилии да и то более нового происхождения. В таком же духе говорит и Ранке: «Если не считать некоторых, во всяком случае, скудных остатков, открытых в передней Азии и Индии, затем некоторых открытий в Америке, еще не вполне выясненных с научной стороны, то следы дилювиального человека вне Европы еще не

доказаны».

Следы каменного века открыты в настоящее время повсюду или в виде каменных орудий, найденных европейскими путешественниками в употреблении у туземцев, или же в виде верований, сохранившихся от древних времен, в которых фигурируют каменные орудия. В одних местах им воздавалось религиозное почитание, в других с ними связывались различные суеверия. Одни верили, что «каменные орудия упали с неба», другие, что «ими пользовались прежние более крупные и сильные люди» и т. п. Археологи, сличая европейские каменные орудия с таковыми же из других частей света, находили или, что эти последние «сходны по форме и по материалу с европейскими», или, что «их главные формы повсюду поразительно одинаковы», или, наконец, что «каменные наконечники стрел, привезенные из самых отдаленных концов земли, почти тождественны между собою». Фон Котта замечает: «Каменные породы, употреблявшиеся на приготовление разных орудий и утвари, и те формы, которые были им придаваемы, обнаруживают в весьма различных между собою местностях и из различных эпох некоторое общее, за немногими несущественными местными изменениями, сходство, которое как бы указано было природою».

По словам Гелльвальда, «у всех народов (кроме европейских) высшее культурное развитие имеет в основе, по-видимому неолитическую стадию».

Эти данные говорят: 1) что каменные орудия всего мира могли иметь один общий источник и 2) что везде, кроме Европы, они находились в отполированном виде. Следовательно, ничто не мешает нам предположить, что век палеолитический, т. е. век неполированных каменных орудий и, связанную с ним эпоху развития, пережил только европеец, а затем в веке неолитическом он же разнес свое изобретение по всему земному шару.

Мы видели раньше, что Де Мортилье считал обладателя неолитической культуры пришельцем в Европе, вытеснившим своего предшественника, человека палеолитического. По-видимому, этого ученого поразило одновременное совпадение трех, замеченных им фактов: 1) что во время гитауса древняя длинноголовая европейская раса почти исчезла, 2) что тогда же появилась новая раса, прежде невиданная в Европе, короткоголовая и 3) что вместе с тем явилась новая культура, неолитическая, мало похожая на древнюю. Эти странные совпадения дали повод и другим археологам согласиться с мнением Де Мортилье. Но из всего вышеприведенного вытекает, что

человек мог выработаться только при исключительных условиях ледникового периода и только в Европе. А в таком случае кроме белого дилювиального длинноголового человека в неолитическом веке на всем земном шаре никаких других человеческих рас еще не существовало, а были только африканские и азиатские питекантропы. Следовательно, короткоголовые пришельцы, появившиеся в Европе в неолитическом веке, были никто иные, как питекантропы.

Существа эти, как видно из вышеизложенного, не могли ни завоевать белого человека, ни вытеснить его, как не могли бы это сделать с нами в настоящее время обезьяны. Но при таких условиях было бы невероятно, чтобы эти мирные плотоядные животные могли по своей воле передвинуться в Европу, страну относительно холодную, лишенную деревьев, и притом населенную белыми делювиальными людьми, этими охотниками-специалистами, которые не брезговали никакой животной пищей. Что заставило их двигаться в пасть самого ужасного хищника на всем земном шаре?

Дело оказывается очень простым, если принять в расчет нижеследующие факты, которые или не были известны де Мортилье, или не приняты были им во внимание: 1) длинноголовая раса исчезла в Европе не сразу, а долго еще жила в неолитическом веке и только постепенно видоизменилась, заменившись короткоголовой и то лишь в некоторых местностях. 2) во Франции, Бельгии и Италии строители дольменов были сначала длинноголовые, потом — среднеголовые и под конец исключительно короткоголовые. 3) длинноголовая раса была высокоросла с прямым лицевым углом в противоположность короткоголовой — низкорослой с менее объемистым черепом и с прогнатическим строением лица. Следовательно, длинноголовцы того времени почти настолько же были выше короткоголовцев, как современный европеец — выше обезьян.

Из этих фактов видно во-первых, что короткоголовая раса много ниже европейской в умственном отношении и, следовательно, ни в каком случае не могла ее завоевать, во-вторых, что длинноголовцы не ушли из Европы, а постепенно смешались с пришельцами образовав современную европейскую среднегодовую расу.

Отсюда положение дел представляется следующим образом:

Когда в конце ледникового периода льды начали отступать к северу, то пространство земли, удобной для жизни, расширилось, а вместе с тем должно было установиться сухопутное сообщение европейского материка с азиатским. Европейцы, как охотники, в погоне за дичью разошлись по всей Европе, а часть их могла доходить

даже и до Азии. Так как в это время наши предки стали уже предусмотрительны, то нетрудно им было сообразить, что, живя только одной охотой, они неминуемо истощат запас своей дичи и затем принуждены будут голодать. Это заставило их приручать к себе животных, чтобы иметь постоянный запас мяса. А так как для скота в зимнее время нужно было иметь запас растительного корма, то приходилось собирать запасы злаковых растений, необходимой принадлежности степи, которой была покрыта тогдашняя Европа. Впоследствии это привело людей к мысли культивировать злаки и положить таким образом начало земледелию.

Если человек делал экскурсии в Азию, то там в числе животных ему должны были встретиться и короткоголовые азиатские питекантропы, которых наши предки конечно пытались приручить.

Ляпуж, рассматривая условия тех местностей Европы, где черепа короткоголовых попадаются в наибольших количествах в раскопках, а затем принимая в расчет, что таких находок было очень много, обратил внимание на ту безумную роскошь, с которой совершались похороны обладателей дольменов. Он пришел к заключению, что похороны эти устраивались только королям и начальникам и производились руками короткоголовых рабов, которые могли быть доставлены сюда издалека путем торговли. «Таким образом, — говорит он, — длинноголовые той эпохи осуществили идею Клеменса Руайе, предлагавшего приручить обезьян. Они имели элемент, которого недостает нам, — человека в состоянии животного». Тот факт, что первобытная длинноголовая раса постепенно исчезла в Европе и заменилась среднеголовой после того, как туда прибыла короткоголовая, указывает ясно, что приручение питекантропов закончилось смешением с ними и падением гениального неолитического длинноголовца, а следовательно мы, современные люди, являемся результатом этой помеси. Смешение, раз начавшееся в Европе, могло позже продолжаться в Азии и Африке европейскими колонистами, а отсюда понятно загадочное исчезновение с лица земли как белого дилювиального человека, так и целого класса животных питекантропов.

Вероятность такого события доказывается множеством фактов, которые будут изложены в последующих главах, теперь же приведем несколько таких доказательств, наиболее бросающихся в глаза:

1). Верхи и низы современного человечества даже и в настоящее время так далеки друг от друга по наружности, по характеру, по уму, как два очень близкие вида, один плотоядный, другой —

растительноядный.

2). Факт непонятного исчезновения с лица земли питекантропов, на существование которых указывают как теоретические соображения, так и кости найденного в Европе и на Яве ископаемого питекантропа.

3). Предания многих народов о происхождении их от смеси человека с обезьянами или с другими животными (см. ниже).

4). Свидетельство Священного Писания о грехопадении первого человека, виновницей которого выставляется женщина.

И, наконец,

5) Рассмотрение существующего у человечества социального строя, основанного на неравенстве людей, чрезвычайно легко объясняющегося с точки зрения нашей теории.

Конечно, вопрос о том, при каких условиях совершилось смешение белого дилювиального человека с питекантропом очень труден для разрешения. Может быть причиной смешения был недостаток женщин, а может быть и что-нибудь другое. Но во всяком случае здесь не было ничего экстраординарного, а напротив, был только исполнен закон природы, общий для всего животного царства.

Как мы уже говорили выше, различные виды животных попадали в Европу перед ледниковыми периодами и подвергались там изменениям под влиянием борьбы за существование. Но мог ли хоть один из них переселиться туда целиком, до последнего экземпляра? Конечно нет, или только в виде очень редкого исключения, потому что никто его в Европу не загонял. Следовательно, при начале ледникового периода каждый или почти каждый вид делился на две части: одна попадала в Европу и подвергалась там усовершенствованию естественным отбором, а другая оставалась в Азии или Африке без изменения. Но теряли ли обе половины одного и того же вида стремление и способность к скрещиванию между собою когда они снова встречались по окончании ледникового периода? Я думаю, что нет, потому что подбор только в редких случаях мог резко изменять половую систему животных.

Следовательно, в условиях при которых совершалось усовершенствование каждого вида, уже лежал залог его будущего несовершенства. Он должен был рано или поздно скреститься с другой своей несовершенной половиной и при этом, во-первых, утратить часть своих полезных приобретений, а во-вторых, потрясти организм своих потомков процессом смешения. Позже мы увидим, что следы этого явления сохранились у большей части видов

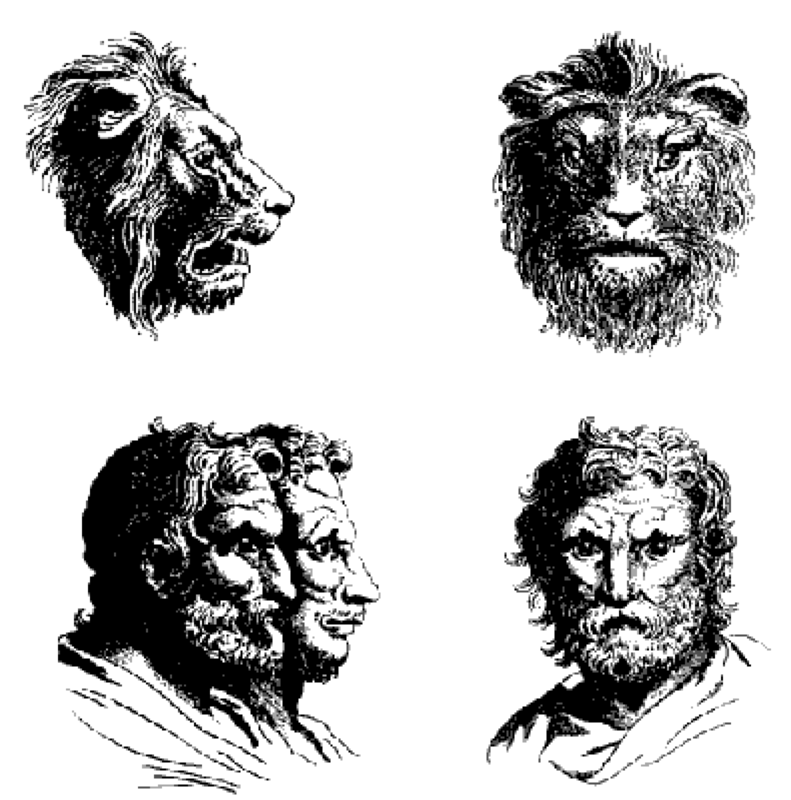
животного царства.

Свидетельствует ли это обстоятельство о беспорядке в природе, и об отсутствии в мире закона прогресса?

Нисколько. Это только один неизбежный шаг на том длинном пути, по которому природа неуклонно и неустанно ведет все живущее к усовершенствованию.

На самок питекантропа, сделавшихся женами белого человека, и на их детей этот последний вначале не мог конечно иначе смотреть как на одну из пород своих домашних животных, которых можно было, смотря по надобности, или съесть или приспособить к какой-нибудь работе или променять на что-нибудь соседям. Вот здесь-то и было положено основание рабству, которое нас теперь так возмущает. В самом начале оно не имело в себе ничего возмутительного и только впоследствии стало таковым, когда человечество сильнее перемешалось и различие между рабами и господами уменьшилось. Через несколько поколений белая раса пала, а бывшие рабы от примеси благородной крови постепенно сравнивались со своими господами. В конце концов выработалось современное человечество, как ублюдок древних видов. Вот где была причина изменения человека в худшую сторону. Вот почему емкость черепа современного человека стоит ниже емкости первобытного, неолитического.

Очень естественно, что среднегодовая раса, которая явилась результатом смешения, и в физическом и в умственном отношении была средней между расами первоначальными. «Там, — говорит Гелльвальд, — где высокостоящая раса скрещивается с низшей, возникает, правда, продукт, занимающий середину между обеими, но если низшая раса при этом выигрывает, облагораживается, то высшая теряет, понижает уровень развития. Природа — величайшая аристократка, всякий проступок против чистоты крови жестоко карается ею».

По-видимому, кроме сухопутных экспедиций, из которых привозились в Европу короткоголовые азиатские питекантропы, белые предпринимали и морские, в Африку. В пещерах Франции, относящихся к позднейшему (маделенскому) периоду неолитического века, было найдено несколько фигурок из слоновой кости, изображавших исключительно женщин с значительным развитием волосяного покрова по всему телу, длинными висячими грудями, объемистым отвислым животом и так называемой «стеатопигией» (чрезмерное развитие жира в ягодичной области).

Черты этих фигурок очень напоминают женщин бушменов, готтентотов, кафров и карликовых народов внутренней Африки.

По словам путешественников, все тело африканских карликовых народов покрыто прямыми, хотя и свалявшимися, волосами, живот большой и отвислый. Длинными и отвислыми грудями отличаются преимущественно женщины бушменов, готтентотов и кафров. Что касается «стеатопигии», то, по-видимому, это чрезвычайно характерная черта африканских рас, отличающая их от остального человечества. Она замечается в самой сильной степени у женщин

готтентотов, бушменов, намаков, кафров, боргосов, туземцев Сомали и пр. Кроме того, следы стеатопигии наблюдаются у народов Северной Африки и Южной Европы. Она есть в настоящее время у берберов, в отдаленную эпоху существовала в Египте, а в Южной Европе во времена Рима, как видно из рисунков, найденных в Помпее, считалась признаком женской красоты.

Пока еще нельзя определить с достоверностью, когда именно белые люди стали выселяться из Европы, но, по-видимому, главная масса их держалась своей родины очень долго, вероятно до тех пор, пока не стало в ней тесно. В окончательном же результате вся земля населилась смешанными расами, у которых тем более в жилах крови белого дилювиального человека, чем они ближе к Европе, что и доказывается, как мы увидим, антропологическими данными.

Переселение, по всей вероятности, совершилось еще в каменном веке, так как каменные орудия найдены были путешественниками почти повсюду, а в некоторых местах сохранились и до настоящего времени. «Употребление металла, — говорит фон Котта, — началось очевидно только со времени отделения одних племен от других. Если бы металлы были коротко знакомы первым обитателям земли, то перешли бы конечно, ко всем их потомкам».

4. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО — ВИД ГИБРИДНЫЙ

Человечество — вид гибридный. Полигенисты и моногенисты. Препятствия для классификации человечества. Несостоятельность попыток классифицирования человечества на расы. Различия между видовыми признаками животных и человека. Необходимость допустить, что человечество — вид гибридный.

Мы пришли к заключению, что человечество составилось из смеси двух видов. Но посмотрим, не впали ли мы таким образом в противоречие с теми данными о человеке, которые уже выработала наука?

Вопрос о том, принадлежит ли человечество к одному или ко многим видам, оказывается одним из самых труднейших для науки и еще не решен окончательно до настоящего времени. В отношении его ученые поделились на два лагеря. Французская школа, с Брока во главе, держится полигенетического взгляда на происхождение человека, т. е. признает главные из человеческих рас видами. Немецкие же и английские школы — моногенисты, признающие единство человека и относящие человеческий род к одному виду, происшедшему из одного центра, человеческие расы — только его разновидности.

Уже одно это несогласие между учеными указывает, что человечество представляет собою нечто отличное от всего остального животного царства. А так как ни одна из спорящих сторон не может окончательно опровергнуть другую, то это значит, что каждая имеет достаточно фактов на своей стороне.

Из самого факта существования полигенистов следует, что человечество распадается на несколько групп настолько удаленных одна от другой, что их можно принять за отдельные виды.

Однако, не смотря на несомненные и крупные расовые отличия в человечестве, поделить его на виды все-таки не так легко, как это может показаться с первого раза. Для этого существуют очень серьезные препятствия:

1). Изменения типов внутри одного народа или расы так же велики, как и во всем человечестве. «Между личностями одной и той же расы существует огромное различие в отношениях и размерах

различных частей тела, в длине ног, в форме черепа, в устройстве зубов и мускулов, в направлении главных артерий, в умственных способностях и т. д.». Цивилизованные нации представляют большее разнообразие, чем члены диких народов. Однако однообразие диких народов было часто преувеличено. Так, например, американские племена весьма различны по цвету кожи и характеру волос, между африканскими неграми встречается также легкое различие в цвете кожи и весьма большое в чертах лица. То же можно сказать и о всех других особенностях. «Относительно индейцев одного южноамериканского племени м-р Батес замечает: «Между ними нет двух совершенно сходных по форме голов: у одного лицо овальное и черты правильные, другой же совершенный монгол по ширине выдающихся скул, форме ноздрей и наклонному положению глаз».

«Мы не знаем страны в Европе, — пишет Ранке, — где среди значительного числа людей встречалась бы только одна типическая форма черепа. То же самое показали измерения в других частях света. Так, черепа африканских и тихо-океанских народов, казавшиеся раньше исключительно типическими, разбились на множество разнообразных форм. В Австралии и среди чернокожих Африки найдены наряду с длинноголовыми, средне- и короткоголовые, наряду с короткими и широкими, длинные и узкие лица. Формы черепа, находимые в Европе, мы встречаем в их главных чертах по всей земле». Нигде на земле несмешанное по форме черепа население не занимает больших пространств. Лишь в очень немногих местностях главная форма черепа преобладает.

2). Все расовые признаки странно между собою перемешаны. Одинаковые формы встречаются у самых отдаленных народов, между которыми лишь самое смелое воображение может найти следы какого бы то ни было родства. С другой стороны, значительно разнящиеся черты мы находим у таких народов, между которыми не можем отрицать внутренней связи. Нет ни одного признака, который свойствен был бы одной какой-либо нации исключительно.

3). Все расовые признаки встречаются нам в бесконечных переходах и переливах. Все они соединены между собою промежуточными звеньями, выработанными в такой полной форме, что общая картина телесных отличий является нам как бы замкнутым кругом развития, среди которого единичная форма различается только благодаря пограничным линиям, искусственно проведенным.

Повсюду можно проследить постепенные переходы от длинноголовых к короткоголовым и от коротко- и широколицых,

косозубых до длинно- и узколицых и прямозубых. Всюду наблюдается смешение различных форм черепа или в виде чистых типических экземпляров или промежуточных форм.

4). Рядом с крайним разнообразием отличительных расовых признаков замечаются многочисленные черты международного сходства. «Во время моего пребывания на корабле «Бигл» вместе с туземцами Огненной Земли, — читаем мы у Дарвина, — меня постоянно поражали многочисленные мелкие черты характера, показывавшие близкое родство между умами этих людей и нашими; тоже самое повторилось относительно чистокровного негра, с которым мне случилось однажды сблизиться. Даже самые несходные из человеческих рас более похожи друг на друга по внешнему виду, чем можно было ожидать на первый взгляд, так негритянские племена, за исключением некоторых, имеют черты кавказского племени. Хорошим доказательством этому могут служить французские фотографические портреты в антропологической коллекции музея, снятые с представителей различных рас, большинство их могли бы быть приняты за портреты европейцев».

Все перечисленные препятствия делают классификацию человечества на группы, называемые видами, совершенно невозможной. Этот факт как нельзя лучше иллюстрируется тем поразительным разнообразием мнений, к которому свелись попытки разных ученых определить число человеческих рас. Их не мешает здесь привести как удивительный курьез:

Человеческих рас: одна (Верт, Лунд), две (Вирей, Мецлан, Мейнерс), три (Кювье, Жакино, Топинар, Брадлей, Гобино, Бюшинг, Далль, Клаус, Смит, Латам, Брока, Катрфаж, Лидекер), четыре (Линней, Кант, Циммерман, Лейбниц, Гексли, Карус, Ретциус, Кин, Бернье, Жофруа С. Илер), пять (Блюменбах, д'Омалиус — д'Аллуа, Окен, Гольдфус, Велькер), шесть (Бюффон, Дюмериль, Лессон), семь (Гентер, Причард, Флоуер, Нешель), восемь (Агасси, Мори), одиннадцать (Пикеринг), двенадцать (Ф. Миллер, Геккель, Герлянд), тринадцать (Деникер), пятнадцать (Бори де С. Венсен), шестнадцать (Дюмулен, Мальте-Брюн), восемнадцать (Колльман), двадцать две (Мортон), шестьдесят (Крауфорд), шестьдесят три (Берк), сто пятьдесят (Глиддон). Наконец, американская школа допускает столько видов человечества, сколько возможно вообще установить народных типов.

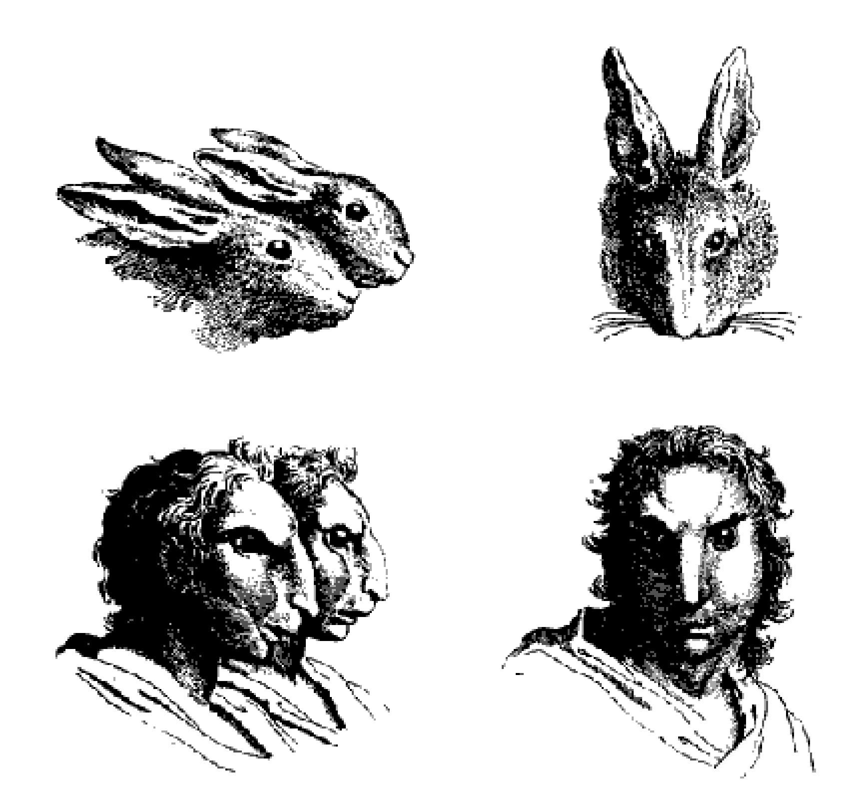
«Эти колебания, — говорит проф. Петри, — от одной расы или вида до 150 или даже до неопределенного числа, производят

удручающее впечатление; они беспощадно свидетельствуют о том, что наука в данном случае не имеет твердой почвы под ногами.

И вот естественные препятствия, мешающие разделить человечество на определенное число видов, заставили школу моногенистов признать «единство человеческого рода» т. е. принадлежность всего человечества к одному виду.

Это учение основывается на следующих признаках, которые в то же время считаются характерными для всякого зоологического вида: 1) плодовитость между всеми человеческими расами при их скрещивании; 2) сходство в строении тела у всех людей и в их духовной деятельности; 3) непрерывный ряд промежуточных последовательных ступеней между всеми разновидностями человека; 4) невозможность по какой-либо человеческой кости определить вид, которому она принадлежит.

Но здесь встречаются новые препятствия: «Животные, принадлежащие к одному виду несмотря на их индивидуальные различия, легко могут быть сгруппированы около известного типа с точно установленными признаками. Среди них мы всегда находим таких которые близко подходят к типу своего вида. У человека этого нет. Его различия физические и психические так велики, что не дают ни малейшей возможности установить какой-либо общий видовой тип». Существенное отличие человека от животных заключается в том, что изменчивость его организма колеблется в значительно более широких пределах нежели у животных. «Различие между англичанином и негром Золотого Берега, — говорил Ахелис, — так же велико, как между бурым медведем с его круглым лбом и белым с его светлой шубой и длинным плоским черепом». В психическом отношении, как мы увидим ниже, различия между крайними пределами человечества так же велики, как между млекопитающими хищниками и их растительноядными жертвами, как между львом или тигром и бараном.

Из всего приведенного видно, что наша теория имеет право на существование, так как вопрос о классификации человечества еще не решен наукой. Далее теории полигенистов и моногенистов одновременно существовать не могут, как потому, что они исключают друг друга, так и потому, что истина может быть только одна. Каждая из этих теорий, взятая в отдельности, также не имеют права на существование, так как она обладает только частью истины и каждая имеет факты, ею необъясненные. Чтобы найти истину, не остается ничего более, как взять от каждой теории только то, что в ней неопровержимо, а остальное отбросить. Но если мы это сделаем, то получается, что «человечество составляет один вид, но вид особенный, какого нет во всем остальном животном царстве. Особенность его заключается в том, что он распадается на множество групп, которые при общем сходстве обладают отличиями, принимаемыми в остальном животном царстве за видовые». Но какой же это вид?

Очевидно — гибридный, потому что он и только он один удовлетворяет всем требуемым условиям. Он — единый, потому, что

сколько бы видов питекантропа ни вошло в смесь, их потомки все связаны между собою общей им всем кровью белого дилювиального человека. Он состоит из множества групп, или пород, в которые вошли всевозможные комбинации чистокровных видов, то приближающиеся к белому человеку, то он него удаляющиеся. Самые крайние группы вида резко различаются между собою, потому что в одних преобладают черты белого человека, в других — питекантропа.

Следовательно, данные антропологии не только не отрицают наше положение, но прямо подтверждают, что человечество — вид гибридный.

5. ВОЗМОЖНА ЛИ ПЛОДОВИТАЯ ПОМЕСЬ МЕЖДУ БЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ И ПИТЕКАНТРОПОМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАКОНОВ СКРЕЩИВАНИЯ?

Возможна ли плодовитая помесь между белым человеком и питекантропом с точки зрения законов скрещивания. Что мы знаем о законах скрещивания. Наша теория не встречает с этой стороны никакого препятствия.

Выше мы привели одно из доказательств, при помощи которого моногенисты пытаются установить принадлежность всего человечества к одному виду: они ссылаются на полную плодовитость между всеми человеческими расами. Но если бы действительно вполне плодовитое потомство могло давать только пары одного и того же вида, то, на наш взгляд, смешение белого дилювиального человека с питекантропом подверглось бы сильному сомнению. Выходило бы или: что белый человек принадлежал к одному виду с питекантропом, или что он не мог с ним смешаться, как один из самых ненадежных признаков для того, чтобы судить о принадлежности живых существ к одному виду. «У наших домашних животных, — говорит Дарвин, — различные породы при взаимном скрещивании совершенно плодовиты, а между тем они произошли от двух или более видов… Мы должны или отказаться от веры во всеобщее бесплодие видов при скрещивании, или смотреть на бесплодие у животных не как на признак неизгладимый, а как на такой, который может быть устранен приручением»… «Избежать того заключения, что некоторые виды вполне плодородны при скрещивании, мы можем только тем, что станем называть разновидностями (а не видами) все формы, вполне плодовитые между собой».

Но еще яснее обрисуется перед нами этот разряд явлений, если мы познакомимся с тем, что собрал о скрещивании или гибридизме у животных известный французский антрополог Брока.

«Животные, — говорит этот автор, — ищут в любви обыкновенно себе подобных, в границах своего вида, но иногда, под давлением

сильного полового чувства, спариваются с животными других видов, в особенности близких с ними зоологически. В этом отношении самцы вообще менее колеблются в выборе, чем самки. До какого зоологического предела простирается возможность подобных связей, еще в точности неизвестно, но наблюдения доказывают, что спаривание случается иногда между очень отдаленными видами». Автор приводит целый ряд случаев, по его словам, вполне достоверных, наблюдавшихся известными естествоиспытателями, когда спаривались между собою такие отдаленные виды как бык и лошадь, собака и свинья, собака и гусь, кролик и курица, утка и петух, кошка и крыса, попугай и канарейка и т. д. Что и сам венец творения, человек, не избег такого рода противоестественных сношений, доказывается запрещением, наложенным на них в Библии. Связи между очень отдаленными видами остаются, разумеется, в большинстве случаев бесплодными, но дальность вида не всегда служит препятствием к плодовитости потомства. Так, козы и овцы значительно дальше отстоят друг от друга в системе зоологического родства, чем лошадь и осел, а между тем из сравнения полной плодовитости ублюдков от первых с бесплодием потомства у последних можно заключить, что степень близости между видами не может служить мерилом плодовитости гибридов. Для того, чтобы предсказать, будет ли потомство двух известных видов плодовито или нет, мы не имеем никаких научных данных и можем получить их только путем непосредственного опыта, так как законы скрещивания в точности неизвестны. Единственно, что можно сказать о скрещивании, это то, что гибридизм редко переступает границы между «родами».

Приблизительно такое же мнение высказал и Дарвин: «Виды, — писал он, — относящиеся к отдельным родам, скрещиваются очень редко, а относящиеся к разным семействам, никогда не скрещиваются между собою». Впрочем, параллельность эта далеко не полная, потому что множество тесно родственных видов не соединяются между собою или соединяются с большими затруднениями, тоща как другие виды, резко отличные друг от друга, скрещиваются очень легко. Трудность эта вовсе не зависит от естественного различия в сложении, а, по-видимому, исключительно от «полового сложения» скрещиваемых видов.

Таким образом утверждение наше, что современное человечество произошло от смеси белого дилювиального человека с питекантропом, не встречает препятствия с точки зрения законов

предыдущего, еще пока неизвестного.

6. СЛЕДЫ БЕЛОЙ РАСЫ ЕСТЬ ВО ВСЕМ МИРЕ

Следы белой расы есть во всем мире. Блюменбаховская классификация человека на 5 рас. Малайская и медно-красная расы отвергнуты, как смешанные. Внешние отличительные признаки трех остающихся рас. Следы в Европе признаков всех трех рас. Африка. Существование негритянского типа подвергается сомнению. Азия. Белый элемент во всех ее углах. Америка и ее белый элемент. Полинезия, Микронезия, Меланзия и Австралийский материк с той же точки зрения.

На самом деле между человеческими расами нет скачков, а существуют такие же постепенные переходы, как между нашими блондинами и шатенами, как между людьми высокого и среднего роста. А потому нет ничего удивительного, что в Европе, о которой мы привыкли думать, что она населена исключительно «белыми», у ее населения оказывается примесь желтой и черной рас, а во всех остальных частях света у цветных туземцев повсюду видны следы белой расы

Чтобы в этом убедиться, послушаем рассказы известных географов, антропологов и путешественников.

В старинных учебниках географии человечество разделялось (по Блюменбаху) на 5 главных рас: 1) Белую или кавказскую, 2) Желтую или монгольскую, 3) Черную или эфиопскую, 4) Медно-красную или американскую и 5) Коричневую или малайскую.

Но такое деление к нашему времени устарело и оставлено как несоответствующее действительности.

Прежде всего была отвергнута самостоятельность коричневой малайской расы как переходной, происшедшей от смешения белой, желтой и черной в известной пропорции. Вслед за ней такая же судьба постигла и медно-красную, американскую расу, которую немецкая и французская антропологические школы отказались считать самостоятельной на том же основании, как и малайскую, и лишь английская продолжает еще ее отстаивать. «Название краснокожие, — говорит Топинар, — придано американцам не столько по причине окраски их кожи, сколько по очень распространенному между ними обычаю красить себе волосы и кожу в красный цвет». В

действительности они представляют разнообразные оттенки от светлого у антисенов в центральных Андах до темно-оливкового у перуанцев и черного у древних калифорнийцев. Кроме того, медно-красный или коричневый цвет кожи, который считали прежде исключительной принадлежностью американцев, очень широко распространен в Полинезии, где также встречаются тона светлые, желтые и бурые. В Африке красный и желтый цвета кожи также очень обыкновенны в особенности на юге, в центре и у источников Нила. Фульбы — цвета желтого ревенного, бишари — часто цвета красного дерева. Кроме того известно, что древние египтяне рисовались на их памятниках красными. А потому старая классификация, приписывающая красный цвет исключительно индейцам, должна быть признана неудовлетворительной.

Следовательно, таких рас, в существовании которых уже никто не сомневается, остается только три: белая, желтая и черная. К этому числу приходило и прежде большинство ученых, начиная с Кювье и теперь приходят новейшие систематики.

Хотя антропологические признаки у всех рас сильно перемешаны, но некоторые из них все-таки считаются преобладающими или типичными у каждой из рас. Главнейшие из этих признаков я и собрал здесь в таблице для того, чтобы облегчить чтение дальнейшего, изложенного в этой главе.

	Белая	Желтая	Черная
Рост:	Большой	Малый	Малый
Цвет кожи:	Белый	Буровато-желтый	Черный
Ноги:	Длиннее туловища	Короче туловища	Длиннее туловища
Череп:	Длинноголовые ортогнаты	Короткоголовые прогнаты	Длинноголовые прогнаты
Волосы:	Белокурые, гладкие, тонкие, шелковистые	Черные, гладкие, прямые, жесткие	Черные, шерстообразные, курчавые
Глаза:	Большие, открытые. Прямая глазная щель.	Косо поставленные. Узкая глазная щель.	Большие, открытые. Прямая глазная щель.
Цвет глаз:	Голубой	Карий	Черный
Брови:	-	Высоко поставленные	-
Нос:	Орлиный или	Плоский,	Плоский,

	римский, прямой	широкий, приподнятый кверху	широкий, приплюснутый
Скулы:	Не выступают	Выступают	Выступают
Рот:	Небольшой	Большой	Большой
Губы:	Тонкие, малые	-	Толстые, мясистые, сильно вздутые, точно вывороченные
Подбородок:	Не выдается, острый	Выдается вперед, круглый	Отступает назад
Черты лица:	Правильные, красивые, интеллигентные	-	Зверообразные
Шея:	Длинная	-	Короткая

Европа.

Хотя мы привыкли причислять население Европы к одной белой Кавказской расе, но оно далеко не однообразно. По Деникеру, оно разделяется на шесть белых рас, причем между их внешностью и языками нет почти никакого соответствия. Из них наиболее сходство с белой дилювиальной, длинноголовой расой сохранила, так называемая, «северная». Она отличается светлым цветом кожи, волос и глаз, очень высоким ростом и длинноголовостью. Живет она на Скандинавском полуострове, в Дании, в Англии, в Голландии, в Северной Германии, в Прибалтийских губерниях России и в Финляндии.

Помесью белой расы с желтой считается раса «восточная», подкороткоголовная с прямыми светло-желтыми или льняными волосами, с квадратным лицом, вздернутым носом и голубыми или светло-серыми глазами. Эту расу находят в Пруссии, в Силезии, в Саксонии, в Литве, в Польше и в России.

Смесь белой расы с черной называется «Иберийской» или «Среднеземноморской», она длинноголова, с черными курчавыми волосами, смуглой кожей и прямым или вздернутым носом.

Наконец, три остальные расы, живущие в Южной и Средней Европе, судя по их описанию, представляют из себя смесь всех трех рас, белой, желтой и черной в различных пропорциях. Они коротко-

или среднеголовые, роста высокого или среднего, с волосами черными или каштановыми, то прямыми, то волнистыми, с глазами светло- и темно-карими или черными.

Но надо сказать, что классификация европейского населения по антропологическим признакам считается делом в высшей степени трудным и впасть в этом отношении в ошибку нет ничего легче, так как «европейские расы сильно смешанные». «Каждая этническая группа, — говорит Ранке, — есть продукт смешения и скрещивания многих рас. Нет такого племени в Европе, которое состояло бы ныне лишь из одной расы».

Африка.

В литературе очень часто называют Африку «черным материком» по цвету кожи ее жителей, но такое название, равно как и мнение, что Африка по преимуществу населена неграми, совершенно не соответствует действительности.

«Еще не так давно, — говорит Вирхов, — весь «черный материк» рассматривался в Европе как одна антропологическая единица; черная раса или негры принимались за людей одного племени. Мало помалу, однако, научаются расчленять их и определять связь между отдельными членами».

Гартман в своем сочинении о народах Африки высказывает мнение, что понятие о расовой однородности негров ложно. «Среди негров, — пишет он, — существуют такие племенные различия, что мы должны совершенно оставить обыденное мнение о негрском типе, который определяется волнистыми волосами, вздернутым носом, толстыми губами и черной кожей. Пусть подобные фигуры рисуются на лавочных вывесках, — антропология таких типов не знает». Точно так же и Пассавант предостерегает от употребления слов: «известный негрский тип», потому что эта фраза не имеет никакого значения: «Если форма негрского черепа колеблется между крайней долихоцефальностью и начинающейся брахицефальностью, если рядом с широким и плоским носом мы видим узкий и крючковатый, если цвет кожи переходит от светло-бурого до самого черного и часто являются тона желтоватые или красноватые и если, сверх того, мы встречаем два сорта волос — то нужно отказаться от претензий установить общий негрский тип».

«Известно, — говорит Вайтц, — что вся северная часть Африки,

включая и Египет, не может считаться негритянской. Жители его, берберы и копты, так же чужды неграм, как и прибывшие сюда позже арабы». Даже самая характерная черта белого человека, белокурый тип, найдена была в Тунисе, Алжире, Марокко, Сахаре и на Канарских островах. Но кроме того, белые туземцы известны на юге Африки. Вайтц указывает два центра их в Маниссе и Блидо. Происхождение этих двух народов и до сих пор темно. Одни предполагали в них потомков арабов, другие португальских золотоискателей XVI века, но ни то, ни другое еще не доказано.

Если затем от Сахары и Египта подвигаться на юг, во внутреннюю Африку, то прежде, нежели достигнем страны настоящих негров, мы должны пройти очень широкий пояс народов, которые всеми исследователями считаются переходными между черной и белой расой. Сюда относятся: абиссинцы, бежда, нубийцы, галла, массаи, вагумы, бонги и народы Борну. Такими народами населена вся нильская область от тропика Рака до экватора. Затем в Судане лежит широкий пояс соприкосновения двух небольших этнических групп хамито-семитской (белой) и негроидной. «Если мы, — говорит Ф. Ратцель, — допустим вместе с Вайтцем, что галласы, нубийцы, готтеноты, кафры, народы Конго и мадагассы (на острове Мадагаскаре) не настоящие негры, если мы также с Швейнфуртом исключим из числа их шиллуков и бонго, то мы должны будем признать, что Африка на своей периферии обитаема другими народами, а не настоящими неграми. Точно так же внутри материка, от южной его оконечности и далеко заходя за экватор, мы находим светлокожих африканцев и так называемых банту. Для негров при таком критическом отношении к ним остается полоса земли не более 10–12 градусов широты к югу от устья Сенегала к Тимбукту и оттуда до страны Сеннаар. Причем эта, значительно урезанная раса, перемешана еще со множеством представителей других рас. По Латаму настоящая страна негров простирается лишь от Сенегала до Нигера». Об остальных африканских народах говорят, что они «настолько перемешаны между собою, что о подборе настоящих негров не может быть и речи. Это было бы напрасным трудом». О внутренней Африке Швейнфурт передает, что «смешение тамошних народов беспримерно» и что «невозможно найти элементы тела, составные части которого обладают чрезвычайной подвижностью».

Что касается западных негров, между Сенегалом и Нигером, которые признаются за «настоящих», то и об их типичности мы находим в этнографической литературе отзывы весьма

неблагоприятные. «Неграм западного берега, — говорит Ф. Ратцель, — гораздо дольше, чем неграм востока, «кафрам», в обширном смысле, приписывали настоящие негрские признаки. Прежде существовало стремление какую-либо часть Африки предоставить настоящим, т. е. обезьяноподобным неграм… Но и западные африканцы давно уже не подходят на те карикатуры, какими их представляли во времена плохих этнографических изображений. Бастиан высказался почти уже 40 лет тому назад о невозможности найти условный негрский тип, что было результатом его западно-африканских исследований. Попытку установить особую западно-африканскую расу можно считать безнадежною».

Если от этих общих взглядов на черную расу мы обратились бы к описаниям африканских племен, составленных различными путешественниками, то почти у каждого народа окажутся свойства, сближающие его с белыми и отличающие от других черных. Об одном племени говорят, что у него «смягченный негрский тип» (жители Кордофана) или «негроидный» (языческие племена Дарфура, Багрими и Гаусса). О других, что у них цвет кожи не негритянский, например красно-бурый (бонго), светло-бурый (баньяны), красный и бурый (фулахи), бронзовый (ваганды), шоколадный (нямнямы и монбутто). У третьих встречаются различные оттенки кожи от самых светлых до самых темных (зулусы, кафры, баланда), или женщины светлее мужчин (туземцы над Луалабой). У пятых замечается «отклонение от негритянского типа» (овагереры, негры Западного берега) или «отсутствуют некоторые характерные признаки негров» (племя бертат). У шестых — «европейский тип лица» (кафры, балемцы). У седьмых черный цвет кожи, но «греческий профиль» (мангаджи) и т. д.

Ничего нет удивительного поэтому, что самое существование негритянского типа подвергается сомнению. Ранке говорит, что у кафров «пытаются отыскать типическое строение негра, установленное схоластически, и естественно не находят, так как подобного этнического типа вообще не существует». Исследования немецких путешественников по Африке, обладавших прекрасной анатомической подготовкой, Фритча, Гартмана, Нахтигаля, Бастиана, Фалькенштейа и многих других не могли открыть негрского типа или находили его лишь в единичных случаях.

Азия.

Известно, что вся Юго-западная Азия, включая Ост-Индию, с древнейших времен была ареною деятельности арийских и семитических, т. е. белых племен, а потому, отыскивая в Азии белый элемент, нет надобности даже и касаться этой обширной части азиатского материка. В остальной же Азии, которую мы привыкли считать населенной желтыми племенами, по словам Катрфажа, «следы смешения видны повсюду». «Если исключить, — говорит этот ученый, — собственно монголов, калмыков, якутов, несколько изолированных тюркских племен и тунгусов, то все остальные народы желтой расы представляются помесью с белыми». Однако и эта небольшая горсточка чисто желтых людей несколько поредеет, если добавить со слов Ф. Ратцеля, что у бурят, относимых обыкновенно к монголам, замечаются белокурые волосы, а волосы у калмыцких детей зачастую оказывались каштановыми.

Делая детальный обзор народов «желтой расы», приходится исключить из числа их очень крупные народные группы, которые Катрфаж прямо причисляет к белой расе. Если бы мнение этого ученого оказалось даже преувеличенным, то в примеси у этих народов белой крови сомнения быть не может. Таким образом к «белой расе» относятся и финны (вогулы и остяки), живущие в западной Сибири, чукчи (между рекою Анадырью и Ледовитым океаном), айны, населяющие остров Иессо, часть Ниппона, Сахалин, Курильские острова и острова Лиу-Киу, и, наконец, малайцы полуострова Малакки и Зондских островов.

Тюркская ветвь монгольской расы, по словам Картфажа, «путем скрещивания приближается к белой». Сравнение черепов древних обитателей Алтая, так называемых «алтайских рудокопов», привело академика Бера к признанию «тождества их с черепами скифскими». Черепа, вырытые из некоторых могил в долине верхнего Енисея, оказались длинноголовыми, а погребальные гипсовые маски напоминают европейский тип. Тюрки Туркестана в окрестностях Кульджи, а также население Кашгари и Семиречия составляют несомненную помесь белой расы с желтой. У киргизов Туркестана и у некоторых таджиков Персии Топинар указывает «белокурый тип». Самоедов, живущих на севере Сибири, Миддендорф считает «помесью финнов (т. е. белых) с монголами».

В пределах обширной Китайской Империи присутствие белого элемента также вне всякого сомнения. Во-первых, физиономии тибетцев, напоминающие цыган, казались Пржевальскому «смесью монгольских и индийских черт». Затем в западном Китае по

направлению к Тибету, у тунгусов «встречаются элементы, чуждые монгольской расе», они имеют вид «монголов смешанных с цыганами». Тоже самое можно сказать о населении Кашмира, Непала и Бутана, а также о тераях подгималайских. На юге Китая Топинар находит «белокурый тип, европейские черты лица и обильную бороду» у китайских горцев мяо-таэ и лалов. В Манджурии Клапорт, Барроу и Кастрен также нашли «белокурый европейский тип». О корейцах Катфарж сообщает, что они имеют «европейские черты лица, светлые волосы и густые бороды, напоминающие айнов». Наконец, даже и сами китайцы, кажущиеся нам наиболее типичными монголами, имеют некоторые особенности, сближающие их также с белыми. Во-первых у них в противоположность всем другим желтым, преобладает «длинноголовие», во-вторых древние китайские знаменитости — мандарины, а в том числе и Конфуций, изображаются на старинных китайских рисунках непременно с длинной и густой бородой, которая у современных китайцев почти отсутствует. «Китайский народ, — творит Деникер, — является результатом весьма сложного смешения. Уже на основании исторических документов позволительно предположить, что в состав его входят не менее пяти или шести различных элементов».

В Индо-Китае Картфаж считает жителей Лаоса «помесью желтых с индусами», а в Тонкине французские этнографы находят «белокурый тип» у народов То, Ман и Мао.

Даже в самом отдаленном северо-восточном уголке Азии, на так называемом Дальнем Востоке, не обошлось без белого элемента. Кроме чукчей, о которых уже было упомянуто, Катрфаж считает коряков и камчадалов «помесью чукчей с желтыми», а японцев признает «сильно смешанной» расой, составившейся из «белых» айнов, «белых» малайцев, желтых и негритосов. А Бельц указывает, что высшие японские классы «приближаются к европейцам сравнительно большим ростом, стройным телосложением, орлиным носом, большим ртом и проч.». Между ними, по его словам, встречаются типы «кавказские» и «европейские».

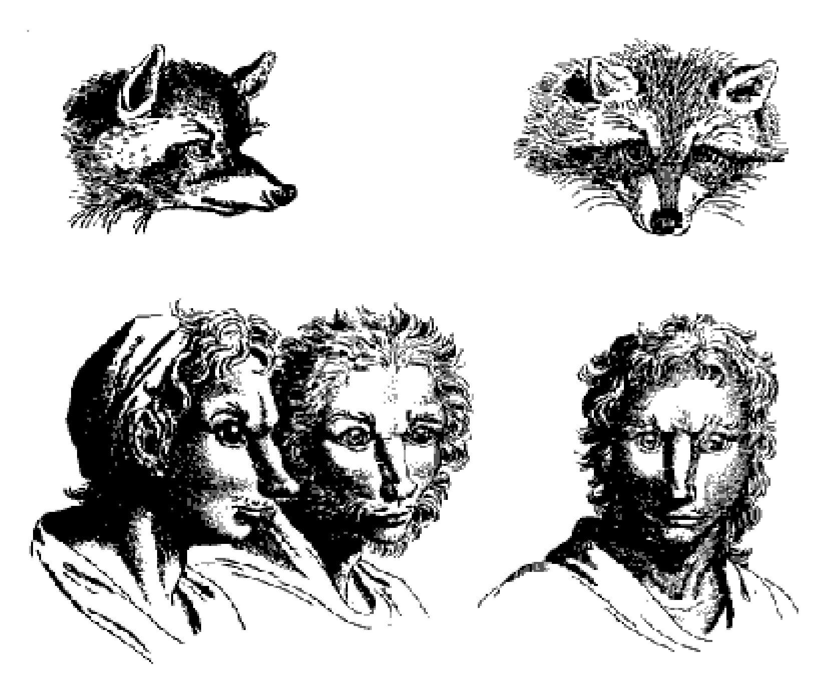
Америка.

Об американских расах мнения антропологов почти такие же, как и об африканских. Вот, например, что пишет о них Колльман: «В Америке мы не найдем ни одного народа, ни одного племени, ни

одной орды, которые бы составлялись из потомков одной и той же расы. И там также в каждой этнической целости, находим антропологическую разнородность. И там также видим смесь общин, племен и народов, но не рас. Типы социальные и этнологические затираются так, что поверхностный наблюдатель видит перед собою однородную расу. Но это — заблуждение, краниолог и антрополог укажут ему в каждой такой, якобы однородной, группе, мирно живущих рядом друг с другом представителей различных рас, которых отличительные черты не изменились многие века».

Топинар говорит об американских индейцах, что они «без сомнения происходят от бандитов, ввезенных из Европы, как бы ни была отдалена эпоха, к которой относят этот ввоз и какова бы ни была причина, приведшая их сюда». Предание такого рода существует между бороносами в чилийских Андах, у которых встречаются «голубые глаза», сопровождаемые то черными, то «светлыми или рыжими волосами», с обыкновенными чертами американских рас. Другой замечательный пример — это манданы, у которых также черные волосы, а глаза карие, «серые или голубые». Находят также «серые глаза» между атапасками, «светлые волосы» — у липанис, «цвет кожи очень светлый» между антисенами и колошами.

«Большая часть американских народов, — говорит Ш. Летурно, — очень близка к великой монгольской расе. Но надо отметить следующий любопытный факт: американский индеец тем более приближается к монгольской расе, чем южнее живет он. Так туземцы, живущие на берегах Амазонки, являются совершенным типом желтой расы. Наоборот, индеец Северной Америки, тоже принадлежащий к монгольской расе, вместе с тем приближается некоторыми своими физическими чертами к белым расам. Мы приходим к интересному выводу: Северная Америка должно быть получила контингент иммигрантов европейского происхождения, быть может даже из бассейна Средиземного моря. Несомненно, что краснокожие Северной Америки обнаруживают все черты метисов, происшедших от смеси монголов с белыми и что некоторые разновидности их, например столь любопытное племя манданов, тяготеет даже более в сторону белой расы, чем желтой».

«Многие из северо-американских индейцев, — говорит Ф. Ратцель, — безусловно выделяются примесью чуждой крови». Отличительные черты некоторых из этих народов хиваросов, нью-фаундлендцев и гайдахов принадлежат белой расе, как-то: «большой рост, стройность, малопрогнатическое лицо, правильные черты лица, интеллигентное выражение. Тонкие губы, маленькие зубы, прямолежащие глаза, изогнутый нос, светлый цвет кожи» и пр.

Первые европейские завоеватели Америки вспоминают о существовании в их время «светлолицых бородатых людей» в Канаде, по берегам Миссури и в Андах, а мексиканские хроники указывают на них в Центральной Америке. На типы «средиземноморской белой» расы указывают у антисенцев и караибов. Но многочисленнее всего «светлолицые элементы» в северо-западном углу Америки.

В Центральной и Южной Америке, особенно на Юкатане, древнейшие мексиканские барельефы изображают людей «с носами еще более горбатыми, чем у семитического типа». Такой нос образует традицию стиля мексиканских и перуанских художников. Известно также, что предания Мексики и Перу представляют основателями этих двух государств пришельцев, «белых и бородатых людей».

Из числа южно-американских народов многие исследователи выделяют людей «светлокожих, светло-бородатых, голубоглазых, великорослых», т. е. опять-таки с отличительными признаками белой

расы. Сюда относятся народы: майруна, юракары (имя которых означает «белые люди»), бороносы, манданы, антисы и пр.

Об огнеземельцах Мартин выражается: «Если бы мне пришлось высказаться определенно по поводу этого важного вопроса (происхождения огнеземельцев), то я остановился бы как на самой вероятной гипотезе, на первичном переселении их из Европы. Уже не раз допускали с большим или меньшим правом сходство послетретичной европейской, так называемой неандертальской, расы с первобытной американской».

Полинезия, Микронезия и Меланезия.

«Порода людей на островах Тихого океана,— говорит Ф. Ратцель, — была уже Форстером разделена на две главных группы: одну — более светлого цвета, хорошо сложенную, с сильной мускулатурой, достаточным ростом, другую — более черную, с кудрявыми, шерстистыми волосами, более худощавую и малорослую. Это полинезийцы и меланезийцы новейших этнографов. Их нельзя строго отделить друг от друга: там, где предполагались одни лишь члены последней группы, оказывались светлокожие и прямоволосые представители и даже целые племена другой группы». Финш изображает следующим образом обитателей порта Моресби: «Здесь находятся все видоизменения от совершенно гладких до скрученных папуасских волос, кудрявые головы, между прочим, и красновато-белокурые встречаются часто, нередки и японские, и еврейские физиономии и люди с орлиными носами, напоминающие краснокожих. То же можно сказать и об окрашивании кожи». Вообще, путешественники черты лица полинезийцев называют то «европейскими», то «еврейскими», то монгольскими. Катрфаж думает, что «полинезийцы составились из смеси трех великих рас: белой, желтой и черной». Цвет их кожи, по Вайтцу, колеблется между светло и темно-бурым с оттенком в желтый или оливково-зеленый. Замечательно, что самые светлые племена живут на экваторе. Рост варьируется так необыкновенно, что это непостоянство много раз внушало наблюдателям мысль о «сильном смешении».

Из числа полинезийцев особенно выделяются самоанцы и тонганцы своим «белым цветом кожи». Они немного темнее загорелых от солнца европейцев. Тонганцев же за их красоту называют англо-саксами Южного океана. На Новой Зеландии по

цвету кожи различаются даже три племени: одно — «белое или желтое», другое — бурое и третье — черное, негрообразное. Особенно «густой бородой» отличаются туземцы о-в Гекелау и Помоту.

Микронезийцы по цвету кожи «еще светлее» полинезийцев.

В Меланезии «наибольшим сходством с европейцами» отличаются каролинцы, туземцы о-ва Ротума и сикоянцы, исполинского роста «с совершенно европейскими лицами».

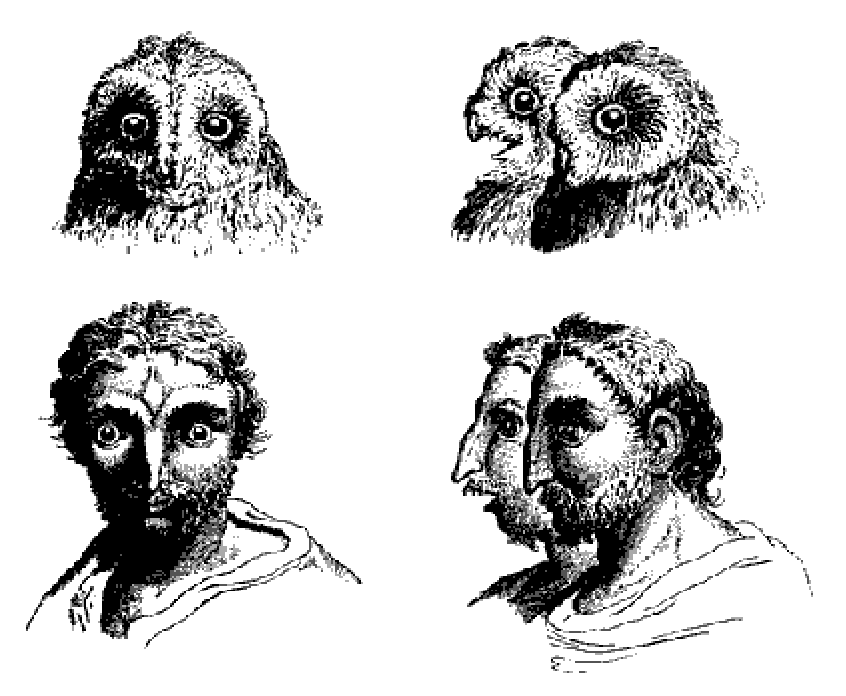
Что касается австралийца, которого считали больше животным, чем человеком, то Гексли прямо относит его к типу «европейских брюнетов». «Всюду, — замечает по этому поводу Ранке, — где мы ближе узнаем человека, он оказывается в тесном родстве с европейцами».

Таким образом мы видим, что на всем свете находятся следы примеси к разным цветным расам белой. К этому не мешает еще добавить, что в разных частях света между цветными расами попадаются предания, верования и обычаи, идущие из отдаленной древности, которые указывают, что кое-где сохранились даже воспоминания о тех древних временах, когда белая раса выступала

сильнее, чем теперь, потому что была менее смешана с расами цветными. Так, народные имена некоторых цветных племен, как фулахи и мандинго (в Африке) и юракары (в Южной Америке) означали на местных языках — «белые люди». Собственные предания вагумов (на Ниле) и зачатки истории Уганды и Уньоро показывают, что происхождение их от светлокожих людей столь же постоянны в их преданиях, как и происхождение этого народа с Севера, с Северо-Востока или с Востока. В семье властителей Уньоро господствует убеждение что их предки были наполовину белыми и что вся Африка некогда принадлежала белым. Далее, между черными народами Африки, Австралии, о-ва Тасмании, о-ва Танна, Новой Гвинеи и Новой Каледонии существовало верование, судя по его широкому распространению, очень древнее, что после смерти они обратятся в белых. Поэтому туземцы Австралии некоторых белых принимали за людей умерших ранее или за своих предков.

Любопытно, что в Конго, по словам Вайтца, идолы имеют европейскую физиономию. Особенно интересен один, найденный там деревянный идол, который имеет «выдающийся нос, маленький рот, тонкие губы и хорошо сложенный лоб», т. е. несомненные признаки белой расы.

7. ФИЗИЧЕСКОЕ СЛОЖЕНИЕ И ХАРАКТЕР КРАЙНИХ ПРЕДЕЛОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Физическое сложение, ум и характер крайних пределов человечества. Физическое сложение низших рас. Низкий рост. Слабость и кривизна ног. Слабое развитие икр. Тяжелая, переваливающаяся походка. Длинные руки. Отвислый, выдающийся живот. Худощавость. Величина головы. Чувства низших рас. Равнодушие к неприятным ощущениям. Тупость пяти внешних чувств. Слабое развитие чувства любви. Слабость полового чувства. Отсутствие стыдливости. Слабость воспроизводительной способности. Ум и характер низших рас. Ум дремлющий. Слабая память. Бедность языка. Отсутствие любознательности и любопытства. Отсутствие энергии, инициативы, предприимчивости. Равнодушие к религии. Консерватизм. Недоверие и подозрительность. Трусость и робость. Раболепие. Миролюбие. Стадность. Привязанность к месту.

Если современное человечество как помесь белого дилювиального человека с питекантропом занимает во всех отношениях середину между своими предками, то, изучая его крайние типы, мы получим понятие об этих предках, для чего должны только помнить, что, по условиям смешения, высший предел, до которого достигает современное человечество, должен стоять ниже дилювиального человека, а низший — выше питекантропа. С этой целью я и собрал здесь данные о физическом строении, об уме и характере высших и низших рас человечества. Начнем с характеристики их физического строения, как о нем сообщается в антропологической литературе.

Физическое строение низших рас.

Прежде всего я должен напомнить читателю, что чистых человеческих рас на земном шаре не существует, а есть только смешанные, в которых густо переплетены свойства белого дилювиального человека со свойствами питекантропа. Поэтому, найти такую расу, у которой были бы собраны все черты питекантропа,

немыслимо. Такой целью я и не задаюсь, а хочу только нарисовать идеального представителя низших рас, черты которого собраны от различных племен и народов, принадлежащих к так называемым «низшим расам».

Герберт Спенсер и Вирхов обращают внимание на выдающуюся низкорослость дикарей. Первый из них дает даже длинный список диких племен, отличающихся очень низким ростом. Это свойство наружности происходит, главным образом, от коротких в сравнении с туловищем ног. Ноги дикарей, кроме короткости отличаются еще тонкостью, слабым развитием икр, кривизной и слабостью. Колени их несколько согнуты, а потому способность дикарей к передвижению страдает большими недостатками. Походка их характеризуется наблюдателями как «тяжелая, переваливающаяся, при сильном махании рук». Ходят они тихо, несколько наклонившись вперед, как будто ищут потерянное. Каждый делаемый ими шаг сопровождается каким-то ковылянием». По словам Швейнфурта, один из людей племени акка, служивший у него несколько месяцев, никогда не мог донести полного блюда, не расплескав его. Эта черта, по словам Герберта Спенсера, имеет отдаленную связь с тою же отличительною особенностью у обезьян. «Редко негр стоит прямо, — говорит Карл Фохт, — обыкновенно колена его несколько согнуты и часто голени искривлены наружу».

Руки дикарей, наоборот, длинны сравнительно с туловищем, что опять таки увеличивает их сходство с обезьянами.

Верхняя часть грудной клетки плоска и сильно сужена, но расширяется внизу для поддержания громадного живота. О животе низших рас пишут, что он «висячий» или «отвислый» и «чрезвычайно выдающийся». Все брюшные железы несоразмерно велики, особенно печень и придаточные почки. Эти органы «как будто постоянно страдают венным переполнением».

Дикари худощавы, плечи их угловато выступают, лопатки и ключицы сильно выдаются. Седалищные части мало выдаются, таз сильно наклонен и ноги кажутся слегка отодвинутыми назад.

Голова слишком велика относительно туловища, что дает им сходство с карликами.

По мнению анатома и путешественника Густава Фритча, «между скелетом дикаря и европейца такая же разница, как между скелетом дикого животного и приученного того же вида». «Гармоническое развитие человека, — говорит он, — возможно, среди дикарей встречается реже, чем среди нас, по-видимому, отживших культурных

людей. Нормально развитой германец по отношению к пропорциям, к силе и полноте форм, стоит выше среднего человека, принадлежащего к племени банту. Между тем как банту относятся к самым сильным и закаленным племенам Африки».

Иные из дикарей кажутся по наружности сильными и хорошо сложенными с громадным развитием мускулатуры, но динамометр показывает, и на деле они оказываются, ниже нас по своей мускульной силе или даже просто слабосильными. В длинных, утомительных путешествиях, они быстро теряют силы и устают.

Что касается других наружных признаков низших рас, как устройство головы, черты лица, строение кожи и волос, различие по полам и пр., то о них я здесь говорить не буду, так как все это рассмотрено в различных главах моего сочинения по поводу различных более или менее важных вопросов. А теперь перейду к чувствам низших рас.

Чувства низших рас.

По словам Герберта Спенсера, у низших рас «существует сравнительное равнодушие к неприятным или мучительным ощущением или, лучше сказать, ощущения эти не имеют столь острого характера. Про разных дикарей рассказывают, что самые поразительные перемены температуры не вызывают у них никакого ощущения. Они преспокойно поправляют голыми ногами горящие уголья, погружают руки в кипящее содержимое котлов и чрезвычайно равнодушны к суровостям климата. То же самое замечается и по отношению к ощущениям, вызываемым телесными повреждениями. То спокойствие, с которым они переносят самые серьезные операции, невольно заставляет нас придти к убеждению, что причиняемые им страдания должны быть гораздо меньше тех, которые были бы вызваны при тех же условиях у людей высших типов».

По тому же поводу у Карла Фохта мы находим следующее: «Относительно тонкости чувств, негры вообще, кажется, уступают людям белой расы и вовсе не соответствуют тому мнению, по которому диким народам в естественном состоянии приписываются более острые чувства. Зрение даже обыкновенно бывает тупо. Обоняние, вкус и слух не отличаются ни особенной тонкостью, ни остротой. Осязание не особенно тонко, осязательные сосочки на концах пальцев развиты гораздо менее, чем у белых, но самое

поразительное явление относится к ощущению, к кажущейся, по крайней мере, нечувствительности негра к боли».

Чувство любви слабо развито у низших рас. Они удивительно холодны и равнодушны друг к другу. У многих из них не существует слов «любить», «любимый», «милый».

Половое чувство также слабее у низших рас, чем у высших. Дикари вовсе не проявляют нежности к женщинам в виде поцелуев, объятий и пр.

Способность, по выражению французов, «faire amour en tous temps», по-видимому, есть исключительная принадлежность высших рас, а у самых низших, наоборот, существует, как у остальных животных, периодическое спаривание раз или два раза в году. Вестермарк, много занимавшийся этим вопросом, находит остатки такого порядка вещей у калифорнийских индейцев, у туземцев западной Австралии, у дравидийских племен Ост-Индии и у многих африканских племен.

Чувство стыдливости надо также признать принадлежностью высших рас, так как у многих из низших рас его совершенно нет. Еще Геродот и Страбон указывали на тамилов и кельтов Ирландии, как на людей, совершавших любовный акт публично. Из числа же современных дикарей такое явление наблюдалось у калифорнийских индейцев, алеут, эскимосов, гуякурусов в Парагвае и гоаранисов. Другие народы выказывают тоже недостаток стыдливости в полном отсутствии одежды, как бушмены, жители Андаманских островов и др. Но из сказанного однако не следует, чтобы отсутствие стыдливости имело что-либо общее с безнравственностью. Безнравственность, немыслимая без сильного полового чувства, находится в обратном отношении к полноте костюма. Вполне одетые, то есть сравнительно более высокие племена, оказываются в то же время и наиболее безнравствеными.

Ум и характер низших рас.

Ум дикаря кажется образованному человеку как бы дремлющим. Если вы предложите ему новый вопрос, вам придется повторить ему несколько раз, пока мысль дикаря не пробудится, и при этом нужно говорить как можно выразительнее, чтобы ваша мысль была понята. Внимание его крайне неустойчиво, он не может следить даже в течение очень короткого времени за самой простой мыслью. Не

способный к напряжению мысли, он иногда даже не может ответить на самый простой вопрос словами «да» или «нет». Так, будучи спрошенными о названиях и расстояниях ближайших местностей, дикари никогда не дадут точного ответа. Если два раза спросить их, как далека какая-нибудь местность, то они дадут противоречащие друг другу показания. Краткий разговор утомляет их, в особенности если предложенные вопросы требуют напряжения мысли и памяти. Дикари перестают тогда слушать, физиономия принимает усталое выражение, они жалуются на головную боль и обнаруживают все признаки того, что неспособны более переносить эти усилия. Ум их кажется в это время как бы блуждающим. Они начинают лгать и говорить бессмыслицы.

Спис и Марцус рассказывают о бразильском индейце, что «едва лишь кто-нибудь начнет задавать ему вопросы об его языке, как он становится раздражительным, жалуется на головную боль и вообще обнаруживает все признаки того, что неспособен переносить это усилие», а Бетс говорит о тех же самых племенах, что «от них очень трудно добиться их понятий насчет предметов, требующих хотя немного отвлеченной мысли». Точно так же и Добрицгофер замечает о пионах, что «когда им не удастся понять чего нибудь с первого раза, они быстро утомляются исследованиям и догадками и восклицают: что же это наконец?».

Память дикарей так слаба, что один, например, забыл имя своей жены, с которой расстался всего три дня. Другой не помнил имен своих покойных отца и матери.

Язык низших рас соответствует их умственным способностям, он состоит из незначительного числа слов, с помощью которых нельзя описать самых обыкновенных вещей, не прибегая к самым странным перифразам. Некоторые из дикарей не в состоянии усвоить себе понятия числа. Их язык совершенно лишен выражений для чисел, и они не могут сказать: «один», «два», «три», не умеют считать даже по пальцам. Есть у них слова для обозначения всех известных растений и животных, но нет слов для общих понятий, как «дерево», «рыба», «птица» и пр., а тем более нет слов для таких отвлеченных понятий, как «правда», «заблуждение», «преступление».

У низших рас отсутствует не только любознательность, но даже простое любопытство: при виде новых предметов они остаются совершенно равнодушными и не выражают никакого удивления. Новые вещи ни на минуту не приковывают их внимания. Все развлекает их как детей, но ничто не может заинтересовать.

Когда австралийцы увидали впервые европейское судно, корабль Кука и людей, так сильно отличавшихся от них, они не выказали ни малейшего удивления. На палубе корабля их более всего заинтересовали 12 черепах, пойманных моряками. Кук передает о новозеландцах, что они «кажутся совершенно довольными ничтожными знаниями, которыми обладают, нисколько не выказывая стремления улучшить их. Они и не любопытны ни в к своих расспросах, ни в наблюдениях. Новые предметы совсем не так поражают их, как это можно предположить, и часто даже ни на одну минуту не приковывают их внимания».

По словам Кука, огнеземельцы обнаруживали совершенное равнодушие в присутствии вещей, которые были вполне новы для них. Точно так же о тасманийцах Кук рассказывает, что они ничему не удивлялись. Капитан Валлис утверждает о патагонцах, что они «проявляли самое непонятное равнодушие ко всему окружающему их на корабле, даже зеркало не возбуждало в них никакого изумления, хотя очень забавляло их». Двое из веддахов «не выказали ни малейшего удивления по отношению к зеркалу». А о самоедах мы читаем у Пинкертона, что «ничто не вызывало у них удивления, кроме зеркала, да и то лишь на одно мгновение». Берчель замечает по этому поводу о бушменах: «Я показывал им зеркало, при этом они смеялись и глазели в него с тупым удивлением, что они видят свои собственные лица, но они не выразили ни малейшей любознательности по этому поводу».

В человеке низшей расы нет ни энергии, ни инициатив, ни предприимчивости, ни чувства, ни радости, ни надежды. Ничто духовное для него не существует. Все подчеркнуто мраком ночи, поэтому он бесстрастно смотрит на все явления жизни и природы и проявляет какое-то скотское равнодушие ко всему на свете за исключением еды. Настоящая минута для них все. Заглядывать в будущее они не способны, потому что мысль о будущем — это уже отвлеченная мысль. Отсюда у низших рас нет никакой предусмотрительности. Если им повезет на охоте, то они без всякой необходимости убивают сотни животных. Утром отдают ту же вещь за бесценок, которую накануне вечером не соглашались продать ни за какую цену. Отдают запасы пищи в обмен на блестящие безделушки, а через несколько времени платят невозможные цены за свой же товар. Они повторяют это из года в год и урок прошлого не служит им на пользу.

Но если даже мысль о будущем не приходит в голову самого

низшего дикаря, то у него не может быть никаких религиозных потребностей, а потому миссионеры и путешественники указывают несколько народов, у которых они не нашли никакой религии. Сюда относится несколько эскимосских племен, некоторые племена Бразилии и Парагвая, некоторые из полинезийцев, андаманцы, некоторые дикие племена Индостана и Восточной Африки, готтентоты и дикие бедуины.

Но не только самые низшие расы, а даже и несколько более высокие племена, как кафры, обнаруживают полное равнодушие к религии. Они поднимают на смех проповедников и шутят над бессмертием души. Для них смерть — лишь уничтожение, а высшее блаженство — изобильная пища.

Неподвижностью мозга у низших рас объясняется и их поразительный консерватизм, благодаря которому верования, обряды и обычаи уцелели у них в течение многих тысячелетий. Уже древние поражались консерватизмом некоторых современных им народов. Так Геродот, передавая об одном народе, писал: «По крайней мере более 2000 лет, а может быть еще гораздо дольше, эти люди живут все также, как и жили. Они и теперь настолько же богаты и бедны, как были тысячелетия тому назад. Они ничего не прибавили к тому, чем обладали в те времена. История каждого поколения была та же, что и предыдущих». «Первобытный человек, — говорит Герберт Спенсер, — консервативен до чрезвычайной степени. Даже из сравнения высших рас между собой, и из сравнения друг с другом различных классов того же самого общества, можно заметить, что наименее развитые выказывают наиболее отвращения ко всякой перемене. Какой-нибудь улучшенный метод прививается к простонародью с большим трудом и даже всякий новый род пищи встречается обыкновенно неприязненно. Нецивилизованный человек отличается этим качеством еще в большей степени. Его более простая нервная система, теряющая ранее свою пластичность, оказывается еще менее способною подчинятся перемене. Отсюда его бессознательная и сознательная преданность тому, что уже раз установилось». «Так как это было хорошо для моего отца, то оно хорошо и для меня», — говорят все нецивилизованные люди. Ко всякой самой ничтожной перемене они выказывают отвращение и постоянно противятся всякому нововведению и улучшению в их быте. Поэтому обычаи их остаются неизменными. Жилища их так же постоянны, как гнезда птиц, каждое племя, подобно отдаленным видам птиц, имеет в этом отношении свои постоянные особенности.

Одежда и покрой ее не подвергается влиянию моды до малейшей пуговицы или складки, каймы или обшивки.

Из числа прочих нравственных качеств низших рас надо упомянуть об их осторожности, недоверии, подозрительности и скрытности. Все эти свойства, конечно, отнюдь не свидетельствуют об их высоте, так как известно, что животные, плохо защищенные в борьбе за существование, как например, зайцы или овцы, наделены этими свойствами в высшей степени и без них погибли бы в борьбе за существование.

Очень близко к осторожности стоят еще два порока низших рас: трусость и робость. Вот для примера рассказ, ярко рисующий эти два порока у лопарей. Раз, один русский чиновник, объезжавший лопарские погосты по делам службы, в досаде на одного лопаря за то, что тот нечаянно опрокинул чайник, потаскал его за волосы. Лопарь ударился в слезы, а за ним и вся его семья. Перепуганный бедняк долго не мог успокоиться, воображая, что он совершил страшное преступление и, уже наказанный не в меру за свою неловкость,

спрашивал сквозь слезы, что ему за то будет. Своих ближайших властей лопари боятся чуть ли не более высших, они сами говорят, что для них рассыльный — бог. И о вотяках: «Одна из выдающихся черт в характере вотяков, — говорит гр. Верещагин, — необыкновенная робость. Замахнись на здешнего вотяка, ради шутки русский, и вотяк в момент встанет в тупик и чуть не задрожит».

Замечательно, что некоторые из низших рас робкие от природы, но унаследовавшие от своих отдаленных предков обычай войны и грабежа, проделывают все это, но в очень курьезном виде. По описанию миссионеров и путешественников, война между такими дикарями ведется только для того, чтобы обманывать друг друга. Сражаются они легким оружием и очень неохотно, единственно для изображения стыда вернуться домой ни с чем. Для решения победы достаточно бывает двух-трех убитых или раненых и сражение кончается. Страх одолевает этими людьми при виде крови, они, так сказать, боятся обагрить ею поле сражения, а потому тотчас же разбегаются в разные стороны, после чего наступают переговоры. Подобные же трусливые народы, занимаясь грабежом, стараются прежде всего напасть на людей таких же трусливых как они сами, проделывают это воровски, внезапно, врасплох, но при малейшем отпоре обращаются в бегство, бросая все, что могло бы их задержать.

Некоторые из низших рас кроме трусости обнаруживают рабское подобострастие к тем, кто сурово обращается с ними и презирают тех, кто обращается с ними мягко. Они лишены всякой независимости и не только не избегают рабства, но ищут его. Раболепное почтение к высшим и страх — у них самые сильные чувства.

Дамары, по словам Дальтона, «добиваются попасть в рабство» и «следуют за господином, как болонка». Подобные явления встречаются и у других южных африканцев. Один из них говорил европейцу: «Какой же вы господин; я у вас был два года и вы меня ни разу не побили?».

Стадность обнаруживается между прочим и в страхе низших рас перед общественным мнением своего села или племени, перед неудовольствием или насмешками товарищей. Этот страх так силен, что вполне управляет поведением человека и заставляет его неукоснительно следовать предписаниям местных обычаев, как бы они ни были бессмысленны или жестоки.

Из числа пороков, в которых упрекают низшие расы, на первом месте должна быть поставлена ложь, которая местами возводится в добродетель. Человек, способный лгать так, что ему верят, считается

человеком ловким и пользуется всеобщим уважением. Затем в числе пороков указываются: лицемерие, непостоянство, неверность данному слову, обман, хитрость, алчность, беспечность, лень и склонность к праздности.

Сходство низших рас с животными травоядными обнаруживается между прочим в том, что они крепко привязаны к известному уголку земли. Дикарь, по словам Дарвина, так же восприимчив к значительным климатическим и другим изменениям, как его ближайшие родичи человекообразные обезьяны, которые, будучи увезены со своей родины, как известно, никогда долго не выживали. «Удивительное дело, — говорит один путешественник, — как мало дикий человек удаляется от своего места рождения. Я знал черных, которые хотя уродились в расстоянии 3 немецких миль от берега моря, никогда его не видали».

Все собранные здесь наблюдения над характером дикарей и людей нецивилизованных не составляют какой-либо новости, они хорошо известны людям науки, и многие из этих последних пришли даже к очень печальным выводам относительно положения дикарей в человеческом обществе и их будущности.

Нельзя, говорит Дарвин, назвать ничтожной разницу в умственном развитии варвара, который, по описанию мореплавателя Байрона, бросил своего ребенка о скалу за то, что тот уронил корзинку с морскими ежами, и таких людей, как Говард или Кларксон; или разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром.

«У этих племен, — говорит Герберт Спенсер, — мысли, ограниченные в своем течении узкими, прочно установленными путями, не имеют той свободы, которая требуется для вступления в новые комбинации и для порождения таким образом новых способов действия и новых форм промышленности. Первобытным людям не следует приписывать даже той изобретательности, на которую, по-видимому, указывают их простые орудия».

По утверждению Нота и Глиддона, готтентоты и особенно бушмены нравственно и физически только немного отличаются от орангутанга и не дальше от него, чем европеец от них самих. Африка южнее 10 градуса обитаема только людьми, ум которых темен, как их кожа, и строение их черепа делает утопической мечтой всякую надежду на их будущее улучшение.

Вайтц, описывая характер дикарей, заключает: «следовательно,

мнение некоторых ученых, что умственная жизнь низших рас стоит не выше обезьян, а сердечная не выше жизни хищного животного, до некоторой степени справедливо».

«Я считаю, — говорит он, — поэтическим заблуждением приписывать первобытному человеку стремление, непреодолимое страстное стремление к моральному и интеллектуальному развитию. Напротив, вследствие ли лени или силы привычки, он предпочитает оставаться в своем прежнем состоянии; он вряд ли решится по собственному почину, без внешнего принуждения, взяться за тяжелую работу цивилизации. Ведь точно так же низшие классы общества, предоставленные самим себе, не предпринимают ничего подобного, пока им живется хотя бы сколько-нибудь сносно в материальном отношении, и это несмотря на то, что они постоянно имеют перед глазами примеры высшего развития. Не будь это так, оставался бы совершенно непонятным чрезвычайно медленный ход прогресса в человечестве, взятом во всем его целом».

8. ЧЕЛОВЕК — ХИЩНИК

Человек-хищник. Горцы Европы. Их высокий рост. Мускулистость. Тонкое строение оконечностей. Правильный овал лица. Быстрота и мягкость движений. Решительная и твердая походка. Свободолюбие. Умственные способности. Чувствительность. Склонность к увлечениям. Добродушие. Честность и верность данному слову. Собственное достоинство. Сладострастие. Мстительность. Воинственные наклонности. Характер горцев встречается и у жителей равнин.

Для контраста с низшими расами, этими людьми-овцами, мы можем привести описание другого крайнего типа человечества, людей-хищников, образцом которых в наше время могут служить горцы Европы и Азии.

Известно, что горцы отличаются от равнинных жителей высоким ростом, хорошим сложением, красотой, сильным характером, воинственностью и любовью к свободе. Последнее и дало повод Монтескье высказать мнение, что «в плодородных обширных местностях, в которых человек не умеет ничего отстоять от сильного и подчиняется ему, — находится главный очаг деспотизма, тогда как гористые полосы производят сильное, независимое, гордое своей свободой поколение». Факт этот не подлежит сомнению, но вопрос в том, как его понимать.

Некоторые антропологи думают, что горы своими исключительными условиями буквально вырабатывают известный тип людей. Постоянная ходьба по горам, по мнению Ранке, увеличивает рост человека, а борьба с суровой природой, по мнению других, закаляет характер. Но мне кажется такое объяснение натяжкой. Если бы тип горца действительно вырабатывался горами, то повсюду, в горах всего мира, тип этот был бы совершенно одинаковым. Но на самом деле это совсем не так. Во-первых, в горах каждой части света народ по цвету кожи приближается к той расе, среди которой он живет. В Африке он черный, в Азии — желтый, в Америке — медно-красный: в Европе — белый.

Во-вторых, у того же Ранке мы находим: «При известных условиях жизнь в горах задерживает развитие величины тела. Причины, которые во многих горных местностях приводят к развитию кретинизма часто действуют и на некретинов тех же областей, отчасти

путем задерживания роста».

В-третьих, оказывается, что горцы отличаются высоким ростом и воинственным характером не только в Европе, но даже и в Азии они далеко не все воинственны. Так, например, туземцы в горах полуострова Малакки, оранг-унон, по словам Вайтца, «трусливый народ, которому грабеж неизвестен». То же самое можно сказать и об Африке: о горных дамарах в германских владениях сообщают, что этот народ во всех отношениях стоит ниже своих равнинных сородичей. «Язык их несколько грубее готтентотского, а по цвету кожи они чернее остальных дамаров». Наконец, Альсид Д'Орбиньи, который занимался исследованием в антропологическом отношении Южной Америки, находил «наименьший рост» у обитателей тамошних гористых местностей и даже приписал это «влиянию разреженного воздуха».

Высказывать свое мнение о причинах воинственности, свободолюбия, силы, красоты и крупного роста горцев мы теперь не будем, потому что это видно будет из нашего дальнейшего изложения, мы мимоходом только указали на скороспелость выводов некоторых антропологов, приводящую их же самих к противоречию с самими собой. Если мы взяли здесь горцев за образец высшего типа человечества, то это потому, что только в описаниях горцев нашли в этнографической литературе наиболее тщательную и подробную характеристику этого типа.

Чтобы дать наиболее полный тип человека-хищника мы повторили тот же прием, что и для низших рас, т. е. сложили в одно место все, что нашли в литературе о разных горцах Европы и Азии.

Горцев европейских описывают людьми высокого роста, мускулистых, крепких, с выпуклой грудью и стройным станом. Отличительная черта их тонкое строение оконечностей: очень малые по росту кисти рук, длинные и костлявые и маленькие стопы. Лицо горцев продолговато, но без углов, правильное, с правильными чертами и с прямым римским носом. Правильность черт кавказских горцев настолько известна, что даже всю белую расу назвали «кавказской». Горцы очень подвижны. Их движения мягки и быстры; в них есть что-то гордое и благородное: походка решительная и твердая. Они хорошие стрелки и отличные пешеходы в отношении дальности и скорости переходов.

Г. Евгений Марков в своих «Очерках Кавказа», сравнивая кавказских горцев с русским простонародьем, так описывает их наружность: «Когда смотришь в одно время на лезгина и на нашего

брата Вахлака русского, то русский производит впечатление неуклюжего травоядного животного рядом со статным и смелым хищником. У лезгина пестрота наряда какой-нибудь пантеры или барса, грация и гибкость его движений, его страшная сила, воплощенная в изящные, стальные формы. Это поистине зверь, отлично оснащенный всяким боевым оружием, острыми когтями, могучими зубами, прыгающий как резина, как резина увертливый, уносящийся с быстротою молнии, с быстротою молнии настигающий и разящий, мгновенно загорающийся такою злобою и гневом, какими никогда не в силах одушевиться травоядный вол».

Горцы живут малыми племенами или кланами. Каждое племя — независимое государство и враг всех остальных. Между ними ведутся вечные распри, вечная война, вечные убийства и беспрерывные насилия. Грабеж и воровство очень часто совершаются даже не с корыстной целью, а для отличия своей удалью и ловкостью. Удавшееся воровство было прежде доказательством зрелости: девушки неохотно выходили замуж за молодых людей, не совершивших кражи.

Горцы никого не пропускают через свои горы. К жителям равнин относятся с величайшим презрением и очень часто выделяют из своей среды шайки разбойников, которые опустошают окрестности. Иные из них воевали в войсках иностранных государств в качестве наемных солдат; и даже, как швейцарцы, составляли себе из этого специальность.

В политическом отношении многие горцы сохраняют и до сих пор свою независимость и энергично отстаивают ее от всяких покушений. Слабые государства, как Турция, не в состоянии овладеть их горами в течение многих столетий и только постоянным содержанием военных команд или натравливанием горцев друг против друга спасаются от вреда, наносимого ими мирным обывателям. Но, даже и овладев горами, государства долго борются, прежде чем их разоружат, так как горцы питают страсть к оружию, а все занятия, кроме войны и грабежа, считают ниже своего достоинства.

Они сильно привязаны к своей родине, большие патриоты, зачастую считают себя народом, избранным самим Богом, верят в свою широкую будущность и уважают только храбрых.

Горцам приписывают большие умственные способности, сметливость, рассудительность, живость и тонкость ума, остроумие, дальновидность, энергию и предприимчивость. Они красноречивы и часто бывают очень искусными дипломатами. Если обстоятельства их

заставят, то они преуспевают и в мирных занятиях, причем проявляют способность к торговле, к разным ремеслам и даже к механике. Они любопытны, обладают пылким воображением, врожденным чувством изящного и поэтическим чувством. Они чувствительны, впечатлительны, склонны к увлечениям и неудержимым порывам. В отношениях к другим горцы добродушны, приветливы, быстры на знакомство, честны, верны данному слову, отличаются благородными, рыцарскими качествами и хлебосольны до расточительности. Горцы полны сознанием собственного достоинства, скромны, презирают хвастовство. В компании они необыкновенно веселы и когда разойдутся, то, как говорится, все суставы у них заходят. В половом отношении горцы сладострастны, иногда отличаются волокитством и разнузданностью нравов.

Если горца раздражить, что очень легко при его вспыльчивости, то он выходит из себя и не успокоится до тех пор, пока не выместит на ком-нибудь свой гнев. При своих ссорах горцы тотчас же бросаются друг на друга с оружием в руках и тогда становятся жестоки, кровожадны и не останавливаются ни перед каким самым ужасным преступлением. Они злопамятны и мстительны. Кровавая месть не только оскорбителю, но всему его роду, считается самой священной обязанностью и бывает одной из главных причин вечных раздоров между ними. Целые роды вымирали, целые столетия совершались зверства из-за какого-нибудь пустого недоразумения.

Горцы воинственны, на войне храбры, мужественны и так любят свободу, что предпочитают лучше умереть, чем попасться в плен. Но они так горды, что согласятся скорее умереть в неволе, чем дозволят обменять себя на пленную неприятельскую девушку.

Как видно из этого описания, современные горцы не представляют собою чего-нибудь особенно оригинального, чего бы мы не могли найти на равнинах и что заставило бы нас искать в горах каких-то необыкновенных условий, которые могли выработать необыкновенную породу людей. Достаточно припомнить древнюю историю, чтобы убедиться, что в хорошо известных условиях жители равнин нисколько не уступают в воинственности и свободолюбии горцам, я приведу здесь выписку о древних германцах и современных фризах:

> *«Воинственный кровавый пыл, запечатленный религиозностью, проявлялся у германцев уже в первых столкновениях с Римом. Их три божества, свойства которых с*

трудом поддаются определению, имеют тот обширный характер, что все они боги войны и насилия. Это кровавое тройственное божество. Им объясняется верование в загробную жизнь, предназначенную для воинов и убийц в диком замке Валгаллы, где вечные битвы сменяются вечными пирами. Эти неистовые борцы, опоясанные железным кольцом в течение всей своей жизни и образующие всегда первый ряд в битве, с лицами никогда не смягчающимися даже в мирное время, одержимы неистовой страстью убийства и разрушения. Умереть для них — значит возвратиться к Одину, в Валгаллу, на войну».

Фризы принадлежали к древнему германскому племени и еще до Р. Х. отличались замечательною храбростью. Первоначальные обитатели соседних стран всегда с завистью и уважением относились к смелым, самостоятельным и свободным фризам. «Старательно избегая смешиваться с соседями», фризы до сих пор сохранили свой оригинальный характер. Еще и теперь, когда вы встретитесь в Фрисландии с мужчиною и спросите его, к какой нации он принадлежит, он не ответит вам «я фриз», но непременно прибавит: «я свободный фриз». Хотя графы голландские и епископы утрехстские несколько раз старались покорить их, это единственный народ в Европе, сумевший во время владычества германских императоров остаться свободным от ленной зависимости. Хотя народ этот чрезвычайно прямодушен, но в гневе он становится подобен дикому зверю: глаза его расширяются и блестят диким огнем, ноздри раздуваются, волосы в беспорядке падают на шею. Человека, с которым фриз за минуту говорил спокойно и дружелюбно, он готов задушить собственными руками за какое-нибудь ничтожное, неприятное для него слово или даже намек. Фриза можно узнать по его твердой походке и по открытому выражению его лица. Мужчины всегда довольны и веселы, с живою речью на устах, с оживленною мимикой и быстрыми движениями.

Но и помимо фризов люди того же самого типа встречаются даже в наше время среди мирных народов, но только мы не замечаем их, во-первых, потому, что видим их в другой обстановке, а во-вторых, потому, что они заброшены в одиночку среди массы людей совершенно других типов.

9. СХОДСТВО КРАЙНИХ ТИПОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА С ЖИВОТНЫМИ РАСТИТЕЛЬНОЯДНЫМИ И ХИЩНИКАМИ

Сходство крайних типов человечества с животным и растительноядными хищниками. Сходство низших рас по их характеру с овцами. Сходство людей-хищников с хищниками животного царства.

Итак, перед нами совершенно отчетливо обрисовались два крайних типа человечества. Низший из них чрезвычайно напоминает животных растительноядных, живущих большими стадами, как коровы, овцы и некоторые из обезьян. Выдающиеся челюсти и объемистый желудок указывают на приспособленность их к растительной пище, которой действительно и придерживается большинство низших рас. Чувства их слабы, а ум неподвижен. Непредусмотрительность, трусость и стадное чувство — все это черты животных травоядных. Такие существа не способны вести активную борьбу, они могут быть только жертвами. Их единственная защита — стадо.

Невольно напрашивается сравнение с тем, что сообщено выше о низших расах человечества, следующая выписка из учебника зоологии. «Домашние бараны представляют из себя глуповатых созданий. Бесхарактерность этого животного выражается во всем его образе жизни и привычках. Сильнейший баран трусливо отступает перед самой маленькой собачкой; самое безобидное животное может навести страх на целое стадо: вся толпа следует слепо за своим вожаком. Никакое животное нельзя обуздать с такой легкостью, как домашнего барана… он, по-видимому, радуется, когда какое-либо другое создание снимает с него бремя забот о собственном благе. Нет ничего удивительного, что такие животные всегда добродушны, кротки, миролюбивы и беспечны» (А. Брэм).

Высший тип человечества — прямая противоположность низшему; он сильно напоминает хищников животного царства.

Как ни различаются эти последние между собой в разных классах животных, но по их сложению, по характеру, образу жизни,

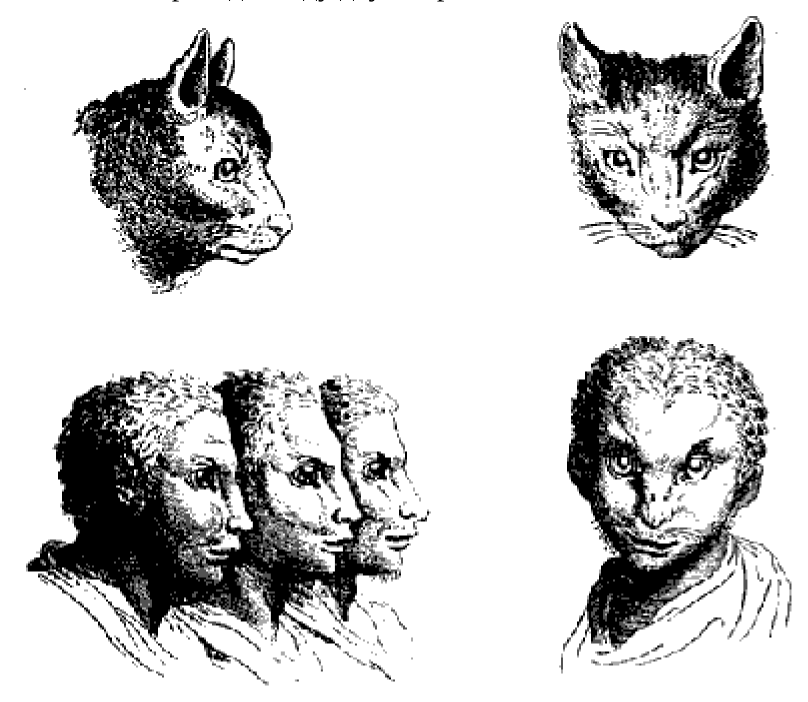
отношению к себе подобным и пр., они несомненно имеют некоторые общие черты, вытекающие из одинаковых условий жизни. Они должны быть как в физическом, так и в умственном отношении выше растительноядных животных своего класса, которыми питаются. По словам зоологов, хищники «сильнее, ловчее, подвижнее и грациознее своих жертв, обладают более сильным умом, более развитой нервной системой, большей силой воли, решительностью, отвагой, предприимчивостью, предусмотрительностью, бате живым и горячим темпераментом». Все эти свойства необходимы хищнику, потому что, не имея которого либо из них, он непременно умер бы с голоду. Кроме того, хищники должны быть более или менее индивидуальны, самостоятельны и иметь собственную инициативу, так как им очень часто приходится действовать в одиночку. Жизнь большими обществами, жизнь стадная для них менее необходима, чем для травоядных. Вот почему истый хищник нередко бывает животным антиобщественным.

Хищники по природе своей свободолюбивы. Хотя эти животные

очень способны к дрессировке, но человеку удалось приручить к себе только два вида хищников и притом не самых крупных, собаку и кошку, тогда как из растительноядных он приручил: слона, верблюда, лошадь, корову, осла, оленя, ламу, козу, овцу и свинью, т. е. 10 видов. Это обстоятельство именно и указывает на свободолюбие хищников. Некоторые из них, по словам зоологов, отличаются особенной необузданностью. Так, например, о носухе (nasua rufa) пишут, что «она никогда не подчиняется воле человека и тотчас же приходит в ярость, коль скоро на нее налагают какую-либо узду. Ее не укрощают даже побои, при которых она только пуще защищается, кусая как своего сторожа, так и всякого постороннего».

Если принять теперь, что высший тип современного человечества все-таки ниже белого дилювиального человека, а низший — выше питекантропа, то можно себе представить от смешения двух каких противоположностей произошли мы. В отдельных экземплярах человеческого рода черты обоих типов перемешаны в самых невероятных комбинациях, а в общем он представляет собою постепенный переход между двумя крайностями.

10. МНЕНИЯ УЧЕНЫХ О ДВУХ КРАЙНИХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Мнения ученых о двух крайних разновидностях человеческого рода. Раса активная и пассивная. Расы: дневная, ночная и сумеречная. Антропо-социологическая школа. Долгоголовый блондин и короткоголовый брюнет. Невозможность классификации человечества по небольшому количеству признаков долгоголовца.

Факт резкой противоположности между двумя крайними типами человечества, которым я посвятил предыдущие главы, уже давно обращал на себя внимание мыслителей. Многие пытались воспользоваться им для классификации человечества. «Пейру де ля Кудреньер, — говорит Вайтц, — кажется был первым, установившим теорию, что одна только умственно-активная белая раса наделена от природы потребностью знания и развития». Все высокие культуры других рас, по мнению Пейру, обязаны своим существованием колониям белых, к ним пришедших. Из числа его последователей между немцами Вайтц упоминает Клемма и Вутке, принимающих ясное различие между высшими и низшими человеческими расами. Одну из этих половин человечества Клемм называл «активной или мужской», а другую — «пассивной или женской». «Первая, — говорит он, — гораздо малочисленнее второй. Она отличается в духовном отношении сильной волей, стремлением к господству и свободе, в ней живет неутомимая жажда деятельности, стремление вперед, в далекую ширь, скептицизм, энергия и любознательность». К активному человечеству Клемм причислял: персов, арабов, греков, римлян и германцев. «Эти люди, — по его словам, — переселяются из одной страны в другую, низвергают старые империи, основывают новые, это — смелые мореплаватели, они живут в свободном строе, зиждущемся на безустанном прогрессе; знания и мышление заступают у них место слепой веры. У них преуспевают науки и искусства». К пассивным народам Клемм причислял: египтян, китайцев, японцев, мексиканцев и др.

Те же факты привели и Латама к его оригинальной классификации человечества на людей «дневных» — кавказская раса, «ночных» — негры и «сумеречных» — все остальные. Но последнее слово науки,

основанное на том же ряде фактов, дает новая теория антропосоциологической школы, классифицирующая человечество по антропологическим данным и, главным образом, по данным измерения черепа. Эта теория, кажется нам, подошла ближе всего к истине, жаль только, что она прилагается почти исключительно к европейскому населению.

Это последнее, по мнению теории, образовалось из смеси нескольких антропологических типов, из которых нужно обратить наибольшее внимание на два: долихоцефалов, высокорослых блондинов, и брахицефалов, низкорослых брюнетов. Такому физическому различию соответствует и психически эмоциональное. Долгоголовые блондины одарены сильной волей, способностью инициативы и богатством воображения. Это элемент авантюристичный, находящий наслаждение в самой борьбе и в достижении чего-либо. Длинноголовец уже издали видит свои интересы, равно как интересы своей нации и расы, которая рано или поздно будет бесспорным властелином земли, и его безграничная отвага, его могучая сила воли и сознание единства его расы дают ему величайшие права на успех.

Между тем, брюнет короткоголовец — человек пассивный, осторожный и практический. У него недостаток способности комбинирования идей и вообще элементов разума и критицизма. У него нет инициативы. Чувствительность в нем преобладает, но узкая, тесная. Отважный в необходимости, он не любит войны. Его цели узки и он терпеливо трудится над их осуществлением. Он очень недоверчив, но его легко провести словами, смысл которых он не старается исследовать. Он человек традиции и здравого обыденного рассудка. Прогресс кажется ему ненужным, он обожает равномерность во всем. Он понимает и оберегает выгоду своей семьи и ближайших соседей, но граница его отечества нередко слишком обширна для его взгляда. Если он образует помесь с длинноголовым, то в его потомстве возрастает себялюбие, вследствие сильного индивидуализма, присущего длинноголовцу, а семейное чувство и расовое сознание ослабляются.

Вследствие этого различия в психической природе обеих рас и самое поведение их в истории должно быть различным. И действительно, длинноголовый — индивидуалист в истории, он выделяет не массы, а одиночек. Он не сидит в углу, а везде, по всему земному шару, ищет лучших условий быта. От государства он прежде всего требует уважения к своему «я» и стремится лучше подняться до

известного положения, чем понизить его из зависти. Прогресс является для него необходимой потребностью. Что же касается короткоголовца, то он высказывает стадные инстинкты и в исторической борьбе теряет свою индивидуальность. Вместо единичных личностей у короткоголовца выступают массы. Короткоголовец готов лучше подвести все под один уровень, чем самому подняться. В политике он ставит над личной инициативой государственную опеку. Короткоголовец проявляет сильную привязанность к месту рождения и не любит передвигаться на неизвестное. Характер обеих рас проявляется особенно резко в области религии. Длинноголовые: Англия, Скандинавия и северная Германия являются местопребыванием протестантизма, между тем как католицизм связан с короткоголовой расой Франции, южной Германии и западных славян.

Почти все великие люди принадлежали к светловолосой длинноголовой расе, как бы различны они ни были по своей национальности. «Я нисколько не удивился бы, — говорит Ляпуж один из главных представителей антропо-социологической школы, — если бы просвещение, происшедшее от других рас, оказалось необходимым приписать присутствию в их вялой массе белокурого длинноголового элемента, затерявшегося во тьме веков». Светловолосая длинноголовая раса дала из себя, по-видимому, руководящие классы в Египте, Халдее, Ассирии. Это почти доказано для Персии и Индии и возможно даже для древнего Китая. Роль этой расы во всяком случае вполне проявилась в греко-римской цивилизации, а в наше время ранг отдельных наций почти строго пропорционален количеству длинноголовых блондинов в их руководящих классах.

Как видят читатели, теория антропо-социологической школы во многом сходится с нашей, хотя выходит из совершенно различных оснований. Она рисует перед нами два человеческих типа, из которых длинноголовец очевидно имеет большую, а короткоголовец — меньшую примесь крови белого дилювиального человека.

Такие исследования несомненно представляют огромный интерес и обогатят науку множеством ценных открытий. Но школа, о которой мы говорим, создавши свою теорию, по-видимому хочет приложить ее к практике человеческой жизни. Она определяет процент длинноголовых голубоглазых блондинов у различных человеческих групп (пока еще исключительно в Европе), вероятно, с целью поставить на научную почву искусственный отбор среди

человечества. С точки зрения нашей теории, это значит отыскивать при помощи антропологических измерений, в каких человеческих группах сохранилось всего более примеси белого дилювиального человека. Совершенно справедливо ожидать, что в тех группах, где более высокого ума, энергии, порядка и богатства, но к сожалению прошло уже много времени с тех пор, как совершилось падение белого человека, и смешение его с питекантропами зашло слишком далеко. Признаки белой расы так странно и причудливо переплелись с признаками питекантропа, что характеризовать не только отдельного человека, но даже целый народ по одному или немногим признакам белого дилювиального человека очень трудно.

Так, например, высокий рост и длинная голова — несомненные признаки высшей расы. Но противники антропо-социологической школы совершенно справедливо указывают на Наполеона и на некоторых других заведомо великих людей, у которых был малый рост, короткая голова и черные волосы. Правда, что таких примеров они не могут привести много, но достаточно и одного, чтобы правило не было абсолютным, чтобы к нему отнеслись с недоверием. Подобным же образом антропо-социологическая школа при своих исследованиях заметила, что городские жители и высшие классы среднеевропейского населения имеет более длинную голову, более высокий рост и более светлые волосы, чем сельские. Но сейчас же нашлось множество исключений из этого правила в разных местностях Европы. В Италии и Испании сельские жители длинноголовее городских. В Англии длина головы у сельских и городских жителей одинакова. В Дании сельские жители выше ростом, чем городские и т. д.

Если бы попытаться, вместе с вышеупомянутой школой, взявши какой-либо из признаков белой расы, применить его к сравнению между собою всех человеческих рас, то сортировка их оказалась бы еще менее совершенной. Действительно, какой бы из признаков белой расы мы ни взяли, сейчас же окажется, что существуют народы, очень низко стоящие во всех других отношениях, у которых есть взятый нами признак. Особенно неудачным признаком было бы длинноголовие у всех черных, не исключая папуасов, а из желтых — у китайцев и эскимосов. Подобным же образом высокий рост мы нашли бы у патагонцев, волосатость — у австралийцев, тодов и айнов, белокурые волосы — у финских племен и т. д.

Но главное препятствие для проведения на практике теоретических взглядов антропо-социологической школы это то, что в

каждом обществе процент личностей, обладающих признаками белого дилювиального человека, как увидим ниже, величина далеко не постоянная. Он то поднимается, то падает. А потому основывать на нем какие-либо практические расчеты нет ни малейшей возможности.

11. ВТОРИЧНЫЕ ПОЛОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА

Вторичные половые признаки человека. Физические отличия между полами. Различие в их уме и характере. Изменения в женском организме после смешения белого человека с питекантропом.

Если белая дилювиальная раса с ее умом и характером была выработана тяжкими условиями ледникового периода, то женщины этой расы вынесли на своих плечах все тягости этой борьбы и находились в совершенно одинаковых условиях с мужчинами, а следовательно, должны были подвергнуться совершенно одинаковому с ними естественному отбору. Вот почему мы думаем, что современная европейская женщина, сильно отличающаяся от мужчины в сторону, невыгодную для борьбы за существование, совсем не та, которая некогда разделяла с дилювиальным европейцем его невзгоды. Древняя подруга белого человека должна была исчезнуть и замениться какой-то новой.

Действительно, если сравнить телосложение и психику современной европейской женщины с таковыми же у европейского мужчины, то разница между ними если не громадна, то весьма значительна. «Уже при самом рождении, — говорит Ранке, — между детьми обоего пола замечается неравенство в весе и росте». Тот и другой у женщины меньше, чем у мужчины, и разница эта с минуты рождения остается на всю жизнь. Туловище женщины (в сравнении с длиной ног) длиннее, грудь уже, руки и ноги короче, стопа более плоска, мускулатура икр и предплечья тоньше, седалищная область и бедра толще чем у мужчины.

Женский череп меньше и во всех отношениях нежнее мужского. По словам проф. Петри, он более походит на детский. Емкость черепа и абсолютный вес мозга женщины меньше, борозды его мельче, а извилины имеют меньше изгибов. В отношении емкости черепа негров, малайцев и американских индейцев соответствуют наименьшим и средним черепам немецких женщин. Лицевой угол женщины меньше, у нее замечается большая наклонность к косозубию (прогнатизму). Скелет женщины по всем своим физическим признакам составляет середину между скелетом ребенка и взрослого мужчины. Наконец, женщина менее покрыта волосами,

чем мужчина, волосы ее толще и меньше обнаруживают склонности к выпадению.

Не станем перечислять всех остальных мелких отличий женского организма, скажем только, что их очень много и что, по мнению ученых, женский организм «стоит в эмбриологическом отношении на более низкой ступени, чем мужской и приближается с одной стороны к детскому, а с другой к организму низших рас».

Что же касается женского ума, то его отличие от мужского вполне соответствует разнице в устройстве мозга и черепа. «Главное различие в умственных способностях обоих полов, — говорит Дарвин, — проявляется в том, что мужчина во всем, за что он берется, достигает большего совершенства, чем женщина. Это проявляется как в области глубокой мысли, разума или воображения, так и в вещах, требующих простого употребления органов чувств и рук. Если составить две таблицы из мужчин и женщин, наиболее замечательных в поэзии, живописи, скульптуре и музыке — как относительно композиции, так и исполнения — в истории, науках и философии, поставив с полдюжины имен под каждым предметом, то обе таблицы, конечно не выдержат сравнения. Мы можем далее заключить, на основании закона уклонения от среднего уровня…, что если мужчины обладают положительным превосходством над женщинами во многих отношениях, то средний уровень умственных способностей у мужчин должен быть выше, чем у женщин».

Ломброзо говорит о том же следующее: «Хотя мы можем назвать достаточно знаменитых женских имен в поэзии, литературе, искусстве и науках, но, очевидно, что этим женщинам далеко до таких могучих гениев-мужчин, какими были, например, Шекспир, Бальзак, Аристотель, Ньютон и Микель Анджелло. Равным образом, окажется громадный перевес на стороне мужчин, если сравнивать между собой частоту появления гениев у обоих полов».

В отношении чувств тот же автор, ссылаясь на исследования разных ученых, доказывает, что у женщин слабее развиты, чем у мужчин, чувства осязания, обоняния и слуха, а отчасти и вкуса. У них более притуплено болевое чувство и слабее половое возбуждение. Из числа женских пороков он указывает именно на те, которые мы констатировали у низших рас, например, лживость, жадность и консерватизм.

Все эти различия между мужчиной и женщиной, или, как их называют, «вторичные половые признаки», обязаны своим происхождением вероятно тому обстоятельству, что белый человек

скрещивался с питекантропами исключительно в лице их женщин. Если бы он смешался так, как смешиваются в настоящее время человеческие племена и расы, то сходство с низшими расами не выступало бы так сильно у женщин, как теперь. Древняя белая женщина не смешивалась с мужчиной питекантропом, а белый мужчина брал себе в жены самок питекантропов так много и так долго, что остатки древней белой женщины совершенно исчезли, растворились в массе новых.

Если мужчина со времени падения белого дилювиального человека подвергся сильному изменению, то не менее его изменилась и женщина. И действительно, масса женщин должна была вымереть от одних только родов. Выражение Библии, по которому Бог, изгоняя Адама и Еву из рая, приговорил нашу прародительницу «в болезнях рождати чада», имело несомненное фактическое основание. Акт рождения вполне естественный для каждого животного чистой породы должен бы быть таким же и у человека, т. е. безболезненным, как и все другие физиологические отправления. Если же он стал мучительным, то только вследствие искусственного изменения нормальных условий. Если белый дилювиальный человек был великаном, а самка питекантропа — карлицей, то естественно ожидать, что роды у такой самки, вследствие несоразмерно больших размеров ребенка, были трудные и благополучно разрешиться от бремени могла только та, у которой был самый широкий таз. Все остальные должны были умирать от родов или рождать в страшных мучениях.

Много женщин должно было умереть от невозможности разродиться, но зато чем больше их умирало, тем тазовые кости женщин становились шире, так как в живых оставались и передавали свои свойства потомству только женщины с широким тазом.

Однако, чем больше белый человек в своем расселении по земному шару удалялся от Европы и чем больше приобретал крови питекантропов, тем более он мельчал, тем более мелкие рождались у него дети и тем менее приходилось его женщинам страдать от родов. И вот действительно оказывается, что тазовые кости сильно расширились только у белой женщины, а у женщин низших рас остались почти без всякого изменения.

«Мы не можем, — говорит Плосс, — не присудить премии за легкие роды первобытным племенам». Оказывается, что женщины низших рас переносят роды очень легко, иногда даже без всякой боли и только в весьма редких случаях умирают от родов, несмотря на то,

что таз их почти не отличается от мужского. Но нельзя сказать того же о женщинах низших рас, рождающих от белых отцов. Так, например, про индианок племени умпквасов сообщают, что они очень часто умирают при разрешении от бремени ребенком смешанной крови от белого отца, между тем как чистокровные дети у них же легко рождаются. Многие индианки очень хорошо сознали опасность беременности от белолицего и потому, во избежании ее, предпочитают своевременно устранять последствия скрещивания плодоизгоняющими средствами. То же самое сообщают и об алурах в Восточной Африке.

Все сказанное о легких родах у женщин низших рас можно повторить и об европейских низших сословиях, у которых, как известно, роды также бывают несравненно легче, чем у интеллигенции.

12. СРАВНЕНИЕ ПОЛОВОГО ДИМОРФИЗА ЧЕЛОВЕКА С ТАКОВЫМ ЖЕ У ЖИВОТНЫХ

Сравнение полового диморфизма человека с диморфизмом других животных. Почему виды бесплодны между собою. Самцы крупнее и сильнее самок. Большая страстность самцов. Их смелость и воинственность. Волосатость самцов. Большая изменчивость вторичных половых признаков у самцов. Переходные формы между мужчиной и женщиной. Приобретение женщинами мужских признаков. Сходство между человеком и животными в эмбриональном развитии. Одинаковое действие кастрации. Половые признаки касаются тех частей организации, которыми различаются виды того же рода. Самки — рабыни самцов. Заключение.

Если сопоставить все сообщенное здесь о результатах смешения белого человека с питекантропом, с тем, что нам известно об остальном животном мире, то оказывается что явления, наблюдаемые у человека, повторяются в таком же виде у животных.

Одним из ясных доказательств гибридного происхождения человека мы принимали его половой диморфизм. Но явление это вовсе не составляет исключительно принадлежности человеческого рода, а обще ему с другими животными различных классов.

Признаки, отличающие самца от самки того же вида, так называемые «вторичные половые признаки», встречаются не только у человека, но и огромной массы животных. Их не замечено только у самых низших классов.

Хотя, по Дарвину, признаки эти вызваны различным образом жизни обоих полов, но ведь это только предположение. Если можно предположить что они произошли от различия между полами в образе жизни и в привычках, то отчего же нельзя сделать и обратного предположения? Отчего нельзя предположить, что различие в привычках и в образе жизни между полами происходит от различия в их строении и внутренних свойств? А это последнее могло случиться так же, как и у человека, если самки и самцы видов, имеющих половой диморфизм, принадлежали первоначально к различным видам и, вследствие какой-то общей им с человеком причины, смешались между собою, образовав новые виды, гибридные.

Факт добровольного спаривания между самцами и самками разных видов вовсе не редкость в природе, а напротив явление довольно обыденное. «Известно, — говорит Дарвин, — что птицы различных видов случайно спариваются между собой и производят ублюдков. Этому можно привести много примеров». Большинство этих случаев объясняется, может быть тем, что птицы остались одинокими, не найдя себе пары между особями своего вида. Но эти замечания не приложимы ко многим примерам прирученных или домашних птиц различный видов, положительно влюблявшихся друг в друга, хотя они и жили между неделимыми своего вида. М-р Э. С. Диксон замечает, что «всякому, кто держал много гусей различных видов вместе, известно, что у них возникают необъяснимые привязанности друг к другу, и что они спариваются и выводят детей с неделимыми, по-видимому, очень отличных пород (или видов) столь же охотно, как с птицами своего собственного вида». В другом месте Дарвин говорит о таком же спаривании не только у птиц, но и у других животных.

Что были за причины, вызвавшие смешение между разными видами животных, мы пока еще не знаем, но одной из них могла быть борьба за существование, при которой хищные виды истребляли не равномерно оба пола, а преимущественно один, чаще женский, поставленный в беззащитное положение необходимостью выводить или высиживать птенцов. «Самок у птиц, — говорит Дарвин, — легче истребить в то время, когда они сидят на яйцах. У насекомых женские личинки часто больше мужских, а потому легче могут быть истреблены. В некоторых случаях самки менее деятельны и менее быстры в движениях, чем самцы, а потому труднее избегают опасности, чем последние». Но, если один пол животного сильно истреблен, то естественно, что другой, руководимый половым инстинктом, ищет себе пар среди родственных соседних видов и скрещивается с ними.

Дарвин между прочим задается вопросом: как объяснить тот факт, что виды при скрещивании оказываются бесплодными или производят бесплодное потомство, между тем, как при скрещивании разновидностей плодовитость остается неизменной.

Большинство натуралистов, отвечает автор, думают, что виды «наделены бесплодием» именно для того, чтобы «предотвратить их смешение», так как в противном случае виды, живущие вместе, едва ли бы могли оставаться несмешанными.

Мне кажется такой ответ неудовлетворительным. Почему же природа могла задаваться целью «предотвратить смешение»? Разве ей

нужны были непременно чистые виды? Плодовитость между видами, по словам Дарвина, зависит не столько от близости их между собою, сколько от их «полового сложения». Следовательно в геологические времена бесплодие между видами могло вовсе не быть общим правилом. Но так как природа, одаривши животных сильным половым инстинктом, ничем не оградила одни виды от смешения с другими, то такое смешение и шло беспрепятственно, до тех пор, пока было кому смешиваться, пока на свете не остались только такие виды, которые были уже бесплодны между собою, или давали бесплодное потомство. Вот почему теперь нам и кажется, что виды «наделены бесплодием».

Сходство между человеком и животным в отношении полового диморфиза оказывается просто поразительным. У диморфных животных наблюдаются не только те же самые вторичные половые признаки, что у человека, но и те же явления половой жизни.

1). Самцы крупнее и гораздо сильнее самок у большинства млекопитающих, у птиц и у ящериц. Только рыбы и насекомые составляют исключение.

2). Самцы, по словам Дарвина, в многочисленных и разнообразных классах «страстнее самки, ищут ее и играют активную роль в ухаживании».

3). Самцы обезьян и других млекопитающих «смелее, храбрее и воинственнее самок». Воинственный нрав у большинства животных обнаруживается в так называемом «законе боя», т. е. в страшной драчливости самцов в сравнении с самками. Закон боя наблюдается у водяных и сухопутных млекопитающих, у птиц, ящериц, лягушек, рыб и насекомых.

4). Волосатость, свойственная у нас, белых, мужскому полу, отличает самок и у других млекопитающих. Так, у многих обезьян и у коз самцы снабжены хорошо развитой бородой, а у самок ее или не бывает, или же она гораздо меньше. У других млекопитающих большая волосатость у самцов обнаруживается или в виде гривы (у льва, павиана и бизона), или в виде широкого ошейника около горла (у рыси) или в виде курчавой шерсти на лбу (у одного вида быка).

5). Вторичные половые признаки человека все крайне изменчивы в пределах одной расы и весьма различны у отдельных рас; мужчины отличаются между собою гораздо более, чем женщины. То же самое указывает Дарвин у куриных птиц, у бабочек, многоножек и паукообразных.

6). У человека существует целый ряд переходных ступеней между мужчинами, обладающими наиболее ясными половыми признаками и женоподобными мужчинами. То же самое наблюдается у некоторых жуков.

7). Тот факт, что женщины под старость приобретают мужские черты, повторяется также и у некоторых птиц. Дарвин приводит много примеров, когда у птиц наступает полное сходство самок с самцами через год после выхода их из яйца, через 2, 3, 4 года, позже. Подобные же явления повторяются с наростом на носу у некоторых ящериц и с трескучим снарядом у кузнечиков.

8). Сходство между человеком и диморфными животными замечается даже в порядке их эмбриологического развития. У белой расы мужчины сильнее отличаются от женщин, чем у цветных рас и ребенок более похож на женщину, чем на мужчину. То же самое Дарвин передает от птицах: «Когда самец окрашен красивее или заметнее самки, то птенцы обоих полов при первом оперении близко походят на взрослую самку, например у кур и у павлина».

9). У негров в зрелом возрасте мужчина мало отличается от женщины, а их ребята в детстве похожи на белых людей. То же самое

у многих птиц, у льва и пумы, у некоторых оленей, у всего семейства свиней и у тапиров. Их птенцы похожи не на взрослых самку и самца, а на животных другого вида. Так, птенцы клеста походят на взрослую коноплянку или самку чижа. Птенцы многих видов стренаток походят на взрослую просянку и т. п.

10). Даже кастрация совершенно одинаково действует на животных с половым диморфизом, как и на человека. Белый мужчина после кастрации в детстве, как известно, теряет некоторые вторичные половые признаки, как например волосатость на лице и низкий голос. У птиц и млекопитающих самец приобретает свойственные его полу признаки незадолго до возмужалости, но в случае кастрации в ранний период жизни, теряет эти признаки. Например, олени (кроме северного), у которых рога составляют принадлежность самца, после кастрации иногда не возобновляют свои рога. Наоборот, у одного вида антилоп рога, свойственные только самке, вырастают у самца после кастрации.

11). У белого человека различие между мужчиной и женщиной обнаруживается в тех частях организма, которыми мужчина отличается от низших рас, например, в растительности на лице, в росте и т. д. У животных, по Дарвину, вторичные половые признаки касаются обыкновенно тех частей организации, которыми различаются и виды того же рода.

12). Некоторые из животных сходны с людьми даже и в отношениях между полами. Так, белый человек сделал себе из самок питекантропа рабынь и сошелся с ними в первый раз, вероятно, путем насилия. Даже и до сих пор женщины в половых отношениях только уступают воле мужчин. Следы такого же насилия в отношении самцов к самкам видны и у многих диморфных видов. Достаточно вспомнить, как сходится наш домашний петух с курицей: ухаживание его имеет вид насилия. Нечто подобное происходит, вероятно, и у других диморфных видов, судя по тому, что у многих самцов насекомых даже выработались так называемые «хватательные придатки», которыми самец удерживает самку.

Одним словом сходство явлений, сопровождающих половой диморфизм у человека и таковых же у животных так велико, что не может быть случайным, и потому заставляет искать для них одну и ту же у человека и животных причину. Следовательно, если у человека половой диформизм явился следствием его смешения с питекантропом, то его грехопадение есть только результат общего закона, управляющего всем животным царством, уступая которому

все родственные чистокровные виды животных, образуя гибридов, не лишенных плодовитости, смешались между собой и дали огромное количество диморфных видов.

13. ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Женский вопрос в доисторические времена. Отношения между женщиной и мужчиной, как и вообще между людьми, устанавливаются не по чьему-либо произволу, а в зависимости от различия между ними по уму и характеру. Древняя неолитическая женщина равноправна с мужчиной. Позднейшая женщина, самка питекантропа, — рабыня мужа. Глубокое различие между ними. Необходимость допустить, что характер женщины и ее физическое сложение много раз изменялись в доисторические времена. Положение женщины-рабыни.

Теперь, когда перед читателями уже достаточно выяснилась сущность нашей теории, нам остается выполнить еще две весьма важные задачи: во-первых, показать, как представляются с нашей точки зрения главнейшие стороны человеческой жизни, а во-вторых, подтвердить теорию возможно большим количеством фактов. Этому мы и намерены посвятить остальную часть первого тома.

Самыми главными сторонами человеческой жизни являются:

- отношения между полами (семейные отношения),
- отношения между высшими и низшими классами общества (общественные) и
- отношения правительств к народу (государственные).

Взгляды, господствующие на этот счет в нашей науке и литературе, выходящие из принципа Ламарка, в высшей степени устарели и потому вряд ли уже могут удовлетворить человека вдумчивого.

Например, низкое положение женщины в человеческом обществе объясняется с чисто детской наивностью тем, что мужчина сильнее женщины в физическом отношении, а потому забил ее, овладел ее волей и лишил ума и характера. При этом забывается основной закон природы, что если живые существа вступают между собой в борьбу, то всегда умственная сила берет верх над физической, а не наоборот.

Достаточно вспомнить, что домашние животные, одаренные большей физической силой, чем человек, безусловно уступают его уму, что цивилизованные расы, одаренные высшими умственными способностями, чем дикари, повсюду господствуют над этими

последними. И, наконец, мужчина при всей его физической силе, безусловно пасует перед той женщиной, которая умнее его. В браке он попадает в таком случае «под башмак».

С точки зрения нашей теории, большей умственной силой обладают те из людей, в жилах которых течет более крови белого дилювиального человека. А, следовательно, если женщина в обществе стоит ниже мужчины, то это самое доказывает ее большую близость к питекантропу, в чем мы уже и убедились из сравнения мужского организма с женским.

Уже из предыдущего видно, что женщины в доисторические времена были двух совершенно различных характеров. Одна — женщина неолитического века — вполне равнялась с мужчиной в умственном, нравственном и физическом отношении, потому что иначе она не могла бы перенести тяжкую борьбу ледникового периода. Такая женщина на основании всего сказанного пользовалась полным равноправием с мужчиной.

Другая женщина — самка питекантропа — относилась к мужчине, как домашнее животное к человеку, а потому пользовалась положением домашнего животного или рабыни.

Этнографические материалы обрисовывают перед нами образчики того и другого отношения. Но последнее (состояние рабыни) встречается как общее правило, а первое как редкое исключение, да и то преимущественно во времена более отдаленные от нас.

Трудно допустить, конечно, что означенные материалы говорят прямо о неолитических временах, когда одновременно существовали оба вида женщины: слишком много времени прошло с тех пор. Но помимо неолитического века могло быть очень много случаев, когда женщина по своему интеллекту приближалась к мужчине. Дальше мы будем об этом говорить подробнее, теперь же укажем один из таких случаев. У человека нередко наблюдается наследственность перекрестная, когда дочери выходят в отца, а сыновья в мать.

«Известно, — говорит Дарвин, — что при скрещивании двух различных пород в потомке существует, в продолжение нескольких поколений, сильное стремление возвратиться к одной или к обеим родительским формам». «Чрезвычайно редко случается видеть, — пишет проф. Жоли, — чтобы два великие человека следовали друг за другом в одной и той же фамилии. Если природа и производит иной раз непосредственно после нее другую замечательную натуру, то эта натура является почти всегда в женской форме от матери, чем от отца. Изучение потомства великих людей показывает нам, что между их

детьми гораздо легче встретить замечательных дочерей, чем сыновей».

И вот, если мужчинам какого-либо племени при их передвижениях по земному шару случалось в браке с женщинами другого племени, стоявшего много ниже их, т. е. ближе к питекантропу, то в первом же поколении, а может быть, и в последующих из их потомства должно было рождаться много женщин, похожих на отцов, тогда как мужское поколение, рождавшееся в матерей, сильно понижалось в сравнении с отцами. Отсюда в одном или нескольких поколениях нового племени женщины были равны мужчинам или даже выше их, ближе к белому дилювиальному человеку.

Намереваясь изобразить здесь положение женщин, стоявших ниже своих мужчин, и других, стоявших наравне с ними или выше, мы составили по этнографическим материалам народов разных частей света два очерка: один для положения женщины — рабыни или парии, а другой для женщины, равноправной с мужчиной. Так как первый из этих случаев составляет общее правило, а второй только исключение, мы и начнем с первого.

Самое появление на свет девочки как бы не признается рождением, потому что женщина теряет свое девство только после рождения сына. В лучшем случае родители встречают рождение дочери безразлично, но чаще всего оно является огорчением для семьи, а мать смотрит на себя как на преступницу. Семья, где часто рождаются девочки, считается одержимой бесом, а новорожденные воплощением дьявола. Родители предаются целому ряду заклинаний и отец разбивает голову ребенка ударами ноги или о камень с проклятиями и злословием, чтобы помешать бесу воплотиться вновь.

Думают, что мужчину создало доброе божество, а женщину — злое, что женщина не имеет души. Большинство религий, не исключая и христианства, считало женщину существом нечистым. Она не имеет права приблизиться к тому месту, где помещаются идолы, не может присутствовать при жертвоприношениях, посещать дома молитвы. Поэтому в большинстве религий женщины устраняются от должностей жрецов и священнослужителей. Даже и рай существует не для женщин, а только для мужчин.

Почти все народы земного шара сходятся в признании женщины нечистой в момент наступления половой зрелости, в течение менструального периода и во время родов. Менструальная кровь считается самым ужасным ядом, какой только может представить себе человеческая фантазия, а потому в этот период боятся не только

прикосновения женщины, но даже взгляда, брошенного ею. От действия этого яда портятся неодушевленные предметы, заболевают и умирают растения, животные и человек.

На время менструации женщину уединяют тщательнейшим образом от всех остальных людей, а так как она может осквернить своим прикосновением даже самую землю, то или строят для нее особую хижину на высоких столбах, или сажают менструирующую на крышу дома или же подвешивают на гамаке к потолку. Кроме того, боятся, чтобы взор женщины не повредил даже солнцу, а потому ей запрещают не только смотреть на солнце, но даже думать о нем. Само собою разумеется, что на время этого периода женщина совершенно устраняется от религии, ей не только запрещается посещение храмов и принесение жертв, но даже мысль о боге и молитвах. Часто специальные постройки для менструирующих делаются в виде темных клеток, в которых девушек в период зрелости держат в строгом заключении иногда до 4-х, 5-ти и даже 7-ми дней.

По окончании периода женщину подвергают различным заклинаниям и очистительным обрядам из которых иные слишком жестоки и мучительны. Так, например, в Бразилии девушку выводят среди родных и друзей, из которых каждый дает ей по 4–5 ударов куском ползучего растения, пока она не упадет без чувств или мертвой. Но если она поправится, то такая операция должна повториться 4 раза через каждые шесть часов и считается большим оскорблением для родителей, если кто-нибудь бьет не достаточно сильно.

Когда девушка выходит замуж, то предполагается, что она вводит собой в дом мужа нечистую силу, а потому над ней совершается целый ряд обрядов, имеющих целью изгнание бесов.

Относительно положения женщины в семье у разных народов существует такое множество разных верований и обычаев, направленных к ее унижению, что ими можно было бы наполнить не одну книгу. Ее покупают как скот за деньги, иногда пользуются ею вместо ходячей монеты или телом ее уплачивают подати. У австралийцев муж может убить свою жену, когда ему угодно и съесть, но и в странах более цивилизованных убийство женщины наказывается легче, чем убийство мужчины. У самоедов и в Корее женщина в отличие от мужчины не имеет даже собственного имени.

При встрече с женщиной на улице мужчина произносит те же слова, что и при встрече с неверными. Женщина должна при этом остановиться и сойти с дороги, хотя бы была старуха, а мужчина — маленький мальчик. Если мужчина и женщина идут вместе, то женщина должна идти позади даже в том случае, если она из царского рода, а мужчина — слуга.

Этот краткий перечень обычаев, приравнивающих женщину к домашним животным, мы закончим букетом из соответствующих пословиц, характеризующих прекрасную половину рода человеческого. О душе женщины: «у бабы не душа, а пар», «на семь баб одна душа». Об ее уме: «у бабы волос долог, да ум короток», «мужчина с медной головой лучше женщины с золотой головой», «мужчина видит действительное, а женщина — ошибочное», «советы женщины годятся только для женщины». О женской хитрости и лживости: «у собаки нет измены, у женщины нет верности», «хитрость одной женщины составляет поклажу для 40 ослов», «женщина — наказание Божие, а ласки ее — яд змеи». О болтливости: «не будь другом глупого, не говори тайны жене», «три женщины

вместе составляют базар, а четыре — ярмарку». Об обхождении мужа с женой: «бей жену как шубу, меньше будет шуму», «бей жену к обеду, а к ужину опять, чтоб были щи горячи, каша масляная, жена ласковая, обходительная» и т. д.

Не ясно ли, что такие отношения полов имели своим источником только действительное неравенство их, что они не могли выработаться в человеческом обществе, если бы женщина по своему уму и характеру не уступала мужчине, если бы она была равна ему во всех отношениях?

14. ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖЕНЩИНЫ

Золотой век женщины. Амазонки. Участие древних женщин в бою. Женщины-предводительницы. Случаи равноправия женщин с мужчинами у древних и современных народов. Сходство древних женских костюмов с костюмами духовных лиц. Причины этого сходства.

Уже давно высказывалось в европейской науке мнение о возможности существования в отдаленном прошлом «Золотого века женщины» или так называемой «Гинекократической эры». По следам швейцарского ученого Бахгофена возникла даже целая школа, придерживающаяся такого мнения.

Эта школа, желая доказать свою мысль, ссылаясь между прочим на известную легенду об амазонках, женщинах-воинах, по рассказам древних потеряли охоту выходиться замуж, взялись за оружие и защищали свою республику от врагов без помощи мужчин. Кроме древне-классического мира легенда эта была известна в Богемии, на Кавказе, в Африке, в Южной Америке и на Новой Гвинее.

По нашим русским былинам, тип амазонки — «поляницы» изображался таким образом:

Едет поляничища удалая
Ай, удала поляничища великая,
Конь под нею как сильня гора…
Ай, кидает она палицу булатную,
Ай, под облаку да под ходячую…
Ай, одной рукой палицу похватыват
Как пером-то лебединым поигрыват…

Сила и ловкость этой женщины, по словам былины, были так велики, что в первом бою она одолевает даже любимого нашего богатыря, Илью Муромца.

Но, помимо легенд, мы имеем много исторических данных, повествующих о действительной воинственности древних женщин. О сарматах, народе, жившем по берегам Азовского моря, передают, что у них женщины «не чужды были войны». Девушки вступали там в брак только тогда, когда убивали врага, а иначе не имели шансов выйти замуж. Жены древних германцев, иберов и кимеров следовали на войну за своими мужьями, с яростью бросались на штурм

неприятельских крепостей и предпочитали смерть рабству. У древних бретонцев во главе армии всегда находились женщины. Наконец, есть исторические данные о существовании амазонок в Тибете в VI и VII веках нашей эры.

Но не говоря уже об исторических временах, до сих пор существуют: женская гвардия в Сиаме и войско из женщин у народов дагоме и ашанти в Африке. Там же, в стране Лунда, королеву сопровождает гвардия из женщин, а у фулахов — дворцовые офицеры — женщины. Кроме того, есть еще и теперь народы, у которых женщины дерутся на войне вместе с мужчинами, или так же хорошо как они, владеют оружием или наконец принимают участие в примерных боях и дают из своей среды силачей.

У арабских племен войсками, выступающими в поход, предводительствует молодая женщина, сидящая на верблюде. В древности германские женщины, а в настоящее время женщины ирокезов, гуронов и оибваев, решают вопрос о войне и мире. На Марианских островах женщины с копьями в руках чинят суд и расправу над мужчинами.

Близкое отношение древней женщины к войне доказывается, сверх того, археологическими раскопками. В Ютландии и на Кавказе часто вырывают женские скелеты с кинжалами и разным оружием возле тела. На тот же факт указывают некоторые древние обычаи. В Швеции в провинции Блекинг, сохранился обычай дарить новобрачной на свадьбу оружие всех сортов, «чтобы, как говорят, напомнить ей, что она должна следовать за своим мужем на битву». У спартанцев от женщины требовалось такое же спокойное перенесение боли душевной и физической, как и от мужчин, а у бечуанов и до настоящего времени, чтобы заставить женщину мужественно переносить страдания, мать говорит дочери: «ты женщина, а женщина не должна плакать».

Если трусость и миролюбие вели их обладательниц к утрате независимости и к рабству, то воинственность и храбрость давали им не только свободу, но даже и власть над другими. Были и есть народы, у которых женщины состоят правительницами и королевами. Такие примеры в древности находим мы более всего у семитов: Семирамида, мудрая царица Савская и пророчица Дебора. Из современных народов, не считая европейцев, королевами управляются африканцы. Иные из африканских государств даже и называются не иначе, как «страной королевы» или «страной женщины». Во многих местностях Африки рассказывается легенда об основании государств

пришельце, снискавшем любовь местной королевы. В Азии женщины являются вождями у малайцев, а в Северной Америке у нарраганзетов, согконате, винибег крик, потоватоми, тлинкитов, коскимо, кватсино и натчезов. На Палаузских островах существует особое женское правительство, которое наблюдает за порядком между женщинами, учиняет им суд и расправу безо всякого вмешательства со стороны мужчин.

Как весьма редкое исключение существуют народы, которых женщины равноправны с мужчинами в области культа, так что могут быть священнослужителями. Есть даже такой удивительный и оригинальный народ, как мингрельцы, которые радуются девочке.

Наконец, можно перечислить целый ряд древних и новых народов, у которых женщина пользуется высоким положением в семье и в обществе. Ее лелеют, освобождают от тяжелых работ, хорошо с нею обращаются, не позволяют мужу бить ее или бросать на произвол судьбы без веских доказательств в пользу развода и допускают на общественные советы с правом голоса.

Сюда относятся:

• В Европе: древние галлы, башкиры и калмыки.

• В Азии: древние персы, армяне, мингрельцы, киргизы, жители Гиндуку, индусы, сиамцы, малайцы, чукчи, корейцы и самоеды.

• В Африке: дагоме.

• В Америке: колоши, нафайосы, индейцы Никарагуа и Орегона, селиши, отовали, клапроты, чиноки, нутка и др.

Одним из остатков золотого века женщин можно считать их старинные костюмы, которые по-видимому, были когда-то общими с мужчинами. Данных для этого дает немало этнографическая литература. Начать с того, что древние изображали некоторых из своих богинь в мужских шлемах на головах и с оружием в руках. Таковы богиня Истар у ассирийцев и Артемида у греков. Но что изображение женщин в мужском костюме не было только символическим или фантазией художника, видно из слов Второзакония: «На женщине не должно быть мужской одежды и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом Твоим всякий делающий сие». Ясно, что такое запрещение не имело бы смысла, если бы не существовало соответствующих обычаев.

Сюда же относится очень интересное и с первого взгляда загадочное явление, это сходство или тождество женских народных костюмов с костюмами духовных лиц. Так например, отдельные части

костюма иудейского Первосвященника, как они описываются в Библии, мы находим в старинных женских народных костюмах.

Головной убор Первосвященника «кидар» состоял из мягкой шапочки вроде ермолки и четырехугольной стоячей металлической дощечки на лбу. Такой же головной убор носят наши полесские женщины и черемиски Казанской губернии, только дощечка на лбу сделана не из металла, а из лубка. Металлические же дощечки без остального головного убора сохранились у женщин: в Тибете, у бангалов (в Африке) и у голландского простонародья.

Иудейский Первосвященник носил на груди металлический квадрат, привешенный на металлических цепях к плечам — «наперсник судный». Такое же украшение носили египетские фараоны. Квадраты на груди носят до сих пор китайские мандарины и женщины: еврейские, черемисские, чувашские, вотяцкие, башкирские, болгарские и швейцарские.

Металлические цепи, свешивающиеся с обоих плеч, есть у швейцарок.

Позвонки или бубенчики, которыми был обшит подол ризы иудейского Первосвященника, и которые в настоящее время пришиваются к мантии православного архиерея, найдены в раскопках, как украшение костюма древних русских женщин. Такие же украшения были в старину у литовок. Есть они и теперь у шведок, латышек и мордовок. В Африке — в Анголе и у лундов они являются знаком достоинства у начальников, и там же их носят женщины негритянского племени фанов. Оказывается, что обычай носить позвонки имел в древности религиозное значение. Греки, римляне и скандинавы считали позвонки сохраняющим талисманом, и приписывали ламиям (ведьмам) одеяло с колокольчиками, при посредстве которого день обращается в ночь, а ночь — в день.

Далее, некоторые части костюма нашего православного духовенства встречаются в виде народного костюма — у женщин разных народов, ничего общего с православием не имеющих. Так, головной убор в форме архиерейской митры носят женщины-эстляндки в окрестностях г. Ревеля.

Очень близкое подобие ризы нашего священника в форме юбки, надетой на плечи, с вырезом на груди для рук можно было видеть несколько лет тому назад в костюме латышских женщин на Рижской этнографической выставке.

Византийское мужское одеяние, изображаемое на византийских иконах и называвшееся у греков «саккосом» или «далматиком»,

оказалось в очень близком родстве не только по своему покрою, но даже и по вышивкам с мордовским «панаром» (верхним женским костюмом).

Еврейский молитвенный плащ («талэс»), который теперь носят также буддийские ламы в Монголии, и который составлял когда-то необходимую принадлежность костюма древних греков, римлян, фесалийцев и скифов, мы встречаем теперь у польских крестьянок, у латышек и у шведок.

В Абиссинии отличием православного духовенства считаются башмаки с загнутыми вверх носками, и ту же обувь носят тамошние женщины.

Кроме того, нет почти ни одной части мужского или женского костюма, которой бы мы не нашли у другого пола. Так, мужские шальвары мы встречаем у женщин: гуцульских (в Карпатах), казанских татарок, пшавов, гагаузов (в Болгарии), джалдов, аббисинцев и сиамцев.

Великорусские красные мужские рубахи оказываются у женщин: ингушей, удинов, кистинов, пшавов, чеченцев, кавказских татар и армян. А в то же время юбки, считающиеся во всей Европе принадлежностью женского костюма, встречаются у мужчин албанцев. К той же категории фактов нужно отнести одинаковость покроя мужского и женского верхнего платья, которая часто наблюдается у малороссов и белорусов, и на которую указывают также у монголов и калмыков. А при несходстве мужского и женского костюмов у некоторых племен, как бы в воспоминание их прежнего тождества, существует обычай девушек в торжественные минуты жизни, например, при венчании, надевать некоторые части мужского костюма, как это мы видим у русских галичанок.

Обычай нашего православного духовенства носить длинные волосы, как известно, сходится с таким же обычаем всех европейских женщин. Он оказывается очень древним, международным и, по словам Герберта Спенсера, является признаком «земного достоинства».

Что касается волос, то кстати уже будет упомянуть, что еврейские «пейсы», в виде длинных локонов на висках, встречаются в разных местностях как принадлежность женского костюма: у крымских татарок, у гагаузок (в старину), у женщин турецких сербов, у русских галичанок, у грузинок, в Дагестане, у казанских вотячек и у женщин Сиама.

Сходство костюмов духовных лиц с женскими кажется мне не

случайным. Произошло оно, вероятно, потому, что женщины, вследствие консерватизма, а духовные по предписанию религии, носят одни и те же очень древние костюмы, которые были когда-то общими для мужчин и женщин.

Таким образом, из собранных нами этнографических материалов видно, что школа Бахгофена была далеко не безосновательна, отыскивая отдаленном прошлом человечества следы «гинекократической эры». Мы могли бы теперь исправить ее взгляды только в том отношении, что «золотой век» женщины не был явлением обязательным и одновременным во всем мире. В разные времена он существовал у отдельных народов, но у одних мог повторяться несколько раз через большие промежутки времени, а у других могло его и вовсе не быть. Это видно хотя бы из того, что приведенные нами факты высокого положения женщины в обществе встречаются в обычаях и верованиях далеко не у каждого народа.

В следующей главе мы дадим еще более материалов по тому же самому вопросу, но полное его освещение возможно только во втором томе настоящего сочинения, когда будет речь о «вырождении человечества».

15. МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО

Материнское право. Древность этого обычая и причины его появления. Замена материнского права отцовским. Выбор невест по признакам белой расы. Испытание их ума загадками и неисполнимыми задачами. Обмен четверостишиями. Требование от невест веселого нрава. Испытание воинственности женщин и их физической силы.

Если, как мы приводили в предыдущей главе, существует наследственность перекрестная, и если в жизни народов могли быть такие случаи, когда в одном или нескольких поколениях рождались женщины, стоявшие наравне с мужчинами или даже выше их, то естественно, что у таких женщин, в силу той же перекрестной наследственности, от мужей, стоявших даже ниже их, рождалось мужское поколение более высокое, чем от других женщин.

Этот факт не мог пройти незамеченным. И действительно, многие народные обычаи подтверждают верность нашего предположения.

«Утроба матери, — говорили древние, — кладет печать на ребенка», и думали, что кто-бы ни был отец, но от благородной матери дитя будет всегда благородным. Такого мнения держался, между прочим, и знаменитый Ликург. На этом основании запрет на неравный брак существовал только для мужчин высших сословий, для женщин такого запрета не было. В Африке, например, принцессы могли совершенно свободно выбирать себе мужа, и даже в том случае, если он был рабом, дети считались принцами. Так что принцессы одним своим выбором могли возводить в начальники простых землепашцев. По той же причине у многих народов аристократическое происхождение передавалось по женской линии, а не по мужской.

Этот обычай, называемый в этнографии «материнским правом», принадлежит к числу международных и весьма широко распространенных, что свидетельствует о его глубокой древности. «Когда Геродот, — говорит Ратцель, — нашел у ликийцев обычай, в силу которого дети принимали имя матери, и родословная велась не по мужской, а по женской линии, он предположил, что этот народ отличается от всех других. Но мы знаем теперь, что этот обычай существует у многих народов вполне сознательно или только в виде следов. Наследование должности начальника по женской линии

удерживалось у народов всех рас». «Мак Леннан, — говорит Герберт Спенсер, — доказывает, что родословная по женской линии преобладает во всех частях света и, если бы это оказалось нужным, я мог бы подкрепить его многочисленные доказательства еще множеством других».

Наследственность перекрестная могла действовать только в первых поколениях, когда смешивалась высшая порода с низшей, а затем, когда неравенство между мужчинами и женщинами сглаживалось, то мужчины оказывались все-таки выше женщин по своей организации, и тогда «материнское право» заменялось «отцовским», о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные. Следы порядков, принятых в то время, сохранились в народных обрядах и обычаях, особенно в свадебных. Они свидетельствуют очень красноречиво, что для улучшения породы в древности при заключении браков производился отбор почти исключительно одним женщинам, причем от них требовалась не «женственность», как в наше время, а наоборот, качества, приближавшие их к мужчинам, т. е. те, которые мы приписываем белому дилювиальному человеку.

Сюда относятся: 1) гибкий ум, 2) веселый нрав, 3) способность вызывать у окружающих людей то или другое настроение, 4) храбрость), 5) мужество, 6) физическая сила, 7) ловкость и, наконец, 8) наружность белой расы.

Из истории Царицы Савской, посетившей Соломона, мы знаем, что испытание ума производилось в древности загадками. Тот кто их легко отгадывал, считался человеком мудрым. И вот действительно мы видим, что девушку невесту на свадьбе испытывают загадками. Такой обычай указывает Оскар Кольберг у Мазуров Сувалкской губернии. В испорченном виде мы записали тот же обычай у гагаузов Бессарабской области. Там крестный отец жениха, являющийся на свадьбе представителем жениховой стороны, испытывает загадками же, но не саму невесту, а ее шаферов (по-тамошнему «изметчи»). Обычай этот у древних народов послужил темой для песен и сказок. Американский этнограф Чайльд собрал их много из этнографической литературы разных народов и поместил в своих вариантах к шотландским балладам. Для образчика мы приведем здесь русский вариант на эту тему:

Загадать ли тебе, девица, пять загадок?
— Отгадаю, сын купеческий, хоть десяток.
Уж и что это, девица, краше лета?

Уж и что это, девица, выше леса?
Уж и что это, девица, чаще рощи?
Уж и что это, девица, без коренья?
Уж и что это, девица, без умолку?
Уж и что это, девица, без ответу?
— Краше лета, сын купеческий, красно солнце.
Выше леса, сын купеческий, светел месяц.
Чаще рощи, сын купеческий, часты звезды.
Без кореньев, сын купеческий, крупен жемчуг.
Без умолку, сын купеческий, течет речка.
Без ответу, сын купеческий, судьба Божья.
— Отгадала ты, девица, отгадала.
Уж и быть за мною, быть моей женою.

Заключение этой песни даже прямо указывает на то, что девица, отгадавшая загадки, получает право на выход замуж.

Любопытно, что во многих вариантах русской песни на эту тему, девушка, отгадывающая загадки, называется «девкой семилеткой». Конечно, певцы в настоящее время не могут объяснить, что такое значит «семилетка», но, по всей вероятности, это указание на ранний возраст, в котором в древности девушки вступали в брак.

Кроме того, девушку испытывали так называемыми «неисполнимыми задачами». Так как неисполнимую задачу решить было нельзя, то ответом на нее могла быть только такая же задача, еще менее исполнимая, чтобы ее придумать нужно было остроумие. Эта тема также чрезвычайно широко распространена по свету, как и первая, и также имеется в числе шотландских баллад у Чайльда. Вот для образчика ее русский вариант:

— Девушка спесива, не скажу спасибо,
Гляди прямо на меня, я давно люблю тебя,
Ты послушай, что скажу:
Напой моего коня среди синя моря.
Чтобы ворон конь напился, бран ковер не замочился,
Все такой как был он есть.

— Сшей, мой милый, башмачки из желта песочка,
Чтоб песинка не терялась, никогда не рассыпалась,
Не терло бы резвых ног.

Напряди-ка, мила, дратов из дождевых капель,
Чтобы дратвы не дралися, башмачки бы не
поролись,
Мог бы я ими сшить… и т. д.

Форма этой песни, обмен между парнем и девушкой четверостишиями, указывает на целый ряд других песен, вероятно имевших тоже самое значение, но вовсе не редких в народном репертуаре в особенности у тюркских племен. Только в них вместо неисполнимых задач он и она обмениваются четверостишиями, в которых каждый старается блеснуть своим остроумием по адресу другого пола. У гагаузов такое состязание между парнями и девушками практикуется и до настоящего времени в виде игры. Недостаток остроумия возмещается у них нередко циничными шутками, а подчас и просто бранью. Примеры подобных четверостиший приведены нами в книге «Наречие бессарабских гагаузов».

Свадебных обрядов, в которых испытывался бы веселый нрав невесты, нам не удалось найти, но на их существование в древности указывает требование, предъявляемое к подружке невесты на великорусских свадьбах, чтобы она была весела, всех смешила и знала много пословиц и прибауток. Требование от самой невесты здесь, по-видимому, переносится на подружку, как ее представителя, которая первоначально выбиралась из ее родственников.

Совершенно такое же явление наблюдается на еврейской свадьбе: там роль подружки исполняет наемный специалист, «батхен», на обязанности которого лежит сначала заставить свадебных гостей плакать, а потом рассмешить их, что он и достигает соответствующими песнями.

У олонецких крестьян на свадьбе невеста должна очень долго в течение свадебных дней причитать, оплакивая девичью свободу, для чего от нее требуется ум, собственная инициатива и поэтическое чувство, так как заплачки исполняются соответственно окружающим обстоятельствам, т. е. экспромтом и притом в известном размере. В настоящее время такое требование обходится: вместо невесты заплачки исполняются наемной плакальщицей.

Об испытании воинственных способностей девушки свидетельствует немало обычаев.

Вероятно, таково именно происхождение одного свадебного обычая в Бельгии, заключающегося в том, что молодые парни проезжают верхом мимо невесты, вооруженной тростью, и стараются

отнять у нее эту трость, а та бьет их по чем попало. Если девушка окажется победительницей, то ее считают «сильной, мужественного духа» и объявляют хозяйкой дома.

У некоторых народов, говорит Плосс, мы встречаем борьбу между мужчиной и девушкой, собирающимися вступить в брак. Так, у акаев между женихом и избранной им девушкой должен произойти поединок; кто при этом одерживает победу, тот сохраняет за собой первенствующее положение в браке.

У готтентотов жених, ищущий невесту и не снискавший любви девушки, старается завладеть ею посредством поединка.

В Португалии существует такой народный обычай: «Когда в Миранда дю Доро девушка собирается выйти замуж, она незадолго до свадьбы «случайным образом» наталкивается на своего жениха, который колотит ее палкой; однако же она не принимает терпеливо этого выражения нежной любви, а старается отплатить той же монетой, причем бьет своего будущего господина изо всех сил».

Известно, что в песне Нибелунгов также приводится подобная борьба с избранницей сердца. Здесь именно говорится о свадебной ночи Гунтера с Брунгильдой: «Она связала ему руки и ноги, понесла его и повесила на гвозде, вбитом в стену; он не мог этого предотвратить; от ее силы он едва не погиб». Лишь необыкновенная сила Зигфрида могла укротить в следующую ночь сопротивляющуюся деву: «Она ниспровергла его, но гнев придал ему силы и столько могущества, что он поднялся, вопреки ее усилиям; борьба была упорна: в комнате раздавался то тут, то там шум ударов. Они боролись с такою яростью, что просто удивительно, как они оба могли остаться в живых».

Еще и теперь борьба жениха с избранницей сердца, по словам Плосса, играет в Германии иногда весьма важную роль. У нас, русских, по-видимому, в старину было то же самое, судя по содержанию некоторых хороводных песен, в которых передается, как «детинка-щеголек»

Просил девушек побороться,
Все девушки разбежались,
Вани, молодца, испужались,
Одна Дунюшка устоялась,
Дуня с молодцом боролась,
Дуня молодца одолела,
Кушак, шапочку в грязь втоптала.

У немцев в Нижней Австрии прежде ежегодно бывали состязания между парнями и девушками в беге. У нас по-видимому, остаток такого состязания сохраняется в старинной игре «в горелки».

Что касается требований от невесты наружности белой расы, то вопрос этот будет рассмотрен в следующей главе.

16. ИСКУССТВЕННЫЕ УРОДСТВА, ПРАКТИКУЕМЫЕ С ЦЕЛЬЮ УКРАШЕНИЯ

Искусственные уродства, практикуемые с целью украшения. Идеалы женской красоты. Искусственное деформирование черепа. Белила и румяна. Значение раскрашивания, принятого у цветных рас. Маски. Происхождение серег. Искусственное увеличение икр и ручных мускулов. Искусственная тучность.

Когда белый человек смешивался с питекантропом, или высшие расы с низшими, они не могли не заметить перемен в худшую сторону, происходивших в наружности их потомства. А так как белую расу высоко ценили, то естественно было желание всеми возможными средствами к ней возвратиться. Этого старались достигнуть многими способами, а в особенности подбирая себе невесту по известному идеалу красоты и искусственно уродуя свои органы, чтобы придать им сходство с органами белой расы.

Хотя идеал красоты обыкновенно воспевался в любовных песнях и таким образом был несколько застрахован от забвения, но и песни со временем забывались или изменялись, по мере того как они расходились с действительностью, а люди перерождались в сторону питекантропа. Поэтому черты белого дилювиального человека мы можем искать разве только в идеале красоты белых рас, наименее от него удалившихся. И вот здесь мы действительно находим: лебединую, т. е. длинную и белую шею, белоснежную грудь, щеки — кровь с молоком, маленький ротик, маленькие ручки, маленькую ножку с высоким подъемом, прямой, не слишком длинный и не слишком короткий, не слишком острый и тупой нос и т. под.

У рас же цветных из их современного понятия о женской красоте мы не узнаем древнего идеала, если не рассмотрим тех уродств, которым они себя подвергают, в особенности женщины, с целью украшения. Вначале уродование практиковалось, вероятно, как фальсификация красоты, но потом это было забыто и люди старались только исполнить старинный обычай, к которому все привыкли, не понимая ни смысла его, ни значения.

Голова белого человека при перерождении в питекантропа из длинной становилась короткой, а лоб из высокого — низким. Поэтому

явилось желание деформировать череп новорожденных детей таким образом, чтобы удлинить череп и лоб. Но потом, с течением времени, первоначальная цель была забыта вместе со способом деформирования. К настоящему времени уцелела только идея его необходимости. Но что первоначальное намерение было действительно из короткой головы сделать длинную, видно во-первых, из того, что обычай деформирования черепа распространен только в Европе, Азии и Африке, где живут расы коротко- или среднеголовые, и отсутствует в Африке, где головы негритянской расы и без того длинные. Во-вторых, из семи способов деформирования головы, практикующихся в разных местностях и описанных у Ранке, два имеют ясное намерение сделать голову человека длиннее.

Обычай деформации черепа принадлежит глубокой древности, так как следы его найдены в древних гробницах в Крыму, в Венгрии, в Германии и даже Англии. Был он и в исторические времена, так как о нем писали: Гиппократ, Помпоний Мела, Плиний и Страбон. Был и в средневековой Европе: у германцев, галлов, итальянцев, греков и гуннов, а в настоящее время очень широко распространен по свету у самых отдаленных между собой народов. Он существует в Европе (Франция, Бельгия, Силезия, Венгрия, Турция, Крым и Кавказ), в Азии (Суматра и Никобарские острова), во многих местах Полинезии, в Северной Америке, которая считается классической страной деформирования (хинуки, нутка, крик, нагуа, индейцы Флориды, туземцы Панамского перешейка, индейцы Каролины и Орегона) и в Южной (караибы и патагонцы). Что обычай этот является более необходимым для высших классов общества, чем для низших, это ясно само собой, так как наибольшие претензии принадлежать к высшей длинноголовой расе имели, конечно, высшие сословия. И действительно, по словам Гиппократа, у древних микроцефалов деформированная форма черепов считалась признаком благородства. У индейцев Северной Америки она считается привилегией свободных классов и запрещается рабам. То же самое было и древнем Перу. Торквемада утверждает, что искусственная форма головы, отличавшая царей, в виде особого преимущества разрешалась только высшей аристократии.

Далее, лицо белого человека от перерождения теряло румянец и становилось сначала бледным, потом смуглым и, наконец, в жарких странах черным. Даже у наших европейских модниц в большом обыкновении белиться и румяниться, но они делают это секретно,

потому что есть много женщин, которые в таком украшении не нуждаются.

У народов еще не совсем цветных, но с более смуглой кожей, как наши ногайцы или японцы, тоже самое делается всеми женщинами, а потому перестает быть секретом и даже обращается в обязательный обычай. Например, ногайский жених в числе свадебных подарков преподносит своей невесте белила и румяна.

Наконец, у народов совершенно цветных раскрашивание лица в белый и красный цвета приобретает даже религиозное значение. Так, еще у древних египтян румяна клали с покойником в могилу. По словам Ратцеля, такое раскрашивание в белый и красный цвета распространено по земному шару очень широко. У австралийцев, например, белят лицо для танцев, или же раскрашивают его в белый и красный цвета. Такое же раскрашивание лица белым и красным для военных танцев практикуется и у североамериканских индейцев. Африканские нефы раскрашивают себе лицо в красный и белый цвета, идя на войну. Девушки американских индейцев делают то же самое, когда влюблены. Некоторые раскрашивают в красный цвет мертвых. Как прогресс в этом деле, относящийся впрочем также к отдаленным временам, нужно считать маски, которые, по-видимому, заменяли раскраску лица, судя потому, что они употребляются совершенно в тех же случаях, как и раскрашивание. Так например, маски для танцев употребляются у североамериканских индейцев. При религиозных церемониях они употреблялись с древнейших времен: в Китае, Тибете, Индии, в древней Мексике и в древнем Перу, у эскимосов, меланезийцев, африканских негров и алеутов. Затем, на войне маски употреблялись в старину у японцев. И, наконец, в качестве похоронных надевались на покойников, употреблялись в глубокой древности: в Египте, в Финикии, в Ниневии, в древней Италии, на Пиренейском полуострове, во Франции, в Крыму, в Сибири и в древнем Перу.

В такие же самые цвета, т. е. в белый и красный, раскрашивают и волосы, чтобы изобразить блондинов и рыжих.

У многих цветных рас, по наблюдению антропологов, ушные мочки отсутствуют. Это замечено, например, у японцев, у других восточных азиатов и у кабилов Северной Африки. Отсюда понятно желание цветных щеголей из подражания белой расе удлинять мочки, подвешиванием на них тяжестей. Ботокуды и некоторые другие бразильские племена, по словам Д. Анучина, имеют обычай протыкать детям еще в младенчестве ушные мочки и вставлять в

отверстие небольшие деревянные цилиндрики. Заменяя с течением времени эти цилиндрики все более и более крупными, достигают наконец отверстия в 3–4 дюйма в диаметре. Обычай вытягивания ушных мочек распространен очень широко. Кроме разных американских племен, в том числе древних перуанцев, он был найден в Полинезии: на острове Пасхи, на островах Фиджи, Мореплавателей, Дружбы, Товарищества и др., в Азии: в Ассаме, Аракане, Бирме, Лаосе, в Индии, на Цейлоне, на островах Малайского архипелага, Никобарских, Адмиралтейства, Соломоновых, Новогибридких, кроме того, в Африке и у древних греков. Обычай этот, по-видимому, имеет некоторое соотношение с религией. На острове Пасхи, где уши туземцев были искусственно растянуты до плеч, поклонялись древним колоссальным статуям, которые также имели отвислые уши. Многие скульптурные изображения Будды воспроизводят его с длинными висячими ушами и с продырявленными мочками. То же самое повторяется и у индийских идолов разных наименований. У древних перуанцев протыкание мочек считалось исключительной принадлежностью знати и сопровождалось религиозными церемониями в храме солнца.

Отсюда понятно обыкновение наших женщин носить серьги. Отсюда же ясно, почему некоторые из дикарей носят серьги кроме ушей еще и на конце носа, так как известно, что низшие расы отличаются от белой короткими и вздернутыми носами.

Известно, что низшие расы отличаются от белой отсутствием икр на ногах и слабым развитием ручных мускулов, а потому явилась надобность фальсифицировать и эти органы. Искусственное утолщение икр практикуется, между прочим, у американских индианок. С этой целью выше щиколоток и ниже колен носят такие тесные кольца и повязки, что они врезываются в тело. Африканские негритянки, чтобы скрыть худобу своих икр, носят на них сплошной ряд металлических колец, покрывающих всю икру. Абиссинки делают такие же кольца из овечьей шкуры и наматывают их на ногу в 3–4 ряда. Наконец, наши черемиски Казанской губернии, малороссиянки Ровенского уезда, женщины горских народов в Гималаях и якутки достигают того же самого наматыванием на ногу большого количества тряпок, отчего ноги их делаются похожими на бревна.

Подобным же образом некоторые народы стараются утолстить мускулы рук, для чего затягивают кольцами или шкурами руки у сочленения кисти и у предплечья. Отсюда же, вероятно, берут свое начало и браслеты наших дам.

Так как маленькие ножки являются исключительной принадлежностью белой расы в отличие от низших рас, у которых ступни крупных размеров, то у китаянок мы находим обычай уродования ног, чтобы сделать их маленькими. Подобный излишек красоты дозволяют себе только дамы высших сословий.

Наконец, такую же цель подражать белой расе имел, вероятно, тоже довольно широко распространенный обычай искусственного ожирения женщин, для чего их лишают перед свадьбой моциона и откармливают самой лучшей пищей. Наблюдается такой обычай в Северной Африке, в Индии, Полинезии и в Америке. У наших великороссийских крестьянок Олонецкой губернии, у женщин шведского, голландского и польского простонародья откармливание заменяется надеванием большого количества юбок.

Вероятно, тучность считалась когда-то одним из отличительных признаков белой расы, судя по очень древнему верованию китайцев, которые местопребывание ума искали в желудке и считали тучность признаком большого ума. Китайское изображение Будды Шакьямуни есть олицетворение этой идеи: отвислый живот, безобразная тучность и оплывшее от жиру лицо. Чуть не открыто похваляясь обжорством, китайцы совершенно счастливы, когда про них говорят: «этот человек умен». У таитян седалищем жизни и духа считается брюшная область. На островах Тонга местопребыванием мужества, воли и вообще души считается печень, которая, по мнению туземцев, у храбрых людей особенно велика. Даже Платон считал печень зеркалом души.

Ниже мы увидим, почему ожирение является уделом высших рас, а не низших.

Мы перечислили здесь главнейшие формы уродования с целью украшения, и преимущественно такие, в которых видно подражание белой расе. Но есть и другие, как например, татуировки, подвешивание тяжести к губам, выбривание макушки головы в виде плеши и т. п., в которых не видно такого подражания. По этому поводу надо заметить, что уродования практиковались не всегда по лучшим образцам белой расы, а только по тем, которые давали завоеватели из высших рас, являвшиеся к низшим.

Во втором томе нашего сочинения будет указано по каким именно причинам и при каких условиях происходили такие передвижения высших рас. Здесь же напомним, что переселенцы бывали далеко не всегда чистокровными белыми, они могли быть и полубелыми. А потому, если в числе их черт случались иногда некоторые недостатки, некоторые черты низших рас, то и они наравне с прочими являлись

предметом подражания для туземцев. Таким образом, если мы предположим для примера, что племя полубелое с отвислыми губами (признак низших рас) являлось к еще более низким дикарям, то эти последние из подражания своим доблестным завоевателям старались удлинить свои губы подвешиванием к ним тяжестей. Впрочем, таких случайным форм уродования вообще очень немного.

17. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ БРАКА

Происхождение различных форм брака. Моногамия. Полигамия. Следы моногамии в полигамии. Полиандрия. Беспорядочное смещение полов.

У разных народов земного шара существуют, как известно, три главные формы брака: 1) Одноженство или Моногамия, 2) Многоженство или Полигамия и 3) Многомужество или Полиандрия.

У исследователя этих трех форм прежде всего является вопрос: которая из них самая древняя? Для разъяснения его мы обратимся к животному царству. Дарвин, рассматривая формы брака у разных животных, вовсе не нашел многоженства у низших классов, в остальных же классах нашел и одноженство и многоженство, но заметил некоторую связь между многоженством и вторичными половыми признаками. А именно, полигамия преобладает у животных диморфных, т. е. у таких, у которых существуют вторичные половые признаки, а у остальных животных, не обладающих такими признаками, наоборот, преобладает моногамия. Так, в числе полигамов, у которых существуют ясные половые различия, автор перечисляет кроме птиц: тюленей, львов, диких лошадей с Фолклендских островов, кабана, антилопу, сайгу и индейского слона, а из обезьян: гориллу, шимпанзе и некоторых американских обезьян. В числе же животных, не имеющих вторичных половых признаков и в то же время моногамов, он отмечает толстокожих (кроме индийского слона) и оранга.

Следовательно, если прилагать законы, наблюдаемые у животных, к людям, то у дилювиального человека, не имевшего вторичных половых признаков, мы вправе ожидать моногамию, а у позднейшего человека, гибридного — многоженство. И действительно, одноженство, как предполагающее равноправность супругов, более гармонирует с равенством между мужчиной и женщиной в физическом и умственном отношении, каковое предполагается у дилювиального человека. Наоборот, когда женщины после смешения стали ниже мужчины во всех отношениях, естественнее было для мужчины составлять из таких женщин гаремы, в которых всегда предполагается некоторое подчинение жен мужу.

В настоящее время строго моногамных народов сравнительно немного. К ним принадлежат европейские христиане, берберы, евреи и некоторые из магометан, сохранившие свой древний обычай одноженства, несмотря на принадлежность к полигамной религии, как например, горцы у подножия Эльбруса, кабардинцы и туареги (в Сахаре), т. е. вероятно, такие народы, которые или не вышли из своей первобытной прародины Европы, или сравнительно недалеко от нее отошли. Что в Европе моногамия обычаи не новый, видно из слов Тацита, по свидетельству которого, в его время у германцев существовала очень строгая моногамия.

Кроме того, моногамия существует у самых низших дикарей: у лесных веддов Индии, у бушменов, у обитателей Порт-Дори на Новой Гвинее, у даяков острова Борнео и у лесных племен Бразилии.

Возможно, что европейцы имели более шансов остаться моногамами, хотя бы потому, что для них труднее было доставать жен, чем для их собратьев, переселившихся в другие части света, изобиловавшие питекантропами. Но, впрочем, и у европейцев в древности некоторое время существовала полигамия. Тацит допускает, что между германскими вождями встречалось многоженство. Адам Бременский говорит о многоженстве у шведов. Кроме того, многоженство было у меровингских королей, а также в каролингском периоде и у славян до введения христианства.

Что касается дикарей, сохранивших моногамию, то вероятно, этот обычай вызывался у них недостатком излишних женщин. Низшие дикари народ очень бедный, а многоженство требует материальных средств. По словам Герберта Спенсера: «Многочисленные свидетельства показывают нам прямо или косвенно, что в полигамических обществах многоженство преобладает только между более богатыми или более знатными из их членов. Мы имеем право, — говорит автор, — заключить, что в большинстве случае, где существует многоженство, одновременно с ним существует и моногамия и притом в более сильной степени. Менее состоятельные люди, которые повсюду должны составлять большинство населения, или вовсе не имеют жен, или имеют каждый лишь по одной жене».

Если мы затем обратимся к многоженству, то увидим, что у человека эта форма брака более новая, чем одноженство, во-первых, потому, что от одноженства к многоженству есть переходные формы, а во-вторых, в многоженстве всегда сохраняются следы более раннего одноженства.

Одной из переходных форм от моногамии к полигамии можно

считать брак, принятый в настоящее время в Японии, но некогда известный и в Европе. По законам японец может иметь только одну жену, которая должна быть с ним одного сословия, и, сверх того, ему дозволяется приобретать сколько угодно наложниц. Такие же обычаи существуют и в Китае. У атланта (в Африке) одна жена считается «законной», а все остальные — «наложницами». У древних персов, цари которых кроме наложниц имели трех или четырех жен, лишь одна из них была королевою и считалась женою в отличном смысле от других. У ассириян царь имел только одну жену и несколько наложниц. То же было у древних египтян и до сих пор у повелителей Абиссинии.

На следующей ступени у полигамических народов одна жена считается «первой» или «главной» и пользуется разными отличиями и привилегиями. Например, у южно-американских индейцев такой главной женой считается или старейшая, или та, которая взята первой. У знатных таитян и чибчасов — главная жена — первая по времени. У дамаров и фиджийцев — первой женой становится самая любимая и т. д.

У властителей многих африканских народов право наследования престола принадлежит только главной жене. У южно-американских индейцев главная жена заведует всем домом, а у крусов (в Африке) только она имеет право обедать вместе с мужем и в знак своего отличия носит на шее нитку перлов.

Третья форма брака, полиандрия, распространена по земному шару менее, чем две остальные. Мак Ленан и Шарль Летурно считают полиандрическими народами: древних арабов, гаунчей Канарских островов, тибетцев, туземцев Кашмира и Гималайских областей, тодов, коргов, наиров, цейлонцев и другие племена Индии, новозеландцев, жителей одного или двух островов Тихого океана, алеутов, туземцев Ориноко и некоторых частей Африки. К ним присоединяют древних бретонцев, пиктов, готов, наших запорожских казаков (?) и находят следы полинадрии даже у древних германцев.

Хотя в настоящее время эта форма брака далеко не всегда вызывается необходимостью, т. е. недостатком женщин, но в древности возможно допустить такую необходимость. Например, на острове Цейлоне она господствует только между высшими классами, так как низшие живут в моногамии.

Действительно, отношение числа мужских рождений к женским далеко не одинаково не только в разных странах, но даже в одной и той же стране в разные времена. В Европе оно в среднем составляет

106 мальчиков на 100 девочек, причем избыток мужчин уравнивается их большей смертностью. Но в других странах перевес мужских рождений бывает гораздо более значительным. Например, на Сандвичевых островах в 1839 году на 100 взрослых женщин приходилось 125,08 мужчин, на Новой Зеландии в 1858 г. — 130,3. у тодов Индии в настоящее время — 133,3. От каких причин происходит такой перевес мужского пола, я еще не берусь решить, но он мог быть очень серьезной причиной появление полиандрии, вовсе не наблюдающейся у животных, за исключением пчел и муравьев, в особенности у народов эндогамных, которым обычай или религия не дозволяли брать жен из чуждого племени.

Что касается той формы брака, которая наблюдается в настоящее время у некоторых из самых низших племен, так называемое «полное смешение полов», принимаемое некоторыми современными этнологами за первобытную форму брака, то мне кажется, что оно явилось только как результат падения человека. Известно, что при своем падении человечество во многих отношениях становится ниже животных. Достаточно вспомнить противоестественные пороки человека, неизвестные животным, проституцию и проч.

Но, впрочем, есть авторы, которые отвергают даже возможность у людей такого брака, который мы в праве были бы назвать «общим беспорядочным смешением полов». «Распущенность многих дикарей, — говорит Дарвин, — без всякого сомнения, страшно велика, но, мне кажется, нужно иметь больше фактов, чтобы иметь право допустить, что между ними существует общее смешение полов… Покойный сэр А. Смит, много путешествовавший в Южной Африке и сделавший обширные наблюдения над нравами дикарей там и во многих других местностях, высказал самым положительным образом, что по его мнению, нет ни одной человеческой расы у которой существовал бы взгляд на женщину, как на собственность общины».

По тому же поводу Деникер высказывается следующим образом: «Гипотеза беспорядочных сношений между полами, или же «общинного брака», имеет теперь лишь очень немногих сторонников. Мы знаем, что в настоящее время нет на земном шаре ни одной народности, у которой практиковалось бы беспорядочное смешение полов. Что касается исторических данных, свидетельствующих о существовании такого обычая в давно минувшие времена, то они сводятся к трем или четырем выдержкам из Геродота, Страбона и Солона, истолкование которых весьма сомнительно».

«Утверждали, — говорит автор, — что каждый мужчина мог сходиться с каждой женщиной; «на подобие того, как это делается у животных», присовокупляли некоторые исследователи, забывая, что среди животных, наиболее близких к человеку, состояние беспорядочного смешения полов представляет собою редкое, исключительное явление, между тем как у многих птиц и млекопитающих существуют семьи, в основе которых лежит многоженство или даже единобрачие».

Ш. Летурно выражается в том же духе: «Некоторые социологи принимали, — говорит он, — что общность жен представляла собою первую и необходимую стадию полового сожительства у человека. Но, конечно, у них было бы менее уверенности, если бы они, так же, как и мы, не принимались за социологию человечества, не познакомившись с социологией животных. Большая часть животных способна к сильной и ревнивой любви. Птицы могут служить образцом верности, постоянства, трогательной привязанности и скромности. Большинство млекопитающих уже достигло уровня нравственности, несовместимого со смешением полов. Человекообразные обезьяны тоже не придерживаются его. У человека смешение было и есть, о чем свидетельствует большое количество фактов древности и настоящего времени, но оно всегда было только исключением».

18. СОСЛОВИЯ

Сословия. Отчего так упорно сохраняются сословные различия. Положение низших классов у нецивилизованных людей. Причины такого положения.

Покончив с семейными отношениями и с женским вопросом в доисторические времена, мы обратимся теперь к общественным отношениям, а именно к разделению общества на сословия, на высшие или правящие классы и низшие.

Мы уже говорили выше, что по нашей теории первыми правящими классами были белые дилювиальные люди неолитического века, а первыми рабами — питекантропы, т. е. бессловесные существа, содержавшиеся людьми в качестве домашних животных. Следовательно, современные высшие классы должны бы быть потомками белого дилювиального человека, а низшие — потомками питекантропа. Но так как те и другие слились, образовав среднюю промежуточную расу, то высшие сословия понизились от такого смешения, а низшие — повысились.

Казалось бы, что между теми и другими в настоящее время, по прошествии многих десятков тысячелетий, не должно быть никакого различия, ни физического, ни социального. Тем более, что высшие сословия вообще склонны к вымиранию, а для низших нет возможности раз и навсегда закрыть доступ в высшие. Значит, высшие сословия в сущности, вовсе не могут считаться прямыми потомками первых «господ».

Но мы видим, что такое различие существует до настоящего времени в полной силе в особенности у низших рас. Потомки бывших «господ» и по сие время называются «благородными», «свободными», «почтенными», «господами» и пр., а потомки бывших домашних животных «презренными», «приниженными», «злокозненными», «рабами», «крепостными», «простонародьем» и пр.

У высших же рас, как ни стараются передовые люди общества уничтожить это различие, но не могут. Если его упразднять законодательным порядком, то вместо прежних классов являются новые: денежное сословие (представители капитала) и рабочее (представители труда), так что сущность дела остается все та же самая. Причина этого, как мы увидим из следующей главы, заключается в том, что между сословиями существует различие не

только социальное, но и антропологическое, т. е. различие в умственном и физическом отношении, которое никакими законами уничтожить нельзя.

Что же за причина такого странного явления?

С точки зрения социальной науки отчуждение сословий поддерживается консерватизмом народных масс и с этим, пожалуй, можно было бы согласиться, если бы не существовало различия антропологического. Как ни стараются его игнорировать представители современной социальной науки, как ни стараются уменьшить, как ни пытаются объяснить различием в жизненной обстановке и воспитании, но все это возможно только с точки зрения теории Ламарка, по которой типы изменяются под влиянием внешних факторов. Если же теория эта, как мы доказали выше, ложна в самом своем основании и противоречит законам природы, то у современной науки нет никакого ответа на поставленный нами вопрос.

С точки зрения нашей теории различие между сословиями можно объяснить, только принявши естественный закон, по которому смешанные породы, такие, как человек, никогда между собою слиться не могут и никогда не образуют постоянной промежуточной породы. О том же свидетельствует и различие у человека между полами. Вторичные половые признаки вечно стремятся к уничтожению. Мужской пол постоянно передает свои свойства женскому, а женский — мужскому. Мы видели выше, что эти признаки уже много раз сглаживались, а затем снова расходились. В окончательном результате оба пола когда-нибудь должны были бы сравняться, если бы тому не препятствовал закон, на который мы указываем.

Некоторые данные о существовании такого закона дает нам и зоология. «Известно, — говорит Дарвин, — что при скрещивании двух различных пород в потомке существует, в продолжение нескольких поколений сильное стремление возвратиться к одной или к обеим родительским формам. Но решительно нет возможности установить какое-либо правило относительно того, как скоро уничтожаются все следы такого стремления». Многовековой опыт человеческого рода именно и доказывает, что такое стремление никогда не может уничтожиться, что смешанная порода никогда, ни при каких условиях, не может сделаться чистой.

Хотя высшие сословия у нас в Европе еще не совсем утратили свое прежнее положение в обществе, но они не сохранили и тени тех прерогатив, которыми пользовались их предки в глубокой древности; чтобы получить об этом понятие, необходимо обратиться к народам

диким и варварским, так как у них всякая старина сохраняется лучше, чем у нас. Особенно яркая картина этого положения вещей нарисуется перед нами, если мы соберем в одно целое соответствующие обычаи разных народов.

Различие между сословиями обнаруживается прежде всего в области религии. Высшие не желали смешиваться с низшими не только на земле, но даже и в загробной жизни. Рай назначался для высших классов, а ад — для низших, или же предполагался для высших особый рай, в который низшие не должны допускаться, если же кое-где и могли допускаться, то не иначе, как в качестве слуг, для чего на могиле человека высшего класса убивали толпы его рабов. Подобные взгляды на загробную жизнь были не только у дикарей, но даже у исповедников таких, сравнительно высоких религий, как магометанство. Соответственно им различие между сословиями проводилось и в обрядах, а в особенности в похоронном. В повседневной жизни низшие классы не могли пользоваться общественными дорогами, не могли строить около них своих хижин и не должны были посещать рынок. При приближении человека высшего сословия им было обязательно прятаться в чащу леса и давать оттуда знаки о своем присутствии. Они не должны были приближаться к человеку высшего сословия ближе, чем на известное число шагов, а при встрече с ним, падали ниц, или становились на колени и оставались в такой позе до тех пор, пока им не дозволялось встать. Если они обращались к человеку высшего сословия, то должны были называть его не иначе, как во множественном числе. В случае не исполнения таких обычаев простолюдинов подвергали суровым наказаниям и даже смертной казни.

Высшим сословиям вместе с королем принадлежала вся земля в государстве, они могли наказывать, увечить и даже убивать простолюдина. А этому последнему запрещалось нападать на представителей высшего сословия даже и на войне, если люди этого сословия принадлежали к числу неприятелей. За убийство человека высшего сословия наказания и штрафы полагались гораздо выше, чем за убийство простолюдина. Жизнь человека низшего класса не имела никакой ценности.

С другой стороны, благородному запрещалось входить в хижины простонародья, которые считались для него нечистыми. Ему не дозволялось не только прикасаться к человеку низшего сословия или есть вместе с ним, но даже вкушать приготовленную им пищу.

Само собой разумеется, что исключительной привилегией носить

оружие пользовались только лица высшего сословия, для низшего не дозволялось: ни ношение оружия, ни татуировка, ни одежда известного покроя, присвоенного высшему, ни езда на лошади верхом и т. д.

С точки зрения нашей теории такая глубокая пропасть между простонародьем и высшими классами общества совершенно понятна и естественна, и являлась только отражением действительной разницы между ними в умственном и физическом отношении. Но с точки зрения общепринятой теории, допускающей выделение высших сословий из среды низших и приобретение всех привилегий путем узурпации, путем целого ряда обманов и злоупотреблении, такое положение вещей объясняется слишком искусственно, натянуто и потому неудовлетворительно. Общепринятая теория ни на волос не верит людям она предполагает в человечестве невероятную массу лжи и подлости и, кроме того, делает эту подлость всемирной, так как порядок, близкий к описанному нами, встречался на земле повсюду, где было хоть только подобие государства или организованного общества. А главная ошибка этой точки зрения все-таки заключается в игнорировании антропологического различия между сословиями, которое с древних времен было известно как высшим, так и низшим классам.

Эти последние ценили в лицах правящих и в представителях высших сословий кровь белого человека, на что указывают те термины, которые прилагались народом к отличию классов одного от другого. Так, например, нам русским известно название для высших сословий — «белая кость», которое прежде употреблялось вовсе не в ироническом смысле, как теперь. Нашего Государя народ называл не без основания «белый Царь», так как простонародье называлось «черным народом», «чернетью» и «чернью». То же самое видим мы и у тюркских народов. Так, например, киргизы и урянхайцы Тарабагатайского округа называют свои высшие классы «ак суюк» (белая кость), а, кроме того, различают еще «черную» и «среднюю».

19. ФИЗИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ВЫСШИМИ КЛАССАМИ И НИЗШИМИ

Физические различия между высшими и низшими классами в Полинезии, в Африке, в Японии, в древней Германии и современной Европе. Закон расслоения общества. Физические различия между сословиями в Италии, Испании, Англии, Ирландии, Дании, Германии и России.

Такие различия встречаются повсюду. О тасманийцах, ныне уже вымерших, писали, что «вожди их были высокие и сильные люди». О племени тапийо (в Южной Америке), что «следы (ног) их вождей как величиною, так и длиною шага превосходят следы остальной части племени». На Сандвичевых островах вожди «высоки и сильны и по своей наружности настолько превосходят простой народ, что некоторые считали их принадлежащими к отдельной расе». О таитянах говорят, что их вожди «почти все без исключения настолько же выше простолюдинов по физической силе, насколько выше по своему рангу и положению», на подобное же различие указывают и между тонганцами. У Дюмон-Дюрвиля мы находим рассказ о старшине острова Вити-Леву: «Его рост, доходивший до 5 ф. 9 д., его правильные формы, лицо истинно прекрасное, несмотря на смуглость, наружность благородная и вместе тихая, ласковая, делали из него человека порядочного, который странно противоречил с обществом Витийских каннибалов. В этом случае, как и во многих других, — говорит путешественник, — я мог убедиться, что океанийская аристократия происходит от семейств, наилучше одаренных в отношении физическом и нравственном».

	Высший класс:	Низший класс:
Цвет кожи:	Приближается к европейскому	Темно-желтый и светло-бурый
Телосложение:	Стройное	Отсутствие грациозности
Рост:	Более высокий	Невысокий
Голова:	Более длинная	Короткая
Лицо:	Продолговатое и более узкое	Широкое и короткое

Скулы:	—	Выдающиеся
Рот:	Небольшой	Довольно большой
Кисти рук:	Длинные, худощавые, малых размеров и деликатного сложения	—
Пальцы рук:	Длинные	Короткие

То же наблюдается и между африканскими рангами: «Придворные дамы высоки и элегантны; их кожа гладка и прозрачна; их красота жизненна и долговечна. Девушки средних классов часто также красивы, но в большинстве случаев малы ростом, грубы и скоро отцветают; в низших классах редко можно встретить красивую наружность; мы находим там фигуры согнутые, малорослые, иногда почти уродливые». «У бечуанов в Литтаку высшие классы отличаются более светлым цветом кожи, значительно большей величиной тела и более европейскими чертами лица. У многих поколений китайцев, живших среди довольствия и просвещения, черты монгольской расы ослабились и уступили свое место благородным».

Подобные же сведения о современных типах японского народа собрал немецкий антрополог Эрвин Бельц, бывший в течение 17 лет профессором токийского университета.

«На Европейцев, — говорит этот ученый, — народные типы Японии, т. е. низший класс городского населения и крестьяне, производят отталкивающее впечатление, но нельзя сказать того же о представителях высших классов. Эти последние часто напоминают кавказские, а иногда чисто еврейские лица. Последнее, благодаря своеобразно изогнутому орлиному носу, особенной форме верхней губы, несколько выпуклым глазам и проч.».

Различие между сказанными двумя типами явствует из представленных таблиц.

О различиях во внешности между высшими и низшими сословиями в Западной Европе есть также немало свидетельств в литературе. Различия эти существовали, как и следовало ожидать, очень давно. Так, в германской Эдде повествуется, что бог Геймдаль основал три сословия германского народа. По этой классификации слуги оказываются темноволосыми с грубой кожей, «свободные люди» (по нашему — мещане) имели светло-красную окраску щек и волос, а у благородных были светлые волосы. Эти данные как нельзя лучше сходятся с современными наблюдениями Ляпужа, по которым французское дворянство дает всегда самый большой процент блондинов, мещанство — меньший, а сельское простонародье —

наименьший.

Но дело не ограничивается одним только цветом волос. Ранке говорит, что «различие между европейскими сословиями в цифровых отношениях между длиной различных органов тела, туловища, шеи, рук, ног и проч., наблюдаются в таких пределах как между арийцами, семитами и финно-санграми или как между белым человеком и обеими цветными расами, и что в общем оно больше, чем различия между представителями различных европейских народов». По наблюдению Майра, наибольший размах рук у европейской интеллигенции в среднем на 4,3 см. меньше их роста, а у рабочих превосходит рост на 5,7 см. Дарвин приводит, что «челюсти вообще меньше у утонченных и цивилизованных людей, сравнительно с чернорабочими или дикими». По измерению черепов на старинном парижском кладбище, сделанном Брока, оказалось, что у высших классов вместимость черепа больше, чем у простых рабочих. «Мозг мыслителя, — говорит Нолль, — более богат извилинами, чем мозг простого работника». Кроме того, по Рилю, «у сельского населения (Европы) точно так же, как и у пролетариев, головы мужчин и женщин совершенно тождественны. Голова женщины этих слоев народа в мужском уборе почти не отличается от головы мужчины. В особенности старухи и старики похожи друг на друга, как одно яйцо на другое». Черта эта характерна также и для низших рас человечества. По данным английской статистики, старческое бессилие или маразм наступает у бедных классов лет на 10–15 раньше, чем у самостоятельных.

Но наиболее точные данные о внешнем различии высших классов Европы от простонародья дает антропосоциологическая школа, представителями которой являются: Ляпуж, Аммон, Пенка и др.

Ляпуж указывает так называемый «закон расслоения общества», по которому у высших (образованных) классов длинноголовость сильнее, чем у низших и процент длинноголовых среди первых больше, чем среди последних. Так, например, для округа Родэз головной показатель образованных классов — 82,7, для рабочих около 84 и для крестьян 86–86,5. Вместе с тем и объем черепа у высших классов больше, чем у низших.

То же самое выходит и при сравнении средних цифр, полученных от горожан и сельских жителей. Последние оказывались более короткоголовыми. Числовые результаты собраны таким образом для многих городов Средней Европы и их окрестностей во Франции, в Германии, Австрии, Швейцарии, Италии и Испании. Везде вышеприведенный закон вполне оправдался, за исключением двух

последних стран.

Испанский антрополог Олориза подтвердил сказанный закон измерениями в Мадриде и Барселоне, но в других городах, Севилье, Сарагоссе и Малаге, получились цифры безразличные, т. е. городские жители в отношении длины черепа одинаковы с деревенскими. Далее, в городах Гренаде и Валенсии жители оказались даже менее длинноголовыми, чем деревенские. То же самое нашел Ливи в Италии. Северные города, как Милан и Флоренция, подтвердили закон, но в южных как Бари, Мессина и Палермо, деревенские жители оказались так же длинноголовее городских.

Факты эти объясняются распространением на юге Европы, так называемой, «иберо-островной» расы, которая, как было говорено выше, характеризуется длинной головой при малом росте. К этой расе в Испании и Италии местами, особенно на юге, принадлежит сельское население, тогда как в городах живут европейцы менее длинноголовой расы.

Джон Беддо производил такие же измерения в Англии и получил цифры также безразличные, но по другим данным внешние отличия между высшими и низшими сословиями в Англии, несомненно существуют. Так, по словам Герберта Спенсера, люди профессиональных классов здесь «выше ростом и плотнее, чем рабочие». Средний рост мужчин высших классов 1,757 м., а рабочих 1,705. А по Дарвину, «руки английских рабочих уже при рождении больше, чем у представителей среднего сословия (Gentry)»

В Ирландии, судя по описанию Ранке, бедняки в голодных округах отличаются «вздутыми губами, обнаженными деснами, выдающимися скулами, вдавленным носом, толстыми животами и кривыми ногами». Карл Фогт добавляет к этому описанию, что такой же наружностью обладают бедняки и повсюду в Европе.

В Ютландии, в противоположность со всей Европой, замечается аномалия в отношении роста. Тамошние сельские жители выше ростом, чем городские, расовые же различия между сословиями обнаруживаются в телосложении:

«В Ютландии, — читаем мы, — почти везде большая разница между жителями городов и деревень. Между тем как крестьяне деревень обыкновенно высоки ростом, худощавы, с приподнятыми плечами, угловаты в своих движениях, жители городов большей частью среднего роста, коренасты и, несмотря на это, с живыми и ловкими движениями. Точно так же и жительницы ютландских городов отличаются большею красотой и фацией, чем жительницы деревень. Крестьянские девушки особенно отличаются от горожанок неуклюжим станом и тяжелой медленной походкой. Туловище их уже в молодости принимает какое-то наклонное положение вперед и руки, несколько согнутые, висят как сучковатые палки по бокам. Особенно поражает поза ютландского крестьянина, когда он стоит. Все они, когда останавливаются по дороге и разговаривают с товарищами,

стоят, широко расставив ноги, положив руки в карманы штанов, так, что локти торчат в стороны точно ручки котла».

В Германии различие городских жителей от деревенских, по Аммону, сказывается не только в том, что горожане длинноголовее сельчан, но, кроме того, они ростом больше и между ними более блондинов и голубоглазых.

Высшие сословия в Европе сверх того отличаются от низших еще тем, что развиваются физически и созревают в половом отношении раньше низших. Ломброзо указывает, что максимальное развитие роста у «богатых» девушек бывает в возрасте 12–14 лет, а у «бедных» в 13–15 лет. По исследованиям Аммона, немецкое городское население обнаруживает несколько более ускоренное физическое развитие, чем сельское. Например, волосы усов и бороды пробиваются у них ранее. В общем, физическое развитие новобранцев горожан, наблюдавшихся Аммоном, года на полтора опережают деревенских жителей. То же самое различие сословий, но еще в более сильной степени замечено и у нас в России. По наблюдениям доктора Бензенгра, в Москве период половой зрелости наступает раньше всего у дворянок — в возрасте от 9 до 12 лет, потом у женщин духовенства и купеческого сословия — от 13 до 16 лет и, наконец, позже всего у крестьянок — от 17 до 22 лет. К подобному же выводу пришел и Вебер в Петербурге.

Это явление наблюдалось, кроме того, в Париже, в Вене, в Страсбурге, в Эльзасе и в Баварии. Оно было известно очень давно, так как о нем писали: Гипполитус Гвариониус в 1610 году, Марк д'Эспин, талмудические врачи и др.

Словом, между высшими сословиями Европы и низшими наблюдается такое большое антропологическое различие, что Деникер находит возможность допустить преобладание в среде европейской аристократии другой расы, чем в рабочем сословии.

Нам, русским, по собственному опыту, хорошо известны особенности, отличающие простонародье от интеллигенции. У нас для этого существуют даже особые термины: «вульгарный» и «простонародный», которыми характеризуются не только внешний вид человека и черты его лица, но походка, манеры и даже характер и поведение.

Так как в лице современного крестьянина перед нами продукт очень долгого и сложного исторического процесса, то, естественно, что мы не можем ожидать среди него однообразия. Встречаются и одиночки и целые деревни, в которых внешние отличия

простонародья от интеллигенции очень слабы, мало заметны, но зато есть другие местности, в которых они резки и невольно бросаются в глаза. Замечает такие отличия и сам народ или, лучше сказать, его верхи, и называют представителей низшего типа «серыми мужиками, сиволапыми, вахлаками» и т. п.

Итак, тип русского крестьянина-вахлака нам достаточно известен, чтобы стоило подбирать для этого литературные свидетельства. А потому только для напоминания мы приведем здесь несколько характеристик его, сделанных различными лицами, в разных уголках нашего отечества.

Вот, например, как польский этнограф, Оскар Кольберг, описывает русских крестьян, живущих над Бугом, в Седлецкой губернии: «Кожа их обыкновенно бледная и смуглая, фигура сгорбленная и довольно небрежная. Женщины также некрасивы; по временам, однако, блеснет между ними, неведомо откуда, смугловатая, пригожая девушка с красивыми чертами лица и выразительными глазами, и кажется как бы цветком из иной страны, по слепой случайности выросшим среди этих невзрачных полевых трав». А вот отзыв о наружности белорусов польской писательницы Элизы Оржешко: «Движения тела у них даже в молодости тяжелые и ленивые, черты лица апатичны, взгляд чаще понурый, чем веселый и расторопный, речь медленная, колеблющаяся, спутанная». О наружности великорусского крестьянина из глухих местностей Вологодской губернии пишут: «Роста жители большей частью среднего, смуглые лицом и телом, крепкого телосложения, как мужчины, так и женщины, но те и другие некрасивы собой и самый вид их суровый и голос грубый».

20. ХАРАКТЕР И УМ НИЗШИХ КЛАССОВ

Характер и ум низших классов. Сходство между низшими классами Европы и дикарями. Различие между дворянством и простонародьем у французов. Характер польского крестьянина. Русское простонародье. Шедринский тип Конона. Сходство этого типа с людьми монгольской расы.

Относительно характера низших классов в западно-европейской литературе вовсе не редкость встретить параллель, проводимую между ними и дикарями. Чемберлен в своем сочинении «The child» цитирует по этому поводу слова французского этнографа Мануврие, наблюдавшего в парижском Саду Акклиматизации гамбисов Гвианы. По словам этого последнего, гамбисты напоминают французских крестьян, которые жили замкнутой жизнью где-нибудь в горах, где они вели простую монотонную жизнь, лишенную всякой цивилизации. Если бы, говорит он, поселить гамбисов между европейцами, то они скоро бы стали на один уровень с невежественными французскими крестьянами, живущими в больших городах.

«Без сомнения, — говорит Шарль Летурно, — в цивилизованных странах существует высшая культура, совершенно незнакомая первобытным людям и даже недоступная их пониманию, но если бы мы потрудились внимательно наблюдать европейцев, то нашли бы между нами многих, стоящих по своему развитию почти так же низко, как чернокожие Центральной Африки, также неспособных к умственному вниманию, ко всякой работе, требующей отвлеченного мышления, также погруженных в дикий анимизм. Готтентоты, впервые увидя европейские суда и экипажи, приняли их за живые существа; но ведь многие из наших бретонских крестьян подумали то же о локомотиве, когда впервые поезда железной дороги проникли в их провинцию. Негры, в особенности низшие, напиваются до полной потери сознания, но ведь то же самое бывает и с мало развитыми европейцами. Многие из наших крестьян считают и производят арифметические вычисления не лучше низших негров и вообще первобытных людей. Что касается языка, то здесь нет также особенной разницы. Без сомнения, лексикон ученого содержит тысячи

слов, иногда даже на нескольких языках, но уже давно констатирован факт, что необразованному крестьянину вполне достаточно нескольких сот выражений».

Ляпуж у французского дворянства насчитывает наибольшее количество великих имен, тогда как французское простонародье, по его словам, сыграло второстепенную роль в прокладывании новых умственных путей. Если рассчитывать умственную продуктивность различных сословий французского общества, то один дворянин равнозначен 20 мещанам или 200 простолюдинам.

А вот как польские этнографы характеризуют низший тип своего простонародья:

Польский крестьянин очень мало привязан к близким ему особам: после смерти жены, он уж через несколько недель вводит в дом другую. Он недоверчив и подозрителен. Даже в том, что делается для его пользы, крестьянин всегда усматривает какие-нибудь тайные мысли и желание его эксплуатировать. Он мало доверяет панам и ксендзам и упорно нерасположен к интеллигенту и к каждому одетому в сюртук. В своих сношениях с ним он всегда неискренен. Его нельзя склонить ни к какому общественному делу, даже имеющему целью его благо. К увеличению своего имущества он не проявляет никакой склонности; ни просьбой, ни угрозами нельзя его к этому принудить. Он чрезвычайно непредусмотрителен. Пример образцового улучшенного хозяйства не действует на крестьянина, для которого самое мудрое правило — держаться того «как за отцов бывало». Он чрезвычайно консервативен: каждая деревня имеет свои неизменные обычаи, которых все слепо держатся. Фигура крестьян, речь, костюмы, экипажи отличаются такими неизменными чертами, что знакомому с данной местностью легко с полной уверенностью сказать крестьянину: «вы хозяин из Тарнагрода, вы из Красника, вы из Кшешова» и т. под. К помещику крестьянин в некоторых местностях оказывает подобострастное почтение. Когда он проходит мимо помещичьей усадьбы, то хоть бы хозяев не было дома, он всегда снимет шапку. С почтением же относится он не только к дворовым людям, но даже к дворовым вещам. К лицам интеллигентным или, по крайней мере, одетым по-городски, он обращается с поклоном и со сниманием шапки при каждой встрече. Во время разговора с ними всегда стоит с обнаженной головой и даже, если ему приказать надеть шапку, то и тогда не наденет.

В заключение приведем некоторые черты, которыми характеризуется русское простонародье. О белоруссах Элиза

Оржешко пишет, что это «народ, который легче всего подозревается в неспособности к мышлению и в безразличии ко всему, что не находится в ближайшей связи с его очень низменными потребностями и интересами». О вологодских крестьянах пишут, что у них «на отвлеченных предметах внимание удерживается вообще недолго». «Тайные религиозные понятия простолюдина о загробной жизни, — пишет местный священник о полещуках, — безумные суеверия о душе и связи ее с телом. И неудивительно. Если по своей неразвитости он не может верно понять факта из мира видимого, его окружающего, то тем более недоступны его пониманию умозрения истины или отвлеченные предметы. Спросите его, как он представляет себе душу, для чего человек живет на земле, что будет с ним после смерти, и вы услышите от него равнодушный ответ: «мы люди темные, откуда нам знать про гэто, Бог видае».

В параллель к тому, что сообщалось нами выше о дикарях, не выносящих даже легкого напряжения мозга, приблизительно такой же отзыв случилось нам найти и о низших сословиях Европы. «Общеизвестен факт, — пишет проф. Шимкевич, — что люди, занимающиеся всю жизнь физическим трудом, совершенно не выносят умственного напряжения. Полный силы и здоровья крестьянин, посаженный за азбуку, после непродолжительного умственного напряжения, иногда падает в обморок».

С умственной неподвижностью у простолюдинов иногда соединен поразительный консерватизм. О гуцулах (русских горцах в Галиции) Головацкий говорит: «Они строят дома по обычаю своих предков; лошадиная упряжь, убранство мужчин и ожерелья женщин, до малейшей пуговицы и пряжки, покрой одеяния до малейшей каймы и обшивки все столь определенно и неизменно, как бы в статуе вылито или долотом ваятели выковано».

А вот свидетельство о лени и беспечности крестьян, свойствах особенно характерных для дикаря: «Если у белорусса нет крайности в насущных потребностях, он обыкновенно мало заботится о будущем». У белоруссов же наблюдается и миролюбие, которым так отличаются дикари: «Заносчивость и резкие слова соседа не вызывают в могилевском белоруссе столько же резких ответов даже при толчке со стороны задорного спорщика. Когда другие побуждают обратиться к суду или «дать сдачи», крестьянин отвечает: «нехай ему Бог отдасць». Крестьянин как бы ни был обижен кем-либо, весьма скоро забывает нанесенную ему обиду. Разбои и грабежи, появляющиеся в других местностях в тяжкие неурожайные годы, — вовсе неизвестны у

могилевских белоруссов». Наконец, вот еще одна черта, сближающая нашего крестьянина с такими народами, как китайцы, но происходящая в сущности от слаборазвитой нервной системы — это полное равнодушие к смерти. «Трудно себе представить, — пишет Дембовецкий, — как бесстрашно и покорно встречает смерть белорусский крестьянин. За редкими исключениями, умирающий делает свои устные завещания с поразительнейшею подробностью, причем им не будут забыты не только родные, но и их последующая жизнь в тонких мелочах».

В нашей изящной литературе разбросано не мало черточек, характеризующих наших «плюгавых мужиченков», много типов из этого класса выведено в наших повестях, рассказах и романах, но нигде я не нашел такого чудного, по своей фотографической верности и глубине психического анализа, очерка русского «вахлака», как у Щедрина в его «Пошехонской старине». Тип Конона, о котором я говорю, быть может и не особенно часто встречается среди великорусских крестьян, но вообще это тип чрезвычайно распространенный. В моих экскурсиях в народ для собирания этнографического материала я чрезвычайно часто на него наталкивался и не столько между велико-русскими крестьянами, как между белоруссами, полещуками, между нашими восточными инородцами: вотяками, черемисами, а особенно много есть его между польским простонародьем, что придает даже тот серый и мрачный характер польской деревне, на который жалуются русские путешественники в польском крае. Для более подробного знакомства с этим типом я отсылаю читателей к оригиналу, но не могу удержаться, чтобы не сделать несколько выписок, заключающих в себе самую суть щедринского очерка:

Конона «первоначально обучали портному мастерству, но так как портной из него вышел плохой, то сделали лакеем. А завтра его приставят пасти стадо — он и пастухом будет. В этом заключалось все его миросозерцание. Факты представлялись его уму бесповоротными, и причина появления их никогда не пробуждала его любознательности. Вообще, вся его жизнь представляла собой как бы непрерывное и притом бессвязное сновидение, никакой личной инициативы он не знал, ничего, кроме заведенного порядка. И никогда не интересовался знать, что из его работы вышло, и все ли у него исправлено.

Молчальник он был изумительный. Даже из прислуги ни с кем не разговаривал, хотя ему почти вся дворня была родня. Какое-то

гнетущее равнодушие было написано на его лице. Никто не видал на этом лице луча не только радости, но даже самого заурядного удовольствия, точно это было не лицо, а застывшая маска.

Несомненно, он никогда ничего не украл, никого не продал и даже никому не нагрубил, но все это были качества отрицательные. Поручить ему все-таки ничего было нельзя, потому что в таком случае потребовалось бы войти в такие подробности, предугадать которые заранее совсем невозможно. Если всего до последней мелочи ему вперед не пересказать, то он при первой же непредвиденности, или совсем станет в тупик, или так напутает, что и мудрецу распутать не под силу. Ничего от себя придумать он был не в состоянии, ни малейшей сообразительностью не обладал».

Если бы Конона перенести куда-нибудь в Азию и поместить между тамошних дикарей, то кроме более светлого цвета кожи, он почти ничем бы от них не отличался. Вообще, безжизненный, апатичный характер некоторой части нашего великорусского и, в особенности, польского простонародья сильно сближает их с представителями желтой расы, судя по тому, что передают путешественники о монгольских племенах.

Пржевальский, например, изображает тангут (в Средней Азии), как «людей мрачного характера, никогда не смеющихся и не улыбающихся, и дети которых никогда не играют и не веселятся».

О Кукунорских монголах путешественники говорят, что «они имеют выражение лица крайне тупое, глаза тусклые, бессмысленные, характер мрачный, меланхолический. В них нет ни энергии, ни желаний, а какое-то скотское равнодушие ко всему на свете, за исключением еды. Сам Кукунорский ван, человек довольно умный, рассказывая нам о своих подданных, откровенно говорил, что они только по образу походят на людей, во всем же остальном решительно скоты».

Об орочах и тазах (в Уссурийском крае) генерал Пржевальский пишет: «Появление неизвестного человека производит на этих людей впечатление не большее, чем на их собак. Какая малая разница между этим человеком и его собакою. Он (ороч) забывает всякие человеческие стремления и, как животное, заботится только о насыщении желудка. Поест мяса или рыбы, а затем идет на охоту или спать, пока голод не принудит его снова встать, развести огонь в дымном смрадном шалаше и вновь готовит себе пищу. Так проводит этот человек целую свою жизнь: сегодня для него все равно, что вчера, завтра — то же. Что сегодня. Ни чувства, ни желания, ни

радости, ни надежды, словом, ничто духовное для него не существует. На деле убедился я теперь, в истине того, что гораздо большая пропасть лежит между цивилизованным и диким человеком, нежели между этим последним и любым из высших животных».

Что меланхолия свойственна и другим народам монгольской расы, видно между прочим, из того, что Линней в своей классификации человечества «азиатцам» — приписывает характер «меланхолический», тогда как черная раса, по его определению, имеет характер «холерический» или «флегматический». Впрочем, угрюмость и молчаливость, кроме монголов, приписывается, кроме того, и родственным с ними краснокожими Америки: «Каждый, — говорит Дарвин, — кто имел случай для сравнения, был, вероятно, поражен контрастом между молчаливыми и даже угрюмыми туземцами Южной Америки и добродушными, разговорчивыми неграми».

Здесь кстати заметить, что характер, по-видимому, находится в соответствии с формой черепа. Тогда как короткоголовой монгольской расе приписывается меланхолический характер, о длинноголовых неграх мы находим отзывы совершенно противоположные. «Негры, — по словам французского путешественника Гавеляка, — как наши дети, неутомимые говоруны; можно сказать, что мысли их бегают; все служит им поводом к бесконечным разговорам и болтовне». А известный путешественник по Африке, Ливингстон, говорит, что «негры не могут сдерживать смех. Какое бы ничтожное обстоятельство ни случилось на пути, если, например, ветка заденет за груз носильщика, или он что-нибудь уронит, все, видящие это, испускают взрыв хохота; если кто-нибудь усталый сядет в стороне, каждый приветствует его таким же смехом».

Итак, данные, приведенные нами в двух последних главах, достаточно убеждают, что физические и другие отличия между крайними типами одного и того же народа так же велика, как между высшими и низшими расами человечества, а низшие классы по своей характеристике, несомненно, приближаются к дикарям.

Собравши в одно целое все признаки, отличающие низший класс от высшего, мы убедились бы, что признаки эти принадлежат питекантропу. Если же мы видим у ютландского простонародья высокий рост, а у итальянского и испанского — длинную голову, то это явление не должно нас смущать, так как оно вполне аналогично высокому росту патагонцев и длинноголовию негров.

Некоторые из низших рас, как видно, унаследовали от своих белых

предков то ту, то другую из черт высшей расы. И черты эти удержались у них совершенно так же, как удерживается какая-нибудь фамильная черта во многих поколениях одного и того же семейства. Но так как во всем остальном эти расы приближаются к питекантропу, то и становится очевидным, что признак, о котором мы говорим, не играет в их организме никакой другой роли. Никто, конечно, не станет отрицать, что существуют черты фамильные, сословные, племенные и расовые, которые придают особый тип каждой такой группе, но это не мешает в то же время различать между ними группы высшие и низшие.

Несомненно, следовательно, что внутри каждого народа, кроме процесса постоянно смешивающего все признаки отдельных лиц и приводящего всех к одному уровню, действует еще какой-то другой, обратный первому, разъединяющий черты белого дилювиального человека от черт питекантропа. Не будь его, наша мечта о бессословности, о равенстве о братстве давно бы уже осуществилась.

Что это за процесс, мы узнаем ниже.

21. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Происхождение царской власти. Положение властителей у древних и современных полуцивилизованных народов и дикарей. Мнение Герберта Спенсера, что первобытный бог есть человек. Доказательства этого положения. Вырождение расы богов. Происхождение единобожия.

Чтобы составить себе понятие об этом очень интересном вопросе, у нас нет другого средства, кроме знакомства с современным положением в государствах царей, королей, вождей, старшин и других владетельных особ. Но в цивилизованных странах взгляды на власть столько раз менялись, что трудно разобрать, что в них есть нового, что принадлежит седой старине. По этой причине мы будем гораздо ближе к источнику, если рассмотрим положение царской власти у народов диких и варварских, у которых во всех учреждениях гораздо больше остатков глубокой старины.

Властителей стран и народов нецивилизованных или просто признают божествами при жизни, или они делаются таковыми после смерти. Все пребывание начальников на земле считается лишь преходящим земным эпизодом жизни этих «божественно рожденных». Они приходят с неба, судьба задерживает их здесь и только в виде душ они снова возвращаются в свое небесное жилище. Нити их существования связаны высоко над землей. Король Идага (в Африке) говорил англичанам: «Бог создал меня по своему подобию, я равен Богу и он сделал меня королем». Если же другие короли в настоящее время и не считаются богами, то власть их все-таки выражается во множестве таких церемоний, которые приравнивают их к богам. Иногда они считаются «сыновьями неба» и власть свою «получают от неба».

Где и этого нет, к королям относятся с суеверным страхом и думают, что он них зависит дождь и урожай, или же считают их главными колдунами.

В некоторых государствах самое имя властителя неизвестно народу, а только некоторым приближенным или же, хотя и известно, но не может быть произносимо по его необыкновенной святости. Даже звуки, в него входящие, исключаются из обыденного языка его

подданных. Иногда начальник заменяет свое имя титулом, который значит ни более, ни менее, как бог. В других случаях властитель носит титул вроде следующего: «господин наших голов, владетель всего, великий, бесконечный, непогрешимый».

Очень нередко короля нельзя видеть его подданным или нельзя никому видеть, как он ест. Члены королевского тела: руки, ноги, голову, нос, рот, уши считаются священными, нельзя не только прикасаться к ним, но даже и называть по имени.

Проходить мимо властителя можно только с известной стороны. Следовать за ним или вовсе нельзя, или можно только ползком на четвереньках. Проходящие мимо короля должны бросаться на колени или ниц, натирая себе грудь и руки пылью, обнажая плечи или все тело и т. под.

Кто впадает в тень своего начальника, наступает на его тень, или закроет его своею тенью, подвергается смертной казни.

Если король что-нибудь делает, то подданные подражают всем его действиям. Он стоит-и все стоят, он садится — все садятся, если он купается — все купаются, и прохожий должен войти в воду, даже если он одет. Если король кашляет, чихает, смеется, все делают то же самое.

Король считается полным собственником своих подданных, он может их убить или продать. Не только личность его считается священной, но даже и все окружающее. В дом его нельзя входить, вещи его священны; к ним нельзя прикасаться. Всякая вещь, бывшая в употреблении короля, уже не может быть употребляема простыми смертными. Этим вещам отдается почесть в виде поклонов и коленопреклонений, даже в отсутствии их хозяина. О них не говорят прямо, а выражаются иносказательно, например, лодку начальника называют «радугой», факелы, освещающие его жилище, — «молнией», и т. д.

Когда король умирает, то на его могиле убивают тысячи народа и затем по временам орошают ее человеческой кровью.

Такие порядки сохраняются в настоящее время только у диких и полудиких народов, но они когда-то пользовались очень широким распространением, судя по тому, что в цивилизованных странах мы находим многочисленные следы их в виде разных старинных обычаев.

Если, выходя из современного положения вещей, мы спросим себя: действительно ли положение африканских, азиатских и других полудиких королей, обставляемое таким высоким почетом, соответствует их достоинствам? — то ответ, конечно, может быть

только отрицательным. Эти короли — такие же грубые дикари, как и их подданные.

В таком случае, превознесение их до небес ничто иное, как самая грубая ложь? Но почему же ложь повторяется сотнями народов в разных концах мира без всякого между ними соглашениями? Не потому ли, что у человека от природы лживая натура?

Мне кажется это невозможным. Конечно, люди могут лгать в отдельных случаях, если такая ложь необходима. Но, чтобы лгали целые народы в разных уголках мира на одну и ту же тему, совершенно одинаковым образом, это мне кажется положительно невероятным. Мне думается, что во всем том, что приписывают разные народы своим королям, есть непременно известная доля истины.

Что все вышеописанные порядки и взгляды на королей созданы в очень древние времена, видно из того, что они существовали в том же самом виде в Египте, Ассирии, Финикии и т. д., и т. п., известны с тех пор, как только помнит себя человек. Следовательно то, что нам представляется теперь ложью, могло быть истиной в древние времена и стать ложью теперь, только потому, что старинные взгляды пережили свое время. Они могли быть правдой при других условиях, при других людях и стали ложью только потому, что условия, обстановка и сами люди переменились.

Но в таком случае являются новые вопросы. Во-первых, каковы были те условия, при которых целый народ мог считать одного человека из своей среды богом или сыном неба, великим, непогрешимым, относиться к нему с суеверным страхом и во всем подражать ему? Каков был тот человек, которому приписывали способность вызывать дожди, урожай и проч.?

Я думаю, что условия для такого положения не только могли существовать в древности, но даже существуют и в настоящее время. Разве современные евреи-хасиды не поклоняются до настоящей минуты своим цадикам, как живым богам? Разве искренний и верующий католик и до сих пор не убежден в непогрешимости папы? Разве мы, современные, образованные европейцы не ищем себе постоянно живых кумиров для поклонения в лице знаменитых писателей, военных героев, высоконравственных людей и даже просто артистов или певцов? Мы называем их «великими», «божественными», и в лице их обожаем гений, который, как мы выражаемся, «ниспослан им свыше». Чего бы мы ни сделали, чем бы ни поступились, не только для того, чтобы угодить какой-нибудь

всесветной знаменитости, но даже, чтобы быть ей представленными. Разве не пожелали бы мы, чтобы какой-нибудь Ньютон, Дарвин или другой подобный гений стали во главе нашего государства?

Если во всем этом мы отказываем нашим отдаленным предкам, то только потому, что считаем их ничтожными дикарями, между которыми не могло появиться людей гениальных. Но ведь это только гипотеза, ни на чем не основанная, подсказываемая нам нашей гордостью и высоким мнением о современной цивилизации. Между тем, по той теории происхождения белого человека, которую я здесь излагаю, можно думать, что у древнего доисторического человечества, начиная с эпохи неолитической, не только были свои гении, из которых люди создавали себе кумиров, но гении эти были в отношении природного ума выше наших, так, как в их крови было менее примешано крови питекантропа.

Но если это было так, то, очень естественно, древние люди ставили гениев во главе своих государств и поклонялись им при жизни, а после смерти переносили боготворение на их потомство и на их изображения. Естественно также, что богами древности были не олицетворения сил природы, как мы думаем, а только народные гении.

Герберт Спенсер, рассматривая культ предков, и исходя из того факта, что все культуры человеческие сходятся в поклонении предкам, а святость предков возрастает с давностью их смерти, приходит к справедливому заключению, что «первобытный бог есть человек, туземец или чужеземец, превосходящий остальных людей данного племени, умилостивляемый ими при жизни и еще более умилостивляемый после смерти».

Действительно, в народных преданиях, именуемых у нас мифологией, боги изображаются очень прозаично. Во-первых, они смертны. Герберт Спенсер доказывает это следующими фактами: «В легенде о Будде говорится, что на вопрос его о встреченном трупе, проводник сказал ему: «Это конечный жребий всякой плоти: боги, люди, богатый, бедный, одинаково должны умереть». Скандинавские боги умирали и были сжигаемы, после чего возвращались в Азгард. Точно так же и египетские боги жили и умирали: в Флах и Абидосе есть фрески, изображающие погребение Озириса. И, хотя в греческом пантеоне мы имеем только один пример смерти богов, а именно пример Пана, тем не менее греческие легенды дают нам повод верить в первоначальную смертность их богов».

«В скандинавских легендах об Одине, Фрейе, Ниорде и других

рассказывается, что они пришли из Годгейма (страна богов) в Мангейм (страна людей), что они управляли Мангеймом, были там предметом обожания и поклонения и умерли, веря, что возвращаются в Годгейм.

Далее из материалов, собранных Гербертом Спенсером, видно, что «боги понимались за людей особого вида, в особенных одеждах. Имена их значили буквально «сильный», «разрушитель», «могущественный» и т. п. Они любят и ненавидят, горды и мстительны, воюют между собою, убивают и едят друг друга. Между ними происходят постоянные распри. Они болтают, пируют, пьют и забавляются весь день, а на закате солнца отправляются в постель. Они могут быть ранены и нуждаются в лечении; они умирают и их хоронят». «Нет никакого сомнения, — заключает Спенсер, — что боги возникли посредством обоготворения людей».

Но, изображая своих богов обыкновенными людьми, древние постоянно приписывают им власть над стихиями и способность творить чудеса. Они повелевают молниями, ветрами, дождями, урожаем и проч. Объяснить происхождение такого верования очень нетрудно. Если гении древности наблюдали природу, то им были известны многие ее законы, к познанию которых мы пришли теперь при помощи науки, а зная эти законы, они могли предсказывать многие явления, в особенности метеорологические. В глазах же профанов такие предсказания равносильны повелеванию силами природы. Если, например, предсказаны на известное время дождь или молния, и предсказание исполняется, то, естественно, что, профану предсказатель представляется повелителем явления: дождь идет, и молния блистает по его приказанию или по его желанию. Точно также врачевания и опыты, которые мог проделывать гений, зная законы природы, казались профанам чудесами.

Совершенно естественны и правдивы при таком взгляде рассказы о том, что их боги являлись изобретателями земледелия и хлеба, лодок и рыболовных снарядов, металлических изделий, ткачества, письма, живописи и пр., и что они учили этим знаниям свой народ.

Хотя, по народным преданиям, боги строго разграничиваются с людьми и не смешиваются с ними, но по временам им приписываются любовные связи с представителями расы человеческой. «Согласно с традиционной генеалогией, — говорит Спенсер, — боги, полубоги, а иногда и люди происходят от богов человеческим способом. Между тем, как на Востоке мы слышим о сынах Божиих, которые восхищались красотой земных дев, — тевтонские мифы рассказывают

о союзах сынов человеческих с дочерями богов».

О том, что такие союзы повлекли за собою падение богов, существуют также мифологические рассказы. «Если мы припомним, — говорит Спенсер, — что, по верованию греков, было преступлением для расы богов влюбляться в представителей людской расы, то нам не особенно трудно представить себе, каким образом возникла история». Словом, из всего этого ясно, что мифология не есть собрание, как мы думаем, небылиц, а просто биография белых гениальных людей, которых называли «богами», что-то вроде нашего «Жития святых». Так как от смешения «богов» с обыкновенными «людьми» должны были получаться существа средние, ниже богов, но выше людей, то в народных рассказах, кроме богов мы находим «полубогов» и «сынов божиих». «В первобытной истории своей страны, — говорит Спенсер, — египтяне предполагали существование трех периодов, непрерывно следовавших один за другим. В первый период царила «династия богов», за ним следовал период полубогов и, наконец, династия таинственных Манов».

«Все древнейшие государи, — говорит Герберт Спенсер, — считаются происходящими от богов. В Ассирии, Египте, у евреев, финикиян и древних бриттов имена государей везде производились от имен богов.

Позже владыки царств теряют свои сверхъестественные атрибуты и становятся государями божественного происхождения, назначенными богом, наместниками неба, королями в силу божественного права. Старая теория, однако, долго еще продолжает жить в чувствах человека, хотя по названию она уже исчезает… Даже теперь, многие, видя какого-нибудь государя в первый раз, испытывают тайное изумление, что он оказывается не более, как обыкновенным образчиком человека».

Что в государях дорожили их хорошей породой, их чистокровностью, видно из забот, которые предполагались разными народами к отыскиванию молодым королям достойных супруг. В иных местах, как на Мадагаскаре, на Сандвичевых островах, у королей мыса Гонзальва, Габуана (в Африке), в Перу и в др. странах, государям, не в пример прочим, дозволялся, и даже требовался брак с родными их сестрами и ближайшими родственницами. В иных, как в старину у нас, в России, или, как в настоящее время в Китае, царю предоставляли право выбирать себе в невесты лучшую девушку из всего народа и т. д.

Если так просто и естественно происхождение богов и их

первоначальное значение в жизни человека, то не трудно понять, что самый термин «бог» далеко не всегда был таким, как мы понимаем его теперь. В начале это было название высокой породы людей, что-то вроде нашего теперешнего понятия «гений». Надо же было отличить эту породу от обыкновенных людей, если она действительно существовала. Следовательно, то, что мы теперь знаем о сверхъестественном значении богов, настолько с течением времени растворилось, так как порода, о которой мы говорим, исчезла, выродилась и вымерла, то в воспоминаниях людей боги остались только в виде душ и духов, обитающих на небе.

Те, которые знали их лично, во время их земной жизни, передали своему потомству рассказы об их уме, характере и подвигах, вовсе не заботясь о подробностях их земного житья-бытья, а без этого в умах потомков они явились только бесплотными небожителями. Так как способностей, силы и могущества, приписываемых этим существам, уже не было на земле, род человеческий понизился, то они казались сверхъестественными, невероятными и допускались с трудом.

И вот, когда рассказы о богах-людях достаточно устарели, когда они достаточно исказились от несовершенства устной передачи, а к былям прибавились небылицы, то в конце концов случился страшный хаос, в котором так густо переплелись истина с ложью и действительность с фантазией, что разобраться во всем этом может только наука с ее строгими методами и широкими взглядами, а не простые смертные. К тому же, по данному образцу рядом с древнейшими богами постоянно плодились все новые и новые.

А потому сначала явилось сомнение в существовании богов, а затем их совсем отвергли, объявили демонами и на их место поставили отвлеченное понятие об едином истинном Боге, запретив на будущее время создавать себе новых кумиров.

Таким образом человечество разделилось на так называемых язычников, придерживавшихся по-прежнему многобожия, и последователей новой веры в единого Бога, между которыми завязалась многовековая ожесточенная борьба, не вполне заканчивающаяся и к нашему времени. Только теперь мы можем спокойно обсудить верования обеих сторон и восстановить то, что было истинного в язычестве.

22. НАША ТЕОРИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТАМИ АТАВИЗМА

Наша теория подтверждается фактами атавизма. Уродцы, порождаемые атавизмом, восстанавливают по частям белого дилювиального человека и питекантропа. Великаны. Гении. Чрезмерно-волосатые люди. Преждевременная зрелость и ее причины. Альбинизм и меланизм.

Как ни разнообразны бывают человеческие уродства, но их можно поделить на два рода. Одни, как удвоение туловища, умножение числа членов, отсутствие некоторых членов и др., можно считать патологическими в полном смысле этого слова, они очень разнообразны и редко похожи друг на друга. Другие, как альбиносы, волосатые люди, великаны, карлики т. п., воспроизводят экземпляры, похожие один на другого, как члены одной и той же расы. Эти последние имеют для нас особенно важное значение, потому что представляют такие физиологические явления, которые были нормальными многие тысячелетия тому назад. «Значительное число уродливых образований, — говорит Дарвин, — и менее резких аномалий приписывается всеми задержке развития, т. е. сохранению зародышевого состояния. На многие уродства, впрочем, едва ли можно смотреть, как на результат остановки развития, так как появляются части, ни малейшего следа которых не замечается у зародыша, но которые существуют у других представителей того же класса животных или растений, эти случаи мы с большой вероятностью можем приписать реверсии (атавизму)». «Изумителен факт, — говорит тот же писатель, — появления признаков, исчезнувших за много, по всей вероятности, за сотни поколений».

Если мнение о гибридном характере современного человечества справедливо, то мы должны ожидать у него особенно много случаев атавизма. Мы уже приводили выше слова Дарвина, что «при скрещивании двух различных пород в потомке существует, в продолжение нескольких поколений сильное стремление возвратиться к одной или к обеим родительским формам. Но решительно нет возможности установить какое-либо правило относительно того, как скоро уничтожаются все следы такого стремления». Вот почему среди

уродцев человечества нужно искать возродившимися наших отдаленных предков: белого дилювиального человека и питекантропов.

И, действительно, такое теоретическое рассуждение вполне оправдывается данными, уже добытыми наукой. Всех уродцев, в появлении которых есть основание подозревать результаты атавизма, можно подразделить на две категории. Первая восстанавливает высший родительский тип, белого дилювиального человека, а вторая — низший, питекантропов.

К первой принадлежат великаны, гении (которых по редкости их появления также можно причислить к числу уродцев), чрезмерно-волосатые люди, дети с преждевременным развитием умственным, физическим и половым, и альбиносы.

Ко второй: карлики, идиоты, кретины и микроцефалы.

Рассмотрим каждое из перечисленных уродств отдельно.

Великаны.

Настоящими великанами называют людей, имеющих более 2 метров роста. Наибольший рост, который до сих пор наблюдался, был 253 см. С научной точностью до настоящего времени описано от 50 до 70 великанов. Вес их доходил до 160 кг. Избыток роста приходился, главным образом, на чрезмерную длину ног. Великаны встречаются двух типов: один стройный, с более коротким туловищем, а другой приземистый, коренастый, с мощным развитием туловища и с почти обыкновенными конечностями. Но ноги великанов, по словам Ранке, «никогда не бывают короче туловища». По большей части при этом наблюдается чрезмерная ширина плеч, груди и таза. В большинстве случаев сила и энергия великанов понижены, но бывают и исключения, как «Шведский великан», служивший в гвардии Фридриха II, который «достаточно силен и ловок», как римский император Максимин и лейтенант американских войск фон Бускрик, отличавшийся храбростью и переносивший трудности похода не хуже людей обыкновенного роста. Умственные способности у многих великанов оказывались хорошо развитыми.

Кроме общего гигантского роста у некоторых людей наблюдался еще «частичный», при котором отдельные части тела, особенно конечности, могут разрастаться до гигантских размеров. Иногда увеличению подвергается целая половина тела, иногда только одна

конечность или одна кисть, стопа, или даже один палец.

К гигантскому росту примыкает врожденная тучность, при которой иногда наблюдается чрезмерное развитие тела. У Ранке описывается некто Наукке, у которого наряду с колоссальным развитием жира при средней величине тела, было гигантское утолщение костей и суставов, а также развитие мускулатуры. Вес его был 216,5 кг., а рост — 170 см.

Гениальные люди.

Что касается гениальных людей, то для нас, конечно, всего интереснее антропологические данные о них, указывающие на принадлежность их к белой расе. Сюда относится, прежде всего, тот несомненный факт, что все великие люди, выработавшие европейскую цивилизацию, были белые, и что цветных гениев мы почти не знаем. Далее, из черт белого дилювиального человека у гениев наблюдалась большая емкость черепа. По словам Ломброзо, «многие из гениальных людей обладали чрезвычайно большим черепом». Эта мысль прекрасно иллюстрируется следующей таблицей:

	Емкость черепа:
У Вольты	1865 куб. см.
У Канта	1740 куб. см.
8 итальян. велик. людей	1611 куб. см.
У итальянцев вообще	1553 куб. см.

К этому надо добавить со слов Карла Фохта, что череп был очень велик у Кювье, Шиллера и Наполеона 1-го.

Так как большая емкость черепа, по Велькеру, сочетается с большей величиной тела, то, следовательно, гениальным людям должен быть свойствен и высокий рост. И действительно, Ломброзо приводит из данных, полученных в Италии при наборе рекрутов, что наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных встречается в тех областях Италии, где всегда было много даровитых людей. Напротив, в тех провинциях, где процент рекрутов высокого роста меньше, — число гениальных личностей заметно понижается. Кроме того, по словам Ломброзо, гениальные люди чаще выходят из горцев, которые в Европе вообще отличаются высоким ростом. «Уже издавна замечено было, — говорит автор, — как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах особенно

много гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: «у горцев ноги толстые, а мозги нежные». В горах Тосканы между пастухами встречаются много поэтов и импровизаторов. В гористых местах Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Брешии и Комо число великих людей гораздо больше, чем в низменных». Во всех низменных странах, по словам Ломброзо — гениальные люди чрезвычайно редки.

Волосатые люди.

Чрезмерно волосатые люди, так называемые «собако- или медведеподобные», наблюдались как в прежнее, так и в новейшее время. Они встречаются среди мужчин и жен-шин, но, по словам Феликса Плятера, чаще среди мужчин. Все тело их, не исключая и лица, покрыто длинными густыми волосами, всегда мягкими, какие бывают у людей белой расы, в отличие от негроидных и монголоидных, имеющих жесткие волосы. Исключение составляла лишь знаменитая в 60-х годах Юлия Паетрана. Прежде такие люди были известны только в Европе, но в последнее время найдены в Азии и Америке. По словам Ранке, чрезмерная волосатость представляет собою только ненормальное сохранение того волосяного пушка, Lanugo, которым бывает покрыт человеческий зародыш, и который в нормальном состоянии у взрослого выпадает. Что она является атавизмом не от тех времен, когда предки человека были близки к обезьянам, а от более поздних, доказывает волосатость лица. Лицо у человекообразных обезьян остается непокрытым волосами. Кроме общей волосатости существует еще частичная, когда волосами покрываются только некоторые участки кожи, как это бывает на так называемых родимых пятнах и бородавках.

Преждевременная зрелость.

Перечисляя ряд аномалий в современном человеческом организме, д-р Мечников обращает внимание на менструацию у современных женщин, явление, которое почти у всех народов мира считается делом нечистой силы, а у иранцев была даже легенда, что менструацию первоначально вызвал злой дух разврата. Это дает повод почтенному автору предполагать, что менструации, такие, какими мы их знаем в настоящее время, т. е. в виде обильного кровоистечения, составляют

позднейшее приобретение рода человеческого. Мы имеем, говорит он, полное право предполагать что в первобытные времена браки с незрелыми девушками (до наступления менструации) были гораздо более распространены или даже постоянны, чем теперь, а при таких условиях менструаций могло или вовсе не быть, или они наступали только в исключительных случаях. Действительно, мы имеем в настоящее время немало остатков глубокой старины в народных обычаях, доказывающих что в древности ранние браки имели очень широкое распространение На острове Цейлоне мальчики еще до настоящего времени вступают в брак в 7–8 лет, а девочки — 4–5 лет. У веддов мальчики женятся 15–16 лет, на Мадагаскаре в начале XVII века они женились с 10–12 летнего возраста. Даже в Англии существует старинный закон, дозволяющий мальчикам жениться в 14 лет. То же самое доказывается и другими фактами. Наблюдения над несколькими европейскими женщинами, родившими очень рано, против ожидания, показали, что роды при этих условиях очень легки и послеродовой период вполне нормален. Известно далее, что у некоторых детей как внутренние, так и внешние признаки возмужалости наступают очень рано. Плосс приводит 44 факта раннего развития в половом отношении девочек. У них наблюдалось необыкновенно раннее появление менструации: на 2-й неделе после рождения, на 2-м месяце, на 3-м, 4, 6, 9, и т. д. Некоторые девочки выглядели старше своих лет; например, в 2 года — как в 10–12 лет, в 3 года — как в 20 и т. д. Груди вырастали у них как у взрослых, вес и рост были больше обыкновенного, а характер и манеры более серьезные, чем у обыкновенных детей. Внешние половые органы были покрыты растительностью иногда даже при рождении. При вскрытии внутренние половые органы оказывались развитыми правильно, как у взрослых. Большинство этих случаев наблюдалось у европеянок, но один был и у негритянки. Доктор Плосс добавляет, что у некоторых детей зрелость эта была патологическая, соединенная с разными болезнями, но зато у остальных, напротив, не было решительно никаких патологических изменений. «Мы ничего еще не знаем, — говорит этот автор, — о тех условиях, при которых возможны такие странные явления».

«Уже в XVIII веке, — продолжает доктор Мечников, — Рамдор указал на то, что мальчики могут обнаруживать чувство влюбленности к женщинам. Они в то же время проявляют сильную ревность и желание быть единственными обладателями любимой женщины. Факт этот очень распространен и встречается в

особенности между знаменитыми людьми. Так, Данте в 9 лет влюбился в Беатриче, Казакова был влюблен, едва достигнув 5-летнего возраста, а Байрон в 7 лет полюбил Мери Деф. У некоторых детей в колыбельном возрасте уже наблюдали проявление чувственности. Столь известные клиницисты, как Куршман и Фюрбрамер, также утверждают существование полового чувства у детей ранее 5-летнего возраста». Последствием такого явления доктор Мечников считает между прочим сильное распространение между нашей молодежью мужского пола онанизма. А у д-ра Плосса мы находим примеры тайного разврата у очень маленьких детей, иногда принимающего форму игр, что, вероятно, придется объяснить той же самой причиной.

Эти факты заставляют доктора Мечникова констатировать «ясный разлад между половой зрелостью человека и общим созреванием его организма». Но такого разлада в древности могло и не быть, так как в параллель с ранним половым развитием можно привести случаи раннего же общего развития детского организма, известные у антропологов под именем «преждевременной зрелости», когда дети уже при самом рождении выказывают чрезмерное физическое развитие. Такие дети развиваются с необыкновенной быстротой и зачастую, будучи 7–8 месяцев от роду бегают уже по улице. Вес их в момент рождения достигает до 7-10 кг., тогда как у нормальных детей он бывает в среднем около 3,2 кг. В одном из подобных случаев 4-х летний мальчик имел рост 117 см, тогда как средний рост для этих лет у немецких мальчиков — 93 см. Он был очень прожорлив и обладал такой силой, что мог снести пол мешка ржи и катать на тележке мужчину весом в 65 кг. Иногда здесь дело идет о преждевременном функционировании органов размножения без заметных признаков ускоренного общего развития тела. Но иногда, одновременно, наблюдается и то и другое; вес, рост и сила подобных детей при рождении значительно превосходит вес, рост и силу нормальных детей.

Максимильян Перта, описав случаи раннего полового развития у 5-ти девочек и четырех мальчиков, добавляет, что «почти во всех случаях, когда у ребенка рано развивались половые органы и все тело их было относительно велико, зубы появлялись раньше».

Такая же «преждевременная зрелость», кроме того, наблюдалась и в области умственного развития. Так, Тассо начал говорить, когда ему было только 6 месяцев, а семи лет он уже знал латинский язык. Ленау, будучи ребенком, импровизировал потрясавшие слушателей

проповеди и прекрасно играл на флейте и скрипке. Восьмилетнему Кардану являлся Гений и вдохновлял его. Ампер в 13 лет уже был хорошим математиком. Паскаль 10-ти лет придумал теорию акустики, основываясь на звуках, производимых тарелками, когда их расставляют на столе, а 15-ти лет написал знаменитый трактат о конических сечениях. Четырех лет Галлер уже проповедовал и 5-ти лет со страстью читал книги.

Явление это совершенно непонятно с точки зрения современной научной теории, но становится вполне естественным, если принять нашу теорию происхождения белой расы.

Очевидно, что если бы во время последнего ледникового периода, когда человечество пережило такую страшную борьбу за существование, дети созревали так же медленно, как и теперь, то они неминуемо становились бы добычею хищников и белая раса погибла бы без остатка. Следовательно, в интересах человеческого рода был такой естественный отбор, при котором созревание ребенка наступало как можно раньше, когда с первого же года своего существования он мог, если не защищаться активно, то спасаться бегством, и когда на 3-м, 4-м году своей жизни, а может быть даже и раньше, он мог размножаться. Как это мы наблюдаем в настоящее время у диких и домашних животных.

Что касается современного развития человека, при котором он беззащитнее всех животных, то оно явилось только результатом его смешения. Между прочим, это подтверждается цифрами, приведенными у Плосса, которые доказывают, что у низших рас признаки половой зрелости появляются позже, чем у европейцев, а у европейских низших классов позже, чем у высших. Некоторые из этих цифр приведены мною в главе 18, здесь же я возьму только те, которые характеризуют различные национальности. Цифры эти указывают процент девушек с преждевременными (раньше 12 лет) признаками половой зрелости. Я беру из них только некоторые, наиболее интересные:

У евреев	— 12,5 %
У немок	— 11,7 %
У русских	— 10,6 %
У финляндок	— 2,7 %
У японок	— 0,29 %

Цифры эти, разумеется, безусловно решающего значения еще пока иметь не могут, так как они брались в ошибочном предположении, что все сословия одного и того же народа совершенно равны между собой

по крови, но со временем они обещают дать очень интересные указания об этнографических различиях между национальностями. Сюда же нужно добавить, что доктор Сюлли в Кениксберге, исследовав 3 тысячи женщин, нашел, что у девочек «высокого роста» период половой зрелости наступает раньше, чем у девочек низкого роста и у «блондинок» раньше, чем у брюнеток. Ломброзо приводит также слова Паглиани, что половина девушек, начинающих менструировать в 13 лет, т. е. достигающих половой зрелости раньше времени, имеют светлые волосы, пятая часть — черные, а остальные — русые. «Таким образом, — говорит этот писатель, — блондинки раньше других созревают в половом отношении».

Альбинизм.

Альбиносы встречаются у всех человеческих рас как темного, так и светлого цвета кожи. Они наблюдались не только в Европе, но и в Африке между неграми и на островах Тихого океана. Альбиносы белой расы отличаются необыкновенной белизной кожи, а волосы их от рождения почти белого цвета. Но кроме общего альбинизма есть еще частный. Он проявляется у негров и у других цветных рас в форме белых пятен. Уже в древности было известно существование пятнистых негров. У европейцев частный альбинизм наблюдается в виде совершенно белых прядей волос, или в бороде у детей или у молодых субъектов. У старых людей такой частный или общий альбинизм принимает форму седины.

Явление, противоположное альбинизму называется «меланизмом» и заключается, наоборот, в темном окрашивании кожи у светлых рас. Частный меланизм проявляется в виде веснушек, родимых пятен, усиленной пигментации беременных и пр., а общий при так называемой аддисоновой болезни, когда кожа белого человека окрашивается в бронзовый цвет.

Если принять, что оба эти явления имеют атавистический характер, то альбинизм у негра воспроизводит цвет кожи его отдаленного белого предка, а меланизм у белого — цвет кожи его предка питекантропа. Что касается частного альбинизма и меланизма, то они соответствуют явлению пятнистой шерсти домашних животных, как результат их помеси, причем на белых животных являются черные или цветные пятна, а на цветных — белые.

Таким образом, путем атавизма перед нами воспроизводится от

поры до времени наш белый дилювиальный предок, но только не целиком, а по частям.

Если мы сложим эти части вместе, как то: высокий рост (до 235 см.), большой вес (до 160 кг), длинные, в сравнении с туловищем ноги, огромную ширину плеч, груди и таза, сильное развитие мускулатуры, большую емкость черепа (до 1855 куб. см.), гениальный ум, сильную волосатость по всему телу, белый цвет волос, раннее физическое и умственное развитие, то перед нами и получится полный портрет белого дилювиального человека. Такой именно портрет мы и нарисовали выше, рассматривая теоретически условия, при которых человечество выработалось из питекантропа в последнем ледниковом периоде.

23. АТАВИЗМ ЧЕЛОВЕКА В СТОРОНУ ПИТЕКАНТРОПА

Атавизм человека в сторону питекантропа. Карлики и кретины. Микроцефалы. Параллели из жизни животных.

Из числа форм этого рода атавизма надо упомянуть: карликов, идиотов, кретинов, микроцефалов и микседемов. Последних мы не будем рассматривать отдельно, потому что они встречаются сравнительно редко и потому исследованы очень мало.

Карлики.

Карликами называют людей, рост которых немного превышает 1 метр, но, как редкость, они встречаются еще меньшего роста. Так, известный немецкий карлик «Генерал Майт», имел росту только 82,4 см., а его 12-ти летняя невеста «Принцесса Паулина», — 72 см. Рост волос на бороде, на лице и на теле у карликов всегда слабый. Голос их пискливый. Хотя встречаются некоторые карлики совершенно правильного сложения, но это бывает сравнительно редко, чаще голова их слишком велика по туловищу, а ноги коротки. У них, по словам Ранке, большей частью замечается сильное развитие брюшных и в частности пищеварительных органов. Исследования Ранке и Карла Фохта показали, что это обстоятельство находится в связи с большею потребностью у карликов в пище. Названные исследователи составили следующую таблицу сравнительного количества пищи, поедаемой карликом и взрослым рабочим на 1 килограмм их веса:

	Белок	Безазотистые вещества
Рабочий	1,7	8,9
Карлик	2,9	20,9

Из этой таблицы видно: 1) что карлик съедает втрое больше пищи, чем обыкновенный рабочий, что свидетельствует о громадном объеме его желудка и 2) что он больше, чем рабочий поедает растительной, безазотистой пищи.

Но мы видели раньше, что крупный объем желудка и вообще пищеварительного аппарата наблюдается кроме того у европейских детей и у низших рас человечества, а в животном царстве он

составляет характерное отличие животных растительноядных.

Таким образом, у карликов кроме малого роста оказывается общим с предполагаемым питекантропом: больше голова (относительно туловища), длинное туловище, короткие ноги, объемистый желудок, приспособленный к растительной пище, слабая волосатость и высокий голос.

Идиоты и кретины.

К карликам же нужно отнести идиотов и кретинов. «В областях кретинизма, — пишет Ранке, — наряду с зобом у кретинов встречается и карликовый рост, а у идиотов рост тела значительно ослаблен».

Природа кретинизма остается еще до сих пор спорной. Одни объединяют эту болезнь с идиотизмом, а другие делают из нее особенную, специальную. Вернее же всего предполагать, что идиотизм и кретинизм — только степени одной и той же болезни. Гено разделяет кретинов на два класса: 1) кретины — идиоты и 2) собственно кретины.

В противоположность с уродствами, рассмотренными в предыдущей главе, которые чаще всего наблюдаются у высших рас, кретинизм свойствен всему человечеству. Он встречается на всем земном шаре, во всех широтах и климатах. Есть кретины в плодоносной долине Роны, в прекрасной, обширной долине Рейна, в горах и долинах Швейцарии, в Пьемонте, на Кавказе, в Африке под тропиками, в Азии на ледяных равнинах Гималаев, на сухих плато Кордильеров (на высоте 2000 метров) и, наконец, на теплых, влажных и низменных островах Океании. Это обстоятельство опровергает все гипотезы, которые причину кретинизма искали в местных условиях, например, в ветрах, в переменах температуры, в почве страны, в недостатке солнечного освещения, в плохом питании, в нравах и обычаях населения и пр.

На одной только причине происхождения кретинизма остановились ученые, это на недостатках питьевой воды. Но и тут между ними не оказалось никакого согласия, так как одни приписывают болезнь отсутствию в воде, необходимых для человека веществ, а другие, наоборот, присутствию в них некоторых веществ в ненормально большом количестве.

Относительно прошлого кретинизма можно сказать, что начало

его теряется в глубине веков, так как народные предания знают его во все известные им времена. В Древнем Риме эта болезнь была хорошо известна, так как о ней писали историки и поэты (Плиний, Овидий, Витрувий). В XVI веке о кретинах сообщал немецкий доктор Симлер, но только Сосюр (1786 г.) начинает их научное изучение.

До середины XIX столетия кретинов считали остатком особого племени. «Нельзя отрицать, — говорит Ранке, — что в наружности их действительно есть нечто, благоприятствующее на первый взгляд такому воззрению»

По этому поводу автор приводит слова Вирхова: «Всякий, кто хотя бегло рассматривал известное число кретинов, очень скоро составит себе известную общую картину их внешности, которая дает возможность с известной уверенностью выделить их из остального населения. Кретин в Альпах похож на кретина на Рейне, Майне или в долине Неккара. Можно бы было думать, что все эти индивидуумы находятся между собою в очень близком родстве, что они принадлежат к одной семье или, по крайней мере, к одному племени». Невольно возникает мысль, что мы имеем здесь дело с остатками какого-то низко организованного племени. Так это старались доказать, по крайней мере для кретинов некоторых местностей, Рамон-дэ-Карбоньепр, Шталь и Ниепс. Аккерман называет их даже особым видом человека, но современная наука считает кретинов лишь за особую форму уродства. Однако типичность этих уродцев указывает на их атавистическое происхождение.

Вместе с малым ростом кретин обладает и некоторыми другими отличительными чертами, общими ему с обыкновенными карликами, как то: большим, сравнительно с туловищем, головой, короткими оконечностями, и вздутым животом.

Кретин — существо, выродившееся физически и умственно. Он коренаст, костист, часто худощав и одутловат. Цвет его кожи то белый, синеватый, то тусклый и бурый, то желтоватый, пятнистый. Кожа вялая, сухая и холодная, по описанию, напоминающая кожу бушменов и лопарей. Она морщиниста с ранних лет, и потому кретин имеет всегда вид старообразный еще задолго до старости. По словам Вирхова, кожа кретинов ложится утолщениями, которые сравнительно легко перемещаются на слишком малом костном остове. Она не находит себе достаточно места на коротком скелете и потому везде образует утолщения, которые по большей части располагаются в поперечном направлении и соответствуют местам главного движения.

У особой формы идиотов, микседемов, составляющих середину

между идиотами и кретинами, кожа бывает затверделая, натянутая и лишенная волос; ее сравнивают с «кожей слона». Кретины неспособны ходить, а если высшие из них и ходят, то походка их вялая и перекачивающаяся с боку на бок.

Голова сдавлена спереди, она широка внизу и сужена к вершине. Лоб низкий, убегающий назад. Волосы толсты, очень густы, коротки и сильно спутаны. Цвета они русого и никогда не седеют. Кретины безбороды. Их тело совершенно безволосое, как у ребенка. Лицо их сильно прогнатично и развито в ширину. Скулы выдающиеся. Нос незначительной длины, у корня сильно вдавленный, широкий и плоский. Ноздри раздутые.

Губы толстые, вывороченные, полуоткрытые, нижняя отвислая. Из них постоянно вытекает клейкая густая слюна. Язык толстый и чрезмерно большой, выходит изо рта. Это напоминает нефа, у которого по словам Бурмейстера, язык «больше, чем у европейца». Нижняя челюсть выдается вперед больше, чем верхняя. Она толста и придает кретину вид животный. Зубы гнилые, плохо укоренившиеся. Глаза сильно расставленные, выпученные и бессмысленные. Веки отекшие, воспаленные. Ресницы и брови редкие. Взгляд кретина тупой. Подбородок его круглый. Шея коротка и толста. Голова наклонена к груди или к плечу. Извилины мозга представляются малыми и совершенно неразвитыми.

Грудная клетка искривлена и асимметрична, часто вдавлена с одной стороны. Груди у кретинки малые, дряблые, их соски в рудиментарном состоянии. Живот вздутый, выдающийся. Пупок сильно придвинут к лобку. Таз часто искривлен. Половые части у полных кретинов в рудиментарном положении. Ладони рук у кретина широки с короткими пальцами. Стопы ног объемисты и плоски.

Характер кретинов во многом напоминает низшие расы и наших детей.

У низших ступеней их отсутствуют: представление, ощущение, воля и способность к членораздельной речи. Они не выражают никакого признака радостного возбуждения или болезненного чувства. Даже половинный кретин, когда встретит на своем пути препятствия, становится в тупик от полного отсутствия всякой инициативы. На более высоких ступенях они обладают способностью выражаться более или менее отчетливыми словами и жестами и даже короткими фразами. На самых же высших ступенях, когда идиотов можно даже научить читать и писать, отвлеченные понятия для них все-таки не существуют: перед сколько-нибудь сложной задачей они

теряются. Так же, как и у дикарей, у идиотов и кретинов есть наклонность ко лжи и обману.

Кретины склонны к уединению, избегают и не любят друг друга. Они немы: голос их представляет собою только ворчание, если же они выучиваются нескольким словам, то произносят их монотонно и индифферентно. Кретины неповоротливы, ленивы, но всегда добродушны. Наконец, есть еще одна черта, общая им с низшими расами, это — фотографическая память.

Смертность между кретинами очень велика во все возрасты, в особенности в первые годы детства. Очень редкие из них достигают юношеского возраста. Кретины больше всего подвержены детским болезням: золотухе, рахитизму, дизентерии, конвульсиям и эпилепсии. В более позднем возрасте у них бывают приливы крови, мозговые апоплексии, туберкулез и воспаление желудка.

Предсмертная агония их медленна, кажется, что они мало страдают, погруженные в глубокую апатию, в состоянии которой они медленно угасают.

Наукой констатировано, что эндемия кретинизма никогда не бывает без эндемии зоба; думают, что два эти болезненные явления составляют только степени одной и той же болезни. Зобатость есть начальная степень, а кретинизм — окончательная.

Особенно сильное развитие кретинизма наблюдается в настоящее время во Франции, которая падает и во многих других отношениях. Идиотов насчитывается в этой стране до 120 000. Из французских провинций, одержимых кретинизмом, особенно выделяются: Нижние Альпы, Савойя, Изер, Ардэш, Дром, Alpes-Martimes, Верхние Пиренеи, Арьеж и Верхняя Гаронна.

Особенно богата кретинами Савойя, где приходится по одному зобатому, кретину или идиоту на каждые 139 человек. На 1000 человек населения считают:

Зобатых	50,55
Кретинов	16,20
Идиотов	5,30

Мальчиков-кретинов вообще родится более, чем девочек, так что на 7 кретинов приходится обыкновенно 6 кретинок.

Микроцефалы.

Близко к кретинам стоят так называемые микроцефалы,

малоголовые. Это тоже уродцы и, также карликовые, но они, как увидим ниже, во многом отличаются от кретинов. Вот как описывает их наружность Карл Фохт и К. Реклам.

Микроцефалы имеют вытянутый в длину плоский череп. Голова совершенно обезьянья, череп покрыт густыми, волнистыми волосами, лба нет, нос широко раскрыт, нижняя часть лица вытянута вперед в виде рыла, зубы стоят косо, язык несоразмерно велик. Вздутые, слюнявые губы, маленькие, глубоко лежащие глаза с выступающими надбровными дугами. Плоская грудь, руки несоразмерно длинны, ноги коротки и слабы. Буроватый цвет кожи. Туловище, наклоненное вперед с согнутыми коленями, придает им при ходьбе чрезвычайно большое сходство с обезьяной., идущей на задних лапах.

Объем их черепа меньше, и извилины мозга менее сложны, чем у нормальных людей. Вирхов исследовал мозг микроцефала и нашел в нем «несомненное сходство с мозгом обезьяны», в чем с ним соглашаются и другие ученые. Но, по словам Ранке, мы не вправе утверждать, что существует вид обезьян, имеющих совершенно такую же конфигурацию мозга, какую мы находим у микроцефала. Карл Фохт, много занимавшийся исследованием микроцефалов, стремился доказать что они не только имеют большое сходство с обезьянами, но и в самом деле представляют вид людей-обезьян. По его мнению, эта самая низшая человеческая разновидность, которая вновь воспроизводит низший тип, давно пройденный человеком в смысле дарвиновского учения о развитии. «Я вовсе не затрудняюсь, — говорит Фохт, — сказать, что микроцефалы представляют полный переходный ряд от человека к обезьянам, какой только можно себе представить».

Микроцефалы — добродушные, послушные созданья, несносные только своей страстью все разбивать, рвать и ломать, что попадется им в руки. Чужих они встречают удивленным, но отнюдь не робким взглядом. Они имеют сходство с кретинами: та же изогнутая наружу спина, изогнутые во внутрь колени, искривленные и во внутрь обращенные руки и пр., но есть у них и различия. Прежде всего, они хорошо развиты физически и отнюдь не представляют резкой непропорциональности в развитии, которая так поражает в кретинах. Голова у кретинов большая и бесформенная, а у микроцефалов голова маленькая. Они не страдают так часто, как кретины, зобом. Но особенно большое различие между теми и другими в характере. У кретинов слабы мускулы и все их движения медленны и тяжелы. Они страшно тупы даже на тех ступенях, когда выучиваются говорить;

ведут они себя как больные, пришедшие в упадок от прежних страданий. А микроцефалы сильны и замечательно деятельны, постоянно скачут, прыгают и делают гримасы, часто влезают на лестницу на четвереньках и очень любят лазить по мебели и по деревьям. С обезьяньим проворством они ежесекундно изменяют свое положение, двигаются проворно, часто с быстротою молнии, постоянно обращают внимание на окружающее, быстро понимают все, что случается и повторяют, если в хорошем настроении духа. Микроцефалка Мария Софья Вис наводила ужас на всех окрестных собак. Если она видела у них во рту какую-нибудь пищу, то бежала за ними, прыгала им на спину и давала пощечины до тех пор, пока собака не выпускала изо рта кусок, который микроцефалка с жадностью пожирала.

У Ранке помещено очень интересное описание одной микроцефалки, Маргариты, которую ему удалось наблюдать лично. У нее был более широкий кругозор, чем можно было допустить у микроцефалки ее возраста. Речь ее остановилась на весьма низкой ступени развития. Она выучила только слово «мама», которое и произносила в минуты оживления. По словам ее отца, было непродолжительное время, когда она выговаривала еще несколько слов, но оно скоро прошло. Во всяком случае не удалось развить ее речь дальше этого предела. Тем не менее, она объяснялась при помощи множества знаков.

Если кретины представляют собою копию тех питекантропов, с которыми смешался белый дилювиальный человек, то микроцефалы воспроизводят перед нами тип европейского питекантропа, от которого произошел сам белый человек. Именно такой живой характер, как у микроцефала, должен был иметь европейский питекантроп, чтобы не погибнуть в борьбе с хищниками животного царства. Таким был он перед ледниковым периодом или в самом начале его. Но еще разительнее будет сходство микроцефала с неандертальским человеком, если добавить, что микроцефал так же, как и этот последний, отличается «необычайно сильно выступающими костными надбровными дугами». Известно также, что Вирхов, увидав неандертальский череп, признал его «черепом идиота».

Таким образом, из описанных нами уродцев белого дилювиального человека воспроизводят по частям: великаны, гениальные люди, альбиносы, волосатые люди и дети с преждевременным созреванием, а питекантропов целиком воспроизводят карлики, идиоты, кретины и микроцефалы. Если

сложить вместе черты, характеризующие обе эти группы, то лучшего описания наших предков и не надо.

Но при этом, разумеется, необходимо помнить, что перед нами не настоящая копия высшего и низшего типа человека, а только уродцы. Все они, во-первых, бесплодны, за исключением разве гениальных людей, волосатых и альбиносов.

Кроме того, они болезненны и недолговечны и каждое из уродств сопровождается особыми специальными болезнями. Так, например, чрезмерная волосатость бывает соединена с неправильным развитием зубов. Альбиносы страдают дневною слепотой. Гиганты — поразительным несоответствием между слабым развитием нервной системы и чрезвычайной массой тела; кости их болезненно хрупки. У детей с преждевременным половым развитием Плосс в 13 случаях из 44 указывает различные болезни, как рахитизм, туберкулез, водянку головы и пр. О карликах пишут, что они «старые дети с незначительными шансами на жизнь, иногда с рахитизмом и английской болезнью». О кретинах уже и говорить нечего, они совершенно нечувствительны к окружающему миру, чувства их как бы парализованы: кретин сидит или лежит в одном положении, пока оно не будет изменено посторонней рукой. Его нужно кормить, как новорожденное дитя, а иначе он умрет с голоду. У микроцефалов бывает врожденная водянка почек. Наконец, самое дорогое для нас уродство — гениальных людей Ломброзо, как известно, сближает с сумасшедшими. «Между гениальными людьми, — говорит он, — встречаются помешанные и между сумасшедшими — гении».

Здесь надо заметить, что в только что описанных явлениях, как и во всех остальных сторонах своей жизни, человек вовсе не стоит одиноким в ряду других представителей животного царства. Параллели к этим явлениям в животном мире давно известны европейской науке.

Уже Бюффон знал, что виды изменяются, что они, по его выражению, «совершенствуются или вырождаются». Явления возврата к предкам (предполагая, по мнению многих ученых, что предки стояли всегда ниже своих потомков), т. е. такие, при которых животные вырождаются в низший тип, принято называть «атавизмом», а противоположные им, прогрессивные уклонения, вырождение в высший тип, Кунингам предлагает назвать «прогонизмом».

Случаи «атавизма» и «прогонизма» вовсе не новость и не редкость в зоологической практике. Дарвин в своей книге «Происхождение

видов» приводит их множество, хотя исключительно из жизни домашних животных, так как над дикими животными подобных наблюдений еще пока не делалось.

При реверсии или атавизме лошадей голова их делается больше и грубее, а на различных частях тела, в особенности на ногах, появляются черные полосы. Домашние свиньи приобретают темный цвет с продольными полосами, толстую щетину, длинное рыло и большие клыки дикого кабана. Овцы всех цветов вырождаются в черных. Кролики получают серебристо-серый цвет. Домашние куры вырождаются в дикий вид Gallus bankiva с красными перьями. Утки приближаются к дикой крякве и получают способность летать, а голуби вырождаются в сизых со всеми отметинами характеризующими дикого полевого голубя. Многие из домашних животных при атавизме, по словам Дарвина, лишаются старых привычек и инстинктов и приобретают новые, а по характеру становятся чрезвычайно дикими.

При прогонизме, примеров которого Дарвин приводит также немало, домашние животные увеличиваются в росте, силе и весе, становятся отважнее, уживчивее, выносливее и плодовитее.

24. ТЕОРИЯ НАША ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ФАКТАМИ ЭМБРИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Теория наша подтверждается фактами эмбриологического развития. Онтогенезис и филогенезис. С какого момента начинается онтогенезис человека. Закон единовременной наследственности. Онтогенезис существ гибридных. Зародыш человека кавказской расы повторяет белого дилювиального человека. После рождения ребенок повторяет питекантропа.

Эмбриологическое развитие животных совершается согласно известному закону Геккеля, по которому ряд форм, проходимых в течение жизни индивидуумом данного вида, есть как бы краткое обозрение тех форм, через которые проходили его предки в продолжение огромных геологических периодов. На научном языке этот закон выражается таким образом: «Онтогенезис (развитие индивидуума) есть краткое и быстрое повторение филогенезиса (истории развития рода)». Так, например, лягушка своими превращениями отчетливо повторяет историю жизни своего рыбообразного предка, с жабрами вместо легких. В этом периоде ее отдаленные предки были вполне водяным животным. Далее у нее вырастают ноги, жабры заменяются легкими, и получается род ящерицы и тритона. Наконец, отпадает хвост и наступает форма взрослого животного. Подобную же историю рода мы можем прочитать в превращениях жуков, бабочек и других насекомых.

В истории развития человеческого зародыша есть также намеки на отдаленное прошлое его рода. У него можно наблюдать: остатки жабр от того времени, когда его предок был водяным животным, хвост, когда он был четвероногим, сходство с зародышами других, низко стоящих животных и проч. Причины, производящие такие превращения нам неизвестны, но мы знаем, однако, что они внутренние, а не внешние.

Превращения человека во время его утробной жизни рассматриваются эмбриологией как сокращенная история его отдаленного прошлого, но мне не случалось встретить работ, которые взглянули бы с той же точки зрения на его внутриутробную жизнь. Это происходит, вероятно, потому, что в наших взглядах все еще

господствуют принципы Ломброзо. Мы не можем отрешиться от действия на человеческий организм внешних факторов. Но, если бы принять, что внутриутробная жизнь человека есть прямое продолжение утробной, т. е. если она управляется тоже только внутренними законами, то тогда не осталось бы места для действия на человека внешних факторов.

А между тем, разве можно утверждать, что с момента рождения человеческий организм уже перестает подчиняться закону Геккеля?

Конечно нет. Онтогенезис — это ряд последовательных изменений, совершающихся с животным в строго определенном порядке и вызываемых внутренними причинами, рождение же для организма, — фактор чисто внешний. Начато онтогенезиса нужно считать с момента зарождения организма, а конец с последним изменением, которое с организмом совершается. Если приложить это определение к жизни бабочки, то ее онтогенезис начинается с того момента, когда она зародилась в виде яичка в утробе матери, а кончается тогда, когда бабочка завершит свое последнее превращение, т. е. выйдет из куколки. После того с ней уже не совершается более никаких изменений: она кладет яички и скоро умирает. Итак, у бабочки онтогенезис продолжается всю ее жизнь.

А теперь спрашивается: когда кончается онтогенезис у птицы и у человека? Принято думать, что у птицы — с ее выходом из яйца, а у человека — с момента его рождения. Но так ли это? Очевидно нет, потому что их превращения еще не кончились. У птицы первое оперение в виде пушка и его цвет с возрастом изменяются. У человека, начиная с младенческого возраста и кончая глубокой старостью, происходит целый ряд совершенно непонятных для нас изменений.

Следовательно, настоящим окончанием онтогенезиса нужно было бы считать для человека не момент его рождения, а самое последнее изменение в старости. Можно думать, что если изменения, совершающиеся с человеческим зародышем в начале его утробной жизни, повторяют вкратце древнюю историю человеческого рода, то вся остальная его жизнь воспроизводит новую и новейшую истории. С этой точки зрения изменения, совершающиеся с человеком, представляют огромный интерес.

Является только вопрос: следуют ли эти изменения друг за другом с такой же правильностью, как и в жизни утробной?

Мне кажется, сомнения в этом быть не может. Никто еще не доказал, что законы внутренней жизни человека с момента его

рождения перестают действовать, а воздействие на человеческий организм внешних факторов еще больше как гипотеза. Если бы законы внутренней жизни после рождения человека переставали управлять человеческим организмом, то он не подчинялся бы между прочим и законам наследственности. А между тем у Дарвина мы находим: «Если какой-нибудь новый признак является у животного в молодости, то продолжает ли он существовать всю жизнь, или длится лишь временно, он непременно появится — это общее правило — у потомства в тот же самый возраст и будет существовать гак же долго. Если, далее, новый признак проявляется во время зрелости или на старости, то он склонен появятся у потомков в те же периоды жизни». А Геккель то же правило называет «законом единовременной наследственности» (Lex hereditatis homochronae), в силу которого «признаки, приобретенные родителями в известном периоде их существования, появляются у потомков в том же точно периоде».

Если, по закону Геккеля, всякое живое существо чистой породы воспроизводит в своей жизни историю своего рода, то является вопрос, какую историю будет воспроизводить существо смешанное, гибридное, составившееся из двух видов? Ответ на это мы находим у Дарвина. «Цыплята, — говорит он, — и молодые голуби, полученные от скрещивания двух окрашенных птиц, бывают вначале одного цвета, но через год или два приобретают перья и цвет другого родителя». Следовательно, гибрид воспроизводит не одну историю рода, а две: сначала одну, потом другую. Признаки одного из родителей появляются у него в одном возрасте, а признаки другого — в другом.

Если бы человек был, как принято думать, видом чистокровным, то всю его внутриутробную жизнь антропологические признаки его оставались бы неизменными. Если же они меняются по возрастам, как у скрещенных кур и голубей, то это еще лишний раз доказывает, что он существо гибридное.

Запасшись такими предварительными сведениями, обратимся к истории человеческого развития, начиная с его состояния зародыша и посмотрим, в каком возрасте его организм воспроизводит признаки белого дилювиального человека, а в каком — питекантропа. Касаться древней истории человеческого рода, когда он проходил стадии различных животных, мы не будем, а прямо обратимся к концу его утробной жизни, к 6-му месяцу, когда ребенок уже вполне сформировался.

По сходству с нашими прародителями детский возраст

современного европейца можно разделить на два периода. В первом, начиная с 6-го месяца утробной жизни, он по своим антропологическим признакам приближается к белому дилювиальному человеку, а после рождения — к питекантропу.

Действительно, для первого периода нам удалось подыскать пять признаков общих нашему ребенку с белым дилювиальным человеком:

1). Его волосатость. Тело человеческого зародыша в конце 6-го месяца покрывается, впоследствии спадающим, пушком, который называется Lanugo. «Вся поверхность тела зародыша, — говорит Дарвин, — не исключая лба и ушей, густо покрыта пухом, но замечательно, что ладони и подошвы совершенно голы, подобно большинству наших животных. Такое совпадение едва может быть случайно и мы, следовательно, должны рассматривать пушистый покров зародыша как остаток первобытной постоянной волосистой одежды. Профессор Александр Брандт сравнивал волосы на лице (чрезмерно) волосатого человека с пухом, которым покрыт зародыш, и нашел в их строении полное сходство».

2). Пушок, о котором мы говорим, — «бесцветен» или бел.

3). У большинства новорожденных детей глаза бывают голубые и только позже обращаются в карие.

4). У человеческого зародыша — длинная, относительно общей величины тела, кисть руки, постепенно укорачивающаяся у ребенка до 2-го года жизни.

5). У зародыша более длинная голова, чем у взрослого. С первого же месяца внутриутробной жизни она растет быстрее в ширину, чем в длину.

После рождения европейский ребенок получает стремление воспроизводить признаки питекантропа: зародышный пушок спадает, и тело становится голым, но цвет волос и глаз темнеет не сразу, а только постепенно. В первые годы волосы европейского ребенка в большинстве случаев светлее, чем у взрослых.

«Громадное большинство детей нашей расы, — говорит Вирхов, — рождается с голубыми глазами, но вскоре у очень многих из них голубой цвет переходит в карий. Немало детей рождается с каштановыми и даже черными волосами на голове, но еще многочисленнее случаи, когда волосы на голове новорожденного бывают светлого, нередко беловато-желтого и даже желтовато-белого цвета, а потом постепенно изменяются в каштановый и даже темно-каштановый цвет. В прусских школах на 100 детей приходилось до 14 лет — 72 блондина, а после 14 — только 61». На тот же факт

указывает и Ляпуж. «Некоторые матери, — передает он, — из религиозных целей сохраняют волосы своих детей от первой стрижки, которые потом удивляют взрослых их светлым цветом. У девушек концы их кос оказываются светлее, чем корни волос. Наконец, любопытные и в своем роде единственные таблицы оттенков волос от самых светлых до самых темных составляются у антропологов от одного и того же ребенка, если, наблюдая его развитие, они отрезают у него ежегодно по пряди волос».

Что в нашем младеческом возрасте мы, белые люди, приобретаем физические и умственные признаки питекантропа, доказывается тем, что признаки эти у нашего ребенка вполне сходятся с таковыми же у низших рас, у карликов, у кретинов и у женщин и расходятся с признаками белого мужчины. Вот некоторые из таких признаков:

1). Длинное туловище и короткие ноги, по словам Ранке и Герберта Спенсера, характерны для детского и юношеского возраста. В этом отношении наши дети сходны с женщиной, с низшими расами (в особенности с желтыми), с карликами и с человекообразными обезьянами.

2). У ребенка относительно большая голова. По Топинару, она на втором месяце утробной жизни составляет половину всего тела, при рождении — четверть, а в зрелом возрасте — восьмую. Эгой особенностью наш ребенок сходен с карликами, бушменами, эскимосами и вообще с монгольской расой.

3). Мозг белого ребенка обнаруживает сходство с женским и с мозгом негра.

4). По своему, выдающемуся над грудной клеткой, животу, наш ребенок напоминает низшие расы человечества, низшие сословия европейских народов, карликов и кретинов.

5). «Нос европейских детей представляет как бы временное образование, которое соответствует постоянным формам некоторых низших рас, в особенности австралийцев».

6). Шея у новорожденных представляется короткою, как у некоторых дикарей. Только в период между вторым годом жизни и наступлением половой зрелости она приобретает свои характерные формы.

7). Ухо у европейских детей поставлено ниже, чем у взрослых, так же, как у низших рас.

8). Огромное большинство европейских детей рождается с так называемой «монгольской складкой» на верхнем веке, которая впоследствии срастается. Складка эта характерна для монгольской

расы; она же часто наблюдается у идиотов.

9). До рождения ребенка длина кисти его руки относительно общей величины тела возрастает. После рождения происходит сравнительное укорачивание кисти до 2-го года, после чего длина ее снова увеличивается. Короткой кистью руки отличаются, как известно, бушмены, японцы низших классов и др.

10). В позвоночном стволе у ребенка не замечается никаких изгибов, чем он сходен с низшими расами. Шейный изгиб обнаруживается только на 3-м месяце, а поясничный появляется тогда, когда ребенок начинает ходить.

11). У европейских детей на 7-м месяце их утробной жизни «кожа лишена жировой подкладки, а потому морщиниста, и черты лица получаются старческие», так же, как у бушменов, лопарей и кретинов.

12). Европейские дети рождаются на свет не белыми, а красными.

13). У ребенка бывает более веснушек, чем у взрослого, а веснушки, как мы видели выше, — это пятна цветной кожи.

14). К числу черт, сближающих нашего ребенка с низшими расами и с низшими сословиями европейского общества, нужно отнести также большее, чем у взрослых сходство между полами.

В первые годы жизни по общему сложению тела невозможно отличить мальчика от девочки, их очень часто смешивают, принимая мальчика за девочку и наоборот. Такое нейтральное, можно сказать, бесполое состояние, у наших детей продолжается различное время, во всяком случае, не менее нескольких лет. Время же, когда в формах детского организма несколько яснее начинают выступать вторичные половые признаки, приблизительно совпадает с периодом первой смены зубов, т. е. на шестом или восьмом году. «В детстве и до взрослого возраста зрелости, — говорит Топинар, — скелет человеческий не различается заметным образом по полам, черты его скорее женские. В возрасте зрелости начинает обрисовываться мужчина, но только в 20 лет и позже он уже обладает всеми своими характерными чертами».

15). Физическому сходству нашего ребенка с дикарями соответствует и умственное. Эта параллель прекрасно проведена Гербертом Спенсером. «Ребенок и дикарь, — говорит он, — поглощены ощущениями и восприятиями; размышление их слабо. Дети постоянно занимаются представлениями жизни взрослых в драматической форме; дикари любят представлять в той же форме своих цивилизованных посетителей. У тех и других замечается отсутствие способности различать полезные факты от бесполезных и

неспособность к сосредоточению внимания на чем-либо сложном и отвлеченном. Ум ребенка, подобно уму дикаря, скоро начинает блуждать из стороны в сторону от утомления и истощения всякий раз, как ему приходится иметь дело с общими идеями и сложными предложениями. Дитя, подобно дикарю, обладает очень немногими словами, представляющими низкую степень отвлеченности, слов же высокой отвлеченности у него нет ни одного», и т. д.

25. ЗРЕЛЫЙ И СТАРЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ МУЖЧИНЫ КАВКАЗСКОЙ РАСЫ

Зрелый и старческий возраст мужчины кавказской расы. Голое тело человека. Плешивость. Седина. В глубокой старости человек кавказской расы воспроизводит питекантропа.

Если следить за развитием европейского мальчика, то мы увидим, что при достижении им зрелого возраста у него появляются вторичные половые признаки: усиление растительности на теле, появление так называемых «волос половой зрелости» на подбородке, губах и щеках (усы и борода), в носу и ушах, под мышками и на половых частях, изменение голоса с высокого на низкий, увеличение роста и веса, удлинение ног сравнительно с туловищем и проч., т. е. все признаки белого дилювиального человека. Некоторые из этих признаков, как например, низкий голос и растительность на лице, тесно связаны у нас с половым развитием, так как у кастратов они отсутствуют. Но в сущности они прямого отношения к половой жизни не имеют, так как у большинства низших рас, отличающихся слабым развитием растительности, волосатость вовсе не связана с половой зрелостью. У негров, например, бороды или вовсе не бывает или только в старости, бакенбарды же совсем не вырастают. А голос, как было приведено выше, у низших рас мало отличается по полам.

Связь этих признаков с половой зрелостью мужчины как бы напоминает нам о том обстоятельстве, что признаки дилювиального человека примешались к признакам питекантропа только путем полового общения, путем скрещивания.

С этого времени в мужчине начинает преобладать черты белой расы и, прерванная как бы посторонней вставкой, история развития белой расы, продолжается. Кровь ее, как бы временно побежденная кровью питекантропов, снова берет верх.

Если у современного белого мужчины густыми волосами покрывается не все тело, а только некоторые его части, на всем же остальном вырастают только коротенькие и редкие волосинки, то это можно объяснить только результатом смешения нашего белого предка с питекантропом. По этому поводу не мешает несколько дольше остановиться на голой коже человека, которая, по словам Ранке

«выделяет его из числа млекопитающих, покрытых за немногими исключениями, густою шерстью».

Факт этот уже давно интересовал науку, и немало было попыток его объяснить, но насколько мне известно, они были неудачны. Так, например, приписывали голую кожу прародине человека, которую искали в тропическом климате. Думали, что для него удобнее было быть голым, чтобы не страдать от тропических жаров. Но для того, чтобы естественный отбор мог действовать в этом направлении, нужно, чтобы волосатые люди вымерли. А в таком случае не одни люди, но и все животные тропического климата, покрытые шерстью, также должны были вымереть от жары, а это явный абсурд. На том же основании не выдерживает критики и преположение Бельта, что причиной явления были паразиты, так как невозможно допустить, чтобы от паразитов, да еще не внутренних или накожных, а наружных, могли вымирать какие-либо животные. Наконец, Дарвин сделал робкое предположение, что не лишились ли люди волос ради украшения, но при этом даже и не пытался подкрепить свои слова какими-либо доказательствами. Таким образом, вопрос о голой коже человека так и остается открытым.

Я объясняю его себе следующим образом. Как уже было сказано выше, дилювиальный человек покрылся во время ледникового периода белоснежной шерстью, которой требовала «охранительная окраска». А так как современный человек только отчасти покрыт волосами, и так как он гибрид, то ясно, что питекантропы принадлежали к числу животных безволосых и, следовательно, по закону Лейдига, были толстокожими. И, действительно, есть данные, подтверждающие такой вывод. Если низшие расы, в отличие от европейца, имеют в своих жилах более крови питекантропов, то ясно, что у них же мы должны искать и черты, отличавшие этих последних. И вот, в связи со слабой волосатостью желтой и черной расы, при измерении кожи негров она оказалась толще, чем кожа европейцев. Кроме того, у некоторых из низших рас кожа отличается тем, что дает многочисленные складки, подобно коже слонов. Так, например, бушменов Фритч описывает следующим образом: «Кожа бушмена уже с молодых лет поразительно суха, тоща и не снабжена жиром. При этом она имеет еще своеобразное строение, которое скорее можно сравнить со строением дубленной овечьей кожи. По-видимому, она лишилась своей эластичности уже на живом теле; повсюду, где она подвергается временному растяжению, как например в подмышечной впадине, на животе, вокруг колен и проч., кожа не

натянута, но ложится глубокими складками». Нечто подобное пишут также о лопарях. «Они все худощавы и лица их так морщинисты, что даже самые молодые из них кажутся стариками. У кожи лопарей незначительная жировая подстилка». Но при этом надо все таки не забывать, что современные бушмены и лопари не питекантропы, а помесь с белой расой. Следовательно, у настоящих питекантропов кожа имела еще более сходство со слоновой. Если припомнить, что у кретинов, которых мы считаем за питекантропов, возрождающихся путем атавизма, кожа так же морщиниста и по описанию сходна с кожей бушменов, а у мекседемов, одной из разновидностей кретина, кожа бывает «затверделая, натянутая и лишенная волос», которую сравнивают с «кожей слона», наконец, если прибавить, что тело кретинов «безволосое, как у ребенка», то придется принять, согласно с Мортилье, что голая кожа унаследована нашим предком от ископаемой человекообразной обезьяной — обезьяны Oreopithcus Bambolii, которая занимала место в конце ряда человекообразных обезьян после гориллы и между Cynocefalus и макаком.

Теперь спрашивается, какой же вид должна была принять кожа у гибридов, составившихся из смеси волосатых людей с существами, покрытыми голой кожей. Ответ на это дает нам Дарвин: «По словам Ренггера, — говорит он, — нагота парагвайских собак или вполне передается, или вовсе не передается ублюдкам; однако, мне случалось видеть частное исключение на одной собаке такого происхождения, у которой часть кожи была покрыта волосами и часть нагая, причем обе части разделялись так же, как у пегих животных». Так как и мне самому доводилось наблюдать то же самое явление, то я и заключаю отсюда, что у ублюдков от голого и волосатого животного распределение на теле волосатых мест следует приблизительно тому же закону, как цветные пятна у пегих животных, т. е. получается животное с голой кожей, на которой только некоторые участки покрыты шерстью. И, действительно, современный человек, в особенности европеец, представляет нам именно подобную картину; он весь голый, за исключением верхней части головы, бровей, бороды, усов, подмышечной впадины и половых органов.

Известно далее, что у пегих животных цветные пятна располагаются двояко: у одних без всякой правильности и симметрии, а у других, как «подпалины» у гончих собак, всегда на одном и том же месте. Последнее повторяется и у людей с их волосяными пятнами. Произошло это, вероятно, потому, что у белого дилювиального человека волосяной покров был не везде одинаков. На тех местах, где

теперь сохранились волосы, он был гуще, чем на остальном теле. И, действительно, по Дарвину, «тонкий шерстообразный пух», так называемый Lanugo, «появляется у человеческого зародыша прежде всего на бровях и лице, в особенности вокруг рта».

Что касается волосяного покрова на голове взрослого мужчины кавказской расы, то здесь у некоторых индивидуумов замечается особенность, свойственная почти исключительно ему, а именно лысина. Известно, что она встречается редко: у женщин белой расы, у наших низших сословий, у низших рас и у кретинов. У негров, по исследованию Гульда, плешивость бывает реже, чем у белых. Мулаты страдают ею чаще, чем негры, но реже, чем белые. У краснокожих индейцев она еще более редкое явление, чем у негров.

Все это дает повод заключить, что густая шевелюра была принадлежностью питекантропа, а у белого дилювиального человека, хотя не было лысины, но голова была покрыта более короткими и редкими волосами, чем усы и борода. Действительно, у Дарвина мы находим, что «у человеческого зародыша волосы на лице длиннее, чем на голове». «Отсюда следует, — говорит этот ученый, — что наши получеловеческие родоначальники не имели длинных косм, и что последние — приобретение позднейшего времени».

Поэтому густая шевелюра в настоящее время составляет принадлежность тех людей, которые ближе но крови к питекантропу, т. е. у низших рас, низших сословий в Европе и женщин, а лысина — у тех, которые приближаются к белому дилювиальному человек. «Существует, по-видимому, известное соотношение, — говорит Деникер, — между обилием волос на голове и на теле. По наблюдениям Гильгендорфа, у японцев при слабой растительности волос на остальном теле, имеется по 252 и до 286 головных волос на квадратный сантиметр кожи, тогда как у волосатых айносов число это доходит только до 214».

Происхождение лысины объясняют обыкновенно слабостью волосяных мешочков, происходящею от старости и от неблагоприятных условий культурной жизни. Но мне это объяснение кажется неправдоподобным. Во-первых, в настоящее время вовсе не редкость встретить лысых между молодыми мужчинами. Во-вторых, если культура имеет влияние на выпадение у человека волос, то почему они крепко сидят на голове у культурной женщины, а полное отсутствие волос на голове в виде врожденного уродства встречается у папуасов Новой Гвинеи, ничего общего с культурой не имеющих.

Исчезновение у европейского питекантропа его богатой

шевелюры, несмотря на холод ледникового периода, мне кажется, будет понятно из следующего:

По словам Ломброзо, мыслителям, так же как и помешанным, свойственно постоянное переполнение мозга кровью (гиппермия). Мы знаем также, что для понижения температуры крови и для уменьшения ее прилива к голове в больницах для умалишенных прибегают к бритью головы и к поливанию ее холодной водой. Следовательно, густой волосяной покров на голове, как плохой проводник тепла, в некоторых случаях может явится помехой для правильного отправления мозга.

Если у первобытного человека ледникового периода кровеносные сосуды на поверхности всего тела были покрыты только безволосой кожей, а на голове толстой костью черепа с шапкой длинных густых волос и, если, вследствие хода естественного отбора, температура крови и ее приток к мозгу должны были повыситься, то кровь в голове стала гораздо сильнее нагреваться, чем во всем остальном теле. Чтобы установить равновесие температуры между головой и остальным телом, нужно было одно из двух: или чтобы кожа на всем теле утолстилась и покрылась такими же густыми волосами, как на голове, или, чтобы голова освободилась от излишнего волосяного покрова. Последнее, разумеется, было проще. Позже, когда белый дилювиальный человек смешался с питекантропом и унаследовал от него густую шевелюру, это во многих случаях должно было вредно отозваться на его мозгу. А именно, если человек наследовал полнокровие и гиппермию от белого предка, а волосяной покров на голове от питекантропа, то температура крови в его голове становилась слишком высока. Это нарушало правильность отправления мозга и, вероятно, заставило принять в виде гигиенической меры, как обязательный обычай, бритье головы, которое мы в настоящее время и наблюдаем у мусульман, китайцев и многих других народов.

Наоборот, если смешанный человек наследовал от белого предка размеры, устройство головы и ее слабую растительность, а от питекантропа — слабое кровообращение, то голова его зябла и снова получалось неправильное отправление мозга. Это вызывало как гигиеническую меру ношение шапки, с которой европеец в настоящее время никогда не расстается под открытым небом, а у евреев требуется ношение ее даже в храме молитвы.

Кроме того, допустив, что слабая растительность на голове была совершенно нормальным явлением у белого дилювиального человека,

мы найдем подтверждение нашей догадки еще и в других фактах действительности. Так, например, известно, что голова наша легче переносит низкую температуру, чем все остальное тело и наоборот, не выносит высокой температуры. Пот, который понижает температуру тела, являясь регулятором против сильного ее повышения, выступает у нас прежде всего на лбу. Вероятно, отсюда же берет свое начало древнее народное гигиеническое правило: «держи голову в холоде, а ноги в тепле».

Но все приведенные нами факты говорят только о причинах слабости волосяного покрова на голове белого дилювиального человека. Что же касается полного отсутствия волос на этой части тела у смешанных рас к нему близких, то его, вероятно, нужно отнести к результатам смешения. Волосяной покров исчезает на голове, надо полагать, потому же, почему и на всем остальном теле.

Если мы обратимся теперь к старческому возрасту белого мужчины, то встретим явление, хотя всем нам очень хорошо известное, но тем не менее остающееся в некоторых отношениях загадочным. Я говорю о седине. Появление седины физиологи объясняют тем, что старые окрашенные волосы постепенно выпадают и заменяются новыми, лишенными красящего вещества, но зато очень богатыми воздухом. Само уничтожение красящего вещества объясняется поглощением клеток или зерен его фагоцитами (белыми кровяными шариками). На этих объяснениях мы обыкновенно и успокаиваемся, считая явление седины совершенно понятным. Мы так свыклись с видимой связью седины со старостью, что считаем эти два явления неразлучными. Но между тем, если присмотреться к делу поближе, то сейчас же являются вопросы неразрешимые при нашем современном знании. Оказывается, например, что различные человеческие расы, различные сословия и оба пола неодинаково относятся к седине. Антропологи говорят нам, что седина составляет чуть ли не исключительную принадлежность белой расы и ищут причину этого в нашей культуре. «Седых голов между европейцами, — говорит Ранке, — встречается всего больше. Седение начинается у нас вообще раньше, чем у других народов. Несомненно, что обесцвечивание волос в старости встречается у темноцветных племен гораздо реже и наступает позже, чем у европейцев». Все-таки среди черных Африки, по словам Фритча и др., не очень редко можно видеть седых, гораздо реже они встречаются среди американских индейцев. По данным Форбса, у индейцев Перу волосы не седеют. Приблизительно тоже говорит по этому поводу и А. фон Гумбольдт:

«Путешественники, которые судят лишь по физиономии индейцев, склонны думать, что между ними мало стариков. И, действительно, очень трудно составить понятие о возрасте туземцев, если не просматривать метрических списков… Волосы их никогда не седеют, и гораздо труднее встретить индейца, чем негра, с белыми волосами».

К этому я должен добавить свое собственное наблюдение, что между нашими и, в особенности, польскими крестьянами гораздо реже, чем между интеллигенцией, можно видеть седых стариков. Волосы их иногда до глубокой старости сохраняют свой первоначальный цвет. У кретинов, как было говорено выше, волосы никогда не седеют.

Факты такого рода объясняют обыкновенно тем, что культура разрушает и старит человека скорее, чем следует. Но это объяснение не основано ни на чем ином, кроме совпадения более полной седины с областью распространения культуры, а потому с полным правом его можно заменить другим, а именно, что седение в старости есть такой же антропологический признак современной белой расы, как длинная голова, высокий рост, короткое туловище и проч. Происходит она не от каких-либо внешних факторов, а по закону Геккеля, как воспроизведение в жизни индивидуума истории развития его рода.

Наблюдая даже поверхностно случаи полной или частной преждевременной седины, мы убеждаемся, что она вовсе не является одним из симптомов разрушения тела. Человек, преждевременно поседевший, не отличается от других людей ни в отношении здоровья, ни в отношении половой жизни, а потому седина совершенно неосновательно считается у нас признаком разрушения. В жизни человека она играет такую же роль, как белый цвет шерсти у кошки или собаки. Это ничто иное, как альбинизм, появляющийся у мужчин и, сравнительно реже, у женщин тех рас, которые стоят по крови ближе к белому дилювиальному человеку, как одна из характерных черт этого последнего. Ее появление совпадает с концом зрелого возраста. Если же мы привыкли относить ее к старости, то это потому, что одновременно с ней впервые появляются у человека и другие черты, явно принадлежащие старости.

Что к старческому возрасту у европейца все более и более прибавляется черт белого дилювиального человека, доказывает, между прочим, и тот факт, что «частичный гигантский рост», т. е. чрезмерное расстояние отдельных частей тела, случается обыкновенно «в более поздней поре жизни».

Сверх того, в старости у белого человека обоих полов появляются

еще многие другие признаки, которые его белому дилювиальному предку не принадлежат: 1) кожа его лишается жировой подкладки и складывается в морщины, 2) цвет кожи становится красным, желтым или темным. Впрочем, окрашивание кожи, так же, как и морщины, появляется у человека в небольшом количестве еще в зрелом возрасте далеко до старости. Потемнение кожи дает, между прочим, возможность различать по наружности возраст белого человека. Кроме того, в старости замечается 3) уменьшение роста человека. Так, по измерениям Кетле в Бельгии, максимум роста приходится на возраст от 30 до 50 лет, а потом уменьшается следующим образом:

	Мужчины	Женщины
50 лет	1,686 м	1,580 м
60 лет	1,676 м	1,571 м
70 лет	1,660 м	1,556 м
80 лет	1,636 м	1,570 м

Вместе с тем, 4) ноги у старика сгибаются в коленях, и сам он сгорбливается, нуждаясь в палке для ходьбы. Рассказывают также, 5) что в глубокой старости (после 100 лет) у человека вновь прорезываются зубы и темнеют волосы. Что касается новых зубов, то мне самому приходилось наблюдать их у 120-летнего старика-еврея в Новоградоволынске.

Наконец, 6) в глубокой старости человек «впадает в детство», т. е. теряет память и становится так глуп и наивен, как ребенок. По словам одной болгарской сказки, он переживает в это время «возраст обезьяны», по своему безобразию и потому, что всех смешит своим поведением.

Если теперь припомнить характеристику низших рас и детей, то нетрудно догадаться, что шесть перечисленных признаков принадлежат питекантропу, в которого, таким образом, снова и обращается белый человек второй раз в глубокой старости.

Следовательно, эмбриологическое развитие современного белого мужчины заключается в том, что он два раза приближается к белому дилювиальному человеку: в состоянии зародыша и в зрелом возрасте, и два раза к питекантропу: в раннем детстве и глубокой старости.

26. ЭМБРИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Эмбриональное развитие европейской женщины. В старости женщина приближается к мужчине.

Если мы перейдем к истории развития европейской женщины, то увидим, что в то время, когда белый мальчик начинает приобретать вторичные половые признаки, т. е. особенности белого человека, девочка отстает от него и на всю жизнь сохраняет многие черты, общие ей с ребенком и низшими расами.

Рассматривая особенности женщины, доктор Мечников обращает внимание на тот факт, что половая чувственность развивается у нее гораздо позже, чем у мужчин. «В эпоху, — говорит он, — когда специфическая чувствительность женщины достигает своего апогея, половое отправление мужчины начинает уже падать… Следствием этого бывает супружеская неверность. Тот факт, — говорит Мечников, — что нечто, столь фундаментально противоположное природе и ее главной цели, размножению, производится самой природой, является невероятным парадоксом, объяснение которого составляет одну из самых трудных задач». Задача эта является не столь уже трудной, если принять нашу теорию.

Сильная половая чувствительность есть один из антропологических признаков белого дилювиального человека. Белая женщина получает ее позже, чем современный белый мужчина, так же, как и все другие признаки нашего дилювиального предка.

«Около 40 лет или позже, — говорит Топинар, — различия между полами снова начинают стушевываться и в глубокой старости оба пола становятся друг на друга похожими, но тогда уже черты их более мужские». У некоторых молодых женщин, правда довольно редко, пробивается небольшая борода и усы. Но зато под старость, когда у женщины начинаются «старческие изменения», на лице ее, а особенно на подбородке и на нижней губе, появляются толстые щетинистые волосы, и вырастает настоящая, хотя и довольно редкая борода. М. Бартельс описал значительное число таких бородатых женщин.

Старческие изменения, по словам Плосса, вообще сглаживают половые особенности женщины. Между прочим, в это время и голос у нее становится грубым и басистым. То, что сказано о бороде у

женщин, можно повторить и о их седине. Женщины седеют значительно позже мужчин и седина наблюдается у них менее часто. Наконец, еще одна особенность, отличающая мужчину от женщины, тоже проявляется у женщин преимущественно старых, — это выдающиеся надбровные дуги. Заметив, что у древних черепов дуги эти встречаются только у мужчин, Карл Фохт говорит, что у тех народов, которые отличаются особенно сильно выдающимися надбровными дугами, эти последние встречаются только у мужчин, а у женщин являются в исключительных случаях у субъектов в возрасте матроны.

Совершенно подобное и, по всей вероятности, происходящее от той же самой причины, т. е. скрещивания видов, наблюдается и у животных. Брандт обратил внимание на то обстоятельство, что самки многих птиц, например, кур, уток, тетерок, под старость приобретают оперение, а иногда и голос самцов, т. е. делаются петухоперыми. Эти аномалии он назвал «пророческими», так как видит в них стремление самки последовать за самцом в приобретении отличительных для его пола признаков.

Из всего приведенного видно, что онтогенезис европейской женщины идет совершенно в том же порядке, как и у мужчины, но период преобладания признаков питекантропа у нее продолжительнее, а потому развитие ее кажется опаздывающим по сравнению с мужским.

27. ЭМБРИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ У НИЗШИХ РАС

Эмбриональное развитие низших рас. Дети низших рас сходны с белым человеком. Раннее развитие детей низших рас. Зрелый возраст низших рас — приближение к питекантропу. Объяснение случаев одичания образованных людей из низших рас. Процесс развития у низших классов Европы одинаков с таковым же у низших рас.

У цветных рас эмбриологическое развитие, по-видимому, идет как раз обратно европейскому. Негрский ребенок имеет в детстве более черт белой расы, чем волосатый негр, но к зрелому возрасту мало-помалу теряет их. Цвет его кожи вначале не черный, а красный или светло-серый, по другим источникам — красно-коричневый, а по третьим — красный с примесью грязного, орехово-бурого оттенка. Этот цвет переходит потом в аспидно-серый и, наконец — в черный. В Судане черный цвет кожи у негритенка устанавливается по прошествии года, а в Египте не раньше трехлетнего возраста.

Глаза негритенка бывают сначала голубые, а волосы скорее каштановые или темно-русые, чем черные. Они сначала прямые, тонкие и шелковистые, как у европейца, а вьются только на концах. По окончании прорезывания зубов, начинают появляться характерные признаки нефа. Но все же, молодой негр до возраста возмужалости сохраняет приятную наружность.

Относительно строения головы замечают отсутствие у негрского ребенка косозубия, а по Фритчу, маленькие дети кафров имеют более длинную голову, чем взрослые.

Д-р Вольф, исследовавший область южных притоков реки Конго, пишет, что он как на морском берегу, так и в глубине страны видел новорожденных светло-розовыми и поразительно похожими на младенцев кавказской расы.

Подобное же развитие замечают и у остальных цветных рас. Шеллонг видел на Новой Гвинее новорожденного папуаса. Мать-папуаска имела темно-бурый цвет кожи, а ребенок, мальчик, был поразительно светлого, почти белого цвета. У австралийцев дети при рождении красновато-коричневые и темнеют со временем. У парагвайских гуаранов они беловато-желтые, но через несколько недель приобретают уже желтовато-коричневый цвет своих

родителей. Подобные же наблюдения были сделаны и в других частях Америки. У огнеземельцев дети до пятого года жизни не темнее европейских детей. У эскимосов и северо-американских индейцев они менее пигментированы и походят на новорожденных белых. Новорожденные корейцы, ботокуды, малайцы, калмыки и другие дети цветных рас далеко не так желты или темны, как взрослые их одноплеменники.

У калмыцких детей волосы мягкие, тонкие, слегка кудрявые, делаются впоследствии прямыми, толстыми и гладкими.

У японцев новорожденные и маленькие дети имеют волосы почти черные, а позже до 4 лет черные волосы встречаются редко. Многие дети, особенно уличные, т. е. принадлежащие к низшим классам, в Европе без колебаний признаны были бы за блондинов. У японских детей, кроме того, нет косозубия, как у взрослых и нет выдающихся скул.

Два типа человеческого развития, о которых мы говорим, по-видимому, известны европейской науке давно: Карл Реклам (в 1878 году) приводит два противоположные мнения двух групп ученых. Путешественники, говорит он, в странах, обитаемых исключительно неграми, сделали наблюдение, что у негров дети рождаются с бледной кожей, формой головы и чертами лица, напоминающими белую расу. Одни объясняют этот факт тем, что организм ребенка воспроизводит более ранние времена, а, следовательно, все негры были когда-то белыми, и человек белой расы произошел от негра. А другие ученые обращают внимание на то, что в странах славянских (?) дети иногда отличаются негрообразным черепом и негрскими чертами лица, а кожа у них, если не черная, то темная, поэтому думают, что, наоборот, белые произошли от негров.

> *«По своим душевным способностям негритенок не уступает белому ребенку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. В Америке дети негров не только не уступают белым детям, но даже превосходят их понятливостью и желанием учиться, так что им часто поручают повторение и выслушивание уроков. Но как только наступает роковой период возмужалости, то вместе с сращением черепных швов и выступанием вперед челюстей, у них наблюдается тот же процесс, как и у обезьян: индивидуум становится неспособным к развитию».*

Об австралийских детях Ш. Летурно пишет: «В школе маленькие австралийцы по некоторым предметам успевают не хуже детей белых. Подобно им, и даже почти так же легко, они выучивались читать и писать… Затем, после того, как оканчивалось европейское воспитание, они часто возвращались в состояние дикости».

Герберт Спенсер в своих «Основаниях психологии» приводит свидетельства путешественников о неграх Северо-Американских Соединенных Штатов, о неграх долины Нила, об андаманцах, новозеландцах и гавайцах. Свидетельства эти показывают, что дети всех этих рас живее европейских детей в приобретении простых идей, но потом они скоро совсем останавливаются на пути своего развития. «В виде дальнейших примеров, — говорит Спенсер, — я могу прибавить замечание Рида, что в тропической Африке дети «нелепо скороспелы», утверждение капитана Бертона, что «дети негров, подобно детям индусов, гораздо способнее европейских детей, но после наступления половой зрелости эти способности исчезают», а также описания алеутов полуострова Аляски, которые до известного предела «учатся весьма легко». Об австралийце мы находим там же, что по достижении им 25-летнего возраста его умственная сила кажется свернувшей под гору, а в сорок лет она кажется совсем потухшей».

По мнению доктора Хуггинса, проживавшего несколько лет на С. Винценте, негритянские мальчики нисколько не ниже белых детей в отношении способностей, напротив, в общем они кажутся даже развитее, потому что больше предоставлены самим себе и ранее приучаются действовать самостоятельно.

Рербах говорит, что в Тринидадских школах индийские мальчики превосходят как черных, так и белых детей чистотою и красотою почерка, и искуснее их во всех рукоделиях. Дети негров в Соединенных Штатах выучиваются тоже гораздо скорее белых всему, кроме математики, пишут же они с большим трудом, вследствие неуклюжести их пальцев. Спеке тоже удивляется быстроте, с которою учатся дети негров, и находчивости, с которой они отвечают на предлагаемые им вопросы.

Период критический, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого. За это говорит также более раннее срастание швов черепа у негра.

Следовательно, у низших рас процесс эмбрионального развития идет совершенно обратно нашему. В утробе матери дикарь является, по-видимому, питекантропом, судя по тому, что у японцев дети до 4-х

летнего возраста имеют волосы чернее, чем позже. Далее, в то время, как наш ребенок приближается к питекантропу, человек низшей расы обнаруживает черты белого человека. К зрелому возрасту он стремится к питекантропу, и, наконец, в глубокой старости, чего требует симметрия, вероятно, опять приближается к белому человеку.

Т. е. можно думать, что у низших рас в их истории эмбрионального развития, так же, как и у высших, есть два периода, соответствующие белому человеку, и два — питекантропу, но прямо противоположные нашим по времени, отчего общая картина развития человека низших рас представляется полнейшим негативом, если развитие европейцев принять за позитив.

Этим же рядом фактов объясняется с первого взгляда загадочное явление, нередко наблюдаемое у дикарей, воспитанных в европейских школах. После того, как оканчивалось европейское воспитание, говорит Ш. Летурно, австралийцы очень часто возвращались в состояние дикости. Первые случаи такого рецидивизма дикости крайне изумили европейцев. История австралийца Бенилона долго пользовалась общею известностью. Это был туземец, воспитанный в Англии и, по-видимому, совершенно оевропеившийся, возвратившись в Сидней, он, по приказанию короля, был принят губернатором и допущен к его столу. Везде его принимали с распростертыми объятиями. Несмотря на это, у него, Бог знает почему, постоянно был скучающий, опечаленный вид. Скоро причина этого была открыта. В один прекрасный день Бенилон сбросил свое европейское платье, распростился с изысканной жизнью и возвратился в леса к своим соотечественникам, чтобы разделять с ними их жалкое существование.

В настоящее время такие случаи возврата природных склонностей, появляющегося очень быстро, несмотря на европейское обучение, хорошо известны, заключает Ш. Летурно, и не поражают никого.

Такие же случаи бывают и у голландцев с готтентотами. «Один молодой готтентот, воспитанный губернатором Ван-дер-Делем в голландском духе, в правилах протестанизма, говоривший на нескольких языках и проявлявший большие умственные способности, сулившие ему блестящую будущность, был послан в Индию и там исправлял какую-то общественную должность, но, возвратившись на мыс Доброй Надежды, сбросил с себя европейское платье, облачился в баранью шкуру и, явившись в таком виде к губернатору, торжественно отрекся от общества образованных людей и от христианской религии, объявив, что хочет жить и умереть, оставаясь

верным религии и обычаям своих предков.

Те же факты замечаются и у алжирских арабов, получающих образование во французских школах, а французы, кроме того наблюдают их у своих низших классов. «Аналогичные факты, — пишет А. Дюмонт в письме Ш. Летурно, — не редки даже и у нас. Сын одного крестьянина Южной Франции, говоривший в детстве на местном наречии, выучивается говорить по-французски, поступает в колледж, приезжает в Париж и слушает курс юридических наук. Он поступает в магистратуру, но, возвратясь на родину, охотно говорит на родном нижне-французском языке и усваивает опять большую часть привычек детства. То же самое замечается между крестьянами Hague. В Париже такой крестьянин становится более светским человеком и исправляет свой скверный акцент, но, по возвращении домой, опять быстро забывает все это».

Бреннер Шеффер констатирует, что среди Оберпфальцского сельского населения «развивающаяся девушка красива только в ранние годы своей жизни; затем формы делаются грубее и массивнее и после нескольких родов эта, прежде цветущая женщина, превращается (раньше времени) в матрону».

Гольдшмидт то же нашел на севере Германии: «Красота и юношеская свежесть более бедных людей в Северо-Западной Германии, к сожалению, кратковременны; они не сохраняются долго после детского возраста». У женщин теряется полнота, на лице появляются преждевременные морщины, формы тела теряют свою гибкость и делаются угловатыми. «Я часто принимал женщин, показывавших мне своих ребят, за бабушек последних. Все движения бедных детей в ранние годы более свободны и легки. Но ловкость и подвижность скоро исчезают, и в периоде едва наступившей возмужалости уже сменяются неподвижностью преждевременной старости».

У нас в России рецивидизм низших классов проявляется, между прочим, в том, что значительная часть их, выучившись чтению и письму в детстве, достигши зрелого возраста, все это забывает. На существование же в низших слоях наших такого типа развития, который был подмечен у низших рас, между прочим, свидетельствует разумность и самостоятельность крестьянских ребят в сравнении с городскими того же возраста, о чем существует не мало указаний в нашей литературе.

Само собой разумеется, что мы можем здесь наметить только главнейшие типические формы развития, но, так как человечество

страшно перемешалось и продолжает мешаться непрерывно, то, во-первых, кроме двух приведенных форм развития, самых крайних, существует еще множество промежуточных, переходных, а во-вторых, как европейский тип развития может иногда встречаться у дикарей, так и обратно, тип развития низших рас у европейцев.

Этим фактом объясняются, между прочим, некоторые явления из психологии наших детей. Так, например, становится понятным, почему наши дети, проявляющие в раннем возрасте необыкновенные способности, к зрелому возрасту зачастую становятся самыми заурядными бездарностями и, наоборот, дети с очень плохими способностями в раннем детстве к зрелому возрасту нередко становятся талантливыми. В первом случае развитие ребенка совершается так же, как у дикарей, а во втором получается европейская форма развития.

28. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИИ НАРОДНЫМИ ПРЕДАНИЯМИ И ОБЫЧАЯМИ

Подтверждение теории народными преданиями. Жизнь в пещерах дилювиального человека отразилась в жизни, верованиях и похоронном обряде современных людей. Культ камня. Предания о происхождении племен от смеси человека с животными. Питекантроп в народных преданиях. Грехопадение и расселение человека по земле. Культ предков. Предания о золотом веке.

Мы привыкли считать народную память чем-то в высшей степени слабым и ненадежным, а, между тем, самое поверхностное знакомство с этнографической литературой убеждает нас в противном и заставляет удивляться необыкновенной ясности и силе народной памяти, для которой, по-видимому, не только тысячелетия, но даже десятки тысячелетий были ни по чем.

Закончив мою настоящую работу, я нашел, к моему величайшему удавлению, что в тех самых народных преданиях, мимо которых я прежде проходил с пренебрежением, находится полное подтверждение, до малейших подробностей, данных моей теории, выведенных из фактов зоологии, антропологии и археологии.

Пещеры и камни.

Археологи, как мы видели выше, утверждают, что человек дилювиального периода жил в пещерах. Это же самое видно из народных преданий и обычаев. По крайней мере, половина всех племен, населяющих Америку, по словам Герберта Спенсера, думает, что «человек был сотворен под землею в скалистых пещерах гор». «Такое понятие, — говорит автор, — едва ли могло возникнуть между людьми, предки которых не обитали в пещерах». Такого же мнения о происхождении человека придерживаются басуты, бечуаны и некоторые другие африканские негры, а также тодасы Индии.

О том же свидетельствуют и похоронные обычаи разных народов. Вместе с проживанием в пещерах, в них же совершалось и погребение. Такой обычай сохранялся еще долго после того, как люди

начали жить в настоящих домах. «Эта связь похоронного обычая с древним жилищем особенно заметен в Америке, где мы находим ее от Огненной Земли до Мексики. Ведды в Индии, живущие в пещерах, еще до очень недавнего времени, имели обыкновение оставлять покойника там, где он умирал, а сами отыскивали себе другую пещеру. Такой же самый способ погребения был у древних евреев и сохранился до настоящего времени у хевсур на Кавказе, на Новой Гвинее, у жителей островов Гамбье и Сандвичевых. Вероятно так же в глубокой древности хоронило своих покойников и большинство народов, но по мере расселения должно было изменить этот обычай под влиянием местных условий. Так, например, гвианские индейцы хоронят своих мертвых в пещерах, но за отсутствием таковых, кладут в расселины скал, а если нет и расселин, то зарывают в землю. Алеуты, караибы и некоторые южно-американские племена придерживаются похорон исключительно в расселинах скал. Чибчасы за неимением пещер и расселин, вырывают искусственные пещеры или погреба, снабженные дверями. Тюркские народы, азиатские арабы, негры Судана и некоторые из американских индейцев устраивают подобие искусственных пещер. Вырывши могильную яму, они делают в боку ее нишу, в которую и кладут покойника и т. д.

Как древнейшее жилище человека, пещеры надолго остались для него священными местами. Многие из них считаются жилищем богов; они вызывают у местных жителей суеверный страх и ни один человек не решится войти в них. Известно, что первые христиане устраивали свои богослужения и храмы в пещерах как естественных, так и искусственных. Искусственные же пещеры вырывали себе и отшельники, уходившие спасаться в пустыню. Герберт Спенсер совершенно основательно доказывает даже то, что все храмы всех вероисповеданий берут свое начало от пещер.

Не только в дилювиальный период пещеры служили единственным убежищем для человека, но и в более поздние исторические времена. В древней Греции, в древней Колхиде, у Черного и Каспийского морей, в Сирии, в Палестине, на Синае и берегах Нила люди продолжали жить в пещерах. Троглодиты, под именем которых в древности разумели множество различных народов, по словам Плиния и других писателей древности, также жили в пещерах. Африканские пещеры были обитаемы людьми вплоть до завоевания французами Алжира. Ливингстон описывает огромные пещеры в Центральной Африке, которые служили убежищем целым племенам с их скотом. Ведды в Индии до сих пор живут в пещерах.

Но не только самые пещеры пользовались у человечества высоким почитанием, а даже и камни как среда, в которой они находились. Культ камня, известный у этнографов под именем «литолярий», распространен буквально по всему земному шару. Французский этнограф Андрэ Лефэр посвятил ему специальную монографию, в которой находит следы этого культа, кроме современных диких и полуцивилизованных народов, у всех народов. «Поклоняются камням то как настоящим богам, то как идолам, составляющим вместилище или седалище богов и великанов, то как гробницам богов».

Что касается каменных орудий, сыгравших такую важную роль в жизни дилювиального человека, то они также пользуются во многих странах религиозным или суеверным почитанием. Предание таурегов Западной Африки передает даже совершенно согласно с действительностью, что каменные орудия служили некогда орудием «более крупных и более сильных людей». У некоторых племен особенно важные операции, как например, обрезание или бритье головы, делаются еще до сих пор не железным, а непременно каменным ножом. Другие имеют суеверия, связанные с каменными орудиями и их употреблением в обыденной жизни. Например, в Сирии во времена Плиния бальзам добывался из бальзамного дерева только каменным ножом, ибо предполагалось, что в противном случае дерево засохнет. В Южной Африке Ливингстон видел древние каменные орудия в виде повешенного на воротах при входе в деревню талисмана, спасающего жителей от всего злого. Японцы в своих храмах воздают религиозное поклонение древним каменным орудиям и т. д.

Великаны и карлики.

Выше мы уже говорили, что древний дилювиальный человек был большого роста, а питекантропы — карлики. И вот мы находим в преданиях разных народов рассказы о древних великанах и карликах.

«Почти но всему свету, — говорит Ранке, — встречаем мы сказания, будто древнейшими обитателями всех стран были великаны или карлики, или те и другие вместе. Предков всегда подставляют себе больше и сильнее, чем отдаленных внуков. В особенности древних королей и святых народ часто воображал себе в виде исполинов. Примером такого святого можно привести Христофора».

В Библии говорится о великанах в отдаленной древности таким

образом: «исполин же бяху на земле во дни оны и потом егда входжаху сынове Божии к дщерям человеческим и рождаху себе: тии бяху исполини».

«В различных мифологиях, — говорит Герберт Спенсер, — греческой, скандинавской и других, древнейшие существа являются исполинами».

У древних греков было предание о титанах, которые были детьми Урана (неба) и Геи (земли). Они восстали против Зевса и за то были низвергнуты в Тартар. А о карликах писатели классической древности оставили нам ряд рассказов, будто они жили на окраинах известного тогда мира.

«Все пещерные области Германии, — говорит Ранке, — подобно Швабскому Альбу, разукрашены богатым венцом сказаний, которые все сосредотачиваются на исполине и его пещере. Первобытные обитатели ее в устах народа превращались то в карликов или гномов, то в гигантов и чудовищ. Греки гомеровской эпохи создали из своих древних пещерных обитателей гиганта Полифема, швабы — гиганта Гейма, который сидит в Гермерштейне и дремлет».

В русских былинах древнейший богатырь Святогор изображается великаном. Илья Муромец также иногда выступает в качестве великана.

По преданию, сохранившемуся у сиамцев, первобытные люди были колоссального роста, с которым ничего нельзя сравнить в настоящее время. Еврейские раввины пытались не раз установить, что первобытные люди были огромного роста.

По верованию жителей Палаузских островов первыми творениями были «налиты», великаны по размерам и силе обладавшие способностями, которых нет у нынешних людей; обитатели островов Вознесенья считают их строителями своих каменных памятников.

О том, что род человеческий после неолитического века мельчал, существуют также народные предания. Так, наши малороссы рассказывают, что «велытни» или великаны существовали только до потопа. Когда начали появляться настоящие люди, то допотопный человек, нашедши однажды (как в немецкой сказке) на поле плуг с шестью волами и «плугатором», забрал все это на свою ладонь, принес отцу и просил его объяснить, что это за червяки? Отец объяснил ему, что после них будут на свете точно такие люди. О пигмеях малороссы говорят, что после страшного суда настанут такие люди-крошки, что 12 человек будут молотить в нашей обыкновенной печи. У разных славянских народов есть предания, что когда-то люди

были великанами, но с течением времени рост их уменьшился и дальше будет уменьшаться, пока все станут крошечными карликами величиною с муравьев; когда это совершится, то наступит конец света.

Даже и о том. что дилювиальный человек был плотоядным, а его потомки становятся растительноядными, сохранилось народное предание. Предводитель стусов (американских индейцев), говорит Ранке, выразился когда-то в Вашингтоне, что род плотоядных будет вытесняться родом хлебопашцев. Так было за тысячи лет, говорил он, и так будет «пока стоит земля».

О том, что дилювиальный человек был охотником и что он удачно боролся с самыми страшными хищными зверями, также сохранилось у народа предание, которое было занесено в Библию, это именно предание о Нимвроде, «сильном звероловe», как его называет Священное Писание.

На одном из вавилонских памятников он изображался исполином, держащим под мышкой левой руки бессильно борющегося льва (колоссальная статуя в Луврском музее).

Происхождение человека от обезьяны.

О падении белого человека, происшедшем от смешения его с питекантропом, который был для него не больше, как одним из животных, также существуют народные предания. А именно: многие народы верят, что они произошли от обезьян. Большое количество материала на эту тему собрал г. Д. Анучин.

Вот, например, малайское первобытное племя, Оранг-Бирма, рассказывает, что люди произошли от двух белых обезьян, спустившихся с гор в долину. Они открыли там хлебные злаки, от которых изменились их внутренности, прочие органы и кожа. Волосы, покрывавшие их тело, выпали, руки укоротились, и, наконец, они стали настоящими людьми. «С большими или меньшими вариациями, — говорит г. Анучин, — предание это встречается у самых разнообразных народов: в Африке, у южно-американских индейцев, в Средней Азии, в Индии и проч. В Тибете буддийская легенда рассказывает, совершенно подобно малайской, что тамошние первоначальные обитатели произошли от пары обезьян, а именно самца, в которого превратился тибетский святой Авалокитесвара, и самки, форму которой приняла одна из богинь или воздушных фей,

Кадрама. Так же, как и у малайцев, от хорошей пищи у этих обезьян исчезли хвосты, выпали волосы и они превратились в людей. Вообще, — говорит Анучин, — можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением как между полудикими народами (преимущественно тропических стран), так и между культурными, с тою только разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам, или же только отдельным (иногда аристократическим) фамилиям.

У Брема об индийской священной обезьяне рассказывается, что одно царственное индийское семейство считает себя потомками этой обезьяны и члены его носят титул «хвостатый Рана», так как родоначальник фамилии, говорят они, был снабжен этим придатком. Когда в 1867 году английское правительство в Индии издало приказ об убиении 500 штук священных обезьян, то туземцы стали просить об отмене распоряжения на том основании, что в этих обезьянах они признавали своих предков.

Диодор также рассказывает об одной княжеской фамилии в Африке, что у нее хвост как естественный придаток тела передавался из рода в род в ряду многих поколений. Предание о первоначальной хвостатости людей пользуется вообще широким распространением. Мы встречаем его в Южной Америке, на островах Фиджи, у тасманицев и других народов.

В большинстве же случаев народами сравнительно более высокой культуры близкое родство человека с обезьянами допускается только для низших племен. Часто эти низшие племена смешиваются с обезьянами до такой степени, что обезьяны принимаются за людей и, обратно, настоящие люди описываются как обезьяны. Например, китайские историки указывают на Енисее, около Минусинска, народ Тинг-Линг, рыжебородый с зелеными глазами, который будто бы происходит от обезьян и потому очень на них похож. Подобным же образом многих народов, кроме самих себя китайцы производят от обезьян. Индусы то же самое говорят о тибетцах.

Но многие низшие племена негров, малайцев и американских индейцев считают обезьян, в особенности высших, настоящими людьми, которые не говорят только из опасения, чтобы их не заставили работать. Другие думают, что они были некогда людьми, но потеряли свой человеческий образ за свое кощунство над богами

(малайцы) или за гордость (арабы Кордофана). Легенды о превращении людей в обезьян распространены особенно в Мексике, у мусульман и у кафров. Некоторые племена верят, что обезьяны имеют такую же душу, как и человек, другие, что в них переходят души людей после смерти. Один тибетский писатель, описывая распространение религии Будды, передает даже, что глава их религии, когда его учение было уже принято во всем Индостане, обратил в эту религию один большой вид обезьян.

Культ обезьян был распространен в древности очень широко. У негров, например, обезьяны считались «слугами фетишей». Кроме того, культ этот был в древнем Египте, в Индии, в Вавилоне, в карфагенской Африке и в Перу. Некоторые следы его встречаются даже у древних греков и римлян.

В Египте большой серебристый павиан, от которого сохранились мумии, почитался олицетворением Тота, бога луны, а также мудрости и учености. Его изображали на монументах и вазах как загробного судью. Черты лица этой обезьяны заметны даже на головах сфинксов.

У греков и римлян обезьяны представлялись демоническими существами.

Те же самые рассказы, которые народами тропических стран передаются об обезьянах, буквально повторяются и у народов северных с заменой обезьян другими животными, как, например, собаками, медведями, волками и т. под.

В виде перехода от обезьян к этим животным являются люди с собачьими головами, так называемые «циноцефалы», «кинокефалы» или «цинамоны». В коптской христианской легенде рассказывается, например, об обращении одного такого человека в христианство. Таких же людей описывают Плиний, Элиан и др. как существ, отличающихся справедливостью и не причиняющих людям никакого вреда. Они одеваются в звериные шкуры, дара слова не имеют, но человеческий язык понимают. В сельских церквях Олонецкой губернии мне доводилось встречать иконы Св. Христофора, который рисовался человеком с собачьей головой.

Происхождение народов от смеси человека с животными.

Айны (в Японии) верят, что они произошли от смеси человека с собакой. То же думают кара-киргизы, папуасы у порта Моресби и

жители острова Хайнана. Короли Дании и Швеции, по преданию, произошли от девушки и медведя, монгольские князья — от девушки и волка.

Характерная особенность среднеазиатских преданий, говорит Михельсон, заключается в том, что они производят различные человеческие племена от животных. По словам Брука, приморские дайяки суеверно страшатся есть некоторых животных, в том предположении, что животные эти состоят в родстве с некоторыми из их предков, которые или были «порождены ими» или «сами породили их».

Алеуты, по словам Банкрофта, рассказывают, что мать их племени была сука, Магах. Однажды к ней явился с севера некий старец, по имени Иракдадах; результатом этого посещения было рождение на свет двух существ, одного мужского, а другого женского пола, представлявших необыкновенную смесь различных элементов природы, ибо каждое из них было полу-человек, полу-лисица.

По другому варианту, первые люди произошли от каких-то двух существ, видом похожих на человека, но с длинной шерстью на теле — что-то вроде обезьян или медведя. Вот почему является невольное предположение, что культ медведя, распространенный у алеутов, айнов и гиляков, вероятно, заменил здесь культ обезьян.

С алеутской легендой о происхождении человека сродна легенда квичесов, думающих, что человеческий род произошел от пещерной женщины и собаки, способной превращаться в красивого юношу, а также легенда дикокаменных киргизов, которые ведут свое происхождение «от красного борзого кобеля и одной царицы с ее сорока прислужницами».

У полинезийцев грехопадению людей соответствует период общего упадка и ослабления богов. При этом обращение главного бога в животное играет такую важную роль, что в этом можно видеть оправдание бессмысленного поклонения животным. На Фиджи рассказывают о боге Денге: когда он однажды смотрелся в чистый ручей, он был поражен своим безобразием. Вследствие того он принял вид змеи: «Если я останусь безобразным человеком», — говорил он себе, — меня все будут презирать, а если я сделаюсь змеей, каждый будет меня бояться и повиноваться мне».

Даже о том факте, о котором было говорено выше, что от смешения белого человека с питекантропами родилось вначале много разных уродцев, сохранилось воспоминание у древних греков. Его передает Лукреций Кар в следующем рассказе о первобытных

временах: «В усилиях своих земля произвела множество уродов, странных и чудовищных форм: таковы были андрогины, двуполые и ни к одному полу не принадлежащие существа, также уроды, скрюченные так, что не в состоянии переходить по желанию. Земля создала подобных уродов, но тщетно. Природа пресекла их разрастание, и они не могли достичь цветущего возраста, находить пропитание, соединяться союзом Венеры. Множество пород исчезло, как неспособные дать потомство».

Питекантроп.

Странно было бы, конечно, если бы человечество сохранило предание о смешении своих предков с какими-то животными, но не имело бы предания о том, что такие животные, как питекантропы, существовали. И, действительно, Вайтц говорит, что «о существовании где-то на земле в высшей степени обезьяноподных людей были рассказы в древности и есть до сих пор. Так, в Индии думают, что такие существа живут в Читагонге, а другие — между Пальмо, Чумбулиуром и источниками Нербудда».

На Яве можно услышать рассказы об обезьяне с человеческим лицом, живущей будто бы в восточных лесах. Кто ее поймает, будет счастлив.

Вероятно, подобные же древние предания об «обезьяноподобном» или «диком» человеке породили в человечестве глубокую веру в существование где-то на земле «дивьих людей», т. е. каких-то странных, на нас не похожих.

Наконец, уже и в столь глубокой старине, в XVIII столетии, ходило так много рассказов о существовании каких-то особенных диких людей, и так глубока была вера в их полную правдивость, что даже Линней ввел их в свою классификацию человечества под именем Homo ferus — «дикаря, четвероногого, немого, покрытого волосами».

Грехопадение и расселение человека по Земле.

Падение человека в Библии называется «грехом», «грехопадением». Самого факта греха в том виде, как он представляется нам, Библия не называет, может быть из скромности или из уважения к предкам, чтобы не оскорбить их памяти, а говорит о нем в иносказательной форме. Зато библейское сказание прекрасно

передает состояние духа наших предков после их грехопадения. Полное душевное равновесие и спокойствие духа древних людей, когда они были еще чистой расой, и отсутствие в их мысли какого-либо разлада, представляется в виде ничем не нарушимой блаженной жизни в земном раю. Им не приходилось искать рая на небе, он был у них тут, на земле. Жизнь их была долговечна. Выражаясь же фигурально, они жили до тех пор, пока «вкушали плоди с древа жизни».

Но когда человек пал, что совершилось при посредстве женщины, в его уме сразу наступил разлад, он утратил навсегда свое блаженство и узнал, что добро — это его прежняя жизнь, а зло — жизнь настоящая, полная всяких болезней и разлада душевного и телесного. Выражаясь же фигурально, он «вкусил плод от древа познания добра и зла». В результате своего падения человек прежде всего утратил свое былое спокойствие духа, иными словами лишился земного блаженства, земного рая, который ушел от него на небо, куда человеку, по необходимости, пришлось направлять свою бессмертную душу, отделяющуюся от тела. Затем он потерял долголетие или, что тоже самое, бессмертие. Наконец, он внезапно прозрел, потому что понял, что своему несчастью обязан своей страстности и, впервые устыдившись полового чувства, прикрыл наготу, чтобы обуздать свою похоть: «И беста оба нага… и не стыдястаса. И отверзошася очи обема и разумеша, яко нази беша…»

Что касается женщины, то она оказалось виновной тем, что соблазнила мужчину, а потому была за это присуждена к рабскому подчинению ему и необходимости в болезнях рождать своих детей, чего до тех пор не знала. В Библии ото передается так: «множая умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнех родиши чада и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет».

Далее, народное предание, также записанное в Библии рассказывает о причинах, заставивших человечество расселиться по земному шару. Причинами этими были, по-видимому, несогласия между людьми, доводившие их до братоубийственных войн, как об этом повествует история Каина и Авеля. Здесь особенно интересно известие о том, что человек, бывший сначала одновременно и земледельцем, и скотоводом, позже специализировался и что между представителями этих двух специальностей уже в самой глубокой древности возникли несогласия (вероятно земельные), доведшие до братоубийства.

Наконец, история построения Вавилонской башни повествует о

том, что вначале у всех людей был один и тот же язык, но, по воле Бога, в наказание людям явилось многоязычие, разделившее их. Отсюда же мы узнаем, что люди разошлись по земле из одной местности.

Культ предков.

В довершение всего, к числу явлений из области этнографии, благоприятных нашей теории, надо отнести культ предков. Герберт Спенсер посвятил этому культу массу этнографического материала. Из его данных следует, что это самый распространенный из всех других культов на земле. Он существует почти у всех народов, начиная от низших дикарей и кончая европейцами. Если немногие из самых низших дикарей, как огнеземельцы, андаманцы и юанги (в Индии) составляют исключение из общего правила, то у них вместе с тем нет и никаких других признаков религии. Если у дикаря замечаются хоть малейшие следы религиозных верований, то эти следы — ничто иное, как поклонение предкам. У новокаледонцев одно и тоже слово означает и «бога», и «умершего человека». Этот факт, говорит Спенсер, есть тип такого рода фактов, который может быть прослежен повсюду. Все местные божества, которым поклоняются народы, происходят из предков, наиболее замечательных людей племени, почитаемых за какой-нибудь поступок или за святую жизнь. Число их постоянно увеличивается, а святость возрастает пропорционально давности их смерти. Местные божества, возникшие из предков, с разрастанием племени обращаются в богов, общих всему племени или всему народу, и потому обыкновенно считаются его родоначальниками. В окончательном выводе Герберт Спенсер ставит поклонение предкам в основание всех остальных форм религиозного поклонения и говорит, что из духа усопшего возникли все сверхъестественные существа.

Теперь спрашивается: имело ли бы смысл поклонение предкам и их обоготворение, если бы принять вместе с теорией постепенного развития, что каждое предыдущее поколение человечества было ниже последующего в умственном и во всех других отношениях? Тогда как обратное предположение, что каждое последующее поколение в своем непрерывном падении чувствовало себя ниже предыдущего и поэтому высоко ценило ум и характер своих отцов, вполне естественно. Самое слово гений — genium — происходит от слова genus — род.

Первоначально этим словом называли дух умершего родоначальника, которому воздавалось религиозное почитание.

Предания о золотом веке.

Наконец, с точки зрения нашей теории становятся совершенно понятны многочисленные предания и верования о золотом веке человечества в отдаленном прошлом. Древнейший миф говорит нам о существовании в древности последовательных веков: золотого, серебряного и железного. Но подобное верование существует и теперь, конечно основанное на древних преданиях. «Обращаясь к рассмотрению первобытного состояния человечества, — говорит Гелльвальд в своей «Истории культуры», — необходимо прежде всего вооружиться против чрезвычайно распространенного заблуждения (?), а именно, что в первобытную эпоху существовал будто бы первобытный народ, отличавшийся завидным блаженством и оставивший теперь лишь выродившееся потомство. В этом смысле поэты говорили, а порой говорят и теперь о золотом веке».

Вот одно из индийских преданий о прошлом человечества, именно в том духе, о котором говорит Гелльвальд: у индусов Кальпа — день Брамы обнимает 4 320 000 000 лет и делится на 14 эпох. В свою очередь эти эпохи, Манаунтары, подразделяются на 71 мага-юга или «великие века», наконец, каждый «юга» состоит из различного числа годов. Последний, в котором мы находимся, Калиюга, это плачевный период. Все теперь выродилось: элементы, мораль, сократилась продолжительность жизни, нигде нет правды и справедливости. К счастью, этот проклятый «юга» будет длиться только 432 000 лет.

Что касается древнегреческой «Легенды веков», изложенной в стихах у Гесиода, то она так близко соответствует представлению о доисторической судьбе человечества, как оно вытекает из нашей теории, что я никак не могу отказать себе в удовольствии поместить его здесь целиком в сокращении и в прозаической форме.

Первый золотой род людей, одаренных словом, создали бессмертные, живущие на Олимпе. Они жили как боги, имеющие беспечный дух, удаленные от горя и тяжкого труда, старость не приближалась к ним. Всегда сообща веселились они на пирах, чуждые всякого зла. Умирали они как сном объятые. Всякое благо было их уделом.

Затем живущие на Олимпе создали гораздо худшее поколение —

серебряное, не сходное с золотым ни по стройности, ни по уму. Мальчик сотню лет воспитывался при заботливой матери, растя беспомощный в ее доме. Когда же он достигал юности и зрелого ума, то жил лишь короткое время, страдая ради своего неразумия. Ибо они не могли сдерживать между собою своего буйного нрава, а также не хотели чтить бессмертных.

Однако Зевс создал и третье поколение, медное, ни в чем не подобное серебряному. Поколение страшное и сильное, которого занятие были дела горя и насилия. Они были неприступны и имели дух твердый как сталь.

Вслед затем Зевс создал опять иное, четвертое поколение, более справедливое и лучшее, божественное поколение мужей-героев, которых в прежнее время называли полубогами. Но и этих уничтожили злая война и страшные битвы, одних, когда они сражались за стада Эдипа под Фивами, других, когда они вели на кораблях дружины через море к Трое.

О, зачем я принужден жить среди пятого поколения, зачем не умер ранее, не родился позже. Ныне существует род железный. Ни днем, ни ночью не прекращаются его труды и печали. Поколение испорченное, которому боги притом посылают тяжкие заботы. Однако и для них примешивается благо ко злу. Однако, Зевс уничтожает и это поколение.

Первый род, когда угас, то сделался блюстителями над людьми, которые ходят по земле, воздухом одетые, наблюдая за злыми и добрыми делами людей. Серебряное поколение разгневанный Зевс сокрыл под землею за то, что они не воздавали почести богам. Но их называют подземными блаженными и они не лишены некоторых почестей.

Четвертое поколение Зевс поселил на окраинах земли на блаженных островах вблизи океана. Счастливые герои: плодоносное цветущее поле трижды в год одаряет их своими как мед плодами.

29. ДОЛГОЛЕТИЕ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ

Долголетие древнего человека и происхождение религии. Предание о долголетии древних людей. Разлад в организме и в мыслях смешанного человека. Раздвоение его натуры. Религия как результат смешения.

Много очень глубоких и интересных размышлений о современном и древнем человечестве высказал в своих статьях доктор Мечников. Но особенно интересны и ценны его замечания о долголетии современного человечества. Согласно Библии, говорит он, можно думать, что древнее человечество жило на свете гораздо долее, чем современное. Древнейшим патриархам приписывается чрезвычайно большая, с нашей точки зрения, продолжительность жизни. 500–600 лет были, по словам Священного Писания, чуть ли не средней продолжительностью человеческой жизни, тогда как Мафусаил дожил до 900 лет. Подобные же сведения о доисторических временах дают нам кроме того и отрывки, сохранившиеся от так называемой Березовской книги, передающей данные о жизни шумеро-аккадцев (древнейших досемитских жителей Месопотамии). По этим данным, в на-чале цивилизации царствовало 10 царей, из которых один жил 36 000 лет, другой — 43 000, а третий — 64 000. Только один из всех десяти скончался преждевременно, всего только 10 800 лет отроду.

Хотя свидетельства эти, несомненно, легендарны, но нельзя, однако, отрицать, что в основе их легла истина, а именно факт необычайного долголетия древних людей. Ведь известно, что в Европе и особенно в Англии бывали замечательные случаи долголетия. Петри дает список 43 человек, живших свыше 119 лет Самые старшие из них были: Ауден Эвиндсэн, епископ в Ставангерме (ум. 1440 г.) — 210 лет, Томас Карн (немец?) (ум. 1588 г.) — 207 лет, Петер Тортон в Великобритании (ум. 1724 г.) — 185 лет и др. Из жизни животных также известны факты долголетия. Например, верблюд доживает до 100 лет, слон — до 200, кит — до 300–400 лет.

Если принять во внимание, что наши дилювиальные предки пережили труднейший в мире естественный отбор, и что они уцелели для жизни из среды огромного количества их погибших

единоплеменников благодаря богатырскому сложению, то не будет ничего невероятного допустить, что крепкая, идеально сложенная раса, происходившая от этих людей, была застрахована от большинства болезней, а по тому самому была и долговечна.

Что касается питекантропов, не подвергавшихся такому строгому отбору, то продолжительность их жизни могла быть и короче. Но, если даже допустить, что она была такая же, как и у дилювиального человека, то долголетие смешанной расы неизбежно должно было понизиться, потому именно, что она гибридна, а, следовательно, не устойчива.

Но если после смешения белого человека с питекантропами, жизнь человеческая внезапно или в очень короткое время значительно сократилась, то нельзя было этого не заметить. И действительно, в Библии говориться, что человек когда-то был бессмертным и потерял бессмертие за свой первородный грех. В этом известии может быть преувеличение, но нет лжи, так как древнее долголетие в сравнении с наступившей затем короткой жизнью действительно могло казаться бессмертием.

Но это еще не все. У древних смешанной крови черты высшей и низшей расы должны были так же, как и теперь, сочетаться во всевозможных комбинациях.

Из числа этих комбинаций не трудно себе представить и такую, когда люди соединяли в одном лице сильно развитый ум белой расы со слабым телосложением и короткой продолжительностью жизни расы смешанной. В мыслях таких людей должен был наступить неизбежный разлад. В то время, как тело разрушалось, вследствие наступавшей старости, мозг оставался еще совершенно здоровым. Самочувствие человека, мозг которого приспособлен к двухстолетней жизни, в 50 лет был еще совершенно здоровым, свежим и, если можно так выразиться, юным, тогда как тело в тоже время уже начинало дряхлеть и разрушаться. Нетрудно понять, что у такого человека должно было явиться невольное сравнение тела с той субстанцией, которая как отделяется от него в момент смерти (дух или душа). Сравнение это также невольно привело к мысли, что эти две сущности совершенно различны и только случайно связаны между собой. Дух как бы вложен в тело насильно, заключен в него, как в темницу. Смерть, которая разом прекращает существование и духа и тела, казалась человеку страшной бессмыслицей, так как его здоровый инстинкт говорил ему о долгой жизни, конца которой не было видно. Чтобы примирить нелогичность смерти при таких условиях, он

должен был принять ее не за то, чем она есть на самом деле, т. е. допустить, что душа человека бессмертна и в момент кончины только отделяется от смертного тела. Этот шаг мысли кажется мне самым первым и самым важным в религиозной жизни.

За ним следовал целый ряд предположений и наступала очередь фантазии, но до этого момента была только логика и действительность. Остановившись на мысли о бессмертии души, человек пытался разрешить целый ряд новых, с нею связанных вопросов: Что такое душа? Куда она идет после смерти? Какова ее будущая судьба? и проч. Для разрешения их, по необходимости, приходилось строить одну гипотезу за другой.

Подобного раздвоения живого существа не могло быть ни у животных, ни у питекантропов, ни даже у белого дилювиального человека, до тех пор, пока он не пал, т. е. не смешался с питекантропом. У нормального, вполне уравновешенного существа чистой расы, каким был наш белый дилювиальный предок палеолитического и начала неолитического века, мозг был в полном соответствии с телом, а потому, старея, он ослабевал вместе с ним в строжайшей постепенности. Для него не могло существовать религиозных вопросов, по крайней мере, в той форме, как она была передана нам древними. И, действительно, хотя сила ума этого человека, по все вероятиям, была очень велика, но в доисторических памятниках Европы первые следы религии в виде исполинских надгробных памятников (менгиров) начинают появляться только в неолитическом веке и именно в то самое время, когда в почве Европы появляются кроме древних длинноголовых черепов короткоголовые, т. е. как раз тоща, когда началось смешение белого человека с питекантропом.

30. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Происхождение языков. Порча звуков от недостатков органов речи. Разнообразие языков произошло от разнообразия способов расселения и от его разновременности. Арийцы азиатские сравнительно недавно выселились из Европы.

Происхождение того множества языков, которые мы встречаем на земном шаре, с точки зрения нашей теории, объясняется следующим образом. Мы говорили уже, что только белый дилювиальный человек достиг той высокой ступени развития, на которой его мысли требовали выражения членораздельной речью. Поэтому все языки должны были произойти от европейского, но только не путем его дальнейшего развития, а наоборот — путем порчи. Когда к белым долихоцефалам стала примешиваться кровь питекантропов, то устройство их мозга, гортани и мускулов рта стало постепенно изменяться. А потому новые смешанные расы, происшедшие от белого человека, должны были изменять язык своих предков в духе тех физиологических недостатков, которые они приобретали. «Дункан Джибб, — говорит И. Тайлор, — доказал, что у таких крайних типов, как негр и европеец, существуют явные различия в строении гортани, которых достаточно для объяснения того, почему негры находят столь трудным издавать некоторые звуки, кажущиеся нам естественными». «В частях голосового органа, — говорит Деникер, — все части отростка подъязычной кости не сращены с нею у 75–95 % американских индейцев, у 25–35 % европейцев и у 30 % негров». Кроме того, толщина языка не у всех рас одинакова; у негра, например, язык толще, чем у европейца. Для негра почти невозможно произнести английское th, которое он превращает в d, тогда как швейцарец изменяет его на z. Этим свойством языка, уже давно известным, пользовались очень часто для отличия одной национальности от другой. В ночь Сицилийских вечерен заставляли убегающих французов произнести слово ciciri, и если с произносился как s, а не как русское ч, (если они говорили сисири вместо чичири), то их признавали за французов и убивали.

Когда египетские мамелюки истребляли арабов Сайда, то они заставили их произносить слово dakik (мука), чтобы убедиться, произносился ли гортанный звук как k, или как g.

Подобным же образом каждый народ по самому устройству его

органов речи не может произносить то тех, то других звуков. Так полинезийцы не в состоянии произнести имя «Мари», которое они изменяют на «Мали». Китайцы изменили «Бенарес» в «По-ле-наи», «Брама» в «Фан» и «Христос» в «Ки-ли-ссе-ту». Капские кафры произносят слово gold (золото) — igolide, sugar (сахар) — isugile и т. д. Словом, каждый народ изменяет трудные для его произношения звуки но своему, совершенно подобно тому, как это делают наши косноязычные и дети.

Кроме того, порча языка происходит не только в области звуков, но также и в грамматике, в оборотах речи и в значении слов. И вот таким-то образом в каждой стране, куда передвигались белые, язык их изменялся в зависимости от того, в какой пропорции и какие примешивались к ним питекантропы. Если от такой смеси они падали в умственном отношении, то вместе с тем падал и их язык, если же они только останавливались в прогрессивном движении, то и язык их останавливался. А если европейские языки продолжали в это время развиваться, то они еще дальше уходили от своих азиатских и африканских собратьев. При помощи таких процессов, мне кажется, и разошлись между собою многочисленные языки всего мира, иногда так далеко отстоящие друг от друга, что филологи не могут найти между ними ничего общего ни в складе, ни в корнях.

Кроме того, на отношение между языками должен был оказать огромное влияние также и тот порядок, в котором дилювиальный человек расселялся по земному шару. Так, например, он мог распространяться в одних случаях медленным путем, отделяя от себя поселение за поселением в ближайшие соседние незаселенные местности. Такого рода расселение связано с земледельческим образом жизни. Но племена, занимавшиеся скотоводством, могли переселяться, проходя значительные пространства сравнительно в короткое время и останавливаясь надолго только там, где встречались подходящие жизненные условия.

Наконец, выселение из Европы дилювиального человека могло повторяться много раз из через различные промежутки времени по мере того, как в Европе становилось тесно.

Вся эта сложная путаница международных отношений со временем будет распутана при помощи филологии и этнографии. Теперь же можно высказать предположение только о тех арийцах, которые выселились из Европы в Азию и дали начало персидской и индийской цивилизациям.

Если огромный промежуток времени, который отделяет нас от

начала выселения дилювиального человека из Европы, был достаточен, чтобы образовались на земле многочисленные языки, и если в тоже время между арийцами европейскими и азиатскими как в складе их языков, так и в корнях, сохранилось так много общего, то нет никакого сомнения, что выселение арийцев из Европы должно быть отнесено к самым новейшим из доисторических времен. Оно совершилось, так сказать, накануне начала истории. Восстановить события этого времени для науки будет легче всего и за них она примется прежде всего.

31. ЧТО ТАКОЕ РАЗВИТИЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЕ ОТ УПРАЖНЕНИЙ ОРГАНОВ?

Что такое развитие, происходящее от упражнения органов? Быстрые движения усиливают у некоторых людей работу мысли. Религиозные танцы. Врачевание сопровождалось в древности пляской. Щаманы и оракулы. Гиперемия у гениальных и помешанных. Верование в значение вещих снов. Что такое развитие. Теория постепенного развития человека при помощи упражнений. Факты, ей противоречащие.

В основе нашей работы мы поставили положение, что организм животного и человека не может изменяться от упражнения и что никакое изменение в органах, приобретенное животным за время его жизни, не может передаваться путем наследственности последующим поколениям. Но в таком случае является вопрос, существует ли на самом деле пресловутое «развитие путем упражнения», которое с языка не сходит у современного передового человека? Несомненно, существует, но только имеет совсем не то значение, которое ему приписывается.

От смешения белого дилювиального человека с питекантропом должно было получиться множество несовершенств в физической природе человека. Между прочим, от этого смешения пришла в расстройство его кровеносная система: она стала в недостаточном количестве снабжать кровью различные органы. Так, например, если человек смешанной породы имел мозг и мышцы белого дилювиального человека, а кровообращение питекантропа, то он не мог владеть ими в совершенстве вследствие недостаточного прилива крови. Это должно было особенно часто случаться в начале смешения. Люди стали замечать, что при быстрых движениях, когда кровь скорее обращалась в их жилах, ум работал лучше обыкновенного, как бы какая-то пелена спадала с мозга. Человек временно становился сообразительнее и умнее, легче и быстрее решал многие вопросы и, кроме того, чувствовал себя веселее. Достигалось это всякого рода быстрыми движениями, которые со временем упорядочились и обратились в то, что мы называем теперь танцами и плясками. Когда танцы, нашедшие себе подражателей, сделались достоянием целых

народов, вошло в обычаи собираться толпой в известные сроки или по случаю каких-либо важных событий и танцами доводить себя до экстаза, в состоянии которого мозги работали гораздо лучше обыкновенного. От такого порядка вещей сохранилась масса переживаний в народных обычаях.

Сюда относятся, прежде всего, обрядовые танцы, принявшие у разных диких народов форму богослужения. К ним стали прибегать при всяком удобном случае, сопровождая танцами все выдающиеся моменты племенной и индивидуальной жизни. Танцевали при объявлении войны и при ее окончании, при рождении ребенка, на свадьбах, на похоронах и проч.

Если все народы сопровождали плясками богослужения, то со временем, при дальнейшем смешении людей, когда организм человеческий изменился и быстрые движения уже перестали в заметной степени изощрять его мыслительную способность, был забыт настоящий смысл танцев, они были выведены из богослужения и сохранились как светское развлечение молодежи. Но есть, однако, секты и ордена, которые не могли отрешиться от древнего обычая. Таковы в христианстве секты шекеров, хлыстов и скопцов, а в магометанстве ордена дервишей, у которых и до настоящего времени богослужение состоит из танцев и всевозможных быстрых движений. У наших хлыстов и скопцов, когда у танцующих появляется пена у рта, думают, что наступил самый важный момент богослужения, что на всех присутствующих сошел Святой Дух. Присутствующие кричат при этом: «накатил, накатил» (т. е. Святой Дух) и начинают пророчествовать. Открывается Евангелие наудачу, и пророчествующие тычут пальцем в первое попавшееся место. Написанные в этом месте фразы прочитываются и перетолковываются в виде предсказания будущего. Все это, конечно, только жалкие остатки от того времени, когда танцующие были действительно талантливыми людьми, когда под влиянием быстрых движений они сильнее работали мозгами, и в этом состоянии давали разумное объяснение для текущих событий и дельные предсказания для будущего.

Подобным же образом в древности производилось и врачевание. У турецких дервишей ордена Руфай в Константинополе в момент наибольшего возбуждения, вызываемого мерным раскачиванием тела, когда у молящихся появляется пена у рта и некоторые из них начинают падать от утомления, приносят в мечеть больных детей и читают над ними молитвы в надежде на особенно целительную силу

их в такой, по мнению верующих, важный момент. Это служит прекрасным указанием на то, что древние приступали к врачеванию, доведя себя предварительно до состояния экстаза, при котором мозги их работали сильнее обыкновенного.

У иных народов люди, занимающиеся врачеванием или предсказыванием под влиянием искусственно вызванного экстаза, специализировались и стали передавать свои приемы наследственно. Это мы видим, например, у шаманов и у дельфийского оракула древних греков.

«Таинственными и нервными звуками бубна, дикими криками и порывистыми движениями танца шаман, по рассказу путешественников, приводит самого себя в экстатическое состояние. По мере того, как усиливаются и учащаются движения шамана, нервное возбуждение его все более возвышается, он падает перед испуганными зрителями в эпилептических судорогах, у него выступает пена у рта, он издает страшные звуки: он видит богов, он прорицает». Того же самого состояния дельфийский оракул достигал, одуряя себя парами, выходившими из скалы, а некоторые шаманы достигают окуриванием себя различными травами.

Ясно, что первые шаманы и первые оракулы были талантливые люди, доводившие себя до экстаза усиленным приливом крови к мозгу, а их жалкие последователи подражают теперь только их внешним приемам.

Вероятно, быстрые движения были древнейшим способом вызывать прилив крови к голове, а затем было замечено, что те же результаты получаются употреблением разных наркотиков и спиртных напитков. Отсюда обычай сопровождать разные выдающиеся моменты в жизни вином, а у североамериканских индейцев обрядовым курением.

Что все сказанное не фантазия, а несомненные факты, подтверждает Ломброзо в своей книге «Гениальность и помешательство». «Еще Аристотель, — говорит он, — этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками и прорицателями». Люди с холодной, изобильной кровью, но выражению Аристотеля, бывают робки и ограничены, а люди с горячей кровью — подвижны, остроумны и болтливы».

И действительно, по наблюдению физиологов, «мыслителям, наравне с помешанными, свойственно постоянное переполнение мозга кровью (гиппермия), сильный жар в голове и охлаждение

конечностей». Вот как описывают, например, состояние знаменитого Торквато Тассо в период творчества: «Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он за минуту тому назад излагал».

Ломброзо собрал множество интересных данных, из которых видно, что многие гениальные люди в нормальном состоянии не могли творить; им необходимо было проделывать над собою различные искусственные приемы, которые все одинаково вели за собою усиленный прилив крови к голове. Так Шиллер ставил ноги в лед, Пейзелло укрывался множеством одеял, Мильтон и Декарт опрокидывались головою на диван, Боссюет удалялся в холодную комнату и ставил себе на голову теплые припарки, Куйас работал лежа на ковре лицом вниз, Лейбниц мыслил только в горизонтальном положении, а Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой. Кроме того, известно, что многие великие люди злоупотребляли спиртными напитками. Например, Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон и Септимий Север умерли от пьянства. Запоем страдали поэты: Мюрже, Тассо и знаменитые композиторы Гендель и Глюк.

У иных гениев переполнение мозга кровью совершалось во сне и потому многое они сочиняли в этом состоянии. Таким образом Вольтер сочинил одну из песен «Генриады», Ньютон разрешал математические задачи, Лафонтен сочинил басню «Два голубя» и проч.

Отсюда очень распространенная у многих народов вера в священное или вещее значение снов, отсюда их толкование и рассказы о том, как боги и святые являлись людям в сонном видении. У нас в России есть секта «Снасово согласие», которая все свои религиозные вопросы и сомнения решает при помощи сновидений. Один из ее адептов лет 30 тому назад судился за то, что, по повелению Божию, полученному им во сне, подобно Аврааму, принес в жертву Богу своего единственного сына.

Наконец, было замечено, что некоторые из людей, страдающих умопомешательством, а следовательно и приливами крови к голове, во многом приближаются к людям гениальным. «Многие из помешанных, — пишет Ломброзо, — нередко обнаруживали ум и волю, значительно превосходившие общий уровень развития этих качеств у массы остальных сограждан». «Аристотель заметил, что

Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность. Платон утверждает, что «бред совсем не есть болезнь, а напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда, дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же оказывались совсем бесполезными. Много раз случалось, что, когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием сто пророком, указывал лекарство против этих болезней».

Вследствие подобных взглядов на безумие, говорит Ломброзо, древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновленными свыше. Отсюда и у нас до сих пор народ относится с суеверным почтением к так называемым «блаженным» и даже к идиотам, называя их «божьими людьми».

Известно далее, что прилив крови к мозгу может совершаться в малом виде даже и в более обыкновенных условиях. Всякое усиленное напряжение мысли вызывает такой прилив. Известно, что многие ораторы и лекторы, начиная свои речи и лекции очень вяло и несвязно, потом воодушевляются, голова их нагревается, к мозгу приливает кровь, мысль начинает быстрее работать и речь становится более гладкой и систематичной. То же самое бывает с человеком и в пылу спора: он краснеет, голова становится горяча, мозг работает быстрее и успешнее обыкновенного. Вместе с мыслью происходит в это время изменение и в характере человека: он становится более смелым, решительным, самоуверенным и живым, а иногда и драчливым, отчего споры нередко переходят в ругань и драку.

Если подобного рода возбуждения, сопровождающиеся приливом крови к мозгу, повторяются часто, то с течением времени они наступают скорее и легче, чем в первый раз. Подобным же образом замечено, что, если человек занимается умственной работой постоянно, изо дня в день в течении многих лет, т. е. проделывает то, что принято называть «упражнением мозга», то он приобретает очевидное преимущество перед тем, который таким упражнением не занимается.

Естественно, что человек, незнакомый с историей происхождения человеческого рода и с возможностью существования органов, приходящих в рудиментарное состояние, будет объяснять свои умственные приобретения не тем, что он эксплуатирует запасы умственных сил, полученных от предков, а тем, что в его мозгу

произошли какие-то новообразования, вызванные умственным упражнением. Еще более он может утвердиться в своем ложном предположении в том случае, если упражнениями занимается юноша. Все органы, а в том числе и мозг, у юноши с годами совершенствуются от природы без всяких упражнений, потому что он перерождается в белого дилювиального предка. Если же он при этом еще много упражняется, то его развитие, состоящее в притоке крови к упражняемым органам, идет параллельно с действительным совершенствованием органов, происходящим от естественных причин. Неудивительно, что человек, наблюдающий оба эти процесса вместе, сливает их в своем представлении в один, и приписывает совершенствование органов только одной видимой причине, упражнению.

Если из ряда приведенных нами фактов люди сделали заключение, что мы имеем от природы большой запас умственных и физических сил, которыми может воспользоваться, упражняя свой мозг и мышцы, то они были совершенно правы.

Но никому не были известны ни источник этих запасов, ни того, как они велики, и ответа на эти вопросы ни откуда нельзя было получить. А потому явился ряд догадок и предположений. Между прочим было сделано предположение, что сказанные запасы сил неистощимы, и что они даже увеличиваются от упражнения. А отсюда уже не трудно было заключить, что, упражняясь или развивая свои силы, человек не только может использовать все свои запасы, но и создавать новые, до сих пор невиданные способности и таким образом совершенствоваться во всех отношениях. Хотя опыт не оправдывает этих догадок, потому что еще никто не выработал у себя ни одной новой способности, ни одной новой черты характера, но, если человек хочет верить во что-нибудь, то он не остановится ни перед какими затруднениями. Так и в данном случае можно было объяснить, что мы только не умеем взяться за дело, что надо выработать особые новые методы развития и т. д.

Словом, в результате сказанных догадок явилась так называемая «теория постепенного развития путем упражнений», в которой бедное человечество нашло для себя утешение от слишком неприглядной действительности, на каждом шагу безжалостно разбивающей его надежды и мечты.

Раз только человек остановился на убеждении во всемогуществе упражнения, для него были решены все мировые вопросы. Отныне он не боится страшного слова «вырождение», потому что вырождается

только тот, кто не упражняет своего мозга и мускулов. Спросите его: почему пала Римская Империя? Потому, ответит он, что римляне не упражняли своих нравственных чувств. Если на глазах его люди и народы будут падать умственно и физически, это его ничуть не потревожит, потому что у него есть готовое объяснение: «падают потому, что не упражняются». А вот они сбросят с себя лень, примутся за упражнения и все пойдет как по маслу. Блаженное состояние. Такое, при котором человек застрахован от пессимизма.

А между тем, если бы он захотел сличить свои идеи с действительностью, то сейчас же натолкнулся бы на множество фактов, им противоречащих.

Во-первых, полезные результаты упражнений остаются у человека только до тех пор, пока упражнения продолжаются. Как только они прекратились, человек постепенно возвращается в первобытное состояние, чего, разумеется, не могло бы быть, если бы результатом упражнений был не только прилив крови к данному месту, но и какие-либо новообразования.

Во-вторых, рядом с людьми, якобы увеличившими свои физические и умственные силы упражнением, есть множество других, которые никакими упражнениями не занимались, а между тем одарены от природы большими физическими и умственными силами. Какой-нибудь извозчик вступает в состязание с профессиональным атлетом, посвятившим упражнениям полжизни, и побеждает его, а талантливый крестьянин самым простым вопросом может срезать упражнявшегося, но не талантливого профессора и т. п.

Далее, из нашего жизненного опыта мы убеждаемся, что не все люди одинаково способны к развитию путем упражнения и что в этом отношении между ними далеко не существует равенства. Есть люди вовсе не способные к развитию, другие мало способны, третьи очень способны и т. д. Шиллер мог творить, погрузивши свои ноги в лед, а Декарт, легши в постель, но если мы возьмем первого попавшегося дикаря и погрузим его ноги в лед или положим на постель, то никакого творчества от него не дождемся. Ньютону сон помогал решать труднейшие математические задачи, а русскому крестьянину-сектанту помог зарезать единственного сына. Торквато Тассо творил в состоянии опьянения, а огромная масса простолюдинов в том же состоянии обращается в бессмысленное животное и т. д.

Наконец, каким образом может приняться за упражнения человек безвольный, бесхарактерный и нетерпеливый, желающий выработать у себя волю, характер и терпение, если без этих трех качеств

невозможно ни приступить к каким-либо упражнениям, ни продолжать их?

Теория «упражнений» не представляет собою чего-либо нового, явившегося в результате научных исследований последних времен, напротив, она стара как мир и в главных своих чертах получена нами по наследству от отдаленных доисторических предков. Это одно из древних верований, в котором никто никогда не сомневался и не считал нужным его проверять. Еще и до сих пор китайцы испещряют надписями нравственного содержания фасады судов, пагоды, памятники, вывески торговцев, двери, чашки, тарелки и веера в уверенности, что, читая их, народ может «развить» у себя нравственность.

Таким образом, отвечая на вопрос: «что такое развитие, происходящее от упражнения?», мы сказали бы, что это есть искусство при помощи постоянного возобновляемого раздражения органа временно усилить его деятельность. Искусство это может принести пользу только некоторым, не совсем правильно сложенным людям, у которых упражняемый орган в нормальном состоянии развивает неполную деятельность. Для всех остальных «развитие» упражнением так же бесполезно, как очки для слепого или для человека с хорошим нормальным зрением.

В. А. Мошков

Механика вырождения

I. Вступление

Мы, европейцы, гордимся нашей цивилизацией и, пожалуй, не без основания. Если припомнить все приобретения человеческого духа за последние две-три сотни лет, то голова закружится и дух захватит. Чего только мы не узнали за это время? Чего не решили? Чего не достигли?

С большой точностью изучили мы форму, величину и движение нашей планеты и других небесных тел солнечной системы. Благодаря этому оказалось возможным предсказывать вперед множество небесных явлений. Мы сделали химический анализ отдаленнейших звезд и определили скорость распространения света. Мы изучили историю земной коры, нашли точные способы измерять силы природы и проникли взглядом в недоступные для невооруженного глаза небесные пространства и микроскопический мир. На наших пароходах мы искрестили земной шар во всех направлениях. При помощи паровой машины и электричества мы в короткое время пробегаем огромные расстояния. Силы природы не только носят нас по всевозможным направлениям с покорностью самой смирной лошади, но работают за нас на фабриках, выделывая с величайшей правильностью и точностью тысячи предметов, необходимых для нашей жизни. С быстротою молнии передаем мы на тысячи верст наши мысли и звуки наших слов и т. д., и т. д. Словом, всюду, куда мы ни направляли наши усилия, природа открывала нам свои тайники и служила с покорностью самого верного раба. А потому невольно является гордая мысль, что человек — царь природы, что весь видимый мир только для него и существует, только и ждет его приказаний, чтобы их немедленно и беспрекословно исполнить.

Чего бы наш взор ни коснулся, все уже измерено и исследовано по всевозможным направлениям, со всевозможных точек зрения, обо всем написаны сотни томов.

Но при всем том у нашей цивилизации есть своя Ахиллесова пята, есть огромная и самая важная часть знания, в которой любой безграмотный неуч не только чувствует себя авторитетом, не только считает себя авторитетом, не только считает себя вправе торжественно изрекать мнения, но и проводить их в жизнь всеми возможными способами. Это — самая важная для нас наука о человеческом обществе. Для того, чтобы быть авторитетом в этой

области, не нужно никакого знания, никакой подготовки.

Это ли не странность, это ли не дикость? Чтобы сшить самый простой мужицкий сапог, нужно знание, нужна подготовка, а для управления обширнейшим государством ничего этого не нужно. Разве управлять государством легче, чем сшить сапог?

Дело в том, что окружающий нас мир, одушевленный и неодушевленный, изучается науками «точными», а науки, изучающие человеческое общество, в отличие от первых могут быть названы науками «неточными». Если первые научили нас, что такое мир и как нужно им управлять, то последние пока еще мало чему основательному научили. В любой из точных наук есть множество выводов общего характер, им известны строгие законы природы и способы ими пользоваться для практических целей и для предсказания будущего. Астрономия, например, с большою точностью может определить для каждого будущего момента место небесных тел в пространстве и расстояние между ними. Физика дает возможность расчитать с большою точностью, какое количество силы произведет та или другая машина. Химия может предсказать безошибочно, какие произойдут явления, если привести между собою в соприкосновение те или другие химические тела, и т. п.

Но науки о человеческом обществе ничем подобным похвастаться не могут. Они не знают никаких законов природы, управляющих человечеством, не могут даже на один год вперед безошибочно предсказать будущую судьбу государства или общества. Оправдывать это обстоятельство относительной молодостью этих наук или большей трудностью из предмета для изучения нет никакого основания. Материалы для науки о человеческом обществе в виде различных религиозных систем, летописей и исторических повествований начали записываться и сохраняться еще в те отдаленные времена, когда о «точных» науках не могло быть и речи. Как увидим ниже, человечество еще задолго до начала «точных знаний» уже имело сведения о законах, управляющих человеческим обществом, и даже, по-видимому, делало в этой области предсказания, но сильная волна каких-то влияний, вероятно религиозного характера, смыла все это, и остатки древней науки о человеческом обществе дошли до нас только виде обломков, сильно искаженных временем.

Что касается большей трудности этих наук для изучения, то и в этом можно сомневаться, так как человек и его общество несравненно ближе к нам, чем какие-нибудь небесные тела. Очевидно, что были

особые причины, тяготившие в виде какого-то фатума над науками самыми близкими, дорогими и необходимыми для человека. Этот фатум, по-видимому, тяготеет над нами и до настоящей минуты.

Таким образом науки о человеческом обществе в наше время не только не в состоянии делать в своей области каких-либо предсказаний, но не могут с достаточной основательностью ответить на самые насущные вопросы, интересующие человечество, которые так и называются «проклятыми», вероятно — с точки зрения их безнадежности.

Кто, например, знает истинную причину вечного и повсеместного неравенства между людьми, — умственного, нравственного, физического и имущественного? Кто знает, как можно устранить это неравенство раз навсегда? Кому известно, почему в отношении пороков и преступлений человечество стоит ниже всех животных? Кто может сказать с достоверностью, почему между людьми родится такое множество всякого рода уродов, калек, больных и ни на что не годных личностей? Почему люди питают друг к другу такую адскую ненависть, которой не существует во всем животном царстве? Почему сильный всегда теснит слабого? Как уничтожить в человечестве господство капитала над трудом? И т. д., и т. д.

Все эти вопросы и многие другие, не менее важные, решаются так или иначе, но, во-первых, в их решении люди различного склада ума не сходятся между собою, а во-вторых — ответы на них даются неточные, неопределенные, гадательные, не имеющие ничего общего с ясными и определенными ответами наук точных. «Такой-то всемирно известный ученый авторитет, — говорят вам, — выражается об этом так-то, а другой, не менее его знаменитый, опровергает первого и говорит так-то, третий опровергает их обоих и высказывает третье совершенно оригинальное мнение, четвертый опровергает мнение трех первых и т. д.». Подобным же образом даются и рецепты для уничтожения того или другого из зол, удручающих человечество. Очень понятно, что, если ответы нужны вам не для того, чтобы блистать своею памятью и начитанностью, а для действительного дела, они вас ни в каком случае не удовлетворят.

Если вы попробуете применить на практике указания «неточных» наук, то окончательно разочаруетесь и в них самих, и в их жрецах. Почти нет ни одного средства, рекомендуемого для уврачевания общественных ран, которое не стояло бы в прямом противоречии со множеством фактов действительности, известных всем и каждому. Если бы, например, вы захотели узнать, каким средством можно

поднять умственную силу народа, то вам скажут, что народ нужно воспитывать, учить и развивать. По биографии великих людей и практика жизни тотчас же дадут вам в изобилии факты прямо противоположного свойства.

Практика жизни говорит, что есть люди, способные от природы, которые жаждут знания и легко усваивают его без посторонней помощи. Не получая никакого воспитания, они нередко делаются светочами науки. Наоборот, есть люди неспособные и чувствующие органическое отвращение к знанию, перед которыми воспитание пасует. Следовательно, вся суть, по-видимому, заключается не в искусстве педагогов, а в прирожденных способностях.

Точно также для ускорения нравственности в народе лучшим средством считается распространение в его среде христианства, но всем и каждому известно, что христианство прекрасно уживалось с жестокими нравами Средних веков, с цивилизацией и с процессами о колдунах.

Говорят, что порядок в стране зависит от личности монарха, но мы знаем примеры, когда при государях слабоумных в стране был порядок, и наоборот при талантливых и энергичных — порядка не было.

С точки зрения точных наук такие положения совершенно невозможны. Точные науки только тем и сильны, что они не выносят ни внутренних, ни внешних противоречий, что ни одно из их положений не расходится с действительностью.

II. Различие между науками «точными» и «неточными»

Приступая к исследованиям в области наук «неточных», я с первых же шагов натолкнулся на причину их неточности. Точные науки приступают к исследованию внешнего мира без всяких предвзятых идей; они собирают сырой материал, подбирают однородные факты и делают из них выводы. У наук «неточных» сырого материала гораздо больше, чем у всех точных наук, взятых вместе, но к нему приступают не для того, чтобы чему-нибудь научиться, а только для того, чтобы оправдать положения, которые с незапамятных времен принято считать аксиомами. Однородные факты не сопоставляются, из них не делается никаких выводов, а только выбираются подходящие для доказательства предвзятых идей, об остальных же умалчивается или делаются попытки подорвать доверие к тем личностям, которыми они собраны. Словом, производится антинаучная работа, называемая в просторечии «подтасовкой».

Проверкой «аксиом» никто не занимается и не может заняться, потому что это было бы святотатством, надругательством над тем, чем жили и чему молились наши отдаленные предки. Это род реликвий, завещанных нам седою стариной, к которым религиозное почитание продолжает сохраняться, несмотря на радикализм последних времен. Пока эти «киты» не тронуты, науки о человеческом обществе не сделаются точными и всегда будут оставаться в стороне от истинной цивилизации.

Сюда прежде всего надо отнести безусловное выделение человека из всего остального животного мира. Напрасно зоологи стараются найти место человека в ряду остальных животных, ставя его рядом с четверорукими. С ними охотно соглашаются на словах, но на деле между человеческим и животным миром остается все такая же глубокая пропасть, как в библейские времена.

Предположим, что ученым-обществоведам необходимо решить вопрос: что такое нравственность у человека? Есть ли это результат свободной воли и дело разума, или прирожденный инстинкт? Ученые, разумеется, ответят, что нравственность — дело разума, что ее основы нужно внушать человеку с раннего возраста, что ее можно привить, что нравственность дарится религиозным учением и

законодательством, что в безнравственности общества виноваты правительство и его агенты, не хотевшие или не сумевшие оградить нравственность хорошими законами. Прекрасно. А теперь обратимся к животным. Самые совершенные, наилучше организованные общества мы находим у пчел, муравьев и термитов. Существует ли у этих животных нравственность? Конечно существует да еще какая. Муравьи одного муравейника несомненно любят друг друга, помогают один другому и в каждую данную минуту готовы за согражданина пожертвовать своею жизнью. Они никогда не обижают своих, не ссорятся, не дерутся, не грабят в своем муравейнике, не крадут и замков никаких не имеют. Все, что добудет один муравей, становится достоянием всего муравейника. Каждый муравей работает целый день, не покладая рук, не для себя, а для всех. Какой же нравственности еще нужно?

Но откуда почерпает муравей свою нравственность? Забоится ли кто-нибудь о ее развитии? Внушается ли она кем-нибудь муравью с раннего детства? Есть ли у муравьев проповедники и учителя нравственности? Каким законодательством она поддерживается? Кто издает мудрые законы и кто наблюдает за их исполнением? На все эти вопросы приходится отвечать отрицательно. У муравьев нравственность не дело разума, она не зависит ни от случая, ни от чьего-либо каприза, она автоматична и прирожденна. Муравей, если бы и захотел быть безнравственным, то не может этого сделать, потому что это выше его сил. Муравьиная нравственность настолько автоматична, что она совершенно одинакова для всех муравейников одного вида. Достаточно описать нравственность в одном муравейнике, чтобы знать ее во всех остальных. Никому еще не приходилось наблюдать внутри муравейника ни воровства, ни драк, ни лености и никаких антиобщественных пороков, от которых так страдает человечество.

Чем же достигается такая автоматическая нравственность? Ничем иным, как только существованием у каждого муравья прирожденного общественного инстинкта.

Но какое общество устроено совершеннее: муравьиное ли с автоматической нравственностью, которая всегда действует без отказа, или человеческое с нравственностью, зависящею от каприза и случая, которую люди в иные моменты своей жизни могут совершенно утратить, а сами затем погибнуть от самоистребления? Конечно, нравственность автоматическая несравненно совершеннее: человечество было бы на вершине своего благополучия, если бы

когда-либо ее достигло.

Выходит, что человеческое общество менее совершенно, чем муравьиное, и что человек на долгом пути своего развития в отношении нравственности сильно регрессировал. Причем же в таком случае остается закон прогресса?

«Неточные» науки спокойно мирятся с таким абсурдом, лишь бы не унизить человека, существа разумного, сравнением с животным. Но науки точные подобных абсурдов не выносят. Они пересмотрели бы вновь только что приведенную нами систему логических рассуждений и тотчас же убедились бы, что абсурд находится не в природе вещей, а в том, что в основу наших рассуждений мы кладем произвольное, никем недоказанное предположение, отрицающее у человека существование прирожденных общественных инстинктов, свойственных всем общественным животным. Пересмотревши этнографические и исторические данные о человеческом обществе, представители точных наук легко убедились бы, что далеко не во всех человеческих обществах отсутствует нравственность, что есть и были такие общества и государства, которые нисколько не уступают по своей нравственности муравьям. Так как в этих обществах господствуют законы, общие всему животному миру, то представители точных наук признали бы их нормальными и приняли бы для них существование такой же совершенной, автоматической нравственности, как у пчел и муравьев. А общества, лишенные такой нравственности, были бы признаны ненормальными, больными, почему-то утратившими свои прирожденные полезные инстинкты. Придя к такому заключению, «точные» науки тотчас же приступили бы к отысканию причин общественной болезни в человечестве и конечно не замедлили бы их найти.

Подобным же образом представители «неточных» наук строго разделяют человека от животных в отношении души. Они, правда, не говорят, подобно нашим простолюдинам, что «у человека — душа, а у животных — пар», но придерживаются совершенно подобного же взгляда, когда решают сложные и запутанные вопросы о человеческом обществе и государстве. Так, например, для животных все принимают строгое соответствие между физическим строением и душой или совокупностью психических сил. Всем известно, что душа животных тем совершеннее, чем совершеннее их физическая организация. Душевные отправления у рыб выше, чем у моллюсков. У птиц выше, чем у рыб, и т. д. Но если приходится рассуждать о душе человеческих рас, различных по своей физической организации, то

соотношения между физической организацией и душой уже не существует. Ведь это — люди, а не животные. Душа у всех людей одинакова, они различаются только образованием, воспитанием и вообще цивилизацией, а не душой.

Пресловутое учение о свободной воле уже касается исключительно человека. Самим своим существованием оно отвергает участие в жизни человеческой каких-либо законов природы. Если люди властны распорядиться собою как хотят то причем тут законы природы? А если, наоборот, действия людей не свободны и направляются законами природы, то где же у них свобода воли? Между этими Сциллой и Харибдой приходится лавировать бедным историкам. С одной стороны им нельзя игнорировать Кетле, доказывающего статистическими цифрами, что в государствах все совершается по законам природы. А с другой имеется древняя привычка для каждого поворота в истории искать виновников и приписывать общественные несчастия чьей-нибудь злой воле. И вот историки ухитряются примирить эти две противоположности. Одну или две первые главы своей истории они посвящают законам природы, из строгости, непреложности и пр., а в остальных по-старому ругательски ругают королей или моют косточки каким-нибудь общественным деятелям, как воображаемым виновникам какого-нибудь упадка. И к таким фокусам прибегают не какие-нибудь составители учебников для юношества, а сами знаменитые Бокль и Кольб.

Если приходится объяснить умственный прогресс или регресс в какой нибудь стране, а виновников не оказывается, тогда о законах природы уже и не вспоминают. В этом случае свободная воля царит безусловно. Народ прогрессирует в умственном отношении, если упражняет свой мозг, и падает, если пренебрегает такой гимнастикой.

Есть еще много таких «китов», на которых стоят «неточные» науки, но ни перечислять их, ни опровергать не позволяют размеры моей книги. Скажу только, что все эти «аксиомы» наук неточных оказываются гипотезами и притом чрезвычайно древними, берущими свое начало во временах доисторических. Они постоянно подновляются и подносятся цивилизованному человечеству под разными новыми соусами и всегда выдаются за самое последнее слово науки. Очень понятно, что, пока они будут занимать свое теперешнее положение, человечество вечно будет ждать какого-то мессию, какой-то манны небесной, а само в то же время будет избивать и калечить друг друга и невыносимо страдать от тех зол, которые его одолевают.

Вступая в область наук «неточных» с методами точного знания, ваш покорный слуга принужден был или отказаться от древних «аксиом», или бросить начатое дело. Я предпочел первое и не раскаиваюсь, потому что за смелость был вознагражден сторицею теми новыми перспективами, которые для меня открылись.

Само собой разумеется, что факты, собранные науками неточными, ничем не отличаются от других фактов, а потому воспользоваться ими и открыть некоторые законы, управляющие человеческим обществом, было уже вовсе не таким трудным делом, как это могло казаться вначале. И вот результатами своих открытий в этой области я и хочу поделиться с моими читателями. Хотя мои выводы сделаны из фактов действительности, хотя они очень просто объясняют самые запутанные и животрепещущие вопросы, интересующие человечество, но я отнюдь не обольщаю себя надеждой, что они будут приняты с распростертыми объятиями и что я заставлю человечество смотреть на вещи моими глазами. Во-первых, все те «аксиомы», которые мне пришлось отбросить как тормоза к истинному знанию, дороги для человечества не только в силу многовековой привычки, но и потому, что удовлетворяют его самолюбию. «Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман», сказал совершенно справедливо поэт. «Аксиомы» возвышают человека над животными, к которым он относится с презрением, дают ему хотя ложное, но приятное сознание, что он свободен в своей деятельности и обладает полной возможностью, хотя бы в отдаленном будущем, устроить свою жизнь не так, как этого хочет природа, а так, как ему самому заблагорассудится. Во-вторых, не все люди обладают одинаковым со мною складом ума и потому то, что является для меня неоспоримой истиной, для других может показаться недостаточно убедительным.

Но меня ни на минуту не покидает уверенность, что я не один на свете, что есть люди, одинаково со мною мыслящие, которых я могу порадовать благою вестью: если несчастия человеческие еще не скоро кончатся, то все-таки во мраке, нас окружающем, уже видна щель, сквозь которую бьют яркие лучи света. Те данные, которые мне удалось почерпнуть из фактов, указывают, что человека ждут в будущем и прогресс, и счастье, но только не оттуда, откуда их ожидают. Человек будет в состоянии устраивать по произволу судьбу своего общества. Но только не путем бессмысленной борьбы с законами природы, похожей на разбивание стены лбом, а знанием этих законов и умелым ими пользованием в духе точных наук.

III. Ублюдочность рода человеческого

Как это часто случается, в начале моих исследований я даже и не думал о тех важных вопросах, которыми теперь занимаюсь, считая их недосягаемо трудными. Меня занимал сравнительно более мелкий этнографический вопрос о происхождении международных мифов.

Из этнографических данных о распространении мифов по земному шару я делал выводы и строил гипотезы, которые сверял с фактами, известными науке. Первые мои попытки в этом отношении, разумеется, выходили неудачными. Гипотезы оказывались в противоречии с различными новыми фактами, неизвестными мне ранее. Я с болью сердца переделывал их или вовсе бросал и строил новые. Теперь, когда я припоминаю пройденный мною длинный путь и пересматриваю разные ученые работы других лиц, мне становится понятным, почему многие из них после гениально задуманного и веденного начала работы остановились на полпути и не достигли желанной пристани. Для корабля ученого исследователя нет ничего страшнее двух подводных рифов: один — чужие ложные гипотезы, не опровергнутые в свое время и обратившиеся за давностью в «аксиомы», а другой, несравненно более страшный, свои собственные ложные гипотезы, если не хватит духу во время от них отказаться.

Мало-помалу моя чисто этнографическая работа привела к вопросу о происхождении человека, который раньше не приходил мне в голову. Вопрос этот такой важный и имеет такое мировое значение, что моя ученая скромность не дозволяла мне за него приняться. Но отступления уже не было. Или идти вперед, или поставить крест на своих трудах, на которые потрачено столько времени и крови.

После долгих колебаний в разные стороны я остановился наконец на идее о гибридизме или ублюдочном происхождении человеческого рода. Человек — не чистокровное существо, как думали до сих пор, а помесь древних типов, которых в настоящее время в чистом виде уже не существует. Эта идея до крайности проста, но в простоте-то именно и заключается ее главное достоинство. Остановился я на ней, выражаясь поэтическим языком, потому, что уже достаточно освоившись с бурями и подводными рифами безбрежного океана неизвестности, сразу почувствовал себя в тихой пристани. Факты действительности, которые до тех пор с мрачной миной от меня отворачивались, теперь приветствовали меня толпой и наперерыв друг

перед другом спешили познакомить с деталями дела, упущенными мною при первоначальной постановке вопроса. Мне оставалось только радоваться, читать открытую передо мною страницу в книге природы и записывать то, что я узнал в ней нового.

Так как факты и наблюдения над человеком разбросаны в целом ряде наук, то мне пришлось проштудировать: этнографию, антропологию, археологию, зоологию, палеонтологию, историю и статистику. Хотя факты этих наук добывались в разное время, разными лицами, не имеющими между собою ничего общего, и самыми разнообразными способами, но все они не только сошлись с моей идеей, а дополняли и разъясняли ее. Все это давало мне лучшую гарантию, что моя идея о гибридизме человеческого рода уже не гипотеза, не теория, а крупный сложный факт, найденный путем обобщения из огромного множества фактов мелких.

В результате всех этих работ получились два тома трудов, из которых первый уже вышел в печати под заглавием: «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907). В этот том вошло собственно происхождение человека, а во второй должно было войти его вырождение, т. е. все то, что получилось от приложения моей идеи к данным истории и статистики.

Но мой первый том разошелся очень мало, его издание не окупилось, и на печатание второго тома, который оказался вдвое больше первого, средств не хватило. А потому я решил отпечатать пока только самую суть тех выводов, к которым привела меня история, чтобы показать, какую огромную важность имеют они для жизни государственной, общественной и частной. Но прежде чем к ним перейти, я повторю для незнакомых с моим первым томом, как представляется по моей теории смешение первобытных типов, вошедших в состав современного ублюдочного человечества.

Чтобы решить вопрос о том, сколько было первоначальных видов человечества, и что эти виды из себя представляли, я посмотрел на современное человечество как на смешанную породу животных, в которой еще не успели сгладиться признаки отцовской и материнской породы. Спрашивается, каким образом по виду ублюдков можно судить о виде чистокровных пород, их составляющих?

Это вовсе не так трудно: необходимо только наблюдать ублюдков и замечать, как у них в отдельных экземплярах изменяется один и тот же внешний или внутренний признак. Если, например, у одних экземпляров смешанной породы высокий рост, у других низкий, а все остальные роста промежуточного, то в смесь вошли: вид

высокорослый и низкорослый. Если в числе смешанных экземпляров есть одни субъекты бесшерстные, а другие покрытые шерстью, то один вид был волосатый, а другой — голый. Если у одних ублюдков цвет кожи снежно-белый, у других — черный, а у остальных кожа промежуточных цветов, то один вид был белый, а другой черный. Рассуждая подобным же образом, можно восстановить все признаки первоначальных чистокровных видов.

Если бы признаки ублюдков не удалось свести к двум крайним формам, то ясно, что в состав смеси вошло более двух видов. Но на этом последнем случае мы останавливаться не будем, так как все антропологические признаки человека легко сводятся к двум крайним формам.

Теперь остается только решить, какие именно признаки принадлежат одному виду, а какие — другому. Но тут приходят на помощь наблюдения над соотношением у человека органов, собранные в огромном количестве антропологической наукой. Например, замечено, что высокий рост у человека чаще комбинируется со светлым цветом кожи и волос, с голубыми глазами, с длинноголовием и пр. Наоборот, малый рост чаще соединяется с темным цветом кожи и волос, с темными глазами, с короткой головой и т. д.

И вот при помощи подобных приемов мне удалось мысленно восстановить два первоначальные вида, образовавшие человечество.

Благодаря большому изобилию антропологических наблюдений, можно было составить подробное описание обоих типов не только по внешности, но и по их уму, характеру, наклонностям и пр., так как внутренние свойства человека находятся в соответствии с внешними. Выводы такого рода передаются здесь мною вкратце.

Тип высший — человек в полном смысле этого слова, гигантского роста, с ногами более длинными, чем туловище, и прямыми. Цвет кожи белый, но все тело, не исключая лица, покрыто шелковистыми, тонкими волосами снежно-белого цвета. Волосы на голове не отличаются от остального волосяного покрова ни цветом, ни длиной. Череп длинный спереди назад и сверху вниз. Лоб высокий и прямой. Черты лица напоминают самых красивых из современных европейцев. Глаза большие с прямым разрезом, голубые, чрезвычайно живые и выразительные. Нос прямой. Рот небольшой с тонкими губами. Зубы прямые, вертикально поставленные, без так называемого прогнатизма (косирины). Ушные раковины небольшие, не оттопыривающиеся, с хорошо развитыми мочками. Шея тонкая, длинная. Телосложение

богатырское, с сильно развитыми мускулами, но гибкое и грациозное. Руки не длинные с малыми оконечностями. Живот не выдающийся, подтянутый. Ноги с малыми стопами и с сильно развитыми икрами. Все движения этого существа были мягкие, легкие и грациозные. Оно обладало огромной силой и чрезвычайной ловкостью. По устройству пищеварительного аппарата и по роду пищи это было существо плотоядное.

Высший тип человечества отличался сильным и гибким умом, прекрасной памятью, быстрой сообразительностью и находчивостью. У него была большая наблюдательность, странное терпение и способность выносить всякие невзгоды и страдания. Воля его была железная, во взглядах на мир — твердость и постоянство. Нет надобности говорить, что он обладал членораздельной речью.

Это было существо кроткое, добродушное, миролюбивое и в высшей степени общительное. Оно не могло жить иначе, как в обществе себе подобных. «Белый дилювиальный человек», как я называю это существо, не только любил себе подобных, но готов был идти за них в огонь и воду, и с охотою жертвовал жизнью за ближнего. Он был храбр как лев, и для достижения цели не останавливался ни пред какими препятствиями. Белый человек обладал любознательностью и изобретательностью. Постоянно веселый и жизнерадостный, он ко всему относился с увлечением, трудился как муравей и любил труд, физический и умственный, как род наслаждения, а потому вовсе не испытывал его тяжести.

Само собой разумеется, что я привожу здесь только краткую характеристику высшего типа. Антропологических материалов накопилось так много, что этот тип можно восстановить в мельчайших подробностях.

Низший тип — не человек, а животное, питекантроп, т. е. существо среднее между человеком и обезьяной, малого роста, с короткими кривыми ногами, согнутыми в коленях, с длинным туловищем и длинными руками. Цвет кожи его был если не черный, то очень темного цвета. Кожа толстая и совершенно лишенная растительности, дававшая множественные складки, в особенности в местах сгибов, лишенная жировой подкладки. Только на голове была густая шевелюра длинных и толстых волос черного цвета. Голова была кругла и коротка (сзади вперед и сверху вниз), лоб низкий и покатый, убегающий назад. Сильно развитые надбровные дуги нависали над глазами. Глаза маленькие с косым разрезом, с черной или темнокарей радужной оболочкой. Нос плоский приплюснутый.

Вся нижняя часть лица с массивными челюстями выдвигалась вперед наподобие морды животного. Расположение зубов косое (прогнатичное). Губы толстые. Язык толстый, массивный. Подбородок широкий. Уши с большими ушными раковинами, топырящимися в стороны и совершенно без мочек. Грудь плоская, конусом расширяющаяся книзу. Живот толстый, выдающийся и отвислый. Шея короткая, толстая. Руки с массивными кистями. Ноги без икр с большими совершенно плоскими стопами.

Хотя существо это ходило на задних ногах, но двигалось медленно, переваливаясь с боку на бок и раскачиваясь корпусом. Поясница его была сильно вогнутая, мешавшая корпусу держаться прямо, постановка туловища была наклонная вперед, сгорбленная или сутуловатая. Зато это существо, имея большую силу и цепкость в руках, прекрасно лазило, что было для него необходимым, так как оно жило в лесу на деревьях, плодами которых питалось. В отличие от «белого человека» питекантроп был существом растительноядным. Он жил не обществами, а малыми семьями.

Хотя питекантроп в умственном отношении был выше всех современных обезьян, но все-таки это было животное, не обладавшее даром слова, издававшее только отдельные звуки высокого тембра.

Таким образом современное человечество представляет во всех отношениях середину между двумя только что описанными типами, причем у него густо перемешаны черты белого дилювиального человека с чертами питекантропа. Что касается отдельных рас и племен, то высшие из них отличаются большим количеством черт белого дилювиального человека, а низшие — преобладанием черт питекантропа. Внутри же отдельных народностей высшие классы более приближаются к белому дилювиальному предку, чем низшие.

Такова сущность моей теории, заменившей тот тупик, к которому пришли самые выдающиеся ученые Европы по вопросу о классификации рода человеческого. Но всякая теория приобретает значение только тогда, когда она не противоречит фактам действительности и легко их объясняет, а потому я пришел к необходимости сверить мои положения с возможно большим количеством фактов, уже добытых наукой.

Как было уже говорено, факты эти не только не противоречили моей теории, не только подтверждали ее, но подсказывали мельчайшие подробности, первоначально упущенные мною из виду. Поэтому было большим безрассудством с моей стороны оставить эту теорию без внимания. В течение многих лет я не жалел усилий, чтобы

пересмотреть множество фактов о человеке, разбросанных в разных научных сочинениях. Результаты получились блестящие, потому что передо мною выяснились такие стороны человеческой жизни, о которых я до тех пор не имел ни малейшего представления. Пришлось таким образом совершенно изменить взгляд на происхождение человеческого рода, что я и изложил в первом томе моего сочинения.

IV. Вырождение в истории

Что касается истории и статистики, то результаты приложения к ним моей теории оказались еще более поразительными, так как мне удалось открыть некоторые законы истории, позволяющие делать в этой области довольно точные предсказания.

Основой этого исследования послужило наблюдение зоологов, что до сих пор никому не удавалось получить ни одного прочного и постоянного гибридного вида.

Ученые глубоко верят в возможность существования таких видов, но до сих пор замечалось только неудержимое стремление их вырождаться в те основные виды, из которых они составились. Отсюда я вывожу заключение, что постоянны и неизменны только виды чистокровные, выработанные борьбой за существование и естественным отбором. В мире человеческом постоянны только типы белого дилювиального человека и питекантропа, а современное ублюдочное человечество есть нечто неустойчивое, непостоянное и вечно стремящееся к вырождению в древние виды.

Надо сказать, что не один человек представляет собою существо гибридное или ублюдочное. Большинство других животных, особенно высших, также ублюдки более древних видов. И вот из наблюдения зоологов над домашними животными оказалось, что есть некоторые условия, уже известные человеку, при которых современные виды домашних животных могут приближаться путем вырождения к древним, то высшим, то низшим.

В зоологии процесс приближения к высшему типу называется «прогонизмом», а к низшему — «атавизмом». Так как мы не имеем никакого основания исключать человека из царства животных, то и у него должны ожидать и прогонизма, и атавизма, т. е. предполагать, что при одних условиях человек может так же, как и животное, приближаться к высшему типу, к белому дилювиальному человеку, а при других — к низшему, к питекантропу.

Если бы смешанные виды могли образовать с течением времени постоянную, неизменную породу, то человечество в долгий промежуток времени, прожитый им на земном шаре, должно было слиться в однообразный тип, средний между двумя древними. Но этого не случилось, потому что помесь никогда не может приобрести устойчивости типов чистокровных и никогда не утратит стремления в

них вырождаться.

Но и выродиться окончательно в один из древних типов человечество также до сих пор не могло вследствие каких-то серьезных препятствий, а потому очевидно, что оно, если не вечно, то в течение очень долгого времени принуждено колебаться между тем и другим типом, приближаясь то к одному из них, то к другому. Если же для вырождения в ту и другую сторону требуется приблизительно одинаковое время, то естественно, что в жизни человеческих обществ должны существовать правильные периодические колебания, следы которых можно искать в истории.

Такие взгляды не имели бы под собой никакой почвы, если бы мы наблюдали у людей однообразие и постоянство типа при переходе от одного поколения к другому. Но этого нет; мы видим, что дети почти никогда не рождаются копией родителей: каждый член нового поколения стоит в умственном, нравственном и физическом отношении либо выше, либо ниже своих родителей. Для последнего из этих двух случаев на всех европейских языках существует даже специальный термин «вырождение», соответствующий понятию «атавизма» в животном царстве. Что касается «прогонизма», то и его мы можем наблюдать весьма нередко, хотя специального термина в обыденной речи для него не имеется.

V. Наука о вырождении

Судя по существованию терминов для вырождения (атавизма) во всех европейских языках, мы можем заключить, что это явление для человека вовсе не новое. Но предметом научного исследования оно стало только в последние времена, с пятидесятых годов прошлого столетия, сначала во Франции, а потом и в других цивилизованных странах Западной Европы. В настоящее время определена сущность этого явления, намечены его главные стадии, но истинная причина его еще не выяснена. Чаще всего причину эту искали во вредных климатических условиях: в одной стране будто бы люди вырождаются от излишнего жара, в другой — от холода, в одной — от северных ветров, в другом — от восточных или западных и т. п. Но так как вырождение происходит при всевозможных климатических условиях, то его стали объяснять и другими местными условиями: то слишком высоким положением страны над уровнем моря, то очень низким, то избытком влажности, то излишней сухостью воздуха. С расширением знания число предполагаемых причин вырождения стало быстро возрастать. Их находили то в изобильной пище, то в ее недостатке, то в богатстве жителей, то в их бедности, то в переутомлении, то в праздности и т. д. Иные приписывают вырождение государственному режиму, законам страны, ее нравам и обычаям, всеобщей воинской повинности и даже принципу разделения труда. В общем, этих причин набирается такое огромное количество, что ученые принуждены их классифицировать, делить на категории и составлять из них таблицы. Но если свежий человек заглянет в одну из таких таблиц, то убедится, что причиной вырождения является сама жизнь со всеми ее условиями, т. е., другими словами, человечество вырождается потому, что живет, и тогда только перестанет вырождаться, когда вымрет до последнего экземпляра.

Ненормальность и искусственность такого решения говорит сама за себя. Человек живет на земле, по самому скромному расчету, около 150000 лет. За все это время он постоянно и непрерывно приспособлялся ко всевозможным жизненным условиям. Все слабое, неприспособленное неизбежно вымирало и не оставляло после себя потомства. Все сильное выживало и передавало свою приспособленность дальнейшим поколениям. Но этого мало: если предками человека были животные, начиная от инфузорий, то

приспособление началось еще гораздо ранее, несколько миллионов лет тому назад. Казалось бы, что времени для приспособления было совершенно достаточно и что в окончательном результате должно было выработаться сильное, здоровое и совершеннейшее существо в мире, для которого не страшны никакие жизненные условия. Но на самом деле, если верить ученым, человек настолько слаб, хрупок и нежен, такая масса ничтожнейших причин приводит его к вырождению и вымиранию, что жизнь возможна для него разве только в оранжерее под стеклянным колпаком. И остается только удивляться, почему он до сих пор не вымер.

Не ясно ли, что есть только два способа уничтожить эту логическую несообразность: или принять, что никакого приспособления к жизни ни у человека, ни у его животных предков до сих пор не было и только теперь начинается, или что древняя приспособленность уничтожается каким-то неизвестным нам фактором.

Первое предположение абсурдно, так как только приспособлением к жизненным условиям можно объяснить весь прогресс животного мира, и потому приходится остановиться на втором, т. е. принять существование неизвестного нам естественного фактора, противодействующего приспособлению, и заняться его отысканием. Фактор этот и есть атавизм, т. е. приближение человека к низшему типу, происходящее не от внешних, а от внутренних причин, как это видно из определения вырождения, принятого наукой. В книгах, трактующих о вырождении, оно определяется так: «когда специфические свойства, характеризующие расу, перестают передаваться потомству путем наследственности, когда в семействе дети перестают походить на своих родителей, братьев и сестер, и когда в результате происходит изменение в приспособленности человека к физической и социальной среде, то говорят, что раса вырождается».

Кроме всего сказанного немного нужно внимания и вдумчивости, чтобы убедиться, что всякое естественное явление, происходящее на земле, а в том числе и вырождение, не может иметь сотни причин, а всего только одну. Если же для некоторых явлений мы можем указать несколько причин, то дело здесь не в сущности вещей, а только в способе выражения. Говорят, например, что живое существо может умереть от тысячи самых различных причин: от яда, от ран, от жары, от холода и т. д. Но разве все это настоящие причины смерти? Настоящая причина только одна: неустойчивость живого организма.

Подобным же образом причин порохового взрыва можно указать много: огонь, возвышение температуры, электрическая искра, сильный удар и пр. Но настоящая причина только одна — сильное химическое сродство между телами, входящими в состав взрывчатой смеси.

Все эти соображения доказывают как нельзя лучше, что истинная причина человеческого вырождения до сих пор не была известна науке. Она есть стремление неустойчивой натуры смешанного человеческого типа возвратиться в устойчивую, приспособленную к внешним влияниям форму одного из первобытных чистокровных видов. Это стремление внутреннее, если можно так выразиться — молекулярное, и потому не может вызываться внешними условиями.

Хотя в настоящее время существует целая наука о вырождении, хотя она делает несомненные и быстрые успехи, но постановка ее далеко не удовлетворительна, что и приводит ее представителей к неправильным выводам. Во-первых, наука, изучающая человеческое вырождение, не должна игнорировать вырождения, существующего в мире животных. Если бы это правило было соблюдено, то ученые никогда не могли бы придти к таким абсурдным выводам, будто вырождение человека может происходить от всеобщей воинской повинности или от принципа разделения труда. Во-вторых, изучающие вырождение человека, т. е. его атавизм, не должны были бы игнорировать обратного процесса, прогонизма. Наконец, в-третьих, вырождение изучается только на экземплярах сильно выродившихся, на разных невропатах, неврастениках, слабоумных, идиотах и проч., но при этом совершенно упускается из виду, что между людьми окончательно выродившимися и здоровыми существует целый ряд переходных ступеней, которые остаются без всякого изучения. Так называемые стигматы или признаки вырождения, число которых в настоящее время быстро возрастает, встречаются не только у людей, выродившихся, но и у нормальных. Сюда относятся, например, сильно выдающиеся надбровные дуги, чрезмерное развитие скуловых костей, толстые, оттопыренные губы, длинное туловище при коротких ногах, кривые ноги, плоская стопа, слабо развитая мускулатура, близорукость, обжорство, картавление, заикание, сюсюканье и проч. Если бы исследователи вырождения обратили свое внимание на то обстоятельство, что у редкого человека в обществе нет ни одного стигмата вырождения, то они поняли бы, что вырождение — это общественная болезнь, оказывающая влияние на весь ход исторических событий и производящая то, что в истории

называется «упадком». Они не стали бы тоща низводить этот грандиозный мировой процесс на степень какой-то местной лихорадки, навеянной восточным или западным ветром.

Итак, чтобы узнать истинные размеры вырождения в какой-либо стране, недостаточно изучать выдающиеся экземпляры, охваченные этой болезнью, необходимо распространить такое изучение на все общество. А это возможно только при помощи статистики. Но и этого мало: вырождение недостаточно изучать на примере общества, вырождающегося в настоящую минуту, так как наука никогда не может следовать по пятам за текущей жизнью. Надо привлечь к этому изучению данные истории, которые дают картину вырождения в совершенно законченном виде.

VI. Периодичность в истории

Таким образом современной науке о вырождении, разрабатываемой медиками в госпиталях, остается еще много шагов, прежде чем она будет достойна названия настоящей науки и станет изучать вырождение в истории, составляющее предмет настоящей книга.

Я пришел к этому, исходя из основного положения моей теории. Если гибридное человечество вследствие каких-то причин постоянно колеблется между прогонизмом и атавизмом, то при господстве первого из этих процессов народ должен во всех отношениях преуспевать, а при обратном процессе — падать. Так как оба эти процесса требуют для своего совершения приблизительно одинаковое время, то в данных истории должны отыскаться периоды народного подъема и упадка, правильно чередующиеся между собой.

И действительно, если внимательно присмотреться к истории разных стран, то нельзя не заметить, что жизнь государств никогда не идет ровным шагом, а постоянно колеблется между подъемами и упадками, которые обыкновенно приписываются местным причинам. Едва только государство достигнет зенита своего благополучия, как в нем появляются первые признаки расстройства, которые с течением времени усиливаются и переходят в настоящий упадок. Но и упадок не тянется без конца: он также достигает некоторого зенита, снова сменяется подъемом и т. д.

В исторической литературе немало такого же рода наблюдений. Я возьму те из них, которые первыми попали мне под руки.

Польский социолог г. Гумплович помещает «закон периодичности» в число основных законов, управляющих человеческим обществом. «Во всех областях явлений, — говорит он, — правильность переходит в периодичность, которая является всюду, где какая-либо эволюция представляется в целом. Везде и всюду разложение и упадок одного явления дают свободное поле для новой жизни и для нового развития».

Шлоссер говорит: «Высшая степень могущества и величия государства, по вечному закону всех человеческих дел, всегда бывает началом упадка».

«Одно поколение, — говорит Реклю, — непрерывно сменяет другое, каждый момент исчезают отработавшие клеточки, каждый

момент появляются клеточки новые, родятся новые люди, для того, чтобы заместить умерших. Движение эволюции совершается неощутимым образом, но, если изучать людей через некоторые промежутки, через некоторое количество лет, десятилетий или веков, то можно наблюдать явственные различия. Идеи сделались совершенно иными, — общество не следует уже по прежнему направлению, у него другие цели и новые точки зрения. Поколения отличаются одно от другого, «как узлы на стебле злака». На перерезанном пилою стволе дерева можно заметить годовые круги нарастания, — точно так же и истекшие века обнаруживают последовательные наслоения, движения вперед и назад и временные задержки в развитии.

Совершаются ли эти изменения в общем движении человечества и в ходе развития отдельных групп людей совершенно случайно, вне какого-либо закона, или же, наоборот, наблюдается в них известная правильность? Нам кажется, что последовательность направляющих идей и последовательность фактов, из них вытекающих, имеет некоторый ритм, — она как бы регулируется движениями маятника. Высказывались различные теории, стремившиеся определить этот ритм. Так Вико в своем сочинении «Scienza Nuova» доказывает, что человеческие общества развиваются в течение ряда веков, обнаруживая «corsi» и «ricorsi», т. е. правильно чередующиеся периоды прогресса и регресса, человечество как бы описывает круги во времени и возвращается постоянно к прежнему положению вещей после завершения своего кругового хода». (Реклю. Человек и земля, в. V, 327).

Тэйлор говорит: «Цивилизация часто приостанавливается и иногда возвращается назад, но это обратное движение далеко не так постоянно, как поступательное». (Павленков. Дженнер, 8).

Реклю приводит даже целый ряд попыток со стороны ученых связать исторические периоды с различными периодическими явлениями во внешней природе, например с появлениями пятен на Солнце, с чередующимся периодически рядом годов с большим и с меньшим количеством влаги, с перемещением полюсов земного шара и с вековыми колебаниями магнитных токов.

Но все эти попытки не привели пока ни к чему, и по-прежнему упадки и подъемы приписываются стечению благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Чаще всего виновниками упадка оказываются правители государств, правительства и государственный режим. Многие историки так и сыплют направо и налево: «такой-то

государь поднял страну, такой-то дал ей просвещение, такой-то ее уронил, а такой-то разорил и погубил». Личности или маленькой горсточке людей приписывается всемогущество, а значение самого народа умаляется до последней степени. Народ представляется чем-то вроде пешек, из которых правительство может сделать все, что ему угодно. О могучих, строгих и никогда не отсутствующих законах природы, разумеется, нет и помину, для большинства историков они не существуют.

Но если бы какой-нибудь историк уверовал в эти законы и попытался найти в истории народов правильную периодичность, то с первых же шагов он встретился бы с целым рядом трудно преодолимых препятствий.

Прежде всего необходимо найти в истории периоды подъема и упадка и точно установить их продолжительность. Но для этого нужно твердо знать настоящие признаки подъема и упадка. Здесь-то и встречается первое препятствие: признаки подъема и упадка в нашем обществе — вопрос спорный. Если государство ведет непрерывный ряд войн с соседями, наносит всем им ряд поражений и сильно расширяет свою территорию путем завоеваний, то одни скажут, что это подъем, потому что на стороне государства сила. Другие возразят, что это упадок: в стране господствуют солдатчина и воинственность, а эта последняя по нашим современным понятиям — синоним дикости.

Возьмем другой пример: в государстве происходится непрерывный ряд бунтов и революций. Что это, подъем или упадок? Одни скажут, что упадок, потому что государство утратило свое единство и разлагается. Другие, что это подъем, потому что революции доказывают зрелость народа: народ понял, наконец, свои права и с оружием в руках добывает их.

Само собой разумеется, что при таком разногласии невозможно определить, что назвать подъемом, а что упадком.

Далее, встречаются периоды в истории, когда правящие классы расходятся с простонародьем в диаметрально противоположные стороны. В то время, как в правящих классах наблюдается дружный подъем, простонародье проявляет несомненные признаки упадка. Или наоборот, интеллигенция падает, а простонародье поднимается. Чем считать такой период: временем подъема или упадка?

Кроме того, в истории народов встречаются сплошь и рядом неправильности или аномалии, а также запаздывания в наступлении того или другого периода. Если вы не знаете нормального хода истории, то как вы можете отличить аномалии от правильного хода

событий? Я уже не говорю о том ряде гипотез доисторического происхождения, о которых было говорено выше и которые служат очень сильным тормозом для всяких серьезных исследований в области истории.

Те же самые препятствия помешали бы и мне разобраться в лабиринтах истории, если бы у меня не было руководящей нити в виде идеи о гибридизме человечества и о постоянном колебании его между атавизмом и прогонизмом.

VII. Исторический цикл

Приступая к отысканию правильности в истории, я прежде всего пересмотрел в исторических сочинениях описания заведомых подъемов и упадков в разных странах, выписывая отдельно признаки подъема и упадка. Оказалось, что те и другие смешать между собою очень трудно, почти невозможно, так как они находятся друг к другу в отношении прямой противоположности. Если, например, в период упадка господствует разврат, то в период подъема преобладает обратное явление: целомудрие и супружеская верность. Если в период упадка народ страдает от лени, то в период подъема он трудолюбив, и т. п. Для того, чтобы не путаться в тех случаях, когда простонародье и интеллигенция расходятся в своих упадках и подъемах, я определял эти периоды для тех и других отдельно и убедился, что закон вырождения для всех одинаков, но одинаковые периоды у простонародья и интеллигенции не совпадают между собой, как бы у двух совершенно различных народов.

Труднее всего было отличить нормальный ход событий от аномалий, но и это препятствие я преодолел в конце концов, благодаря тому, что пересмотрел большое количество исторического материала у разных народов. То, что во всех государствах повторялось много раз, я принял за нормальное, а то, что встречалось в единственном числе или повторялось весьма редко, — было аномалией.

После многих неудач передо мною наконец открылась грандиозная картина исторических периодов, в которых меня больше всего поразило ее полное однообразие у всех народов земного шара, древних и новых, цивилизованных и нецивилизованных, без всякого различия по национальностям, по религиям, по форме правления, по величине государства и по месту, занимаемому им на земном шаре. Отдельные народы и государства отличались между собою не продолжительностью периодов и не порядком их следования, а только датами, в которые у каждого приходятся однозначащие периоды. В этом отношении народы отдаленные и не имеющие между собою ничего общего зачастую сходились ближе, чем два народа, принадлежащие к одной и той же национальности и говорящие одним и тем же языком. Найти в этом какую-нибудь правильность или законность мне не удалось и до настоящего времени.

Размеры моей книги не дозволяют мне познакомить читателей с целым рядом ошибок, в которые я впадал в начале, и с моим далеко не прямолинейным движением к намеченной цели. Я передам здесь только окончательные результаты, к которым пришел.

Оказывается, что все государства и все общества, от самых больших до самых малых, в своей исторической жизни совершают непрерывный ряд оборотов, которые я называю историческими циклами. Продолжительность цикла для всех народов без исключения — ровно 400 лет. Хотя в прохождении циклов и у разных народов, и у одного и того же народа встречается много разнообразия, но распределение в цикле подъемов и упадков и общий характер цикла у всех народов одинаковы. Получается такое впечатление, что через каждые 400 лет своей истории народ возвращается к тому же, с чего начал. Цикл — это год истории.

При ближайшем знакомстве с циклом легко заметить, что он распадается на две равные половины по 200 лет, из которых каждая носит свой особый характер. Первая половина — восходящая, вторая — нисходящая. В первую половину преобладает прогонизм, а во вторую — атавизм. В первую половину цикла государство растет и крепнет и ровно к концу 200 года достигает максимума своего благополучия, а потому этот год можно назвать вершиной подъема.

Начиная отсюда, в последние 200 лет цикла, государство клонится к упадку, пока не достигнет в конце концов вершины упадка. Затем начинается первая восходящая половина нового цикла и т. д.

Каждая из половин цикла по ходу исторической жизни явственно распадается на два века, так что весь цикл состоит из четырех веков, отличающихся каждый своим характером.

Каждый век цикла снова распадается на два полувека. Первая половина каждого века — упадок, а вторая — подъем, за исключением последнего, четвертого века, который весь представляет собой сплошной упадок. Так как во всем цикле подъемы и упадки не продолжаются более 50 лет, то во второй половине четвертого века можно бы ожидать подъема. Может быть в этом месте и бывает слабый подъем сравнительно с первой половиной века, но он так мало отличается от предшествовавшего ему упадка, что на исторических данных, передающих в большинстве случаев только грубые черты, а не оттенки, он вовсе не отражается или, по крайней мере, я его пока еще отличить не могу. Возможно, что если этот период будет наблюдаться не в истории, а в жизни, и если будут приняты в расчет статистические данные, разница между двумя половинами четвертого

века станет более заметна.

Границы между циклами, веками и полувеками в большинстве случаев ясно обозначаются какими-нибудь событиями, характер которых резко отличается от предыдущего направления государственной жизни. Это обстоятельство и дает возможность определять в истории каждого государства даты для начала и окончания его циклов.

Что касается более мелких периодов, как, например, 25-летних, то и они кое-когда дают себя знать в ходе исторической жизни, хотя уже менее резко. Пока мне удалось только заметить, что во многих 50-летних периодах подъема и упадка, в первых — подъем, а во вторых — упадок усиливаются к середине полустолетия, а к концу его ослабевают.

Когда приходилось сличать между собою периоды одного наименования в различных государствах, то мне бросились в глаза некоторые роковые года полустолетий, которых при более детальных исследованиях, быть может, найдется еще более. Эти года замечены мною пока еще только во вторых половинах второго и третьего столетий цикла. Сюда относятся: 43 г. второго полустолетия во втором и третьем веках и 4 год второго полустолетия в третьем веке. Во второй половине второго века, которая является временем подъема и обыкновенно отличается рядом побед над внешними врагами, 43 год выделяется из ряда других крупными поражениями среди побед, им предшествующих и за ними следующих. Это маленький период упадка (в среднем около 5–6 лет) среди полувекового подъема. Поражения, о которых я говорю, могут иногда случиться годом раньше или годом позже, но в среднем, выведенном из примера нескольких государств, получается 43 год. Во второй половине третьего столетия 43 год носит тот же самый характер. Среди подъема внезапно происходят события, отличающие упадок. Например, среди господствующего в государстве внутреннего спокойствия наступает бунт или революция, а если ведется война с внешним врагом, то поражение. Наконец, 4-й год второго полустолетия третьего века цикла отличается также среди внутреннего спокойствия взрывом психической эпидемии. В нескольких случаях это выразилось покушением на жизнь государя, или заговором против него, или изгнанием его из страны, или — как в одном случае — подавленным состоянием духа в народе в течение целого года, разразившимся сильным моровым поветрием.

Если только что описанный малый упадок среди полувекового

подъема является темным пятном на светлом фоне, то естественно ожидать обратного явления, светлого пятна на темном фоне, т. е. малого подъема, а не век упадка. И действительно, два таких подъема я заметил в первой половине четвертого века. Мне пришлось наблюдать их у различных народов. Середина первого подъема приходится на 26 году, а второй начинается на 40 году периода. Если народ ведет войны с внешними неприятелями, то среди непрерывного ряда поражений у него случается несколько удачных военных действий или побед. Если же народ внешних войн не ведет, а терпит от нашествия диких или полудиких соседей, то около того времени нашествия эти на несколько лет прекращаются.

Что касается участия в подъемах и упадках разных слоев населения, то я мог заметить, что, чем выше стоит в государстве какое-нибудь сословие, тем раньше наступает его подъем или упадок. Так как число народных слоев и отношение их между собою в разных обществах и государствах различны, то я и не мог на этот счет подметить какого-либо общего правила. Но в каждом государстве можно явственно различить правящее меньшинство или интеллигенцию (городское население) и управляемое большинство, крестьянское или сельское сословие. И вот это последнее опаздывает против первого приблизительно на 115 лет. Упадки и подъемы у той или другой части народа идут самостоятельно, изредка совпадая между собой. Там, где у обеих частей совпадают подъемы (во втором и в третьем веках), государство достигает наибольшего могущества во внешних делах. Обратно, совпадения упадков у простонародья и интеллигенции (в I и IV веках) дают в отношении внешних дел самые слабые периоды в жизни государства. Те периоды, в которых интеллигенция идет вверх, а сельское простонародье вниз (первый век цикла) наиболее разъединяют между собою оба слоя народа в умственном, нравственном и физическом отношениях. Наоборот, третий век, в котором простонародье достигает вершины своего подъема, а интеллигенция начинает клониться к упадку, является временем наибольшего сближения между обоими слоями.

Эти же два периода являются временем перехода земли из рук одного слоя общества в руки другого. Естественно, что сословие богатеет в то время, когда поднимается, и беднеет, когда падает. А потому в I веке цикла, когда интеллигенция поднимается, а простонародье падает, земли скупаются интеллигенцией, а в III веке, когда интеллигенция беднеет, а простонародье достигает вершины подъема, земли переходят от правящих классов к простонародью.

Для характеристики отдельных веков нужно заметить, что в нормальном цикле наиболее дружный и сильный подъем происходит в первом веке цикла, слабее — во втором и еще слабее — в третьем. Упадок же самый сильный происходит в четвертом веке, а в остальных веках он гораздо слабее.

VIII. Знакомство древних с историческим циклом

Весь описанный нами порядок наблюдается только в цикле нормальном или правильном. Но совершенно нормальные циклы встречаются сравнительно редко: в порядке прохождения и в распределении подъемов и упадков история дает много неправильностей и аномалий. К их описанию мы и должны были бы теперь перейти, но прежде всего заметим, что четыре века цикла в своем сочинении мы будем впредь называть не по номерам, как до сих пор, а следующим образом:

I век — Золотой.
II век — Серебряный.
III век — Медный.
IV век — Железный.

На такого рода обозначениях я остановился, во-первых, потому, что в письменном изложении ясность речи ослабевает, если какие-либо однородные предметы означать по номерам. Во-вторых, в названиях Золотой, Серебряный, Медный и Железный заключается некоторая характеристика веков, соответственная ценности тех металлов, которые взяты для их обозначения. В-третьих, сущность моих настоящих выводов, по-видимому, составляет новость только для нас, но не для человечества вообще. Надо думать, что она была уже известна нашим отдаленным доисторическим предкам, судя по народным преданиям о «четырех веках», которые дошли до нас в несколько искаженном виде. И вот древние названия четырех веков, которые позднейшие переделки обратили в неопределенные периоды, Золотой, Серебряный, Медный и Железный, я и хотел сохранить в моей номенклатуре из уважения к памяти неведомых нам гениальных людей древности.

Предания о четырех веках были найдены у индусов, древних евреев и древних греков. Если отбросить весь тот словесный и поэтический сор, который нанесло на них беспощадное время, то даже характеристика каждого века, которую мы находим у Гесиода и в индусских преданиях, в общих чертах сходна с теми данными, которые в настоящее время можно вывести из истории разных

народов, распределенной по циклам.

I век у греков назывался «Золотым», у индусов «веком совершенства». По Гесиоду, люди жили в этом веке как боги, имеющие беспечный дух, удаленные от горя и тяжелого труда. Старость не приближалась к ним. Всегда сообща веселились они на пирах, чуждые всякого зла. Умирали они, как сном объятые. Всякое благо было их уделом. По индусскому преданию «человек в этом веке был добродетелен, счастлив и пользовался продолжительной жизнью».

II век у греков назывался «Серебряным», а у индусов «веком выполнения долга». У греков в этом веке жило «поколение худшее, не сходное с первым ни по стройности, ни по уму. Мальчик сотню лет воспитывался при матери, ростя беспомощный в ее доме. Когда же он достигал юности и зрелого ума, то жил лишь короткое время, страдая ради своего неразумия, ибо они не могли сдерживать между собою своего буйного нрава». По индусскому преданию, «жизнь в этом веке укоротилась, появились пороки и несчастия».

III век у греков имел название «Медного». «Поколение страшное и сильное, которого занятия были дела горя и насилия. Они были неприступны и имели дух твердый как сталь». По индусскому преданию, в этом веке «физическое и нравственное падение человеческого рода сделало огромные успехи».

IV век у греков называется «Железным», а у индусов «веком греха». По греческому сказанию, «ни днем, ни ночью не прекращаются труды и печали. Поколение испорченное, которому боги притом посылают тяжкие заботы». По индусскому преданию, «зло настолько восторжествовало над добром, что добрые люди принуждены удаляться от мира. В силу этого совершающиеся события вовсе не передаются мудрецами — они слишком унижают их достоинство». Это «плачевный период. Все выродилось: элементы, мораль, сократилась продолжительность жизни, нигде нет правды и справедливости».

В пророчествах Данииловых искажений еще больше, там уже мы видим не века, а царства: Золотое, Серебряное, Медное и Железное. Последнее представляется «смешанным из железа и глины, частью крепким, как железо, частью хрупким, как глина, и разделенным, как железо, которое не смешивается с глиною».

Что касается смены Железного века одного цикла Золотым веком другого, т. е. вопроса о том, что упадок не вечен, что он своим окончанием дает начало подъему, то и об этом имели представление

древние люди, судя по преданию древних скандинавов о «гибели богов». Вот в какой поэтической форме описывается упадок:

> *«Наступает последний день. Равновесие, существовавшее дотоле в системе мира между противоположными началами, нарушается. На сцену появляется верховный бог и своею мощною рукою содействует разрушению мира. Второстепенные божества начинают истреблять друг друга. Появление страшных беспорядков на земле вследствие потрясения гармонии, существующей в человеческих обществах и видимой природе, — служат признаком наступления тех ужасных дней, когда за погибелью людей следует истребление богов. Братья вступают в борьбу и убивают друг друга, презирая родством. Тяжело становится жить на свете; везде разврат; век упадка, век меча, век бурь, век злодеяний. Ни одному человеку не будет пощады от ближнего до тех пор, пока мир не разрушится в самом основании. Мир гигантов полон смут. Великаны сокрушены. Боги объяты ужасом. Люди толпами следуют по дороге к Геле (смерти). Солнце тускнеет. Земля уходит в море. Блестящие звезды падают с неба. Огонь охватывает старое здание. Всепожирающее пламя поднимается до самого неба…»*

А вот картина подъема, немедленно следующая за упадком:

> *«Но едва только окончилось истребление, как начался процесс нового миротворения. Различные силы, управлявшие ходом предшествовавшего творения, были поглощены могуществом бесконечным, оставили после себя зародыши, которые на смену им пробудились к жизни. Из глубины моря выходит земля, совершенно покрытая растительностью. Поля сами из себя произрастают плоды. Враждебность элементов исчезла. Является Бальдер (бог благости и милосердия). Бальдер и Откер (бог богатства) живут в согласии между собою во дворце Одина. Над Гимле (небо) возвышается дворец, весь покрытый золотом, блеск которого превосходит солнечные лучи. В нем живут добродетельные люди, предаваясь вечным наслаждениям верховным благом». (Стасюлевич. История средних веков в ее писаниях и исследованиях новейших ученых. Спб. 1864, 251).*

Эти немногие строки, если исключить из них поэтические

прикрасы, дают нам ясное и точное представление о взгляде древних на сущность подъема и упадка. Как читатель убедится из дальнейшего, представление это чрезвычайно близко к тому, что мы можем узнать в настоящую минуту, если зададим себе труд вникнуть в данные истории разных народов.

Живя в переходную эпоху между подъемом и упадком, мы во многом имеем неправильные взгляды на человеческую природу. Например, мы резко разграничиваем умственную, нравственную и физическую природу человека, тогда как это можно сделать только теоретически. На самом же деле эти три свойства человеческой природы неразделимы между собою, как различные стороны одного и того же предмета.

Так думали и древние. Они передали нам в народных преданиях, что упадок и подъем действуют не на одну только сторону человеческой природы, но на все одновременно. Если народы падают нравственно, то они не могут не падать умственно и физически.

Древние замечали во время упадка понижение умственного уровня, неразумие падающих людей и позднее умственное развитие, вследствие которого детство их в высшей степени беспомощно. Большую часть жизни падающий человек занят приобретением умственных богатств, а когда достигнет полного умственного развития, то живет недолго и скоро умирает.

Во время упадка древние наблюдали падение нравственности, нравственную испорченность, неразлучную с физической. Люди, говорят они, становятся порочными, совершают различные злодеяния, приобретают буйный нрав, легко вступают в столкновения с ближними, пылают к ним враждой и становятся беспощадными. Эта вражда проникает даже в семейства и нарушает родственные связи: дети враждуют с родителями, а братья с братьями. Люди совершают друг над другом насилия и буйства и истребляют один другого. В обществе господствуют беспорядки и смуты. Нарушается его равновесие и внутренняя гармония. Ложь царит в мире, нигде нельзя найти правды и справедливости и вообще зло торжествует над добром. В половых отношениях господствует разврат. Все это отзывается на судьбе отдельных людей в виде тяжкого труда, тяжких забот, печали, горя и всяких несчастий.

Наконец, в физическом отношении изменяется наружность человека, фигура его теряет свою стройность. Продолжительность жизни сокращается и увеличивается смертность.

Подъем составляет прямую противоположность упадку и

представляется древним пробуждением к жизни. При нем происходит умственный подъем, раннее умственное и физическое развитие. В нравственном отношении люди чужды всякого зла, они добродетельны, справедливы и честны. В отношениях между ними господствуют согласие, мир, благость и милосердие. Они всегда бодры и веселы, наслаждаются продолжительной жизнью и умирают безболезненно. Жизнь их сопровождает богатство, счастье, всякое благополучие, они удалены от горя и «тяжкого» труда.

Что особенно поразительно для нас теперь в учении древних о четырех веках цикла, это способ, каким они добывали свои познания. Если предположить, что древние шли тем же путем, как и мы в настоящую минуту, то пришлось бы искать в глубокой доисторической древности такие же условия цивилизации, как в настоящее время. Но ведь мы не знаем всех путей к решению этого вопроса. Известно, что одну и ту же задачу можно решать разными способами. Гениальный человек древности мог придти к тем же результатам, что и мы, но иным, более коротким путем. Он мог, например, путешествовать по многим современным ему странам, изучать в каждой из них различные фазисы исторического цикла, а затем свести в одно целое весь добытый материал и восстановить цикл в своем воображении.

IX. Значение подъемов и упадков в экономии природы

Возвращаясь затем к нашим собственным исследованиям исторического цикла и его частей у разных народов, мы должны прежде всего заметить, что подъемы, упадки и исторические циклы не являются для народа чем-то вроде бесконечного и бессмысленного шатания из стороны в сторону. В экономии природы они имеют глубокий смысл шествия народов в сторону высшего человеческого типа, а следовательно — в сторону прогресса, но только не по прямой, а по зигзагообразной линии, причем каждый упадок, заключающийся главным образом в борьбе между людьми и в истреблении ими друг друга, является периодом, посвященным естественному отбору. Все слабое в умственном, нравственном и физическом отношениях умирает преждевременной смертью или погибает в борьбе за существование и имеет большие шансы не оставить после себя потомства, а все сильное остается и передает свои качества потомству. Что касается подъема, то смысл его заключается в подготовке к следующему периоду упадка. В это время сильно размножается население, без чего не было бы достаточно человеческого материала, необходимого для отбора. Кроме того, трудолюбивый народ, живущий во время подъема, делает материальные запасы для своих потомков времен упадка, без которых они перемерли бы с голоду, и отбора также бы не было.

После каждого упадка, благодаря естественному отбору, народ становится выше, чем его предки предыдущего подъема, и таким путем любой нецивилизованный народ, переживая ряд исторических циклов с их подъемами и упадками, может стать цивилизованным, подвигаясь в сторону высшей человеческой породы, не только в умственном и нравственном отношениях, но и в физическом.

Исторический путь, который должен пройти любой народ от состояния дикости до цивилизации, в сущности не особенно длинен. При благоприятных условиях для этого достаточно пережить 2–3 правильных исторических цикла. Таким путем все человечество к настоящему времени могло бы стать цивилизованным и принадлежать к высшей белой расе, если бы народам и государствам на их историческом пути не встречались препятствия, которые не только

могут затормозить прогрессивное движение, но даже совершенно остановить его и направить в обратную сторону. Получается тогда регрессивное движение, путем которого даже цивилизованный и белый народ может потерять свою цивилизацию, одичать и обратиться в одну из низших цветных рас. Известно, что у всех или почти у всех цветных рас сохраняется предание, что их предки были «белые». Но мало того, этим же путем регресса народ может придти к потере своей самостоятельности, к поглощению его другими народами и даже к полному вымиранию. Какова природа этих препятствий, мы в настоящей книге говорить не будем, так как все это составит содержание одного из наших последующих изданий. Скажем только, что препятствие, о котором мы говорим, одинаково для всех народов мира и действие его непременно отзывается на ходе исторических циклов в форме аномалий. Двигаться наиболее быстро и кратчайшим путем в сторону прогресса может только тот народ, у которого все циклы проходят нормально, без всяких неправильностей и аномалий. Малейшая неправильность уже задерживает это движение на целые века, а если она повторяется несколько раз, то может свести народ в могилу.

Что касается народов прогрессирующих, т. е. проходящих свои циклы правильно, то они получают еще то преимущество, что с каждым новым циклом их упадки становятся все более и более слабыми. Тогда как у дикарей Железный век может кончиться полным вымиранием народа или племени, у высокоцивилизованных народов он бывает до того слаб, что проходит незаметно даже для ближайших соседей.

Познакомившись с историческим циклом и его правильностью, не трудно понять, каким образом, зная период, переживаемый каким-либо народом в настоящую минуту, можно с большой достоверностью предсказать, что ждет его в ближайшем будущем. При настоящем знакомстве с ходом цикла трудно сделать такое же предсказание и с такою же достоверностью для отдаленного будущего. Это потому именно, что народ может встретиться на своем пути с тем препятствием для его правильного движения вперед, о котором мы только что говорили, а тогда правильность цикла будет нарушена и начнется аномалия, ход которой предсказать уже очень трудно.

X. В чем заключается упадок

Сущность каждого упадка состоит в постепенном ослаблении всех уз, связывающих между собою членов государства, и в стремлении его разложиться на составные элементы. Элементы общества скрепляются между собою в государстве нормальном, здоровом или, что то же, переживающем подъем, не внешними искусственными связями, как мы думаем, не силой, не репрессалиями, не правительством, не режимом, а невидимыми, но несравненно более крепкими нитями любви и симпатии. Правительство связывается с народом искренней, но не рассудочной, не выдуманной, не внушенной кем-либо, а инстинктивной любовью к нему, которая в некоторых случаях имеет стремление переходить в обожание. Как чувство инстинктивное и врожденное, оно остается совершенно одинаковым, каковы бы ни были в государстве форма правления и личный состав правительства, и к какой бы национальности, своей или чужой, оно ни принадлежало. Об этом чувстве никто не говорит и узнать о его существовании можно только тогда, когда правительству угрожает опасность, по той легкости, с которой люди отдают за него свою жизнь.

Законы природы здесь действуют те же самые, что и в любом пчелином улье или муравейнике. Правительство, как центр, в котором сходятся все симпатии подданных, в ульях или муравейниках заменяется маткой или царицей, о которой муравьи или пчелы не ораторствуют, не обсуждают ее достоинств или недостатков, а молча жертвуют своей жизнью. Если матка погибает, то улей или муравейник теряет всякую внутреннюю связь, расходится и гибнет.

Кроме того в нормальном государстве члены его связаны между собою общим им всем патриотизмом, т. е. безграничной, безотчетной и так же инстинктивной любовью к общей родине. Как истинное чувство, патриотизм так же молчалив, как и любовь к правительству, но в минуту опасности для отечества во имя его человек жертвует всем самым для него дорогим, не исключая и своей собственной жизни. Наконец, всех членов нормального государства связывает крепкая взаимная любовь или симпатия, которая так же обнаруживается вполне только в момент опасности, угрожающей согражданину.

С наступлением упадка в государстве все эти связи ослабевают,

начиная с высших. Прежде всего исчезает любовь к правительству, за нею — любовь к родине, потом к своим соплеменникам и, наконец, в конце концов, исчезает привязанность даже к членам своей семьи. В порядке постепенности беззаветная любовь к правительству сменяется любовью или привязанностью к личности правителя. Эта последняя уступает свое место полному равнодушию. Далее следует уже ненависть сначала к личному составу правительства, а потом к правительству вообще, соединенная с непреодолимым желанием его уничтожить. Когда упадок бывает очень силен, это чувство достигает своего высшего напряжения и тогда редкий государь умирает собственной смертью, все равно: хорош ли он, или не хорош, виновен в чем-нибудь, или нет. Ненависть в этом случае так же дело инстинкта, а не разума, как было во время подъема.

Если бы правительство не подчинялось закону вырождения и оставалось неизменным в то время, когда весь народ падает, то оно могло бы временно удержать государство от распадения искусственными мерами. Но правительство вырождается вместе с народом, а потому падает в умственном и нравственном отношении и теряет энергию, без которой не может правильно отправлять свои функции.

В начале упадка правительство бывает еще довольно сильно, потому что на стороне его здоровое большинство. Тогда оно не останавливается ни перед какими мерами, чтобы удержать от распадения государственную машину. Но по мере того, как упадок подвигается вперед, правительство слабеет и не находит более поддержки в вырождающемся обществе. Государственная машина расшатывается и расползается по всем швам. В начале ее заедает формалистика, а затем лицеприятие, доносы, шпионство, взяточничество и казнокрадство. Лишаясь энергии и поддержки со стороны народа, правительство бывает не в состоянии провести какую-либо твердую государственную систему. Законов в это время обыкновенно издается очень много, но соблюсти их некому. Правительство или бессильно это сделать, или его органы являются продажными и торгуют законами. Кроме того, правительство во время упадка теряет свое единство и дробится. Власть, прежде принадлежавшая одному лицу, разделяется между несколькими и эти отдельные представители враждуют, борются и воюют между собою.

Таким образом правительство и народ в своем вырождении идут навстречу друг другу, и между ними дело непременно должно дойти до столкновений и борьбы. А потому в каждый упадок у

правительства или, лучше сказать, у партии, его защищающей, происходит борьба с партией антиправительственной. В этом сходятся все народы и государства всего мира. Но какой характер примет борьба в том или другом государстве в тот или другой из его упадков, это зависит от характера народа и от степени его подъема.

В одних случаях дело не доходит до ненависти к форме правления и к правительству вообще и ограничивается борьбой против личности правителя. Это так называемая династическая борьба, когда одна партия принимает сторону одной династии или одной личности, а другая — другой. В других случаях борьба направляется не против формы правления, а против власти правительства вообще. Тогда в результате получается ограничение власти, а в иных случаях полное сведение ее к нулю. Правителю тогда ничего не остается кроме титула и казенного содержания. Наконец борьба и ненависть антиправительственных партий может направиться против формы правления, и тогда монархия сменяется республикой или республика — монархией.

Средствами борьбы в начале упадка обыкновенно являются съезды и сеймы, дебаты и драки, а в заключение бунты, революции и бесконечные междоусобные войны, сопровождающиеся разорением страны и избиением ее жителей.

Но борьба не может кончиться даже и в том случае, если правительство сокрушено: она сменяется новой борьбой из-за власти. Вырождающийся человек не только не выносит никакой власти над собой и ни малейшего стеснения своей свободы, но сам стремится к власти. Властолюбие и всеобщее желание во что бы то ни стало стать выше своего положения составляют самые главные и неизбежные пороки вырождения. Никто не хочет быть подчиненным, а все хотят быть начальством. Эти времена изобилуют всякого рода узурпаторами и самозванцами.

Сельское простонародье в этом отношении также не отстает от интеллигенции. Если во время подъема оно питает безотчетную инстинктивную любовь и преданность к высшим классам, то во время упадка вся ненависть его обращается не против правительства, а всегда против высших правящих классов. Это обстоятельство нередко дает повод правительственной партии вступать в союз с простонародьем против вырождающейся интеллигенции.

Те же самые перемены, которые происходят в отношениях правительства к народу, имеют место и в деле патриотизма. Чувство это у народа во время его упадка также постепенно исчезает. Сначала

широкий патриотизм, соединенный с обширной государственной территорией, сменяется более узким, провинциальным или племенным. Государство стремится поделиться на части, которые с течением упадка становятся все мельче и мельче. В это время измена царит во всех ее видах. Отечество продается и оптом, и в розницу, лишь бы нашлись для него покупатели. Изменники приводят неприятеля для завоевания или разорения своей родины. Враги призываются на помощь против своих и т. п.

Далее, проходит и узкий патриотизм, и мало-помалу сменяется ненавистью и презрением ко всему своему и стремлением заменить его чужим, иностранным. В это время является неудержимая страсть к заимствованиям всякого рода, которая по временам принимает форму простого обезьянничанья. Даже национальный язык подвергается тоща презрению, переполняется словами и выражениями из чужих языков и может замениться иностранным, если к тому представляется хоть малейшая возможность.

Той же судьбе подвергаются и другие невидимые общественные связи. Прежняя любовь или симпатия между соплеменниками заменяется ненавистью и всеобщей нетерпимостью. Кто может, разбегается тогда во все стороны, а остающиеся занимаются взаимоистреблением, которое принимает форму междоусобий и драк всякого рода, сопровождающихся уничтожением имущества противников, грабежом, насилованием женщин, избиением детей и поджогами. Борьба ведется между городами, между селами, между разными национальностями, между разными слоями общества, наконец, внутри одного и того же слоя общества между партиями политическими, династическими или религиозными. Этому состоянию общества соответствует обыкновенно период анархии. Государство разбивается на мелкие кружки, группирующиеся вокруг богатых людей. Каждый помещик или богатый человек является центром маленького независимого государства, которое ведет борьбу на жизнь и смерть с другими такими же государствами.

В заключение нарушается и последняя связь между членами государства, это семейная. Семьи распадаются. Дети ненавидят, грабят и убивают своих родителей, родители — детей, брат — брата.

Таким образом в конце концов государство перестает существовать, разлагаясь на свои основные элементы. Но само собою разумеется, что все описанные метаморфозы происходят не с одними и теми же людьми и не вследствие умственного движения, как мы думаем, а как результат антигосударственных и антиобщественных

инстинктов, появляющихся от вырождения у представителей новых поколений, вступающих в жизнь на смену старым.

Если у отдельных личностей в вырождающихся поколениях не всегда приходят сразу в полное расстройство все стороны их существа, то во всем народе, взятом в совокупности, стороны умственная, нравственная и физическая приходят в постепенный упадок непременно одновременно.

Гениальные и талантливые люди перестают появляться в вырождающемся обществе, и во главе его становятся тогда посредственности, которые задают новый, более пониженный тон. Открытия и изобретения прекращаются. Наука сначала перестает двигаться вперед, а потом падает все ниже и ниже. Учебные заведения закрываются одно за другим от недостатка учащих и учащихся. Библиотеки и музеи подвергаются разграблению или погибают от пожаров. Изучение наук сводится к бессмысленному зазубриванию мудрости прежних времен и к погоне за дипломами, дающими преимущество в борьбе за существование. Любознательность исчезает, литература и искусства падают. Простота и естественность в литературных произведениях заменяются вычурностью, насыщеностью и пустословием, а мысль — трескучей фразой. В литературную область врываются в качестве чего-то нового декадентщина и порнография, старые как мир. Охота к чтению исчезает. Книжные лавки закрываются за ненадобностью. Ум человека настолько ослабевает, что чтение, даже самое легкое, уже не доставляет ему ни удовольствия, ни развлечения, но утомляет, как тяжелая непосильная работа, и вызывает страдание в ослабевшем мозговом аппарате. В некоторых государствах правительство и лучшие люди страны, замечая наступающий умственный упадок и не зная его настоящей причины, думают остановить его распространением грамотности и увеличением числа школ. Но, увы, все старания его остаются напрасными: для вырождающегося мозга просвещение так же бесполезно, как хорошая пища для желудка, страдающего несварением. Все вбитое в мозг ученика разными способами тотчас же извергается из него, не оставляя после себя ничего, кроме заученных фраз. Школы в это время обращаются в заведения для бесцельного систематического мучительства, а учителя — в инквизиторов, к которым ученики ничего не чувствуют, кроме глубочайшего отвращения, как к виновникам своего мозгового страдания.

Вследствие понижения в народе во время упадка умственных

способностей, становится понятен тот чудовищный умственный регресс, о котором говорят многочисленные исторические свидетельства, и тот поразительный контраст, который бросается в глаза путешественникам при сравнении грандиозных остатков древней высокой культуры, встречаемой в разных концах земного шара, с жалкой обстановкой дикарей, проживающих в тех же местностях в настоящую минуту. Если поколению, сильно двинувшему вперед науку, литературу, изящные искусства и технику, наследует поколение, стоящее несравненно ниже его в умственном отношении, то нет ничего удивительного, что все или большая часть благих начинаний отцов не только не подвинутся вперед, но будут заброшены и забыты детьми. И действительно, из истории мы узнаем, что в разных странах во время сильного упадка забывались самые необходимые вещи: грамотность, искусство писания, постройка зданий, способы добывания из земли полезных металлов и т. д. Человек при своем одичании способен не только забросить приобретения науки, но от железных орудий может перейти к каменным, забыть употребление вилки и ножа и даже искусство лепить из глины горшки, обжигать их и готовить в них пищу, как это показали раскопки в Новой Каледонии.

Неудивительно поэтому, что при сильных упадках забывалась масса всевозможных открытий и изобретений и человеку приходилось открывать одно и то же по нескольку раз.

Понятен также и фатум, тяготеющий с незапамятных времен над наукой о человеке. Предания о «четырех веках», по-видимому, составляют только жалкие осколки когда-то хорошо разработанной и хорошо забытой науки о человеческом обществе.

Во время сильного упадка редкая из национальных религий остается неизменной. Она разделяется на новые секты, которые бывают причиной многочисленных междоусобий, или же вытесняется новыми религиозными учениями. Все религии появлялись исключительно во время упадка. В большинстве случаев учителя их намеревались исправить народную нравственность, исходя из ошибочного убеждения, будто человек становится безнравственным потому, что не знает истинной морали. Впрочем, в последователи новых религиозных учений уходит только лучшая часть общества, а народная масса пребывает в безверии и индифферентизме, что не мешает ей впадать в самые грубые суеверия. У народов нецивилизованных в период упадка предметом религиозного почитания становится каждый порок, появляющийся от вырождения.

Существует, например, культ самоубийства, культ разврата, религиозная проституция, есть божества-людоеды, божества убийства и грабежа, божества выкидышей и противоестественных пороков.

Вместе с умственными способностями в вырождающемся обществе исчезают энергия, предприимчивость, воля и собственная инициатива. Несколько дольше остается способность следовать инициативе других, но и она потом исчезает. Техника, промышленность и торговля падают вследствие недостатка в народе людей, способных не только расширять и улучшать дело, но даже поддерживать его в прежнем порядке, отчасти от уменьшения способности к умственной работе, отчасти от того, что падающим человеком овладевает неподвижность и лень, и всякий правильный систематический труд становится ему не под силу. Если найдутся в это время здоровые иностранцы, то в промышленности и торговле они заменяют вырождающихся туземцев, но тогда эти последние попадают к ним в экономическое рабство. Если же и благодетельных иностранцев не найдется, то промышленность и торговля падают, предприятия прогорают и страна переходит в первобытное состояние с отсутствием промышленности, с меновой торговлей и пр. Народ беднеет, впадает в долги, попадает в сети ростовщиков, а затем тысячами умирает с голоду или идет нищенствовать, воровать и грабить.

От вырождения человек теряет всякое постоянство. Все, начиная с обычного труда и кончая местностью, обстановкой и людьми, среди которых он живет, очень быстро ему надоедает. Тоска и скука не покидают его ни на минуту. У него является непреоборимая жажда к развлечениям, к зрелищам и к частой смене впечатлений. У одних это чувство удовлетворяется непрерывной погоней за модами, а другими овладевает болезненная страсть к бродяжничеству. Гонимые этой страстью, люди бесцельно бродят с места на место, не будучи в состоянии, как Вечный Жид, нигде остановиться и уйти куда-либо от своей внутренней пустоты.

Вместе с тем у человека является потребность к наслаждениям всякого рода. У многих погоня за наслаждениями становится единственной целью жизни. Люди предаются роскоши и излишествам.

Они делаются падки на всякого рода игры, в особенности азартные, предаются пьянству, обжорству, употреблению всевозможных наркотиков, кутежу и разврату. Брак становится для человека тягостным, как по своему однообразию, так и потому, что

налагает на него массу тяжелых обязанностей. Семейство и дети являются обузой. Сначала учащаются и облегчаются разводы, а потом законный брак мало-помалу заменяется конкубинатом. У нецивилизованных народов во время сильного упадка исчезает всякое подобие брака. От детей человек стремится избавиться всевозможными средствами, начиная с вытравления плода и искусственных выкидышей и кончая детоубийством. Такое положение уже одно в состоянии уменьшить население государства.

Кроме страсти к половым излишествам человеком упадка овладевают различные противоестественные пороки: онанизм, педерастия, лесбийская любовь, некрофилия и пр. А у других в то же время появляется наклонность к аскетизму и женоненавистничество.

Во время периода вырождения человек теряет не только все альтруистические чувства, но даже простую общительность. Он становится мрачен, угрюм, несообщителен и неразговорчив. Между людьми исчезает всякая привязанность и дружба. Человек делается эгоистом и себялюбом. Все общественные учреждения и все крупные партии получают тенденцию к бесконечному дроблению. Всякие хорошие отношения между людьми легко нарушаются. Так как одни люди становятся неосторожными, грубыми и бестактными, то ежеминутно возникают поводы к размолвкам, оскорблениям, ссорам, руготне, драке и даже к убийствам. Чувство мести является одним из самых сильных у падающего человека. Местью наслаждаются, ставят ее целью всей жизни и мстят не только оскорбителю, но людям совершенно невинным только потому, что они приходятся родственниками оскорбителю или поставлены с ним в близкие отношения. Убийство, соединенное с жаждой крови и с наслаждением муками своего ближнего, становится в это печальное время для многих людей болезненной потребностью и потому совершается очень легко, по самым ничтожным поводам. Является дьявольская жестокость и желание не только убивать людей, но калечить их, мучить и наслаждаться этими мучениями.

Честность у людей исчезает; ложь и обман становятся добродетелями. Имущество ближних возбуждает кроме зависти желание отнять его во что бы то ни стало, каким бы то ни было способом. Пускаются в ход: вымогательство, шантаж, мошенничество, воровство и, наконец, просто грабеж. Так как число людей бедных, ленивых и неспособных к правильному труду в падающем обществе быстро возрастает, то разбой принимает большие размеры. Одиночные шайки разбойников обращаются в отряды и

армии, которые рыщут по стране в поисках за добычей и никому не дают пощады, ни перед каким преступлением не останавливаются. От них нет другого спасения, как только замки и крепости, которыми тогда и покрывается вся страна.

При наступлении подъема или в начале упадка с разбойниками легко справляется полиция и армия, но в разгар упадка полиция становится до нельзя плоха, бездеятельна, несообразительна, труслива и продажна.

Армия, которая в период подъема служит опорою всякого порядка, во время упадка приходит мало-помалу в полную негодность, так как солдаты теряют свою честность, преданность власти, стойкость, храбрость, выносливость и дисциплину. В мирное время такая армия постоянно бунтуется, а в военное при первой встрече с неприятелем охватывается паникой и обращается в бегство. Офицеры теряют чувство чести, энергию и уважение солдат. К тому же при расстройстве финансовой системы, неразлучном с упадком, армия очень часто не получает ни жалованья, ни содержания и нередко сама обращается в разбойников.

В довершение всего, внешние враги государства, никем не охраняемого, врываются в него, распоряжаются в нем как у себя дома, грабят мирных жителей, жгут их дома, истребляют их самих и уводят в плен. От падающей страны отбирают провинции, облагают ее данью, разделяют на части и завоевывают.

К счастью для падающего народа, он теряет всякую чувствительность, становится равнодушным ко всему на свете и даже к собственной личности. Он прежде всего теряет жизнерадостность, т. е. способность наслаждаться самым процессом жизни, далее становится равнодушным к смерти и, наконец, теряет инстинкт самосохранения, привязывающий его к жизни, взамен чего приобретается уродливый болезненный инстинкт самоуничтожения, приводящий к самоубийству. Живя в одном из периодов упадка и постоянно видя, как легко и по каким ничтожным поводам люди устраивают окончательный расчет с жизнью, мы привыкаем думать, что это совершенно нормальное явление, и что каждый человек, поставленный жизнью в тяжелое положение, непременно покончит с собою самоубийством. Но мы забываем, что есть на свете люди, переживающие всевозможные несчастья, но не способные поднять на себя руку. Дело здесь, разумеется, не в храбрости или решительности, как мы думаем, а в сильном жизненном инстинкте, привязывающем человека к жизни помимо его воли. Не будь этого инстинкта, природа

не имела бы средств сохранить жизнь на земле, а в особенности ставить человека в тяжкие условия борьбы за существование. Вот почему совершенно правы Ауенбург и Эскироль, видевшие в самоубийстве род помешательства, и Фальрет, утверждающий, что в самоубийстве всегда нужно видеть какое-нибудь умственное расстройство.

Во время упадков, как показывают исторические и статистические данные, цифра людей, кончающих с собою самоубийством, непрерывно и очень правильно возрастает параллельно с другими признаками упадка, и так же правильно падает вместе с подъемом. Таким образом самоубийство является одним из могучих средств, которыми располагает природа для удаления всего слабого, ненужного и негодного к жизни. Бывают самоубийства, совершающиеся по очень важным поводам, но бывают и такие, поводы которых ничтожны до смешного или даже совершенно отсутствуют: с жизнью кончают просто потому, что «она надоела». Иногда, во время сильных упадков, самоубийство принимает даже эпидемический характер, и тогда целые тысячи народа кончают с собою разом одним и тем же способом. Кроме того, в разгар упадка наблюдается у самоубийц болезненное желание не только покончить с собою, но всеми мерами увеличить свои страдания. Когда этот болезненный инстинкт еще слаб, в начале упадка, люди стараются выбрать род смерти наиболее легкий и скорый, но когда он усиливается, то способы самоубийств выбираются самые мучительные, как например: самосожигание, вспарывание живота, голодная смерть, смерь от ударов головою об стену и т. под.

В физическом отношении народ уменьшается в росте и в весе, становится слабым, болезненным и безобразным по наружности, приближаясь по типу к низшим расам. В это время родится множество всякого рода уродцев и калек физических, нравственных и внутренних: горбатых, хромых, слепых, глухих и глухонемых, неврастеников, эпилептиков, психопатов, слабоумных, душевных больных, страдающих различными маниями и фобиями, идиотов и кретинов. Появляются многочисленные уродства и в половой системе: кенеды (мужчины с мозгом женщины), трибадистки (женщины с мозгом мужчины) и гермафродиты всяких родов. Рождаемость у народа уменьшается, а смертность увеличивается, в особенности в детском возрасте. Множество пар остается совершенно бесплодными, а другие производят только девочек. Увеличивается число всяких болезней и заболеваний, и появляются новые, еще не виданные.

Народом овладевают эпидемии физические, умственные и нравственные. Моровые поветрия по временам свирепствуют со страшной силой и уносят в короткое время огромное количество жертв. Вперемежку с поветриями свирепствует голод, так же уносящий тысячи народа и нередко принуждающий людей пожирать друг друга. Большие города вымирают и обращаются в груды развалин, пустеют и богатые, многолюдные и густо населенные местности. Поля зарастают сорными травами, кустарником и лесом. Образовавшиеся на месте бывшего государства пустыни населяются переселенцами из других стран. Таким путем в древние времена исчезло без следа множество обширных, многолюдных, богатых и цивилизованных государств и народов.

Из всего здесь описанного видно, что при наших современных знаниях период вырождения, следующий за периодом подъема, так же неизбежен, как после дня — ночь, а после лета — зима. Остановить его или направить в другую сторону для нас теперь так же невозможно, как обратить ночь в день, а зиму в лето. Так как в экономии природы упадок имеет смысл усовершенствования человека путем борьбы за существование и естественного отбора, то противиться его наступлению без знания его законов — значит сопротивляться основному закону природы, закону прогресса. Такая борьба для нас, как созданий природы, и невозможна, и бессмысленна. А потому мы и видим, что все наши излюбленные средства для борьбы с упадком, как борьба партий, бунты, революции, реформы и проч., нисколько не уменьшают упадка, а являются только его неизбежными симптомами, а мы сами слепыми орудиями в руках природы для достижения ее цели, истребления людей.

Природа не имеет других средств совершенствовать человека, как только борьбу за существование и естественный отбор. Но, как мы видим из нашего краткого описания явлений упадка, период этот дает для того и другого очень широкое поле. Весь он состоит из сплошной и беспощадной борьбы. Человек только по виду остается существом разумным, на самом же деле это зверь более свирепый и коварный, а потому и более опасный, чем звери четвероногие. В борьбе, которую он ведет, нет ни чести, ни совести, ни великодушия, ни милосердия, ни сострадания. Все это только мешало бы жестокому делу естественного отбора. При такой борьбе всегда погибнет то, что более слабо в физическом, а главное в умственном отношении. Если борются между собою глупый и умный, то при прочих равных условиях имеет более шансов победить умный, храбрый победит

труса, ловкий неуклюжего и т. д. Но отсюда конечно вовсе не следует, что каждый убийца будет непременно стоять в умственном отношении выше убитого. Преимущества организации можно учесть только сравнивая потери крупных народных групп. Процент погибших в борьбе за существование будет в таком случае больше в той группе, в которой было менее умных, сильных физически, ловких, храбрых и дружных между собою личностей.

Самая правильность в ходе исторических событий, ее подчинение законам природы говорит за то, что человечеством, созидающим историю, руководит не свободный разум и свободная воля, как мы думали до сих пор, а прирожденные страсти, имеющие одинаковую природу с животными инстинктами. Они наследуются нами от предков и властно господствуют над нашей волей. Что касается свободного разума, то решение его у разных людей при разных условиях времени и места слишком разнообразны, чтобы могли давать какую-нибудь правильность в истории. В жизни нашей разум играет только второстепенную, служебную роль. Он вместе с органами чувств освещает путь для страстей во внешнем мире и примиряет их с логикой действительной жизни. Но несомненно, что, чем выше человек поднимается по ступеням прогонизма, тем разум начинает играть в его жизни все более и более существенную роль.

Так как подбор был бы несовершенен, если бы кто-нибудь из людей мог от него уклониться, то сильный упадок уничтожает все лазейки, в которых можно спрятаться. Такие лазейки дают в изобилии большие, сильные и хорошо организованные общества. Здесь устанавливаются такие искусственные условия, при которых оберегается жизнь существ, совершенно негодных и ненужных для общественной жизни.

Сюда относятся всякого рода выродки умственные, нравственные и физические, которые благоденствуют благодаря своему высокому положению в обществе, родству с людьми сильными, богатству, унаследованному от здоровых предков, или просто благодаря гуманным законам и учреждениям, существующим в благоустроенном государстве. Во время хорошего упадка все эти искусственные условия теряют свою силу. Высокое положение в обществе уже не спасает человека, потому что в разгар упадка нет такого сильного и высокого положения в государстве, которое бы не пошатнулось. Богатство, не охраняемое властью, также теряет свою силу, потому что легко может быть отнято от человека всевозможными средствами. Законы в выродившейся стране, хотя и

продолжают существовать, но их никто знать не хочет, и нет никакой власти в государстве, которая в состоянии была бы наблюсти за их исполнением. А потому человек лишается всякой поддержки со стороны общества и принужден собственными силами, как может, отстаивать свое существование.

Понятно, что уцелеть в суровой борьбе за существование, предоставленный своим собственным силам, может только человек, обладающий какими-нибудь талантами, достоинствами или полезными общественными инстинктами. Люди, не обладающие всем этим, во время анархии погибают первыми, так как они остаются совершенно одинокими. Единственное спасение для человека в это время — примкнуть к какому-нибудь кружку, партии или обществу, а для этого нужно обладать хоть какими-нибудь достоинствами, без которых человек становится обузой и излишним балластом. Его не станут терпеть ни минуты там, где каждому дело идет о спасении собственной шкуры. Тот кружок, который пренебрег бы этим правилом и стал бы защищать людей ни на что негодных во имя милосердия, сам погиб бы в суровой борьбе с другими кружками. Как мы видим из примера средневековой истории, кружки для взаимной защиты образовывались обыкновенно вокруг людей богатых. Эти последние за деньги могли сформировать вокруг себя отряд из голодных людей, ничего не имеющих, кроме физической силы. Но такие богачи не могут быть идиотами или слабоумными. Кроме богатства они должны обладать или умом, или силой характера, а иначе нет возможности собрать отряд вполне надежных людей в такое время, когда хорошие, честные люди представляют большую редкость, а общество кишмя кишит умственными и нравственными больными всякого рода, которых очень трудно отличить от людей здоровых. Если же набрать в отряд кого попало, то можно погибнуть от руки своих же наемников или быть ими выданным своим врагам.

Последние годы упадка, особенно в Железном веке, бывают самыми тяжкими. В это время народ, лишенный патриотизма и утомленный вечной опасностью, грозящей со всех сторон, уже не думает о своей политической самостоятельности и потому не только не противится чужеземному владычеству, но жаждет его и встречает завоевание своей страны с искренней радостью.

XI. В чем состоит подъем

Когда упадок достигает своего максимума и подходит срок его окончания, появляются первые признаки подъема. Как из земли вырастают отдельные личности, резко отличающиеся от остальной толпы своим стремлением к правде, справедливости и порядку, но настоящий подъем может наступить только тогда, когда таких представителей нового лучшего поколения наберется достаточно много, чтобы они могли выступить в обществе в качестве господствующей партии. Само собой разумеется, что стремление к новой жизни является результатом их природного склада, а не вследствие развития и созревания в обществе новых идей, как это принято у нас думать.

Первой заботой поднимающегося народа является сформирование нового правительства, если старое исчезло в конце упадка. Форма правления обыкновенно остается та же самая, какую застало начало подъема. Во-первых, люди подъема всегда питают глубокое уважение к своим ближайшим предкам независимо от их нравственной и умственной высоты, и потому всякое завещанное ими учреждение оберегается как святыня. А во-вторых, для хороших людей всякая форма правления хороша. Но если в стране существует монархия, то она всегда во время подъема стремится к абсолютизму, и все ограничения власти постепенно уничтожаются.

Умственные способности народа и склонность его к умственным занятиям быстро повышаются. В то же время во всех отраслях деятельности появляются талантливые и гениальные люди, которыми всегда изобилует время подъема. Развиваются литература и искусства. В науке народ спешит догнать своих цивилизованных соседей, от которых сильно отстает во время упадка. Делаются открытия и изобретения. Появляется охота к чтению и спрос на литературу. Вместе с тем улучшаются все стороны жизни. Начинает процветать земледелие, скотоводство, промышленность и торговля. Благосостояние страны быстро возрастает, так как при трудолюбии, умственных способностях и собственной инициативе люди подъема легко находят новые источники существования. Труд перестает быть тягостным, благодаря способности к увлечению, которая скрашивает его и превращает в приятное удовольствие. А так как при этом и потребности человека уменьшаются, то в руках его скопляются

достаток и богатство. Состояние финансов улучшается, являются свободные капиталы, и начинается общественное строительство. Проводятся дороги, роются каналы, сооружаются порты, осушаются болота, воздвигаются храмы и полезные общественные здания, открываются библиотеки и музеи, ученые и учебные заведения.

Люди подъема вежливы в обращении, деликатны, любезны, доброжелательны и сострадательны. Драк и ссор между ними не бывает, даже бранные слова выходят из употребления и забываются. Проявляются сильные альтруистические чувства, водворяется честность, верность данному слову и справедливость. Чужое имущество начинает пользоваться таким же уважением, как и его хозяин. В это время можно уничтожить все замки, не опасаясь воровства.

Вражда между людьми исчезает и заменяется согласием, любовью, дружбой и уважением. Партии уже не имеют никакого смысла и потому прекращают свое существование. Междоусобия, бунты, восстания и революции отходят в область преданий, так как человек подъема миролюбив и не стремится к власти, а напротив, умеет подчиняться правительству и всем жертвует в пользу отечества, не исключая и собственной жизни. Государство становится крепким и сильным. Злоупотребления власти прекращаются не вследствие постороннего внушения или строгого контроля, а просто потому, что для ее представителей общественные дела дороже своих собственных. Чиновников делает честными не страх наказания, а их собственная совесть. Если изредка и случаются злоупотребления, то пострадавшие сносят их терпеливо и прощают из любви к миру и спокойствию.

Энергия и сила воли у поднимающегося народа увеличивается, и он бывает способен на подвиги и трудные предприятия. Для него, как говорится, препятствий не существует.

Очень естественно, что у такого народа, в высшей степени постоянного, сдержанного и трезвого, разврат исчезает и устанавливаются сами собой очень крепкие семейные узы. Детей своих человек подъема страстно любит и никогда не тяготится их числом. Потерявши ребенка, он не может утешиться, как бы много детей у него ни было. Отец пользуется в семействе большим авторитетом и неограниченной властью, но такая власть никому не вредит, так как любовь родителей к детям безгранична и всякое злоупотребление родительской властью становится немыслимо. Дети в это время также любят и высоко ценят своих родителей и смотрят на каждое их слово, как на закон.

В отношении религии поднимающийся человек постоянен и твердо держится веры своих отцов, видя в ней знамя своей национальности. Он никогда не изменит ей и на вероотступничество смотрит как на один из видов измены. Даже и в том случае он остается верен своей религии, если в ней, как в произведении времен упадка, есть обряды, противоречащие его нравственному чувству и самой жизни. Всякий несоответствующий его натуре или вредный обряд он изменяет в самый безвредный. Например, обрядовое людоедство обращается в поедание человеческих фигур из хлеба, человеческие жертвы — в сжигание бумажных человеческих фигурок, обрядовая проституция обращается для женщины в известных обрядах в обязательство протанцевать с теми мужчинами, с которыми она должна проституировать, и т. п. Такими смягченными формами обрядов переполнена этнографическая литература.

Так как нравственность сильно улучшается в народе во времена подъема, то уменьшается всякого рода преступность, а потому заботы правительства о поднятии и поддержании народной нравственности становятся излишними. Правительству ничего более не остается, как направить свою деятельность на дела внешние. Монарх в это время — только вождь своего народа. Армия реформируется и приобретает неоцененные качества, потому что изменяется ее личный состав. Без всяких строгостей устанавливается сама собой строгая естественная дисциплина, основанная не на страхе наказания, а на инстинктивном, безотносительном благоговении солдат перед государственными интересами и перед начальствующими лицами, как существами высшими. Несправедливости со стороны начальства становятся редкими и переносятся безропотно. Солдаты в те времена храбры, мужественны, разумны, находчивы, а в то же время кротки и выносливы. Они беспрекословно исполняют малейшее приказание начальства. Армия действует как один человек, поражений не несет и, как говорится, «творит чудеса». Народы, с которыми ее сталкивает судьба, после первой же стычки проникаются к ней страхом и уважением. Пользуясь такой армией, государство прежде всего очищает страну от многочисленных разбойничьих шаек, хозяйничавших в ней во время упадка. Затем, если государство во время упадка раздробилось, присоединяются отпавшие части, что достигается сравнительно легко, так как поднимающийся народ сам стремится к соединению со своими соплеменниками.

Если во время упадка от государства были отняты провинции, то они вновь отвоевываются, и вообще государство стремится войти в

свои прежние границы. А если по соседству оказываются страны, переживающие период упадка, и нет возможности восстановить в них порядок мирным путем, то они завоевываются. Территория поднимающегося государства очень часто становится обширнее, чем была до упадка.

В физическом отношении поднимающийся народ становится выше ростом, получает более правильное и крепкое телосложение. Если он белой расы, то в среде его появляется более голубоглазых, длинноголовых блондинов. Черты лица становятся правильнее, выразительнее и красивее. Если народ цветной расы, то кожа его светлеет, и во всех других отношениях он приближается к белой расе. Продолжительность жизни в среднем увеличивается. Здоровье улучшается. Эпидемии прекращаются. Количество уродов, калек, сумасшедших и самоубийц падает до минимума. Число рождающихся на одного умершего увеличивается и население быстро растет.

Если время подъема сравнить с периодом упадка по тем следам, которые они оставляют в истории, то оказывается, что летописцы и историки больше занимаются упадками, чем подъемами, и несравненно больше пишут о первых, чем о последних. Это очень понятно, потому что упадки всегда несравненно богаче событиями, чем подъемы. Нечего и записывать в летописи, когда в государстве все обстоит благополучно, и каждый гражданин занят тем или другим родом труда.

Подъем в жизни государства играет такую же роль, как здоровье в жизни индивидуума. Оно чувствуется только тогда, когда миновало. Если государство во время подъема ведет многочисленные войны и занято завоеваниями, то в летописи заносятся победы и приобретения, а если этого нет, то период подъема обнаруживается в истории в виде пробела между двумя упадками. О характере народа в этом периоде и его благополучии мы чаще узнаем из записок иностранцев, чем из летописей.

Это обстоятельство отчасти способствовало к установлению того общепринятого, но ошибочного взгляда, что будто бы люди стали жить по-человечески только в новейшие времена распространения христианства и цивилизации, а в отдаленные от нас времена будто бы ничего не было, кроме всеобщего зверства. Отсюда же, вероятно, происходит наше глубокое уважение к новейшим временам и такое же презрение ко временам отдаленным.

XII. Аномалии исторического цикла

Теперь, чтобы закончить наше теоретическое вступление, необходимо сказать слова два о ненормальностях, встречающихся в исторических циклах. Если бы их не было, то вряд ли бы историки могли не заметить правильности и периодичности в ходе исторических событий. Неправильности и аномалии исторического цикла, крупные и мелкие, маскируют их правильность.

Общее свойство всех аномалий исторического цикла заключается в том, что, как бы они ни были резки, они никогда не нарушают ни продолжительности цикла, ни его внутреннего распорядка. Несомненно, что общий ход цикла и внутренний распорядок в нем зависят от одной общей всем народам и постоянной причины, а ненормальности — от другой, частной причины, действующей на государство или народ только по временам. В общих чертах здесь происходит то же самое, что в метеорологическом году умеренного климата. Известно, что в наших широтах во все времена года постоянно наблюдаются неправильности. То лето стоит слишком холодное, то зима холоднее нормальной, то весна ранняя, то поздняя и т. под. Но однако эти неправильности ни на один день не могут удлинить или укоротить года или нарушить последовательность и общий характер его времен. Происходит это от того, что продолжительность года и перемены его — результат общей постоянной причины, вращения Земли вокруг Солнца, а ненормальности вызываются частной временной причиной, неодинаковым нагреванием лучами Солнца северного и южного полушария.

Ненормальности исторического цикла обнаруживаются: 1) в усилении упадков. Например, в нормальном цикле в трех первых его веках упадки должны быть слабее, чем в Железном веке, а в ненормальном они могут быть одинаковыми с Железным веком или даже сильнее этого последнего.

Подъемы в каждом из столетий могут заменяться упадками, но это чаще случается только в одной половине цикла. Так, например, если в Золотом и Серебряном веках подъемы обратятся в упадки, то вторая половина цикла, т. е. века Медный и Железный пройдут правильно.

Подъемы Золотого и Серебряного веков редко обращаются в упадки целиком. Чаще всего небольшая часть подъема в них остается

и почти всегда на определенном месте периода. В Золотом веке такое место — третья четверть столетия. В Серебряном же веке во второй его половине вся середина полустолетия может обратиться в упадок, а для подъема остаются его начало и конец.

В Медном веке ненормальности бывают реже всего. Но если они случаются, то здесь происходит раздробление столетия на мелкие периоды, в которых упадки чередуются с подъемами. Подобный случай можно видеть ниже на примере из русской истории. Но в таких случаях число лет упадка в общей сложности равняется числу лет подъема.

В Серебряном веке иногда случается запаздывание его первой половины лет на 10, на 15, но тогда число лет упадка непременно сравняется с числом лет подъема в течение двух первых столетий цикла

В Железном веке во второй его половине, как редкостное явление, случается вместо упадка подъем почти такой же сильный, как в Золотом, но он редко бывает продолжительным и держится чаще всего каких-нибудь 10–15 лет, а кроме того является для государства плохим предзнаменованием. После такого несвоевременного подъема государство или погибнет, или надолго утратит свою самостоятельность, или не будет иметь ни одного хорошего подъема во весь последующий цикл.

Вот и все главнейшие ненормальности, которые мне до сих пор приходилось наблюдать. Причина их мне в настоящее время уже хорошо известна, но я пока отложу сообщение о ней до следующего нового издания. Скажу только, что, если смысл подъемов и упадков в нормальном цикле — естественный отбор, постепенно совершенствующий человека, то ненормальности врываются в него, как нежелательные и чрезвычайно вредные болезни, уничтожающие хорошие результаты предыдущего отбора и откладывающие его на более или менее продолжительный срок.

Само собою разумеется, что мне, как автору совершенно нового течения в исторической науке, очень бы хотелось каждое сказанное мною слово подтвердить историческими примерами. Мои последующие издания будут именно иметь в виду восполнение этого недостатка. Но в настоящей книге размеры ее не позволяют этого сделать

После долгих колебаний я остановился на трех следующих примерах:

Совершенно правильный нормальный прямой исторический цикл

из средневековой истории Германии, состоящий из четырех веков: Золотого, Серебряного, Медного и Железного. В середине его приходится вершина подъема.

Тоже правильный цикл из истории Древнего Рима, обращенный, т. е. состоящий из второй половины одного цикла и первой следующего. Века размещены в нем в ином порядке: Медный, Железный, Золотой и Серебряный. В середине приходится вершина упадка. Этот пример приведен для того, чтобы показать, как совершается переход от одного цикла к другому [34].

Пример целого ряда следующих друг за другом циклов в русской истории, которая оказалась правильнее, чем в других государствах. Только один век ее имеет неправильность, на что и будет указано ниже в своем месте..

ИСТОРИЯ РОССИИ, ИЗЛОЖЕННАЯ ПО ЦИКЛАМ

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

Золотой век, первая половина

УПАДОК. 812–862 гг

Об этом периоде нашей истории мы знаем только то, что северная часть России платила дань варягам, а южная — хазарам, т. е. отечество наше было раздроблено и находилось в состоянии политического бессилия. Но что русские земли в то время составляли только осколки когда-то более крупного и цельного государства, видно по тому, что у них сохранилось воспоминание об их древней общности. Об этом ясно свидетельствует та фраза, с которой русские обратились к варягам в 862 году: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет…». Если бы части, на которые была тогда раздроблена Россия, издревле пользовались самостоятельностью, у них не было бы представления об обширности их общего отечества.

Сомнение некоторых наших историков в самом факте призвания в Россию варягов в качестве правителей, с нашей точки зрения, не должно иметь места, потому что можно бы было привести сотни исторических примеров, когда различные государства находились в таком же самом положении, как наше, и поступали точно так же. Во время сильного упадка в стране до того расшатываются всякие общественные связи, до того обостряются враждебные отношения между ее жителями, что в конце такого периода народ положительно не может найти в своей среде ни одного человека, который бы имел достаточно авторитета, и тогда призвание иностранцев в качестве правителей становится крайней необходимостью. Даже трудно указать такую страну, которая в течение своей исторической жизни ни разу не бывала в подобном положении и ни разу не обратилась к помощи иностранцев.

Одним из историков, подвергавших сомнению факт призвания нами варягов, был Карамзин. «Славяне, — удивляется он, — добровольно уничтожают древнее народное правление и требуют государей из варягов, которые были их неприятелями». Даже из одной этой фразы видна ложная точка зрения, на которой стоял наш почтенный историк. В самом деле, призвавши варягов, наши предки вовсе не уничтожали своего древнего народного правления по той простой причине, что его не было, а была только мучительная

анархия, свойственная периоду упадка. А во-вторых, как показывают многочисленные исторические свидетельства, в разгар сильного упадка, во время господства в стране анархии, вражда между членами государства доходит до такого напряжения, что для народа во много раз страшнее и омерзительнее становятся его собственные сограждане, его внутренние враги, чем самые свирепые из врагов внешних.

К нашему взгляду на свидетельство летописца о нравах того времени у древлян, северян, радимичей и проч. необходимо также сделать маленькую поправку. Мы читаем, что эти народы «имели обычаи дикие, в распрях и ссорах убивали друг друга, не знали правильных браков, но уводили или похищали девиц и жили в многоженстве», и делаем заключение, что наши предки были самыми жалкими дикарями, что другой жизни, кроме этой, до начала нашей истории, они не знали. Но такое заключение несправедливо. При тех нравах, какие рисует летописец, народ долго жить не может. При отсутствии в обществе хороших отношений, члены его в самом скором времени истребят друг друга или разбегутся, а отсутствие у них браков и всеобщий беспорядочный разврат приведут к вымиранию. Чтобы жить между собою мирно, без драк и убийств, чтобы предпочитать правильный брак беспорядочному разврату, вовсе не нужно быть человеком цивилизованным. Не только у самых диких народов в периоды их подъема, но даже у большинства животных мы находим все это. Вот почему не подлежит ни малейшему сомнению, что свидетельство нашего летописца о нравах древлян, северян и радимичей нужно относить вовсе не ко всей доисторической жизни нашего народа, а только к известному небольшому периоду, предшествовавшему началу нашей истории на каких-нибудь 50 лет. Летописец застает русские племена во время их тяжкого упадка, при котором они утратили предыдущую, хотя, быть может, и не очень высокую культуру, общественный порядок, хорошие общественные отношения и правильные браки.

Золотой век, вторая половина

ПОДЪЕМ 862–912 гг

Время призвания варягов в точности соответствует началу этого периода, 862 году. Ниже мы увидим, что цифра 62, наравне с цифрою 12 в истории России не раз является точной гранью между двумя периодами.

Как быстро подвигался на этот раз подъем русского народа, видно из того, что уже через два года после призвания варягов, в 864 году, «пределы русского государства достигали на восток до нынешних Ярославской и Нижегородской губерний, а на юг до Западной Двины». Наполняющее этот период блестящее правление Олега, посвященное собиранию Руси, в точности совпало с датами теоретическими, так как кончилось ровно в 912 году.

Имея в виду, что во всех странах во второй половине Золотого века протекает Железный век простонародья, а следовательно чувствуется слабость войска и неспособность его к войне, блестящие победы Олега могут показаться непонятными и несвоевременными, но дело в том, что войны, которые вел Олег, были в сущности домашними, внутренними, междоусобными. Войскам Олега приходилось бороться не с внешними врагами, а с внутренними, принадлежавшими к одному с ними племени и находившимися в одном и том же периоде цикла. Здесь происходило то же самое, что в Риме во времена Цезаря. Этот полководец одержал блестящие победы над римскими войсками под начальством Помпея, но это не мешало ему терпеть поражения от германцев. Притом же в распоряжении Олега были варяжские дружины.

Только за 6 лет до конца периода, в 906 г., Олег отваживается впервые на войну с сильным внешним врагом, с Византией: он предпринимает очень удачный поход на Константинополь.

Серебряный век, первая половина

УПАДОК. 912–962 гг

Этот период начинается очень правильно, так как древляне, не осмеливавшиеся восставать против Олега, восстали и отложились от Киева при его преемнике Игоре уже в 913–914 гг.

Около того же времени в 914–915 гг. на Россию начинают делать свои нашествия печенеги. Это также говорит о начавшемся упадке, так как на народ поднимающийся ни один хищник не решится напасть. До 941 года княжение Игоря, как и должно быть в периоде упадка, «не ознаменовалось никаким важным событием». В 941 году Игорь сделал нападение на Константинополь, но далеко не победоносное, так как войска его «были приведены в ужас и беспорядок» при помощи так называемого «греческого огня». «С великим уроном» они возвратились в свое отечество.

Признаком упадка является также грабеж дружинников Игоря в земле древлян, бывший причиною последовавшего затем восстания этого народа и убийства самого Игоря. В это же время произошло неприятное для тогдашней России событие, бывшее также следствием упадка: Игорь вследствие своего политического бессилия дозволил печенегам утвердиться вблизи своих владений.

Правление княгини Ольги (945–962) носит на себе также несомненные следы упадка. Сюда относится прежде всего «жестокая месть», исполненная над древлянами. Затем обращение Ольги и многих русских в христианство также свидетельствует об упадке, так как только в это время народ бывает способен бросить религию своих отцов и заменить ее новой, иностранной. В период подъема он крайне постоянен во всех своих взглядах и твердо держится всего, завещанного отцами.

Серебряный век вторая половина

ПОДЪЕМ. 962-1012 гг

Этот период наполнен княжением Святослава и Владимира Святого. Кажется, нет надобности доказывать, что в это время в России был подъем. Для русского народа Владимир Красное Солнышко и его сподвижники представляются лучшими национальными героями и богатырями. Различные эпизоды их жизни стали впоследствии главным содержанием русского эпоса.

Святослав начинает свою деятельность в 964 г., т. е. только два года спустя после начала периода. Жизнь этого князя состоит из целого ряда побед и героических подвигов, как например взятие Белой Вежи, завоевание Болгарии и обеспечение России от нападений со стороны печенегов.

Время Владимира Святого также носит на себе все следы высокого подъема. Строятся города, укрепляется Киев, воздвигаются храмы. Кроме того являются заботы о просвещении, упорядочивается войско и способ ведения войны. К концу царствования Владимира почти вся тогдашняя Русь соединена в одно целое и сильное государство.

В середине рассматриваемого полустолетия происходит временный упадок, который не совсем нормален, так как слишком силен и продолжителен для Серебряного века. Начинается он около 970 г., т. е. с начала военных неудач Святослава, сменивших его первые успехи. Против него восстала Болгария.

После смерти Святослава, в 977 г. происходит междоусобие между его сыновьями. Кончается этот упадок со вступлением на престол Владимира Святого и с принятием им христианства, т. е. продолжается приблизительно 10 лет.

Что касается рокового 43 года периода (1005 г.), то он приходится как раз в тот промежуток времени (977-1014 гг.), когда в русской летописи, неизвестно по какой причине произошел внезапный перерыв.

Медный век, первая половина

УПАДОК. 1012–1062 гг

Медный век нашего первого исторического цикла представляет собою самый неправильный период из всей русской истории. Неправильность его лучше всего видна из следующей схемы:

Медный век нормальный:	
Первая половина	Вторая половина
Упадок	Подъем
50 лет.	50 лет.

Медный век в России от 1012 до 1112 г.			
Первая половина	Вторая половина		
Упадок	Подъем	Упадок	Подъем
15 лет.	35 лет.	35 лет.	15 лет.

Упадок 15-летний от 1011 до 1027 г.

В это время жил и действовал сын Владимира Святого, знаменитый злодей Святополк Окаянный. Этот князь, по словам Дитмара, еще при жизни отца, будучи правителем Туровской области, замышлял отложиться от России, а после его смерти пожелал забрать в свои руки всю русскую землю, поделенную между сыновьями Владимира. С этой целью он убил трех своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава.

Другим признаком упадка в это время были отношения князя Ярослава к Новгороду, которым он управлял. Варяжское войско этого князя ежедневно оскорбляло новгородских граждан и покушалось на целомудрие их жен. Раздраженные новгородцы восстали и перебили многих варягов, а Ярослав, зазвав к себе зачинщиков восстания, вероломно их умертвил.

Между Ярославом и Святополком началась междоусобная война. Святополк бежал к своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму, и с его помощью занял Киев. Кроме того, боясь

долговременной опеки своего тестя, Святополк велел умертвить всех поляков, находившихся в Киеве. Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские. В заключение всего Святополк был изгнан из Киева Ярославом.

Потом возникли междоусобия между Ярославом и Мстиславом Удалым, кончившиеся в 1026 году разделением России между обоими князьями.

Из числа прочих признаков упадка нужно отметить также пожар Киева, случившийся в 1018 году, который обратил в пепел большую часть города и голод в Суздальской области. Суеверный народ, приписывая его злому чародейству, безжалостно убивал многих старых женщин, мнимых волшебниц.

Подъем 35-летний от 1027 до 1062 г.

Что несвоевременный 35-летний подъем начинается именно около 1027 года, видно из того, что пишут историки по поводу кончины Мстислава Удалого, случившейся в 1036 году. Под этим годом мы находим у Карамзина: «Россия была обязана десятилетнею (1026–1036) внутреннею тишиною счастливому их (Ярослава и Мстислава Удалого) союзу, истинно братскому».

За это время в 1030 году Ярослав снова покорил отложившуюся от России чудь и основал город Юрьев или нынешний Дерпт. В 1031 году тот же князь взял Бельз, овладел снова всеми Червенскими городами, ходил в самую Польшу и вывел оттуда множество пленников. Но это было только начало подъема, а с 1036 года подъем уже несомненен. Россия вновь соединилась в одну державу, и Ярослав стал властвовать от берегов Балтийского моря до Азии, Венгрии и Дании. Из прежних удельных князей остался только один полоцкий. За это время не было никаких междоусобий, никаких внутренних смут, и внешние дела России пошли очень хорошо. В 1036 — победа над печенегами, к 1038 — удачная война с ятвягами, 1041-42 — победа над финляндцами, 1043 — удачный поход на Византию, 1046 — Ярослав помог утвердиться на польском престоле королю Казимиру.

К этому же времени принадлежат заботы Ярослава о просвещении, составление первого русского собрания законов, так называемой «Русской Правды», и многие другие действия, за которые этот князь получил название «Мудрого».

Хотя под конец этого периода в 1054 году, после смерти Ярослава, Россия снова была поделена между его сыновьями, но до 1061 года, т. е. до конца периода в ней «царствовала внутренняя тишина».

Медный век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1062–1112 гг

Упадок 35-летний от 1062 до 1097 г.

С 1062 года «начинаются бедствия России», пишут историки: «Небо правосудно, — говорит Нестор. — Оно наказывает русских за их беззакония. Мы именуемся христианами, а живем как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, в а домах трубы, гусли и скоморохи».

В 1064 году началось междоусобие, в 1066 — отравление князя Ростислава. В 1067 — междоусобия и поражение от половцев, в 1068 — бунт в Киеве, разграбление княжеского дома и изгнание Изяслава из Киева. В 1069 г. Изяслав возвращается в Россию с поляками. В 1071 г. бедное наше отечество «стенало от внешних неприятелей, требовало защитников и не находило их: половцы свободно грабили на берегах Десны». В Киев явился волхв, который проповедывал, что Днепр скоро потечет вверх, и все земли переместятся: Греция будет там, где Россия, а Россия там, где Греция. И находились люди, которые ему верили.

Около того же времени в Ростовской области сделался голод. Два кудесника ходили по Волге и в каждом селении объявляли, что бабы причиною всего зла и скрывают в самих себе хлеб, мед и рыбу. С шайкою помощников они убивали невинных женщин и грабили имения богатых.

В 1073 г. Изяслав вторично бежал в Польшу. В 1077 г. он вернулся и снова начались междоусобия, которые продолжались и в 1078 г.

Под 1084 г. пишут, что всякий знаменитый мятежник, обещая грабеж и добычу, мог набирать шайки усердных помощников: до того было слабо в то время правительство и необузданно своеволие народа.

В 1088 г. камские болгары напали на Муром и взяли его. Этот город долго потом оставался в их власти. В 1092 г. голод, болезни и мор свирепствовали во многих областях и в одном только Киеве умерло в 2,5 месяца 7 000 человек. Народ стенал, половцы грабили, на обеих сторонах Днепра дымились села, обращенные в пепел этими жестокими варварами, которые взяли даже несколько городов. В самой России сильные теснили слабых: наместники и тиуны «грабили

государство как половцы».

В 1093 г. Киевская область, изнуренная войнами, истощенная данями, опустела. В 1094 г. вся южная Россия представляла картину самых ужаснейших бедствий. «Города опустели, в селах пылали дома, житницы и гумна. Жители вздыхали под острием меча или трепетали, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, шли наги и босы в отдаленную страну варваров, говоря друг другу со слезами: я из такого-то города русского, а я из такой-то веси. Не видим на лугах своих ни стад, ни коней, нивы заросли травою, — говорит летописец, — и дикие звери обитают там, где прежде жили христиане». В 1095 г. были снова междоусобия. Князь половецкий едва не овладел Киевом, выжег его предместье, ворвался ночью в Печерскую обитель, умертвил несколько безоружных монахов, ограбил церковь, кельи, и с добычею удалился, оставив деревянные строения в пламени. Подъем 15-летний от 1097 до 1112 г.

Подъем этот начинается в 1097 г. первым съездом князей в городе Любече для того, чтобы общими силами прекратить распри. Хотя распри после того не сейчас же прекратились, но важен даже первый шаг в сторону мира, так как во время настоящего упадка даже речи не может быть о мире. И, действительно, через три года после первого съезда в 1100 году состоялся второй такой же съезд, который был вполне плодотворным. В том же году была предпринята князьями общая счастливая война против половцев. В остальные года этого периода князья нанесли половцам целый ряд поражений и в 1112 г. два раза разбили ятвягов.

Однако же, несмотря на то, что период подъема был очень короток, роковой год периода — 43 дал себя знать. На 42 г. периода в 1104 г., русские князья на востоке были побеждены мордвою, а на 44-ом году периода, в 1166 г. они намеревались покорить Семигалию, но, потеряв 9000 воинов, едва могли спасти остатки своей рати.

Железный век, первая половина

УПАДОК. 1112–1162 гг

Первые 15 лет, подъем простонародья, приходятся от 1122 до 1127 г. В это время военные действия русских действительно были удачны.

В 1116 г. русские два раза победили чудь и камских болгар. Кроме того они взяли три города в земле Половецкой. Около того же времени Владимир Мономах выгнал из России берендеев, печенегов и торков.

В 1125 году князь Ярополк Владимирович с одною переяславскою дружиной разбил половцев и многих из них потопил в реках. В 1127 году войско Мстислава загнало половцев не только за Дон, но и за Волгу и они уже не смели беспокоить наших пределов.

Об этом периоде достаточно сказать, что 12 лет его было занято княжением воинственного Владимира Мономаха.

Что касается упадка интеллигенции, то он начался чрезвычайно правильно и своевременно. Уже в 1113 году последовал погром евреев в Киеве, а в 1115 году долги так усилились в России, что понадобилось постановление князей, чтобы заимодавец, взявший три раза с одного должника, так называемые третные росты, лишался уже истинных своих денег или капитала. Ибо как ни велики были тогдашние годовые росты, но месячные и третные еще превышали их.

Уже с 1116 года начались восстания, приводившие к междоусобным войнам. В этом году Владимиру Мономаху пришлось усмирить минского князя Глеба. После того началась история с владимирским князем Ярославом, который даже бежал в Польшу и привел против России поляков, богемцев и венгерцев.

В 1124 году в Киеве был сильный пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю Жидовскую улицу.

В 1127 году великий князь Мстислав должен был обнажить меч на Всеволода Ольговича, который выгнал из Чернигова дядю своего Ярослава, умертвил его верных бояр и разграбил их дома. В том же году было междоусобие в юго-западной Руси.

В 1126 году был страшный голод в северных областях.

Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила на нынешние деньги около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, березовою корою, мхом и древесной гнилью. Люди, изнуренные голодом, скитались как привидения, падали мертвыми на дорогах, улицах и площадях. Кончина великого князя Мстислава в 1132 году, как говорят историки, «разрушила порядок». Начались неустройства и изгнания князей. Новгородцы изгнали князя Всеволода, а потом хотя одумались и вернули, но ограничили его власть народным представительством. Полочане также выгнали своего князя Святослава.

В 1134 году новгородцы напали на Суздаль, потеряли много людей, убили много суздальцев, но не могли одержать победы. Южная Россия в это время была также театром раздора. Ольговичи объявили войну Ярополку и его братьям, призвали половцев, жгли города, грабили и брали жителей в плен.

В 1136 году снова разгорелась междоусобная война. Черниговские князья новыми злодействами устрашали жителей Переяславской области.

В 1138 году Ольговичи объявили войну роду Мономаха. Вместе с половцами они ограбили города и селения на берегах реки Сулы.

С 1139 года началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастием России. В том же году Всеволод Ольгович обступил Киев и зажег копыревское предместье.

В 1142 году снова было междоусобие: князья Игорь и Святослав Ольговичи, объявив войну великому князю Всеволоду, опустошили несколько городов, захватывали скот и товары, напали на Переяславскую область и два месяца жгли села, травили хлеб и разоряли бедных землевладельцев.

В 1146 году Всеволод вел междоусобную войну с князем галицким. В том же году киевляне собрались на вече и требовали правосудия, так как тиуны угнетали слабых. Ратша опустошил Киев, Тудор — Вышегород. Мятежная чернь устремилась грабить дома богатого Ратши. Святослав с дружиною едва могли восстановить порядок. Игорь не исполнил данного гражданам слова, и хищники остались тиунами. Тогда киевляне предложили великое княжество Изяславу Мстиславовичу. Игоря посадили в темницу. История этого времени, говорит Карамзин, не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за князей, а не за

отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества.

В 1147 году чернь ворвалась в монастырь, где был заключен Игорь, безжалостно убила его и нагого волокла по улицам.

В 1148 году продолжалась междоусобная война.

В 1149 году новгородцы опустошали землю Суздальскую. В том же году великий князь Изяслав был изгнан из Киева.

Далее междоусобные войны продолжаются непрерывно в 1150, 1151 и 1152 годах, когда была осада Киева.

С 1153 года начинается подъем простонародья, и время это отмечено в истории России победою над внешними врагами. Русские вместе с черными клобуками воевали землю половецкую: разбили варваров на берегах Орели и Самары, захватили их вежи и освободили множество русских пленников. В 1155 году Россия наслаждалась тишиною, говорят летописцы, но эта тишина была непродолжительна: в том же году Мстислав выгнал Владимира, пленил его семейство и жену, ограбил бояр и мать.

Главный деятель этой эпохи, князь Юрий Долгорукий, носил на себе резкую печать сильного вырождения. Карамзин передает о нем: «Наши скромные летописцы редко говорят о дурных свойствах государей и усердно хвалят добрые, но Юрий не умел заслужить народной любви. Он играл святостью клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия. Киевский народ так ненавидел Долгорукого, что, узнав о смерти его, разграбил дворец и сельский дом княжеский, а также имение суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане не хотели даже похоронить Юрия вместе с прочими князьями и похоронили за городом. В борьбе Юрия Долгорукого с Изяславом принимала участие чуть не вся Русь. Противники не раз призывали на помощь венгров и половцев, так что борьба обострилась до крайности».

Под 1157 годом читаем, что вся западная Россия имела независимых государей, и достоинство великого князя сделалось «пустым наименованием». Древняя столица Киев клонится к совершенному упадку, в то время, как на востоке возникает новая. Андрей Боголюбский, перенесший столицу на восток, в южной России видел театр алчного властолюбия, злодейства, грабительств, междоусобного кровопролития. В течение двух веков, опустошаемая огнем и мечем иноплеменниками и своими, она казалась ему обителью скорби и предметом небесного гнева.

Железный век, вторая половина

УПАДОК. 1162–1212 гг

После Юрия Долгорукого Киев переходил из рук в руки, и наконец достался сыну Изяслава, Мстиставу II. Но на него ополчился Андрей Боголюбский, сын Юрия. Снова возгорелась в потомстве Мономаха борьба между дядей и племянником. Киев осадили и, несмотря на отчаянную защиту, взяли приступом (1169). Никогда еще «матери городов русских» не наносилось такого унижения. Суздальская рать жгла и грабила город несколько дней, мужчин избивали, женщин и детей брали в плен, врывались в церкви, снимали колокола. Значение Киева, как первопрестольного города, падает. Суздальские князья мало о нем заботились, и он становился игрушкою усобиц, бесполезно терзавших южную Русь. До татар, в течение 70 лет (1169–1240) в нем сменилось до 20 князей, изгонявших друг друга. Упадок Киева стоял в связи с общим упадком южной Руси. В постоянных усобицах друг с другом князья опустошали волости своих соперников, жгли их села, истребляли или забирали скот, уводили захваченных обывателей, обращая их в своих холопов, а половцы, которых они нередко наводили на русскую землю, угоняли в степи и обращали в рабство тысячи пленников. Терзаемая княжескими усобицами и постоянными набегами кочевников, южная Русь заметно пустеет. «В городах моих живут только псари да половцы (пленные)», — жалуется один из князей. «Пуста земля моя от (набегов) половцев», — говорит другой.

«Села и города наши опустели, — говорит летописец, — все разбежались от врагов наших. Половцы пожгли села, гумна и храмы, все обратилось в пустыню, нивы поросли травой и сделались жилищами зверей. Великую беду терпели люди. Одних уводили в плен, других убивали, мучили, вязали, держали в холоде. Многие перемерли от холода. Простых пленников половцы продавали евреям, а те перепродавали их в мусульманские страны Средней Азии, более же знатных держали в плену в ожидании выкупа».

От набегов половцев страдал весь юг России, особенно же пограничные с ними княжества — Киевское и Чернигово-Северское. Население массами отливало отсюда на северо-восток в местности

более безопасные от нападений степняков, и от княжеских раздоров.

В 1174 году некоторые из бояр составили заговор и убили великого князя Андрея Боголюбского. Неожиданная смерть Андрея послужила поводом к усобице. В борьбе князей по смерти Андрея принимали участие не только княжеская дружина, как это бывало в подобных случаях на юге, но целые слои местного населения, вспыхнула давно уже назревшая вражда между городской знатью и недавними поселенцами страны, южнорусскими выходцами, принадлежавшими большею частью к низшим классам.

С 1167 года начинается подъем простонародья, и это обнаруживается в целом ряде побед над внешними врагами России. В 1166 году Андрей Боголюбский разбил многочисленное болгарское войско. Русские завладели на Каме славным городом Бряхимовым и несколько других городов обратили в пепел.

В том же году князья с малочисленной дружиной дерзнули углубиться в половецкие степи, взяли станы двух ханов и возвратились с добычею. В 1168 году князья снова избили половцев и взяли многие вежи на берегах Орели.

После смерти Андрея Боголюбского Всеволод III Большое Гнездо предпринимал удачные походы на мордву и камских болгар, подчинил себе Рязань и имел влияние на Новгород и на события в южной Руси. К его покровительству прибегал даже отдаленный Галич. «Великий Всеволод, — обращается у нему певец «Слова о полку Игореве», — ты можешь расплескать Волгу веслами, вылить Дон шлемами».

Век заканчивается междоусобицей между братьями Всеволода из-за великокняжеского стола.

К половине XII века, т. е. до 1153 года, рабовладение в России достигло громадных размеров. Челядь составляла в это время необходимую принадлежность частного землевладения, крупного и мелкого. Землевладельцы стремятся «работать» и свободных людей. Этим, по-видимому, объясняется и строгость, с какою закон карает побеги «закупов», обращая их за то в холопов.

В тогдашней России Железного века было так же, как и в средневековой Западной Европе, нечто вроде замков, необходимость которых вообще вызывалась внутренней неурядицей. Русский город обыкновенно представлял из себя группу бревенчатых изб, огороженную деревянными стенами или тыном, земляным валом и рвом. В центре больших городов обыкновенно имелось небольшое укрепление, называвшееся кремлем. Монастыри также обносились

стенами.

ЦИКЛ ВТОРОЙ 1212–1612 гг

Золотой век, первая половина

УПАДОК. 1212–1262 гг

Россия была по прежнему раздроблена на мелкие княжества, которые враждовали и дрались между собою. В 1223 году впервые появились монголы и разбили соединенную силу русских князей при Калке. В 1237–1238 гг. состоялось разорение русских городов Батыем и начало монгольского ига. Но уже в следующем 1239 году открылись между русскими князьями междоусобия. Литовцы овладели большей частью Смоленской области. Татары продолжали свои опустошения и завоевания: взяли Переяславль и Чернигов. В 1340 году они взяли и разрушили Киев. «Состояние России было самое плачевное. Казалось, что огненная река промчалась с востока до запада. Язва и все естественные бедствия опустошили ее от берегов Оки до Сана. Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями их остатки. Матери плакали о детях, девы о своей невинности, жены боярские сделались рабами варваров. Живые завидовали спокойствию мертвых. Россия лежала изнуренная, безлюдная, полная развалин и гробов». «Жителей, — писал Плано-Карпини, — везде мало, они истреблены монголами или отведены ими в плен».

Из слов того же путешественника о татарах видно, что народ этот в противоположность русским переживал один из периодов подъема. «Они были удивительно трудолюбивы. Не только прелюбодеяние, но блуд наказывался у них смертью. Они были скромны в обхождении с женщинами и ненавидели срамословие. Воровство между татарами было так необычно, что они не употребляли замков. Своих чиновников они уважали и боялись. В самом пьянстве они не ссорились или, по крайней мере, не дрались между собою. Они редко имели тяжбы и любили помогать друг другу. Терпеливо сносили татары зной, мороз и голод и с пустым желудком пели веселые песни».

Золотой век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1262–1312 гг

После страшной грозы Батыевой отечество наше как бы отдохнуло и пользовалось внутренним устройством и тишиной под умным управлением Ярослава Всеволодовича и Св. Александра Невского.

Во время своего подъема покоренные народы, как показывает история, никогда не бунтуют и не восстают против своих завоевателей, как бы эти последние с ними плохо ни обращались. Они смотрят на правительство своих завоевателей, как на свое собственное, и служат ему верой и правдой. Это происходит не из страха, не из раболепства, а потому, что поднимающиеся люди имеют сильный инстинкт уважения к высшей власти в государстве, граничащей с боготворением, к какой бы национальности эта власть ни принадлежала. Только таким путем, а не иначе, поднимающиеся государства приобретают ту необыкновенную внутреннюю крепость, которою они обыкновенно отличаются. Не будь этого, никогда не сливались бы между собою народы чуждых национальностей.

В нашем отечестве во второй половине Золотого века мы видим осуществление этого закона. Наши предки не только не были противниками своих завоевателей татар, но были для них самыми верными подданными. В 1277 году князья: Борис Ростовский, Глеб Белозерский, Феодор Ярославский и Андрей Городецкий повели свое войско в орду, чтобы вместе с ханом Мангу Тимуром идти на кавказских ясов или алан, из которых многие не хотели повиноваться татарам и с усилием противоборствовали их оружию. Князья наши завоевали ясский город Дедяков, сожгли его, взяв большую добычу, пленников, и этим подвигом заслужили особое благоволение хана не только похвалою, но и богатыми дарами, Феодор Ярославский и зять его Михаил ходили и в следующий год помогать татарам, или исполняя волю хана, или ища добычи.

В Курской области легкомысленный князь Святослав тревожил селения татарских баскаков ночными нападениями, похожими на разбой. Князь Олег торжественно объявил Святослава преступником, говоря ему: «Дело твое есть разбой, всего более ненавистный татарам и в самом нашем отечестве нетерпимый». Он поехал с жалобой к

Телебуге и, исполняя его волю, умертвил Святослава. «Достойно замечаний, — говорит Карамзин, — что летописцы того времени нимало не винят убийцы, осуждая безрассудность убитого. Святослав казался им злодеем, а жестокий Олег, вонзив меч в сердце единокровного князя, не заслужил их укоризны».

Другой признак подъема наших предков того времени — это отсутствие между ними междоусобий почти до самого конца периода. «Князья иногда ссорились, — говорит Карамзин, — однакож не прибегали к мечу и находили способ мириться без кровопролития».

В 1281 году, например, князья ростовские, родные братья Дмитрий и Константин Борисовичи, поссорились между собою, и Дмитрий Борисович начал собирать полки, но великому князю «удалось уговорить братьев жить между собою согласно».

И татары в свою очередь в то время хорошо относились к своим русским подданным. По словам летописца, «была ослаба Руси от насилия татарского».

Серебряный век, первая половина

УПАДОК. 1312–1362 гг

В 1316 году приезжали в Москву два татарские вельможи, которые назывались послами, но их грабительство и насилие надолго остались памятны жителям. Один из них, убив в Костроме 120 человек, опустошил Ростов огнем и мечом, взял церковные сокровища и пленил многих людей.

В 1327 году в Тверь прибыл ханский посол Шевкаль. Между жителями города распространился слух, что он хочет обращать русских в магометанство, а потому на него и его отряд было сделано нападение, и все они были перерезаны или сожжены. Вместе с тем были умерщвлены и татарские купцы. Тверь с ее пригородами была взята татарами и опустошена, а жители истреблены огнем и мечом или отведены в неволю.

В княжение Иоанна Калиты Москва два раза горела, и был голод в народе. В 1354 году произошел раздел западной России между Польшей и Литвой. В 1352 году моровая язва свирепствовала во всей Руси. Умерло такое множество людей, что в Глухове и Белозерске не осталось ни одного жителя. В 1354–1359 гг. Муром, Тверь и Новгород страдали от междоусобий.

В Москве в то время княжил Иоанн II Иоаннович, государь очень слабый. При нем был убит, неизвестно кем, самый важнейший из московских чиновников, тысяцкий. Некоторые из московских вельмож, опасаясь обвинений, уехали на службу в Рязань к врагам Москвы. Даже и церковь русская в то время «представляла зрелище неустройства и соблазна».

Серебряный век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1362–1412 гг

В 1353 году на московский великокняжеский престол вступил Димитрий Иоаннович Донской, при котором происходило уничтожение системы уделов и собирание московской Руси, а также начало освобождения ее от монгольского ига. Иоанн Калита и Симеон Гордый подготовляли освобождение Руси умом и хитростью, а Дмитрий Донской первый мог идти по тому же пути вооруженною силою. Хотя для России в этом периоде наступил подъем, но русские уже не могли быть верными подданными монголов, как во второй половине Золотого века. Раньше моголы составляли могучую силу, перед которой можно было преклоняться. Теперь же их государство пришло в упадок и раздробилось на части, враждовавшие между собою. Подчиняться было уже некому.

В том же году Дмитрий Донской изгнал из Владимира князя Димитрия Константиновича, несмотря на то, что этот последний имел ханский ярлык. Подобным же образом великий князь приводил в зависимость от Москвы и других князей: Стародубского, Галицкого, Ростовского и других. Князья жаловались, но повиновались, вероятно, потому, что в Русском народе обнаружилось уже, как результат подъема, стремление к национальному объединению.

В 1367 году последовало несколько частных побед, нанесенных русскими князьями татарским предводителям. Олег Рязанский разбил Тагая, а Дмитрий Нижегородский наказал другого монгольского хищника Булат-Темира.

В 1375 году Дмитрий в соединении с другими русскими князьями заставил князя Тверского признать над собою его верховную власть. В 1376 году войска московские с суздальскими ходили походом против Болгарского княжества (по Каме) и сделали казанцев своими данниками. В 1378 году последовала крупная победа русских войск над монголами при реке Вожи. В 1379 году Дмитрий Донской успешно воевал с Литвою и взял два города, Стародуб и Трубчевск. В 1380 году последовала славная Куликовская битва, положившая основание для освобождения Руси от монгольского ига.

Были и другие признаки подъема России в ту эпоху, хотя, быть

может, и не особенно сильного. Так, например, строительная деятельность проявилась в сооружении в Москве каменного Кремля вместо сгоревшего деревянного (1367). В это время были основаны новые города, как Курмыш и Серпухов, и возникло много монастырей, бывших рассадниками просвещения: Чудов, Андроньевский, Симонов и Высоцкий. В 1389 году было предпринято знаменитое путешествие Пимена в Царьград, сопровождавшееся записыванием всего достопримечательного.

В княжение Дмитрия Донского впервые появилась в России мелкая серебряная монета. Тогда же положено было начало огнестрельного искусства в России, а при сыне Донского в Москве уже выделывался порох.

В княжение Василия Дмитриевича достоинство великокняжеское стало наследием московских князей, и уже никто с ними об этой чести не спорил. В 1392 году был взят Торжок.

В 1395 году Тамерлан хотел идти на Москву, но раздумал, очевидно узнав о существовании в Московском княжестве порядка и о силе этого государства.

В 1399 году московские войска ходили в Болгарию, взяли ее столицу Жукотин и города Казань и Кременчуг. Князь Василий Дмитриевич слыл с того времени завоевателем Болгарии. Правление Василиево не уступало правлению его отца, Дмитрия Донского, ни в силе, ни в мудрости. В 1400 году последовала хотя временная, но полная независимость Московского княжества от монголов.

Царствование Василия Дмитриевича было славно и счастливо: он усилил великое княжество большими приобретениями без всякого кровопролития, видел спокойствие, благоустройство и избыток граждан в своих областях, обогатил казну доходами, уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым.

В 1409 году, т. е. на 43-м году периода, над Москвой разразилась гроза в виде нашествия Эдигея, который, впрочем, кроме добычи и пленников не приобрел от Москвы ничего важного.

В это княжение Москва славилась своими иконописцами: Симеоном Черным, старцем Прохором, городецким жителем Даниилом и монахом Андреем Рублевым. Последний из них был так знаменит, что иконы его в течении 150 лет служили образцом для всех других живописцев. В литейном искусстве Москва также сделала успехи. Один из ее мастеров славился искусством отливать свинцовые доски для церковных кровель.

Медный век, первая половина

УПАДОК. 1412–1462 гг

Конец царствования великого князя Василия Дмитриевича пришелся уже в первой половине Медного века. С 1419 г. сделался общий голод, который продолжался три года. Люди питались кониною, мясом собак, кротов, даже трупами человеческими. Умирали тысячами в домах и гибли на дорогах от холода. Кроме того, в Москве были частые пожары, которые наведши на народ ужас.

В 1420 году в областях Великого княжества Московского была язва, от которой умирало множество народа.

В 1425 году умер Василий Дмитриевич и, как все государи, царствовавшие в двух периодах, получил двойную аттестацию: и хорошую, и дурную, его считали государем благоразумным, украшенным многими государственными достоинствами, но говорили, что он «не имел любезных свойств отца своего, добросердечия, мягкости во нраве, ни пылкого воинского мужества, ни великодушия геройского».

После его смерти в Москве произошло междоусобие между Василием II и его дядею, Юрием Дмитриевичем.

В 1426 году в Москве возобновилась язва, от которой скончалось несколько князей. В Торжке, Волоке, Дмитрове и в других городах умерло много людей. Летописец говорит, что с этого времени век человеческий в России сократился и предки наши сделались слабее и тщедушнее, что земля, боры горели, люди среди густых облаков дыма не могли видеть друг друга, звери, птицы и рыбы в реках умирали, везде свирепствовал голод и болезни. Одним словом, последние годы царствования Василия Дмитриевича и первые годы его сына составляют «печальнейшую эпоху в нашей истории». Язва еще возобновилась в Москве в 1442 и 1448 гг.

Внешние неприятели также беспокоили Россию. В 1426 году сделал нападение литовский князь Витовт с богемцами, волохами и татарами. В том же году татары опустошили Галич, Кострому, Плесо и Луг.

В 1434 году совершилось в России зверство, неслыханное с XII века: Василии II ослепил своего двоюродного брата. В 1441 году

открылась вражда между великим князем и Дмитрием Шемякою. В 1445 году было нашествие на Москву царя казанского. Сам великий князь с простреленной рукой и с несколькими отсеченными пальцами попал в плен вместе с знатнейшими боярами. В то же время в Москве внутри Кремля вспыхнул пожар такой жестокий, что в городе не осталось ни одного деревянного здания в целости, самые каменные церкви и стены в разных местах упали; сгорело около 3000 человек и множество разного имения. Князь Борис Александрович Тверской занялся разбоем и ограбил в Торжке московских купцов. В 1446 году ослепили великого князя Василия II, который с тех пор стал называться Темным.

В 1462 году умер Василий Темный. Кроме междоусобия его царствование ознаменовалось разными злодействами, доказывающими свирепость тогдашних нравов. Два князя ослеплены, два отравлены ядом. Не только чернь в остервенении, без всякого суда топила и жгла людей, обвиняемых в преступлениях, не только русские гнусным образом терзали военно-пленных, но даже в законных казнях проявлялась варварская жестокость. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре вместе с женою за мнимое волшебство, Москва увидела в первый раз так называемую торговую казнь, неизвестную нашим благородным предкам: самых именитых людей, обвиняемых в государственных преступлениях, начали всенародно бить кнутом.

Суеверия и нелепые понятия о естественных явлениях господствовали в умах, и летописи того времени наполнены рассказами о чудесных явлениях: то небо пылало в разноцветных огнях, то вода обращалась в кровь, образа слезили, звери переменяли свой обыкновенный вид. В 1446 году, по сказанию новогородского летописца, шел сильный дождь, и сыпались на землю из туч рожь, пшеница и ячмень.

Медный век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1462–1512 гг

Почти весь этот период наполнен царствованием Иоанна III, продолжавшимся 43 года. «С этого времени история наша, — пишет Карамзин, — принимает достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные княжеские драки, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подчинением, образуется сильная держава, как бы новая для Европы и Азии, которые, глядя на нее с удивлением, отводят ей высокое место в своей политической системе. Союзы и войны наши уже имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам просвещенного ума. Устраиваются лучшие войска, призываются искусства, нужные для успехов военных и гражданских; великокняжеские посольства спешат ко всем знаменитым дворам, иноземные посольства одно за другим появляются в нашей столице, император, папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют русского монарха, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новгорода до Сибири. Издыхающая Греция завещает нам остатки своего древнего величия. Италия шлет в Россию первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из них драгоценные металлы».

Объем настоящей книги не позволяет здесь подробно передавать признаки подъема русского народа в этом периоде. Достаточно лишь перечислить следующие события этого царствования: усмирение Казани, взятие Новгорода, свержение монгольского ига, завоевание Твери, покорение Вятки, завоевание земли Арской, открытие печерских рудников, завоевание земли Югорской, Мценска, Брянска, Путивля, Дорогобужа и проч.

Для нас интересно только отметить два роковые года этого периода, отличающиеся в других государствах событиями, характерными для упадка. Это года 4 и 43 периода.

Первый из этих годов приходится в 1466 г. Под этим годом мы читаем в истории Карамзина: «Юный Иоанн должен был внутри государства преодолевать общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекла седьмая тысяча лет от сотворения мира по греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца мира. Эта несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества, менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию о независимости, думая, что все не надолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Язва, называемая в летописях железною, еще искала жертв в России. Если верить исчислению одного летописца, в два года умерло 250 052 человека. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы».

Что касается 43-го года, то в этому году (1505) на Россию сделал нападение Магмет-Аминь. Он умертвил несколько тысяч землевладельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Высланные против него московские воеводы худо исполнили свою обязанность, имея около 100 000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно. Это было восстание против России, так как Казань уже 17 лет считалась как бы Московской областью. Схватили великокняжеского посла и наших купцов, многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев, иных заточили в улусы ногайские, ограбили всех без исключения.

Последние 7 лет этого периода, 1505–1512 гг. царствовал Василий III.

Железный век, первая половина

УПАДОК. 1512–1562 гг

В первые 15 лет периода, когда еще не кончился подъем простонародья, т. е. от 1512 до 1527 г., русские войска не несут сплошных поражений, но и не одерживают над неприятелем непрерывных побед. То и другое перемежается. Например, в 1513 году, в войне с Литвой, русские войска перепились до пьяна и бежали. Другая битва с литовцами, последовавшая в том же году, решилась в нашу пользу. В 1514 году действия русских были настолько успешными, что был взят от Литвы Смоленск, но при Орше они же потерпели полное поражение. Виновниками указывали не простых солдат, а воевод, которые не хотели помогать друг другу. В 1517 году была снова победа над литовцами. Наконец, в 1524 году предпринимался неудачный поход на Казань. Время это отличалось также в отношении внешних дел необыкновенной склонностью нашего правительства к заключению союзов, что, вероятно, происходило от смутного сознания своей военной слабости. Такие союзы заключали или пытались заключить: с германским императором, с Турцией, с датским королем, с немецким орденом и с крымским ханом.

Самое наступление Железного века, как это бывает и в большинстве государств, не ознаменовалось никаким выдающимся общественным или политическим событием. В 1512 году замечена была только неслыханная дороговизна съестных припасов: люди умирали с голоду. Эта дороговизна продолжалась и далее. В 1515 году в Москве был сильный недостаток в хлебе, в 1525 году съестные припасы продавались там в 10 раз дороже обыкновенного. Кроме того летописцы жалуются на частые пожары. Среди правительственных распорядков бросались в глаза даже иностранцам сильные злоупотребления. Судьи за деньги кривили душой: богатый реже бедного оказывался виновным в тяжбах. Иностранцы жаловались также, что русские люди склонны к обманам в торговле, что лихоимство у них не считалось стыдом, ростовщики брали обыкновенно 20 %. «В Москве, — рассказывают иностранцы, — горожане толпились с утра до вечера на площадях, глазели, шумели, а

дела не делали».

Упадок простонародья, начавшийся в 1527 году, можно разделить на две равные половины, отличающиеся своим характером. Первые 25 лет до 1552 года войска несли непрерывные позорные поражения. В 1535 году в войне с Казанью казанцы и русские не хотели битвы и, пользуясь ночной темнотой, бежали в разные стороны. Далее войны уже совершенно прекратились. Россия была беззащитна. «Мы были, — говорят летописцы, — жертвою и посмешищем неверных: крымский хан давал нам законы, а царь казанский обманывал нас и грабил». Казанцы являлись толпами, жгли, убивали, брали в плен, так что один из летописцев сравнивает бедствия того времени с нашествием Батыя: «Батый прошел молниею через русскую землю, казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь христиан как воду. Беззащитные укрывались в лесах и в пещерах. Места бывших поселений заросли диким кустарником. Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения своих жен, сыпали горящие уголья в сапоги инокам и заставляли их плясать, оскверняли юных монахов. Кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезали нос и уши, отсекали руки и ноги. А правители государства хвалились своим терпением перед ханом, изъясняясь, что казанцы терзают Россию, а мы в угодность ему не двигаем ни волоса для защиты своей земли. Бояре хотели единственно мира и не имели его, заключили союз с ханом и видели бесполезность его».

Малый подъем Железного века, около 26 года, о котором было говорено выше, пришелся у нас в правление Ивана Бельского, самого симпатичного из бояр-правителей. В это время (1540–1542 гг.) произошло нашествие на Россию крымского хана Саип Гирея, действовавшего в союзе с Казанью, которое было блестящим образом отбито.

К описываемому времени относится происхождение донских казаков, которые образовались из белого простонародья и разбойников, искавших «дикой вольности» и добычи в опустевших улусах Батыевой орды.

Упадок интеллигенции того времени обнаружился в «боярских смутах». «Никогда Россия не управлялась хуже», находим мы у Карамзина. Бояре боролись между собою из-за власти, мстили друг другу и ни о чем более не заботились, как о собственной наживе. О наместниках во Пскове писали, например, что они «свирепствовали как львы», так что жители пригородов не смели ездить в Псков. В

Москве повторялись пожары, и был бунт черни. В самый конец этого периода в 1552 году в Свияжске открылась цынга, от которой умирало много народу. Там же между военными господствовал необузданный разврат, они «утопали в грехах Содома и Гоморы».

Следующий период начинается с 1552 года, когда прошла первая половина простонародного упадка, и началась вторая. Так же, как и везде, в эту вторую половину простонародье, направляясь снова в сторону подъема, дает в своей среде больший процент людей положительного типа, а это тотчас же отражается на состоянии армии. Действительно, с 1552 года начинается, во-первых, лучшая часть царствования Иоанна Грозного, а во-вторых — целый ряд военных успехов русской армии. В 1552 году последовало взятие и покорение Казани, в 1553–1557 годах покорение Астраханского царства, в 1559 году победы над Ливонским орденом, взятие Нарвы, завоевание Нейшлоса, Адежа, Нейгауза и Дерпта, в 1559 г. опустошение Ливонии и Курляндии, взятие Мариенбурга, в 1560 г. взятие Фелина и падение Ордена, в 1563 г. взятие Полоцка.

Железный век, вторая половина

УПАДОК. 1562–1612 гг

В течение 10 последних лет предыдущего периода среди русской интеллигенции, по-видимому, был небольшой подъем, который прекратился ровно в начале второй половины века. Вот почему Иоанн Грозный разделил в истории участь других государей, которым приходилось царствовать сначала во время подъема, а потом во время упадка, т. е. римского Тиберия, Адриана, и многим другим. У всех их находили перемену в характере, а именно появление подозрительности и жестокости.

Начало перемены в Иоанне историками относится к 1560 году, т. е. она случилась за два года до начала настоящего периода. Около того времени «бояре стали забавлять царя пирами, смеялись над старым обычаем умеренности, называли постничество лицемерием, трезвость и пристойность — непристойностью, трезвых осмеивали, унижали, лили им вино на голову…» и проч. В 1563 году последовала измена Курбского и его переписка с Иоанном.

В 1565 году — отъезд Иоанна в Александровскую слободу и отказ от престола. В том же году учреждена опричнина, и начались казни. Затем с этого времени признаки сильного упадка в среде русской интеллигенции не исчезают во весь период до 1612 года. В 1566 году — моровая язва, от которой умирало более духовных и граждан, чем людей воинских. В 1569–1576 голод и мор, в 1571 — нашествие крымского хана и сожжение Москвы. В 1577 — взятие Баторием Полоцка и Сокола, в 1581 — взятие шведами Нарвы, в 1582 — отобрание от нас Ливонии и уступка Полоцка и Велиша, в 1574 — разбои казаков, 1594 — мятеж в Москве, 1585 — заговор против Годунова, 1591 — убиение царевича Димитрия, пожар в Москве, 1600 — голод, при котором матери поедали детей своих и мясо человеческое продавалось на рынках. Кроме того летописцы говорят о разбоях, порочных нравах и суевериях. 1604 — появление Лжедмитрия, 1605 — убийство царя Феодора Борисовича Годунова и пр. и пр.

Повторять историю несчастной России за это время, называемое «смутным», нет надобности. Но для полноты картины приведем

свидетельство летописца о состоянии нашего отечества в самый разгар смутного времени, т. е. в самом конце Железного века.

> *«Казалось, что русские уже не имели ни отечества, ни души, ни веры, что государство, зараженное нравственною язвою, в страшных судорогах кончалось. Россию терзали более свои, чем иноплеменники. Путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши же изменники. Сердце трепещет от воспоминания злодейства. Там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убитых, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений. Святых юных иноков обнажали и позорили; лишенные чести, лишались и жизни в муках срама. Были жены, прельщенные иноплеменниками и развратом, но другие смертию избавляли себя от зверского насилия. Не было милосердия; всех твердых в добродетели предавали жестокой смерти, метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов, на глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях, грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Сердца окаменели, умы омрачились. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы — господами, чернь — дворянством, дворяне — вельможами. Гибли отечество и церковь: храмы истинного Бога разорялись, скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшались кони, пили из потиров, мяса стояли на дискосах, на иконах играли в кости, хоругви церковные служили вместо знамен, в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков и священников палили огнем, допытываясь их сокровищ, отшельников и схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали. Люди уступали свои жилища зверям, медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях, враны плотоядные сидели стадами на телах человеческих, малые птицы гнездились в черепах. Могилы как горы везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в дебрях, в лесах и в пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них осушиться. И леса не спасали, люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей, матери укрывались в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили до смерти. Не светом луны, а пожарами освещались ночи, ибо грабители жгли, чего не могли взять с собою, домы и*

все, да будет Россия пустынею необитаемою».

Эти картины не представляют собою чего-нибудь оригинального, единственного в своем роде. Прочтите описания Железного века в других странах, и везде найдете то же самое; это в полном смысле слова — ад на земле.

ЦИКЛ ТРЕТИЙ

Золотой век, первая половина

УПАДОК. 1612–1662 гг

В начале этого периода государство еще продолжали терзать враги внешние и внутренние. Новгород был в руках шведов, Смоленск — у поляков, в Астрахани засел Заруцкий. Внутри страны повсюду рыскали шайки разбойников, казаков и наездники Лисовского. Многие города лежали в развалинах, большинство сел и деревень выжжены и опустели, покинутые разбежавшимся населением. Крестьяне обнищали до последней степени, а с ними вместе обеднели служилые люди, помещики и дворяне. Порядка в управлении не было, должностные лица притесняли и без того уже разоренный народ. У всех ослабело чувство законности, справедливости и чести. Московские люди, по меткому выражению царицы, матери царя Михаила Феодоровича, «измалодушествовались».

Шведы возвратили Новгород и другие города, но зато взяли с русских контрибуцию и удержали за собою все захваченное ими прибрежье Финского залива, отрезав нас таким образом окончательно от Балтийского моря. Война с поляками шла вяло, в открытом поле русские уступали полякам, но хорошо отсиживались в городах.

В правительстве началось так называемое двоевластие. Михаил управлял государством с помощью отца — патриарха. Тогдашняя высшая русская аристократия занималась мелкими дворцовыми интригами и соблюдала свои личные выгоды, но не производила ни одного выдающегося талантливого человека. Писцы и дозорщики в большинстве случаев относились к делу недобросовестно; отовсюду шли жалобы на притеснения воевод и вообще администрации. Войско было так плохо, что нанято было несколько тысяч иноземных солдат. В войне с польским королем Владиславом в войске начались болезни, и поднялись раздоры. Война была позорная. Смоленск и Северская область оставались за поляками и кроме того им была заплачена контрибуция. В 1642 году почти все жаловались на крайне бедственное экономическое положение населения от лихоимства местной администрации и волокиты местных судов.

В начале царствования Алексея Михайловича боярин Морозов, фактический правитель государства, больше заботился о своих

выгодах, чем о пользе государства. Он окружал царя своими алчными и корыстолюбивыми родичами. Эти последние захватили в свои руки наиболее видные и доходные должности, допуская всякое лихоимство и неправый суд. В 1648 году народ в Москве поднял открытый мятеж, умертвил несколько нелюбимых чиновников и разграбил дом Морозова. Вслед за тем вспыхнули мятежи в провинциях: в Сольвычегодске и Устюге (1648), в Пскове и в Новгороде (1650).

Не надо забывать, что в этом периоде приходился Железный век русского простонародья. Это отразилось прежде всего на финансах государства. Они были так плохи, что правительство пыталось пускать в оборот медные деньги вместо серебряных. Кроме того лица, заведовавшие чеканкой монеты, делали деньги себе и дозволяли делать то же самое другим людям за взятки. Рядом с этим развилась тайная подделка денег. Все вздорожало. В народе поднялся страшный ропот, который перешел в 1662 году в открытый мятеж. Далее последовал знаменитый бунт Стеньки Разина, и грабеж шайками его как своих, так и чужих. В этом мятеже, по словам современников, погибло свыше 100 тысяч народу. После того свирепствовала шайка казаков под предводительством Васьки Уса. Одновременно с этим возникли волнения на религиозной почве; появился так называемый раскол. В расколе принимали участие не только крестьяне, но и интеллигенция в лице духовных и светских лиц. Потом началась распря между патриархом Никоном и царем.

Неудачны в это время были и войны со шведами и поляками. Русские заняли несколько городов, принадлежавших шведам, и осадили Ригу, но не смогли ее взять. Война затянулась, и в конце концов (1661) шведам были возвращены все наши завоевания. Польская война также была неудачна; завоеванные города снова перешли во власть Польши.

В то же время в среде русской интеллигенции началась роскошь: царь и бояре стали ездить в иноземных каретах, украшать комнаты часами, картинами, мебелью, самые дома стали строить по-новому, по-заграничному, с большими просторными комнатами и проч.

Золотой век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1662–1712 гг

В этом периоде Алексей Михайлович оставался 14 лет на престоле, и потому подъем русской интеллигенции приходится на конец его царствования. Из числа ее выделились такие люди, как Ртищев, который выписал на свой счет из Киева до 30 ученых русских монахов, Ордин-Нащокин, который еще в детстве выучился немецкому и латинскому языку, приобрел широкое по тому времени образование и знал даже математику. Этот последний в качестве правительственного деятеля учредил заграничную почту; по его же мысли заведены были куранты, т. е. рукописные газеты для царя. Ордин-Нащокин много хлопотал также о преобразовании войска и поставил посольский приказ на европейский лад. Боярин Матвеев, живший в то время, любил заниматься чтением и даже сам писал исторические заметки. Он устраивал у себя собрания для бесед и изящных развлечений.

Вообще, в русском обществе того времени внедрялись новые порядки, намечалась программа преобразований всего внутреннего строя русской жизни. Наставником царских детей был приглашен знаменитый Симеон Полоцкий, который известен многочисленными и разнообразными сочинениями.

О самом Алексее Михайловиче сохранились весьма лестные отзывы современников, как об одном из лучших русских людей: хвалят его ум и характер.

При царе Феодоре Алексевиче подъем продолжался. Прекращено было четвертование преступников; запрещалось сравнивать царя с Богом; отменен обычай слезать перед царем с коней и кланяться в землю; уничтожено местничество; учреждена Славяно-греко-латинская академия и проч. О царствовании Петра Великого уже и говорить нечего: вряд ли кто усомниться в тогдашнем подъеме русского народа. Надо только заметить, что и при этом государе продолжался упадок простонародья, что выразилось, во-первых, в бунтах, продолжавших волновать русский народ, во-вторых — в плохом состоянии финансов, и в-третьих — в неуспехе первых военных действий Петра. Только в 1709 году, т. е. за три года до

конца периода, Петр мог нанести серьезное поражение неприятелям, почему Полтавский бой и называется «воскресением Руси».

Серебряный век, первая половина

УПАДОК. 1712–1762 гг

Петр Великий захватил первые 13 лет этого периода, а потому, несмотря на его блестящее царствование, мнения историков об этом императоре далеко не одинаковы. В то время как одни не хотят видеть в его царствовании ничего, кроме его преобразовательной деятельности, другие называют его жестоким, тираном и проч. К концу царствования Петра между прочим относится столкновение его с сыном, несчастным царевичем Алексеем. Следствие по этому делу открыло, что на стороне Алексея была целая партия ревнителей старины и лиц, не сочувствовавших реформам Петра, в числе которых называли даже сестру Петра, царевну Марию Алексеевну.

Со смертью Петра затихает кипучая преобразовательная деятельность. «После чрезвычайного напряжения общественных сил, — говорят историки, — наступает своего рода передышка». Заметная для постороннего глаза жизнь сосредотачивается при дворе и проявляется в целом ряде дворцовых интриг, переворотов, в возвышении и падении временщиков и фаворитов. По вопросу о престолонаследии после Петра I сразу же обозначились две партии: одна за сына его, царевича Алексея, а другая за Екатерину I.

Перед смертью этой императрицы снова возник раздор по поводу престолонаследия. Верховники перессорились между собою. Меньшиков руководился своими личными расчетами, а недовольных подверг ссылке; «врагов у него было больше, чем волос на голове».

При Петре II в России свирепствовала страшная оспа, от которой умер и сам император. В его царствование «центральное правительство ни в чем не проявило своей деятельности».

При Анне Иоанновне была даже неудавшаяся попытка ограничить самодержавие русских государей, разделившая русскую интеллигенцию на две враждебные партии. В царствование этой государыни при дворе «царила азиатская роскошь», и постоянно устраивались стоившие громадных денег балы, «машкарады», спектакли и проч., причем более заботились о пышности, чем об изяществе. Вкусы самой Анны Иоанновны и ее увеселения носили довольно грубый, а иногда даже жестокий характер. Между прочим

она очень увлекалась псарнями, травлей и зверинцами. Своей безвкусной роскошью и расточительностью русский двор того времени стремился перещеголять или, по крайней мере, сравняться с наиболее пышным из европейских дворов — французским… Вслед за двором втянулась в непосильную роскошь и высшая знать столицы, а за нею и провинциальное дворянство.

При Анне Иоанновне во главе правительства стала немецкая партия. Президентами коллегий назначались немцы, во главе армии были немцы, делами высшего управления заведывали также немцы. Это было господство знаменитой Бироновщины. Временщик Анны Иоанновны, Бирон, презирал все русское и эксплуатировал страну в целях личной наживы, обманывая на каждом шагу императрицу. Он пустил в ход систему доносов и репрессий; шпионы временщика рассеялись по всему государству и везде раздавалось грозное «слово и дело».

Война с Турцией была неудачна: болезни в войске воспрепятствовали утвердиться в Крыму. Пропали даром громадные жертвы деньгами и людьми (от ран и болезней погибло до 100 тысяч). Миних не щадил солдат в битвах и при штурмах. Экономическое положение страны после войны ухудшилось еще более. Невзирая на все строгости, недоимок на населении числилось несколько миллионов рублей, и надежды на их взыскание «не обреталось».

При Иоанне VI Бирон был арестован, и среди гвардии образовалось движение для устранения немецкой партии. В 1741 году отряд гренадер арестовал Иоанна VI, его мать и отца, а на престол была посажена Елизавета Петровна.

В правление этой государыни произвол и притеснения помещиков, неправосудие воевод, у которых крестьяне напрасно искали управы, служили источником внутренних волнений в государстве. Крестьяне мстили возмущениями против помещичьей власти и разбойничьими шайками. Правительство нередко посылало для истребления их воинские команды, но при обилии лесов и трудности сообщений тяжело было бороться с разбоями, и они повсюду были обычным явлением. На пустынных берегах Волги были рассеяны «воровские притоны» с «атаманами» во главе, между крестьянами там и сям вспыхивали волнения.

В высших слоях общества началось подражание произведениям французской литературы, преимущественно ложно-классической. Во главе этой школы стоял Сумароков.

Дома и комнаты вельмож стали украшаться статуями, картинами

знаменитых художников, дорогой заграничной мебелью. Та же роскошь царила и в одежде; где появилось, в противоположность старинной неизменяемости одежды, стремление к постоянным переменам или так называемым модам. В роскоши и разнообразии костюмов давала тон сама императрица, в туалете которой числилось свыше 10 тысяч платьев. Жили так расточительно, что, например, Петр Шувалов имел до полумиллиона в год доходов и однако оставил после себя долги.

Русские войска принимали тогда участие в Семилетней войне. Фельдмаршал Апраксин внезапно отступил к русской границе, ссылаясь на недостаток продовольствия, за что был отдан под суд вместе с Бестужевым-Рюминым. В битве с пруссаками при Цорндорфе русские потеряли вдвое более людей, чем их противники. Салтыков нанес поражение пруссакам, но после того писал в Петербург, что еще одна такая победа и ему придется вернуться домой одному.

Петр III окружил себя голштинской гвардией, а русских гвардейцев презрительно называл «янычарами». Составился против него заговор, и в самый год окончания периода (1762) император был арестован, а на престол вступила Екатерина II.

Рассмотренный нами период замечателен тем, что престол занимали почти исключительно одни женщины: Екатерина I (1725–1727), Анна Леопольдовна (1741) и Елизавета Петровна (1741–1762). Но такое явление не исключительное в истории, так как вообще можно заметить, что в большинстве государств женщины чаще всего царствуют именно в первой половине Серебряного века. Позже мы приведем этому больше примеров, а теперь укажем только на первый наш русский исторический Серебряный век (первую половину), когда Россией правила княгиня Ольга.

Серебряный век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1762–1812 гг

В этом периоде царствовали Екатерина II (1762–1796), Павел I (1796–1801) и Александр I (1801–1812). Что этот период был действительно подъемом, а не упадком, свидетельствуют завоевания, сделанные Россией, знаменитые походы Суворова, непобедимость русской армии, быстрое движение в сторону просвещения, многочисленные реформы, множество талантливых людей во всех отраслях общественной и государственной деятельности и, наконец, могущество русского народа в войне с Наполеоном I в 1812 году, когда Россия являлась вершительницей судеб целой Европы.

Но нельзя конечно сказать, что этот подъем был безукоризненным во всех отношениях. Во-первых, в первые 15 лет его был конец Железного века простонародья. К числу явлений этого упадка надо отнести и мятеж в Москве в 1771 году, соединенный с убийством архиепископа Амвросия, и Пугачевщину, закончившуюся в 1775 году, тогда как теоретически конец этого упадка приходится в 1777 году.

Далее, в этом периоде всегда и у всех народов случается упадок интеллигенции в середине периода ближе к его концу. Здесь мы видим такой упадок в царствовании Павла I. Упадок этот был настолько силен, что в 1801 году дошел до цареубийства.

На 43 год периода (1805 г.), когда постоянно наблюдается упадок, у нас была битва с Наполеоном под Аустерлицом в союзе с австрийцами. Союзные войска были разбиты Наполеоном, и сами императоры, русский и австрийский, спаслись с большим трудом при отступлении войск.

Медный век первая половина

УПАДОК. 1812–1862 гг

Александр I (1801 до 1825 г.) так же, как и Адриан в Риме, половину своей жизни провел в периоде подъема, а другую в периоде упадка, и потому в характере этого государя так же, как и в характере Адриана, современники замечали значительную перемену. Про Александра I пишут, что во вторую половину своего царствования он вдался в усиленную религиозность и во всех событиях видел руку промысла, а себя считал его невольным орудием. Настроение его приняло религиозно-мистический характер. Последние годы Александра I отмечены не только полной приостановкой преобразовательной деятельности, но и рядом мер чисто реакционного характера, что «стояло в связи с переменой самого общества». Александр не только разочаровался в отдельных лицах, но и в целых народах. Недоверчивый и подозрительный к людям и смолоду, Александр под конец царствования совсем разочаровался даже в самых ближайших своих сотрудниках. «Меня, — говорил он с горечью, — окружают эгоисты, которые пренебрегают добром и интересами государства, заботясь лишь о личных выгодах и своем возвышении». Он сделался необычно задумчивым и мрачным и обнаружил склонность к уединению.

В первые 15 лет, когда продолжался еще подъем простонародья, Россия вела довольно удачные войны с Персией и Турцией. Война с Персией (1826–1828 гг.) кончилась присоединением к России ханств Эриванского и Нахичеванского. В турецкой войне в самый год окончания 15-летнего периода (в 1827 г.) была одержана победа над турками при Наварине. Дальнейшие же успехи войны были сомнительны, потому что подъем простонародья уже кончился. Пишут, что Россия имела тогда некоторые успехи только благодаря сильному численному перевесу своих войск. Но осада Шумлы затянулась, взятие же ее штурмом представлялось невозможным. А в окончательном результате войны, из всех своих завоеваний Россия удержала только восточное побережье Черного моря.

Одним из самых характерных признаков упадка того времени была так называемая Аракчеевщина с ее неудачными попытками

устроить военные поселения, с ее суровой дисциплиной и с бунтами, бывшими ее последствием.

С началом упадка в России еще при Александре I была усилена цензура и обращено особенное внимание на то, чтобы «истинное христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов». Едва не был закрыт Казанский университет, а в других университетах был введен целый ряд стеснений для деятельности профессоров, которым предложено было читать лекции по определенным программам и в церковно-библейском духе. В великосветских гостинных Петербурга свили себе гнездо отцы-иезуиты, квакеры и мистики разных сортов и наименований. Против них образовалась сильная оппозиция, действовавшая во имя православия и преданий родной страны. А в противовес этому религиозно-консервативному течению, в интеллигентном обществе возникло глухое брожение с явно политическим оттенком. Политические партии стремились к проведению конституционной или даже республиканской формы правления.

Русские офицеры в 1816 году образовали «Союз спасения», который потом обратился в «Союз благоденствия», а этот последний распался на Северный и Южный союзы, разошедшиеся по своей программе. В конце концов все это брожение разразилось так называемым бунтом декабристов.

При Николае I на первый план выступила деятельность исключительно охранительная, направленная к ограждению России от западно-европейских революционных влияний. Порча государственной системы управления сказалась в эту эпоху в том, что количество «дел» возросло до неимоверных размеров и в высшей степени затруднило деятельность главных начальников разных ведомств. Николай I пришел в ужас, когда узнал в начале своего царствования, что от предыдущей эпохи осталось только по министерству юстиции свыше двух с половиной миллионов нерешенных дел, и 127 тысяч подсудимых томились в тюрьмах. Но когда снова, уже в половине своего царствования, Николай I навел справки о количестве нерешенных дел по тому же министерству юстиции, то оказалось, что число их превышало в полтора раза прежнюю цифру, а самый объем дел разросся по крайней мере в десять раз против прежнего.

Вместе с упадком государства падали и его финансы. К концу царствования Александра I курс ассигнаций упал до 25 к., т. е. ассигнационный «бумажный» рубль сравнительно с серебряным

сделался вчетверо дешевле.

В период упадка всегда бывают восстания. На этот раз восстание произошло в Польше в 1831 году. В этом же году в России, особенно в Москве и Петербурге, со страшной силой свирепствовала холера, от которой умер и Константин Павлович.

В 1849 году был предпринят венгерский поход, который, не принеся нам каких-либо прямых и осязательных выгод, сильно возбудил против нас европейское общественное мнение, что и послужило толчком для соглашения держав против России, выразившееся в несчастной Севастопольской войне.

Медный век, вторая половина

ПОДЪЕМ. 1862–1912 гг

Этот период начался целым рядом внутренних реформ в царствование Александра II. Первая и самая важная из них — уничтожение крепостного права — последовала в 1861 году, т. е. только за год до начала периода. Подъем обнаружился в сильном приросте населения, в развитии торговли и промышленности, в огромном расширении железнодорожной сети, в увеличении личной безопасности, в распространении просвещения в более широких кругах населения, чем в предыдущем периоде, в завоевании Кавказа и средне-азиатских владений, в благополучной сравнительно с Севостопольской, войне с Турцией 1877-78 гг., окончившейся приобретением новых территорий от Турции, и проч.

Но в общем подъем этот невысок в сравнении с другими, что, впрочем, вполне нормально для Медного века. Хотя внутреннее спокойствие страны не нарушалось крупными восстаниями, кроме польского, легко потушенного в самом начале периода, но полного спокойствия внутри интеллигентного общества все-таки не было. Печать разделялась на партии, которые враждовали между собою; возникало много политических процессов, были демонстрации, покушения на жизнь государя и даже цареубийство. Крупных эпидемий не было, но мелких и местных, а также голодовок и пожаров было достаточно. На пьянство и нищету низших классов особенно городского населения жалобы не переставали раздаваться в течение всего периода.

Два роковых года этого периода, отчетливо обозначившиеся признаками упадка, а именно 4 (1866 г.) и 43 (1905 г.) выразились: 4 — первым покушением на жизнь императора Александра II, а 43 — «освободительным» движением и неудачной японской войной.

Наступающий Железный век

УПАДОК. 1912–2012 гг

Таким образом через два года, т. е. в 1912 году мы вступаем в Железный век, а наше простонародье будет доживать свой Серебряный век до 1927 года. В чем выразится такая перемена, можно видеть приблизительно из тех примеров Железного века, которые приведены выше. Читателям остается только наблюдать действительность и сверять с нею данные истории.

Для ближайшего к нам времени можно с большой вероятностью предсказать: постоянное вздорожание всех предметов первой необходимости и в особенности съестных припасов, которое будет усиливаться с каждым годом. В результате его последует расстройство финансовой системы и задолженность всех слоев общества, а особенно городских жителей и интеллигенции. Промышленные и торговые учреждения будут банкротиться одни за другими и прекращать свою деятельность или переходить в руки иностранцев. В результате таких явлений начнутся голодовки, особенно среди беднейших классов городского населения. Несмотря на помощь со стороны правительства и частную благотворительность, множество народа будет умирать от голода и от тех эпидемий, которые обыкновенно сопровождают голод. Голодная чернь, доведенная до отчаяния не правительством, как у нас теперь думают, и не кем-либо из людей, а роковым процессом вырождения, будет искать мнимых виновников своего несчастия и найдет их в правительственных органах, в состоятельных классах населения и в евреях в западном крае. Начнутся бунты, избиения состоятельных и власть имеющих людей и еврейские погромы. Провинции, населенные инородцами, воспользуются этими замешательствами и будут поднимать то здесь, то там знамя восстания, но все эти попытки нарушить целость государства успеха иметь не будут раньше 1927 года, т. е. пока не придет к концу подъем простонародья.

Внешние враги также будут пользоваться нашими внутренними замешательствами и попытаются отобрать от нас часть территории. Может быть они иногда и будут иметь удачу, но потери наши опять-таки до 1927 года будут незначительны. В войнах наших будут

чередоваться победы с поражениями, и результаты их будут нерешительны.

Во все остальном мы будем с каждым годом склоняться все более и более к упадку, и ничто не остановит этого могучего естественного процесса, невыразимо тяжкого и убийственного для нас и нашего ближайшего потомства, но необходимого и благодетельного для дальнейших поколений. Мы будем продолжать наше падение умственное, нравственное и физическое и беспощадно всеми мерами разрушать наше государство и истреблять друг друга. Во всем этом до 1927 года пальма первенства будет принадлежать интеллигенции и городским классам населения.

Все практикуемые в настоящее время попытки остановить или задержать усиливающийся мрак, невежество, преступность, пьянство, самоубийства, разврат, нищету и прочие естественные признаки упадка будут так же жалки и безуспешны, как попытки африканских дикарей стрельбой из ружей, битьем в заслонки и всяким шумом остановить затмение луны. В своих неудачах мы будем обвинять друг друга, избивать воображаемых противников прогресса и тем бессознательно исполнять закон природы, требующий беспощадного взаимоистребления.

Но все наши беды будут только постепенным переходом от теперешнего сравнительного благополучия к тем ужасам, которые наступят с 1927 года, когда с вырождением простонародья придет в полную негодность фундамент нашего теперешнего спокойствия, наша армия. На войне она с самым усовершенствованным оружием в руках будет позорно бежать при появлении неприятеля, а в мирное время бунтоваться, требовать себе разных льгот и грабить мирное население.

Самое тяжкое время для нашего государства будет от 1927 до 1977 года (первая половина Медного века у простонародья). В это полустолетие надо ожидать всеобщую нищету, отделение завоеванных провинций, эпидемии, уносящие десятки и сотни тысяч жертв, уменьшение населения, революции и междоусобные войны; возможно даже раздробление государства на мелкие части. Среди этого непрерывного упадка будут две коротенькие передышки в виде слабых подъемов около 1938 г. (26 год периода) и около 1952 г. (40 год периода).

После 1977 года последует облегчение в финансовом отношении, так как наступит вторая хорошая половина Медного века у простонародья. Денег у правительства и у правящих классов будет

много, и тогда-то их охватит настоящий ураган безумной роскоши и мотовства.

Между 2000 годом и 2012 надо ожидать периода полной анархии, соответственной блаженной памяти «Смутному времени», которым и закончится текущий исторический цикл.

Так как вслед за тем наступит Золотой век и его худшая половина, то настоящего подъема при нормальном течении общественной болезни не будет до 2062 года. Но если болезнь примет нормальное течение, то подъем будет в течение около 15 лет после 1977 года. Но не дай Бог такого несвоевременного подъема, потому что он предвещал бы нам почти сплошной упадок в течение всего следующего цикла, и, следовательно, России угрожала бы судьба древней Римской империи.

Участь, которая предстоит русскому народу в ближайшем будущем, конечно печальна и при наших современных знаниях совершенно неустранима, а потому лучше бы было совершенно не знать ее. Но к счастию вместе с законами исторических циклов для нас открылась истинная причина вырождения и безошибочное средство к его устранению. В наших руках есть верное средство, уже испытанное и указываемое нам самою природою, обратить Железный век в Золотой. Но об этом мы поговорим в отдельной книге, которая последует вскоре за настоящей.

Андрей Николаевич Савельев

РЕЦЕНЗИЯ

На проект издания книги «Русская расовая теория до 1917 года»

Проект издания вышеозначенной книги носит поистине уникальный характер, не имеющий аналогов в современной научной публицистической литературе, так или иначе затрагивающей проблемы естественных различий между народами, которые в значительной мере предопределяют также и многие социально-политические процессы в современном мире. Последнее обстоятельство делает данный проект чрезвычайно актуальным.

В самом деле, сегодняшнее поручение Президента, связанное с подготовкой пакета законов по урегулированию внутренней и внешней миграции в Российской Федерации, требует выяснения причин часто возникающей некомплиментарности между этносами — представителями коренного населения и мигрантами. Такого же рода проблемы возникают и в государственном строительстве России, которое сталкивается с противодействием гражданскому единству со стороны этно-сепаратистских группировок.

Сборник статей русских дореволюционных авторов вскрывает доселе неизвестный научной общественности пласт исследований и методологических подходов. В этом смысле он является также и памятником русской интеллектуальной культуры, отражением величия достижений отечественной научной культуры, которое по своей мощи сравнимо с достижением ведущих европейских мыслителей, на которых принято ссылаться в серьезной научной литературе. Отрадно, что с осуществлением проекта издания книги, русские авторы по праву войдут в состав признанных научных авторитетов в данной области.

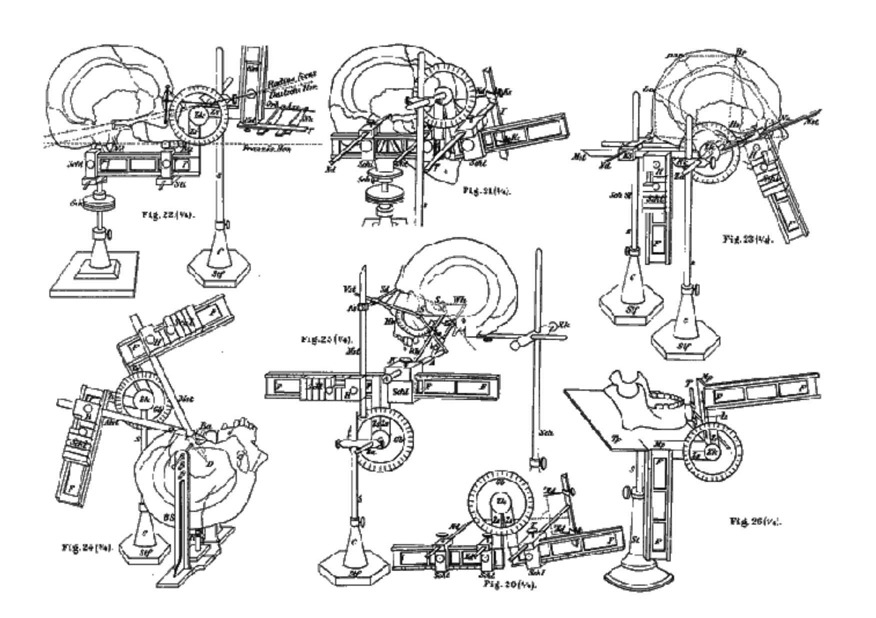
К этому также следует добавить, что во времена Российской Империи государственная власть с большим вниманием относилась к антропологическим и расовым исследованиям, понимая важность проникновения в тайну природы человека. Увы, в последующие годы

наработанный опыт, во многом предопределявший нашу государственную стабильность, был утрачен. Его восстановление в современных условиях становится важнейшей задачей.

В моей собственной научной и преподавательской практике ссылка на работы, вошедшие в сборник, будут важным подспорьем и позволят продолжить целый ряд направлений исследовательской деятельности, отчасти обозначенных автором дважды переизданного сборника «Расовый смысл русской идеи. Выпуск I». Данная книга вызвала также большой интерес в научном мире и среди заинтересованного данной темой широкого круга читателей. Я горжусь, что совместно с В. Б. Авдеевым участвовал в подготовке и редактировании данной книги. Думаю, что «Русская расовая теория до 1917 года» станет органичным продолжением лишь обозначенных на сегодняшний день направлений научных наработок, а в дальнейшем — важным методологическим подспорьем.

Следует особо отметить, что предлагаемое издание вовсе не является скучным академическим справочником. Русские ученые умели писать емко, образно, на замечательном русском языке. Поэтому издание, бесспорно, привлечет к себе внимание не только узких специалистов, но будет также интересным для всех, кто интересуется русской историей, русской мыслью, русской культурой. Тому же будет способствовать большой количество иллюстративного материала.

Возможные сомнения по поводу расовой тематики, часто возникающие у неспециалистов, связано с неправомочным отождествлением расовой науки с расовой нетерпимостью. По поводу планируемой к изданию книги можно сказать, что ее материал полностью соответствует законодательным ограничениям в данной сфере и даже способствует лучшему пониманию различий между людьми, забвение которых как раз зачастую и приводит к кровавым конфликтам.

Fig. 22 (¼). Fig. 21 (¼). Fig. 23 (¼). Fig. 25 (¼). Fig. 24 (¼). Fig. 26 (¼). Fig. 20 (¼).

Приложения

Владимир Авдеев

СОЗДАТЕЛЬ РАСОВОЙ ТИПОЛОГИИ И. Е. ДЕНИКЕР

Под расовой теорией сегодня принято понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке гуманитарных и естественных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих. Все обилие фактов, накопленных антропологией, биологией, генетикой, психологией и смежными дисциплинами о врожденных расовых различиях народов, проецируется на сферу их духовной жизни. В каждом историческом явлении расовая теория стремится выделить биологическую первопричину, его вызвавшую, то есть наследственные различия представителей различных рас. В свою очередь различия биологического строения ведут к различиям в поведении, а также к различиям в оценке явлений. Таким образом, расовая теория — это наука, изучающая биологические факторы мировой истории.

В основе расовой теории лежит понятие расы, которое было привнесено в европейскую науку в 1684 году французским этнографом и путешественником Франсуа Бернье (1625–1688). На протяжении двух столетий не существовало четкого и однозначного определения этого термина, ибо ученые смешивали сугубо биологические параметры с лингвистическими и этнографическими, из-за чего постоянно возникала путаница, а народы, имеющие одинаковый внешний облик и психические характеристики, записывались в различные расы на основе данных этимологии или выводов сравнительной лингвистики. Нередко народы, не имеющие между собой ничего общего в плане физического строения, бывали отнесены к одной расе только на основе языковой общности. Эти противоречия и неточности в систематизации дорого обошлись адептам расовой теории, ибо скомпрометировали всю науку в целом. В результате отождествления «народа» и «расы» возникли совершенно абсурдные словосочетания, такие как «тевтонская раса», «германская раса», «славянская раса».

Положение исправил русский ученый французского происхождения, Иосиф Егорович Деникер (1852–1918), когда в 1900 году издал книгу «Человеческие расы» на французском и русском языках. Именно в этой научной монографии, которая до сих пор считается эталоном систематизации естественнонаучной информации, впервые были сформулированы основные антропологические принципы оценки различий между человеческими расами. В антропологии возникла расовая типология, благодаря чему классификация человеческих рас приобрела современный четкий вид. Исчезли разночтения, а использование сугубо антропологической терминологии приобрело более строгий научный характер.

Будущий корифей расологии Иосиф Егорович Деникер родился в Астрахани 22 февраля 1852 года (по старому стилю). Родители его купеческого звания, по происхождению французы, покрестившие мальчика в православие, о чем свидетельствует его отчество. Общеизвестно, что это автоматически делало его подданным Российской империи. Первоначальное образование И. Е. Деникер получил в Астраханской, Саратовской и Московской гимназиях. Выдержав экзамен на аттестат зрелости в 1869 году, он поступил на химическое отделение в Санкт-Петербургский технологический институт, который окончил в 1873 году, получив квалификацию технолога первого разряда. С целью изучения нефтеносных источников И. Е. Деникер осуществил экспедиции по Закавказью, Крыму, а также по южному, персидскому берегу Каспийского моря. Затем начинаются его путешествия в центральную Европу и Италию для пополнения знаний. В Париже в Музее Естественной истории он вначале занимается химией, а затем ботаникой. С 1879 года молодой ученый начинает уплотненное изучение антропологии под руководством самого профессора Поля Брока (1824–1880), предпринимает поездки в Тироль, Далмацию, Черногорию и восточную Италию, с целью антропологического измерения местного населения. В 1880 году он поступил на естественноисторический факультет в Сорбонну, где пополнил свои познания в области геологии, ботаники, зоологии, а летом 1881 года работая на зоологической станции в Бретани. В 1882 году И. Е. Деникер сдал специальный экзамен по антропологии и начал работать в лаборатории Музея Естественной истории под руководством профессора Армана де Катрфажа (1810–1892) и в Антропологической школе у профессора Поля Топинара (1830–1911), параллельно с этим углубляя свои познания в зоологии и сравнительной анатомии.

И вот наконец в 1886 году Иосиф Егорович защитил диссертацию в Сорбонне на степень доктора наук по зоологии (анатомия и эмбриология антропоидных обезьян).

Одновременно И. Е. Деникер не покидал своих занятий по изучению иностранных языков и составлению научных библиографий. В 1887 году он сдал экзамен на очень почетное звание университетского библиотекаря и 1888 был назначен на должность главного библиотекаря в Музее Естественной Истории в Париже.

Кроме того, он состоял членом совета Французского Зоологического общества, членом Парижских Антропологического и Географического обществ, членом общества Народных Преданий в Париже, непременным членом Общества Любителей Естествознания в Москве и членом-корреспондентом Итальянского Антропологического общества.

Но не эта репутация обессмертила имя И. Е. Деникера во всемирной науке. Обладая огромной эрудицией и профессиональной подготовкой в области нескольких естественных наук, он первым начал заниматься составлением расовых классификаций на основе систематизации данных антропологии, этнографии, эмбриологии и сравнительной анатомии. Мало того, в своих исследованиях он использовал новейшие по тем временам идеи эволюционной теории. В 1886 году И. Е. Деникер получил главную премию имени Брока за сочинение по эмбриологии антропоидных обезьян, а к 1889 году относится его первое сочинение, посвященное новейшим принципам составления классификации человеческих рас.

Одна из первых классификаций рас в Европе была создана гениальным шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем (1707–1778) в 1746 году. Известный немецкий антрополог Иоганн Блюменбах (1752–1840) существенно расширил ее. К концу XIX века были созданы уже десятки различных вариаций, причем в некоторых из них число рас доходило уже до нескольких сотен, в связи с чем понятие расы сделалось нечетким. Кроме того лингвисты, этнографы и религиоведы, обсуждавшие проблему происхождения ариев, внесли существенную путаницу тем, что методы и принципы гуманитарных наук перенесли на естественные науки.

В 1900 году на русском и французском языках появилась большая сводная монография Иосифа Егоровича Деникера «Человеческие расы», в которой впервые в научной практике был применен новый синтетический принцип классификации: «Что касается классификации рас, то для нее принимаются в расчет одни только

физические признаки. Путем антропологического анализа каждой из этнических групп, мы попытаемся определить расы, входящие в ее состав. Затем, сравнивая расы друг с другом, будем соединять расы, обладающие наибольшим числом сходных признаков, и отделять их от рас, обнаруживающих наибольшие с ними различия».

Под расой Деникер четко понимал «соматологическую единицу», и с идеализмом в антропологии таким образом было покончено. Вся книга по сути и посвящена отделению друг от друга этнографии и антропологии, которые автором определяются как явления различного порядка: первое — социологического, и второе — биологического. Он пишет: «Несколько лет тому назад я предложил классификацию рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвете кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

И. Е. Деникер по сути первым встал на позиции жесткого и последовательного биологического детерминизма в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он подчеркивает: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь соотношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

Определив расу как «соматологическую единицу», Деникер заложил основы расовой типологии, которая без существенных изменений просуществовала до наших дней. Ему повезло, потому что его вклад в науку был признан сразу же и почти всеми. В том же 1900 году вышла в свет книга известного американского географа Уильма Рипли «Расы Европы», в которой тот давал свой вариант классификации рас, основанный на новом синтетическом принципе обобщения физических признаков. Однако даже крупнейший английский антрополог сэр Артур Кис (1874–1942), не позволив себе впасть в узко англосаксонский шовинизм, поддержал классификацию русского ученого. Он писал позднее: «Время показало, что Деникер был ближе к истине, так как первым разработал анатомическую сторону антропологии». Другой английский антрополог Альфред Хэддон (1855–1940) писал, что «его книга „Человеческие расы“ представляет собой лучшее систематическое изложение наук о человеке, она содержит массу информации, изложенную сжато и ясно, изобилует ссылками и множеством великолепных иллюстраций». Американский ученый Отто Клинеберг (1899–?) в работе «Расовые различия» (1935) также считал необходимым подчеркнуть: «Никто

еще не смог до Деникера создать такую расовую классификацию, в которой бы использовалась комбинация признаков, таких, как структура волос, цвет кожи, цвет глаз, форма носа и другие, что позволило сократить количество известных рас до семнадцати, и двадцати одной подрасы, в то время как предыдущие исследователи, основываясь на классификации по отдельным признакам, называли различное их число от трех до трехсот».

Именно с момента признания вклада И. Е. Деникера в науку в антропологической литературе прочно укореняется понятие антропологический тип, постоянный и неизменный, раз и навсегда данный, и не подверженный влиянию среды. Исторически сложившаяся комбинация антропологических типов являет собой продукт социального развития — этнос, и тот тип, который доминирует, впоследствии формирует физический и духовный облик каждой национальной общности. Это правило было прочно усвоено и стало базовым для расовой теории.

Но И. Е. Деникер сделал и еще одно важнейшее открытие, оцененное позднее, однако весьма сильно повлиявшее на становление некоторых политических тенденций XX века. Он поставил точку в споре об арийцах, который к тому времени достиг своей кульминации, для чего ввел новый термин, принципиально не имеющий ничего общего с романтическими концепциями лингвистов: «Длинноголовую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать нордической, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76–79); кожа розовато-белая; лицо — удлиненное; нос — выдающийся прямой». Терминологическая некорректность в расовой теории закончилась, термин арийцы плавно отошел в сферу культурологии, социологии и религиоведения: «Не может быть и речи об арийской расе, а позволительно говорить только о семье арийских языков и пожалуй, о первобытной арийской цивилизации».

Позднее термин «нордический» сделался центрально значимым в идеологической доктрине Третьего Рейха, однако даже немецкие расологи добросовестно подтвердили приоритет его создания русским ученым. Так, Ганс Ф. К. Гюнтер (1891–1968) в фундаментальной работе «Нордическое мировоззрение» открыто указывал, что это базовое понятие «впервые ввел русский расовый теоретик Деникер». Другой крупный немецкий авторитет в означенной области Вальтер

Шейдт (1895–?) свою книгу по систематизации терминологии назвал «История антропологии от Линнея до Деникера». Австрийский расовый специалист Эрих Фегелин (1901–?) в книге «Раса и государство» подчеркивал, что термин «нордическая раса впервые введен Деникером».

Лучшие представители расологии взяли на вооружение не только применение этого термина, но и всю логику доказательств Деникера. Так Ганс Ф. К. Гюнтер в книге «Расовые элементы в истории Европы» давал пояснение совершенно в том же духе: «В филологии раньше словом „арийский“ обозначали индоевропейские языки; сегодня этот термин обычно используется лишь применительно к индоиранской ветви этой языковой семьи. В начале расовых исследований иногда называли белую расу арийской; позже арийцами стали называть народы, говорящие на индоевропейских языках, и, наконец, нордическую расу. Сегодня термин „арийский“ вышел из научного употребления и использовать его не рекомендуется, особенно с тех пор, как он стал ходовым среди профанов в порядке противопоставления „семитам“. Но от термина „семиты“ антропология тоже отказалась, так как на семитских языках говорят народы самого различного расового происхождения».

Таким образом все мировое сообщество антропологов признало И. Е. Деникера создателем расовой типологии — научно-методической основы расовой теории. После опубликования книги «Человеческие расы» авторитет русского расолога вырос во всем научном мире настолько, что его официально признали лидером Французской антропологической школы, так как к этому времени он постоянно жил и работал во Франции. С 1910 года он стал редактором «Бюллетеня Антропологического Общества», издававшегося в Париже, где опубликовал несколько новаторских работ по пигментации европейского населения, а также очерки об «экзотических расах». Альфред Хэддон, сам наблюдавший процесс работы Деникера, впоследствии писал, что «это выглядело как чудо, ибо он писал исследования по эмбриологии человекообразных обезьян, и тут же легко переключался на исследования чукчей, калмыков, турок, готтентотов и пигмеев». Блестящая книжная эрудиция позволила ему стать директором библиотеки Национального Музея Естественной Истории в Париже. Кроме того, он был избран кавалером Ордена Почетного Легиона, доктором права в Университете Абердина (Шотландия), а также стал президентом одновременно Антропологического и Географического обществ

Франции, президентом Ассоциации университетских библиотек.

В 1904 году Королевский Антропологический институт Великобритании удостоил И. Е. Деникера наивысшей чести, прислав ему приглашение прочесть в своих стенах лекцию, посвященную памяти крупнейшего английского ученого естествоиспытателя Томаса Генри Гексли (1825–1895). В 1914 году в Оксфордском университете вышел большой сводный том «Боги Северного Буддизма» с предисловием И. Е. Деникера, а в 1916 году увидела свет его фундаментальная монография о новых принципах составления научных библиографий. Многие крупнейшие ученые мира считали его своим другом, ибо его энергии и эрудиции хватало на то, чтобы содействовать их исследованиям, повсеместно поднимая авторитет передовой науки.

Иосиф Егорович Деникер скончался 18 марта 1918 года в Париже, где жил в доме № 36 на улице, названной в честь великого французского ученого-натуралиста Этьена Жоффруа де Сент-Илера.

Европа уже четыре года как лежала в руинах братоубийственной мировой войны, но глава немецкой антропологической школы Рудольф Мартин (1864–1925) официально выступил с речью в память о крупнейшем антропологе французского происхождения, родившемся в русском городе Астрахани. Миллионы трупов солдат, которыми были усеяны поля сражений из враждующих близкородственных стран континента не замутили чистоту мировоззрения антропологов. Этнический шовинизм, пышным цветом расцветший за годы этой войны, оказался бессилен против основ классической расовой теории. Весьма символично, что силу, доказательность и стройность ей придал обрусевший француз, родившийся на берегах священной реки Волги и всей своей жизнью многократно доказавший торжество вневременного расового архетипа.

Белые люди, размножайтесь!

Издатель Владимир Авдеев в самом конце 2002 года выпустил в свет книгу «Русская расовая теория до 1917 года». В газете «Stringer» в № 14 за 2002 год была опубликована критическая рецензия на эту книгу под заголовком «Посмотрите черепа!». Авдеев с критикой рецензента — историка Анатолия Иванова не согласился. Анатолий Иванов в пух и прах раздраконил многие положения расовых теоретиков прошлого о происхождении русских, и примесей в их крови.

Обидно стало Авдееву, и он решил высказаться до конца.

— Белые люди размножаются все медленнее и медленнее, а другие расы штампуют детей без остановки. Каким же с точки зрения расовой теории, видится будущее человечества?

— Небелые расы размножаются в условиях современного искусственного «плавильного котла». В грязной хрущобе полно тараканов, а в подвале — крыс, но если у вас чистая квартира, то для этих тварей не остается места и они не плодятся. В западном обществе, построенном на искусственных «общечеловеческих» ценностях, такие оазисы для представителей небелых рас повсеместно созданы. Особенно в Великобритании, Германии, Франции, США, наконец. Но если придать естественный ход современному миру, все встанет на свои места. Конкретный пример — кастовая система в Индии, где темнопигментированные народы это — низшие касты, а более светлые — представители высших каст. В Индии существует и действует жесткий запрет на браки с представителями других каст. И эта система оправдывает себя уже не одну тысячу лет. При этом Индия входит в число демократических стран.

— Но, например, чеченцы сами накладывают запрет на браки с людьми других наций.

— Да, они делают это. Но при этом чеченец не против бросить свое семя и на сторону. Надо противостоять этому. Воспитывать и мужчин и женщин оберегать свой генофонд. Нужна другая система общества. Другой подход, с жесткой системой ценностей, как в Античности. Если кому-то не нравятся примеры из жизни античных государств, то можно брать примеры с современных Японии, Кореи, Индии, Израиля. В этих странах система общества защищает собственные народы и не дает поблажек и преимуществ пришельцам.

Посмотрев внимательно на историю с точки зрения этнологии и здоровой социологии, можно сделать один вывод: всю современную цивилизацию построили люди европейской расы, то есть люди светлопигментированные либо люди со значительным белым преобладанием. Как пример в черной Эфиопии король всегда был светлее своих соплеменников, являлся южным европеоидом, похожим либо на грека, либо на итальянца. И так повсеместно, во все времена.

Сто лет назад процветала антропосоциологическая научная школа, представленная Людвигом Вольтманом, Людвигом Вильзером, Отто Аммоном, Жоржем де Лапужем, которые доказывали, что в ходе развития общества более благородные, светлые элементы занимают доминирующее положение, если все естественно устроено. Темнопигментированные опускаются вниз. А когда у вас наркотики, казино, проституцию поощряет власть, не предпринимая действий для ликвидации этих пороков, то происходит все наоборот: черное поднимается, а светлое опускается на дно. Повторяю, если общество устроено на нормальных принципах, все становится на свои места.

— Какие нормальные принципы: религия, образование?

— Главное — это законы, писаные и неписаные, по которым живет общество. Древнейший на Земле свод законов Ману это прекрасно иллюстрирует. С изучения этих законов начинают, кстати, все юристы. Ничего лучшего человечество не придумало. Там безо всяких заумностей и ДНК-маркеров доходчиво описывается, с кем и как надо общаться. Основной принцип: нельзя смешивать низшее с высшим. Каждому — свое. В обществе почти нет биологического отбора. Современная женщина, не обученная навыкам, как выбирать себе мужа и партнера, рискует получить супруга-дебила, но еще и родить от него подобных же детей. Вся женская сила и жизнь будут потрачены впустую.

— Подобные расовые теории считаются вроде бы неприличными и даже запретными. Демократия во всем мире установила равные возможности для всех рас и даже старается предоставить льготные условия для развития угнетенных ранее меньшинств. Неужели кто-то в демократическом обществе занимается «антропологией», выращиванием элитных сортов людей?

— Крупнейшим специалистом по расовым проблемам в США является Майкл Левин. В США выходит очень интересный научный журнал «Mankind Quarterlu», который возглавляет Роджер Пирсон, старейший научный авторитет в области антропологии. В США почти в каждом университете действуют кафедры антропологии. Есть

научные школы в Западной Европе, оживленный интерес в Восточной Европе, например, Польше, Болгарии.

— Этими разработками наверняка пользуются спецслужбы для отбора лучших и формирования элит?

— Естественно. Но наши элиты не подходят под определение «элиты».

— Разве можно, глядя на политика, определить признаки дегенерации?

— Этих признаков очень много. Строение ушей, зубной системы, походка, ужимки, мимика лица, речевые особенности. Но самым важным признаком в поведении, с точки зрения криминальной антропологии, является МОРАЛЬНЫЙ ИДИОТИЗМ.

В телеинтервью известный гомосексуалист Борис Моисеев признался, что его бешеная популярность связана с тем, что он «переспал» с половиной правительства. Покойный Артем Боровик в «Совершенно секретно» писал, что Администрация президента просто кишит гомосексуалистами, которые занимают там ключевые позиции. Половые извращения поддерживаются на самом верху. О том, что существует «голубое лобби» в Государственной Думе, также общеизвестно.

— То есть, глядя в лицо, можно определить политические и иные пороки представителя власти?

— Наука физиогномика позволяет это легко сделать. По внешнему поведению, по походке, по движениям и позам конечностей, кто как садится, ерзает, делает ужимки, можно практически все определить. И любого можно обучить распознавать эти признаки, это не является какими-то марсианскими науками.

Достаточно проанализировать, кто в Госдуме проталкивает и защищает возможности растлевать детишек, прикрывая это рассуждениями о возможности вступления в брак с 14 лет. У этих депутатов вся патология написана на их физиономиях. Совсем недавно в Институте антропологии МГУ защищена докторская диссертация, которая описывает методику определения с помощью анализа гормонов психических и сексуальных отклонений у человека с очень большой степенью точности.

— Но вы же сами говорили, что анализ спермы не помог выявить Чикатило, так как она не совпадала по группе крови со слюной. Ведь возможны ошибки?

— Человек — очень сложная структура. Его нельзя мерить по одному показателю. Но если вы рассмотрите человека по большому

количеству шкал и комплексно, то ошибки не будет. Ведь сексуальные и психические отклонения устанавливаются даже по отпечаткам пальцев, вам не надо видеть человека. Я не призываю прятать людей в концлагеря, но призываю, чтобы эти люди не размножались и не лезли во власть. Не сидели бы в парламенте, не претендовали на обучение всей страны. Я просто призываю защитить меня и нормальное общество от власти дегенератов.

Анатолий Михайлович Иванов

Посмотрите черепа!

Рецензия на выпущенную в 2002 году издательством «ФЭРИ-В» книгу «Русская расовая теория до 1917 года», составитель Владимир Авдеев

«Посмотрите черепа!» — с таким возгласом гнался за героем повести Дж. Джерома «Трое в одной лодке» кладбищенский сторож, полагая, очевидно, что созерцание черепов — это очень интересное занятие, доставляющее эстетическое наслаждение. Похоже, выпущенную в 2002 г. издательством «ФЭРИ-В» книгу «Русская расовая теория до 1917 года» оформлял именно этот кладбищенский сторож. Такое обилие изображения черепов было бы уместно на страницах учебника антропологии или анатомии в качестве иллюстраций к материалу, в данном же случае они разбросаны повсюду просто как орнамент, безотносительно к тексту. Это уже напоминает украшения частокола вокруг поселения людоедов. Вдобавок к этому по страницам книги разгуливают скелеты, люди с содранной кожей, — ее просто страшно открывать!

Надо сразу сказать, что название книги вводит в заблуждение. Никакой особой русской расовой теории, в отличие, скажем, от немецкой, как цельного учения не существовало. Да, русская наука и в этой области ничуть не отставала от мирового уровня, у нас тоже серьезно занимались изучением расовых различий. Тем более что огромная Российская империя со множеством живущих в ней народов давала для этого обширный материал, но теории при этом создавались самые разные, и ценность их, соответственно, тоже была различной.

XIX век для нас теперь уже позапрошлый, однако в книге содержатся доказательства того, как злободневно могут звучать сегодня мысли, высказанные еще тогда. Например, известный русский историк Й. Д. Беляев, вспоминая о том, какую истерику вызвало в Европе подавление польского восстания 1863 года (ничуть не меньшую, чем нынешняя контртеррористическая операция в Чечне), возмущался, что «еще недавно большая часть западноевропейских, журналов и газет, по команде польских эмигрантов, общим хором утверждала, что мы, великоруссы, никто другой как татары, скифы, финны, унны, тураны и чуть не турки, даже хуже турок, какие-то

чудища, оскверняющие европейскую землю…

Да и в настоящее время между западными европейцами есть еще много охотников верить сим подобным толкам и россказням» (Русская расовая теория. — с.195).

И. Д. Беляев говорил о своем настоящем времени, мы можем то же самое сказать о своем. Угар горбачевской перестройки ознаменовался тем, что прибалты и даже украинцы начали с пеной у рта доказывать, что они — плоть от плоти «европейской цивилизации», не в пример русским. Помнится, особенно отличился тогда «народный депутат СССР» от Эстонии (которая тогда уже приноравливалась перескочить из СССР в НАТО) Т. Маде своими рассуждениями насчет того, что «русские столетиями жили под монгольским или татарским игом, и поэтому русские до сих пор в этническом плане смешанная нация… Татары и монголы вторгались в свое время в русские деревни, истребляли и захватывали в плен мужское население, насиловали русских женщин. Поэтому сегодня русский народ так смешан с теми людьми, которые когда-то насиловали русских женщин».

Это высказывание не блистало ни новизной, ни оригинальностью. В Европе давно бытует поговорка: «Поскребите русского — и вы обнаружите татарина». Ее повторяли столь часто, что кое-кто стал принимать эту ложь за истину. К врагам России особых претензий предъявлять не приходится, враг есть враг, но русофобам объективно подыгрывал и кумир русских патриотов В. В. Кожинов, который тоже много разглагольствовал, не владея темой, об особой «смешанности» русского народа.

В выступлении И. Д. Беляева было больше пафоса, чем доказательств. Но этот пробел с успехом восполняется в других статьях, опубликованных в сборнике, о котором идет речь. Так, антрополог В. В. Воробьев, хотя и пожурил Беляева — нельзя, мол, так категорически отрицать влияние монгольской крови, какая-то ее частичка не могла не примешаться, но она «не должна была оказать особенно сильного влияния» (с.165). «Влияние монгольской и татарской крови на общем типе великоруссов не отразилось очень заметно; по крайней мере, на основании существующих в настоящее время данных, отметить его с очевидностью не удается» (с.183). Другой антрополог, И. А. Сикорский тоже отметил: «Татарская и монгольская примесь являются в виде ничтожных вкраплин по местам и по своей, так сказать, случайности и незначительности, нисколько не нарушают чистоты и очевидности главного основного… состава, а потому такие случайные примеси должны быть игнорируемы и не

принимаемы во внимание» (с.271). Но с Сикорским случилась беда: вытащив ногу из одной ямы, он провалился в другую. Русские, по его мнению, все-таки смесь, только не с татаро-монголами, а с угро-финнами. У него так буквально и сказано: «В состав населения России входят частью индивидуумы чисто финского типа, частью чисто славянского, частью же смешанного типа — из обоих». Русское племя «содержит почти повсюду на своей обширной территории до 40 % своего состава в виде антропологически чистых экземпляров первобытных составных рас (финнов-славян) и около 60 % уже слившегося, смешанного (метизированного) контингента» (с.271–272).

И где это Сикорский ухитрился обнаружить «чисто финский тип»? Нет такого в природе, на финно-угорских языках говорят народы самых разных рас, от нордической (балтийские финны) до монголоидной (ненцы). Среди одной мордвы, говорящей на двух разных языках, представлены пять антропологических типов, возникших на базе трех расовых компонентов.

И. А. Сикорский договорился даже до того, что «слабейшую сторону славянского характера составляет воля… и в этом отношении славяне представляют противоположность… финнам» (с.275). Опять: каким именно финнам? А. И. Герцен рассказывает в «Былом и думах», как во время своей вятской ссылки однажды наблюдал пожар в деревне, населенной русскими и удмуртами. Русские суетились, таскали воду, гасили огонь, а удмурты сидели на пригорке, плакали и молились. И в современной России удмурты занимают первое место среди всех ее народов по числу самоубийств на душу населения. Так, может быть, и этот финский народ превосходит нас в волевом отношении, может быть, и в скрещивании с ним Сикорскому померещилась бы «великая задача улучшения целого народа», которая осуществляется в «скрещивании рас»? (с.277)

К сожалению, в сборник не вошла работа В. М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», выпущенная в 1864 г. — за год до того, как начал пропагандировать евгенику Ф. Гальтон. Флоринский преувеличил влияние монголов на внешний тип и характер русского народа, но, возможно, специально для того, чтобы подчеркнуть: не всякое смешение идет во благо, бывают и «неблагоприятные помеси».

Главный официальный советский историк 20-х годов М. Н. Покровский, сражаясь против «великорусского шовинизма», продолжил линию Сикорского с еще большим революционным

размахом и объявил, что в жилах «так называемого великорусского народа» течет 80 % финской крови. Секрет того, каким образом он измерял эти проценты, Покровский унес с собой в могилу.

Крупнейший советский антрополог В. П. Алексеев опроверг Сикорского и Покровского: «Финский субстрат… нельзя считать основным компонентом в сложении русской народности — на протяжении II тысячелетия он почти полностью растворился», в результате чего «современные русские сближаются скорее с… гипотетическим прототипом, который был характерен для предков восточнославянских народов до столкновения с финским субстратом» («Происхождение народов Восточной Европы». М., 1973. С. 202–203).

Впрочем, с этим прототипом тоже далеко не все ясно. Как нельзя сказать, какой тип первоначально был у финнов, так и «праславяне не отличались ни чистотой расы, ни единством физического типа» (Сб. «Восточные славяне. Антропология и этническая история». М., 1999, с.13). Только в их случае мы имеем более узкий выбор, ограниченный двумя европейскими типами, причем ученые стремятся выделить только один исходный «праславянский» тип: одни считают, что это был нордический тип, другие признают «истинными» славянами только темноволосых брахикефалов (т. е. людей с круглой формой головы). У нас последней точки зрения придерживался Ф. К. Волков, который провозгласил в 1916 г., что поляки, русские и белорусы — славяне только по языку, а украинцы и остальные южные и западные славяне (кроме поляков) — славяне не только по языку, но и по антропологическому типу (там же, с.20).

Говорить такое сегодня, когда на Украине пышно расцветает самый махровый национализм, просто опасно, — украинцы совсем возгордятся. А тут еще И. А. Сикорский осыпал их комплиментами: у них якобы «более сохранился природный славянский ум и чувство. Таким образом, малорусс оказался более идеальным, великорусс — более деятельным, практичным, способным к существованию» («Русская расовая теория», с.276). Это украинцы-то непрактичные идеалисты? Да вы спросите любого военного, и он расскажет вам, какие они служаки; спросите любого бывшего заключенного, и он расскажет вам, каково работать под охраной разболтанного русского конвоя и каково — под строгим надзором выслуживающегося перед начальством украинского.

Для составителя рассматриваемого сборника В. Б. Авдеева вопрос о происхождении славян ясен как божий день: «Созидателем и носителем культуры на всей территории Европы и европейской части

России всегда был один и тот же расовый тип — длинноногий голубоглазый блондин». И вообще: «всегда и везде в мировой истории исходным расовым типом-создателем культуры — был человек нордической расы. Именно он является поэтому наиболее биологически ценным» (Предисловие к сборнику, с. 39, 41). Эти слова выделены жирным шрифтом.

Есть такое опасное психическое заболевание, которое я бы назвал «белобрысоманией». Процитированные выше фразы — явный синдром этой болезни. В. Б. Авдеев даже не задумывается о том, скольким людям он наносит оскорбление подобной писаниной.

Среди немцев эта болезнь приняла эпидемический характер при нацизме, но ее бациллоносители распространяли эту заразу с самого начала XX века. Одним из них был монах-расстрига Ланц, присвоивший себе титул «фон Либенфельс». Его журнал «Остара» именовался «журналом для блондинов и мужчин». Ланца называют «человеком, который дал идеи Гитлеру». Гитлер и в самом деле внимательно штудировал журнал Ланца, хотя отнюдь не был блондином. Впоследствии в Германии этот психоз достиг такого размаха, что некоторые молодые люди кончали с собой от отчаяния из-за того, что они не имели счастья принадлежать к нордической расе (как, впрочем, половина населения Германии). Во избежание подобных случаев стали придумывать разные идиотские формулы, вроде: «В этом темноволосом человеке живет белокурая душа». Оставалось только уточнить, какие еще части тела есть у души. Даже такой крайне правый деятель, как Г. А. Амодрюз, осуждает «нордизм», высокомерное отношение белокурых маньяков ко всем остальным европейцам как к чужакам, как к семитам или неграм, и видит в этом опасное извращение расовой идеи («Мы — другие расисты». Монреаль, 1971, с.122).

Ни одна раса не имеет никаких оснований смотреть свысока на другую. Классик немецкой расовой теории Ганс Ф. К. Гюнтер подчеркивал: «Нет общезначимого масштаба ценности народов и рас, т. е. раса не имеет высшей ценности сама по себе и не может называть другие неполноценными» (Избранные работы по расологии. М., 2002, с.80). В противоположность этому В. Б. Авдеев позволяет себе отнести «инородцев России» к «низшим» расам и распространить на всю мировую историю принцип: «высшие» расы создают — «низшие» уничтожают («Русская расовая теория». Предисловие, с.24). Да и публикации в его сборнике подобраны соответствующим образом. В первой же из помещенных в нем статей историк С. В. Ешевский так

описывает ситуацию в США: «Там… была еще возможность существу высшей породы… представителю белой расы, способной к бесконечному совершенствованию, с полным спокойствием совести употребить, как машину, как рабочую силу, негра, в котором, по счастию (!), еще сохранилось посредствующее звено между собственно человеком и высшей породой обезьяны» (Там же, с.65). Ему вторит И. А. Сикорский: «Черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре» (Там же, с.248). А у В. А. Мошкова термин «низшие расы» просто не сходит с уст (с. 501–508).

Даже общепризнанный основоположник расовой теории граф А. Де Гобино, и тот считал негров весьма одаренной расой и доходил до того, что приписывал художественные таланты европейских народов примеси негритянской крови. Конечно, в эту крайность тоже впадать нельзя, а то у нас есть много охотников объяснять, например, талант Пушкина кровью его негритянских предков. И. А. Сикорский в статье «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина» четко определяет сферу влияния этой крови: необузданность природы Пушкина, внезапная порывистость его решений и действий, разгул, бурные инстинкты с ухаживаниями, пиршествами, ссорами, дуэлями — все это «дань черному расовому корню». Сюда же относятся и те «увлечения», которые поэт называет «прочными заблуждениями». Добавляя к этому физическую неутомимость Пушкина и быстроту его восприятия, Сикорский пишет, что этим «исчерпываются африканские дары, внесенные природой в душу Пушкина» (с.309–311).

Чтение статей о «русской расовой теории» может привести к такому ложному умозаключению, будто русские — еще большие расисты, чем западные европейцы. Но история нашего народа показывает совершенно противоположную картину: на всех территориях, куда они приходили, русские, в отличие от англосаксов, не уничтожали туземные народы и не превращали их в рабов. Те, кто принимал христианство, вообще становились своими, а остальные могли сохранять самобытность своего привычного образа жизни. Очень верное определение дал в свое время А. С. Хомяков: «Мы будем, как всегда и были, демократами и между прочих семей Европы… благославляя всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное» (Собр. соч. Т.5, с. 106–107).

И вот теперь приходят «белобрысоманы» и начинают нас переучивать. Они заняты поисками длинных черепов и светлых волос во всех частях земного шара к вящей славе «нордической расы», не

понимают или не желают понять, что их «находки и открытия» никакого отношения к означенной расе не имеют. Выдающийся советский антрополог В. В. Бунак доказал, что появлению нынешних рас предшествовал этап многообразия расовых форм, причем древние формы были отличны от современных. Один из столпов немецкой расологии, Ойген Фишер, подробно растолковал, как у многих рас развивались одинаковые признаки, только у одних они возобладали, а у других нет. Так что вовсе не были «арийцами» светловолосые и голубоглазые ливийцы, с которыми воевали древние египтяне. По словам Л. Н. Гумилева, монголы, в отличие от татар, были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым. Они не имели ничего общего с блондинами, населявшими Европу (Поиски вымышленного царства. М., 1970, с.99).

С другой стороны, любопытно, как «белобрысоманы» будут объяснять тот факт, с которым столкнулся основоположник русской научной антропологии А. П. Богданов, просматривая сборник русских народных песен Сахарова. Он обнаружил, что, в то время как латыши воспевают «златовласых дев», в русских песнях добрый молодец всегда с черными кудрями (Русская расовая теория, с.139). В. В. Воробьев добавляет к этому чисто антропологические данные: «Изучение большинства современных славянских племен, а в том числе и великоруссов, показывает, что светлый цвет волос и глаз далеко не является преобладающим… Несколько больше половины всех великоруссов темноволосы. Как чистых блондинов, так и чистых брюнетов очень немного, не более 8–0 % в сложности, остальные же 90 % падают на долю русых волос различных оттенков» (Там же, с.179).

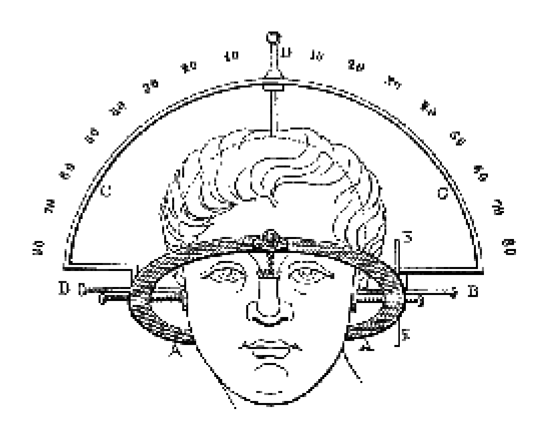
Что же касается «находок», которыми любят потрясать «белобрысоманы», то медик П. А. Минаков замечает в связи с этим, что по внешнему виду «курганных» волос нельзя давать заключения об их первоначальном цвете: от долгого лежания в земле черные волосы могут посветлеть. Поэтому, изучая волосы из курганов средней России, Минаков пришел к выводу, что курганное население было темноволосое. Это противоречит распространенному мнению, что наши предки-славяне были светловолосые, и подтверждает, наоборот, мнение Воробьева, что праславянин имел, по всей вероятности, темные волосы (Там же, с.377).

«Белобрысоманы» путаются не только в волосах. Крайнюю неразборчивость проявил В. Б. Авдеев при составлении своего сборника. Наряду с серьезными научными статьями в него попали

совершенно бредовые «теории» В. А. Мошкова. Этот генерал от артиллерии, похоже, стал как-нибудь во время стрельб жертвой сильной отдачи, и это сказалось на его умственных способностях. Чего стоит одно его заявление, будто «кроме белого длинноголового человека в неолитическом веке на всем земном шаре никаких других человеческих рас еще не существовало, а были только африканские и азиатские питекантропы, следовательно, короткоголовые пришельцы, появившиеся в Европе в неолитическом веке, были никто иные, как питекантропы» (Там же, с.480). Это в неолите-то! В пятом тысячелетии до нашей эры! Совершенно ясно, что случай с генералом Мошковым чисто клинический. А ведь на этих мифических питекантропах основывается вся «теория» Мошкова о «высших» и «низших» расах.

Такого рода «сборники» принято называть «сборной солянкой». Книга очень выиграла бы, если бы у нее отрезали хвост, страниц двести с лишним и закончили ее где-нибудь на стр. 430 статьей И. И. Мечникова «Борьба за существование», который, между прочим, считается великим еврейским ученым (см. сборник «Евреи в русской культуре». М., 1996, с.166), поскольку это очень важная по нашим временам статья.

И. И. Мечников очень кстати напомнил нам, что говорил Макиавелли: «Человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях чистым и честным, должен погибнуть в среде громадного бесчестного большинства». Мечников полемизировал с немецкими экономистами этической школы, которые утверждали, что естественный отбор «возвышает более совершенное и уничтожает более низкое», хотя и видели, что «при свободной конкуренции побеждают не только более способные, но слишком часто и более бессовестные элементы». Таким образом, этика в борьбе за существование не помогает, а, наоборот, только мешает. Необходимую поправку вносил Гельвальд: «В борьбе за существование побеждает не всегда высшая в духовном отношении раса, но такая, которая всего лучше приспособлена к этой борьбе, причем дело решается иногда чисто физиологическими свойствами» (Там же, с.404). Эту мысль развил впоследствии русский биолог А. Н. Северцов, показавший, что в животном мире к числу наиболее процветающих видов принадлежат паразиты низшего уровня. В человеческом обществе мы наблюдаем то же самое.

Примечания

1

Трирема, построенная по приказанию Лудовика-Наполеона, была результатом совещаний и исследований морского инженера Дюпюи-де-Лома. (Dupuy de Lome) и Огюста Жаля (Auguste Jal), историографа французского флота. Постройкой заведовал Дюпюи де Лом. Г. Жаль рассказывает, каким образом у Лудовика-Наполеона возникла мысль о постройке римской триремы вследствие занятий биографиею Юлия Цезаря. Результаты чисто археологических исследований о древнем флоте изложены в сочинении, изданном по желанию и на счет Лудовика Наполеона: «La flotte de Cezar… etudes sur la marine antigue par M. Ant. Jab. (Paris, Fiirmin, Didot, 1861). Это сочинение должно было явиться одновременно со спуском триремы.

n_1

2

Достаточно указать на труды гг. Morton, Nott, Gliddon, Aitken Meigs, Agassiz и др. исследователей.

n_2

3

Tac. Germ. C. 20: Sororum filits idem apud avunculum, qui apud patrem, honor; quidam sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur. Нечто подобное у кельтов (смотри сагу о Беловезе и Сиговезе у Ливия 5,84). Подобные же отношения у некоторых племен внутренней Африки (Livingstone`s: «Missions-Reisen und Forschungen in Sud-Africa», Kap. 22 и 30. Barths: «Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central Africa». Band I, S. 153 der kleineren Ausgabe). Нечто подобное в древнем Лациуме (Festus. v. Avunculus: «Sive avunculus appellatur, quod avi locum obtineat et proximitate tueatur sororis filium»), H. Kunssberg: «Wanderungen in das Germanische Alterhum». S. 31. Ber. 1861.

n_3

4

Die Geschichte ist lang und alt, aber die Vorgeschichte ist noch langer. Martius.
n_4

5

Впрочем еще до Блюменбаха были некоторые опыты разделения человеческого рода на группы. Так неизвестный писатель предложил в Journal des Savants 1684 г. первый опыт разделения человечества на 4 группы. К первой отнес он всех европейцев за исключением лапландцев, восточных азиатцев, северных африканцев и все племена Америки; ко второй племена Африки; к третьей остальные племена Азии и островов; к четвертой Лапландцев. Известно также деление Линнея на 5 групп.

n_5

6

Histoire naturelle du genre humain. 1801.
n_6

7

Histoire naturelle des races humaines du Nord de I Europe, de I Asie boreale et de I Afrique australe. d apres les recherches speciales d antiquite, de phisiologie, d anatomie et de geologic, appliquees a la recherche des anciens peuples, a la science ethnologique, a la critique de l histoire etc. 1826.

n_7

8

Мортон (Samuel George, 1799–1851), ирландского происхождения, получил первоначальное образование в Америке в Пенсильванском университете. Потом, будучи уже членом филадельфийской академии естественных наук, он выслушал курс в Эдинбургском университете и путешествовал по Италии и Швейцарии. С 1826 г. он был одним из известнейших медиков в Филадельфии. Его собрание черепов едва ли не самое огромное из существующих. Во время передачи этой коллекции, после смерти собирателя, в академию, она состояла из 88 костяных голов гадов и рыб, 271 черепа птиц, 289 черепов млекопитающих и, наконец, из 918 человеческих черепов, не считая 50, бывших тогда еще на пути. В 1857 г. число черепов человеческих было около 1035. Результатом его исследований была Crania Americana. Phil. 1839. Мортон принимает 22 фамилии или группы: 1) кавказцы, 2) германцы, 3) кельты. 4) арабы. 5) ливийцы, 6) жители Нильской долины, 7) индусы, 8) монгаш, 9) татары, 10) китайцы, 11) индо-китайцы, 12) полярные племена, 13) малайцы, 14) полинезийцы, 15) негры, 16) кафры, 17) готтентоты, 18) океанийские негры, 19) австралийцы, 20) альфурус, 21) американцы и 22) толтеки. Мортон вступил в соотношения с Глиддоном, североамериканским консулом в Каире, который доставил ему коллекцию черепов из Нильской долины, и с 1842 г., возвратившись в Америку, сделался его постоянным сотрудником. Результатом их общих занятий были: Crania Aegyptica, 1844. В 1846 г. Мортон издал свои исследования об этнографии и археологии американских туземцев и, в 1847 г., сочинение о гибридах животного и растительного царств, применительно к вопросу о единстве человеческого рода. Смерть помешала ему закончить свой последний труд, «Основания этнографии», которого отрывок напечатан Нотгом и Глиддоном в Types of Mankind. Phif. 1854.

n_8

9

Только этим может объясниться множество разнообразных систем и разделений человеческого рода на племенные группы. Кроме указанных систем, замечу еще разделение: Мальтбрюна на 16 групп, Лессона на 6 пород с 32 подразделениями, Альфреда Мори на 8 групп, Пикеринга на 4 с 11 подразделениями. Не менее разнообразны и системы разделения, основанные исключительно на особенностях формы и объема черепов. Достаточно указать на деление Ретциуса (Muller`s Arch. 1845), Цейне (uber Schadelbildung zur festern Begrund. d. Menschenrassen. Berlin, 1846), Гушке и других.

n_9

10

Nach den neuesten Forschungen ware man zum Resultat gekommen, dass die Hottentotten zu dem grossen Spraehenstamme gehoren, welcher die Indo-Germanen, Semite-Africaner und Aegypter umfasst; und die Vergleichung des Hottentottischen mit dem Koptischen bietet lexikalische wie grammatische Nebenstimmung und Verwandtschaft dar. Perty. Grundzuge der Ethnographic, 275. Далее он сообщает указания на первоначальное распространение готтентотского племени. Драгоценные указания на сношение древнего Египта с южными странами Африки находятся в известиях арабских писателей, сообщенных Вюстфельдом в гёттингенском журнале Теодора Бенфея.

n_10

11

Мортон в своих Crania Americana исключает эскимосов из американского племени и делит его на две главные группы: 1) толтекскую, к которой относит образованные племена Мексики, Перу и Боготы, от Rio Gila под 32 градуса с. ш. по западному берегу континента до границ Чили; 2) собственно американскую, делящуюся на 4 отрасли: а) аппалахскую, к которой относятся все племена Северной Америки, включая мексиканцев и племена на севере от Амазонской реки и на восток от Андов; в) бразильскую, занимающую большую часть Южной Америки к востоку от Андов, между Андами, Атлантическим океаном, течением Амазонки и Ла-Платы; с) патагонскую, между течением Ла-Платы и Магелановым проливом и в горах Чили и д) отрасль Огненной земли, считающую только несколько тысяч человек почти в совершенно диком состоянии. Число американских туземцев теперь немного выше 12 миллионов, и однако ни одна часть света не представляет такого множества и разнообразий языков и наречий. Число языков и диалектов Америки равняется почти половине общего числа языков всего земного шара. Число всех языков земного шара налагается до 860 (Потт); из них в Америке 423, а Фаттер в своем Митридате насчитывает даже до 500. По другим известиям Америка считает 438 языков, распадающихся на 2000 диалектов (Mundarten), см. Karl Andreas: Nord-America, s. 20. Распадение языков дошло в Америке до последней степени. Почти каждая деревня говорит на особом наречии. Есть идиомы, которыми говорят только несколько семейств. Это крайнее дробление языков может быть объяснено особенным ходом истории американских племен. Приведу слова Марциуса: «Auch sogenannte Slammsprachen z. B. die Lenapi, die Aztekische, die Guarani, Quichua und Chilesiche sind schon das Resultat jenes allgemeinnen geistigen und leiblichen Zersetzungsprocesses, welchem die americanische Menschheit seit Jahrtausenden unterliegt».

n_11

12

Gardy Physiologic medicale, 1832.

n_12

13

Относительно турок нельзя, впрочем, не признать значительного изменения их первоначально типа. Замечено различие турок, давно живущих в Европе, от их азиатских соплеменников. Но эти изменения нельзя приписывать одному влиянию внешней природы; несравненно важнее влияние смешения с европейскими народами. При Мухаммеде IV число янычар доходило до 140 тыс., и они набирались из мальчиков, захваченных в Италии, Германии, славянских землях и в областях европейской Турции и обращенных в магометанство. Гаремы турок наполнялись женщинами европейской расы, не говоря о черкешенках, высоко ценимых в Турции, женщины европейских рас могли покупаться даже беднейшими турками. Укажем на любопытный пример дешевизны христианских невольниц, приводимый Гаммером. После одного удачного похода на Венгрию красивейшая невольница выменивалась на сапог, и турецкий историк, участвовавший в походе, рассказывает, что он продал пятерых рабов за 500 аспров.

n_13

14

Гобино, изложивший свою оригинальную теорию в «Essai sur l`inegalite des races humaines» (1853. IV vol), говорит об отвращении французов к смешению с негрскими племенами и о легкости их соединения с туземными племенами Северной Америки: «Dans le Canada, nos emigrants ont tres frequemment accepte l`alliance des aborigenes, et ce qui fut toujours assez rare de la part des colonisateur anglo-saxons, ils ont adopte souvent et sans peine le genre de vie de leurs femmes. Les melanges ont ete si faciles, que l`on trouve pen d`anciennes families canadiennes qui n`aient touche, au moins de loin, a la rase indienne». Он объясняет эту легкость сближения следующим образом: «Une affinite existait, pour la partie gallique de leur origine, avec les tribus malaises tres-jaunes du Canada, tandis que tout leur naturel repugnait a contracter alliance avec l`espece noire sur les terrains on ils se trouvaient rapproches d`elle». Gobineau IV, 298 sqq.

n_14

15

Черные евреи в Кохинхине должны были переселиться в Индию чрезвычайно рано, потому что их книги ветхого завета писаны еще до вавилонского плена. Perty, 98. Черные евреи в Малабаре, по мнению Буканана и Вольфа — индусы, обращенные в иудейство.

n_15

16

В Китае до сих пор сохранилась еврейская колония в Кайфунг-фо, главном городе провинции Гонан, хорошо известная. Еврейский путешественник из Северной Америки, Веньямин П., пишет из Калифорнии, что 27 мая 1861 в Сан-Франциско прибыл корабль с китайскими невольниками и из них 7 оказались еврейского происхождения. См. «Сион» № 9, 1861, стр. 147.

n_16

17

Nulle part le Juif ne nait, ne vit, ne meurt comme les autres hommes, au milieu desquels il habile. C`est la un point d anthropologie comparee, que nous avons mis hors de contestation dans plusieurs publications. Boudin в исследованиях о влиянии климата Алжирии.

n_17

18

Евреи-талмудисты явились на берега Черного моря из Польши сравнительно в позднейшую эпоху. Караимы живут там с незапамятного времени, и к ним относятся исследования Фирковича о древности поселения евреев в Крыму и на берегах Черного моря.

n_18

19

Укажу на изменения цвета кожи у португальцев, около трех столетий живущих на Канарских островах, также на португальцев в Бразилии, на потомство голландцев, издавна поселившихся на Молукских островах, также на изменение собственно английского типа в потомстве английских поселенцев в Египте, указанное Прунером в его специальном труде, посвященном естественной истории и антропатогии Египта.

n_19

20

В заседании английской нижней палаты 13 марта 1862 года прения по поводу управления Новой Голландии подали случай высказаться самому возмутительному взгляду некоторых английских государственных людей на туземные племена Океании. В Новой Зеландии считалось 50000 английских колонистов и 70 000 туземцев (маори). Англия содержала там 7000 войска с издержками ежегодно в 700 000 ф. ст. Возник вопрос, не лучше ли не содержать на острове войска. Фортескью, товарищ министра колоний высказал мысль, что войска нужны не столько затем, чтобы защищать колонистов от туземцев, сколько для защиты последних, которые могут быть истреблены до последнего человека колонистами. Робак объявил прямо: чем скорее будут истреблены маори, тем лучше… По счастью, правительство, на этот раз, предпочло денежные пожертвования истреблению туземцев.

n_20

21

Известный финнолог Кастрен указывает на все степени обрусения лопарей и финнов и отвергает мнение о насильственном оттеснении финских туземцев с берегов Белого моря. Любопытный пример смеси русских с туземцами представляют ижемские поселенцы. В Казанской губернии можно проследить теперь все степени перехода от финнского и татарского типа к чисто русскому. В фотографических портретах, снятых г. Вгоровым с поселенцев Воронежский губернии, еще нагляднее представляются результаты смешения различных племен и народностей, сталкивавшихся в этой местности.

n_21

22

Руководствуясь в этом случае сочинением французского академика Катрфажа «Histoire naturelle de I`homme», помещенным в Revue des deux Mondes 1861 года и теперь переведенным и на русский язык.

n_22

Rafn: «О поселениях норманов в Америке ранее 1000 года хр. эры»; также C. Ritter: «Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen. Vorlesungen an der Universitat zu Berlin. Berlin. 1861».

Берег Гренландии прежде всех видел Гунбиорн в 877 году. В 983 году Эрик Рауде был приговорен к трехлетней ссылке из Исландии и, руководясь показанием Гунбиорна, отправился на запад и назвал открытую землю Гренландией. Бухту, где зимовали, он назвал Эриковой бухтой; мыс, за которым находилась бухта, в последствии получил название Мыса Хериольфа, по имени одного поселенца (это — южная оконечность Гренландии, Фаруэль англичан и Штатенбук голландцев). Эрик возвратился в Исландию и в 986 году снарядил целую флотилию колонистов. Из 35 кораблей только 14 достигли Гренландии. С этого времени начинается колонизация Гренландии. В 999 прибыл из Норвегии первый христианский миссионер, в 1124 году — первый епископ, Арнольд. Гренландский епископ платил Риму десятину (в 1347 году моржовыми клыками, in dentibus de Roardo). В XIII стол. В Гренландии было до 15 церквей, 280 усадеб и дворов. — По другому описанию, на восточном берегу было 19 больших селений, 12 епархий с 16 церквами и 2 монастырями, на западном 9 селений и 4 епархии, два города, Гардар и Гратталид. Сношения с Европой прекращаются в начале XV века. В 1408 году семнадцать епископ Гренландии, посвященный в Дронтгейме, не мог за льдом пробраться в Гренландию. С этих пор до 1721 года не было сношений с Гренландией.

Гренландские поселенцы знали страну нынешних С.-Амер. Штатов и звали ее Винландией. Бьорн первый попал к этим берегам (Новая Шотландия, Ньюфаундленд и Лабрадор); Лейф, сын Эрика Рауде, по словам Бьорна, оправился из Гренландии и поселился на несколько лет на острове одной реки (Гудзон или вернее Таунтон на Род-Эйланде). По известиям Лейфа о продолжительности кратчайшего дня в том месте, где он жил в Винлянде, видно, что это место по 41°24′10″ широты с. (почти под одной широтой с Нью-Йорком, Вашингтоном, Филадельфией). Жителей Витландии норманы называли карликами (значит эскимосы, а не краснокожие индийцы). См. также Fr. Lacroix (Histoire des regions circumpolaires). Он думает, что открытие Гренландии норманнами было еще раньше и приводит

буллу Григория IV (835 г.) в Ансгарию, где есть указание на миссии в Исландии и Гренландии.

n_23

24

См. «О торговых сношениях между туземцами северо-восточного берега Азии и северо-западной Америки». Ж. М. В. Дел 1851 г., часть XXXV, № 7, стр. 102.
n_24

25

Китайские корабли заносило до Сандвичевых островов. В 1648 году потерпевшие кораблекрушение японцы высадились на острове Гуаме (Guam). Мортон отрицает возможность малайских поселений в Америке, но сам же он приводит любопытный пример, опровергающий его доказательство. В 1838 году японская джонка была выброшена бурей на тот же берег Америки, который он объявляет недоступным для народов азиатских, мало знакомых с мореплаванием. См. Gobineau, t. IV, 259.

n_25

26

А. Вагнер (Gesch. Der Urwelt) допускает возможность заселения Америки переселенцами Старого Света четырьмя путями: 1) через Берингов пролив, 2) цепью Японских и Алеутских островов, 3) из Южной Азии через Сандвичевы острова и 4) из западной Европы. Зибольд приводит многие доказательства возможности переселения из Азии образованного населения Мексики.

n_26

27

Значительное число отаитян на больших двойных пирогах было занесено далеко к востоку, на расстоянии 120 географических миль, до Биам-Мартиновых островов, где капитан Бичей нашел 40 из них оставшихся в живых.

n_27

Относительно туземцев Америки доказательства их отдельного происхождения и существенного отличия от племен Старого Света окончательно формулированы немецким последователем Мортона, доктором Карусом (Ueber die ungleiche Befaehigung der Menschheitsstaemme zur geistigen Entwickelung etc.). Вот эти доказательства 1) американский материк был неизвестен древним египтянам, китайцам, грекам и римлянам; 2) во время открытия он был населен миллионами народа, по нравственным и физическим особенностям совершенно отличного от племен Старого Света; 3) Американцы были окружены растениями и животными, отличными от растений и животных Старого Света; 4) американские туземцы говорят на многих сотнях наречий, родственных однако же между собой и существенно отличных от языков Старого Света; 5) их памятники архитектуры и скульптурные, их земляные работы свидетельствуют об их распространении в глубокой древности: 6) состояние распадения, в котором находятся скелеты, отыскиваемые в древнейших могилах Америки, заставляет отнести их к самому отдаленному времени; также анатомические особенности немногих из уцелевших древнейших черепов и сличение их с черепами американских племен позднейшей эпохи представляют существенное различие от черепов всех других племен; 7) древнейшие обитатели Америки не имели букв и действительно фонетической системы письма, точно так же как не знали домашних животных и многих древнейших искусств восточного полушария; 8) их арифметическая система была единственная в своем роде и их астрономические сведения были несомненно чисто местного происхождения. Их календарь существенно отличен от календарей всех древних и новых народов Старого Света.

n_28

29

Риттер: «Идеи о сравнительном землеведении» («Магазин землеведения и путешествий» т. II. Стр. 509.).

n_29

30

Относительно горизонтальной линии черепа вот что говорит К. М. Бэр в «Bericht uber die Zusammenkunft einiger Anthropologen», стр. 35: «До сих пор принимали, что плоскость между обоими слуховыми отверстиями и основанием носа горизонтальна. При таком положении рисовалась и большая часть черепов, и эту плоскость взял Кампер за исходную точку для своего лицевого угла; но эта плоскость вовсе не настоящая горизонтальная. Чтобы убедиться в этом, стоит только наблюдать самого себя в зеркале при спокойном вертикальном положении, и тогда окажется, что эта линия вовсе не горизонтальна. Если ее принять за таковую, то лицо окажется приподнятым. Если для наблюдения горизонтальной плоскости сделать следующий опыт: стать перед вертикально установленным зеркалом и держать голову совершенно спокойно, нисколько не напрягая ее и смотреть в зрачки своего изображения в зеркале, то окажется, что хотя искомая горизонтальная и варьирует несколько, но всегда она идет, если ее вести от слухового отверстия, выше основания носа, и колеблется между верхнею и нижнею третью его. Плоскость, идущая через слуховые отверстия и верхний край скуловой кости, гораздо ближе к искомой горизонтальной».

n_30

31

В скобки заключены те губернии, к основному великорусскому населению которых примешалось значительное количество других, как славянских, так и инородческих племен. Некоторые губернии, население которых слишком сильно смешано с невеликорусскими племенами, исключено здесь совсем.

n_31

32

Данные касательно преступности заимствованы из соч.: Garofalo, La Criminologie. Paris, 1890. A. Bournet, De la criminalite en France et en Italie paris. 1884. Касательно России: «Свод статистич. Сведен. По уголов. Дел., производив. В 1887 г.» СПБ., 1881 г.

n_32

33

В настоящем издании отсутствует. — Ред.

n_33

34

Отсутствуют в настоящем издании. — Ред.

n_34

FB2 document info

Document ID: ebc77939-7fe2-4ea9-b006-a5f9c6200983
Document version: 1
Document creation date: MMX
Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

- jurgennt

Document history:

v.1.0 — создание fb2-документа — © jurgennt, апрель 2010 г.

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.30.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.30.0 написанного Lord KiRon